РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1903.

ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1903.

Pierce Fund

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. ІЮЛЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Царство польское послѣ вѣнскаго конгресса. Сеймъ 1820 г. П. Майкова . . . 5— 20

II. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. П. Длусская. 21— 37

III. П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ: Мартыновъ и Максимовъ. (Окончаніе). В. И. Шенрока. 39— 45

IV. Графъ Аракчеевъ передъ поѣздкою за границу въ 1826 г. Сообщилъ Н. А. Бычковъ. . . . . 47— 49

V. Записки Э. И. Стогова. . 51— 66

VI. Три письма декабриста Н. Цебрикова кн. Евгенію Петровичу Оболенскому. Сообщ. княг. М. Г. Оболенская . . . . 67— 70

VII. Эпизодъ изъ жизни В. И. Даля. П. Столпянскаго. . . . . 71— 73

VIII. Воспоминанія стараго кадета. С. фонъ-Дерфельдена. . . . . 75— 84

IX. Четыре письма М. М. Сперанскаго. . . . . 85— 88

X. Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ. . . . 89—105

XI. Путешествіе императора Павла I по Россіи въ 1797—1798 гг. Сообщилъ А. В. Безродный. . 107—114

XII. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. 115—135

XIII. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 137—157

XIV. Значеніе Андрусовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточной Европы. П. Головачева. . . . . 159—166

XV. О народномъ просвѣщеніи и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи. (Двѣ записки А. Каменскаго) . . . 167—194

XVI. Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ. И. Кубасова. . 195—214

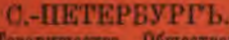
XVII. Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг. . . . . 215—232

XVIII. Изъ дневника П. Г. Дивова. . . . . 233—239

XIX. Записная книжка „Русской Старины“: Высочайшая благодарность Академіи художествъ за сооруженіе Казанскаго собора. 24-го сент. 1811 г. (стр. 38).— О непечатаніи статей, относящихся до крестьянъ. 2-го марта 1821 г. (46).— Порядокъ выговоровъ губернаторамъ. 10-го янв. 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (50).— Награда архимандр. Фотію. 31-го іюля 1822 г. (74).— О назначеніи бригадира де-Бресана президентомъ Мануфакт.-коллегіи. 9-го іюня 1762 г. (106).—По поводу просьбы Штиглица о возведеніи братьевъ его въ дворянское достоинство. 25-го мая 1816 г.— Празднованіе дня рожден. имп. Александра II. 21-го мая 1818 г. (136).— Увѣдомленіе объ открытіи воен. дѣйствій съ Наполеономъ. 16-го іюня ст. ст. 1812 г. (158).—Дополненіе къ ст.: «Декабристы на Кавказѣ». Г. А. Т. (240).

XX. Библіографич. листокъ. (на обверткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Эразма Ивановича Стогова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,

Большая Подьяческая, № 39.
1903.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ второй. Спб. 1903.

Второй томъ труда высокаго автора посвященъ преимущественно преобразованіямъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ первые три года прошлаго XIX вѣка.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говоритъ авторъ,—что императоръ Александръ I, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всѣ онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, и въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ».

Въ первые мѣсяцы по воцареніи, два вопроса особенно занимали молодаго государя: конституція и освобожденіе крестьянъ.

О крестьянахъ гр. Павелъ Александровичъ Строгановъ отзывался такъ: изъ всѣхъ сословій въ Россіи крестьяне заслуживаютъ наибольшее вниманіе. Большинство ихъ одарено и большимъ умомъ, и предпріимчивымъ духомъ, но, лишенные возможности пользоваться тѣмъ и другимъ, крестьяне осуждены коснѣть въ бездѣйствіи и тѣмъ лишаютъ общество трудовъ, на которые они способны. У нихъ нѣтъ ни правъ, ни собственности. Нельзя ожидать ничего особеннаго отъ людей, поставленныхъ въ такое положеніе; даже тѣ небольшіе проблески ума, которые они проявляютъ, уже удивляютъ насъ и заставляютъ предвидѣть, на что крестьяне наши будутъ способны, получивъ извѣстныя права. Но задача въ томъ, чтобы предоставить имъ эти права безъ всякаго потрясенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ лучше ничего не дѣлать. Тутъ предстоитъ щадить интересы помѣщиковъ; тутъ необходимъ цѣлый рядъ такихъ узаконеній, которыя, не нарушая правъ помѣщиковъ, вели бы къ такому улучшенію положенія крестьянъ, которое, въ концѣ концовъ, привело бы ихъ къ главной цѣли—къ освобожденію. При этомъ необходимо избѣгать такихъ выраженій, которыя могли бы волновать умы крестьянъ, что повело бы къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ.

«Графъ П. А. Строгановъ былъ правъ,—замѣчаетъ авторъ,—императоръ Александръ I удовольствовался тѣмъ и другимъ: о конституціи онъ пересталъ и думать, хотя продолжалъ говорить, а освобожденіе крестьянъ было сведено на устройство свободныхъ хлѣбопашцевъ».

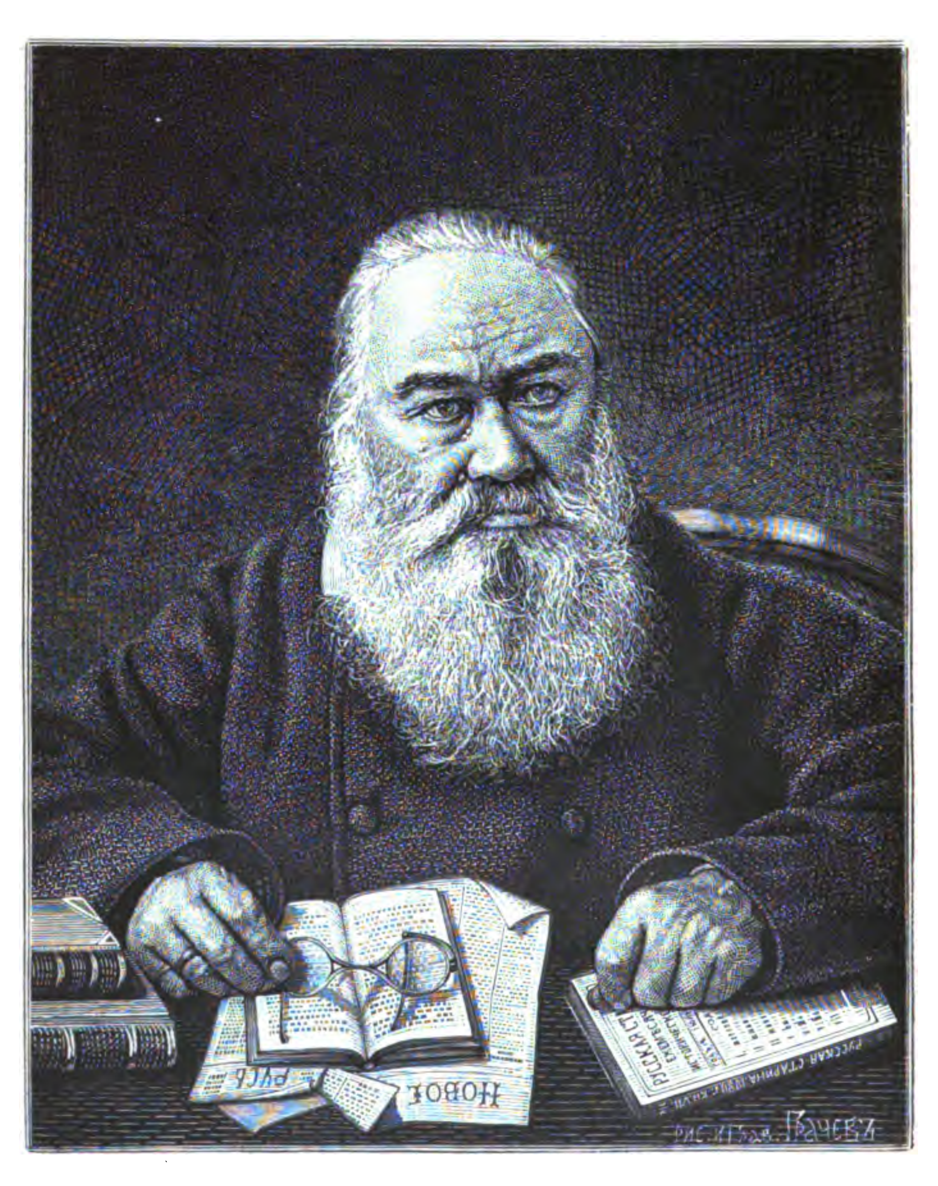
Главное содержаніе этого тома составляютъ «протоколы» негласнаго комитета, записанные графомъ Павломъ Александровичемъ. Этотъ замѣчательный въ русской исторіографіи памятникъ вводитъ читателя въ кабинетъ государя, гдѣ, въ сотрудничествѣ четырехъ довѣренныхъ лицъ, откровенно обсуждались государственные вопросы высшаго порядка. Задача негласнаго комитета была точно и ясно формулирована въ первомъ же засѣданіи, 24-го іюня 1801 г.: «прежде всего узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ; затѣмъ реформировать различныя части администраціи и, наконецъ, обезпечить государственныя учрежденія конституціею, основанною на истинномъ духѣ русскаго народа». Тѣ государственныя учрежденія, которыя должна была обезпечить русская конституція, или реформировались негласнымъ комитетомъ, какъ Правительствующій Сенатъ, или создавались имъ, какъ министерства, при чемъ шла рѣчь въ негласномъ комитетѣ и о Государственномъ Совѣтѣ, и о комитетѣ министровъ.

Реформа Сената заняла восемь засѣданій негласнаго комитета, учрежденіе министерствъ—девять, при чемъ обращено было особенное вниманіе на то, чтобы министры не обманывали государя, вводя его въ заблужденіе своими лживыми докладами.

О дѣятельности графа П. А. Строганова по вопросамъ, обсуждавшимся въ негласномъ комитетѣ, подробно сказано въ третьей главѣ перваго тома, и существенныя черты этой дѣятельности нами указаны при разборѣ перваго тома этого изслѣдованія («Русск. Ст.», апр., 8-й столб.). Здѣсь мы считаемъ необходимымъ привести взглядъ графа Строганова на учрежденіе комитета министровъ:

«Учрежденіе комитета министровъ послужитъ только къ созданію во всѣхъ отношеніяхъ зловредной власти. Министры должны, конечно, обладать большею властью, но также необходимо, чтобы они были дѣйствительно отвѣтственны за свои дѣянія, между тѣмъ какъ комитетъ этотъ избавитъ министровъ отъ всякой отвѣтственности, а большинство его членовъ образуетъ также сильную волю, которая ослабитъ волю государя, которая одна должна имѣть значеніе». Голосъ графа Строганова былъ услышанъ, и первое учрежденіе министерствъ, въ 1802 году, не установило комитета министровъ, какъ опредѣленнаго и самостоятельнаго учрежденія. Онъ создался позже.

Интересны слѣдующія сужденія графа П. А. Строганова. Говорятъ, не слѣдуетъ оскорблять общепринятыя убѣжденія, изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію. Принципъ—вѣренъ, примѣненіе его—фальшиво. Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ заинтересованы два элемента—народъ и дворянство; неудовольствіе и волненіе относятся, очевидно, не къ народу. Что же такое наше дворянство? Каковъ его составъ? Каковъ духъ его? Дворянство состоитъ у насъ изъ извѣстнаго числа людей, которые сдѣлались дворянами только при помощи службы, которые не получили никакого воспитанія, а всѣ мысли которыхъ направлены только къ преклоненію предъ властью императора. Ни право, ни справедливость—ничто не можетъ породить въ нихъ идеи даже о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это классъ общества самый невѣжественный, самый презрѣнный по духу своему, самый тупой.



ЭРАЗМЪ ИВАНОВИЧЪ

СТОГОВЪ.

Царство польское послѣ вѣнскаго конгресса.

Сеймъ 1820 года.

Разрѣшивъ 3-го (15-го) ноября 1819 г. созваніе сейма въ будущемъ 1820 году, императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ графу Соболевскому выразить слѣдующіе его весьма замѣчательные взгляды объ избраніи представителей на сеймѣ:

«Императоръ и правительство, писалъ Соболевскій Заіончеку, не намѣрены оказывать какое-либо вліяніе на выборы представителей. Эти выборы должны быть вполнѣ независимы, иначе учрежденіе, обязанное доставлять правительству самое вѣрное средство къ содѣйствію народному благу, обратилось бы въ жалкое посмѣшище (ville derision); отравился бы цѣлебный источникъ, долженствующій возстановить и укрѣпить могущество политическаго тѣла народа. Законодательное собраніе для доставленія пользы и нравственной силы правительству должно имѣть возможность спрашивать истинное мнѣніе обывателей и знать таковое. Необходимо, чтобы только одинъ просвѣщенный патріотизмъ оказывалъ вліяніе на собраніе, иначе правительство будетъ обманываться своими же хитростями и сдѣлается игралищемъ страстей и партій, имъ же самимъ вызванныхъ.

«Если правительство не можетъ себѣ дозволить оказывать вліяніе на избирательныя собранія, то было бы, съ другой стороны, очень прискорбно, если бы люди достойные, заслуживающіе всеобщее уваженіе по чистотѣ своихъ убѣжденій, по просвѣщеннымъ взглядамъ, по талантамъ, по значенію въ обществѣ, по патріотизму, уклонялись бы отъ выборовъ, единственно изъ призрачнаго опасенія, что служебныя ихъ отношенія или сношенія съ администраціею принудятъ ихъ пожертвовать независимостью ихъ мнѣній и сдѣлаться оффиціальными апологетами всѣхъ

мѣръ и распоряженій, принятыхъ или предложенныхъ правительствомъ. Надо всячески убѣждать подобныхъ лицъ принять участіе въ выборахъ. Если, съ одной стороны, для совѣщательнаго собранія (assemblée délibérante) до крайности опасно имѣть въ своей средѣ лицъ, которыя, забывая святость своего назначенія, являются въ собраніе, по разнымъ причинамъ, съ предвзятымъ заранѣе стремленіемъ порицать безусловно всѣ мѣры правительства, нападать съ ожесточеніемъ на всѣ дѣйствія администраціи и льстить непремѣнно толпѣ, унижая авторитетъ власти, то, съ другой стороны, ничто такъ сильно не извращаетъ сущность представительнаго учрежденія, не парализуетъ его благотворныя послѣдствія и не вводитъ въ заблужденіе само правительство, какъ законодательное собраніе, составленное изъ лицъ, которыя, желая казаться приверженцами и друзьями правительства, считали бы своею обязанностью рукоплескать всему предпринимаемому правительствомъ, проявлять полную готовность принимать все имъ предлагаемое, добиваться его благорасположенія неумѣстными льстивыми похвалами и считать волю и желаніе правительства единственнымъ своимъ руководителемъ при подачѣ своего голоса.

«Лицами, могущими имѣть дѣйствительно полезное вліяніе на законодательное собраніе, являются единственно тѣ, которыя, заслуживъ довѣріе своихъ согражданъ, вполнѣ свободно ими выбраны на сеймъ, пользуются всеобщимъ уваженіемъ избирателей, вполнѣ знакомы съ предметами и вопросами, подлежащими ихъ обсужденію, чужды при томъ всякихъ партій и искательствъ, единственно одушевлены безкорыстною любовью къ отечеству, вполнѣ способны оцѣнить дѣйствительные его интересы и стремятся добросовѣстно уяснить себѣ поводы и послѣдствія мѣропріятій, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, и при томъ, руководствуясь сознаніемъ своихъ обязанностей, не опасаются возбудить неудовольствіе правительства, высказывая съ полною откровенностью свои мнѣнія и взгляды о всемъ предлагаемомъ ихъ обсужденію, и не страшатся потерять свою популярность, ихъ поддерживая. Означенныя лица должны, кромѣ того, имѣть убѣжденіе въ томъ, что правительство, созывая ихъ въ законодательное собраніе, не можетъ имѣть иныхъ интересовъ или другихъ какихъ-либо цѣлей, какъ узнать истинныя желанія здравой части народа, дѣйствительныя потребности страны, съ цѣлію ихъ удовлетворить, насколько это дозволяютъ обстоятельства, и доставить народу, — обывателямъ страны, — наибольшую долю счастья, совмѣстнаго съ несовершенствомъ человѣческой природы. Поэтому правительство, не принимая за опасныхъ противниковъ, будетъ взирать, какъ на лучшихъ своихъ друзей, на всѣхъ тѣхъ, которые, призванные имъ къ подачѣ голоса по предметамъ общественнымъ, будутъ руководствоваться своею опытностью, познаніями и совѣстью. Подобныя лица,

высказывая свои мнѣнія съ искренностью, простотою, умѣренностью, чуждыя всякихъ личныхъ отношеній, будутъ заниматься однимъ дѣломъ, отдѣляя его отъ лицъ, будутъ умѣть противиться соблазну слишкомъ легкихъ и пагубныхъ успѣховъ, доставляемыхъ всепорицающимъ красноречіемъ и нерѣдко на счетъ общественнаго дѣла. Всѣ друзья общаго блага должны желать, чтобы подобными лицами, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали, были бы замѣщены свободныя мѣста въ палатѣ нунціевъ, и употребить къ достиженію этого всѣ законныя средства, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи. Далеко не считая конституцію края простою, тщетною формальностью, колесомъ безполезнымъ въ правительственномъ механизмѣ и замедляющимъ его движеніе, его величество имѣетъ твердую рѣшимость доставить странѣ всѣ выгоды, которыя обѣщаетъ подобное учрежденіе, когда оно соединяется съ соблюденіемъ порядка и общественнаго спокойствія».

На основаніи высочайшаго разрѣшенія были созваны сеймики по палатинатствамъ, прошедшіе на сей разъ далеко не такъ спокойно, какъ предшествовавшіе сейму 1818 года. Во многихъ мѣстахъ среди избирателей произошли свалки, и многіе избиратели дозволили себѣ постыдныя крайности [1]). Въ Серадзѣ спаивали избирателей; на собраніяхъ очень шумѣли, нарушали общественное спокойствіе, и для усмиренія потребовалось содѣйствіе жандармовъ. Въ Плоцкѣ безпорядки были еще значительнѣе; избиратели раздѣлились на двѣ партіи; каждая стояла за своего кандидата, и послѣ продолжительныхъ споровъ произошла большая драка, въ которой едва не погибъ полковникъ Пиперъ. Вызвано было войско, и собраніе было распущено.

Полученіе этихъ извѣстій вызвало изъ Петербурга распоряженіе, чтобы маршалы наблюдали за порядкомъ на сеймикахъ и составили надлежащее объ этомъ увѣщаніе къ избирателямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ 8-го (20-го) іюля 1820 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о созваніи сейма въ Варшавѣ на 1-е (13-е) сентября 1820 г., при чемъ говорилось, что «второй разъ представителямъ Польши предстоитъ пользоваться драгоцѣннымъ преимуществомъ конституціи и, пользуясь имъ, оправдать довѣріе, внушаемое привязанностью ихъ къ великимъ интересамъ родины. Послѣдній сеймъ доказалъ, что мы съумѣли васъ поднять на высоту вашего призванія. Слѣдуйте примѣру осторожной мудрости, завѣщанной вамъ этимъ собраніемъ.

«Подобно ему, будьте одушевлены только любовью къ общественному благу и руководитесь исключительно духомъ согласія и единенія, и вы заслужите, какъ и первое собраніе, признательность вашихъ согражданъ».

---

[1]) Донесеніе Заіончека 1-го (13-го) марта 1820 г.

25-го августа (6-го сентября) 1820 г. императоръ Александръ I прибылъ въ Варшаву и 1-го (13-го) сентября открылъ сеймъ слѣдующею рѣчью:

«Представители царства Польскаго!

«Съ чувствомъ истиннаго удовольствія вижу себя вторично посреди васъ [1]) и съ удовольствіемъ повторяю, что, соединяя васъ здѣсь и призывая содѣйствовать соблюденію и развитію вашихъ народныхъ учрежденій, повинуясь движенію моего сердца, привожу въ исполненіе одно изъ драгоцѣннѣйшихъ моихъ желаній.

«Учрежденія сіи, плодъ довѣренности моей къ вамъ, утвердятся довѣренностью вашею ко мнѣ.

«Цѣлію моею, даруя ихъ вамъ,—было соединеніе вышней власти съ властями посредствующими, съ правами и законными выгодами общества.

«Связь сію нахожу я необходимою, но, чтобы ей быть твердою, она требуетъ помощи, безъ коей все на землѣ слабѣетъ и падетъ.

«Да не забудемъ, что учрежденія—дѣла рукъ человѣческихъ. Какъ и самые люди, эти учрежденія нуждаются въ подпорѣ противъ слабости, въ совѣсти противъ заблужденія и одинаково съ ними находятъ сію подпору, сію совѣсть въ единственно христіанской нравственности и въ ея божественныхъ заповѣдяхъ.

«Вы пребыли поляками, вы носите сіе имя почетное; но я уже вамъ передъ симъ сказалъ: только одно примѣненіе правилъ, преподанныхъ симъ благотворнымъ поученіемъ, могло вамъ возвратить столь знаменитое преимущество. Послѣдуйте же и вы спасительнымъ наставленіямъ этого ученія; почерпайте въ этомъ источникѣ добросовѣстность, которую оно вамъ предписываетъ какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ; почерпайте любовь къ истинѣ, которая къ ней одной стремится, ей одной внемлетъ, и ея языкомъ глаголетъ, и вы поможете мнѣ дѣйствительно утвердить возрожденіе отечества вашего.

«Я произнесъ передъ вами слово истины, ибо требую отъ васъ одной истины. Я желаю слышать ее изъ устъ вашихъ; изъявите ее искренно, но съ спокойствіемъ и добросердечіемъ.

«Истина явится вамъ во всемъ своемъ блескѣ, если вы будете искать ее въ самыхъ дѣлахъ, а не въ суетныхъ умствованіяхъ, если

---

[1]) Проекты рѣчей, произнесенныхъ императоромъ Александромъ I на сеймахъ въ Варшавѣ, составлялись на французскомъ языкѣ и по одобреніи государемъ переводились на языки русскій и польскій и печатались. Хотя въ дѣлѣ о сеймѣ имѣется русскій переводъ рѣчей императора, но неудовлетворительность онаго и чуждые русскому языку обороты рѣчи побудили насъ сдѣлать новый имъ переводъ.

будете судить о положеніи своемъ по указаніямъ событій, а не по теоріямъ, къ которымъ въ наши дни прибѣгаютъ честолюбцы упадшіе, или честолюбцы возникающіе.

«Наконецъ, будутъ отличаться истиною ваши мнѣнія, если, внимая единственно важнымъ интересамъ, вамъ ввѣреннымъ, и отстраняя отъ совѣтовъ вашихъ вражду, отдѣльныя соображенія, личные виды, вы достигнете высоты священнаго званія, на васъ возложеннаго. Тогда только исполните вы обязанность вашу.

«Теперь я приступаю къ исполненію своей.

«Министры мои представятъ вамъ обозрѣніе всѣхъ мѣръ законодательныхъ и административныхъ, принятыхъ и осуществленныхъ въ послѣдніе два года. Вы безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ убѣдитесь въ пользѣ, отъ нихъ послѣдовавшей, сравнивая ее со всѣми бѣдствіями, слѣды которыхъ, еще глубоко впечатлѣнные, должно было изгладить. Желаніе достигнуть этой цѣли, быть можетъ, не всегда направлялось по пути, предписанному устройствомъ, которое мнѣ было пріятно даровать вамъ: быть можетъ также, потребности настоятельныя, одновременнымъ своимъ появленіемъ, увеличили издержки, вызываемыя ихъ удовлетвореніемъ.

«Намѣренія мои однако же не измѣняются и твердою волею моею, на будущее время, является строжайшее соблюденіе правилъ, единожды установленныхъ, и самая величайшая заботливость о средствахъ лицъ, обложенныхъ податями.

«Представленія, вами мнѣ поданныя, были приняты во внимательное уваженіе. Вы узнаете, какимъ образомъ они уже удовлетворены или будутъ еще удовлетворены, а также почему исполненіе нѣкоторыхъ изъ оныхъ слѣдовало отсрочить, а удовлетвореніе другихъ и совершенно отстранить. Въ числѣ тѣхъ, кои правительство поспѣшило уважить, находятся проекты законовъ, кои будутъ вамъ предложены.

«Вы желали имѣть гражданское судопроизводство на началахъ, болѣе обезпечивающихъ правосудіе; вы желали имѣть судопроизводство уголовное, согласованное съ уложеніемъ уголовнымъ, вами на послѣднемъ сеймѣ принятымъ. Вамъ будутъ предложены проекты новыхъ законовъ по тому и другому предмету. Искренно отдаю ихъ на разсмотрѣніе ваше. Знаю, что подобнаго рода законы, для достиженія возможнаго и отъ насъ зависящаго совершенства, требуютъ обширныхъ обсужденій; я хочу, чтобы они отмѣчены были печатью полной зрѣлости.

«Представители правительства извѣстятъ васъ о намѣреніяхъ моихъ въ семъ отношеніи, и вы усмотрите, что они предоставляютъ мнѣніямъ вашимъ полную свободу, а разсужденіямъ—полный и необходимый просторъ.

«Законъ о финансахъ требуетъ еще времени и размышленія. Недо-

зрѣлыя перемѣны, въ особенности въ устройствѣ податей, опасны. Финансы процвѣтаютъ единственно при незыблемости ихъ учрежденій. Система вашихъ финансовъ должна подвергнуться преобразованію, но только одинъ разъ. Это преобразованіе послѣдуетъ, какъ скоро будетъ достаточно подготовлено.

«Представители царства Польскаго! Явите отечеству вашему, что, сильные вашею опытностью, вашими правилами и чувствами, вы умѣете соблюдать подъ сѣнью законовъ спокойную независимость и чистую свободу; явите вашимъ современникамъ, что сія свобода является другомъ порядка и его благихъ послѣдствій и что вы пожинаете плоды ея потому, что съумѣли и всегда будете умѣть противостоять наущеніямъ недоброжелательства и опасностямъ примѣра.

«Въ однихъ мѣстахъ пользованіе учрежденіями и злоупотребленіе ими были поставлены на одинъ уровень; въ другихъ мѣстахъ, возбуждая мнимую потребность къ раболѣпному подражанію, духъ зла пытается пріобрѣсти снова свое пагубное владычество; онъ паритъ уже надъ частью Европы и увеличиваетъ число злодѣяній и пагубныхъ происшествій.

«Посреди сихъ бѣдствій система правительства моего останется неизмѣнною. Я почерпнулъ ея начала во внутреннемъ убѣжденіи своихъ обязанностей.

«Эти обязанности всегда будутъ исполнены мною съ прямодушіемъ. Но однако этого прямодушія было бы не достаточно, если бы я не позналъ великихъ истинъ, коимъ научаетъ насъ опытность.

«Безъ сомнѣнія, вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, чтобы основаніемъ и обезпеченіемъ общественнаго порядка были бы охранительные законы. Но сей вѣкъ налагаетъ также на правительство обязанность ограждать эти самые законы отъ пагубнаго вліянія страстей, всегда безпокойныхъ, всегда ослѣпленныхъ.

«Въ семъ отношеніи важная отвѣтственность лежитъ на васъ и на мнѣ. Она повелѣваетъ вамъ слѣдовать неизмѣнно по пути, вамъ указываемому вашимъ благоразуміемъ и вашею правотою. Мнѣ же она указываетъ обязанность предостерегать васъ съ откровенностью отъ опасностей, могущихъ вамъ угрожать, и охранять отъ нихъ учрежденія ваши; она мнѣ предписываетъ судить о мѣрахъ, подлежащихъ моему разрѣшенію не иначе, какъ по дѣйствительнымъ ихъ послѣдствіямъ, а не по тѣмъ словамъ, коими духъ сообщничества ихъ величаетъ или безславитъ; она, наконецъ, обязываетъ меня, для предупрежденія самаго возрожденія зла и необходимости прибѣгать къ средствамъ насильственнымъ, истреблять сѣмена разстройства, при самомъ ихъ появленіи.

«Такова моя непреложная рѣшимость; я никогда не уклонюсь отъ своихъ правилъ и никогда не соглашусь на уступки, съ ними несогласныя.

«Поляки! По мѣрѣ того, какъ узы братства, васъ навсегда привязывающія къ Россіи, скрѣпляются тѣснѣе; по мѣрѣ того, какъ вы проникаетесь всѣми обязанностями, кои они вамъ напоминаютъ, по мѣрѣ того распространяется и сглаживается поприще, вамъ мною открытое.

«Еще нѣсколько шаговъ, направленныхъ благоразуміемъ и умѣренностью, отмѣченныхъ довѣріемъ и правотою, и вы достигнете цѣли вашихъ надеждъ и моихъ. Тогда я вдвойнѣ возрадуюсь, увидя, что мирное пользованіе дарованною вамъ свободою утвердило ваше народное бытіе и запечатлѣло неразрывный союзъ благоденствія между обоими отечествами нашими».

Президентъ сената, графъ Станиславъ Потоцкій, по обыкновенію, произнесъ отвѣтную рѣчь, въ которой упомянулъ, что императоръ, совмѣщая въ лицѣ своемъ два наиболѣе почетныхъ титула: умиротворителя Европы и законодателя странъ, повелѣвающаго не силою, но сердцемъ, — стремится къ тому, чтобы заставить процвѣтать свободу народовъ, наравнѣ съ могуществомъ правительствъ, — единственнымъ обезпеченіемъ благосостоянія государствъ. Кромѣ того, самая искренняя и безкорыстная любовь къ человѣчеству побудила императора явить міру образецъ либеральной конституціи, «получить которую мы, побѣжденные, не могли мечтать».

«Ваше величество требуете отъ насъ, — говорилъ Потоцкій, обращаясь къ императору,—довѣрія взамѣнъ вами намъ оказаннаго. Неужели мы не въ состояніи убѣдить васъ, что питаемъ въ сердцахъ нашихъ такое же довѣріе къ вашему величеству, какое вы, государь, имѣете ко всѣмъ своимъ подданнымъ; что наше довѣріе къ особѣ вашего величества безгранично, и мы молимъ Бога, чтобы Онъ продлилъ счастливые дни нашего короля, возстановителя нашего отечества. На васъ, государь, покоится не только все наше довѣріе, но и всѣ наши надежды въ будущемъ. Наше довѣріе и наша признательность къ особѣ вашей начертаны неизгладимыми знаками въ сердцахъ нашихъ».

Изложивъ въ краткихъ словахъ жалкое положеніе Польши въ прежніе годы, вполнѣ удовлетворительное ея положеніе въ настоящее время и упомянувъ о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ къ развитію благосостоянія этого королевства, Потоцкій выразилъ, что прежде участь Польши внушала сожалѣніе народамъ болѣе счастливымъ; въ настоящее время нѣтъ страны, съ которою мы сами пожелали бы помѣняться условіями нашей жизни. Эту перемѣну Потоцкій приписывалъ благотворнымъ послѣдствіямъ мудрой конституціи. Его величеству угодно было самому одобрить образъ дѣйствія предшествовавшаго сейма; это былъ первый шагъ на новомъ поприщѣ возрожденной Польши. Все даетъ основаніе надѣяться, что это собраніе (т. е. сеймъ), укрѣпленное опытомъ, будетъ дѣйствовать болѣе рѣшительно и при томъ въ предѣлахъ

важности своего назначенія. Потоцкій высказывалъ увѣренность въ томъ, что члены сейма въ своихъ разсужденіяхъ не будутъ отклоняться отъ умѣренности, которая, хотя, повидимому, изгнана изъ нѣкоторыхъ народныхъ собраній Европы, однако, должна служить незыблемымъ для нихъ правиломъ. Она не исключаетъ свободу мнѣнія; напротивъ того, она придаетъ имъ новую энергію. «Я ручаюсь,—говорилъ Потоцкій,—что вы всѣ (т. е. члены сената и депутаты) явите этотъ благотворный примѣръ Европѣ, взоры которой обращены на васъ, въ особенности когда подумаю, что этого единственно требуетъ отъ поляковъ признательность къ тому, которому они обязаны возстановленіемъ славнаго имени ихъ предковъ».

Послѣ этого говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи графъ Мостовскій. Главное содержаніе его рѣчи состояло въ краткомъ изложеніи правительственныхъ распоряженій по различнымъ частямъ управленія.

Обративъ вниманіе членовъ сейма на самыя главныя правительственныя мѣропріятія минувшихъ двухъ лѣтъ и достигнутые ими результаты, графъ Мостовскій закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Правительство убѣждено въ чистотѣ своихъ намѣреній, руководящихъ постоянно дѣятельность его органовъ. Оно не считаетъ себя чуждымъ ошибокъ, извиняемыхъ нерѣдко обстоятельствами. Оно желало бы имѣть отъ представителей народа указанія прямыя и откровенныя. Народное собраніе не откажетъ, конечно, ему въ своемъ содѣйствіи своими познаніями и проявитъ тотъ духъ согласія и примиренія, который повсемѣстно долженъ быть результатомъ представительнаго правленія и предписывается одинаково и христіанскимъ ученіемъ, и кротостью народнаго характера. Попытки къ улучшенію общественнаго положенія, совершаемыя законными путями и безъ колебанія общественнаго порядка, должны содѣйствовать счастію людей. Если въ наукѣ правительственной проявился прогрессъ, то этимъ мы, конечно, обязаны не смутнымъ днямъ. Настанетъ время, когда эти попытки будутъ продолжаться смирно, съ взаимнымъ согласіемъ народовъ и государей, ибо обѣ стороны заинтересованы найти тотъ средній путь, который во всѣхъ дѣлахъ является единственно возможнымъ совершенствованіемъ. Тогда и свободу, являющуюся не результатомъ возстанія и бѣдствія, но послѣдствіемъ благосостоянія и просвѣщенія, нельзя будетъ обвинять въ страшныхъ переворотахъ, грубыхъ нравахъ, жестокихъ катастрофахъ, столько разъ омрачавшихъ ея благодѣянія и побѣды».

«Строгая справедливость, совѣстливое соблюденіе конституціи и нерушимая привязанность священнымъ началамъ, заключающимся въ хартіи, могутъ только одни создать дѣйствительное общественное мнѣніе (esprit public). Чтобы его укрѣпить и доставить ему должное значеніе и

развитіе, необходимо убѣжденіе, что правительство не можетъ желать или предпринять ничего инаго, какъ только то, что имѣетъ въ виду достиженіе общественнаго блага въ настоящемъ или будущемъ. Равнодушіе управляемыхъ къ ходу общественныхъ дѣлъ никогда не желательно; конституціонное правленіе утрачиваетъ чрезъ это одну изъ главнѣйшихъ своихъ пружинъ, т. е. самый вѣрный органъ общественнаго мнѣнія и желаній. Но не должно забывать и того, что благосостояніе народа не будетъ достигнуто, если въ его угоду не будутъ дѣлать ничего инаго, какъ только порицать дѣйствія и труды правительства, не выжидая времени, необходимаго къ тому, чтобы плоды его трудовъ созрѣли».

По установленному росписанію занятій на сеймѣ палаты приступили прежде всего къ разсмотрѣнію внесенныхъ изъ государственнаго совѣта проектовъ гражданскаго и уголовнаго уложеній и судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Означенные проекты вызвали продолжительныя и рѣзкія пренія; особенно сильно нападали на проекты Выбицкій и Кохановскій. Проекты эти не были приняты сеймомъ, признавшимъ необходимымъ для обсужденій ихъ составить особую коммиссію и къ этому привлечь все общество. Сеймъ полагалъ просить всѣхъ гражданъ сообщить коммиссіи, на которую было возложено предварительное разсмотрѣніе этихъ проектовъ, свои предположенія объ измѣненіи существующихъ законовъ и о необходимости составить новые. Императоръ согласился продолжить обсужденіе означенныхъ проектовъ и послѣ закрытія сейма, до выясненія всѣхъ обстоятельствъ и сомнѣній. Не мало возраженій встрѣтилъ со стороны сейма представленный ему министромъ внутреннихъ дѣлъ отчетъ по управленію краемъ.

Возраженія на отчетъ со стороны сената и палаты нунціевъ во многомъ совпадаютъ, а потому мы позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя.

Прежде всего сеймъ замѣчалъ, что въ отчетѣ преимущественно говорится о дѣйствіяхъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ короля; все прикрывается этимъ священнымъ лицомъ. Такой порядокъ несогласенъ съ сущностью конституціонной монархіи и угрожаетъ свободѣ обсужденія на сеймѣ. Министры должны отвѣчать за все, являясь совѣтниками короля и авторами разныхъ мѣропріятій; они должны скрѣплять всѣ распоряженія и приказы, исходящіе за подписью короля, особа котораго священна. Признается, что король не можетъ желать чего-либо худаго странѣ; онъ не можетъ и помышлять объ этомъ; онъ можетъ желать только общественнаго блага. Если же онъ совершаетъ зло, то потому только, что былъ обманутъ, недостаточно освѣдомленъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и т. д. Поэтому сеймъ призналъ, что всѣ распоряженія и приказанія, указываемыя въ отчетѣ, являются дѣломъ не короля, а его министровъ, которые и должны подлежать за нихъ отвѣту. Сенатъ

отъ себя добавлялъ, что чрезвычайно трудно управлять людьми; что король, передавая власть свою другимъ лицамъ, подчиненнымъ общимъ человѣческимъ страстямъ, не можетъ ихъ поднять на высоту, соотвѣтствующую престолу, и что этотъ недостатокъ во многомъ отстраняется установленнымъ порядкомъ, который дастъ возможность королю узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ, состояніе страны, мѣстныя и общія ея условія и нужды и т. д.

Исполняя свою обязанность съ полнымъ довѣріемъ къ королю, сеймъ замѣчалъ по управленію коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что было слишкомъ быстро приступлено къ упраздненію монастырей и съ недостаточною осмотрительностью. Сбереженія, отъ сего проистекающія, должны быть обращены на предметы духовнаго управленія; управленіе же фондами духовнаго вѣдомства неудовлетворительно, хотя доходъ съ нихъ до того значителенъ, что дѣлаетъ излишнимъ отпускъ изъ казначейства особой суммы на содержаніе духовенства. Необходимо лучше обезпечить духовенство, въ особенности священниковъ, которыхъ въ странѣ недостаточно. Начала, принятыя при замѣнѣ десятины денежнымъ сборомъ, невѣрны.

Выражая признательность за учрежденіе въ Варшавѣ университета, сеймъ высказывалъ необходимость увеличить число элементарныхъ школъ и предлагалъ поручить университету наблюденіе за порядкомъ обученія въ школахъ и лицеяхъ. Сенатъ же, кромѣ того, полагалъ нужнымъ учредить надзоръ за университетомъ и школами и установить соотвѣтствіе между различными учебными заведеніями царства. Предполагалось также устроить институтъ гувернантокъ, дать пособіе училищу глухонѣмыхъ и т. д. Вообще на сеймѣ было возбуждено много частныхъ вопросовъ, относившихся до экономическаго положенія государства и вызвавшихъ продолжительныя пренія.

Всѣ замѣчанія сейма были своевременно доведены до высочайшаго свѣдѣнія, и Александръ I, находясь уже на конгрессѣ въ Троппау, писалъ 13-го (25-го) декабря 1820 г., что сеймъ ошибается въ своемъ назначеніи и призваніи, ссылался на сдѣланныя имъ въ этомъ отношеніи указанія послѣ перваго сейма и добавлялъ, что предпишетъ совѣту представить соображенія, какими средствами отвратить замѣченныя палатами неправильности и неудобства въ управленіи, и дать подробныя объясненія по всѣмъ предъявленнымъ замѣчаніямъ. Все это и было исполнено уже въ 1822 году.

Нельзя не замѣтить, что извѣстія о засѣданіяхъ сейма и происходившихъ на немъ преніяхъ проникали въ публику чрезъ издававшіеся въ то время въ Варшавѣ отчеты о сеймѣ, какъ это можно заключить, между прочимъ, изъ письма Заіончека къ Соболевскому, по поводу недоразумѣнія, возникшаго изъ-за печатанія подобныхъ отчетовъ въ ти-

пографіи Глюксберга, по распоряженію сената, но безъ предварительной цензуры ихъ.

Императоръ Александръ I остался недоволенъ рѣчами, произнесенными въ засѣданіи сената Выбицкимъ и Кохановскимъ, и положительно запретилъ печатать эти рѣчи.

Между тѣмъ до свѣдѣнія Заіончека дошло, что журналы сената, съ означенными рѣчами, печатаются въ упомянутой типографіи Глюксберга, при чемъ на рукописи имѣлась отмѣтка секретаря сената о дозволеніи ихъ печатать. Заіончекъ немедленно остановилъ печатаніе до разъясненія дѣла.

По окончаніи всѣхъ дѣлъ, сеймъ былъ закрытъ установленнымъ порядкомъ, при чемъ императоръ Александръ I произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Представители царства Польскаго!

«Открывая совѣщанія ваши, я выразилъ вамъ свою мысль о средствахъ къ развитію и утвержденію вашихъ народныхъ установленій.

«Достигнувъ въ сегодняшній день срока окончанія вашихъ занятій, долженствующихъ постепенно приводить васъ къ сей важной цѣли, вы можете легко усмотрѣть, насколько вы къ ней приблизились. Вопросите объ этомъ вашу совѣсть, и вы узнаете, оказали ли вы въ продолженіе вашихъ совѣщаній всѣ тѣ заслуги Польшѣ, которыя она ожидала отъ вашего благоразумія; или же, напротивъ того, увлеченные обольщеніями, слишкомъ въ наши дни обычными, и принося въ жертву надежды, которыя могли бы быть осуществлены предусмотрительною довѣренностью, не задержали ли вы дальнѣйшій ходъ возстановленія отечества вашего.

«Эта важная отвѣтственность будетъ тяготѣть на васъ. Она является необходимымъ послѣдствіемъ независимости подачи вашихъ (мнѣній) голосовъ. Эта подача свободна, но честное намѣреніе должно всегда ею руководить. Мое намѣреніе вамъ извѣстно. Вы восприіяли добро за зло, и Польша снова вступила въ среду государствъ. Я пребуду твердымъ въ моихъ намѣреніяхъ по отношенію къ Польшѣ, не смотря на сложившееся мнѣніе о томъ, какимъ образомъ пользовались вы данными вамъ преимуществами.

«Впрочемъ, непріятныя впечатлѣнія еще могутъ ослабнуть, и члены сего собранія, одушевленные искреннею любовью добра, довершатъ свое почетное назначеніе, внеся въ свои очаги слова мира и согласія, и водворяя тотъ духъ спокойствія и безопасности, безъ коего самые благотворнѣйшіе законы останутся всегда безплодными.

«Вы приняли тѣ законы, кои вызывались настоятельнѣйшимъ образомъ потребностями вашей страны.

«Необходимая отсрочка платежей по займамъ пріуготовитъ посте-

пенное возстановленіе обыкновенныхъ отношеній между заимодавцами и должниками.

«Установляемый отнынѣ порядокъ отчужденія имущества частныхъ лицъ на предметы общественной потребности подтверждаетъ то уваженіе къ собственности, которое является наилучшимъ поощреніемъ всѣхъ полезныхъ предпріятій.

«Воздерживаюсь въ настоящее время судить о причинахъ, по которымъ вы не приняли проектовъ, имѣвшихъ назначеніемъ своимъ дополнить общую систему вашего законодательства. Предоставляю согражданамъ вашимъ рѣшить, руководились ли вы, при подобной подачѣ голосовъ, единственно желаніемъ доставить законамъ, долженствующимъ руководить вами, тѣ усовершенствованія, которыя могутъ быть достигнуты болѣе зрѣлымъ и болѣе подробнымъ ихъ разсмотрѣніемъ или какими-либо иными соображеніями.

«Представители царства Польскаго! Я разстаюсь съ вами, но, и вдали отъ васъ, буду заботиться о благосостояніи вашемъ съ одинаковымъ постоянствомъ, съ одинаковою попечительностью; единымъ предметомъ желаній моихъ будетъ, чтобы учрежденіе, мною вамъ данное, было закрѣплено умѣренностью вашей и оправдано примѣромъ вашего счастья».

Эта рѣчь, по словамъ Соболевскаго, произвела глубокое впечатлѣніе, и «всѣ благоразумные люди стонутъ о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ необдуманности и тщеславія».

Позднѣе Заіончекъ писалъ изъ Варшавы 22-го декабря 1820 г.: «что изъ 8 палатинатствъ уже семь прислали мнѣ адресы къ его величеству съ выраженіемъ сожалѣнія, что поведеніе ихъ нунціевъ на сеймѣ вызвало неудовольствіе его величества. Только Калишъ хранитъ молчаніе. Жители возмущены этимъ и составили особый адресъ съ выраженіемъ всеподданнѣйшихъ чувствъ его величеству».

Предъ отъѣздомъ изъ Варшавы, государь приказалъ Соболевскому въ письмѣ къ намѣстнику отъ 5-го (17-го) октября 1820 г. выразить свои предположенія о способахъ «лучше и дѣйствительнѣе содѣйствовать важному и трудному дѣлу возстановленія нашего отечества (пишетъ Соболевскій Заіончеку), т. е. Польши, а также о средствахъ избѣгнуть той пропасти, въ которую можетъ вовлечь насъ опрометчивое забвеніе нашего положенія. Всякій полякъ, со вниманіемъ прочитавшій рѣчи, произнесенныя его величествомъ какъ на первомъ, такъ и на второмъ сеймѣ, получаетъ въ нихъ обширный матеріалъ для размышленія».

«Оттѣнки, отличающіе эти рѣчи, достаточно уясняютъ намъ намѣренія его величества и предувѣдомляютъ насъ, насколько мы, образомъ своихъ дѣйствій, можемъ къ нимъ приблизиться или отъ нихъ отдалиться, содѣйствовать или затруднять ихъ осуществленіе. Въ особенности послѣдняя рѣчь его величества, при закрытіи послѣдняго сейма,

должна занять наши мысли. Было бы ошибочно усмотрѣть въ ней выраженіе гнѣва раздраженнаго властелина — чувство, чуждое его величеству, но невозможно не увидѣть въ ней выраженія сожалѣнія нѣжнаго отца, сердце котораго скорбитъ при видѣ любимыхъ дѣтей, рискующихъ потерять плоды заботъ, имъ на нихъ потраченныхъ, при чемъ, однако, онъ не теряетъ еще надежды обратить ихъ на истинный путь. Достаточно припомнить себѣ ходъ событій, предшествовавшихъ нашему дѣйствительному возрожденію въ настоящее время, многочисленныя доказательства монаршаго милосердія въ минуты, въ которыя поляки всего менѣе имѣли право на нихъ надѣяться. Его величество былъ принужденъ бороться одинъ противъ всѣхъ; его желанія не ограничивались только въ отношеніи страны, составляющей теперь царство; они всегда распространялись на болѣе значительное число прежнихъ нашихъ соотечественниковъ, находившихся уже подъ его властію. Актами, относящимися до возстановленія Польши, его величество положительно предоставилъ себѣ (не безъ того, чтобы не преодолѣть наивеличайшія препятствія) право дать новому государству внутреннее развитіе, какое онъ признаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ. Но этимъ правомъ, признаніе котораго причинило столько трудовъ его величеству и осуществленіе котораго въ отношеніи страны завоеванной представляло бы явленіе безпримѣрное въ исторіи, его величество могъ воспользоваться только на столько, на сколько опытъ порядка управленія, учрежденнаго среди насъ, вполнѣ оправдался благотворными послѣдствіями, имъ порожденными. Его величество желалъ этого, обсуждалъ новые, болѣе окончательные порядки, когда замѣтилъ съ сожалѣніемъ, о которомъ легко судить, насколько нѣкоторыя событія, возникшія въ нашей странѣ ранѣе послѣдняго сейма и въ продолженіе онаго, отдалили насъ отъ цѣли, къ достиженію которой его величество направлялъ насъ постепенно. Опасный духъ подражанія овладѣлъ нѣкоторыми умами; злобныя, преувеличенныя разглагольствованія, рѣзкія нападки на представителей власти, стремленіе чернить администрацію, унижать правительство путемъ неопредѣленныхъ обвиненій нѣкоторыхъ его органовъ и выставлять всѣ его дѣйствія въ неблагопріятномъ свѣтѣ—все это распространялось извѣстною партіею и содѣлалось обычнымъ, повседневнымъ явленіемъ. Не смотря на предостереженія, данныя его величествомъ объ опасностяхъ, которыми они сопровождаются, эти явленія продолжаются попрежнему, и его величество принужденъ остановиться въ своемъ поступательномъ движеніи въ распространеніи благодѣяній нашей народности на еще болѣе значительное число нашихъ соотечественниковъ.

«Его величество далекъ отъ того, чтобы людей благоразумныхъ, одушевленныхъ искреннею любовью къ добру, смѣшивать съ небольшимъ

числомъ лицъ, которыя, забывая всѣ обстоятельства, долженствующія быть постоянно предъ ихъ глазами, не побоялись самымъ дорогимъ интересамъ поляковъ противопоставить эфемерные и слишкомъ легкіе успѣхи преувеличенія. Лица, которыя могутъ себя въ этомъ упрекнуть, явятся отвѣтственными предъ поляками за все зло, содѣянное ими ихъ образомъ дѣйствій нашему отечеству, отдаляя отъ него успѣхи возстановленія его. Люди благонамѣренные не съумѣли своею массою и своимъ единеніемъ противопоставить непреодолимый оплотъ потоку опасныхъ мечтаній, которыя, хотя и заключенныя въ узкое русло, увлекли, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа которыхъ многія, быть можетъ, и не проявляли бы такого образа дѣйствій, столь несогласнаго съ ихъ воззрѣніями. Какъ бы то ни было, его величество пытался воспользоваться познаніями, опытностью и патріотизмомъ многихъ лицъ обѣихъ палатъ для усовершенствованія проектовъ законовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію, для обсужденія мѣръ къ оживленію кредита и доставленія необходимыхъ пособій землевладѣльцамъ-собственникамъ. По временамъ, правда, появлялись злоупотребленія, замѣчались отклоненія отъ предписанныхъ правилъ, но его величество, въ своей рѣчи, выразилъ твердую волю отстранить все это въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ возлагаетъ на благонамѣренныхъ членовъ сейма весьма существенно полезную и почетную задачу, поручивъ имъ распространять въ странѣ слова мира и согласія, а также вселять духъ спокойствія и безопасности. Вліяніе этихъ членовъ, если оно будетъ благоразумно направлено, успѣетъ разстроить неблаговидные происки враждебности, разоблачить подстрекательства страстей, соединить, наконецъ, всѣ желанія во-едино, направивъ ихъ къ любви, къ миру и доброму порядку. Такимъ образомъ, не только ослабнутъ пагубныя вліянія, порожденныя поведеніемъ немногихъ лицъ и нѣкоторыя случайности, возникшія въ продолженіе сейма, но будутъ подготовлены къ будущему сейму средства, чтобы исправить ошибки необдуманности и наверстать потерянное время къ скорѣйшему нашему народному возрожденію. Всѣ правительственныя власти и должностныя лица обязаны содѣйствовать своими примѣрами достиженію этого спасительнаго порядка».

Важность содержанія этого письма заставила Заіончека возбудить вопросъ о томъ, какимъ путемъ изложенныя въ немъ мысли его величества должны быть доведены до свѣдѣнія членовъ сейма. Вслѣдствіе этого, Заіончеку было сообщено Соболевскимъ, что вышеозначенное письмо всего лучше присоединить къ особенному циркуляру отъ министра внутреннихъ дѣлъ царства, выразивъ въ немъ, что отнюдь не должно дозволять снимать копію съ этого письма, а только давать его для прочтенія извѣстнымъ лицамъ, съ предосторожностями, наиболѣе соотвѣтствующими желаемой цѣли. Кромѣ того, президенты палатинат-

скихъ коммиссій отнюдь не должны дозволять читать отрывки изъ письма, но оно должно быть прочитано вполнѣ.

При этомъ Соболевскій отъ имени его величества добавлялъ, что нѣкоторые члены «на послѣднемъ сеймѣ, своимъ образомъ дѣйствій, уничтожили надежды, которыя намъ позволено было имѣть для дальнѣйшаго нашего возстановленія.

«Его величество далекъ отъ мысли преслѣдовать этихъ лицъ или предавать ихъ мщенію публики или притѣсненію должностныхъ лицъ; но о нихъ указывается съ цѣлію доставить властямъ свѣдѣнія, необходимыя къ предупрежденію мирныхъ обывателей страны отъ заблужденій, къ направленію умовъ этихъ лицъ къ болѣе спокойному и зрѣлому обсужденію обстоятельствъ, въ которыхъ мы теперь находимся, и тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя въ будущемъ навлечетъ на Польшу безъ разбора каждый, дозволившій себѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, какой-либо необдуманный поступокъ. Необходимо прибѣгать къ убѣжденію лицъ, которыхъ, прямо или косвенно, должно обратить на истинный путь. Его величеству весьма желательно имѣть свѣдѣнія о томъ вліяніи, какое вышеприведенное сообщеніе произведетъ на умы въ царствѣ».

Изъ дальнѣйшаго письма Заіончека къ Соболевскому отъ 13-го (25-го) іюня 1821 г. несомнѣнно, что всѣ означенныя сообщенія были доведены до свѣдѣнія всѣхъ палатинатскихъ коммиссій и разныхъ членовъ совѣтовъ и вызвали рядъ всеподданнѣйшихъ адресовъ отъ всѣхъ палатинатствъ, преисполненныхъ выраженій чувствъ глубокой преданности, признательности и непоколебимой вѣрности къ монарху.

По докладу этихъ адресовъ, императоръ Александръ I, 31-го іюля (12-го августа) 1821 г., изъ Петербурга приказалъ отвѣчать, что очень тронутъ подобными выраженіями, благодаритъ за нихъ и что не имѣетъ другой цѣли и не домогается иной какой-либо награды, какъ обезпечить счастье поляковъ, соединивъ ихъ узами братства и способомъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ сохраненію ихъ народности, съ судьбою Европы. Императоръ не скрываетъ отъ себя всѣхъ трудностей достиженія подобной цѣли, но съ большимъ сожалѣніемъ откажется отъ своего желанія, увидѣвъ невозможность его осуществить. Подобная невозможность или опасность осуществленія можетъ быть порождена только самими поляками. Императоръ далекъ отъ мысли, что могутъ найтись поляки, настолько враждебно относящіеся къ собственной родинѣ, что пожелаютъ предумышленно и предосудительными крайностями подвергнуть своихъ соотечественниковъ тому, что они принуждены будутъ покинуть свои самыя завѣтныя надежды. Но такой же пагубный результатъ можетъ быть точно также вызванъ необдуманнымъ преувеличеніемъ недостатковъ настоящаго положенія, рабскимъ

*

подражаніемъ пріемамъ, къ которымъ въ другихъ странахъ прибѣгаютъ нарушители общественной тишины, неосторожнымъ провозглашеніемъ отвлеченныхъ началъ, невмѣстныхъ въ ихъ примѣненіи съ сохраненіемъ общественнаго спокойствія, разглагольствованіями оскорбленнаго тщеславія или заблужденіями неумѣреннаго желанія привлечь на себя вниманіе. Такой же результатъ можетъ быть дѣломъ коварнаго обольщенія, ослѣпленной злобы или преступнаго честолюбія.

Настоящее время увеличиваетъ подобнаго рода опасности, которыя можно избѣжать только справедливымъ довѣріемъ къ правительству, постоянною осторожностію, благоразумною умѣренностію, строгимъ соблюденіемъ порядка и тишины, при подчиненіи властямъ. Его величество указываетъ на всѣ эти условія, но принужденъ будетъ осуществить ихъ, если, не смотря на предупрежденія, подобнаго рода опасности будутъ проявляться въ странѣ. Онъ обязанъ будетъ подавить самыми дѣйствительными средствами всякую попытку поколебать спокойствіе или произвести скандалъ. Привязанность поляковъ къ родинѣ конечно не доведетъ ихъ до этого. При такой надеждѣ, его величество будетъ непрестанно стремиться къ достиженію намѣченной имъ цѣли—быстро подвигаться къ постоянно возрастающему процвѣтанію страны единственно путями, которые могутъ къ нему привести [1].

П. Майковъ.

[1]) Арх. Государст. Совѣта, дѣло № 256, ч. II.

Записки Н. Г. Залѣсова.

XI [1]).

Генералъ-адъютантъ Катенинъ.—Поѣздка въ Самару и знакомство съ Е. К. Гротомъ.—В. И. Катенина. — Миссія въ Хиву и Бухару.—Цѣли миссіи.—Отношенія наши къ Англіи.—Поѣздка Катенина въ степь и Петербургъ.—Экспедиціи Бутакова и Дандевиля.

Въ концѣ 1856 года разнесся положительный слухъ, что на мѣсто Перовскаго назначается Катенинъ, а въ январѣ мѣсяцѣ Катенинъ былъ уже въ Оренбургѣ, пріѣхавъ туда не надолго для предварительнаго знакомства съ краемъ.

Александръ Андреевичъ Катенинъ, красивый собою господинъ съ прекраснымъ даромъ слова, съ придворными мягкими любезными манерами, мѣнялъ свой постъ дежурнаго генерала на мѣсто оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора.

Если эта мѣна происходила отчасти по желанію военнаго министра, знаменитаго Сухозанета, то въ такой же степени и по желанію самого Катенина. Любимецъ императора Николая, всегдашній партнеръ его за картами, Катенинъ, командуя Преображенскимъ полкомъ, умѣлъ такъ ловко представлять свою часть покойному царю, что полкъ этотъ постоянно оказывался лучше всѣхъ.

Катенинъ встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, объявивъ, что получилъ самые отличные обо мнѣ отзывы отъ друга своего, генералъ-квартирмейстера барона Ливена.

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1903 г.

Въ концѣ мая мы, сопутствуемые кузеномъ жены Касьяновымъ (впослѣдствіи извѣстный интендантъ Кауфмана во время похода его въ Хиву) отправились изъ Оренбурга въ Белебей, но на грѣхъ поѣхали въ каретѣ и были жестоко за это наказаны, двигаясь по проселкамъ на башкирскихъ и чувашскихъ лошадяхъ; карету мы бросили и въѣхали въ городъ на чувашскихъ дрогахъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Белебеѣ, мы черезъ Бугурусланъ передвинулись на Сергіевскія воды, гдѣ, благодаря любезности самарскаго губернатора К. К. Грота, была уже готова мнѣ казенная квартира. Жена немедленно приступила къ лѣченію, а я бродилъ по живописнымъ окрестностямъ водъ, вспоминая, какъ я гулялъ здѣсь въ годы моей молодости. На этотъ разъ съѣздъ на водахъ былъ незначительный сравнительно съ 1849 годомъ; всѣ помѣщики притихли, да и крупныхъ изъ нихъ никого не было за исключеніемъ Мордвинова, прелестная жена котораго служила украшеніемъ воднаго сезона.

Такъ какъ мнѣ при настоящей поѣздкѣ поручено было приступить къ составленію военно-статистическаго описанія Самарской губерніи, чѣмъ тогда постоянно занимали офицеровъ генеральнаго штаба, то я и отправился дня на три за справками въ Самару, но на возвратномъ пути, проѣзжая на перекладной, уснулъ; ночью сдѣлался морозъ, что̀ въ Башкиріи не рѣдкость въ іюнѣ мѣсяцѣ, фуражка съ головы у меня спала, и голова покрылась инеемъ. Проснувшись, я почувствовалъ страшную боль въ головѣ и, пріѣхавъ на воды, въ тотъ же день слегъ воспаленіемъ въ мозгу, пролежавъ три недѣли. Спасибо доброму военному доктору Ильину, который спасъ меня отъ смерти. Оправившись отъ болѣзни и побывавъ въ театрѣ, гдѣ тогда производилъ фуроръ провинціальный трагикъ Милославскій, я повезъ жену домой и на границѣ Оренбургскаго уѣзда въ станицѣ Сергіевской, сдавъ ее выѣхавшему навстрѣчу Касьянову, самъ отправился въ Самару составлять свою статистику. Здѣсь я познакомился съ Гротомъ, будущимъ творцомъ акцизной системы. Онъ принялъ меня весьма любезно, оказалъ полное во всемъ содѣйствіе, и мнѣ было весьма пріятно бесѣдовать съ нимъ, какъ съ человѣкомъ весьма пріятнымъ и умнымъ. Изъ Самары я сталъ дѣлать свои экскурсіи во всѣ стороны, чтобы лично познакомиться съ губерніей и на мѣстѣ собирать нужные матеріалы.

Возвращаясь въ Самару, я, по просьбѣ К. К. Грота, каждый разъ сообщалъ ему все, что̀ видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ. Такъ я объѣхалъ всю губернію отъ Симбирска до границы Казанской губерніи и отъ Сергіевскихъ водъ до Новоузенска, посвятивъ особое время на обозрѣніе нѣмецкихъ колоній вдоль Волги. Въ сентябрѣ всѣ матеріалы были собраны, и я съ массою замѣтокъ и разныхъ документовъ черезъ Бугульму и Белебей возвратился въ Оренбургъ, гдѣ приступилъ къ обработкѣ собраннаго.

Въ это время я познакомился съ супругой генерала Катенина, рожденной Вадковской. Она сохранила еще остатки замѣчательной красоты. Рѣдко я встрѣчалъ въ нашемъ высшемъ кругѣ женщину столь привлекательную, развитую и съ такимъ огромнымъ тактомъ, какъ покойную Варвару Ивановну Катенину. Она всѣхъ принимала ровно, любезно, безъ малѣйшаго намека на свое высокое положеніе, со всѣми умѣла говорить о тѣхъ предметахъ, которые были близки представлявшемуся ей лицу, и вся эта бесѣда велась такъ мило, просто, что говорившій съ Катениной сразу чувствовалъ себя какъ дома. Такъ и со мной она тотчасъ перешла къ разговору о Самарской губерніи и, признаюсь, обнаружила при этомъ такія, хотя и общія, свѣдѣнія по статистикѣ, какихъ не имѣлъ и самъ генералъ-губернаторъ, ея супругъ. У Катениныхъ были на зиму назначены вторники, гдѣ всѣ собирались запросто и веселились безъ стѣсненія, чему примѣръ подавали сами хозяева, усердно танцовавшіе всѣ кадрили.

Послѣ Святокъ я поѣхалъ на недѣлю на свадьбу къ брату въ уфимскую его деревню и на обратномъ пути простудилъ себѣ ногу; жестокія ревматическія боли продержали меня въ постели два мѣсяца, но лежа я все-таки работалъ надъ своей статистикой, а по вечерамъ мнѣ приставляли къ кровати столикъ, и мы усаживались въ ералашъ, при чемъ постояннымъ партнеромъ моимъ былъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, въ то время назначенный въ распоряженіе Катенина. Я былъ всегда радъ Черняеву, мы не видались съ нимъ со времени Калафатскаго обложенія; съ той поры онъ однако же нисколько не измѣнился: то же огромное самолюбіе, та же пылкость въ рѣшеніяхъ и та же ненасытная жажда новыхъ ощущеній и славы. Вскорѣ Черняевъ былъ командированъ на Сыръ-Дарью въ распоряженіе командующаго линіею генерала Данзаса, и не трудно было предвидѣть, что эти два пылкихъ, честолюбивыхъ человѣка при первомъ же столкновеніи перегрызутся между собою.

Въ концѣ зимы были утверждены предположенія Катенина о посылкѣ особой миссіи въ ханства Хиву и Бухару, о которыхъ мы тогда имѣли самыя смутныя понятія, а къ веснѣ послѣдовало уже назначеніе въ эту миссію лицъ. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Игнатьевъ [1]), нѣсколько дипломатическихъ чиновниковъ, фотографъ, два топографскихъ офицера и два офицера генеральнаго штаба. Не мало было мое огорченіе и даже оскорбленіе, когда я узналъ, что оба послѣдніе офицеры штабсъ-капитаны Салацкій и баронъ Зеделлеръ назначены изъ Петербурга. Я бросился сейчасъ же къ Дандевилю и

---

[1]) Николай Павловичъ, нынѣ графъ и генералъ-адъютантъ.

Ред.

просилъ его доложить генералу Катенину, что считаю себя нисколько не хуже этихъ офицеровъ и что отстраненіе меня отъ такой командировки безъ всякой причины наноситъ мнѣ обиду тѣмъ болѣе, что запасъ моихъ свѣдѣній о ханствахъ и знаніе мѣстныхъ условій похода даютъ мнѣ преимущество передъ назначенными. Докладъ Дандевиля подѣйствовалъ, и Катенинъ, несмотря на расположеніе свое къ Зеделлеру, какъ преображенцу и лицу, которому протежировалъ баронъ Ливенъ, выхлопоталъ о назначеніи въ миссію вмѣсто Зеделлера—меня.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Богъ далъ мнѣ первую дочь; жена была тяжко при этомъ больна, самъ я едва всталъ съ постели, походъ нашъ назначался не менѣе года по безводнымъ страшнымъ степямъ, въ варварскія совершенно страны, которыя въ то время ни въ грошъ не ставили Россію и гдѣ жизнь и смерть всякаго европейца зависѣла отъ пустой прихоти хана. Все это было причиной, что и молодая моя жена и всѣ родные упрашивали меня отказаться отъ этого похода, но я настоялъ на своемъ и хотя съ страшной болью сердца, но пошелъ съ миссіей. Начальника миссіи я зналъ еще въ академіи молодымъ гвардейскимъ гусарскимъ поручикомъ.

15-е мая было назначено днемъ нашего выступленія изъ Оренбурга. Отрядецъ нашъ, состоявшій изъ 3-хъ десятковъ людей, взятыхъ по ровну отъ линейной пѣхоты, оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, былъ подобранъ на славу, особенно же были хороши уральцы, о выборѣ которыхъ такъ усердно хлопоталъ бывшій тогда атаманомъ флигель-адъютантъ Столыпинъ, котораго казаки боготворили.

Рано утромъ 15-го мая на полянкѣ за Ураломъ мы отслужили молебенъ и двинулись въ нашъ невѣдомый и страшный путь. Въ это утро я едва успѣлъ взглянуть и благословить свою спавшую еще малютку, а бѣдная моя жена, прощаясь со мной окончательно, когда я уже сидѣлъ верхомъ, безсознательно уцѣпилась за мое стремя и безъ чувствъ повисла на немъ, такъ что только силой могли разжать ей руки и отнести въ экипажъ. Тяжелыя минуты! не дай Богъ никому переживать ихъ.

Теперь позволю себѣ сказать о секретной цѣли нашей миссіи. Мы тогда, т. е. въ 1858 году, рѣшили вести себя съ англичанами похрабрѣе, вѣроятно подъ вліяніемъ бунта сипаевъ.

При поддержкѣ Географическаго общества рѣшено было изслѣдовать и снять теченіе Аму-Дарьи до ея верховья, изслѣдовать и открыть пути съ этой рѣки въ Кабулъ и Гератъ, куда одновременно изъ Персіи должна была направиться Географическая экспедиція подъ начальствомъ Ханыкова, и съ которой мы должны были соединиться, и наконецъ заключить съ ханами Кабула, Хивы и Бухары договоры, конечно благопріятные для насъ и зловредные для англичанъ, и полу-

чить отъ двухъ послѣднихъ разрѣшеніе на свободное плаваніе нашихъ пароходовъ по Аму-Дарьѣ и содержаніе въ ихъ столицахъ нашихъ агентовъ. Всего этого мы должны были добиться отъ хановъ, которые тогда ни во грошъ не ставили силу Россіи.

Исполняя свою секретную задачу, Игнатьевъ вошелъ въ хивинскія владѣнія близъ устій Аму-Дарьи, именно въ г. Кунградѣ, но тутъ, съ перваго же шага, почувствовалъ всю тяжесть своей миссіи. Хивинцы и слышать не хотѣли, чтобы мы двигались вверхъ по берегу Аму-Дарьи, ссылаясь на разливъ рѣки, и выѣхавшіе навстрѣчу намъ ихъ сановники сразу заговорили тономъ старшаго съ младшимъ. Игнатьевъ принужденъ былъ уступить и, не дождавшись подхода изъ Арала судовъ Бутакова, согласился на раздѣленіе отряда: лошадей и часть конвоя отправилъ кружной дорогой по берегу рѣки къ городу Ханки, а самъ со свитою направился въ хивинскихъ лодкахъ по Аму-Дарьѣ къ тому же городу. Такимъ образомъ наша миссія разбилась на три части.

18 сутокъ мы плыли въ камышахъ Аму-Дарьи при жарѣ 30—45°, отданные на съѣденіе москитамъ, и наконецъ остановились въ Ханки, гдѣ къ удивленію лошадей нашихъ не нашли. Тогда вновь прибывшій хивинскій сановникъ не стѣсняясь уже объявилъ, что мы можемъ идти въ Хиву пѣшкомъ или плыть туда на лодкахъ, а лошадей получимъ тамъ.

Это возбудило среди насъ всеобщій шумъ, и хивинскій сановникъ, видя такое возбужденіе чиновъ миссіи, сейчасъ же сбавилъ тонъ и началъ упрашивать всѣхъ плыть въ Хиву. Насъ доставили къ Хивѣ прямо къ отведенному намъ дворцу, а лошади пришли черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно задержанныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разливами, и все дѣло кончилось благополучно. Хивинскій ханъ, какъ и слѣдовало ожидать, обошелся съ нами высокомѣрно, ни о какихъ условіяхъ и слышать не хотѣлъ. Въ августѣ мы вышли изъ Хивы, ничего не получивъ отъ хана, и направились въ Бухару по неизвѣданнымъ дотолѣ путямъ. Черезъ страшныя Каракумы добрались мы до Бухары, но грознаго эмира Музафара, не застали дома: онъ громилъ въ это время Коканъ и упоенный побѣдою жилъ тамъ. Въ Бухарѣ заперли насъ въ глиняный дворецъ, окруженный сплошною стѣною, и держали подъ строгимъ надзоромъ. Прошло около мѣсяца. Эмиръ не возвращался, и вотъ однажды Н. П. Игнатьевъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ:

— Николай Гавриловичъ, чиновники бухарскіе говорятъ, что эмиръ, можетъ быть пробудетъ и зиму въ Коканѣ,—я къ нему не поѣду, а пошлю васъ отвезти ему высочайшія граматы и подарки; вы съ нимъ и переговорите, что нужно. Я выбираю васъ потому, что вы знаете лучше всѣхъ Среднюю Азію и при томъ, сколько я могъ замѣтить, вы больше имѣете характера, не трусите, какъ другіе мои господа, и ко-

нечно будете говорить съ эмиромъ съ должнымъ для Россіи достоинствомъ.

Я поблагодарилъ за дѣлаемое мнѣ довѣріе и сказалъ, что всегда готовъ исполнять приказанія.

Здѣсь кстати объяснить, что Н. П. Игнатьевъ лично ко мнѣ былъ весьма благорасположенъ, за что̀ я ему и понынѣ благодаренъ. Я у него былъ въ родѣ отряднаго начальника штаба, и всѣ военныя распоряженія шли черезъ меня; онъ выслушивалъ благосклонно мои совѣты и до конца похода оставался со мною въ хорошихъ отношеніяхъ и потомъ долго еще спустя, по отъѣздѣ въ Петербургъ и затѣмъ въ Константинополь, дружески со мною переписывался.

Спустя недѣлю послѣ приведеннаго разговора эмиръ неожиданно возвратился въ Бухару, и мы были приняты имъ весьма благосклонно. Эмиръ по виду согласился даже на всѣ наши желанія и отпустилъ нашихъ плѣнныхъ. Говорю по виду, потому что впослѣдствіи ни одинъ пунктъ заключеннаго нами съ Бухарой условія не былъ исполненъ, ибо плавать по Аму-Дарьѣ намъ не позволилъ хивинскій ханъ. Консула въ Бухару мы сами не посылали, зная его безпомощное тамъ положеніе, а оборъ огромныхъ пошлинъ съ купцовъ и захватъ нашихъ плѣнныхъ эмиръ удержалъ въ прежней силѣ.

Въ началѣ октября эмиръ, позволивъ (говорю буквально) намъ нанять верблюдовъ и выйти изъ Бухары, отправилъ съ нами своего отвѣтнаго посла. На Джаны-Дарьѣ мы встрѣтили конвой, высланный намъ съ Сыръ-Дарьи, и въ ноябрѣ, почернѣвшіе отъ похода, обросшіе бородами, прибыли въ фортъ № 1, откуда Игнатьевъ, взявъ меня съ собой, довезъ на верблюдахъ и почтовыхъ до Оренбурга. Дорогой мы едва съ нимъ не замерзли въ голой степи, и только Провидѣніе сохранило насъ въ страшную снѣжную бурю. Итакъ начавъ походъ при 40—45° тепла и бивакируя постоянно въ степи, я возвратился домой при 30—35° мороза на вѣтру и 6-го декабря ночью въѣхалъ въ Оренбургъ, славя Бога за Его ко мнѣ милосердіе.

Радостно было свиданіе съ женою, много она бѣдная нагоревалась безъ меня, особенно за время пребыванія миссіи въ Хивѣ, когда наша почта нерѣдко перехватывалась. Я исполнилъ свою службу добросовѣстно, мнѣ дали за этотъ походъ Владиміра 4-ой степени и полугодовое жалованье, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тягостей и лишеній похода я окончательно разстроилъ свое небогатое здоровье.

Съ возвращеніемъ въ Оренбургъ я встрѣтился съ новымъ для меня начальствомъ; тесть мой, генералъ Бутурлинъ, былъ назначенъ оренбургскимъ комендантомъ, и на мѣсто его прислали начальникомъ штаба генералъ-маіора Дрейера.

Весною 1859 года рѣшено было послать двѣ экспедиціи въ Сред-

нюю Азію: одну подъ начальствомъ Бутакова (имѣя Черняева съ дессантомъ) въ Кунградъ для поддержки возставшихъ противу хивинскаго хана кунградцевъ, съ цѣлью окончательно изслѣдовать устья Аму, и другую подъ начальствомъ Дандевиля для описи и изслѣдованія восточнаго берега Каспійскаго моря. Дессантъ Черняева постоялъ у Кунграда, Бутаковъ на маленькомъ пароходѣ успѣлъ пробраться въ устья Аму, а Дандевиль побѣдилъ туркменъ и освободилъ часть персидскихъ плѣнныхъ.

XII.

Служба съ Катенинымъ.—А. Л. Данзасъ.—Работы по переустройству штаба, степи и кордонной линіи. — Кончина Катенина. — Пріѣздъ А. П. Безака и первое съ нимъ знакомство.

За отъѣздомъ Дандевиля оберъ-квартирмейстеромъ остался полуумный полковникъ Шульцъ, но, къ счастію, съ возвращеніемъ Катенина изъ Петербурга Шульца отстранили и передали должность эту мнѣ. Здѣсь я имѣлъ возможность лично вести работу съ Катенинымъ, и моими трудами онъ остался очень доволенъ. Вообще въ это время Катенинъ держалъ себя очень доступно и часто пускался со мной въ разсужденія, для того времени весьма либеральныя.

Вскорѣ я долженъ былъ вновь поѣхать на Сергіевскія воды, чтобы поправить немножко здоровье, разстроенное степнымъ походомъ, и Катенинъ далъ мнѣ 150 рублей пособія изъ экстраординарныхъ суммъ. Любезность его ко мнѣ проявилась и въ другомъ случаѣ, а именно: когда у меня родилась вторая дочь, то на другой же день я получилъ отъ него собственноручное поздравленіе съ приложеніемъ на «зубокъ» 150 рублей изъ тѣхъ же суммъ, что̀ онъ впрочемъ дѣлалъ и въ отношеніи другихъ состоявшихъ при немъ лицъ.

Къ осени этого года опять произошла перемѣна въ начальствѣ. Дрейера уволили, а на мѣсто его назначили начальникомъ штаба генералъ-маіора Данзаса, замѣнивъ послѣдняго въ командованіи Сыръ-Дарьинскою линіею генералъ-лейтенантомъ Дебу.

Александръ Логгиновичъ Данзасъ принадлежалъ къ числу людей весьма умныхъ и при обширномъ образованіи и начитанности отличался сильнымъ, энергическимъ характеромъ и большою волею. Онъ сразу увидалъ всѣ недостатки тогдашняго военнаго управленія краемъ и, энергически потребовавъ отъ Катенина реформъ, круто повелъ ихъ. Дѣйствительно, штабъ корпуса представлялъ какой-то хаосъ, въ кото-

ромъ отдѣленія переписывались другъ съ другомъ бумагами за №№, управленіе и снабженіе степи производилось по какой-то письменной инструкціи Перовскаго, давно утратившей всякое значеніе, и потому отличалось полнымъ произволомъ; правильности въ инженерныхъ работахъ въ степи никакой не было; словомъ, всякій начальникъ дѣлалъ, что́ хотѣлъ, и только норовилъ вытребовать побольше отъ казны денегъ, конечно безъ контроля, о которомъ тогда никто и не думалъ. Судная часть въ корпусѣ была вертепомъ взяточничества, въ которомъ ворочали всѣми дѣлами аудиторы изъ писарей. Преобразованіемъ судной части Данзасъ занялся самъ и настоялъ на назначеніи въ Оренбургъ старшаго оберъ-аудитора изъ людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Составленіе точныхъ законоположеній о степи было поручено статскому совѣтнику Шубину, который выработалъ прекрасный уставъ о Сыръ-Дарьинской линіи, служившій долгое время основою для степныхъ снабженій. Составленіе доклада о преобразованіи корпуснаго штаба, управленія Аральской флотиліей и производствѣ инженерныхъ работъ въ степи Данзасъ поручилъ мнѣ, а для опредѣленія цѣли и характера дѣйствій въ Средней Азіи была подъ предсѣдательствомъ самого Катенина образована особая коммиссія, въ составъ которой вошли: Данзасъ, Григорьевъ, Галкинъ, Арцимовичъ, Дандевиль, я, капитанъ Мейеръ и инженеръ Старковъ. Намъ приказано было составить каждому свои предположенія и представить въ коммиссію.

Окончивъ работы, мы собрались у Катенина, и здѣсь началось чтеніе и обсужденіе записокъ. Коммиссія раздѣлилась на двѣ партіи: одни, имѣя во главѣ Данзаса, настаивали на соединеніи Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирской, значитъ, на дѣйствіяхъ къ сторонѣ Кокана; Дандевиль же и я, допуская пользу соединенія этихъ линій, требовали энергическаго дѣйствія по линіи на озеро Дау-Кара, къ устьямъ Аму-Дарьи, чтобы, ставъ твердою ногою на этой рѣкѣ, господствовать посредствомъ флотиліи надъ ханствами Хивою и Бухарою. Катенинъ согласился съ большинствомъ, и тогда же рѣшено было построить укрѣпленіе Джулекъ, первый этапъ нашъ къ сторонѣ Ташкента.

Къ веснѣ я кончилъ свой проектъ о переформировкѣ управленія корпуса и, будучи знакомъ вполнѣ со всѣми производившимися здѣсь безпорядками, не пожалѣлъ красокъ, чтобы выставить все ихъ безобразіе, опираясь на факты. Самъ сознаю теперь, что докладъ былъ рѣзокъ и желченъ, но онъ понравился Данзасу и былъ переданъ Катенину, который вскорѣ заболѣлъ и, какъ говорили тогда, отъ тревоги, произведенной докладомъ. Черезъ нѣсколько времени меня потребовали къ корпусному командиру. Катенинъ принялъ меня въ постелѣ, говорилъ много о моей работѣ, проводилъ мысль, что за всѣмъ въ краѣ трудно усмотрѣть, что надо быть снисходительнымъ къ людямъ и проч., и затѣмъ отпу-

стилъ, поблагодаривъ за работу. Къ чести Александра Андреевича я долженъ сказать, что, несмотря на многіе рѣзкіе въ докладѣ отзывы о его личныхъ распоряженіяхъ по управленію краемъ, онъ не только на меня не претендовалъ, но съ того времени относился ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ, чему конечно много способствовалъ Александръ Логгиновичъ Данзасъ.

Вообще я долженъ сознаться, что работа съ Данзасомъ была для меня весьма полезна; она заставила меня основательно познакомиться съ нашими военными законами, дала устойчивость моимъ взглядамъ на обязанности военной администраціи и еще болѣе развила во мнѣ отвращеніе ко всякому произволу. На основаніи моего доклада былъ преобразованъ корпусный штабъ, и по примѣру штаба арміи въ немъ прибавили два отдѣленія: морское для завѣдыванія Аральской флотиліей и инженерно-артиллерійское для завѣдыванія этими частями въ степи. Данзасъ ежедневно ходилъ къ намъ въ штабъ и бесѣдовалъ съ нами, какъ старшій товарищъ. Онъ же подтолкнулъ меня къ разработкѣ историческихъ и дипломатическихъ свѣдѣній о ханствахъ, слѣдствіемъ чего былъ рядъ моихъ статей въ «Военномъ Сборникѣ» о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарою въ царствованіе императора Николая.

Зимою съ 1859 на 1860 годъ Катенинъ опять ѣздилъ въ Петербургъ на какой-то праздникъ въ Преображенскомъ полку, а весною предпринялъ поѣздку по осмотру Уральской кордонной линіи, взявъ съ собой Данзаса и Галкина. Наступившее лѣто особенно въ Уральской землѣ было необыкновенно жаркое;—Катенинъ, слѣдуя Николаевской манерѣ, являлся на всякій кордонъ не иначе, какъ въ мундирѣ, и при страшной жарѣ производилъ смотры. Все это вмѣстѣ съ почетными встрѣчами въ Уральскѣ истомило его. Подъѣзжая къ Оренбургу, онъ уже чувствовалъ себя нездоровымъ, и въ первую же ночь по пріѣздѣ его не стало—онъ скончался отъ удара.

Смерть Катенина произвела тяжкое на всѣхъ впечатлѣніе: онъ былъ человѣкъ добрый, а пробывъ нѣсколько лѣтъ въ краѣ, вѣроятно современемъ постигъ бы и его нужды.

Съ занятіемъ Сыръ-Дарьи и устройствомъ укрѣпленій въ степи еще при Перовскомъ возникъ вопросъ о сокращеніи Оренбургской кордонной линіи, содержавшейся съ цѣлью охраны прилинейныхъ жителей отъ прорыва киргизъ и усиленія таможенной стражи. На кордоны эти назначалось ежегодно огромное число казаковъ и башкиръ съ лошадьми, и содержаніе ихъ, а равно зданій обходилось войскамъ очень дорого. Кордонная служба требовала постоянной реформы, но по важности и сложности вопроса и за недостаткомъ спеціальныхъ лицъ онъ годъ отъ году откладывался. При Катенинѣ потребность реформы возникла съ

новою силою, и Данзасъ работу эту возложилъ на меня, придавъ въ помощь инженернаго подполковника Вѣтринскаго. Объѣзжая кордонъ за кордономъ, мы осмотрѣли съ Вѣтринскимъ всю линію, и я составлялъ соображенія объ упраздненіи кордонной стражи, производилъ съемку окрестной мѣстности, составлялъ протоколы, а Вѣтринскій на основаніи моихъ рѣшеній составлялъ смѣты по исправленію или уничтоженію построекъ. Въ концѣ августа мы воротились въ Оренбургъ, и я приступилъ къ разработкѣ матеріаловъ. Поѣздка эта была для меня очень утомительна. Помимо тяжелыхъ трудовъ мы принуждены были питаться дорогой Богъ знаетъ чѣмъ и вести на каждомъ кордонѣ тяжелые споры съ казачьими командирами. Тѣ же споры я потомъ выдержалъ и въ Оренбургѣ и нажилъ себѣ много враговъ. Дѣло въ томъ, что кордонная стража, какъ бы для продовольствія своихъ лошадей, накашивала громадное количество сѣна около своихъ кордоновъ, изъ котораго только самая малая часть шла на стражу, остальная же продавалась киргизамъ и деньги поступали въ такъ называемую кордонную сумму, которая ежегодно распредѣлялась въ награду кордоннымъ начальникамъ и высшимъ казачьимъ чинамъ. Несмотря однако же на всѣ препятствія, я проектировалъ сократить кордоны болѣе чѣмъ на половину, снявъ съ нихъ около 3-хъ тысячъ человѣкъ стражи, въ томъ числѣ всѣхъ башкиръ, что́ составило, помимо освобожденія людей, ежегодной экономіи Оренбургскому войску 36-ть тысячъ рублей. Къ соображенію своему я приложилъ объяснительную записку, въ которой изложилъ всѣ безобразія, допущенныя въ управленіи кордонами начальствомъ Оренбургскаго казачьяго войска; но всѣ эти работы привелось уже представить не Катенину, а новому генералъ-губернатору Безаку.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Безакъ, также какъ и Катенинъ, встрѣтилъ меня ласково и сказалъ, что имѣетъ обо мнѣ самыя отличныя рекомендаціи отъ барона Ливена и весьма радъ со мной познакомиться.

Александръ Павловичъ Безакъ былъ небольшаго роста человѣкъ, въ парикѣ, весь накрашенный, наружность имѣлъ суровую, говорилъ всегда серьезно, отрывисто. Онъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе неблагопріятное. Вступивъ въ должность, Безакъ тотчасъ же сталъ вникать во всѣ отрасли управленія, читать дѣла и знакомиться со всякимъ разумнымъ человѣкомъ, не обращая вниманія на чины и званія. Сразу почувствовалась во всѣхъ дѣлахъ рука дѣльнаго администратора, и вездѣ начала сказываться дѣятельность умнаго человѣка.

Я полагалъ, что за мои рѣзкіе, даже дерзкіе доклады объ устройствѣ штаба и кордонной линіи, которые Безакъ прочиталъ сейчасъ же, получу нагоняй, но къ удивленію онъ, испещривъ ихъ только резолюціями въ родѣ того, что къ людямъ надо относиться снисходительнѣе

что они не всегда бываютъ виноваты и т. д., одобрилъ всѣ мои предположенія, приказавъ тотчасъ же представить меня внѣ правилъ къ чину подполковника, несмотря на то, что капитаномъ я прослужилъ только годъ и 5 мѣсяцевъ.

Въ эту зиму, за смертью матушки жены, мы перешли отъ тестя на квартиру и вполнѣ повели самостоятельную жизнь. Я работалъ по-прежнему въ штабѣ, но въ то же время по просьбѣ директора Неплюевскаго корпуса генерала Шилова читалъ зимою въ корпусѣ безвозмездно лекціи военной исторіи.

XIII.

Первая поѣздка въ Петербургъ въ 1861 году.

Въ Оренбургѣ съ давнихъ поръ практиковался обычай ежегодныя съемочныя работы въ краѣ отправлять съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ генеральнаго штаба, или корпуса топографовъ въ Петербургъ, чтобы дать возможность офицеру съѣздить на казенный счетъ въ столицу. На этотъ разъ очередь выпала мнѣ, и вотъ я, нагруженный планами и инструментами, въ небольшой рогожной кибиткѣ, 31-го января 1861 года, отправился въ путь. Въ страшные бураны я тащился до Москвы и только тамъ, сѣвъ въ вагонъ желѣзной дороги, вздохнулъ свободно. По пріѣздѣ, я остановился въ номерахъ, близъ Казанскаго собора, но въ тотъ же вечеръ Аничковъ перетащилъ меня къ себѣ на квартиру въ Измайловскій полкъ, гдѣ я и поселился съ братомъ его жены, Крымовымъ. Очутившись въ Петербургѣ, я попалъ въ какой-то водоворотъ, и моя свѣжая провинціальная голова никакъ не могла понять того сумбура, который происходилъ тогда въ обществѣ даже въ такомъ интеллигентномъ, какъ окружавшіе меня профессора академіи генеральнаго штаба. Я засталъ петербургскую публику подъ давленіемъ двухъ событій: ожидавшагося освобожденія крестьянъ и польскаго возстанія. Проѣхавъ полъ-Россіи и не замѣтивъ нигдѣ враждебнаго настроенія крестьянъ противу господъ, я былъ изумленъ раздававшимися около меня слухами въ родѣ того, что крестьяне тамъ-то и тамъ-то рѣшили перевѣшать помѣщиковъ, и необходимо послать туда вооруженную силу, что дворники домовъ въ Петербургѣ прямо пугаютъ своихъ господъ, что съ полученіемъ воли поколотятъ ихъ, что горничныя, лакеи и повара не хотятъ ничего дѣлать и грозятъ судомъ своимъ господамъ и проч. Вообще броженіе умовъ по этому поводу было огромное, и публика находилась въ тревогѣ.

Воскресныя школы въ Петербургѣ я засталъ въ полномъ разгарѣ. Читали въ академіяхъ, гимназіяхъ, училищахъ, читали и профессора, читали и люди, которымъ прежде всего слѣдовало самимъ научиться чему-нибудь, но за то какъ читали—вѣдалъ одинъ Богъ. Такъ, напримѣръ, читали рабочимъ о грамотѣ, о пользѣ труда и рядомъ о современномъ разстройствѣ нашихъ финансовъ, о гуманности и проч.

Окончивъ дѣло съ представленіемъ картъ и плановъ благодушному Бларамбергу, директору военно-топографическаго депо, я едва могъ въ три недѣли поймать нашего генералъ-квартирмейстера барона Ливена, такъ какъ онъ постоянно уѣзжалъ съ царемъ по Московской дорогѣ на охоту. Ливенъ принялъ меня, какъ всегда, чрезвычайно любезно, но главными воротилами въ то время въ департаментѣ были вице-директоръ Скалонъ и правитель канцеляріи Анучинъ.

Получивъ исправленные инструменты и прогоны, я остался въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, такъ какъ наступила масляная и мнѣ хотѣлось побывать въ оперѣ и повидать еще нѣкоторыхъ знакомыхъ. Я направился къ добрѣйшимъ Симоновымъ. Симоновъ, по переводѣ изъ Оренбурга, занялъ мѣсто штабъ-офицера въ академіи генеральнаго штаба и жилъ тогда на Екатерингофскомъ проспектѣ. Онъ и милая жена его, англичанка, приняли меня совершенно какъ роднаго — они остались такими же тихими, скромными людьми, какими я зналъ ихъ и прежде. Пообѣдавъ у нихъ, я пошелъ съ Симоновымъ въ его кабинетикъ и сталъ разсматривать висѣвшіе на стѣнѣ портреты. Два довольно умныхъ, энергичныхъ лица остановили мое вниманіе, и на вопросъ: кто это такіе? Симоновъ отвѣчалъ: да развѣ вы не знаете? это Герценъ и Огаревъ. Видя, что я интересуюсь ими, хозяинъ добавилъ: «ну, на васъ я могу положиться и потому, если хотите, я вамъ подарю нѣсколько такихъ портретовъ для раздачи въ Оренбургѣ; Герцена возьмите теперь, онъ литографированный, а за Огаревымъ заѣзжайте послѣ, я вамъ пересниму его; признаться, я не успѣваю изготовлять портреты даже для добрыхъ друзей: такъ много на нихъ охотниковъ».

Что это такое, думалъ я, уѣзжая къ себѣ на квартиру: смиреннѣйшій изъ людей, всегда легальный и робкій Симоновъ, и тотъ распространяетъ литографію Герцена и фотографируетъ у себя на квартирѣ портреты Огарева, не опасаясь за послѣдствія. Это ли еще не знаменіе времени?

Какъ разъ въ срединѣ масляной я выѣхалъ изъ Петербурга; на одномъ поѣздѣ со мной отправилось множество флигель-адъютантовъ для объявленія въ губерніяхъ манифеста о свободѣ крестьянъ. Проѣзжая въ послѣдніе дни масляной по Владимірской губерніи, я около каждой станціи встрѣчалъ толпы народа; онѣ гуляли днемъ и ночью по случаю праздниковъ и по случаю воли, но нигдѣ ни разу я не замѣтилъ ни шума,

ни особаго пьянства или драки; все веселилось прилично, отъ души, разспрашивая проѣзжающихъ о состоявшейся волѣ. И здѣсь сказался здравый смыслъ простаго нашего народа, и тутъ онъ пристыдилъ петербургскихъ клеветниковъ, кричавшихъ о неминуемомъ бунтѣ, рѣзнѣ помѣщиковъ и пр.

Около Симбирска меня застала распутица, и я принужденъ былъ бросить сани и ѣхать на колесахъ. Разбитый страшными ухабами, полуживой, я дотащился 12-го марта до Оренбурга, едва не утонувъ въ виду города въ рѣкѣ Сакмарѣ.

Когда я вошелъ къ женѣ, она долго смотрѣла на меня, прежде, чѣмъ признала мое лицо — до такой степени оно почернѣло и исхудало отъ мучительной дороги. Тысячу разъ блаженъ тотъ, кто началъ ѣзду съ желѣзныхъ дорогъ, и кого такимъ образомъ миновала горькая участь кататься по русскимъ почтовымъ трактамъ, да еще на перекладной.

XIV.

Составленіе отчета.—Работы по Эмбенскому посту.—Назначеніе оберъ-квартермейстеромъ.—Назначеніе Черняева.—Сцена съ Безакомъ.—Ссора Безака съ Григорьевымъ и Черняевымъ.—Левковичъ.—Гюббенетъ.—Заслуги Безака.

Безакъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, долго разспрашивалъ о Петербургѣ и польскихъ дѣлахъ.

Къ веснѣ я былъ произведенъ въ подполковники и купилъ себѣ маленькій домикъ недалеко отъ церкви Петра и Павла, передѣлкой котораго и занимался въ продолженіе всего лѣта.

Къ осени Данзасъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ главнаго штаба его величества, и мы временно остались безъ начальника штаба.

Зиму эту Оренбургъ провелъ очень весело; я былъ выбранъ старшиною дворянскаго клуба, и мы, новые старшины, повели хозяйственныя дѣла собранія такъ удачно, что могли веселиться вволю, къ чему поощрялъ насъ и самъ Безакъ, посѣщая каждый разъ клубъ и даже устраивая вечера у себя дома.

Къ осени я перешелъ въ свой недостроенный домъ, такъ что въ октябрѣ мѣсяцѣ мы жили еще въ двухъ комнатахъ, рядомъ съ которыми другія стояли безъ оконъ и штукатурились.

Пришелъ Рождественскій постъ; скончался батюшка жены генералъ Бутурлинъ, и наступало время поѣздки Безака въ Петербургъ съ отчетомъ по краю. Однажды вечеромъ я получилъ отъ него записку съ приказаніемъ прибыть къ нему. Время призыва меня удивило, но я поѣхалъ.

— Я имѣю къ вамъ просьбу, Николай Гавриловичъ,—встрѣтилъ меня Безакъ,—вы хорошо пишете, знаете всѣ здѣшнія дѣла, и потому прошу васъ составить мнѣ всеподданнѣйшій отчетъ по военной части. Пользуйтесь всѣми матеріалами, пріѣзжайте ко мнѣ, когда хотите, но пожалуйста будьте какъ можно кратки.

Я принялся за работу какъ всегда съ кипучей дѣятельностью; рядомъ со мной жилъ горный инженеръ Михайловъ, которому было поручено составить отчетъ по гражданской части, и мы старались работать какъ бы изъ соревнованія. Часто за это время я ѣздилъ къ Безаку, читалъ черновыя и всегда былъ радъ умной его бесѣдѣ; въ январѣ отчетъ мой былъ готовъ и умѣстился всего на $13^1/_2$ листахъ крупнаго письма. Безакъ меня очень благодарилъ, хотя и замѣтилъ о нехорошемъ числѣ 13.

Безакъ прожилъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца и передъ пріѣздомъ въ Оренбургъ остановился на нѣсколько дней въ Самарѣ. Я получилъ отъ него передовой высочайшій приказъ о назначеніи меня оберъ-квартермейстеромъ на мѣсто Дандевиля, назначеннаго еще на Пасху атаманомъ Уральскаго войска. Признаюсь, я былъ пріятно изумленъ этимъ.

За мѣсяцъ до пріѣзда Безака состоялось высочайшее повелѣніе о возведеніи Эмбенскаго укрѣпленнаго поста въ степи. Нужно было возвести его въ одно лѣто, свезти на Эмбу матеріалы изъ Оренбурга, выслать туда рабочихъ и гарнизонъ, дать имъ инструкціи на случай непріязненныхъ дѣйствій киргизъ и обезпечить людей всѣмъ довольствіемъ на годъ. Всякій пойметъ, какую это составляло работу, когда въ степь можно выслать людей не иначе, какъ снабдивъ ихъ буквально всѣмъ необходимымъ, начиная отъ иголки, кусочка ваксы, дратвы и кончая перцемъ, лукомъ, удочкой и всякой одеждой. Старикъ генералъ Ладыженскій, прочитавъ такое повелѣніе, только развелъ руками и, призвавъ меня (я исправлялъ уже должность Дандевиля), сказалъ:

— Я тутъ ничего не знаю; поручаю все дѣло вамъ, Николай Гавриловичъ, и возлагаю всю отвѣтственность на васъ. Въ случаѣ какого-либо промаха, вы меня ужъ извините, я прямо донесу на васъ.

Хотя дѣло было для меня знакомое, но задача была очень обширна и требовала крайней осмотрительности при исполненіи. Я заперся на двѣ недѣли на своей квартирѣ, работая съ моимъ старшимъ писаремъ Ефремовымъ, и всѣ соображенія по движенію, снабженію и дѣйствіямъ команды были изготовлены, а данныя мною инструкціи послужили примѣромъ въ будущемъ для всѣхъ подобныхъ работъ.

Одновременно со мною послѣдовало и назначеніе начальникомъ штаба корпуса полковника Михаила Григорьевича Черняева, о которомъ Безакъ давно уже забиралъ справки и получалъ вездѣ весьма ле-

стные отзывы, но я, лично зная характеры обоихъ лицъ, былъ тогда же увѣренъ, что они долго не уживутся вмѣстѣ.

Лѣто Безакъ проводилъ на дачѣ въ зауральской рощѣ.

Въ половинѣ лѣта пріѣхалъ Черняевъ; мы съ нимъ встрѣтились попрежнему дружески, и я старался познакомить его подробно съ характеромъ Безака, но едва-ли не напрасно: ихъ натуры были слишкомъ противуположны, чтобы ужиться. Безакъ принялъ Черняева чрезвычайно любезно и, какъ всѣ старые корпусные камандиры, сказалъ ему:

— Поручаю вамъ, какъ ближайшему моему помощнику, всю военную часть; дѣлайте, что хотите, но только докладывайте мнѣ. Для меня лично будетъ достаточно гражданскихъ дѣлъ.

При такой широкой свободѣ можно было хорошо работать, но Черняевъ по своей горячности и крайней обидчивости все испортилъ. Черезъ мѣсяцъ уже начались непріятности по случаю недостатка провіанта въ степныхъ укрѣпленіяхъ. Безакъ упрекнулъ Черняева, отчего онъ не принялъ заблаговременно необходимыхъ мѣръ, а Черняевъ обидѣлся и взвалилъ всю вину на оберъ-провіантмейстера Левковича, что̀ было не совсѣмъ справедливо; однако же Безакъ его поддержалъ. Онъ распекъ Левковича, и тотъ вскорѣ отказался отъ своей должности, наживъ въ Оренбургѣ порядочныя деньги своими подрядами по поставкѣ провіанта въ степь черезъ киргизъ.

Къ осени отношенія Черняева къ Безаку стали еще болѣе натянутыми, и кромѣ рѣзкой разницы во взглядѣ на дѣйствія отрядовъ въ Средней Азіи къ этому присоединилась и другая причина. Съ пріѣздомъ Безака въ край фонды предсѣдателя областнаго правленія киргизами Василія Васильевича Григорьева, пользовавшагося такимъ авторитетомъ при Перовскомъ и Катенинѣ, очень упали, такъ какъ Безакъ не любилъ при себѣ вліятельныхъ людей. Пошли неудовольствія, которыя всѣми мѣрами разжигалъ правитель канцеляріи Безака Тарасовъ.

Получивъ доносъ на Григорьева, Безакъ назначилъ ревизію областнаго правленія. Вражда между Григорьевымъ и Безакомъ загорѣлась страшная, и Григорьевъ послалъ по этому дѣлу донесеніе министру Валуеву. На бѣду Черняевъ былъ очень друженъ съ Григорьевымъ еще со времени перваго пребыванія своего въ Оренбургѣ. Знакомство это продолжалось и теперь, что̀ сильно не нравилось Безаку, который наконецъ сталъ просить Черняева оффиціально прекратить знакомство съ Григорьевымъ, находя неудобнымъ при ссорѣ съ послѣднимъ, что начальникъ штаба его оставался въ близкихъ отношеніяхъ съ его врагомъ. Черняевъ, будучи честнымъ человѣкомъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался отъ исполненія такого предложенія и по свойственному русскому человѣку состраданію къ угнетенному сталъ еще внимательнѣе къ Григорьеву. На святки Безакъ поскакалъ въ Петербургъ

и докладывалъ лично государю о правотѣ своей въ дѣлѣ съ Григорьевымъ. Кончилось тѣмъ, что Григорьева смѣнили. Поѣхалъ въ Петербургъ и Черняевъ, предчувствуя свою бѣду; тамъ они нѣсколько опять сошлись съ Безакомъ, и Черняевъ получилъ начальство надъ рекогносцировочнымъ отрядомъ къ сторонѣ Туркестана, съ приказаніемъ однако же отнюдь не брать этого города.

Раннею весною Черняевъ прибылъ въ Оренбургъ и спустя нѣсколько дней уѣхалъ на Сырь, сохранивъ за собою мѣсто начальника штаба, а спустя мѣсяцъ возвратился и Безакъ.

Къ осени я перешелъ въ казенный домъ оберъ-квартермейстера, гдѣ остался и съ назначеніемъ начальникомъ штаба. Домъ этотъ находится въ Атаманскомъ переулкѣ, и я жилъ въ немъ до послѣдняго дня моего пребыванія въ Оренбургѣ.

До сихъ поръ мнѣ приводилось говорить большею частью о Безакѣ, какъ о начальникѣ военномъ, но долгъ справедливости заставляетъ упомянуть о дѣятельности этого умнаго человѣка и какъ гражданскаго администратора. Познакомившись съ краемъ, Безакъ обратилъ особенное вниманіе на безотрадное положеніе башкиръ и со свойственною ему энергіею провелъ въ Государственномъ Совѣтѣ положеніе объ обращеніи этого импровизированнаго войска въ мирныхъ гражданъ; онъ же первый ввелъ гражданское управленіе въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, насколько оно было возможно при обязанности войска нести военную службу, и въ этихъ видахъ соединилъ должность атамана съ должностью губернатора вновь образованной Оренбургской губерніи.

По обоимъ войскамъ были произведены обширныя хозяйственныя и межевыя работы, и ежегодно особая коммиссія, въ которой я былъ предсѣдателемъ, повѣряла ихъ. Всѣ эти распоряженія были благодѣтельны для войскъ и гражданскаго преуспѣянія края, а реформа въ Оренбургскомъ войскѣ послужила для военнаго министерства примѣромъ для преобразованія по тому же образцу донскаго и кавказскаго казачьихъ войскъ. Строгая экономія во всѣхъ расходахъ послѣ размашистой дѣятельности Перовскаго и Катенина значительно сократила въ краѣ всѣ расходы казны и въ то же время дала Безаку возможность значительную часть состоявшихъ въ его непосредственномъ распоряженіи средствъ употребить на общеполезныя учрежденія въ Оренбургѣ. Такъ около 50 тысячъ рублей было имъ употреблено на устройство общественныхъ бань въ Оренбургѣ, получившихъ названіе Александровскихъ, и значительныя суммы на проведеніе тротуаровъ и особенно на устройство въ городѣ водопровода, возведеніе котораго поручено было состоявшему при немъ полковнику Савину. Онъ же оздоровилъ Оренбургъ, срывъ его крѣпость и построивъ прекрасныя казармы. Безакъ не жалѣлъ также денегъ на выписку разныхъ машинъ для Сыръ-

Дарьи, устройство тамъ плавучихъ мельницъ и проч. Ему обязанъ Оренбургскій институтъ своимъ расширеніемъ, и онъ же образовалъ коммиссію, въ которой я былъ членомъ, для переустройства Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса. Безакъ охотно допускалъ на хозяйственныя мѣста мошенниковъ, ибо, какъ неоднократно говорилъ мнѣ, я допускаю ихъ потому, что они люди умные и ловкіе и всякое дѣло, какое я имъ поручу, они сдѣлаютъ хорошо, а если при этомъ и украдутъ, такъ вѣдь у насъ безъ этого нельзя.

Въ эту зиму пріѣхалъ въ Оренбургъ для набора свиты его величества генералъ-маіоръ Тетенборнъ. Не желая его угощать дома, Безакъ постоянно обращался ко мнѣ съ просьбою почаще устраивать вечера въ клубѣ, говоря: «пусть его пляшетъ», и дѣйствительно полусѣдой уже Тетенборнъ лихо отплясывалъ мазурку. Онъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Базилевскаго, мать котораго, еще въ молодые мои годы, жила въ небольшомъ домикѣ въ г. Стерлитамакѣ, тогда какъ сынъ ея, составившій состояніе откупами, имѣлъ извѣстный всему міру отель Базилевскаго въ Парижѣ и жилъ на самую широкую ногу.

Сообщ. **Н. Н. Длусская.**

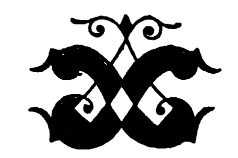
(Продолженіе слѣдуетъ).

Высочайшая благодарность Академіи художествъ за сооруженіе Казанскаго собора.

Рескриптъ гр. А. С. Строганову.

24-го сентября 1811 г.

Графъ Александръ Сергѣевичъ! Согласно представленію вашему изъявивъ признательность мою главнымъ чиновникамъ, участвовавшимъ въ сооруженіи соборныя церкви Казанскія Божія Матери, и вмѣстѣ съ симъ пожаловавъ вице-президента Академіи художествъ кавалеромъ ордена Святыя Анны перваго класса, я поручаю вамъ увѣрить въ моемъ благоволеніи все академическое сословіе, столь отлично подвизавшееся въ усовершеніи сего храма и открывшее приведеніемъ онаго къ окончанію быстрые успѣхи сочленовъ и воспитанниковъ своихъ во всѣхъ отрасляхъ изящныхъ художествъ. Мнѣ весьма пріятно видѣть новые опыты ревностныхъ попеченій вашихъ о благѣ Академіи, произведшей подъ вашимъ начальствомъ знаменитыхъ отечественныхъ художниковъ, трудами и дарованіями коихъ, къ совершенному моему удовольствію, воздвигнутъ во славу Божію храмъ, предначертанный блаженной памяти любезнѣйшимъ родителемъ нашимъ императоромъ Павломъ I-мъ; пребываю вамъ всегда благосклонный.



П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ.

Мартыновъ и Максимовъ.

III[1]).

Другимъ ученикомъ П. А. Каратыгина былъ сверстникъ и другъ Мартынова, Алексѣй Михайловичъ Максимовъ. Онъ также обладалъ крупнымъ талантомъ и любилъ свое признаніе, но велъ крайне распущенный образъ жизни и, уступая Мартынову въ дарованіи, не успѣлъ или не могъ, подобно своему другу, возвыситься до степени первокласснаго артиста. Онъ рано и очень удачно выступилъ на артистическое поприще, всегда шелъ рядомъ съ Мартыновымъ, пользовался сильной и неизмѣнной любовью публики, но при всемъ томъ никогда не возбуждалъ своей игрой такого восторженнаго энтузіазма, какъ Мартыновъ. Игра его въ роляхъ комическихъ отличалась большой веселостью и живостью, а въ драмѣ онъ обнаруживалъ большую естественность и много сильнаго, искренняго чувства. Кромѣ того онъ обладалъ красивой фигурой, звучнымъ голосомъ, прекрасною дикціею и изящными манерами. Однимъ словомъ, въ природныхъ данныхъ у него недостатка не было, благодаря чему онъ уже первымъ своимъ дебютомъ въ роли Скопина-Шуйскаго произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на публику, а, по словамъ своего младшаго брата, автора нѣсколько разъ упомянутой книги «Свѣтъ и тѣни петербургской труппы», онъ сдѣлался ея любимцемъ даже еще до поступленія на дѣйствительную службу, когда игралъ на сценѣ театральнаго училища[2]). Вскорѣ въ пьесѣ «Венеціанская актриса» въ роли Родольфа онъ оказался, по общему признанію, выше опытнаго артиста Григорьева[3]). Съ тѣхъ поръ Максимовъ занялъ прочное и

[1]) См. „Русскую Старину" іюнь 1903 г.

[2]) „Свѣтъ и тѣни", стр. 51.

[3]) Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, т. I, стр. 53.

почетное мѣсто въ труппѣ, играя пока по преимуществу въ тѣхъ роляхъ, которыя ему уступалъ хорошо къ нему расположенный Н. О. Дюръ, и только уже послѣ смерти послѣдняго, подобно Мартынову и Самойлову, онъ занялъ опредѣленное положеніе на сценѣ. Какъ извѣстно, Дюръ былъ одинаково неподражаемъ въ роляхъ характерныхъ, комическихъ и первыхъ любовниковъ, а также блисталъ въ роляхъ опереточныхъ и, какъ выражались современники, вмѣстѣ съ Асенковой былъ перломъ водевиля. Такое рѣдкое по разнообразію соединеніе дарованій въ одномъ и томъ же артистѣ было причиной необыкновенной широты его репертуара. Когда Дюръ скончался, роли его распредѣлились между тремя выдающимися артистами: А. Е. Мартыновъ сдѣлался достойнымъ преемникомъ покойнаго въ комическихъ роляхъ, В. В. Самойловъ—въ характерныхъ и опереточныхъ, а А. М. Максимовъ—въ роляхъ первыхъ любовниковъ. Скоро послѣдній сдѣлался настолько необходимымъ на сценѣ, что рѣдкій спектакль обходился безъ его участія; онъ былъ очень хорошъ въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ и во всякомъ случаѣ никогда не портилъ ни одной роли. Скоро ему удалось обратить на себя милостивое вниманіе императора Николая и великаго князя Михаила Павловича; оба они часто и охотно бесѣдовали и шутили съ нимъ, а великій князь нерѣдко давалъ ему полезные совѣты, касавшіеся манеръ свѣтскости. Правда, даровитый артистъ и безъ того изумлялъ тонкостью игры и благородной развязностью обращенія на сценѣ, но нѣкоторыя характерныя мелочи оставались ему не извѣстны; однажды великій князь присовѣтовалъ ему надѣть перчатки и торопливо снимать ихъ при встрѣчѣ съ офицеромъ [1]). Въ роляхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, гвардейскихъ и другихъ офицеровъ, франтовъ и волокитъ Максимовъ положительно нравился публикѣ, которая привыкла его видѣть въ нихъ и наслаждаться искусствомъ; но на него возлагались и болѣе широкія надежды. Современники судили о немъ такъ: «У Максимова талантъ прекрасный: его назначеніе—драма въ высшемъ ея значеніи (sic); нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ родѣ, могутъ подать надежду, что изъ него скоро образуется артистъ для ролей jeunes premièrs (первыхъ любовниковъ), для которыхъ такъ давно не было и нѣтъ у насъ актера, между тѣмъ какъ г. Максимовъ имѣетъ все нужное для этого амплуа» [2]). Съ Максимовымъ трудно было равняться даже способнымъ, но не выдающимся актерамъ; такъ Максимовъ былъ превосходенъ въ роли Лычкина въ пьесѣ П. А. Каратыгина «Первое іюля въ Петергофѣ», и когда молодой актеръ Алексѣевъ, не желая копировать хорошо извѣстнаго публикѣ артиста, задался цѣлью создать самостоятельно эту роль, то сравненіе было для него рѣшительно невыгодно, и потому въ легкой роли онъ оказался гораздо ниже, чѣмъ

---

[1]) Тамъ же, т. 1, стр. 76

[2]) Литературныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду", 1839, № 12.

въ трудной роли Падчерицына въ пьесѣ «Хороша и дурна, умна и глупа», гдѣ большимъ торжествомъ дебютанта былъ его несомнѣнный успѣхъ какъ вообще во всей роли, которая принадлежала къ числу коронныхъ ролей недавно умершаго Дюра, такъ и въ произнесеніи имъ въ началѣ роли огромнаго куплета, состоявшаго изъ шестидесяти стиховъ и приводившаго въ немалое затрудненіе исполнителей [1]). Талантливая игра молодаго Максимова заставляла рецензентовъ жалѣть, что нѣкоторыя драматическія роли исполнялись Леонидовымъ, Толченовымъ и другими, но все-таки обыкновенно признавали, что онъ въ сущности не созданъ для драматическаго амплуа. «Въ комедіяхъ»—говорили—«онъ артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, артистъ на своемъ мѣстѣ; въ драмахъ же онъ только полезный актеръ, къ которому можно примѣнить поговорку: «за недостаткомъ гербовой пишутъ на простой» [2]).

Въ 1840 г. Максимовъ пріѣзжалъ въ Москву и былъ принятъ превосходно. Тамъ онъ игралъ, между прочимъ, очень удовлетворительно Чацкаго и довольно хорошо Хлестакова [3]).

Но иногда высказывалось и противоположное мнѣніе, какъ оказалось впослѣдствіи, гораздо менѣе основательное: «Г. Максимовъ I»—писалъ другой рецензентъ того же журнала—«въ роли Льва Колонтая показалъ новую сторону своего таланта: много увлеченія и неподдѣльнаго чувства. Намъ кажется, что это именно лицевая сторона его дарованія, и мы совѣтуемъ г. Максимову не пренебрегать ею, потому что комизмъ его изнанка» [4]).

«Максимовъ»,—говорили о немъ,—«замѣчательный талантъ, но ему недостаетъ старанія и желанія, чтобы сдѣлаться лучше» [5]). Это было опять качество, принадлежавшее ему вмѣстѣ съ Мартыновымъ, хотя и не въ одинаковой съ нимъ степени, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рецензіи говорятъ объ обоихъ артистахъ и ихъ заслугахъ, предпочтеніе неизмѣнно остается на сторонѣ Мартынова, который обладалъ искусствомъ въ самой ничтожной роли блеснуть яркой артистической игрой. Въ похвалахъ обоимъ артистамъ, сказанныхъ безъ всякой мысли о сравненіи ихъ, также всегда наглядно выступаетъ относительное значеніе ихъ дарованій. Напримѣръ: въ пьесѣ «Новгородцы» «Максимовъ прекрасно исполнилъ роль Алеши, добродушнаго юноши, но молодца, съ сердцемъ и головой. Мартыновъ же свою маленькую роль, въ которой онъ играетъ очень мало, обрисовалъ такъ хорошо,

---

[1]) „Репертуаръ р. сцены", 1839, II, Отчетъ объ Александринскомъ театрѣ, стр. 20.

[2]) „Репертуаръ р. сцены", 1840, II, Русскій театръ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, стр. 4.

[3]) „Репертуаръ", 1840, іюль. Театральная лѣтопись, 110.

[4]) Тамъ же, стр. 3.

[5]) „Репертуаръ и Пантеонъ", 1846, т. XIII, стр. 203.

такъ рельефно, какъ это можетъ сдѣлать только артистъ съ огромнымъ дарованіемъ» [1]). О Максимовѣ утвердилось мнѣніе, что ему «можно съ довѣріемъ поручить выполненіе эффектно задуманнаго и вліятельнаго характера» [2]); — но это еще далеко до того глубокаго уваженія, съ какимъ относились всѣ къ Мартынову, который имѣлъ право гордиться, что былъ общимъ любимцемъ всей публики, имѣя въ этомъ отношеніи преимущество рѣшительно передъ всѣми артистами Александринскаго театра, такъ какъ его признавали безъ исключенія всѣ партіи. И вотъ въ то время, какъ «поклонники Каратыгина шикали Славину и, наоборотъ, почитатели г-жи Левкѣевой встрѣчали весьма непріязненно г-жу Самойлову и т. д., всѣ эти лица, при появленіи на сцену г. Мартынова, забывали о своихъ идолахъ, а привѣтствовали его самыми громкими, самыми искренними рукоплесканіями» [3]). Наконецъ, признавая за Максимовымъ большую опытность и навыкъ къ сценѣ, увѣренность въ себѣ и въ публикѣ, изученіе эффектовъ дикціи и мимики и ставя его выше соперниковъ, дѣлали слѣдующую оговорку: «онъ первый именно потому, что нѣтъ вторыхъ и третьихъ по этой части», и находили возможность упрекать его за «недостатокъ самосознанія и страсть къ подражательности». Въ самомъ дѣлѣ Максимовъ послѣдовательно подражалъ Сосницкому, Дюру, Каратыгину. Выборъ образцовъ былъ превосходный, но у Максимова не было настолько артистическаго самолюбія, чтобы соперничать съ своими предшественниками и побѣждать ихъ. Поэтому онъ часто останавливался въ подражаніи на внѣшней сторонѣ дѣла, на пріемахъ и манерахъ и даже впадалъ въ существенныя ошибки, стараясь копировать индивидуальныя черты каждаго изъ названныхъ артистовъ. Въ примѣрахъ нѣтъ недостатка. Мы знаемъ, что Каратыгинъ производилъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе своей осанкой и ростомъ, красивыми позами, энергическими жестами,—и все это шло къ нему въ высшей степени; но копировать его, конечно, было неблагоразумно для себя и невозможно безъ ущерба искусству. Дюръ, имѣя небольшіе, но замѣчательно выразительные глаза, принужденъ былъ иногда ими прищуриваться, не вынося сильнаго свѣта; но всегда умѣлъ это дѣлать кстати при испытующемъ взглядѣ на собесѣдника или при глубокой думѣ. Также умѣлъ онъ улыбаться какой-то насмѣшливой, саркастической, чисто Вольтеровской улыбкой. Но само собою разумѣется, что эти пріемы въ подражаніи Максимова являлись неестественными и натянутыми и особенно могли портить впечатлѣніе для тѣхъ, кто хорошо помнилъ копируемые имъ оригиналы. И что̀ всего удивительнѣе и

---

[1]) „Репертуаръ и Пантеонъ", 1844, т. V, Театральная лѣтопись, петербургскіе театры, стр. 78.

[2]) „Пантеонъ", 1851, I, Театральная лѣтопись, I.

[3]) „Репертуаръ и Пантеонъ", 1841, XIII, Театральная лѣтопись, 25—26.

досаднѣе, «погрѣшность актера состояла не въ недостаткѣ таланта, а въ его направленіи, въ подражательности, которая мѣшала самобытному его развитію и заставляла его усвоивать привычки, рѣшительно ему не свойственныя. Всѣ его недостатки не принадлежатъ ему самому, но суть слѣдствія несовершенства его природы, или результатъ ограниченности или неполноты его организаціи, но всѣ они заимствованы имъ отъ другихъ» [1]). По нашему мнѣнію, такая похвала скорѣе похожа на осужденіе, равно какъ далеко не въ пользу артиста говоритъ другой указываемый критикомъ недостатокъ—«чрезмѣрная страсть производить эффекты и возбудить насильственныя рукоплесканія». Критикъ находилъ, что при всѣхъ этихъ недостаткахъ однако большое значеніе имѣетъ добросовѣстность Максимова и его любовь къ дѣлу, которыя рано или поздно должны были, казалось, сообщить ему болѣе серьезный взглядъ на искусство. Теперь ясно, что надеждамъ этимъ, однако, не суждено было исполниться. Самая добросовѣстность Максимова была обыкновенно условная: съ одной стороны, его никогда нельзя было упрекнуть въ незнаніи ролей, въ томъ недостаткѣ, отъ котораго не совсѣмъ свободенъ былъ Мартыновъ; но съ другой—невыдержанный характеръ, безпорядочный образъ жизни какъ-то мѣшали ему сдѣлаться истиннымъ художникомъ, и особенно замѣна упорнаго, систематическаго, щепкинскаго труда надъ собой только однимъ, хотя бы и самымъ искреннимъ, горячимъ стараніемъ отзывалась невыгодно на его талантѣ. «Максимовъ обладаетъ очень важнымъ сценическимъ достоинствомъ»—читаемъ въ «Репертуарѣ»:—«онъ говоритъ внятно и для каждаго смысла умѣетъ найти вѣрный и приличный звукъ и оттѣнокъ въ голосѣ. Но зато онъ и злоупотребляетъ это качество, стараясь каждой фразѣ придать больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, удареніями на слова и какимъ-то искусственнымъ насилованіемъ рѣчи» [2]).

Изо всѣхъ этихъ краткихъ характеристикъ легко уже составить себѣ опредѣленное представленіе о томъ, какіе были достоинства и задатки игры Максимова и въ чемъ состояли ея недостатки. Если прибавить къ этому склонность Максимова къ шаржу, то, кажется, его физіономія, какъ артиста, будетъ достаточно очерчена; напр. въ роли Альфонса въ «Сусаннѣ» онъ «костюмъ сочинилъ себѣ самый эксцентричный, самый пестрый: голубой фракъ, красный жилетъ и пр., а походку принялъ какую-то залихватскую» [3]). Само собою разумѣется, что какъ въ этой роли, которую исполнялъ также В. В. Самойловъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, когда оба артиста играли ту же роль,

---

[1]) „Пантеонъ“ 1851, I, т. л. 1—5.

[2]) «Пантеонъ», 1850, XI, Театральная лѣтопись, стр. 15.

[3]) Вольфъ „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“, т. I, стр. 81.

Максимовъ всегда былъ ниже Самойлова. Въ пьесѣ Кукольника «Ермилъ Ивановичъ Костровъ» Самойловъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ передалъ этотъ характеръ, полный человѣческаго достоинства и душевной теплоты, но когда «послѣ первыхъ представленій Максимовъ рѣшился также попробовать свои силы въ этой роли, то оказался гораздо слабѣе своего соперника» [1]). И наоборотъ, когда постепенно роли Максимова сталъ дублировать довольно способный артистъ изъ второстепенныхъ, г. Марковецкій, то разстояніе между нимъ и Максимовымъ было, конечно, всегда еще больше, нежели между Максимовымъ и Самойловымъ.

Обращаясь къ характеристикѣ и обзору второстепенныхъ сценическихъ дѣятелей Александринскаго театра, знаменитый артистъ Яковлевъ говаривалъ: «человѣкъ съ природнымъ дарованіемъ есть наслѣдникъ милліонера, который мотаетъ безотчетно и безъ оглядки; онъ родился въ золотой сорочкѣ и не знаетъ цѣны золота; что наживающій талантъ трудомъ и заботой похожъ на купца, который началъ съ копѣечной коврижки, а кончилъ покупкой корабля съ грузомъ пряныхъ кореній» [2]). Къ Максимову можно примѣнить гораздо съ бо̀льшимъ основаніемъ первую половину этого изреченія, нежели вторую.

Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Максимовъ выступалъ въ роли Чацкаго и, хотя не былъ вполнѣ удовлетворителенъ въ этой трудной роли, но по крайней мѣрѣ эту неудачу онъ раздѣлялъ съ Каратыгинымъ и отчасти съ Самаринымъ [3]). Зато онъ имѣлъ замѣчательный успѣхъ въ роли чиновника Волкова въ пьесѣ Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», гдѣ, по свидѣтельству г. Вольфа, «произвелъ рѣшительный фуроръ».

3-го сентября 1861 года Максимовъ умеръ отъ чахотки.

Виной всѣхъ недостатковъ Максимова была любовь къ чаркѣ. Онъ являлся иногда даже на представленіе, по выраженію его брата, въ «откровенномъ» настроеніи, и тогда-то являлась у него наклонность къ фарсамъ. Робкій и осмотрительный въ обыкновенное время, такъ что въ каждой новой роли онъ смущался, какъ будто при первомъ дебютѣ, Максимовъ позволялъ себѣ въ веселыя минуты принимать до невѣроятности искривленную позу и произносилъ слова особеннымъ хриплымъ голосомъ, а дома въ дружескомъ кружкѣ и въ «откровенномъ настроеніи», способенъ былъ развернуться еще больше. О кутежахъ его ходила молва, и самъ государь однажды въ разговорѣ съ нимъ сказалъ: «ты много

---

[1]) Тамъ же, 157—158.

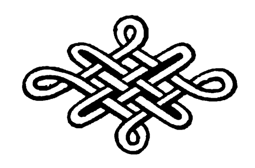
[2]) „Пантеонъ русскаго и европейскихъ театровъ“, I, 139, Закулисная хроника.

[3]) „Русская сцена“ 1865 (газета, № 4).

шалишь! Это дурно!... Посмотри на что ты похожъ?!.. Тебѣ нужно серьезно лѣчиться, ѣхать за границу». По своей безхарактерности и добротѣ, Максимовъ легко поддавался вліянію окружающихъ людей и, смотря по тому, каково было это вліяніе, то сдерживалъ свои страсти, то давалъ имъ полную свободу. Такъ до своей женитьбы онъ всегда почти находился въ отчаянномъ положеніи отъ множества долговъ, которые превысили наконецъ двадцать тысячъ рублей, но жена его умѣла ввести семейный бюджетъ въ должныя границы, такъ что онъ жилъ на приличную ногу и успѣлъ раздѣлаться со всѣми долгами. Такимъ образомъ, если участь его во многомъ напоминала участь его друга Мартынова, то благодаря женѣ онъ могъ даже оставить своимъ домашнимъ хорошее обезпеченіе. По этому поводу онъ самъ чистосердечно сознавался: «Если бы не Наталья, я бы запутался хуже Мартышечки».

Въ характерѣ А. М. Максимова были высокія, трогательныя черты. Онъ былъ истинный христіанинъ и добрый, великодушный человѣкъ. Если бы судьба не бросила его въ кипучій театральный омутъ, онъ, вѣроятно, явилъ бы собою примѣръ хорошаго семьянина и члена общества. Подобно Мартынову, онъ любилъ жить широко и открыто, любилъ принимать гостей, дѣлать пожертвованія, помогать ближнимъ. Его сердечная привязанность къ Мартынову проявилась особенно въ предсмертные часы, когда онъ часто вспоминалъ о своемъ другѣ и въ бреду произносилъ фразы: «такъ-то, братъ Мартышенька» или «нѣтъ, Мартыша, не то ты поешь». При совершеніи надъ нимъ обряда соборованія Максимовъ еще имѣлъ настолько энергіи, а главное религіознаго усердія, что во время чтенія двухъ первыхъ евангелій самъ держалъ свѣчу. Свою цѣнную библіотеку духовныхъ книгъ, которыя всегда составляли его любимое чтеніе, онъ завѣщалъ въ свой излюбленный Старо-Ладожскій Никольскій монастырь.

В. Шенрокъ.



О непечатанiи статей, относящихся до крестьянъ.

Отношенiе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

2-го марта 1821 г., № 722.

Комитетъ г.г. министровъ, усмотрѣвъ изъ внесенной въ оный отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ записки, что къ неповиновенiю крестьянъ, проданныхъ полтавскимъ помѣщикомъ Кочубеемъ, коллежской совѣтницѣ Свѣчиной и надворному совѣтнику Новикову, и къ неправильному исканiю ими свободы поданъ поводъ перiодическимъ изданiемъ подъ заглавiемъ «Историческiй, статистическiй и географическiй журналъ», коего въ книжкѣ апрѣля мѣсяца 1820 года, во второй статьѣ помѣщены неумѣстныя выраженiя и сужденiя, какъ-то: что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу и что главное средство къ возведенiю Россiйскаго государства на высочайшую степень благосостоянiя состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ бо̀льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ какъ существамъ разумнымъ; между прочимъ, предоставилъ мнѣ отъ цензора, который пропустилъ означенную статью къ напечатанiю, потребовать объясненiя и внести оное въ Комитетъ съ моимъ заключенiемъ; въ предупрежденiе же подобныхъ происшествiй и вообще неправильныхъ толковъ, воспретить цензурамъ пропускать къ напечатанiю всѣ таковыя сочиненiя, кои касаться будутъ какъ до настоящаго политическаго состоянiя крестьянъ въ Россiи, такъ и будущихъ въ отношенiи къ нимъ видовъ.

Графъ Аракчеевъ передъ поѣздкою за границу въ 1826 году.

14-го апрѣля 1826 года графъ Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ всеподданнѣйшимъ письмомъ о дозволеніи ему отправиться за границу для поправленія разстроеннаго здоровья [1]). На просьбу Аракчеева послѣдовалъ отвѣтъ государя, отъ 30-го апрѣля 1825 года, изъ Петербурга:

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Для поправленія разстроеннаго вашего здоровья, сходно съ желаніемъ вашимъ, увольняю васъ къ водамъ за границу, предоставляя вамъ управленіе отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, во время вашего отсутствія, поручить, на общихъ правилахъ, начальнику штаба генералъ-маіору Клейнмихелю, который обязанъ о дѣлахъ важныхъ, требующихъ нашего разрѣшенія, относиться къ начальнику главнаго моего штаба. Пребываю къ вамъ благосклонный Николай.

Къ подлинному рескрипту графомъ Аракчеевымъ собственноручно было сдѣлано такое примѣчаніе:

«Послѣ сего чрезъ пять дней, по ходатайству ея императорскаго величества вдовствующей императрицы, высочайше повелѣно выдать ему, графу Аракчееву, на путевыя издержки 50 тысячъ рублей, которыя и посланы къ нему отъ министра финансовъ, безъ высочайшаго уже рескрипта. Когда же пріѣзжалъ онъ благодарить за сіи деньги и прощаться, то государь императоръ, не принявъ его, приказалъ сказать, что «желаетъ ему счастливаго пути».

Тогда же Аракчеевъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [2]):

---

[1]) Это письмо напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., столбцы 1049—1052.

[2]) Копіи рескрипта и письма находятся въ бумагахъ А. Ѳ. Бычкова.

Ваше императорское величество, всемилостивѣйшая государыня императрица Марія Θеодоровна!

По крайне разстроенному моему здоровью, послѣдуя совѣту врачей, я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ.

Его величество, всемилостивѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ облагодѣтельствовать меня пожалованіемъ 50 тысячъ рублей на дорожныя мои издержки.

Всемилостивѣйшая государыня! Я не имѣлъ еще ни времени, ни случая заслужить сіе монаршее благодѣяніе: оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почившему государю императору Александру Павловичу, моему отцу и благодѣтелю.

Обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго мною пути продажею бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора, я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилостивѣйше пожалованною мнѣ суммою.

Я предназначилъ сію сумму на доброе христіанское дѣло и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе великаго плана и благоговѣйнаго почитанія памяти того, кто и за гробомъ, чрезъ августѣйшаго брата, благодѣтельствуетъ слугѣ его вѣрному—императора Александра Благословеннаго.

Всемилостивѣйшая государыня! Удостойте, съ свойственною вамъ милостію и благоволеніемъ, внять всеподданнѣйшему прошенію, которымъ дерзаю утруждать ваше императорское величество. Оно заключается въ слѣдующемъ:

1) Приказать принять отъ меня въ ломбардъ наличныхъ денегъ 50 тысячъ рублей, для составленія вѣчнаго капитала, въ принадлежность Императорскаго военно-сиротскаго дома, первому отдѣленію дѣвичьяго училища.

2) Ежегодные проценты съ сей суммы, 2.900 рублей, употреблять на воспитаніе пяти дѣвицъ сверхъ положеннаго въ семъ заведеніи штатнаго числа.

3) Назначить на сію сумму преимущественно тѣхъ дѣвицъ, коихъ отцы служатъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда; когда же ихъ не будетъ, то назначать дочерей дворянъ Новгородской губерніи.

4) Дѣвицамъ симъ именоваться: пансіонерками императора Александра Благословеннаго.

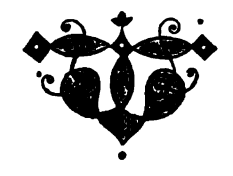
Милостивое вашего императорскаго величества благоснисхожденіе на сіе всеподданнѣйшее прошеніе мое хотя нѣсколько усладитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣнныя въ моемъ сердцѣ кончиною обожаемаго мною государя, отца и благодѣтеля моего. Праведная душа Александра Благословеннаго, по благо-

честивой здѣсь жизни, навѣрное нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей; она подкрѣпляеть всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи здравія и спокойствія вашего императорскаго величества, толико драгоцѣннаго для отечества, толико нужнаго для удовольствія и облегченія государственнаго бремени царствующаго императора.

Вашего императорскаго величества до конца дней моей жизни вѣрноподданный графъ Аракчеевъ [1]).

Мая „ " дня 1826 года.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**



[1]) Ср. письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Аракчееву, отъ 20-го апрѣля 1826 г., въ отвѣтъ на письмо Аракчеева отъ 17-го апрѣля того же года, въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I", изд. Н. Ѳ. Дубровинымъ (Спб. 1883), стр. 490—491.

Порядокъ выговоровъ губернаторамъ.

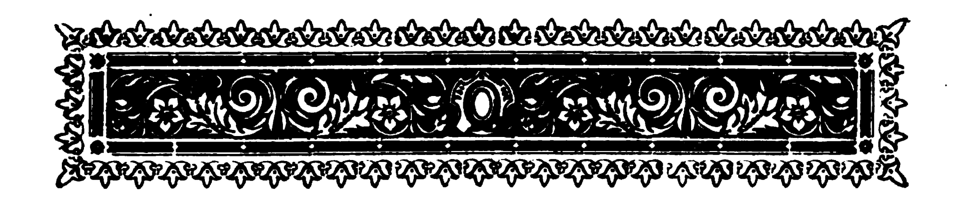
Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.

10-го января 1828 г. № 305.

Въ засѣданіи 27-го декабря объявлено комитету министровъ, что по одной изъ меморій комитета послѣдовало собственноручное его императорскаго величества повелѣніе: «Впредь Сенату никакихъ выговоровъ губернаторамъ не объявлять иначе, какъ представя на мое разрѣшеніе».

Получивъ выписку изъ журнала комитета министровъ съ изъясненіемъ означеннаго высочайшаго повелѣнія, я имѣю честь предложить объ ономъ Правительствующему Сенату,—къ должному исполненію.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.



Записки Э. И. Стогова.

VIII [1]).

Симбирскій помѣщикъ Мотовиловъ.—Женитьба Стогова.—Выдача замужъ свояченицы.—Переводъ Стогова въ Кіевъ.—Характеристика поляковъ и полекъ.—Полюбовное размежеваніе.

Если обратиться къ переходу моему въ жандармы, то одною изъ важныхъ причинъ было мое желаніе жениться. Сдѣлавшись членомъ симбирскаго общества и чувствуя себя хорошо и твердо стоящимъ, я, хотя и плясалъ, но не забывалъ искать невѣсты. Симбирскъ отличается хорошенькими личиками барышенъ. Войскъ въ Симбирской губерніи никогда не было никакихъ, молодежь большею частію на службѣ, невѣстъ, хоть лопатою греби. Въ самомъ городѣ, составленный мною списокъ показалъ 126 невѣстъ великодушныхъ, т. е. имѣющихъ приданаго болѣе 100 душъ; за малымъ исключеніемъ, я могъ жениться на любой. Жениться—надобно поразмыслить, а какъ сталъ размышлять: та—не нравится, другая—имѣетъ дурныхъ братьевъ, третья—имѣетъ родителей, которыхъ уважать не могу и т. д. Нѣтъ мнѣ невѣсты въ городѣ. Была мнѣ другомъ Марья Петровна Прожекъ, урожденная Бѣлякова; она постоянно совѣтовала мнѣ жениться. Я рѣшился собрать свѣдѣнія о дѣвицахъ по деревнямъ. Нашелся чудакъ, ни съ кѣмъ незнакомый, въ Симбирскѣ не бывалъ, поручикъ артиллеріи въ отставкѣ; у него жена, три сына и двѣ дочери невѣсты, чудакъ—никому въ жизни не поклонился. Загряжскій попробовалъ было потребовать его въ городъ, онъ отвѣчалъ: я не мальчикъ разъѣзжать, что нужно губернатору, то пусть пишетъ, я грамотный, и не поѣхалъ. Чудакъ, но ни одно

[1]) См. „Русскую Старину" май 1903 г.

*

сословіе не сказало о немъ дурнаго слова: купцы говорили—честный баринъ, помѣщики—чудакъ, но честный; мужики—называли отцомъ роднымъ, чиновники—боялись затронуть его; богатые называли его скупцомъ, бѣдные—благодѣтелемъ. Любви къ нему не выражалось, но и не ходило о немъ ни одного анекдота. Чудакъ этотъ былъ Егоръ Николаевичъ Мотовиловъ. О дочеряхъ—ничего нельзя было узнать, ихъ никто не видалъ, но городовые и горничныя говорили, что старшую больно хвалятъ, дворня вся любитъ ее. На другихъ деревенскихъ семействахъ незачѣмъ было останавливаться. Однажды я высказалъ мое любопытство Маріи Петровнѣ; она хохотала, говорила, что она сосѣдка въ 20-ти верстахъ, но не знакома, потому что никто не знакомъ. Я просилъ ее съѣздить и посмотрѣть, не годится ли мнѣ старшая дочь. Марія Петровна поѣхала и на другой день писала: «Если судьба назначила тебѣ имѣть жену, то такому тирану нѣтъ другой жены, какъ бѣдная, кроткая Анюта». На другой же день я былъ въ Цильнѣ—это 60 верстъ отъ Симбирска.

Пріѣхалъ я часу въ 5-мъ послѣ обѣда. Домъ не большой, деревенскій, простъ даже для очень небогатаго помѣщика; внутри дома еще проще, стѣны не оклеены, не крашены, мебель самая простая, домодѣльная, обтянутая кожею и жесткая, какъ камень. Въ залѣ, у стѣны кровать, на которой лежалъ пожилой человѣкъ, посреди комнаты небольшой столъ, у котораго сидѣла благообразная старушка и попъ. Я отрекомендовался, говоря, что ѣду на слѣдствіе, но заѣхалъ напиться чаю. Больной старикъ всталъ и сказалъ, что онъ поручикъ Мотовиловъ, а старушка—жена его. На старикѣ тулупчикъ и брюки были разорваны. Никакой церемоніи, при встрѣчѣ со мною никакой суеты не было. Старикъ сѣлъ на кровать и молчалъ, за то я говорилъ, какъ шарманка. Лакей, тутъ же въ залѣ, началъ готовить чай, и онъ же разливалъ. Коснулся я хозяйства и насилу вызвалъ старика на кой-какой отвѣтъ, онъ говорилъ не охотно и какъ-то странно.

— Да, батцка, наше дѣло хозяйничать, а ваше служить, каждому до своихъ дѣлъ.

Вошли двѣ дѣвицы.

— Это двѣ мои дочери,—сказалъ старикъ,—вотъ старшая Анюта, а эта младшая Александра.

Дѣвочки въ корсетахъ, въ ситцевыхъ поношеныхъ платьяхъ, молча сѣли. Надобно знать, что владѣю способностью, по голосу женщины, не видавши ее, заключать объ ея характерѣ и почти безошибочно. Не обращая вниманія на дѣвицъ и поддерживая кое-какъ разговоръ со старикомъ, я хотѣлъ слышать голосъ старшей. Сестры такъ были не похожи между собою, будто разнаго семейства: старшая—блондинка, круглаго лица, младшая—брюнетка съ продолговатымъ лицомъ.

За чаемъ что-то дѣвицы отвѣчали матери; мнѣ было довольно, чтобы заключить все хорошее о старшей.

Наступила темная октябрская ночь, надобно было ночевать, старикъ безъ церемоніи сказалъ:

— А вы ночуйте за рѣкой, тамъ живетъ мой братъ, да его нѣтъ дома, я прикажу васъ проводить.

Изъ всего я увидѣлъ, что старикъ независимый и даже гордый человѣкъ. Уѣхалъ я ночевать къ другому Мотовилову, меня тамъ приняли очень вѣжливо. Прощаясь со старикомъ, я напросился на утренній чай. Этотъ чудакъ старикъ имѣлъ болѣе 1000 душъ, отлично устроенныхъ и незаложенныхъ. Въ 5-ть часовъ утра меня разбудили и звали пить чай къ старику. Я нашелъ все семейство въ той же комнатѣ, дочерей въ корсетахъ и причесаныхъ, а старика, сидѣвшаго около стола у окна, въ томъ же костюмѣ. Я усѣлся по другую сторону стола. Мимо окна прогоняли превосходныхъ лошадей, коровъ, мериносовъ, и старикъ, указывая на стада, разсказывалъ мнѣ о своемъ хозяйствѣ.

— Да, батцка,—сказалъ онъ, вздохнувъ,—слава Богу, все хорошо, только не даетъ Богъ здоровья. Я знаю, что долго не проживу, старуха скоро отправится за мною, сыновья у меня отдѣлены, вотъ только не подумалъ я о дочеряхъ, ихъ жалко оставить,—безъ родителей имъ будетъ трудно жить.

— Кто жилъ для дѣтей,—сказалъ я,—тотъ исполнилъ святую обязанность, и Богъ не оставляетъ такія семейства. Впрочемъ, что же вамъ безпокоиться: дочери ваши пользуются прекрасною репутаціею, никто не скажетъ о нихъ ничего кромѣ хорошаго.

— Все оно такъ,—отвѣчалъ старикъ,—можетъ быть, вы говорите и правду, но нынѣ времена стали тяжелыя, однимъ молодымъ дѣвицамъ жить трудно, есть у меня сынъ женатый, да сестры мужа не жилицы при невѣсткѣ. Вотъ какъ подумаю о дочеряхъ, то мнѣ и жалко ихъ.

— Я не понимаю, Егоръ Николаичъ, почему такъ тревожитъ васъ положеніе вашихъ дочерей, отдайте за меня старшую. Мы всѣ смертны; если Богу угодно, то я васъ похороню, тогда младшая будетъ жить у сестры, а современемъ и ея судьба устроится.

Старикъ серьезно посмотрѣлъ на меня и, сдѣлавъ сердитые глаза, сказалъ:

— Шутить такъ неприлично, вамъ не дано повода къ тому.

— Ни ваше положеніе, ни мое званіе,—сказалъ я,—не даютъ мнѣ права шутить. Я не изъ тѣхъ людей, чтобы дозволить себѣ подобную шутку, скажу прямо, я нарочно къ вамъ пріѣхалъ, чтобы просить руку вашей старшей дочери и повторяю мою просьбу.

— Да вы не могли знать моей дочери?

— Извините, я жандармъ, я обязанъ все знать и знаю.

— Но я долженъ вамъ сказать, что мы васъ не знаемъ.

— Вотъ это правда: предоставляю вамъ узнать о мнѣ, а я вамъ доложу, что я превосходный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вы не найдете недостатковъ во мнѣ.

— Ну, батцка, аржаная каша сама себя хвалитъ, и старикъ разсмѣялся, что̀ мнѣ и нужно было.

— Ну, такъ какъ же, Егоръ Николаичъ, какой вашъ будетъ отвѣтъ?

— Послушайте, батцка, намъ надобно подумать, да узнать, что вы за человѣкъ.

— Вотъ и это можно; только если я имѣю не много ума, то я надую васъ отлично, лучше вѣрьте, что я прекрасный человѣкъ.

— Правда, нынѣшній народъ хитеръ, трудно узнать человѣка, но все же надобно подумать и узнать.

— И такъ прощайте, я ѣду обратно въ Симбирскъ, а вамъ хочу сказать: какъ родители, можете располагать рукою дочери и если откажете, то я, можетъ быть, болѣе буду уважать васъ, этому вѣрьте.

Передъ отъѣздомъ я спросилъ, когда получу отвѣтъ. Старикъ обѣщалъ прислать.

Въ Симбирскѣ никто и предполагать не могъ о моемъ намѣреніи.

Черезъ четыре дня является ко мнѣ лакей Мотовиловыхъ, Титъ.

— Что скажешь?—спросилъ я.

Егоръ Николаевичъ и Прасковья Ѳедосеевна приказали кланяться и просить васъ пожаловать къ нимъ въ Цильну.

— Болѣе ничего?

— Ничего-съ.

— Ступай.

Это было рано утромъ, почтовыя лошади, тарантасъ, и я опять къ чаю въ Цильнѣ. Тотъ же часъ, въ той же комнатѣ, тѣ же лица (кромѣ попа) и такъ же одѣты, тотъ же лакей дѣлалъ чай. Говорилъ опять только я почти одинъ. Прошло два часа, старикъ ни слова не говоритъ о своемъ согласіи или отказѣ. Не любя проволочки въ дѣлахъ, я самъ началъ:

— Егоръ Николаичъ, если вы припомните, я просилъ руки вашей старшей дочери; вы за мной прислали, вотъ уже два часа я здѣсь, но не слышу вашего слова.

— Мы съ Прасковьей Ѳедосеевной думали, старались узнать о васъ, да вѣдь одинъ Богъ васъ узнаетъ. Но вотъ, видите ли, вы въ голубомъ мундирѣ, этого мундира никто не любитъ, но васъ всѣ хвалятъ, видно, и въ правду вы хорошій человѣкъ, а если такъ, то Богъ васъ благословитъ.

Я подошелъ къ старику, поцѣловалъ его руку и увѣрялъ его, что

я такой хорошій человѣкъ, что чѣмъ болѣе меня узнаетъ, тѣмъ болѣе полюбитъ. Старикъ смѣялся.

— А ты, батцка, все-таки себя хвалишь,—говорилъ онъ.

— Да кто же меня похвалитъ, если самъ не скажу о себѣ правды.

Послѣ этого я подошелъ къ старухѣ и просилъ ее дать свое согласіе. У этой добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ и лучшей изъ матерей показались слезы на глазахъ.

— Мы васъ не знаемъ,—сказала она взволнованнымъ голосомъ,—я никогда не рѣшилась бы отдать мою дочь неизвѣстному мнѣ человѣку, но 40 лѣтъ говоря моему мужу да, всегда видѣла въ томъ добро, не хочу и теперь сказать нѣтъ, надѣясь на Бога, что дочь моя будетъ счастлива.

— Пожалуйте вашу руку и позвольте назвать васъ матерью. А что ваша дочь будетъ счастлива, въ томъ не сомнѣвайтесь, во-первыхъ, потому, что я превосходный человѣкъ, а во-вторыхъ, потому, что я самъ хочу быть счастливымъ, а безъ счастія жены нѣтъ счастія для мужа. Будьте увѣрены, что вы полюбите меня не менѣе своихъ родныхъ дѣтей.

Старуха усмѣхнулась.

— Ну, батюшка,—сказала она,—хвалить-то себя ты мастеръ. Потомъ подошелъ я къ невѣстѣ,

— Съ родителями вашими уладилъ,—сказалъ я,—остается дѣло за вами.

— Я васъ совсѣмъ не знаю,—отвѣчала она.

— Да гдѣ же вамъ и знать; не только молоденькую васъ, но я и вашихъ родителей съумѣю обмануть. Не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ: я до сихъ поръ былъ одинъ изъ счастливыхъ людей, хочу жениться не для того, чтобы быть несчастливымъ; счастіе состоитъ въ согласіи супруговъ, а это не всегда отъ нихъ зависитъ. Вы слабыя созданія, а мы—сила; для уравненія Богъ далъ вамъ то, чего мы не имѣемъ—женщина надѣлена отъ Бога особымъ чувствомъ—инстинкта. Ни съ того, ни съ сего, дѣвушкѣ не нравится въ мущинѣ: голосъ, походка, манера—это называютъ антипатіей; но мужчина, не красивый собою, привлекаетъ вниманіе дѣвушки каждымъ своимъ движеніемъ и ей нравится; это называется симпатія. Я глубоко вѣрую въ эти чувства. Мы другъ въ друга не влюблены, то можемъ разсудить хладнокровно. Намъ не съ стариками жить, если въ васъ есть ко мнѣ малѣйшее чувство антипатіи, заклинаю васъ—скажите откровенно, потому что чувство антипатіи я не воленъ измѣнить, тогда я буду несчастливъ, и все несчастіе падетъ на васъ бѣдную. Вотъ, пожалуйста, посмотрите, я буду ходить, голосъ мой вы слышали, наружность видите, подумайте и скажите, нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь противнаго?

И я началъ ходить по комнатѣ; старики молчали.

— Скажите, заклинаю васъ,—спрашиваю я, остановившись передъ невѣстою,—нѣтъ ли во мнѣ чего-либо противнаго?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте къ образу, перекреститесь.

И только она перекрестилась, какъ я быстро поцѣловалъ ее и сказалъ: теперь и съ вами кончено, теперь вы моя невѣста. Ночевалъ я опять за рѣкой, по утру въ 5 часовъ пилъ чай и былъ уже не чужой въ семьѣ. Старикъ былъ боленъ, и я упросилъ его переѣхать ко мнѣ въ городъ. Онъ согласился. Это былъ такой человѣкъ, что, сказавши разъ—да, слова своего не перемѣнитъ, а сказавши—нѣтъ, тоже не измѣнитъ до смерти.

Послѣ я узналъ, что этотъ по наружности чудакъ былъ замѣчательно умный и даже начитанный человѣкъ, но гордый и самостоятельный.

Въ городѣ никому и на умъ не приходило, что я женихъ. Скоро старикъ переѣхалъ ко мнѣ, и это обратило общее вниманіе. Пошли толки по всему Симбирску; предположеній, пересудовъ, догадокъ и не сосчитать, а я никому ни одного слова. Странное отношеніе мое было съ обществомъ, я былъ знакомъ со всѣмъ городомъ, бывалъ въ семействахъ по-старому, спросить меня совѣстились, а я молчалъ. Разъ идя по улицѣ, встрѣчаю своего корпуснаго товарища—Андрюшу Сомова. Онъ очень давно оставилъ флотъ, былъ въ коммиссаріатѣ и теперь въ отставкѣ. Онъ былъ помѣщикъ Саратовской губерніи, женѣ его принадлежало 50 душъ. Онъ пріѣхалъ въ Симбирскъ продать ихъ, нашелъ плохаго покупщика и просилъ меня помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

— Каково это имѣніе?—спросилъ я будущаго тестя.

Старикъ зналъ всѣ имѣнія и сказалъ: «очень хорошо». Я разсказалъ старику о желаніи Сомова продать, а что я хочу его купить.

— На что тебѣ?—спросилъ старикъ.

— Да вотъ видите ли, есть обычай дарить невѣсту: шалями, брилліантами и проч. По-моему это деньги пропащія, только хвастовство, а я хочу подарить моей невѣстѣ—деревню, это будетъ громко; но когда женюсь, то мой подарокъ придетъ къ моимъ рукамъ безъ убытка.

— А какъ ты подаришь деревню невѣстѣ, а мы тебѣ откажемъ?—сказалъ старикъ.

— Тогда я скажу, слава Богу, что я развязался съ подлецами; потеря денегъ еще не важное дѣло, наживу вновь.

Старикъ разсмѣялся и сказалъ:

— Видно, тебя голой рукой не возьмешь, ты порядочный плутъ; видно, ты знаешь, когда старикъ сказалъ да, то никто этого не пере-

мѣнять. Богъ тебя благословитъ, покупай, о подаркахъ разсуждаешь умно.

— Что просятъ за имѣніе?

— Шестьдесятъ тысячъ рублей.

— Покупай, не торгуйся, имѣніе, купленное дорого, выгоднѣе проданнаго, вотъ на продажу нѣтъ тебѣ моего благословенія.

Чрезъ полчаса съ Сомовымъ было дѣло кончено.

Я долженъ разсказать о положеніи дѣтей Мотовилова. У него было три сына, старшій Николай, кончилъ курсъ въ университетѣ. Отецъ, презирая гражданскую службу, приказалъ сыну поступить въ военную; онъ скоро сдѣлался старшимъ адъютантомъ въ дивизіи генералъ-лейтенанта Дувинга, который былъ нѣмецъ, но женатъ на русской—Обручевой. У нихъ было много дѣтей, но всѣ были въ институтахъ и корпусахъ на казенномъ содержаніи, а дома была одна дочь Анна. Николай Мотовиловъ влюбился въ дочь генерала; родители Анны были согласны, но отецъ Николая не давалъ согласія, на томъ основаніи, что ненавидѣлъ нѣмцевъ. Николай не ослушивался отца, но три года просилъ позволенія жениться. Наконецъ, мать Николая, въ добрый часъ упросила мужа, тотъ согласился, но съ условіемъ—не видать Дувинговъ.

Прошелъ годъ, у Николая родился сынъ Георгій. Семейному сыну надобно помогать. Старикъ Мотовиловъ приказалъ сыну выйти въ отставку, что̀ Николай и исполнилъ. Пріѣхалъ онъ съ женою въ Цильну, старикъ принялъ сына и невѣстку ласково и хотя домъ въ Цильнѣ тѣсенъ, но помѣстились. Жена Николая, любящая опрятность, по два и по три раза въ день купала крошку сына. Это старику надоѣло.

Онъ отправился къ помѣщику Бабкину и предложилъ ему продать свое имѣніе Скорлятку, въ которомъ считалось 100 душъ, съ условіемъ продать все, что̀ есть. Бабкину предлагалось надѣть только шинель и шапку и выѣхать изъ имѣнія. Не только бѣлье, но одежду и всѣ запасы: чая, сахара, кофе, часы въ домѣ, серебро, посуду все оставить покупателю. Бабкинъ запросилъ 80.000 рублей; старикъ не торговался и заплатилъ. Пріѣхавъ домой съ купчею, старикъ Мотовиловъ вручилъ ее сыну Николаю и далъ ему еще 5.000 рублей на первыя потребности, а невѣсткѣ ласково и шутя сказалъ:

— Ну, матушка, будешь довольна, тамъ воды сколько хочешь, можешь купать своего сына.

Между прочимъ покупка имѣнія Воецкаго у Сомова состоялась, у меня недоставало 10.000 рублей, но я зналъ, что 10.000 рублей мои деньги лежатъ въ банкѣ и билетъ хранится у отца; пока я написалъ къ отцу о билетѣ и просилъ благословенія на бракъ, старикъ далъ мнѣ 10.000 р.

на вексель и все дразнилъ меня, что онъ поступитъ со мною, какъ съ должникомъ, строго. Видимо, старикъ хотѣлъ подарить эти деньги. Для совершенія купчей на имя Анюты потребовалось ея присутствіе въ Симбирскѣ. Въ то время казалось неприличнымъ ѣхать невѣстѣ въ домъ жениха и жить тамъ, но старикъ приказалъ, мать и дочь прожили у меня три дня. Старикъ становился плохъ, того и гляди, скончается, тогда трауръ и свадьба затянулись бы. Доктора, по просьбѣ моей, можно сказать, искусственно тянули жизнь старика: ему постоянно дѣлали ванны изъ бульона съ виномъ, давали сильныя возбуждающія средства внутрь.

Наконецъ, возвратился курьеръ съ дозволеніемъ на бракъ. Я въ тотъ же день поскакалъ въ Цильну, посаженой матерью моею была мой другъ, Марья Петровна, а отцомъ я схватилъ въ Симбирскѣ отставнаго лейтенанта, старика Бестужева, шаферомъ—отставнаго прапорщика Мякишева. Со стороны Анюты былъ посаженый отецъ дядя Ахматовъ, а шаферами братья. Старикъ благословилъ меня. На другой день свадьба была совершена безъ гостей и безъ шампанскаго; мнѣ стоила она 15 руб. ассигн.

Я не говорилъ ни слова въ городѣ, что же́натъ; всѣ ожидали моего объявленія и приличныхъ праздниковъ, но ничего подобнаго не было. Анюта слышала прежде, что молодая обязана дѣлать визиты знакомымъ мужа и своимъ. Я видѣлъ, что она неохотно собирается дѣлать визиты, но на вопросъ мой отвѣчала, что исполнитъ все, что̀ должно, хотя это ей непріятно.

— Такъ зачѣмъ же, мой другъ,—сказалъ я,—дѣлать непріятное?

— Да говорятъ, что это должно,—отвѣчала она.

— Послушай, Анюта, однажды на всегда: мы женились для себя, а не для другихъ, то и должны дѣлать только то, что̀ намъ пріятно. Визиты, это требованіе чужихъ намъ людей,—тебѣ не хочется, ну, и не дѣлай, поѣдешь тогда, когда захочешь и къ кому захочешь, вотъ мой сказъ.

Анюта радостно спросила:

— А если я ни къ кому не поѣду, вы сердиться не будете?

— Сердится ни на что не буду и говорю тебѣ просто: дѣлай, что тебѣ хочется, и все будетъ хорошо.

Для скромной Анюты это былъ праздникъ; она казалась совершенно счастливою. Однажды я спросилъ ее: любитъ ли она меня?

— Какъ это странно,—отвѣчала она,—чтобы я могла любить чужаго человѣка; но я уважаю васъ, уважаю ваши правила и характеръ, а, право, любить не могу.

— Какъ же ты рѣшилась идти замужъ за меня, не любя?

— Я повиновалась родителямъ, но очень боялась васъ и думала: послушаюсь родителей и скоро умру.

Спустя мѣсяца два—три, я снова спросилъ Анюту, любитъ ли она меня? Она отвѣчала, что любитъ, но конечно не столько, какъ своихъ братьевъ, вѣдь я чужой, а братья—родные, и, ласкаясь, говорила, что, вѣроятно, я такъ буду справедливъ, что никогда не потребую, чтобы она любила меня столько же, сколько братьевъ. Я находилъ все это разумнымъ, справедливымъ и естественнымъ. Анюта была очень умна отъ природы, училась кой-чему и даже хорошо, но въ своей затворнической жизни совершенно была чужда жизни практической. Это воспитаніе долженъ былъ дополнить я.

Между тѣмъ съ Кавказа пріѣхалъ въ годовой отпускъ капитанъ Гельмертъ. Такъ какъ въ Симбирскѣ я былъ старшій, то всѣ военные пріѣзжіе являлись ко мнѣ. Послѣ смерти моей тещи черезъ три мѣсяца, приноситъ ко мнѣ денщикъ Гельмерта письмо отъ него. Какъ я ни бился, но, серьезно говоря, всего разобрать не могъ, однако, понялъ, что онъ проситъ руки Саши, сестры Анюты. Я сказалъ денщику, чтобы онъ просилъ барина ко мнѣ, что письма его прочитать не могу. На другой день утромъ явился Гельмертъ, а я между прочимъ собралъ о немъ кой-какія свѣдѣнія и всѣ въ пользу его. Посадивъ его, я спросилъ, что ему угодно? Онъ долго мялся, конфузился, наконецъ высказалъ свое желаніе жениться на Сашѣ. Я поблагодарилъ, но весьма серьезно сказалъ:

— Мы военные, и откровенность между нами вещь обыкновенная. Я честный человѣкъ и на честное ваше предложеніе сочту грѣхомъ себѣ не сказать вамъ правды; но дайте мнѣ честное слово, что кромѣ насъ никто о томъ не узнаетъ. Моя сестра Саша можетъ нравиться — въ этомъ я не сомнѣваюсь, но, узнавъ ея недостатки, благоразуміе указываетъ удалиться отъ нея, она имѣетъ несчастіе употреблять вина весьма неумѣренно, и страсть эта усиливается. Вы теперь знаете, отъ какой бѣды сохраняетъ васъ моя искренность, но надѣюсь, что все это останется между нами. Прощайте, невѣстъ много, желаю вамъ счастія.

Бѣдный Гельмертъ откланялся.

Я Сашу очень любилъ, она вполнѣ была добрая, кроткая и невинная сердцемъ дѣвочка, тоже была очень привязана ко мнѣ, часто говорила, что меня любитъ болѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Я далъ слово покойникамъ устроить ея судьбу. Собирая подробныя свѣдѣнія о Гельмертѣ, я узналъ, что это былъ простой, но совершенно добрый человѣкъ. Онъ былъ сынъ доктора, служилъ долго на Кавказѣ, имѣлъ много крестовъ и персидскіе на шеѣ — льва и солнца. Гдѣ онъ видѣлъ Сашу, я не зналъ, а видѣла ли она Гельмерта?—скорѣе нѣтъ.

Послѣ свиданія я ни слова не сказалъ о предложеніи его, даже Анютѣ. Черезъ недѣлю приходитъ онъ опять съ предложеніемъ и признался, что онъ много думалъ, не спалъ ночи, молился, но не можетъ найти покоя,—все видитъ Александру Егоровну.

— Если судьба назначила мнѣ,—говорилъ онъ,—погибнуть въ этой женитьбѣ, то все равно, погибну, и не женившись.

Я продолжалъ дурачиться, увѣрялъ его, что онъ ищетъ бѣды. Онъ не красно говорилъ, но видимо страдалъ, и текли слезы по блѣднымъ щекамъ, такъ онъ похудѣлъ.

— Гдѣ вы могли видѣть мою сестру?

— Въ церкви.

— Говорили ли съ ней?

— Никогда, ни слова.

— Знаетъ ли она васъ?

— Полагаю, нѣтъ.

— Послушайте меня, не дѣлайте глупости, успокойтесь и уѣзжайте на Кавказъ, но, впрочемъ, для удостовѣренія вашего, что я васъ не обманываю, приходите сегодня обѣдать въ 2 часа.

Я тихонько сказалъ Анютѣ и просилъ ее до времени не говорить сестрѣ. Передъ обѣдомъ, я сказалъ Сашѣ, что у насъ будетъ обѣдать нужный мнѣ человѣкъ и просилъ ее почаще наливать ему вина. Явился Гельмертъ, расфранченный по-армейски; отъ каждой части тѣла пахло разными духами. За обѣдомъ, я только подмигну Сашѣ, она за бутылку, а я, какъ будто боясь, чтобы она не налила себѣ, бутылку отнималъ и предлагалъ гостю, а ему подмигивалъ, давая знать, вишь какъ хватается за бутылку. Такъ повторилось разъ шесть за обѣдомъ. По выходѣ изъ-за стола, я успѣлъ шепнуть гостю:

— Видѣли, какая страсть у дѣвушки, сколько мнѣ заботы, чтобы при чужихъ не напивалась.

Гельмертъ только вздыхалъ. Усѣлись въ гостиной пить кофе, я шепнулъ Анютѣ, чтобы она незамѣтно вышла, а самъ пошелъ за трубкой, но вмѣсто того подсматривалъ въ притворенную дверь. Смотрю, мой капитанъ подъѣхалъ къ Сашѣ, что-то тихо говорятъ, и онъ, злодѣй, уже два раза поцѣловалъ руку. Далъ я имъ время болтать и при третьемъ поцѣлуѣ руки быстро растворилъ дверь и сердитымъ голосомъ крикнулъ:

— Это что значитъ? Что за интимныя объясненія? Г. капитанъ, извольте сказать, что вы шептались съ моей сестрой?

Смѣшался бѣдный, заикаясь и труся, признался, что просилъ ея руки.

— Ну, а ты, сударыня безстыдница, что ему отвѣчала?

— Я, братецъ, сказала, что если вы согласны, то и я буду согласна.

Входитъ Анюта, я разсказалъ о безстыдствѣ Саши и спросилъ у Анюты, что она объ этомъ думаетъ? Анюта отвѣчала: если Саша желаетъ быть женою Ѳедора Ѳедорыча, значитъ, онъ ей нравится; тогда намъ препятствовать не должно.

Я расхохотался и сказалъ:

— Сколько я ни старался васъ поссорить и развести, но видно, назначилъ Богъ соединиться вамъ: ну, вы женихъ, а ты невѣста, извольте цѣловаться.

Капитанъ расцвѣлъ, цѣлуетъ руки и болтаетъ. Оказалось, что они нѣсколько разъ видѣлись въ монастырской церкви, но не говорили ни слова. Саша послѣ мнѣ призналась, что она очень любила смотрѣть на него. Братьевъ на этотъ разъ не было ни одного, траура мы никто не носили, откладывать свадьбу причинъ не было. Свадьба была такая же скромная, какъ моя. Какъ опекунъ, я сдалъ Гельмерту деньги Саши и имѣніе. Впослѣдствіи Гельмертъ вышелъ золотой человѣкъ и сдѣлалъ Сашу совершенно счастливою. Онъ считается честнѣйшимъ человѣкомъ въ своемъ уѣздѣ, объ этомъ мнѣ говорилъ губернаторъ въ 1848 году.

Между тѣмъ, я получилъ предписаніе, что по многимъ неисправностямъ въ Саратовской губерніи я перевожусь въ Саратовъ. Я понялъ, что это была интрига Перовскаго, не возлюбившаго меня послѣ бунта удѣльныхъ крестьянъ. Я въ ту же минуту написалъ просьбу объ отставкѣ и послалъ къ графу, а Дубельту написалъ: «вамъ не угодно было спросить меня, желаю ли я въ Саратовъ, а я доложу вамъ, что я не мальчикъ и не желаю быть игрушкой. Не нуженъ и не годенъ я въ Симбирскѣ, то увольте меня изъ службы, а въ Саратовъ я не поѣду».

Дубельтъ отвѣчалъ: «Горячка Иванычъ, графъ посылаетъ тебя въ Саратовъ, какъ лучшаго своего помощника, этого желалъ государь. Ты, горячка Иванычъ, не хочешь—оставайся въ Симбирскѣ и уничтожь свою просьбу, которую графъ не принялъ. Опять моя взяла. Въ то время Бибиковъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ считался родней гр. Бенкендорфу и вотъ какой: старшій братъ Бибикова, Николай, умеръ бездѣтенъ, на вдовѣ его женился гр. Бенкендорфъ и то же скоро овдовѣлъ, не имѣя дѣтей. Кажется, нѣтъ родства, но считались родными. Бибиковъ обратился къ Бенкендорфу съ просьбою выбрать изъ своего корпуса штабъ-офицера, способнаго занять должность правителя канцеляріи. На этотъ разъ опять пало на меня. Прописывая просьбу Бибикова, дѣлающую честь корпусу, графъ писалъ: «желая исполнить просьбу Бибикова и просматривая нѣсколько

разъ списокъ штабъ-офицеровъ корпуса, я всякій разъ останавливался на вашей фамиліи. Зная ваши способности, увѣренъ, что на новой должности разовьется ваша дѣятельность»; къ этому онъ прибавлялъ: «корпусъ жандармовъ столько обязанъ вамъ, что если не понравится вамъ новая обязанность, то, по прошествіи года, предоставляется вамъ занять мѣсто въ корпусѣ по вашему выбору». Отказаться было неприлично. Я изъявилъ согласіе, написалъ письмо и закончилъ его такъ: «въ Кіевѣ столовыхъ 1.000 р. Я не приму этой должности безъ 2.000 р. столовыхъ и прошу дать мнѣ на переѣздъ 2.000 р.». Съ первой же почтою все было исполнено, и мнѣ не оставалось ничего дѣлать, какъ поѣхать въ Кіевъ.

Прощай, мой милый Симбирскъ, прощай, моя вторая родина. Симбирскъ много далъ мнѣ счастливыхъ дней, далъ мнѣ милую и ангела душою жену. Прощай, моя лихая дѣятельность! Я былъ на своемъ мѣстѣ и по способностямъ, и по характеру. Я былъ любимъ всѣмъ обществомъ, не дѣлалъ зла, а прекращалъ злоупотребленія тихо, безъ шуму и старался исправлять, а не губить.

Послѣ родной моей службы во флотѣ, служба въ Симбирскѣ — была мнѣ по душѣ, по сердцу и по уму. Успѣхи служебные въ Симбирскѣ — меня радовали, а успѣховъ было много. Я много имѣлъ успѣховъ и въ Кіевѣ, но уже не радовался; поэзія моя осталась въ Симбирскѣ и не посѣтила меня.

За недѣлю до моего отправленія въ Кіевъ, намъ Богъ далъ дочь Ираиду. Анюта должна была остаться, я отправился одинъ въ самую распутицу.

Послѣ моей жизни въ Сибири и Симбирскѣ не хочется говорить о жизни въ Кіевѣ. Я сдѣлалъ важную ошибку, для чего я не воспользовался и чрезъ годъ не ушелъ изъ Кіева въ корпусъ жандармовъ, я имѣлъ это право по письму ко мнѣ графа Бенкендорфа. Мои способности, мое призваніе было быть жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Да, по прошествіи года въ Кіевѣ, перейди опять я въ жандармы, пріятнѣе бы прошла жизнь моя, но я не сдѣлалъ того, купилъ подъ Кіевомъ деревню, хозяйство шло успѣшно, жена — то беременна, то кормитъ, трудно, казалось, переѣзжать—такъ и сдѣлался осѣдлымъ жителемъ. А потомъ умеръ гр. Бенкендорфъ, потомъ умеръ Дубельтъ. Поступя въ корпусъ, я былъ бы новымъ человѣкомъ. Не хочется мнѣ писать о Кіевѣ, а къ Симбирску такъ и тянетъ.

Наблюдая поляковъ въ Симбирскѣ и повѣряя мои наблюденія послѣ въ здѣшнемъ краѣ, я положительно убѣжденъ, что мужчины-поляки, если отнять отъ нихъ вліяніе полекъ, то они смирнѣе рыбы, вся сила энергіи — въ головахъ женщинъ, у которыхъ, безъ исключенія — всѣ мужчины подъ башмакомъ. Женщины-польки вообще — худо учены,

у нихъ есть свѣтскій лоскъ, пропасть кокетства и только. Всѣ женщины—изувѣрки, тоже отъ невѣжества; онѣ подчиняются нравственно хитрымъ ксендзамъ, которые, самымъ наглымъ образомъ, распоряжаются загробною жизнію и раздаютъ рай и адъ—какъ свои владѣнія. Полька съ малолѣтства привыкаетъ вѣрить въ могущество ксендза, а не имѣя философскаго взгляда, не можетъ выбиться изъ подъ его вліянія всю жизнь. Вѣра въ отпущеніе грѣховъ создаетъ фанатизмъ польки, и она, пользуясь вліяніемъ на мужчинъ, электризуетъ дѣятельность, особенно молодыхъ. Полякъ дѣлается фанатикомъ, уже переступая за зрѣлые свои года. Говоря о большинствѣ, поляки надѣлены прекрасными способностями во всѣхъ отношеніяхъ, но вліяніе іезуитовъ съ давнихъ временъ направляетъ ихъ воспитаніе совершенно ложно. Полякъ, съ малолѣтства получая фальшивое направленіе, тоже не можетъ отбиться во всю жизнь отъ направленія политической его вѣры іезуитами и подготовленными для того книгами. Молодой полякъ, кровный, на все способенъ, воспріимчивъ и легко увлекается. Въ каждомъ молодомъ полякѣ много рыцарскаго, много благородныхъ порывовъ, но только порывовъ, а прозаическая жизнь протекаетъ подъ вліяніемъ женщинъ. Надобно видѣть поляка, когда онъ сватается,—это рыцарь. Для него нѣтъ невозможнаго, жертва — его наслажденіе; будучи женихомъ, онъ почти боготворитъ свою невѣсту, кокетку по природѣ; онъ готовъ ходить около нея на колѣнахъ, онъ пьетъ изъ ея башмака за ея здоровье. Полякъ-женихъ — весь увлеченіе и страсть, невѣста — чистый разсчетъ кокетства.

Совершилась свадьба, полякъ удовлетворенъ; какъ сильно пламенѣетъ до свадьбы, такъ быстро разочаровывается послѣ нея. Полякъ-женихъ—мечта; воображеніе, поэзія заносятъ его на седьмое небо; но, сдѣлавшись мужемъ, полякъ спускается на землю, проза жизни не удовлетворяетъ его, пылъ его необузданной страсти тянетъ къ новому и неизвѣданному. Онъ, сознавая свою невѣрность, старается притворною любовію услаждать жизнь жены, но женщину притворствомъ обмануть нельзя, потому что на этомъ инструментѣ онѣ сами артистки. Жена скоро замѣчаетъ охлажденіе мужа и даже узнаетъ о скрытныхъ продѣлкахъ невѣрнаго, но, не выказывая подозрѣнія, она инстинктомъ понимаетъ, что наступило время быть требовательной и даже капризной. Мужъ, не догадываясь, что жена проникла его тайну сердца, стараясь сколь можно отдалить могущую быть катастрофу, исполняетъ всѣ требованія жены и повинуется ея капризамъ, — и вотъ жена фактически дѣлается господствующимъ лицомъ въ семействѣ. Но у жены является ксендзъ, который учитъ грѣху и разрѣшаетъ его. Съ перваго супружескаго преступленія, мужъ дѣлается рабомъ жены и все для того, чтобы отдалить могущую произойти катастрофу. Жена, отлично

понимая эти чувства мужа, продолжаетъ показывать, что она вѣритъ своему супругу и повелѣваетъ, какъ царица, въ домѣ и властвуетъ надъ мужемъ. Вотъ гдѣ кроется подчиненіе всѣхъ поляковъ своимъ женамъ. Полякъ безъ женщины польки—рыба, онъ и разсудителенъ и кротокъ, онъ даже лѣнивъ на предпріятіе, но полька—это гальваническій токъ, который оживляетъ и умершія тѣла.

Возвращусь опять къ Симбирску и скажу о о спеціальномъ межеваніи въ Симбирской губерніи. Государь сказалъ: кто отмежуется добровольно, тѣмъ даруется излишняя земля противъ крѣпостей, а если будетъ межевать правительство, то излишняя земля будетъ отрѣзана въ казну. Я говорилъ, что, бывши женихомъ, я купилъ имѣніе въ селѣ Воецкомъ, помнится, отъ 50 до 60 душъ, на имя моей невѣсты Анюты. Село Воецкое стояло на небольшой рѣкѣ Гущѣ, границею села была эта рѣчка, а вся земля, принадлежащая селу, шла отъ домовъ въ степь и ограничивалась большою рѣкою Свіягою. Между этими рѣками было разстояніе верстъ 13-ть; рѣки были параллельны. Не помню, кому при Екатеринѣ II была подарена эта земля, но первый хозяинъ захватилъ ее безъ мѣры—въ ширину степи верстъ тоже на 12, 13-ть. Земля продавалась по частямъ, дѣлилась по наслѣдству, такъ, что образовалось владѣтелей въ Воецкомъ помѣщиковъ 15-ть, и я самый богатый. Дачу между собою дѣлили отъ селенія къ рѣкѣ Свіягѣ. Помню, былъ у меня сосѣдъ Есиповъ; ему, по числу душъ, досталась такая узкая полоса, что только могла проѣхать телѣга въ одну лошадь. Впрочемъ, твердыхъ основаній на владѣніе землею никто не имѣлъ, владѣли — по какимъ-то преданіямъ. Сообразивъ все дѣло, я ясно видѣлъ, что если отмежуетъ казна по крѣпостямъ, то мы останемся едва-ли при третьей части земли. Все говорило разуму, что надобно размежеваться полюбовно, тогда вся земля наша.

Снятый общей дачи планъ не могъ удобно раздѣлить дачу для всѣхъ, а нельзя же было дать Есипову — только дорогу. Я собралъ всѣхъ помѣщиковъ въ свой домъ въ Воецкомъ, сказалъ приличную рѣчь о необходимости размежеваться полюбовно. Я первый изъявилъ согласіе на какой угодно раздѣлъ земли и, предложивъ имъ планъ, просилъ обсудить и рѣшить, какъ размежеваться. Всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Куда намъ разсуждать, какъ вы раздѣлите, такъ и будетъ.

Я ясно высказалъ и доказалъ, что такъ какъ мы сидимъ на рѣкѣ Гущѣ, то раздѣлъ для всѣхъ удобенъ быть не можетъ. Хотя дача почти квадратъ и совершенно вся земля одного качества, но раздѣлить безобидно можно только тогда, когда кто-нибудь переселится на Свіягу, но такъ какъ переселеніе крестьянъ вызоветъ много хлопотъ и расходовъ, то кому угодно переселиться, мы сообща даемъ подводы для перевозки и на каждый крестьянскій дворъ даемъ по 10 р.

— И такъ, господа, кому угодно переселиться на Свіягу? — спросилъ я.

— Да помилуйте, —заговорили всѣ въ одинъ голосъ,—кто можетъ согласиться на переселеніе, это для насъ невозможно.

— Хорошо, господа, я богаче всѣхъ, не требую помощи подводъ, не прошу по 10 р. на дворъ, а желаю переселиться и оставляю вамъ огороды и конопляники; вы раздѣлите между собою, и всѣмъ будетъ просторно, и размежеваніе будетъ удобно. И такъ, согласны на мое предложеніе?

Трое объявили, что они согласиться не могутъ.

— Отчего?

— А можетъ быть, тамъ земля лучше,—сказали они.

— Хорошо, такъ вотъ вамъ помощь и деньги, идите туда.

— Да помилуйте, кто же туда пойдетъ, это невозможно!

— Ну, такъ я безъ помощи и безъ денегъ пойду туда.

— На это мы несогласны, тамъ, можетъ быть, земля лучше.

— Господа, раздѣлиться нужно?

— Нужно, никто и не споритъ.

— Раздѣлиться такъ, какъ сидимъ, невозможно.

— Видимое дѣло, невозможно.

— Вы переселяться не хотите?

— Никто не хочетъ.

— Такъ я переселюсь.

— На это согласиться нельзя, тамъ, можетъ быть, земля лучше.

— Ну, такъ какъ же мы раздѣлимся? А раздѣлиться необходимо?

— Необходимо.

Я отъ полдня до заката бился, бился, даже охрипъ, а ничего не добился, съ тѣмъ и разошлись.

Въ Воецкомъ былъ бѣдный помѣщикъ, старикъ, отставной маіоръ Петръ Ивановичъ Романовъ; это былъ человѣкъ не мудрый, но здраваго ума, онъ безвыѣздно жилъ въ Воецкомъ. Я этого старика сдѣлалъ комендантомъ и генералъ-полицеймейстеромъ въ Воецкомъ. По просьбѣ моей, исправникъ приказалъ всѣмъ крестьянамъ повиноваться Романову, а я поручилъ ему даже и мое хозяйство, за что иногда старику дѣлалъ подарочки. Старикъ молчалъ и сидѣлъ въ сторонѣ, сказавъ, что онъ на все согласенъ. Когда всѣ разошлись безъ результата, старикъ началъ смѣяться надо мною, говоря:

— А что много взялъ со своимъ краснорѣчіемъ?

— Да помилуй, комендантъ, я тутъ ничего не понимаю, это сумасшедшій народъ.

— А ты думалъ, все умные, вишь распустилъ силлогизмы, а много взялъ? Вотъ вы всѣ нынѣшніе говоруны такіе, гдѣ надобно дѣлать, тамъ вы краснобаите.

— Что жъ теперь дѣлать, командиръ, вѣдь такъ оставить дѣла нельзя?

— Зачѣмъ оставлять; изъ-за трехъ дураковъ всѣмъ худо... Прощай, пришли-ка мнѣ чаю и сахару, я за тобою пришлю, напою тебя чаемъ и самъ съ тобою напьюсь, а до тѣхъ поръ не выходи изъ дома.

Явился съ приглашеніемъ отъ Романова. Пріѣзжаю; маленькій, чистенькій домикъ, такъ мило смотритъ, что даже весело становится. Старикъ холостой, аккуратный и опрятный. Онъ встрѣтилъ меня съ пальцемъ на губахъ и съ нагайкой въ правой рукѣ, принялъ церемонно, усадилъ и громко сказалъ:

— Ко мнѣ пришли господа съ просьбою извинить ихъ передъ вами, они давича не поняли вашихъ предложеній, но, обдумавъ, согласились (въ это время онъ показалъ на нагайку). Я прошу васъ извинить ихъ, вотъ полюбовная сказка, они подписали на переселеніе ваше, слѣдуетъ только вамъ подписать.

Я подписалъ и хорошо не понималъ, какъ это сдѣлалось. Тогда Романовъ отперъ запертую на задвижку дверь перегородки и сказалъ:

— Выходите, господа, полковникъ не сердится.

Вышли робко три спорщика и замѣтно посматривали на нагайку, а Романовъ сказалъ: теперь ступайте. Ушли очень скоро.

— Скажи ради Бога, старина, какъ это ты ихъ уговаривалъ?

— Вотъ еще, чтобы я сталъ ихъ уговаривать, отпустилъ имъ горячихъ нагаекъ по пяти, они и подписали, а я ихъ заперъ, чтобы они видѣли, что и ты подписалъ. Съ такими людьми резонами и силлогизмами ничего не подѣлаешь, для нихъ нагайка—они и слушаютъ.

Я обнялъ старика и благодарилъ. По пропорціи на души, мнѣ пришлось около 20 десятинъ на душу, я выбралъ себѣ для поселенія на берегу Свіяги берегъ возвышенный, тамъ, гдѣ былъ мой домъ. Изъ земли бѣжалъ сильный родникъ превосходной воды, противъ дома—небольшой, но красивый островъ, рѣка — очень рыбная. Романовъ отмежевалъ мнѣ квадратную дачу къ границѣ общей дачи, и вышло только 8 верстъ до другой деревни нашей Чамбулъ, гдѣ много лѣса. Крестьяне перевезлись, устроились и послѣ были очень довольны новымъ поселеніемъ. Наше полюбовное размежеваніе было утверждено формально — одно изъ первыхъ. Не будь маіора Романова, неразмежеваться бы. — Не правда ли, что это похоже на сказку? Трудно себѣ представить: какой-то бѣдный старикъ, отставной маіоръ, бьетъ нагайкою трехъ помѣщиковъ, богаче его и одинъ, хорошо помню съ крестикомъ въ петлицѣ, и тѣ покорно исполняютъ его волю. Честью увѣряю, что это такъ было. Если бъ я хотѣлъ солгать, то выдумалъ бы что-нибудь и похитрѣе и поумнѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три письма декабриста Н. Цебрикова князю Евген. Петр. Оболенскому.

1.

25-го іюля 1859. Санктпетербургъ.

Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, любезный князь Евгеній Петровичъ, о кончинѣ нашего добраго товарища Александра Өедоровича фонъ-Бригена. У него сначала было разстройство желудка, и онъ этимъ пренебрегъ, только избавившись лихорадки; потомъ простудился, и съ нимъ были холерическіе припадки, и вслѣдъ за этимъ воспаленіе. Я его навѣщалъ черезъ день. Смерть его меня поразила. Мнѣ жаль было разстаться съ нимъ. Я его любилъ за его доброту и за его благородный характеръ. Онъ сохранилъ до гроба свои убѣжденія, свои принципы, свои стремленія. Чистая, кроткая душа его не знала другой скорби какъ только по отечествѣ, въ которомъ всякая черта любви къ нему блеститъ теперь, какъ огонекъ среди глубокой ночи...

Я опоздалъ на выносъ, на который собрались кромѣ родныхъ: Гречъ, Соломка и Лихачевъ. На отпѣваніи на Волковомъ кладбищѣ этихъ трехъ превосходительствъ уже не было, а только остались одни родные и одинъ декабристъ—я. Въ началѣ обѣдни явились два позванные мною студента, а въ концѣ отпѣванія явился молодой мичманъ и старый вице-адмиралъ Никоновъ. Вотъ только и были посторонніе! Правда, дѣлу собранія помѣшало время лѣтнее—на дачахъ.

Александръ Өедоровичъ оставилъ восьмилѣтняго побочнаго сына, привезеннаго имъ изъ Сибири. Родные его, кажется, не очень богатые люди и должны быть добрые къ нему, а впрочемъ Богъ ихъ знаетъ!

Я до того былъ огорченъ смертію Бригена, что на другой день похоронъ почти весь день пролежалъ въ постели, чувствуя себя дурно, и

потомъ долженъ былъ поѣхать, чтобъ себя развлечь, на мызу къ Оржитскому, находящемуся въ 18-ти верстахъ отъ Петергофа, тамъ я пробылъ 8 дней. Ѣздилъ въ Ропшу и въ Гостилицы, въ которой пробылъ у однихъ Сиворцовыхъ двое сутокъ. Но всѣ эти поѣздки не принесли мнѣ душевнаго спокойствія; я по сихъ поръ томлюсь мыслью неожиданной потери человѣка, котораго я такъ горячо любилъ, и надо много времени чтобы прошло, чтобъ воспоминаніе о Бригенѣ не приносило бы мнѣ огорченія!

2.

17-го августа 1859. Санктпетербургъ.

Я опоздалъ на выносъ Александра Ѳедоровича, на которомъ находились генералы Ляхачевъ, Соломко, Тереньевъ и генералъ цензуры Н. Гречъ, который радъ вездѣ быть позваннымъ, гдѣ по ошибкѣ онъ бываетъ позванъ. Покойнаго Бригена сестры мужъ генералъ Терентьевъ послалъ Гречу билетъ, и за то онъ отвѣчаетъ передъ всѣми тѣми, кто хорошо зналъ, что Гречъ на похоронахъ Бригена былъ совершенно лишній, что онъ доказалъ тѣмъ, что, разговаривая съ Соломкой, онъ будто разъ напомнилъ Бригену, передававшему какую-то по сихъ поръ у него считающуюся либеральную мысль: что мало вы, Александръ Ѳедоровичъ, пострадали, а все-таки продолжаете—и Гречъ Соломкѣ такимъ тономъ говорилъ подлѣ гроба Бригена, что Терентьевъ, какъ только я присоединился къ кортежу, тотчасъ ко мнѣ подошелъ, и первое его слово было, что какъ я радъ, Николай Романовичъ, что васъ не было на выносѣ, а то бы вы не утерпѣли и вступились бы за покойника, и сталъ мнѣ разсказывать... а мнѣ самъ покойникъ Бригенъ разсказывалъ, что послѣ его перваго посѣщенія Греча, ему онъ такъ показался гадокъ и мерзокъ, что онъ больше къ нему ни ногой... Гречъ, отпѣтый, сотрудникъ III отдѣленія. Въ присутствіи на выносѣ Бригена я нисколько не вижу никакого сочувствія Греча...

Николай Николаевичъ Оржитскій просилъ меня напомнить вамъ о немъ. Онъ теперь представляетъ собою развалину—весь въ подагрѣ, страдаетъ ею ужасно и не можетъ спать уже на правомъ боку, потому что тотчасъ же появляется спазматическій страшный страданіемъ кашель. Съ палкою онъ едва переходитъ изъ комнаты въ комнату. Старость его не утѣшительна, чрезъ которую, впрочемъ, проглядываетъ избалованность дитяти, иной разъ сердитаго и по временамъ капризнаго. Никто ему не осмѣлится въ чемъ-нибудь поперечить изъ его довольно большаго семейства, которое онъ держитъ въ той патріархальной зависимости, на которую очень тяжело глядѣть постороннему. Лѣчитъ себя гомеопати-

ческими дозами и крѣпко вѣруетъ въ это лѣченіе, такъ что Боже сохрани того, кого онъ заподозритъ въ этомъ невѣріи!.. Старшая дочь его замужемъ за сыномъ Леонидомъ министра госуд. имущ. Михайла Николаевича Муравьева, очень добрая и милая молодая женщина!..

Очень сожалѣю, что Гаврила Степановичъ Батенковъ, бывши въ Петербургѣ, не сдѣлалъ намъ удовольствія его видѣть и съ нимъ познакомиться. Съ его стороны это немножко грѣшно... право, грѣшно!

Меня чрезвычайно какъ тронула ваша доброта ко мнѣ! Вы опять вызвались напомнить обо мнѣ Якову Ивановичу. Премного, премного васъ благодарю. Полагаю, что ему самому покажется страннымъ поведеніе со мной директоровъ, тѣмъ болѣе, что онъ полагаетъ, что я совершенно устроенъ здѣсь въ Петербургѣ, тогда, когда я очень далеко еще не устроенъ.

3.

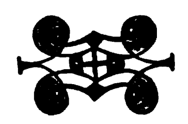
27-го марта 1860. Санктпетербургъ.

Смерть такъ и коситъ декабристовъ! — Благородный старецъ Якушкинъ умеръ, преслѣдуемый Закревскимъ, оставивъ о себѣ добрую память, какъ о человѣкѣ, нисколько ее не помрачившемъ. Иванъ Пущинъ, какъ говорятъ, сохранилъ свои вѣрованія, свои убѣжденія до послѣдней минуты! Миръ праху его! Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Бригенъ, терзаемый семейными обстоятельствами и не признаваемый посреди своихъ старыхъ товарищей, генераловъ въ красныхъ штанахъ, за мученика, внутренно этимъ огорчался и при встрѣтившейся болѣзни вдругъ изнемогъ и отошелъ въ вѣчность, но память о немъ священна для всѣхъ тѣхъ, кто не измѣнилъ подобно ему своихъ задушевныхъ убѣжденій, своихъ стремленій. Князь Валеріанъ Голицынъ за хлопотами пріобрѣтенія наслѣдства умеръ отъ холеры въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ въ одной изъ своихъ и многихъ деревень и отвезенъ въ Москву. Говорятъ, что, строго постясь, онъ засорилъ желудокъ, съ которымъ онъ послѣ не могъ справиться. Это былъ добрый человѣкъ, съ Голицинскимъ умомъ! Читалъ всевозможныя газеты и преимущественно Аугсбургскую. Онъ добрый человѣкъ, вѣровалъ въ нераспадаемость Австріи и въ колоссальность Россіи. Думалъ непремѣнно взять Константинополь. Мало ему было государственнаго ополченія, хотѣлъ предложить сформировать помѣщикамъ на свой счетъ баталіоны и за то получить нѣсколько тысячъ десятинъ подъ Константинополемъ. Каковъ нашъ былъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ?—и Леонидъ братъ его умеръ; но этого я совсѣмъ не знаю. Валеріанъ былъ

честный человѣкъ, но при его всегдашнихъ средствахъ и скупой разсчетливости, не возможно бы было быть безчестнымъ...

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ умеръ въ Баргузинскѣ, Забайкальской области. Некрологъ въ «Колоколѣ» очень справедливо о немъ написанъ. Я его зналъ и прежде съ такимъ возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ. Про него можно сказать съ однимъ древнимъ философомъ, что лучшаго зрѣлища не можетъ представиться богамъ, какъ когда честный человѣкъ находится въ борьбѣ съ несчастіемъ! Умеръ Бечасновъ. О немъ никакихъ не дошло до меня свѣдѣній...

Сообщ. княгиня **М. Г. Оболенская.**



Эпизодъ изъ жизни В. И. Даля.

Работая въ архивѣ Оренбургской коммиссіи, я случайно наткнулся на одно дѣло, которое заключаетъ, на сколько мнѣ извѣстно, еще неопубликованныя данныя изъ жизни В. И. Даля, и потому считаю нелишнимъ привести ихъ въ печати.

Какъ извѣстно, В. И. Даль служилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ городѣ Оренбургѣ при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, которымъ въ то время былъ В. А. Перовскій, будущій графъ. Безспорно, это былъ человѣкъ большаго ума, съ громадной силой воли и несокрушимой энергіей. В. А. Перовскій рисуется намъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ фактовъ изъ его жизни, человѣкомъ жестокимъ, но нельзя забывать, въ какую эпоху и въ какомъ краѣ онъ дѣйствовалъ. Во всякомъ случаѣ В. А. Перовскій обладалъ недюжиннымъ умомъ.

Оренбургскій край и въ то время для многихъ и съ многихъ сторонъ былъ terra incognita... Его естественныя богатства, его природа съиздавна интересовала естественниковъ—вспомнимъ хотя бы переписку исторіографа Миллера съ П. Рычковымъ, посылку послѣднимъ различныхъ препаратовъ, чучелъ и гнѣздъ въ Академію наукъ. Но, несмотря на то, съиздавна, изученіе этого края шло туго—причины понятны: происходило замиреніе края, граница отодвигалась въ глубь степей, покорялся дикій кочевникъ киргизъ и хивинецъ. При такомъ положеніи вещей, трудно ожидать мирной культурной работы—она могла выразиться въ рядѣ начинаній, въ рядѣ болѣе или менѣе успѣшныхъ попытокъ.

Иниціаторомъ одной изъ такихъ попытокъ и явился В. И. Даль. Человѣкъ, посвятившій себя съ юности изученію языка, его «мѣстныхъ» особенностей, онъ безспорно пробудилъ въ графѣ В. А. Перовскомъ

интересъ къ мѣстной природѣ и указалъ, какую пользу можно извлечь. Край неизвѣстенъ—нужно изучить его, а для изученія необходимо основать мѣстный Оренбургскій музей. В. А. Перовскій согласился съ В. И. Далемъ и по мысли послѣдняго обратился въ Петербургъ въ Академію наукъ къ академику Ө. Ө. Брандту, не возьмется ли послѣдній обучить четырехъ казачьихъ малолѣтковъ искусству набиванія чучелъ. Двоихъ изъ малолѣтокъ надо было обучить, какъ можно скорѣе, простому сниманію и сохраненію шкуръ; двоихъ же болѣе способныхъ посвятить во всѣ тайны искусства набиванія чучелъ. За обученіе каждаго мальчика В. А. Перовскій предлагалъ академику Ө. Брандту по 500 р. ежегодно.

Академикъ Ө. Брандтъ выразилъ свое согласіе, и изъ далекаго Оренбурга въ Петербургъ при особомъ надежномъ урядникѣ было отправлено четверо малолѣтокъ: одинъ изъ казаковъ Оренбургской станицы, трое изъ другихъ станицъ Оренбургскаго войска. Малолѣтки же лѣтами были не особенно молоды—каждому по 16 лѣтъ, обладали здоровымъ тѣлосложеніемъ и были научены хорошо грамотѣ; звали ихъ: Павелъ Волженцовъ, Степанъ Лысовъ, Иванъ Мелировъ и Андрей Скорняковъ.

Первый и третій пробыли въ Петербургѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, второй и четвертый, посланные въ 1838 году, вернулись только осенью 1839 года. Обученіе ихъ обошлось болѣе 2.000 рублей, такъ какъ академикъ Ө. Брандтъ думалъ покрыть часть расходовъ для обученія изъ суммъ Академіи, но это ему не удалось, и онъ обратился къ В. А. Перовскому съ ходатайствомъ о возвратѣ ему 880 рублей, истраченныхъ на обученіе. Ходатайство было тотчасъ удовлетворено. Слѣдовательно, обученіе препаратовъ стоило 2.880 р.—сумма, особенно по тому времени, слишкомъ большая; она показываетъ, что В. А. Перовскій придавалъ громадное значеніе учреждаемому имъ музею, если не стѣснялся тратить такія деньги.

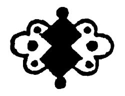
Какъ только прибыли первые два малолѣтка, Павелъ Волженцовъ и Иванъ Мелировъ, В. И. Даль распорядился отсылкою ихъ на нижнеуральскую линію для стрѣльбы звѣрей и птицъ. Но оказалось, что юные препараторы — имъ было по 17 лѣтъ — несмотря на то, что они происходили изъ оренбургскихъ казаковъ, не умѣли—какъ это ни странно—стрѣлять, и къ нимъ приставили особаго казака, который долженъ былъ, во-первыхъ, выучить ихъ искусству стрѣлять, а во-вторыхъ, наблюдать, чтобы съ ними, при обращеніи съ ружьемъ, не произошло какого-либо несчастія.

Между тѣмъ В. И. Даль представилъ В. А. Перовскому проектъ смѣты расходовъ на новый музей. Предварительный расходъ долженъ былъ равняться 716 рублямъ, а ежегодный въ 250 рублей. В. А. Пе-

ровскій охотно утвердилъ предложенія В. И. Даля. Было отведено мѣсто музею—при училищѣ лѣсоводства и земледѣлія, куплены шкафы, столы необходимые инструменты, и въ 1841 году, т. е. черезъ три года послѣ зарожденія самой мысли объ основаніи музея, В. И. Даль, передавая завѣдываніе имъ другому замѣчательному дѣятелю Оренбургскаго края, патеру Зеленко, могъ съ удовольствіемъ видѣть, что его труды по основанію мѣстнаго (какъ онъ самъ подчеркивалъ это слово въ своихъ отношеніяхъ) музея не пропали даромъ. По описи, подписанной В. Далемъ и Зеленко, значилось готовыхъ чучелъ: птицъ 136, четвероногихъ звѣрей 22, снятыхъ шкуръ, но еще не набитыхъ: медвѣдя—1, оленей—2, кулановъ—4, сайгановъ—14, большихъ птицъ 11, малыхъ птицъ 197, звѣрковъ—83. Кромѣ того былъ цѣлый шкафъ съ минералами. Всѣ эти чучела и шкуры размѣщались въ пяти стеклянныхъ шкапахъ; за ними имѣлся усердный уходъ.

Таково было основаніе одного изъ первыхъ провинціальныхъ музеевъ [1]), впослѣдствіи пропавшаго почти безслѣдно.

П. Столпянскій.



[1]) Архивъ Оренбургской архивной коммиссіи. Отдѣлъ пограничный. 1837 г. Янв. 31. Объ обученіи въ Спб. четырехъ казачьихъ мальчиковъ Оренбургскаго войска учебному искусству.

Награда архимандриту Фотію.

Предложеніе Святѣйшему Синоду князя А. Н. Голицына.

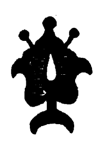
31-го іюля 1822 г.

Его императорское высочество цесаревичъ, великій князь Константинъ Павловичъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ государю императору отъ 24-го сентября 1820 года, изволилъ ходатайствовать о награжденіи бывшаго законоучителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, игумена Фотія, что нынѣ архимандритъ Сковородскаго монастыря въ Новгородской епархіи.

Помянутый рапортъ тогда же, по высочайшему повелѣнію, былъ препровожденъ ко мнѣ г. начальникомъ главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ на разсмотрѣніе.

Но какъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о заслугахъ архимандрита Фотія въ бытность его законоучителемъ въ вышеозначенномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ уже возведенъ былъ въ настоящій санъ: то государь императоръ высочайше указать соизволилъ, въ 25-й день минувшаго іюня, дать ему архимандричій наперсный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Я имѣю честь довести о семъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, присоединяя, что мною нынѣ же препровожденъ помянутый крестъ къ преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и санктпетербургскому, для возложенія на удостоеннаго.



Воспоминанія стараго кадета.

I.

Въ концѣ лѣта 1835 года, по грунтовой дорогѣ изъ Тамбова въ Воронежъ тянулся обозъ, или транспортъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ повозокъ.

Въ передней сидѣлъ офицеръ въ сюртукѣ военно-учебныхъ заведеній, а изъ подъ цыновокъ выглядывали веселыя и любопытныя личики кадетъ самаго маленькаго возраста,—дѣтскаго. Въ одной изъ повозокъ помѣщались врачъ и фельдшеръ. Это везли изъ малолѣтняго, Тамбовскаго корпуса партію кадетъ для поступленія въ Воронежскій кадетскій корпусъ.

Ѣхали тихо. Дѣлали привалы для ночлеговъ, заранѣе намѣченныхъ по маршруту; но дѣлали частыя остановки и днемъ для обѣда, чаепитія и чтобы дать отдохнуть отъ жары лошадямъ. Офицеръ былъ очевидно доволенъ своей командировкой и, къ тому же, какъ и сопровождавшій транспортъ докторъ, былъ любитель природы. Поэтому онъ почти не пропускалъ по дорогѣ ни одного тѣнистаго, укромнаго мѣстечка, изобиловавшаго водой, чтобы не устроить привала, съ неизбѣжнымъ чаепитіемъ и закуской. Кадетики были въ восторгѣ отъ каждой остановки. Веселой шумной гурьбой высыпали изъ кибитокъ, затѣвали игры и прыгали отъ удовольствія. Въ одной кибиткѣ помѣщалось четыре мальчика, и, по свойству дѣтей, каждый въ своемъ уголкѣ устраивался по-домашнему.

Въ мѣшочкахъ изъ рогожи, устроенныхъ въ уголкахъ повозокъ, помѣщалось все походное хозяйство кадетика. Тамъ были булки, бублики, купленные по пути на сельскомъ базарѣ, конфекты, припасенныя еще въ Тамбовѣ, и тамъ же прятались и дѣтскія игрушки.

Нѣкоторые изъ кадетъ оказались обладателями какой-нибудь галки, голубя, щенка-дворянжки и даже котенка, невѣдомыми способами пріобрѣтеннаго въ пути. Весь этотъ живой инвентарь растеривался, конечно, по пути, но появлялись новые экземляры.

На ночлегахъ кадетъ помѣщали въ обширномъ сараѣ; разстилали солому или сѣно, накрывали кошмами и укладывали дѣтей. Случалось для обѣда остановиться около села въ какой-нибудь рощѣ. Солдаты вытаскивали изъ заднихъ повозокъ мѣдные котлы; разводились костры; варили борщъ, кашу, къ которой офицеры покупали въ ближайшемъ селѣ молока, и устраивался импровизированный пикникъ. Такое путешествіе очень нравилось дѣтямъ.

Въ Тамбовскомъ корпусѣ, какъ малолѣтнемъ, дисциплина не очень строго поддерживалась, а теперь въ этой поѣздкѣ, которая, какъ для кадетъ, такъ и сопровождавшаго ихъ начальства, казалась увеселительной,—кадетъ совсѣмъ не донимали строгими требованіями. Поэтому они рады были тому, что путешествіе тянется долго, и искренно желали его продлить.

Однако же стали поговаривать, что до Воронежа уже не далеко. Вдали показались церкви и колокольни большаго города; въѣхали въ предмѣстіе. Потянулись сначала немощеныя, пыльныя улицы. Сильно пахло яблоками и всюду, гдѣ только было возможно, были навалены груды фруктовъ. Затѣмъ пошли лучшія, мощеныя улицы съ разными вывѣсками; всюду шелъ усиленный ремонтъ зданій; каменщики и штукатуры были видны чуть не на каждомъ домѣ и сопровождали свою работу звонкими пѣснями. Показался широкій плацъ, окруженный аллеей, обсаженной деревьями, и кадеты увидали огромное желтое зданіе Михайловскаго-Воронежскаго кадетскаго корпуса, въ стѣнахъ котораго имъ предстояло прожить нѣсколько лѣтъ.

Оказалось, что воронежскіе кадеты еще не возвратились изъ лагеря, и въ залахъ, спальняхъ и корридорахъ корпуснаго зданія царила полная пустота. Всюду пахло свѣжей краской послѣ только-что оконченнаго ремонта. Въ пустыхъ комнатахъ гулко раздавалось каждое сказанное слово и шаги вновь прибывшихъ дѣтей. Ихъ помѣстили въ младшую роту и стали ожидать прихода баталіона изъ лагеря.

Черезъ нѣсколько дней въ послѣобѣденное время раздались звуки барабановъ и рожковъ, и на кадетскій плацъ предъ зданіемъ корпуса вступилъ баталіонъ кадетъ со знаменемъ, въ полной походной формѣ, т. е. въ каскахъ безъ султановъ, въ ранцахъ и съ ружьями. Прибывшихъ изъ Тамбова кадетъ поразила и заинтересовала эта военная обстановка, такъ какъ въ малолѣтнемъ Тамбовскомъ корпусѣ таковой не было, кадеты ходили только въ фуражкахъ и даже не имѣли тесаковъ. Съ истиннымъ любопытствомъ смотрѣли они во время молебствія, по

случаю благополучнаго возвращенія изъ лагеря, на всю торжественную обстановку молебна и на относъ знамени въ квартиру директора корпуса.

Послѣ молебна все зданіе корпуса наполнилось сразу шумомъ и говоромъ кадетъ, водворявшимся по своимъ ротамъ,

Воронежцы узнали конечно о прибытіи тамбовцевъ, и явилось много желающихъ посмотрѣть на вновь прибывшихъ. Старшія роты производили свой осмотръ, съ олимпійскимъ величіемъ посматривая на тамбовцевъ. Младшая же рота, куда поступили новички, принялась за обычную дрессировку, т. е. за всякія поддразниванія, задиранія, а часто и обиды. Мальчики все это терпѣли и ежились.

На другой день рота была выстроена въ залѣ, и собрались всѣ ротные офицеры.

По тѣмъ пріемамъ, съ которыми ротный командиръ и офицеры выстраивали и ровняли роту, прибывшіе изъ Тамбова кадеты сразу смекнули, что они должны забыть снисходительное отношеніе къ нимъ бывшихъ ихъ тамбовскихъ воспитателей и что наступило время настоящей муштровки. Когда рота была готова, прибылъ директоръ корпуса, генералъ Винтуловъ. Это былъ пожилой генералъ, сутуловатый, съ коротко-остриженными волосами на головѣ, на которой только оставленъ былъ небольшой хохолъ и височки, энергично зачесанные кверху. Генералъ былъ совсѣмъ сѣдой. Подстриженные сѣдые усы торчали надъ верхней губой очень крупнаго рта. Надъ мрачными глазами свѣтились густыя сѣдыя брови. Отъ всей наружности директора вѣяло суровостью и холодомъ. Поздоровавшись съ ротой, онъ приказалъ новобранцамъ выступить изъ фронта впередъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Ну-съ. Вы должны забыть всѣ порядки Тамбовскаго корпуса. Помните, что вы теперь не дѣти, а кадеты и что отъ васъ будутъ требовать прилежанія въ наукахъ и безупречнаго поведенія.—Я шутить не люблю! За всякую провинность я строго наказываю. За лѣность и дурное поведеніе у насъ сѣкутъ-съ — если увѣщеванія не помогаютъ. — Прошу это зарубить у себя на носу!

Все это сказано было строго, внушительно, при чемъ говорившій иногда грозилъ пальцемъ. Винтуловъ былъ очевидно глубоко убѣжденнымъ сторонникомъ пользы тѣлеснаго наказанія. Онъ примѣнялъ его не только за лѣность и дурное поведеніе, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого ужъ никакъ нельзя было ожидать... Былъ такой случай. Директоръ пожелалъ щегольнуть передъ городскими властями и знакомыми игрою кадетъ на сценѣ и утроилъ кадетскій спектакль подъ личнымъ своимъ руководствомъ. — Приготовлена была пьеса: «Воздушные замки»—какой-то водевиль съ пѣніемъ, и наконецъ двое кадетъ должны были протанцовать «русскую пляску». Для этой пляски выбралъ директоръ очень хорошенькаго кадета, и все шло благополучно до самаго

кануна спектакля. Наканунѣ же спектакля къ генеральной репетиціи, принесли приготовленный для русской пляски костюмъ, и вдругъ С. заявилъ, что ни зачто не надѣнетъ женскаго сарафана... Никакія увѣщеванія не дѣйствовали. Наконецъ, доложили генералу объ этомъ неожиданномъ казусѣ.

— Выпороть!...—приказалъ директоръ.

Бѣдную русскую красавицу высѣкли, и на другой денъ она въ красивомъ сарафанѣ отплясывала свой танецъ; но не смотря на бѣлила и румяна, всѣ ясно замѣчали на ея голубыхъ глазахъ обильныя слезы...

Но, надо отдать справедливость Винтулову: онъ очень заботился о томъ, чтобы дѣти были и одѣты хорошо и сытно накормлены. Рѣдкій день не проходилъ безъ того, чтобы Винтуловъ не посѣтилъ столовую кадетъ во время обѣда и ужина. Онъ обязательно пробовалъ пищу и требовалъ отъ эконома безупречной чистоты въ ея приготовленіи. Страшная головомойка ожидала эконома, каждый разъ, когда директоръ оставался чѣмъ-нибудь недоволенъ. Не обходилось и безъ курьезовъ. Однажды вышелъ такой случай: пришелъ въ столовую Винтуловъ въ то время, когда кадетамъ подавали гречневую кашу. Внимательно разглядывая одну изъ мисокъ, директоръ вдругъ увидалъ свареннаго чернаго таракана. Извлекши его изъ каши и держа двумя пальцами, генералъ позвалъ эконома.

Предвидя бѣду, экономъ мелкой рысцой подбѣжалъ къ генералу и вытянулся.

— Это что?—мрачно спросилъ генералъ, держа передъ носомъ эконома злосчастнаго таракана.

— Надо полагать, что въ кашу нечаянно попалъ изюмъ, ваше превосходительство.

— Изюмъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ѣшь!—Тихо и спокойно проговорилъ генералъ.

И бѣдный экономъ покорно проглотилъ таракана.

— Изюмъ?—продолжалъ невозмутимо допрашивать директоръ, не сводя своего взгляда съ эконома.

— Такъ точно, изюмъ, ваше превосходительство...

— Свинья!—сквозь зубы процѣдилъ директоръ и отвернулся.

II.

Не успѣли тамбовцы хорошо освоиться въ Воронежскомъ корпусѣ, какъ разнеслась молва, что объявлена война съ Турціей. Офицеры и

учители жадно слѣдили за получаемыми извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и за Кавказомъ. Не только взрослые кадеты, но и малыши стали воодушевляться, и невѣдомо какимъ путемъ между ними стали распространяться патріотическіе стихи и пѣсни, которые кадеты торжественно декламировали и распѣвали въ свободные отъ занятій часы. Начальство очень этому покровительствовало, и даже самъ директоръ иногда являлся сообщить кадетамъ полученную имъ новость о побѣдѣ русскихъ войскъ. Онъ обыкновенно былъ при этомъ очень взволнованъ и поздравлялъ кадетъ и непремѣнно кончалъ свою рѣчь громогласнымъ:

— Ура императору Николаю!

Слезы при этомъ стояли въ глазахъ Винтулова. Онъ обожалъ императора.

Скоро стало извѣстно объ осадѣ союзниками Севастополя, и побѣдныя извѣстія почти прекратились. Всѣ ходили, какъ въ воду опущенные... Пѣніе патріотическихъ стиховъ прекратилось... Винтуловъ былъ мрачнѣе тучи... Можно было думать, что онъ самъ проигралъ большое сраженіе. Всѣ пріуныли, въ корпусѣ стало тихо, что-то зловѣщее чувствовалось въ этомъ затишьѣ. И вдругъ разнеслась страшная вѣсть, что императоръ Николай скончался.

Офицеры, учители и кадеты всѣ рѣшительно имѣли растерянный и удрученный видъ! Винтулова мы не видѣли. Наконецъ, въ длинномъ корридорѣ корпуса были выстроены кадеты, чтобы идти, въ корпусную церковь на панихиду. Тишина стояла буквально мертвая... Вдали показался директоръ корпуса—онъ шелъ тихо и остановился посреди фронта... Нѣкоторое время онъ не могъ произнести ни слова... Только вѣки его глазъ мигали, и нижняя челюсть нервно вздрагивала... Наконецъ, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ, но стараясь говорить громко, онъ сказалъ:

— Императоръ Николай I волею Божіей скончался!..

Точно кто ему сдавилъ горло, и старикъ разразился страшными рыданіями...

Но, собравъ послѣднія силы, сквозь неудержимыя слезы и хриплымъ голосомъ продолжалъ:

— Да здравствуетъ императоръ Александръ II-й!

Долго кричали кадеты «ура!»

Скоро послѣ того Винтуловъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ скончался.

III.

Съ смертью Винтулова въ корпусѣ настало какое-то междуцарствіе. Офицеры и наставники, руководимые до того времени твердою волею директора, словно растерялись и не знали, какъ держать себя съ кадетами, т. е. преслѣдовать ли прежнюю строгую систему, или же держать бразды послабѣе.

Временно обязанности директора исполнялъ баталіонный командиръ, но какого-нибудь, хотя бы малѣйшаго, вліянія его на офицеровъ и воспитателей совершенно не было замѣтно. Онъ даже рѣдко появлялся въ рекреаціонныхъ залахъ, а еще менѣе посѣщалъ классы.

Затѣмъ изъ Тамбова пріѣхалъ директоръ тамошняго корпуса, полковникъ Пташникъ, котораго мы всѣ хорошо знали и любили. Онъ былъ командированъ для временнаго исполненія обязанности директора Воронежскаго корпуса. Самъ Пташникъ, да и всѣ рѣшительно сознавали, что онъ «калифъ на часъ», поэтому и онъ не заводилъ новыхъ порядковъ и не поддерживалъ старыхъ, да и всѣ относились къ нему такъ безразлично, точно не замѣчали его существованія.

Пташникъ хотя былъ небольшаго роста, но красивый и представительный мужчина. Тщательно причесанный, съ выхоленными усами, одѣтый всегда щеголевато, онъ часто появлялся передъ кадетами и торжественно проходилъ по заламъ, заложивъ лѣвую руку за спину, а правую за бортъ сюртука. Кадеты почтительно вставали, отвѣшивали поклоны и съ уходомъ Пташника забывали объ его существованіи.

Странное настроеніе господствовало какъ между начальствомъ, такъ и между кадетами. Начальство, лишенное твердаго, суроваго руководителя, отъ котораго частенько получалась головомойка и, во всякомъ случаѣ, желѣзная рука котораго постоянно заставляла себя чувствовать, какъ бы ощутивъ облегченіе, совсѣмъ иначе стало держать себя съ кадетами и довольно слабо поддерживало свой престижъ. Кадеты же, почувствовавъ опущенные поводья, непривыкшіе разумно и сдержанно относиться къ свободѣ, мало-по-малу, стали позволять себѣ совсѣмъ уже излишнія вольности и зачастую, что̀ называется, просто закусывали удила̀... Стали проявляться злыя, дерзкія шалости... Во всемъ корпусномъ обиходѣ стала замѣтна распущенность и развинченность.

Между тѣмъ наступали 60-е года. Въ литературѣ, въ обществѣ, начали раздаваться модныя, либеральныя словечки; пошли всюду толки о предстоящихъ гуманныхъ реформахъ. Все это проникало въ кадетскую среду, и, само собою разумѣется, не много юношей разумно относилось ко всѣмъ этимъ заманчивымъ новымъ вѣяніямъ. Всякая блестящая либеральная фраза подхватывалась на-лету и все, что̀ только носило-

на себѣ печать новизны, безконтрольно принималось на вѣру. Прежній порядокъ жизни критиковался безъ снисхожденія и признавался ни къ чему не годнымъ. Все, что прежде было хорошаго, подвергалось безусловному порицанію, а все навѣянное вновь, находило себѣ почву въ умахъ юношества, почву зыбкую, не надежную, а потому и опасную.

Не одни кадеты подчинялись и увлекались новыми вліяніями. Многіе изъ начальства начали, какъ между собой, такъ и въ присутствіи кадетъ, говорить весьма свободно о многихъ предметахъ, о чемъ нѣкоторое время тому назадъ не смѣли бы и подумать. Кадетамъ позволили читать рѣшительно все, и такъ какъ печать того времени отличалась рѣзкостью, то, естественно, эти же недостатки отразились и на взглядахъ читающихъ юношей. Кадеты жадно набросились на чтеніе. Однако же не многіе изъ нихъ увлекались беллетристикой, за то критическія статьи, а въ особенности публицистическія—прочитывались съ захватывающимъ интересомъ. Этотъ интересъ къ литературѣ и общественной жизни повлекъ за собой сборища наиболѣе рьяныхъ чтецовъ, ихъ дебаты о всевозможныхъ вопросахъ и, наконецъ, выразился въ томъ, что кучкой молодежи сталъ издаваться свой журналъ, конечно—рукописный. Но, Боже мой, какой сумбуръ по большей части представляли изъ себя эти литературные дебаты и этотъ доморощенный журналъ?!!

Корпусное начальство стало безпокоиться не на шутку, видя неудержимое увлеченіе кадетъ, сопровождавшееся открытымъ неповиновеніемъ.

При такихъ условіяхъ, пріѣхалъ вновь назначенный директоръ корпуса генералъ Броневскій. Это былъ красивый, высокаго роста человѣкъ, совсѣмъ еще не старый. Сѣдины не было замѣтно ни на головѣ, ни въ усахъ. Броневскій отличился на Кавказѣ и подъ Башъ-Кадыкларомъ былъ такъ раненъ въ лѣвую руку, что ее пришлось ампутировать до самаго плеча. Лѣвый рукавъ его сюртука былъ всегда пристегнутъ къ пуговицѣ на груди. При щеголоватомъ, бодромъ видѣ молодаго генерала, при его энергичной походкѣ, свѣжемъ цвѣтѣ моложаваго лица, отсутствіе лѣвой руки производило необыкновенный эффектъ, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что отсутствіе руки есть послѣдствіе геройскаго подвига. Въ движеніяхъ и разговорахъ Броневскаго была замѣтна сильная ервозность. Говорили, что это было послѣдствіе тяжелой операціи, повлекшей за собой продолжительную болѣзнь.

При первомъ же обходѣ фронта кадетъ, привѣтливый, открытый обликъ Броневскаго привлекъ къ нему сердца всѣхъ кадетъ, чему не мало способствовалъ престижъ отличившагося на полѣ брани храбраго воина. Самъ же Броневскій съ мѣста обратилъ вниманіе на то, что кадеты выглядѣли хмуро и непривѣтливо. Онъ это тутъ же высказалъ, замѣтивъ, что онъ еще ничего непріятнаго кадетамъ не могъ сдѣлать, а между тѣмъ онъ видитъ передъ собой взгляды едва-ли не явнаго

недоброжелательства. Кромѣ того, онъ тогда же замѣтилъ, что на внѣшній видъ воспитанники не обращаютъ должнаго вниманія, и что онъ требуетъ, чтобы кадеты были причесаны не только тщательно, но даже щеголевато. Обходя потомъ роты, онъ на это обращалъ особое вниманіе и всячески поощрялъ франтовитость. Повидимому, Броневскій пришелся по душѣ не только кадетамъ, но и преподавателямъ.

Между тѣмъ въ среду кадетъ стали глубже и глубже проникать ложныя передовыя идеи. Наступившіе шестидесятые годы ознаменовались начинавшимся броженіемъ въ Польшѣ. Неизвѣстно, какими путями и между кадетами послышались трескучія фразы о несчастныхъ страдальцахъ Польши!.. Начались дерзкія выходки противъ ближайшаго начальства. Повидимому, всякій авторитетъ учителей и офицеровъ былъ поколебленъ, и кадеты, не ограничиваясь критическимъ отношеніемъ къ своимъ воспитателямъ и преподавателямъ, стали явно, чуть не въ глаза, издѣваться надъ ними. Начальство терялось все болѣе и болѣе. Дошло до того, что на стеклахъ оконъ и дверей и на стѣнахъ стали появляться надписи: «Liberté, egalité, fraternité».

Распущенность кадетъ росла не по днямъ, а по часамъ. Кое-кто изъ болѣе рѣшительныхъ офицеровъ и учителей обратились наконецъ къ директору корпуса, указывая ему на пагубныя явленія среди кадетъ и прося его принять мѣры къ обузданію развивающейся распущенности и заявляя, что они лишены возможности сладить съ воспитанниками. Броневскій хотя и встревожился, но старался успокоить воспитателей, говоря, что выходки кадетъ чисто дѣтскія, мальчишескія. Наконецъ, случилось происшествіе, которое произвело полное смятеніе между воспитателями и воспитанниками.

Однажды, во время ужина въ общей столовой, кадетъ, наказанный за что-то дежурнымъ офицеромъ, т. е. поставленный во время ужина къ барабану, схватилъ горсть каши изъ миски, которую проносилъ служитель. Дежурный офицеръ напустился на кадета за эту выходку... Но, едва онъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ, какъ наказанный позволилъ себѣ такое оскорбленіе, какого нельзя было и ожидать, и какое не было слыхано въ стѣнахъ корпуса!.. Весь баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, ахнулъ отъ ужаса, но тотчасъ всѣ замерли... Каждый сознавалъ, что случилось ужасное происшествіе, долженствовавшее повлечь за собой страшныя послѣдствія.

Оскорбившій офицера кадетъ былъ жестоко наказанъ розгами, исключенъ изъ корпуса и отданъ въ кантонисты.

Послѣ этого случая Броневскій ходилъ мрачнѣе тучи. Онъ пересталъ здороваться съ кадетами, а черезъ нѣсколько дней явился въ корпусъ, построилъ въ огромномъ, такъ называемомъ экзаменаціонномъ залѣ весь батаіонъ по-ротно четыреугольникомъ. Всѣ офицеры и, кажется, учи-

тели должны были при этомъ присутствовать. Блѣдный и суровый, явился передъ кадетами Броневскій и объявилъ, что онъ теперь убѣдился, что злая язва глубоко вкоренилась между кадетами, что онъ рѣшился эту язву, эту гидру радикально искоренить, что онъ знаетъ всѣхъ зачинщиковъ безпорядковъ и требуетъ, чтобы они добровольно выступили передъ фронтомъ и покаялись въ своихъ заблужденіяхъ. Когда же никто не вышелъ, то Броневскій объявилъ, что онъ по глазамъ узнаетъ, кто виноватъ и кто не виновенъ. Обходя фронтъ и пристально вглядываясь въ лица кадетъ, онъ вызывалъ нѣкоторыхъ передъ фронтъ. Всѣ вызванные были жестоко наказаны розгами.

Блѣдные, дрожащіе, чуть живые отъ страха, остальные кадеты ждали со слезами на глазахъ, чѣмъ кончится весь этотъ ужасъ.

Черезъ день повторилась та же исторія. Броневскій вызывалъ другихъ кадетъ и наказывалъ ихъ. Такъ повторялась эта исторія черезъ два-три дня, въ продолженіе довольно долгаго времени... Кадеты совершенно потеряли головы. На большинство нашелъ какой-то столбнякъ. Ежедневное ожиданіе жестокой экзекуціи при столь мрачной и торжественной обстановкѣ, возможность быть вызваннымъ изъ фронта для тяжкаго наказанія породили въ кадетахъ страхъ и смятеніе. Они ходили, какъ потерянные, совсѣмъ перестали заниматься уроками, лишились возможности учиться... Появились нервныя заболѣванія. Въ городѣ съ ужасомъ говорили о жестокости Броневскаго, и всеобщія жалобы достигли до Петербурга. Броневскій былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ назначенъ Ватаци. Онъ сразу поставилъ себя иначе, чѣмъ всѣ его предшественники. Онъ ко всѣмъ относился ласково и былъ всѣмъ доступенъ. Ватаци началъ съ частаго посѣщенія лекцій и ротъ въ рекреаціонные часы; при этомъ онъ ласково, умѣло бесѣдовалъ съ дѣтьми и совершенно отечески вникалъ въ ихъ бытъ. Не было и помину о тѣлесномъ наказаніи. При посѣщеніи лекцій, замѣтивъ у кого-либо неудовлетворительную отмѣтку по какому-либо предмету, Ватаци тщательно вникалъ и добивался узнать, почему у кадета одинъ предметъ идетъ успѣшнѣе другаго? Преподавателямъ онъ усиленно рекомендовалъ не притѣснять кадетъ, у которыхъ оказывались неуспѣхи только по одному, двумъ предметамъ, а по остальнымъ все шло удовлетворительно.

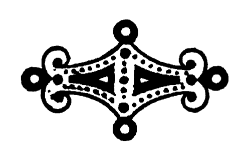
Подъ вліяніемъ Ватаци измѣнились и самые пріемы преподаванія. Лекціи стали носить характеръ собесѣдованія. Многія лекціи ожидались прямо уже съ нетерпѣніемъ. Нельзя никогда забыть лекцій русской словесности, которыя читалъ извѣстный въ литературѣ М. Ѳ. де-Пулэ. Большая часть его уроковъ заключалась въ чтеніи имъ избранныхъ литературныхъ произведеній, въ толкованіи ихъ и въ самыхъ оживленныхъ бесѣдахъ о нихъ съ кадетами. Не мало увлекались кадеты лекціями тактики, читаемыми фонъ-Бринкманомъ. Окончившій курсъ въ Академіи

*

генеральнаго штаба, наслушавшійся тамошнихъ знаменитыхъ преподавателей, Бринкманъ съумѣлъ и своимъ лекціямъ придать захватывающій интересъ, блестяще обрисовывая и освѣщая разныя военныя событія. Зачастую Ватаци просиживалъ въ классѣ цѣлую лекцію, съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, какъ кадеты ихъ себѣ усвоиваютъ. Въ рекреаціонные часы онъ неукоснительно посѣщалъ роты и часто присаживался къ какому-нибудь кадету и начиналъ просматривать съ нимъ его урокъ, вступалъ въ сердечную, отцовскую бесѣду и всюду и всегда вносилъ съ собой ласку и веселіе. Онъ такъ съумѣлъ всѣхъ очаровать своей привѣтливостью, что кадеты всегда искренно радовались его приходу. Въ то же время Ватаци заботился, чтобы кадеты имѣли какъ можно больше благородныхъ развлеченій. По его инициативѣ, многіе изъ воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ получали приглашеніе на балы въ дворянское собраніе. Такъ какъ кадеты были хорошіе танцоры, то старшины собранія ихъ охотно приглашали. Кадеты же заводили въ собраніи знакомства и имѣли возможность бывать въ хорошихъ домахъ, что́ безусловно имъ было полезно. Ватаци очень покровительствовалъ любительскимъ спектаклямъ, и потому въ одной изъ залъ устроена была очень хорошая сцена, снабженная всѣмъ необходимымъ, и кадетскіе спектакли вскорѣ получили извѣстность, и многіе горожане старались на нихъ попасть.

Подъ вліяніемъ и обаяніемъ незабвеннаго Александра Ивановича Ватаци весь строй корпусной жизни измѣнился, какъ по волшебству. Всѣмъ стало весело и привольно, и кадеты питали къ своему директору горячее, сыновнее чувство, а, по выходѣ изъ корпуса, на всю жизнь свято сохранили добрую память объ этомъ благородномъ и прекрасномъ человѣкѣ!

С. Фонъ-Дерфельденъ.



Четыре письма М. М. Сперанскаго.

1.

Собственноручное письмо М. М. Сперанскаго—А. Д. Балашову.

16-го февр. 1810.

Господинъ Фесслеръ, профессоръ философіи и еврейскаго языка, приглашенный мною по особенному высочайшему повелѣнію для Александро-Невской духовной академіи, вступивъ въ должность и нанявъ квартиру у самаго Невскаго монастыря въ домѣ подъ № 588-мъ, отвлекается непрерывно отъ ежедневныхъ уроковъ разными полицейскими требованіями, къ семейству его относящимися. Не зная здѣсь ни людей, ни языка, онъ не можетъ удовлетворить симъ требованіямъ безъ крайней разстройки его времени и упражненій.

Какъ паспортъ ему выданъ былъ чрезъ меня и всѣ бумаги его находятся въ моихъ рукахъ, то я и осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать мнѣ и ему то снисхожденіе, чтобы частному приставу или квартальному надзирателю того квартала, гдѣ онъ живетъ, приказать во всемъ, до паспортовъ и видовъ его относящемся, адресоваться ко мнѣ, а я, вмѣсто его, во всей точности исполню всѣ положенные обряды и приведу бумаги его въ тотъ порядокъ, въ коемъ онѣ по правиламъ полиціи должны находиться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

2.

Собственноручное письмо М. М. Сперанскаго—императору Александру I-му.

1-го генваря 1817, въ Пензѣ [1]).

Всемилостивѣйшій государь,

Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ новымъ годомъ.

Обновленіе лѣтъ и временъ установлено на землѣ въ знаменіе того всеобщаго обновленія, которое нѣкогда въ духовномъ мірѣ должно совершиться, когда Ангелъ судебъ поклянется живущимъ во вѣки вѣковъ, что времени уже не будетъ (Апокал., гл. 10) и когда царство міра будетъ царство Господа нашего и Христа Его (гл. 11).

Пріуготовленіе сего царства есть главная и существенная обязанность царей, управляемыхъ Его благодатію. Чувство сей высокой обязанности одно можетъ укрѣпить ихъ среди заботъ и попеченій почти неимовѣрныхъ.

Царь вѣковъ да изліетъ съ симъ новымъ годомъ на кроткое царство и благотворныя намѣренія вашего величества новыя небесныя свои благословенія.

Съ симъ желаніемъ, отъ чистаго сердца приносимымъ, примите, всемилостивѣйшій государь, съ обычною вамъ благостію слабое выраженіе безпредѣльной моей благодарности за всемилостивѣйшее вниманіе къ просьбѣ моей о статскомъ совѣтникѣ Цейерѣ. Возстановивъ бытіе его, ваше величество сняли съ меня бремя нравственнаго долгу, меня тяготившее, и даровали мнѣ новый признакъ безцѣнныхъ вашихъ милостей.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный М. Сперанскій.

---

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ описаніи жизни графа Сперанскаго (т. II, стр. 136) говоритъ, что Сперанскій первымъ поводомъ къ сношенію съ императоромъ Александромъ избралъ поздравленіе съ наступленіемъ новаго года, а потомъ дѣло библейскихъ обществъ, которыми въ то время много занималось наше правительство. Этого письма мы не нашли». Печатая его нынѣ, необходимо оговорить, что въ письмѣ къ императору Сперанскій ничего не говоритъ о библейскихъ обществахъ.

Ред.

3.

Собственноручное письмо М. М. Сперанскаго — императору Александру I.

20-го февраля 1817, въ Пензѣ.

Всемилостивѣйшій государь,

Изъ отчета къ президенту россійскаго библейскаго общества, нынѣ препровождаемаго, ваше императорское величество съ духовнымъ порадованіемъ усмотрѣть изволите, что Господь и здѣсь благословляетъ сѣмена своего слова. Начатки слабы; но сила его часто въ немощи совершается.

Дѣлателя лѣниваго, едва и въ единодесятый часъ въ сей виноградъ пришедшаго, удостоивъ всемилостивѣйшаго вашего призыванія, ваше величество положили ему мзду, имъ еще не заслуженную.

Счастливымъ себя почту, когда впослѣдствіи оправдаю благія ваши ожиданія.

Жатвы здѣсь много; дѣлателей же мало; мы будемъ молиться господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на дѣло свое.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный М. Сперанскій.

4.

Собственноручное письмо М. М. Сперанскаго — князю А. Н. Голицыну.

20-го февраля 1817, въ Пензѣ.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ,

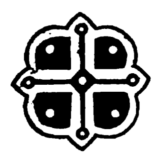
Къ донесенію моему объ открытіи здѣшняго отдѣленія библейскаго общества позвольте мнѣ, ваше сіятельство, присовокупить въ довѣріи нѣкоторыя подробности:

Всемилостивѣйшій рескриптъ, послѣдовавшій ко мнѣ по этому предмету, я не представилъ собранію, хотя чувствовалъ, что истины, въ немъ излагаемыя, и по существу и по образу ихъ изложенія, были бы приняты съ чувствомъ благоговѣйнаго убѣжденія; но я остановился на той мысли, что предъявленіемъ сего рескрипта дѣлу, на единомъ внутреннемъ и произвольномъ движеніи основанному, могъ бы данъ быть видъ нѣкотораго служебнаго повелѣнія. Здѣсь еще не многіе разумѣютъ оттѣнку между приглашеніемъ и приказомъ. Сверхъ того мнѣ казалось нескромнымъ обнаруживать при семъ случаѣ то, что въ семъ рескриптѣ есть лично до меня лестнаго и по истинѣ драгоцѣннаго.

Не ошибаюсь ли я, но въ рѣчи архимандрита Аарона есть выраженія, кои бы могли быть замѣнены другими удобнѣйшими. Не разсудите ли за благо [1]) дать ее просмотрѣть о. Филарету? — Кантаты не посылаю потому, что она мало дѣлаетъ чести пензенскимъ нашимъ друзьямъ.

Мы съ сей же недѣли начинаемъ сношенія наши съ губерніею, въ коей губернскій городъ не всегда есть истиннымъ средоточіемъ. Мы уповаемъ, что и здѣсь Господь не оставитъ жатвы своей безъ дѣлателей Его достойныхъ. Отъ сердца и души желаю вамъ всѣхъ небесныхъ Его благословеній и въ многотрудныхъ подвигахъ сильной Его помощи, съ христіанскою любовію и совершеннѣйшимъ почитаніемъ есмь вашего сіятельства покорнѣйшій слуга М. Сперанскій.

P. S. Всеподданнѣйшій отвѣтъ на рескриптъ прошу поднести въ удобное время.



[1]) Есть ли когда-либо признано будетъ полезнымъ издать ее въ свѣтъ.

Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ

въ XV и XVI вѣкахъ[1]).

I.

Василій II Темный.—Его сношенія съ Византіею.—Кончина митрополита Ѳотія и избраніе на его мѣсто Исидора.—Вопросъ о соединеніи церквей.—Соборъ въ Феррарѣ.—Отправленіе туда Исидора.—Совѣты, ему данные Василіемъ Темнымъ.—Подробности путешествія Исидора.—Перенесеніе собора изъ Феррара въ Флоренцію.

Въ сношеніяхъ Рима съ христіанскими державами, не принадлежащими къ католической церкви, вопросы вѣры играли всегда первенствующее значеніе, и съ происходившими между ними переговорами о политикѣ обыкновенно тѣсно связывались планы и мечты о соединеніи церквей.

Уже въ эпоху крестовыхъ походовъ, среди бряцанія оружія и поглощавшихъ всѣхъ заботъ о завоеваніи Іерусалима и уничтоженія ислама, въ Римѣ задавались мыслію о соединеніи съ восточной церковью, и Византіи тогда же были предложены на обсужденіе условія, на которыхъ это соединеніе могло осуществиться.

Позднѣе, Византія подверглась многократно нападенію со стороны турокъ; тѣснимая одновременно королемъ обѣихъ Сицилій, Карломъ Анжуйскимъ, она не разъ обращалась къ папамъ съ просьбою о помощи, и византійскіе императоры указывали при этомъ на опасность, которая

---

[1]) Извлеченіе изъ соч. Пирлинга: Россія и папскій престолъ, т. I. (Le P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques, t. I).

могла угрожать христіанскому міру въ случаѣ, если бы онъ лишился надежнаго оплота противъ турокъ—Византіи.

Папы были готовы откликнуться на эти просьбы и обѣщали склонить латинскіе народы стать на защиту Византіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали ей возвратиться къ тѣмъ временамъ, когда она исповѣдывала одну вѣру съ Римомъ и признавала папу главою церкви.

Григорій X созвалъ даже въ 1274 г. соборъ въ Ліонѣ для обсужденія этого вопроса, а въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года состоялось торжественное примиреніе восточной и западной церквей; греки признали тогда главенство папы. Но это примиреніе, вынужденное обстоятельствами и главнымъ образомъ страхомъ передъ натискомъ турокъ, было непродолжительно. Вскорѣ отношенія между восточной и западной церковью сдѣлались снова враждебны, и между ними возникла ожесточенная полемика.

Въ половинѣ XV вѣка положеніе Византіи было въ высшей степени критическое; почти вся страна была въ рукахъ мусульманъ; хотя Константинополь оказывалъ еще сопротивленіе, но его могли спасти отъ гибели только геройскія усилія. На берегахъ Босфора раздался вопль отчаянія: греки, чувствовавшіе себя въ желѣзныхъ объятіяхъ ислама, искали сближенія съ латинянами и, желая заключить съ ними прочный союзъ, предлагали забыть всѣ прежніе догматическіе споры.

Если бы они были членами одной церкви, то они могли бы конечно противупоставить туркамъ, угрожавшимъ Балканскому полуострову, болѣе многочисленное и тѣсно сплоченное войско. Императоръ византійскій Іоаннъ Палеологъ настоятельно просилъ папу о помощи, и Евгеній IV, возсѣдавшій въ то время на папскомъ престолѣ, созвалъ для обсужденія этого вопроса и въ связи съ нимъ вопроса о соединеніи церквей, соборъ, засѣданія котораго происходили сперва въ Феррарѣ, а затѣмъ были перенесены въ Флоренцію.

Изнемогавшая въ непосильной борьбѣ съ турками, Византія обратила въ то же время свои взоры къ единовѣрной съ нею Москвѣ, въ надеждѣ получить отъ нея помощь противъ турокъ, хотя сама она въ эпоху татарскаго нашествія отнеслась къ ней безучастно и не послала побѣжденнымъ ни денегъ, ни солдатъ.

Принявъ христіанскую вѣру отъ грековъ и признавъ верховную власть константинопольскаго патріарха, Россія сохраняла духовную связь съ Константинополемъ; восточный патріархъ посвящалъ даже главу русской церкви, митрополита «кіевскаго и всея Россіи» или по крайней мѣрѣ утверждалъ его избраніе.

Въ 1431 г. скончался митрополитъ Ѳотій, и это дало Византіи удобный предлогъ войти въ сношеніе съ Москвою. Великій князь Василій II Темный тотчасъ назначилъ его преемникомъ рязанскаго епископа Іону. Избраніе кіевскаго митрополита подавало обыкновенно поводъ

къ безчисленнымъ столкновеніямъ, ибо Кіевъ—эта колыбель православія, находился въ то время подъ владычествомъ Литвы, и когда приходилось назначать новаго митрополита, то литовцы всегда старались провести своего кандидата.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Іона еще медлилъ обратиться къ константинопольскому патріарху, когда его соперникъ Герасимъ, которому покровительствовали въ Литвѣ, дѣйствуя болѣе смѣло и энергично, добился уже отъ патріарха своего оффиціальнаго утвержденія.

Но, четыре года спустя, когда Герасимъ погибъ въ 1435 г. трагической смертью на кострѣ, Іона поспѣшилъ отправиться въ Константинополь, гдѣ его ожидало впрочемъ горькое разочарованіе.

Императоръ византійскій и патріархъ заблаговременно приняли свои мѣры: имъ нуженъ былъ въ Москвѣ человѣкъ, преданный и способный провести ихъ планы. Ихъ выборъ палъ на игумена Димитріевскаго монастыря (въ Константинополѣ) Исидора, который былъ немедленно объявленъ митрополитомъ кіевскимъ и утвержденъ патріархомъ [1]). Московскому же епископу было обѣщано, что въ случаѣ кончины Исидора онъ будетъ назначенъ на его мѣсто.

Игуменомъ Димитріевскаго монастыря назначался обыкновенно человѣкъ болѣе или менѣе извѣстный, заслужившій это назначеніе какими-либо личными качествами. Исидоръ, какъ свидѣтельствуетъ оставленная имъ обширная переписка, былъ человѣкъ высокообразованный, характера благороднаго, ума серьезнаго и практическаго.

Особенно поражаетъ въ оставленныхъ имъ письмахъ возвышенность его чувствъ. Хотя онъ жаловался въ письмахъ на презрѣніе, съ какимъ относятся къ монахамъ, но онъ самъ пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ переписывался съ императоромъ, какъ человѣкъ, привыкшій имѣть дѣло съ высочайшими особами; обращался къ владѣтелямъ Мореи, къ митрополиту мидійскому и кіевскому, какъ къ равнымъ себѣ, умѣлъ быть преданнымъ другомъ, интересовался судьбою ближнихъ, любилъ обмѣниваться мыслями, оказать всякому что-либо пріятное; часто являлся ходатаемъ неимущихъ и защитникомъ несчастныхъ.

Отправляясь изъ Константинополя на берега Москвы рѣки, бывшій настоятель монастыря св. Димитрія вступалъ въ совершенно новую для него сферу дѣятельности, въ страну мало знакомую ему и его соотечественникамъ. Русскій митрополитъ былъ однимъ изъ высшихъ іерарховъ восточной церкви; всякій считалъ за счастіе занять это весьма прибыльное и почетное мѣсто. Но съ временъ татарскаго нашествія грекамъ рѣдко удавалось получить его, такъ какъ великіе

---

[1]) Исидоръ былъ грекъ, родомъ изъ Ѳессалоникъ.

князья московскіе предпочитали имѣть своего, русскаго митрополита. Впрочемъ и предмѣстникъ Исидора, Ѳотій, былъ уроженецъ Мореи.

Вновь назначенный митрополитъ не могъ воспользоваться чьими-либо просвѣщенными совѣтами и указаніями; предстоявшая ему задача осложнялась тѣмъ, что онъ ѣхалъ въ Москву съ цѣлью убѣдить русскихъ принять участіе въ предстоявшемъ соборѣ и чтобы имѣть законное право явиться въ Феррарѣ ихъ представителямъ.

Горячій сторонникъ соединенія церквей и ревностный патріотъ, Исидоръ ѣхалъ въ Кремль съ твердо выработаннымъ планомъ дѣйствій и съ непоколебимой рѣшимостью привести его въ исполненіе. Но этому не благопріятствовали ни политическія, ни религіозныя условія тогдашней Москвы, ни характеръ ея монарха.

Россія переживала въ то время трудную эпоху своего объединенія, «собиранія земли» и реакціи противъ татарскаго ига. Бывъ долгое время жертвою удѣльной системы, раздробившей ее на части, подпавъ затѣмъ подъ иго татаръ и сдѣлавшись данницей Золотой орды, она вышла изъ всѣхъ этихъ испытаній побѣдительницей только благодаря мудрой, послѣдовательной, стойкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестокой и неумолимой политикѣ московскихъ князей. Сыновья Владиміра Мономаха и Іоанна Калиты, взявъ на себя сборъ дани, которою татары обложили удѣльныхъ князей, съумѣли, исполняя эту обязанность, увеличить свои собственныя средства. При всеобщемъ оскудѣніи эти деньги дали имъ возможность скупить земли обѣднѣвшихъ владѣльцевъ, а благодаря выгоднымъ бракамъ, разнымъ интригамъ и кознямъ, они округлили свои владѣнія, расположенныя чрезвычайно выгодно въ самомъ сердцѣ Россіи. Благодаря сцѣпленію благопріятныхъ обстоятельствъ ихъ собственныя владѣнія не были раздроблены; а когда высшій представитель православной церкви, митрополитъ, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Москву, то она пріобрѣла въ глазахъ православныхъ совершенно исключительное значеніе и возвысилась въ ихъ глазахъ еще болѣе послѣ того, какъ туда былъ перенесенъ всѣми чтимый образъ Владимірской Божіей Матери, съ которымъ были связаны дорогія и священныя воспоминанія для православныхъ христіанъ.

Вскорѣ, вновь народившееся Московское княжество, сосредоточивъ свои силы и сознавъ свое значеніе, почувствовало себя въ состояніи дать отпоръ татарамъ. Димитрій Донской одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Его преемники, не столь смѣлые и отважные, дѣйствовали менѣе стремительно, но весьма настойчиво и упорно.

Великій князь Василій II Темный, занимавшій престолъ въ то время, когда Исидоръ пріѣхалъ въ Москву, принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ князей, которые умѣли какъ нельзя лучше то лави-

ровать и выжидать, то взяться за оружіе, не теряя никогда изъ вида первенства Москвы и своей цѣли—сверженія татарскаго ига.

Первыя двадцать лѣтъ царствованія Василія Темнаго были полны смутъ и кровопролитій. Василію пришлось отстаивать свои права на великокняжескій престолъ противъ своего дяди Юрія, который основывалъ свои притязанія на правахъ старшинства; но золото щедраго племянника и низкопоклонство его бояръ одержали въ Ордѣ побѣду надъ юридическими правами дяди. Ханскій ярлыкъ достался тому, кто далъ больше и выказалъ болѣе покорности. Это повлекло за собою междоусобную войну. Едва Василій II вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, какъ попалъ въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ и былъ освобожденъ только за огромный выкупъ. Рядъ неудачъ и бѣдствій, испытанныхъ Василіемъ II не помѣшали ему однако присоединить къ своему княжеству нѣсколько удѣловъ и дать почувствовать свою силу Твери, Рязани и даже Новгороду. Что касалось Золотой орды, то великій князь, не рискуя напасть на нее открыто, подтачивалъ втайнѣ ея могущество, давая у себя пріютъ татарамъ перебѣжчикамъ, которые становились для него драгоцѣнными пособниками въ борьбѣ съ Золотою ордою.

Несмотря на интриги и всевозможныя заботы, Василій находилъ досугъ для занятій церковными дѣлами. Назначеніе Исидора митрополитомъ не могло, разумѣется, нравиться ему. Неудача, которую потерпѣлъ дважды московскій избранникъ, сама по себѣ была ему въ высшей степени непріятна, а съ назначеніемъ Исидора онъ предвидѣлъ для себя рядъ новыхъ непріятностей.

До тѣхъ поръ владыки русской церкви были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ главы государства. Іона выказалъ бы навѣрно большую покорность по отношенію къ великому князю, который имѣлъ полное основаніе разсчитывать на это. Возможно ли было ожидать того же отъ Исидора? Будетъ ли этотъ византійскій монахъ служить ему съ такою же предавностью, какъ Ѳотій? съумѣетъ ли онъ примѣниться къ московскимъ нравамъ, позабыть интересы Палеологовъ и заботиться объ интересахъ Василія?

Эта неизвѣстность должна была тревожить князя, привыкшаго издавна имѣть въ митрополитѣ преданнаго ему и надежнаго помощника.

Но авторитетъ Византіи былъ еще такъ великъ, что Василій II, изъ уваженія къ императору и патріарху, отказался отъ своего избранника и согласился принять іерарха, который былъ ему навязанъ Константинополемъ. Онъ оказалъ даже Исидору любезный пріемъ. Это было весною 1437 г.

За торжественной аудіенціей слѣдовалъ обычный парадный столъ, и новому владыкѣ были поднесены, какъ всегда, подарки. Своимъ обхож-

деніемъ и наружностью онъ произвелъ на окружающихъ огромное впечатлѣніе и, говоря на нѣсколькихъ языкахъ, прослылъ среди русскихъ человѣкомъ необычайной учености и знаній.

Но доброе согласіе продолжалось не долго; оно окончилось вмѣстѣ съ празднествами, коими сопровождался обыкновенно пріѣздъ новаго лица. Понявъ цѣль, которую преслѣдовалъ Исидоръ, великій князь не скрылъ отъ него своего неудовольствія.

Въ Феррарѣ, какъ выше сказано, долженъ былъ собраться въ скоромъ времени соборъ, на который греки и латиняне должны были съѣхаться для совмѣстнаго обсужденія условій, на какихъ могло состояться ихъ сближеніе. Россія, составляя значительную часть Византійскаго патріаршества, весьма естественно могла имѣть на этомъ соборѣ своего представителя, и Исидоръ просилъ у великаго князя позволенія отправиться въ Феррару.

Очевидно, все это было условлено заранѣе: Исидоръ выполнялъ только программу, выработанную на берегахъ Босфора. Василій Темный, воспитанный въ рабскомъ преклоненіи передъ рутиной, коему эти новыя идеи были совершенно чужды, былъ повергнутъ этой просьбой въ глубокое недоумѣніе. Онъ не могъ себѣ представить главу православной церкви среди латинянъ обсуждающимъ вмѣстѣ съ ними вопросы вѣры и условія, на коихъ могло состояться ихъ сближеніе,—по истинѣ тутъ было, отъ чего придти въ смущеніе. Сами греки говорили ему, что слѣдовало соблюдать только постановленія семи первыхъ вселенскихъ соборовъ, что всѣ остальные соборы должны считаться недѣйствительными, начиная съ восьмаго собора, на которомъ папа Николай отлучилъ Ѳотія, и вдругъ митрополитъ, позабывъ исконную вражду, раздѣлявшую восточную и западную церковь, помышлялъ о какомъ-то странномъ нововведеніи!

Желая какъ-нибудь объяснить себѣ это необычайное явленіе, возмущенные лѣтописцы объясняютъ его дьявольскимъ наважденіемъ, и Василій II былъ только выразителемъ всеобщаго негодованія, говоря Исидору: «Отче святой, да будетъ тебѣ извѣстно, что на седьмомъ соборѣ изложены всѣ правила апостольскія и что имъ проклятъ тотъ, кто помыслитъ о восьмомъ соборѣ».

Но это богословское разсужденіе не поколебало рѣшимости митрополита, и тяготѣвшее надъ будущимъ соборомъ проклятіе не внушило ему ни малѣйшаго страха.

Ссылаясь на обѣщаніе, данное патріарху, онъ настаивалъ на своей просьбѣ такъ энергично, что Василій былъ вынужденъ дать просимое разрѣшеніе. Но, ради своего собственнаго успокоенія, онъ счелъ нужнымъ дать Исидору самые подробные совѣты и наставленія.

— Если ты ѣдешь на этотъ соборъ, который не одобряетъ наша свя-

тая церковь, говорилъ великій князь, по крайней мѣрѣ вернись оттуда въ древней вѣрѣ св. Владиміра. Не измѣняй въ ней ни іоты, всякое нововведеніе будетъ намъ не пріятно.

Лѣтописецъ говоритъ, что Исидоръ обѣщалъ клятвенно исполнить это условіе, которое въ сущности было весьма призрачно, такъ какъ онъ ѣхалъ именно съ цѣлью рѣшить вопросъ, кто изъ двухъ: Византія или Римъ сохранили вѣру св. Владиміра въ чистотѣ и неприкосновенности.

Исидоръ отправился въ путь 8-го сентября 1437 г. со свитою болѣе ста человѣкъ. Въ числѣ его спутниковъ находились между прочимъ: епископъ суздальскій Авраамъ, попъ Симеонъ, также изъ Суздаля, архимандритъ Вассіанъ и бояринъ Ѳома Михайловичъ, который, по другимъ источникамъ, считается уполномоченнымъ тверскаго князя. Никогда еще столь многочисленное общество не отправлялось изъ Москвы въ такой далекій путь и съ такой важной цѣлью.

Вначалѣ Исидора встрѣчали въ разныхъ городахъ, какъ подобало архипастырю, высокочтимому своей паствою. Князь тверской, Борисъ, устроилъ ему торжественную встрѣчу. Въ Новгородѣ и Псковѣ восторгъ жителей выразился въ церковныхъ процессіяхъ и пиршествахъ. Но въ Юрьевѣ, по словамъ русскихъ лѣтописцевъ, произошло столкновеніе, не предвѣщавшее ничего добраго. Населеніе этого города было смѣшанное: тамъ жили православные и католики; духовенство обоихъ вѣроисповѣданій вышло навстрѣчу митрополиту. Исидоръ, къ великому соблазну своихъ спутниковъ, поклонился католическому распятію наравнѣ съ русскими иконами. Этого было достаточно, чтобы его поведеніе показалось имъ подозрительнымъ.

Въ Ригѣ они остановились на нѣсколько недѣль. Монахъ Григорій былъ посланъ оттуда въ Кенигсбергъ разузнать, безопасенъ ли путь, и заручиться охранными граматами. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ Григоріемъ въ Кенигсбергѣ, было рѣшено, минуя Самогитію, сѣсть на судно и проѣхать по Балтійскому морю до Любека. Далѣе маршрутъ былъ намѣченъ черезъ Германію на Люнебургъ, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Инспрукъ и по долинѣ р. Эча въ Италію.

Русскихъ поразилъ внѣшній видъ европейскихъ городовъ. Древняя Москва съ ея скромными деревянными домишками не могла сравняться съ готическими соборами и роскошными дворцами, или хотя бы со скромными жилищами нѣмецкихъ мѣщанъ. Городскіе фонтаны съ ихъ причудливыми украшеніями въ видѣ бронзовыхъ или мраморныхъ исполиновъ, морскихъ чудовищъ или миѳологическихъ богинь, извергавшихъ обильныя струи воды, вызвали живѣйшее изумленіе московскихъ путешественниковъ. Ихъ восторгу не было предѣла, когда они увидѣли въ Любекѣ старинные городскіе часы, на которыхъ во время боя изобра-

жались сцены изъ священнаго писанія. Они не могли оторвать глазъ отъ этого изумительнаго для нихъ зрѣлища, которое всѣми своими подробностями возбуждало ихъ любопытство и говорило ихъ религіозному чувству.

Посѣтивъ нѣкоторые монастыри, они обратили вниманіе на то, что въ библіотекахъ было много книгъ, что за столомъ подавалось хорошее вино и что женщины не имѣли доступа въ мужскіе монастыри. Какъ люди мало развитые, они обращали главнымъ образомъ вниманіе на внѣшнюю сторону западной цивилизаціи, но ея внутренній смыслъ оставался имъ не доступенъ.

Что касается красотъ природы и разнообразія видовъ, то русскіе были къ нимъ равнодушны; только Тироль поразилъ ихъ. Очутившись у подошвы исполинскихъ горъ, снѣжныя вершины которыхъ уходятъ въ небо, жители необозримыхъ сѣверныхъ равнинъ не могли скрыть своего изумленія. Вскорѣ величественныя цѣпи Альпійскихъ горъ смѣнились очаровательными равнинами верхней Италіи, и 15-го августа 1438 г. путешественники прибыли въ Феррару, гдѣ уже засѣдалъ соборъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1438 г. туда прибыли изъ Византіи императоръ Іоаннъ Палеологъ, его братъ Димитрій, патріархъ константинопольскій Іосифъ и множество митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ и придворныхъ сановниковъ.

Латиняне, пріѣхавшіе раньше ихъ, открыли засѣданія уже 8-го января 1438 г., подъ предсѣдательствомъ кардинала Альбергати. 9-го апрѣля состоялось торжественное открытіе собора въ присутствіи Евгенія IV и византійцевъ. Послы западныхъ монарховъ, которыхъ ожидали въ Феррару, не пріѣхали.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1437 г. скончался австрійскій императоръ Сигизмундъ, и его пріемникъ, Альбертъ, отнесся къ собору совершенно безучастно. Германія также мало интересовалась соборомъ, происходившимъ въ Феррарѣ, и Карлъ VII запретилъ даже французскимъ прелатамъ поѣздку въ Италію. Западныхъ монарховъ совершенно не интересовалъ вопросъ о соединеніи церквей, и они полагали, что ничѣмъ не рискуютъ, уклоняясь отъ участія въ соборѣ.

Вынужденное бездѣйствіе, на которое были обречены, въ ожиданіи пословъ, съѣхавшіеся въ Феррару іерархи, было посвящено ими на предварительныя частныя совѣщанія, а византійскій императоръ, стараясь чѣмъ-нибудь наполнить свой досугъ, пріобрѣлъ великолѣпную верховую лошадь и такъ увлекся охотою, что окрестные жители Феррары, опасаясь, что вся ихъ дичь будетъ истреблена, даже жаловались на него. Что касается митрополита кіевскаго, Исидора, то онъ встрѣ-

тилъ въ Феррарѣ старыхъ знакомыхъ и наслаждался обмѣномъ мыслей съ собравшимися богословами и философами.

Но едва успѣли участвующіе въ соборѣ выработать программу занятій, какъ засѣданія были прерваны, и соборъ былъ перенесенъ въ другое мѣсто—во Флоренцію. Въ Феррарѣ обнаружилась чума, отъ которой пострадали болѣе всего спутники Исидора, не привыкшіе къ италіанскому климату. Помимо чумы, которая была оффиціальнымъ предлогомъ перемѣщенія во Флоренцію, было еще одно обстоятельство, заставившее латинянъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Феррары. Вокругъ города бродилъ смѣлый кондотьери [1]), Николай Пиччинино (Niccolo Piccinino), которому удалось уже овладѣть Болоньей и Равенной; онъ поддерживалъ тайныя сношенія съ герцогомъ миланскимъ и могъ неожиданно напасть на Феррару, захватить папскую казну и отрѣзать папу отъ его владѣній. Подобное сосѣдство было, разумѣется, не особенно пріятно. Съ другой стороны Флоренція давно добивалась чести, чтобы соборъ происходилъ въ ея стѣнахъ, и не только обезпечивала папѣ полную безопасность, но предлагала ему значительныя суммы денегъ на удовлетвореніе расходовъ, которые уже превзошли составленную имъ смѣту; этой денежной помощью, предложенной впрочемъ на довольно убыточныхъ условіяхъ, нельзя было пренебрегать.

Греки и русскіе долго не соглашались переѣхать во Флоренцію; хотя ихъ пугала эпидемія, но они еще болѣе боялись углубиться внутрь страны, откуда имъ было бы труднѣе возвратиться на родину, но, находясь на иждивеніи папы, они были вынуждены, наконецъ, на это согласиться.

10-го января 1439 г., на шестнадцатомъ и послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ въ Феррарѣ, состоялось постановленіе о перенесеніи собора во Флоренцію, и всѣ участники его тотчасъ отправились въ Тоскану.

II.

Засѣданія собора во Флоренціи.—Положеніе митрополита Исидора и степень его участія въ преніяхъ.—Результаты собора.

Среди представителей латинскаго духовенства и приближенныхъ папы было не мало людей ученыхъ, начитанныхъ и блестящихъ ора-

[1]) Партизанскій предводитель.

торовъ. Особенно видное мѣсто занималъ между ними кардиналъ Альбергати, столь же прославленный своей безупречной жизнью, какъ и любовью къ просвѣщенію. Особенно много людей даровитыхъ и владѣвшихъ перомъ было среди личныхъ секретарей папы и такъ называемыхъ secrittori (писцы), присутствіе которыхъ было необходимо вслѣдствіе пріѣзда въ Италію грековъ, коимъ они одни могли служить переводчиками.

Съ первыхъ же засѣданій оказалось, что греки не могли выставить ни одного выдающагося оратора, кромѣ ученаго и краснорѣчиваго митрополита никейскаго Виссаріона, и латиняне убѣдились въ томъ, что ихъ представленіе о грекахъ было весьма ошибочно и что дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала ихъ ожиданіямъ.

Уже одинъ наружный видъ грековъ съ ихъ страннымъ, длиннымъ, развѣвающимся одѣяніемъ, ихъ бородою, которая у иныхъ была длинною и густою, а у другихъ рѣдкою и короткою, ихъ подведенными бровями и длинными волосами, вызывалъ насмѣшки италіанцевъ, привыкшихъ къ совершенно иного рода изяществу. Всякій рисовалъ себѣ по-своему потомковъ героевъ, воспѣтыхъ Гомеромъ, потомковъ Перикла и Демосѳена, и, видя ихъ такими, какіе они были, самые серьезные люди не могли удержаться отъ улыбки.

Встрѣча грековъ и латинянъ на этрусской почвѣ въ то время, когда подъ покровительствомъ Медичисовъ въ Италіи началось возрожденіе наукъ и искусствъ, была событіемъ высоко знаменательнымъ; поэтому Флорентійскій соборъ и его постановленія имѣютъ въ исторіи церкви огромное значеніе. Это была цѣлая программа религіознаго единенія восточной и западной церкви.

Редакція окончательныхъ формулъ представляла большія затрудненія и вызвала оживленные, продолжительные и подъ часъ довольно скучные споры, которые оживлялись только блестящими рѣчами извѣстнѣйшихъ богослововъ.

Греки привезли съ собою множество старинныхъ рукописей: они хотѣли провѣрить тексты отцовъ церкви по стариннымъ пергаментамъ.

Разнообразіе нарѣчій, на которыхъ говорили съѣхавшіеся, увеличивало затрудненіе. На общихъ собраніяхъ переводчикъ переводилъ рѣчи греческихъ ораторовъ на латинскій языкъ, а латинянъ—на греческій. Никколо Сагундино (Niccolo Sagundino), уроженецъ острова Эвбеи, справлялся съ этой обязанностью съ изумительной легкостью и къ всеобщему удовольствію, поражая быстротою и точностью перевода; шесть нотаріусовъ, изъ нихъ три грека и три латинянина, записывали все, что происходило на собраніяхъ. Вся черная работа производилась въ комитетѣ, состоявшемъ сперва изъ 80, затѣмъ изъ 40, 20 и, наконецъ, изъ 16

членовъ грековъ и латинянъ. Прослѣдивъ все то, что говорилось на совѣщаніяхъ во Флоренціи, можно сказать, что соединеніе церквей совершилось на основаніи принятаго обѣими сторонами въ высшей степени справедливаго принципа: единства вѣры и различія обрядовъ.

Вопросъ объ обрядовой сторонѣ гораздо болѣе важенъ и сложенъ, нежели можно думать съ перваго взгляда. Богослужебныя правила, извѣстныя подъ общимъ названіемъ церковныхъ обрядовъ, введены съ согласія и одобренія отцовъ церкви, но выработались на почвѣ народныхъ вѣрованій и мѣстныхъ обычаевъ; вслѣдствіе этого они составляютъ одинъ изъ элементовъ національной жизни, въ особенности если языкъ страны проникъ въ богослужебныя книги и въ самое богослуженіе; они бросаются въ глаза каждому, и слѣпой фанатизмъ даже смѣшиваетъ ихъ подъ часъ съ самой сущностью религіи.

Восточная и западная церковь долгое время придерживались разныхъ обрядовъ, и единство вѣры отъ этого нисколько не страдало.

Изъ двадцати двухъ пунктовъ разногласія, существовавшихъ между восточной и западной церковью, большая часть касалась внѣшнихъ обрядовъ, имѣвшихъ второстепенное значеніе, каковы, напр.: субботній постъ, обычай священниковъ брить бороду и епископовъ носить перстень и т. п. Съ теченіемъ времени поводы къ неудовольствію возросли, и въ четырнадцатомъ вѣкѣ Византія, смѣшивая существенное съ второстепеннымъ и придираясь ко всему, обвиняла латинянъ въ томъ, что они впали въ «многочисленныя ереси».

Надобно было прекратить эти недоразумѣнія, выяснить догматы, и святые отцы, собравшіеся во Флоренціи, высказали во время преній большую широту взглядовъ: оба вѣроисповѣданія, восточное и западное, были, если можно такъ сказать, уравнены и одобрены оффиціально. Папскій престолъ утвердилъ это рѣшеніе и съ тѣхъ поръ придерживался этого взгляда. Нынѣ, какъ и во времена Флорентійскаго собора, возможны предразсудки со стороны толпы, но люди просвѣщенные никогда не будутъ проповѣдывать рознь, основываясь только на различія обрядовъ того или другаго народа.

Совершенно иное вопросъ о догматахъ христіанской церкви. Когда дѣло идетъ объ ученіи Христа, никакое соглашеніе не мыслимо; евангельскія истины должны быть неприкосновенны, ихъ не можетъ измѣнить никакая человѣческая власть. Доказавъ правильность того или другаго догмата, предъ нимъ остается только преклониться.

Одинъ изъ главныхъ пунктовъ, относительно котораго восточное и западное вѣроисповѣданіе совершенно расходились во взглядахъ, касался Св. Троицы; этотъ вопросъ съ первыхъ вѣковъ христіанства былъ камнемъ преткновенія для самыхъ великихъ умовъ. Западная церковь при-

*

знавала всегда, что Духъ Святой происходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго начала, и включила это вѣрованіе въ свой символъ вѣры, а по ученію восточной церкви, Духъ Святой исходитъ только отъ Отца, и греческая церковь ставила латинянамъ въ укоръ добавленіе, сдѣланное ими къ символу вѣры. Также различно они толковали свойства божества и іерархическое устройство церкви.

Любопытно выяснить, какую роль игралъ на Флорентійскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ? По занимаемому имъ видному положенію и обширнымъ связямъ, кіевскому митрополиту принадлежало среди его коллегъ самое видное мѣсто. Облеченный довѣріемъ императора Іоанна Палеолога и патріарха Іосифа, являясь представителемъ страны, съ которой греки стремились поддержать дружественныя отношенія, онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы поддержать свое достоинство, и его выдающійся умъ давалъ ему возможность съ успѣхомъ отстаивать свои взгляды. Несмотря на это, онъ игралъ на соборѣ гораздо менѣе видную роль, нежели его другъ, митрополитъ никейскій Виссаріонъ, выдающійся ораторъ и полемистъ, большой мастеръ отстаивать свои взгляды, умѣвшій разбить противника, не озлобляя его.

Исидоръ былъ не столько ораторъ, сколько человѣкъ дѣла; онъ заявилъ съ самаго начала, что не обладаетъ даромъ слова, и на засѣданіяхъ въ Феррарѣ и Флоренціи зачастую молчалъ или произносилъ только нѣсколько многозначительныхъ словъ, въ которыхъ высказывалась вся сила его характера.

Стушевываясь на общихъ собраніяхъ и избѣгая вступать въ пренія, митрополитъ кіевскій высказывался въ частныхъ засѣданіяхъ и въ интимной бесѣдѣ являлся всегда сторонникомъ примиренія. Онъ защищалъ догматы латинской вѣры съ горячностью человѣка убѣжденнаго, подкрѣпляя свои разсужденія такими доводами, которые свидѣтельствовали о вполнѣ сложившемся непоколебимомъ убѣжденіи, за что нѣкоторые греческіе іерархи преслѣдовали его самыми язвительными насмѣшками, называя его воинствующимъ членомъ тріумвирата, состоявшаго изъ Виссаріона и протосинкела [1]) Григорія, человѣкомъ всецѣло преданнымъ папѣ и желавшимъ споспѣшествовать соединенію церквей. Исидору вмѣняли это въ преступленіе, называли его интриганомъ, честолюбцемъ, человѣкомъ, искажавшимъ тексты священнаго писанія.

Желаніе Исидора примирить обѣ стороны выразилось особенно ярко при обсужденіи двухъ важнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ.

---

[1]) Чинъ греческой церкви.

Онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, которыя были готовы заниматься безконечно второстепенными вопросами, а предпочиталъ обсуждать только самые существенные.

Какъ сказано выше, догматъ происхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына (называемый католической церковью Filioque) включенъ въ ея символъ вѣры. Очевидно, эта прибавка есть дѣло второстепенное. Если догматъ правиленъ, то церковь имѣетъ право признавать его открыто. Но нѣкоторыя лица греческаго духовенства придерживались инаго мнѣнія и особенно настаивали на этомъ пунктѣ. Митрополитъ Исидоръ, напротивъ того, подалъ голосъ за переходъ къ обсужденію самой сущности этого догмата, а подъ конецъ, когда всѣ были уже утомлены и греки только и помышляли какъ бы скорѣе уѣхать по домамъ, кіевскій митрополитъ поступилъ весьма энергично и выказалъ большую твердость характера, это было 30-го марта 1439 г. Греки, съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ во главѣ, собравшись въ келью патріарха, возвратились еще разъ къ обсужденію вопроса о происхожденіи Святаго Духа. Всѣ богословскіе доводы были уже исчерпаны, повторены и вдоволь обсуждены. Все было выяснено и разъяснено. Надобно было сдѣлать только послѣднее усиліе, чтобы побѣдить противниковъ. Исидоръ взялъ это на себя и заявилъ рѣшительно, что онъ стоитъ за соединеніе съ латинянами, «за сліяніе душъ и тѣлесъ», по его образному выраженію. Ставъ на практическую почву, онъ сказалъ:

— Если мы не присоединимся къ нимъ, то намъ придется уѣхать. Ничего нѣтъ легче, какъ идти врозь, но куда идти, вотъ чего я не вижу.

Трудно было выразить яснѣе всю безвыходность положенія. Затѣмъ онъ развилъ свой взглядъ о единствѣ церкви съ такою силою и убѣдительностью, которая свидѣтельствовала, что все, что̀ онъ говорилъ, было зрѣло имъ взвѣшено и обдумано.

— Мы всѣ признаемъ божественное преданіе, сказалъ онъ, обращаясь къ грекамъ, и такъ какъ представителями его являются святые отцы восточной и западной церкви, то между нами не должно существовать непримиримыхъ разногласій. Между тѣмъ св. отцы западной церкви учатъ насъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына; слѣдовательно, въ этомъ именно смыслѣ и надобно толковать тексты св. отцовъ восточной церкви, которые, хотя выражены не столь ясно, но все же допускаютъ подобное толкованіе безъ особенной натяжки.

Эти слова не допускали возраженій; никто не пытался оспаривать ихъ, и митрополитъ продолжалъ:

— Надобно принять догматъ западной церкви, Духъ Святой исходитъ отъ Отца, Отецъ и Сынъ суть начало Святаго Духа. Таково мое убѣжденіе, я признаю его открыто предъ Богомъ и людьми.

Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, этотъ убѣжденный сторонникъ соединенія церквей, признавшій еще ранѣе, къ великому соблазну грековъ, за папою право рѣшить безапелляціонно важнѣйшіе вопросы восточной церкви, рѣшился на слѣдующій смѣлый шагъ.

Онъ отправился къ папѣ въ сопровожденіи Доровея митиленскаго; они сообщили ему результатъ послѣднихъ совѣщаній собора, настаивали на томъ, чтобы какъ можно скорѣе было принято какое-либо рѣшеніе, и выразили желаніе, чтобы въ день приближавшагося праздника Петра и Павла духовенство обоихъ исповѣданій могло совершить таинство евхаристіи совмѣстно.

Митрополиты упредили этимъ желаніе папы, который только и ожидалъ подобнаго шага. Онъ благодарилъ ихъ и нѣсколько дней спустя обнародовалъ буллу объ уніи или соединеніи церквей, и умолялъ въ ней западныхъ монарховъ поспѣшить на помощь погибавшей Византіи.

Латинская редакція этого важнаго акта была поручена монаху Травезари; Виссаріонъ никейскій помогъ ему перевести его на греческій языкъ.

Булла была торжественно обнародована 6-го іюля 1439 г. во Флорентійскомъ соборѣ Санта-Марія дель-Фіоре. Въ этотъ день вся Флоренція приняла праздничный видъ. Несмѣтная толпа народа наполнила соборъ, потоки свѣта лились изъ алтаря, звонкая итальянская музыка раздавалась вмѣстѣ съ клятвою о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ между Римомъ и Византіей. Кардиналъ Чезарини прочиталъ во всеуслышаніе латинскій текстъ буллы, а Виссаріонъ—ея греческій текстъ; папской буллой были незыблемо установлены слѣдующіе пять пунктовъ:

1) Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына или отъ Отца черезъ Сына, какъ отъ единаго начала и единымъ дыханіемъ; 2) прибавленіе Filioque къ символу сдѣлано законно; 3) таинство евхаристіи можетъ совершаться на прѣсномъ или кисломъ пшеничномъ хлѣбѣ; 4) святые, тотчасъ послѣ смерти, наслаждаются лицезрѣніемъ Бога, а грѣшники нисходятъ во адъ; 5) папа есть преемникъ святаго Петра, его верховная власть распространяется на вселенскую церковь, онъ есть отецъ и глава всѣхъ народовъ. Въ церковной іерархіи второе мѣсто послѣ папы принадлежитъ патріарху константинопольскому, третье—патріарху александрійскому, четвертое — патріарху антіохійскому и наконецъ пятое—патріарху іерусалимскому.

Желая увѣковѣчить актъ соединенія церквей, папа Евгеній IV потребовалъ, чтобы императоръ и греки подписали пять экземпляровъ буллы, но они согласились подписать только четыре, и то лишь послѣ усиленныхъ просьбъ и долгихъ переговоровъ; каждому изъ шести латин-

скихъ секретарей было разрѣшено снять съ буллы по 25 копій, такъ что общее число ихъ дошло до 400.

Одинъ экземпляръ буллы, имѣющій особый интересъ для русскихъ, хранится подъ № 4 въ серебряномъ ларцѣ, подаренномъ кардиналомъ Чезарини дожу Флоренціи. Онъ раздѣленъ на три колонки, изъ коихъ въ каждой помѣщенъ одинъ и тотъ же текстъ, но на разныхъ языкахъ: по-латыни, по-гречески и по-славянски. Такъ какъ это документъ современный собору, то надобно думать, что русскій переводъ буллы сдѣланъ однимъ изъ спутниковъ Исидора, быть можетъ, епископомъ суздальскимъ Авраамомъ.

Двѣ скромныя латинскія надписи, высѣченныя на стѣнѣ Флорентійскаго собора, напоминаютъ посѣтителю о совершившемся тутъ знаменательномъ событіи. Одна изъ нихъ, находящаяся надъ входными дверьми, почти стерлась отъ времени. Другая, болѣе обстоятельная, высѣчена изъ мрамора и находится подлѣ ризницы; въ ней указана продолжительность засѣданій собора, огромное число греческихъ и латинскихъ епископовъ, принимавшихъ участіе въ немъ подъ предсѣдательствомъ папы и византійскаго императора.

На память о соборѣ была выбита также медаль, и кромѣ того по приказанію папы на бронзовыхъ дверяхъ собора св. Петра изображено нѣсколько сценъ изъ византійской жизни. Одна изъ нихъ изображаетъ отъѣздъ императора Іоанна Палеолога изъ Константинополя въ Италію; на другой императоръ изображенъ преклоняющимъ колѣно передъ папою, на третьей онъ же—присутствующій на засѣданіяхъ собора и его отъѣздъ на родину изъ Венеціи.

Эти художественныя произведенія должны были свидѣтельствовать, по мысли Евгенія IV, что стѣна, такъ долго отдѣлявшая Востокъ отъ Запада, рушилась. Такъ думалъ и Исидоръ, но его русскіе спутники не раздѣляли этого взгляда.

Любопытенъ въ этомъ отношеніи разсказъ, записанный попомъ Симеономъ. Это былъ единственный изъ русскихъ спутниковъ Исидора, который изложилъ письменно впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Флоренціи. Его разсказъ не имѣетъ значенія историческаго документа, но представляетъ интересъ съ точки зрѣнія психологической, какъ впечатлѣнія человѣка грубаго, мало образованнаго, который очутился неожиданно въ средѣ высококультурной, стоявшей неимовѣрно выше той сферы, въ которой онъ привыкъ вращаться.

По понятію Симеона весь смыслъ Флорентійскаго собора заключался въ финансовыхъ операціяхъ и въ полицейскихъ мѣрахъ: съ деньгами и угрозою, по его мнѣнію, можно было всего достигнуть. Онъ смутно понималъ болѣе отвлеченные вопросы, которые представлялись ему какъ-то туманно. Одинъ только Маркъ эфесскій, непримиримый врагъ

латинянъ, произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Вотъ какъ онъ передаетъ сущность его рѣчей.

— Уже на четвертомъ собраніи, въ Феррарѣ,—говоритъ попъ Симеонъ, Маркъ возвысилъ голосъ, въ то время какъ прочіе епископы молчали, и сталъ упрекать римскаго папу за то, что онъ называетъ себя всегда первымъ, не упоминаетъ въ молитвахъ имени императора, не называетъ патріарховъ братьями, отвергаетъ постановленія первыхъ семи соборовъ и созвалъ восьмой соборъ съ цѣлью дать латинской вѣрѣ преимущество въ ущербъ православію. Такъ какъ папа не считалъ себя способнымъ отвѣчать ему, то за это взялись ученые богословы. Послѣ нихъ снова говорилъ Маркъ эфесскій:

— До коихъ поръ, латиняне, будете вы отвергать въ своемъ безуміи постановленія первыхъ семи соборовъ?—сказалъ онъ. Изъ нихъ первый происходилъ при Сильвестрѣ, второй при Адріанѣ; анаѳема будетъ тотъ, кто вычеркнетъ изъ нихъ или прибавитъ къ нимъ хотя бы одну іоту.

Эта рѣчь произвела на всѣхъ впечатлѣніе, подобное удару грома. Папа, кардиналы, епископы, всѣ латиняне, объятые ужасомъ, поспѣшно удалились. Греки остались одни, торжествуя побѣду.

Симеонъ не могъ понять, въ чемъ дѣло; тогда одинъ изъ митрополитовъ сказалъ ему:

— Маркъ, защитникъ православной вѣры, превзошелъ Хризостома и жестоко отомстилъ за восточную церковь.

Симеонъ неистощимъ въ своихъ похвалахъ Марку эфесскому; переходя къ описанію заключительнаго засѣданія собора, на которомъ была обнародована папская булла, онъ предается самымъ грустнымъ размышленіямъ; удрученный тѣмъ, что отцы греческой церкви цѣловали руку папѣ, преклоняя колѣно, онъ творилъ въ это время про себя молитву: «Господи, прости намъ прегрѣшенія наша».

«Митрополитъ кіевскій подписалъ буллу Евгенія IV отъ имени своей паствы, пишетъ Симеонъ, но епископъ суздальскій Авраамъ рѣшительно отказался отъ этого. Восемь дней, проведенныхъ имъ по распоряженію митрополита въ одиночномъ заключеніи, заставили его быть сговорчивѣе, и онъ, волей неволей, далъ свою подпись».

Таковъ, въ общихъ чертахъ, разсказъ Симеона, который совершенно расходится съ протоколами засѣданій собора. Общее впечатлѣніе его разсказа таково, что Исидоръ держалъ сторону латинянъ. Это свидѣтельствуютъ единогласно и всѣ прочіе источники.

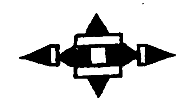
Симеонъ былъ глубоко возмущенъ его поведеніемъ; въ этомъ отношеніи съ нимъ сходятся многіе изъ современныхъ историковъ. Исидору

ставятъ въ укоръ то, что онъ, какъ представитель великаго князя Василія и всея Россіи, преступилъ данныя ему полномочія.

Но можетъ ли быть рѣчь о полномочіяхъ, коль скоро люди съѣхались для свободнаго обсужденія какого-нибудь вопроса на соборѣ? Тутъ должна играть первую роль свобода совѣсти, и если Исидоръ дѣйствовалъ вполнѣ искренно и чистосердечно, то его нельзя ни въ чемъ обвинять. Признавъ, что римская церковь есть единая истинная церковь Христова, онъ не могъ не присоединиться къ ней. И онъ имѣлъ право сдѣлать отъ имени своей паствы то, что онъ сдѣлалъ бы отъ своего собственнаго имени, такъ какъ онъ могъ разъяснить ей истину впослѣдствіи.

Такъ думалъ, конечно, митрополитъ Исидоръ; этому убѣжденію онъ остался вѣренъ всю жизнь, при самыхъ тягостныхъ для него обстоятельствахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



О назначеніи бригадира де-Бресана президентомъ Мануфактуръ-коллегіи.

Указъ Правительствующему Сенату.

получень 9-го іюня 1762 г.

Мы, будучи весьма довольны учиненными распорядками и прилежнымъ присмотромъ надъ шпалерною нашею императорскою фабрикою, нашимъ голштинскимъ камергеромъ и бригадиромъ де-Бресаномъ, которая отъ насъ ему въ полное управленіе ввѣрена, заблагоразсудили и прочія находящіяся въ государствѣ нашемъ фабрики и мануфактуры препоручить въ его дирекцію,—всѣ тѣ, кои въ вѣдѣніи Мануфактуръ-коллегіи состоятъ, жалуя при томъ его въ Мануфактуръ-коллегію президентомъ и надѣяся, что онъ всевозможную прилежность и стараніе употребитъ къ дальнѣйшему нашему благоволенію. А особливо суконныя фабрики въ такое состояніе постановить, чтобъ не токмо на рядовыхъ для всей нашей арміи и прочихъ регулярныхъ войскъ, но и тонкихъ разныхъ цвѣтовъ сукна, какъ для генералитета, такъ и для штабъ и оберъ-офицеровъ достаточно-бъ было

Путешествіе императора Павла I. по Россіи

въ 1797—1798 гг.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ, въ виду предстоявшаго отъѣзда въ Москву, для коронованія, повелѣлъ генералъ-прокурору князю Куракину распорядиться, чтобы во время слѣдованія его не устраивалось на пути никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Куракинъ, 5-го января 1797 года, сообщилъ всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ: что «его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ, дабы во время предположеннаго высочайшаго путешествія такихъ исправленій по дорогѣ, которыя бы могли препятствовать свободной ѣздѣ проѣзжающихъ [1]), отнюдь не было, равномѣрно никогда и никому бы не дѣлалось воспрещеній ѣхать по дорогѣ, по которой его величество путешествовать будетъ, и чтобъ по дорогѣ костровъ, дровъ, разставленныхъ ельниковъ, въ селеніяхъ народа съ лучинами не было, и также въѣздныхъ воротъ и тому подобныхъ приготовленій по дорогамъ, въ селеніяхъ и городахъ,—однимъ словомъ, всего того, что̀ на встрѣчу походить можетъ».

Въ февралѣ мѣсяцѣ княземъ Куракинымъ было послано дополнительное предписаніе, чтобы, согласно высочайшей волѣ, по случаю приготовленія лошадей на станціяхъ подъ высочайшее шествіе, не вкрадывалось нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ никакихъ поборовъ, и чтобы не было никакой встрѣчи, какъ отъ чиновниковъ, такъ отъ купцовъ, мѣщанъ и поселянъ; не было бы солонокъ, на хлѣбѣ подносимыхъ, и въ приготовленіяхъ ничего похожаго на встрѣчу.

---

[1]) Т. е. задерживать ѣзду.

Вмѣстѣ съ этимъ, Куракинъ предложилъ къ капитанамъ-исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ будетъ шествіе, для наблюденія по станціямъ должнаго порядка, опредѣлить дворянъ отъ губерній; и о тѣхъ, кто будетъ назначенъ, его увѣдомить.

Несмотря на ясно выраженное желаніе императора, чтобы ему не было дѣлаемо никакихъ встрѣчъ, нѣкоторые изъ губернаторовъ, извѣщая о принятыхъ ими, въ виду предстоявшаго путешествія, мѣрахъ, стали обращаться къ князю Куракину съ различными запросами. Одни просили разрѣшенія только имъ лично встрѣтить государя на границѣ управляемой ими губерніи, другіе—предлагали тотъ или иной способъ встрѣчи, который, по ихъ мнѣнію, былъ необходимъ, или же указывали на плохое состояніе дорогъ и мостовъ. Такъ, главнокомандующій города Москвы Измайловъ, между прочимъ, писалъ: «Покорнѣйше прошу снабдить меня вашимъ наставленіемъ, могу ли я, для всеподданнѣйшей встрѣчи его императорскаго величества, выѣхать на границу губерніи Московской? что я считаю моимъ долгомъ и сіе всегда предмѣстниками моими исполнялось; равно вашего сіятельства прошу и о губернаторѣ, долженъ ли онъ встрѣтить на границѣ». Куракинъ отвѣтилъ, что сдѣланныя уже предписанія ко всѣмъ служащимъ подъ начальствомъ главнокомандующаго, дабы ничего похожаго на встрѣчу дѣлаемо не было, разрѣшаютъ совершенно и его самого.

Тульскій губернаторъ Лаптевъ въ своемъ донесеніи писалъ: « По поводу благотворительнаго вашего сіятельства ко мнѣ благорасположенія, вразумите меня, милостивый государь, не можно ли мнѣ, хотя съ капитанъ-исправникомъ, на границѣ Тульской губерніи, противъ Серпухова, при рѣкѣ Окѣ, его величество встрѣтить, или въ Тулѣ у заставы и при въѣздѣ государя въ Тулу, кажется, нужно бы пушечную пальбу произвести и колокольный звонъ, но безъ особаго повелѣнія я не буду смѣть».

Смоленскій генералъ-губернаторъ Философовъ почиталъ нужнымъ при въѣздѣ въ губернію и выѣздѣ поставить тріумфальныя ворота, «изъ дерева сооруженныя, безъ всякой пышности и единственно зелеными вѣтвями украшенныя, коихъ построеніе никакой казенной суммы не требуетъ, такъ какъ дворянство беретъ сіе на себя». Основаніемъ къ тому онъ выставилъ, что Смоленскъ издревле престолъ великокняженія, и государь по восшествіи на престолъ посѣтитъ губернію въ первый разъ.

На это князь Куракинъ отвѣтилъ, что «всѣ таковыя встрѣчи и приготовленія его величеству непріятны, и что если оныя противу воли его гдѣ и въ какомъ-либо видѣ будутъ построены, то государь въ своемъ присутствіи прикажетъ разломать».

Высшія духовныя лица, извѣщенныя губернаторами о получен-

номъ, по поводу высочайшаго путешествія, предписаніи, обращались къ князю Куракину также съ запросами, ссылаясь на то, что въ разосланныхъ циркулярахъ упоминалось только о томъ, чтобы встрѣчи не было со стороны чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и поселянъ, о духовенствѣ же ничего не говорилось.

Такой запросъ сдѣлалъ, между прочимъ, тверской архіепископъ Ириней, окончившій свое письмо словами: «Опасаясь, чтобы, какъ дѣлая или не дѣлая встрѣчи, подъ которой разумѣю я колокольный звонъ, выходъ съ крестами, поднесеніе образовъ и чтеніе рѣчей, не повести высочайшаго гнѣва, сими строками осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство снабдить меня пріятнѣйшимъ въ семъ случаѣ наставленіемъ вашимъ».

Куракинъ ему далъ знать, что «повелѣніе, государемъ императоромъ данное, чтобъ во время высочайшаго шествія въ Москву нигдѣ и никакихъ нарядныхъ пріемовъ и встрѣчъ не было, объемлетъ собою какъ гражданскія, такъ и духовныя церемоніи, а потому всѣ церковные обряды, подъ именемъ встрѣчи разумѣемые, по точной силѣ государевой воли, должны быть оставлены, за исключеніемъ того случая, когда государю императору благоугодно будетъ посѣтить Тверской каѳедральный соборъ, гдѣ его высокопреосвященство имѣетъ высочайшее повелѣніе встрѣтить его величество со крестами и малымъ причтомъ внутри церкви и, при отправленіи малой эктеніи, возгласить многолѣтіе, послѣ чего государь императоръ изволитъ шествовать къ поклоненію мощамъ, въ соборѣ почивающимъ».

27-го февраля 1797 года митрополитъ новгородскій Гавріилъ, сообщая кн. Куракину, что онъ «предписалъ Петербургской и Новгородской консисторіямъ: 1) въ Новгородѣ, при Софійскомъ соборѣ, быть: архіерею, настоятелямъ, всѣмъ священникамъ, діаконамъ и пѣвчимъ въ маломъ лучшемъ облаченіи; 2) архіерею говорить рѣчь и въ покояхъ поднесть икону, хлѣбъ и соль; 3) при всѣхъ церквахъ быть звону, доколѣ его величество изволитъ прибыть въ покои; 4) во время отъѣзда быть звону вездѣ; 5) во всѣхъ селахъ священно-церковнослужителямъ въ лучшемъ облаченіи стоять при церквахъ неподвижно, а къ каретѣ отнюдь не подходить; 6) при въѣздѣ въ селеніе и при выѣздѣ быть звону»; просилъ «дать приказаніе, что изъ вышеписанныхъ предписаній отмѣнить».

На это Куракинъ отвѣтилъ, что его величество повелѣлъ ему отнестись къ нему, митрополиту, «дабы сколь возможно поспѣшнѣе сдѣланы были предписанія всему духовенству вовсе таковыя приготовленія оставить и ничего, что на встрѣчу походить можетъ, не дѣлать». Такое же извѣщеніе онъ послалъ и московскому митрополиту Платону.

Между тѣмъ, еще ранѣе посылки такого отвѣта, а именно 15-го

февраля, поступило такое же письмо и отъ старорусскаго епископа Досифея. При письмѣ этомъ была приложена и копія съ распоряженія, даннаго Досиѳею митрополитомъ Гавріиломъ, изъ которой видно, что предположенный обрядъ торжественной встрѣчи долженъ былъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) Архіерею и всему новгородскому духовенству въ лучшемъ облаченіи дожидаться прибытія его императорскаго величества въ Софійскомъ соборѣ.

2) При въѣздѣ его императорскаго величества въ Новгородъ (ежели случится не ночью), зачать звонъ по всѣмъ церквамъ.

3) Ежели его императорское величество изволитъ прибыть къ Софійскому собору, то духовенство встрѣчаетъ его императорское величество на крыльцѣ и предшествуетъ въ церковь съ пѣніемъ пѣвчихъ: „днесь благодать Святаго Духа насъ собра" и проч., потомъ протодіаконъ читаетъ эктенію: „Помилуй насъ, Боже" и многолѣтіе его императорскому величеству со всею высочайшею фамиліею; по пропѣтіи же многолѣтія, всеподданнѣйше привѣтствуется его императорское величество отъ архіерея краткою рѣчью, и подносится крестъ и святая вода.

4) При выходѣ его императорскаго величества изъ собора, духовенство предшествуетъ до кареты, и производится звонъ по всѣмъ церквамъ.

5) По отъѣздѣ его императорскаго величества отъ церкви, архіерей съ духовенствомъ поетъ молебенъ о благополучномъ путешествіи его императорскаго величества.

6) Потомъ архіерей съ лучшимъ духовенствомъ пріѣзжаетъ къ его императорскому величеству во дворецъ со святою иконою, съ хлѣбомъ и солью, и всеподданнѣйше проситъ его императорское величество о всемилостивѣйшемъ посѣщеніи обители преподобнаго Варлаама, празднуемаго ноября 6-го числа (сія обитель отстоитъ отъ Новгорода въ восьми верстахъ, близъ московской дороги).

7) Ежели его императорское величество изволитъ прибыть въ Новгородъ къ обѣднѣ, то служитъ оную архіерей въ холодномъ или тепломъ соборѣ, гдѣ повелитъ его императорское величество.

8) Къ прибытію его императорскаго величества церковное крыльцо и Софійскій холодный соборъ устилаются сукнами и освѣщаются.

Конечно, и это все, за послѣдовавшимъ уже распоряженіемъ, не было приведено въ исполненіе.

Для совершенія обряда коронованія императоръ отправился изъ г. Павловска въ Москву 10-го марта 1797 года. 11-го марта онъ былъ уже въ Новгородѣ, 12-го въ Вышнемъ-Волочкѣ, 14-го въ Твери, а 16-го марта его величество прибылъ въ Петровскій дворецъ, подъ Москвою, гдѣ и пробылъ до 30-го марта, когда переѣхалъ въ Москву. 5-го апрѣля совершилось священное коронованіе. До 23-го апрѣля его величество пробылъ въ Москвѣ; 24-го апрѣля 1797 г. посѣтилъ Троице-Сергіеву лавру, а затѣмъ съ 25-го апрѣля по 3-е мая имѣлъ пребываніе въ Москвѣ.

Въ виду предстоявшаго послѣ коронованія возвращенія его величества изъ Москвы въ Петербургъ, князь Куракинъ, въ апрѣлѣ 1797 г.

сдѣлалъ соотвѣтственныя предписанія, при чемъ въ своихъ сообщеніяхъ къ губернаторамъ указалъ, что всѣ распоряженія, относящіяся до проѣзда государя, «нужно учинить самымъ скрытнымъ образомъ, дабы они не были гласными, на что̀ есть собственная его величества воля».

Обратное слѣдованіе государя изъ Москвы предполагалось сначала на Казань, но впослѣдствіи было измѣнено. Выѣхавъ изъ Москвы на Смоленскъ, государь 5-го мая прибылъ въ Пневу слободу. Увидавъ, что черезъ всю эту слободу былъ сдѣланъ новый мостъ, безъ всякой, по мнѣнію его величества, въ томъ надобности, и узнавъ, что на этой работѣ пневскіе и окольныхъ деревень ямщики провели три недѣли, чрезъ что̀ упустили удобное къ хлѣбопашеству время и, кромѣ того, понесли убытку болѣе 900 руб. отъ скораго заготовленія лѣса для этой постройки, императоръ крайне недовольный этимъ, выдалъ ямщикамъ изъ своихъ денегъ 2.500 руб. и повелѣлъ: отыскать виновныхъ, не исполнившихъ высочайшей воли о недѣланіи никакихъ приготовленій къ его проѣзду, предать ихъ суду, взыскать съ нихъ издержанныя ямщиками на означенную постройку деньги», а генералъ-прокурору приказалъ подтвердить начальникамъ губерній, чтобы они не отягощали обывателей ненужными работами. 6-го мая государь былъ въ Смоленскѣ, а 8-го числа прибылъ въ дер. Начу, Минской губерніи. Здѣсь были даны два указа: одинъ на имя бѣлорусскаго губернатора Жегулина, другой генералъ-прокурору кн. Куракину.

Въ указѣ губернатору значилось слѣдующее:

«Проѣзжая губернію, вамъ ввѣренную, съ неудовольствіемъ видѣлъ я множество людей, высланныхъ на дороги, для расчищенія оныхъ, и что работа сія производится безъ всякой надобности, и съ истребленіемъ при этомъ лѣсовъ и съ отнятіемъ рукъ, для земледѣлія нужныхъ, особливо въ теперешнее, удобное къ тому время. А какъ всякіе по случаю моего путешествія наряды и приготовленія строго отъ меня запрещены, то удивляюсь, кто и для чего осмѣлился поступить вопреки воли моей; долженъ вамъ примѣтить, что подобныя дѣйствія отнюдь терпимы мною впредь не будутъ и что земскіе начальники, виновными въ томъ оказавшіеся, лишатся мѣстъ своихъ, ибо я иной выслуги ни отъ кого не требую, какъ только непремѣннаго исполненія повелѣній моихъ; объявите сіе и вице-губернатору Захарову, въ отсутствіе ваше бѣлорусскою губерніею управлявшему».

Прилагая при указѣ на имя кн. Куракина копію съ приведеннаго повелѣнія, императоръ, между прочимъ, писалъ: «Имѣя справедливую причину къ негодованію на таковой поступокъ, я требую, чтобы для удовлетворенія обывателей, которые въ таковую ненужную работу употреблены были, у губернатора и вице-губернатора бѣлорусскихъ оста-

новлено было у каждаго за треть жалованья, на счетъ коего выдано тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысячу рублей.

9-го мая Павелъ I прибылъ въ Минскъ и находился въ этомъ городѣ до 11-го мая, а 12-го числа былъ уже въ Несвижѣ; 14-го мая государь въѣхалъ въ Гродно. Здѣсь его величеству бывшій стряпчій могилевскаго верхняго земскаго суда, надворный совѣтникъ Стахорскій, подалъ жалобу на бѣлорусскаго вице-губернатора за то, что послѣдній назначилъ его коммисаромъ въ Рогачевскій уѣздъ, высказавъ при томъ въ жалобѣ, что онъ униженіемъ мѣста огорчается. Павелъ I повелѣлъ жалобщика «за таковыя прихотливыя желанія выключить изъ службы».

Продолжая путешествіе, его величество 17-го мая прибылъ въ Вильно, и черезъ Митаву, Ригу и Нарву 28-го числа закончилъ путешествіе, остановившись въ Гатчинѣ.

Въ іюлѣ 1797 года было предположено второе путешествіе—въ Ревель, для обозрѣнія флота. На станціяхъ было уже приготовлено потребное число лошадей, но эта поѣздка не состоялась. 14-го іюля 1797 года князь Куракинъ сообщилъ петербургскому и ревельскому губернаторамъ высочайшую волю «заготовленныхъ на всѣхъ станціяхъ лошадей на случай путешествія, каковое въ городъ Ревель предполагаемо было, распустить, и простойныя деньги выдать, откуда платежъ ихъ быть долженъ».

Ревельскій губернаторъ Лангель отвѣтилъ кн. Куракину, что дворяне, которые въ великомъ числѣ со своими фамиліями собрались въ Ревель, въ ожиданіи прибытія его императорскаго величества, никакъ не докучаютъ о простойныхъ деньгахъ за поставленныхъ отъ нихъ лошадей, но, напротивъ того, чрезвычайно жалѣютъ, что судьбѣ не угодно было осчастливить сей край высочайшимъ присутствіемъ августѣйшаго императора и отца отечества.

«Признаюсь, милостивый государь,—писалъ Лангель,—что мы всѣ здѣсь погружены стали въ болѣзненное уныніе и прискорбность, узнавъ, что его императорское величество вознамѣренное высочайшее сюда путешествіе отмѣнить соизволилъ, и надѣюсь, что государь императоръ, по врожденному своему къ вѣрноподданнымъ всемилостивѣйшему снисхожденію, былъ бы доволенъ и здѣшнимъ устройствомъ, не менѣе—приведеніемъ Екатеринендальскаго дворца и сада, находившихся слишкомъ пятнадцать лѣтъ безъ надлежащаго призрѣнія и исправленія, въ толь краткое время въ пристойное состояніе».

Въ концѣ 1797 г. императоръ Павелъ рѣшилъ предпринять новое путешествіе въ Казань.

Въ началѣ апрѣля 1798 года, за мѣсяцъ до отъѣзда государя, князь Куракинъ сообщилъ губернаторамъ тѣхъ губерній, черезъ которыя лежалъ путь высочайшаго шествія, что «его императорское величество,

по случаю намѣреваемаго въ Казань путешествія, высочайше повелѣть соизволилъ, подтвердя объявленное отъ 5-го января прошлаго года повелѣніе о недѣланіи никакихъ по дорогамъ приготовленій и всего того, что бы на парадную встрѣчу походило, сообщить вновь, дабы, сверхъ исполненія прямо къ должности на сей случай относящагося, и губернаторы лично не дѣлали таковыхъ встрѣчъ, оставаясь при своихъ мѣстахъ, и прочимъ губернскимъ чиновникамъ наистрожайше воспретили дѣлать встрѣчи, а чтобы всѣ они находились при своихъ должностяхъ».

На каждой станціи, лежавшей по пути высочайшаго слѣдованія, должно было быть приготовлено 250 лошадей съ потребнымъ числомъ ямщиковъ и упряжью. Помимо того, должны были имѣться и запасныя лошади, на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Озабочиваясь тѣмъ, чтобы при выдачѣ обывателямъ причитающихся имъ прогонныхъ денегъ не происходила какая-нибудь задержка, князь Куракинъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе, чтобы исчисленная для этого сумма въ 35.395 р. была передана изъ Кабинета его величества въ его, князя Куракина, распоряженіе. Для произведенія разсчетовъ съ обывателями, въ распоряженіе князя Куракина были опредѣлены: сенатскій экзекуторъ и офицеръ сенатскаго баталіона, которымъ была преподана особая инструкція.

Государь выбылъ изъ Павловска 5-го мая 1798 года и 10-го мая, въ 12 час. по полуночи, прибылъ въ Москву. Здѣсь онъ пробылъ до 9 час. по полуночи 16-го мая. Направившись изъ Москвы на Владиміръ императоръ 19-го числа прибылъ въ село Теряево, Нижегородской губерніи. Въ этомъ селѣ государемъ былъ подписанъ указъ на имя Сената, выражающій удовольствіе его величества по поводу порядка и благоустройства, встрѣченныхъ имъ въ проѣздѣ чрезъ Владимірскую губернію. Выражая въ этомъ указѣ монаршее благоволеніе губернатору Руничу, императоръ повелѣлъ дать знать о томъ всѣмъ управляющимъ губерніями. Проѣзжая чрезъ Казанскую губернію, государь замѣтилъ, что тамошніе дубовые лѣса находятся въ самомъ дурномъ и разоренномъ состояніи. Узнавъ, что истребленіе лѣсовъ послѣдовало при бывшемъ казанскомъ вице-губернаторѣ Лаптевѣ, занимавшемъ уже въ это время должность тамбовскаго губернатора, его величество отрѣшилъ его отъ этой должности. 1-го іюня, въ 5 час. по полудни, государь пріѣхалъ обратно въ Нижній-Новгородъ. Въ рескриптѣ на имя кн. Куракина отъ того же числа его величество выразилъ свое крайнее неудовольствіе тому, что во время проѣзда по Нижегородской губерніи онъ видѣлъ во всемъ противное исполненіе его воли, за что̀ и отрѣшилъ отъ службы нижегородскаго губернатора Львова. Кромѣ того, имъ было объявлено, того же числа, чрезъ вице-губернатора, нижегородскому дворянству объ избраніи ими губернскимъ предводителемъ, вмѣсто

кн. Грузинскаго, другаго. Дворянство въ тотъ же день избрало предводителемъ своимъ надв. сов. Кишенскаго.—Изъ Нижняго-Новгорода государь выѣхалъ 2-го іюня, а 4-го числа былъ Ярославлѣ, гдѣ имъ, между прочимъ, даны указы: объ отставленіи отъ службы костромскаго губернатора Островскаго и о дѣланіи во всѣхъ мѣстахъ верстовыхъ столбовъ по образцу поставленныхъ въ Ярославской губерніи.

5-го іюня отбыла изъ Павловска навстрѣчу его величеству государыня императрица и изъ Тихвина ихъ величества возвратились въ г. Павловскъ 12-го іюня, совершивъ путешествіе до С.-Петербурга Ладожскимъ каналомъ.

Сообщилъ А. В. Безродный.

Поправка.

Въ майской книжкѣ вкралась крупная опечатка.—На оберткѣ и въ текстѣ напечатано: «Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ѳ. Головину».—Слѣдуетъ читать «Пять писемъ И. С. (Ивана Сергѣевича) Аксакова къ К. Ѳ. Головину».

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ [1]).

V. Письмо Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго [2]).

Среда, сентября 1-го (1815 г.).

Милостивый государь мой Василій Андреевичь.

Государынѣ императрицѣ [3]) угодно васъ видѣть въ Павловскѣ послѣзавтра, въ пятницу. Я туда ѣду въ тотъ день по выѣздѣ изъ Сената; итакъ прошу покорно пожаловать ко мнѣ къ двумъ часамъ — вмѣстѣ пообѣдаемъ и отправимся, чтобы поспѣть туда къ шести часамъ [4]).

Вашъ покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Въ воскресенье возвратимся.

VI. Письмо Н. Д. Иванчина-Писарева [5]).

(Вѣроятно, въ мартѣ 1820).

Милостивый государь Василій Андреевичь!

При семъ почтеннѣйше препровождаемая піеса, надѣюсь, заслужитъ ваше вниманіе, хотя не по совершенству моего таланта, по край-

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1903 г.

[2]) Подлинникъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. — Одно письмо Нелединскаго къ Жуковскому, относящееся къ декабрю 1815 г., напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 г., книга третья, стр. 364.

[3]) Маріи Θеодоровнѣ.

[4]) Объ этомъ письмѣ Нелединскаго упоминается въ письмѣ Жуковскаго къ А. П. Кирѣевской отъ 16-го сентября 1815 г. (см. „Русскую Старину" 1883 г., т. 38, стр. 103). Представленіе Жуковскаго государынѣ состоялось 4-го сентября (см. тамъ же).

[5]) Печатается съ подлинника, принадлежавшаго академику А. Θ. Быч-

*

ней мѣрѣ по усердію ко славѣ моего отечества и пламенной любви ко всему изящному, возвышенному. Я по домашнимъ обстоятельствамъ принужденъ проводить ежегодно зимніе мѣсяцы въ Москвѣ, наполненной Мидасовъ, но Мидасовъ, засѣдающихъ въ первыхъ ареопагахъ учености. Одинъ И. И. Дмитріевъ напоминаетъ мнѣ о достоинствѣ человѣка. Въ его душу изливаю я свои чувствованія. Я надѣялся, что новая столица, видя примѣръ государя, уважающаго въ Карамзинѣ и въ васъ истинныя дарованія, сіи сокровища престола и гражданъ, будучи свидѣтельницею новаго торжества генія въ послѣднемъ собраніи Академіи [1]), воспретитъ варварству, злобѣ и зависти переливать ихъ ядъ въ періодическія изданія. Я обманулся въ сихъ лестныхъ надеждахъ. Вижу въ такъ называемомъ Благонамѣренномъ журналѣ, что въ Петербургѣ московскіе Лужники [2]), и кучеру моему неизвѣстные, принимаются за Chaussée d'Antin [3])!—Утѣшаюсь мыслію вмѣстѣ съ нѣкоторыми современниками, что потомство повторитъ мои слова—достойнѣе, но съ одинаковою же цѣлью и чувствами. Піеса, мною вамъ сообщаемая, написана по поводу совершеннаго отказа Общества [4]) при Московск(омъ) универс(итетѣ) читать мое посланіе къ И. И. Дмитріеву, подъ предлогомъ какихъ-то законовъ не читать ничего, лично къ членамъ онаго Общества посылаемаго. Злоба не удовлетворилась симъ гнуснымъ поступкомъ—хотѣли осмѣять меня въ Благонамѣренномъ, и столь нагло, что выставили мою фамилію. Ценсура пропустила.—Вотъ мой отвѣтъ на глупую статью:

кову. — Свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Николая Дмитріевича Иванчина-Писарева (р. 1790 † 1849), бывшаго восторженнымъ поклонникомъ Карамзина, см. въ предисловіи Б. Л. Модзалевскаго къ изданнымъ имъ „Письмамъ Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву“ (Спб. 1902,— отд. оттискъ изъ „Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, т. VII, кн. 4).

[1]) Въ торжественномъ засѣданіи Россійской Академіи 8-го января 1820 г. Карамзинъ читалъ отрывки изъ IX тома „Исторіи Государства Россійскаго“, которые были приняты собраніемъ съ необыкновеннымъ восторгомъ; призидентъ академіи вручилъ въ этомъ засѣданіи Карамзину золотую медаль съ надписью: „Отличную пользу россійскому слову принесшему“.

[2]) Иванчинъ-Писаревъ имѣетъ въ виду помѣщенную въ № IV „Благонамѣреннаго“ за 1820 годъ (вышедшемъ въ свѣтъ 29-го февраля) статью, принадлежащую перу П. Л. Яковлева: „Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ“, въ которой былъ, между прочимъ, осмѣянъ Иванчинъ-Писаревъ. Мѣстомъ дѣйствія разсказа являются Лужники (мѣстность за Дѣвичьимъ монастыремъ).

[3]) Chaussée d'Antin элегантный кварталъ Парижа, названный по имени генерала герцога d'Antin (р. 1665 † 1736).

[4]) Общества любителей россійской словесности.

Къ Н. М. Карамзину.

Въ храмъ славы за тобой я нѣкогда дерзалъ:
Простишь ли юноши нескромному желанью?
Когда же побродягъ Лужницкихъ жертвой сталъ,
Стараюсь твоему послѣдовать молчанью [1]).

Затѣмъ повторивъ вамъ о чувствахъ всегдашняго моего почтенія и преданности, честь имѣю остаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Иванчинъ-Писаревъ.

VII. Письма Н. И. Гнѣдича [2]).

1.

Вторникъ (22-го іюня 1820 г.).

До сихъ поръ не отвѣчалъ я тебѣ, любезнѣйшій Василій Андреевичь, не имѣя сказать ничего рѣшительнаго, потому что и Алексѣй Николаевичь [3]) до сихъ поръ не могъ дѣйствовать: отъ Загоскина не было еще просьбы объ увольненіи [4]). Вчера она получена [5]), и А(лексѣй) Н(иколаевичъ) желаетъ видѣть г. Кондырева [6]). Если вѣсть мою получишь ты прежде пятницы, то пусть г. Кондыревъ пріѣдетъ и явится прямо къ А(лексѣю) Н(иколаевичу) утромъ поранѣе или послѣ обѣда

---

[1]) Въ упомянутой выше статьѣ „Разсказы Лужницкаго старца и мои вспоминанія о немъ“ читаются, между прочимъ, слѣдующія строки (стр. 226): „Я заставлю гулять по Лужникамъ всю чувствительную публику Московской столицы... Моя повѣсть будетъ такъ интересна, такъ трогательна, что Лужники сдѣлаются сходбищемъ всѣхъ меланхоликовъ обоихъ половъ; не останется кругомъ ни одной березы, ни одного дуба, ни одной сосны, на которыхъ бы не вырѣзаны были стишки кн. Шаликова, Ив. Писарева, Нечаева.. Прелестное будущее!“

[2]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ академику А. Ѳ. Бычкову. Два письма Гнѣдича къ Жуковскому (1822 г.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года, книга третья, стр. 364—365.

[3]) Оленинъ, директоръ Императорской Публичной Библіотеки, въ которой служилъ и Гнѣдичъ.

[4]) М. Н. Загоскинъ въ 1818—20 гг. занималъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ должность помощника библіотекаря.

[5]) Просьба Загоскина, отъ 17-го іюня 1820, изъ Москвы, объ увольненіи его отъ службы въ Библіотекѣ была получена въ послѣдней 21-го іюня (см. дѣло архива Императ. Публ. Библіотеки, 1818 года, № 16).

[6]) Василія Ивановича Кондырева, слушавшаго въ 1814—1817 гг. лекціи въ Московскомъ университетѣ и которому Жуковскій старался въ то время помочь поступить на службу (см. „Русскую Старину“ 1902 г., октябрь, стр. 200, прим. 10-е).

часу въ 7-мъ, однакожъ только до пятницы: ибо въ этотъ день А(лексѣй) Н(иколаевичъ) располагаетъ ѣхать на дачу и возвратится въ воскресенье поздно. Итакъ, если поздно получишь письмо мое, г. Кондыреву пріѣхать уже къ понедѣльнику.

Іоанны [1]) не могъ я читать ни всего, что хотѣлъ, ни такъ, какъ бы хотѣлъ. Находясь въ этомъ собраніи [2]) въ первый разъ и увидя реестръ піесъ, приготовленныхъ къ прочтенію, я догадался, что это соборище собирается зачитывать людей [3]). Начали съ 8, а въ 12 часовъ кончили; между тѣмъ какъ изъ Іоанны я читалъ только двѣ сцены: приходъ ея къ королю и сцену съ Монгомери,—но прочитавъ прежде прихода разсказъ о разбитіи враговъ подъ Орлеаномъ [4]).

Знаешь ли, любезнѣйшій Василій Андреевичь, что я имѣю къ тебѣ просьбу, и просьбу сердечную. Тебѣ извѣстно, что я потерялъ сестру единственную. Все мое наслѣдіе предковъ я давно уже подарилъ ей—это я говорю для того, чтобъ ты, не знавшій моихъ къ ней отношеній, могъ судить, любилъ ли я ее. Послѣ нея осталась дочь, и въ рукахъ отца, которой былъ почти причиною и смерти матери ея. Ты можешь вообразить чувства моего участія. Я хочу прибѣгнуть къ императрицѣ М(аріи) Ѳ(еодоровнѣ).—Знаю, что всѣмъ дворянамъ можно представлять просьбы о принятіи въ институтъ. Но это значитъ подвергаться жребію счастія. Оно не для меня. Дружба твоя можетъ послужить мнѣ вѣрнѣе счастія. Замолвь въ доброй часъ слово. А? Какъ ты думаешь? Но лучше не думай, а пустись за сердцемъ, которое вѣрно у тебя—за меня. Впрочемъ, если что имѣешь сказать мнѣ предварительно, увѣдомь душевно тебѣ преданнаго Н. Гнѣдича.

---

[1]) Отрывковъ „Орлеанской Дѣвы", въ переводѣ Жуковскаго. Гнѣдичъ читалъ ихъ 8-го іюня 1820 г. въ засѣданіи Вольнаго Общества любителей россійской словесности (см. „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія" 1820 г., № IV, стр. 379). „Плетневъ просилъ меня—писалъ Жуковскій Гнѣдичу—доставить тебѣ Іоанну для прочтенія въ Обществѣ соревнователей по желанію гг. членовъ,—очень радъ этому, ибо твое чтеніе дастъ о ней хорошее понатіе. Только прошу тебя немедленно возвратить манускриптъ и ничего не давать изъ онаго для напечатанія. На это согласиться не могу" (см. „Книжки Недѣли", 1896 г., январь, стр. 9.—Записка Жуковскаго безъ даты; но время ея написанія можетъ быть довольно точно опредѣлено: конецъ мая—начало іюня 1820 г.).

[2]) Т. е. въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности.

[3]) Перечень многочисленныхъ пьесъ, въ прозѣ и стихахъ, читанныхъ въ засѣданіи 8-го іюня, см. въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія" 1820 г., № IV, стр. 377—379.

[4]) Въ протоколѣ засѣданія 8-го іюня было сказано, что Гнѣдичемъ были читаны „IX, X и XI явленія I дѣйствія, VI и VII явленія II дѣйствія трагедіи Шиллера „Орлеанская Дѣвственница", — превосходный переводъ размѣромъ подлинника г. почетнаго члена В. А. Жуковскаго" (см. тамъ же, стр. 379).

2.

Одесса, 18-го апрѣля 1828 г.

Прости, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ! Долѣе, нежели хотѣлъ бы, не отвѣчалъ на любезную, прекрасную эпистолу твою [1]). Причина одна: трехгодовая болѣзнь безъ облегченія, безъ утѣшенія, лишившая меня и здѣсь общества людей и воздуха цѣлую зиму, а зима здѣсь была небывалая, сдѣлала изъ меня совершеннаго негодяя, въ прямомъ значеніи слова. Поэтическія струны души однѣ у меня опустились, другія совсѣмъ оборвались; отвѣчать на твои стихи подлою прозою краснѣла авторская совѣсть, но дружба превозмогла: я взялся за перо, чтобы имѣть давно желанное удовольствіе бесѣдовать со тобою хотя прозою.

Спасибо за рецептъ, мнѣ предлагаемый и составленный тобою [2]), профессоръ и докторъ поэзіи и царскихъ чертоговъ обитатель. Къ несчастію, здѣсь нѣтъ многихъ предметовъ, чтобы по немъ сдѣлать лѣкарство. Небо одесское далеко отъ крымскаго, не разстояніемъ, а разностію. Апрѣль въ исходѣ, а здѣсь кромѣ холодныхъ, сухихъ бурь и пыли, объ которой не жившіе въ Одессѣ и не бывшіе въ пустыняхъ Ливіи не могутъ имѣть идеи, ничего еще хорошаго нѣтъ. Въ нѣсколько мелькнувшихъ порядочныхъ дней можно было чувствовать, по дѣйствію солнца, что весна уже и на одесскомъ небѣ, но на землѣ ея не примѣтно: ни куста, ни листа на сухомъ, голомъ, безплодномъ берегѣ одесскомъ. Не пугай однако этой картиной гостей, сюда ѣдущихъ. Миръ души, беззаботность? Миръ совѣсти со мною. Но кто несетъ на собственныхъ плечахъ своихъ всѣ крупныя и мелкія, несносныя заботы жизни, тебѣ съ роду невѣдомыя и мнѣ, когда былъ здоровъ и молодъ, не чувствительныя, тому какой миръ, какая беззаботность? Съ нею ни ѣсть, ни пить не найдешь дома. Итакъ изъ рецепта остается годное мнѣ для употребленія

---

[1]) Эта записка въ стихахъ Жуковскаго напечатана въ его Сочиненіяхъ, изданіе десятое, подъ ред. П. А. Ефремова, Спб. 1901, стр. 218—219, примѣчаніе, подъ № 3. Настоящее письмо Гнѣдича даетъ возможность болѣе точно опредѣлить время написанія этой записки, именно начало 1828 года.

[2]) Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ этой запискѣ Жуковскій Гнѣдичу:

. . . . . Крымское небо,
Память древности свѣтлой, величіе Понта, бесѣду
Женщины милой съ душой поэтической, пѣсни Гомера,
Миръ души, беззаботность—все это смѣшай хорошенько
Въ чистой водѣ Иппокрены и пей ежедневно, и будешь
Снова здоровъ . . . . .

Память древности свѣтлой, величіе Понта, бесѣды
Женщины милой съ душой поэтической [1]), пѣсни Гомера,

чѣмъ я и пользуюсь, но предпочтительно беѣдами женщины, истинно милой. Выполоскалъ нѣсколько пѣсенъ Гомера, но боюся, чтобы не вышли слишкомъ греческія. Самъ такъ же скоро начну погружаться въ соленыя волны, и еслибъ чудодѣйственная сила первою ванною возвратила мнѣ здоровье, на другой день оставилъ бы я Одессу, пока не задохся въ пыли, отъ которой даже въ комнатахъ ни ставни, ни двойныя окна защитить не могутъ. Поѣду въ Крымъ; но безъ чуда принужденъ буду остаться здѣсь для употребленія ваннъ: ибо въ Крыму нѣтъ пособій и удобствъ къ жизни, какія больному въ Одессѣ имѣть можно. При первомъ слухѣ о пріѣздѣ сюда высокихъ гостей [2]) я вообразилъ, что ты непремѣнно будешь, радовался всею душею, но письмо твое къ Аннѣ П(етровнѣ) [3]) укокошило мою радость, тѣмъ болѣе, что и А(нна) П(етровна) уѣзжаетъ изъ Одессы. — Слухъ подтвердился оффиціально, и весь городъ пришелъ въ большое движеніе поднялъ страшную пыль, а что хуже, по крайней мѣрѣ для меня, такую дороговизну на жизненные припасы, что изъ рукъ вонъ. Все это сильно подстрекаетъ меня уѣхать въ Ѳеодосію, гдѣ найду Казначеевыхъ [4]).

Прощай, почтеннѣйшій другъ! Бодрствуй и преуспѣвай въ великомъ дѣлѣ твоемъ [5]); но на высотѣ семидесятиступенной [6]) презирай на ползающаго во прахѣ, душевно тебя любящаго и уважающаго Н. Гнѣдича.

P. S. Письмо отправляется почтою позже, нежели написано. По запечатаніи его, получивъ отъ Анны П(етровны) записку, что она желаетъ прочесть письмо, отъ тебя полученное, я удержалъ мое, но три дня сряду бури не давали мнѣ выѣхать. Сегодня, то есть 20-го апрѣля, я прочелъ твое письмо, сердечно обрадовался, что Ан(на) П(етровна) не уѣзжаетъ, и преисполнился благодарности къ тебѣ, любезнѣйшій другъ, за твои amicalia

---

[1]) Племянница Жуковскаго, извѣстная писательница Анна Петровна Зонтагъ, рожд. Юшкова.

[2]) Слухъ этотъ оправдался: императоръ Николай 26-го апрѣля 1828 г. отправился изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи противъ Турціи; за нимъ послѣдовала императрица съ великою княжною Маріею Николаевною. Государыня и великая княжна прожили въ Одессѣ съ 15-го мая по 9-е сентября 1828 года.

[3]) Зонтагъ (см. выше, прим. 1-е).

[4]) Семейство тогдашняго таврическаго губернатора Александра Ивановича Казначеева.

[5]) Въ дѣлѣ воспитанія наслѣдника Александра Николаевича.

[6]) Жуковскій жилъ въ верхнемъ этажѣ Зимняго Дворца, въ такъ-называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ.

desideria [1]), но полагаю, что они останутся, какъ desideria: по крайней мѣрѣ желать сего принуждаютъ меня всѣ мои обстоятельства.

VIII. Письма А. Ѳ. Мерзлякова [2]).

1.

27-го апрѣля (1825 г.).

Покорнѣйше благодарю добраго, обязательнаго, почтеннѣйшаго друга моего Василья Андреевича за все то, что онъ хорошо началъ и сдѣлалъ. Отъ царствующей благодѣтельной императрицы [3]) я получилъ перстень прекрасной [4]) и утѣшаюсь ея вниманіемъ и милостію. Что дѣлать, что книги мои не поспѣли для представленія государю императору? Дѣло подходило къ праздникамъ: едва могъ сыскать переплетчика; министръ [5]) удостоилъ меня отвѣта на письмо мое и обѣщался непремѣнно представить его величеству по возвращеніи [6]). Не знаю, доставилъ ли ты экземпляры всѣмъ тѣмъ, для коихъ я назначилъ? Напр. отданы ли Лонгинову [7]), Вилламову [8]), Апостолу-Муравьеву [9]), бывшему министру к(нязю) Голицыну [10]), нашему главнокомандующему Голицыну [11]), и пр. и пр. Объ этомъ я отъ тебя не имѣю свѣдѣнія, яко отъ стихотворца, а потому и не знаю, что мнѣ еще дѣлать. Нашъ генералъ-губернаторъ Голицынъ пріѣхалъ въ Москву, приготовить ли

---

[1]) Т. е. дружескія пожеланія.

[2]) Подлинники хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Нѣсколько писемъ А. Ѳ. Мерзлякова къ Жуковскому, за 1803—1825 гг., напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, столбцы 0133—0157.

[3]) Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

[4]) За поднесеніе первой части труда Мерзлякова „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“, вышедшей въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1825 году.

[5]) Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ.

[6]) Императоръ Александръ 4-го апрѣля выѣхалъ въ Варшаву на открытіе третьяго польскаго сейма и вернулся въ Царское Село 13-го іюня.

[7]) Николаю Михайловичу, секретарю императрицы Елизаветы Алексѣевны, впослѣдствіи члену Государственнаго Совѣта.

[8]) Григорію Ивановичу, секретарю императрицы Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи главноуправляющему IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи.

[9]) Ивану Матвѣевичу.

[10]) Князю Александру Николаевичу; должность министра народнаго просвѣщенія онъ занималъ до 15-го мая 1824 года.

[11]) Московскому генералъ-губернатору князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

ему экземпляръ, или нѣтъ—не знаю. Принцъ Оранскій [1]) въ слѣдующій понедѣльникъ обѣщалъ быть въ университетѣ; я не знаю, подносить ли ему, или нѣтъ, а Антонскій [2]) проситъ это сдѣлать. Впрочемъ, все это ничего (не могу обвинять въ томъ другого, въ чемъ самъ каждый день виноватъ). Скажи пожалуйста, доставленъ ли экземпляръ вдовствующей императрицѣ [3])—и особенно мною назначенной для Вилламова?

Вторая часть печатается и къ іюню выйдетъ [4]). Не надобно ли кому еще экземпляровъ или для тебя самого? Александру Ивановичу [5]) отдалъ ли? Жестокій человѣкъ, онъ мнѣ ни слова не скажетъ. Карамзину отданъ, или нѣтъ? Все это меня безпокоитъ. Не нужно ли прислать мнѣ послужнаго списка моего о двадцати-пятилѣтнемъ профессорствѣ—я бы его выправилъ изъ правленія и къ тебѣ доставилъ [6]). Ради Бога не полѣнись и дай мнѣ обо всемъ коротенькой отвѣтъ.

Прошу покорнѣйше поклониться отъ меня всѣмъ меня любящимъ и помнящимъ. Страшно занятъ какъ профессоръ, экзаминаторъ, судья, директоръ института [7]), членъ училищнаго комитета и семьянинъ-хозяинъ, принужденный слышать мучительной кашель маленькихъ дѣтей своихъ и болѣзненные стоны жены своей.

Прощай. Благодарный и преданный тебѣ А. Мерзляковъ.

По ободренію твоему, другаго подарка, то-есть отъ А. Ѳ.... [8]), никакого не получилъ.

2.

12-го іюня (1825 г.).

Пользуясь случаемъ, снова повторяю просьбу мою, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ, похлопотать о моемъ дѣлѣ. Я послалъ къ тебѣ и послужной свой листъ, и свое мнѣніе, или желаніе. Сказываютъ,

---

[1]) Принцъ Вильгельмъ Оранскій (женатый на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ) пробылъ въ Москвѣ съ 24-го апрѣля по 7-е мая 1825 года.

[2]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, директоръ Благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ.

[3]) Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

[4]) Вторая часть „Подражаній и переводовъ" вышла въ свѣтъ въ 1826 г.

[5]) Тургеневу.

[6]) Послужной списокъ о своей свыше двадцатилѣтней профессорской службѣ (Мерзляковъ занялъ каѳедру русскаго краснорѣчія и поэзіи въ Московскомъ университетѣ въ 1804 году) Мерзляковъ послалъ Жуковскому при письмѣ отъ 4-го іюня 1825 года (см. „Русскій Архивъ" 1871 г., столбцы 0154—0155).

[7]) Педагогическаго.

[8]) Отъ великой княгини Александры Ѳеодоровны.

что я отъ университета уже представленъ къ ордену: если это правда! Мнѣ бы хотѣлось именно болѣе что-нибудь солидное въ пособіе моихъ изданій, особливо Тасса [1]). Для того увѣдомляю, что я представленъ къ ордену, чтобы не смѣшать какъ-нибудь дѣла и не получить ничего. — Нельзя ли справиться тебѣ объ этомъ у князя Шихматова [2]) и съ нимъ потолковать, если только онъ ко мнѣ расположенъ. Пожалуйста, не скучай моими докуками: что дѣлать?—Началъ, такъ не хочется осрамиться и остаться въ дуракахъ. Господинъ Долгополовъ ѣдетъ въ сію минуту и торопитъ меня. Болѣе всего безпокоюсь о томъ, дошло ли до тебя письмо мое съ послужнымъ спискомъ: я адресовалъ его на твое имя въ Аничк(овскій) дворецъ швейцару. Такъ научили меня Кирѣевскіе. Некогда писать и пишу очень худо.

Преданный тебѣ душевно Алексѣй Мерзляковъ.

3.

Января 22-го дня 1828. Москва.

Почтеннѣйшій другъ Василій Андреевичь!

Поздравляю тебя съ пріѣздомъ въ Петербургъ [3]), съ радостнымъ возвращеніемъ въ отчизну свою. Я объ этомъ услышалъ недавно; въ скромномъ убѣжищѣ нашихъ московскихъ музъ только однѣ новости,— тѣ, которыя читаемъ въ газетахъ.

При семъ посылаю къ тебѣ, любезнѣйшій другъ, первую часть моего перевода Тассова Іерусалима [4]). Будь къ нему благосклоненъ и милостивъ. Ему уже наскучило лежать въ моемъ шкафѣ; видя мою старость и боясь, чтобы я не умеръ, онъ насильно выпросился у меня на волю. Будь же беззащитному покровителемъ и заступникомъ.

Дѣйствительно, твое покровительство теперь для него необходимо. Съ сею же почтою я послалъ книгу къ нашему министру [5]) съ просьбою объ исходатайствованіи высочайшаго позволенія посвятить ее госу-

---

[1]) По ходатайству Жуковскаго Мерзляковъ получилъ денежное пособіе въ 5.000 р., а за вычетомъ въ пользу инвалидовъ 4.500 р. (см. письмо Мерзлякова къ Жуковскому отъ 29-го октября 1825 г. въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года, столб. 0156). Исполненный Мерзляковымъ переводъ Тассова „Освобожденнаго Іерусалима" былъ изданъ въ 1828 году.

[2]) У князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова, въ то время директора канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

[3]) Жуковскій вернулся въ Петербургъ, изъ второго заграничнаго своего путешествія 1826—1827 гг., во второй половинѣ октября 1827 г. (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", Москва. 1895, стр. 223).

[4]) См. выше, прим. 1-е.

[5]) А. С. Шишкову.

дарю императору. Для имени святѣйшей дружбы, въ воспоминаніе старыхъ друзей нашихъ [1]), прошу тебя всепокорнѣйше употребить все свое стараніе и предстательство у министра, дабы дѣло сіе пошло въ ходъ. Въ семъ случаѣ ты можешь также преклонить ко мнѣ и книгѣ моей благосклонность и доброхотное участіе почтеннѣйшаго товарища нашего министра Дмитрія Николаевича Блудова, къ которому писать я не осмѣлился, потому что онъ меня не знаетъ. Другой экземпляръ, здѣсь приложенной, постарайся вручить ему отъ моего имени. Сдѣлай милость, братъ и другъ, не оставь стараго Мерзлякова, утѣшь его и его семейство, которое все тебѣ кланяется и величаетъ тебя. Я буду ожидать отъ тебя отвѣта, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, ибо знаю, что ты очень много занятъ; и по той же самой причинѣ почитаю за грѣхъ обременять тебя обыкновеннымъ болтовствомъ своимъ. Ради Бога, постарайся объ дѣлѣ. Прости и помни твоего вѣрнаго и истинно тебѣ преданнаго Мерзлякова.

Неужели мы никогда не увидимся [2])? Неужели никогда не пріѣдешь ты въ Москву, или я въ Петербургъ?

IX. Письма В. А. Перовскаго [3]).

1.

Анапа, 22-го іюня (1828 г.).

Анапа взята [4]), любезнѣйшій Василій, но покою мнѣ все еще нѣтъ: надобно устроивать и приводить въ порядокъ, свозить на корабли пушки, ядра и проч. Къ тому же и съ черкесами дѣло у насъ еще не ясно,— должно имѣть прежнюю осторожность и прежнюю готовность драться; словомъ, вотъ прошло уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ мы подъ стѣнами, и около двухъ недѣль, какъ въ крѣпости, а я не нашелъ еще удобнаго случая отдохнуть и раздѣться. Но дѣло не о томъ; Анапа взята самымъ блистательнымъ образомъ, осаждена, блокирована горстью русскихъ воиновъ и сдалась, имѣя около пяти тысячъ гарнизона, множество сна-

---

[1]) Андрея и Сергѣя Ивановичей Тургеневыхъ.

[2]) Мерзляковъ умеръ 26-го іюля 1830 года.

[3]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ академику А. Ѳ. Бычкову. Этими письмами дополняется рядъ писемъ В. А. Перовскаго къ Жуковскому, помѣщенныхъ въ статьѣ Ив. Захарьина (Якунина) „Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1901 года, апрѣль, стр. 524—552).

[4]) За взятіе Анапы (11-го іюня 1828 г.) В. А. Перовскій (въ то время полковникъ Измайловскаго полка и флигель-адъютантъ) получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.

рядовъ и припасовъ,—все сіе благодаря искуснымъ распоряженіямъ и предпріимчивости кн. Меншикова [1]).

Довольно для военной части; поговоримъ о насъ. Вотъ цѣлый мѣсяцъ, какъ не имѣю никакихъ извѣстій объ Ал(ександрѣ) Андр(еевнѣ) [2]), ни отъ нея прямо, ни чрезъ тебя. Напрасно стараюсь успокоить себя и увѣрить, что письма есть, но до меня не дошли! Предчувствіямъ не вѣрю, но они меня не оставляютъ; послѣднія извѣстія были такія страшныя! Прошу тебя, Василій, именемъ дружбы, пожертвуй часомъ и напиши обо всемъ подробно; письмо адресуй въ глав(ную) квар(тиру) е(го) и(мператорскаго) вел(ичества)—гдѣ бы я ни былъ, меня найдутъ, развѣ буду на томъ свѣтѣ; въ такомъ случаѣ скораго отвѣта не жди, но будь увѣренъ, что и тамъ буду я всегда твой и ея вѣрный другъ.

Дней чрезъ шесть поѣдемъ мы на Дунай; что будетъ со мною послѣ, не знаю; всего бы нужнѣе мнѣ теперь отдыхъ, хотя непродолжительный; но, кажется, до него еще далеко. Я довольно здоровъ и не могу понять, какъ это дѣлается; мнѣ были здѣсь такіе дни, и нѣсколько дней и ночей сряду, что, казалось бы, одинъ часъ изъ этихъ дней долженъ былъ уморить меня. Прощай, любезный; обнимаю и люблю тебя отъ души.

2.

21-го іюля (1828 г.). Лагерь близъ Варны.

Ей Богу нехорошо, любезный другъ, что ты мнѣ совсѣмъ не пишешь. Мнѣ некогда, турки мало даютъ отдыха, другія заботы по службѣ еще менѣе, но я все-таки нахожу время сказать тебѣ слова два. Хотя бы о финансахъ увѣдомилъ бы ты меня, дабы я могъ взять свои мѣры. Убьютъ меня, то будешь жалѣть, что не писалъ, но поздно; опомнись, Васька.—Вотъ я и еще подъ крѣпостью. Что-то Богъ дастъ; удастся ли, какъ подъ Анапою [3])? А всего бы болѣе мнѣ хотѣлось скорѣе увидѣться съ вами, друзья. Я не воинъ, и въ войнѣ не вижу ни одной стороны привлекательной, да и на эту жизнь не гожусь, старъ сталъ.

Прощай, Вася; бумаги у меня теперь болѣе нѣтъ, и потому

---

[1]) Князя Александра Сергѣевича, командовавшаго десантнымъ отрядомъ, посланнымъ къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря.

[2]) Воейковой, племянницѣ Жуковскаго, страдавшей чахоткою и находившейся въ то время за границею, гдѣ она и скончалась въ февралѣ 1829 года.

[3]) Сдачи Варны (29-го сентября 1828 г.) Перовскому не суждено было дождаться; 1-го сентября онъ былъ раненъ, уѣхалъ въ Одессу, а потомъ въ Италію.

отдери, пожалуй, то, что на оборотѣ, и пошли графинѣ [1]) въ Царс(кое) Село.

Напомни обо мнѣ милому Александру Николаевичу [2]). А тѣмъ, кто о мнѣ помнятъ, скажи, что я ихъ не забываю. В. П.

3.

Лагерь подъ Варной. 29-го іюля (1828 г.).

Любезнѣйшій Василій, письмецо твое отъ 2-го іюля сейчасъ получилъ; оно оживило меня, душѣ стало легче и самой физикѣ лучше; право, люблю тебя отсюда еще болѣе и не могу дождаться минуты, когда обойму тебя, милой братъ. Пиши сколько можешь. Ежели бы могъ получать изъ Женевы вѣсти [3]) поутѣшительнѣе, j'aurais pris mon mal en patience [4]), а то тяжело жить въ безпрестанномъ трепетѣ и безпокойствѣ о нашемъ общемъ ангелѣ, но Богъ милостивъ. Продолжай, любезный другъ, присылать мнѣ письма, которыя отъ нея получаешь; въ нихъ обыкновенно болѣе подробностей, чѣмъ въ моихъ.

О себѣ повторю все то же: здоровъ, скученъ, потому что не съ кѣмъ поговорить душою. Каждый день въ дѣлѣ, и каждый день, слава Богу, кончается для меня только усталостію. Варна paraît être un morceau de dure digestion [5]); гарнизонъ силенъ и не только дерется, но задираетъ; дѣлаетъ частыя и злыя вылазки; подходъ къ крѣпости затруднителенъ, земля для крѣпостныхъ работъ неблагодарная: голой камень; словомъ сказать, не знаю, какъ мы отсюда выпутаемся. Mais quel pays [6])! Не будь здѣсь турокъ, или хотя будь, да безъ ружей и пушекъ, можно бы забыться, гуляя по виноградникамъ и фруктовымъ садамъ, а теперь не то: трупъ безъ головы портитъ пейзажъ; и глазъ хотя и привыкнетъ къ такимъ картинамъ, но ими любоваться пріучиться нельзя. Я каждый день примѣчаю, что не гожусь на военное ремесло— je n'ai pas la passion du métier [7]); мнѣ душно здѣсь, я къ вамъ хочу. Прощай, дорогой, любезный другъ, обнимаю тебя отъ души и люблю тебя болѣе, чѣмъ сказать могу, но не болѣе, чѣмъ ты знаешь. Прощай, кланяйся Полинѣ [8]) и скажи, что всякій день о ней думаю.

---

[1]) Графинѣ Толстой.

[2]) Наслѣднику.

[3]) Отъ Александры Андреевны Воейковой.

[4]) Т. е. я терпѣливо переносилъ бы мое горе.

[5]) Т. е. Съ Варной, какъ кажется, трудно справиться.

[6]) Т. е. Но что за страна!

[7]) Т. е. У меня нѣтъ призванія къ этому ремеслу.

[8]) Графинѣ Толстой (см. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго", стр. 146 и 149).

4.

4-го сентября (1828 г.). Лагерь при Варнѣ.

Любезный Василій. Я раненъ и потому пишу тебѣ, а то, быть можетъ, еще бы обождалъ. 1-го числа вечеромъ турки сдѣлали нападеніе на наши осадныя работы, и я тутъ былъ, и мнѣ досталась пуля въ правую сторону груди, а вышла въ спину; теперь предстоитъ вопросъ: ежели пуля задѣла легкое, то рана плохая, вѣроятно смертельная, ежели же нѣтъ, то обойдется безъ большихъ хлопотъ; я съ своей стороны довольно спокоенъ; дѣло свое сдѣлалъ, въ томъ есть свидѣтели. Страданія мои гораздо меньшія, чѣмъ я ожидалъ; не хотѣлось бы только умереть, не свидѣвшись съ душевными родными, а то, право, жаловаться не на что. Прощай, любезный братъ—я оканчиваю, потому что мнѣ писать не велѣно, и я пишу тайкомъ. Будь здоровъ и счастливъ; напиши Сашѣ [1]) (мое къ ней письмо вчерашняго числа), что мнѣ нынче лучше, и продолжай писать въ томъ же смыслѣ, а я буду стараться, если не самъ, то давать тебѣ о себѣ знать.—Обнимаю тебя душою и благодарю Бога, что Онъ оставилъ у меня правую руку.

5.

Одесса, 17-го сентября (1828 г.).

Извини меня, Василій, я напугалъ тебя даромъ, я раненъ совсѣмъ не опасно; рана значительная, но счастливая, пуля взяла направленіе, не тронувъ легкаго или коснувшись его только слегка; я совершенно не страдаю и скоро вылѣчусь; быть можетъ, впослѣдствіи je m'en repentirai [2]), но дѣло въ томъ, что отъ этой раны не умру теперь, а это главное. При томъ я и не досадую на рану; если суждено мнѣ было быть ранену, то лучше такъ, чѣмъ иначе: въ грудь, à bout portant [3]). И я увидѣлъ тутъ, что любимъ начальниками, товарищами и всего лучше солдатами. Государь оказалъ мнѣ участіе и милости необыкновенныя, каждый день навѣщалъ меня, благодарилъ искренно за мою службу, а я искренно жалѣю, что она не продолжилась еще недѣли двѣ, т. е. до взятія Варны [4]).

Прощай, другъ душевный, люби меня. Я надѣюсь здѣсь не

[1]) Александрѣ Андреевнѣ Воейковой.

[2]) Т. е. Я буду въ этомъ раскаиваться.

[3]) Т. е. въ упоръ.

[4]) 15-го сентября турки были разбиты на-голову при Варнѣ; сдача же крѣпости послѣдовала 29-го сентября.

долго остаться; оправлюсь отъ раны, и пріѣду къ тебѣ отдыхать, но какъ-то будетъ мнѣ взбнраться въ твое четвертое небо [1])! Обнимаю тебя. Не лѣнись писать мнѣ; теперь мы близко другъ отъ друга, пиши не письма, а записки, но чаще. Прощай, любезный братъ[2]).

6.

Одесса, 24-го сентября (1828 г.).

Здоровье мое, любезнѣйшій Василій, примѣтно поправляется, рана идетъ своимъ порядкомъ весьма хорошо; надобно даже полагать, что все то, что въ ранѣ было, какъ-то: сукно, рубашка и проч. уже вышло; боли чувствую мало, и недѣли чрезъ двѣ обѣщаютъ мнѣ возможность пуститься въ путь, слѣдовательно, чрезъ мѣсяцъ, или недѣль чрезъ пять, мы можемъ надѣяться обнять другъ друга въ настоящемъ, истинномъ смыслѣ слова. Эта надежда поможетъ ранѣ закрыться. Люблю тебя до смерти; а нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ я, что люблю тебя и при смерти, и доказалъ бы тебѣ это, еслибъ умеръ: находившіеся при мнѣ душеприкащики получили уже приказаніе послѣ смерти вынуть мое сердце, порядочно высушить, завернуть и доставить тебѣ; это не шутя говорю тебѣ. Прощай, милой другъ. Отправь приложенное письмо Ал(ександрѣ) Андр(еевнѣ) [3]), и самъ пиши смѣло, не боясь солгать, что рана моя ничтожна и что на-дняхъ буду здоровъ; да не худо бы тебѣ и ко мнѣ написать словечко.

7.

28-го сентября (1828 г.).

Надѣюсь, любезный другъ, что теперь ты на мой счетъ уже совершенно спокоенъ; я не только внѣ всякой опасности, но почти здоровъ; рана еще не закрыта, потому что не должна быть закрыта; недѣли чрезъ двѣ закроется, и тогда пущусь къ тебѣ. Я думаю, и впослѣдствіи немного буду страдать отъ этой раны, быть можетъ, одышкой, колотьемъ или тому подобнымъ. Я получилъ письмо твое отъ 16-го сентября и жалѣлъ очень о хлопотахъ и безпокойствѣ, кои причинилъ тебѣ; еще болѣе жалѣлъ, что ты поспѣшилъ написать Ал(ександрѣ)

---

[1]) Жуковскій жилъ въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца.

[2]) Адресъ: „Его высокоблагородію Василью Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Зимнемъ дворцѣ“. Почтовый штемпель: „Одесса. 1828. Сен. 17“.

[3]) Воейковой.

Андр(еевнѣ) [1]) и слѣдовательно напугать ее; а для нея испугъ можетъ быть вреднѣе, чѣмъ для меня рана; теперь мучаетъ меня до крайности мысль о ея безпокойствѣ; я упрекаю себѣ (sic), что не скрылъ отъ васъ моей раны на нѣкоторое время. Но кто могъ отгадать, что она возьметъ такой оборотъ! А не простившись съ вами, не хотѣлось разстаться. Я обманулъ всѣхъ: лѣкаря, зрители, всѣ приговорили меня, и я самъ вѣрилъ приговору дня три; потомъ увидалъ прежде лѣкарей, что еще не пришелъ мой часъ, и тогда первая мысль моя была, что понапрасну надѣлалъ друзьямъ тревоги.—Скоро увидимся, любезнѣйшій братъ, но не надолго, кажется, останемся вмѣстѣ. Обо всемъ поговоримъ тогда поподробнѣе. Прощай, другъ сердца; кланяйся Полинѣ [2]) и Александрѣ Андреевнѣ. Я пишу прямо отсюда, но, не увѣренъ будучи, что дойдетъ мое письмо, прошу тебя написать и отъ себя. Sontagsfrau [3]) уѣхала отсюда въ день моего пріѣзда, направила путь въ Москву, а оттуда поѣдетъ и въ Петербургъ.

Ал(ександра) Андр(еевна) писала мнѣ, что 1-го октября ѣдетъ она въ Пизу [4]). Снабдилъ ли ты ее всѣмъ нужнымъ? Въ противномъ случаѣ напиши мнѣ, я тебѣ отсюда въ состояніи отвѣчать удовлетворительно.

X. Письмо Е. Ф. Канкрина [5]).

С.-Петербургъ, 18-го сентября 1828.

Съ живымъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше, милостивый государь! Я всегда буду готовъ содѣйствовать всѣми силами г. Арсеньеву [6]) для составленія статистики въ томъ смыслѣ, какъ она нужна и полезна для наслѣдника, и почту особеннымъ счастіемъ, если въ свое время лично могу содѣйствовать къ его образованію [7]). Охотно готовъ принимать г. Арсеньева, если желаетъ со мною совѣтоваться или просить какія-либо дополнительныя свѣдѣнія, и при томъ всегда былъ и остаюсь въ увѣренности, что воспитаніе будущаго монарха Россіи не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, какъ вашихъ, милостивый государь. Примите искреннее увѣреніе истиннаго моего почтенія. Канкринъ.

---

[1]) Воейкова.

[2]) Графиня Толстая.

[3]) Т. е. Анна Петровна Зонтагъ (рожд. Юшкова), также племянница Жуковскаго.

[4]) А. А. Воейкова и умерла въ Пизѣ.

[5]) Печатается съ подлинника, принадлежавшаго академику А. Ѳ. Бычкову.

[6]) Константину Ивановичу, преподававшему наслѣднику статистику.

[7]) Въ 1838 году графъ Е. Ф. Канкринъ прочелъ наслѣднику „Краткое обозрѣніе русскихъ финансовъ“ (напеч. въ Сборникѣ Импер. Русск. Историч. Общества, т. 31 (Спб. 1880), стр. 3—163.

XI. Письма П. А. Плетнева [1]).

1.

22-го октября 1828.

Милостивый государь Василій Андреевичь.

Получивъ отъ васъ распредѣленіе будущихъ занятій моихъ съ и(хъ) и(мператорскими) в(ысочествами) великими княжнами [2]), поставляю своею обязанностію предварительно извѣстить васъ, какія средства мнѣ кажутся необходимыми для точнаго исполненія той должности, которой имѣлъ я счастіе удостоиться.

Раздѣливши все ученіе на первоначальное и окончательное, въ первомъ изъ нихъ поручаете мнѣ вы соединить съ преподаваніемъ правилъ русскаго языка самыя начала всѣхъ наукъ, предназначенныхъ для полнаго курса воспитанія ихъ высочествъ.

Въ общемъ ходѣ этого новаго плана ученія уже не осталось мнѣ затрудненій, потому что вы его исполнили въ урокахъ своихъ е(го) и(мператорскому) в(ысочеству) в(еликому) к(нязю) и, предоставивъ мнѣ тѣ же занятія съ великими княжнами, приготовили для меня необходимыя пособія. Но въ частномъ его примѣненіи, дѣйствуя совершенно въ иномъ кругу, я долженъ буду этимъ самымъ пособіямъ сообщать другой видъ, отчего мнѣ надобно будетъ находиться въ безпрестанномъ почти сношеніи съ вами.

Для совершеннаго успѣха въ языкѣ и тѣхъ наукахъ, которыя на немъ преподаются, кромѣ уроковъ, необходимо чтеніе книгъ, соотвѣтственныхъ понятіямъ, возрасту, полу и разнымъ другимъ отношеніямъ обучающихся. На русскомъ языкѣ этихъ пособій совершенно еще нѣтъ. Вы уже предположили заняться какъ составленіемъ ихъ, такъ и переводами, поручивши мнѣ раздѣлять съ вами всѣ сіи труды. Это занятіе, если не важнѣе, по крайней мѣрѣ совершенно равно самому преподаванію наукъ. Выборъ предметовъ, ихъ изложеніе, изданіе книгъ требуютъ равнымъ образомъ, чтобы я съ вами дѣйствовалъ нераздѣльно.

По новому распредѣленію, я обязанъ для уроковъ в(еликой) к(няжны)

---

[1]) Письма Плетнева подъ №№ 1, 3 и 4 печатаются по подлинникамъ, принадлежавшимъ академику А. Ѳ. Бычкову, письмо же подъ № 2—по подлиннику, хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Настоящія письма служатъ дополненіемъ къ письмамъ Плетнева къ Жуковскому, изданнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ въ III томѣ „Сочиненій и переписки П. А. Плетнева“ (Спб. 1885).

[2]) Великими княжнами Маріею Николаевною и Ольгою Николаевною. Жуковскій былъ наблюдающимъ за преподаваніемъ великимъ княжнамъ.

Маріи Николаевны быть три раза, для чтенія ея высочеству одинъ или два раза и для уроковъ в(еликой) к(няжны) Ольги Николаевны два раза, то-есть, кромѣ того времени, которое необходимо проводить мнѣ съ вами, я буду ежедневно имѣть занятія у ихъ высочествъ.

Я почитаю себя счастливѣйшимъ, что вы исходатайствовали мнѣ священную обязанность, въ которой я удостоенъ посвящать всѣ свои занятія августѣйшему дому ихъ императорскихъ величествъ. Но чѣмъ пламеннѣе мое усердіе, тѣмъ живѣе пораженъ я буду препятствіями, если бы встрѣтилъ ихъ въ точномъ исполненіи своей должности. Между тѣмъ, сообразивши все, чувствую, что, оставаясь въ теперешнемъ своемъ положеніи, я не въ состояніи буду строго выполнить того, чѣмъ вы почтили меня по своей довѣренности. Я уже оставилъ тѣ занятія, которыми въ особенности содержалъ себя до сихъ поръ съ моимъ домомъ, то-есть я сдѣлался свободнымъ для занятій, предписанныхъ мнѣ вами; но, помѣщаясь въ далекомъ отъ васъ разстояніи, всегда принужденъ буду терять на безпрестанные проѣзды половину того времени, которое бы обязанъ былъ посвящать постояннымъ съ вами трудамъ по своей должности. Если это препятствіе уже теперь удаляетъ меня отъ цѣли, то оно сдѣлается гораздо затруднительнѣе въ лѣтнюю половину года, когда я буду раздѣленъ съ вами еще бо́льшимъ разстояніемъ.

Вы непосредственный мой начальникъ, и потому я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ съ просьбою, чтобы вы, разсмотрѣвши всѣ причины, по которымъ я нахожу себя въ необходимости быть всегда вмѣстѣ съ вами, приняли на себя трудъ исходатайствовать мнѣ въ этомъ случаѣ пособіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою П. Плетневъ.

2.

С.-Петербургъ, 28-го февраля 1833.

Вотъ вамъ, Василій Андреевичь, Монастырь вашъ [1]). Ундину я

---

[1]) Къ этому письму Плетнева присоединена переписанная писцомъ баллада „Монастырь" (это заглавіе было Жуковскимъ впослѣдствіи измѣнено на „Судъ въ подземельѣ"); помѣщенъ почти полный текстъ этой баллады, въ первоначальной редакціи, въ которомъ Жуковскимъ сдѣлано потомъ нѣсколько поправокъ карандашемъ (см. Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1884 г., Спб. 1887, стр. 37). Въ письмѣ отъ 11-го марта 1833 года Плетневъ писалъ Жуковскому, между прочимъ, что онъ списалъ для него „начало вашего перевода Монастырь" (Соч. Плетнева, т. III, стр. 527—528), и академикъ Гротъ сдѣлалъ къ этому мѣсту письма слѣдующее примѣчаніе: „Этотъ неизвѣстный намъ переводъ (изъ Вальтеръ-Скотта?) вѣроятно остался неконченнымъ" (стр. 528), которое теперь, само собою разумѣется, отпадаетъ

*

помѣщу въ моемъ письмѣ, которое на-дняхъ вы отъ меня получите [1]). Не скоро отвѣчаю потому, что ожидалъ окончанія экзаменовъ великаго князя. Въ теперешнемъ пакетѣ найдете вы и книжку повѣстей А. П. Зонтагъ. Я нашелъ, что вмѣсто списыванія Олиньки легче переслать вамъ цѣлый томъ, и это будетъ вамъ даже любопытнѣе [2]). Новоселье Смирдина [3]) не прилагаю здѣсь, потому что кн. Вяземскій (какъ мнѣ онъ сказалъ) уже прежде отправилъ къ вамъ это изданіе. Семенъ Алексѣевичъ [4]), при которомъ я это пишу, кланяется вамъ. Онъ теперь, освободясь отъ хлопотъ экзаменныхъ, самъ скоро будетъ писать къ вамъ и располагается даже прислать всѣ программы, если только г(рафъ) Нессельродъ [5]) не отошлетъ ихъ назадъ, по причинѣ несовмѣстной тяжести. П. Плетневъ.

3.

4-го (16-го) окт(ября) 1847 г. С.-Петербургъ.

Общій нашъ отзывъ [6]) о способѣ изданія сочиненій вашихъ [7]), Василій Андреевичъ, вѣроятно вы уже получили отъ г. Родіонова. Послѣ того я былъ у графа Уварова [8]) и отдалъ ему Одиссею вашу. Мнѣ такъ хотѣлось кончить процедуру цензированія ея, что я отказалъ себѣ въ удовольствіи читать ее прежде министра и цензора, просмотрѣвъ только извѣстнѣйшія въ ней мѣста. Все было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но впереди ожидаетъ меня еще бо́льшее удовольствіе— впечатлѣніе цѣлаго. Уваровъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что совсѣмъ нѣтъ надобности печатать особое изданіе для училищъ, такъ какъ под-

---

[1]) Начало Ундины было послано Плетневымъ Жуковскому при письмѣ отъ 11-го марта 1833 г. (см. тамъ же, стр. 528).

[2]) „Повѣсти и сказки для дѣтей“ Анны Петровны Зонтагъ, о выходѣ въ свѣтъ которыхъ Плетневъ сообщалъ Жуковскому въ письмѣ отъ 8-го декабря 1832 года, прибавляя, что въ одной изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ повѣстей („Оленька“) выведены сестра Жуковскаго Екатерина Аѳанасьевна Протасова и ея дочери Марья Андреевна и Александра Андреевна (см. тамъ же, стр. 520—521).

[3]) Альманахъ книгопродавца А. Ф. Смирдина „Новоселье на 1833 годъ“, часть I.

[4]) Юрьевичъ, состоявшій при наслѣдникѣ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ-отъ-инфантеріи.

[5]) Вице-канцлеръ.

[6]) Т. е. Плетнева, кн. П. А. Вяземскаго и Ростислава Родіоновича Родіонова (чиновника канцеляріи ея величества и завѣдывавшаго дѣлами Жуковскаго во время житья его за границею).

[7]) Послѣдняго, исполненнаго при жизни самого поэта.

[8]) Сергія Семеновича, министра народнаго просвѣщенія.

линникъ тамъ вездѣ находится безъ выпусковъ. Итакъ сосредоточьте всѣ силы дѣятельности своей на одномъ полномъ изданіи, въ такомъ ли форматѣ, какой принятъ Смирдинымъ [1]), или, по прежней идеѣ вашей, въ роскошномъ. Дѣло главное въ томъ, чтобы это изданіе обнимало все, все, что только вышло изъ-подъ пера вашего до сихъ поръ. Дешево ли, дорого ли продавать надо будетъ—это ужъ рѣшите сами. Но приготовьте полное изданіе непремѣнно къ сентябрю или октябрю 1848 года. Предисловіе и объявленіе потрудитесь написать сами: вы можете много интереснаго сказать о новизнахъ, которыя ввели въ это изданіе (послѣднее при своей жизни, прибавьте, какъ ни странно думать въ 64 года), о порядкѣ пьесъ, объ означеніи года сочиненія или перевода, объ авторѣ, изъ котораго заимствовано. Конечно и кн(язь) П(етръ) А(ндреевичъ) [2]) тоже все скажетъ, но, по моему мнѣнію, самому автору удобнѣе высказать то, что у него на сердцѣ.

Рустема отправилъ я тотчасъ по отцензированіи его черезъ Василія Алексѣевича Полѣнова [3]) по адресу, какъ и сегоднешнее письмо. Цензоръ А. Никитенко [4]) подписалъ Рустема 15-го іюля 1847. Подпись же Одиссеи пришлю вамъ немедленно, когда она послѣдуетъ.

Не забудьте же прислать полное оглавленіе всѣхъ сочиненій для подписи цензора.

Если что-нибудь нужно съ моей стороны въ этомъ дѣлѣ, прошу немедля приказывать мнѣ. П. П.

4.

7-го (19-го) окт(ября) 1847 г. С.-Петербургъ.

Только-что успѣлъ я послать свой отвѣтъ вамъ, Василій Андреевичъ, на письма ваши отъ 4-го (16-го) и 14-го (26-го) октября, какъ сегодня еще получаю отъ васъ письмо—и о томъ же предметѣ.

Меня очень радуетъ эта рѣшимость, съ которою вы взялись за дѣло. Въ сущности все равно, въ 12-ти ли томахъ издадите вы полное собраніе сочиненій своихъ, назначивъ ему цѣну 18 р. с., или въ 4-хъ томахъ, пустивъ его по 6 р. с. То или другое изданіе разойдется непре-

---

[1]) Книгопродавцемъ Александромъ Филипповичемъ Смирдинымъ было напечатано третье изданіе Сочиненій Жуковскаго (Спб. 1835—1836).

[2]) Вяземскій.

[3]) Директора департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ и предсѣдательствовавшаго въ II Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

[4]) Александръ Васильевичъ, профессоръ и впослѣдствіи академикъ, авторъ извѣстнаго „Дневника“.

мѣнно, только бы оно было полное. Первое распродастся въ теченіе лѣтъ 6—8, а другое въ годъ.

Слѣдовательно, та сумма, которая очутится въ рукахъ вашихъ разомъ и которая одна только и составитъ такъ называемый капиталъ, равна будетъ при томъ или другомъ предпріятіи. Деньги же, по мелочи приходящія, уйдутъ на пустяки, такъ что вы ихъ и не примѣтите. Вотъ почему я не слишкомъ забочусь о томъ, роскошно ли вамъ издать себя, или скромно, лишь бы скорѣе намъ явился весь Жуковскій.

Объ отдѣльномъ изданіи Одиссеи для училищъ покиньте на время самую мысль. Уже я писалъ вамъ, что Уваровъ не берется распространять Одиссеи съ вырѣзками, а Ростовцовъ [1]) еще менѣе возьмется, хотя и по другой совсѣмъ причинѣ. Онъ прежде всего скажетъ, что имъ невозможно ввести въ училища книгу, изданную еще не вполнѣ.

Итакъ пока примитесь за переводъ остальныхъ двѣнадцати пѣсней. Въ это время нынѣшнее изданіе будетъ подходить къ концу. Вы приготовите замышляемое вами вступленіе въ древнюю исторію героическихъ временъ съ присовокупленіемъ необходимыхъ мѣстъ изъ Иліады и Энеиды и проч. и проч. Тогда и обратитесь вы какъ къ Ростовцову, такъ и другимъ начальствамъ училищъ. Всѣ примутъ съ радостію.

Меня тревожитъ мысль, не потерялся ли манускриптъ Рустема, отправленный къ вамъ мною. Навѣдайтесь въ нашей франкфуртской миссіи. Цензоръ подписалъ Рустема 15-го іюля.

Уступкою процентовъ книгопродавцамъ распорядится Родіоновъ: онъ мастеръ этого дѣла.

Итакъ съ Богомъ за дѣло. Пока ничего не пускайте порознь, а готовьте вдругъ все. П. П.

XII. Письмо Ф. Челаковскаго [2]).

Въ Прагѣ, 3-го (15-го) сентября 1829.

Ваше высокоблагородіе! Милостивый государь!

Ежели бы вамъ только тѣнь удивленія и высокопочитанія, чувствуемаго мною къ достоинству и преизящнымъ плодамъ генія вашего, извѣстна была, вы бы истинно простили дервость мою, съ которою я при-

[1]) Яковъ Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба по управленію военно-учебными заведеніями, впослѣдствіи предсѣдатель Редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу.

[2]) Знаменитый чешскій поэтъ Францъ-Ладиславъ Челаковскій (р. 1799 † 1852).—Письмо печатается съ подлинника, принадлежавшаго академику А. Ѳ. Бычкову.

ближаюсь къ вамъ строчками сими, прилагая небольшой Отголосокъ росс(iйскихъ) народныхъ пѣсней, сочиненныхъ въ нѣкоторыхъ часахъ досуга моего [1]. По истинѣ плѣнительная красота и нѣжность пѣсней народовъ славянскихъ вообще, а найпаче сербовъ и россiянъ, до нашихъ сохраненныя вѣковъ, такъ удивительны, что онѣ лучшаго вниманiя заслуживали, нежели до сихъ поръ сдѣлалось. Вы о томъ убѣжденны, какъ я примѣчалъ во многихъ стихотворенiяхъ вашихъ; и легко убѣдитесь, что вскорѣ новая эпоха настанетъ для поэзiи славянской, когда пѣснопѣвцы наши, покинувъ подражанiе и вкусъ иностранцевъ, на сiю степень вознесутъ пѣснь народа своего, на которую напр(имѣръ) англичане и подражатели ихъ нѣмцы воздвигли баллады черни своей.

Сiя мысль подала мнѣ поводъ къ опыту настоящему; достигнулъ ли я нѣкоторымъ образомъ цѣли своей, о томъ судить принадлежитъ россiянамъ, знающимъ лучше качества своей народной поэзiи, нежели мы, иностранцы, которые никогда за предѣлами отечества нашего не бывали.

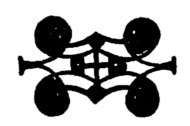
Переводъ нѣмецкiй сихъ пѣсней, сдѣланный Венцигомъ, печатается въ Галлѣ подъ заглавiемъ Nachhall russ(ischer) Lieder [2].

Въ заключенiе надѣюсь, что вы милостиво простите неловкiй слогъ въ письмѣ моемъ, принимая усердiе мое къ россiйскому языку и народу за самое дѣло.

Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитанiемъ и преданностiю, милостивый государь, вашего высокоблагородiя покорнѣйшiй слуга Фр. Лад. Челаковскiй. (Жил(ище) Народное Богемское Музеумъ).

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженiе слѣдуетъ).



[1] Ohlas písní ruských, изданный въ Прагѣ, въ 1829 году, и имѣвшiй чрезвычайный успѣхъ.

[2] Этотъ переводъ нѣмецкаго поэта Iосифа Венцига (Wenzig) не появлялся въ свѣтъ отдѣльнымъ изданiемъ (см. Францевъ, Очерки по исторiи чешскаго возрожденiя, Варшава. 1902, стр. 119). Въ 1830 году въ Галле вышелъ въ свѣтъ сдѣланный тѣмъ же Венцигомъ переводъ другого стихотворнаго сборника Челаковскаго, подъ заглавiемъ „Slavische Volkslieder“.

По поводу просьбы Штиглица о возведеніи братьевъ его въ дворянское достоинство.

Указъ Комитету гг. министровъ.

25-го мая 1816 года. № 93.

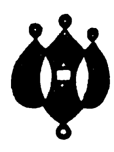
Возвращая поднесенный мнѣ отъ Комитета о пожертвованіи коллежскаго ассесора Штиглица журналъ, на коемъ означена резолюція моя, нужнымъ нахожу дать знать Комитету, что я не обѣщалъ генералъ-лейтенанту дюку Ришелье испрашиваемаго Штиглицомъ дворянства братьямъ его, а напротивъ, при докладѣ о томъ дюка Ришелье въ Парижѣ, объявилъ ему, что предметъ сей требуетъ соображенія съ законами нашими, и что, бывъ обязанъ хранить законы сіи, не могу я удовлетворить желанія его, находясь въ то время за границею, дабы не поступить вопреки оныхъ; но по возвращеніи въ С.-Петербургъ, намѣренъ былъ предоставить разсмотрѣть предложеніе Штиглица по обыкновенному порядку. Комитетъ, объявляя рѣшеніе мое по просьбѣ Штиглица, не оставитъ объявить ему и сего отзыва, на счетъ помѣщеннаго въ просьбѣ его обѣщанія дюка Ришелье.

Празднованіе дня рожденія императора Александра II.

Указъ Святѣйшему Синоду.

21-го мая 1818 г. Маріуполь.

Рожденіе любезнаго племянника нашего великаго князя Александра Николаевича повелѣваемъ праздновать въ одинъ день съ тезоименитствомъ матери его, великой княгини Александры Ѳеодоровны, то-есть въ двадцать первый день апрѣля, тезоименитство же его въ тридцатый день августа.



Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XI [1]).

Образованіе особаго цензурнаго комитета 2-го апрѣля 1842 г.—Цензурованіе брошюръ и отдѣльныхъ листковъ.—Удаленіе Куторги отъ должности цензора.—Повѣсть „Похожденія и приключенія гостинодворскихъ сидѣльцевъ".—„Воспоминанія Ѳ. Булгарина".—Повѣсть Даля „Ворожейка".—Книга тайн. сов. Маркуса „Etude sur l'état social actuel en Europe".—Книжка „Русскій гудочникъ".—Статья „О значеніи русскихъ университетовъ".—Замѣчанія „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" „и Отечественнымъ Запискамъ".

Событія 1848 года и порожденное ими всеобщее броженіе въ цѣлой Европѣ имѣли для нашей печати непосредственнымъ результатомъ усиленное наблюденіе, вызвавшее образованіе особаго комитета, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ комитета 2-го апрѣля 1848 г.

27-го февраля графъ Орловъ писалъ графу Уварову, что по дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его величество собственноручно написать изволилъ: «Необходимо составить комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1903 г.

секретаря барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Александра Строганова, генералъ-лейтенанта Дубельта и статсъ-секретаря Дегая. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и генералъ-адъютанта графа Левашева [1]), а занятія комитета начать немедля».

Первымъ дѣйствіемъ новаго комитета было истребованіе отъ министра народнаго просвѣщенія списка и программъ всѣхъ русскихъ повременныхъ изданій, а также списка ихъ издателей и сотрудниковъ,

Вслѣдъ за тѣмъ цензорамъ было объявлено, что правительство, обративъ вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, предупреждаетъ ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергается строгой отвѣтственности; что всѣ журнальныя статьи, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и тому подобныхъ, должны быть за подписью сочинителей, напечатанною подъ самыми статьями, и чтобы это правило было со слѣдующаго же дня приведено въ исполненіе. Спустя нѣсколько дней однако же, именно 21-го марта, Меншиковъ сообщилъ, что государь императоръ разрѣшаетъ не печатать подъ журнальными статьями имена сочинителей, если они этого не пожелаютъ, но съ тѣмъ, чтобы имя автора каждой статьи извѣстно было редакторамъ и непремѣнно цензурѣ, и чтобы редакторъ, по первому требованію правительства, объявлялъ имя и мѣсто жительства автора, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, подвергнуться строжайшему наказанію, какъ ослушникъ высочайшей воли. Послѣдствіемъ этого было, что когда Петербургскій цензурный комитетъ потребовалъ, между прочимъ, отъ редакціи «Журнала Путей Сообщенія» свѣдѣній объ именахъ сочинителей, то главноуправляющій путями сообщеній и публичныхъ зданій, графъ Клейнмихель (10-го апрѣля), отвѣчалъ, что имъ предписано департаменту проектовъ и смѣтъ, который окончательно разсматриваетъ статьи «Журнала Путей Сообщенія», наблюдать, чтобы каждая статья, представляемая въ цензуру, была непремѣнно подписана ея сочинителемъ и главнымъ редакторомъ журнала, съ тѣмъ, что за правильность изложенія статей, и чтобы въ нихъ заключалась собственно часть техническая, безъ всякихъ постороннихъ разсужденій и вымышленій, будутъ отвѣтствовать непосредственно: сочинитель статьи, главный редакторъ журнала и все вообще присутствіе департамента.

25-го марта послѣдовало новое высочайшее повелѣніе: «Объявить редакторамъ, что за дурное направленіе ихъ журналовъ, даже въ ко-

---

[1]) Графъ Левашевъ въ это время предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

свенныхъ намекахъ, они подвергнутся личной строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры». Исполненіе сего было предоставлено комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова, вслѣдствіе чего всѣ редакторы газетъ и журналовъ были призваны въ этотъ комитетъ, и имъ прочитаны, въ засѣданіи его, высочайшее повелѣніе и записка комитета. Въ послѣдней, между прочимъ, говорилось, что «долгъ редакторовъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но и содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку».

Въ какомъ же отношеніи къ цензурѣ и печати стоялъ въ это время графъ Уваровъ? Онъ, повидимому, старался удержать въ своихъ рукахъ выскользавшую изъ нихъ прежнюю власть, но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Государь хотя иногда принималъ въ соображеніе нѣкоторыя его предложенія, но рѣшителемъ и главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ дѣлахъ печати былъ уже не онъ, а упомянутый выше комитетъ.

Въ основаніе этого учрежденія, образованнаго изъ трехъ, независимыхъ отъ министерства просвѣщенія лицъ, съ особою канцеляріею, положены были слѣдующія главныя начала:

1) Цѣль комитета есть высшій, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія.

2) Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вышло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ своихъ доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія.

3) Какъ установленіе неоффиціальное и негласное, комитетъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе.

Въ дополненіе къ подробной, на основаніи этихъ главныхъ началъ, инструкціи, императоръ, призвавъ къ себѣ назначенныхъ въ новый комитетъ членовъ и лично изъяснивъ имъ весьма невыгодное мнѣніе о дѣйствіяхъ министерства просвѣщенія подъ управленіемъ графа Уварова, прибавилъ, что какъ его величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печать, то они, члены, «будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится».

Вслѣдствіе того, 16-го апрѣля членъ Государственнаго Совѣта и вмѣстѣ директоръ Императорской публичной библіотеки, дѣйствительный тайный совѣтникъ Бутурлинъ, въ качествѣ старшаго члена упомянутаго комитета, сообщилъ графу Уварову объ его учрежденіи, присовокупивъ къ тому объявленіе высочайшей воли: 1) чтобы надзоръ комитета распространялся на всѣ произведенія нашего книгопечатанія, на какомъ бы языкѣ и по какому бы вѣдомству они ни появлялись; 2) чтобы объ учрежденіи комитета, какъ составляющаго установленіе

неоффиціальное, дано было знать конфиденціально лишь министерствамъ и главнымъ управленіямъ и 3) чтобы для доставленія комитету бóльшей возможности слѣдить за ходомъ нашего книгопечатанія всѣ министры и главноуправляющіе изъ всѣхъ вообще типографій, состоящихъ подъ ихъ вѣдомствомъ, доставляли, ежемѣсячно, въ Императорскую публичную библіотеку, именныя вѣдомости о выпущенныхъ книгахъ, періодическихъ изданіяхъ, брошюрахъ, отдѣльныхъ листахъ и проч.

Съ этихъ поръ начались безпрерывныя сношенія со стороны комитета 2-го апрѣля съ министромъ народнаго просвѣщенія. Они были столь часты и касались такихъ разнородныхъ сторонъ и произведеній печати, что не давали министру, можно сказать, минуты отдыха. Онъ долженъ былъ употреблять множество времени на требованія отзывовъ со стороны подвѣдомственныхъ ему лицъ по запросамъ Бутурлина, на препровожденіе къ нему этихъ отзывовъ и на прочія исполнительныя мѣры.

2-го мая 1848 г. Бутурлинъ писалъ Уварову, что до свѣдѣнія государя императора дошло, что въ магазинѣ дѣтскихъ игрушекъ Вдовичева (у Аничкова моста, домъ Лопатина) продаются вложенными въ коробочки съ картонажами небольшія брошюры, на которыхъ не означено ни года, ни города, ни типографіи, гдѣ онѣ напечатаны, ни позволенія цензора. «Хотя, говорилъ онъ, условія сіи предписаны нынѣ только для книгъ и періодическихъ изданій, но какъ неблагонамѣренность и злой умыселъ легко могли бы воспользоваться означеннымъ пропускомъ закона, для распространенія въ публикѣ и сочиненій или статей самаго вреднаго, даже опаснаго содержанія: то государь императоръ, въ отвращеніе сего, высочайше повелѣлъ, чтобы при пересмотрѣ цензурнаго устава имѣлась въ виду необходимость предосторожности, существующія нынѣ для книгъ и періодическихъ изданій, распространить вполнѣ и на брошюры и отдѣльные листы. Но какъ пересмотръ цензурнаго устава можетъ оттянуться еще на продолжительное время, тогда какъ принятіе означенныхъ мѣръ, по важности послѣдствій, которыя могли бы произойти отъ опущенія ихъ, не терпитъ отлагательства, то его величеству угодно, чтобы вы, не ожидая окончательнаго пересмотра и утвержденія новаго устава, нынѣ же распорядились по цензурному вѣдомству, чтобы при изданіи всѣхъ вообще брошюръ и отдѣльныхъ листовъ были соблюдаемы тѣ же условія, какія предписаны закономъ для книгъ и періодическихъ изданій».

Произведя изслѣдованія по этому дѣлу, Уваровъ доложилъ государю, что въ лавкѣ Вдовичева не оказалось изданій безъ пропуска цензуры, и по высочайшему повелѣнію этотъ докладъ былъ обращенъ въ комитетъ 2-го апрѣля.

Но 16-го мая Бутурлинъ препроводилъ къ Уварову «на его усмотрѣніе и брошюру, давшую поводъ къ упомянутому высочайшему повелѣнію, въ томъ видѣ, какъ брошюра эта была куплена предъ праздниками Свѣтлой недѣли въ магазинѣ Вдовичева. Брошюра эта была: «Царскосельская желѣзная дорога», 5 страничекъ текста in 8°, приложенныхъ къ двумъ плохимъ литографіямъ, изображавшимъ Царскосельскую желѣзную дорогу и павловскій вокзалъ. На всемъ этомъ не было обозначено ни цензурнаго пропуска, ни типографіи и литографіи. Графъ Уваровъ ничего не отвѣчалъ Бутурлину и велѣлъ принять его послѣднее сообщеніе «къ свѣдѣнію».

5-го мая 1848 г. Бутурлинъ писалъ: «Въ № 91 фельетона «Сѣверной пчелы» помѣщенъ анекдотъ: «Одинъ чиновникъ въ донесеніяхъ начальству нерѣдко дозволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно дурнаго теченія дѣлъ и ошибочныхъ учрежденій. Начальникъ полушутя, полу-серьезно, сказалъ ему: любезный другъ не пишите такимъ острымъ перомъ; не то мы его должны будемъ притупить. Что же?— отвѣчалъ чиновникъ, тогда я буду писать грубо». Государь выразилъ замѣчаніе, что подобные мнимоостроумные разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности и въ такомъ случаѣ должны быть почитаемы прямо предосудительными, высочайше повелѣлъ сообщить вамъ означенное замѣчаніе, для принятія надлежащихъ мѣръ, дабы впредь ничего подобнаго не могло повториться».

Послѣ переписки съ министромъ народнаго просвѣщенія, длившейся цѣлыхъ полгода, Бутурлинъ 14-го февраля 1849 года сообщилъ графу Уварову, что комитетъ 2-го апрѣля полагалъ сдѣлать строжайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ, цензору Куторгѣ, за пропускъ книги фонъ-Рединга «Poetische Schriften», въ которой мелкія стихотворенія, при большой темнотѣ выраженія, наполнены какими-то таинственными намеками, иногда даже ѣдкою ироніею и горькими сѣтованіями, обличающими въ авторѣ непріязненное къ Россіи чувство, и вообще такой взглядъ и такія понятія, которыя совсѣмъ чужды народному нашему духу; но что государь императоръ собственноручно написалъ на докладѣ комитета: «Куторгу за подобное пренебреженіе прямыхъ его обязанностей, сверхъ положеннаго взысканія, посадить на 10 дней на гауптвахту и отрѣшить отъ должности цензора, а министра народнаго просвѣщенія спросить, можно ли его долѣе оставлять при здѣшнемъ университетѣ, ибо я его здѣсь считаю вреднымъ». Уваровъ немедленно же вошелъ съ докладомъ, въ которомъ говорилъ, что Куторга уже 7 мѣсяцевъ какъ уволенъ, по собственному желанію, отъ должности цензора, но для университета необходимъ, какъ превосходный профессоръ, а потому и ходатайствовалъ объ его оставленіи въ этой должности, тѣмъ болѣе, что вся вина съ его стороны заключалась, въ на-

стоящемъ случаѣ, въ легковѣріи и недосмотрительности, но нѣтъ никакихъ слѣдовъ малѣйшаго его сочувствія съ образомъ мыслей сочинителя стиховъ. На этомъ докладѣ послѣдовала 17-го февраля высочайшая резолюція: «Оставить при университетѣ, но подъ строгимъ надзоромъ».

Въ половинѣ 1848 г. появились въ Москвѣ повѣсти: «Похожденія и приключенія гостинодворскихъ сидѣльцевъ, или поваливай, наши гуляютъ!.» Императоръ Николай I замѣтилъ, что эта повѣсть, будучи, по дешевизнѣ своей, доступною низшему классу народа, для котораго естественно и содержаніемъ своимъ и самымъ заглавіемъ предназначена, не только не можетъ приносить никакой пользы по нелѣпому и безнравственному ея содержанію, но даже можетъ почитаться прямо вредною, по нѣкоторымъ неумѣстнымъ выходкамъ. Напримѣръ... «Да что же это за люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ! Странный народъ эти люди! Какъ честный человѣкъ, я не охотникъ браниться, ну, а иногда нехотя вырвется ругательное словцо: чортъ знаетъ, что это за люди! Другой лежебокъ сопитъ себѣ знай подъ носъ, а счастіе къ нему тутъ какъ тутъ, а бѣднякъ цѣлую жизнь трудится, хлопочетъ, пыхтитъ, лѣзетъ вонъ изъ кожи, а все попустому, другому природа плюетъ въ морду при рожденіи, и счастье улыбнулось, и онъ едва взглянулъ на бѣлый свѣтъ, а ему уже приготовлено нѣсколько тысячъ годоваго дохода на прожитіе, да въ добавокъ и славная слава, и безсмертная безсмертность. Странное дѣло!.. Бѣдный, съ ничтожными средствами къ жизни, и между тѣмъ очень не глупый, онъ долженъ былъ пресмыкаться между этими животными, которыя, накопивъ себѣ кучу денегъ, ни о чемъ не заботились, кромѣ удовольствій, которыми постоянно были окружены». Находя, что такого рода разсужденія, по чувству и понятіямъ, на которыя они могутъ навести низшіе классы, представляются совершенно неумѣстными въ книжкѣ, исключительно для ихъ чтенія предназначенной, государь императоръ, для отвращенія на будущее время подобныхъ неумѣстностей, высочайше повелѣлъ предписать цензорамъ, чтобы они обращали самое строгое вниманіе на мелкія сочиненія этого рода, не допуская въ нихъ ничего безнравственнаго и особенно могущаго возмущать непріязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ. Графъ Уваровъ, согласно представленію московской цензуры, велѣлъ скупить все изданіе этой книги (1.400 экземпляровъ) на счетъ остаточныхъ суммъ Московскаго цензурнаго комитета (50 р. сер.).

29-го іюня 1848 года Бутурлинъ передалъ Уварову замѣчанія государя императора на «Воспоминанія Булгарина», напечатанныя въ іюньской «Библіотекѣ для чтенія» и содержавшія, между прочимъ, многія подробности о графѣ Сперанскомъ. Замѣчанія эти состояли въ слѣдующемъ: 1) Противъ словъ Булгарина, что Александръ I поручалъ

Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія и поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія императоръ Николай написалъ:

«Независимо отъ перваго вопроса, откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженныя, здѣсь рождается и другой: можетъ ли частный человѣкъ распредѣлять за эпоху столь еще къ намъ близкую, и такимъ диктаторскимъ тономъ, славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?»; 2) противъ намековъ Булгарина, что ему извѣстно, какъ и почему, и по проискамъ какихъ личностей Сперанскій палъ: «вся эта выходка совершенно неумѣстна въ печати, представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, она какъ бы накидываетъ передъ публикою тѣнь на характеръ императора Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самыхъ виновниковъ паденія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ донынѣ всегда оставляемо было подъ покровомъ тайны, и слишкомъ близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія, и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова; 3) Отзывъ Булгарина о томъ, что финансовый планъ 1810 года принесъ величайшую пользу и приноситъ ее и до сихъ поръ, государственный же контроль былъ страшенъ при баронѣ Кампенгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностью, безпристрастіемъ и правдивостью, государь призналъ также совершенно «неприличнымъ» какъ характеристику прежняго, выставленную будто бы въ противуположность и въ укоръ настоящему; 4) Приведеніе высочайшаго указа 1816 года (коимъ Сперанскій призванъ вновь на службу) не въ подлинникѣ, а собственными словами, и при томъ съ нѣкоторыми измѣненіями, государь нашелъ «дерзкимъ и предосудительнымъ»; 5) Булгаринъ влагаетъ въ уста Сперанскаго слѣдующія слова, въ частномъ разговорѣ: «Еслибъ я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло (паденіе его въ 1812 году) приняло бы другой оборотъ. «Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца». Противъ этого государь замѣтилъ, что если такія слова и были точно сказаны, въ минуту откровенной и не совсѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то вѣрно уже не для оглашенія ихъ передъ современною публикою, а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать, вчера еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи и самый образъ дѣйствія правительства, были поносимы приписываніемъ первому подобныхъ мнѣній. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ замѣчаній, государь велѣлъ: 1) сдѣлать автору помянутой статьи выговоръ, 2) сдѣлать соотвѣт-

ственное внушеніе и пропустившимъ ее цензорамъ, ибо если не было прямой ихъ обязанности свѣрять указъ 1816 года съ подлинникомъ, то никакъ, однако же, не слѣдовало имъ пропускать прочихъ, замѣченныхъ выше мѣстъ, по явной ихъ неумѣстности въ печати.

11-го августа 1848 года Бутурлинъ сообщилъ графу Уварову, что комитетъ 2-го апрѣля остановился на статьѣ, помѣщенной въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ», подъ заглавіемъ: «Россія и западная Европа въ настоящую минуту», статьѣ, написанной самимъ редакторомъ журнала и отличающейся вѣрнымъ взглядомъ на описываемый предметъ, безпристрастнымъ, чуждымъ какого-либо ласкательства и внушающимъ тѣмъ болѣе довѣрія изложеніемъ съ особою теплотою религіознаго чувства и патріотическимъ увлеченіемъ, достойнымъ всякой похвалы. Признавъ эти замѣчанія комитета правильными, государь повелѣлъ объявить коллежскому совѣтнику Краевскому, что означенная статья удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе его величества. Издатели «Москвитянина», вскорѣ послѣ того, имѣли намѣреніе напечатать статью, утверждавшую, что Краевскій отъ нихъ заимствовалъ всѣ мысли своей статьи, но министръ народнаго просвѣщенія не дозволилъ напечатать эту замѣтку.

Въ повѣсти Даля «Ворожейка», напечатанной въ № 10-мъ «Москвитянина» и заключающей въ себѣ разсказъ о цыганахъ, обворовавшихъ простодушную крестьянку, комитетъ 2-го апрѣля остановился на слѣдующихъ словахъ: «на деревнѣ сдѣлалась тревога, кто дома былъ изъ мужиковъ, кинулись верхами по чердынской дорогѣ, но табора уже съ утра и слѣдъ простылъ. Кидались по сторонамъ, наконецъ заявили начальству: тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось, но бѣдная Марья лишилась забавнымъ образомъ всего приданаго своего и всѣхъ подарковъ мужа». Находя, что двухсмысленно выраженный въ словахъ «заявили начальству: тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось» намекъ на обычное, будто бы, бездѣйствіе начальства, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пропускать въ печать, въ особенности послѣ сдѣланнаго въ нынѣшнемъ же году, по высочайшему повелѣнію, подтвержденія по цензурному вѣдомству о томъ, чтобы въ печати не были употребляемы никакія, даже и косвенныя порицанія распоряженій или дѣйствій правительства, комитетъ положилъ (25-го ноября) сдѣлать строгое замѣчаніе цензору, пропустившему эту неумѣстную остроту.

3-го мая 1849 года Бутурлинъ писалъ Уварову, что комитетъ 2-го апрѣля, разсматривая книгу неизвѣстнаго автора: «Etude sur l' état social actuel en Europe», хотя и нашелъ это сочиненіе написаннымъ съ благонамѣренною цѣлью: опровергнуть ложныя умствованія пропаганды Запада, и проникнутымъ человѣколюбіемъ и любовью къ отечеству и престолу; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтивъ, что сочинитель, при опро-

верженіи системъ сенъ-симонизма, Фурье и Овена, изложилъ и самыя правила этихъ системъ, ложныя для ума зрѣлаго и благонамѣреннаго, но всегда вредныя въ чтеніи людей легкомысленныхъ, призналъ, что разсматривавшій эту книгу цензоръ Мехелинъ, найдя въ ней извлеченія изъ сочиненій запрещенныхъ, каковыми почитаются творенія упомянутыхъ демагоговъ и по самому содержанію ихъ вредныя, не долженъ былъ дозволить напечатаніе той рукописи, за каковое упущеніе положилъ сдѣлать Мехелину замѣчаніе. На докладѣ комитета государь написалъ: «Справедливо».

Но графъ Уваровъ поспѣшилъ отозваться Бутурлину, что находится въ невозможности сдѣлать предписанный выговоръ цензору Мехелину, такъ какъ разрѣшеніе печатать книгу дано не имъ, а самимъ главнымъ управленіемъ цензуры. Авторъ книги лицо извѣстное и пользующееся общимъ уваженіемъ, лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ Маркусъ; печатаніе же книги разрѣшено главнымъ управленіемъ на основаніи отзыва члена его со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Струве, полагавшаго, что сочиненіе это, по самому свойству своему, будучи написано на иностранномъ языкѣ, назначено для ограниченнаго круга читателей и потому можетъ быть дозволено къ напечатанію. Бутурлинъ 26-го мая отвѣчалъ на это, что комитетъ 2-го апрѣля представлялъ государю императору отношеніе Уварова и, соглашаясь съ нимъ относительно цензора Мехелина, разсуждалъ по прочимъ частямъ: 1) что какова бы ни была несомнѣнная, конечно, благонамѣренность сочинителя приведенной книги, она все же содержитъ въ себѣ сводъ хотя нелѣпаго, но соблазнительнаго для слабыхъ умовъ ученія соціалистовъ и коммунистовъ, а въ обширномъ и многообразномъ кругу читателей вѣрно не одинъ обратится съ любопытствомъ къ этой первой лишь части, не вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ и, можетъ статься, оставя совсѣмъ безъ прочтенія вторую, т. е. опроверженіе автора; 2) что во всякомъ случаѣ лучше и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей, незнакомыхъ еще со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ нимъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій; 3) что изданіе книги на языкѣ французскомъ нисколько не ослабляетъ этихъ замѣчаній: въ томъ классѣ людей, который занимается у насъ чтеніемъ подобныхъ сочиненій, между молодыми людьми, студентами и проч., этотъ языкъ не менѣе распространенъ, нежели отечественный, и книги французскія, къ сожалѣнію, едва-ли не болѣе еще находятъ читателей, нежели русскія; наконецъ, 4) что при теперешнемъ движеніи событій и положеніи умовъ, несравненно болѣе нужно строгой осмотрительности, нежели когда-либо прежде; почему правила, для другаго времени и для другихъ обстоятельствъ постановленныя, не могутъ уже имѣть прежняго своего примѣненія. Но все вышесказанно

представляетъ одни только разсужденія, признать которыя болѣе или менѣе основательными зависитъ отъ личнаго взгляда; гораздо важнѣе и совершенно рѣшительна здѣсь буква закона. Цензурный уставъ раздѣленъ на двѣ главныя части: о цензурѣ внутренней и о цензурѣ книгъ иностранныхъ, т. е. выписываемыхъ изъ-за границы, а приведенный главнымъ управленіемъ цензуры § 76-й принадлежитъ ко второй, слѣдственно, ни въ какомъ отношеніи не могъ быть примѣненъ къ книгѣ, въ Россіи изданной. Все это комитетъ положилъ сообщить министру народнаго просвѣщенія, для руководства на будущее время.

На этомъ мнѣніи 20-го мая послѣдовала высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо; самымъ рѣшительнымъ образомъ запретить, на какомъ-бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на книги и сочиненія запрещенныя, и потому не должныя быть извѣстными». Противъ 2-го пункта, сверхъ того было написано: «Неоспоримая истина».

22-го декабря 1848 года Бутурлинъ писалъ Уварову, что въ числѣ мелкихъ произведеній книгопечатанія появилось въ Москвѣ собраніе народныхъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Русскій гудочникъ», гдѣ, между прочимъ, помѣщена пѣсня, названная «Кузнецъ», со слѣдующими строфами:

Богачъ золотомъ гордится
И не терпитъ бѣдняка,
А бѣднякъ день-ночь трудится
Изъ насущнаго куска...
Тукъ, тукъ!
Въ десять рукъ,
Пріударимъ, братцы, вдругъ!
Богачъ бѣднымъ богатѣетъ,
Знай, трудись, не говори!
А глядишь, не пожалѣетъ,
Хоть я съ голоду умри!
Тукъ, тукъ и проч.
Дѣлать нечего, трудами
Будемъ горе прогонять,
Знать, скупыми богачами
Намъ на свѣтѣ не бывать
Тукъ, тукъ и проч.

Кромѣ того, что стихи эти выражаютъ и нелѣпую мысль и совершенно несвойственное народному нашему характеру чувство, комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что изъявленіе подобныхъ понятій, какъ могущихъ возбудить непріязненное и даже завистливое чувство въ нижнемъ классѣ къ людямъ болѣе зажиточнымъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволять въ печати, а тѣмъ болѣе не слѣдовало пропускать приведенную пѣсню

въ книгѣ, именно для низшаго сословія предназначенной; почему и положилъ сдѣлать цензору соотвѣтственное вразумленіе. Это заключеніе было высочайше утверждено.

1-го февраля 1849 года Бутурлинъ сообщилъ графу Уварову, но лишь къ свѣдѣнію высочайше утвержденное мнѣніе комитета 2-го апрѣля на счетъ слѣдующей народной пѣсни, помѣщенной въ числѣ многихъ другихъ, въ статьѣ, описывающей обряды крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда и напечатанной сначала въ № 41 «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей», а потомъ въ «Московской полицейской газетѣ»:

И широко Волга растилалася,
Съ крутымъ берегомъ сравнялася;
Со желтымъ пескомъ смѣшалася,
Подняла Волга всѣ горы, долы;
Оставляла одинъ малый лугъ;
На тотъ лужокъ, на зелененькій,
Сходилися люди добрые,
Люди добрые, да хорошіе,—
Все разбойнички-душегубнички.
Они думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единое:
Мы пойдемъ-ко на большой базаръ,
На большой базаръ, на большу пристань;
Купимъ-ко, братцы, легку лодочку,
Легку лодочку, самолеточку.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодымъ гребцомъ изусажена.
Грянемъ, братцы, на ту сторону,
На ту сторону, въ нову слободу;
Зайдемъ-ко мы во царевъ кабакъ;
Купимъ-ко мы зелена вина,
Зелена вина, полтора ведра;
Сложимся мы по рублику
Какъ по рублику со полтиною.

Эта пѣсня, сказано было въ журналѣ комитета 2-го апрѣля, какъ будто бы имѣющая предметомъ прославленіе порочнаго удальства, хотя и могла бы допущена быть въ какомъ-либо спеціальномъ сборникѣ, исключительно предназначенномъ для матеріаловъ, изображающихъ древній бытъ и характеръ народа, но помѣщеніе подобныхъ произведеній въ газетахъ, ежедневно обращающихся во всѣхъ, а въ томъ числѣ и въ самомъ низшемъ сословіи, доступномъ, при степени своего образованія, всякимъ вліяніямъ, не можетъ, по мнѣнію комитета, быть допускаемо; почему онъ и положилъ сдѣлать (чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ) соотвѣтственное вразумленіе редакціямъ «Казанскихъ губернскихъ» и «Московскихъ полицейскихъ вѣдомостей».

17-го марта 1849 года Бутурлинъ писалъ Уварову, что въ статьѣ

подъ названіемъ «О значеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи», никѣмъ не подписанной и напечатанной въ № 3 «Современника», авторъ исходитъ отъ того, «что съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ», — и выставляя себя поборникомъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній, старается защитить ихъ отъ мнимыхъ ложныхъ толковъ въ публикѣ и доказать необходимость сохраненія ихъ. Статья эта, по внѣшнему ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго. Напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности государю, о любви къ Россіи, и проч. Но если вникнуть во внутренній ея смыслъ, то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства, и, сверхъ того, подъ благовидною оболочкою, скрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати. Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ, что правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ ли этотъ слухъ или нѣтъ, но вдругъ среди общаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ, какъ бы въ отвѣтъ на приписываемое правительству намѣреніе—университеты защищаются противъ порицаній, «пускаемыхъ въ общественное мнѣніе людьми поверхностными»; гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять тономъ законодателя сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія; гдѣ это лицо впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія; гдѣ, наконецъ, въ числѣ оправданій противъ выведенныхъ имъ же самимъ порицаній, то же частное лицо дозволяетъ себѣ разныя странныя неприличія, напримѣръ, приведеніе въ видѣ факта, относящагося къ похвалѣ университетовъ, что въ нихъ значительно уменьшилось нынѣ число учениковъ изъ духовнаго званія, какъ бы званіе сіе было разсадникомъ людей зловредныхъ. Комитетъ не оспариваетъ, что эти разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства, въ видѣ скромныхъ желаній человѣка, почитающаго себя близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Но то, что при этомъ направленіи могло бы быть признано въ нихъ благонамѣреннымъ, принимаетъ совсѣмъ иной видъ, являясь въ печати, въ журналѣ. Такое преданіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію представляютъ явленіе столь же новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть

опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ частныхъ мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ, и, вмѣсто того, чтобы, какъ въ той же статьѣ сказано—«за правое дѣло стояла исторія», за свое дѣло будетъ проповѣдывать журналистика. Въ томъ точно смыслѣ, какъ дошло до свѣдѣнія членовъ комитета, статья эта понята и оцѣнена уже многими въ нашей публикѣ, обратившей на нее особенное вниманіе, именно по связи съ вышеупомянутыми слухами. Вслѣдствіе того, комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи, а съ другой, поставивъ въ виду редакторамъ всѣхъ вообще журналовъ и «Современника» въ особенности, а также и цензорамъ, что правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе этой статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было допускаемо.

При утвержденіи (16-го марта) журнала о томъ комитета, государь собственноручно прибавилъ: «Хочу знать, какъ сіе могло быть пропущено?»

Выше было уже упомянуто, что утвержденіе комитета 2-го апрѣля и безпрерывный его контроль сильно безпокоили графа Уварова, почему онъ и старался по возможности поколебать его авторитетъ или доказать ненужность этого учрежденія. Но всѣ усилія его оказались тщетными. Въ теченіе цѣлаго года, графъ Уваровъ безмолвно сносилъ несносныя и, по его мнѣнію, оскорбительныя для него, путы; но потерялъ, наконецъ, терпѣніе и рѣшился еще разъ войти къ государю императору съ обширнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ изложилъ всѣ чувства и соображенія, накипѣвшія у него въ груди въ теченіе цѣлаго года. Замѣтимъ при этомъ, что, подъ вліяніемъ враждебныхъ чувствъ своихъ къ комитету 2-го апрѣля, Уваровъ сильно нападалъ въ этотъ разъ на его систему предполагать таинственный, вредный смыслъ въ каждомъ почти печатномъ произведеніи и его манію открывать вездѣ и во всемъ непозволительные намеки и мысли.

«Дѣйствительно, говорилъ онъ, съ нѣкотораго времени были распространяемы въ здѣшней столицѣ подобные нелѣпые слухи, и я смѣю сказать, что отъ этого обстоятельства, отъ такой молвы нельзя было ожидать ничего благопріятнаго. Однако я считалъ незаслуживающими серьезнаго вниманія всѣ толки людей, незнакомыхъ съ сущностью учебнаго устройства: ибо мнѣ должно было быть извѣстно, что въ кругу государственнаго управленія правительственная власть заключается единственно въ повелѣніяхъ вашего императорскаго величества и въ исполнителяхъ священной воли вашей. Ваше императорское величество не изволили изъявлять мнѣ августѣйшей мысли объ уничтоженіи или преобразованіи нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій, напротивъ того,

всегда благодушно одобряемый снисходительнымъ вниманіемъ вашимъ къ устройству учебныхъ заведеній министерства, я еще недавно удостоился слышать изъявленіе столь драгоцѣннаго для меня удовольствія вашего величества на счетъ похвальнаго общаго духа и порядка, сохранившихся и въ сіе тяжкое время между обучающимися юношествомъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Я позволилъ себѣ сказать, что ходившіе по городу ложные слухи не могли произвесть дѣйствіе благопріятное, и мнѣ извѣстно, что они уже проникли во внутреннія губерніи Имперіи; что они успѣли нѣкоторымъ образомъ потревожить тамъ умы жителей; что родители опасаются за дальнѣйшее существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за средства къ окончательному образованію дѣтей своихъ. Эти не безвредные толки не ограничивались однако молвою о столичномъ говорѣ: они нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ подробной запискѣ, которая также стала ходить по рукамъ, которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы; которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ русскихъ университетовъ, оставляя только одинъ Дерптскій неприкосновеннымъ. Не утруждая ваше величество представленіемъ, которое въ нѣкоторыхъ видахъ могло бы показаться доносомъ, я и тутъ счелъ достаточнымъ ограничиться словеснымъ объясненіемъ по этому предмету съ генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ. Въ это время была мнѣ представлена статья, появившаяся потомъ въ «Современникѣ», статья, въ которой не находится ни малѣйшаго намека ни на эти толки, ни на слухи о намѣреніяхъ правительства, о коихъ говоритъ комитетъ; статья, написанная съ благонамѣренностью, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части, наконецъ съ любовью къ просвѣщенію истинному и благотворному. Общественное мнѣніе учащихъ и учащихся нуждалось въ скромной повѣркѣ и поясненіи, и я не обинуясь призналъ, что эта статья можетъ содѣйствовать косвенно къ исправленію возбужденныхъ въ публикѣ превратныхъ толковъ и ошибочныхъ понятій.

«Комитетъ 2-го апрѣля самъ принужденъ сказать, и говоритъ, что «статья эта, по внѣшнему ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго; что напротивъ вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности государю, о любви къ Россіи и проч.». При всемъ томъ, комитетъ, вникнувъ, какъ сказано въ отношеніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, во внутренній смыслъ ея, видитъ въ ней «неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства». Какой цензоръ или критикъ

можетъ присвоить себѣ даръ, не доставшійся въ удѣлъ смертному—даръ всевѣдѣнія и проницанія внутрь природы и человѣка,—даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ совершенно тому противоположный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно выраженными мыслями,—доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе,—что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и неправеднымъ обвиненіямъ въ такихъ намѣреніяхъ, которыя обвиняемому и на мысль не приходили. Такимъ образомъ статью, написанную въ чистѣйшемъ духѣ, можно представить «вмѣшательствомъ частнаго лица въ дѣло правительства». Писателя благонамѣреннаго, опровергающаго порицанія, пускаемыя въ общество людьми поверхностными объ одномъ изъ вопросовъ народнаго образованія и обученія, можно обвинить въ принятіи тона законодателя, разбирающаго пользу государственныхъ учрежденій». Если писатель скромно и съ убѣжденіемъ человѣка, знающаго дѣло, исчисляетъ пользу русскихъ университетовъ, и показываетъ, въ какой мѣрѣ устройство, данное имъ правительствомъ, соотвѣтствуетъ благой ихъ цѣли: то можно ли сказать про него, «что частный человѣкъ впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія». Когда духовное юношество удерживается въ предѣлахъ духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ отъ того, что заботливостью ихъ начальства они поставлены нынѣ на высшую степень совершенства, да и отъ увеличившейся потребности въ молодыхъ людяхъ, основательно обученныхъ для опредѣленія на мѣста священниковъ: то даже этотъ фактъ неоспоримый, значительно уменьшившій число университетскихъ студентовъ изъ духовнаго званія, можно ли взять за основаніе, чтобы, наперекоръ очевидности, возвести на автора «будто онъ духовное званіе выдаетъ за разсадникъ людей зловредныхъ». Комитетъ 2-го апрѣля признаетъ сперва, «что сіи разсужденія могли быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства; что при семъ направленіи они могли быть признаны благонамѣренными». Потомъ, вопреки мнѣнію своему, представляетъ эти благонамѣренныя разсужденія въ печати, какъ будто «преданіемъ вопроса правительственнаго на судъ публики».

«Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная, и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою,—не можетъ отъ того только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется. Въ заключеніе всего, комитетъ полагаетъ поставить редакторамъ всѣхъ журналовъ на видъ,

что правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе этой статьи въ печати. За появленіе статьи въ печати отвѣтствуетъ цензура; если ею пропущено то, что пропускать не слѣдовало бы—это взысканіе должно дѣлаться въ кругу ея начальниковъ. Но выставлять замѣчаніе, дѣлаемое цензурѣ, на видъ всѣмъ редакторамъ журналовъ, которыхъ она должна удерживать въ предѣлахъ цензурныхъ постановленій, не значитъ ли унижать предъ ними ея достоинство и отнимать у нея спасительную власть надъ ними? Ежели напечатаніе въ журналѣ скромныхъ разсужденій, которыя могли быть представлены начальству, выдается «за поставленіе журналовъ въ судьи вопросовъ государственныхъ», то какъ назвать это осужденіе установленной отъ правительства власти, «которое ставитъ его на правежъ предъ газетчиками и журналистами?»

«Государь! статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня. Въ такомъ положеніи вещей, когда съ одной стороны министерство, руководствуясь своими узаконеніями и указаніями начальства, носящаго открыто и законную отвѣтственность, дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу, а съ другой комитетъ, состоящій внѣ министерства, и безъ сношенія съ онымъ, не требуя никакихъ предварительныхъ объясненій и не имѣющій въ виду никакихъ справокъ, дѣлаетъ свои заключенія, кои по высочайшемъ одобреніи принимаютъ силу закона,—недоумѣнія и столкновенія были и будутъ неизбѣжны. Въ теченіе цѣлаго года я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы предупредить подобныя столкновенія и, смиренно ожидая послѣдствій этого положенія вещей на опытѣ, не утруждалъ ваше императорское величество преждевременными домогательствами. Эти усилія согласить по возможности два различныя направленія и двѣ власти въ дѣлѣ по себѣ уже трудномъ и гадательномъ, остались, за силою вещей, тщетными. Нынѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ и съ чистосердечіемъ, коимъ въ теченіе 16-ти лѣтъ я всегда руководствовался предъ вашимъ величествомъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не благоугодно ли будетъ, дабы дать цензурному дѣлу одно постоянное теченіе и прекратить столкновенія, неизбѣжныя въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія всю цензуру вообще, или, по крайней мѣрѣ, повелѣть передать комитету 2-го апрѣля хотя цензуру журналовъ и газетъ, если первое окажется неудобнымъ. Такимъ образомъ и сообразно съ требованіемъ времени, власть, наблюдающая за ходомъ періодической литературы, будетъ и давать ей направленіе и непосредственно отвѣтствовать за собственныя свои распоряженія. Единство, необходимое для охраненія служебнаго порядка и однообразнаго

дѣйствія, будетъ опять возстановлено. Исполнители вашей воли не будутъ находиться въ тяжкой неизбѣжности, утруждать ваше величество разнородными своими взглядами на одинъ и тотъ же предметъ, по существу коего можно въ одно время и съ равною благонамѣренностью, смотрѣть съ разныхъ точекъ не столько въ разсужденіи началъ, сколько въ ежедневномъ приложеніи оныхъ къ суетливому и часто мелочному дѣлу.

«Повергая къ стопамъ вашего императорскаго величества съ полною откровенностью плодъ годичныхъ наблюденій и опытовъ, смѣю прибавить, что съ своей стороны я почту за особое благоволеніе, если излагаемое предположеніе удостоится высочайшаго соизволенія; оно тѣмъ болѣе можетъ безъ затрудненія быть приведено въ дѣйствіе, что дѣло объ образованіи цензуры, внесенное въ Государственный Совѣтъ, еще не подлежало разсмотрѣнію. По оффиціальной безгласности комитета можно бы, смѣю думать, передать цензуру журналовъ и газетъ, частными лицами издаваемыхъ, въ III-е отдѣленіе Собственной канцеляріи вашего величества, откуда и поступитъ она въ комитетъ 2-го апрѣля 1848 года, если на сіе воспослѣдуетъ высочайшее соизволеніе. Наконецъ, смѣю выразить, что таковымъ или подобнымъ распоряженіемъ ваше величество изволите даровать мнѣ новыя силы и новую возможность посвятить болѣе времени существенной части высочайше ввѣреннаго мнѣ министерства, обращая сугубое вниманіе на охраненіе въ устройствѣ и тишинѣ многочисленныя учебныя заведенія, составляющія главную заботу министерства и требующія и неусыпнаго попеченія и спокойствія духа».

На этомъ докладѣ Уварова государь 22-го марта написалъ: «Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ «Современникѣ», неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни съ порядкомъ, у насъ къ счастью существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя. Объявить цензорамъ, чтобъ впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣнія спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ».

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія, Уваровъ предписалъ, циркулярно, всѣмъ цензурнымъ комитетамъ, чтобы впредь они не пропускали ничего на счетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаѣ недоразумѣній испрашивали разрѣшенія. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, Бутурлинъ просилъ графа Уварова ускорить отзывомъ на первоначальное его отношеніе по дѣлу о статьѣ «Современника», Уваровъ не счелъ удобнымъ или приличнымъ сообщить комитету 2-го апрѣля высочайшую резолюцію и удовольствовался однимъ только отвѣтомъ,

что послѣдовавшее на его всеподданнѣйшемъ докладѣ высочайшее повелѣніе онъ исполнилъ.

Вскорѣ послѣ того, и именно 18-го апрѣля, Бутурлинъ писалъ Уварову, что въ № 7 «Москвитянина», въ статьѣ: «Почетный гость университета» напечатано: «Въ то время, когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ и становится необходимымъ стать во имя просвѣщенія, членамъ Московскаго университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ русскимъ съ высокою степенью европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на вѣрные разсадники русскаго просвѣщенія».

Усматривая изъ этого, что вопреки удостоенному высочайшаго утвержденія заключенію комитета 2-го апрѣля, въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобные прежнимъ толки на счетъ университетовъ, комитетъ не могъ не остановиться особенно на фразѣ той статьи: «становится необходимымъ стать за университеты во имя просвѣщенія», фразѣ неумѣстной, если авторъ указывалъ ею на частныхъ людей, какъ не имѣющихъ у насъ голоса въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій, и болѣе, нежели дерзкой, если онъ хотѣлъ намекнуть на преднамѣренія правительства. Вслѣдствіе чего, руководствуясь тѣми же соображеніями, по которымъ комитетъ представлялъ государю о статьѣ «Современника», онъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о статьѣ «Москвитянина». Его величество 17-го апрѣля на этомъ представленіи написалъ: «министру народнаго просвѣщенія предписать, что я рѣшительно запрещаю всѣ подобныя статьи въ журналахъ за и противъ университовъ».

26-го мая Бутурлинъ писалъ графу Уварову, что комитетъ 2-го апрѣля, постоянно слѣдя, въ числѣ прочихъ газетъ и за «С.-Петербургскими Вѣдомостями», хотя и встрѣчалъ здѣсь въ нѣкоторыхъ политическихъ статьяхъ не совсѣмъ благонамѣренное направленіе; но какъ оно скрывалось въ изложеніи, которое прямо предосудительнымъ назвать было не возможно, то и удерживался отъ изъявленія порицанія до случая болѣе рѣшительнаго. Нынѣ въ 103-мъ № этихъ вѣдомостей появилась статья, заключающая въ себѣ краткій историческій очеркъ послѣднихъ происшествій въ Тосканскомъ великомъ герцогствѣ. Авторъ указываетъ въ ней на нынѣшнее бѣдственное положеніе этой страны, порожденное безначаліемъ и пагубными дѣйствіями анархической партіи, и потомъ переходитъ къ описанію того благосостоянія, которымъ пользовалась Тоскана подъ защитой законовъ и благотворнымъ управленіемъ ея государей; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы восхваляетъ разныя, введенныя тамъ великимъ герцогомъ Леопольдомъ I, совершенно

несоотвѣтственныя нашему политическому устройству, преобразованія, какъ-то: сохраненіе знатными гражданами однихъ только своихъ наслѣдственныхъ титуловъ безъ всякихъ сопряженныхъ съ ними дотолѣ преимуществъ, уничтоженіе особыхъ правъ духовенства господствующей тамъ вѣры и уравненіе передъ закономъ всѣхъ гражданъ. Признавая такое направленіе несообразнымъ духу нашихъ установленій, и потому предосудительнымъ для круга читающей газеты публики, тѣмъ еще болѣе, что «С.-Петербургскія Вѣдомости», слишкомъ 100 лѣтъ издававшіяся отъ Академіи наукъ, хотя теперь, какъ извѣстно, и переданы въ частныя руки, но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ многихъ читателей, сохраняютъ еще прежній свой оффиціальный характеръ, комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, призвавъ предъ себя редактора вѣдомостей, Очкина, сдѣлать ему соотвѣтственное вразумленіе, строго внушивъ, что если въ его газетѣ вновь замѣчено будетъ подобное, достойное порицаніе направленіе, то онъ подвергнется за это законной отвѣтственности. На положеніи комитета государь 20-го мая написалъ: «Дѣльно».

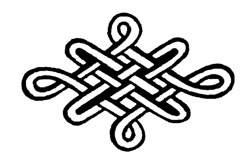
Увѣдомляя Бутурлина объ исполненіи этого высочайше одобреннаго положенія, Уваровъ 2-го іюня написалъ, что на основаніи цензурнаго устава, политическая часть вѣдомостей разсматривается министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и статья о Тосканѣ напечатана также съ одобренія этого министерства. Таковы употребленныя въ письмѣ Уварова оффиціальныя его выраженія; но въ дѣлѣ сохранилась собственноручная его записка, гдѣ было сказано, повидимому съ горяча: «Въ отношеніи къ Бутурлину сказать, что для избѣжанія подобныхъ недоумѣній, не угодно ли будетъ комитету впредь предварительно справляться, кѣмъ и гдѣ таковыя статьи пропущены». Это впрочемъ не было сообщено Бутурлину.

Въ тотъ же день, 26-го мая, послѣдній писалъ Уварову, что въ майской книжкѣ «Отечественныхъ записокъ» замѣчено слѣдующее: 1) Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются такіе афоризмы: «Человѣкъ, не рѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное самосовершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе!» Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи этого журнала, дававшей, преднамѣренною неясностью идей и наборомъ словъ, широкое поле къ про-

извольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ; фразы, напримѣръ «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ—вотъ его обязанность и величіе», фразы эти не могутъ ли, въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ, или въ понятіи неопытныхъ юношей, сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ? 2) При разборѣ дѣтской книжки «Колокольчикъ», критикъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, и приводитъ мѣсто изъ другой книги, гдѣ сочинителемъ ея, Булгаринымъ, описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонять передъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію, и проч. Затѣмъ критикъ пишетъ: «Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобъ чтить память ихъ, дѣти и по смерти родителей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать, и все оттого, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено». Эту выходку трудно признать приличною: 1) при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго; 2) возстаніе, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вообще противъ внѣшней формы, легко также можетъ способствовать къ отнесенію этого понятія и на другой кругъ вещей, который при нашемъ общественномъ устройствѣ, долженъ быть неприкосновененъ частнымъ рмзсужденіямъ. Въ предметахъ этого рода двусмысленность нерѣдко столько же опасна, какъ и прямо выраженная предосудительная мысль, иногда даже и болѣе, потому, что прямо вредному не даетъ мѣста цензура. Комитетъ счелъ обязанностью представить эти замѣчанія потому особенно, что они возбуждены журналомъ, навлекавшимъ уже на себя болѣе другихъ подтвержденій со стороны правительства. Если, со времени этихъ подтвержденій и вообще усиленія цензурнаго надзора «Отечественныя записки», въ теченіе цѣлаго года, совершенно измѣнили духъ свой, то

тѣмъ, кажется, необходимѣе, чрезъ указаніе издателю ихъ (Краевскому), что прежнее за нимъ наблюденіе нисколько не ослаблено, предостеречь его отъ возвращенія къ прежнему направленію, а чрезъ то отвратить и необходимость въ совершенномъ запрещеніи его журнала,—мѣра, которую комитетъ съ своей стороны всегда признавалъ гораздо болѣе вредною, нежели полезною. Вслѣдствіе того, комитетъ полагалъ на этотъ разъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, призвавъ предъ себя Краевскаго, сдѣлать ему, въ изложенномъ выше смыслѣ, самое строгое внушеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цензорамъ, разсматривающимъ его журналъ, поставить въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Увѣдомленіе объ открытіи военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ.

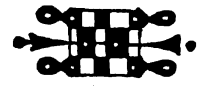
Маркизъ де-Траверсе — П. К. Сухтелену.

16-го іюня ст. стиля 1812 г. С.-Петербургъ.

Въ настоящую минуту я получилъ повелѣніе его императорскаго величества о сообщеніи вашему превосходительству, что непріязненныя дѣйствія начались и что вамъ остается лишь слѣдовать приказаніямъ королевскаго принца шведскаго о времени выступленія въ походъ.

Спѣша, генералъ, сообщить вамъ о сей высочайшей волѣ, имѣю честь вмѣстѣ съ тѣмъ предварить васъ, что я пишу адмиралу Тетту и генералу Штейнгелю, дабы сообщить имъ то же повелѣніе государя императора, мнѣ его величествомъ предписанное.

Пользуюсь симъ новымъ случаемъ, чтобы принести вашему превосходительству дань того высокаго уваженія, которое питаетъ къ вашему превосходительству вашъ всепокорнѣйшій слуга [1].



[1]) Переводъ съ французскаго.

Значеніе Андруссовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточной Европы.

XVII-й вѣкъ какъ бы оконцентрировалъ въ себѣ три момента въ исторіи отношеній двухъ ближайшихъ сосѣдей и вѣковыхъ враговъ восточной Европы—Россіи и Польши: въ началѣ столѣтія полное торжество Польши, въ 60-хъ годахъ колебаніе съ видимымъ перевѣсомъ Россіи, въ концѣ—несомнѣнное торжество послѣдней. Одной изъ яркихъ иллюстрацій этого переходнаго момента является извѣстное Андруссовское перемиріе 1667 г. Всѣ авторы, занимавшіеся русско-польскими отношеніями, придаютъ ему серьезное значеніе въ этомъ смыслѣ. «Во время систематическаго созыванія сеймовъ,—говоритъ польскій историкъ Бобржинскій,—во время войсковыхъ союзовъ и конфедерацій для Польши невозможно было окончить благополучно войну съ Россіей. Ее только отсрочили на 20 лѣтъ Андруссовскимъ перемиріемъ и, оставляя за Россіей Смоленскъ, Сѣверскъ, Черниговъ и заднѣпровскую Украйну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевъ на два года,—приготовлялись къ отраженію такого непріятеля, который выступилъ теперь съ неслыханнымъ натискомъ на югѣ рѣчи Посполитой». («Ист. Польши», II, 219). Бобржинскій, очевидно, не смотритъ на Андруссовское перемиріе столь прямо и просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ правильно, какъ русскіе авторы. «Андруссовское перемиріе,—говоритъ Соловьевъ,—было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ «докончаніемъ», по старинному выраженію; Россія покончила съ Польшей, успокоилась на ея счетъ, перестала ее бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону» («Ист. Рос.», XI, 186).

А Волковъ говоритъ даже: «По нашему мнѣнію, съ Андруссовскаго договора начинается рядъ раздѣловъ Польши, кои положили конецъ ея существованію» («Россія и Польша въ XVII в.», Чт. въ О-вѣ ист.

и др., 1865, № 2). «Если перемиріе Веліасарское и миръ Кардисскій,—говоритъ Капустинъ,—опредѣлили, главнымъ образомъ, отношенія Россіи къ Швеціи, то перемиріе Андруссовское имѣло то же значеніе относительно Польши». («Дипломатич. сношенія Россіи съ западной Европой во 2-й половинѣ XVII в.»).

На немъ основывались, какъ думаетъ Капустинъ, всѣ дальнѣйшія отношенія Россіи къ Польшѣ, такъ что всѣ позднѣйшіе трактаты—лишь поясненіе и развитіе Андруссовскаго. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласенъ и Иконниковъ: «Московскій договоръ 26-го апрѣля 1686 г.,—говоритъ онъ,—представляетъ лишь подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе Андруссовскаго трактата. Поэтому Соловьевъ справедливо называетъ послѣдній «одной изъ граней между древней и новой Россіей». («Ближній бояринъ Ордынъ-Нащокинъ», «Русская Старина», т. 40).

Такимъ образомъ, всѣ указанные выше авторы согласны въ признаніи за Андруссовскимъ перемиріемъ весьма важнаго историческаго значенія. Чтобы убѣдиться въ полной справедливости этого мнѣнія, необходимо, прежде всего, произвести детальное сравненіе Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими, кончая Московскимъ договоромъ 1686 г. Для удобства обозрѣнія всѣ статьи этихъ родственныхъ трактатовъ можно раздѣлить на 3 группы: въ первой группѣ идетъ рѣчь о политическихъ отношеніяхъ исключительно только между Польшей и Россіей, во второй—объ отношеніяхъ Польши и Россіи вмѣстѣ къ магометанскимъ общимъ врагамъ и въ третьей—объ отношеніяхъ не политическихъ между Польшей и Россіей. Оставляя совершенно въ сторонѣ третью группу, остановимся въ первой только на вопросахъ о Кіевѣ, дѣленіи Малороссіи Днѣпромъ, о Запорожьѣ и православномъ населеніи въ польскихъ предѣлахъ. По статьѣ 5-й и 7-й Андруссовскаго трактата, Кіевъ остается во владѣніи Россіи лишь два года; по статьѣ 4-й трактата 1672 г., онъ остается за Россіей до коммиссіи 1674 г., а по статьѣ 3-й договора 1686 г., онъ «имѣетъ оставаться также въ сторонѣ ихъ царскаго величества». Значитъ, черезъ 20 лѣтъ Польша совсѣмъ отказалась отъ этого важнаго и спорнаго пункта, а также и отъ всякихъ притязаній на Смоленскъ и другія завоеванныя Москвою мѣста. Статья 4-я договора Андруссовскаго говоритъ о дѣленіи Украйны Днѣпромъ на восточную—русскую и западную—польскую стороны, а статья 3-я оставляетъ Запорожье въ вѣдѣніи обоихъ государствъ. Совершенно не то мы видимъ въ «докончаніи» 1686 г., именно въ статьѣ 3-й: «что именуется Запороги, живущіе въ Сѣчѣ и въ Кодакѣ... имѣютъ быть во владѣніи и въ державѣ ихъ царскаго величества». А короли польскіе «къ Запорожью нынѣ и впредь никакого приступу вѣчными времены имѣть не имѣютъ.... и къ казакамъ городовымъ и низовымъ, обѣихъ сторонъ Днѣпра, вышеписанныхъ городовъ жите-

лямъ... никого и ни по что не посылать» съ польской королевской стороны не будутъ. Наконецъ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ 9-я статья Московскаго трактата 1686 г., представляющаяся нововведеніемъ: по статьѣ этой польское правительство не можетъ дѣлать никакого утѣсненія въ вѣрѣ своимъ православнымъ подданнымъ, которые имѣютъ право публично отправлять свое богослуженіе, между тѣмъ, какъ католикамъ въ русскихъ предѣлахъ разрѣшается «вѣры своей вольное употребленіе въ домахъ своихъ». Эта чрезвычайно невыгодная для Польши статья дала впослѣдствіи Россіи прямой поводъ вмѣшиваться во внутреннія польскія дѣла и тѣмъ сильно способствовала раздробленію Польши. Эта 9-я статья также подтверждаетъ право кіевскаго митрополита рукополагать православныхъ епископовъ въ польскихъ предѣлахъ и, такимъ образомъ, даетъ православнымъ подданнымъ Польши иноземнаго духовнаго главу, всегда преслѣдующаго виды единовѣрной Россіи. Въ Андруссовскомъ трактатѣ этотъ пунктъ былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ. Вопросъ о внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи и Польши къ магометанскому Востоку въ трактатѣ 1686 г. получилъ дальнѣйшее развитіе, естественно вытекающее изъ основныхъ положеній Андруссовскаго договора и слѣдующихъ за нимъ «подкрѣпительныхъ» постановленій 1668, 1670 и 1672 гг. Въ статьѣ 18-й Андруссовскаго трактата говорится, что хану крымскому должно сообщить о перемиріи, просить его, чтобы онъ «отъ войны достаточно пересталъ», и даже пригласить и его принять участіе въ этомъ мирѣ, а въ статьѣ 11-й Московскаго—уже прямо о «разрывѣ покоя съ ханомъ и султаномъ», т. е. уже выяснилась полная невозможность мира съ этими безпокойными и опасными сосѣдями. Андруссовскій трактатъ изъ «поганыхъ» имѣетъ въ виду преимущественно хана, а о дѣйствіяхъ противъ султана упоминается въ статьѣ 19-й лишь въ томъ случаѣ, если онъ, «вступаючись за орду», нападетъ на Польшу или Россію. Слѣдующіе трактаты идутъ дальше въ этомъ направленіи: воспрещаются сепаратные договоры съ султаномъ и ханомъ, говорится опредѣленно о той помощи, которую Россія должна оказывать Польшѣ въ войнѣ съ Турціей и Крымомъ, о запрещеніи Москвою своимъ казакамъ помогать хану. Но всѣ обязательства Андруссовскаго и послѣдующихъ трактатовъ не выходятъ изъ сферы союза оборонительнаго; не выходитъ вполнѣ изъ этой сферы и Московскій договоръ 1686 г., но только въ немъ яснѣе обнаруживается наступательная нота: въ 10-й статьѣ говорится прямо о «разрывѣ покоя» съ султаномъ и ханомъ, о союзѣ съ Польшей и «вѣчномъ оборонительномъ противъ поганства», дается обѣщаніе въ 1686 г. защищать польскія земли отъ крымцевъ, а въ 1687 г.—идти на Крымъ въ то время, когда польскія войска будутъ дѣйствовать противъ Турціи. Относительно союза наступательнаго говорится такъ: «а наступательный

покамѣстъ съ бусурманы война пребывати будетъ». Это уже значительный шагъ впередъ отъ началъ Андрусовскаго трактата, но всецѣло на его почвѣ. Если въ послѣднемъ рѣчь шла о союзѣ оборонительномъ, необходимость котораго могла обнаружиться лишь въ неопредѣленномъ будущемъ, то въ Московскомъ трактатѣ уже говорится о совершенно назрѣвшей потребности не только въ оборонѣ, но и въ наступленіи. Если въ первомъ говорилось лишь о союзѣ Польши и Россіи, то во второмъ сфера этого союза значительно расширяется: по статьѣ 13-й, польскій король «обнадеживаетъ московскаго царя, что союзники перваго, его цесарское величество римскій и иные», «въ такихъ же силѣ и мочи пребывати будутъ, въ какихъ съ его королевскимъ величествомъ нынѣ суть договорами обязаны». Цесарь и Венеція, по «обнадеживанію» польскаго короля, съ Турціей и Крымомъ не будутъ мириться, будутъ въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, какъ у Польши и Россіи «съ тѣми бусурманы войны и союзъ наступательный имѣйтись будутъ». Мало того, статья 14-я говоритъ о необходимости привлечь къ этому союзу Францію (войсками или деньгами), Англію, Данію и Голландію.

Итакъ, сравненіе Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими выяснило все значеніе перваго для пониманія послѣднихъ въ генетической связи. Дипломатическіе трактаты имѣютъ своей почвой фактическія, реальныя международныя отношенія, которыхъ мы сейчасъ и коснемся.

Москва задолго до Андруссовскаго перемирія видѣла всю внутреннюю слабость еще недавно страшной своей сосѣдки. Въ 1649 г. русскій посланецъ Кунаковъ («Акты для исторіи южной и западной Россіи») весьма подробно и обстоятельно описалъ анархическое состояніе центральной власти Польши—сейма, рознь между литовской и польской шляхтой, своекорыстіе сенаторовъ, уклоняющихся отъ невыгоднаго для нихъ подымнаго налога, всячески защищающихъ своихъ арендаторовъ-евреевъ, недовольство королемъ за «пакты», своеволіе такихъ магнатовъ, какъ Радзивиллъ и Вишневецкій, всеобщее нестроеніе, раздоры и неувѣренность въ будущемъ. Событія передъ самымъ Андруссовскимъ перемиріемъ были очень невыгодны для Польши: измѣна крымскаго хана, явная необходимость войны съ Турціей, возмущеніе Любомірскаго, котораго поддерживала шляхта Великой Польши. Вслѣдствіе всего этого Польша должна была поспѣшить заключеніемъ невыгоднаго для себя мира съ Москвой. Такъ какъ эти внутреннія и внѣшнія причины продолжали оказывать свое вредное для Польши дѣйствіе въ теченіе и слѣдующихъ десятилѣтій, то перевѣсъ, очевидно, долженъ былъ оставаться на сторонѣ Москвы. Избраніе королемъ Михаила Вишневецкаго, о дѣятельности отца котораго, Іереміи Вишневецкаго,

такъ хорошо помнили казаки и крымцы,—было, по справедливому замѣчанію Бобржинскаго, перчаткой, брошенной казакамъ, татарамъ и Турціи, въ это самое время устремившейся и на борьбу съ Австріей. Поэтому Польша естественно должна была искать опоры у христіанской и родственной Москвы, тѣмъ болѣе, что имѣла на это право по Андруссовскому трактату. Въ послѣдующій 20-лѣтній періодъ въ сношеніяхъ Польши и Россіи можно различить три главныхъ фазиса: въ началѣ Россія какъ бы безучастно смотритъ на неравную борьбу Польши съ Турціей, затѣмъ Россія начинаетъ безпокоиться, какъ бы Польша, со своей стороны нарушая Андруссовскій трактатъ, не вступила въ сепаратный договоръ съ Турціей; наконецъ, Россія соглашается на активный оборонительный союзъ съ Польшей, т. е. опять обращается къ Андруссовскому трактату, хотя, не довѣряя силамъ Польши, уклоняется отъ союза наступательнаго и требуетъ предварительнаго привлеченія цесаря. Посольства Комара, а потомъ Хельминскаго и Бростовскаго въ Москву съ просьбами о помощи противъ Дорошенки, крымцевъ и турокъ окончились неудачно, такъ что, послѣ взятія турками Каменца въ 1672 г., Польша была принуждена заключить съ ними постыдный и невыгодный для себя миръ при Бучачѣ. При Собѣсскомъ началось болѣе замѣтное сближеніе Москвы съ Польшей противъ Турціи. Появились резиденты: въ Москвѣ Свидерскій, въ Варшавѣ Тяпкинъ, въ чемъ Иконниковъ видитъ одинъ изъ результатовъ Андруссовскаго трактата.

Такъ какъ русскія войска по-прежнему уклонялись отъ рѣшительныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ польскими противъ крымцевъ и Дорошенки, то въ Польшѣ возникло столь сильное негодованіе противъ Россіи, что послѣдняя встревожилась и стала опасаться, какъ бы Польша не заключила съ Турціей сепаратнаго договора во вредъ ей. Тогда изъ Москвы велѣли части войска перейти Днѣпръ, соединиться съ поляками и особенно настаивали, чтобы и Тяпкинъ принималъ участіе въ переговорахъ поляковъ съ турками. Дѣло окончилось тѣмъ, что поляки, не надѣясь на московскую помощь, заключили съ Турціей невыгодный для себя Журавскій миръ. Тогда вопросъ вступаетъ въ свой второй фазисъ и направляется въ сторону болѣе точнаго соблюденія Андруссовскаго трактата. Спеціально посвященная польско-русскимъ отношеніямъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ статья Замысловскаго («Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича») даетъ весь фактическій матеріалъ для сужденія объ этомъ фазисѣ. Обѣ стороны обмѣнивались частыми торжественными посольствами. Польшѣ въ 1678 г., даже по совѣту патріарха, были сдѣланы уступки (отданы города Себежъ, Велижъ, Невель и вручено 200.000 р.), а съ 1679 г. Польша дѣятельно стала убѣждать Москву къ общимъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Но Москва, не довѣряя силамъ Польши, требовала, чтобы къ союзу предварительно были привлечены Франція

*

и цесарь, что̀ было, конечно, невозможно, въ виду соперничества Людовика XIV и Габсбургскаго дома. Не добившись этого, Москва ставила условіемъ своего вступленія въ союзъ, чтобы Польша отвлекла Францію отъ войны съ цесаремъ. Но когда обнаружилось, что Турція серьезно угрожаетъ всей восточной Европѣ, и когда Польша и Австрія заключили союзъ противъ нея,—тогда и Россія необходимо должна была примкнуть къ нему, чтобы гарантировать свои пріобрѣтенія, сдѣланныя вопреки андруссовскихъ условій. Такимъ образомъ, Московскій трактатъ 1686 г. имѣетъ прямое отношеніе къ Андруссовскому: если, съ одной стороны, онъ санкціонируетъ нѣкоторыя фактическія нарушенія послѣдняго, зато, съ другой стороны, заставляетъ выполнить нѣкоторыя пренебреженныя его статьи. Андруссовскій трактатъ раздробилъ Малороссію на три части—правобережную, лѣвобережную и Запорожье, при чемъ западная, которая больше всего страдала отъ поляковъ, досталась имъ же, а Запорожье поставлено было въ какую-то двойственную зависимость,—и отъ Польши, и отъ Россіи,—зависимость, на самомъ дѣлѣ совершенно фиктивную. Поэтому понятно, что Андруссовскій трактатъ долженъ былъ ввергнуть Малороссію въ водоворотъ смутъ. Отвергнутая Россіей, западная Украйна не хотѣла, не могла остаться за Польшей. «Дорошенко лишился,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—по мирному Андруссовскому постановленію, права владѣть заднѣпровской Украйной, коею Польша могла располагать, какъ хотѣла. Оставалось ему или отказаться отъ начальства, или вести безпрерывную войну съ поляками. Онъ избралъ послѣднее, надѣясь на приверженность къ нему казаковъ, на дружбу крымскаго хана и покровительство султана турецкаго, съ коимъ тогда находился въ хорошихъ сношеніяхъ» («Ист. Малор.»).

Таковъ былъ въ этомъ случаѣ прямой результатъ 4-й ст. Андруссовскаго трактата. Та же 4-й ст. передала восточную Украйну Москвѣ безъ всякихъ условій, даже безъ подтвержденія «статей» Богдана Хмельницкаго. Всѣ возникшія тамъ волненія, смуты, измѣны Выговскаго, Брюховецкаго и др. нѣкоторые историки склонны объяснять господствомъ тамъ казацкихъ порядковъ въ соединеніи съ многими идеями польской общественной и государственной жизни; эти порядки и многія изъ этихъ идей Москва готова была, будто бы, признать, но только требовала ихъ точной формулировки, чего малороссіяне, будто бы, не могли сдѣлать, такъ какъ и сами не знали общаго, а намѣчали только частности. Едва-ли можно вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Желанія малороссіянъ того времени формулированы и въ «статьяхъ» Хмельницкаго, и въ гадячскихъ статьяхъ, и въ 14 статьяхъ Дорошенка. Москва, признавъ въ теоріи «статьи» Хмельницкаго, фактически стала ихъ «отставлять» еще при жизни гетмана, отчего и возникла та «шатость», о которой говорятъ въ своихъ донесеніяхъ Мисковъ, Кикинъ и др. Много-

численная и вліятельная войсковая «старшина» была проникнута польскими общественными и государственными идеями, отчасти анархическими,—это вѣрно, но зато она развила и воспитала въ себѣ высокое понятіе о личномъ достоинствѣ и самостоятельности, и не могла сразу превратиться въ безправныхъ и безмолвныхъ московскихъ холоповъ. Итакъ, 4-й ст. Андруссовскаго трактата, окончательно присоединяющая восточную Украйну къ Россіи безъ упоминанія о прежнихъ статьяхъ и вообще о какихъ-либо гарантіяхъ, необходимо должна была возбудить недовольство и въ этой части Украйны, чѣмъ въ значительной степени и объясняются послѣдовавшія затѣмъ смуты и измѣны. Малороссія сдѣлалась театромъ постоянныхъ волненій, очень привлекательнымъ для магометанскихъ сосѣдей-враговъ.

Изъ-за Малороссіи христіанскій Востокъ, Россія и особенно Польша, столкнулся съ Востокомъ мусульманскимъ, Крымомъ и Турціей, и кровавые лучи этой борьбы озарили закатъ XVII в. Прежде всего въ эту борьбу втянулся Крымъ, политика котораго со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи становилась все болѣе и болѣе враждебной по отношенію къ послѣдней, такъ какъ ея усиленіе было очевидно и страшно для Крыма. Но за Крымомъ, этой правой рукой Турціи, стояла сама Порта Оттоманская. Дорошенко втянулъ Турцію въ войну съ Польшей, и тогда послѣдняя стала добиваться отъ Россіи выполненія Андруссовскаго трактата въ статьяхъ, касающихся оборонительнаго союза. Долго это не удавалось ей, но наконецъ Россія вступила въ священный союзъ христіанъ противъ мусульманъ.

Къ этому времени въ борьбу вступила новая сила—Австрія. Опасность, которою въ 70-хъ годахъ XVII в. Турція стала угрожать и Россіи, заставила послѣднюю искать новыхъ связей и союзовъ, и въ 1672 г. изъ Москвы отправилось въ западную Европу нѣсколько посольствъ съ цѣлью вызвать европейскую войну противъ Турціи. Въ 1675 г. въ Москву прибыло цесарское посольство для переговоровъ объ условіяхъ общаго союза противъ непріятелей.

Нѣкоторое время, какъ извѣстно, соглашеніе не удавалось: или цесарь не хотѣлъ наступательныхъ дѣйствій противъ Турціи, или Россія требовала признанія Польшей всѣхъ, сдѣланныхъ ей, Россіей, пріобрѣтеній. Лишь подъ давленіемъ цесаря и подъ страхомъ крайней опасности со стороны Турціи, Польша согласилась на требованія Москвы, результатомъ чего и былъ вѣчный миръ 1686 г.

Такимъ образомъ, Андруссовское перемиріе, прежде всего, имѣло ближайшія и явныя послѣдствія для русско-польскихъ отношеній; затѣмъ, черезъ Малороссію, въ этотъ кругъ втянуты были Крымъ и Турція и наконецъ Священная Римская имперія.

Какъ событіе очень большой исторической важности, Андруссовское

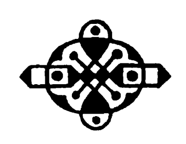
перемиріе оказало свое вліяніе даже и на страну, которая въ данный періодъ не выступала въ восточной Европѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Мы говоримъ о Швеціи. Давно уже важнѣйшей задачей Россіи на сѣверѣ было стремленіе найти выходъ въ Балтійское море и утвердиться на его берегахъ. Эту необходимость ясно видѣлъ и геніальный русскій государственный человѣкъ XVII в.—Ордынъ-Нащокинъ и полагалъ въ этомъ всю суть отношеній Россіи къ Швеціи. Для осуществленія этой завѣтной цѣли, онъ готовъ былъ сблизиться съ Польшей, уступая ей даже всю Малороссію, такъ какъ борьба на оба фронта оказывалась еще непосильной для Россіи XVII в., что̀ и обнаружилось Кардисскимъ миромъ, отнявшимъ у Россіи всѣ ея пріобрѣтенія отъ Швеціи по Веліасарскому перемирію. Но для Нащокина оставалось, повидимому, еще неяснымъ то, что такой результатъ можетъ быть достигнуть не сближеніемъ съ Польшей, какъ съ силой равновеликой, а полнымъ ослабленіемъ ея, чего тотъ же Нащокинъ и добился Андруссовскимъ трактатомъ, въ заключеніи котораго онъ принималъ столь замѣтное и непосредственное участіе.

Историческая постепенность требовала, чтобы балтійскій вопросъ на время былъ оставленъ въ сторонѣ, но чтобы Россія за этотъ промежутокъ сдѣлала нѣсколько шаговъ къ югу, къ другой завѣтной своей цѣли, къ Черному морю, ключемъ къ которому была Малороссія. Эта цѣль въ 1667 г. на половину была достигнута, а черезъ 20 лѣтъ уже вся Малороссія была въ рукахъ Москвы.

Пріобрѣтеніе многолюднаго и богатаго края, обезопасившее отъ крымскихъ набѣговъ сосѣднія плодородныя области, помогло Россіи создать тотъ запасъ производительныхъ силъ и средствъ, который былъ ей такъ нуженъ для послѣдней борьбы за Балтійское море, пройти тотъ путь, исходнымъ пунктомъ котораго было Андруссово, конечнымъ Ништадтъ и быть можетъ, Фридрихсгамъ.

Итакъ, краткій обзоръ новыхъ международныхъ отношеній, вызванныхъ Андруссовскимъ перемиріемъ и порожденныхъ имъ слѣдствій, позволяетъ сравнить это крупное историческое событіе съ брошеннымъ въ воду камнемъ, оставившимъ послѣ себя широко-расходящіеся круги: долго послѣ него колыхалась поверхность исторической жизни восточной Европы, пока, наконецъ, вызванныя имъ волны не улеглись на безбрежномъ морѣ исторіи.

П. Головачевъ.



О народномъ просвѣщенiи и о главныхъ сословiяхъ въ Россiи.

(Двѣ записки А. Каменскаго 1850—1856 гг.)[1].

I.

Всеподданнѣйшее письмо А. Каменскаго императору Александру II.

20-го ноября 1856 г.

Всемилостивѣйшiй государь!

Въ началѣ 1850 года, въ то время, когда волненiе политическихъ партiй и народныхъ страстей на Западѣ стало мало-по-малу успокоиваться, я имѣлъ счастiе поднести въ Бозѣ почивающему августѣйшему родителю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшую записку: «О направленiи народнаго просвѣщенiя и о главныхъ сословiяхъ въ Россiи». Незабвенный государь, по величiю души своей, оцѣнивъ искренность многолѣтнихъ моихъ убѣжденiй и усердiя, повелѣлъ бывшему шефу жандармовъ генералъ-адъютанту князю Орлову объявить мнѣ, что его величество, по прочтенiи съ особеннымъ удовольствiемъ записки моей, изъявляетъ мнѣ за трудъ мой всемилостивѣйшую благодарность. При чемъ я былъ удостоенъ высочайшаго порученiя развить съ большею подробностiю мысли мои о просвѣщенiи, а также о состоянiи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россiи.

Нынѣ, при новой эпохѣ достопамятныхъ событiй, когда бранные громы кровопролитной войны умолкли и ваше императорское величе-

---

[1]) Дѣйствительный статскiй совѣтникъ А. Каменскiй въ 1850 году былъ директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ, а потомъ состоялъ при главноуправляющемъ путями сообщенiя графѣ Клейнмихелѣ.

ство, по божественной благости души и внушенію дальновидной мудрости, даровали возлюбленному отечеству благодатный миръ и вожделѣнное успокоеніе, а затѣмъ изволили обратить царственное вниманіе на внутреннее его благоустройство, я пріемлю дерзновеніе повергнуть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ подножію священнаго престола краткій очеркъ мыслей моихъ объ одномъ изъ современныхъ вопросовъ—крѣпостномъ сословіи въ Россіи. Какъ этотъ очеркъ служитъ нѣкоторымъ образомъ дополненіемъ къ запискѣ, представленной блаженныя памяти августѣйшему родителю вашему, то вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести и самую записку на милостивое воззрѣніе вашего императорскаго величества.

Всемилостивѣйшій государь! Если мысли и предположенія мои ошибочны и неудовлетворительны, не вмѣните мнѣ въ вину по благости вашей, вѣрноподданническаго усердія. Единственною и постоянною цѣлію самыхъ пламенныхъ моихъ желаній была всегда и во всю жизнь мою пребудетъ польза службы безпредѣльно и неизреченно обожаемому государю.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Александръ Каменскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ[1]).

II.

Всеподданнѣйшее письмо А. Каменскаго императору Николаю I.

11-го февраля 1850 г.

Всемилостивѣйшій государь!

Подъ священною, благодатною сѣнію самодержавія, счастливая Россія процвѣтаетъ государственнымъ и политическимъ величіемъ. Иноземцы съ глубокимъ прискорбіемъ взираютъ на ея благоденствіе: имъ завидно, что держава вашего императорскаго величества, этотъ грозный для нихъ колоссъ Сѣвера, болѣе и болѣе возвышается, между тѣмъ какъ ихъ страны, потрясаемыя невѣріемъ, безначаліемъ, суемудріемъ, клонятся къ упадку и совершенному разрушенію. Человѣчество содрогается, при видѣ бѣдствій и неистовствъ, совершающихся на западѣ Европы. Но корень зла—смѣю ли выразить мое мнѣніе? не въ ду-

---

[1]) На письмѣ этомъ императоръ Александръ II написалъ: «Благодарить его за благонамѣренныя мысли».

хѣ времени, не въ естественномъ ходѣ вещей, какъ утверждаютъ лжеучители и ихъ послѣдователи, увлеченные мишурнымъ блескомъ обманчивыхъ теорій: онъ таится въ избыткѣ умозрительнаго образованія, въ пагубномъ стремленіи къ слiянію всѣхъ сословій, однимъ словомъ, въ томъ мнимомъ успѣхѣ гражданственности, который въ новѣйшее время наименовали «прогрессомъ».

Благословляя въ числѣ милліоновъ вѣрноподданныхъ державную десницу, дарующую всѣмъ намъ русскимъ и спокойствіе, и благоденствіе, и неувядаемую славу, могу ли, хоть на единый мигъ, усумниться въ долговѣчномъ процвѣтаніи могущественнѣйшаго изъ царствъ міра? Но желанія пламеннаго усердія безпредѣльны, какъ вѣчность, и я, проникнутый до глубины души чувствомъ преданности къ священному престолу обожаемыхъ вѣнценосцевъ, пріемлю смѣлость съ благоговѣніемъ повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества мысли мои о народномъ просвѣщеніи и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи.

Эти мысли, почерпнутыя мною изъ опыта и наблюденій многолѣтней службы, составляютъ внутреннія мои убѣжденія. Я почту себя на вершинѣ счастія, если онѣ, удостоенныя всемилостивѣйшаго воззрѣнія, признаны будутъ въ чемъ-либо полезными для возлюбленнаго отечества. Но если предположенія мои окажутся неудовлетворительными и несоотвѣтственными высокимъ видамъ государственнаго управленія, мнѣ невѣдомымъ, не вмѣните мнѣ въ вину, всемилостивѣйшій государь, усердія моего. Единственнымъ побужденіемъ къ изложенію этихъ мыслей была безпредѣльная преданность моя къ августѣйшему престолу и отечеству, коимъ посвящены навѣки всѣ труды мои и помышленія, и вся жизнь моя.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Александръ Каменскій.

III.

Первая записка А. Каменскаго.

1.

О народномъ просвѣщеніи въ Россіи.

Краткій очеркъ развитія учебной части въ Россіи. — Соображенія о дальнѣйшемъ направленіи народнаго образованія. — Предположенія: объ учебныхъ заведеніяхъ вообще; о преподавателяхъ, преподаваніи и программахъ наукъ; о распредѣленіи сословій въ училищахъ; о правахъ и принадлежностяхъ обучающагося юношества; о закрытыхъ училищахъ, пансіонахъ и гувернёрахъ; о книгахъ и журналахъ; о цензурѣ.

Достославное царствованіе императора Петра Великаго составляетъ въ лѣтописяхъ Россіи эпоху по всѣмъ отраслямъ государственнаго

управленія. Съ его времени началось и постепенное развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Учрежденіемъ морскихъ и военныхъ школъ, училищъ въ городахъ, вызовомъ ученыхъ иностранцевъ и отправленіемъ русскихъ для образованія въ Европу, Петръ Великій разсѣялъ первоначально мракъ невѣжества и внушилъ подданнымъ своимъ стремленіе къ ученію и наукамъ. Преемники его постоянно продолжали начатое дѣло: при императрицахъ Екатеринѣ 1-й, Аннѣ и Елизаветѣ учреждены: шляхетные корпуса—сухопутный и морской, университетъ въ Москвѣ и Академія художествъ.

Царствованіе Екатерины II-й ознаменовано учрежденіемъ между прочимъ артиллерійскаго, инженернаго и горнаго корпусовъ и Россійской академіи; а съ основаніемъ коммиссіи народныхъ училищъ открыты гимназіи, уѣздныя, приходскія училища, и народное воспитаніе приведено въ обширную систему. Не менѣе того, въ царствованіе ея, высшее образованіе было достояніемъ только не многихъ лицъ, посвящавшихъ себя ученому поприщу, или предназначавшихся по рожденію своему къ занятію важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. При блаженныя памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ открыты между прочимъ: земледѣльческое училище и Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ.

Съ самаго воцаренія Александра Благословеннаго послѣдовало учрежденіе университетовъ въ Харьковѣ, Казани, С.-Петербургѣ; основаны потомъ лицеи и многія другія училища. Юношеству, окончившему курсъ ученія, присвоены разныя преимущества. Изданъ замѣчательный указъ 1809 года о производствѣ гражданскихъ чиновниковъ въ 8-й и 9-й классы, не иначе, какъ по учебнымъ аттестатамъ или по испытанію въ наукахъ.

Въ нынѣшнее достославное и всеобъемлющее царствованіе, народное воспитаніе явило новую дѣятельную жизнь, и просвѣщеніе разлилось по всему лицу обширной Россіи. Кромѣ основанія многихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ Военной академіи, университета св. Владиміра, училища Правовѣдѣнія и кадетскихъ корпусовъ въ разныхъ губернскихъ городахъ, молодымъ людямъ, окончившимъ полный курсъ наукъ, дарованы еще новыя права, какъ при выпускѣ ихъ изъ заведеній, такъ и во время службы по гражданской части. Чтобы съ достовѣрною точностію изобразить, до какой степени усилилось въ послѣднее время общее стремленіе къ образованію, достаточно упомянуть, что въ 1848 году въ 2.190 учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія обучалось 115.442 воспитанника и что съ 1836 по 1847 годъ, въ теченіе 10 лѣтъ, выпущено изъ одныхъ университетовъ около 4.000 молодыхъ людей, окончившихъ полный курсъ ученія. Общее же число воспитанниковъ, выбывшихъ въ 1844 году изъ гимназическихъ и уѣздныхъ училищъ по окончаніи въ нихъ ученья съ аттестатами,

простиралось свыше 15 т. человѣкъ. Кромѣ того, въ 1847 году числилось до 2.400 училищъ для дѣтей казенныхъ поселянъ[1]), и въ 1848 году въ этихъ училищахъ число учащихся возросло до 125.165 человѣкъ, т.-е. на 111 крестьянъ приходилось по одному учащемуся.

При взглядѣ на это быстрое развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, просвѣщенія, которое дѣйствительно носитъ печать общенароднаго, какъ по множеству сельскихъ и приходскихъ училищъ, такъ и по допущенію даже податнаго состоянія къ слушанію курсовъ не только въ среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, невольно возникаютъ слѣдующія разсужденія:

Въ 1-хъ, необходимо ли для блага Россіи дальнѣйшее распространеніе просвѣщенія и не настала ли пора положить нѣкоторые предѣлы разливу, который началъ наводнять государство людьми высшаго умозрительнаго или, такъ сказать, западнаго образованія, сверхъ дѣйствительной въ нихъ потребности для службы?

Во 2-хъ, полезно ли допущеніе всѣхъ вообще народныхъ сословій къ совмѣстному образованію въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, особливо высшихъ?

И въ 3-хъ, нужно ли въ настоящее время сохраненіе всѣхъ преимуществъ, коими такъ щедро надѣлены воспитанники учебныхъ заведеній, при вступленіи въ гражданскую службу и во время прохожденія оной?

Изложенные три вопроса могутъ служить предметомъ обширныхъ изслѣдованій, но, не осмѣливаясь входить въ подробности, я ограничусь немногими практическими соображеніями: а) Въ нынѣшнее время нѣтъ ни одного административнаго и судебнаго мѣста, особливо въ столицахъ, гдѣ бы не томилось весьма значительное число вышедшаго изъ училищъ юношества въ праздности и тщетномъ ожиданіи штатныхъ должностей. Пріобрѣтенныя молодыми людьми ученыя степени и съ ними права, обѣщая имъ большія выгоды по службѣ, отвлекаютъ ихъ только отъ тѣхъ занятій, къ коимъ многіе изъ нихъ имѣли бы дѣйствительно истинное призваніе. Съ прогрессивнымъ распространіемъ просвѣщенія, эти неудобства будутъ возрастать годъ отъ года отъ увеличенія числа искателей гражданской службы, б) на опытѣ дознано, что купеческое сословіе и люди податнаго сословія почти никогда не достигаютъ благополучія отъ воспитанія, несообразнаго ихъ званію, кругу занятій и обязанностямъ. Отставъ отъ своего сословія, они большею частію не оправдываютъ ожиданій на служебномъ поприщѣ. При томъ совмѣстное воспитаніе людей различныхъ состояній, нарушая всѣ усло-

[1]) До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ этихъ училищъ было только семь.

вія нашихъ нравовъ и понятій, вредно въ отношеніи административномъ. Нынѣшніе безпорядки Западной Европы рѣзко свидѣтельствуютъ, до какой степени гибельно общенародное образованіе, не соотвѣтствующее быту низшихъ классовъ общества, в) по окончаніи наукъ, юноша лѣтъ 17 или 18, награжденный чаще по покровительству, нежели по способностямъ, 10-мъ или 9-мъ классомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, со школьной скамьи, безъ опыта, безъ надлежащаго сознанія важности своихъ обязанностей, переходитъ прямо за судейскій столъ, рѣшать участь дѣлъ о чести и достояніи согражданъ. Потомъ, лѣтъ черезъ 8 или 9 не болѣе, не старѣе 26—27 лѣтняго возраста, онъ уже 5-го класса, т. е. въ чинѣ, въ которомъ можетъ быть назначенъ оберъ-прокуроромъ, директоромъ департамента министерства и начальникомъ губерніи. Такіе быстрые успѣхи на службѣ, предоставляемые почти цѣлымъ выпускамъ юношей высшихъ учебныхъ заведеній, естественно внушаютъ имъ необыкновенную самонадѣянность, равнодушіе къ обязанностямъ и пренебреженіе подчиненности. Эта молодежь, за рѣдкими исключеніями, придается опасной мечтательности и не знаетъ предѣловъ своимъ притязаніямъ. Подобныя преимущества, составляя непомѣрное поощреніе для наукъ, унижаютъ достоинство службы и послѣдствіями своими могутъ быть пагубны для самихъ юношей, воспользовавшихся ими.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, подкрѣпленныхъ опытами и практическими данными, я пріемлю смѣлость полагать, что для дальнѣйшаго направленія народнаго просвѣщенія въ Россіи были бы истинно полезными слѣдующія мѣры:

1) Можно было бы приступить къ постепенному преобразованію училищъ и даже къ закрытію нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно: а) сельскія и приходскія школы оставить только въ немногихъ значительнѣйшихъ посадахъ и селеніяхъ, единственно для подготовленія грамотныхъ людей къ письмоводству по части государственныхъ имуществъ. Часть этихъ школъ обратить въ чисто техническія для ремеслъ и земледѣлія, въ коихъ крестьянскіе мальчики, въ зимнюю пору, по воскреснымъ днямъ, обучались бы наглядно разнымъ мастерствамъ и издѣлію необходимыхъ машинъ и земледѣльческихъ орудій. Нѣкоторыя же изъ сельскихъ школъ посвятить исключительно для образованія ветеринарныхъ врачей и фельдшеровъ, ибо въ этихъ людяхъ до сихъ поръ ощущается повсемѣстный недостатокъ. б) Оставивъ въ нынѣшнемъ числѣ уѣздныя училища и губернскія гимназіи, упразднить нѣкоторыя высшія заведенія, особливо въ столицахъ, гдѣ имѣется по нѣсколько таковыхъ училищъ; и в) равномѣрно упразднить дворянскіе институты, какъ излишніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ гимназіи, на томъ же основаніи закрыть конвикты, пансіоны и другія заведенія, состоящія при университетахъ и гимназіяхъ.

2) Изъ упраздненныхъ училищъ достойнѣйшихъ преподавателей и наставниковъ полезно было бы размѣстить въ остающіяся заведенія и сверхъ того для приготовленія на будущее время благомыслящихъ и способныхъ воспитателей юношества распространить педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. При чемъ главному учебному начальству поручить строжайшее наблюденіе за образованіемъ помянутыхъ воспитателей въ правительственныхъ видахъ, чистѣйшей нравственности и благомыслія.

3) Комплектъ учащихся во всѣхъ заведеніяхъ вообще можно было бы постепенно уменьшить до предѣльной мѣры.

4) Полезно было бы обратить особенное вниманіе на программы учебныхъ заведеній. Въ нихъ исключить даже по высшимъ училищамъ отвлеченные и философскіе предметы, которые не представляютъ никакой существенной пользы для практической жизни или для службы, располагаютъ умы къ одному вредному суемудрію. Затѣмъ, по сокращеніи вообще программъ наукъ для гимназій и уѣздныхъ училищъ, ослабить преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, усугубивъ вниманіе на тщательнѣйшее изученіе отечественнаго. Только въ университетахъ и высшихъ училищахъ сохранить полный курсъ употребительнѣйшихъ европейскихъ языковъ.

5) Необходимо обратить особенное вниманіе на то, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія и науки о должностяхъ человѣка, какъ христіанина и вѣрноподданнаго, возлагаемо было на свѣдущихъ и испытанныхъ лицъ; чтобы это преподаваніе заключало въ себѣ всю чистоту догматовъ православной церкви безъ высокопарныхъ и отвлеченныхъ толкованій. Курсъ по симъ важнымъ предметамъ установить во всѣхъ училищахъ однообразный и проходить его не по писаннымъ тетрадямъ, какъ это иногда водится, но по печатнымъ учебникамъ, тщательно пересмотрѣннымъ и соображеннымъ Святѣйшимъ Синодомъ совмѣстно съ министерствомъ просвѣщенія.

6) Въ число наукъ для обученія въ высшихъ гимназическихъ классахъ можно включить агрономію, сельское хозяйство, технологію, химію и другіе подобные предметы, полезные въ приложеніи къ практикѣ.

7) Полезно было бы поручить главному правленію училищъ заняться тщательнѣйшимъ составленіемъ и изданіемъ по разнымъ наукамъ и предметамъ учебныхъ книгъ, въ которыхъ до сихъ поръ ощущается большой недостатокъ. При чемъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы всѣ учебники написаны были съ возможною ясностію, добросовѣстностью, благомысліемъ и имѣли цѣлію знакомить учащихся съ ихъ обязанностями и со всѣмъ тѣмъ, что относится къ отечественной пользѣ.

8) Расположивъ учебные предметы въ систематической послѣдовательности, какъ-то: оставивъ въ приходскихъ школахъ только преподаваніе русской грамоты, сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики и развивая учебную программу по мѣрѣ перехода къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, распредѣлить обученіе разныхъ сословій по заведеніямъ: крестьянскаго и мѣщанскаго въ сельскихъ и приходскихъ школахъ и въ практическихъ ремесленныхъ классахъ, купечество въ уѣздныхъ и коммерческихъ училищахъ и только дворянство—въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Духовенству же предоставить воспитаніе въ однихъ духовныхъ училищахъ.

9) Права и преимущества, присвоенныя учебнымъ заведеніямъ, можно бы сократить въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) воспитанниковъ, окончившихъ учебный курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ заведеніяхъ, выпускать съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ и опредѣлять въ службу не 12-мъ, но 14-мъ классомъ. б) Только двумъ и не болѣе какъ тремъ отличнѣйшимъ студентамъ дозволить продолженіе курса для держанія не прежде, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ, экзамена въ кандидаты, и удостоенныхъ сего званія принимать въ службу не 10-мъ, но 12-мъ классомъ. в) Учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, зачислять на службу на прежнемъ основаніи предпочтительно передъ тѣми, которые не получили сего образованія, а также помѣщать ихъ на штатныя мѣста преимущественно предъ сими послѣдними. г) Для привлеченія образованныхъ людей на службу въ губерніи, сохранять нынѣ существующее постановленіе: чтобы всѣ обучавшіеся молодые люди поступали въ службу первоначально на нѣсколько лѣтъ въ губернскія (и даже уѣздныя) присутственныя мѣста, сокращая имъ за то годомъ срокъ выслуги на первый слѣдующій чинъ. е) Только университетскимъ кандидатамъ и двумъ отличнѣйшимъ изъ каждаго выпуска воспитанникамъ другихъ высшихъ заведеній предоставить право поступленія на службу прямо въ столицахъ.

10) Молодыхъ людей, поступающихъ на службу изъ учебныхъ заведеній, хотя бы изъ высшихъ, опредѣлять сначала въ самыя младшія должности и потомъ перемѣщая ихъ на высшія вакансіи, не нарушать порядка постепенности должностей и отнюдь не спѣшить этимъ повышеніемъ.

11) Продолженіе учебнаго курса для полученія степеней магистровъ и докторовъ предоставлять только тѣмъ воспитанникамъ, которые исключительно посвящають себя ученой части, либо занятію должностей преподавателей и наставниковъ, присвоивъ симъ степенямъ 10-й и 9-й классы.

12) Молодымъ людямъ, находящимся еще въ училищахъ, не предоставлять мундировъ, треугольныхъ шляпъ и шпагъ, составляющихъ при-

надлежность службы. Вмѣсто того, можно бы одѣть ихъ въ форменные сюртуки и круглыя фуражки. Студентамъ, продолжающимъ курсъ для полученія степени кандидата, дать для отличія выпушки или петлицы.

13) Закрытыя учебныя заведенія явили хорошія послѣдствія въ Западномъ краѣ; но могутъ ли они принести ту же пользу въ великороссійскихъ губерніяхъ? Не въ нѣдрахъ ли семейства пріобрѣтаетъ юноша болѣе привязанности къ вѣрѣ предковъ и преданности къ престолу? Отлученный въ теченіе многихъ лѣтъ отъ родителей и родныхъ, не охладѣваетъ ли онъ вообще въ своихъ къ нимъ чувствахъ, поддерживающихъ и самую любовь къ отечеству. По мнѣнію моему, повсемѣстное учрежденіе закрытыхъ училищъ требуетъ особенныхъ соображеній. Можно бы оставлять въ училищахъ безотлучно тѣхъ только воспитанниковъ, которые не имѣютъ въ городѣ родителей или ближайшихъ родныхъ, принимающихъ въ нихъ живое участіе. Вообще разузнаніе какъ этихъ, такъ и другихъ обстоятельствъ касающихся частной жизни воспитанниковъ, относится непосредственно къ обязанностямъ училищнаго начальства.

14) Полезно было бы имѣть въ виду постепенное сокращеніе какъ въ столицахъ, такъ и въ прочихъ городахъ, числа частныхъ пансіоновъ. По весьма многимъ опытамъ дознано, что въ этихъ заведеніяхъ пріобрѣтаются большею частью одни поверхностныя познанія въ наукахъ, безъ всякой системы; нравственное же образованіе оставляется въ совершенномъ пренебреженіи, и въ сердцахъ юношей нерѣдко посѣваются сѣмена чужеземнаго вольнодумства. Содержаніе частныхъ пансіоновъ рѣшительно воспретить иностранцамъ, хотя бы они изъявляли желаніе на принятіе русскаго подданства. Оставшіеся затѣмъ пансіоны подчинить строжайшему надзору учебнаго начальства.

15) Весьма полезно было бы поставить ненарушимымъ закономъ, чтобы въ гувернеры или дядьки для дѣтей русскими подданными не были принимаемы иностранцы. Что важнѣе первыхъ правилъ вѣры, преданности къ престолу, любви ко всему отечественному и родному? Можетъ ли внушить эти священныя чувства чужеземный пришлецъ, нерѣдко извергнутый своею страною, напитанный невѣріемъ, безнравственностью и часто враждою и пренебреженіемъ ко всему нашему русскому? Неужели мы, русскіе, для блага роднаго края, для семейнаго счастія, не въ состояніи пожертвовать малодушнымъ тщеславіемъ безошибочнаго французскаго произношенія!

16) Министерству просвѣщенія можно бы озаботиться: о распространеніи чтенія книгъ по части точныхъ наукъ и общеполезныхъ свѣдѣній; объ ограниченіи ввоза иностранныхъ безнравственныхъ романовъ и сочиненій по предметамъ отвлеченнымъ и философскимъ. Полезно было бы сократить по возможности выписку иностранныхъ поли-

тическихъ газетъ и журналовъ, въ коихъ, несмотря на безпрестанныя вырѣзки статей, не пропущенныхъ цензурою, проскальзываютъ вольнодумныя и рѣзкія сужденія заграничныхъ публицистовъ [1]). Сказанное сокращеніе выписки иностранныхъ журналовъ имѣло бы въ особенности полезныя послѣдствія для внутреннихъ областей Россіи; ибо съ нѣкоторыхъ поръ эти изданія начали проникать туда въ весьма значительномъ количествѣ, вѣроятно по причинѣ большаго пониженія подписной цѣны на оныя.

17) Не менѣе постояннаго и бдительнаго надзора цензуры требуютъ и русскіе журналы и газеты. Въ нихъ слѣдуетъ строжайше воспретить помѣщеніе излишнихъ сужденій и толковъ о политикѣ и нынѣшнихъ нелѣпыхъ теоріяхъ европейской идеалогіи. Истинно-русскимъ читателямъ и на умъ не пришло бы существованіе этихъ сумасбродныхъ идей, если бы онѣ ни были имъ сообщаемы въ нашихъ журналахъ. Политическія извѣстія, заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ, должны быть передаваемы тоже съ надлежащею осмотрительностью, и нѣкоторыя изъ нихъ безъ лишнихъ подробностей, единственно для сохраненія исторической послѣдовательности въ происшествіяхъ; въ этихъ статьяхъ не слѣдуетъ допускать пустословія, которое подъ личиною усердія и добросовѣстности, нерѣдко дозволяетъ себѣ намеки, оговорки и не менѣе вредныя недомолвки. При разрѣшеніи новыхъ изданій, по части русскихъ политическихъ газетъ и журналовъ, необходимо обращать особенное вниманіе на образъ мыслей и нравственныя качества издателей и даже на ихъ національное происхожденіе.

и 18) Установивъ строжайшія правила для цензуры книгъ и въ особенности журналовъ, опредѣлять въ цензора людей опытныхъ, внимательныхъ и извѣданной благонадежности. Поощряя ихъ за усердную дѣятельность лестными наградами, подвергать за упущенія строжайшему взысканію. Съ этою цѣлію ввести въ уложеніе о наказаніяхъ новыя статьи взысканій за нарушеніе цензурнаго устава, особливо по части газетъ и журналовъ.

---

[1]) Потеря почтоваго дохода отъ прекращенія выписки этихъ изданій можетъ быть вознаграждена изъ другихъ источниковъ.

2.

О главныхъ сословіяхъ въ Россіи.

О направленіи сословій.—Обязанности и права дворянства. Служба дворянъ и власть их надъ крестьянами.—Чины въ Россіи.—Можно ли ихъ замѣнить должностями?—О быстротѣ валовыхъ повышеній.—Владѣніе крестьянами.—Мѣры для привлеченія дворянства къ личному управленію имѣній.—Назначеніе духовенства.—Недостатокъ образованныхъ людей въ семъ сословіи.—Вредное стремленіе духовныхъ лицъ къ переходу въ дворянство.—Важность обязанностей сельскихъ священниковъ.—Необходимость ближайшаго наблюденія за ними.—Изданіе для нихъ руководства.—О монашествѣ.—Права и обязанности промышленнаго сословія.—Преграждевіе купечеству перехода во дворянство.—Одежда и наружный видъ купцовъ и мѣщанъ.—Различіе занятій дворянства и промышленныхъ сословій.—Назначеніе крестьянъ.—Крѣпостное состояніе въ Россіи вовсе не такъ жалко, какъ полагаютъ иностранцы.—Благоденствіе крестьянъ у добрыхъ помѣщиковъ.—Ихъ взаимныя соотношенія.—Мѣры, которыя могутъ быть предприняты съ пользою въ отношенія крестьянъ.

Каждое изъ народныхъ сословій, какъ-то: дворянство, духовенство, состояніе торговое или промышленное, состояніе крестьянское имѣетъ въ государственномъ составѣ собственное свое предназначеніе, права свои и обязанности. Всѣ эти сословія, слѣдуя по особымъ направленіямъ, указаннымъ имъ основными законами, должны совокупными силами стремиться къ поддержанію благосостоянія отечества. Но эта высокая цѣль тогда только вполнѣ достигнется, когда каждое сословіе, вращаясь исключительно въ кругу свойственныхъ ему занятій и сохраняя привязанность къ состоянію своихъ предковъ, не будетъ помышлять о переходѣ изъ онаго въ другое. Соблюденіемъ сего важнаго правила утвердится взаимное согласіе между сословіями, и миролюбныя ихъ соотношенія послужатъ ручательствомъ общественнаго блага и спокойствія.

Примѣняясь къ сему коренному правилу, я осмѣливаюсь изложить здѣсь нѣкоторыя мысли мои о каждомъ сословіи отдѣльно.

А. Дворянство.

Предназначеніе русскаго дворянства есть вѣрная служба августѣйшему престолу на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и усердное содѣйствіе по службѣ мудрому правительству во всѣхъ его видахъ и предначертаніяхъ. За эту службу дворянство пользуется различными почестями, отличіями, наградами и сверхъ того владѣетъ крестьянами, имѣя священную обязанность блюсти за ихъ благосостояніемъ.

Эти основныя принадлежности дворянскаго состоянія естественно возбуждаютъ въ нынѣшнее время слѣдующія разсужденія:

1) Какъ главное поощреніе службы составляютъ чины, то необходима ли лѣствица чиновъ въ Россіи? Они неоднократно подвергались осужденію иностранцевъ, именовавшихъ благословенное отечество наше 14-ти класснымъ царствомъ; но это враждебное порицаніе завистниковъ величія Россіи не служитъ ли уже свидѣтельствомъ о пользѣ учрежденія Великаго Петра? Пусть иностранцы осуждаютъ наши чины, русская народная поговорка твердитъ: «чинъ чина почитай!» и это, безпрестанно повторяемое на святой Руси, правило, выражающее почтеніе къ степенямъ, жалуемымъ монархами, достаточно удостовѣряетъ, что чинопочитаніе глубоко запечатлѣно въ сердцѣ русскаго народа и исключаетъ у насъ, къ истинному благополучію, всякія нелѣпыя бредни новѣйшихъ европейскихъ теорій. При томъ чины, подобно орденскимъ знакамъ, составляя цѣль пламеннаго соревнованія служащихъ, доставляютъ вычеты въ пользу государственной казны и замѣняютъ денежныя награды. Слѣдственно, они нѣкоторымъ образомъ выгодны и въ финансовомъ отношеніи, представляя налогъ, коему охотно подчиняется всякій изъ награждаемыхъ.

2) Замѣна чиновъ или классовъ постепенностью должностей послужила бы нарушеніемъ основнаго учрежденія, способствующаго охраненію порядка, и едва-ли бы имѣла ожидаемыя послѣдствія. Если нынѣ, при существованіи чиновъ, неопытная и самонадѣянная молодежь имѣетъ возможность по краткости сроковъ, опредѣленныхъ для выслуги, достигать въ нѣсколько лѣтъ должностей значительныхъ, то повышенія эти не будутъ ли еще быстрѣе, когда вмѣсто чиновъ установятся должности, коихъ число въ половину менѣе. По мнѣнію моему, лѣствица чиновъ полезна уже тѣмъ, что она даетъ людямъ, пріобрѣвшимъ многолѣтнею службою опытъ и навыкъ къ трудамъ, нѣкоторое преимущество въ полученіи штатныхъ мѣстъ предъ молодежью безъ всякихъ практическихъ свѣдѣній. Конечно, для удержанія тѣхъ же 14-ти ступеней на служебномъ поприщѣ, можно увеличить число должностей, но достаточно ли этой одной причины для измѣненія порядка чинопроизводства, существующаго уже около полутора вѣка въ Россіи; подобныя перемѣны въ нравственныхъ наградахъ не ослабляютъ ли ихъ значенія? И такъ признавая пользу чиноначалія, я смѣю полагать, что необходимо было бы возвысить значеніе чиновъ распространіемъ ихъ сроковъ какъ для обыкновенной, такъ и для отличной выслуги. При распредѣленіи этихъ сроковъ, полезно бы имѣть въ виду, чтобы производство съ 14-го по 8-й классъ шло медленнѣе, т. е. сроки были бы продолжительнѣе: это самое умѣрило бы порывы самонадѣянной молодости и дало бы начальствамъ болѣе времени ближе знакомиться со способностями своихъ подчиненныхъ. Производство отъ 8 до 5-го класса могло бы идти нѣсколько скорѣе, однако все въ такой мѣрѣ, чтобы

чинъ 5-го класса, предоставляющій право на занятіе значительныхъ должностей по судебной и административной части, достигаемъ былъ въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ не ранѣе 35-ти и 40-ка-лѣтняго возраста. Для людей, одаренныхъ геніальными и необыкновенными способностями, могутъ быть допускаемы изъятія, но столь же рѣдкія, сколь рѣдки подобные люди. Эти повышенія внѣ всякихъ правилъ должны служить особеннымъ поощреніемъ и, такъ сказать, указаніемъ правительству чиновниковъ, соединяющихъ высшія способности ума съ чистымъ благонамѣреннымъ образомъ мыслей: въ нихъ бы правительство видѣло людей способныхъ къ занятію впослѣдствіи съ пользою важнѣйшихъ въ государствѣ должностей. Представленія къ подобнымъ наградамъ должны быть дѣлаемы начальниками съ величайшею осмотрительностью и подъ особенною ихъ отвѣтственностью.

3) Упомянувъ о классахъ и должностяхъ, не могу здѣсь умолчать, что преимущества учебныхъ заведеній и валовыя производства въ чины по сокращеннымъ срокамъ выслуги выдвинули въ послѣднее десятилѣтіе весьма значительное число молодыхъ людей 25—26-ти лѣтняго возраста, безъ практическихъ свѣдѣній, въ ряды предсѣдателей палатъ (высшихъ судей!), прокуроровъ (блюстителей правосудія!), а также оберъ-секретарей и начальниковъ отдѣленій, т. е. на мѣста, отъ коихъ по большей части зависитъ участь дѣлъ.

Могутъ ли эти молодые люди, при всемъ усердіи и благонамѣренности, выполнить въ точности возложенныя на нихъ обязанности, и въ состояніи ли они внушить подчиненнымъ и согражданамъ то уваженіе, которое снискивается практическимъ знаніемъ дѣла и нѣкоторыми лѣтами. При дальнѣйшей быстротѣ повышеній, эти люди, лѣтъ черезъ пять—шесть могутъ стать на первомъ планѣ гражданской службы. Здѣсь невольно рождается недоумѣніе, нужна ли для высшей правительственной сферы, особливо въ нынѣшнюю эпоху, такая масса юныхъ, неопытныхъ, самонадѣянныхъ силъ? Не полезнѣе ли дать время этой юности созрѣть, уму молодыхъ людей обогатиться опытомъ, пылкости ихъ нѣсколько простынуть и успокоиться?

4) Дворянство, кромѣ служебныхъ наградъ, пользуется еще, какъ упомянуто выше, важнымъ преимуществомъ предъ другими сословіями: правомъ на владѣніе крестьянами; но это самое право налагаетъ на дворянство разныя многотрудныя обязанности и составляетъ вторую его службу не менѣе важную, не менѣе государственную. Заботясь о благосостояніи крестьянъ своихъ и слѣдя за ихъ нравственною жизнію, наблюдая за тишиною и благочиніемъ въ имѣніи и пріемля попеченіе о своевременномъ выполненіи повинностей по требованіямъ правительства, владѣлецъ не является ли снова усерднымъ слугою и вѣрноподданнымъ Царя и Отечества? Не есть ли онъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣй-

шимъ сподвижникомъ правительства въ достиженіи общественнаго блага и спокойствія. Эта служба дворянъ тѣмъ усерднѣе, что, заботясь о крестьянахъ своихъ, они пекутся о собственной пользѣ, тѣмъ безкорыстнѣе въ отношеніи правительства, что за хлопоты и труды управленія не получаютъ и не желаютъ отъ казны никакого возмездія. Взирая съ этой точки на истинное значеніе совѣстливаго и благомыслящаго помѣщика, желательно, чтобы дворяне имѣли болѣе влеченія къ сельской жизни, чтобы они изучали науку земледѣлія и хозяйства, и не стремились вообще къ службѣ въ столицахъ и въ отдаленіе отъ своихъ помѣстій. Если случаются злоупотребленія власти надъ крестьянами, то оныя происходятъ рѣдко отъ владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе понимаютъ, что собственное ихъ благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ; но чаще отъ наемныхъ прикащиковъ и арендныхъ содержателей, предпочитающихъ личныя свои выгоды пользѣ крестьянъ, заочно ввѣренныхъ ихъ управленію.

Считая привлеченіе дворянъ къ сельской жизни полезнѣйшею мѣрою для улучшенія быта крестьянъ, я полагаю, что слѣдующія предположенія, приведенныя въ дѣйствіе, будутъ много способствовать къ достиженію этой цѣли: а) съ уменьшеніемъ служебныхъ преимуществъ, дарованныхъ обучающемуся юношеству, часть дворянъ конечно займется приспособленіемъ себя къ сельскому хозяйству. б) По предоставленіи службѣ по выборамъ болѣе правъ и выгодъ, дворяне станутъ предпочитать этотъ родъ службы и, находясь вблизи своихъ имѣній, естественно обратятся къ управленію ими. в) Замѣчено, что дворяне уклоняются отъ деревенской жизни еще для того, чтобы избавиться отъ столкновеній и непріятнаго сношенія съ земскою полиціею. Для устраненія этого неудобства, полезно бы улучшить личный составъ земской полиціи, замѣщая должности становыхъ, засѣдателей, исправниковъ по выборамъ дворянства или людьми образованными и стараясь возвысить эти должности въ общемъ мнѣніи, присвоивъ онымъ лучшее содержаніе и нѣкоторыя служебныя преимущества.

Б. Духовенство.

Духовному сословію предлежитъ служеніе алтарю, церкви нравственное блюденіе за житіемъ православныхъ. Отсюда проистекаютъ обязанности духовенства: быть образцомъ благочестія, высокой нравственности и безукоризненной чистоты дѣйствій, а воздаяніемъ ему служитъ стяжаніе общаго уваженія христіанъ.

Соображая назначеніе духовенства, возникаетъ невольное недоумѣніе, отъ чего большая часть его, несмотря на нынѣшнее развитіе просвѣщенія въ Россіи и на всѣ мѣры духовнаго начальства, находится до сихъ поръ на самой низкой ступени образованности. Между духов-

ными лицами губернскихъ и уѣздныхъ городовъ еще можно встрѣтить людей истинно просвѣщенныхъ, но сельскіе священники, особливо въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, невѣжествомъ своимъ превосходятъ всякое вѣроятіе. А что можетъ быть важнѣе обязанностей сельскаго священника—этого пастыря душъ многочисленнѣйшаго народнаго класса крестьянъ и ближайшаго руководителя ихъ въ нравственной жизни? Въ чемъ же искать причины такого невѣжества? Безъ сомнѣнія, не столько въ недостаткѣ духовныхъ училищъ, ибо оныя учреждены повсемѣстно, сколько въ томъ, что способнѣйшіе изъ людей духовнаго званія употребляютъ всѣ происки къ переходу изъ своего сословія во дворянство, иные изъ нихъ, по окончаніи курса въ академіяхъ или семинаріяхъ, опредѣляются въ гражданскую службу; другіе, не окончивъ еще онаго, перемѣщаются изъ духовныхъ въ свѣтскія училища и преимущественно по части медицинской.

Во отвращеніе подобныхъ переходовъ на будущее время, полезно было бы постановить неизмѣннымъ правиломъ: чтобы лица духовнаго происхожденія готовили себя единственно для духовнаго поприща и ни подъ какимъ предлогомъ не поступали въ военную службу, для которой дворянское сословіе доставляетъ государству достойныхъ чиновниковъ свыше дѣйствительной даже потребности. Съ тѣмъ вмѣстѣ воспретить духовенству помѣщать дѣтей своихъ въ свѣтскія училища, ибо этимъ самимъ нарушается цѣль учрежденія духовныхъ учебныхъ заведеній. Въ случаѣ же недостатка сихъ послѣднихъ, умножить число ихъ или распространить существующія по мѣрѣ надобности.

При недостаткѣ образованія, нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ, коснѣя постоянно въ грубомъ невѣжествѣ крестьянъ и въ дали отъ надзора епархіальнаго начальства, сами иногда предаются разврату страстей къ величайшему соблазну прихожанъ; почему я бы полагалъ необходимымъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность епархіальнымъ начальствамъ совершать ежегодные объѣзды сельскихъ приходовъ для наблюденія за житіемъ священниковъ. Сверхъ того командировать по временамъ съ этою же цѣлію изъ столицы благонадежныхъ чиновниковъ Святѣйшаго Синода, но безъ огласки и подъ особыми предлогами.

Какъ въ лицѣ сельскаго священника сочетаются обязанности духовнаго пастыря и въ нѣкоторыхъ случаяхъ помощника мѣстнымъ властямъ и помѣщику; то, по мнѣнію моему, слѣдовало бы наблюдать, чтобы въ священники селъ и деревень назначаемы были достойнѣйшія изъ духовныхъ лицъ и зрѣлыхъ лѣтъ, не менѣе 30-ти лѣтняго возраста. Поощреніемъ для нихъ къ занятію этихъ мѣстъ могутъ быть: спокойствіе и дешевизна скромной сельской жизни; назначенное въ недавнемъ времени отъ казны содержаніе; пользованіе частію церковнаго сбора и дозволенною платою за совершеніе требъ. Впрочемъ для боль-

шаго поощренія достойнѣйшихъ сельскихъ священниковъ, можно усилить мѣры вознагражденія, если это по усмотрѣнію правительства признано будетъ справедливымъ.

Замѣчено, что сельскіе священники, предаваясь излишне несвойственнымъ имъ полевымъ работамъ, нерѣдко уклоняются отъ должнаго выполненія настоящихъ своихъ обязанностей и, употребляя для помянутыхъ работъ крестьянъ, оказываютъ инымъ изъ нихъ потворство, другимъ недоброхотство, по мѣрѣ ихъ услугъ. Для отвращенія сего на будущее время, полезнѣе было бы обратить церковныя земли въ казенное или помѣщичье владѣніе, назначивъ за то священникамъ ежегодно извѣстную частицу хлѣба по количеству урожая. Но для доставленія священникамъ нѣкотораго занятія въ свободное время, предоставить имъ право имѣть отъ одной до трехъ десятинъ земли для разведенія сада, огородовъ, пасѣки.

По случаю нерѣдкихъ раздоровъ между священниками и сельскими властями или помѣщиками, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству прекращать безъ отлагательства и миролюбиво подобныя недоразумѣнія и даже смѣщать священниковъ на другіе менѣе значительные приходы, если они неоднократно замѣчены будутъ въ подобныхъ соорахъ.

Для поясненія сельскимъ священникамъ ихъ обязанностей, полезно было бы издавать для нихъ краткое руководство отъ Святѣйшаго Синода. Кромѣ прочихъ обязанностей, постановить имъ главнымъ правиломъ внушать при всякомъ удобномъ случаѣ крестьянамъ безпрекословное повиновеніе властямъ, согласіе въ семейной жизни, трудолюбіе и трезвость; а владѣльцамъ при тайной исповѣди—снисхожденіе и любовь къ подвластнымъ.

Это сословіе, посвящающее себя молитвамъ и воздержанію, должно внушать къ себѣ уваженіе житіемъ своимъ и примѣрами благочестія поддерживать святость церкви.

Изложивъ мысли мои о бѣломъ духовенствѣ, не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, относящемся къ монашествующимъ. На основаніи IX т. св. зак. ст. 240-й, дозволено постригать въ монашество мужчинъ въ 30, а женщинъ въ 40 лѣтъ отъ рожденія. Не преждевременно ли такое постриженіе въ тѣ годы, въ которые оба пола могутъ быть еще полезными для общества. Между юными иноками много тунеядцевъ, которые въ отшельнической жизни видятъ не подвигъ трудный христіанства, но праздное, беззаботное существованіе: обуреваемые страстями молодости, они иногда водворяютъ въ стѣнахъ святой обители многіе пороки свѣтской жизни. И такъ полезно было бы отдалить на будущее время сроки постриженія въ монашество: для мужчинъ до 60,

для женщинъ до 50 лѣтъ отъ рода. Допустить рѣдкія изъятія для роковыхъ несчастій въ жизни, для тяжкихъ немощей тѣлесныхъ.

В. Состояніе торговое или промышленное.

Предназначеніе сего сословія составляютъ торговля и разные промыслы; обязанности его—добросовѣстность въ дѣлахъ и точность въ разсчетахъ; преимущества: коммерческія и промышленныя выгоды.

Это сословіе, пользуясь значеніемъ и уваженіемъ по количеству торговаго капитала и степени кредита, должно обращать вниманіе свое единственно на коммерческія дѣла, не развлекаясь честолюбивыми видами дворянской службы. Поэтому для собственной пользы торговаго сословія необходимо преградить ему всѣ пути къ переходу въ дворянство. За честность торговли, за пожертвованія и услуги государству, купцы и мѣщане могутъ быть поощряемы наградами, свойственными ихъ состоянію, какъ-то: шитыми кафтанами, медалями, почетными званіями и т. п., но отнюдь не орденами и гражданскими чинами. Даже для наружнаго отличія торговаго сословія отъ дворянъ, полезно было бы постановить, чтобы купцы и мѣщане не брили бородъ и носили прежнее одѣяніе, нынѣ болѣе и болѣе ими оставляемое. Условія одежды и вообще наружнаго вида имѣютъ болѣе нравственнаго вліянія, нежели сколько предполагать можно: довольно привести въ примѣръ странную особенность бородъ являвшихся въ разныя примѣчательныя эпохи исторіи, либо замѣтное измѣненіе нравовъ евреевъ въ Западной Россіи, вслѣдствіе еще недавняго преобразованія между прочимъ ихъ одежды.

Ничто не поселяетъ столько неудовольствій между сословіями, какъ вмѣшательство одного изъ нихъ въ несвойственныя ему занятія другаго сословія и взаимное нарушеніе правъ и выгодъ. Въ этомъ собственно слѣдуетъ искать главной причины упадка уваженія низшихъ состояній къ дворянству, которое, вмѣсто управленія населенными своими имѣніями, предалось съ нѣкоторыхъ поръ откупамъ, подрядамъ и другимъ занятіямъ, свойственнымъ промышленнымъ сословіямъ. Для поддержанія согласія и надлежащихъ сношеній между дворянскимъ и промышленнымъ состояніями, необходимо отдѣлить рѣзкою чертою ихъ дѣла и интересы. Предоставивъ дворянамъ по силѣ основныхъ законовъ государственную службу, владѣніе и управленіе всякаго рода имуществами, въ томъ числѣ населенными, учрежденіе въ имѣніяхъ мануфактуръ и разныхъ заводовъ съ приписными къ нимъ фабричными крестьянами и другія занятія, свойственныя дворянскому достоинству, послѣ всемилостивѣйше дарованныхъ дворянамъ правъ, воспретить имъ однако всякое участіе въ торговыхъ оборотахъ, требующихъ приписки въ гильдію. Купечеству же и мѣщанству присвоить службу общественную, владѣніе всякимъ имуществомъ, устройствомъ

фабрикъ и заводовъ, на коихъ крестьяне работаютъ по найму, и напослѣдокъ всѣ дѣла и предпріятія торговыя и промышленныя, по мѣрѣ ихъ капиталовъ и сообразно существующимъ на то правиламъ.

Г. Сословіе крестьянъ.

Предназначеніе сословія крестьянъ состоитъ главнѣйшее въ воздѣлываніи полей, производствѣ различныхъ работъ, особливо по строительной части и мелкой промышленности, какъ-то: извозѣ, мелочной торговлѣ и т. п. На обязанности крестьянъ лежитъ выполненіе свойственныхъ имъ повинностей и безпрекословное повиновеніе установленнымъ надъ ними властямъ и своимъ владѣльцамъ; преимущества крестьянъ: право на покровительство и попеченіе сказанныхъ властей и владѣльцевъ.

Не касаясь поселянъ удѣльныхъ, казенныхъ и другихъ наименованій, состоящихъ въ ближайшемъ вѣдѣніи самого правительства, я упомяну здѣсь только о крестьянахъ владѣльческихъ.

Иностранные писатели и журналисты, распространяясь въ неосновательныхъ сужденіяхъ о нашемъ отечествѣ, имъ вовсе неизвѣстномъ, нерѣдко изображали быть помѣщичьихъ крестьянъ въ самыхъ черныхъ краскахъ, представляя ихъ въ какой-то томительной неволѣ, почти неграми. Можетъ ли быть что-нибудь превратнѣе этихъ одностороннихъ понятій! Вникнувъ подробно въ отдѣльныя черты и особенности каждаго состоянія въ Россіи, мы видимъ въ обязанностяхъ и правахъ сословій необыкновенную уравнительность. На святой Руси, всѣ состоянія, благословляя мудрые уставы монарховъ своихъ, наслаждаются благополучіемъ и законною свободою, разумѣя подъ ея именемъ не развратъ нравовъ, невѣріе и необузданность произвола, но спокойное пользованіе собственностью, всѣми правами своего состоянія и справедливою во всякомъ случаѣ защитою правительства. Это можно видѣть при сравненіи даже двухъ совершенно различныхъ классовъ дворянства съ крестьянскимъ или владѣльца съ его подвластнымъ. Безспорно, что трудъ земледѣльца—трудъ тяжелый; но каждый крестьянинъ съ семействомъ своимъ имѣетъ надежный кровъ, одежду и всегдашній кусокъ насущнаго хлѣба [1]). Выполняя урочную работу для помѣщика или уплативъ ему оброкъ, онъ спокоенъ духомъ, бодръ тѣломъ и имѣетъ всегда довольно времени для собственныхъ занятій и промысловъ. Владѣлецъ же, пріобрѣтая трудами крестьянъ средства жизни, въ той степени, въ какой они конечно сами ихъ не имѣютъ, и, тратя достатокъ свой, по необходимымъ условіямъ свѣта, часто не достигаетъ благополучія. Кромѣ слу-

[1]) Авторъ этой записки былъ весьма мало знакомъ съ бытомъ крестьянъ, и потому всѣ его разсужденія въ этомъ отношеніи исторически не вѣрны.
Ред.

жебныхъ трудовъ, онъ имѣетъ тьму заботъ по управленію имѣнія. Ему надлежитъ принимать безпрестанныя мѣры къ поддержанію благосостоянія крестьянъ: онъ ихъ судья, защитникъ, посредникъ, ходатай. Сколько разъ во время неурожаевъ и бѣдствій предлежитъ владѣльцу кормить крестьянъ изъ собственнаго запаса, удѣлять имъ отъ послѣднихъ сѣмянъ для посѣва весьма часто безвозвратно и не требуя отъ нихъ за это никакого возмездія. Вѣрно русскій мужичекъ никогда не умретъ отъ голода, не лишитъ себя жизни съ горя отъ нищеты, какъ это часто случается въ просвѣщенныхъ странахъ Западной Европы, съ пролетаріями въ Парижѣ и Лондонѣ, съ поселянами въ Ирландіи. Если средства владѣльца оскудѣютъ, тогда благодѣтельное правительство поспѣшаетъ на помощь къ нему и его крестьянамъ. Итакъ крѣпостное состояніе въ Россіи развѣ потому только несчастливо, что не пользуется мнимою европейскою свободою; способствующею развращенію людей, рожденныхъ въ сословіи, требующемъ руководства, и устремляющею ихъ по большей части къ неистовствамъ и грабежу. Это состояніе, пугающее воображеніе иностранцевъ, излишне заботливыхъ о благѣ Россіи, представляетъ нерѣдко, по привычкѣ крестьянъ къ владѣльцу, или по чувствамъ ихъ признательности за его попеченіе—союзъ отца съ дѣтьми. Добрые крестьяне, принадлежа долгое время одному и тому дворянскому роду, не могутъ даже въ понятіяхъ своихъ отдѣлить себя отъ ихъ владѣльцевъ. Бывали неоднократно примѣры, даже въ недавнемъ времени, что крестьяне отказывались отъ свободы, которую предлагалъ имъ владѣлецъ. Подобныя чувства истинной привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ должны быть поддерживаемы; ибо въ нихъ заключается лучшее ручательство общественнаго спокойствія. При томъ гдѣ обрѣсти правительству достаточное число благонадежныхъ чиновниковъ для повсемѣстнаго управленія имѣніями? Не обратятся ли многіе изъ нихъ впослѣдствіи въ тѣхъ временныхъ арендныхъ владѣльцевъ, которые, угнетая крестьянъ, помышлять будутъ только объ извлеченіи собственныхъ выгодъ.

Изобразивъ безпристрастнымъ перомъ настоящее положеніе крестьянъ у владѣльцевъ добросовѣстныхъ и благоразумныхъ, я не могу умолчать, что въ поношеніе имени дворянъ встрѣчаются между ними люди, которые, поступая съ крестьянами, какъ съ безсловесными существами, считаютъ всѣ средства дозволенными для насыщенія своего любостяжанія. Примѣры эти къ счастію рѣдки и могутъ считаться изъятіемъ, тѣмъ не менѣе мѣстныя власти должны имѣть хотя тайное, но неослабное наблюденіе за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами. Въ особенности предводители дворянства, соблюдая святомудрыя наставленія, почерпанныя въ высочайшемъ рескриптѣ 1826 года, обязаны вникать

въ образъ жизни всѣхъ вообще владѣльцевъ, не ограничиваясь, какъ это бываетъ, однимъ именнымъ ихъ спискомъ.

Разсматривая крѣпостное собраніе въ Россіи въ настоящемъ видѣ, я бы полагалъ полезнымъ, для общаго блага и спокойствія, оставить нынѣшнія соотношенія владѣльцевъ и крестьянъ въ ихъ силѣ безъ измѣненія, принявъ однако на будущее время слѣдующія правила:

1) Всѣми правительственными мѣрами стремиться къ отклоненію частыхъ переходовъ населенныхъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія, ибо чѣмъ болѣе крестьяне остаются во владѣніи одного и того же дворянскаго рода, тѣмъ болѣе утверждается взаимное сочувствіе между ними и ихъ владѣльцами. Къ числу помянутыхъ мѣръ отнести можно между прочимъ облегченіе выкупа имѣній со стороны родственниковъ и однородцевъ, установленіе недѣлимости мелкихъ имѣній до нѣкоторой степени; увеличеніе льготъ по ссудамъ, производимымъ подъ залогъ населенныхъ имѣній съ учрежденіемъ ближайшаго за оными надзора дворянскихъ опекъ и т. д.

2) Имѣть постоянною цѣлію привлеченіе дворянъ къ личному управленію имѣніями и къ водворенію въ оныхъ. Ничто такъ не разстраиваетъ состоянія поселянъ, какъ роскошное существованіе владѣльцевъ въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, гдѣ дороговизна на всѣ почти предметы первыхъ потребностей въ послѣдніе годы необыкновенно увеличилась. Съ переселеніемъ владѣльцевъ въ деревни, издержки ихъ для жизни значительно уменьшатся, и къ тому же они, проживая въ сельскихъ усадьбахъ своихъ, окруженные со всѣхъ сторонъ крестьянами, по многимъ уваженіямъ будутъ въ отношеніи ихъ снисходительнѣе, осторожнѣе и справедливѣе. Сокращеніе служебныхъ преимуществъ, присвоенныхъ обучающемуся юношеству, и возвышеніе службы по выборамъ послужило бы, какъ мною уже выше изъяснено, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ привлеченія дворянъ къ личному управленію имѣніями.

3) Уроки полевыхъ работъ и особливо количество взимаемыхъ съ крестьянъ оброковъ у разныхъ владѣльцевъ такъ разнообразны, что для уравненія оныхъ, по справедливости и мѣстнымъ обстоятельствамъ, необходимо учредить особые губернскіе комитеты [1]). Справедливыя облегченія крестьянскихъ повинностей по соображеніямъ помянутыхъ комитетовъ должны быть приведены въ дѣйствіе самими владѣльцами, подъ видомъ собственнаго снисхожденія, но непремѣнно къ опредѣленному правительствомъ сроку.

---

[1]) Эти комитеты должны быть секретные и состоять изъ начальниковъ губерній, предводителей дворянства и нѣсколькихъ благонадежныхъ владѣльцевъ.

4) Дозволить крестьянамъ пріобрѣтать, съ вѣдома и согласія владѣльца, на имя его или на собственное свое, разное имущество, за исключеніемъ пахатныхъ полей и вообще земли въ селахъ и деревняхъ При чемъ возложить на предводителей дворянства постоянное секретное наблюденіе, чтобы владѣльцы отнюдь не притѣсняли такихъ зажиточныхъ крестьянъ изъ видовъ корысти, подъ опасеніемъ взятія въ опеку имѣнія.

5) Для развитія полезной дѣятельности помѣщичьихъ крестьянъ, облегчить сколь возможно форму и порядокъ временной записки ихъ, съ разрѣшенія владѣльцевъ, въ мѣщане и купеческія гильдіи для производства разныхъ промысловъ.

6) Обратить особенное вниманіе на сокращеніе класса дворовыхъ людей переводомъ ихъ въ число землепашцевъ или оброчныхъ крестьянъ. Эта мѣра имѣла бы многія хорошія послѣдствія: а) владѣльцы избавились бы отъ тягостей обузы, которую къ разоренію своему содержатъ изъ тщеславія или прихоти, а большею частію по заведенному издавна порядку. б) Праздная дворня обратилась бы въ полезныхъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ она нынѣ, питая порочныя склонности, составляетъ одно изъ самыхъ вредныхъ сословій городскаго и сельскаго населенія: рѣдко случаются въ большихъ городахъ покражи и шалости, въ которыхъ не были бы замѣшаны дворовые люди; наконецъ, в) съ уменьшеніемъ дворни, сократятся и поводы къ неудовольствіямъ крестьянъ на владѣльцевъ; ибо если бываютъ примѣры дурнаго обращенія излишне взыскательныхъ владѣльцевъ, то это, безъ сомнѣнія, должно случаться чаще съ дворовыми служителями, безпрестанно находящимися на глазахъ у своихъ господъ.

7) Подтверждать отъ времени до времени предводителямъ дворянства циркулярными предписаніями имѣть неослабное, но секретное наблюденіе за обращеніемъ съ крестьянами владѣльцевъ, находящимися въ ихъ вѣдѣніи, и въ особенности за тѣми изъ нихъ, которые были уже замѣчены въ излишне строгихъ поступкахъ. Если кто изъ владѣльцевъ обвиняемъ будетъ въ злоупотребленіи власти своей надъ крестьянами, и это подтвердится несомнѣнными доказательствами и достовѣрнымъ, но секретнымъ дознаніемъ, произведеннымъ посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ, тогда сказанному помѣщику сдѣлать строгое внушеніе, безъ огласки вызвавъ его въ уѣздный городъ; въ случаѣ же повторенія впослѣдствіи жестокихъ поступковъ, производить формальное уже изслѣдованіе и подвергать помѣщика по мѣрѣ вины его наказанію, а имѣніе его отбирать въ опеку. Формальное изслѣдованіе о жестокихъ поступкахъ помѣщиковъ должно быть производимо безъ всякаго участія предводителей, которые, какъ лица, отвѣтственныя по подобнымъ дѣламъ, сами должны подлежать взысканію, въ той степени, въ какой при-

знано будетъ упущеніе ихъ въ возложенномъ на нихъ за помѣщиками надзорѣ.

8) Съ другой стороны полезно было бы издавать по временамъ подтвердительныя предписанія о безпрекословномъ повиновеніи крестьянъ установленнымъ властямъ и владѣльцамъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшихъ наказаній.

9) Равномѣрно подтверждать мѣстнымъ начальствамъ о строжайшемъ наблюденіи за злонамѣренными людьми, разсѣвающими ложные слухи о разныхъ мнимыхъ предположеніяхъ правительства касательно крестьянъ и умышляющими возмущать ихъ противъ владѣльцевъ.

При изложеніи нынѣшней записки, я имѣлъ намѣреніе изобразить въ легкомъ очеркѣ одни предположенія мои о направленіи народнаго образованія и главныхъ сословій въ Россіи; но, увлекаясь обиліемъ предмета и чувствованій, я невольно къ этимъ предположеніямъ присовокуплялъ мысли второстепенныя, которыя, возникая изъ нихъ сами собою, казались мнѣ необходимымъ ихъ дополненіемъ: ошибаясь, можетъ быть, въ ожиданіи отъ этихъ мыслей нѣкоторой пользы, я не могъ воздержаться отъ включенія ихъ въ записку. Но чтобы возстановить отдѣльно сущность главныхъ предположеній, я осмѣливаюсь повторить здѣсь вкратцѣ перечень предполагаемыхъ мною основныхъ мѣръ:

Во 1-хъ, ограничить дальнѣйшій разливъ въ Россіи европейскаго общенароднаго просвѣщенія.

Въ 2-хъ, ослабивъ умозрительное и многостороннее воспитаніе, дать оному направленіе спеціальное и практическое.

Въ 3-хъ, отмѣнить совмѣстное обученіе разныхъ сословій въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ.

Въ 4-хъ, удалить на будущее время не только по части просвѣщенія, но и по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія всякое вліяніе иноземнаго прогресса [1]).

Въ 5-хъ, утвердивъ направленіе сословій по назначенію, указанному имъ коренными законами, упрочить тѣмъ самымъ между ними согласіе и союзъ, основанный на чувствахъ взаимнаго уваженія и довѣрія.

Въ 6-хъ, улучшить положеніе крѣпостнаго состоянія безъ нарушенія нынѣшнихъ соотношеній владѣльцевъ и крестьянъ.

Всѣ эти предположенія имѣютъ одну цѣль: утвержденіе истинно-нравственнаго воспитанія — сего краеугольнаго камня гражданскаго общества, и упроченіе союза государственныхъ частей правительственнаго зданія.

Воспитаніе и гражданственность суть два начала, которыя, возникая одно изъ другаго, нераздѣльны между собою: утвержденныя на

---

[1]) Въ отношеніи отвлеченныхъ предметовъ.

правилахъ вѣры, преданности къ престолу и взаимномъ согласіи согражданъ, они олицетворяютъ собою величественный храмъ народной славы и могущества, храмъ, коего священною главою и крестомъ — самодержавный царь, помазанникъ Божій, и православная вѣра предковъ.

Да возвышается отъ нынѣ во вѣки вѣковъ этотъ дивный храмъ величія и благоденствія отечества нашего и да будетъ Святая Русь, въ примѣръ иноплеменнымъ народамъ — образцомъ нравственно-благочестиваго воспитанія, взаимной любви и согласія сословій и общей ихъ неколебимой преданности и вѣрности богоподобнымъ, возлюбленнымъ Царямъ нашимъ.

IV.

Вторая записка А. Каменскаго.

Всеподданнѣйшая записка, составленная мною въ началѣ 1850 года и поднесенная на всемилостивѣйшее воззрѣніе въ Бозѣ почивающаго августѣйшаго родителя вашего императорскаго величества, касалась между прочимъ вопросовъ, которые въ тогдашнюю эпоху представляли особый современный интересъ, какъ, напримѣръ: о направленіи народнаго просвѣщенія въ Россіи, о чинопроизводствѣ и т. п. Не менѣе того, вся записка, заключая рядъ послѣдовательныхъ идей и предположеній, основанныхъ на твердыхъ убѣжденіяхъ многолѣтняго опыта, и понынѣ, смѣю думать, не утратила общаго своего значенія. Я полагалъ, что благочестиво-нравственное образованіе служитъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго благосостоянія, что народное просвѣщеніе болѣе практическое и спеціальное, нежели умозрительное, что совмѣстное обученіе разныхъ сословій народныхъ ведетъ только къ вредному и несвойственному нашему русскому быту сліянію. Затѣмъ признавая взаимное уваженіе и довѣріе народныхъ сословій не менѣе надежнымъ залогомъ общественнаго блага и спокойствія, я находилъ, что для утвержденія пріязненныхъ отношеній и согласія между сословіями полезно было бы, чтобы каждое изъ нихъ вращалось исключительно въ кругу свойственныхъ ему занятій, сохраняя привязанность къ состоянію своихъ отцовъ и не помышляя о переходѣ изъ онаго. Чтобы достигнуть вѣрнѣе этой важной цѣли въ общественномъ благоустройствѣ, смѣю думать, необходимо стремясь къ возможному скрѣпленію союза сословій, отклонять все то, что могло бы нарушить ихъ соотношенія. Дарованіе одному сословію новыхъ преимуществъ и льготъ на счетъ другаго способно только поселять не-

примиримую вражду между ними. Въ этихъ видахъ сословіе владѣльческихъ крестьянъ, какъ многочисленнѣйшее въ составѣ государственномъ, заслуживаетъ ближайшаго вниманія правительства. Измѣненіемъ коренныхъ соотношеній владѣльцевъ съ ихъ крестьянами неминуемо поколебался бы священный союзъ, коимъ наиболѣе поддерживается правительственное здаиіе. Если бы, однако, ослабленіе союза признавалось необходимымъ для облегченія впослѣдствіи перехода къ эмансипаціи крѣпостнаго сословія, то не подлежитъ ли самымъ подробнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ вопросъ: нуженъ ли дѣйствительно этотъ переходъ для благоденствія государственнаго и для блага самихъ крестьянъ? и слѣдуетъ ли таковый переходъ полагать неизбѣжнымъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей? Въ мечтательныхъ теоріяхъ западныхъ софистовъ, съ давнихъ поръ, повторяются мнѣнія о возрастахъ государствъ, о неизбѣжныхъ эпохахъ ихъ возвышенія и паденія, и затѣмъ политическіе перевороты и общія измѣненія въ гражданственномъ бытѣ объясняются естественнымъ ходомъ событій и духомъ времени. Въ мірѣ дѣйствительности оказывается нерѣдко противное: мало ли въ исторіи примѣровъ изнеможенія юныхъ и процвѣтанія древнихъ монархій, не являетъ ли это рѣзкихъ доказательствъ, что ходъ естественныхъ событій и такъ именуемый духъ времени—въ рукахъ правительства. Приведу современный примѣръ Франціи 1848 года. Казалось, всѣ связи общественнаго ея зданія расторгались, всѣ основы гражданственной жизни подвергались общему потрясенію; она по мнимой дряхлости политическаго своего состава, по вымышленному духу времени, быстро клонилась къ конечному разрушенію; но изъ хаоса народныхъ омутъ неожиданно возникло монархическое начало, которое силою непоколебимой воли и дальновидностію обдуманной системы, укротивъ изступленіе народныхъ страстей, остановило естественный потокъ событій, и изнемогающая повидимому отъ старости держава воспрянула со всею бодростію юной жизни. Послѣ того, есть ли поводъ къ сомнѣнію, что таинственный духъ времени слѣпо покорствуетъ могущественной волѣ правительства. И нынѣшнее возстановленіе Франціи могло бы почесться надежнымъ, если бы подъ пепломъ прежнихъ волненій не таились еще раскаленные угли пожара, подготовленнаго политическими партіями, лжеученіями прошедшаго столѣтія и нынѣшнимъ общенароднымъ умозрительнымъ образованіемъ [1]).

---

[1]) Изъ судебныхъ производствъ о тайныхъ политическихъ обществахъ, безпрерывно открываемыхъ во Франціи, видно, что большая часть злоумышленниковъ принадлежитъ къ низшимъ слоямъ населенія, или, такъ сказать, къ классу разночинцевъ, получившихъ умозрительное образованіе свыше состоя-

Не находя достаточныхъ убѣжденій въ необходимости и неизбѣжности перехода въ Россіи крѣпостнаго сословія къ эмансипаціи, обращаюсь къ непреложной истинѣ, что сохраняющаяся еще доселѣ у насъ система внутренняго благоустройства имѣетъ важныя преимущества предъ организаціей иностранныхъ государствъ, не взирая на пресловутый ихъ прогрессъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія считаю сознаніе двухъ современныхъ и благомыслящихъ писателей Франціи. Одинъ изъ нихъ—ученый наблюдатель Ле-Плай, въ замѣчательномъ, въ самомъ недавнемъ времени, изданномъ сочиненіи о рабочемъ классѣ въ Европѣ [1]), изобразивъ съ достовѣрностію, по собраннымъ имъ на мѣстѣ даннымъ, типы сего класса въ разныхъ европейскихъ странахъ, въ томъ числѣ Россіи, съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается о патріархальности и благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ въ нашемъ отечествѣ. Мнѣ было весьма отрадно видѣть, что безпристрастный писатель Запада, отвергнувъ, наконецъ, вѣковыя предубѣжденія своихъ единоземцевъ и взглянувъ вѣрно на бытъ крѣпостныхъ людей въ Россіи, повторилъ многое изъ выраженнаго мною, за шесть лѣтъ предъ симъ, въ подносимой нынѣ всеподданнѣйшей запискѣ. Ле-Плай въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ вовсе не видитъ тягостнаго рабства, которое доселѣ такъ утвердительно приписывалось имъ всѣми вообще заграничными писателями и публицистами. Напротивъ того, Ле-Плай, находитъ, что эти крестьяне имѣютъ всѣ способы и возможность пользоваться благосостояніемъ и пользуются имъ дѣйствительно; что они обезпечены въ существованіи своемъ, и надежное ручательство въ этой увѣренности заключается въ покровительствѣ и пособіи помѣщиковъ (patronage), оказываемыхъ крестьянамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и при общенародныхъ бѣдствіяхъ, а также въ высшемъ наблюденіи правительства за выполненіемъ помѣщиками ихъ обязанностей въ отношеніи имъ подвластныхъ. Воздавая справедливость патріархальности семейнаго союза у крестьянъ, единодушія ихъ въ артельной общинѣ, мірской ихъ расправѣ и круговой помощи въ спѣшныхъ полевыхъ работахъ, Ле-Плай признаетъ разныя преимущества въ общественной организаціи Россіи и подаетъ соотечественникамъ своимъ совѣтъ позаимствовать у насъ

нія. Напримѣръ: изъ дѣла, производившагося въ Страсбургскомъ уголовномъ судѣ, въ мартѣ сего года, обнаружилось, что шайка возмутителей состояла изъ портныхъ, сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые были судимы за сочиненіе и распространеніе прокламаціи противъ правительства. Печальныя послѣдствія обученія разночинцевъ умозрительнымъ наукамъ въ высшихъ училищахъ, вмѣсто изученія ихъ мастерствамъ въ ремесленныхъ школахъ!

[1]) Les ouvriers européens par M. F. Le-Ploy, 1855. Un volume in folio sorti des presses de l'imprimerie Impériale.

многое, для отвращенія на будущее время такъ часто повторяющихся во Франціи политическихъ замѣшательствъ и переворотовъ.

По новости взгляда и правильности непривычныхъ сужденій, Ле-Плай обратилъ на себя особенное вниманіе Европы и подвергся порицаніямъ ея демагоговъ; но знаменитый экономистъ нынѣшняго времени Мишель Шевалье, при разборѣ сочиненія Ле-Плая, несмотря на приверженность свою къ либеральнымъ идеямъ, не могъ не согласиться съ нимъ во многомъ и въ особенности въ томъ, что крѣпостное сословіе въ Россіи обладаетъ замѣчательнымъ ручательствомъ въ благосостояніи и самомъ довольствѣ жизни, каковымъ не пользуется рабочій классъ въ западныхъ краяхъ, гдѣ, благодаря просвѣщенію, преобладаетъ система безпомощной индивидуальности. Убѣждаясь изъ монографій Ле-Плая, что русскій крестьянинъ огражденъ отъ нищеты и недостатка, постигающихъ такъ часто цѣлыя области свободныхъ странъ Европы, что увѣренность въ его благосостояніи дѣйствительно происходитъ отъ покровительства и помощи владѣльца, по внушенію собственныхъ его чувствъ и по наблюденію правительства, Шевалье, со своей стороны, приписываетъ Россіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ отношеніи мірской расправы и дружелюбія въ артельныхъ общинахъ, неоспоримое превосходство предъ образованною Франціею. Затѣмъ Шевалье не можетъ скрыть сожалѣнія, что хотя формы общественнаго благоустройства Россіи представляютъ много поучительнаго и достойнаго подражанія для западныхъ государствъ, но условія просвѣщеннаго быта сихъ послѣднихъ такъ далеко уклонились отъ общаго порядка вещей, что почти нѣтъ возможности къ позаимствованію ими полезныхъ указаній. Въ заключеніе, онъ между прочимъ присовокупляетъ, что возстановленіе въ общественной жизни Франціи, въ защиту слабому и въ помощь неимущему, могущественныхъ рычаговъ помѣщичьей власти (patronage), общественной іерархіи и общиннаго или артельнаго сожитія (association) было бы почтено явнымъ посягательствомъ противъ такъ именуемыхъ имъ «великихъ» началъ зловѣщаго 1789 года.

Увлекаясь приведеніемъ съ излишнею, можетъ быть, подробностію добросовѣстныхъ мнѣній двухъ глубокомысленныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, безпристрастно признающихъ во многомъ преимущества общественнаго ея благоустройства, я имѣлъ въ виду, что эти отзывы иноземцевъ могутъ послужить лучшимъ убѣжденіемъ къ охраненію у насъ порядка, уже существующаго и временемъ освященнаго. Смѣю къ сему присовокупить, что условія нравственной жизни Россіи должны быть завѣтными сокровищами, свято сохраняемыми для общаго государственнаго блага. Эти преимущества, коими обладаетъ доселѣ возлюбленное наше отечество, давно растрачены на Западѣ въ неистовствѣ народнаго упоенія и никакою цѣною не могутъ быть выкуплены, въ особен-

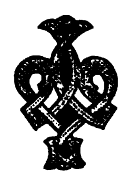
ности во Франціи; писатели ея сами съ невольнымъ чувствомъ горести отзываются, что условія русскаго быта не совмѣстны съ анархическими началами.

Послѣ сего торжественнаго сознанія иноземныхъ мыслителей, которые такъ рѣдко воздаютъ Россіи должное, и которые при всемъ томъ постоянно пользуются особеннымъ довѣріемъ русскихъ, можетъ ли оставаться еще какое-либо сомнѣніе въ благотворности отечественныхъ нашихъ установленій? Слѣдуетъ ли продолжать попытки къ потрясенію оныхъ и ко введенію несвойственныхъ Россіи чужестранныхъ формъ и условій? Есть ли основаніе полагать, что при замѣнѣ владѣльцевъ, пекущихся о кровной родовой собственности, казенными и временными управляющими возвысится благосостояніе крестьянъ? Гдѣ обрѣсти правительству постоянно усердныхъ и благонадежныхъ людей для повсемѣстнаго управленія имѣніями при ихъ многочисленности? Оправдались ли опыты предпринятыхъ въ послѣднее время мѣръ въ видахъ переходнаго состоянія владѣльческихъ крестьянъ? Послѣ изданія указа о выкупѣ крестьянами заложенныхъ имѣній и вслѣдствіе предположеній о вводѣ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ инвентарей, надлежало прибѣгать къ пояснительнымъ и успокоительнымъ циркулярамъ. Эти поясненія къ прекращенію толковъ народныхъ не свидѣтельствуютъ ли о недостиженіи предположенной цѣли и о вредѣ полумѣръ. Толки распространяются съ необыкновенною быстротою и постепенно преувеличиваютъ нелѣпые слухи; за толками почти всегда слѣдуютъ волненія и безпокойство.

Въ подносимой нынѣ всеподданнѣйшей запискѣ моей 1850 года, въ статьѣ о владѣльческихъ крестьянахъ въ Россіи изображено истинное ихъ положеніе и тѣ средства, которыя могли бы еще съ пользою послужить къ возвышенію нынѣшняго ихъ благосостоянія.

Въ заключеніе сего слабаго очерка вѣрноподданническихъ искреннихъ моихъ убѣжденій, да будетъ всемилостивѣйше дозволено мнѣ всеподданнѣйше присовокупить, что блаженныя памяти августѣйшіе дѣдъ и родитель вашего императорскаго величества, въ попечительной заботливости о благоденствіи и спокойствіи государственномъ, соизволили въ началѣ ихъ царствованій издать манифесты о высочайшемъ утвержденіи прежнихъ соотношеній двухъ главнѣйшихъ въ государствѣ сословій, дворянства и крестьянъ, и о внушеніи послѣднимъ безпрекословнаго повиновенія законнымъ ихъ владѣльцамъ. Эти высочайшія постановленія, свойственныя священнымъ началамъ самодержавія и народному быту Россіи, болѣе полувѣка продолжаютъ поддерживать величіе и спокойствіе возлюбленнаго нашего отечества. Если въ это время и происходили иногда частные случаи волненій въ крѣпостномъ сословіи, то они

возникали не столько отъ злоупотребленія помѣщичьей власти, сколько отъ распространенія въ народѣ злонамѣренными людьми слуховъ о мнимыхъ предположеніяхъ правительства касательно коренныхъ соотношеній крестьянъ съ ихъ владѣльцами и отъ изданія по временамъ постановленій, кои иногда сами служили нѣкоторымъ поводомъ къ различнымъ толкованіямъ.



Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.[1]

(Очеркъ жизни и дѣятельности).

Не будемъ останавливаться на первыхъ опытахъ, съ которыми Яковлевъ выступилъ въ печати, еще будучи слушателемъ Московскаго университета: они не представляютъ ничего выдающагося и характернаго. Важнѣе обратить вниманіе на литературную дѣятельность Яковлева, когда онъ, переѣхавъ въ Петербургъ, сталъ (вмѣстѣ съ своимъ братомъ) усерднымъ сотрудникомъ «Благонамѣреннаго» и однимъ изъ близкихъ людей къ редакціи этого журнала. Въ журналѣ этомъ, какъ мы уже замѣтили, онъ помѣстилъ не одинъ десятокъ статей[2]). Но должно замѣтить, что не смотря на довольно обильную плодовитость Яковлева, сотрудничество его, какъ человѣка, не обладавшаго выдающимися познаніями и значительнымъ литературнымъ талантомъ, не могло придать какого-нибудь особеннаго оттѣнка журналу, тона и т. п. Для «Благонамѣреннаго» онъ былъ то, что̀ теперь у насъ называется «полезнымъ сотрудникомъ»: онъ могъ и перевести какую-нибудь болѣе интересную статью или отрывокъ, и дать недурной отзывъ о новой книгѣ, написать рецензію на спектакль, метнуть иной разъ пародіей, подобрать для выходящей книжки журнала нѣсколько анекдотовъ, составлявшихъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ «картинками нравовъ», необходимый отдѣлъ даже и ученыхъ нашихъ журналовъ того времени. Кромѣ того, Яковлевъ могъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1903 г., май.

[2]) Кстати отмѣтимъ, что П. Л. Яковлевъ подъ своими журнальными статьями рѣдко выставлялъ свою фамилію. Большинство статей онъ печаталъ анонимно, или подписывался слѣдующими инціалами и псевдонимами: Я. П. Л., ій, оы, j, Илья Остоженскій, Лужницкій старецъ.

*

поддерживать и поддерживалъ направленіе журнала, если, конечно, можно говорить о какомъ-либо строго опредѣленномъ направленіи «Благонамѣреннаго». Въ особомъ трудѣ, посвященномъ А. Е. Измайлову, мы имѣли случай говорить объ отличительныхъ качествахъ этого баснописца, какъ литературнаго дѣятеля, его убѣжденіяхъ и вкусахъ. Довольно тонкая наблюдательность, склонность къ сатирѣ и умѣнье выражаться хорошимъ языкомъ—вотъ характерныя черты его, какъ писателя; борьба съ уродливостями сентиментализма, дурно понятымъ, романтизмомъ, плохими переводами и извращеніями русскаго языка—вотъ главныя черты въ дѣятельности его, какъ редактора «Благонамѣреннаго». Всѣ эти особенности присущи и дѣятельности Яковлева, который не только въ большинствѣ случаевъ раздѣлялъ литературныя убѣжденія своего дяди, но даже иногда выступалъ въ печати въ качествѣ защитника «теньерства» Измайлова [1]). Но была и нѣкоторая разница между Измайловымъ и его племянникомъ: у Яковлева было больше юмора, и онъ вкладывалъ больше страстности въ борьбу съ ненавистнымъ ему сентиментализмомъ [2]) и романтическимъ направленіемъ въ нашей литературѣ. Правда, ограниченность таланта не дала ему возможности подняться до значительной высоты сатирика-юмориста; слишкомъ же мелкіе факты изъ нашей общественной (въ частности литературной) жизни, служившіе обыкновенно темами для Яковлева, и ихъ злободневность въ буквальномъ смыслѣ этого слова были болѣе или менѣе понятны лишь для современниковъ; для насъ же, въ настоящее время, статьи Яковлева не могутъ уже представлять живого интереса, и читать ихъ теперь пожалуй и утомительно. Если позволительно говорить о фельетонахъ въ нашей литературѣ 1820-хъ годовъ, то мы назвали бы статьи Яковлева, печатавшіяся въ «Благонамѣренномъ», именно фельетонами. Фельетонистъ-сатирикъ и при томъ одинъ изъ первыхъ русскихъ фельетонистовъ, вотъ, на нашъ взглядъ, болѣе вѣрное опредѣленіе литературной физіономіи П. Л. Яковлева. Но если и въ наши дни самаго широкаго распространенія фельетона, фельетонъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ лишь интересъ минуты и его не можетъ спасти отъ скораго забвенія ни пикантность темы, ни несомнѣнная талантливость автора, то какой же, въ самомъ дѣлѣ, могутъ представить интересъ для читателя XX вѣка фельетоны 1820-хъ годовъ, да еще въ неумѣлой, такъ сказать, зачаточной формѣ! Но, какъ на произведеніяхъ, довольно-таки ярко отра-

---

[1]) См. напр. послѣднія страницы его „Чувствительнаго путешествія по Невскому проспекту". М. 1828, стр. 84—86.

[2]) Самъ Измайловъ никогда не выступалъ противъ сентиментализма съ рѣзкими обличеніями.

жавшихъ на себѣ эпоху, на нихъ долженъ остановить свое вниманіе историкъ литературы, историкъ общества и его быта. Пробѣгая статьи Яковлева, читатель сталкивается съ цѣлой галлереей любопытныхъ типовъ нашего столичнаго и провинціальнаго общества первой четверти прошлаго вѣка. Вотъ напр. помѣщикъ Пустяковъ, по зимамъ живущій со всей своей семьей въ Москвѣ и проживающій послѣднія крохи своего заложеннаго имѣнія. Правда, за завтракомъ у Пустяковыхъ на грязно сервированный столъ подается сушеный заяцъ да рубцы, Сенъ-Жульенское вино московской работы и шампанское ростовской фабрики, но хозяева считаютъ своимъ долгомъ жить «по-столичному»: они—ежедневные посѣтители Кузнецкаго моста, театровъ, бѣговъ, катаются въ разваливающейся каретѣ по Тверскому бульвару, у нихъ каждый день гости, каждый день карточная игра; старшая дочь просватана и, конечно, за офицера, который «кромѣ усовъ и долговъ ничего болѣе не имѣлъ», младшая дочь Дарьюшка, еще въ пансіонѣ m-me Гавотъ. Вотъ, между прочимъ, какъ описываетъ авторъ этотъ пансіонъ, подобныхъ которому въ Москвѣ, конечно, былъ не одинъ десятокъ:

«Я удивился огромному зданію, въ которомъ француженка просвѣщаетъ русскихъ дѣвицъ. Какое великолѣпіе, какая богатая мебель! Я подумалъ, что вмѣсто пансіона, насъ привезли къ какому-нибудь вельможѣ,—но это былъ точно пансіонъ мадамъ Гавотъ. Съ гордымъ, торжественнымъ лицомъ вступаетъ моя провинціалка въ танцовальный залъ. Мадамъ встрѣчаетъ ее, сажаетъ, начинаетъ громкую похвалу Дашинькѣ. Дашинька, только-что кончивъ мазурку, запыхавшись, прибѣгаетъ къ маменькѣ... Заиграли французскую кадриль, и Дашинька побѣжала къ своей парѣ. Танцмейстеръ хлопочетъ, бѣгаетъ, кричитъ, бьетъ въ ладоши. Все прыгаетъ и вертится. Мадамъ расхаживаетъ кругомъ танцующихъ, подходитъ къ родителямъ, хвалитъ успѣхи дочекъ. Вдругъ музыка перестаетъ, танцующіе столпились около моей провинціалки въ кружокъ. Иду узнать причину такой внезапной перемѣны и наконецъ узнаю, что моя Матрена Савишна страшно обижена... Танцмейстеръ взялъ за руку Дашиньку и закричалъ на нее, что она дѣлаетъ не тѣ па. Матрена Савишна не вытерпѣла, вскочила съ креселъ и прямо къ танцмейстеру. Громкимъ пронзительнымъ голосомъ начинаетъ ему выговаривать за его дерзость, потомъ обращается къ мадамъ, требуетъ, чтобы она отказала танцмейстеру. Мадамъ извиняется и извиняетъ танцмейстера, и раздраженная Матрена Савишна кончаетъ исторію тѣмъ, что беретъ изъ пансіона свою Дашиньку и, бросая кругомъ себя убійственные взоры, оставляетъ залъ» [1]).

Итакъ, изъ рукъ вонъ плохи были московскіе пансіоны въ родѣ

---

[1]) „Записки Москвича". М. 1828, стр. 9—11.

пансіона m-me Гавотъ, но не выдерживали критики и болѣе серьезныя учебныя заведенія въ родѣ училищъ Энциклопедина, гдѣ 12-лѣтнихъ учениковъ заставляли писать сочиненія, напр., на подобныя темы: «Преимущество общественнаго воспитанія», «Что возбуждаетъ въ насъ любовь къ отечеству», «Письмо къ другу объ удовольствіяхъ уединенія». Нашего писателя возмущали такія темы: «не принуждайте»—говоритъ онъ—«ребенка писать о воспитаніи, законахъ, образованіи обществъ. Вкорените въ него правила чести, любовь къ ближнему, родинѣ, правдѣ примѣрами, чтеніемъ, разговорами. Придетъ время, умъ его созрѣетъ, добрыя сѣмена, посѣянныя вами, развернутся, и прекрасный плодъ добраго воспитанія порадуетъ отечество. Но у насъ господа учители торопятся учить, юноши торопятся учиться, и оттого такъ много вѣчно юныхъ старичковъ, старыхъ повѣсъ, старожилыхъ невѣждъ» [1]). Словомъ, плохо было поставлено дѣло воспитанія въ школахъ и пансіонахъ, но еще хуже было воспитаніе домашнее, преобладающимъ, если не исключительнымъ, предметомъ котораго былъ французскій языкъ, пока наше общество не освободилось отъ обуявшей его галломаніи [2]). Не умѣя воспитывать дѣтей и стараясь уйти отъ заботъ объ ихъ воспитаніи, родители, а за ними и подраставшія дѣти, наполняли день свой, всю свою жизнь заботами и волненіями ненужными для человѣка съ здравымъ умомъ. Авторъ довольно зло подсмѣивается надъ москвичами, томившимися отъ скуки и придумывавшими себѣ цѣлый рядъ развлеченій. Тверской бульваръ, Кузнецкій мостъ, минеральныя воды, знаменитый англійскій клубъ [3]), вотъ уголки, куда гнала ихъ скука и требованія моды. Стремленіе за развлеченіями «по модѣ» шло рука объ руку съ мотовствомъ, съ прожиганіемъ жизни не по средствамъ, которымъ были заражены всѣ слои нашего общества [4]), съ подъискиваньемъ средствъ къ роскошной жизни, средствъ не всегда безгрѣшныхъ. Собравъ столько непривлекательныхъ сторонъ въ жизни московскаго общества, авторъ еще болѣе нашелъ таковыхъ и въ болѣе культурной столицѣ—Петербургѣ, гдѣ вниманіе его привлекала главнымъ образомъ среда литературныхъ дѣятелей. Здѣсь поражали его три особенныхъ свойства лицъ, собиравшихся просвѣщать толпу (и по-своему просвѣщавшихъ ее), свойства, не совмѣстимыя съ званіемъ литератора: невѣжество, дерзость и крайнее честолюбіе авторовъ и вообще людей, такъ или иначе причастныхъ къ литературѣ.

«Читая книжки прославляемаго журнала»,—говоритъ авторъ въ

---

[1]) „Записки Москвича", кн. III, М. 1830, стр. 117—118.
[2]) Тамъ же ч. I, М. 1828, стр. 69.
[3]) „Записки Москвича", ч. III, М. 1830, стр. 66; 75—86; ч. I, стр. 1—17.
[4]) Тамъ же ч. III, стр. 27, 47.

одной своей статьѣ—«я судилъ издали, что журналистъ, который такъ рѣшительно обо всемъ судитъ, который съ равнымъ успѣхомъ занимается исторіей и модами, статистикой и театромъ, политикой и сказками, я судилъ, что этотъ человѣкъ—Еразмъ роттердамскій нашего времени, или еще выше его потому, что тотъ не зналъ русскаго языка, а нашъ Еразмъ говоритъ на всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ... судя по книжкамъ его журнала. Случай познакомилъ меня съ Еразмомъ нашего времени, я узналъ его вблизи... и какая разница вблизи и издали! Остроты его, ученость его также заимствованы, какъ прелести старой кокетки, съ тою разницею, что кокетка покупаетъ свои прелести въ косметическомъ магазинѣ, а нашъ Еразмъ занимаетъ свои понятія въ кругу пріятельскомъ и въ книжныхъ лавкахъ. Издали я воображалъ, что всего пріятнѣе и полезнѣе разговоръ съ нашимъ Еразмомъ, вблизи я узналъ совсѣмъ противное. Заговорите съ нимъ объ исторіи: онъ вмѣсто отвѣта покажетъ вамъ свои историческія книги, покажетъ письма отъ ученыхъ, занимавшихся исторіею, и прекратитъ разговоръ анекдотомъ о Шлецерѣ. Заговорите съ нимъ о литературѣ... Онъ начнетъ разсказывать о своихъ связяхъ съ литераторами и опять разскажетъ вамъ какой-нибудь забавный анекдотъ о своемъ пріятелѣ-поэтѣ. Загляните, наконецъ, въ его тетради, еще не пересмотрѣнныя его друзьями, и какъ нескладны покажутся вамъ вблизи тѣ остроумныя статейки, которыя такъ хороши въ листкахъ его журнала!» [1]).

«Наши журналисты»,—говорится въ другой статьѣ—«о всемъ говорятъ свысока, во всемъ находятъ центральное влеченіе, воздушное давленіе, эффектъ, отвлеченныя идеи, и у которыхъ наборъ словъ (мистическихъ и философскихъ) производитъ надъ ихъ сочиненіями нѣкій паръ, сквозь который ничего не видно» [2]). Такихъ журналистовъ было много, и страсть къ сочинительству и издательству была какъ бы маніей, которой страдали еще на школьной скамьѣ [3]).

Невѣжественные критики въ особенности возмущали Яковлева. «Этотъ родъ людей (т. е. тѣхъ бойкихъ критиковъ, которымъ досадно, что есть люди знающіе болѣе ихъ, т. е. россійской грамматики),—говоритъ Яковлевъ [4]), — размножился невѣроятно. Цѣлыя шайки ихъ прокрались въ литературныя общества. Всѣ журналы наполнены ихъ переводами о древностяхъ, о старинѣ, разсужденіями о языкѣ, о стихахъ, ругательствами на почтенныхъ авторовъ... Позоръ обществу!» И позоръ тѣмъ болѣе, что иные критики дѣлали изъ своей спеціальности

---

[1]) Тамъ же ч. I, стр. 133—135.

[2]) Тамъ же ч. III, стр. 35.

[3]) См. его „Чувствит. путешествіе по Невскому проспекту". М. 1828, стр. 80 и 84.

[4]) „Чувствит. путеш. по Невск. проспекту". М. 1828, стр. 85—86.

средство наживы, сочиняя по просьбѣ книжныхъ торговцевъ хвалебные и кудрявые отзывы о продающихся у нихъ книгахъ и помѣщая эти «рецензіи» въ газетахъ и книжныхъ каталогахъ [1]).

Кстати, о книгопродавцахъ и о книжной торговлѣ въ нашихъ столицахъ. По этому вопросу Яковлевъ оставилъ намъ любопытныя свѣдѣнія и разсужденія, часть которыхъ, въ виду ихъ интереса и для современнаго читателя, позволимъ себѣ тутъ же привести. «Смиренно признаюсь,—говоритъ онъ въ статьѣ «Газетный крикунъ»,—у насъ нѣтъ книжной торговли, и сами книгопродавцы наши смотрятъ на книги, какъ на вздорный фокусъ-покусъ, который едва выручаетъ издержки на содержаніе лавочки. У насъ купецъ или мѣщанинъ торгуетъ книжками потому только, что ему случилось какъ-то собрать этотъ негодный товаръ, которому онъ самъ не радъ, и многіе изъ нихъ готовы промѣнять его на лавочку съ дегтемъ и саломъ, потому что они очень понимаютъ всю важность и пользу дегтя и сала, знаютъ, что сало всѣмъ нужно, что саломъ производятъ торгъ за границею и по всѣмъ ярмаркамъ очень выгодно съ большой прибылью.

«Нѣтъ у насъ книжной торговли, нельзя же требовать, чтобъ были и книгопродавцы, понимающіе свое дѣло. Виноватъ! Я не говорю о всѣхъ вообще... Сохрани Боже! У насъ есть... въ Петербургѣ... въ Москвѣ... молчу изъ уваженія къ ихъ скромности. О! это истинные столпы просвѣщенія! Между тѣмъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ успѣховъ русской книжной торговли, скажемъ тихомолкомъ: наши книгопродавцы правы, скучая своимъ товаромъ. Бѣдные! утѣшительно ли смотрѣть на громаду книгъ и продавать изъ нихъ едва, едва тысячную часть въ годъ? Сами посудите! И со всѣмъ тѣмъ, ихъ нельзя упрекнуть совершеннымъ равнодушіемъ къ своему тлѣющему капиталу. Нѣтъ! они съ довольнымъ видомъ говорятъ, что по каталогу у нихъ капиталъ очень хорошій (у иного тысячъ на сто, на двѣсти!) Изъ чего бы ни состоялъ капиталъ, все капиталъ! И всѣ капиталы хороши кромѣ невещественнаго, потому что... онъ не осязаемъ, а наслажденіе видѣть у ногъ своихъ всѣхъ представителей русской словесности?! (Жалкая словесность! бѣдные представители!) Развѣ не вознагражденъ скучающій купецъ, смотря, какъ эти грозные журналисты, гремящіе по всѣмъ предѣламъ Россіи, эти страшные полемики, смиренно, скромно, шопотомъ просятъ его.... о деньгахъ? Этого мало: наши книжные торговцы—истинные цѣнители дарованій. Они платятъ сочинителямъ за ихъ умъ, они назначаютъ цѣну уму; наши книжные продавцы образуютъ вкусъ, пріохочиваютъ къ чтенію, однимъ словомъ, просвѣщаютъ отдаленныя провинціи. Да не думайте, чтобъ въ нашей пространной имперіи стали справляться съ вашими

---

[1]) См. его статью „Газетный крикунъ" (въ „Запискахъ Москвича", ч. III, М. 1830, стр. 35—47).

критиками, антикритиками и перекритиками, господа журналисты! Нѣтъ! Вы сами знаете, что журналы у насъ расходятся менѣе, чѣмъ мало, за журналъ надо платить деньги; самый дешевый стоитъ 25 рублей. Шутка ли это? У насъ вдали, въ сердцѣ Россіи, за эту цѣну можно купить шесть четвертей муки! Намъ, дворянамъ, не нужны журналы. Мы ищемъ полезнаго, прочнаго, достойнаго стоять на-ряду съ Всемірнымъ Путешествователемъ и Исторіей Роллена. Мы не съ вашими журналами справимся, когда во время болѣзни захотимъ почитать книжку... Есть каталоги господъ книгопродавцевъ, каталоги раздаются даромъ, въ нихъ ясно напечатана цѣна книгамъ и, кромѣ того, всякая хорошая книга похвалена. Вотъ торжество книгопродавцевъ! Вотъ медъ, подслащающій ихъ горькую участь!»

«Только одни иногородніе насъ и поддерживаютъ мало-мальски,—говорилъ одинъ книгопродавецъ нашему писателю,—безъ нихъ хоть запри и лавочку! Прочтутъ объявленіе въ газетахъ, прочтутъ рекомендацію въ каталогѣ и, если кудревато написано, выписываютъ понемногу» [1]).

Не менѣе любопытныя замѣчанія по тому же вопросу находимъ и въ другой статьѣ Яковлева: «Отчего—спрашиваетъ авторъ,—книжная торговля не распространяется у насъ болѣе и болѣе? Напримѣръ, почему у насъ нѣтъ такого расхода на книги, какъ въ Германіи и Франціи? Не потому ли, что мы выписываемъ оттуда книги, а они не выписываютъ нашихъ?... Такъ, но и оттого, что и у насъ, въ самой Россіи еще не тысячи любителей чтенія. Говорятъ, будто въ провинціяхъ только дочитываютъ книжки Новиковой типографіи, а въ столицахъ, я самъ знаю, на книги расходъ не великъ. Богатые и обязавшіеся имѣть библіотеки—ихъ не много,—а гг. сочинители, журналисты, переводчики не разоряются на покупку книгъ. Бѣдные, бѣдные книгопродавцы!.. Но будетъ время—какъ патріотъ желаю, чтобъ оно скорѣе пришло—будетъ время, и у насъ книжная торговля распространится, книгопродавцы и сочинители разбогатѣютъ; народы Азіи, смежные съ пространной Россійской имперіей, узнавъ всѣ выгоды связи съ Россіею, почувствовавъ необходимость знанія русскаго языка, мало-по-малу начнутъ учиться ему. Вкусъ къ чтенію русскихъ книгъ усилится между ними, и полные короба русскихъ книгъ полетятъ въ Хиву, въ Киргизскую степь, въ Бухарію, Авганистанъ, оттуда далѣе, далѣе. Сверхъ того у насъ откроется новый классъ людей: учители, подобные французскимъ учителямъ, и мадамы того же достоинства; учители и мадамы поскачутъ просвѣщать варваровъ, за ними модныя торговки, актеры... Боже мой

---

[1]) Тамъ же стр. 35—39; 45.

какое прелестное будущее! Я увѣренъ, что все это исполнится прежде, нежели наши книгопродавцы выучатся русской грамотѣ» [1]).

Итакъ, книжная торговля у насъ была въ плачевномъ состояніи по той простой причинѣ, что не было читателей, не было хорошихъ книгъ, хорошихъ авторовъ, хотя «литераторовъ» вообще и поэтовъ въ особенности было ужасающее обиліе. Прогуливаясь однажды по Невскому,— по словамъ Яковлева — онъ отъ Адмиралтейской башни до Аничкова моста только и видѣлъ «этотъ народъ» (т. е. литераторовъ). «И вездѣ авторы, и вездѣ поэты», говоритъ онъ въ той же статьѣ [2]).

Надоѣдливое обиліе писателей, особенно поэтовъ, кажется Яковлеву тяжелымъ еще и по тому, что каждый изъ нашихъ служителей музъ былъ зараженъ необычайнымъ самомнѣніемъ и каждый считалъ себя геніемъ. Но, не видя одобренія со стороны публики, такіе неудачники-геніи сплачивались въ кружки и общества, гдѣ всѣ члены, дружнымъ хоромъ отрицая какіе бы то ни было признанные таланты, столь же дружно величали другъ друга истинными столпами россійской словесности и нерѣдко даже въ печати изображали изъ себя въ лицахъ знаменитую басню «Кукушка и пѣтухъ» [3]). Высмѣивая писателей-неудачниковъ и непризнанные таланты, Яковлевъ подвергалъ рѣзкимъ насмѣшкамъ (большею частью въ формѣ пародій) и писателей уже признанныхъ, направленію въ дѣятельности которыхъ онъ не симпатизировалъ, т. е. послѣдователей сентиментализма и романтизма. Его «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту», «Несчастіе отъ слезъ и вздоховъ» (или «Ерастъ Чертополоховъ»), «Разсказы Лужницкаго Старца» и романъ «Удивительный человѣкъ»—не что иное, какъ пространныя пародіи на «чувствительныя повѣсти» и «романы съ приключеніями». Яковлевъ пародируетъ содержаніе наиболѣе извѣстныхъ сентиментальныхъ и романтическихъ произведеній и самое изложеніе пересыпаетъ наборомъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, излюбленныхъ нашими сентименталистами и романтиками. Мѣстами его пародіи очень удачны (въ смыслѣ остроумія), но въ нихъ, кажется, больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Прежде всего, онѣ слишкомъ пространны для пародіи и никогда до конца не выдержаны; кромѣ того, внося безпрестанно въ свою рѣчь особенности стиля сентиментальныхъ и романтическихъ произведеній, авторъ, въ погонѣ за пародіей, пренебрегъ чистотой и ровностью изложенія и лишилъ свои произведенія удобочитаемости. Для читателя, не заинтересованнаго борьбой литературныхъ партій и искавшаго въ разсказахъ Яковлева пріят-

---

[1]) „Чувствит. путеш. по Невск. проспекту". М. 1828, стр. 63—64.

[2]) Тамъ же стр. 80, 84.

[3]) См. его статью «Общество несчастныхъ довольныхъ собою» (въ «Запискахъ Москвича» ч. I, стр. 104—111).

наго и занимательнаго чтенія, эти пародіи были мало понятны, не смѣшны и даже утомительны. Онѣ могли интересовать лишь людей, такъ или иначе причастныхъ къ литературѣ, и людямъ одного лагеря съ Яковлевымъ онѣ нравились, но напримѣръ сторонниковъ Карамзина, такихъ лицъ, какъ кн. П. А. Вяземскій онѣ возмущали [1]). Переходя къ частностямъ, укажемъ, что «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту»—злая пародія знаменитыхъ «Писемъ русскаго путешественника»; въ «Несчастіи отъ слезъ и вздоховъ» изображена печальная судьба сентиментальнаго юноши Ераста Чертополохова; въ «Разсказахъ Лужницкаго Старца», разсказахъ блѣдно и незанимательно написанныхъ, находимъ цѣлый лексиконъ словъ, введенныхъ въ употребленіе писателями противныхъ Яковлеву лагерей [2]). Передавать содержаніе поименованныхъ произведеній Яковлева едва-ли стоитъ; скажемъ лишь, что по сюжету они менѣе занимательны, чѣмъ содержаніе статей, составляющихъ «Записки Москвича»; къ тому же выпуская ихъ въ свѣтъ, авторъ имѣлъ въ виду не столько заинтересовать читателя сюжетомъ своихъ разсказовъ, сколько показать, въ какія уродливыя (по мнѣнію Яковлева) формы отливали свои безсодержательныя произведенія наши сентименталисты и романтики. Ихъ разсказы, повѣсти и романы—наивная мозаика ненужныхъ восторговъ, сентиментальныхъ всхлипываній; ихъ герои—недалекіе и подчасъ пошлые романтики; стиль ихъ произведеній—безтолковый наборъ словъ и туманныхъ выраженій, зачастую новоизобрѣтенныхъ, которыми авторы силились изобразить понятія, страсти и отношенія, не поддающіяся опредѣленію. Всѣ эти недостатки и съ внутренней и съ внѣшней стороны въ сентиментальныхъ и романтическихъ произведеніяхъ вызывали въ Яковлевѣ лишь чувство удивленія, которое онъ и выразилъ наиболѣе рѣзко въ своемъ романѣ «Удивительный человѣкъ». Въ этомъ романѣ, изобилующемъ любопытными подробностями изъ быта современной автору помѣщичьей среды и событій Отечественной войны, насъ привлекла въ особенности одна черта, дающая намъ право назвать Яковлева талантливымъ реалистомъ-сатирикомъ. Яковлевъ, на-ряду съ язвительными насмѣшками надъ сентиментализмомъ въ литературныхъ изображеніяхъ, надъ

---

[1]) См. „Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву". М. 1867, стр. 112.

[2]) Яковлевъ вообще любилъ заниматься наблюденіемъ за вновь появляющимися новыми выраженіями и отдѣльными словами въ произведеніяхъ нашихъ писателей. Между прочимъ, въ альманахѣ „Календарь музъ" на 1826 годъ онъ помѣстилъ статью: „О новѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, изобрѣтенныхъ россійскими поэтами въ 1825 году". Въ этой статьѣ онъ собралъ слова и выраженія, „низлетѣвшія" изъ „Полярной Звѣзды" и „выжатыя" изъ „Сѣверныхъ цвѣтовъ", и сопроводилъ ихъ юмористическими примѣчаніями и объясненіями.

сентиментализмомъ, какъ формой, пріемомъ, возставалъ и противъ сентиментализма, какъ одной изъ существенныхъ чертъ въ характерѣ нѣкоторыхъ лицъ современнаго ему общества. Въ данномъ случаѣ онъ высказалъ себя дѣйствительно наблюдательнымъ писателемъ. Онъ сумѣлъ уловить одну изъ любопытныхъ разновидностей тѣхъ безконечныхъ крайностей, которыя были такъ присущи русскому обществу его времени, когда у насъ не рѣдкость было увидѣть, какъ

„.....нашъ Мирабо
Стараго Гаврило
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ и рыло".

Соединеніе вольнолюбивыхъ пареній въ пріятельской бесѣдѣ и жестокаго насилія въ дѣйствительности, сентиментальныхъ воздыханій и страсти къ кулачной расправѣ, маниловскихъ мечтаній о всеобщемъ благѣ, жажды благотворительной дѣятельности и прозябанія за лукулловскими обѣдами на счетъ разоренныхъ крестьянъ и т. п. уживались сплошь и рядомъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Яковлевъ чувствовалъ всю уродливость соединенія такихъ качествъ въ русскомъ человѣкѣ, какъ «нѣжныя чувства» и пошлый эгоизмъ и самодурство, и подалъ свой протестующій голосъ въ романѣ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь. «Удивительный человѣкъ» написанъ по шаблону романовъ съ приключеніями, съ той лишь разницею, что авторъ не посылаетъ своего героя за тридевять земель, а безпрестанно и неожиданно переноситъ дѣйстыя и похожденія его изъ одного мѣста нашего отечества въ другое: то въ Москву, то въ деревню, то опять въ Москву, то въ какой-нибудь отдаленный монастырь, наконецъ на югъ Россіи, откуда герой безслѣдно исчезаетъ. Нѣкоторые эпизоды (напр. изъ событій Отечественной войны, пребыванія героя у себя въ деревнѣ), взятые въ отдѣльности, представляютъ весьма интересныя бытовыя картинки, но пестрота и обиліе ихъ, въ которомъ порой теряется нить разсказа, слишкомъ утомляютъ читателя и кажутся совершенно излишними для хода дѣйствія. Сюжетъ романа заключается въ слѣдующемъ. Одинъ молодой человѣкъ незнатнаго происхожденія, «бѣдный разумомъ, карманомъ и просвѣщеніемъ», путемъ женитьбы на богатой купеческой дочери сразу пріобрѣлъ и богатство и уваженіе. Но, «толкаясь между людьми, примѣчая за ними, слушая ихъ разговоры, онъ рѣшилъ, что люди не стоятъ того, чтобы подражать имъ, и потому сталъ жить по-своему». Впрочемъ, это «по-своему» было довольно наивнымъ самодурствомъ: герой начиналъ свой день, когда всѣ смертные его кончали. Наскучивъ жизнью въ городѣ, онъ отправился вмѣстѣ съ женой (въ сопровожденіи 23 повозокъ) въ деревню, гдѣ и началъ вырабатывать «планъ счастливой жизни». Вотъ этотъ планъ, сообщенный имъ студенту, испол-

нявшему при «удивительномъ человѣкѣ» роль секретаря и... поэта. «Здѣсь—говорилъ нашъ герой—я полный господинъ, здѣсь все повинуется мнѣ, здѣсь никто не можетъ ни говорить, ни дѣлать противнаго мнѣ, я воображаю себя владѣтелемъ, княземъ. Здѣсь я первый! Не будучи занятъ службою, я хочу посвятить время моего здѣсь пребыванія на образованіе моихъ поселянъ: они добрые люди, но не таковы, какими бы мнѣ хотѣлось ихъ видѣть; ихъ легко можно преобразить. При томъ мнѣ хочется видѣть здѣсь всякаго рода заведенія. Я хочу, чтобы здѣсь былъ маленькій городъ: нѣсколько улицъ, училище, театръ, манежъ, площадь, монументы, казармы для всякихъ мастеровъ. Но прежде всего сельскій судъ! Какъ не пристойно мнѣ заниматься крестьянскими дѣлами, приказывать и судить ихъ здѣсь у себя, но мнѣ хочется выстроить для того особый домъ,—домъ для сельскаго суда. Я, яко помѣщикъ, беру на себя званіе главнаго судьи; ты будешь моимъ секретаремъ, прикащикъ—совѣтникомъ, староста—въ родѣ квартальнаго надзирателя; писарей можно набрать изъ актеровъ. Судъ будетъ раздѣленъ на три отдѣленія: барское, гражданское и уголовное. Въ гражданскомъ будемъ разбирать ссоры, въ уголовномъ—наказывать, въ барскомъ будутъ заниматься взиманіемъ оброка. Сверхъ того, къ гражданскому отдѣленію относится училище, театръ, садъ; къ уголовному—работы; къ барскому: жалованье дворовымъ людямъ и назначеніе праздниковъ. Теперь надобно тебѣ заняться сочиненіемъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ... Да! надобно еще пожарную команду и деревенскую полицію, безъ полиціи нѣтъ порядка... Итакъ, напиши законы для гражданскаго отдѣленія и для полиціи, ясно и вразумительно! Живописцу вели нарисовать фасадъ и планы саду, театру, манежу и ремесленному институту. Все какъ можно поскорѣе; также и штатъ людямъ, нужнымъ для суда. Жалованье я самъ назначу. Ну, другъ мой, не правда ли, что у меня чрезвычайныя мысли? Я буду здѣсь султаномъ.... Не понимаю, какъ счастливая мысль о преобразованіи моей деревни прежде не пришла мнѣ въ голову. Я жилъ въ городѣ и совсѣмъ не такъ, какъ должно жить истинному помѣщику 3.000 душъ! Теперь все пойдетъ иначе!» [1]).

Скоро въ Талантовѣ закипѣла работа: «Прежде всего сломали всѣ крестьянскіе дома, а потомъ всѣ другія принадлежащія къ нимъ строенія, а крестьяне должны были жить на бивакахъ. Это чрезвычайно понравилось удивительному человѣку. Онъ едва не забылъ о всѣхъ предназначеніяхъ, любуясь вечеромъ на безпорядочную картину въ крестьянскихъ бивакахъ; на огни, вокругъ которыхъ грѣлись старухи и полунагіе ребятишки, на то, на се, на все, что весьма обыкновенно, когда погорѣлые жители выбрались на поле, и что совсѣмъ необыкно-

---

[1]) „Удивительный человѣкъ!" ч. I, М. 1831, стр. 27—30.

венно въ селѣ, гдѣ эта картина раскинулась отъ безсонницы помѣщика. Вѣрный другъ удивительнаго человѣка, его нѣжная половина, не могла отвести глазъ отъ этой картины. Она вздыхала, стонала, охала, жала руки своего супруга и требовала, чтобъ живописецъ тотчасъ же срисовалъ бивакъ и мужиковъ съ бабами и ребятишками: ей казалось, что она никогда не видала ничего лучшаго ни въ «Русалкѣ», ни въ «Разбойникахъ»—и вдругъ отъ драмъ перешла къ историческому и въ подражаніе мадамъ Жанлисъ, заговорила о Крестовыхъ походахъ» [1]).

Желаніе супруги было исполнено. Скоро маниловскія мечты «удивительнаго» человѣка были почти всѣ осуществлены, и герой началъ уже наслаждаться жизнью по своему плану. Но начались и страданья «удивительнаго человѣка».

Смерть жены, бѣдствія непріятельскаго погрома, обрушившіяся въ 1812 году и на Талантово, и цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ «злосчастій» совершенно разбили всѣ планы удивительнаго человѣка, и онъ рѣшилъ искать счастья... за монастырской стѣной. Передавъ имѣніе сестрѣ, онъ тайно удалился въ какой-то монастырь, и слѣдъ его исчезъ; лишь много лѣтъ спустя одинъ изъ родственниковъ «удивительнаго человѣка» случайно нашелъ близъ Яссъ его патентъ на чинъ статскаго совѣтника.

Какъ видимъ, сюжетъ романа довольно простъ, и онъ едва-ли подходитъ къ современному намъ понятію о романѣ. Это скорѣе рядъ анекдотовъ изъ жизни русскаго человѣка начала прошлаго столѣтія, который много наслышался о необходимости преобразованій, о всеобщемъ благѣ, о нѣжныхъ чувствахъ, но который, на самомъ дѣлѣ, не имѣлъ ни нѣжныхъ чувствъ, ни силъ на борьбу съ жизнью, ни необходимыхъ знаній.

Преобразовательные планы такихъ людей, какъ герой романа Яковлева, приходятъ имъ въ минуты безсонницы; ихъ мысли о всеобщемъ благѣ—послѣ-обѣденныя маниловскія мечтанія, никогда не спускающіяся на землю для осуществленія, если же онѣ и осуществляются, то непремѣнно въ какой-нибудь дикой формѣ, какую только можетъ придумать фантазія «удивительнаго человѣка»; наконецъ, ихъ завѣтныя желанія рѣдко переходятъ за предѣлы обѣденнаго стола. Родившіеся подъ счастливой звѣздой, они скоро и легко пріобрѣтаютъ земныя блага, но при первомъ ударѣ судьбы, при первомъ постигшемъ ихъ несчастіи, опускаютъ руки. Неспособные на борьбу съ жизнью, они отказываются отъ нея, нерѣдко идутъ въ монастырскія обители, но не уживаются и тамъ и начинаютъ скитальческій бродячій образъ жизни, пока смерть не прекратитъ ихъ никому ненужное существованіе.

---

[1]) Тамъ же стр. 31—33.

Такихъ людей, очевидно, было у насъ много на Руси въ началѣ прошлаго столѣтія, жизнь ихъ мало интересна для наблюдателя, и нужно было имѣть сильный талантъ, чтобы заинтересовать читателя изображеніемъ такого типа. Отсюда понятно, почему романъ Яковлева, какъ писателя, не обладавшаго выдающимся литературнымъ дарованіемъ, не имѣлъ значительнаго успѣха [1]). Его не могли спасти отъ забвенія даже и яркія и красиво написанныя страницы изъ исторіи нашествія французовъ на наше отечество: многіе хорошо помнили живыя картины изъ этого нашествія; но для насъ, людей XX вѣка, эти страницы могутъ представить несомнѣнный интересъ. Замѣчаніемъ о романѣ «Удивительный человѣкъ» мы оканчиваемъ нашъ обзоръ литературной дѣятельности П. Л. Яковлева и въ заключеніе позволимъ себѣ бросить общій взглядъ на результаты этой дѣятельности.—Они не богаты въ смыслѣ количественномъ: все литературное наслѣдіе нашего писателя не превышаетъ пяти небольшихъ томиковъ, не отличается ни разнообразіемъ, ни блескомъ.

Но, пробѣгая оставленныя имъ страницы, чувствуешь, что ихъ писала рука человѣка, любившаго литературу и скорбѣвшаго о недостаткахъ лицъ, ее созидавшихъ. По мѣрѣ силъ своихъ, онъ всю жизнь старался указать эти недостатки, и жаль, что, умѣя осмѣять чужіе грѣхи, онъ не умѣлъ исправить своихъ и выступалъ на борьбу съ неправившимися ему теченіями въ нашей литературѣ ненадежно вооруженнымъ, да и къ тому же немножко запоздалымъ. Въ сущности говоря, въ ту пору, когда Яковлевъ выступилъ противъ сентиментализма, это направленіе въ нашей литературѣ уже стихало. Разсчеты съ нимъ мы начали сводить еще въ первомъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, и въ 1811 году «Вѣстникъ Европы» считалъ «сентиментальную заразу» уже прекратившейся [2]); Яковлеву, слѣдовательно, выпало на долю вести борьбу лишь съ наиболѣе ярыми и закоснѣлыми сентименталистами.—Что же касается его нападокъ на романтиковъ, то должно замѣтить, что какъ Яковлевъ, такъ и вообще кругъ писателей, къ коему онъ принадлежалъ, плохо понимали сущность романтизма, и онъ ратоборствовалъ лишь противъ немногихъ сторонъ этого направленія: романтическаго идеализма, смутнаго стремленія куда-то безъ опредѣленныхъ цѣлей и недовольства настоящимъ и окружающимъ, происходившаго отъ незнанія этого настоящаго и недостатка энергіи на борьбу съ тѣмъ, что давала дѣйствительность. Такимъ образомъ, нѣкоторая запоздалость

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1811 г. № 1 и 1812 г., № 13.

[2]) Впрочемъ, повторяемъ, онъ не прошелъ безслѣдно въ нашей литературѣ и между прочимъ обратилъ на себя вниманіе кн. В. Ѳ. Одоевскаго, который какъ бы въ отвѣтъ на первыя главы романа Яковлева (печатавшіяся въ 1820 г. „Невск. зрителѣ“), напечаталъ въ „Вѣстн. Евр.“ въ формѣ „Писемъ къ Лужницкому“ нѣсколько статей подъ заглавіемъ. „Странный человѣкъ“ и др. (См. „Вѣстн. Евр.“ 1822 г., ч. 125 и 126).

Яковлева въ борьбѣ съ сентиментализмомъ и не совсѣмъ-то ясное пониманіе имъ романтизма значительно уменьшали значеніе его литературной дѣятельности. Но историкъ литературы долженъ занести его имя на страницы своей науки, какъ писателя, все же старавшагося подавлять чуждыя, несвойственныя намъ литературныя направленія, какъ одного изъ первыхъ нашихъ фельетонистовъ, запечатлѣвшаго въ своихъ разсказахъ и передавшаго намъ не мало любопытнаго изъ жизни нашего столичнаго и провинціальнаго общества начала прошлаго столѣтія.

Въ дополненіе своей статьи о П. Л. Яковлевѣ приводимъ наиболѣе характерныя и непоявлявшіяся еще въ печати выдержки изъ его «Хлыновскаго Наблюдателя», о которомъ мы имѣли случай упомянуть выше [1]).

Изъ отдѣла «Внутренности».

И до сего времени не перестаютъ присылать въ нашъ городъ (для исправленія поведенія) разныхъ особъ. Такъ, недавно присланъ сюда оборванный коллежскій секретарь Ширяевъ, прославившійся пьянствомъ.

Вятка всегда славилась какъ лучшій изъ ссыльныхъ городовъ. Не говоря о множествѣ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, которые были здѣсь въ продолженіе весны, сюда присланъ былъ Вандамъ; здѣсь же находился подъ присмотромъ генералъ Хитровъ, зять свѣтлѣйшаго Кутузова. Сюда же присланъ и Бантышъ-Каменскій, извѣстный въ Петербургѣ покровитель кадетскихъ корпусовъ [2]); теперь онъ переведенъ въ Тобольскъ къ брату [3]), который тамъ губернаторомъ. Здѣсь же 10 лѣтъ содержался французъ Charles Henri Chefneux de Warrimone, chevalier de la legion d'Honneur, исторію котораго описываетъ одинъ изъ редакторовъ нашего «Наблюдателя». Исторія начинается такъ: Je chante Charles Henri Chefneux de Warrimone. Ce petit diplomate de grand Napoleon, qui naiquit à Liège etc.

Здѣсь же содержался и умеръ польскій генералъ, служившій во французской республиканской арміи, Хоткевичъ. Этотъ присланъ былъ

---

[1]) Выдержекъ изъ „Саратовскаго колониста" приводить не будемъ: большая часть матеріала, находящагося въ немногихъ уцѣлѣвшихъ листахъ этой газеты, видѣла уже свѣтъ, а остальная часть мало интересна.

[2]) Владиміръ Николаевичъ—сынъ Н. Н., управляющаго Московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; служилъ въ коллегіи; прославился своимъ бездѣльничаньемъ и весьма низкими наклонностями; здѣсь выраженіе „покровитель кадетскихъ корпусовъ" нужно понимать иносказательно; умеръ В. Н.—въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ. (См. о немъ у Ф. Ф. Вигель, въ его „Воспоминаніяхъ" т. I, М. 1893, стр. 164, и въ „Русск. Архивѣ" 1899, № 4). Изъ Петербурга былъ высланъ въ Вятку въ 1822 г., и о высылкѣ его въ свое время сообщалъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому (См. „Остафьевскій Архивъ" т. II, Спб. 1899, стр. 368).

[3]) Дмитрію Николаевичу—тобольскому и затѣмъ виленскому губернатору, небезъизвѣстному автору „Словаря достопамятныхъ людей" (род. въ 1788, ум. въ 1850 г.).

сюда, на старости лѣтъ, за то, что имѣлъ языкъ, который называется «бритва». И здѣсь онъ не переставалъ рѣзать этою бритвою: за годъ до смерти онъ было убѣжалъ изъ Вятки, однако его поймали, и, когда губернаторъ сталъ ему выговаривать, онъ спокойно отвѣчалъ: «Не знаю, что вы нашли дурного въ моемъ поступкѣ: мы живемъ въ такія времена, въ которыя и короли оставляютъ свои троны, а мнѣ очень простительно оставить Вятку» [1]).

Теперь здѣсь живутъ подъ присмотромъ коллежскій совѣтникъ Ананьевскій и урядникъ казачій Дорошкевичъ, тотъ самый, который лѣчилъ въ Петербургѣ отъ всѣхъ болѣзней.

4-го іюля именинникъ здѣшній начальникъ губерніи [2])... Кто бы вы ни были, но, поживъ съ нимъ мѣсяцъ, другой, вы будете любить его, уважать и искать его общества. Скажите?! Какой кладъ для маленькаго города въ начальникѣ своемъ видѣть любезнѣйшаго человѣка?... Вотъ онъ-то именинникъ 4-го іюля. Къ нему-то собирался Наблюдатель, и отъ него-то принесли зазывную записку къ наблюдателю! «И безъ статейки я былъ бы на Филейкѣ!» сказалъ наблюдатель и сталъ собираться въ дорогу. Надобно вамъ знать, что Филейка отъ богоспасаемаго града Хлынова верстахъ въ 5-ти... Филейка—село, село богатое, на берегу рѣки Вятки, и изъ города ѣздятъ туда и сухимъ путемъ и водою... Наблюдатель тотчасъ сообразилъ, что ѣхать водою и пріятнѣе, и скорѣе и... дешевле, беретъ съ собой большой зонтъ, чтобъ защититься отъ солнца (здѣшнія лодки безъ зонтовъ), маленькую зрительную трубочку (чтобъ приблизить дальніе предметы), Анакреонтическія пѣсни Державина (чтобъ почитать дорогой въ лодкѣ), «Благонамѣреннаго» № 8, только-что полученный (чтобъ побесѣдовать съ дядюшкой) [3]).,. болѣе, кажется, ничего съ собою онъ не взялъ... и отправился на Филейку.

Зонтикъ-благодѣтель распространилъ вокругъ наблюдателя легкую тѣнь, а «Благонамѣренный» развеселилъ его и сократилъ путь. Жалѣлъ наблюдатель, что онъ не имѣетъ дара, свыше ниспосланнаго на его дядюшку

Всѣхъ именинниковъ дарить
Готовыми стихами...

И ему очень бы хотѣлось за шампанскимъ прочесть куплеты или поздравительную епистолу... но что дѣлать, когда стихи на умъ нейдутъ? А

---

[1]) Гр. Александръ Хоткевичъ (род. въ 1776, ум. въ 1838 г.); онъ былъ между прочимъ драматургъ и ученый: Любопытныя свѣдѣнія объ этой оригинальной личности см. въ перепискѣ А. И. Тургенева съ кн. В. А. Вяземскимъ („Остафьевскій архивъ" т. I и II. Спб. 1899 г.).

[2]) Андрей Ивановичъ Рыхлевскій; вятскимъ губернаторомъ былъ съ 1826 по 1830 г.).

[3]) Т. е. съ А. Е. Измайловымъ.

Безъ крыльевъ на Парнасъ дерзая не спѣши:
Кто созданъ не орломъ—летая, не смѣши,

сказалъ Эзопъ нашъ, графъ Хвостовъ! Пришлось довольствоваться изустнымъ поздравленіемъ!

Менѣе нежели въ 30 минутъ наблюдатель находился на Филейкѣ... Обѣдня только-что кончилась, и именинникъ съ супругой своей... сидѣлъ за завтракомъ. Стали съѣзжаться приглашенные гости... и сѣли обѣдать. Обѣдать?—думаете вы такъ рано? Помилуйте, мы сѣли за столъ въ 3-мъ часу... я до обѣда обошелъ все село, катался на лодкѣ, купался... Ну, отобѣдали!... Извините! вы думаете, что мы обѣдали въ комнатѣ... и все шло по обыкновенію? Совсѣмъ нѣтъ! На берегу Вятки (на высокомъ крутомъ берегу), въ галлереѣ, созданной мигомъ изъ молодыхъ сосенъ, накрытъ былъ столъ! Всѣхъ гостей съ хозяевами было 15, въ томъ числѣ 5-ть дамъ, и отъ того обѣдъ былъ и веселъ и пріятенъ. Спросите дядюшку, весело ли на обѣдахъ, гдѣ только одни мужчины? «О женщины!» сказалъ князь И. М. Долгорукій, «при васъ я и крохамъ сухого хлѣба радъ [1]). А мы пресыщались всѣмъ, что есть въ Вяткѣ съѣдомаго. Все было приготовлено отлично и все приправлено любезностью женщинъ и желаніемъ нравиться мужчинъ; а извѣстно, что отъ того рождается умъ въ мужчинахъ. И они и онѣ всѣ были такъ милы, что наблюдатель развеселился, какъ будто въ гостяхъ у дядюшки.

Разумѣется, явилось и шампанское, и пробки съ соснами сразились: вы помните, что обѣдали въ галлереѣ изъ сосенъ; плафонъ былъ также сосновый натуральный. Какъ бы хотѣлось наблюдателю сидѣть въ то время подлѣ дядюшки! Ужъ, вѣрно, стихи были бы готовы! Какъ будто вижу Благонамѣреннаго, гордо окинувшаго взоромъ собраніе, надѣвающаго очки... Silence! Silence!.. Но увы! обѣдъ кончился безъ стиховъ.

Пошли на берегъ Вятки удить рыбу: мужчины въ лодкахъ, дамы на берегу. Потомъ гулянье, чай, и, наконецъ, сказавъ прости, Филейка!—всѣ отправились обратно въ городъ. Но напередъ разсыпали нѣсколько мелкихъ денегъ въ кучу ребятишекъ, которые толпились кругомъ галлереи. Скромныя дѣвицы получили подарки изъ рукъ, и отдаривали насъ вѣнками изъ васильковъ.

Ровно въ 12-ть часовъ ночи возвратился къ своимъ пенатамъ Хлыновскій наблюдатель, довольный днемъ, довольный собою. И во снѣ еще видѣлъ продолженіе 4-го іюля... О, вы! жители столичные! вы пресыщаетесь удовольствіями и забавами и отъ того не чувствуете радостей такъ живо, какъ мы, смиренные обитатели Хлынова, только изрѣдка развлекаемые веселостями!..

---

[1]) Эта строчка взята изъ стихотворенія кн. И. М. Долгорукаго: „Я". (См. „Бытіе сердца моего" т. II, Москва 1817 г. стр. 11).

Сегодня же происходило публичное испытаніе учениковъ семинаріи. Разсказывали, что здѣшній помѣщикъ Юшковъ [1]) былъ когда-то на подобномъ экзаменѣ и, наскуча латынью, обратился къ архіерею и убѣдительно просилъ его кончить экзаменъ: Что за радость, ваше преосвященство! только и слышишь: кремертаріусъ да емельяніусъ, емельяніусъ, да кремертаріусъ»!

Въ Вяткѣ проявилась... Сирена! Но, увы! никто ее не слушаетъ... потому что она проситъ... въ задатокъ нѣсколько рублей! Угодно ли ее видѣть и слышать?—Ступайте на Московскую улицу, въ домъ мѣщанина Кипріянова.

Въ тотъ же день пришедшая почта не менѣе порадовала нѣкоторыхъ извѣстіемъ, что сотрудникъ Магницкаго Злуничъ [2]) лишенъ возможности грѣшить по строительной части и врать въ Правленіи училищъ. Слава мудрому государю!

Изъ отдѣла «Нарѣчность».

Вятская Элегія.

Поштё колотиться мнѣ? Она не язгается быть моею! Какой уросъ! Начёсъ съ рундука́ гаркнулъ я ей! Обмолызга не хотѣла и побахо̀рить со мною! Комуха пробѣжала по всѣмъ жиламъ моимъ: я затрепеталъ какъ замоленая матуха! Толы мои отъ слезъ покраснѣли: я какъ чининка на бѣломъ свѣтѣ. Уже я не верте́чой какъ по́тка! Всѣ бахо́рили, что я дѣтина охично́й, важной, безъ меня не ѣзжали, къ пиву; гдѣ я, тамъ всегда бывало суга́тно. А теперь? Я мѣлъ; я сѣдунъ, я кожухъ! Шолычутъ добрые люди! Развѣ я виноватъ? О когда, когда закрою шары свои и на меня посодятъ вережникъ!

Для любителей романтической поэзіи предлагается здѣсь переводъ Вятской Элегіи.

Что просить ее? Она не хочетъ быть моею! Какое упрямство! Вчера, стоя на ступенькахъ крыльца, кликалъ я ее: насмѣшница и поговорить со мною не хотѣла! Лихорадка пробѣжала по жиламъ моимъ. Я затрепеталъ, какъ заколонная корова! Глаза мои отъ слезъ покраснѣли... я какъ кусочки стекла на бѣломъ свѣтѣ! Я уже не рѣзвлюсь, какъ птичка! Говорили, что я дѣтина опрятной, молодецъ! безъ меня не бывало празд-

---

[1]) Объ этомъ Юшковѣ упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и Ф. Ф. Вигель (т. II, Москва 1892 г., стр. 140–142).

[2]) Т. е. Д. П. Руничъ, по высочайшему повелѣнію 25 іюня 1826 г. отставленный отъ должности попечителя Петербургскаго округа, лишенный званія члена главнаго правленія училищъ и отданный подъ судъ за безпорядочное расходованіе казенныхъ суммъ.

*

ника! Гдѣ я, тамъ всегда бывало многолюдно! А теперь я—дрожди! я сидѣнь! я печная труба! твердятъ обо мнѣ добрые люди. Развѣ я виноватъ? О когда, когда, закрою глаза свои, и меня посыплютъ можжевельникомъ!

Словарь.

Шорà, шоры — индѣйка, и.
Лóнскіе — прошлогодніе.
Лониста — } давно, прошлаго года.
лони — }
Комухà — лихорадка.
Талы, шары — глаза.
Катушки — катальныя горы.
Селюшки — цыплята.
Сéсна — частое.
Фитили — рыбачьи сѣти.
Морда — верши.
Мѣлъ — дрожди.
Бѣлый камень — мѣлъ.
Батунъ — песочный лукъ.
Ферезникъ — можжевельникъ.
Кислица — щавель.
Вертéчой — вѣтреный, рѣзвый.
Пóтка — пѣвчая птица.
Русло — спускное корыто.
Óхить — чистота, опрятность.
Язгàться — обѣщаться.
Ратовище — копье.
Ченинка — кусочекъ стекла.
Сѣдунь — сидѣнь.
Уросъ — упрямство.
Рундукъ — ступени крыльца.
Кожухъ — труба печная.
Сутки — переднее мѣсто въ комнатѣ.
Кутъ — задній уголъ, ближайшій къ дверямъ.
Матуха — корова.
Молить — колоть скотъ.
Отопокъ — лапоть.
Начèсь — вчера.
Стáя — крытый дворъ.

Изъ отдѣла «Смѣсь».

«Одна посредственность идетъ пробитою дорожкою!» кричатъ ковачи новыхъ словъ. Очень хорошо! Пусть же геніи и даютъ намъ слова и выраженія, а не пигмеи, не обезьяны, перенимающія каррикатурно все, что дѣлаютъ люди. Что хорошаго скажите мнѣ въ глаголѣ «аристархить»—и прочихъ уродцахъ, выкидываемыхъ «Телеграфомъ»? Нельзя

сказать однакожъ, чтобъ не было отыскано въ прошедшемъ году и удачныхъ выраженій напримѣръ: Croiser les bras, переведено: *скрестила руки* («Новости Литературы») Прекрасно! Всякій понимаетъ выраженіе; оно точно, и замѣняетъ длинное и непріятное: сложила крестообразно руки.

Увѣряютъ, что человѣкъ съ дурными нравами не можетъ быть хорошимъ авторомъ. Но авторъ и гражданинъ два лица, совершенно различныя; мы видимъ ежедневно очень хорошихъ и честныхъ людей, которые пишутъ дурные стихи и плохую прозу, видимъ также, что многіе отличные писатели имѣютъ всѣ возможные слабости и пороки. Не упоминая о современникахъ, назовемъ Арретино, Пиррона, Мирабо, Коцебу... Они не славились строгими добродѣтелями, но извѣстны, какъ хорошіе писатели. Когда авторъ пишетъ, онъ точно чувствуетъ тò, чтò описываетъ. Онъ добръ, чувствителенъ, нѣженъ, роскошенъ, великодушенъ, когда описываетъ добродѣтели, роскошь, великодушіе. Человѣкъ-авторъ есть существо, имѣющее двѣ души и два сердца. Авторъ въ обществѣ и авторъ въ своемъ кабинетѣ, часто походятъ другъ на друга такъ, какъ негръ на англичанина. Счастливы авторы подобные Лафонтеню и Богдановичу! Тѣ дѣлались хитрыми и злыми только на бумагѣ... тогда какъ большая часть авторовъ добры, чувствительны и нѣжны... только въ своихъ сочиненіяхъ!

Въ государствѣ, какъ, напримѣръ, Россія, неопасны толки, неопасны ни либералы, ни бѣшеные роялисты: однако вездѣ, гдѣ бывали тѣ и другіе, для монархіи вреднѣе были бѣшеные роялисты, чѣмъ либералы.

Бѣшеный, особенно *незначущій самъ* по себѣ роялистъ, обыкновенно руководимъ въ своемъ неистовствѣ личными выгодами, ожиданіемъ награды за свое рабское усердіе. Имѣя въ виду своекорыстіе, онъ не ограничиваетъ бѣшенаго усердія и не знаетъ мѣры ни рѣчамъ, ни поступкамъ своимъ. Все и всѣ кажутся ему подозрительными и достойными казни. Въ бѣшенствѣ своемъ, не умѣя отличить истины отъ обмана, лицемѣрія отъ праводушія, онъ всѣхъ казнитъ на словахъ, будетъ казнить и на самомъ дѣлѣ, если Провидѣніе къ пагубѣ людей доставитъ ему власть и силу. Кто молчитъ, слушая неистовыя обидныя для человѣчества хулы и проклятія, тотъ уже виновенъ въ глазахъ его, потому-что молчитъ и не изрыгаетъ подобно ему проклятій на людей, которыхъ не знаетъ, и на предметы, которыхъ не понимаетъ. Если же кто-нибудь, выведенный изъ терпѣнія его подлостію, гнусною клеветою и видимою неправдою, въ порывѣ благороднаго негодованія, осмѣлится противорѣчить ему, тотъ—либералъ, тотъ карбонаръ, тотъ достоинъ висѣлицы. И эти же люди, эти бѣшеные фанатики, въ лакейскомъ изступленіи своемъ всего вреднѣе для государства: несравненно вреднѣе самыхъ злыхъ якобинцевъ и карбонаровъ, ибо, въ бѣшенствѣ своемъ, они изливаютъ ядъ клеветы на тысячи невинныхъ и губятъ ихъ. Погибель невинныхъ

неминуемо влечетъ за собой справедливое негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей, и вотъ начинается раздѣленіе общества; начинаетъ разрушаться гармонія монархическаго правленія... и тогда—споры за мнѣнія, которые всегда предшествуютъ гибели порядка и внутреннимъ раздорамъ.

«Анекдоты».

Покойный сенаторъ Обресковъ [1]) былъ при императорѣ Павлѣ въ качествѣ статсъ-секретаря и сопровождалъ императора въ Казань. Тамъ впалъ онъ въ немилость, и нѣсколько дней не смѣлъ показываться на глаза императору. Наконецъ, въ какой-то торжественный день онъ долженъ былъ явиться во дворецъ. Пріѣзжаетъ и выбираетъ себѣ мѣстечко въ толпѣ, чтобъ не выказаться императору. Между тѣмъ, подносятъ кофе. Лакей, замѣтивъ Обрескова, протѣсняется къ нему съ подносомъ и открываетъ его императору, который видитъ его. Обресковъ отказывается отъ кофе. «Отчего ты не хочешь кофе, Обресковъ?» спрашиваетъ его императоръ:—«Я потерялъ вкусъ, ваше величество», отвѣчаетъ Обресковъ.—«Возвращаю тебѣ его», говоритъ Павелъ, и Обресковъ, благодаря присутствію духа, опять вошелъ въ милость.

Какъ ты здѣсь?—спросилъ Орловъ [2]) у А. Пушкина, встрѣтясь съ нимъ въ Кіевѣ. «*Языкъ* и до Кіева доведетъ» отвѣчалъ Пушкинъ.— Берегись, берегись! Пушкинъ, чтобы не услали тебя за Дунай!— «А можетъ быть и *за Прутъ*!»

«Поэты—сверхкомплектные жители свѣта!» сказалъ Пушкинъ.

«Ты ссоришься, Пушкинъ! кричишь!» такъ говорилъ ему въ театрѣ оберъ-полицеймейстеръ Горголи [3]).—«Я далъ бы и пощечину, но остерегался потому только, чтобъ актеры не приняли это за аплодисментъ!».

Когда Катенинъ поссорился съ Семеновой и потомъ высланъ былъ изъ Петербурга, кто-то сказалъ, что буря разбила Катенина у Гагаринской пристани! [4]).

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) Петръ Алексѣевичъ Обресковъ (род. въ 1752, ум. въ 1814).

[2]) Извѣстный генералъ Михаилъ Өеодоровичъ Орловъ, съ которымъ Пушкинъ былъ коротко знакомъ еще до своего пребыванія на югѣ Россіи (Болѣе подробныя свѣдѣнія о М. Ө. Орловѣ см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ“ т. I, Спб. 1899 г., стр. 456—459).

[3]) И. С. Горголи (род. въ 1770 г., ум. въ 1862 г.); съ 1811 по 1821 г. былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, съ 1826 г. сенаторомъ. Съ 1848 г. состоялъ членомъ Россійской академіи. (См. о немъ брошюру „Заслуженный сенаторъ И. С. Горголи“ Спб. 1862 г.).

[4]) Подробности этой исторіи см. въ нашей статьѣ „Театральныя интриги 1822 года“ („Рус. Стар.“ 1901 г., № 11). Кромѣ отмѣченныхъ выше трудовъ П. Л. Яковлева, свидѣтельствующихъ объ интересѣ его къ занятіямъ историческимъ, слѣдуетъ еще указать изданное имъ въ 1811 г. въ двухъ томахъ „Собраніе собственноручныхъ писемъ государя императора Петра Великаго къ Апраксинымъ». (М. 1811).

Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг.[1]

(Извлеченіе изъ его воспоминаній).

II [1]).

Вопросъ о греческомъ престолонаслѣдіи. — Празднованіе юбилея кн. Чернышева.—Характеристика лицъ царской фамиліи.—Возвращеніе въ Петербургъ Кастельбажака. — Обѣдъ у гр. Нессельроде. — Сынъ Шамиля.—Прибытіе въ Петербургъ королевы Анны Павловны. —Объявленіе войны.—Отъѣздъ французскаго посольства изъ Россіи.

Домъ французскаго посольства, въ которомъ я жилъ, помѣщается на Сергіевской улицѣ. По фасаду этотъ домъ имѣетъ одиннадцать оконъ; прекрасная лѣстница ведетъ на верхъ. Пріемные покои, состоящіе изъ обширной бальной залы, пяти гостиныхъ и большой столовой, помѣщаются въ нижнемъ этажѣ. Насъ жило въ этомъ домѣ вмѣстѣ съ прислугою не менѣе тридцати двухъ человѣкъ. Въ отсутствіи генерала де-Кастельбажака, мнѣ приходилось дѣлать пріемы и отдавать многочисленные визиты. Къ счастью, генералъ оставилъ въ мое полное распоряженіе своего повара, человѣка знающаго и честнаго.

Будучи приглашенъ на обѣдъ къ прусскому посланнику Рохову вмѣстѣ съ принцами Саксонскимъ Альбертомъ и Виртембергскимъ Августомъ, мнѣ пришлось на первыхъ же порахъ также дать ему обѣдъ, на который мною были приглашены: голландскій посланникъ баронъ

---

¹) См. „Русскую Старину" іюнь 1903 г.

Моллерусъ, неаполитанскій посланникъ герцогъ Регина, гг. Цито, де-Биландъ и весь составъ посольства.

Въ числѣ приглашенныхъ мною лицъ находилось также нѣсколько придворныхъ, между прочимъ генералъ-квартирмейстеръ генералъ Бергъ и принцъ Гогенлоэ.

По случайному совпаденію, въ тотъ самый день въ газетахъ появилось извѣстіе о заговорѣ, открытомъ въ Марселѣ.

Всѣ, безъ исключенія, поздравляли меня по поводу того, что принцъ избѣжалъ опасности.

Графъ Бергъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что «жизнь принца не менѣе драгоцѣнна для спокойствія Европы, нежели для Франціи».

Въ отсутствіе графа Нессельроде мнѣ пришлось вести съ Сенявинымъ, заступавшимъ его мѣсто, переговоры по чрезвычайно интересному вопросу о греческомъ престолонаслѣдіи. Сенявинъ заявилъ мнѣ, что русское правительство вполнѣ одобряло виды французскаго кабинета и что оно только-что послало своему посланнику въ Лондонѣ Бруннову надлежащія полномочія для обсужденія этого вопроса совмѣстно съ державами, подписавшими договоръ 1832 г.

Англійскій посланникъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, сказалъ мнѣ, съ своей стороны, что онъ сдѣлалъ также извѣстныя представленія русскому кабинету, чтобы ускорить рѣшеніе этого вопроса. Такъ какъ всѣ три державы были согласны въ этомъ случаѣ, то можно было разсчитывать, что вопросъ будетъ скоро рѣшенъ. Но Сенявинъ не допускалъ, чтобы принцъ Адальбертъ могъ ожидать смерти короля Оттона, чтобы принять греческую вѣру; это, по его мнѣнію, было бы неприлично и даже немыслимо, ибо это имѣло бы видъ, что принцъ Адальбертъ перемѣнилъ вѣру только для того, чтобы получить престолъ, и что впослѣдствіи ему будетъ некогда пріобрѣсти всѣ познанія, требуемыя церковью для перехода въ православную вѣру.

— Но,—присовокупилъ—онъ я послалъ, по повелѣнію императора, полномочія Бруннову, и этотъ вопросъ будетъ обсужденъ нашими уполномоченными въ Англіи. Однако я долженъ сказать вамъ, что я узналъ съ сожалѣніемъ о послѣднихъ шагахъ, сдѣланныхъ Франціею при Баварскомъ дворѣ помимо насъ и Англіи. Коль скоро мы обсуждали это дѣло совмѣстно, то, я полагаю, не слѣдовало бы дѣлать никакихъ шаговъ отдѣльно.

Такъ какъ Сенявинъ былъ, повидимому, удивленъ тѣмъ, что русскій посланникъ въ Мюнхенѣ еще не извѣстилъ его объ этомъ, то я замѣтилъ, что молчаніе его можетъ быть объяснено не иначе, какъ его отсутствіемъ изъ Мюнхена; что касается насъ, то сообщеніе, сдѣланное нами Баваріи, имѣло характеръ оффиціальнаго сообщенія, единственной цѣлью котораго было уладить затрудненія и обезпечить будущее Грече-

скаго королевства. Сенявинъ утверждалъ, что полученное извѣстіе, будто Северинъ передалъ баварскому правительству ноту съ цѣлью побудить принца Адальберта принять немедленно православную вѣру, невѣрно, и что онъ далъ Северину только инструкцію, чтобы онъ сдѣлалъ Мюнхенскому двору словесно представленіе о томъ, что принцу Адальберту слѣдовало бы принять православную вѣру немедленно и что для короля Оттона нѣтъ никакой опасности, чтобы этотъ актъ совершился при его жизни.

Столь настойчивое требованіе указываетъ, повидимому, на то, что это единственный пунктъ, относительно котораго русскій кабинетъ будетъ непреклоненъ.

Обсуждая со мною этотъ вопросъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ высказалъ взгляды, вполнѣ согласные съ нашими. Онъ полагалъ, что его правительство вполнѣ присоединится къ Франціи на конференціи и не допуститъ, чтобы греческій престолъ перешелъ къ принцу Ольденбургскаго дома, если бы это было предложено.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—этотъ проектъ исходитъ не отъ Россіи; я слышалъ, что это интрига королевы Амаліи.

Когда былъ поднятъ вопросъ объ избраніи на греческій престолъ одного изъ младшихъ сыновей принца Лейхтенбергскаго, то императоръ Николай заявилъ, что онъ никогда не поддержитъ это предложеніе. Относительно же принятія принцемъ Адальбертомъ греческой вѣры, онъ выразился такъ:

— Я понимаю, что человѣкъ можетъ перемѣнить вѣру, если это не сулитъ ему въ ближайшемъ будущемъ богатства или извѣстнаго положенія, но я нахожу неприличнымъ, чтобы человѣкъ совершилъ этотъ религіозный актъ изъ-за личнаго интереса; это не будетъ достойно уваженія ни въ его глазахъ, ни въ глазахъ другихъ людей.

Таковы были точныя слова, сказанныя императоромъ, и это объясняетъ, почему принцу Адальберту такъ настойчиво совѣтовали принять греческую вѣру теперь же. Въ Петербургѣ всякое слово, произнесенное императоромъ, служитъ руководящей нитью для дипломатовъ.

Англійскій посланникъ также присоединился вскорѣ къ мнѣнію императора Николая.

— Я раздѣляю,—сказалъ онъ мнѣ,—мнѣніе императора относительно перехода принца Адальберта въ православіе. Дѣйствительно, почему не сдѣлать сегодня то, что придется сдѣлать завтра.

А когда я представилъ ему, что этотъ поспѣшный переходъ въ православіе можетъ быть опасенъ для спокойствія Греціи, то онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не вѣрю въ эти опасности, и въ этомъ смыслѣ я писалъ своему правительству. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, будто им-

ператоръ Николай не заинтересованъ съ своей стороны въ томъ, чтобы эта корона осталась въ Баварскомъ домѣ; греки, вполнѣ естественно, обращаютъ свои взоры на лицъ, принадлежащихъ къ русскому императорскому дому, исповѣдующему такъ же, какъ они, православную вѣру.

Пріѣхавшій недавно въ Петербургъ баварскій посланникъ графъ де-Брэ былъ видимо не особенно доволенъ требованіемъ русскаго правительства и не былъ спокоенъ относительно его дальнѣйшихъ видовъ.

— Хотя императоръ, въ свое время, не выказалъ особеннаго желанія чтобы на греческій престолъ былъ избранъ одинъ изъ сыновей герцога Лейхтенбергскаго, — говорилъ онъ, — но его посланникъ Северинъ говорилъ со мною весьма серьезно объ этомъ проектѣ, въ томъ случаѣ, ежели бы Баварскій домъ не согласился на предложенныя ему условія. Мнѣ извѣстно также, что и Нессельроде считаетъ подобное рѣшеніе вопроса наилучшимъ. Поэтому я имѣю основаніе опасаться, что тайная цѣль Россіи — поставить принцу Адальберту такія условія, которыя онъ не можетъ принять, чтобы этимъ увеличить шансы кандидата, который будетъ, по мнѣнію этой державы, наиболѣе подходящимъ. Однако я надѣюсь на поддержку принца - президента, который уже доказалъ намъ свое доброе расположеніе, и надѣюсь, что его виды, которые раздѣляемъ и мы, восторжествуютъ.

На мой вопросъ о томъ, какъ смотритъ самъ принцъ Адальбертъ на требованіе, чтобы онъ немедленно принялъ греческую вѣру, на которомъ такъ настаиваетъ Россія, де-Брэ сказалъ:

— Къ его немедленному переходу въ православіе встрѣчается двоякаго рода препятствіе. Съ одной стороны, король Оттонъ и королева Амалія опасаются, что если принцъ Адальбертъ приметъ теперь же православную вѣру и пріѣдетъ въ Аѳины, то всѣ симпатіи народа могутъ быть на его сторонѣ, и это можетъ создать весьма прискорбное положеніе. Съ другой стороны, принцъ Адальбертъ не находитъ удобнымъ, оставаясь въ Баваріи, принять православіе въ странѣ католической. Тѣмъ временемъ принцъ рѣшилъ какъ можно скорѣе жениться и воспитать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Его выборъ еще не сдѣланъ; онъ колеблется и не знаетъ, кого избрать, герцогиню Кембриджскую, инфанту испанскую или принцессу виртембергскую. Онъ чрезвычайно озабоченъ этими планами.

Я спросилъ затѣмъ де-Брэ, что если у принца Адальберта родится первая дочь, то наслѣдуетъ ли она престолъ предпочтительно передъ меньшимъ братомъ? Онъ сказалъ мнѣ, что въ конвенціи 1833 г. этотъ случай не предусмотрѣнъ, и что этотъ пробѣлъ былъ пополненъ великими державами впослѣдствіи, добавочной статьею, коей утверждено право первородства, но такъ какъ эта статья была подписана безъ участія греческаго уполномоченнаго, то согласно греческой конституціи ее

считаютъ въ Аѳинахъ недѣйствительной. Въ концѣ концовъ де-Брэ высказалъ надежду, что графъ Валевскій займется этимъ вопросомъ на Лондонской конференціи и позаботится о его законномъ утвержденіи.

Это неопредѣленное положеніе продолжалось недолго, ибо вскорѣ самъ де-Брэ сообщилъ мнѣ, что графъ Нессельроде рѣшилъ не настаивать на Лондонской конференціи на принятіи принцемъ Адальбертомъ православной вѣры, считая за лучшее, чтобы принцъ ранѣе этого женился, но что державы должны оффиціально признать необходимость факта, чтобы будущій греческій король исповѣдывалъ православную вѣру.

— Таково,—сказалъ онъ,—личное мнѣніе гр. Нессельроде, который еще не успѣлъ получить по этому поводу приказаній своего монарха.

Царь далъ большой обѣдъ въ Петергофѣ, въ честь военнаго министра и предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Чернышева, коему исполнилось двадцать пять лѣтъ управленія министерствомъ. Въ этотъ день императоръ отправился къ нему съ поздравленіемъ, въ сопровожденіи своей свиты и, поздравляя его, сказалъ:

— Я пришелъ васъ поблагодарить не за одинъ день, а за двадцать пять лѣтъ дружбы.

Императоръ подарилъ ему домъ, далъ аренду въ 15 тысячъ рублей, пожаловалъ его сына во флигель-адъютанты, а его дочь, 14 лѣтъ, во фрейлины.

Человѣкъ умный и истый царедворецъ, Чернышевъ умѣлъ нравиться императору, который осыпалъ его милостями и почестями. Изъ всѣхъ министровъ онъ чаще всего видитъ государя, у котораго онъ бываетъ каждый день въ 8 часовъ утра. Императоръ очень внимателенъ къ своему министру и нѣсколько времени тому назадъ доказалъ ему свое вниманіе самымъ лестнымъ образомъ.

Царь жилъ въ третьемъ этажѣ дворца и, видя, что министру, при его преклонныхъ лѣтахъ, было очень трудно подыматься такъ высоко, былъ настолько къ нему милостивъ и внимателенъ, что перенесъ свой рабочій кабинетъ въ первый этажъ, чтобы не утомлять его [1]).

Характеръ императора Николая отличался гордостью, самовластіемъ и величайшею добротою.

Однажды, когда онъ проѣзжалъ по Невскому въ дрожкахъ, за нимъ бѣжала прелестная дѣвочка лѣтъ восьми, которая закричала ему:

— Дядюшка, возьми меня съ собой, свези на балаганы.

Императоръ остановился, посадилъ дѣвочку возлѣ себя и купилъ ей на балаганахъ всевозможныхъ игрушекъ.

— Теперь поѣдемъ къ тетѣ,—сказалъ онъ,—и повезъ ее къ импе-

---

[1]) Достовѣрность и точность этого разсказа остается на отвѣтственности автора.

Ред.

ратрицѣ, которой дѣвочка такъ понравилась, что она воспитала ее на свой счетъ въ пріютѣ.

Князь Эмилій Витгенштейнъ писалъ своему отцу въ 1852 г.:

«Императоръ говоритъ мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ, всякій разъ какъ я его вижу. Это идеалъ монарха, какихъ въ настоящее время болѣе не существуетъ; это типъ всего справедливаго, рыцарскаго, благороднаго и энергичнаго. Видѣть его вблизи—честь и счастье, которое никто не можетъ оцѣнить болѣе меня, такъ какъ я видѣлъ вблизи большую часть монарховъ».

Таково же было впечатлѣніе Бейста: «Никто не былъ такимъ властелиномъ Европы, если не считать Наполеона I,—говоритъ онъ;—никто не вызывалъ такихъ симпатій, такой злобы и ненависти, какъ императоръ Николай I. Въ Берлинѣ на него смотрѣли почти какъ на высшее существо, точно такъ же, какъ и большинство нѣмецкихъ дворовъ. Я не могу передать, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ монархъ, и никогда не забуду его большіе, прекрасные голубые глаза.

Въ Петербургѣ императоръ былъ центромъ всего; малѣйшія подробности, касавшіяся его, передавались съ особенной любовью и возбуждали всеобщій интересъ.

Разсказываютъ, что однажды имъ была принята актриса французскаго театра, Брасъ, которая явилась просить императора удостоить своимъ присутствіемъ спектакль, данный въ ея бенефисъ. Разговоръ зашелъ о маневрахъ, на которыхъ присутствовала Брасъ.

— Comment me trouvez vous à la tête de mes troupes?—спросилъ императоръ:

— Ah! Sire, vous avez bien la tournure de Votre emploi,—отвѣчала она [1]).

Государь часто повторялъ этотъ отзывъ, который очень насмѣшилъ его.

Апраксина, бывшая фрейлина императрицы Екатерины, которая была въ то время статсъ-дамой при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, «Юнона во гнѣвѣ», какъ называлъ ее великій князь Михаилъ Павловичъ, была извѣстна въ Петербургѣ своимъ вспыльчивымъ, несдержаннымъ характеромъ и никогда не уступала императору въ вопросахъ этикета.

Однажды государь хотѣлъ сѣсть въ карету одной фрейлины, которая выходила изъ церкви, гдѣ совершилось ея бракосочетаніе.

---

[1]) — Какъ находите вы меня во главѣ войска?

— Ахъ, ваше величество, ваша осанка вполнѣ подходитъ къ вашему сану.

— Нѣтъ, ваше величество, вы не сядете въ эту карету,—сказала г-жа Апраксина,—это не прилично.

И когда Николай засмѣялся надъ этой выходкой, которую она себѣ позволила въ присутствіи всего двора, и все-таки направился къ каретѣ, то она схватила его за фалды, сказавъ, что она этого не допуститъ.

Императоръ уступилъ.

Въ исходѣ 1852 г. императоръ очень жаловался, что въ обществѣ стали говорить о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ войнѣ противъ Турціи.

Онъ упрекалъ графа Орлова за то, что тотъ не могъ найти виновнаго, разгласившаго эти слухи.

Орловъ не смутился.

— Ваше величество сами виноваты въ этомъ,—сказалъ онъ. Вы разсказали все императрицѣ въ присутствіи ея фрейлинъ. У каждой изъ нихъ есть друзья и поклонники, коимъ онѣ передали эту важную новость.

Императоръ и наслѣдникъ бывали совершенно запросто на маскарадахъ въ Большомъ театрѣ. Государь появлялся обыкновенно въ казачьемъ мундирѣ, который очень шелъ къ нему. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ въ толпѣ, говорилъ, смѣялся; маски интриговали его, толкали, какъ перваго встрѣчнаго, и никто, повидимому не обращалъ на него никакого вниманія. Таковъ характеръ русской жизни: рядомъ съ самымъ строгимъ этикетомъ допускается полная безцеремонность.

Императоръ Николай соблюдалъ величайшую простоту въ одеждѣ, онъ берегъ свое платье и не любилъ дѣлать новаго.

Въ его кабинетѣ всегда лежала большая Сенъ-Бернардская собака.

— Она некрасива,—говорилъ государь,—но преданна, и я привязанъ къ ней.

Когда въ городѣ случался пожаръ, то императоръ спѣшилъ обыкновенно къ мѣсту происшествія и, не щадя себя, работалъ впереди другихъ.

Во время пожара Большаго театра въ Москвѣ, одинъ крестьянинъ спасъ какому-то человѣку жизнь, съ большой опасностью для себя. Императоръ вызвалъ его въ Петербургъ.

— Благодарю тебя за сдѣланное доброе дѣло,—сказалъ онъ;—поцѣлуй меня и разскажи мнѣ, какъ Богъ помогъ тебѣ.

Выслушавъ крестьянина и наградивъ его, государь простился съ нимъ, сказавъ:

— Ну, ступай себѣ съ Богомъ! Если тебѣ что-нибудь понадобится, обратись ко мнѣ.

Рибопьеръ разсказывалъ мнѣ, что по воскресеньямъ вся царская

фамилія съѣзжалась къ государю на обѣдъ. Послѣ обѣда выходили дѣти, и императоръ игралъ съ ними до тѣхъ поръ, пока они не ложились спать.

«Во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ 1852 г.,—пишетъ графъ Рейзетъ о семьѣ наслѣдника, — я никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо отозвался объ этой счастливой супружеской четѣ иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и преклоненія передъ великой княгиней, которая соединяла съ прекраснымъ характеромъ нѣжное, любящее и преданное сердце.

«Она не искала свѣтскихъ удовольствій, вела жизнь болѣе замкнутую и была любима всѣми окружающими, большими и малыми. Впослѣдствіи я видѣлъ ее въ Гессенѣ, въ Югенгеймѣ, уже императрицей, гдѣ она гостила у своего брата, принца Александра Гессенскаго.

«Дворецъ Гессенскихъ принцевъ ютится подобно гнѣзду на одной изъ красивѣйшихъ горъ Бергштрассе, откуда открывается роскошный видъ на Гессенъ, Баденъ и Пфальцъ. Я имѣлъ честь посѣтить тамъ въ 1860 г. принца Александра Гессенскаго и его супругу. Какъ сейчасъ вижу съ высоты террасы эту великолѣпную панораму, обрамленную Рейномъ, который кажется съ высоты серебряной лентой.

«Императрица Марія Александровна любила проводить тутъ время у своего брата, предаваясь воспоминаніямъ дѣтства. Тутъ не было ни часовыхъ, ни стѣнъ, и добрая императрица любила бесѣдовать попросту съ крестьянами, которые знавали ее ребенкомъ.

«Въ 1852 г. я былъ свидѣтелемъ весьма трогательной семейной сцены, которая могла бы послужить художнику сюжетомъ прелестной картины. Въ августѣ мѣсяцѣ я былъ въ Красномъ Селѣ у графини Тизенгаузенъ, фрейлины императрицы. Возвращаясь отъ нея, я гулялъ по парку съ однимъ изъ камергеровъ. На обратномъ пути, когда мы поровнялись съ дворцомъ, С. обратилъ мое вниманіе на ребенка, стоявшаго на часахъ у дверей императорскаго дворца.

— Взгляните,—сказалъ онъ,—это внукъ императора стоитъ первый разъ на часахъ, посмотрите, какъ онъ исполняетъ это дѣло серьезно.

«Вдругъ началъ накрапывать дождь, и малютка великій князь взялъ въ будкѣ шинель солдата, котораго онъ смѣнилъ, и худо ли, хорошо натянулъ ее на себя, расхаживая взадъ и впередъ у воротъ дворца. Въ эту минуту надъ воротами открылось окно, и появилась Марія Александровна, которая смотрѣла съ тревогой на надвигавшіяся тучи и слѣдила за своимъ первенцомъ, стоявшимъ на часахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не могло быть очаровательнѣе этой маленькой головки, выглядывавшей изъ большой, сѣрой шинели, которая волочилась по землѣ въ то время, какъ дождь лилъ ливмя на маленькаго часоваго. Я вернулся,

весь вымокши, въ квартиру С., гдѣ мы отогрѣлись у камина въ то время, какъ великій князь стоялъ впервые на часахъ.

«Разговоръ зашелъ о супругѣ наслѣдника.

— Она всегда держится въ сторонѣ,—говорилъ С.,—и такъ же проста въ своихъ привычкахъ, какъ и въ Дармштадтѣ. Она очень умна, религіозна и высоко образована. Когда здоровье позволяетъ, она занимается воспитаніемъ своего сына, который, я увѣренъ, будетъ современемъ человѣкомъ высокихъ достоинствъ.

«Къ сожалѣнію, надежды С. не оправдались: какъ извѣстно, великій князь Николай Александровичъ скончался преждевременно въ Ниццѣ въ 1865 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, за̀мокъ Югенгеймъ, который я видѣлъ нѣкогда такимъ маленькимъ, значительно увеличился. Онъ принадлежалъ пополамъ принцу Гессенскому и его сестрѣ, императрицѣ Маріи Александровнѣ. Этотъ за̀мокъ былъ обнесенъ рвами, черезъ которые деревенскія ребятишки прыгали, чтобы попасть въ паркъ, гдѣ они лакомились плодами и разрушали птичьи гнѣзда.

«Нынѣ все это измѣнилось, паркъ обнесенъ высокой стѣной, и въ него уже трудно проникнуть. Это знаменіе времени.

«Въ 1852 году великому князю Николаю Александровичу было девять лѣтъ, воспитателемъ его былъ генералъ Зиновьевъ.

«Я видѣлъ великаго князя Николая Александровича на большомъ смотру въ Красномъ Селѣ, верхомъ въ гусарскомъ мундирѣ; онъ былъ очень статенъ, и его красивое лицо дышало умомъ. Онъ былъ такъ способенъ и занимался такъ легко, что его учитель, боясь утомить его и слишкомъ развить его любознательность, просилъ у отца позволенія прервать на время свои уроки.

«Императоръ Николай I говорилъ о немъ, что этотъ девятилѣтній ребенокъ понималъ, что значитъ честь, и умѣлъ отличить правду отъ лжи.

«Императрица была очень дружна съ дочерью одного прусскаго генерала, которая была ея довѣреннымъ лицомъ и личнымъ секретаремъ. Она вела съ княгиней Ливенъ [1]), жившей въ то время въ Парижѣ, дѣятельную переписку, которая очень не нравилась императору и, когда однажды, она читала императрицѣ письмо, полученное отъ княгини Ливенъ, государь вошелъ въ кабинетъ и, увидавъ по цвѣту бумаги, отъ кого было письмо, сдѣлалъ жестъ, выражавшій досаду и ушелъ, воскликнувъ:

— Опять эта противная зеленая бумага!

---

[1]) Дарья Христофоровна Ливенъ, рожденная Бенкендорфъ.

«Изъ всей царственной фамиліи наслѣдникъ болѣе всѣхъ благоволилъ къ Франціи.

«Одинъ изъ его друзей говорилъ мнѣ, что онъ интересовался всѣмъ, что дѣлалъ принцъ-президентъ, любопытствовалъ знать все касавшееся его и прочитывалъ внимательно всѣ депеши, получавшіяся изъ Парижа. Онъ просилъ выписать для него медаль за военныя заслуги, учрежденную принцемъ.

«Цесаревичъ высоко образованъ и говорилъ въ совершенствѣ на иностранныхъ языкахъ. Это человѣкъ искренній, надежный и честный другъ; онъ всегда готовъ выслушать и подать благоразумный совѣтъ; никогда не обманетъ довѣрія и чрезвычайно скроменъ.

«Таковы были похвалы, которыя я слышалъ отъ всѣхъ.

«Доброта великаго князя и его чрезвычайное благодушіе не исключали твердости.

«Императоръ питалъ къ наслѣднику величайшее довѣріе. Одному лицу, которое откланивалось ему передъ его отъѣздомъ на югъ (въ 1852 г.), государь сказалъ:

— Я очень занятъ; мнѣ нужно привести въ порядокъ бумаги, нужно уложить и запереть ихъ, такъ какъ, во время моего отсутствія, моего сына также не будетъ въ Петербургѣ, а я довѣряю безусловно ему одному. Я хочу, чтобы онъ зналъ все, такъ же, какъ я, чтобы онъ раздѣлялъ всѣ мои труды, однимъ словомъ, чтобы онъ былъ готовъ наслѣдовать мнѣ.

«Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Россію, скончался министръ императорскаго двора, фельдмаршалъ князь Волконскій, пользовавшійся неизмѣнно благоволеніемъ императоровъ Александра I и Николая I. Его положеніе при дворѣ было совершенно исключительное. Императоръ доказалъ еще разъ свое особое къ нему благоволеніе, наложивъ при дворѣ траурь, по случаю его кончины, и присутствуя лично на его похоронахъ.

«Вслѣдствіе кончины князя Волконскаго, въ министерствѣ императорскаго двора произошла крупная перемѣна. Должности министра императорскаго двора и удѣловъ, которыя онъ совмѣщалъ, были раздѣлены; министромъ двора былъ назначенъ графъ Адлербергъ, одинъ изъ любимѣйшихъ адъютантовъ императора Николая I, а министромъ удѣловъ— графъ Перовскій, до тѣхъ поръ бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ. На мѣсто Перовскаго былъ назначенъ генералъ Бибиковъ, кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ. Это послѣднее назначеніе особенно заслуживаетъ вниманія, какъ по важности министерства, ввѣреннаго Бибикову, къ которому было присоединено и вѣдомство духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, такъ и по той репутаціи, какой пользовался этотъ генералъ, прославившійся во время управленія

имъ Юго-Западнымъ краемъ своимъ суровымъ обхожденіемъ въ особенности съ польскимъ дворянствомъ.

«Впрочемъ, его считали человѣкомъ способнымъ, и многіе полагали, что императоръ, зная, что съ его характеромъ неудобно занимать мѣсто, гдѣ не возможенъ личный контроль монарха, хотѣлъ воспользоваться его административными способностями на посту, болѣе высокомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе приближенномъ къ себѣ, гдѣ бы онъ могъ смягчить своею властью извѣстную суровость новаго министра.

«Въ ночь на 1-е (13-е) сентября его величество уѣхалъ на смотръ въ Чугуевъ. Его сопровождали министръ двора, графъ Адлербергъ, и австрійскій посланникъ, графъ Менсдорфъ, который находился при государѣ неотлучно.

«Путешествіе началось при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ. Близъ Гомеля сломалась ось экипажа, въ которомъ ѣхалъ государь, и ему пришлось пройти 14 верстъ пѣшкомъ, а затѣмъ пробыть въ этомъ городѣ два дня, пока чинили карету.

«Изъ Гомеля императоръ отправился въ Чучуевъ для инспектированія артиллеріи и резервной кавалеріи, въ присутствіи прусскаго генерала Врангеля, котораго онъ пригласилъ сопровождать его въ эту поѣздку еще въ послѣднее свое пребываніе въ Берлинѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Полтаву, осматривая по пути, въ каждомъ городѣ, стоявшія тамъ части войскъ, оттуда въ Екатеринославъ и Вознесенскъ, гдѣ также были произведены смотръ и маневры.

«Наконецъ, государь прибылъ въ Севастополь, гдѣ осмотрѣлъ съ особымъ вниманіемъ работы по укрѣпленію порта, какъ бы предчувствуя тѣ важныя событія, которыя такъ скоро должны были разыграться въ немъ, и то значеніе, какое Севастополю суждено было имѣть въ исторіи Россіи.

«30-го октября (12-го ноября) 1852 г. возвратился изъ Парижа генералъ Кастельбажакъ, въ сопровожденіи своей супруги и сына Гастона, который былъ назначенъ состоять при посольствѣ. Я былъ очень радъ, что при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ мое положеніе такимъ образомъ облегчилось.

«6-го (18-го) ноября мы были вмѣстѣ съ генераломъ на большомъ оффиціальномъ обѣдѣ у графа Нессельроде. Его пріемныя комнаты стѣны которыхъ увѣшаны старинными картинами итальянской школы, были великолѣпны, тонкій обѣдъ былъ прекрасно сервированъ. Шесть метрд'отелей въ коричневыхъ сюртукахъ французскаго покроя со стальнаго цвѣта пуговицами, въ бѣлыхъ атласныхъ жилетахъ и большихъ жабо, при шпагѣ, руководили лакеями, одѣтыми въ пунцовыхъ ливреяхъ.

«Въ большомъ красномъ залѣ, противъ средняго окна, стояла огромная

фарфоровая ваза, подаренная графу Нессельроде королемъ прусскимъ.

«Канцлеръ былъ старичекъ небольшаго роста, очень живой и веселый, въ сущности очень эгоистичный и очень походилъ на Тьера. Онъ былъ весьма воздержанъ, хотя любилъ хорошо поѣсть; до обѣда, который былъ всегда весьма изысканный, онъ ничего не ѣлъ, только выпивалъ по утру и въ три часа дня по рюмкѣ малаги съ бисквитомъ. Онъ самъ заказывалъ обѣдъ и зналъ, изъ чего дѣлается каждое кушанье.

«Однажды, на маленькомъ интимномъ обѣдѣ у датскаго посланника, барона Плессена, на которомъ я былъ вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде, онъ обратилъ вниманіе на пюре изъ дичи и тотчасъ записалъ карандашемъ въ свою записную книжку способъ его приготовленія. Этотъ рецептъ былъ посланъ его повару, который хранилъ, какъ драгоцѣнность, этотъ любопытный автографъ.

«Въ концѣ декабря я заболѣлъ вѣтреной оспой, которой я заразился отъ Гастона Кастельбажака. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось отложить оффиціальное представленіе императору, назначенное на воскресенье, 30-го ноября (12-го декабря), въ полдень, послѣ обѣдни. Я просидѣлъ въ карантинѣ болѣе мѣсяца, до принятія ванны. На меня смотрѣли, какъ на зачумленнаго. Съ другой стороны, въ Петербургѣ воспользовались, чтобы держать себя подальше отъ французскаго посольства, такъ какъ въ это самое время признаніе Наполеона III императоромъ поставило дипломатическій міръ въ нѣсколько затруднительное положеніе.

«Я вышелъ на улицу первый разъ 10-го (22-го) января 1853 г., а 17-го (29-го) числа могъ уже быть на балу въ англійскомъ посольствѣ.

«Въ этомъ году зимній сезонъ въ Петербургѣ былъ особенно блестящій.

21-го января (2-го февраля) г-жа Апраксина дала великолѣпный балъ, на которомъ присутствовали всѣ великіе князья, наслѣдникъ съ супругою и герцогиня Мекленбургская, сестра императрицы. Я видѣлъ тутъ впервые сына Шамиля, молодаго человѣка лѣтъ 22—24, который былъ взятъ въ плѣнъ еще ребенкомъ въ 1835 или 1836 гг., остался въ Россіи въ качествѣ заложника и былъ воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ офицеромъ русской службы, въ то время, какъ его отецъ воевалъ съ Россіей. Онъ былъ смуглъ, нервенъ и очень хорошъ собою, хотя въ его наружности было что-то дикое. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ, и однажды, заѣхавъ ко мнѣ, онъ оставилъ у меня преоригинальную визитную карточку. На ней были изображены три горы, вѣроятно, Кавказскія горы, которыя заволакивала туча, а подъ ними русскими буквами было написано его имя.

«Этотъ молодой человѣкъ былъ возвращенъ отцу въ 1855 г.; но прожилъ на родинѣ недолго, умеревъ черезъ полгода отъ чахотки.

«У графини Воронцовой, супруги оберъ-церемоніймейстера, былъ спектакль. Мнѣ предложили роль въ одной пьесѣ, въ которой играли княгиня Паскевичъ, дочь графини Воронцовой и. княгиня Елена Голицына. Репетиціи заняли не мало времени, что было не вполнѣ совмѣстимо съ моими многочисленными служебными занятіями.

«27-го января (8-го февраля) былъ большой балъ у генерала Кастельбажака, въ то самое время, какъ морской министръ, князь Меншиковъ, уѣхалъ въ Константинополь съ ультиматумомъ, вслѣдствіе котораго возгорѣлась восточная война.

«Во время масленой недѣли балы смѣнялись безпрерывно. Одинъ день былъ балъ у графа Безбородко, другой у министра путей сообщенія, графа Клейнмихеля, на слѣдующій день у г-жи Карамзиной, по первому браку Демидовой.

«Ея сынъ отъ этого брака долженъ былъ наслѣдовать все состояніе Демидовыхъ, т. е. три милліона годоваго дохода. Подобныя колоссальныя состоянія въ Россіи не рѣдкость.

«Графъ Воронцовъ говорилъ мнѣ, что послѣ смерти его матери былъ большой неурожай и что ему пришлось въ теченіе года кормить крестьянъ въ одномъ изъ своихъ имѣній. Это стоило ему 100 тысячъ франковъ. На слѣдующій годъ, подъѣзжая къ дому, онъ увидѣлъ у дороги семь тысячъ крестьянъ на колѣняхъ, старшина стоялъ держа въ рукахъ какую-то бумагу. Графъ подумалъ сначала, что его приказаніе не было исполнено и что это была жалоба на управляющаго. Но въ бумагѣ стояли слѣдующія слова:

«Спасибо тебѣ, баринъ, что ты спасъ насъ отъ смерти. Да спасетъ Богъ тебя, твою жену и дѣтокъ!»

«Крестьяне встали съ колѣнъ и прокричали графу «ура!». Графъ, растроганный до слезъ, подозвалъ къ себѣ старшину и сказалъ, что такъ какъ онъ не можетъ поцѣловать всѣхъ крестьянъ, то онъ цѣлуетъ его вмѣсто нихъ.

«8-го (20-го) февраля, на балу у наслѣдника, состоялось мое оффиціальное представленіе императору.

«Графъ Воронцовъ совѣтовалъ мнѣ пріѣхать къ началу бала, что я и исполнилъ съ такою точностью, что когда я явился, то комнаты еще не были освѣщены.

«По ниткѣ, соединявшей свѣчи, всѣ онѣ вспыхнули разомъ, какъ бы по волшебству.

«У дверей бальнаго зала, сверкавшаго огнями, стояли арабы въ роскошномъ восточномъ одѣяніи, вышитомъ русскими орлами.

«Первыми вышли въ зало наслѣдникъ съ супругою; вслѣдъ за

*

ними вошли императоръ съ императрицей и великіе князья и княгини. Оркестръ съигралъ полонезъ, въ которомъ приняли участіе всѣ члены царской фамиліи и чины дипломатическаго корпуса; затѣмъ начался балъ.

«Камергеръ предупредилъ меня, что государь приметъ меня въ одной изъ сосѣднихъ залъ. Я отправился туда съ графомъ Блумомъ, чиновникомъ австрійскаго посольства, который долженъ былъ представляться одновременно со мною.

«Вскорѣ въ зало вошелъ императоръ; онъ подошелъ прямо ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ.

— Вы были больны,—сказалъ онъ;—я сожалѣю, что не могъ видѣть васъ раньше. Какъ находите вы Петербургъ?

«Я отвѣчалъ, что все то, что я видѣлъ и слышалъ, казалось мнѣ въ высшей степени интересно.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ императоръ;—надѣюсь, что вамъ тутъ понравится, хотя вы начали свое пребываніе съ болѣзни; къ счастью, не осталось слѣдовъ,—сказалъ онъ, смотря на меня пристально и съ участіемъ. Я очень люблю де-Кастельбажака, онъ это знаетъ. Онъ былъ очень встревоженъ болѣзнью своего сына и вашею, но, слава Богу, все кончилось благополучно, отъ души поздравляю васъ съ этимъ.

«Затѣмъ, милостиво улыбнувшись, онъ подошелъ къ графу Блуму.

«Великая княгиня Елена Павловна также дала на масленой великолѣпный балъ, на которомъ присутствовала вся царская фамилія.

«Лѣстница ея дворца, самая высокая,—великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ мною видѣнныхъ. Въ маленькой залѣ великой княгини были поставлены трельяжи, убранные цвѣтами и плющемъ, которые образовали нѣсколько изящныхъ уголковъ. Въ одномъ изъ нихъ находились вещи, принадлежавшія великому князю Михаилу Павловичу: его каска, мундиръ и портретъ, которые свято хранились его вдовою. Въ другомъ уголкѣ находился превосходный портретъ Екатерины Павловны, снятой въ греческомъ костюмѣ; онъ былъ окруженъ цвѣтами, пальмами и рѣдкими растеніями.

«1-го апрѣля въ Россіи принято обманывать другъ друга.

«Я получилъ въ этотъ день (1-го апрѣля 1852 г.), такъ же, какъ и многія другія лица, приглашеніе на обѣдъ къ графинѣ Воронцовой. У ея дверей каждый изъ приглашенныхъ получилъ записочку слѣдующаго содержанія: «Первое апрѣля. Боже, какъ я глупъ!»

«Въ тотъ же день канцлеръ графъ Нессельроде получилъ якобы отъ одной двадцатилѣтней барышни прелюбезную записочку, въ которой она назначала ему свиданіе за городомъ въ его великолѣпныхъ оранжереяхъ. Старикъ-канцлеръ отправился туда, но никого не встрѣтилъ. Записка была написана г-жею Зографо, рожденной Суццо, супру-

гою греческаго посланника. У Нессельроде были замѣчательныя оранжереи; въ одной изъ нихъ были исключительно камеліи, которыя поддерживались трельяжами высотою въ 20 футъ и были усѣяны цвѣтами, представляя по истинѣ волшебное зрѣлище. Эти камеліи продавались очень дорого.

«Во французскомъ посольствѣ нерѣдко обѣдалъ генералъ графъ Бергъ, который пользовался особою любовью и уваженіемъ государя. Онъ часто разсказывалъ намъ анекдоты изъ военной жизни. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ.

«Одинъ французъ, уроженецъ Саверна, брошенный въ Россіи при отступленіи французской арміи въ 1812 г., давалъ уроки французскаго языка въ одной семьѣ, которая пріютила его.

«Онъ вскорѣ умеръ, оставивъ своему ученику письмо къ своимъ роднымъ, жившимъ въ Савернѣ. Этотъ молодой человѣкъ, попавъ во Францію съ русскими войсками въ 1814 г., прибылъ съ полкомъ въ Савернъ и поспѣшилъ отдать семьѣ письмо умершаго. Племянница этого француза такъ плѣнила его, что онъ въ тотъ же вечеръ отправился къ графу Палену, командовавшему русскимъ отрядомъ, въ которомъ онъ состоялъ, и просилъ у него позволенія жениться.

— Женись, другъ мой, если успѣешь,—отвѣчалъ ему Паленъ (было уже 11 часовъ вечера),—но мы выступаемъ завтра утромъ.

«Молодой человѣкъ воспользовался полученнымъ позволеніемъ, и въ ту же ночь полковой священникъ обвѣнчалъ его. Когда полкъ выступилъ, то новобрачная, которой было всего 16 лѣтъ, сидѣла на лошади за спиною своего мужа.

«Графъ Паленъ, котораго молодой офицеръ поймалъ на словѣ, простилъ ему эту продѣлку.

«Многіе русскіе офицеры женились во время похода; въ Гамбургѣ почти всѣ старыя дѣвы, у которыхъ было какое-либо состояніе, нашли себѣ мужей. Онѣ не понимали ни слова по-русски, а ихъ мужья не знали ни слова по-нѣмецки, но это дѣлу не мѣшало.

«18-го іюня (1852 г.) пріѣхала въ Петербургъ вдовствующая королева голландская, Анна Павловна, гдѣ она не была съ самаго вступленія своего въ бракъ. Ей долженъ былъ представляться дипломатическій корпусъ; это обстоятельство вызвало большое затрудненіе по слѣдующему поводу.

«Нѣсколько времени передъ тѣмъ, я имѣлъ столкновеніе съ барономъ Моллерусомъ (Mollerus), чрезвычайнымъ голландскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ съ 1842 года и старѣйшимъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса. Это былъ человѣкъ изысканно вѣжливый, тонкій знатокъ этикета, державшій себя всегда со всѣми отмѣнно вѣжливо.

«Онъ часто бывалъ во французскомъ посольствѣ и постоянно вспоминалъ, въ разговорѣ съ нами, о томъ, что онъ служилъ въ молодости королю Людовику и королевѣ Гортензіи, и старался дать понять намъ, что онъ былъ изъ числа лицъ, особенно сочувствовавшихъ новому французскому правительству.

«Мы были также въ наилучшихъ отношеніяхъ съ его секретарями, въ особенности съ графомъ Биландтомъ, страстнымъ охотникомъ на медвѣдя.

«Поэтому мы никакъ не могли ожидать той невѣроятной сцены, которую разыгралъ этотъ дипломатъ.

«Однажды вечеромъ, послѣ обѣда у оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова-Дашкова, на который я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами дипломатическаго корпуса, любезный хозяинъ дома пригласилъ насъ въ свой рабочій кабинетъ,—обширную комнату, выходившую на набережную. Въ этой большой комнатѣ, гдѣ мужчины обыкновенно курили послѣ обѣда, потолокъ поддерживался нѣсколькими колоннами. Я вошелъ въ кабинетъ съ четверть часа послѣ другихъ и усѣлся съ нѣсколькими изъ моихъ молодыхъ сотоварищей вправо отъ входа на диванѣ, который былъ на половину скрытъ колонной.

«Мы преспокойно пили кофе, какъ вдругъ до насъ донесся рѣзкій голосъ Моллеруса, покрывавшій всѣ остальные голоса. Онъ говорилъ съ большимъ жаромъ о послѣднихъ событіяхъ во Франціи. До меня донеслось имя Наполеонъ и эпитетъ узурпаторъ (похититель престола). Безъ сомнѣнія, не замѣтивъ меня, Моллерусъ отзывался все болѣе и болѣе рѣзко о новомъ императорѣ французовъ. Напрасно окружающіе дѣлали ему знаки, чтобы онъ замолчалъ, оглядываясь на меня. Я всталъ и, подойдя къ Моллерусу, сказалъ ему очень спокойно, что его слова недостойны, что я не ожидалъ отъ него ничего подобнаго, такъ какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, что въ молодости онъ былъ осыпанъ милостями короля Людовика и королевы Гортензіи, и что я сочту своей обязанностью сообщить о случившемся генералу Кастельбажаку. Моллерусъ былъ чрезвычайно смущенъ. Всѣ были на моей сторонѣ.

«Кастельбажакъ на другой же день поѣхалъ къ графу Нессельроде, которому онъ разсказалъ происшедшую сцену и выразилъ ему свое полнѣйшее по этому поводу негодованіе. Было рѣшено, что французскій посланникъ будетъ представленъ вдовствующей королевѣ голландской, помимо Моллеруса. Этотъ фактъ былъ очень важный, такъ какъ онъ показывалъ, какія чувства питали европейскіе дворы къ Наполеону III. Дѣло на этомъ не кончилось; французское правительство жаловалось черезъ своего посланника, барона Анре, нидерландскому правительству. Моллерусъ былъ отозванъ, и въ ожиданіи пріѣзда новаго министра, ба-

рона Жеверса, представителемъ Голландіи въ Петербургѣ былъ совѣтникъ посольства Дюбуа.

«Королева голландская, какъ сестра императора, занимала очень видное положеніе при Петербургскомъ дворѣ; ей было въ то время пятьдесятъ восемь лѣтъ; она никогда не была хороша собой, но въ молодости была очень стройна. Она придавала огромное значеніе этикету. Королева жила въ Петергофскомъ дворцѣ, и Рябопьеръ принималъ всѣхъ, которые пріѣзжали представляться ей.

«21-го іюня (3-го іюля) я ѣздилъ съ моимъ другомъ Рейнваленъ къ госпожѣ Потемкиной, урожденной Голицыной, въ ея имѣніе Гостилицы, за Петергофомъ. Это имѣніе было куплено Потемкинымъ приблизительно въ 1826 году. Помѣщичій домъ окруженъ красивымъ паркомъ, по которому протекаетъ рѣчка. Онъ построенъ на мѣстѣ деревяннаго дома, принадлежавшаго въ 1741 году фельдмаршалу Миниху, когда онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Императрица Елизавета подарила нѣсколько лѣтъ спустя Гостилицы князю Разумовскому.

«Послѣдній потомокъ Разумовскаго поручилъ управленіе имѣніемъ человѣку, который своими притѣсненіями довелъ крестьянъ до бунта. Они явились къ помѣщичьему дому, вооруженные косами и топорами, и заявили, что они предпочитаютъ ссылку въ Сибирь жизни съ ненавистнымъ управляющимъ. Зачинщики бунта были наказаны кнутомъ, и шестьдесятъ два крестьянина было сослано въ Сибирь.

«Вскорѣ послѣ этого происшествія Гостилицы были пріобрѣтены Потемкинымъ. Его жена, въ молодости женщина чрезвычайно красивая, была извѣстна своею благотворительностью; она всю жизнь дѣлала добро и была передъ императоромъ защитницей несчастныхъ. Близкіе родные сосланныхъ обратились къ Потемкиной съ просьбою похлопотать о томъ, чтобы имъ было дозволено вернуться обратно. Тронутая ихъ просьбами, она обѣщала сдѣлать все возможное, чтобы умилостивить государя. Цѣлыхъ два года хлопотала она объ этомъ и, наконецъ, добилась того, что эти несчастные были возвращены. Уступивъ ея просьбѣ, императоръ сказалъ, что при подобной слабости съ его стороны невозможно будетъ управлять Россіей.

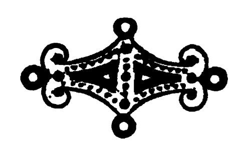
«Когда война была объявлена, императоръ Николай отозвалъ своихъ посланниковъ изъ Парижа и Лондона. Генералъ Кастельбажакъ, отъѣзжавшій въ Парижъ, отправился къ государю, чтобы откланяться передъ отъѣздомъ; онъ былъ очень растроганъ, и государь, желая утѣшить, обнялъ его и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Рѣдкій примѣръ въ исторіи, чтобы монархъ прощался такъ трогательно съ посланникомъ той страны, которая готовилась воевать съ нимъ!

«Я выѣхалъ изъ Петербурга 10-го (22-го) февраля 1854 г. въ Ригу, въ тяжелой дорожной каретѣ, которая нѣсколько разъ опрокидывалась на

пути. Погода была холодная, все время шелъ снѣгъ, и дулъ ледяной вѣтеръ; намъ приходилось подолгу ожидать лошадей, чтобы продолжать путь. Мы проѣхали черезъ Нарву, гдѣ видны еще остатки шведской крѣпости. Затѣмъ, миновавъ Ригу, переправились по льду черезъ Двину. День былъ воскресный; на берегу замерзшей рѣки была толпа гуляющихъ. На насъ всѣ обратили вниманіе.

«Въ Митавѣ, гдѣ жилъ Людовикъ XVIII во время эмиграціи съ 1798 по 1809 г., около насъ столпилось болѣе ста человѣкъ, любопытствовавшихъ взглянуть на секретарей французскаго посольства, которыхъ война заставила выѣхать изъ Россіи. Мы умышленно оставили въ харчевнѣ привезенный нами изъ Петербурга номеръ газеты, въ которой были описаны всѣ обстоятельства, сопровождавшія разрывъ нашихъ дипломатическихъ сношеній.

«15-го (27-го) февраля мы переѣхали границу».



Изъ дневника П. Г. Дивова.

1809 годъ.[1])

13-го января. День достопамятный, который могъ повлечь за собою весьма важныя послѣдствія для Россіи и для Пруссіи. Наканунѣ его величество приказалъ нѣсколькимъ гвардейскимъ батальонамъ произвести ученье въ экзерциргаузѣ Измайловскаго полка. Это деревянное зданіе, имѣвшее въ длину 40 саженъ и 18 саженъ въ ширину, обрушилось въ тотъ самый день, когда было назначено ученье, но ранѣе того, какъ туда собралось войско и съѣхались императоръ, король и великій князь Константинъ Павловичъ. Если бы потолокъ обрушился позднѣе, то весьма вѣроятно всѣ лица, которыя должны были присутствовать на этомъ ученьи, были бы убиты. Къ счастью, этого не случилось.

3-го февраля. Вмѣсто кн. Лобанова петербургскимъ губернаторомъ назначенъ министръ полиціи Балашовъ.

11-го февраля. Я имѣлъ разговоръ съ гр. Салтыковымъ и обратилъ его вниманіе на то, какъ опасны совѣщанія его величества съ членами французскаго посольства, которые парализуютъ наилучшія намѣренія министра; интриги Франціи начинаютъ пускать слишкомъ большіе корни, французы имѣютъ повсюду шпіоновъ, и мы настолько недальновидны, что не препятствуемъ этому.

22-го февраля. Я бесѣдовалъ съ министромъ удѣловъ Гурьевымъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Онъ сказалъ мнѣ по секрету, что государь хотѣлъ назначить его министромъ финансовъ на мѣсто гр. Васильева, но что онъ просилъ его величество повременить до тѣхъ поръ, пока особая коммиссія, которой поручено разсмотрѣть дѣла, не предста-

[1]) См. „Русск. Старину“, май 1903 г.

вить отчета, дабы нельзя было приписать личной непріязни то, что было совершенно истинно. Въ коммиссіи гр. Завадовскій и Поповъ возстали противъ него, Гурьева, такъ какъ онъ заикнулся о необходимости предоставить польскимъ провинціямъ и Малороссіи право пользоваться доходами, получаемыми отъ виннаго откупа; съ этого момента они оспаривали всѣ его планы, клонившіеся къ увеличенію доходовъ государства, и коммиссія покончила свое существованіе, не выработавъ ни одной полезной мѣры.

1-го марта. Министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Николай Румянцевъ возвратился изъ Парижа послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, не добившись ничего кромѣ полнѣйшаго униженія Россіи.

10-го марта. Получено извѣстіе о желаніи шведовъ заключить миръ помимо короля.

11-го марта. Получено извѣстіе о взятіи Аландскихъ острововъ, а на слѣдующій день пришло извѣстіе о переходѣ русскаго отряда по льду изъ Вазы въ Умео.

13-го марта. Императоръ уѣхалъ въ Финляндію на открытіе сейма.

21-го марта. Я былъ у главнаго казначея Голубцова, съ которымъ бесѣдовалъ о нашихъ финансахъ и о томъ, что необходимо убѣдить императора не подписывать ни указовъ, ни ассигновокъ, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что управленіе финансами стоитъ не на должной высотѣ, и что прочіе министры поступаютъ очень хитро, подносяя императору къ подписи доклады вмѣсто указовъ; а министръ внутреннихъ дѣлъ вноситъ въ дѣла смуту и открыто враждуетъ съ министромъ удѣловъ Гурьевымъ. Отъ него же я слышалъ, что князь Куракинъ исходатайствовалъ графу Ильинскому и какому-то купцу около милліона безпроцентной ссуды на устройство заводовъ и что гр. Васильевъ умеръ отъ горя, по поводу того, что онъ былъ вынужденъ отпустить для арміи Беннигсена авансомъ 5 милліоновъ, не получивъ санкціи императора; и что его величество только наканунѣ его смерти утвердилъ на словахъ выдачу этихъ 5 милліоновъ.

12-го апрѣля. Уѣхалъ кн. Голицынъ, назначенный командующимъ арміей противъ австрійцевъ; говорятъ, будто императоръ приказалъ ему выступить какъ можно скорѣе изъ города, а затѣмъ идти къ мѣсту назначенія какъ ему угодно. Что это означаетъ?

18-го апрѣля. Сегодня совершилось съ обычной торжественностью бракосочетаніе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ, который назначенъ управляющимъ вѣдомствомъ путей сообщенія.

23-го апрѣля. Въ ночь съ 22-го на 23-е число австрійскій посланникъ князь Шварценбергъ и весь составъ австрійскаго посольства

выѣхалъ изъ Петербурга, а на слѣдующій день въ оффиціальной газетѣ въ отдѣлѣ «Петербургъ» появилась статья, въ которой изложены причины, повлекшія за собою разрывъ дипломатическихъ отношеній съ Вѣнскимъ дворомъ. Но затѣмъ какъ будто спохватились, и князь Шварценбергъ остался въ Петербургѣ еще на нѣкоторое время, какъ частное лицо. Говорятъ, будто эта уступка общественному мнѣнію, которое чрезвычайно возбуждено противъ Франціи, сдѣлана по просьбѣ г-жи Нарышкиной, супруги оберъ-егермейстера.

26-го апрѣля. Князь Шварценбергъ получилъ съ эстафетой извѣстіе о побѣдѣ, одержанной австрійцами надъ французами. Всѣ съ радостью привѣтствовали это извѣстіе.

21-го іюля. По пути въ Петергофъ императора постигло несчастье; у него сломались дрожки, и онъ получилъ тяжкіе ушибы, такъ что долженъ былъ лежать въ постели въ Петергофѣ.

22-го іюля. Въ день тезоименитства вдовствующей императрицы въ Петергофѣ былъ большой праздникъ съ иллюминаціей и фейерверкомъ, который причинилъ не мало вреда, такъ какъ онъ былъ устроенъ въ очень неудобномъ мѣстѣ. Многіе ранены, а изъ тѣхъ, кто ѣхалъ въ Петергофъ водою, многіе утонули.

24-го іюля. Графъ Румянцевъ отправился въ Фридрихсгамъ для заключенія предварительныхъ условій мира.

18-го августа. Я былъ у Голубцова и спросилъ его между прочимъ, правда ли, что онъ просился въ отставку. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это ложный слухъ и что было бы безчестно оставить императора при теперешнихъ обстоятельствахъ до января мѣсяца. Онъ сказалъ, что императоръ грустенъ и озабоченъ и что причиною этого вѣроятно свойственная ему нерѣшительность.

23-го августа. Въ городѣ разнесся слухъ, что дипломатическіе переговоры съ Швеціей прерваны. Дай Богъ, чтобы это извѣстіе не подтвердилось и чтобы графу Румянцеву не пришлось упрекать себя въ новомъ проступкѣ противъ отечества, униженнаго и истерзаннаго въ угоду Наполеону.

6-го сентября. Изъ Фридрихсгама прибылъ курьеромъ статскій совѣтникъ Шулеповъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира со Швеціей, что̀ было возвѣщено публикѣ залпомъ изъ орудій.

7-го сентября. На слѣдующій день всѣмъ было приказано съѣхаться въ соборъ на молебствіе, на которомъ присутствовалъ весь дворъ. Войска, разставленныя шпалерами вокругъ Исакіевскаго собора, дали нѣсколько залповъ.

13-го сентября. Препровождая графу Разумовскому проектъ ратификаціи Фридрихсгамскаго мирнаго договора, я послалъ ему за-

мѣтку о необходимости обнародовать манифестъ, коимъ выгоды этого мира были бы разъяснены публикѣ.

1-го октября. Подписана ратификація мирнаго договора. Въ манифестѣ, появившемся одновременно съ печатнымъ текстомъ договора, обѣщаны празднества по случаю заключенія мира.

4-го октября. Я посѣтилъ впервые графа Кочубея, съ которымъ мы бесѣдовали о текущихъ событіяхъ. Онъ не надѣется на успѣхъ новаго займа; я увѣрялъ его въ противномъ, и мои слова, повидимому, подѣйствовали на него. Онъ сказалъ мнѣ, что это былъ его планъ, что онъ предлагалъ его еще до заключенія Тильзитскаго мира, но что гр. Васильевъ не одобрилъ его.

17-го октября. Я былъ у товарища министра иностранныхъ дѣлъ, графа Салтыкова, и спросилъ его, правда ли, что онъ подалъ въ отставку, онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не подавалъ прошенія письменно, но что ему наскучилъ ходъ дѣлъ и въ особенности отношеніе къ нему канцлера, что онъ объяснился съ нимъ по этому поводу и предпочитаетъ жить спокойно, нежели изображать изъ себя что-то такое и въ то же время не имѣть возможности ничего дѣлать. Я сказалъ ему, что на его мѣсто прочатъ Алопеуса, но государь не хочетъ ни его, ни Вейдемейера. Затѣмъ мы говорили о несоотвѣтствіи плановъ канцлера съ интересами страны.

Въ городѣ только и говорятъ о положеніи нашихъ финансовъ.

Придворные бранятъ министра финансовъ и называютъ его невѣждою; другіе говорятъ, что объ этомъ нечего и толковать до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ сооружать новыя постройки и тратить непроизводительно огромныя суммы на переобмундированіе войска по новымъ образцамъ.

2-го ноября. Вышло изъ печати мое сочиненіе объ улучшеніи финансовъ Имперіи. Я послалъ по одному экземпляру Сперанскому и кн. Лопухину и въ лѣсной департаментъ.

25-го ноября. Говорятъ, будто императоръ намѣренъ назначить Кошелева министромъ юстиціи, а гр. Кочубея министромъ финансовъ. Я нахожу, что оба къ этому не пригодны. Говорятъ также, будто императоръ намѣренъ образовать отборный отрядъ гвардіи.

29-го ноября. Императоръ уѣхалъ въ сопровожденіи небольшой свиты въ Тверь и затѣмъ въ Москву на три дня.

5-го декабря. Императоръ возвратился изъ Москвы; въ городѣ только и говорятъ о восторженномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему жителями первопрестольной. Во время пребыванія его величества въ Москвѣ къ высочайшему столу приглашались нѣкоторые отставные сановники.

12-го декабря. День рожденія государя; я послалъ графу Румянцеву въ подарокъ его портретъ, писанный Рейхелемъ по бюсту; онъ

изображенъ сидящимъ передъ столомъ, на которомъ лежатъ Фридрихсгамскій и Абосскій договоры, заключенные его отцомъ; вдали виднѣется обелискъ, сооруженный въ честь его отца, у подножія котораго начертано: «Кайнарджи 1774 г.»; подъ портретомъ подпись: «По примѣру дѣда и отца для отечества пріобрѣтается».

Я послалъ этотъ подарокъ при письмѣ, въ которомъ говорилъ, что изъ этого очерка семейной дипломатической исторіи видно, что его остается дополнить, заключивъ миръ съ Портой и съ Англіей. Канцлеръ ничего не отвѣтилъ мнѣ и повидимому былъ удивленъ этимъ подаркомъ.

1810 годъ.

6-го января. Я посѣтилъ бывшаго главнаго казначея Голубцова. Онъ сказалъ мнѣ,что онъ обязанъ отставкою канцлеру и французскому посланнику. Я спросилъ его, остается ли онъ въ Совѣтѣ, онъ сказалъ: «нѣтъ, гр. Румянцевъ вычеркнулъ меня изъ списковъ».

Затѣмъ мы бесѣдовали о нашихъ финансахъ и онъ изобразилъ ихъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что я былъ совершенно пораженъ. Онъ сообщилъ мнѣ разные планы, предложенные имъ императору для улучшенія нашихъ финансовъ, но которые не были имъ одобрены, и сказалъ между прочимъ, что е. в. обвиняетъ его въ паденіи курса. Для того, чтобы снять съ себя эту вину, онъ представилъ императору записку, поданную рижскими негоціантами, которые приписываютъ это застою въ торговлѣ. Государь прочиталъ записку, нашелъ ее справедливой, но строго запретилъ обсуждать въ Совѣтѣ министровъ вопросъ о торговлѣ. Голубцовъ сказалъ мнѣ также по секрету, что моя записка о запасныхъ магазинахъ послана Гурьеву.

Я ушелъ отъ него глубоко опечаленный безотраднымъ положеніемъ нашего отечества.

12-го января. Я былъ у новаго военнаго министра Барклая де-Толли; онъ сказалъ мнѣ, что онъ объяснился съ императоромъ относительно своихъ обязанностей и далъ ему понять, что онъ не можетъ, подобно своему предшественнику, завѣдывать одинъ всѣми отраслями военнаго дѣла и что государь согласился съ нимъ и сказалъ, что онъ полагается на его усердіе.

14-го октября. Пущенъ большой фейерверкъ, по случаю дня рожденія вдовствующей императрицы, но онъ былъ не особенно удаченъ.

Я бесѣдовалъ о текущихъ дѣлахъ съ барономъ Бюлеромъ и сказалъ

ему, что намъ не выпутаться изъ бѣды до тѣхъ поръ, пока ближайшими совѣтниками императора будутъ гофмаршалъ графъ Толстой, Сперанскій и канцлеръ Румянцевъ, которые поддерживаютъ во всемъ французскаго посланника. Онъ раздѣляетъ мое мнѣніе.

20-го октября. Говорятъ, будто императоръ предполагаетъ назначить военнымъ министромъ вмѣсто Барклая князя Долгорукова (прозваннаго «каламбуръ»). Весьма возможно, что противъ Барклая интригуютъ. Я поѣхалъ къ нему, сообщилъ ему слухи, которые ходятъ въ городѣ, и умолялъ его во имя блага отечества перенести терпѣливо маленькія непріятности, которыя ему дѣлаютъ, и не оставлять свой постъ.

Онъ сказалъ мнѣ, что его очень огорчаетъ то, что дѣла идутъ не такъ, какъ бы слѣдовало; онъ не видитъ возможности устроить наши дѣла, не заключа мира съ Портою, къ чему онъ прилагалъ все свое стараніе.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—возьмите это письмо, писанное мною канцлеру, вы увидите изъ него все (оно помѣчено 26-мъ августа).

— Онъ отвѣчалъ вамъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но мы объяснялись словесно, и вслѣдствіе этого разговора императоръ приказалъ сдѣлать шагъ къ заключенію мира.

2-го ноября. Шулеповъ сказалъ мнѣ, что канцлеръ превозноситъ флигель-адъютанта Чернышева, который сдѣлался нѣкотораго рода посредникомъ между императоромъ Александромъ и Наполеономъ, и говоритъ, что онъ способенъ исполнять обязанности посланника. Я не показалъ вида, что эти похвалы удивили меня, хотя я имѣлъ полное основаніе быть изумленнымъ. Наполеонъ превозноситъ людей неспособныхъ для того, чтобы не имѣть подлѣ себя людей, которые могли бы слѣдить за нимъ, и онъ внушаетъ имъ все, что захочетъ. Надо было сознаться, что у меня сердце облилось кровью, услыхавъ отзывъ канцлера, ибо это показываетъ, что канцлеръ является только отголоскомъ Наполеона и его желаній.

22-го ноября. Я видѣлъ сегодня впервые полковника Чернышева, знаменитаго посредника между Наполеономъ и императоромъ Александромъ. Его лицо не показалось мнѣ ни глупымъ, ни низкопоклоннымъ, какъ утверждали.

2-го декабря. Я сообщилъ военному министру, что противъ него ведется интрига, въ которой принимаетъ участіе великій князь. Онъ разсказалъ мнѣ по секрету все, что произошло между ними, присовокупивъ, что все остальное не болѣе, какъ интрига графа Аракчеева, что онъ примирился съ великимъ княземъ, который былъ не правъ, какъ это извѣстно теперь и государю, его брату.

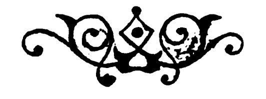
Въ теченіе декабря мѣсяца было нѣсколько засѣданій Совѣта, на которыхъ обсуждался новый тарифъ, который предполагается ввести.

Канцлеръ дѣлалъ все возможное, чтобы парализовать всѣ принятыя мѣры, но противная сторона одержала верхъ, и поэтому запрещенъ ввозъ нѣкоторыхъ предметовъ, въ ущербъ французской торговлѣ.

25-го декабря. Я былъ у министра полиціи Балашова и передалъ ему для его личнаго употребленія записку съ указаніемъ того, зачѣмъ надобно особенно слѣдить въ губерніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши. Я спросилъ его по этому поводу, какія указанія заимствованы имъ изъ архивовъ и переданы канцлеру. Онъ сказалъ мнѣ, что канцлеръ не даетъ ему никакихъ бумагъ, говоря въ видѣ извиненія, что еще не все готово. Я выразилъ ему по этому поводу свое удивленіе и передалъ ему слова канцлера, который сказалъ мнѣ, чтобы я не спѣшилъ съ этой работой; я рѣшительно не понимаю образа дѣйствій канцлера.

Затѣмъ мы говорили о подольскомъ губернаторѣ Литвиновѣ, который видимо ему не особенно нравится. Я указалъ ему на Чевкина, какъ на человѣка, вполнѣ подходящаго занять это мѣсто, но, сказалъ я, что касается поставки провіанта для арміи, то Литвинова обвиняютъ несправедливо. 22-го числа появился манифестъ, и обнародованъ новый тарифъ, имѣвшій цѣлью поощрить развитіе фабричнаго производства. Это произвело на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Благоразумные люди одобряли эту мѣру правительства, желая, чтобы она была проведена съ должной энергіей. Новымъ тарифомъ повышена пошлина на всѣ сырые матеріалы: шерсть, шелкъ, ленъ и коноплю и на нѣкоторыя другія произведенія. По моему мнѣнію, шерсть слѣдовало бы обложить болѣе высокой пошлиной, нежели 50 коп. съ пуда. Столь ничтожная пошлина не можетъ пріостановить ея вывозъ за границу.

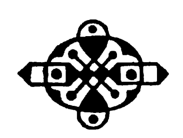
Годъ закончился пожаромъ, истребившимъ до тла Петровскій театръ, который сгорѣлъ въ ночь на 1-е января 1811 года.



Дополненіе къ статьѣ: «Декабристы на Кавказѣ» [1]).

Петръ Павловичъ Титовъ оставался на Кавказѣ, повидимому, не долго; потомъ жилъ въ Одессѣ, съ женою Юліею (рожденною Левицкою, бывшею фрейлиною). Онъ много лѣтъ служилъ въ строительномъ комитетѣ; въ шестидесятыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ, умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ въ своемъ имѣніи; вдова его умерла въ Одессѣ въ 1895 г.

Г. А. Т.



[1]) См. „Русскую Старину" 1903 г. іюнь (№ 6), стр. 497.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Таково, приблизительно, наше сельское дворянство. Те же, которое получило несколько более тщательное воспитаніе, и немногочисленно, и ни мало не склонно противодѣйствовать какимъ бы то ни было мѣрамъ правительства. Тѣ изъ нихъ, которые усвоили себѣ идеи о справедливости, будутъ, конечно, сочувствовать подобной мѣрѣ; прочіе же, хотя, быть можетъ, и въ большинствѣ, ограничатся только неопасною болтовнею. Большая часть дворянства, состоящаго на государственной службѣ, стремится къ совершенно иному: въ исполненіи распоряженій правительства оно, къ несчастію, преслѣдуетъ только свои личныя выгоды, часто плутуя, но никогда не сопротивлялись. Гдѣ же тутъ элементы опаснаго волненія?

Между народомъ и помѣщиками царитъ большая ненависть; но народъ всегда преданъ правительству и убѣжденъ, что императоръ всегда готовъ защищать его. Всякую стѣснительную мѣру народъ приписываетъ не государю, а его министрамъ: по его словамъ, министры злоупотребляютъ довѣріемъ императора, потому что, будучи изъ дворянъ, руководствуются только своими личными выгодами. При малѣйшемъ покушеніи противъ правъ верховной власти, народъ прежде всѣхъ ополчится на защиту ея, видя въ такомъ покушеніи лишь увеличеніе власти своихъ враговъ-дворянъ.

Въ концѣ книги помѣщена переписка императора Александра I съ графомъ П. А. Строгановымъ и переписка этого послѣдняго съ княземъ Чарторыйскимъ.

Въ книгѣ помѣщены прекрасно исполненные портреты членовъ негласнаго комитета—императора Александра I, графа П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева, графа В. П. Кочубей, князя А. А. Чарторыйскаго и извѣстнаго Лагарпа.

Н. К-ш-ъ.

А. А. Сидоровъ. Польское возстаніе 1863 года. Историческій очеркъ. Съ портретами и снимками съ медалей. С.-Петербургъ. Изданіе Карбасникова. 1903 г., 356 стран. Ц. 1 р. 50 к.

Новая книга А. А. Сидорова, автора работъ «Историческій очеркъ русской печати въ Привислинскомъ краѣ», «Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ» и друг., излагаетъ ходъ и развитіе польскаго возстанія 1863 года, при чемъ, въ цѣляхъ лучшаго освѣщенія этого возстанія, передаются вкратцѣ и всѣ предыдущія попытки поляковъ возстановить польское государство, со времени паденія Польши. Вступленіе на престолъ Наполеона III оживило, какъ извѣстно, польскія надежды, но опредѣленный и твердый режимъ императора Николая I не давалъ имъ простора. Неудачный для Россіи исходъ Крымской войны, обнаружившаяся съ 1856 года перемѣна во взглядахъ и дѣятельности русскаго правительства и въ настроеніи русскаго общества и нѣкоторыя другія обстоятельства ободрили поляковъ, и въ польскомъ обществѣ началось новое движеніе, направленное къ возстановленію Польши. Взгляды польскихъ руководителей на способы достиженія этой цѣли расходились, но все болѣе перевѣшивалъ взглядъ, требовавшій не постепеннаго, а немедленнаго воскрешенія польской государственности. Авторъ довольно подробно останавливается на ближайшемъ времени, предшествовавшемъ возстанію, на усилившейся въ ту пору полонизаціи западныхъ губерній, на подготовкѣ возстанія и на первыхъ демонстраціяхъ, характеризуетъ главныхъ русскихъ и польскихъ дѣятелей этого времени, выясняетъ видное значеніе евреевъ въ подготовкѣ возстанія и указываетъ на отношеніе къ тогдашнему польскому движенію нѣмцевъ и русскаго общества, а также выдающихся русскихъ писателей.

Русское правительство дѣлало все, чтобы «мѣрами любви и кротости» предотвратить готовившееся возстаніе, но избранный имъ путь не привелъ къ цѣли. Правительство благосклонно соглашалось на всѣ реформы и мѣры, которыя предлагалъ маркизъ Велепольскій, полагавшій, что этими мѣрами можно сдержать революціонный взрывъ. Но если Велепольскій одною рукою пытался сдержать этотъ взрывъ, то другою самъ же разжигалъ страсти. Уступки правительства принимались за доказательство слабости русскихъ и за залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Авторъ излагаетъ организацію возстанія и ходъ его, указываетъ на связь въ дѣятельности варшавскихъ, петербургскихъ, виленскихъ и кіевскихъ польскихъ руководителей, на ихъ взаимныя сношенія и на дѣятельность польской эмиграціи.

Вооруженное возстаніе вызвало перемѣну въ отношеніи къ такъ называемому польскому вопросу со стороны русскаго правительства и русскаго общества, а по прекращеніи возстанія правительство приступило къ широкой преобразовательной дѣятельности въ привислянскихъ и западныхъ губерніяхъ. Обрисовывая этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на преобразованія, авторъ оттѣняетъ дѣятельность гр. Муравьева по возрожденію русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Н. А. Милютина и кн. Черкасскаго по укрѣпленію русской государственности въ привислинскихъ губерніяхъ.

Содержаніе книги иллюстрируется рядомъ портретовъ дѣятелей времени возстанія, снимками съ медалей, рисунками разныхъ событій и т. д.

Авторъ воспользовался русской и польской печатной литературой по исторіи возстанія, собраніями документовъ и предметовъ у частныхъ лицъ (проф. Д. В. Цвѣтаева, Н. П. Корнилова, Афанасьева и др.), внесъ нѣкоторыя данныя изъ архива канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора и проч. Это открыло ему возможность провѣрки многаго изъ того, что прежде выдавалось за достовѣрное. Обнимая предметъ разносторонне и безъ эпизодическихъ подробностей, книга даетъ цѣльное и ясное представленіе о предметѣ, читается легко и съ интересомъ.

А. Н-скій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. **АВГУСТЪ.** 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Папа Левъ XIII.** (Біографическій очеркъ). П. Мальвова. . . . . 241—263

II. **Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева.** Проф. Е. Боброва. . . . . 265—280

III. **Въ Рущукскомъ отрядѣ.** Сообщилъ Сергѣй Манассеинъ. . . . . 281—297

IV. **Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.** Сообщ. В. В. Щегловъ. 299—319

V. **Записки Н. Г. Залѣсова.** Сообщ. Н. Н. Длусская. 321—340

VI. **Изъ исторіи польскаго возстанія 1863 г.** А. Миловидова. . . . . 341—348

VII. **Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ.** . . . 349—382

VIII. **Записки Э. И. Стогова.** . 383—395

IX. **Основаніе Красносельскаго театра.** М. Щепкина. 397—403

X. **Цензура въ царствованіе императора Николая I-го.** 405—437

XI. **Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ.** Сообщ. И. А. Бычковъ. 439—456

XII. **О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей.** (Три собственноруч. записки В. Н. Каразина, представленныя гр. Кочубею, по его приказанію въ январѣ 1820 года). 457—465

XIII. **Графъ П. К. Сухтеленъ.** (Его характеристика по шведскимъ источникамъ). Сообщ. С. Варадель. 467—477

XIV. **Посылка Петра Беклемишева во Флоренцію въ 1716 году.** Сообщ. В. В. Еропкина. . . . . 479—480

XV. **Записная книжка „Русской Старины“:** Кто далъ имя императору Александру II. 17-го апрѣля 1818 года. (стр. 264).—Стихотвореніе въ честь А. С. Шишкова. 15 марта 1811 г. Любителя русскаго слова (298).—Виллокъ и А. С. Пушкинъ на Кавказск. минеральн. водахъ въ 1820 г. Сообщ. Е. Вейденбаумъ (320). — Бродяга. (Стихотвореніе). А. И. С—ва (396).—О нестѣсненіи обывателей гор. Москвы при отводѣ квартиръ для свиты государя. 20-го сентября 1818 года. (404).—Послѣдствія для проповѣдника о вольности крестьянъ. 11-го іюля 1818 г. (438). — Благодарность митроп. Амвросію. 30-го дек. 1813 г. (466).—По поводу статьи: «Декабристы на Кавказѣ». А. Карасева (478).

XVI. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александры Петровны Струйской, урожд. Озеровой.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1903.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Комитетъ Министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія Государя Императора Николая Александровича (1894 г. 21-го октября—1902 г. 8-го сентября). Составлено помощникомъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ Н. И. Вуичемъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе Комитета Министровъ. Спб. 1902 г.

Столѣтнее существованіе Комитета Министровъ, истекшее 8-го сентября 1902 г., объемлетъ также и первыя восемь лѣтъ благополучнаго царствованія Государя Императора Николая Александровича.

«Этотъ восьмилѣтній періодъ времени,—читаемъ въ предисловіи,—конечно, не можетъ еще составить предмета историческаго изложенія дѣятельности Комитета. Но предпринятое изслѣдованіе принадлежащаго Комитету Министровъ въ государственной жизни Россіи значенія было бы не полно безъ указанія на продолжающееся непрерывно и до нашихъ дней широкое участіе Комитета въ дѣлахъ управленія. Поэтому, не задаваясь цѣлью подробнаго освѣщенія всѣхъ отдѣльныхъ, восходившихъ на разсмотрѣніе Комитета, вопросовъ, для разрѣшенія коихъ требовалось представленіе на непосредственное благовоззрѣніе Высочайшей власти, настоящій очеркъ имѣетъ задачею краткое обозначеніе того участія, которое Комитетъ Министровъ въ послѣдніе годы принималъ въ направленіи важнѣйшихъ отраслей государственнаго и хозяйственнаго быта страны».

Разсматриваемый нами историческій очеркъ состоитъ изъ шести отдѣловъ.

П е р в ы й отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ компетенцію Комитета Министровъ, составъ его и особыя дѣла.

Особыми Высочайшими повелѣніями неоднократно поручаемо было Комитету Министровъ разсматривать повергаемыя въ отдѣльныхъ случаяхъ на воззрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшія ходатайства объ оказаніи какихъ-либо льготъ и допущеніи въ пользу просителей изъятій изъ закона. Обсуждая такія дѣла съ точки зрѣнія значенія обстоятельствъ, объясняющихъ испрашиваемыя отступленія отъ установленныхъ правилъ, Комитетъ не признавалъ возможнымъ удовлетворить ходатайства, въ основаніе коихъ полагались только общія соображенія о тѣхъ или другихъ неудобствахъ примѣненія закона. Тѣмъ не менѣе, во исполненіе Высочайшихъ повелѣній, Комитетъ Министровъ входилъ въ иныхъ случаяхъ въ разсмотрѣніе вопросовъ частно-правового порядка, обсуждая возможность удовлетворенія заявленныхъ во всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ ходатайствъ преимущественно съ точки зрѣнія отсутствія въ подобныхъ рѣшеніяхъ примѣра для послѣдующаго времени.

Вопросы, относящіеся къ опредѣленію значенія и предѣловъ генералъ-губернаторской власти, составляли всегда предметъ особаго вниманія Комитета Министровъ и восходили на его обсужденіе также и въ разсматриваемый періодъ времени. Общій вопросъ о предпочтительности сохраненія генералъ-губернаторской власти въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она нынѣ существуетъ, или же о подчиненіи этихъ мѣстностей общему порядку управленія,—возбуждался въ Комитетѣ Министровъ при обсужденіи предположеній министра внутреннихъ дѣлъ объ упраздненіи степнаго генералъ-губернаторства. Въ 1897 г., по положенію Комитета Министровъ, изъ состава этого генералъ-губернаторства была выдѣлена Семирѣченская область, включенная вмѣстѣ съ Закаспійскою въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и военнаго округа; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ военное управленіе было отдѣлено отъ гражданскаго, изъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей: Акмолинской, Семипалатинской и Якутской образованъ новый военный округъ подъ наименованіемъ Сибирскаго.

Въ 1898 г. главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ были предоставлены новыя временныя полномочія, изъ которыхъ важнѣйшія слѣдующія: 1) издавать инструкціи мѣстнымъ по крестьянскимъ и по поселенческимъ дѣламъ учрежденіямъ; 2) разрѣшать пререканія между губернскими правленіями разныхъ губерній Кавказскаго края о подвѣдомственности и устанавлять въ городскихъ поселеніяхъ обязательныя для хозяевъ домовъ объявленія полиціи о прибывшихъ въ домъ и о выбывшихъ изъ него; 3) по отношенію къ городскому управленію пользоваться всѣми тѣми правами, которыя предоставлены министру внутреннихъ дѣлъ; 4) налагать на частныя повременныя изданія взысканія, указанныя въ ст. 154 Уст. Ценз., и закрывать публичныя библіотеки и читальни, и 5) утверждать инструкціи, опредѣляющія подробности устройства сельско-врачебной части.

Расширеніе правъ генералъ-губернатора произошло также и въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Вслѣдствіе указанія пріамурскаго генералъ-губернатора на хищническую дѣятельность нѣкоторыхъ иностранцевъ на сѣверо-восточномъ побережьѣ Сибири, въ 1900 г. состоялось положеніе Комитета о воспрещеніи впредь, въ видѣ временной мѣры, прибытія и проживанія,

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА СТРУЙСКАЯ,

УРОЖДЕННАЯ ОЗЕРОВА.

Съ акварельнаго портрета рисованнаго въ 1828 году.

Папа Левъ XIII.

(Біографическій очеркъ) [1].

I.

Левъ XIII по происхожденію изъ древняго дворянскаго рода Пекки въ Италіи, родился 26-го марта (нов. ст.) 1810 года въ Карпинето близъ Ананьи и названъ былъ Джіакоммо-Вицентъ Рафаэль. Отецъ его, полковникъ и кригсъ-коммиссаръ, не имѣя средствъ воспитать и обучить своихъ дѣтей дома, отдалъ восьмилѣтняго Джіакоммо Пекки, вмѣстѣ съ братомъ его Нино, на воспитаніе іезуитамъ въ Витебро, гдѣ онъ и пробылъ шесть лѣтъ. По окончаніи курса ученія въ этой іезуитской коллегіи оба брата поступили въ 1825 году въ коллегію (Collegium romanum) въ Римѣ. Удостоенный въ 1832 году степени доктора богословія, Джіакоммо Пекки былъ принятъ, какъ выдающійся богословъ, въ Академію высшаго духовенства (Academia dei nobili ecclesiastici), которая была перворазряднымъ учебнымъ заведеніемъ для лицъ, готовящихся посвятить свою дѣятельность дипломатическому и административному поприщу при римскомъ дворѣ; это школа папскихъ дипломатовъ.

Молодой Пекки очень, прилежно занимавшійся богословскими и юри-

---

[1]) Очеркъ этотъ составленъ на основаніи слѣдующихъ сочиненій:

Le livre d'or du pontificat de Leon XIII, par Galland. Bruxelles. Der Papst Leo XIII, ein Lebensbild. Padeborn. 1893; Narfon—Leon XIII intime. Paris. 1899; Boyer d'Agen — La jeunesse de Leon XIII, societé d'editions litteraires; Henri de Houx — Le pape Leon XIII — Ioachim Pecci — 1899 Paris; Tessi Passerini—Leone XIII ed il suo tempo. Turino 1886; Il conclavo di Leone XIII. Roma 1857; Leo XIII—Seine Weltanschauung und seine Wirksamkeit—von Leopold Goetz. Gotha 1899; Schwerbt—Papst Leo XIII. Augsburg. 1887; Albertus—Die sociale politische Bedeutung Leo XIII.

дическими науками, былъ представленъ папѣ Григорію XVI, какъ выдающійся каноникъ, и, пользуясь особымъ покровительствомъ кардиналовъ Сала и Пакка, былъ, по выходѣ изъ Академіи, зачисленъ въ число папскихъ прелатовъ и скоро сдѣланъ докладчикомъ при папскомъ управленіи внутренними дѣлами (potente del buon governo). Эта должность приводила его въ соприкосновеніе со множествомъ кардиналовъ, имѣвшихъ вліяніе на дальнѣйшую судьбу молодаго Пекки.

Посвященный въ дьяконы въ 1837 г. и скоро за тѣмъ во священники въ 1838 г., молодой Пекки былъ назначенъ папскимъ делегатомъ въ Беневентъ [1]), въ томъ же 1838 году, имѣя всего 28 лѣтъ. Это небольшое папское владѣніе въ двѣ квадратныя мили находилось среди земель королевства обѣихъ Сицилій и было наполнено всякаго рода преступниками, бѣжавшими изъ Неаполитанскаго королевства, которые постоянно нарушали общественное спокойствіе обывателей Беневента.

Пекки принялъ рѣшительныя мѣры къ удаленію такихъ лицъ и очень много заботился объ устройствѣ хорошихъ дорогъ, развитіи земледѣлія и промышленности, объ уменьшеніи тяжкихъ поборовъ, обременявшихъ жителей, и объ улучшеніи вообще общественнаго положенія обывателей, ввѣренныхъ его управленію. Едва только стали проявляться въ Беневентѣ результаты плодотворной дѣятельности Пекки, какъ папа Григорій XVI перевелъ его въ Сполетто, а затѣмъ въ Перуджіо. Эта столица Умбріи отличалась, какъ и вся область вообще, враждебнымъ настроеніемъ къ свѣтокому господству папы и, подъ вліяніемъ Мадзини и его сообщниковъ, высказывалась за объединеніе Италіи и уничтоженіе свѣтской власти римскаго первосвященника.

Пекки ловко съумѣлъ противодѣйствовать этимъ стремленіямъ населенія и удержалъ его въ спокойномъ повиновеніи, за что̀ получилъ званіе архіепископа Даміетты и былъ назначенъ папскимъ нунціемъ въ Брюссель, гдѣ успѣлъ установить вполнѣ дружественныя отношенія бельгійскаго двора къ римскому и велъ очень удачно полемику, возникшую между клерикалами и ихъ противниками по вопросу о школьномъ обученіи.

Обладая талантомъ говорить, онъ явился посредникомъ даже въ пререканіяхъ, возникшихъ въ лагерѣ католиковъ (между іезуитами и строгими католиками), обнаруживъ при этомъ дѣйствительное благоразуміе

---

[1]) Папская область въ то время занимала 812 миль и имѣла около трехъ милліоновъ жителей. Къ составу папскихъ владѣній принадлежали: Равенна и Анкона при Адріатическомъ морѣ, а также Перуджіо и Болонья близъ Тибра и владѣнія Беневентъ и Понте-Корво, находившіяся среди Неаполитанскаго королевства.

Позднѣе всѣ эти владѣнія вошли въ составъ Итальянскаго королевства.

и преданность католической церкви, на пользу которой онъ успѣлъ основать особую бельгійскую коллегію въ Римѣ.

Въ концѣ 1845 г. Пекки былъ назначенъ дѣйствительнымъ архіепископомъ въ Перуджіо по просьбѣ о томъ правителей этой мѣстности. Отправляясь снова въ Италію, Пекки посѣтилъ Англію, пробылъ мѣсяцъ въ Лондонѣ, представлялся королевѣ Викторіи и ея супругу принцу Альберту, познакомился съ лордомъ Абердиномъ, Пальмерстономъ и другими выдающимися личностями англійской аристократіи, а также съ положеніемъ трудолюбиваго католическаго населенія Великобританіи.

Прибывъ въ Перуджіо въ іюлѣ 1846 года, Пекки не засталъ уже въ живыхъ папу Григорія XVI; во время происходившаго конклава для избиранія ему преемника Пекки имѣлъ случай познакомиться съ кардиналомъ Мастай Ферети, будущимъ Піемъ IX, вполнѣ одобрившимъ его образъ дѣйствія въ Бельгіи. До самаго 1871 г. Пекки пребывалъ епископомъ въ Перуджіо, хотя и былъ сдѣланъ кардиналомъ [1]) въ 1853 г. и въ этомъ званіи не разъ бывалъ въ Римѣ и при томъ иногда довольно продолжительное время. Но въ 1877 г. онъ совершенно переселился въ Римъ, будучи сдѣланъ кардиналомъ-каммерленго, на которомъ, по церковнымъ правиламъ, лежало также исполненіе обязанностей папы при болѣзни и смерти послѣдняго до новаго избранія.

Эта продолжительная епископская дѣятельность Пекки является уже какъ бы прототипомъ его будущей дѣятельности на папскомъ престолѣ, и потому не лишнее сказать о ней нѣсколько словъ. Пекки уже въ то время написалъ нѣсколько сочиненій (какъ-то: Церковь и 19 столѣтіе, Церковь и нравственная культура, Церковь и матеріальное развитіе) и издалъ рядъ посланій, увѣщаній, писемъ и такъ далѣе, изъ которыхъ видно, что въ силу своего воспитанія въ коллегіи іезуитовъ Пекки усвоилъ себѣ ихъ воззрѣнія на Церковь и на отношенія къ ней ея сочленовъ и, согласно съ этими воззрѣніями, онъ постоянно ратовалъ за слѣпое повиновеніе папскому престолу и вооружался противъ новѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній, противъ всеобщей почти испорченности нравовъ, противъ вреднаго духа новѣйшаго времени и т. д. Какъ послушный ученикъ іезуитовъ, онъ признавалъ главнымъ авторитетомъ въ богословіи и философіи Ѳому Аквинскаго, находилъ необходимымъ слѣпое повиновеніе членовъ Церкви всѣмъ церковнымъ прави-

---

[1]) По постановленію папы Сикста V общее число кардиналовъ всѣхъ степеней (есть кардиналы діаконы, кардиналы священники, кардиналы, епископы), соотвѣтственно числу учениковъ Спасителя, должно быть семьдесятъ. Самый важный изъ нихъ кардиналъ-каммерленго, завѣдующій всѣми финансовыми дѣлами папы. Прочимъ кардиналамъ поручаются въ ихъ вѣдѣніе различныя дѣла папскаго управленія. Все собраніе кардиналовъ (т. е. коллегія) избираетъ изъ среды своей главу Римской церкви, т. е. папу.

*

ламъ, не допуская отнюдь обсужденія, за чѣмъ существуетъ то или другое правило и въ чемъ заключается внутреннее его основаніе; словомъ, онъ держался строго того, что ученіе римско-католической церкви должно быть признано истиннымъ, потому, что оно истинно. Онъ неуклонно слѣдовалъ догмѣ, принялъ безпрекословно заявленіе, возвѣщенное папою 8-го декабря 1854 года [1]), о непорочномъ зачатіи Пречистой Дѣвы, и даже признавалъ ее соучастницей въ избавленіи рода человѣческаго.

Равнымъ образомъ Пекки былъ покровителемъ монашескаго ордена Св. Франциска и много содѣйствовалъ распространенію его въ Умбріи, гдѣ нѣкогда проживалъ Св. Францискъ. Точно также онъ установлялъ торжественныя молебствія и крестные ходы во время сильныхъ дождей въ 1853 году, при чемъ носили вокругъ города обручальное кольцо Дѣвы Маріи. Онъ признавалъ римско-католическій катехизисъ, составленный на Тридентскомъ Соборѣ въ 1566 г., за главный учебникъ христіанской вѣры, добавляя, что Спаситель далъ власть управлять Церковью не каждому изъ своихъ учениковъ въ отдѣльности, но особому намѣстнику въ лицѣ Св. Петра и двѣнадцати апостоламъ, что Церковь по существу своему является независимою отъ государства и отъ всякой свѣтской власти вообще; что она преслѣдуетъ высшія цѣли, какія только вообще возможны и доступны для человѣка и что Церковь не можетъ быть подчинена какой-либо другой власти, преслѣдующей менѣе возвышенныя цѣли.

Свѣтская власть папы безусловно необходима для свободнаго и безпрепятственнаго проявленія Церкви [2]). Пекки признавалъ также всемогущество римскаго первосвященника и его непогрѣшимость въ дѣлахъ Церкви, отъ котораго во всемъ зависятъ епископы и прочія духовныя лица, являющіяся только исполнительными органами главы Церкви, вполнѣ отъ нея зависящія, какъ мелкія звѣзды отъ большой планеты.

«Мы всѣ вѣримъ тому, что вѣритъ святѣйшій отецъ,—говоритъ Пекки въ письмѣ по поводу 25-ти лѣтняго юбилея Пія IX въ 1871 г.,— и проклинаемъ все, что онъ проклялъ».

Признавая, что апостолъ Петръ былъ непогрѣшимъ, Пекки вполнѣ послѣдовательно распространялъ это на его преемниковъ, на видимую главу Церкви, на римскаго первосвященника, который въ его глазахъ былъ центръ единства вѣры, хранитель и непогрѣшимый учитель всѣхъ открытыхъ истинъ [3]). Изъ этого Пекки выводилъ, что Церковь имѣетъ

---

[1]) Это ученіе изложено въ Буллѣ папской „Ineffabilis Deus".

[2]) Впослѣдствіи оказалось, что римскій первосвященникъ и безъ свѣтской власти можетъ безпрепятственно проявлять духовное руководство римско-католической церковью.

[3]) Догматъ о непогрѣшимости папы, а также о первенствующемъ его положеніи въ мірѣ установленъ Ватиканскимъ Соборомъ 1869 — 70 г., когда римскимъ первосвященникомъ былъ папа Пій IX.

право исключать изъ среды своей непокорныхъ сыновъ, подвергать ихъ различнымъ наказаніямъ, что всякій истинный католикъ долженъ имѣть спасительный страхъ такого наказанія, что Церкви принадлежитъ также и цензура, хотя она, добавлялъ Пекки, и подвергается осмѣянію въ нашъ вѣкъ. Онъ приписываетъ папѣ не только право производить цензуру въ самомъ широкомъ размѣрѣ, но даже возстановить, если требуется, верховный инквизиціонный трибуналъ на прежнихъ его основаніяхъ.

Церковь для Пекки является врачемъ отъ всѣхъ золъ міра, а потому онъ именемъ Христа приписываетъ Церкви и папѣ безграничное господство надъ духомъ и плотью человѣка, во всѣхъ странахъ свѣта. Вездѣ, гдѣ только являются люди, папа имѣетъ право проявить свою власть, распространить истинное ученіе (истребляя, конечно, ложное) и возвратить въ лоно Церкви, для ихъ спасенія, отпавшихъ отъ нея членовъ.

При такихъ воззрѣніяхъ Пекки является, конечно, врагомъ протестантства и старо-католиковъ, считая тѣхъ и другихъ еретиками, порожденіемъ высокомѣрія и безбожія.

Онъ сопоставляетъ въ одно протестантство съ раціонализмомъ и язычествомъ и даже съ атеизмомъ. Онъ находитъ необходимымъ поэтому вести непрерывную борьбу съ этими двумя врагами католичества, прибѣгая при этомъ къ весьма различнымъ и своеобразнымъ мѣрамъ.

Признавая, что только католическая Церковь является единственною, истинною Церковью, Пекки заявляетъ, что свободной волѣ человѣка не предоставлено устанoвлять по своему усмотрѣнію внѣшнюю форму богопочитанія, т. е. религію, и что только та наружная форма богопочитанія является истинною, соблюденіе которой предписано намъ самимъ Богомъ въ божественномъ откровеніи; всякая же другая форма является не только противною Богу, но и не можетъ быть терпима. Точно также истинная культура и цивилизація возможны, по мнѣнію Пекки, только въ лонѣ католической церкви, въ неразрывной связи съ ея ученіемъ и правилами. Всякая другая цивилизація ничего общаго съ цивилизаціею дѣйствительною не имѣетъ и должна быть преслѣдуема.

Эти опредѣленно-выраженныя богословскія воззрѣнія Пекки руководили имъ неуклонно во время его епископства въ Перуджіо и сдѣлали его главою клерикальной партіи, возставшей противъ образовавшагося Итальянскаго королевства. Онъ всѣми мѣрами старался сохранить возможно долѣе какъ страну, такъ и все ея населеніе въ неизмѣнной преданности къ папскому престолу въ политическомъ отношеніи.

Въ этихъ видахъ онъ заботился прежде всего собрать вполнѣ удовлетворительный и строго дисциплированный личный составъ всего духо-

венства въ своей епархіи, зная очень хорошо, что духовенство имѣетъ большое вліяніе на свѣтское населеніе и что религіозность вѣрующихъ зависитъ непосредственно отъ нравственныхъ качествъ духовенства и рвенія его о спасеніи души ввѣренной ему паствы. Поэтому Пекки обратилъ особенное вниманіе на всякаго рода духовныя училища, а въ особенности на семинарію, прилегавшую къ дому епископа. Онъ значительно расширилъ ее и поднялъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе и обученіе въ оной, увеличилъ число учебныхъ предметовъ, воспитывалъ дѣтей съ самыхъ юныхъ лѣтъ подъ строгою дисциплиною вдали отъ вліянія внѣшняго міра. Онъ желалъ бы воспитать въ одной семинаріи всѣхъ духовныхъ лицъ своей епархіи, но это являлось, очевидно, невозможнымъ, а потому онъ старался распространить на всѣ духовныя учебныя заведенія одну дисциплину, одинъ порядокъ, одно обученіе, и съ этою цѣлью поручилъ ихъ всѣхъ особому надзору одного духовнаго инспектора, установилъ для нихъ однообразный образъ жизни во всѣхъ отношеніяхъ и предписалъ имъ въ особенности неуклонно посѣщать лекціи литургіи и духовнаго краснорѣчія.

Кромѣ того, были изданы подробныя наставленія объ исполненіи духовными лицами всѣхъ ихъ обязанностей, начиная отъ высоконравственныхъ и до ношенія платья, посѣщенія знакомыхъ, общенія съ мірянами включительно. Онъ предупреждалъ ихъ о пагубномъ вліяніи чтенія анти-церковныхъ книгъ, брошюръ, газетъ, совѣтовалъ не слишкомъ настаивать на плату со стороны бѣдныхъ лицъ за совершеніе различныхъ церковныхъ требъ и т. д.

Пекки хлопоталъ объ учрежденіи въ Сполетто особой духовной академіи, въ которой богословы обучались бы по системѣ Ѳомы Аквинскаго. Онъ обратилъ также большое вниманіе на улучшеніе матеріальнаго положенія духовенства и основалъ особый союзъ для пособія бѣднымъ и больнымъ лицамъ духовнаго званія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пекки всѣми мѣрами старался поднять религіозно-нравственный уровень всѣхъ своихъ прихожанъ, удержавъ ихъ вѣрными сынами католической церкви. Въ этихъ видахъ онъ чрезвычайно заботился о школахъ всякаго рода для юношества, держась строго того начала, что все научное воспитаніе должно зависѣть отъ усмотрѣнія епископа. Когда же Умбрія и Перуджія вошли въ составъ новаго Итальянскаго королевства, то это послѣднее измѣнилось; надзоръ за всякаго рода школами перешелъ къ государственной власти. Но Пекки находилъ, что обязанности по воспитанію дѣтей, прежде всего, лежатъ на родителяхъ, а государство должно только ихъ поддерживать и заботиться объ охраненіи семействъ.

Въ школѣ должно не только учить, но и воспитывать дѣтей, а потому необходимо, чтобы учители и воспитатели обладали бы правиль-

ными религіозными воззрѣніями и убѣжденіями и чтобы обученіе религіи въ школахъ находилось преимущественно подъ руководствомъ и надзоромъ Церкви (конечно, католической), и потому Пекки былъ противъ учрежденія школъ, въ которыхъ обучали религіи по протестантскому исповѣданію. Онъ заботился объ учрежденіи всякаго рода воскресныхъ школъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвушекъ, и въ особенности объ устройствѣ училищъ для воспитанія дѣвицъ высшаго сословія.

Заботясь о поднятіи религіозно-нравственнаго уровня всего населенія, Пекки составилъ подробную программу религіознымъ обязанностямъ каждаго истиннаго католика, въ основѣ которой лежало смиренное подчиненіе собственнаго ума во всемъ ученію католической церкви и строгое исполненіе всѣхъ ея правилъ.

Для борьбы съ новыми ученіями, во многомъ враждебными съ католичествомъ, Пекки основалъ сперва два журнала: «Апологетъ» и затѣмъ «Католическій исповѣдникъ» и позднѣе третій «Отечество», съ политическимъ характеромъ, направленный противъ вновь образованнаго Итальянскаго королевства.

Въ видахъ поддержанія въ народѣ религіознаго вѣрованія, Пекки всѣми мѣрами старался искоренять всякія злоупотребленія, вкравшіяся при отправленіи богослуженія и духовныхъ требъ, и направлять дѣятельность духовенства на вспомоществованіе нуждамъ католическаго населенія, оказывая сему послѣднему по возможности матеріальную помощь. Въ голодные 1853—1854 годы онъ помогъ значительно населенію устройствомъ заранѣе разнаго рода продовольственныхъ магазиновъ. Будучи самъ очень щедръ на пособіе бѣднымъ, Пекки старался и другихъ привлечь къ дѣлу благотворительности и положилъ основаніе не малому числу благотворительныхъ учрежденій разнаго рода во ввѣренной ему области. Онъ точно угадалъ, что матеріальныя пособія являются вѣрнымъ средствомъ къ удержанію въ духовной зависимости массы низшаго населенія.

Во время пребыванія Пекки въ Перуджіо въ государствахъ Апеннинскаго полуострова совершалось объединеніе Италіи въ одно государство, подъ властью короля Виктора Эммануила. При этомъ отъ папскихъ владѣній были сперва отдѣлены и присоединены къ новому королевству въ 1861 г., несмотря на всѣ проклятія папы, сперва Романья и Умбрія, а затѣмъ въ 1870 г. и остальныя земли. Викторъ Эммануилъ послѣ трехъ часовъ обстрѣливанія занялъ и священный городъ. Вся Церковная область была включена въ составъ Итальянскаго королевства, папская армія—распущена, и свѣтской власти папы положенъ конецъ. По закону 1871 г. за папою сохранены лишь почести монарха, и въ его владѣніе предоставленъ только Ватиканъ, Латеранская базилика и вилла Кастель Санъ-Гандольфо. На содержаніе папы

назначена сумма въ $3^1/_2$ милліона франковъ ежегодно, отъ которыхъ папа Пій IX совершенно отказался.

Съ занятіемъ Умбріи войсками Итальянскаго королевства, послѣдовало со стороны новаго правительства не мало распоряженій, несогласныхъ съ прежними правилами католической церкви. Такъ, напр., были отмѣнены права католической церкви имѣть свой церковный судъ по дѣламъ всякаго рода и надзоръ за школами и воспитаніемъ, точно также были отобраны недвижимыя имущества церкви, были упразднены мужскіе и женскіе монастыри, былъ введенъ гражданскій бракъ и, наконецъ, королевскій плацетъ. Противъ всего этого горячо протестовалъ Пекки, находя, что подобныя мѣропріятія не соотвѣтствуютъ достоинству правительства, которое является тѣмъ не менѣе католическимъ и хочетъ таковымъ оставаться.

Привлеченіе духовныхъ лицъ къ отбыванію воинской повинности вызвало всеобщій протестъ духовенства, поданный имъ королю. Пекки же обратился къ духовенству съ воззваніемъ объ учрежденіи особаго сбора для образованія фонда, цѣль котораго должна была состоять во взносѣ денегъ за бѣдныхъ лицъ духовнаго званія (клериковъ), не имѣющихъ средствъ самимъ откупиться отъ отбыванія воинской повинности.

Подобная дѣятельность Пекки, выказывая его ревностнымъ сыномъ католической церкви, объясняетъ во многомъ его выборъ на папскій престолъ 28-го февраля 1878 года на мѣсто Пія IX, скончавшагося 7-го февраля того же года, послѣ котораго Пекки, какъ кардиналъ-каммерленго, вступилъ во временное исполненіе обязанностей папы, высказавъ при этомъ, какъ утверждаютъ, «что обычаи для него не имѣютъ значенія; онъ признаетъ только законъ».

II.

Конклавъ, собравшійся въ числѣ 61 кардинала, для выбора папы, избралъ большинствомъ 44 голосовъ таковымъ Пекки, какъ наиболѣе умѣреннаго и при томъ наиболѣе стараго (ему тогда уже было 68 лѣтъ).

Кардиналы не предполагали, что папа Левъ XIII (такое имя принялъ Пекки, вступивъ на папскій престолъ, изъ благодарности къ папѣ Льву XII, много содѣйствовавшему ему въ его служебномъ поприщѣ) проживетъ болѣе 8—10 лѣтъ, судя по общему среднему долголѣтію человѣческой жизни. Всѣ надѣялись, что вновь избранный папа будетъ

содѣйствовать возстановленію дружественныхъ отношеній между Церковью и государствами, сильно поколебленныхъ въ послѣдніе годы Пія IX.

Гамбетта въ письмѣ своемъ отъ 21-го февраля, упоминая объ избраніи Льва XIII, говоритъ: «этотъ итальянецъ болѣе дипломатъ, нежели священникъ, былъ избранъ, несмотря на всѣ происки іезуитовъ и другихъ иностранныхъ духовныхъ лицъ. Я радуюсь этому избранію; если онъ не умретъ слишкомъ рано, можно надѣяться, что онъ объединитъ разумъ съ Церковью».

Левъ XIII по-прежнему считалъ себя ватиканскимъ плѣнникомъ, а потому ввелъ въ Ватиканѣ самое скупое управленіе и озаботился, чтобы ни одна копѣйка доходовъ Церкви не пропадала даромъ. Онъ короновался главою земнаго шара и отцомъ всѣхъ царей и князей не въ соборѣ Св. Петра, а въ Сикстинской капеллѣ и продолжалъ исполнять ту же роль плѣнника, какъ его предшественникъ. Кардиналомъ-статсъ-секретаремъ онъ назначилъ немедленно Франки, который въ особомъ циркулярѣ ко всѣмъ нунціямъ указывалъ на болѣе миролюбивое настроеніе римскаго двора, съ сохраненіемъ однако въ неприкосновенности всѣхъ основныхъ догматовъ Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался возобновить сношенія съ тѣми державами, съ которыми еще при Піи IX таковыя были пріостановлены, или прекращены вовсе. Левъ XIII высказалъ то же самое въ письмѣ своемъ къ императору Вильгельму I, а также къ Швейцарскому союзному совѣту, съ которымъ, равно какъ и съ Пруссіей, римскій дворъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ изъ-за вопроса объ отношеніяхъ государства къ католической церкви.

Точно также въ письмѣ къ русскому императору папа выражалъ надежду на то, что его подданные, католическаго вѣроисповѣданія, будутъ пользоваться спокойнымъ отправленіемъ богослуженія и ученіемъ всѣхъ догматовъ Церкви.

Вскорѣ послѣ этого Левъ XIII издалъ аллокуцію всѣмъ кардиналамъ 28-го марта и за тѣмъ первую энциклику (inscrutabili) отъ 21-го апрѣля 1878 г. [1]). Въ первой высказывалось непреклонное его намѣреніе со-

---

[1]) Всѣ изготовляемыя приказанія папы и разсылаемыя отъ его имени во всеобщее извѣстіе грамоты, объявленія, энциклики носятъ общее названіе папскихъ буллъ, происходящее отъ латинскаго наименованія золотаго капсюля (bulla), въ которомъ хранится восковая печать римской церкви, привязываемая обыкновенно къ буллѣ на шелковомъ шнуркѣ. (У карательныхъ буллъ эта печать прикрѣпляется на сѣрой пеньковой веревкѣ). Обыкновенно буллы обозначаются первыми словами предпосылаемаго имъ вступленія. Такъ напр. булла Урбана V противъ еретиковъ церкви называется „In coeno do-

хранить въ неприкосновенности всѣ догматы католической церкви, охранять всѣми мѣрами папство и заботиться о спасеніи всѣхъ вѣрующихъ. Онъ выражалъ намѣреніе поступать во всемъ по совѣтамъ и мудрости кардиналовъ [1]) и просилъ ихъ содѣйствовать ему во всемъ.

Во второй же—была начертана программа будущей дѣятельности папы во всѣхъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ вопросахъ нашего времени,

Признавая, что зло тяготѣетъ надъ міромъ отъ того, что святой и возвышенный авторитетъ Церкви находится въ пренебреженіи, что Церковь Божія подвергается самымъ гнуснымъ клеветамъ, Левъ XIII высказывалъ намѣреніе защитить отъ всякаго рода нападковъ Церковь, мать всякой цивилизаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на заслуги, оказанныя его предшественниками всему гражданскому обществу. Вслѣдствіе этого Левъ XIII намѣревался отстаивать права и свободу папскаго престола и обращался къ свѣтскимъ властямъ съ просьбою не отказать Церкви въ ихъ содѣйствіи и покровительствѣ въ столь трудныя времена, примкнуть дружественно къ папству,—этому источнику авторитета и спасенія, и принять съ полною искренностью его ученія.

Онъ требовалъ согласованія въ преподаваніи различныхъ предметовъ съ ученіемъ католической церкви и отвергалъ гражданскій бракъ.

Въ одной изъ первыхъ своихъ энцикликъ 1878 года Левъ XIII заявлялъ, что принимаетъ на себя вполнѣ наслѣдіе своихъ предшественниковъ и подтверждаетъ еще разъ, что папа представляетъ собою не отдѣльное лицо, а систему. Онъ отвергаетъ прямо современную цивилизацію, а также свободу мысли, совѣсти, печати, вѣроисповѣданія и преподаванія; возобновляетъ притязанія на обученіе юношества и на освященіе брака, отвергаетъ единство Италіи и его послѣдствія (занятіе папскихъ владѣній), словомъ сказать, Левъ XIII принялъ всю программу Пія IX. Все это онъ не разъ высказывалъ при разныхъ случаяхъ.

Озабоченный до чрезвычайности распоряженіемъ итальянскаго правительства, которымъ обученіе религіи было исключено изъ программы преподаванія въ первоначальныхъ (элементарныхъ) школахъ, Левъ XIII

---

mini", булла объ упраздненіи ордена іезуитовъ Dominus ac redemptor noster; объ учрежденіи католической церкви въ Прусскомъ королевствѣ de salute animarum; о непогрѣшности папы—Pastor aeternus и т. д., именно потому, что вступленія къ указаннымъ булламъ начинаются приведенными словами (см. Eisenschmidt. Auszüge der merkwürdigsten päpstlichen Bullen).

[1]) При его предшественникѣ Піи IX коллегія кардиналовъ имѣла довольно незначительное вліяніе на управленіе Церковью и ея дѣлами.

писалъ кардиналамъ, что подобная мѣра будетъ содѣйствовать развращенію народа и что на ихъ обязанности лежатъ принять мѣры противъ такого бѣдствія.

1-го августа совершенно неожиданно умеръ Франки (говорили много, что онъ былъ отравленъ).

Левъ XIII очень оплакивалъ кончину человѣка, къ которому имѣлъ очень большое довѣріе, и назначилъ на его мѣсто кардинала Лоренцо Нине, при чемъ въ особомъ посланіи къ нему высказалъ опять руководящія начала для своей папской дѣятельности.

По мнѣнію Льва XIII, одна Церковь въ состояніи уврачевать тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ современное человѣческое общество. Необходимо поэтому разсѣять предразсудки всякаго рода, существующіе противъ Церкви, и выставить ее въ истинномъ ея видѣ. Необходимо прежде всего отстранить тяжкое положеніе католиковъ въ Германіи и доставить имъ истинный, прочный миръ и спокойствіе. То же самое надо сдѣлать и въ Италіи. При этомъ папа сѣтуетъ на упраздненіе монашескихъ орденовъ, на принужденіе духовныхъ лицъ отправлять воинскую повинность, и т. д. То же самое повторяется и во второй его энцикликѣ 28-го декабря 1878 г. (quod apostolici muneris), направленной противъ соціалистовъ, коммунистовъ и нигилистовъ, при чемъ указывается, что католическая церковь проповѣдуетъ ученіе и правила, которыми въ особенности охраняется спокойствіе и благосостояніе общества и истребляется въ корнѣ злокачественный соціализмъ.

Въ слѣдующей за тѣмъ третьей энцикликѣ 4-го августа 1879 г. (Aeterni Patris) Левъ XIII опять настаиваетъ на томъ, что всѣ человѣческія науки и въ особенности философію должно преподавать согласно съ ученіемъ католической церкви.

Въ четвертой же энцикликѣ отъ 10-го февраля 1880 г. (Arcanum divinae sapientiae) Левъ XIII указываетъ на заслуги, оказанныя Церковью общему благу народовъ тѣмъ, что она постоянно охраняла бракъ, его святость и нерасторжимость (это основаніе всякаго порядка въ обществѣ), отъ нравственнаго положенія котораго зависитъ процвѣтаніе и культура народа. Не много позднѣе 30-го сентября 1880 года, желая расположить къ себѣ славянскіе народы, Левъ XIII издалъ энциклику (Grande munus) о чествованіи памяти апостоловъ славянства Св. Кирилла и Меѳодія и воспользовался симъ случаемъ, чтобы пожелать этой народности возвращенія въ лоно католической церкви и выразить пожеланія ей всѣхъ возможныхъ благъ.

Чтобы еще болѣе расположить къ себѣ славянскіе народы, Левъ XIII дозволилъ римско-католикамъ въ Черногоріи пользоваться при богослуженіи славянскимъ языкомъ.

Онъ особенно ревностно велъ римскую пропаганду на востокѣ не

только въ странахъ Балканскаго полуострова, но и въ Сиріи, Арменіи, Персіи, отправилъ іезуитовъ основать въ Бейрутѣ католическій университетъ, въ Арменіи—народную школу и коллегію, учредилъ іерархію въ Іерусалимѣ, назначилъ въ этотъ городъ латинскаго патріарха и предпринялъ рядъ мѣръ къ подчиненію себѣ Востока.

Левъ XIII неизмѣнно стремился къ внѣшнему распространенію католической церкви, посредствомъ миссій. При веденіи миссіонерскаго дѣла, впрочемъ, очень часто соблюдались старые пріемы, т. е. крестили и вносили новопріобрѣтенныхъ христіанъ въ списки, не заботясь много о наученіи ихъ истинамъ христіанской вѣры. Миссіонеры вообще отличались геройскимъ самоотверженіемъ и гибли мученическою смертью особенно на дальнемъ Востокѣ, гдѣ ихъ дѣятельность вызывала нерѣдко гоненія христіанъ, какъ это и было въ Китаѣ въ 1900 году.

При папѣ Львѣ XIII, особенно развило свою дѣятельность, основанное въ началѣ XIX столѣтія въ Ліонѣ, Общество распространенія вѣры. Оно съ 1852 года издаетъ свой журналъ на различныхъ языкахъ (десяти), который теперь расходится въ количествѣ 250.000 экземпляровъ и доставляетъ Обществу до семи милліоновъ франковъ, на которые Общество содержитъ 140 епископовъ и 5.000 священниковъ, посвящающихъ свою жизнь миссіонерской дѣятельности по всему земному шару.

Заботясь о распространеніи миссіонерской дѣятельности Церкви, Левъ XIII издалъ извѣстную энциклику 3-го декабря 1880 г. (Sancta dei civitas), которою приглашалъ всѣхъ вѣрующихъ къ молитвѣ и пожертвованіямъ всякаго рода на миссіонерства, въ особенности на пользу Ліонскаго союза распространенія истинной вѣры, а также и союза для учрежденія школъ на Востокѣ.

Что же касается политическихъ сношеній Льва XIII въ этотъ періодъ съ иностранными державами о правахъ и преимуществахъ католической церкви, то таковыя не имѣли желаемаго успѣха, а въ Бельгіи даже прямо окончились полною неудачею, вслѣдствіе чего кардиналъ Нина былъ уволенъ въ декабрѣ 1880 года.

Его преемникъ, бывшій нунцій въ Вѣнѣ, кардиналъ Якобини, удачно добился осуществленія многихъ изъ домогательствъ римскаго двора, пользуясь благопріятными къ тому обстоятельствами времени.

Продолжавшіяся долгое время пререканія съ прусскимъ дворомъ о положеніи католическаго духовенства въ Германской имперіи, такъ называемая культурная борьба (Kültür-Kampf), благополучно завершилась въ пользу римскаго двора. Обѣ стороны тяготились этою борьбою. Когда послѣ покушенія 2-го іюня 1878 г. на жизнь маститаго германскаго императора политика имперіи измѣнилась и сдѣлалась болѣе консервативною, императоръ написалъ папѣ Льву XIII, что высшимъ

своимъ счастіемъ онъ считалъ бы, если бы высшее руководительство въ дѣлахъ Церкви теперь находилось въ рукахъ папы. Это послужило началомъ мирныхъ переговоровъ Германіи съ Ватиканомъ, которые закончились тѣмъ, что папа допустилъ королевскій надзоръ надъ школами и призналъ новыя правила объ управленіи церковными имуществами и объ обязанности заявленій о назначеніи духовныхъ лицъ, но этимъ достигъ господства ультрамонтанизма въ Германіи и объявилъ войну культурную оконченною.

Въ іюнѣ 1887 года [1]) Левъ XIII объявилъ, что онъ свободно пользуется своею духовною властію въ Пруссіи, что многія епископскія должности, бывшія вакантными въ Германіи, снова замѣщены, что большинство приходскихъ священниковъ заняли свои мѣста, что вновь открыты четыре семинаріи, для приготовленія католическихъ священниковъ, и предполагается открыть еще двѣ въ Лимбургѣ и Оснабрюкѣ и что многимъ монашествующимъ орденамъ разрѣшено возвратиться въ Германію. При этомъ папа выражалъ надежду, что въ будущемъ положеніе католичества въ Германіи будетъ еще лучше, о чемъ онъ не перестанетъ молить Бога и ходатайствовать передъ императоромъ.

То же самое совершилось и въ Швейцаріи.

Въ Австрійской имперіи Левъ XIII добился учрежденія въ 1881 г. особой римско-католической епархіи въ Босніи и Герцоговинѣ, при чемъ мѣстомъ пребыванія архіепископа назначенъ Сараево.

Сношенія римскаго двора съ Бельгіею были прекращены еще въ 1881 году. Но замѣна въ 1884 г. либеральныхъ представителей въ палатѣ депутатовъ и сенатѣ клерикалами, при новыхъ выборахъ въ 1884 г., имѣла послѣдствіемъ, что съ 1884 г. возобновились сношенія бельгійскаго правительства съ Ватиканомъ на условіяхъ, предложенныхъ симъ послѣднимъ.

Во Франціи со временъ президентства Макъ-Магона въ 1879 г., подъ вліяніемъ анти-клерикаловъ, издано было не мало законовъ, нарушавшихъ права, издревле принадлежавшія католической церкви. Такъ, въ 1880 году было запрещено преподаваніе всѣмъ тѣмъ орде-

---

[1]) Ранѣе этого кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ торжественно принятъ папою въ Ватиканѣ въ декабрѣ 1883 г., а за тѣмъ возникшій въ 1885 г. между Германіею и Испаніею споръ о Каролинскихъ островахъ былъ подвергнутъ третейскому суду римскаго первосвященника, который призналъ верховное право Испаніи надъ этими островами, что̀ и было принято 17-го декабря того же года обѣими сторонами. Позднѣе, въ 1887 г., германское правительство обращалось къ содѣйствію Льва XIII, чтобы принудить центръ парламента принять законъ объ отбываніи воинской повинности семь лѣтъ, а не три года.

намъ и конгрегаціямъ, которые не признаны государствомъ; въ 1885 г. церковь Св. Женевьевы обращена опять въ Пантеонъ, мѣсто погребенія великихъ мужей Франціи; церковныя имѣнія обложены налогами; многіе епископы и священники лишены были жалованья отъ правительства. Французское (галликанское) духовенство искало защиты и покровительства у папы и стало ратовать за возстановленіе монархіи во Франціи. Левъ XIII въ энцикликѣ 1892 г. не одобрялъ этого и, сожалѣя о преслѣдованіи католической церкви во Франціи, старался опровергнуть главный доводъ, приводимый въ основаніе этихъ мѣръ, именно, что Церковь стремится къ политическому господству надъ государствомъ.

Левъ XIII заявляетъ, что это старая клевета; римская церковь мирно уживается со всѣми формами правленія. Взятыя отвлеченно, всѣ онѣ одинаково хороши, если умѣютъ направляться къ своей цѣли, т. е. къ общественному благу, для котораго установлена общественная и правительственная власть. Въ относительномъ смыслѣ та изъ формъ правленія должна быть предпочитаема, которая болѣе всѣхъ соотвѣтствуетъ характеру и нравамъ того или другаго народа. Необходимо различіе между формой правленія и законодательствомъ, которое можетъ быть дурнымъ, при самой лучшей формѣ правленія. Это именно и составляетъ зло теперешняго республиканскаго правленія во Франціи. По мнѣнію Льва XIII, ходъ государственной жизни во Франціи готовитъ не мало тяжкихъ затрудненій католической церкви, что̀ очень его озабочиваетъ.

Въ Англіи еще въ 1850 году, при Піи IX, была возстановлена римско-католическая іерархія, въ средѣ которой происходили непрерывныя пререканія и несогласія, между епископами и различными монашескими орденами по различнымъ предметамъ. Левъ XIII принималъ мѣры къ прекращенію этихъ несогласій и обращалъ вниманіе епископовъ на христіанское воспитаніе юношества и увеличеніе числа такъ называемыхъ свободныхъ католическихъ школъ.

Смуты и волненія, происходившія въ Ирландіи, побудили Льва XIII не разъ обратиться къ ирландскимъ католикамъ съ увѣщаніями, въ которыхъ, указывая имъ на ихъ отношенія и участіе въ борьбѣ политическихъ партій, онъ убѣждалъ католиковъ не прибѣгать къ насиліямъ [1]), держаться справедливости, не примыкать къ тайнымъ обществамъ, сохранять спокойствіе и терпѣливо выжидать предстоящихъ преобразованій. Онъ возлагалъ на обязанность духовенства разъясненіе всего этого народу. Папа не одобрялъ дѣйствія національной лиги въ

---

[1]) Левъ XIII писалъ по поводу убійства намѣстника Ирландіи лорда Кавендиша и его секретаря Бурка въ паркѣ города Дублина.

Ирландіи подъ руководствомъ Парнелля. Англійское правительство было ему за это очень признательно и отнеслось снисходительно къ тому, что Левъ XIII канонизировалъ до 60 англійскихъ мучениковъ, казненныхъ Генрихомъ VIII и королевою Елизаветою.

Происходившая въ Испаніи междоусобная война раздѣлила также и католическое духовенство этой страны на двѣ враждебныя партіи и тѣмъ расторгла единство Церкви въ Испаніи. Это побудило Льва XIII въ энцикликѣ 8-го декабря 1882 г. высказать, что необходимо рѣзко отличать р е л и г і ю отъ п о л и т и к и. Церковь и католическая вѣра выше политики и не имѣютъ ничего общаго съ политическимъ движеніемъ партій. Не должно смѣшивать религію съ участіемъ въ какой-либо изъ партій до того, что приверженцевъ противной партіи считаютъ прямо отступниками отъ католической вѣры. Сама Церковь не имѣетъ ничего противъ участія въ политической жизни, но въ интересахъ католической религіи желательно, чтобы раздоры между ея приверженцами прекратились и чтобы послѣдніе выказали единство католической вѣры прежде всего въ повиновеніи законнымъ властямъ. Преимущественно все это обязано выказывать духовенство, которое не должно посвящать себя жизни политическихъ партій до такой степени, что представляется, какъ будто оно заботится болѣе о земныхъ дѣлахъ, нежели о небесныхъ.

Съ Португаліей Левъ XIII заключилъ въ 1886 г. конкордатъ, для него весьма благопріятный, по которому для всей Остъ-Индіи было учреждено особое, независимое[1]) отъ Португаліи, епископство въ Гоа, епископъ котораго пользовался титуломъ патріарха всей Остъ-Индіи и предсѣдательствовалъ на индійскомъ мѣстномъ соборѣ.

Только въ самой Италіи отношенія государственной власти къ папскому престолу оставались по-прежнему далеко не дружелюбными. Левъ XIII въ началѣ склонялся въ пользу примиренія католической церкви съ Итальянскимъ королевствомъ; но ему помѣшали іезуиты, забравшіе въ свои руки власть и управленіе въ Ватиканѣ. Они вступили въ отчаянную борьбу со свѣтскою властью въ Италіи, отстаивая при этомъ существовавшій сборъ въ пользу папы, извѣстный подъ именемъ лепты Св. Петра, который дѣлался безполезнымъ при полученіи папой назначеннаго ему Итальянскимъ королевствомъ содержанія. Эта лепта является

[1]) Необходимо припомнить, что короли Португаліи пользовались правомъ патронатства и назначенія епископовъ въ католическихъ епархіяхъ Остъ-Индіи, хотя съ давнихъ поръ большая часть земель въ Остъ-Индіи уже не принадлежала Португаліи. Съ другой же стороны католическіе миссіонеры въ Остъ-Индіи значительно расширили сферу господства католической церкви въ другихъ различныхъ земляхъ Остъ-Индіи; это дѣлало необходимымъ учрежденіе отдѣльнаго епископства въ этой странѣ.

какъ бы протестомъ католическаго міра противъ заточенія папы въ Ватиканѣ и доставляетъ папѣ до 20 милліоновъ франковъ въ годъ[1]), идущихъ на покрытіе расходовъ папы и по Ватикану. Папа Левъ XIII поддерживалъ фикцію, что онъ узникъ, заточенъ въ Ватиканѣ, лишенъ необходимаго, преслѣдуемъ и т. д.; поэтому всѣ вѣрующіе должны за него стоять и протестовать противъ подобнаго обращенія съ нимъ итальянскаго правительства, какъ это постоянно твердитъ органъ папы «Observatore Romano».

Скоро случились событія, еще болѣе обострившія отношенія итальянскаго правительства къ Ватикану.

Въ ночь съ 12-го на 13-ое іюля 1881 г. совершалось торжественное перенесеніе тѣла умершаго Пія IX изъ собора Св. Петра въ соборъ Св. Лаврентія (Lorenzo fuori le mure). Это вызвало безпорядки со стороны лицъ, не расположенныхъ къ католичеству, и при томъ столь значительные, что потребовалось участіе войска, для возстановленія тишины и порядка. Этотъ уличный скандалъ подалъ Льву XIII поводъ обратиться чрезъ своего нунція къ итальянскому правительству, указавъ ему, на сколько не безопасно его собственное положеніе въ Римѣ и на сколько такое событіе оскорбительно вообще для достоинства римскаго первосвященника, которому остается пребывать въ Ватиканѣ какъ бы въ плѣну. Итальянское правительство не обратило никакого вниманія на это заявленіе папы, но нѣкоторые папскіе органы печати стали по этому случаю писать о необходимости дать папѣ свѣтскую власть надъ всѣмъ Римомъ и прилегающими къ нему мѣстностями на 50 миль въ окружности, а также о перенесеніи папскаго престола въ другой городъ.

Праздникомъ св. апостола Петра въ 1881 году папа воспользовался, чтобы преподать міру наставленіе о государственной власти. По словамъ Льва XIII, эта власть получила свое завершеніе въ созданіи римско-католическаго государства папой, но была ослаблена безумными новшествами реформаціи. Право повелѣвать происходитъ отъ Бога. Формъ правленія это не касается.

---

[1]) Къ этой лептѣ прибавляются и другіе сборы, какъ напр. доходъ Св. Петра (или сборъ за дворянскіе титулы, жалуемые папою), сборъ за разрѣшеніе грѣховъ и т. д. Всѣ эти сборы, бережливо расходуемые, дали Пію IX возможность собрать капиталъ въ 30 милліоновъ франковъ, оставленный имъ своему преемнику Льву XIII, который, располагая такими средствами, щедро назначалъ стипендіи разнымъ коллегіямъ и школамъ, расходовалъ много на поощреніе художниковъ, на возстановленіе великолѣпной Сикстинской капеллы, аппартаментовъ Борджіа въ Ватиканѣ, на электрическое освѣщеніе, на устройство библіотеки и архива въ Ватиканѣ и т. д. (См. Deutsche Revue. Novembre 1900. Vatican und Quirinal).

Тѣмъ временемъ явилось новое столкновеніе. Архитекторъ Мартинуччи, дѣлавшій разныя приспособленія въ комнатахъ Ватикана для конклава, избравшаго папою Льва XIII, не получая денегъ за произведенныя имъ работы, предъявилъ въ гражданскомъ судѣ искъ къ Ватикану. Тогда Левъ XIII motu proprio (т. е. собственнымъ распоряженіемъ) учредилъ особый судъ для разбора подобнаго рода дѣлъ и сообщилъ объ этомъ итальянскому правительству, не обратившему также и на это вниманіе. Между тѣмъ гражданскій судъ во всѣхъ инстанціяхъ призналъ искъ Мартинуччи правильнымъ, высказавъ при этомъ, что только самъ папа лично не подсуденъ итальянскимъ судамъ и пользуется экстерриторіальностью; всѣ же его подчиненные этимъ не пользуются и при томъ не подлежатъ свѣтской юрисдикціи папы. Левъ XIII сѣтовалъ о потерѣ свѣтской власти и выражалъ надежду, что божественное Провидѣніе когда-нибудь измѣнитъ подобное положеніе дѣлъ къ лучшему.

Вскорѣ итальянское правительство приняло за правило, что недвижимыя имущества общества іезуитовъ (Propaganda) подлежатъ общимъ итальянскимъ законамъ объ имуществахъ духовенства и должны быть проданы и вырученныя деньги обращены въ государственную итальянскую ренту. Пропаганда не хотѣла этому подчиниться; сторону ея принялъ Левъ XIII, высказавъ, что она по своему огромному значенію для церкви должна быть точно также совершенно независима отъ свѣтской власти, какъ и самъ папа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова поднялъ нескончаемый вопросъ о церковномъ государствѣ. Появившаяся въ Италіи въ 1884 году холера побудила Льва XIII отпустить изъ своихъ средствъ одинъ милліонъ лиръ на устройство больницы при Ватиканѣ для холерныхъ. Всѣ свѣтскіе журналы возстали противъ этого, старались дать самыя превратныя истолкованія этому намѣренію Льва XIII, вызванному въ немъ состраданіемъ къ больнымъ, и старались всячески воспрепятствовать осуществленію этого намѣренія. Левъ XIII былъ очень обиженъ и, говоря объ этомъ въ своей рѣчи (аллокуціи) наканунѣ Рождества (24-го декабря 1884 г.) сѣтовалъ на новые порядки, низводящіе папу въ недостойное для него положеніе простаго частнаго человѣка.

Закладка памятника королю Виктору Эммануилу въ Римѣ въ 1885 г. вызвала со стороны Льва XIII новыя сѣтованія о томъ, что подобнымъ памятникомъ въ Римѣ увѣковѣчиваются всѣ несправедливости и оскорбленія, нанесенныя римскому престолу, имѣвшія послѣдствіемъ плѣненіе папы въ Ватиканѣ.

Итальянское правительство отмѣнило существовавшій обычай отданія на улицахъ военныхъ почестей священнымъ дарамъ, съ которыми священники не рѣдко спѣшатъ къ больнымъ и умирающимъ. Левъ XIII высказывалъ по этому поводу, что свободное отправленіе религіи въ

Италіи стѣсняется всевозможнымъ образомъ, между тѣмъ какъ безбожіе пользуется полною свободою.

Обо всемъ вышеизложенномъ Левъ XIII доводилъ до свѣдѣнія итальянскаго правительства чрезъ своего нунція осенью въ 1886 г. и сообщалъ всенародно въ аллокуціи 23-го декабря 1886 г., упомянувъ о своемъ постоянномъ стремленіи доставить спокойствіе Италіи и устранить злополучное несогласіе между нимъ и итальянскимъ правительствомъ.

Тѣмъ временемъ скончался кардиналъ Якобини, 28-го февраля 1887 года, испросившій себѣ, за нѣсколько дней до смерти, увольненіе отъ занимаемой должности, вслѣдствіе крайне болѣзненнаго своего состоянія.

Преемникомъ его былъ назначенъ Маріано Рамполло-дель-Тиндаро (род. 17-го августа 1843 г.), получившій отъ Льва XIII для предстоящей ему дѣятельности подробную программу, сходную съ данными его предшественникамъ. При этомъ папа обратилъ особенное вниманіе Рамполло на то, что для всего католическаго міра крайне необходимо возвращеніе папѣ свѣтской его власти и вмѣстѣ съ тѣмъ его свободы, что это едва-ли будетъ понято лицами, выросшими въ ненависти къ Церкви и ея представителю, хотя всякому любящему отечество (папа говоритъ, обращаясь къ итальянцамъ) совершенно очевидно, что миръ и согласіе между Церковью и государствомъ были бы высшимъ счастьемъ для Италіи, тогда какъ существующій между ними раздоръ является источникомъ всѣхъ народныхъ золъ.

III.

Въ 1888 г. Левъ XIII праздновалъ пятидесятилѣтіе служенія своего въ санѣ священника. Богомольцы со всѣхъ странъ свѣта спѣшили въ Римъ, и всѣ коронованныя лица христіанскихъ и нехристіанскихъ государствъ отправили отъ себя особыхъ представителей для принесенія поздравленій папѣ, получившему также такое множество всякаго рода подарковъ, что они могли бы составить собою предметъ особой выставки.

Вѣрующіе получили установленное при подобномъ юбилеѣ отпущеніе грѣховъ. Левъ XIII, очень тронутый такимъ къ нему вниманіемъ, установилъ 17-го іюля 1888 г. особый орденъ «Pro ecclesia et Pontifici» (за церковь и первосвященника). Онъ воспользовался этимъ торжествомъ для улучшенія своего положенія въ Италіи и не упустилъ случая въ обращеніи своемъ къ паломникамъ Италіи упомянуть, что всякая нація считала бы себя счастливою и высокопольщенною, если бы среди ея пребывалъ папа; какъ глупо и недостойно поэтому, что папство должно быть въ зависимости отъ какой-нибудь палаты или правитель-

ства. При всѣхъ многочисленныхъ знакахъ почитанія и повиновенія, оказываемыхъ папѣ, не должно забывать, что есть много для него печальнаго и недостойнаго. При содѣйствіи правительства (итальянскаго) Церковь оскорбляется, разумъ возвышается надъ вѣрою, и самъ папа принужденъ праздновать свой юбилей въ четырехъ стѣнахъ Ватикана. Пока все это не измѣнится, онъ не можетъ успокоиться, но надо надѣяться, что когда-нибудь настанутъ лучшіе дни, и папѣ будутъ возвращены его достоинство и свобода.

Вообще должно замѣтить, папа Левъ XIII съ изумительною настойчивостію стремился къ возстановленію своей свѣтской власти, хотя, какъ духовный пастырь, онъ могъ имѣть болѣе вліянія и значенія, чѣмъ въ качествѣ очень незначительнаго свѣтскаго государя.

Между тѣмъ систематическая война противъ папства, какъ выражался Левъ XIII, проявилась въ новыхъ распоряженіяхъ Итальянскаго королевства.

Во многихъ церквахъ и приходахъ Италіи существовалъ сборъ десятины на пользу духовенства. Новымъ закономъ правительства это было замѣнено денежнымъ сборомъ. Папа усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе правъ Церкви и закона Божьяго; онъ находилъ, что этимъ самымъ государство подрываетъ въ народѣ уваженіе къ Церкви.

Вскорѣ послѣдовалъ законъ объ отобраніи отъ церквей имуществъ и передачѣ оныхъ въ полное управленіе свѣтской власти. Левъ XIII усмотрѣлъ въ этомъ новое ограбленіе Церкви и искорененіе всякихъ слѣдовъ религіи въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того этимъ нарушалась воля жертвователей на различные предметы благотворительности. Новое итальянское уголовное уложеніе нанесло новый ударъ папѣ. По правиламъ этого уложенія духовныя лица, которыя при отправленіи своихъ обязанностей будутъ публично порицать государственныя учрежденія и дѣйствія должностныхъ лицъ, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ до года или денежному штрафу не свыше тысячи лиръ. Левъ XIII усмотрѣлъ въ этомъ прямое нарушеніе правъ духовенства и косвенное—папскаго престола, потому что истинные католики обязаны прежде всего защищать права папской власти (нарушенныя различными постановленіями Итальянскаго королевства), а это воспрещается имъ новымъ уложеніемъ.

Но верхъ оскорбленія папству Левъ XIII усмотрѣлъ въ сооруженіи памятника въ Римѣ Джіордано Бруно въ 1889 г., котораго онъ, Левъ XIII, признавалъ не только отступникомъ католичества, но и еретикомъ и при томъ человѣкомъ самой низкой нравственности, преисполненнымъ всякихъ пороковъ.

Сооруженіе этого памятника снова вызвало толки, что папа покидаетъ Римъ и переселится въ Испанію, конечно, не оправдавшіеся. Все

это въ совокупности побудило Льва XIII издать большую энциклику отъ 15-го октября 1890 г.[1]), въ которой онъ указывалъ, что правительство въ Италіи стремится очевидно къ уничтоженію Церкви и папства; что вся дѣятельность правительства направлена къ тому, чтобы лишить народъ религіознаго и христіанскаго оттѣнка. Все это результатъ происковъ сектъ; масоны стремятся совершенно исключить элементъ католичества изъ общественнаго управленія, изъ заведеній благотворительныхъ, лѣчебницъ, школъ, корпорацій. Народъ долженъ понять всю опасность этого направленія и вступить съ нимъ въ борьбу, проявить свою вѣру, повиновеніе къ епископамъ и преданность папѣ. Католики всего міра должны явиться, по мнѣнію Льва XIII, противниками Италіи и Рима.

При празднованіи въ 1891 году дня кончины папы Григорія I, Левъ XIII воспользовался удобнымъ случаемъ и, сдѣлавъ очеркъ положенія папства при Григоріи I, высказалъ, что борьба противъ папства въ настоящее время не только является безбожіемъ, но полною политическою глупостью.

Въ томъ же 1891 г. Левъ XIII издалъ большую энциклику о рабочемъ вопросѣ, въ которой съ большою ревностью выступилъ въ пользу рабочихъ классовъ. Онъ порицаетъ ненормальное положеніе, при которомъ меньшинство имущаго класса налагаетъ тяжелое иго на массу пролетаріата, и высказываетъ, что богатства могутъ быть пріобрѣтаемы только (?) трудомъ рабочихъ. Государство должно заботиться объ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей и нуждъ рабочихъ. Позднѣе Левъ XIII въ 1893 году предлагалъ заботиться о томъ, дабы столь многочисленный и полезный классъ людей не былъ заброшенъ и безпомощно отданъ въ жертву алчному сословію, которое эксплоатируетъ всякую бѣдность. Подобно тому, какъ Церковь устранила древнее рабство, такъ и теперь она обладаетъ средствомъ къ улучшенію участи рабочаго класса не при помощи насильственнаго переворота, но при посредствѣ своего ученія.

Въ 1893 г. Левъ XIII праздновалъ пятидесятилѣтіе своего служенія въ санѣ епископа, при чемъ получилъ разныхъ подарковъ на сумму въ девять милліоновъ лиръ золотомъ. Онъ не упустилъ случая говорить опять то же самое о своемъ угнетенномъ положеніи въ Италіи. По поводу этого юбилея папа писалъ объ отношеніи между государствомъ и Церковью; требовалъ отъ всего христіанскаго міра подчиненія ему. Полное единство, установленное Христомъ, состоитъ не просто въ вѣрѣ, но и

---

[1]) Ранѣе этого папа выражалъ то же самое, но въ отдѣльности въ аллокуціи къ кардиналамъ отъ 2-го марта и въ обращеніи своемъ къ итальянскимъ паломникамъ 20-го апрѣля.

въ управленіи. Церковь есть совершенное общество, установленное Богомъ въ поученіе всему человѣчеству. Она имѣетъ всѣ права и должна пользоваться безусловной свободой въ своемъ законодательствѣ.

Свѣтская власть обладаетъ также своими правами, но должна согласоваться съ Церковью и т. д.

Вскорѣ въ Италіи праздновали торжественно 20-го сентября 1895 г. день занятія Рима и перенесенія въ этотъ городъ столицы Итальянскаго королевства.

Левъ XIII въ письмѣ къ Рамполло высказалъ свое сожалѣніе, что сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ апоѳеоза итальянской революціи и погребенія святѣйшаго престола, и сѣтовалъ о положеніи католической церкви въ Италіи.

При праздновавіи въ 1898 г. шестидесятилѣтія своего служенія въ санѣ священника Левъ XIII опять убѣждалъ вѣрныхъ сыновъ католической Церкви пребывать твердыми въ борьбѣ съ новыми порядками въ Италіи, указывалъ, что единственно только въ папствѣ заключается спасеніе націи, несмотря на то, что постоянно кричатъ, что преданный папѣ не можетъ быть преданъ и вѣренъ государству.

Послѣ этого возникли скоро анархистскіе безпорядки въ Миланѣ, послѣ которыхъ были приняты строгія мѣры противъ различныхъ католическихъ обществъ и газетъ, сомнительное отношеніе которыхъ къ бывшимъ безпорядкамъ возбуждало подозрѣнія. Левъ XIII по этому поводу издалъ 5-го августа 1898 г. энциклику къ епископамъ, духовенству и народу Италіи, въ которой, повторяя сѣтованіе о преслѣдованіи католической церкви, высказывалъ, что многочисленныя католическія общества и союзы всякаго рода въ дѣйствіяхъ своихъ не переступали предѣловъ закона, и подозрѣніе ихъ въ неблагонамѣренности лишено всякаго основанія; преслѣдованіе же ихъ за это нарушаетъ справедливость, увеличиваетъ только матеріальное и нравственное бѣдствіе населенія, и лишаетъ общество консервативной силы. Если эти общества и союзы и настроены враждебно современному политическому состоянію Италіи, то члены ихъ, согласно основнымъ началамъ вѣры, стоятъ вдалекѣ отъ всякаго заговора или возстанія противъ государственной власти, хотя и не могутъ, впрочемъ, отступить отъ желанія, чтобы папѣ возвращена была необходимая независимость и свобода. Истинными врагами Италіи являются не ревностные католики, а послѣдователи разныхъ сектъ.

Нельзя не замѣтить, что Левъ XIII сочувственно отнесся къ сдѣланному нашимъ императоромъ въ 1898 году предложенію о разоруженіи армій и къ трудамъ бывшей вслѣдствіе этого особой конференціи въ Гаагѣ.

Затѣмъ по поводу убійства австрійской императрицы Елизаветы

въ Женевѣ Левъ XIII справедливо высказывалъ, чтобы цивилизованная Европа общими силами обсудила средства положить преграду подобнымъ неслыханнымъ, дикимъ и звѣрскимъ преступленіямъ.

Въ концѣ 1898 г. Левъ XIII опасно занемогъ и долженъ былъ прибѣгнуть къ операціи, послѣ благополучнаго исхода которой онъ принималъ у себя коллегію кардиналовъ. При этомъ онъ говорилъ о стремленіяхъ къ миру и съ восторгомъ привѣтствовалъ сдѣланный къ тому починъ.

Церковь, какъ мать народовъ, ничего не желаетъ такъ сильно, какъ мира и спокойствія. Папы не разъ и въ прежнія времена воздерживали отъ пролитія крови и способствовали заключенію мирныхъ условій. Безъ авторитета папъ цивилизація погибла бы. Притѣсненія по временамъ могутъ воспрепятствовать религіознымъ заботамъ, но Церковь, несмотря на все это, исполнитъ благотворное свое назначеніе. Попытки лишить цивилизацію благотворнаго, живительнаго вліянія христіанства останутся тщетными.

Весною 1899 г. старецъ Левъ XIII опять опасно заболѣлъ, и возбуждался уже вопросъ о его преемникѣ. Но болѣзнь благополучно окончилась, и Левъ XIII въ одной энцикликѣ благодарилъ Всевышняго за свое исцѣленіе, а въ другой — возвѣстилъ, что наступающій 1900 годъ будетъ юбилейнымъ годомъ, т. е. какъ бы заключительнымъ годомъ его первосвященства.

Это торжество привлекло множество богомольцевъ въ Римъ и доставило Льву XIII случай не разъ говорить о величіи католической церкви и ея значеніи для всего міра.

Въ 1902 году папа Левъ XIII явилъ рѣдкій примѣръ, отпраздновавъ торжественно двадцатипятилѣтіе своего пребыванія на папскомъ престолѣ.

3-го марта новаго стиля было отслужено въ Римѣ въ соборѣ Св. Петра въ присутствіи Льва XIII торжественное богослуженіе, при которомъ, между прочими, присутствовали въ соборѣ 30 кардиналовъ, множество архіепископовъ и епископовъ, чрезвычайные посланники многихъ иностранныхъ державъ, дипломатическій корпусъ, вся высшая римская аристократія; на площади передъ храмомъ тѣснился народъ. Папская гвардія отдавала воинскія почести юбиляру. Самъ Левъ XIII торжественно былъ внесенъ въ соборъ въ $10^1/_2$ часовъ утра на sedia gestatoria (т. е. на роскошныхъ креслахъ, которыя несли на головахъ духовныя лица), окруженный блестящими представителями духовенства и при торжественныхъ кликахъ возсѣлъ на тронъ. Богослуженіе совершалъ кардиналъ Серафини Вантеллиніо. По окончаніи литургіи въ $12^1/_2$ часовъ дня, Левъ XIII давалъ благословеніе присутствовавшимъ, а затѣмъ, съ большою торжественностью, при шумныхъ и восторженныхъ привѣтствіяхъ, удалился въ Ватиканъ.

Въ томъ же году лишился жизни одинъ изъ главныхъ противниковъ Льва XIII, непримиримый врагъ свѣтской его власти,—именно молодой итальянскій король Гумбертъ, убитый анархистомъ. Престарѣлому первосвященнику суждено было пережить своего врага, и онъ скончался 7-го (20-го) іюля 1903 года, имѣя отъ роду девяносто три года.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Левъ XIII, самъ высоко образованный человѣкъ и основательный ученый, оказалъ важную услугу церковно-исторической наукѣ, открывъ сокровища ватиканскихъ архивовъ въ 1880 году всѣмъ изслѣдователямъ, убѣжденный, что исторія послужитъ наилучшимъ подтвержденіемъ папства и изобличеніемъ сектъ.

Кромѣ того, онъ учредилъ особую коммиссію для разработки ватиканскихъ актовъ, которая къ 400 лѣтнему юбилею Лютера издала въ 1883 г. Monumenta reformationis Lutheranae ex tabulariis Sanctæ Sedis,—а въ слѣдующемъ 1884 году — кардиналъ Гергенрётеръ издалъ обработку папскихъ дѣяній, начиная съ папы Льва X.

Помимо этого папа Левъ XIII заботился о распространеніи наукъ, по преимуществу историческихъ, имѣя при этомъ конечною цѣлью защиту папства отъ нападокъ различныхъ изслѣдователей по вопросу о римскомъ первосвященникѣ и католической церкви вообще. Въ этихъ видахъ, онъ сдѣлалъ болѣе доступными для занимающихся многочисленныя сокровища Ватиканской библіотеки, архивы которой были открыты по его приказанію 14-го августа 1883 года. Кромѣ этого для лучшаго изученія древнихъ памятниковъ, онъ учредилъ въ маѣ 1884 года при Ватиканскомъ архивѣ институтъ палеографіи и исторической критики. Занятія въ Ватиканѣ сдѣлались въ настоящее время несравненно доступнѣе, хотя отъ управленія архива зависитъ, конечно, всегда отказать въ выдачѣ для просмотра бумагъ, оглашеніе которыхъ почему-либо является нежелательнымъ римскому двору.

Левъ XIII покровительствовалъ также археологической академіи, находящейся при Ватиканѣ, и приказалъ возобновить и расширить Ватиканскую обсерваторію, чтобы доказать міру, что католическая церковь не только не относится враждебно къ точнымъ и положительнымъ наукамъ, но даже поощряетъ ихъ по мѣрѣ возможности. Онъ не мало содѣйствовалъ учрежденію богословскаго факультета при Парижскомъ университетѣ, а также католическаго университета въ Фрейбургѣ (саксонскомъ) и въ особенности въ Лёвенѣ въ (Бельгіи).

Равнымъ образомъ Левъ XIII щедро отпускалъ деньги на памятникъ Данте Аллигіери, ревностнымъ почитателемъ котораго онъ былъ всю жизнь, и на изданіе нѣкоторыхъ сочиненій и памятниковъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи католичества.

П. Майковъ.

Кто далъ имя императору Александру II.

Предложеніе князя Голицына Правительствующему Синоду.

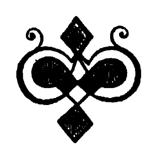
17-го апрѣля 1818 г.

Ея императорское высочество, государыня великая княгиня Александра Θеодоровна въ 17-й день сего апрѣля благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ великаго князя.

Удостоясь получить высочайшее его императорскаго величества полномочіе, чтобы въ отсутствіе государя императора испросить у ея величества государыни императрицы Маріи Θеодоровны волю ея относительно нареченія новорожденнаго великаго князя и сдѣлать о томъ надлежащее распоряженіе, я имѣлъ счастіе испрашивать у государыни императрицы повелѣнія, и ея величество изъявить изволила свою волю, чтобы новорожденный великій князь нареченъ былъ Александромъ.

О семъ радостномъ происшествіи и о высочайшей волѣ имѣю честь предложить Святѣйшему Синоду съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ церквахъ Имперіи принесено было Господу Богу за сію всеобщую радость благодарственное по установленному обряду молебствіе, при священнослуженіи, гдѣ слѣдуетъ воспоминаніемъ тако: новорожденнаго великаго князя Александра Николаевича.

О исполненіи же сего нынѣ въ церквахъ Московской столицы я отнесся къ преосвященному архіепископу Августину.



Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева[1]).

I.

Первое мѣсто между всѣми семейными занимала бабушка поэта А. И. Полежаева, Александра Петровна, рожденная Озерова, вдова поэта Николая Еремѣевича Струйскаго. На 28-мъ году Н. Е. женился вторымъ бракомъ—на 14-лѣтней А. П. Озеровой, которая приходилась родственницею Петру Хрисанфовичу Обольянинову, бывшему впослѣдствіи при Павлѣ I фаворитомъ и занимавшему должность генералъ-прокурора. Жена его, урожденная Симонова, была двоюродной сестрой А. П. Озеровой. Отъ этого брака

[1]) Во всѣхъ до нынѣ появившихся біографіяхъ нашего извѣстнаго поэта А. И. Полежаева имѣются крупные пробѣлы и даже ошибки, преимущественно, касательно его семейнаго положенія. Самъ Полежаевъ, по свидѣтельству Е. И. Бибиковой („Русскій Архивъ", 1882, ч. 3, стр. 241), никогда не говорилъ о своихъ родныхъ: „Когда съ нимъ заговаривали на эту тему, онъ всегда отвѣчалъ уклончиво и перемѣнялъ разговоръ; мы не знали, ни кто онъ, ни какого онъ происхожденія; замѣчательно, что человѣкъ, такъ явно всю жизнь шедшій въ разрѣзъ съ законами общества, такъ упорно ими пренебрегавшій, стыдился своего незаконнаго происхожденія". Позднѣйшіе біографы, собиравшіе свѣдѣнія о поэтѣ изъ вторыхъ рукъ, естественно, внесли въ свои труды не мало ошибочнаго. А между тѣмъ многія и при томъ важныя черты въ жизни и судьбѣ Полежаева объясняются именно его семейными обстоятельствами, о которыхъ у біографовъ либо нѣтъ ничего, либо даны ложныя показанія. Приведемъ нѣсколько образчиковъ.

Въ Словаряхъ" Толя и Березина, въ указателѣ исторіи словесности Межова—поэта Полежаева называютъ Александромъ Петровичемъ, и годъ его рожденія показываютъ 1810. Въ „Христоматіи" Гербеля

Н. Е. Струйской имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ четверыхъ близнецовъ. Одинъ ребенокъ родился мертвымъ, а пятеро дѣтей умерло въ малолѣтствѣ.

поэтъ именуется правильно Александромъ Ивановичемъ, но годъ рожденія указанъ 1807, мѣсто рожденія—Петербургъ, происхожденіе—небогатое дворянское семейство. Д. Д. Рябининъ называетъ его опять Петровичемъ и считаетъ („Русскій Архивъ", 1881, 1) сыномъ Петра Николаевича Струйскаго; фамилію, по предположенію Рябинина, Полежаевъ получилъ по крестному отцу. Біографъ не знаетъ, кто мать поэта; смѣшиваетъ дядей поэта—Александра Николаевича съ Юріемъ Николаевичемъ: Полежаевъ дѣйствительно былъ баловнемъ Александра Николаевича, но у Рябинина роль покровителя приписывается дядѣ Юрію, который также будто бы вызывалъ его къ себѣ изъ Москвы въ Петербургъ въ 1824 г. (стр. 328), тогда какъ Полежаевъ ѣздилъ къ дядѣ и своему крестному отцу—Александру Николаевичу, въ честь котораго и самъ получилъ свое имя. Юрій Николаевичъ, равно и все его семейство, были поэту недоброжелатели. На стр. 343 указано невѣрно, будто благодѣтель-дядя, какъ и всѣ родные, отчудилися отъ поэта, и даже (стр. 358) будто этотъ же самый „дядюшка-благодѣтель преслѣдовалъ его своей ненавистью, какъ говорятъ, не столько изъ негодованія за предосудительное поведеніе, сколько изъ корыстныхъ видовъ—завладѣть тѣмъ, что Полежаевъ могъ получить въ наслѣдство отъ отца". Извѣстное обращеніе къ отцу въ стихотвореніи „Арестантъ" біографъ (тамъ же, прим. 3) считаетъ обращеніемъ къ этому же самому „дядѣ съ мольбой о прощеніи". Правильный годъ рожденія и вѣрное отчество „Ивановичъ" установилъ лишь проф. Нилъ Александровичъ Поповъ, опубликовавшія въ „Русскомъ Архивѣ" за 1881 г., ч. II, стр. 471—474, подлинное документы изъ московскаго университетскаго архива.

Въ біографіи Полежаева, приложенной къ улитинскому (московскому) изданію сочиненій поэта, мы опять натыкаемся на грубѣйшую ошибку, будто Полежаевъ „доводился роднымъ сыномъ владѣльцу села Рузаевки, Ивану Николаевичу Струйскому" (стр. VI), какого никогда не существовало. И здѣсь (стр. VI) дядя, вызывающій поэта къ себѣ въ Петербургъ, оказывается Юрій Николаевичъ, а поѣздка въ Петербургъ, пребываніе тамъ и обратное возвращеніе въ Москву (на лошадяхъ) занимаетъ всего 6 дней (съ 21—27 октября 1821 г.).

Все, что до сихъ поръ достовѣрно извѣстно о семейномъ положеніи поэта, почерпается изъ весьма краткой замѣтки его двоюроднаго брата, Михаила Петровича Струйскаго („Живописное Обозрѣніе", годъ изданія 58-й, № 13 отъ 27-го марта 1888 г., стр. 211). Здѣсь указано впервые, что отецъ Полежаева былъ не Петръ, а Леонтій Николаевичъ Струйской, что мать поэта, крѣпостная, была выдана замужъ за мѣщанина Полежаева, отъ котораго поэтъ и унаслѣдовалъ фамилію. Но и М. П. Струйской допустилъ погрѣшности, напр., ошибочно назвалъ мать поэта не Аграфеной, а Степанидою.

Свѣдѣніями М. П. Струйскаго воспользовался составитель самой подробной біографіи Полежаева, П. А. Ефремовъ; но и онъ внесъ туда ошибки, допущенныя въ замѣткѣ „Живописнаго Обозрѣнія". Въ Ефремовской біографіи мы опять наталкиваемся на рядъ чисто произвольныхъ предположе-

Николай Еремѣевичъ велъ жизнь уединенную и почти не вступался въ дѣла. Его главнымъ и любимымъ занятіемъ была поэзія и сочиненіе стиховъ, для печатанія которыхъ онъ завелъ у себя въ селѣ Ру-

---

ній, вродѣ того, будто мужъ матери поэта назывался Евдокимомъ (стр. XIV); и здѣсь (стр. XXII) увѣряютъ насъ, что поэтъ, попавъ въ солдаты, остался „безъ всякой нравственной и матеріальной поддержки со стороны семьи" и (стр. XLIII), что „у него не было никого изъ близкихъ: ни родныхъ, ни знакомыхъ" (стр. XLIV), что „родные ничего ему не присылали, совсѣмъ прекративъ съ нимъ всякія сношенія", тогда какъ г. Рябининъ (стр. 358) признавалъ все-таки хоть то, что „родные присылали ему ничтожные денежные подарки".

А. Н. Пыпинъ („Вѣстникъ Европы" за 1889 годъ, т. 136, мартъ, „Забытый поэтъ") составилъ свою статью о Полежаевѣ по біографіи Ефремова. Поэтому онъ (стр. 170) тоже сообщаетъ, будто „родные и знакомые сторонились отъ поэта, какъ отъ зачумленнаго", и (стр. 173), что „родные совсѣмъ отказались отъ него и не подавали ему никакой помощи".

Не везетъ Полежаеву и въ новѣйшихъ компиляціяхъ, въ которыхъ отважно перевираются уже установленные факты; такъ въ книгѣ И. Игнатова „Галлерея русскихъ писателей" М. 1901 г., стр. 138, годъ рожденія поэта показанъ 1806. Не упоминаемъ еще другихъ курьезовъ, сконцентрированныхъ въ біографіи, занимающей всего одну страницу: поэма „Саша" будто бы исполнена рѣзкихъ соціальныхъ намековъ, тогда какъ эти намеки попадаются въ одной только строфѣ; или: университетъ даже ходатайствовалъ-де объ исключеніи поэта изъ податнаго сословія въ виду всѣхъ его дарованій и успѣховъ въ наукахъ, тогда какъ такое исключеніе изъ податнаго сословія и до нынѣ еще является простою формальностью, предшествующей выдачѣ университетскаго диплома—и вовсе не есть какая-либо особенная льгота и т. д. Въ изданіи Г. Н. Каранта „Русскіе писатели въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ". Галлерея XIX в. (редакція К. Л. Оленина), на стр. 139 говорится, что отецъ Полежаева тосковалъ въ разлукѣ съ Степанидой потому, что „въ концѣ концовъ она вышла замужъ за мѣщанина Полежаева". На самомъ дѣлѣ этотъ бракъ былъ чисто фиктивный, и никакой разлуки не было.

Желая провѣрить біографическія свѣдѣнія о Полежаевѣ и съ самаго начала усомнившись въ нѣкоторыхъ показаніяхъ, я обратился къ упомянутому двоюродному брату поэта, Михаилу Петровичу Струйскому и просилъ его содѣйствія къ возстановленію истинной картины семейной обстановки и родственныхъ отношеній поэта Полежаева. Съ сердечною признательностію долженъ я засвидѣтельствовать, что М. П. Струйской принялъ въ моемъ предпріятіи самое живое участіе и переслалъ мнѣ много документовъ, касающихся рода Струйскихъ. Съ помощью этихъ документовъ, а равно и обширныхъ письменныхъ сообщеній Михаила Петровича, почерпнутыхъ частію изъ собственныхъ воспоминаній (онъ родился въ 1821 году), частію изъ воспоминаній другихъ его родныхъ, мнѣ удалось описать судьбу ближайшихъ родственниковъ Полежаева въ ихъ отношеніи къ жизни и участи поэта. Представляемыя свѣдѣнія образуютъ собою какъ бы семейную хронику Струйскихъ въ двухъ его поколѣніяхъ,—хронику, составляющую первую страницу въ біографіи нашего даровитаго поэта, А. И. Полежаева.

заевкѣ особую роскошно обставленную типографію. Рузаевскія изданія по своей чрезвычайной рѣдкости и изяществу цѣнятся нынѣшними библіофилами чуть не на вѣсъ золота. Но и въ свое время изданія были настолько замѣчательны, что работами рузаевскихъ станковъ императрица Екатерина II хвалилась передъ иностранцами, а издателю-автору прислала драгоцѣнный бриллiантовый перстень. Шрифтъ и всѣ принадлежности были до того хороши, что, бывъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проданы Симбирскому губернскому правленію, долго служили еще въ губернской типографіи [1]).

Еще при жизни мужа, Александра Петровна, въ виду его уединеннаго образа жизни и нервнаго настроенія управляла дѣлами, поддерживала и даже защищала Николая Еремѣевича отъ притѣсненій со стороны губернскаго начальства и разнаго рода приказныхъ, желавшихъ погрѣть руку около богатаго помѣщика. Владѣнія Николая Еремѣевича были въ разныхъ губерніяхъ. Центральной его резиденціей была Рузаевка, Струйское тожъ (Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи), нынѣ узловая станція Московско-Казанской желѣзной дороги. Вокругъ Рузаевки разстилались помѣстья Н. Е. Струйскаго на нѣсколько верстъ. Въ самой Рузаевкѣ было 3 церкви, изъ которыхъ одна была построена Николаемъ Еремѣевичемъ во имя Св. Троицы. Усадьба была вся обведена валомъ; барскій домъ былъ выстроенъ по рисункамъ знаменитаго архитектора Растрелли. Были еще имѣнія въ Уфимской и Московской губерніяхъ. Родъ Струйскихъ былъ записанъ въ московскомъ дворянствѣ.

По смерти Николая Еремѣевича, умершаго въ 1796 г., непосредственно послѣ кончины воспѣтой имъ Екатерины II, всѣмъ имуществомъ управляла его вдова, а въ 1804 г. произошелъ раздѣлъ. Сыновья Струйскаго были частью на службѣ, а частью еще дома. Александрѣ Петровнѣ предоставили въ пожизненное владѣніе рузаевскій домъ и 300 душъ Саранскаго уѣзда при селѣ Архангельскомъ-Голицинѣ съ деревнями,—съ обязанностью производить расходы на общія семейныя дѣла, а именно при условіи: поддерживать строенія, нести всѣ издержки по содержанію жившихъ въ домѣ наслѣдниковъ, дочери Маргариты, сыновей Александра и Евграфа, а также и другихъ сыновей, пріѣзжавшихъ гостить на неопредѣленное время. Рузаевское имѣніе досталось по раздѣлу: матери Александрѣ Петровнѣ и братьямъ Александру и Евграфу. Часть матери послѣ ея смерти предназначалась Юрію Николаевичу. Александра Петровна пользовалась у своихъ дѣтей громад-

---

[1]) Н. Н. Оглоблинъ, „Сонный городъ“ (Симбирскъ) въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1901 г., т. 86, октябрь, стр. 223, полагаетъ, что шрифты были пожертвованы въ 1840 г.

нымъ авторитетомъ и полнымъ почтеніемъ, продолжая служить связующимъ семейнымъ центромъ. Опеку надъ несовершеннолѣтними дѣтьми она раздѣляла со своимъ любимцемъ, старшимъ сыномъ Юріемъ Николаевичемъ, котораго уважали и братья.

Изъ многочисленныхъ дѣтей Александры Петровны оставались въ живыхъ пятеро сыновей: Юрій, Петръ, Леонтій, Александръ и Евграфъ, и три дочери: Маргарита, Екатерина и Надежда. Изъ нихъ Екатерина Николаевна вышла замужъ за Коптева. Надежда Николаевна вышла замужъ за тамбовскаго дворянина Свищева изъ Шацкаго уѣзда. Маргарита Николаевна оставалась въ дѣвицахъ и скончалась на 82 году жизни — 2-го октября 1858 г. Евграфъ Николаевичъ, служившій въ военной службѣ, умеръ скоропостижно подполковникомъ въ отставкѣ въ г. Саранскѣ въ 1841 г. По его смерти оставшійся послѣ него капиталъ около 140 тысячъ рублей былъ расхищенъ. Въ дѣло въ качествѣ опекуна и наслѣдника вступился его братъ, Петръ Николаевичъ, но не добился правосудія. Процессъ послужилъ для него причиною многихъ огорченій и даже довелъ его до могилы. Онъ скончался 8-го ноября 1845 г. на 65 году жизни и погребенъ въ построенномъ имъ храмѣ села Починки. Процессъ же тянулся еще много лѣтъ... По многимъ подробностямъ онъ весьма характеренъ; но для опубликованія данныхъ его, кажется, еще не настало время.

Литературные вкусы Николая Еремѣевича ожили въ двухъ его внукахъ, поэтахъ А. И. Полежаевѣ и Д. Ю. Струйскомъ.

Александра Петровна была выдающеюся женщиной. Всѣ, кому только приходилось съ нею въ жизни встрѣчаться, очаровывались ея личностью. Даже Наталія Огарева - Тучкова, вообще враждебно относящаяся къ семейству Струйскихъ («Русская Старина» за 1890 г., т. 68, октябрь, стр. 17), хвалитъ умъ и любезность Александры Петровны. Восторженное описаніе ея оставилъ поэтъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій. Въ своемъ «Дневникѣ» онъ отзывается о ней кратко: «Любезное семейство Н. Е. Струйскаго привлекло къ себѣ любовь и почтеніе своихъ знакомыхъ. Жена его устроила свои дѣла, воспитала хорошо дѣтей, печется о нихъ (въ 1796 г.) понынѣ» («Русскій Архивъ» за 1865 г., стр. 486). Гораздо подробнѣе отзывъ въ «Капищѣ»: «вдова Н. Е. Струйскаго, Александра Петровна, урожденная Озерова, была женщина совсѣмъ другихъ, чѣмъ мужъ, склонностей и характера: тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла съ самымъ хорошимъ смысломъ пріятныя краски городскаго общежитія, живала и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, любила людей, особенно привязавшись къ кому-либо дружествомъ, сохраняла всѣ малѣйшія отношенія съ разборчивостью, прямо примѣрной въ наше время. Мать моя въ старости и я донынѣ обязаны бывали ей многократно разными пріят-

ными услугами, которыя грѣхъ забыть. Такъ, напр., однажды она, замѣтя, что дочери мои учатся играть на старинныхъ клавикордахъ, потому что я не имѣлъ средствъ скоро собраться и купить хорошихъ, купила будто для своихъ дочерей прекрасное фортепіано и подъ предлогомъ, что до зимы ей нельзя будетъ перевезти ихъ въ пензенскую деревню, просила насъ взять ихъ къ себѣ и продержать до тѣхъ поръ, какъ она за ними пришлетъ. Этому прошло уже близъ 20 лѣтъ; она не поминала о нихъ, и инструментъ обратился въ мою собственность.

«Можно всякому подарить, но съ такой нѣжностью едва-ли дано всѣмъ одолжить другаго. Все ея обращеніе съ нашимъ домомъ прекрасно; заочно всегда къ намъ пишетъ; бываетъ ли сама въ Москвѣ, всегда посѣтитъ и раздѣлитъ съ нами время; дома въ деревнѣ строгая хозяйка и мастерица своего дѣла, въ городѣ не скряга, напротивъ, щедра и расточительна. Я признаюсь, что мало женщинъ знаю такихъ, о коихъ обязанъ былъ бы я говорить съ такимъ чувствомъ усердія и признательности, какъ о ней... Когда вспомнишь подобныя отношенія въ жизни, твердыя, постоянныя, основанныя на чемъ-то нравственномъ и не воздушномъ, то нехотя о нихъ долго заговоришься: такъ и я пространно побесѣдовалъ о Струйскихъ, находя въ этомъ чистое, сердечное удовольствіе. Что пріятнѣе простой, искренней дружбы? Мнѣ случилось изъ одного побужденія благодарности, будучи свободнымъ по отставкѣ моей изъ Владиміра, съѣздить, побывавъ въ моей нижегородской деревнѣ, къ ней въ Рузаевку со всѣмъ моимъ семействомъ. Тамъ я недѣлю у нихъ прожилъ, по народному нарѣчью, какъ у Христа за пазушкой. Сколько ихъ я обрадовалъ (?) этимъ, столько самъ былъ доволенъ. Вошедши въ домъ и переступя порогъ, я съ слезами обнялъ Александру Петровну. Сколько лѣтъ не бывши въ этомъ селеніи, съ какимъ удовольствіемъ нашелъ я все въ покояхъ, все до послѣдней бездѣлки на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ что стояло при покойномъ. Казалось, никто послѣ него тутъ не шевелился. Казалось, я вчера только выѣхалъ оттуда... Отъ всѣхъ ощущеній, кои вкрались мгновенно въ мою душу, брызнули у меня слезы, и я долго не могъ спокойно вступить съ домашними въ посторонній разговоръ. Такія минуты глубоко врѣзываются въ умъ и сердце («Капище моего сердца», изд. II, стр. 338—340)».

Старшій сынъ Николая Еремѣевича, Юрій Николаевичъ, служилъ въ Петербургѣ въ гвардіи. Въ 1775 г. онъ числился артиллеріи сержантомъ. М. А. Дмитріевъ («Мелочи изъ запаса моей памяти», II изд., стр. 87) сообщаетъ, что его двоюродный дядя, Иванъ Петровичъ Бекетовъ, служилъ въ гвардіи вмѣстѣ съ Юріемъ Николаевичемъ и выпросилъ у него ненаходимую рѣдкость, сочиненія его отца.

Бывая часто въ Петербургѣ и по выходѣ въ отставку, еще при жизни отца, Юрій Николаевичъ свелъ тамъ знакомство съ сильными и вліятельными лицами, между прочимъ и съ будущимъ министромъ финансовъ, Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ, извѣстнымъ, правда, не столько упроченіемъ русскихъ финансовъ, сколько изобрѣтеніемъ «гурьевской каши». Помощь этихъ знакомыхъ скоро ему пригодилась. Со своею крѣпостною крестьянкой, Наталіею Филипповой, Юрій Николаевичъ имѣлъ дѣтей внѣ брака. Задумавъ ихъ узаконить и руководствуясь совѣтами Гурьева, онъ прежде всего повѣнчался со своею сожительницею, а потомъ, не высказывая цѣли, отобравъ подписку о согласіи на узаконеніе со стороны своей матери, Александры Петровны, и всѣхъ братьевъ, подалъ прошеніе на высочайшее имя. Прошеніе было уважено, какъ видно изъ указа Сенату, даннаго въ Царскомъ Селѣ 26-го августа 1818 г.: «Снисходя на представленное намъ отъ коммиссіи прошеній всеподданнѣйшее прошеніе объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ до брака, съ настоящею женою отставнаго гвардіи корнета Юрія Струйскаго, сыновей Сергѣя и Дмитрія и дочери Варвары—всемилостивѣйше дозволяемъ вышеписаннымъ дѣтямъ принять фамилію ихъ отца и вступить во всѣ права и преимущества по роду и наслѣдію, законнымъ дѣтямъ принадлежащія». Кромѣ перечисленныхъ дѣтей, Юрій Николаевичъ имѣлъ дочь Александру Юрьевну, прижитую послѣ брака.

Но успѣвъ въ тайнѣ отъ родныхъ узаконить своихъ собственныхъ дѣтей, Юрій Николаевичъ, подъ вліяніемъ своей жены, вовсе не желалъ, чтобы такая же мѣра была употреблена и для незаконныхъ дѣтей его брата, Леонтія Николаевича, отца поэта Полежаева. Напротивъ того, своими лицемѣрными совѣтами и происками онъ сумѣлъ сдѣлать узаконеніе дѣтей своего брата Леонтія, въ томъ числѣ и Саши, будущаго поэта, совершенно невозможнымъ, о чемъ скажемъ ниже. Когда его іезуитскій образъ дѣйствій обнаружился, то всѣ его родные, даже и мать, горячо его любившая, отъ него отшатнулись, и ему пришлось покинуть Рузаевку навсегда, хотя материнская часть въ этомъ имѣніи предназначалась по смерти Александры Петровны именно Юрію Николаевичу. Юрій Николаевичъ удалился въ свое имѣніе, въ село Растовку, Симбирской губерніи, гдѣ и жилъ до самой смерти. Онъ скончался около 1819 г. отъ водяной болѣзни. Когда начался уголовный процессъ его брата Леонтія, отца поэта Полежаева, Юрій Николаевичъ вызвалъ къ себѣ за 200 верстъ врача Абрама Матвѣевича Европеуса, который былъ по этому дѣлу медицинскимъ экспертомъ, чтобы отъ него узнать о сущности процесса изъ первыхъ рукъ.

Оба сына Юрія Николаевича, Сергѣй и Дмитрій, получили высшее образованіе. Они учились въ Московскомъ университетѣ одновременно

съ Полежаевымъ. Любимая сестра Леонтія Николаевича, Надежда Николаевна, въ замужествѣ Свищева, жила въ то время въ Москвѣ, гдѣ лѣчилась. Она принимала у себя всѣхъ племянниковъ, какъ Сашу Полежаева, такъ и сыновей Юрія Николаевича, которыхъ она называла по отцу «Іудичами»,—и съ послѣдними обращалась такъ холодно, что они перестали бывать у нея. Оба брата не походили другъ на друга ни наружностію, ни характеромъ. Сергѣй Юрьевичъ унаслѣдовалъ отъ отца его хитрость, молчаливость, сдержанность, неоткровенность. Прямою противоположностію ему являлся другой братъ, Дмитрій Юрьевичъ Струйской, подобно своему кузену Полежаеву, получившій отъ дѣда, Николая Еремѣевича, склонность къ литературѣ и даже стяжавшій себѣ въ 30-хъ годахъ нѣкоторую извѣстность подъ псевдонимомъ Трилуннаго: на щитѣ герба Струйскихъ изображены три луны или полумѣсяца. Кромѣ литературы, Трилунный занимался и музыкой, игралъ прекрасно на скрипкѣ и былъ участникомъ струннаго квартета у директора придворной капеллы, скрипичнаго виртуоза, Алексѣя Ѳедоровича Львова (автора гимна «Боже, царя храни»). Перу Дмитрія Юрьевича принадлежатъ: «Аннибалъ на развалинахъ Карѳагена», драматическая поэма, 1827, «Стихотворенія Трилуннаго», «Альманахъ» на 1830 г., въ 2 частяхъ, Спб., и повѣсть въ прозѣ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду», за 1837 г. Равнымъ образомъ сотрудничалъ онъ и въ другихъ альманахахъ и въ журналахъ: «Галатеѣ», «Атенеѣ», «Современникѣ», «Телескопѣ», «Литературной Газетѣ», гдѣ помѣщалъ стихи и рецензіи. Въ новыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1839 г., ч. I, онъ помѣстилъ статью «О современной музыкѣ и музыкальной критикѣ». Эта статья довольно любопытна по своимъ идеямъ. Указывая между прочимъ на обычную несоразмѣрность между пустыми либретто и глубокою музыкой въ оперѣ, Трилунный для геніальнаго композитора требуетъ и геніальнаго либреттиста—и только отъ такого сочетанія ожидаетъ вполнѣ совершеннаго произведенія.

Дмитрій Юрьевичъ легко владѣлъ перомъ, писалъ романсы и самъ же перекладывалъ ихъ на музыку, писалъ музыку и на чужія стихотворенія, какъ на слова князя П. А. Вяземскаго: «Сколько слезъ я пролилъ!» Эстетическія наклонности влекли его въ компанію артистовъ, вмѣстѣ съ которыми онъ привыкъ къ разгульной и безпорядочной жизни: онъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ-завсегдатаемъ у Палкина, въ трактирѣ котораго Трилунный оставилъ и свое здоровье, и всѣ свои разнообразные таланты. Въ свое время его поэма «Аннибалъ» вызвала насмѣшливый отзывъ князя П. А. Вяземскаго въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1827 г. (см. Полное собраніе сочиненій, кн. II, стр. 52—58), укорявшаго его особенно за грубую ошибку противъ исторіи, ибо на развалинахъ Карѳагена скитался не Аннибалъ, а Марій. Признавая у Трилуннаго (стр. 57)

нѣсколько хорошихъ и сильныхъ стиховъ [1]), нѣкоторый жаръ въ выраженіи, нѣкоторую твердость и движеніе въ стихосложеніи, Вяземскій отдавалъ предпочтеніе стихамъ его дѣда, Николая Еремѣевича, рузаевскаго поэта [2]). Въ позднѣйшей «Припискѣ» (1879 г.) критикъ винится предъ тѣнью Трилуннаго, «печатавшаго очень порядочные, а иногда и хорошіе стихи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ» (стр. 57), и сѣтуетъ на Гербеля, пропустившаго Трилуннаго въ своей «Христоматіи для всѣхъ», гдѣ онъ, по мнѣнію Вяземскаго, имѣетъ свое законное мѣсто—и не въ числѣ самыхъ послѣднихъ. Тутъ же князь Вяземскій сообщаетъ о своей личной встрѣчѣ съ Трилуннымъ во Флоренціи, въ саду Боболи, въ 1834 г. Оказывается, что Д. Ю. Струйской все заграничное путешествіе совершалъ въ форменномъ русскомъ фракѣ. Вяземскій сочувственно объясняетъ этотъ поступокъ Трилуннаго бѣдностію его. Около двухъ лѣтъ Трилунный чуть не пѣшкомъ путешествовалъ по Европѣ и ознакомился со всѣмъ, что было достойно вниманія. Наконецъ, Вяземскій встрѣтилъ Трилуннаго еще разъ уже въ Римѣ, гдѣ его дружелюбно встрѣтили русскіе художники. Но, кажется, мундирный фракъ, носимый Д. Юрьевичемъ за границей, надо отнести не на счетъ его бѣдности, а скорѣе чудачества.

Дмитрій Юрьевичъ не былъ женатъ. Братъ его Сергѣй имѣлъ единственнаго сына Юрія Сергѣевича Струйскаго, слабаго сложенія. Для его здоровья необходимо было постоянное пребываніе на Кавказѣ, гдѣ и было пріобрѣтено Дмитріемъ Юрьевичемъ небольшое, но отличное имѣніе въ Кутаисской губерніи, и выстроена церковь. Тамъ же жила и его тетка Варвара Юрьевна; тамъ она и скончалась, завѣщавъ свое имѣніе женскому монастырю, близъ г. Кутаиса, при которомъ Варвара Юрьевна похоронена. По смерти Юрія Сергѣевича все имущество около

---

[1]) П. К. Мартьяновъ („Цвѣтъ нашей интеллигенціи. Словарь-Альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка", изданіе III-е, Спб., 1893, стр. 253) такъ отзывается о Трилунномъ-Струйскомъ:

Поэтъ сороковыхъ годовъ,
Прослывъ чувствительнымъ баяномъ,
Струю высокую стиховъ
Бросалъ въ печать, бія фонтаномъ.

[2]) Кн. П. А. Вяземскій съ уваженіемъ относился къ памяти Николая Еремѣевича. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву изъ села Мещерскаго, Саратовской губерніи, отъ 24-го декабря 1824 г. („Русскій Архивъ" за 1865 г., стр. 1713) онъ сообщаетъ: „жалѣю, что не успѣлъ но обѣщанію своему, напечатанному въ „Телеграфѣ", поклониться памяти поэта и живописца его (Зяблова), но лѣтомъ, когда буду опять въ здѣшней сторонѣ, съ набожною точностію исполню свой сердечный и журналистическій обѣтъ". Въ „Записной книжкѣ" того же года („Полное собраніе сочиненій", т. IX, стр. 69—70) отмѣчено: „не доѣзжая Пензы—знаменитая Рудзаевка (sic) поэта Струйскаго. Послѣ него остались вдова и два сына, живущіе въ околодкѣ".

полумилліона рублей перешло къ его теткѣ Александрѣ Юрьевнѣ Струйской, скончавшейся въ Петербургѣ, въ концѣ 1901 г., и оставившей свой домъ на Васильевскомъ Островѣ, для пріюта неизлѣчимыхъ женщинъ съ капиталомъ около 150.000 рублей. Остальное имущество завѣщено—деньги на благотворительныя цѣли, а недвижимое—родственнику Коптеву,

Подобно своему отцу, а особенно матери, всѣ члены семейства Юрія Николаевича относились къ поэту Полежаеву холодно и враждебно. Юрія Николаевича, какъ самъ Полежаевъ, такъ и отецъ его, Леонтій Николаевичъ, считали причиною всѣхъ своихъ несчастій. Г. Бѣлозерскій со словъ Е. А. Дроздовой сообщаетъ, что Полежаевъ среди своего безпросвѣтнаго пьянства (стр. 647) [1]) «все грозился отправиться и собственноручно убить какого-то своего дядю, который обобралъ его, присвоивъ завѣщанныя отцомъ поэту тысячъ 20 рублей». Эти угрозы и относились къ Юрію Николаевичу. Но замѣтимъ, что слова Полежаева, очевидно, переданы неточно: никакого духовнаго завѣщанія со стороны его отца не могло существовать, ибо Леонтій Николаевичъ умеръ въ Сибири, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, и самъ жилъ на пособіе, даваемое ему его матерью, Александрою Петровною, бабушкой Полежаева. Лишеніе имущества надо понимать, очевидно, не въ томъ смыслѣ, что Юрій Николаевичъ утаилъ какіе-либо капиталы, оставленные Полежаеву его отцомъ, Леонтіемъ Николаевичемъ, а такъ, что Юрій Николаевичъ помѣшалъ Полежаеву узакониться и сдѣлаться юридическимъ наслѣдникомъ имущества своего отца по плоти.

Замѣтимъ, что о личности Юрія Николаевича есть въ литературѣ похвальный отзывъ князя И. М. Долгорукова, который въ своемъ «Капищѣ» (изд. II, 1890 г., стр. 339) пишетъ: «изъ всего семейства Александры Петровны Струйской, сынъ ея старшій — лучшій мой пріятель, и знакомство мое съ нимъ обратилось въ дружескую связь, которая, думаю, никогда не разорвется; я и прочихъ дѣтей ея люблю, но не такъ коротко съ ними сошелся, какъ съ Юріемъ Николаевичемъ».

Другіе два сына Николая Еремѣевича, Петръ Николаевичъ и Евграфъ Николаевичъ Струйскіе не играютъ особенной роли въ біографіи поэта Полежаева. Евграфъ Николаевичъ вообще держалъ себя особнякомъ. За то въ участи Полежаева очень важное значеніе имѣетъ его крестный отецъ и дядя, Александръ Николаевичъ Струйской.

Подобно своему брату Юрію, Александръ Николаевичъ служилъ въ военной службѣ, въ конной гвардіи, и былъ любимцемъ цесаревича

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ за 1895 г., сентябрь.

Константина Павловича. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ 1812—1814 гг., былъ болѣе, чѣмъ въ 30-хъ сраженіяхъ, и неоднократно былъ раненъ; но обыкновенно, перевязавъ рану, онъ возвращался опять въ строй, въ битву. Разъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, онъ едва не лишился жизни, будучи задавленъ убитою подъ нимъ лошадью, и спасся только, благодаря своевременной помощи вѣрнаго своего слуги, Леонтія Ѳедорова.

Оставивъ службу подъ начальствомъ цесаревича, въ чинѣ полковника, Александръ Николаевичъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при военномъ министерствѣ. Но большой карьеры онъ не сдѣлалъ, ибо не обладалъ нужными для этого, особенно въ то время, талантами, т. е., говоря словами Чацкаго, былъ радъ служить но не умѣлъ прислуживаться. По своему характеру онъ былъ полный контрастъ старшему брату Юрію. Александръ Николаевичъ былъ вспыльчивъ, но за то отличался откровенностью, прямотой, добродушіемъ и честностью, по тому времени изъ ряду вонъ выходящею. О его честности можетъ дать намъ понятіе слѣдующій разсказъ.

Александру Николаевичу была поручена постройка казармъ въ Ярославлѣ. Въ это время губернаторомъ былъ тамъ нѣкто А. М. Б., приходившійся Александру Николаевичу Струйскому родственникомъ по женѣ и занимавшій впослѣдствіи высокій постъ. Губернаторъ былъ предсѣдателемъ пріемной коммиссіи. За нѣсколько дней до окончанія дѣла, Струйской былъ у Б. и сообщилъ ему, что онъ на-дняхъ представитъ отчетъ о постройкѣ, а также и получившіяся въ экономіи остаточныя суммы въ количествѣ 40.000 рублей съ нѣсколькими сотнями. Б. предложилъ строителю Струйскому поступить въ духѣ времени, а именно: сотни объявить и представить по начальству, а тысячи раздѣлить пополамъ. Такое предложеніе вывело честнѣйшаго Александра Николаевича изъ себя: онъ наговорилъ губернатору дерзостей, вышелъ изъ его кабинета, хлопнулъ дверью и на другой же день поѣхалъ съ отчетомъ въ Петербургъ. Но изъ этого ничего не вышло. Б. былъ по женѣ сродни всемогущему А. Ѳ. Орлову, который сталъ Струйскому мстить и преслѣдовалъ его до конца его жизни. Послѣ столкновенія съ Б-ымъ А. Н. Струйской оставилъ службу и поселился сначала въ Петербургѣ, а съ 1831 года въ Рузаевкѣ.

Горячность, прямодушіе и чрезвычайная любовь къ справедливости, какою всегда отличался Александръ Николаевичъ, рельефно сказываются въ оставленіи имъ службы у цесаревича Константина Павловича.

У А. Н. Струйскаго былъ товарищъ по службѣ и по оружію, нѣкто Чичеринъ. Цесаревичъ очень любилъ обоихъ, какъ Струйскаго, такъ и Чичерина. Однажды дружба между Струйскимъ и Чичеринымъ нарушилась по слѣдующему поводу. Награды за военныя отличія раздавались

*

и послѣ окончанія войны 1812 г. Награждали между прочимъ австрійскимъ орденомъ pour le mérite. При раздачѣ этого австрійскаго знака произошла ошибка. Александръ Николаевичъ взялъ въ плѣнъ небольшой отрядъ непріятелей, какъ сказано было въ приказѣ, удачно и безъ особаго кровопролитія. Въ реляціи же на мѣсто имени Струйскаго оказалась фамилія Чичерина, который и получилъ pour le mérite. Тогда возмущенный А. Н. Струйской потребовалъ отъ Чичерина, чтобъ онъ отказался отъ незаслуженной награды, доставшейся ему по ошибкѣ. Чичеринъ отказался выполнить требованіе Струйскаго, и тотъ вызвалъ его на дуэль. Цесаревичъ, узнавъ о происшедшемъ, немедленно прислалъ орденъ и Струйскому, а дуэль запретилъ; но Струйскій продолжалъ настаивать на томъ, чтобы Чичеринъ отказался отъ ошибочной награды. Константинъ Павловичъ, вытребовавъ А. Н. Струйскаго, строго замѣтилъ ему:

— Струйской, ты шалишь?

— Я не шалю, ваше высочество.

— Я не дозволяю драться съ Чичеринымъ на дуэли.

— А я не желаю долѣе служить подъ командою вашего высочества,—безстрашно отвѣчалъ Александръ Николаевичъ.

Личность Александра Николаевича хорошо обрисовывается въ сохранившемся письмѣ къ матери. Письмо представляетъ собою любопытный матеріалъ для обрисовки семейныхъ отношеній дома Струйскихъ и для характеристики быта того времени вообще. Мы приведемъ извлеченіе изъ него, не соблюдая орѳографіи подлинника.

«Теперь спѣшу вамъ сказать о себѣ, дражайшая матушка, какъ я счастливъ истиннымъ расположеніемъ ко мнѣ Саввы Михайловича и почтенной Маріи Степановны (Мартыновыхъ)...

«Извѣстная штатсъ-дама, фельдмаршальша, графиня Прасковья Васильевна Пушкина воспитываетъ у себя внучку, прекрасную собой, Авдотью Николаевну Чирикову. Я, не будучи знакомъ съ графиней, не имѣлъ другаго случая съ нею себя коротко познакомить, какъ не черезъ Марью Степановну и, наконецъ, просилъ ее узнать мнѣніе Авдотьи Николаевны, согласна ли она будетъ выйти за меня замужъ. Получа ея отвѣтъ, соотвѣтственный моему желанію, она, не теряя времени, довела до свѣдѣнія самой графини, и она по довѣренности ихъ къ Марьѣ Степановнѣ приняла предложеніе съ большою радостью. Спустя нѣсколько времени, графиня своеручно увѣдомляетъ Марью Степановну, что участь Авдотьи Николаевны съ того времени уже рѣшена, и что она сама, вытребовавши позволеніе отъ батюшки Авдотьи Николаевны располагать по ея согласію, проситъ покорнѣйше доставить случай меня къ себѣ представить въ назначенный часъ, въ пятницу, т. е. 5-го сентября. Вотъ до сего времени я болѣе вамъ ничего не умѣю сказать,

кромѣ, что я поѣду туда съ Саввою Михайловичемъ, и должно ожидать въ субботу, или въ воскресенье, публичную помолвку, ибо графиня предупреждаетъ чрезъ Марью Степановну, что она никакъ не соглашается на долгое время отлагать свадьбу—по многимъ причинамъ городскихъ, обыкновенныхъ, нелѣпыхъ слуховъ, и далѣе сроку всему не предполагается, какъ въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго октября непремѣнно, дабы не сдѣлать убытковъ, не соразмѣрныхъ состоянію.

«Сколь лестно поздравить васъ съ радостнымъ извѣстіемъ, дражайжая матушка, но не менѣе того весьма больно положеніемъ своимъ предупредить, что, не имѣвши въ виду денежныхъ оборотовъ, крайне затруднительно устроить свое благополучіе. Я, теперь находясь въ необходимости имѣть карету, лошадей, квартиру, мебель, посуду, а судя по остаткамъ моихъ финансовъ, они не только не достаточны на употребленіе заведенія, но и едва-ли буду имѣть возможность расплатиться съ извощиками, ибо исканья знакомства съ ея родственниками стоютъ уже мнѣ не малое число суммы денегъ. Но какое же предпріятіе могло бы быть безъ оныхъ: таковъ уже нынѣ вѣкъ. Я, держась общей системы: «подъ лежащій камень и вода не потечетъ» поднялъ—и сильно вода потекла рѣкой.

«Ожидая отъ Вышняго покровительства удостоить меня милостивымъ вашимъ вниманіемъ, я беру смѣлость просить, если будете имѣть средства, вспомоществованіемъ усовершенствовать, не оставить воспользоваться счастьемъ черезъ другихъ.

«Цѣлую ваши дражайшія ручки, съ благословеніемъ пребыть честь имѣю покорнѣйшій сынъ и слуга. Александръ Струйской.

1818 г. 4-го сентября.

№ 20. Петербургъ.

Въ этомъ письмѣ отражается весь Александръ Николаевичъ Струйской со своей довѣрчивой душой и сердечнымъ отношеніемъ къ своимъ семейнымъ, особенно къ матери. Ему удалось составить свое счастье: онъ женился на Авдотьѣ Николаевнѣ, воспитанницѣ графини Мусиной-Пушкиной. Но бракъ этотъ оказался не вполнѣ удачнымъ.

Семейное положеніе Александра Николаевича Струйскаго было таково: единственный сынъ его Эммануилъ умеръ въ малолѣтствѣ; изъ двухъ дочерей одна, Прасковья Александровна, вышла замужъ за границу, за француза, виконта-де-Монкабріе, состоявшаго при французскомъ посольствѣ; другая же дочь Александра Александровна, не любимая матерью, была гонима въ семьѣ, а послѣ смерти отца объявлена душевно-больною и отправлена во Францію къ сестрѣ. Только черезъ 10 лѣтъ удалось ей вернуться на родину и не безъ труда возобновить свои права. Сдѣлавшись болѣе француженкой, чѣмъ русскою, она про-

дала имѣніе и вернулась во Францію, въ Тулузу, въ домъ своей сестры, а по ея смерти приняла на свое попеченіе осиротѣлыхъ ея дѣтей.

Для поэта Полежаева его дядя Александръ Николаевичъ Струйской былъ благодѣтелемъ. Онъ очень любилъ крестника и избаловалъ его въ конецъ. Въ бытность Полежаева въ университетѣ дядя Александръ поддерживалъ кутилу-студента; въ его же квартирѣ въ Петербургѣ жилъ Полежаевъ, когда на время бросалъ ученіе. Цѣнныя свидѣтельства о дядѣ Александрѣ Николаевичѣ сохранилъ Полежаевъ въ своей поэмѣ «Сашка», которая именно начинается описаніемъ поѣздки буяна-Саши изъ Москвы въ Петербургъ къ своему дядѣ для поправленія финансовъ. Вотъ какъ поэтъ характеризуетъ дядю, пародируя Пушкинскаго «Евгенія Онѣгина» (строфы I и II).

Мой дядя—человѣкъ сердитый,
И тьму я „браней" претерплю;
Но если говорить открыто,
Его немного я люблю:
Онъ—чортъ, когда разгорячится.
Дрожитъ, какъ пустится кричать,
Но жаръ въ минуту охладится,
И тихъ мой дядюшка опять.
За то какая же мнѣ скука
Весь день при немъ въ гостиной быть,
Какая тягостная мука
Лишь о походахъ говорить,
Супругѣ строить комплименты,
Платочки съ полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Дѣтей въ колясочкѣ катать,
Точить имъ сказочки, да лясы,
Водить въ саду въ день раза три
И строить разныя гримасы,
Бормоча: „Чортъ васъ побери!»

Пріѣхавъ въ Питеръ, Саша, однако, струсилъ прямо идти къ дядѣ: прислонясь къ монументу Петра, онъ стоялъ съ «потупленнымъ челомъ». За это поэтъ укоряетъ его (строфа V второй части):

Эхъ, Саша, какъ тебѣ не стыдно:
Сробѣлъ, лихая голова...
Когда ты былъ такою бабой?
Когда такъ трусилъ и тужилъ?
Такъ и раскисъ, и носъ повѣсилъ:
Пошелъ, братъ, къ дядюшкѣ, пошелъ!

Пріемъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ (строфа VI и VII):

И что жъ, друзья? Вѣдь справедливо
Онъ дядю „чортомъ" называлъ:
Вѣдь какъ же онъ краснорѣчиво

Его сначала отщелкалъ,
Такую задалъ передрягу,
Такую пѣсенку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бѣднягу,
Что тотъ лишь слушалъ, да потѣлъ.
Потомъ все тише, да смирнѣе,
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Потомъ все ласковѣй, добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.
А Саша тутъ и распустился,
И чувствуетъ, что виноватъ,
Раскаялся и прослезился.
А дядя? Боже мой, какъ радъ.
Повѣсу грязнаго обмыли,
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ,
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть нельзя, до ногъ.

Саша, благодаря доброму дядѣ Александру Николаевичу, началъ разыгрывать свѣтскаго молодаго человѣка. Скромничая при дядѣ, онъ вознаграждалъ себя втихомолку (строфы XIII—XV):

Но какъ же былъ зато онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полутихо нѣжно-томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ!
Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ всегда благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ...
Съ какою пылкостью восторга
Хвалилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ природы въ красоты.
Съ какимъ онъ жаромъ удивлялся
Наполеонову уму,
И какъ дѣлами восхищался
Моро, и Нея, и Даву;
Бранилъ всѣхъ русскихъ безъ разбора...
И въ Эрмитажѣ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта, ни взора...
И потакалъ, и лицемѣрилъ,
И льстилъ безсовѣстно, и вралъ—
А честный дядя всему вѣрилъ
И шуту денежки давалъ—
Бывало, только онъ съ Мильонной,
А дядя: „Гдѣ, дружочекъ, былъ?—и т. д.

Такое лицемѣрное поведеніе Саши даже въ самомъ поэтѣ, относящемся къ нему весьма сочувственно и благодушно, вызываетъ негодованіе:

Ахъ ты, проклятая собака,
Вѣдь что, мошенникъ, ни совретъ!..

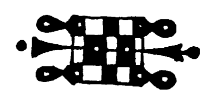
Александръ Николаевичъ, дядя «Сашки», обрисованъ въ произведеніи своего племянника самыми симпатичными чертами. Простодушный, старый вояка, онъ въ пухъ и прахъ разругалъ повѣсу-племянника, закружившагося въ Москвѣ до потери приличнаго образа. Но стоило лишь племяннику подать нѣкоторый намекъ на исправленіе и раскаяніе, какъ добрый дядя и вѣритъ этому, снабжаетъ его всѣмъ необходимымъ, даже деньгами, на которыя тотъ втихомолку задаетъ кутежи. По изображенію племянника, дядя былъ человѣкъ серьезный, благочестивый, любилъ поразсуждать, уважалъ Наполеона, былъ привязанъ къ искусству и понималъ природу. Но тщетно пытался онъ привязать къ своимъ интересамъ кутилу-«Сашку». У того на умѣ свое. Изъ Москвы онъ пріѣхалъ простымъ забулдыгой; въ Петербургѣ онъ сталъ фатомъ и франтомъ. Дядя приходитъ къ мысли возвратить «Сашку» къ университетскимъ занятіямъ (строфы XVII и XVIII). Московскіе друзья «Сашки» радуются:

Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ къ намъ, опять...
А дядя мыслитъ кое-что—
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто занято.

Продолжающаяся безшабашная жизнь поэта принудила дядю помѣстить Полежаева въ университетъ полупансіонеромъ,—и, повидимому, только благодаря этой мѣрѣ, Полежаевъ могъ окончить курсъ въ университетѣ, пробывъ въ немъ вмѣсто обычныхъ тогда трехъ лѣтъ двойное количество—шесть лѣтъ. Къ лицамъ, жившимъ на хлѣбахъ у профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ, въ ту эпоху относились на экзаменахъ въ общемъ весьма благодушно и снисходительно [1]).

Профес. **Ев. Бобровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



---

[1]) См. мой трудъ „Литература и просвѣщеніе", т. II, стр. 38—39. При поступленіи въ университетъ родители будущихъ студентовъ обходили профессоровъ съ „сюрпризами"—дарили либо деньгами, либо вещами разнаго рода—даже полотенцами!

Въ Рущукскомъ отрядѣ.

(Воспоминанія И. И. Венедиктова)[1].

(Посвящаются памяти друга Ваньчо).

Въ началѣ 1877 г., когда въ воздухѣ уже запахло порохомъ и неизбѣжность войны съ Турціей становилась очевидною, о чемъ повсюду, въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ Россіи шли толки и пересуды, я состоялъ юнымъ прапорщикомъ одного изъ полковъ 2-ой пѣхотной дивизіи, расположенной въ Казани, которая, какъ носились упорные слухи, не войдетъ въ составъ дѣйствующей арміи.

Мнѣ не сидѣлось, я сталъ приставать къ отцу съ неотступными просьбами похлопотать о моемъ переводѣ въ составъ дѣйствующихъ войскъ.

Какъ разъ въ это время было объявлено о сформированіи корпусовъ и назначеніи ихъ командировъ, въ числѣ которыхъ начальникомъ 12-го армейскаго корпуса былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, однокашникъ по воспитанію, а потомъ сослуживецъ моего отца, который и воспользовался этимъ, попросивъ Петра Семеновича перевести меня въ его корпусъ для участія въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Недолго пришлось ожидать; черезъ 2—3 недѣли отецъ получилъ отвѣтъ, что распоряженіе о моемъ переводѣ въ 46-й пѣхотный Днѣпровскій полкъ уже сдѣлано и что генералъ Ванновскій согласенъ взять меня къ себѣ постояннымъ ординарцемъ.

Послѣ торопливыхъ сборовъ, простившись не безъ грусти съ до-

---

[1]) Отставнаго капитана л.-гв. Измайловскаго полка Ивана Ивановича Венедиктова, умершаго въ 1901 г.

машними и оставивъ мать въ неутѣшныхъ слезахъ, я 11-го апрѣля съ первымъ отходившимъ изъ Казани пароходомъ общества «Самолетъ» выѣхалъ черезъ Москву на Кіевъ и 18-го апрѣля рано утромъ былъ въ Кишеневѣ, гдѣ пробылъ всего однѣ сутки только, но и за это недолгое время успѣлъ познакомиться со страшною, непролазною грязью немощенныхъ кишеневскихъ улицъ, ужасной дороговизной номеровъ, которые до объявленія войны стоили 50—75 к., а теперь сдавались по 5 и 10 р. въ сутки, и потомъ съ ужасно-высокими цѣнами здѣшнихъ извощиковъ-жидовъ, которые, пользуясь небывалымъ наплывомъ офицеровъ, требовали за часъ ѣзды по городу 1 р. 50 к. Посмотрѣвъ на отъѣздъ государя въ Москву, я отправился въ комендантское управленіе, потомъ въ штабъ дѣйствующей арміи, чтобы узнать мѣстонахожденіе 12-го корпуса, но, не получивъ нигдѣ нужныхъ мнѣ свѣдѣній, на другой же день покинулъ грязный, кишащій жидами городъ. Въ Унгенахъ безпорядковъ еще больше; никто ничего не знаетъ. Вечеромъ кое-какъ примостился къ воинскому поѣзду, переѣхалъ границу, гдѣ уже стоятъ румынскіе солдаты, и поздно вечеромъ очутился въ Яссахъ, гдѣ сейчасъ же явился къ генералу Ванновскому, который, разспросивъ меня о домашнихъ и о здоровьѣ отца; перешелъ къ службѣ и спросилъ, сколько у меня имѣется денегъ на покупку верховой и упряжной лошадей, чтобы занять должность ординарца.

— Ваше превосходительство, у меня денегъ вовсе нѣтъ,—отвѣчалъ я, робѣя подъ его пристальнымъ взглядомъ.

— Какъ нѣтъ? Иванъ Ивановичъ пишетъ мнѣ, что деньги на все необходимое, а въ томъ числѣ и на лошадей, выданы.

При отъѣздѣ изъ Казани отецъ дѣйствительно выдалъ мнѣ весьма приличную сумму денегъ, но на что именно, не пояснилъ, а я «по молодости лѣтъ» дорогой не стѣснялъ себя и у меня по пріѣздѣ въ Бухарестъ осталось не болѣе 25—30 рублей.

— Извольте отправляться въ 46-й Днѣпровскій полкъ, — сказалъ Петръ Семеновичъ,—съ коимъ и слѣдовать далѣе, выжидая, пока изъ дома получите деньги на покупку лошадей.

Я вышелъ отъ командира корпуса какъ ошпаренный, и медленно, въ меланхолическомъ настроеніи духа добравшись до гостиницы, гдѣ остановился, сейчасъ же засѣлъ писать къ родителямъ самое отчаянное письмо съ убѣдительнѣйшею просьбою какъ можно скорѣе выслать деньги хоть въ Бухарестъ, такъ какъ не зналъ, гдѣ мой полкъ будетъ находиться ко времени полученія денегъ, а потому и приходилось назначать адресъ гадательно.

На другой день я со своимъ денщикомъ, евреемъ Ррромъ, оказавшимъ мнѣ въ походѣ не мало услугъ, благодаря знанію нѣмецкаго языка, отправился на ж.-д. вокзалъ и обратился къ коменданту съ

просьбой дать мнѣ предложеніе о выѣздѣ, безъ чего дальнѣйшее движеніе не представлялось возможнымъ. Обыкновенно выдача этихъ проѣздныхъ свидѣтельствъ, требовавшая исполненія различныхъ формальностей, совершалась не скоро, но мнѣ помогъ пріѣздъ на вокзалъ командира корпуса съ адъютантомъ. Петръ Семеновичъ подошелъ ко мнѣ и, вручая два полуимперіала, сказалъ:

— Это на дорогу. Въ тѣхъ стоянкахъ, гдѣ вашъ полкъ будетъ сходиться съ корпуснымъ штабомъ, извольте являться ко мнѣ.

Съ полкомъ я встрѣтился дня черезъ 3—4 въ маленькомъ городкѣ Текучи и явился къ полковому командиру полковнику Будде, который назначилъ меня въ 12-ю роту, состоявшую подъ начальствомъ ш.-к. Долженко, перезнакомившимъ меня со всѣми офицерами своей роты, которые приняли меня очень гостепріимно и ласково и, какъ люди опытные, указали, чѣмъ я долженъ запастись для предстоящаго похода. Хотя мнѣ и выдали изъ полковой канцеляріи подъемныхъ денегъ 100 р., все серебряными рублями, но, конечно, на эти деньги я не могъ купить себѣ двухъ лошадей, сѣдла, сбруи и проч. и пришлось ожидать полученія денегъ изъ дома, а до тѣхъ поръ передвигаться изъ города въ городъ пѣшкомъ, дѣлая по 20—30 верстъ въ день по страшной жарѣ. Зависть одолѣвала меня при видѣ большинства ротныхъ офицеровъ, ѣдущихъ верхомъ, и я въ каждомъ городѣ бѣгалъ на почту и телеграфъ справляться, не присланы-ли изъ дома деньги, но съ грустью узнавалъ, что на мое имя ничего нѣтъ. Послѣдній переходъ до гор. Бузео былъ цѣлымъ рядомъ мученій: 30 верстъ мы шли въ теченіе 8 часовъ по страшной жарѣ безъ отдыха; много солдатъ пострадало отъ солнечнаго удара и кровотеченія. Въ городѣ я съ радостью узналъ, что здѣсь же стоитъ корпусный штабъ, и сейчасъ же, несмотря на страшную усталость, явился къ корпусному командиру, который, выслушавъ печальный разсказъ о моемъ путешествіи и что мнѣ до сихъ поръ денегъ на лошадей не выслали, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и далъ мнѣ записку къ командиру полка съ предложеніемъ открыть мнѣ кредитъ въ 250 р. Получивъ эти деньги, я вмѣстѣ съ тѣмъ заручился разрѣшеніемъ командира передъ большими городами слѣдовать съ квартирьерами, чтобъ имѣть возможность поискать лошадей и купить сѣдло и сбрую. Теперь я успокоился относительно своей дальнѣйшей судьбы, и все рисовалось мнѣ въ розовомъ цвѣтѣ; лошадей казалось купить легко, а дальше служба въ штабѣ и, слѣдовательно, мое пѣшехожденіе окончено. Однако купить у румынъ что-нибудь подходящее оказалось не легко: они поняли, что лошади нужны до зарѣза, а потому и запрашивали за самую дрянь въ тридорога. Возвращаясь съ поисковъ лошадей, я проходилъ мимо городскаго садика, чистенькаго,

элегантнаго, какъ и весь городокъ Бузео, гдѣ было народное гулянье и играла наша полковая музыка.

Полевой штабъ былъ расположенъ въ Плоэштахъ, гдѣ главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ пропустилъ войска съ похода мимо себя и, говорили, остался доволенъ бодрымъ видомъ солдатъ, несмотря на пройденныя ими въ этотъ день слишкомъ 30 верстъ по страшной жарѣ. Не доходя до Бухареста мнѣ улыбнулось счастье, и въ одно утро я купилъ двухъ подходящихъ къ моимъ требованіямъ лошадей, а сѣдло англійское я пріобрѣлъ еще въ Фокшанахъ, и все это мнѣ обошлось въ 225 металлическихъ рублей.

Но вотъ мы остановились неподалеку отъ столицы Румыніи—Бухареста, въ мѣстечкѣ Буніасъ, куда выѣхала встрѣчать насъ цѣлая масса жителей, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на насъ, такъ какъ нашъ полкъ вступалъ однимъ изъ первыхъ. И вотъ здѣсь, несмотря на усталость, сейчасъ же устроилось гулянье, заиграла музыка, запѣли пѣсельники и даже начались танцы. Подъ Бухарестомъ намъ назначена была дневка, и большинство офицеровъ, а въ томъ числѣ и я съ двумя полковыми товарищами и нашимъ докторомъ Ляпинымъ отправились въ Бухарестъ, который своею чистотою, красивыми зданіями и кипучей общественной жизнью произвелъ на насъ самое отрадное впечатлѣніе, но за то цѣны на все были непомѣрныя; ради чего мы и не попали въ театръ, какъ сначала предполагали, а ограничились прогулкой по садамъ, гдѣ раздавались музыка и пѣніе шансонетокъ, при чемъ при появленіи русскихъ на открытыхъ сценахъ считали долгомъ потѣшить насъ на исковерканномъ русскомъ языкѣ «Стрѣлочкомъ» или другимъ подобнымъ этому «романсомъ». За плохенькій номеръ въ плохенькой гостиницѣ съ насъ взяли очень солидную плату и накормили прескзернымъ ужиномъ, несмотря на непомѣрно-дорогую цѣну.

Въ Будѣ я узналъ, что въ 3 верстахъ въ с. Михалешти расположенъ корпусной штабъ, куда я немедленно отправился, явился къ корпусному командиру и доложилъ, что приказаніе о покупкѣ лошадей исполнено. Сейчасъ же получилъ приказаніе, забравъ свои вещи, совсѣмъ переселиться въ штабъ въ качествѣ постояннаго ординарца при корпусномъ командирѣ. Я ликовалъ, давнишняя мечта исполнилась, и трудный путь пѣшкомъ отъ Текучъ до Михалештъ забытъ. Въ Михалештахъ нашъ штабъ помѣстился въ обширномъ прекрасномъ замкѣ; я устроился въ билліардной. Простояли мы здѣсь почти три недѣли; обѣдали постоянно у корпуснаго командира; утро проходило незамѣтно въ штабѣ, гдѣ я чѣмъ могъ помогалъ корпусному коменданту полковнику Главацкому, а по вечерамъ, когда не сопровожалъ генерала при объѣздѣ частей войскъ, сражался на прекрасномъ билліардѣ. Собственно опредѣленныхъ занятій у меня, какъ у ординарца, не было, и всего

только одинъ разъ я получилъ приказаніе отвести за 20 верстъ въ с. Доминарешти бумаги въ 5-ю пѣхотную дивизію, которая только-что пришла, и предполагали, что эта дивизія войдетъ въ составъ 12-го корпуса. Вообще время шло нескучно, даже весело, а 25-го мая у насъ устроилась «маевка»: съѣхалось множество офицеровъ ближайшихъ частей, приглашены были дамы; весь зàмокъ иллюминовали; играло нѣсколько сортовъ музыки, пѣсельники въ разныхъ мѣстахъ съ присвистомъ и съ бубнами отхватывали свои залихватскія русскія пѣсни, а потомъ хорошій буфетъ и въ заключеніе фейерверкъ. Этимъ пиромъ мы какъ-бы прощались съ мирною жизнью, ибо далѣе слѣдовало подвигаться уже со всѣми предосторожностями военнаго времени.

5-го іюня мы покинули Михалешти и, рано утромъ, пройдя с. Фонтенелли, вступили въ Зимницу, гдѣ нашъ штабъ помѣстился въ каменныхъ казармахъ на самомъ берегу, откуда Систовъ виденъ, какъ на ладони и совсѣмъ близко. Войска нашего корпуса объѣзжалъ сначала главнокомандующій, а затѣмъ государь, который на высказанное П. С. Ванновскимъ сожалѣніе, что не его корпусу выпала честь первымъ перейти Дунай, отвѣтилъ:

— Много славныхъ дѣлъ впереди, и 12-му корпусу будетъ гдѣ показать себя.

17-го іюня государь послѣ торжественнаго молебна съ колѣнопреклоненіемъ и затѣмъ парада, раздавалъ награды—георгіевскіе кресты гвардейскому отряду, участвовавшему при переправѣ. Императоръ цѣловалъ каждаго новаго кавалера и потомъ скомандовалъ войскамъ «на караулъ» для отданія имъ чести. Къ ночи на Дунаѣ разыгралась сильная буря, которой сорвало нѣсколько понтоновъ новостроющагося моста. Въ штабѣ прошелъ слухъ, что нашему корпусу предстоитъ войти въ составъ особаго отряда для осады Рущука, при чемъ командиромъ отряда будетъ наслѣдникъ цесаревичъ, начальникомъ корпуса—великій князь Владиміръ Александровичъ, а начальникомъ штаба отряда—генералъ-лейтенантъ Ванновскій.

23-го іюня рано утромъ мы двинулись къ переправѣ. Погода пасмурная; все небо заволокло тучами; вѣтеръ такъ и реветъ; темно-сѣрыя волны перелетаютъ черезъ жиденькій понтонный мостъ, весь трясущійся и качающійся изъ стороны въ сторону; якоря то и дѣло вырываются; выкидывается красный флагъ — знакъ пріостановки переправы для необходимой починки моста. Много понтоновъ разбито и замѣнено другими. Весь мостъ длиной примѣрно въ 600 саж. состоитъ изъ трехъ частей: первая часть самая длинная, потомъ островъ, за нимъ маленькій мостъ, снова островъ и, наконецъ, послѣдняя часть моста, ведущая на турецкій берегъ. Начальникъ переправы генералъ Рихтеръ совѣтовалъ пріостановиться переправой и переждать бурю,

но мы обязаны были перейти къ назначенному сроку и начали переправу; сзади насъ слѣдовали повозки. Весь мостъ ходитъ, то опускаясь, то поднимаясь, подъ ногами; волны съ шумомъ заплескиваютъ понтоны, обливая насъ съ головы до ногъ; два раза мы остановились среди рѣки, пока шла починка моста, и, наконецъ, всѣ мокрые, озябшіе, усталые вступили на почти отвѣсный турецкій берегъ у Систова. Дивиться надо, какъ могли при переправѣ наши солдатики, осыпаемые градомъ непріятельскихъ пуль, взобраться на эти крутизны. Тамъ и сямъ разбросаны вновь воздвигнутыя батареи; свѣженькіе кресты и курганы обозначаютъ могилы героевъ-русскихъ, павшихъ здѣсь при первой переправѣ 15-го числа.

Не останавливаясь въ Систовѣ, мы передохнули въ полуразрушенномъ городкѣ Царевицѣ, гдѣ все напоминало поспѣшное бѣгство турокъ и разрушающую руку побѣдителей, и остановились въ д. Павло. Кругомъ полное разрушеніе, выбитыя оконныя рамы, разломанныя печи, разбросанная по улицамъ мебель и издающіе страшное зловоніе трупы домашнихъ животныхъ.

Слухи о сформированіи особаго Рущукскаго отряда оказались справедливыми. 25-го іюня мы выѣхали встрѣчать нашего новаго начальника наслѣдника цесаревича, прибывшаго въ Павло во главѣ блестящей свиты, а слѣдомъ за нимъ подошелъ обозъ съ палатками, провизіей и проч. Среди луга, гдѣ стояли наши палатки, былъ разбитъ большой сѣрый шатеръ для столовой. Выбрали хату почище, поставили столы, табуреты и разложили отрядную канцелярію, а литографскіе станки, писарей и четверку прекрасныхъ лошадей исключительно для канцеляріи намъ выслалъ полевой штабъ [1]).

---

[1]) 27-го іюня былъ отданъ слѣдующій приказъ по войскамъ Рущукскаго отряда:

„Главная квартира, бивакъ въ дер. Павло (въ Болгаріи).

1) Предписываю съ сего числа вступить въ должность начальника штаба ввѣреннаго Мнѣ отряда генералъ-лейтенанту Ванновскому.

2) Помощникомъ начальника штаба назначается генеральнаго штаба полковникъ Дохтуровъ.

3) Штабъ-офицеромъ для порученій при Мнѣ генеральнаго штаба полковникъ Левицкій.

4) Штабъ-офицеромъ надъ вожатыми и завѣдующимъ топографическою частью генеральнаго штаба подполковникъ Зандеръ.

5) Старшимъ адъютантомъ по строевой части причисленный къ генеральному штабу л.-гв. Кирасирскаго его величества полка штабъ-ротмистръ Степановъ.

6) Помощникомъ старшаго адъютанта строевой части кол. рег. Андреевъ.

7) Старшимъ адъютантомъ инспекторской части 131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка штабсъ-капитанъ Карачевъ.

28-го іюня утромъ начальникъ штаба П. С. Ванновскій въ столовой-шатрѣ представлялъ насъ, штабныхъ, его императорскому высочеству наслѣднику цесаревичу, предложившему всѣмъ намъ ежедневно являться къ нему въ столовую въ 12 ч. дня и въ 7 ч. вечера завтракать и обѣдать за общій столъ. Всѣхъ приглашенныхъ къ постоянному столу было человѣкъ 30, въ числѣ которыхъ свита его высочества, врачи и нашъ небольшой штабъ. Къ трапезамъ этимъ насъ постоянно сзывала труба горниста, и всѣмъ этимъ распоряжался генералъ-маіоръ Зарубаевъ.

Хорошая палатка была у насъ съ Карачевымъ, но буря, поднявшаяся въ первую же ночь нашей стоянки, не пощадила ее, сорвала порывомъ вѣтра, и мы, раздѣтые, очутились подъ проливнымъ дождемъ въ одномъ бѣльѣ, собирая по лужамъ разнесенные вѣтромъ наши пожитки. Въ общемъ же погода стояла прекрасная и даже слишкомъ жаркая, что̀ при нашей походной обстановкѣ немало мѣшало усидчивой канцелярской работѣ.

Недолго мы простояли въ Павло; перешли въ городъ Бѣлу, гдѣ пробыли тоже нѣсколько дней, и чрезъ Домогилу, Тростеникъ и Кацелево перекочевали въ дер. Широко (по штабной картѣ «Строко»), гдѣ предполагалось остановиться наиболѣе продолжительное время.

И вотъ сидимъ мы въ живописно-расположенномъ на каменистомъ обрывѣ Широко и чего-то ждемъ; настроеніе у всѣхъ какое-то тревожное, унылое, разочарованное.

Изъ Широко мнѣ удалось съѣздить на одинъ день въ Бухарестъ.

Мы подъѣхали къ слободзейской батареѣ около 10 ч. вечера; было лунное затменіе и темнота смертная. Вдругъ началась страшная канонада между Журжевомъ, Слободзеей и Рущукомъ; мой румынъ соскочилъ съ козелъ и залѣзъ подъ фіакръ, и мнѣ стоило большихъ усилій уговорить его ѣхать дальше. То тамъ, то здѣсь падали непріятельскіе снаряды и разрывались со страшнымъ трескомъ. Городъ былъ почти пустъ. Хозяинъ «Петербургской гостиницы», котораго я едва отыскалъ, на мою просьбу указать мнѣ номеръ и дать чего-нибудь поужинать, махнувъ безнадежно рукою, отвѣчалъ:

— Занимайте какой хотите номеръ, а покушать поищите себѣ чего-нибудь въ погребѣ.

На верху ночевалъ инженерный офицеръ, съ которымъ мы и пошли

---

8) И. д. старшаго адъютанта по хозяйственной части 46-го пѣхотнаго Днѣпровскаго полка прапорщикъ Венедиктовъ.

9) Комендантомъ—генералъ-маіоръ Зарубаевъ.

Всѣмъ означеннымъ чинамъ вступить въ должность съ сего числа.

Подписалъ: командиръ Рущукскаго отряда
генералъ-адъютантъ Александръ."

въ погребъ, гдѣ застали всѣхъ обитателей и прислугу отеля, спасавшихся отъ безпрестанно разрывавшихся снарядовъ, одинъ изъ которыхъ уже попалъ въ угловой номеръ, а страшный трескъ разрывовъ свидѣтельствовалъ о разрушеніи сосѣднихъ домовъ. Оставаться въ комнатѣ было опаснѣе, и мы вышли на улицу, направляясь къ берегу, откуда со страхомъ и любопытствомъ стали слѣдить за полетомъ громадныхъ снарядовъ, посылаемыхъ осадными орудіями и производившихъ безчисленныя разрушенія. Все, что было живаго въ Журжевѣ, находилось въ паническомъ, безотчетномъ страхѣ. Бомбардировка прекратилась уже на разсвѣтѣ, и въ Бухарестъ довелось выѣхать только вечеромъ, такъ какъ утренній поѣздъ идти не могъ. Возвратившись въ Широко, я уже не засталъ тамъ нашего штаба, который спѣшно перебрался сначала въ Синаякіой, потомъ въ Хеджикіой и, наконецъ, въ Копровицу.

Оказалось, что турки отбили у насъ позицію при Карасанкіоѣ и, такимъ образомъ, очистили себѣ дорогу на нашу стоянку. Приказано было все спѣшно укладывать и скорѣе отступать на Бѣлу, такъ какъ ожидалось нападеніе.

Нѣтъ ничего хуже этихъ ночныхъ отступленій: лошади пугаются, повозки, задѣвая другъ за друга, поминутно ломаются, въ темнотѣ ничего не разыщешь, и безпорядокъ страшный.

Послѣ сраженія 24-го августа подъ Аблавой мы, 2-го сентября, тронулись впередъ къ Рущуку и остановились у самаго шоссе въ с. Дольнемъ Монастырѣ. 29-го сентября мы перешли на зимнія квартиры въ д. Брестовецъ, еще не разрушенную, съ маленькою деревянною церковью и очень живописнымъ мѣстоположеніемъ, избранную, какъ удобная для зимней стоянки, самимъ начальникомъ отряда во время одной изъ его прогулокъ. Его высочество помѣстился въ небольшомъ болгарскомъ домикѣ, состоявшемъ всего изъ одной комнаты, которую обили простынями, завѣсили коврами и устроили здѣсь и кабинетъ, и спальню наслѣдника, поставивши походную кровать, небольшой столъ и нѣсколько складныхъ стульевъ и табуретокъ. Для столовой выбрали просторную овч арню которая послѣ надлежащей очистки оказалась совсѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ, еслибъ только не недостатокъ свѣта, пробивавшагося въ единственное небольшое окно, такъ что мы постоянно обѣдали съ огнемъ. И вотъ, бывало, только раздастся призывный звукъ трубы, всѣ свитскіе и штабные въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, кто въ полушубкѣ съ погонами, кто въ румынской кофтѣ, съ фонарями въ рукахъ спѣшатъ на сборный пунктъ въ столовую; его высочество всегда былъ въ теплой тужуркѣ и въ высокихъ сапогахъ.

Мы съ Андреевымъ, помощникомъ старшаго адъютанта по строевой части, нашли себѣ небольшую хатку въ двѣ комнатки неподалеку

отъ квартиры начальника штаба отряда. Тихо и однообразно шла здѣсь наша жизнь; почта приходила рѣдко и не аккуратно; по вечерамъ къ намъ приходилъ старшій адъютантъ Карачевъ, и мы занимались пѣніемъ всевозможныхъ знакомыхъ намъ романсовъ и русскихъ пѣсенъ, съ грустью вспоминая далекую, милую родину. Какъ то разъ услышалъ наше завыванье Сергій Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій, зашелъ въ нашу хату и сталъ намъ подтягивать; подошли еще другіе офицеры, и у насъ составился хоръ. Съ этихъ поръ мы почти каждый вечеръ устраивали у себя при участіи герцога концерты и такъ коротали длинные, скучные осенніе вечера.

Но вотъ на 12-е октября назначена рекогносцировка подъ руководствомъ наслѣдника съ цѣлью заставить турокъ показать численность своихъ войскъ, расположенныхъ по линіи р. Лома; при чемъ приказано было его высочеству Сергію Максимиліановичу съ подполковникомъ генеральнаго штаба Зандеромъ, при которыхъ я назначенъ былъ состоять, заставить непріятеля показать свои силы у Іованъ Чифтлика, но не втягиваться въ бой, если бы непріятель сталъ наступать. Въ распоряженіи великаго князя былъ Херсонскій полкъ, 12 орудій и нѣсколько казаковъ.

Вечеромъ 11-го мы отправили впередъ своихъ верховыхъ лошадей съ тремя казаками, приказавъ имъ ожидать насъ на шоссе около с. Тростеникъ. Чтобъ на утро быть пободрѣе, я рано легъ спать, но долго не могъ заснуть.

Воспоминанія одно за другимъ проносились въ головѣ, и образы родныхъ и близкихъ сплошною стѣной охватывали воображеніе и мелькали у меня въ глазахъ. Заснулъ только подъ утро, а въ 5 часовъ затрещалъ будильникъ, и я, быстро одѣвшись, поспѣшилъ къ подполковнику Зандеру и съ нимъ вмѣстѣ отправились къ его высочеству Сергію Максимиліановичу, котораго застали еще въ халатѣ передъ затопленнымъ каминомъ. Пока мы пили кофе, пришелъ генералъ Ванновскій, еще разъ разъяснилъ цѣль предстоящей рекогносцировки. Коляска, запряженная четверкой, уже ожидала у дверей; я помѣстился на козлахъ, и мы тронулись сначала по узкой, изрытой ямами дорогѣ отъ Брестовца, а потомъ выбрались на ровное гладкое шоссе по направленію къ Рущуку. Ѣхали мы часа полтора, начали обгонять тянувшіяся по направленію къ Рущуку войска, а часовъ въ 8 насъ встрѣтили казаки, уже ожидавшіе съ верховыми лошадьми. Утро было ясное, свѣжее; роса обильно покрывала дорогу, а въ воздухѣ чувствовалось что-то веселое, бодрящее. Мы немного позавтракали захваченной съ собой великимъ княземъ провизіей, сѣли на лошадей и въ сопровожденіи двухъ казаковъ и конвойца его высочества отправились далѣе. Сергій Максимиліановичъ былъ очень веселъ, разговаривалъ безъ умолка, пе-

редавая намъ свои впечатлѣнія объ Аблавскомъ сраженіи 24-го августа, въ которомъ онъ участвовалъ и получилъ золотое оружіе съ надписью «за храбрость».

— Если сегодня будетъ хорошее дѣло, я бы желалъ получить георгіевскій крестъ!—говорилъ онъ, не подозрѣвая, какой крестъ и какъ скоро ожидаетъ его.

Но вотъ послышались выстрѣлы вдали, и дотолѣ ярко-розовый горизонтъ сталъ затягиваться пороховымъ дымомъ. Немного погодя мы подъѣхали къ небольшому холму, на которомъ застали начальника штаба 12-го армейскаго корпуса генералъ-маіора Косича и корреспондента «Новаго Времени» Немировича Данченко, помѣщавшаго свои корреспонденціи подъ псевдонимомъ «Шесть». Узнавши отъ нихъ, куда прошелъ Херсонскій полкъ, мы поспѣшили догнать его и, продвинувшись съ версту впередъ, очутились на линіи огня нашей артиллеріи, гдѣ воздухъ ежеминутно оглашался ружейными и орудійными выстрѣлами. Подполковникъ Зандеръ предложилъ его высочеству не ѣздить далѣе, а остановиться на этомъ мѣстѣ, какъ удобномъ для наблюденія за непріятелемъ, который уже началъ показываться изъ-за прилегающихъ возвышенностей.

— А посмотрите вотъ тамъ впереди, какой соблазнительный холмикъ!—сказалъ Сергій Максимиліановичъ, и мы всѣ въѣхали на него.

Онъ, закуривъ папиросу, крикнулъ своему конвойцу подать бинокль, но не успѣлъ поднять его до глазъ, какъ бинокль выпалъ у него изъ рукъ. Мы слышали только какой-то свистъ, мгновенно прекратившійся затѣмъ какой-то тупой звукъ, точно что-то впилось во что-то мягкое.

— Ахъ!—крикнулъ герцогъ и всѣмъ тѣломъ сталъ медленно склоняться влѣво, на шею лошади.

Моментально Зандеръ и я спѣшились и успѣли подхватить на руки падающаго съ лошади Сергія Максимиліановича.

— Скачите къ начальнику отряда и доложите, что великій князь раненъ!—крикнулъ мнѣ дрогнувшимъ голосомъ Зандеръ, а самъ склонился къ лицу положеннаго уже на землю его высочества.

Пока я съ помощью казака успѣлъ поймать мою лошадь, печальная дѣйствительность сдѣлалась очевидною: на лбу великаго князя повыше праваго глаза краснѣлось маленькое отверстіе, откуда лилась кровь, смѣшанная съ мозгомъ, которою облило и Зандера и меня. Стало ясно, что герцогъ Лейхтенбергскій, веселый, жизнерадостный, за пять минутъ до этого шутившій съ нами, надѣявшійся получить сегодня георгіевскій крестъ, былъ мертвъ, и смерть, очевидно, послѣдовала мгновенно.

Я поскакалъ съ докладомъ, не зная, гдѣ въ то время находился

наслѣдникъ, и долго скакалъ по полю изъ одной стороны въ другую, а между тѣмъ чувствовалъ, что по лицу у меня бѣгутъ жгучія, безотрадныя слезы о миломъ, добромъ, незабвенномъ великомъ князѣ, который своимъ простымъ, любезнымъ обхожденіемъ съ нами успѣлъ въ короткое время пріобрѣсти общія симпатіи.

Блуждая по полю, я, наконецъ, у селенія Кошево увидалъ значекъ начальника отряда. Въ это время меня обогналъ казакъ, скакавшій съ этимъ же извѣстіемъ отъ начальника корпуса и, благодаря своей свѣжей лошади, опередилъ меня. Когда я подъѣхалъ къ цесаревичу, его высочество со свитою, спѣшившись, съ молитвою поминалъ вновь преставленнаго раба Божія Сергія. У всѣхъ на глазахъ были слезы, а близко знавшіе покойнаго буквально рыдали.

Разсказалъ я, какъ могъ, наслѣднику, ибо слезы положительно душили меня, о послѣднихъ минутахъ жизни великаго князя, а потомъ по приказанію П. С. Ванновскаго, опять поѣхалъ къ Херсонскому полку.

Подполковникъ Зандеръ положилъ съ помощью казаковъ тѣло убитаго князя на носилки и въ коляскѣ повезъ его въ Брестовецъ.

Цѣпь Херсонскаго полка, засѣвшая въ ложементы, изъ которыхъ только-что былъ выбитъ непріятель, осыпала турокъ рѣдко перемежающимся ружейнымъ огнемъ. Я старался пробраться ближе къ р. Лому, за которой находился непріятель, имѣя въ виду, что чѣмъ ближе находишься къ туркамъ, тѣмъ меньше опасность отъ ружейной стрѣльбы, такъ какъ они имѣютъ привычку стрѣлять почти не цѣлясь и поднимая ружье чуть не къ верху. Кругомъ раздирающія душу картины, цѣлая масса убитыхъ турокъ и нашихъ, стоны и проклятія раненыхъ, стоны страшные, заставляющіе останавливаться и схватываться за голову. А помочь?... чѣмъ тутъ можно помочь?...

Въ Брестовецъ я возвратился уже вечеромъ, а въ 9 часовъ всѣ собрались къ домику, гдѣ жилъ Сергій Максимиліановичъ и гдѣ мы сегодня еще утромъ такъ весело съ нимъ бесѣдовали. Одѣтый въ парадную кавалергардскую форму, онъ лежалъ на лазаретныхъ носилкахъ, покрытый офицерскимъ пальто. При стройномъ пѣніи офицеровъ конвойнаго баталіона, при тускломъ мерцаніи факеловъ, среди безпроглядной тьмы осенней болгарской ночи тѣло почившаго перенесли въ утлую сельскую церковь и тутъ же отслужили панихиду. И вотъ здѣсь, когда раздавались заунывные мотивы хора, пѣвшаго «надгробное рыданіе» и вѣчную память, разносившіеся далеко-далеко по селенію чрезъ раскрытыя двери церкви, невольно тоскливо сжималось сердце и слезы капали изъ глазъ.

Ночью штабные врачи бальзамировали тѣло покойнаго и вынули засѣвшую въ головѣ пулю. Рано утромъ, на другой день позвалъ меня

*

къ себѣ П. С. Ванновскій и приказалъ немедленно ѣхать съ донесеніемъ о случившемся къ государю и главнокомандующему въ Горный Студень. Передъ отъѣздомъ наслѣдникъ далъ мнѣ словесную инструкцію, два письма, государю и в. к. Николаю Николаевичу, рапортъ о командѣ и злосчастную пулю, которою былъ убитъ Сергій Максимиліановичъ. Доѣхавъ до Бѣлы верхомъ, я разыскалъ почтовыхъ лошадей и, перемѣнивъ ихъ въ Павло, къ ночи доскакалъ до линіи охраны въ Горный Студень, гдѣ находилась императорская квартира, комендантомъ который состоялъ генералъ Рылѣевъ.

Было уже поздно, и меня не пропустили въ селеніе; казаки охранной цѣпи грѣлись у разведенныхъ костровъ, и я, лежа на холодной землѣ, прокороталъ съ ними всю ночь, а на зарѣ меня провели къ Рылѣеву, помѣщавшемуся въ подвальномъ этажѣ того домика, гдѣ жилъ государь. Генералъ любезно принялъ меня, напоилъ горячимъ чаемъ и часа черезъ два, когда ему доложили, что императоръ проснулся, повелъ меня на верхъ въ очень простенькую пріемную, изъ которой дверь выходила прямо въ кабинетъ государя, куда вскорѣ прошелъ лейбъ-медикъ Боткинъ, комендантъ, лица свиты и военный министръ, который, разспросивши меня, сказалъ, что меня ожидали еще вчера вечеромъ.

— Я прибылъ вечеромъ,—отвѣчалъ я,—но меня не пропустили въ охранной цѣпи...

Дверь кабинета пріотворилась, и вслѣдъ за этимъ вышелъ государь; кивнувъ мнѣ головой, онъ сказалъ:

— А это ты! Ты былъ въ этомъ дѣлѣ?

— Такъ точно, ваше величество.

— Иди за мной! Государь шелъ на обычную передъ чаемъ прогулку и, выйдя во дворъ, поздоровался съ карауломъ и свитой, ожидавшей здѣсь его выхода.

— Разскажи все какъ было!—обратился ко мнѣ государь.

Я подалъ его величеству данную мнѣ пулю, которую онъ подробно осмотрѣлъ и передалъ военному министру и другимъ свитскимъ. Какъ умѣлъ, я разсказывалъ о кончинѣ великаго князя, а государь все время плакалъ; я окончилъ свой разсказъ словами:

— Его высочество послѣ Аблавскаго сраженія неоднократно говорилъ, что по его мнѣнію лучшая смерть—пуля въ сраженіи.

— Правда,—сказалъ задумчиво государь,—лучшей смерти и не можетъ желать русскій солдатъ.

Къ вечеру я возвратился въ Брестовецъ, явился наслѣднику и П. С. Ванновскому съ докладомъ объ исполненномъ порученіи, при чемъ его высочество поблагодарилъ меня, а пулю за обѣдомъ я передалъ в. к. Евгенію Максимиліановичу, которому меня представилъ генералъ Зарубаевъ.

18-го октября тѣло почившаго князя уложили въ привезенный изъ Бухареста металлическій гробъ, поставили его на лафетъ конно-артиллерійскаго орудія и закрыли чернымъ сукномъ. Наслѣдникъ во главѣ всего штаба шелъ за гробомъ пѣшкомъ до самаго берега Дуная, гдѣ была переправа у с. Батино. Позади двигался л. гв. Атаманскій полкъ съ хоромъ музыки и нѣсколько орудій.

Здѣсь мы простились съ дорогими останками. Паровой катеръ перевезъ гробъ на румынскій берегъ; сопровождать гробъ отправились в. к. Евгеній Максимиліановичъ и адъютантъ наслѣдника кн. Барятинскій. Генералъ Зарубаевъ передалъ мнѣ отъ Евгенія Максимиліановича на память о его покойномъ братѣ бриліантовый перстень и два его фотографическихъ портрета...

Такъ окончилась рекогносцировка, и въ нашемъ отрядѣ опять все замерло, заснуло, и потянулась монотонная, однообразная жизнь въ Брестовцѣ, гдѣ у насъ былъ и свой Невскій проспектъ, и свой Толмазовъ переулокъ. Начальникъ штаба послалъ меня экстренно въ Бухарестъ, куда я доѣхалъ вполнѣ благополучно и съ комфортомъ, случайно познакомившись по дорогѣ въ Петрошсани съ губернаторомъ Добруджинскаго санджака Бѣлоцерковцемъ. Весело провелъ я три дня въ столицѣ Румыніи и возвратился только къ 28-му ноября, когда получено было донесеніе, что турки въ громадномъ числѣ наступаютъ на 12-й корпусъ; начальникъ штаба немедленно послалъ меня въ Тростеникъ къ начальнику 12-й пѣхотной дивизіи барону Фирксу, очень встревоженному наступленіемъ турокъ, вслѣдствіе чего адъютантъ наслѣдника графъ Олсуфьевъ, прибывшій сюда вмѣстѣ со мною, уѣхалъ сейчасъ же обратно просить для этой позиціи новыхъ войскъ, а я остался въ Тростеникѣ, гдѣ въ 10 ч. вечера была получена изъ нашего штаба радостная телеграмма о взятіи Плевны и Османа-паши со всею его арміей. Верховые скакали по войскамъ, объявляя вездѣ эту счастливую вѣсть о побѣдѣ, и черезъ нѣсколько минутъ среди ночной тишины по всему лагерю прокатилось дружное и громкое «ура!».

3-го декабря проѣздомъ въ Петербургъ заѣхалъ въ Брестовецъ государь; мы всѣ встрѣчали его на шоссе. Его величество, выйдя изъ коляски, обнялъ, поцѣловалъ наслѣдника и собственноручно пожаловалъ его высочеству Георгія 2-ой степени. По этому случаю по Рущукскому отряду былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Государь императоръ въ 3-й день сего декабря всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ орденъ св. Георгія 2-ой степени. Его величество, награждая меня, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ выразить свое удовольствіе молодецкимъ войскамъ, мнѣ ввѣреннымъ, и я, гордясь полученною наградою, не менѣе горжусь имѣть подъ своимъ начальствомъ храбрыя и

доблестныя войска, состоящія въ отрядѣ,—войска, которыя самоотверженіемъ и беззавѣтною храбростію вполнѣ заслуженно носятъ названіе россійскаго побѣдоноснаго воинства.

«Да поможетъ намъ Богъ благополучно довести до конца борьбу, начатую за братьевъ христіанъ!»

Государь завтракалъ и обѣдалъ въ нашей столовой и пробылъ въ Брестовцѣ цѣлый день.

24-го декабря въ рождественскій сочельникъ цесаревичъ устроилъ намъ елку съ лоттереей. Еще за нѣсколько дней до Рождества всѣмъ предложено было дать для лоттереи какихъ-нибудь бездѣлушекъ, у кого что было, и мы натащили всевозможныхъ вещей состоявшему при его высочествѣ полковнику Васильковскому. Вечеромъ въ сочельникъ среди нашей столовой, иллюминованной фонарями, была поставлена откуда-то, чуть ли не изъ Россіи, добытая елка, которую гофъ-фурьеръ очень оригинально и красиво убралъ всевозможными съѣдобными препаратами, рябчиками, котлетами, мелкой рыбой, разной птицей, и все это освѣщалось восковыми свѣчами; по бокамъ на столахъ были разложены подарки, изъ которыхъ большую часть составляли вещи, пожертвованныя самимъ цесаревичемъ, и стояла серебряная суповая чаша съ положенными въ нее лоттерейными билетиками; при входѣ поставили нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Всѣ мы выстроились; его высочество, вставъ на правый флангъ, скомандовалъ подходить по одному къ чашѣ и брать билеты. Вечеръ прошелъ шумно и оживленно, оставивъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Я выигралъ курьерскую сумку, портъ-сигаръ и французскую книгу.

1-го января нашъ отрядъ былъ переименованъ въ «Восточный», и въ составъ его, кромѣ 12-го и 13-го корпусовъ, вошли еще часть 11-го корпуса, болгарское ополченіе и еще нѣсколько дивизій, такъ что въ общемъ отрядъ состоялъ изъ 100 баталіоновъ пѣхоты, около 400 орудій и 60 эскадроновъ кавалеріи.

Въ двадцатыхъ числахъ января предположено было наступленіе по всей линіи расположенія непріятеля и бомбардированіе Рущука впредь до его сдачи, но утромъ 22-го наслѣдникъ получилъ телеграмму, что 19-го числа подписаны между нами и турками предварительныя условія мира, и объявлено перемиріе. 1-го февраля августѣйшій главнокомандующій Рущукскаго отряда, сдавъ командованіе войсками генералъ-адъютанту Тотлебену, между прочимъ писалъ въ приказѣ:

«Разставаясь съ войсками, которыми я имѣлъ честь командовать въ теченіе шести слишкомъ мѣсяцевъ, выражаю сердечную мою благодарность всѣмъ чинамъ отряда отъ генерала до солдата, свято и честно исполнившимъ свой долгъ въ самое тяжелое время боевой службы.

«Вы были поставлены на стражѣ успѣховъ всей русской арміи. На

огромномъ пространствѣ вы сдерживали значительно превосходную числомъ и благоустроенную непріятельскую армію, опиравшуюся на грозныя крѣпости. Всѣ усилія отчаянно-нападавшаго врага сломились о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество. Задача отряда, по милостивому выраженію государя императора, выполнена «блистательнѣйшимъ образомъ».

«Но кромѣ непріятельской арміи, вы вынуждены были неустанно бороться съ невзгодами, знойнымъ жаромъ, холодомъ, ненастьемъ, бездорожіемъ,—борьба невидная и неимѣющая блеска боевыхъ подвиговъ, но выйти изъ нея съ честью могутъ только войска, сильныя духомъ, и вы сильны, вы это доказали. Никогда не забуду, что высокочтимою воинскою наградою я обязанъ славной боевой службѣ войскъ Рущукскаго отряда, съ которыми я дѣлилъ труды и успѣхи и о которыхъ на всю жизнь сохраню самое отрадное воспоминаніе».

Въ 9 часовъ утра все офицерство выстроилось на дворѣ у хатки, въ которой жилъ наслѣдникъ. Его высочество вышелъ совсѣмъ готовый къ отъѣзду, поблагодарилъ насъ за службу, каждому подалъ на прощанье руку, пожелалъ всего хорошаго, обѣщалъ выслать всѣмъ свои фотографическіе портреты и, сѣвъ въ коляску съ генераломъ Тотлебеномъ, уѣхалъ къ Дунаю. Мы всѣ верхомъ провожали его до переправы у Батина, гдѣ послѣ завтрака цесаревичъ еще разъ простился съ нами.

Генералъ Тотлебенъ произнесъ намъ длинную рѣчь и выразилъ пожеланіе, чтобъ мы служили такъ же исправно въ будущемъ, какъ служили прежде, ибо, сказалъ генералъ, его высочество, отъѣзжая, отозвался о васъ весьма лестно.

Тотлебенъ скоро былъ вызванъ въ Петербургъ, а отрядъ приказано было принять генералъ-адъютанту Дундукову-Корсакову.

7-го февраля мы покинули незабвенный Брестовецъ и двинулись въ Рущукъ безъ всякаго порядка, кому какъ заблагоразсудится, но всѣмъ было приказано къ полудню 8-го собраться къ воротамъ Рущука на Разградскомъ шоссе и до пріѣзда Тотлебена носа не показывать въ городъ. Большинство штабныхъ ночевали въ Тростеникѣ, а наша компанія, состоявшая изъ генераловъ Зарубаева и свиты его величества Родіонова, маіора Плеца, уполномоченнаго Краснаго Креста кн. Щербатова, переводчика Славкова и меня, надумала проѣхать дальше и со своимъ небольшимъ обозомъ и конвоемъ изъ четырехъ казаковъ около штабнаго денежнаго ящика уже въ темнотѣ подъѣхали къ какому-то укрѣпленію, увидали внутри редута землянки и рѣшились тутъ переночевать, благо обозъ съ нами, слѣдовательно, постелями и самоваромъ мы обезпечены. Смотримъ, у землянокъ пирамиды ружей, составленныхъ въ козла; ружья не наши; вошли въ одну изъ землянокъ, гдѣ насъ встрѣтили вооруженные съ ногъ до головы турки и между ними два

офицера. При помощи переводчика попросили у нихъ разрѣшенія переночевать. Турки оказались замѣчательно милыми и любезными людьми; тотчасъ же для насъ была очищена лучшая землянка, гдѣ стоялъ командиръ табора, затопили каминъ, принесли воды и по нашему указанію поставили добытые нами изъ обоза два самовара. Съ нами была кое-какая закуска, коньякъ, водка, и мы пригласили турецкихъ офицеровъ поужинать вмѣстѣ. Оказалось, что здѣсь помѣщался караулъ укрѣпленія «Ломъ-Табіе», ожидающій нашей смѣны. Оба офицера старались перещеголять другъ друга своею любезностью по отношенію къ намъ, и на другой день утромъ, когда мы собрались уѣзжать, начальникъ караула выстроилъ его въ ружье и отдалъ воинскую честь нашимъ генераламъ. Въ полдень, какъ было приказано, мы собрались у ближайшаго къ Рущуку укрѣпленія на Разградскомъ шоссе; подъѣхали представители города, цѣлыя толпы «братушекъ», турецкія войска съ музыкой, митрополитъ и наконецъ самъ Тотлебенъ, произнесшій городскимъ властямъ рѣчь, послѣ чего наша русская музыка грянула «Боже, царя храни». «Братушки» кричали «ура!», бросали шапки вверхъ, громко высказывая свою радость, а между тѣмъ увеличили цѣны на всѣ жизненные продукты въ городѣ вчетверо: момента не пропустили и со своихъ спасителей содрали двѣ кожи. Торжественно вступили наши войска въ Рущукъ и направились прямо къ собору, гдѣ снова встрѣтилъ насъ митрополитъ съ духовенствомъ и, послѣ привѣтственнаго слова, поднесъ генералу хлѣбъ на серебряномъ блюдѣ.

Узкія улицы Рущука слишкомъ пострадали отъ бомбардировки, почти ни одного дома нѣтъ цѣлаго, ни одной не пробитой крыши, а конакъ (дворецъ) на площади представлялъ изъ себя сплошную груду камней. Я съ Андреевымъ занялъ хорошенькій домикъ, въ одной половинѣ котораго помѣщались хозяева-греки, а большое зало съ пробитымъ потолкомъ и громадной ямой въ полу обратилъ въ канцелярію.

Время, проведенное въ Рущукѣ, прошло очень весело и почти не замѣтно. Пасхальную заутреню, которую служилъ митрополитъ съ громаднымъ штатомъ священниковъ, слушали въ Рущукскомъ соборѣ. Къ нѣкоторымъ генераламъ и высшимъ офицерамъ изъ Россіи пріѣхали семьи, благодаря чему общество наше оживилось, устраивались пикники на паровыхъ катерахъ, кавалькады и вечера съ танцами; открылось нѣсколько кафе-шантановъ; и все это вмѣстѣ преобразило скучный Рущукъ; музыка, пѣніе, лица братушекъ улыбаются, да и турки, оставшіеся въ городѣ, не хмурятся. Къ Журжеву устроили мостъ, и до Бухареста стало рукой подать.

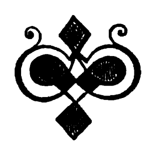
Изъ Рущука мы перекочевали въ Силистрію, гдѣ и простояли до конца августа.

Вскорѣ П. С. Ванновскій разослалъ намъ при оффиціальныхъ пись-

махъ полученныя имъ отъ его императорскаго высочества медали за войну. Наслѣдникъ на каждомъ конвертѣ собственноручно надписалъ, кому медаль должна быть выдана. Въ письмахъ генерала приведены были подлинныя слова рескрипта цесаревича: «передайте всему моему бывшему дорогому Рущукскому отряду мой усерднѣйшій и душевный поклонъ. Скажите всѣмъ, что я ихъ не забываю да и никогда ихъ не забуду во всю мою жизнь, и думаю часто о моихъ славныхъ, храбрыхъ и дорогихъ товарищахъ!»

Въ концѣ августа штабъ перешелъ въ Варну, гдѣ нашего генерала встрѣтилъ почетный турецкій караулъ съ музыкой, и начальникъ его подалъ Петру Семеновичу рапортъ; при встрѣчѣ были и городскія власти, и всѣ очень почтительно встрѣтили первые эшелоны русскихъ войскъ, имѣвшихъ право по мирному договору занять Варну и Шумлу. Поселился я здѣсь въ маленькой, но очень уютной и чистенькой квартирѣ на самомъ берегу моря и долго-долго любовался и не могъ оторвать глазъ отъ чудной картины раскинувшагося передо мною моря, привлекавшаго своими красотами какъ въ тихую, хорошую погоду, такъ и въ бурю въ особенности, когда волны съ грохотомъ и шумомъ ударялись о берегъ и съ пѣною разсыпались массою мельчайшихъ брызгъ по камнямъ. Купанье здѣсь чудное, хотя самыя купальни самаго примитивнаго устройства: навѣсъ, а подъ нимъ лавки для раздѣванья; жизнь здѣсь тоже сравнительно недорогая и удобная, а о скукѣ и подумать времени нѣтъ, столько здѣсь всевозможныхъ увеселеній. Но не долго привелось мнѣ наслаждаться въ Варнѣ. Въ октябрѣ я сильно захворалъ и по настойчивому совѣту врачей, сдавъ свою должность адъютанту штаба 12-го корпуса капитану Соколовскому, уѣхалъ лѣчиться въ Россію, гдѣ пробылъ до конца марта слѣдующаго года, и лишь 31-го марта снова возвратился въ Варну. Еще цѣлый мѣсяцъ простояли войска и нашъ штабъ въ этомъ миломъ городѣ и лишь 2-го мая, въ 7 ч. вечера, послѣ прощальнаго обѣда, устроеннаго намъ городомъ, на военномъ пароходѣ «Владиміръ» мы покинули Варну и навсегда разстались съ Болгаріей.

Сообщ. **Сергѣй Манассеинъ.**



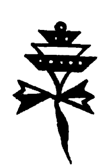
Стихотвореніе въ честь А. С. Шишкова.

На чтеніе его при открытіи Бесѣды любителей русскаго слова.

15-го марта 1811 г.

Ты силу доказать поэзіи хотѣлъ?
Тяжба окончена—ты въ ней успѣлъ,
Заставя всѣхъ одно съ тобою мыслить.
Лишь думѣ тяжкое сомнѣнье далъ моей,
Къ чему тебя причислить.
Задача то—ей, ей!
Ты не поэтъ—а двигъ сердцами самовластно;
Ораторомъ тебя не называемъ мы,
А кажда рѣчь твоя всечасно
Влекла къ тебѣ умы.
О! какъ за подвигъ сей изъ общаго богатства,
Отъ общаго лица
Дарами наградить желалось мнѣ чтеца.
Но русскаго въ обрядахъ Царства
Ни греческихъ, ни римскихъ нѣтъ затѣй.
У насъ не стелютъ миртами путей;
Къ стопамъ вязанки розъ душисты не бросаютъ;
Побѣдное чело судящи не вѣнчаютъ,
И шумною толпой
Изъ цирка съ плесками не поведутъ домой.
Какими жъ бы тебя почтить дарами?
Тобой смягченными даримъ тебя сердцами.

Любитель русскаго слова.



Письма императрицы Маріи Θеодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 31.

Ce 22 Juin, Mardi au soir, 1815.

Je viens de me réjouir avec vous, mes chers et bons enfants, de la bonne et grande nouvelle qui nous est parvenue aujourd'hui par Berlin de la superbe et brillante victoire remportée par Wellington et Blucher sur Napoléon, de la prise de 192 canons, d'un plus grand nombre de chariots et de munitions, de celle de l'équipage de Napoléon, de la blessure et prise du g(énéral) Duhesme des vieilles gardes, de la désorganisation de l'armée française, de la fuite de Napoléon sur Anvers, de la poursuite de l'armée anglaise, de celle du g(énéral) Gneisenau, finalement que Vandamme est cerné, et qu'il est probable que nous verrons se renouveler la journée de Kulm. Voilà, mes bons amis, tout ce que nous avons appris aujourd'hui par une feuille extraordinaire de la gazette de Berlin. Vous vous direz si je m'en suis réjouie, si j'ai remercié mon Dieu et de ce grand et important événement et de ce que le sang russe n'a pas coulé. Le grand coup est frappé; il est à espérer que la résistance ne sera pas forte de notre côté, et qu'intimidée par cette défaite la désorganisation s'établira aussi dans l'armée qui nous est opposée. Peut-être, mes bons amis, le Ciel nous accordera-t-il la faveur de voir la campagne se terminer en 6 semaines, comme elle l'a été en Italie. Qu'il me tarde de savoir des détails par vous. Je vous suppose passés le Rhin, parce que certainement une fois la campagne ouverte d'un

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1903 г.

côté, elle l'aura été de tous. Jugez donc, si j'attends de vos nouvelles avec impatience, nous voici le 9-me jour sans courrier. La joie est grande chez nous de cette belle entrée de jeu; mais combien la nation française ne doit-elle pas se reprocher tout le sang qui aura coulé. Dites moi, mes amis, si l'armée prussienne ou anglaise a perdu des personnes de marque; s'y est-il trouvé des princes de Prusse? Et le prince héréditaire d'Orange en a-t-il été? J'espère que Napoléon ne réussira pas à s'enfuir: puisse-t-on réussir à le prendre. Cette bonne nouvelle nous a tous rassérénés, malgré l'horrible et effroyable temps qu'il fait depuis Samedi au soir, et dont on ne se fait pas d'idée. Nous sommes à trois degrés de chaud, mais heureusement la pluie a cessé ce soir après avoir continué sans interruption quelconque pendant trois fois 24 heures: aussi mon jardin est dans un état affreux. J'ai été pour quelques instants en voiture voir ce qui se passe du côté du grand pont: il s'est formé des cratères à côté des petits ponts de bois, et l'île est presque submergée. Toute la partie inférieure de l'escalier de pierre qui conduit au grand lac jusqu'au lion en personne se trouva dans l'eau, et cette pauvre eau est du café au lait. Mais pourvu que nous revoyons le soleil, ce dommage sera réparé. Nous avons été très isolées aujourd'hui: Golovkin n'a pu paraître le soir, Paschkof est pour affaire en ville, ainsi nous n'étions que des femmes, et Villamof a été notre seul cavalier pour le soir, aussi je l'ai qualifié du titre de notre abbé, se trouvant seul dans ce couvent de femmes, et lui ai donné le nom de la ressource. Nous avons passé la soirée à lire, c'est moi qui ai fait lecture d'un nouvel ouvrage de M-r de Chateaubriand sur les révolutions; jusqu'à présent je ne lui trouve que l'agrément du style, mais je n'y perçois pas de belles et grandes pensées, mais il y en a de vraies et de bien dites. Notre comte Miloradovitch n'est, arrivé qu'après que nous étions déjà retirés, il a dîné chez le maréchal et la nouvelle de la victoire l'a arrêté la soirée, à ce qu'il m'a fait dire. Bonsoir, mes bons amis. Veuille l'Être Suprême redoubler Ses bénédictions et Ses soins paternels pour vous. Je vous embrasse de tout mon coeur. J'ai oublié de vous dire tantôt le nom de la brochure que je désirerais; elle est intitulée: «Puisse-t-il se trouver. Voeu patriotique». Le bon Pougens vous a envoyé les livres que vous avez désirés, mes enfants. Je les remettrai tout cachetés à Block pour qu'il place le paquet dans vos chambres sous la garde de vos gens jusqu'à votre retour.

Ce 23 Juin.

Chers, bons enfants, mes amis, que je suis heureuse d'avoir reçu de votre écriture aujourd'hui, de vous avoir entendus parler, car vos lettres sont des autres vous-mêmes, où je retrouve votre candeur, votre franchise, votre vérité et votre confiance; conservez la moi toujours, mes chers

enfants: c'est la placer dans votre meilleure amie. Voilà donc la lutte commence aussi de votre côté: que Dieu la rende heureuse, courte, et que le sang russe soit épargné. Le bon Miloradovitch est désolé de n'avoir pas été des exploits de Blucher, il sacrifierait sa vie, sa terre, son rang pour être à sa place; je lui dis qu'il a tort de demander plus de gloire, qu'il en a assez. Tous les détails que vous me donnez me sont bien intéressants. Je suis charmée de ce que vous avez trouvé bonne mine à Catherine. Elle m'a aussi fait vos éloges. L'empereur me parle de votre dîner à 4 avec un contentement qui me prouve qu'il est content de vous. Mille remercîments pour le livre de la description de Schwetzingen. Il est de plus juste et vous avez bien fait, cher Nikoche, d'augmenter l'entretien de vos gens, dès que l'empereur l'a fait; il faut qu'ils soient bien et se trouvent bien pour vous bien servir. Marie est désolée de ne vous avoir pas vus; que ferez vous de ma lettre pour elle? Est-ce que le bon papa Lamsdorf ne s'en chargerait pas à son retour? D'où vient, mes bons enfants, que vous ne me dites rien de ce respectable vieillard? M-r de Konovnitzin m'écrit que l'empereur l'a nommé pour être près de vous depuis le 4 Juin. Je vois donc que vous allez bientôt vous mettre en marche. Que Dieu vous conserve, chers, chers enfants; pensez à moi.

Ce 24 Juin.

Nicoche, je saute à votre col, je vous bénis, je vous embrasse, et de grosses larmes remplissent mes yeux, en me disant, que voilà la seconde année que je passe votre fête sans vous. Dites vous du moins que je demanderai à Dieu votre bonheur spirituel et temporel du fond de mon coeur, que je Le supplie de vous conserver bon, vrai, pur, juste, loyal, aimant le bien pardessus tout, lui vouant tous les jours de votre vie, actif, laborieux, bienfaisant, bon fils, ami vrai et sincère, généreux, et je demande encore à l'Être Suprême qu'un jour il vous rende bon mari, bon père et un sujet bien distingué au service de notre cher et bon empereur. Voilà, cher Nicoche, mes voeux pour vous; soyez heureux, cher et bon Nicoche, rendez vous journellement plus digne de l'estime de vos compatriotes, des bontés de l'empereur, de ma tendresse; restez toujours pour moi le même, cher Nicoche, mon bon ami, mon cher enfant. Mon billet de dix mille roubles se trouve dans votre cassette, j'y joins un cadeau dans votre genre favori, un sabre que je fais déposer chez vous, que les connaisseurs disent superbe, et une pièce pour votre arsenal; la petite bagatelle que je vous destinais n'est pas encore prête et ne le sera que pour Dimanche que je vous l'enverrai. Je vous félicite de même, cher Michel: vous ne faites qu'un dans mon coeur, ainsi mes voeux pour Nicoche sont aussi faits pour vous. Je ne puis vous répondre

au reste de vos lettres, mes enfants, car on m'interrompt à chaque instant, et j'ai eu beaucoup à écrire à l'empereur. Le reste donc à demain. Adieu mille et mille fois. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Mes compliments à vos cavaliers, mes plus tendres amitiés à papa Lamsdorf, si vous avez encore le bonheur de 'avoir près de vous. Bien des compliments à nos militaires qui vous demandent de mes nouvelles. Toute à vous pour la vie.

Marie.

La perte du pauvre duc de Brunswick me fait grande peine. On dit chez nous que Blucher s'est laissé surprendre le même jour.

Вторникъ вечеромъ, 22-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я порадовалась вмѣстѣ съ вами, добрыя и дорогія дѣти мои, полученной нами сегодня изъ Берлина доброй и важной вѣсти о великолѣпной и блестящей побѣдѣ, одержанной надъ Наполеономъ Веллингтономъ и Блюхеромъ, о взятіи 192 орудій, еще бо̀льшаго числа повозокъ и снарядовъ и экипажа Наполеона, о ранѣ, нанесенной генералу старой гвардіи Дюгэму, и о взятіи его въ плѣнъ, о дезорганизаціи французской арміи, бѣгствѣ Наполеона въ Антверпенъ, преслѣдованіи англійской арміи и арміи ген. Гнейзенау, наконецъ, о томъ, что Вандамъ окруженъ и что, по всей вѣроятности, намъ придется имѣть такое же жаркое дѣло, какимъ была битва подъ Кульмомъ. Вотъ, добрые друзья мои, все, что̀ мы узнали сегодня изъ особаго прибавленія къ «Берлинской газетѣ». Вы можете себѣ представить, какъ я этому порадовалась, какъ я благодарила Бога за это великое и важное событіе и за то, что кровь русскихъ не была пролита; главный ударъ нанесенъ; надобно надѣяться, что послѣ этого намъ не будетъ оказано особеннаго сопротивленія и что въ арміи, съ которой намъ приходится бороться, напуганной этимъ пораженіемъ, наступитъ разстройство; быть можетъ, добрые друзья мои, по милости Господней кампанія окончится въ 6 недѣль, какъ это было во время италіанской кампаніи. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю подробностей отъ васъ. Я полагаю, что вы уже перешли Рейнъ, ибо, само собою разумѣется, если кампанія началась въ одномъ мѣстѣ, то она началась и повсюду. Можете судить поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ васъ извѣстій; вотъ уже 9-ый день, какъ мы не имѣли курьера. Столь успѣшное начало кампаніи возбуждаетъ въ насъ живѣйшую радость; но какъ долженъ упрекать себя французскій народъ за всю пролитую кровь! Скажите мнѣ, друзья мои, потеряла ли прусская или англійская армія какихъ-либо выдающихся лицъ? были ли въ арміи прусскіе принцы? а также былъ ли въ

ней принцъ Оранскій? Надѣюсь, что Наполеону не удастся бѣжать; дай Богъ, чтобы удалось взять его въ плѣнъ. Получивъ эту благопріятную вѣсть, мы всѣ повеселѣли, несмотря на ужасную погоду, начавшуюся съ субботы вечера, которую даже трудно себѣ представить: у насъ всего три градуса тепла; къ счастью, сегодня вечеромъ прекратился дождь, лившій безъ перерыва трое сутокъ, такъ что мой садикъ находится въ самомъ ужасномъ видѣ; я выѣхала на короткое время въ экипажѣ, чтобы взглянуть на то, что дѣлается по близости отъ большаго моста; возлѣ маленькихъ деревянныхъ мостиковъ образовались провалы и островъ почти затопленъ. Вся нижняя часть каменной лѣстницы, которая идетъ къ большому озеру, до самаго льва, находится подъ водою, и эта несчастная вода цвѣта кофе съ молокомъ. Но лишь бы выглянуло солнце, эта бѣда поправима. Мы были сегодня очень одиноки: Головкинъ не могъ быть вечеромъ, Пашковъ уѣхалъ по дѣламъ въ городъ; такимъ образомъ у насъ было только дамское общество, и единственнымъ нашимъ кавалеромъ былъ вечеромъ Вилламовъ, поэтому я прозвала его настоятелемъ нашего женскаго монастыря и нашей единственной отрадой. Вечеромъ мы занялись чтеніемъ; я читала вслухъ новое произведеніе Шатобріана о революціяхъ; пока я могу только похвалить его прекрасный слогъ; я не нахожу у него прекрасныхъ и высокихъ мыслей, хотя встрѣчается много правдивыхъ и хорошо выраженныхъ идей. Нашъ графъ Милорадовичъ пріѣхалъ тогда, когда мы уже разошлись; онъ обѣдалъ у фельдмаршала, и полученное извѣстіе о побѣдѣ задержало его, какъ онъ велѣлъ передать мнѣ вечеромъ. Прощайте, добрые друзья мои. Да усугубитъ Всевышній Свои милости и Свое отеческое попеченіе о васъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Я позабыла написать вамъ въ послѣднемъ письмѣ названіе брошюры, которую я хочу имѣть; вотъ ея заглавіе: «Puisse-t-il le trouver. Voeu patriotique». Добрый Пуженъ прислалъ вамъ, дѣти мои, книги, которыя вы хотѣли имѣть. Я передамъ ихъ, не вскрывая, Блоку, чтобы онъ положилъ пакетъ въ вашу комнату и отдалъ ихъ на храненіе вашей прислугѣ, до вашего возвращенія.

23-го іюня.

Добрыя, дорогія дѣти, друзья мои, какъ я рада, что получила отъ васъ сегодня письмо, что я слышала вашу рѣчь, ибо ваши письма — это вторые вы; я нахожу въ нихъ вашу искренность, вашу чистоту, вашу правдивость и ваше довѣріе; сохраните его навсегда, дорогія дѣти мои, по отношенію ко мнѣ, вашему лучшему другу. И такъ, военныя дѣйствія начались и съ нашей стороны: дай Богъ, чтобы война была удачна, непродолжительна, чтобы кровь русскихъ лилась какъ можно менѣе. Добрый Милорадовичъ въ отчаяніи, что онъ не участвовалъ въ подвигахъ Блюхе-

ра, онъ былъ бы готовъ пожертвовать жизнью, имѣніемъ, своимъ положеніемъ, чтобы быть на его мѣстѣ; я сказала ему, что онъ напрасно жаждетъ еще славы, что у него ея и такъ довольно. Всѣ подробности, сообщаемыя вами, для меня весьма интересны. Я очень довольна, что Екатерина имѣетъ, по вашимъ словамъ, здоровый видъ. Она также хвалитъ васъ. Императоръ описываетъ вашъ обѣдъ вчетверомъ съ такимъ удовольствіемъ, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вами доволенъ. Тысячу разъ благодарю васъ за книгу съ описаніемъ Швецингена. Вы хорошо сдѣлали, дорогой Никошъ, увеличивъ жалованье вашимъ людямъ; это вполнѣ справедливо, коль скоро императоръ сдѣлалъ это; надобно, чтобы имъ было хорошо и чтобы они чувствовали себя хорошо, дабы они могли хорошо служить вамъ. Марія въ отчаяніи, что не видѣла васъ; что сдѣлаете вы съ моимъ письмомъ къ ней? Не возьмется ли передать его добрый папаша Ламсдорфъ на обратномъ пути? Почему, дѣти мои, вы не пишете мнѣ ничего объ этомъ почтенномъ старикѣ? Г. Коновницынъ пишетъ, что императоръ назначилъ его состоять при васъ съ 4-го іюня. Итакъ я вижу, что вы скоро двинетесь въ путь. Да хранитъ васъ Господь, дорогія, дорогія дѣти; не забывайте меня.

24-го іюня.

Никошъ, обнимаю васъ, благословляю васъ и цѣлую васъ; глаза мои наполняются крупными слезами, когда я подумаю, что вотъ уже второй годъ, какъ я провожу день вашего рожденія безъ васъ. Будьте увѣрены по крайней мѣрѣ, что я буду отъ глубины души молить Бога о вашемъ вѣчномъ и временномъ счастьи, что я молю Его сохранить васъ добрымъ, правдивымъ, чистымъ, справедливымъ, въ особенности любящимъ добро и посвящающимъ ему всѣ дни вашей жизни, дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, добрымъ сыномъ, истиннымъ и искреннимъ другомъ, великодушнымъ; я молю также Всевышняго, чтобы вы были со временемъ добрымъ мужемъ, добрымъ отцомъ и подданнымъ, служащимъ съ отличіемъ нашему доброму и дорогому императору. Вотъ, дорогой Никошъ, мои пожеланія; будьте счастливы, дорогой, добрый Никошъ, постарайтесь съ каждымъ днемъ быть достойнѣе уваженія вашихъ соотечественниковъ, милостей императора и моей любви; оставайтесь для меня все тѣмъ же, дорогой Никошъ, добрый другъ мой, дорогое дитя мое. Билетъ въ десять тысячъ рублей, отъ меня, положенъ въ вашу шкатулку; я присоединяю къ нему подарокъ въ вашемъ вкусѣ, саблю, которую я прикажу отнести къ вамъ,—знатоки говорятъ, что она великолѣпна,—а также одну вещицу для вашего арсенала; маленькая бездѣлушка, которую я предназначала для васъ, еще не готова и будетъ сдѣлана лишь къ воскресенью, тогда я пошлю ее вамъ. Поздравляю и

васъ также, дорогой Михаилъ: вы составляете одно въ моемъ сердцѣ, поэтому я желаю вамъ всего того, что и Никошу. Я не могу отвѣтить вамъ на остальную часть вашихъ писемъ, дѣти мои, такъ какъ меня ежеминутно отрываютъ и мнѣ надобно было многое написать императору. Итакъ остальное до завтра. Тысячу, тысячу разъ прощайте. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю вамъ тысячу благословеній. Передайте отъ меня поклонъ вашимъ кавалерамъ и искренній привѣтъ папашѣ Ламсдорфу, если вы имѣете еще счастье находиться съ нимъ. Большіе поклоны нашимъ военнымъ, которые спросятъ васъ обо мнѣ. Ваша на всю жизнь Марія.

Кончина бѣднаго герцога Брауншвейгскаго чрезвычайно огорчаетъ меня. У насъ говорятъ, что Блюхеръ былъ въ тотъ же день застигнутъ врасплохъ.

Num. 32.

Ce 25 Juin 1815, Vendredi.

Cher, cher enfant, cher Nicoche, en ouvrant mes yeux, j'ai pensé à vous, j'aurais voulu vous tendre les bras, vous presser contre mon coeur et vous donner mes bénédictions pour votre fête. Je vous mets sous la protection divine, cher enfant: elle sera votre guide, votre égide, comme celle du cher Michel, et c'est cette espérance qui rassure le coeur maternel. J'ai déjà reçu bien des félicitations, mes bons amis; M-r Achverdof, M-r Kukolnic, M-r Markéwitch ont déjà été chez moi, de même que Paschkof, Golovkin. Lorsqu'Annette est entrée dans ma chambre je l'ai saluée du nom de Nicoche, et c'est à Nicoche que j'ai donné mon baiser de félicitation. Je me dis, chers enfants, que vous aussi vous vous seriez désirés des nôtres aujourd'hui et que vous auriez voulu recevoir le baiser de bénédiction maternelle. Où vous trouvez-vous, mes enfants? Qu'il m'est pénible de ne pas le savoir, mais je me flatte d'un moment à l'autre de l'arrivée d'un courrier de l'empereur avec la nouvelle de la bataille gagnée par Blucher et Wellington.

Dieu veuille que les suites en soient aussi heureuses qu'il nous est permis de l'espérer. Adieu, mes chers et bons enfants, je vais m'habiller pour aller à la messe. On nous dit que nous aurons grand monde. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf, si vous avez encore le bonheur de le posséder près de vous. Mille choses au g(énéral) Konovnitzin et mes compliments à vos cavaliers et à nos bonnes connaissances militaires.

Marie.

24-го іюня 1815 г. Пятница.

(Переводъ). Дорогое, дорогое дитя мое, дорогой Никошъ, открывъ глаза, я подумала о васъ, мнѣ хотѣлось протянуть къ вамъ руки, прижать васъ къ сердцу и благословить васъ по случаю дня вашего рожденія. Поручаю васъ покровительству Господа Бога, дорогое дитя мое; Онъ будетъ вашимъ руководителемъ, вашимъ защитникомъ, равно какъ и дорогаго Михаила; эта надежда успокоиваетъ мое материнское сердце. Я уже получила много поздравленій, добрые друзья мои; у меня уже были Ахвердовъ, Кукольникъ, Маркевичъ, а также Пашковъ, Головкинъ. Когда Аннета вошла ко мнѣ въ комнату, то, здороваясь съ нею, я назвала ее Никошъ, и мой поцѣлуй и поздравленіе предназначались Никошу. Я думаю, дорогія дѣти мои, что и вамъ хотѣлось бы быть съ нами сегодня и получить поцѣлуй и благословеніе матери. Гдѣ же вы находитесь, дѣти мои? Какъ тяжело мнѣ не знать этого; но я льщу себя надеждою, что съ минуты на минуту пріѣдетъ курьеръ отъ императора съ извѣстіемъ о сраженіи, выигранномъ Блюхеромъ и Веллингтономъ.

Дай Богъ, чтобы послѣдствія его были столь благопріятны, какъ того можно ожидать. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти, я иду одѣваться къ обѣднѣ. Говорятъ, что у насъ будетъ много гостей. Цѣлую васъ отъ всего сердца и люблю васъ такъ же. Мой искренній привѣтъ папашѣ Ламсдорфу, если вы еще имѣете счастіе быть съ нимъ. Тысячу привѣтствій ген. Коновницыну и поклонъ вашимъ кавалерамъ и нашимъ добрымъ знакомымъ изъ военныхъ. Марія.

Num. 33.

Ce 24 Juin au soir 1815.

Comment pourrais-je me coucher, mes chers enfants, sans venir encore vous renouveler mes voeux et bénédictions pour votre fête, cher Nicoche. Que j'ai pensé à vous ce soir, et que je voudrais pouvoir me dire où vous êtes, ce que vous faites, si tout va bien, si l'empereur est content et si vous vous portez tous bien. Dieu veuille m'accorder bientôt la faveur de savoir de vos nouvelles. Le bon Tolstoi nous est arrivé pour me féliciter de votre fête; il est bien touché de l'accueil que vous avez fait à son fils, qui s'en est beaucoup loué au père: ayez soin de ses lettres, mes bons amis. Le comte et la comtesse Litta sont aussi arrivés, mais ne se sont pas montrés ce soir. On ne parle que de la grande bataille donnée à La Belle-Alliance, nom du village où elle a eu lieu. Les lettres particulières de Berlin donnent

plusieurs détails qui prouvent que le bon Blucher s'est laissé surprendre et que les deux premiers jours les affaires n'allaient pas bien. On dit que c'est le duc de Brunswik qui avec sa colonne a fait des prodigues et a déjoué les projets de l'ennemi, mais il l'a acheté au prix de sa vie. Napoléon avait l'intention de percer le centre: On dit son armée dans une déroute complète, et la perte de son artillerie le prouve. Bénissons Dieu de ce succès qui paraît nous en assurer des nouveaux. Mes nouvelles d'ici sont peu de choses. La garnison d'hussards nous a quittés, elle va recevoir ses remontes à Czarskoi et à Gorki. Bonsoir, chers enfants, je vous embrasse tous deux et vous donne mille bénédictions.

Ce 26 Juin. Samedi.

Chers enfants, je vous ai écrit hier par la poste et je vous ai renouvelé, cher Nicoche, tous mes voeux et mes bénédictions; j'ai voulu encore vous écrire le soir, mais cela ne m'a plus été possible: ma matinée a été très interrompue par les visites, il a fallu expédier ma lettre, la messe a été longue et le cercle ayant eu beaucoup de monde: les princes Gortchakof, les deux Lobanof, M-r Schischkof, M-r Wiasmitinof, tous les grands de la cour et demi-grands, le bon Sukin, le Sibérien, l'aide-de-camp général Kutusof, le général Rosen qui a pris congé, un général Lövenstern, le marquis de Traversé, Markévitch, beaucoup de civilistes, quantité de dames, et les plus jolies de Pétersbourg, la princesse Troubetzkoi, la Dolgorouki, Gagarine, la Soltikof, Mache Narischkin, la princesse Lopoukin, mère et fille, la Démidof, la Dolgorouki, née Soltikof. Vous voyez, mes bons amis, qu'on vous aime; on m'a beaucoup parlé de vous, cher Nicolas, et on fait des voeux bien sincères pour vous. Veuille l'Être Suprême les exaucer! J'ai vu Périnkin et le bon Jacques qui se portent bien tous deux: le bon vieillard ne se ressent plus de sa jambe. Kukolnic est aussi venu me féliciter, je l'ai fait dîner avec nous. Nous avons été réclus en chambre, car il avait plu toute la journée, et quoique la soirée fût sans pluie, l'air était si humide, qu'il était impossible de faire promener la société. En général notre été est affreux. Ce matin nous avons monté à cheval, mais ma pauvre bête est si faible après sa maladie, qu'elle tremblait, je n'ai donc été que jusqu'à la ferme, où nous avons déjeuné avec Miloradovitch, Paschkof et Tolstoi, et nous avons lu les gazettes qui donnent des détails des sanglantes journées du 3 (15), 4 (16), 5 (17), et 6 (18) Juin. Qu'elles sont glorieuses, mais qu'elles ont coûté du monde. La mort du duc de Brunswick me fait une peine extrême; la blessure du prince d'Orange m'afflige beaucoup; on dit qu'elle n'est pas dangereuse, mais toujours une balle qui vous traverse l'épaule n'est pas une bagatelle. Je vous prie, mes chers enfants, de tâcher d'en avoir des nouvelles et de m'en donner. Que Dieu conserve ce prince; toute sa conduite prouve

*

son mérite. Les gazettes disent les unes le prince Bernard de Weimar tué, les autres blessé: cela m'inquiète de même pour Marie. Est-il vrai qu'il y a un prince de Hombourg de tué? Ce serait le frère de cette pauvre princesse Guillaume, qui en a déjà perdu un. Que de victimes sacrifiées à Napoléon! Par la relation il paraît que le maréchal Blucher a décidé le gros de cette affaire, en tournant l'ennemi et venant à propos au secours du brave duc de Wellington, dont l'armée s'est aussi battue bien vaillamment. Quant à Napoléon il paraît qu'il a cherché la mort et qu'il s'est beaucoup exposé. Cette relation m'a donné la chair de poule et m'a fait bénir Dieu de ce que l'empereur, ni vous ne vous y êtes trouvés, et que le sang russe n'a pas coulé. Je m'attends présentement à la voir couler en abondance à notre passage du Rhin, car certainement Napoléon opérera partout la même résistance, et il se peut très bien qu'ayant échoué de ce côté, il vient se mettre à la tête de cette armée. Que Dieu nous accorde bientôt des nouvelles; nous puisons toutes les nôtres dans les gazettes: jugez, si nous en désirons de vous autres. Vous ne m'écrivez pas par la poste, mes bons amis, quoique je vous en avais tant priés, car les courriers sont si rares, qu'on a toujours le temps de se désoler à les attendre, et surtout dans ce moment; un je me porte bien par la poste calmerait bien des inquiétudes. Vous voilà déjà depuis 9 jours de l'autre côté du Rhin. Que d'événements doivent s'être passés. On se flatte beaucoup que la grande défaite que Napoléon a éprouvée consternera les esprits en France et influera en bien sur la nation, la ramènera aux bons principes; pour moi je crains beaucoup le jacobinisme. Enfin remettons nous en Dieu qui fera tout pour le mieux. Bonsoir, mes chers amis, je vous donne mille bénédictions.

Ce Dimanche, 27 Juin.

Vous aurez pensé ce matin à notre bonne comtesse, mes bons amis, et aurez fait des voeux pour elle: grâce au Ciel elle se porte bien et mieux que l'année passée. Nous n'avons pas de courrier de l'empereur encore, et nous sommes à l'attendre, à le désirer et à dévancer son arrivée par nos voeux. Nous avons commencé nos dévotions, chers enfants, comme de coutume, et c'est vous dire que je serai plus occupée encore de vous ces jours-ci que de coutume. Le comte Miloradovitch nous quitte ce soir, nous le regrettons tous beaucoup, car certes on n'est pas meilleur, plus loyal que lui, et puis il a la bonne qualité de vous aimer de tout son coeur; ce qui fait que nous l'aimons aussi. Rien au monde à vous dire, mes chers enfants, sinon que le temps est au plus mauvais, la pluie tombe sans cesse, et tout est sous eau. Le 10 ou le 11 de ce mois il y a eu une trombe de terre qui s'est étendue 16 werstes et a fait beaucoup de ravages entre autres à la terre de M-r Tutolmin près de

Klin, des maisons ont été détruites et plus de 10.000 arbres déracinés; je n'aime pas les phénomènes de la nature et suis pour le calme. Dieu veuille nous l'accorder en tout et pour tout.

Adieu, chers et bons enfants; mes compliments les plus tendres à papa Lamsdorf, bien des choses à M-r de Konovnitzin et à vos messieurs. Mes compliments aux militaires, qui vous demandent de mes nouvelles, et toutes mes bénédictions pour vous. Marie.

24-го іюня 1815 г. Вечеръ.

(Переводъ). Могу ли я лечь спать, дорогія дѣти, не повторивъ вамъ еще разъ своихъ пожеланій и не пославъ вамъ своего благословенія, дорогой Никошъ, по случаю дня вашего рожденія. Какъ много я думала о васъ сегодня вечеромъ и какъ хотѣла бы знать, гдѣ вы находитесь, что вы дѣлаете, все ли идетъ хорошо, доволенъ ли императоръ вами и здоровы ли вы всѣ. Дай Богъ, чтобы я получила вскорѣ отъ васъ извѣстія. Пріѣхалъ добрый Толстой поздравить меня съ днемъ вашего рожденія; онъ очень тронутъ пріемомъ, оказаннымъ вами его сыну, который хвасталъ этимъ отцу; позаботьтесь о его письмахъ, добрые друзья мои. Гр. и графиня Литта также пріѣхали сюда, но не показывались сегодня вечеромъ. Только и разговору, что о большомъ сраженіи при Бельалліансѣ,—это названіе деревни, возлѣ которой оно происходило. Въ частныхъ письмахъ изъ Берлина сообщаются разныя подробности, свидѣтельствующія о томъ, что добрый Блюхеръ былъ застигнутъ врасплохъ и что первые два дня дѣла шли плохо. Говорятъ, что герцогъ Брауншвейгскій со своей колонной сдѣлалъ чудеса храбрости и разрушилъ планы непріятеля, но онъ купилъ эту побѣду цѣною своей жизни. Наполеонъ намѣревался прорвать центръ; говорятъ, что его армія разбита на-голову; это подтверждается потерею имъ артиллеріи. Возблагодаримъ Бога за эту побѣду, которая предвѣщаетъ, повидимому, дальнѣйшія. Я могу сообщить вамъ отсюда мало новаго. Гусары, стоявшіе здѣсь гарнизономъ, ушли для ремонта въ Царское и Горки. Прощайте, дѣти мои, цѣлую васъ обоихъ и тысячу разъ благословляю васъ.

26-го іюня, суббота.

Дорогія дѣти, я писала вамъ вчера по почтѣ и вновь высказала вамъ, дорогой Никошъ, всѣ мои пожеланія и послала вамъ свое благословеніе; я хотѣла писать вамъ еще вечеромъ, но это оказалось невозможнымъ; утромъ меня то и дѣло отрывали посѣтители, такъ что пришлось отправить письмо; обѣдню служили долго, и пріемъ былъ большой; на немъ были князья Горчаковы, оба Лобановы, Шишковъ, Вязмитиновъ, всѣ первые и второстепенные чины двора, добрый Сукинъ, Сиби-

рякъ [1]), генералъ-адъютантъ Кутузовъ, генералъ Розенъ, который простился со мною, генералъ Левенштернъ, маркизъ Траверсе, Маркевичъ, много статскихъ, бездна дамъ, въ томъ числѣ самыя хорошенькія петербургскія дамы, княг. Трубецкая, Долгорукая, Гагарина, Салтыкова, Маша Нарышкина, княгини Лопухины, мать и дочь, Демидова, Долгорукова, рожденная Салтыкова. Видите, добрые друзья мои, какъ васъ любятъ; меня много разспрашивали о васъ, дорогой Николай, и высказали относительно васъ самыя искреннія пожеланія. Да исполнитъ ихъ Господь! Я видѣла Перинкина и добраго Якова, они оба здоровы; нога у добраго старика поправилась. Кукольникъ также пріѣзжалъ поздравить меня, я оставила его обѣдать съ нами. Намъ пришлось сидѣть безвыходно въ комнатѣ, такъ какъ весь день шелъ дождь, и хотя вечеромъ онъ прекратился, но воздухъ былъ дотого сырой, что не было возможности совершить прогулку. Вообще, лѣто у насъ отвратительное. Сегодня по утру мы катались верхомъ, но моя бѣдная лошадь такъ слаба послѣ болѣзни, что она дрожала; поэтому я доѣхала только до фермы, гдѣ мы завтракали съ Милорадовичемъ, Пашковымъ и Толстымъ и читали газеты, въ которыхъ описываются подробности кровопролитныхъ сраженій 3-го (15-го), 4-го (16-го), 5-го (17-го) и 6-го (18-го) іюня. Какія это были славныя дѣла, но какъ много они стоили жертвъ; смерть герцога Брауншвейгскаго чрезвычайно огорчаетъ меня; я весьма опечалена раною, полученною принцемъ Оранскимъ; говорятъ, будто она неопасна, но все же, когда плечо пробито пулею, это не пустякъ. Прошу васъ, дорогія дѣти, постарайтесь узнать объ его здоровьи и сообщите мнѣ. Да хранитъ Господь этого принца; все его поведеніе свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ человѣкъ достойный. Въ однѣхъ газетахъ пишутъ, что принцъ Бернардъ Веймарскій убитъ, въ другихъ — что онъ раненъ: это также безпокоитъ меня за Марію. Правда ли, что убитъ принцъ Гомбургскій? Это, вѣроятно, братъ бѣдной супруги принца Вильгельма, которая раньше потеряла уже одного брата. Сколько жертвъ, принесенныхъ Наполеону! Изъ реляціи видно, что фельдмаршалъ Блюхеръ рѣшилъ побѣду, окруживъ непріятеля и придя весьма кстати на помощь храброму герцогу Веллингтону, армія котораго также сражалась доблестно. Что касается Наполеона, то, повидимому, онъ искалъ смерти и подвергалъ себя опасности. Читая эту реляцію, у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, и я благодарила Бога за то, что ни императоръ, ни вы не были въ этомъ сраженіи и что кровь русскихъ не была пролита. Я думаю, что она прольется вскорѣ въ изобиліи при нашемъ переходѣ черезъ Рейнъ, ибо Наполеонъ навѣрно окажетъ повсюду одинакое сопротивленіе, и весьма возможно, что, потерпѣвъ пораженіе съ этой стороны, онъ станетъ во главѣ этой арміи. Дай Богъ, чтобы мы скорѣе

[1]) Вѣроятно, сибирскій генералъ-губернаторъ И. Б. Пестель.

получили извѣстія; мы почерпаемъ всѣ наши свѣдѣнія изъ газетъ; можете судить, какъ мы жаждемъ извѣстій отъ васъ. Вы не пишете мнѣ по почтѣ, добрые друзья мои, хотя я убѣдительно просила васъ о томъ, такъ какъ курьеры рѣдки и всегда успѣешь придти въ отчаяніе, ожидая ихъ, въ особенности въ настоящую минуту; два слова «я здоровъ», присланныя по почтѣ, могутъ доставить большое успокоеніе. Вотъ уже 9 дней, какъ вы по ту сторону Рейна. Сколько событій произошло, вѣроятно, съ тѣхъ поръ. Нѣкоторые льстятъ себя надеждою, что большое пораженіе, понесенное Наполеономъ, приведетъ въ уныніе умы во Франціи, повліяетъ въ хорошую сторону на народъ и вернетъ его къ хорошимъ принципамъ; что касается меня, то я очень боюсь якобинства. Но будемъ уповать на Бога, Который сдѣлаетъ все къ лучшему. Прощайте, дорогіе друзья мои, тысячу разъ благословляю васъ.

Воскресенье, 27-го іюня.

Вы, вѣроятно, думали сегодня утромъ о нашей доброй графинѣ, добрые друзья мои, и посылали ей мысленно ваши пожеланія; благодаря Бога, она чувствуетъ себя хорошо и лучше, нежели въ прошломъ году. Мы все еще не имѣли курьера отъ императора; мы ожидаемъ его, желаемъ его прибытія и устремляемъ къ нему всѣ наши желанія. По обыкновенію мы начали говѣть, дорогія дѣти, значитъ, я буду думать о васъ эти дни еще болѣе, чѣмъ всегда. Гр. Милорадовичъ покидаетъ насъ сегодня вечеромъ, о чемъ мы всѣ очень сожалѣемъ, ибо нельзя быть лучше и честнѣе его; вдобавокъ онъ обладаетъ способностью любить васъ отъ всего сердца; вслѣдствіе этого и мы любимъ его. Рѣшительно нечего сообщить вамъ, дорогія дѣти, кромѣ того, что погода донельзя скверная; непрерывно идетъ дождь, и все залито водою. 10-го или 11-го числа былъ вихрь, который пронесся на 16 верстъ, причинивъ много бѣдствій, между прочимъ въ имѣніи г. Тутолмина близъ Клина разрушено нѣсколько домовъ и вырвано съ корнемъ 10.000 деревьевъ; я не люблю чрезвычайныхъ явленій природы и предпочитаю спокойствіе. Дай Богъ, чтобы мы пользовались имъ всегда и во всемъ.

Прощайте, дорогія и добрыя дѣти; самый искренній привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Передайте отъ меня поклонъ тѣмъ военнымъ, которые спросятъ васъ обо мнѣ; вамъ же посылаю свое благословеніе. Марія.

Num. 34.

Ce Dimanche, 27 Juin 1815.

Je reprends la plume après avoir terminé ma lettre par le courrier pour vous embrasser une fois de plus, chers enfants, par l'occasion du

bon Kutusof et pour vous dire deux mots. Dieu veuille que votre Lamsdorf prospère, il me donne des inquiétudes dans ce moment ayant été endommagé, à ce qu'on me dit: si nous le perdions, je le pleurerais à chaudes larmes. Je suis charmée de ce que vous êtes satisfait des belles figures des moustaches que vous avez vues, et j'espère que vous le serez toujours; mais par contre je suis très peinée de vous voir asthmatique comme Michel, c'est une très et très mauvaise chose, qui peut avoir des conséquences fâcheuses et nuira dans l'opinion contre vous, car qui voudra d'un mari asthmatique. Je ne pense et ne rêve qu'aux combats sanglants qui ont eu lieu, au sang qu'ils ont coûté, et vous demande, mes amis, si vous ne trouvez pas cependant que si les princes allemands sont gauches, fiers et sont tout pleins de petits défauts, qu'il faut cependant leur accorder de la bravoure et des talents militaires, car en voilà cinq de morts et blessés. Que Dieu vous conserve, mes bons amis. Soyez prudents en paroles, en actions; rappelez vous de mes paroles et restez comme vous êtes par vos principes, caractère et coeur, mais acquérez de la prudence et la connaissance des hommes, qui est bien nécessaire. Adieu, mes chers enfants, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Воскресенье, 27-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Окончивъ письмо, которое я посылаю съ курьеромъ, берусь снова за перо, чтобы обнять васъ еще разъ, дорогія дѣти, и написать вамъ пару словъ съ добрымъ Кутузовымъ. Дай Богъ здоровья папашѣ Ламсдорфу; я тревожусь за него въ настоящее время, такъ какъ мнѣ говорили, будто онъ хвораетъ; если мы лишимся его, я буду горько его оплакивать. Я очень довольна тѣмъ, что вамъ понравились прекрасныя лица усачей, которыхъ вы видѣли; надѣюсь, что вы всегда будете ими довольны; но меня очень огорчаетъ, что вы страдаете одышкой, подобно Михаилу, что очень и очень скверно и можетъ имѣть печальныя послѣдствія и даже можетъ повредить вамъ въ мнѣніи людей, ибо кто захочетъ имѣть мужа, страдающаго одышкой. Я только и думаю и размышляю о бывшихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, о пролитой крови, и спрашиваю васъ, друзья мои, не находите ли вы, что хотя нѣмецкіе принцы и неловки, и горды, и имѣютъ массу мелкихъ недостатковъ, но все же имъ нельзя отказать въ храбрости и въ военныхъ талантахъ, ибо пять человѣкъ изъ нихъ убито и ранено. Да хранитъ васъ Господь, добрые друзья мои. Будьте осмотрительны въ вашихъ поступкахъ и словахъ; помните все сказанное мною и оставайтесь неизмѣнны въ своихъ нравственныхъ правилахъ, въ своемъ характерѣ и сердечныхъ качествахъ, но старайтесь пріобрѣсти

осмотрительность и знаніе людей, что весьма необходимо. Прощайте, дорогія дѣти, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всего сердца и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 35.

Ce 29 Juin 1815.

Chers enfants, voici mes deux mots par la poste, qui sont deux mots de bénédiction. Le courrier vous portera demain une grande lettre et bien des remercîments pour les charmants dessins des maisons que vous habitez, l'empereur et vous, à Heidelberg. J'ai bien prié Dieu pour vous, mes bons amis, à l'occasion de ma communion que j'ai eu le bonheur de faire aujourd'hui. Veuille le Ciel vous bénir comme je le fais. Notre temps est affreux, il pleut sans cesse. Je vais demain en ville pour le Te Deum et passerai la nuit au Palais Taurique pour revenir Jeudi. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse bien tendrement. Mes compliments à M-r de Konovnitzin et à vos messieurs, de même qu'à mes connaissances militaires. Toute à vous pour la vie Marie.

29-го іюня 1815.

(Переводъ). Дорогія дѣти, вотъ два слова по почтѣ; вмѣстѣ съ ними посылаю вамъ свое благословеніе. Курьеръ повезетъ вамъ завтра длинное письмо и большую благодарность за прелестные рисунки, изображающіе дома, въ которыхъ живете въ Гейдельбергѣ императоръ и вы. Я усердно молила Бога за васъ, добрые друзья мои, по случаю св. причастія, котораго я удостоилась сегодня. Да благословитъ васъ Господь, какъ я благословляю васъ. У насъ погода ужасная, дождь идетъ, не переставая. Я ѣду завтра въ городъ на молебствіе, переночую въ Таврическомъ дворцѣ и вернусь сюда въ четвергъ. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно обнимаю васъ. Поклонъ Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, а также тѣмъ военнымъ, которые мнѣ знакомы. Ваша на всю жизнь Марія.

Num. 36.

Ce 28 Juin 1815.

Chers enfants, je viens vous donner mes bénédictions après ma confession: je me dis que vous aurez suivi dans vos pensées toute la marche de la journée et que vous vous serez dit que je regrette bien ne pas faire mes dévotions avec vous. Veuille l'Être Suprême exaucer les voeux et les prières que je Lui adresse pour votre bonheur à tous deux, mes bons enfants, mais je fais consister surtout ce bonheur à vous voir constamment

religieux, vertueux et fidèles à tous vos devoirs. Je vous parlerai demain de vos aimables lettres par M-r de Balachof, pour ce soir je me borne à vous bénir et à vous embrasser.

Ce 29 Juin.

Chers enfants, vous avez été l'objet de toutes mes prières, de tous mes voeux, et je vous ai portés dans mon coeur en remplissant mes devoirs et m'approchant de la sainte communion: j'ai demandé au Ciel que vous me reveniez vertueux, religieux et purs, que le monde ne vous gâte pas, ne diminue pas en vous l'horreur pour le mal, ni l'amour pour le bien, qui se trouve dans vos coeurs. Savez-vous, mes enfants, que je souffre même des propos légers que vous êtes à même d'entendre, c'est un venin subtil qui se glisse dans l'âme et y éteint peu à peu l'aversion pour le mal et familiarise avec des pensées vicieuses; ne croyez pas, mes enfants, que tous les jeunes gens doivent donner dans de certains travers et commettre des fautes et erreurs: c'est une idée erronée; je pourrais vous citer bien des jeunes gens, qui se sont fait gloire de faire exception à ce principe pervers et qui ont joui à cause de cela même d'une estime générale. Vous devez appartenir à ceux-là, mes bons amis, et si vous ne pouvez vous défendre toujours d'écouter des propos de ce genre, vous vous défendrez toujours, j'en suis sûre, de vous laisser entraîner par eux. Je vous conjure d'employer votre temps utilement: je sais très bien que les jours de marche vous n'êtes pas maître de vos moments, mais dès ce que vous faites un séjour, je vous prie, mes amis, et j'exige de votre tendresse, que vous fixiez quelques heures de la matinée à une occupation sérieuse, où votre porte soit fermée, parce que vous vous donnez à l'étude. Lisez ce passage au g(énéral) de Konovnitzin, je vous en prie, et marquez moi à quoi vous vous appliquez, quelle lecture vous faites. Messieurs de Gianotti et de Savrassof vous donnent tous les moyens de passer les heures avec la plus grande utilité, et si une étude particulière d'une branche de militaires vous serait nécessaire d'après l'avis du g(énéral) Konovnitzin, entourés de tant de militaires distingués, il vous sera aisé avec le consentement de l'empereur de vous vouer à cette étude en engageant ce militaire de venir chez vous. J'appuie beaucoup sur ce point, mes bons amis, parce que, d'après la marche des affaires, je prévois que vous ferez beaucoup plus de séjours que de marches, et qu'il est d'une nécessité absolue, mes chers enfants, à mettre votre temps à profit; c'est tout aussi essentiel pour le présent que pour le futur, et vous mettra en même temps à l'abri de mille petits inconvénients du quartier général. J'ai lu avec un véritable serrement de coeur la nouvelle du départ du bon vieux respectable Lamsdorf à qui vous devez tant de reconnaissance, mes chers enfants: la pensée de vous savoir éloignés de lui, de ne plus

vous trouver sous son égide, m'est un poids sur le coeur. Ce bon et digne vieillard veillait sur vous et écartait de vous tout ce qui pouvait vous devenir nuisible. Sa vérité était le miroir dans lequel vous vous voyiez toujours, mes enfants, dans votre véritable jour: privés de ce guide, que de raison de plus pour vous, mes bons amis, de veiller sur vous mutuellement, de vous avertir l'un l'autre de ce qui peut vous être utile ou nuisible, enfin de vous contrôler réciproquement et bien rigoureusement, pour éviter de l'être par d'autres. Je suis bien persuadée aussi, mes bons enfants, que vous aurez toujours les plus grands égards aux conseils du g(énéral) Konovnitzin, et que de même vous écouterez ceux que vos cavaliers pourront vous donner; leur attachement vous est si bien connu que vous ne pourrez jamais qu'envisager les avertissements qu'ils vous donneront que comme ceux de véritables et fidèles amis. J'espère de même, mes bons amis, que vous n'êtes jamais nulle part sans eux, que là, où vous êtes immédiatement avec l'empereur, éloignés de M. de Lamsdorf, vous ne saurez user d'assez de prudence, car c'est de ce moment là qu'on va vous juger et scruter toutes vos paroles, pensées et actions.

J'ai reçu une lettre hier soir de mon frère le r(oi) de Wur(temberg), qui me dit que par des nouvelles télégraphiques on sait que Napoléon a abdiqué en faveur de son fils, qu'un gouvernement provisoire est nommé, que Fouché, Carnot, Garnier en sont, et qu'on a envoyé des commissaires au quartier général des souverains pour traiter de la paix. Ah, mes bons amis, de quel droit Napoléon abdique-t-il une couronne, qu'aucune puissance n'a reconnue et par l'occupation de laquelle il a été livré à la vindicte publique? Comment ose-t-il en disposer comme d'un bien à lui? Qui admettra ses droits, croira une seconde fois à son abdication volontaire? Et finalement les cheveux se dressent sur la tête en pensant que le fils d'un usurpateur élevé par les jacobins, qui formeront sa tutelle et conséquemment ses gouverneurs, puisse éloigner du trône les héritiers légitimes de ce trône que leurs ancêtres ont occupé tant et tant de siècles! Quel funeste exemple pour les peuples et les nations, et quelle ancienne dynastie pourra se croire solidement établie! Cette nouvelle me tracasse la tête, quoique je me défende d'y croire, car toute ma confiance repose en Dieu qu'Il terminera le grand oeuvre de la restauration en France d'après sa miséricorde. Bonsoir, mes enfants, je me sens très fatiguée; je vous embrasse mille fois.

Au Palais d'hiver.
Ce 30 Juin.

Bénissons, glorifions Dieu! Des nouvelles de Berlin du 2 Juillet n. st. annoncent que Napoléon est culbuté et arrêté, que le gouvernement pro-

visoire est donné à Macdonald et Oudinot par Louis XVIII. Cette nouvelle cause une joie inexprimable, celle d'hier aurait fait un mal affreux dans l'opinion publique: il faut que l'ordre se rétablisse pour espérer la paix et le calme. Admirons le décret de la Providence, qui fait tourner ces événements à sa gloire et établit l'ordre et la justice en anéantissant dans l'espace de quelques jours l'homme, qu'il a permis de monter si haut pour le faire tomber d'autant plus bas. La joie est grande ici (et honneur et gloire en soit rendue à la nation) de voir le trône retourné à son légitime souverain; la pensée d'y voir le fils de l'usurpateur révoltait. Adieu, mes amis, je n'ai pas le temps de vous en dire davantage. Voici, cher Nicoche, c'est un cachet avec la lettre initiale A, qui veut dire pour le vulgaire amitié, et c'est l'oeil de la Providence qui sanctifie notre amitié; à vous je vous dirai que j'ai voulu que la lettre vous retrace le nom d'Alexandrine, que je mets sous la protection de la Providence; le mot de vertu se trouve sous son nom; j'espère que toujours elle sera le mobile de ses actions. Des deux autres côtés j'ai fait graver les mots honneur et constance. Vous agirez toujours d'après les principes de l'honneur et vous serez toujours constant pour Alexandrine; une pensée est gravée de l'autre côté du cachet, dont je vous envoie de même l'empreinte. Mille et mille remercîments pour les deux charmantes vues de Heidelberg que vous m'envoyez, que j'ai reçues hier, Dieu sait par quelle voie: elles m'ont fait le plus grand plaisir. Chers enfants, pourquoi n'écrivez vous pas par la poste, du moins j'aurais de vos nouvelles. Je répondrai encore votre lettre et j'ai tant bien d'articles encore à répondre, mais pour aujourd'hui je n'ai pas un instant à moi. Je viens de dîner et finis ces lignes au Palais Taurique. Adieu mille et mille fois. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin, à vos messieurs et au bon Rühl. Dites lui que ma pauvre commère est morte hier après le dîner. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

28-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, посылаю вамъ свое благословеніе послѣ исповѣди; я думаю, вы слѣдили мысленно за всѣмъ, что я дѣлала сегодняшній день, и представляли себѣ, какъ я скорблю, что мы не говѣемъ вмѣстѣ. Да услышитъ Господь мои мольбы, которыя я возношу къ Нему о васъ и о счастьи васъ обоихъ, добрыя мои дѣти; я полагаю это счастье главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вы были всегда религіозны, добродѣтельны и строги въ исполненіи своего долга. Завтра напишу вамъ по поводу

вашихъ малыхъ писемъ, полученныхъ мною чрезъ Балашова, сегодня же вечеромъ только благословляю и обнимаю васъ.

29-го іюня.

Дорогія дѣти, въ то время какъ я говѣла и приступала къ св. причастію, вы были предметомъ всѣхъ моихъ молитвъ и помысловъ, и мое сердце было полно вами; я молила Господа, чтобы вы возвратились ко мнѣ добродѣтельными, религіозными и чистыми, чтобы свѣтъ васъ не испортилъ, чтобы вы по-прежнему чувствовали отвращеніе къ злу и питали любовь къ добру, которое присуще вашему сердцу. Знайте, дѣти мои, что я страдаю даже при мысли о тѣхъ двусмысленныхъ словахъ, которыя вы можете услышать, это тонкій ядъ, который, проникая въ душу, уничтожаетъ въ ней мало-по-малу отвращеніе къ злу и прививаетъ ей порочныя мысли; не думайте, дѣти мои, что всѣ молодые люди должны поддаваться извѣстнымъ искушеніямъ и впадать въ ошибки и заблужденія; это ошибочно: я могла бы назвать вамъ многихъ молодыхъ людей, которые полагали свою честь въ томъ, что они составляютъ исключеніе изъ этого правила, и которые пользовались по этому самому всеобщимъ уваженіемъ. Вы должны принадлежать къ числу этихъ людей, добрые друзья мои, и если вы не можете всегда уклоняться отъ подобнаго рода разговоровъ, то вы не будете увлекаться ими, я въ этомъ увѣрена. Умоляю васъ употреблять ваше время съ пользою, я прекрасно понимаю, что въ тѣ дни, когда вы совершаете походъ, вы не властны распоряжаться своимъ временемъ, но какъ только вы остановитесь гдѣ-нибудь временно, я прошу васъ, друзья мои, и даже требую, чтобы изъ любви ко мнѣ вы назначали утромъ нѣсколько часовъ на серьезныя занятія и чтобы въ это время вы никого не принимали, посвящая его всецѣло труду. Прошу васъ прочитать это мѣсто моего письма генералу Коновницыну и написать мнѣ, чѣмъ вы занимаетесь, что вы читаете. Гг. Джанотти и Саврасовъ даютъ вамъ полную возможность проводить время съ величайшею пользою, и если бы, по мнѣнію ген. Коновницына, вамъ надлежало заняться спеціально изученіемъ какой-либо отрасли военнаго дѣла, то, будучи окружены столькими знатоками по этой части, вы не затруднитесь, съ согласія императора, посвятить себя этимъ занятіямъ, пригласивъ кого-либо изъ военныхъ приходить къ вамъ, для этой цѣли. Я очень настаиваю на этомъ, добрые друзья мои, такъ какъ, судя по ходу дѣлъ, я предвижу, что вы будете проводить гораздо болѣе времени на одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ походѣ, и нахожу, что вамъ, дорогія дѣти, необходимо употреблять время съ пользою; это такъ же необходимо въ настоящее время, какъ и въ будущемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это предохранитъ васъ отъ множества мелкихъ неблагопріятныхъ условій главной квартиры.

Мое сердце сжалось отъ грусти, когда я прочла извѣстіе объ отъѣздѣ добраго, почтеннаго старика Ламсдорфа, которому вы должны быть такъ признательны, дорогія дѣти; меня тяготитъ мысль, что онъ далеко отъ васъ и что вы не находитесь болѣе подъ его руководствомъ. Этотъ добрый и достойный старикъ неусыпно слѣдилъ за вами и устранялъ отъ васъ все, что могло принести вамъ вредъ. Его правдивость была зеркаломъ, въ которомъ вы всегда могли видѣть себя, безъ прикрасъ, дорогія дѣти; лишившись этого руководителя, вамъ, добрые друзья мои, тѣмъ болѣе необходимо взаимно слѣдить другъ за другомъ, предупреждать другъ друга обо всемъ, что можетъ послужить вамъ на пользу или во вредъ, словомъ, взаимно контролировать другъ друга, и какъ можно строже, дабы васъ не осуждали другіе. Я вполнѣ убѣждена также, добрыя дѣти мои, что вы всегда будете относиться особенно внимательно къ совѣтамъ ген. Коновницына, а также будете принимать совѣты, которые случайно дадутъ вамъ ваши кавалеры; ихъ преданность вамъ такъ извѣстна, что вы не можете смотрѣть на ихъ совѣты иначе, какъ на совѣты истинныхъ и преданныхъ друзей. Надѣюсь также, добрые друзья мои, что вы нигдѣ не бываете безъ нихъ; находясь съ императоромъ, вдали отъ г. Ламсдорфа, вы должны поступать какъ можно осмотрительнѣе, такъ какъ съ этого момента вы уже подлежите суду людей, при чемъ будетъ взвѣшиваться каждое ваше слово, каждая мысль и поступокъ.

Я получила вчера вечеромъ письмо отъ моего брата, короля Виртембергскаго; онъ пишетъ, что, судя по извѣстіямъ, сообщеннымъ по телеграфу, Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына; назначено временное правительство, въ составъ котораго вошли Фуше, Карно, Гарнье, и въ главную квартиру монарховъ посланы уполномоченные для веденія переговоровъ о мирѣ. По какому праву, добрые друзья мои, Наполеонъ отрекается отъ короны, право на которую не было признано за нимъ ни одной державой и, присвоивъ которую, онъ обрекъ себя возмездію народовъ? Какъ осмѣливается онъ располагать ею, какъ своей собственностью? Кто признаетъ его права, кто повѣритъ вторично его добровольному отреченію? Волосы встаютъ дыбомъ, когда подумаешь, что сынъ человѣка, похитившаго престолъ, воспитанный якобинцами, которые будутъ его опекунами и слѣдовательно его воспитателями, можетъ устранить отъ престола законныхъ наслѣдниковъ тѣхъ монарховъ, кои занимали его столько вѣковъ. Какой пагубный примѣръ для народовъ и націй и какая древняя династія можетъ считать себя послѣ этого прочно утвердившеюся! Это извѣстіе мучитъ меня, хотя я не могу повѣрить этому, такъ какъ я уповаю на Бога, что Онъ по Своему милосердію довершитъ великое дѣло возстановленія монархіи

во Франціи. Прощайте, добрые друзья мои, я чувствую себя очень утомленной; цѣлую васъ тысячу разъ.

Зимній дворецъ, 30-го іюня.

Благословимъ и возвеличимъ Господа! По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Берлина отъ 2-го іюля н. ст., Наполеонъ сверженъ и арестованъ, временное правительство ввѣрено Людовикомъ XVIII Макдональду и Удино. Это извѣстіе вызываетъ неизъяснимую радость, вчерашнее же извѣстіе произвело бы на общественное мнѣніе самое ужасное дѣйствіе; порядокъ долженъ быть возстановленъ для того, чтобы можно было разсчитывать на миръ и тишину. Преклонимся предъ путями Провидѣнія, которое обращаетъ эти событія въ Свою славу и возстановляетъ порядокъ и справедливость, ниспровергая въ теченіе нѣсколькихъ дней человѣка, которому Оно дало подняться такъ высоко, чтобы низвергнуть его такъ низко. Здѣсь всѣ чрезвычайно радуются (честь и слава народу) тому, что законные монархи возстановлены на престолѣ; всѣхъ возмущала мысль, что корона перейдетъ къ сыну похитителя престола. Прощайте, друзья мои, мнѣ нѣкогда больше писать вамъ.

Вотъ, дорогой Никошъ, печатка съ буквою А, которая означаетъ для непосвященныхъ Amitié (дружба); Всевидящее око освящаетъ нашу дружбу; вамъ же я скажу, что мнѣ хотѣлось, чтобы эта буква означала для васъ имя Александрины, которую я поручаю покровительству Провидѣнія; подъ ея именемъ стоитъ слово «добродѣтель»; надѣюсь, что она будетъ руководить всѣми ея поступками; съ двухъ другихъ сторонъ я велѣла награвировать слова «честь и постоянство». Вы будете всегда руководствоваться въ своихъ поступкахъ принципами чести и всегда будете постоянны по отношенію къ Александринѣ; на другой сторонѣ печати награвированъ цвѣтокъ Иванъ да Марья, оттискъ котораго я вамъ посылаю. Тысячу, тысячу разъ благодарю васъ за присланные вами два прелестныхъ вида Гейдельберга; я получила ихъ вчера, сама не знаю черезъ кого; они доставили мнѣ большое удовольствіе. Дорогія дѣти, почему вы не пишете по почтѣ, по крайней мѣрѣ я имѣла бы отъ васъ извѣстія. Я еще отвѣчу на ваше письмо, мнѣ еще нужно отвѣтить вамъ на много пунктовъ, но сегодня у меня нѣтъ ни минуты свободной. Я только-что отобѣдала и оканчиваю эти строки въ Таврическомъ дворцѣ. Прощайте тысячу, тысячу разъ. Поклонъ ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и доброму Рюлю. Скажите ему, что моя бѣдная кума скончалась вчера вечеромъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Виллокъ и А. С. Пушкинъ
на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ 1820 году.

Въ 1820 году чиновникъ англійской миссіи въ Персіи Виллокъ (Willock), прибывъ въ Тифлисъ, просилъ разрѣшенія проѣхать въ гор. Кизляръ. Ермоловъ находился въ это время въ Дагестанѣ. Заступавшій его мѣсто въ Грузіи г.-л. И. А. Вельяминовъ не встрѣтилъ препятствій къ исполненію просьбы Виллока. Но, предполагая въ немъ, и не безъ основанія, тайный умыселъ высмотрѣть положеніе нашихъ военныхъ дѣлъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, Вельяминовъ далъ мѣстнымъ начальникамъ секретный приказъ не пропускать путешественника за Терекъ и въ Дербентъ. Сверхъ того было приказано наблюдать за всѣми его дѣйствіями и слѣдить, кто у него бываетъ и какъ часто.

Виллокъ посѣтилъ также и горячія минеральныя воды, т. е. нынѣшній Пятигорскъ. О его пребываніи тамъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Красовскій, исполняя приказаніе начальства, представилъ Вельяминову подробныя свѣдѣнія въ рапортѣ изъ Георгіевска отъ 1-го іюля 1820 г. № 1839. Документъ этотъ заслуживаетъ быть сохраненнымъ, такъ какъ въ немъ упоминается о Пушкинѣ. Привожу его дословно.

„Во исполненіе предписанія ко мнѣ имѣю честь донести: англійской чиновникъ Виллокъ, съ состоящимъ при немъ персидскимъ переводчикомъ, по прибытіи 20-го числа іюня на горячія минеральныя воды, по полудни въ два часа, остановился въ нанятомъ имъ домѣ у вдовы губернской секретарши Анны Петровой Макѣевой, платя за оную въ сутки по три рубля мѣдью. Того числа былъ въ ваннахъ стараго строенія, начально купался въ № 4, ходилъ по горѣ, гдѣ сіи и новыя ванны выстроены, потомъ слушалъ музыку, игравшую при гауптвахтѣ главнаго караула, а послѣ того былъ у его высокопревосходительства генерала-отъ-кавалеріи и кавалера Раевскаго, пилъ чай и пробылъ у него довольное время, откуда возвратясь на квартиру въ ночное время, спалъ. А 21-го числа по утру былъ въ старыхъ ваннахъ, купался въ № 1; по возвращеніи на квартиру, во время отдыха, приходили къ нему л.-гв. Гренадерскаго полка поручикъ князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій 1-ый, л.-гв. ротмистръ Николай Николаевичъ Раевскій и недоросль, находящійся въ свитѣ его высокопревосходительства генерала Раевскаго, Александръ Сергѣевъ Пушкинъ. Послѣ отдыха, Виллокъ, съ персидскимъ переводчикомъ и со оными посѣтителями, прохаживался, былъ вторично у его высокопревосходительства Николая Николаевича Раевскаго, у коего обѣдалъ. Послѣ сего, возвратясь на квартиру, въ 4 часа по полудни отправился чрезъ Шотландскую колонію въ Георгіевскъ, изъ Георгіевска же выѣхалъ въ Моздокъ для слѣдованія въ Грузію 24-го числа истекшаго іюня“.

Сообщ. Е. **Вейденбаумъ**.

Записки Н. Г. Залѣсова.

XV [1]).

Вторая поѣздка въ Петербургъ въ 1863 году.

Въ концѣ іюля мѣсяца во время самаго сильнаго разгара польскаго мятежа, когда разрывъ съ европейскими державами казался несомнѣннымъ, въ Оренбургѣ, напротивъ, ничто ни нарушало нашей покойной жизни.

Едва оправясь отъ тяжкой болѣзни, я разъ вечеромъ преспокойно пилъ чай, пользуясь временнымъ прекращеніемъ служебныхъ занятій, когда вошедшій вѣстовой объявилъ о пріѣздѣ «штабъ-начальника» и желаніи его видѣть меня. Выйдя полуодѣтый въ кабинетъ, я нашелъ исправлявшаго должность Черняева генерала Левенгофа, который съ неудомѣвающимъ лицомъ подалъ мнѣ телеграмму военнаго министра корпусному командиру и спросилъ, не знаю ли я, что она значитъ. Въ телеграммѣ было сказано: «вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія прошу немедленно командировать въ Петербургъ оберъ-квартирмейстера подполковника Залѣсова, если вы не встрѣчаете къ тому препятствій по службѣ».

Удивленный не менѣе Левенгофа, я отвѣчалъ, что не понимаю этого вызова, чему онъ видимо не повѣрилъ и съ улыбкою спросилъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1903 г.

— Корпусный командиръ, зная, что вы не здоровы, поручилъ узнать можете ли вы ѣхать и когда.

— Я переговорю съ докторомъ и немедленно дамъ знать о своемъ рѣшеніи генералу Безаку.

Проводивъ Левенгофа, я углубился въ догадки относительно своего вызова и, признаюсь, не могъ остановиться ни на одномъ предположеніи. На другой день докторъ разрѣшилъ мнѣ ѣхать черезъ три дня, и я немедленно отправился къ корпусному командиру съ этимъ отвѣтомъ. Генерала Безака я нашелъ въ сильномъ недоумѣніи насчетъ причины моего вызова, а бывшія тогда у него непріятности съ полковникомъ Черняевымъ заставляли, повидимому, думать, что я, какъ человѣкъ близкій Черняеву по расположенію и мундиру, едва-ли вызываюсь не для того, чтобы разъяснить эти неудовольствія военному министру. Поэтому онъ долго толковалъ со мною о безтактности дѣйствій Черняева на Сыръ-Дарьѣ и всѣми мѣрами старался представить свои распоряжеженія въ самомъ благонамѣренномъ видѣ.

Черезъ три дня раннимъ прекраснымъ іюльскимъ утромъ я былъ на перевозѣ черезъ Сакмару; здѣсь обнялъ я бѣдную жену, боявшуюся за мое здоровье, и курьерская тройка понесла меня въ Самару, откуда я тотчасъ же поплылъ вверхъ по рѣкѣ на пароходѣ Волжскаго общества. Духота въ каютахъ 2-го класса была страшная, купечество ѣхало въ Нижній на ярмарку; къ довершенію же всего, съ первымъ шагомъ на пароходѣ меня встряхнула жестокая лихорадка съ страшнымъ бредомъ, такъ что я какъ пластъ лежалъ на нарахъ каюты до 11 часовъ вечера, т. е. до прихода въ Симбирскъ. Здѣсь, благодаря Бога, всѣ пассажиры отправились въ городъ смотрѣть на иллюминацію по случаю пріѣзда наслѣдника Николая Александровича, а я, пользуясь прохладой въ каютѣ, очнулся и немного пришелъ въ себя. Лихорадка, слава Богу, больше не повторялась, и я черезъ 6 дней былъ въ Петербургѣ. Прежде всего я явился къ ближайшему своему начальнику, генералъ-квартирмейстеру Веригину, но къ совершенному моему удивленію поразилъ его своимъ пріѣздомъ, такъ какъ оказалось, что сей патріархальный человѣкъ и не вѣдалъ даже о моемъ вызовѣ. Немедленно послали записку къ военному министру съ докладомъ о моемъ пріѣздѣ и съ вопросомъ: когда будетъ угодно принять меня. Отвѣтъ послѣдовалъ: явиться на другой день прямо въ квартиру министра въ 11 часовъ утра.

Министръ жилъ тогда на Большой Милліонной. Ровно въ 11 часовъ я пріѣхалъ къ нему и немедленно былъ принятъ. Послѣ первыхъ привѣтствій министръ сказалъ мнѣ:

— Вамъ конечно извѣстно, какъ натянуты теперь наши отношенія съ западными державами. Въ случаѣ войны мы ничѣмъ не можемъ вредить Англіи въ Европѣ—остается одна Азія. Вы знаете эту страну и

потому поможете намъ въ случаѣ надобности устроить туда экспедицію, если не для вторженія въ Индію, то по крайней мѣрѣ для отвлеченія силъ англичанъ изъ Европы и нанесенія ихъ торговымъ интересамъ возможно бо́льшаго вреда. Явитесь къ генералу Игнатьеву, онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности по этому предмету, и вы составите по его указаніямъ соображеніе. Дѣло это требуетъ большой тайны, и потому о вашемъ порученіи никому ничего не говорите.

Такое приказаніе поставило меня въ исключительныя отношенія къ генералъ-квартирмейстеру, который, какъ и всѣ другія начальствующія лица, засыпалъ меня вопросами насчетъ причины моего пріѣзда, и я едва, едва отговорился тѣмъ, что вызванъ для министерства иностранныхъ дѣлъ съ цѣлью представить ему отчетъ о походѣ Черняева и вообще разъяснить положеніе дѣлъ въ Средней Азіи.

На другой день я поѣхалъ въ Азіатскій департаментъ и явился къ директору его, генералу Игнатьеву. Онъ былъ мой старый знакомый и, дружески встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Что, батюшка, вытащилъ таки я васъ въ Петербургъ. Мы ѣхали съ военнымъ министромъ изъ Царскаго Села въ одномъ вагонѣ и толковали о томъ, какъ бы напакостить англичанамъ; тогда я ему указалъ на васъ, какъ на человѣка, который можетъ намъ придумать по этому хорошую штуку и исполнить ее. Министръ тотчасъ же согласился, послалъ телеграмму, и вотъ теперь извольте-ка работать у насъ.

Затѣмъ Игнатьевъ передалъ мнѣ суть предположеній; они состояли въ слѣдующемъ:

Съ открытіемъ войны сформировать изъ войскъ оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ отрядъ, направивъ эти войска изъ Красноводска и Оренбурга черезъ Хиву къ Аму-Дарьѣ и далѣе вверхъ по рѣкѣ, а потомъ на Кабулъ и въ то же время двинуть особый отрядъ кавказскихъ войскъ отъ Астрабада черезъ Гератъ и Хоросанъ тоже къ Кабулу. Начальство надъ кавказскимъ отрядомъ предполагалось поручить Хрулеву, а надъ сборнымъ—Черняеву, къ которому я долженъ былъ поступить въ качествѣ начальника отряднаго штаба. Собственно моя работа должна была состоять въ опредѣленіи силы и направленія войскъ, слѣдующихъ къ Хивѣ, разсчетѣ продовольствія и верблюдовъ, опредѣленіи мѣста и силы этапныхъ пунктовъ въ степи и количества боевыхъ припасовъ при отрядѣ и, наконецъ, въ опредѣленіи стоимости всѣхъ вообще издержекъ по экспедиціи въ продолженіе года, не считая разныхъ мелочныхъ соображеній.

Работа была не легкая, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ я не имѣлъ подъ рукою необходимыхъ мѣстныхъ данныхъ и долженъ былъ дѣй-

ствовать на память; кромѣ того, у меня не было такихъ специальныхъ по степнымъ дѣламъ помощниковъ, какихъ имѣлъ въ своемъ штабѣ въ Оренбургѣ. Къ счастію, ѣхавши въ Петербургъ, я захватилъ съ собою на всякій случай кое-какія интендантскія справки и степныя свѣдѣнія и при помощи своей памяти благословясь принялся за дѣло. Пять сутокъ я не выходилъ изъ своего номера въ «Hotel de France», и, наконецъ, черновое соображеніе было готово. Съ нимъ я отправился къ Игнатьеву, и, запершись въ директорскомъ кабинетѣ, мы занялись чтеніемъ проекта. Измѣнивъ кое-что изъ моихъ предположеній, Игнатьевъ велѣлъ мнѣ переписать своей рукой проектъ и отвезти его къ военному министру.

На этотъ разъ министръ принялъ меня рано утромъ, приказавъ явиться къ нему вмѣстѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ. Началось чтеніе, и Веригинъ, изумляясь, вѣроятно, такому нежданному имъ проекту, хлопалъ отъ удивленія глазами, не сказавъ ни слова отъ себя. По окончаніи чтенія, министръ приказалъ сдѣлать нѣсколько поправокъ въ соображеніи, поблагодарилъ меня за трудъ и велѣлъ исправленный проектъ передать генералу Игнатьеву.

— Мы думаемъ сдѣлать диверсію и со стороны Сибири,—сказалъ министръ,—и съ этою цѣлью вызванъ сюда подполковникъ Голубевъ (генеральнаго штаба); хорошо, если бы вы дождались его и сговорились насчетъ общаго плана дѣйствій.

— Дѣйствія со стороны Сибири, если и будутъ, то пойдутъ на далекомъ разстояніи отъ насъ, и потому ничего общаго между нами не будетъ, кромѣ опредѣленія времени движенія, что̀ можетъ быть сдѣлано и по перепискѣ.

— Значитъ, вы хотите отправиться поскорѣе домой?

— Если позволите.

— Отъ васъ зависитъ пожить у насъ или ѣхать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ теперь же откланяться вамъ.

— Оставьте у меня адресъ вашей квартиры, я пошлю съ вами письмо Александру Павловичу Безаку. Онъ ничего не знаетъ о цѣли вашего вызова.

И, простившись со мною весьма любезно, министръ приказалъ Веригину выдать мнѣ въ видѣ пособія при поѣздкѣ полугодовое жалованье.

При свиданіи на другой день съ Веригинымъ я выслушалъ отъ него кучу любезностей.

— Повѣрьте,—говорилъ онъ,—вы у насъ на отличнѣйшемъ счету, и при предстоящемъ образованіи округовъ мы готовимъ васъ для занятія высшихъ должностей по генеральному штабу. Затѣмъ онъ подробно

разспрашивалъ меня объ управленіи генерала Безака и интересовался всѣми частностями его жизни.

Въ настоящую поѣздку въ Петербургъ я успѣлъ побывать только у двухъ знакомыхъ: у Аничкова, который жилъ тогда на Карповкѣ, принимая эту помойную лужу съ увлеченіемъ истаго петербуржца за дѣйствительную дачу, и у генералъ-провіантмейстера Данзаса.

Помню очень хорошо одинъ изъ проведенныхъ у Аничкова вечеровъ. Судьбѣ угодно было созвать какъ разъ въ это время въ Петербургъ съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи большую половину нашего академическаго выпуска, и Аничкову пришла мысль позвать насъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ, тѣмъ болѣе, что онъ только лишь получилъ съ Кавказа отъ какого-то пріятеля нѣсколько бурдюковъ съ кахетинскимъ. Изъ 11-ти человѣкъ выпуска, оставшихся въ живыхъ и на службѣ, собралось насъ 8, а именно: хозяинъ, я, Окольничій, Полторацкій, Быховецъ, Глиноецкій, Шевелевъ и Уфнярскій. Весело прошла наша бесѣда въ воспоминаніяхъ молодости и разсказахъ моихъ объ Оренбургскомъ краѣ и управленіи Безака, дѣйствіями котораго въ степи тогда многіе интересовались.

У Данзаса я былъ два раза, въ томъ числѣ разъ обѣдалъ. Какой гастрономическій обѣдъ былъ приготовленъ! Казалось, всѣ помыслы, всѣ жизненныя стремленія хозяина сосредоточились только на ѣдѣ. Каждое блюдо подавалось по особымъ правиламъ: одно на холодныхъ тарелкахъ, другое на горячихъ, въ извѣстнаго рода посудѣ, то въ стеклянной, то фарфоровой, то мѣдной, а различныхъ приправъ было столько, что я потерялъ счетъ и въ простотѣ души, къ видимому неудовольствію собесѣдниковъ, часто бралъ себѣ такую приправу, какой, по мнѣнію ихъ, вовсе не слѣдовало. За обѣдомъ было насъ всего четверо: хозяинъ, я, Меньковъ и Шубинъ. Меньковъ, несмотря на то, что только лишь пріѣхалъ съ какого-то завтрака, даннаго биржей государю, ѣлъ за пятерыхъ и не говорилъ ни слова. Хозяинъ по временамъ только спрашивалъ его, хорошо ли, вкусно ли приготовлено и не надо ли прибавки; яства безпрерывно запивались елисеевскимъ виномъ. Въ 6 часовъ кончился обѣдъ, и я тотчасъ же распростился съ Данзасомъ.

Двѣ недѣли прожилъ я въ Петербургѣ и какую громадную разницу нашелъ въ настроеніи его общества сравнительно съ 1861 годомъ!

Тогда все кричало и тянуло за воскресныя школы, отказывалось отъ всего прирожденнаго русскаго и симпатизировало освобожденію Польши, открыто поощряло борьбу ея съ Россіею въ ущербъ самимъ же себѣ.

Въ своемъ мѣстѣ я описалъ тогдашнее свое пребываніе въ Петербургѣ, теперь же скажу только, что въ настоящую поѣздку не только въ явь, но еслибы въ домашней бесѣдѣ рѣшился кто-нибудь замолвить слово за Польшу, то рисковалъ получить прямо названіе измѣнника, безчестнаго человѣка.

Теперь газеты читались нарасхватъ и съ такимъ горячимъ патріотическимъ чувствомъ, котораго и примѣра не было въ 1861 году. Теперь печатались знаменитыя энергическія ноты князя Горчакова, такъ рѣзко отвергавшія всѣ поползновенія европейскихъ державъ на вмѣшательство въ наши дѣла съ Польшею. Ежеминутно ждалось появленіе непріятельскихъ флотовъ съ дессантомъ, но ждалось съ какою-то особою увѣренностью, что дерзость союзниковъ не пройдетъ имъ даромъ. Патріотизмъ и преданность царю въ данную минуту вырывались наружу съ неудержимою силою, не зная границъ, и Горчаковъ мгновенно сталъ національнымъ героемъ, пророкомъ дня.

XVI.

Зима съ 1863 на 64 годъ въ Оренбургѣ.—Отъѣздъ Безака въ 1865 г.—Письмо Полторацкаго. — Тимашевъ. — Назначеніе Крыжановскаго. — Статья моя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

По возвращеніи въ Оренбургъ, я передалъ Безаку письмо военнаго министра и разсказалъ о цѣли моего вызова въ Петербургъ, но, несмотря на полную откровенность, Безакъ, какъ видно, предполагалъ, что вызовъ мой не былъ чуждъ размолвки его съ Черняевымъ.

Дѣйствительно въ это время отношенія ихъ достигли крайней напряженности. Черняевъ роптал̆ъ, что Безакъ не довѣряетъ его способностямъ и помѣшалъ ему отличиться въ Туркестанѣ. Безакъ же ссылался на свое обѣщаніе министру иностранныхъ дѣлъ не завязывать при тогдашнихъ натянутыхъ нашихъ отношеніяхъ въ Европѣ никакихъ дѣлъ въ Средней Азіи и на то, что Черняевъ, не исполнивъ инструкціи, втянулъ его въ отвѣтственность предъ государемъ и т. д. Словомъ, ясно было, что этимъ людямъ служить вмѣстѣ нельзя, и Безакъ, не стѣсняясь временной командировкой Черняева въ Туркестанъ, не допустилъ его по возвращеніи къ исправленію должности начальника штаба. Напрасно я уговаривалъ Черняева не горячиться и держаться строгой законности—онъ ничего не слушалъ и былъ въ такомъ раздраженіи, что свиданіе его съ Безакомъ грозило послѣднему большими непріятностями.

Переговоривъ съ Левенгофомъ о возможности скандала между Чер-

няевымъ и Безакомъ, мы отправились къ послѣднему и, описавъ ненормальное состояніе Черняева, просили Безака быть какъ можно мягче въ объясненіяхъ, тѣмъ болѣе, что отстраненіе отъ должности начальника штаба Черняевъ не можетъ не считать оскорбленіемъ.

Доводы наши подѣйствовали. Безакъ сталъ оправдывать свои дѣйствія и пригласилъ насъ присутствовать на другой день при свиданіи его съ Черняевымъ. Въ 10 часовъ утра мы были въ пріемной Безака, вслѣдъ за нами вошелъ Черняевъ, и мы втроемъ вошли въ кабинетъ корпуснаго командира. Только лишь мы вошли, какъ Безакъ бросился къ Черняеву, схватилъ его за руки и заплакалъ. Признаюсь, такой комедіи я не ожидалъ.

— Не сердитесь на меня, любезный Михаилъ Григорьевичъ, я не могъ, не долженъ былъ иначе дѣйствовать, какъ настоящимъ образомъ. Я человѣкъ государственный и долженъ сообразоваться съ интересами всей Россіи, а не одного Оренбургскаго края, и за это дамъ отвѣтъ государю.

Черняевъ на все это отвѣчалъ очень кратко, оправдывая свои дѣйствія; разговоръ его былъ сухъ, безъ всякихъ любезностей; черезъ полчаса они разстались гораздо бо́льшими врагами, чѣмъ были. Черняевъ провелъ еще нѣкоторое время въ Оренбургѣ, ожидая какой-то помощи со стороны Полторацкаго, управлявшаго тогда азіатскимъ отдѣленіемъ въ главномъ штабѣ, но, не дождавшись ничего, уѣхалъ въ Петербургъ, а на мѣсто его окончательно былъ назначенъ Левенгофъ.

Съ огромнымъ самолюбіемъ, когда-то очень красивой наружности, любимецъ всесильнаго въ свое время генерала Политковскаго (инженера), Левенгофъ былъ въ то время согбенный полу-старикъ, страдавшій разными болѣзнями. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ Безака.

Со времени возвращенія моего изъ Петербурга отношенія мои къ корпусному командиру однако же измѣнились. Безакъ по-прежнему цѣнилъ мою службу, но пересталъ меня приглашать къ себѣ обѣдать, и вообще онъ и жена его отдалялись отъ меня. Причину этого мнѣ вскорѣ разъяснилъ мой хорошій знакомый и кумъ, командующій Башкирскимъ войскомъ, генеральнаго штаба полковникъ А. П. Богуславскій; онъ передалъ мнѣ, что Безакъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ моего товарища по академіи Быховца, который передалъ ему съ разными украшеніями разсказъ мой про Безака на вечерѣ у Аничкова. Такъ какъ всѣ мои разговоры въ Петербургѣ относились къ страшной скупости Безака, то, не сознавая за собою особаго грѣха, я оставался совершенно равнодушенъ къ холодности корпуснаго командира и его супруги. Къ чести А. П. Безака слѣдуетъ однако же сказать, что онъ никогда не смѣшивалъ службы съ частными отношеніями и при всякомъ

удобномъ случаѣ представлялъ меня къ наградѣ и постоянно внѣ правилъ.

Въ продолженіе зимы нѣсколько разъ устраивались въ нашемъ клубѣ литературные вечера въ пользу бѣдныхъ, и въ одномъ изъ нихъ я рѣшился принять участіе. У меня была заготовлена для «Искры» статейка, въ которой юмористическимъ образомъ въ самомъ безвредномъ однако же видѣ описывались нѣкоторые изъ нашихъ оренбургскихъ генераловъ. Эту статейку, процензурованную въ редакціи «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», я и прочелъ на одномъ изъ вечеровъ. Безакъ, какъ и другіе, слушалъ статью со вниманіемъ, хохоталъ чуть не до истерики, но за то генералы разобидѣлись на меня, вслѣдствіе чего на будущее время было рѣшено не пропускать въ литературныхъ вечерахъ ни одной рукописной статьи безъ предварительной цензуры самого Безака.

Въ концѣ лѣта 1863 года, я распростился съ своимъ добрымъ знакомымъ А. П. Богуславскимъ, котораго Безакъ не могъ вынести за самостоятельность его мнѣній. Мы задали Богуславскому прощальный обѣдъ и заставили тамъ танцовать хромаго Левенгофа. Богуславскій вскорѣ попалъ на Кавказъ, а впослѣдствіи былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ казачьихъ войскъ.

Между тѣмъ правительство не оставляло однако же въ покоѣ дѣлъ въ Средней Азіи, и весною 1864 года были двинуты войска со стороны Сибири и Оренбурга съ цѣлью соединить нашу пограничную линію. Изъ Сибири пошелъ тотъ же полковникъ Черняевъ на Мерке и Аулiэта, а съ Сыръ-Дарьи полковникъ Веревкинъ къ Туркестану; всѣ эти крѣпостенки вскорѣ пали, и первой военной жертвой съ нашей стороны былъ генеральнаго штаба капитанъ Каховскій, убитый при осадѣ Туркестана. Мы, офицеры генеральнаго штаба, сдѣлали подписку и поставили ему памятникъ около Туркестана, а престарѣлой его матери государь далъ въ пожизненную пенсію жалованье сына.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1864 года, я получилъ длинное секретное письмо отъ Полторацкаго, выдержки изъ котораго считаю интереснымъ привести здѣсь для характеристики той осторожности, съ которою военный министръ приступалъ къ рѣшенію того или другаго важнаго вопроса, а равно и взглядовъ его въ то время на средне-азіятскія дѣла.

Вотъ начало письма Полторацкаго:

«Дмитрій Алексѣевичъ (Милютинъ) поручилъ мнѣ просить васъ доставить ваше мнѣніе и сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія... но прежде всего позвольте оговориться; не думайте, что фраза, которую поставилъ я въ началѣ письма, равносильна выраженію, общеупотребляемому каждымъ начальникомъ отдѣленія военнаго министерства: «по приказанію военнаго министра», мнѣ дѣйствительно поручено просить васъ

лично самимъ[1]) Дмитріемъ Алексѣевичемъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы то, что вы сообщите, и вообще вся наша переписка по этому дѣлу оставалась полнѣйшимъ секретомъ для всего Оренбурга и Петербурга».

Далѣе излагалась суть представленій Безака и Дюгамеля о соединеніи Оренбургской и Сибирской линій и объ устройствѣ пограничнаго края, и выражался тотъ полный разладъ во взглядахъ на веденіе этого дѣла, который обнаружился между корпусными командирами. Взамѣнъ такихъ соображеній мнѣ сообщалось для разработки и критической оцѣнки слѣдующее предположеніе, составленное лично военнымъ министромъ.

1. Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Тобольскую и Томскую губерніи вовсе изъять изъ-подъ вѣдѣнія генералъ-губернаторовъ, т. е. уничтожить оба генералъ-губернаторства.

2. Устроить два военныхъ округа, Степной и Уральскій; границами между ними будутъ примѣрно Уральскій хребетъ и линія вдоль Мугоджарскихъ горъ къ Аральскому морю.

3. Въ составъ Степнаго округа войдутъ большая часть регулярныхъ войскъ Западной Сибири и Оренбургскаго края: Сибирское казачье войско, 8 полковъ Оренбургскаго, расположенные къ сѣверу отъ Орска, вся Сибирская степь, Аральская флотилія, восточная и средняя часть Оренбурской степи. На начальника округа будетъ возложено управленіе киргизами и всѣ сношенія съ Китаемъ и всѣми средне-азіатскими владѣльцами и охраненіе границъ.

4. Въ составъ Уральскаго округа войдутъ: Оренбургская, Уфимская, Самарская и Астраханская губерніи, казаки Уральскіе, Астраханскіе и четыре первыхъ полка Оренбургскихъ, киргизы Букѣевской орды и западная часть Оренбургской степи.

5. Затѣмъ Оренбургское войско можетъ быть упразднено. Первые четыре полка войдутъ въ составъ Уральскаго, остальные восемь—Сибирскаго войскъ.

Въ заключеніе говорилось, что всѣ мои мнѣнія будутъ представлены въ оригиналѣ военному министру.

Мнѣ въ это время было не привыкать къ запросамъ военнаго министра. Благодаря особой его любезности и несмотря на мой маленькій чинъ, я постоянно получалъ изъ канцеляріи военнаго министерства (что продолжалось и впослѣдствіи) на предварительный просмотръ тотъ или другой проектъ преобразованій по военному министерству и вообще устройству войскъ. Дѣло же, теперь предстоявшее моему обсужденію, меня въ особенности интересовало. Сожалѣю, что у меня

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

не сохранилось копіи съ длиннаго моего отвѣта Полторацкому; на сколько помню, я не признавалъ тогда возможнымъ принять цѣликомъ проектъ военнаго министра и настаивалъ на необходимости сохранить до времени за Оренбургомъ управленіе какъ всею Оренбургскою степью, такъ равно и соединяемою по рѣкѣ Сыру Сибирско-Оренбургскою пограничною линіею.

Съ соединеніемъ линій, весною 1866 года Веревкинъ былъ назначенъ атаманомъ Уральскаго войска, а Черняевъ—начальникомъ вновь образованной Кокандской передовой линіи, подчиненной Оренбургу.

Къ осени 1864 года въ Оренбургѣ стали носиться слухи, что А. П. Безакъ думаетъ уйти изъ края. Вскорѣ самъ онъ началъ заявлять, что зимы въ Оренбургѣ очень суровы, что онъ уже старъ для управленія такимъ отдаленнымъ краемъ, требующимъ безпрерывныхъ поѣздокъ въ степь и проч. Къ Рождеству же положительно стало извѣстно, что Безакъ переводится генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ на мѣсто умершаго Анненкова. У нашей публики пошла подписка на обѣдъ и балъ отъѣзжающему генералъ-губернатору, и наконецъ на святкахъ— состоялись оба торжества. Неизвѣстно, почему-то въ городѣ разошелся слухъ, что я буду говорить прощальную рѣчь и при томъ въ весьма правдивыхъ выраженіяхъ. По этой причинѣ мнѣ дали мѣсто за столомъ противъ генералъ-губернатора; въ продолженіе стола всѣ съ нетерпѣніемъ посматривали въ мою сторону; но я рѣчи не говорилъ, а рѣчь прочелъ по тетрадкѣ генералъ Ладыженскій, на которую Безакъ отвѣчалъ похвалами всѣмъ и каждому, говоря въ патетическихъ мѣстахъ чуть не со слезами. Черезъ нѣсколько дней состоялся и балъ, на которомъ жена Безака, встрѣтивъ меня, сказала при всѣхъ:

— Вы, говорятъ, пишете пьесу, въ которой выводите на сцену насъ съ мужемъ только подъ другими именами.

— Я никакой пьесы не пишу,—отвѣчалъ я,—а для выраженія своихъ чувствъ не нуждаюсь ни въ пьесѣ, ни въ измѣненіи именъ, ибо, какъ человѣкъ откровенный, всегда и всѣмъ говорю прямо въ лицо то, въ чемъ убѣжденъ.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. За ужиномъ я пожелалъ Безаку отъ имени офицеровъ генеральнаго штаба всего лучшаго въ жизни, а на другой день послѣ завтрака въ собраніи мы съ нимъ простились, и при томъ навсегда, я его болѣе уже не видалъ. Но не забылъ Безакъ своего нерасположенія ко мнѣ и впослѣдствіи, рекомендуя преемнику и племяннику своему генералъ-адъютанту Крыжановскому разныхъ лицъ, служащихъ въ Оренбургѣ, сказалъ про меня:

— Это отличный знатокъ края, человѣкъ способный, старайся привлечь его къ себѣ, но берегись въ то же время его, онъ человѣкъ умный, хитрый и имѣетъ въ высшей степени злой языкъ.

По отъѣздѣ Безака я опять сильно заболѣлъ. Сидя въ это время дома и по обыкновенію читая, я наткнулся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» на статью, подписанную «Генералъ Фадѣевъ», которая, трактуя о будущихъ дѣйствіяхъ Кавказской арміи, въ то же время неосновательно разсуждала о способѣ дѣйствій оренбургскихъ войскъ въ Средней Азіи. Будучи близко знакомъ съ послѣдними дѣлами, я рѣшился написать возраженіе и, считая статью Фадѣева оффиціальной, подписалъ и подъ своей статьей чинъ и фамилію. Статья моя была напечатана въ 47-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», 3-го марта 1865 года. Въ этой статьѣ на основаніи личнаго опыта и моихъ свѣдѣній о Средней Азіи я доказывалъ неосновательность предположеній Фадѣева и предлагалъ правительству обратить свое вниманіе на Аму-Дарью, не бояться англичанъ и, приводя ханства Хиву, Бухару и Коканъ къ покорности, отнюдь однако же не присоединять ихъ къ намъ, а, поставивъ тамъ нашихъ консуловъ, держать эти владѣнія подъ нашимъ протекторатомъ, имѣя постоянно подъ рукою военную силу съ цѣлью мгновенно наказать ихъ въ случаѣ какого-либо неисполненія нашихъ желаній.

Боже мой! Сколько эта статья вызвала криковъ въ Петербургѣ и надѣлала мнѣ непріятностей. Министръ иностранныхъ дѣлъ первый закричалъ, что я открылъ сокровеннѣйшія его тайны, что онъ самъ думалъ дѣйствовать на Аму-Дарьѣ именно такимъ образомъ, какъ я предлагалъ, а потому и просилъ военнаго министра взыскать съ меня. При этомъ меня заподозрили, что я составилъ статью на основаніи оффиціальныхъ документовъ, которыхъ не имѣлъ права обнародовать. О всей этой кутерьмѣ мнѣ сейчасъ же сообщилъ изъ Петербурга Полторацкій. Получивъ такое извѣстіе, я немедленно написалъ письмо къ генералъ-квартирмейстеру Веригину, въ которомъ объяснялъ:

1) Что о тайныхъ помыслахъ и планахъ министра иностранныхъ дѣлъ, живя за двѣ тысячи верстъ отъ Петербурга, я ничего не зналъ да и не могъ знать, ибо въ имѣвшейся въ Оренбургѣ оффиціальной перепискѣ не было даже и намека министерства на то, что я писалъ о будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Средней Азіи. 2) Всѣ ссылки въ моей статьѣ сдѣланы или на мои же статьи и записки, въ разное время поданныя мною генералъ-губернаторамъ Катенину и Безаку, или основаны на личныхъ моихъ путешествіяхъ въ Средней Азіи. 3) Подъ статьею я выставилъ свой чинъ, потому что и Фадѣевъ сдѣлалъ то же самое.

Но объясненія эти ни къ чему не повели, и я получилъ строгій выговоръ.

Замѣчательно, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я напечаталъ свою статью, назначенный туркестанскимъ генералъ-губернато-

ромъ генералъ Кауфманъ буквально сталъ слѣдовать той системѣ, которую я рекомендовалъ, и какъ общественное мнѣніе, такъ и правительство вполнѣ одобрили такой способъ дѣйствій, за предложеніе котораго я получилъ строгій выговоръ.

Не мало мнѣ повредило и то, что издатель «Московскихъ Вѣдомостей», всесильный тогда Катковъ, по поводу моей статьи напечаталъ въ томъ же нумерѣ своей газеты передовую статью, въ которой, заподозрѣвая правительство въ желаніи дѣйствовать наступательно въ Средней Азіи, не одобрялъ подобнаго намѣренія, а извѣстно, что тогда съ одобрительными или отрицательными отзывами Каткова сообразовалась вся наша высшая администрація, и стоило только Каткову выразить насчетъ чего-либо свое неудовольствіе, какъ у высшихъ нашихъ сановниковъ, къ вѣдомству которыхъ относились слова Каткова, подымался страшный переполохъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ напечатанія статьи явился ко мнѣ проѣзжавшій въ Ташкентъ гвардейскій кирасиръ Г—ій и передалъ, что Катковъ глубоко извиняется передо мной за тѣ непріятности, которыя надѣлалъ мнѣ своими комментаріями, считая ошибочно статью за оффиціальную; при этомъ онъ просилъ убѣдительно продолжать писать въ его газету о Средней Азіи, но я съ тѣхъ поръ ничего уже не посылалъ въ «Московскія Вѣдомости».

XVII.

Знакомство съ Н. А. Крыжановскимъ.—Поѣздка его на Сыръ.—Удаленіе Черняева и назначеніе Романовскаго.

Въ концѣ мая или іюня 1865 года пріѣхалъ, наконецъ, въ Оренбургъ и генералъ Крыжановскій. На другой день было представленіе всѣхъ чиновъ. Подойдя ко мнѣ и поздоровавшись со всевозможною любезностью, Крыжановскій сказалъ:

— Очень, очень радъ съ вами познакомиться, мой любезный, я весьма дорожу вашей службой и вашимъ знаніемъ края, пожалуйста будемте работать вмѣстѣ, помогите мнѣ.

Я замѣтилъ, что прежде личнаго знакомства уже имѣлъ неудовольствіе получить отъ него выговоръ.

— Не безпокойтесь объ этомъ,—отвѣчалъ Крыжановскій,—это все министерство иностранныхъ дѣлъ надѣлало; я уже говорилъ объ этомъ съ военнымъ министромъ, въ моихъ глазахъ это замѣчаніе не имѣетъ

никакого значенія, и увѣряю васъ, что вы ничего не потеряете отъ этого.

Вечеромъ того же дня онъ пригласилъ меня на свою дачу въ рощу, гдѣ мы съ нимъ вдвоемъ пили чай и протолковали весь вечеръ о дѣлахъ края, при чемъ онъ охотно соглашался со всѣми моими предположеніями по степи, не обижаясь нисколько рѣзкостью моихъ возраженій по поводу нѣкоторыхъ его мыслей.

Крыжановскаго я зналъ еще въ чинѣ полковника въ Бухарестѣ, куда онъ былъ назначенъ зимою 1853 года изъ штабъ-офицеровъ по искусственной части Кіевскаго арсенала начальникомъ штаба артиллеріи 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. Онъ былъ человѣкъ солидно-образованный, способный и весьма добрый.

Съ перемѣной генералъ-губернатора послѣдовала и перемѣна главныхъ административныхъ лицъ въ Оренбургѣ. Такъ, оренбургскимъ атаманомъ и губернаторомъ вновь открытой Оренбургской губерніи былъ назначенъ молодой полковникъ Боборыкинъ, а начальникомъ областнаго киргизскаго управленія полковникъ Балюзекъ. Правителемъ же канцеляріи былъ выбранъ служившій прежде въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Холодковскій.

Вслѣдъ за пріѣздомъ генералъ-губернатора былъ открытъ въ Оренбургѣ округъ, и я былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба. Первое время отношенія Крыжановскаго къ военному министру были весьма дружественныя: онъ естественно долженъ былъ заискивать его расположенія, чтобы утвердиться на мѣстѣ, въ свою очередь военный министръ считалъ необходимымъ сблизиться съ Крыжановскимъ для того, чтобы установить между нимъ и Черняевымъ дружественныя отношенія. Все дѣло поэтому было устроено еще въ бытность Крыжановскаго въ Петербургѣ. Вслѣдъ за Крыжановскимъ пріѣхалъ въ Оренбургъ полковникъ Романовскій и немедленно былъ посланъ въ Уральскъ исправлять должность атамана, до пріѣзда Веревкина, а потомъ Крыжановскій взялъ его съ собою для обозрѣнія Коканской линіи. Романовскаго я зналъ еще въ академіи и помню его штабсъ-капитаномъ егерскаго князя Чернышева полка. Онъ сначала служилъ въ инженерахъ, а потомъ, не знаю почему, перешелъ въ пѣхоту. По выходѣ изъ академіи генеральнаго штаба и будучи въ образцовомъ полку, Романовскій поссорился съ товарищемъ своимъ по академіи и далъ ему пощечину, за что̀ былъ разжалованъ въ рядовые. Съ открытіемъ Крымской кампаніи, онъ опредѣлился въ войска Кавказскаго корпуса и попалъ въ милость къ князю Барятинскому. Для Барятинскаго было хорошо пользоваться наставленіями простаго рядоваго или офицера младшихъ чиновъ (Романовскому вскорѣ были возвращены чины), ибо никто не могъ заподозрить, чтобы всемогущій намѣстникъ могъ жить

умомъ такого маленькаго смертнаго, какъ Романовскій. Съ назначеніемъ редакторомъ «Русскаго Инвалида» Романовскій покинулъ Оренбургъ, но не на долго.

Не прошло и мѣсяца по пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора, какъ между нимъ и Черняевымъ вышли уже недоразумѣнія. Черняевъ хотѣлъ дѣйствовать независимо: штурмовалъ Ташкентъ, наложилъ арестъ на бухарскихъ купцовъ и просилъ Крыжановскаго секвестровать ихъ товары на Оренбургской линіи. Крыжановскій не зналъ, что дѣлать въ первую минуту. Я помню, въ полночь прискакалъ ко мнѣ на дачу казакъ съ убѣдительною запискою пріѣхать къ генералъ-губернатору немедленно; записка была помѣчена 10-ю часами вечера. Не имѣя на дачѣ лошадей и живя за 8 верстъ, я отправился только въ 7 часовъ утра, но до моего пріѣзда Крыжановскій уже рѣшилъ арестовать бухарскіе товары и донесъ министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ, что вынужденъ это сдѣлать по настоянію Черняева. Сѣмя раздора между нимъ и Черняевымъ уже было брошено.

Черняеву нужны были на экспедицію и другіе расходы немалыя деньги и подарки, а деньги ему такъ же, какъ и подарки, высылали микроскопическими долями. Шла длинная переписка объ ассигновкѣ суммъ по новымъ контрольнымъ правиламъ, а событія не ждали. Черняевъ кругомъ задолжалъ, забралъ изъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ вопреки контролю всѣ свободныя суммы, у подчиненныхъ часы и другія золотыя вещи на подарки азіятцамъ, безъ чего не мыслимо было управлять этимъ народомъ. Телеграфа тогда до Сыра не было, а между тѣмъ бухарскій эмиръ задержалъ отправленное къ нему посольство Татаринова и открылъ военныя дѣйствія. Черняевъ не падалъ духомъ. Безъ денегъ, безъ провіанта и подарковъ, съ тремя слабыми баталіонами, онъ держалъ край въ повиновеніи, воевалъ съ Бухарой и, окруженный молодежью, не думалъ о завтрашнемъ днѣ и не исполнялъ инструкцій, посылаемыхъ изъ Оренбурга. Тогда генералъ-губернаторъ обратился съ телеграммой прямо къ канцлеру князю Горчакову съ просьбою удалить Черняева, если только министръ не хочетъ новой и общей войны въ Средней Азіи. Телеграмма подѣйствовала, и черезъ два дня канцлеръ отвѣчалъ, что высочайше повелѣно отозвать Черняева, о чемъ черезъ день сообщилъ и военный министръ. Такъ кончилъ свою боевую дѣятельность на Сырѣ М. Г. Черняевъ, человѣкъ храбрый, безукоризненной честности, но въ то же время плохой администраторъ, начальникъ до мелочности самолюбивый и постоянно дѣйствовавшій подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Эту зиму я отдыхалъ, ибо должность моя помощника, какъ и всѣхъ вообще помощниковъ, не имѣла опредѣленнаго значенія, а какъ генералъ Левенгофъ былъ самъ охотникъ до работы, то на мою долю только

и выпадало отдыхать и читать, чѣмъ я пользовался. Съ пріѣздомъ семейства Крыжановскаго у насъ оживились клубные вечера; жена его приняла на себя предсѣдательство въ благотворительномъ обществѣ и по этому случаю старалась сгруппировать около себя нашихъ женъ, а съ ними получали и мужья приглашеніе на вечера и обѣды къ генералъ-губернатору.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда разыгралась исторія съ Черняевымъ, пріѣхалъ въ Оренбургъ бухарскій посланникъ съ жалобой на Черняева государю, и Крыжановскій поручилъ мнѣ встрѣтить посланника и привести къ нему въ домъ, гдѣ въ то время были собраны для вящаго парада чины всѣхъ управленій въ мундирахъ. Я исполнилъ это порученіе.

Вечеромъ въ тотъ же день я преспокойно сидѣлъ въ кругу своей семьи, когда получилъ отъ генерала Левенгофа записку прибыть на другой день по дѣламъ службы въ 9 часовъ утра къ корпусному командиру, а такъ какъ эти записки получались часто, то я и не придалъ ей особаго значенія.

Ѣду въ 9 часовъ утра и застаю у командующаго войсками Левенгофа. Крыжановскій встрѣтилъ меня очень любезно и, взявъ со стола телеграмму, сказалъ:

— Телеграмма канцлера, Черняевъ смѣненъ. Любезный Николай Гаврилычъ! вотъ мы съ начальникомъ штаба перебрали всѣхъ служащихъ въ краѣ и кромѣ васъ не нашли никого, кто бы могъ въ настоящее время замѣнить въ Азіи Черняева. Я знаю вашъ рѣшительный характеръ, васъ никто не проведетъ тамъ, вы отлично знаете страну— прошу васъ принять мѣсто Черняева.

Признаюсь, такое предложеніе меня озадачило. Съ слабымъ моимъ здоровьемъ, съ огромной семьей на рукахъ, ѣхать суровой зимой по голой степи за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ, гдѣ не было ни войскъ, ни денегъ, ни сообщеній, ни опытныхъ администраторовъ, шла война и ежеминутно грозило общее возстаніе мусульманъ,—было большимъ рискомъ. Все это я тутъ же высказалъ Крыжановскому, но онъ возразилъ:

— Было бы съ вашей стороны желаніе, остальное все устроится: семью вашу оставьте до весны здѣсь, и я берусь самъ ее покоить. Недостатокъ войскъ вы замѣните вашей энергіей и рѣшимостью, денегъ, сколько у меня найдется свободныхъ, я вамъ дамъ, затѣмъ распоряжайтесь тамъ, какъ хотите. Еще разъ прошу васъ помочь мнѣ.

Я поблагодарилъ за довѣріе и, повторивъ, что я не искалъ этого мѣста, принялъ предложеніе. При мнѣ же была составлена телеграмма къ военному министру въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, въ которой испрашивалось о моемъ назначеніи съ производствомъ въ

генералъ-маіоры по манифесту, несмотря на то, что я не болѣе полугода былъ полковникомъ. На другой день я обѣдалъ у Крыжановскаго, когда онъ получилъ шифрованную телеграмму, съ которой и ушелъ въ кабинетъ; черезъ нѣсколько минутъ позвали туда и меня. Телеграмма была отъ военнаго министра, и въ ней значилось, что, такъ какъ я очень молодъ по службѣ, то военный министръ предлагаетъ выбрать на Сыръ генераловъ Батезатула, Богуславскаго, Веревкина и еще кого-то. Крыжановскій отвѣчалъ, что Веревкинъ необходимъ въ Уральскѣ, Богуславскій страдаетъ ипохондріей, а остальныхъ онъ не знаетъ и только за меня принимаетъ полную отвѣтственность и вновь проситъ о моемъ назначеніи. Прошло еще два дня въ ожиданіи, когда получилась новая телеграмма отъ министра, что онъ остановился въ своемъ выборѣ на генералѣ Веревкинѣ. Дѣлать было нечего, и Крыжановскому пришлось согласиться. Признаюсь откровенно, я душевно порадовался, что чаша эта миновала меня. Какъ ни лестно было въ мои годы и въ моемъ чинѣ получить такую команду, но дальняя поѣздка въ суровую зиму при моемъ здоровьѣ, хаосъ, царствовавшій на Сырѣ, и отсутствіе всякихъ связей въ Петербургѣ, безъ чего немыслимо смѣло распоряжаться въ степи, всего этого достаточно было, чтобы охолодить и тотъ минутный порывъ военнаго честолюбія, который появился у меня при первомъ предложеніи Крыжановскаго.

Немедленно послѣ телеграммы министра, былъ вызванъ въ Оренбургъ Веревкинъ, и начались распоряженія по его отъѣзду. Веревкинъ собирался тоже съ величайшей неохотой и предлагалъ мнѣ хлопотать о занятіи его мѣста, говоря, что мнѣ будетъ очень хорошо въ Уральскѣ, но я былъ доволенъ и настоящимъ положеніемъ. Сборы Веревкина приходили уже къ концу; онъ пригласилъ многихъ лицъ ѣхать съ собою, были отданы по поѣздкѣ его разныя приказанія, когда пришла новая телеграмма отъ военнаго министра, въ которой говорилось, что высочайше повелѣно впредь до особаго распоряженія командировать временно, для командованія войсками на Сырѣ, генерала Романовскаго, который выѣзжаетъ изъ Петербурга такого-то числа. Покорился и этому рѣшенію Крыжановскій. Веревкина тотчасъ отправили въ Уральскъ, и начали приготовлять все для Романовскаго, который не заставилъ себя ждать.

Командующій войсками поручилъ ему составить для себя инструкцію, разспрашивалъ о планѣ его дѣйствій, на что́ Романовскій отвѣчалъ очень сбивчиво, видимо утаивая принятыя въ Петербургѣ рѣшенія, и затѣмъ вскорѣ отправилъ его на Сыръ. Романовскій выпросилъ у меня и взялъ съ собою старшаго моего писаря Ефремова, человѣка разумнаго, отлично знавшаго степь и, сдѣлавъ правой своей рукой, при помощи его сталъ править страной.

Въ эту зиму я сталъ хлопотать о прiисканiи дѣтямъ гувернантки. Оренбургъ тогда былъ переполненъ сосланными польками, и по рекомендацiи одного офицера я пригласилъ очень образованную молодую литвянку по фамилiи Мисевичъ, воспитанницу Виленскаго института, одна сестра которой давно уже жила въ гувернанткахъ у начальника штаба Оренбургскаго казачьяго войска Зенгбуша, а другая у чиновника особыхъ порученiй генералъ-губернатора Левицкаго. Выбирать было не изъ чего, выписать же тогда гувернантку изъ столицы стоило огромныхъ издержекъ, а потому мы съ женой очень обрадовались такому случаю. Надо сказать, что собственно сосланы были въ Оренбургъ мать Мисевичъ и младшая дочь, жившая у Левицкаго, старшiя же двѣ сестры, хоть и были арестованы, но, по неимѣнiю уликъ, были по собственному желанiю отправлены въ Оренбургъ, для совмѣстной жизни съ матерью. Когда г-жа Мисевичъ поступила къ намъ, ей было только 17 лѣтъ, но она отличалась замѣчательно красивою наружностью. Ихъ подвергли въ Оренбургѣ самому страшному надзору: квартальный надзиратель постоянно обходилъ ихъ, читалъ письма и присутствовалъ при самыхъ интимныхъ разговорахъ; имъ запрещено было ходить въ концерты, клубы и театры и гулять въ общественной рощѣ.

XVIII.

Поѣздка въ Петербургъ съ Крыжановскимъ. Походъ противъ Бухары. Отъѣздъ въ Петербургъ генералъ-губернатора и Романовскаго.

Съ прiѣздомъ Романовскаго на Сыръ, Черняевъ первое время оставался еще тамъ, но, видя, что Романовскiй, несмотря на старое товарищество, держитъ себя въ сторонѣ и за совѣтами къ нему не обращается, рѣшился выѣхать изъ Ташкента, провожаемый самыми горячими напутствiями подчиненныхъ и туземцевъ, цѣнившихъ его честность и щедрость. Въ Оренбургѣ онъ пробылъ день и, побывавъ не надолго у Крыжановскаго, отправился въ Петербургъ.

Такъ кончилась дѣятельность Черняева въ степи. Безъ средствъ, безъ полномочiй и особаго плана онъ покорилъ обширную область и грозно поставилъ русское имя среди азiатскихъ хищниковъ. Заносчиво и дерзко бросался онъ на непрiятеля съ ничтожными силами, сорилъ, гдѣ могъ, деньгами, не давая никому отчета, и, пронесясь, какъ метеоръ, исчезъ съ Сыръ-Дарьи.

Между тѣмъ у Крыжановскаго вскорѣ пошла съ Романовскимъ та же исторiя, что̀ и съ Черняевымъ, т. е. мы писали и приказывали одно,

а Романовскій отписывался и дѣлалъ совсѣмъ другое, объясняя все измѣненіемъ обстоятельствъ и медленностью почты; кромѣ того, онъ не скрывалъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, донося генералъ-губернатору, онъ въ то же время пишетъ военному министру. Такой способъ дѣйствій не могъ считаться ненормальнымъ. Подошла Пасха, Левенгофъ тяжко заболѣлъ, просился въ заграничный отпускъ, и я, вступивъ въ исправленіе должности начальника штаба, сталъ ѣздить съ докладомъ. На Сырѣ готовились къ войнѣ съ Бухарой и до Крыжановскаго стали доходить слухи, что Романовскій составляетъ проектъ новаго управленія Сыръ-Дарьинскимъ краемъ и хлопочетъ въ Петербургѣ о совершенномъ его отдѣленіи отъ Оренбурга.

Разъ въ концѣ апрѣля я поѣхалъ съ женой прокатиться по городу; выѣхавъ на главную улицу, мы какъ разъ столкнулись съ командующимъ войсками, прогуливавшимся съ правителемъ канцеляріи Холодковскимъ. Крыжановскій тотчасъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Я рѣшился съѣздить въ Петербургъ, чтобы разъяснить дѣло, и беру васъ съ собой; черезъ три дня мы ѣдемъ, сдѣлайте всѣ распоряженія.

Сборы были не долги. 1-го мая мы уже плыли въ лодченкѣ черезъ разливы Сакмары по дорогѣ въ Питеръ и, добравшись кое-какъ въ самую распутицу до Самары, немедленно сѣли на пароходъ. Крыжановскій остался на день у сестры въ Москвѣ, а я проѣхалъ прямо въ Петербургъ, гдѣ и остановился въ гостинницѣ Шухардина [1]) на Литейной.

Дня четыре я былъ занятъ по приказанію Крыжановскаго довольно сложнымъ составленіемъ плана похода на Бухару и, окончивъ эту работу, понесъ къ нему. Мы заперлись въ кабинетѣ, и онъ вдругъ сказалъ:

— Мнѣ здѣсь говорили, что вы постоянно ведете переписку съ Полторацкимъ и что вы критикуете всѣ мои дѣйствія и недовольны мною. Правда ли?

— Вы знаете мой характеръ: ни любви, ни вражды я никогда не скрываю и, если бы видѣлъ въ вашихъ дѣйствіяхъ что-либо особенно дурное, то конечно прежде всего высказалъ бы это при докладѣ вамъ самимъ. Съ Полторацкимъ я переписываюсь, какъ съ старымъ товарищемъ по академіи, пишу ему только то, что извѣстно всѣмъ, и могу сейчасъ же принести вамъ всѣ мои письма—они у него цѣлы.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не надо—я вѣрю вамъ, любезный Николай Гавриловичъ; говорили...

— Сплетничать можно все, но надо доказать.

— Будетъ объ этомъ,—прервалъ меня Крыжановскій,—кстати воен-

---

[1]) Гдѣ теперь домъ г. Мурузи.

ный министръ недоволенъ Полторацкимъ и просилъ меня переговорить съ вами, не согласитесь ли вы принять его мѣсто въ главномъ штабѣ?

— Позвольте спросить,—отвѣчалъ я,—это личное ваше желаніе сбыть меня—тогда конечно я сейчасъ же уйду—или же дѣйствительно желаніе военнаго министра?

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не хочу съ вами разстаться, говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, что это желаніе министра, вы можете сами убѣдиться въ этомъ, поѣхавъ сейчасъ къ нему и сказавъ, зачѣмъ я васъ прислалъ.

— Если это такъ, то прошу васъ отложить мой отвѣтъ до возвращенія въ Оренбургъ, дабы я могъ посовѣтоваться прежде съ женою.

Черезъ нѣсколько дней былъ рѣшенъ походъ самого Крыжановскаго противъ Бухары, и ему были асcигнованы большія деньги на снаряженіе.

Проживъ недѣли три въ Петербургѣ, я заболѣлъ и какъ дѣла подходили къ концу, то онъ и отпустилъ меня въ Оренбургъ, куда я немедленно и выѣхалъ. Болѣзнь моя дорогой такъ усилилась, что я вынужденъ былъ вызвать навстрѣчу къ себѣ по телеграфу жену, которая въ сопутствіи добраго нашего офицера генеральнаго штаба Г. И. Иванова и встрѣтила меня по дорогѣ въ Самару. Кое-какъ я дотащился до Оренбурга и тутъ только началъ медленно поправляться.

Недѣли черезъ три послѣ моего пріѣзда возвратился изъ Петербурга и Крыжановскій. Снаряженіе въ степь шло на широкую ногу, денегъ было много, и при томъ онѣ были даны безъ отчета въ видѣ экстраординарной суммы. Въ это время я подалъ Крыжановскому записку, на какихъ условіяхъ я могу принять должность начальника Азіятскаго отдѣленія главнаго штаба, именно просилъ увеличенія содержанія и подчиненія отдѣленія прямо начальнику главнаго штаба или военному министру. Командующій войсками обѣщалъ сообщить условія военному министру въ своемъ письмѣ, и на этомъ все дѣло кончилось. Вскорѣ Крыжановскій объявилъ, что беретъ меня съ собой для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; поѣздка эта какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ служебномъ представляла для меня огромныя выгоды, ибо впослѣдствіи всѣ участвовавшіе въ экспедиціи получили чины, ордена и въ томъ числѣ много георгіевскихъ крестовъ. Не давъ рѣшительнаго отвѣта и едва оправясь отъ болѣзни, я обратился прежде всего за совѣтомъ къ пользовавшему меня и Крыжановскаго доктору Лотину, но онъ и слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ, доказывая, что я и половины дороги не сдѣлаю, особенно въ степи, гдѣ нѣтъ никакихъ удобствъ и даже станцій. Тогда я попросилъ Лотина заявить его мнѣніе Крыжановскому, дабы послѣдній ни на минуту не подумалъ, что я лично самъ могъ бы когда-нибудь отказаться отъ военныхъ дѣйствій, такъ страстно и всегда мною любимыхъ. Лотинъ исполнилъ

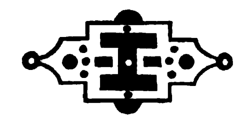
мою просьбу, а Крыжановскій съ величайшимъ сожалѣніемъ отказался отъ моей командировки.

Не прошло и мѣсяца, какъ были взяты Крыжановскимъ Джизакъ и Ура-Тюпе. Въ бытность еще нашу въ Петербургѣ Романовскій разбилъ войска бухарскаго эмира, потерявъ не больше, кажется, 8 человѣкъ, за что̀ однако же получилъ Георгія 3-й степени и былъ утвержденъ военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, а затѣмъ взялъ Ходжентъ.

Въ началѣ ноября командующій войсками возвратился въ Оренбургъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Романовскій съ выборными жителями отъ Ташкента, ѣхавшими благодарить государя за принятіе ихъ въ подданство Россіи. Романовскій привезъ съ собою проектъ управленія областью, основанный на номинальномъ, такъ сказать, подчиненіи Ташкента Оренбургу и проводившій введеніе гражданскаго устройства въ покоренномъ краѣ на манеръ Кавказскаго. Отношенія Крыжановскаго къ Романовскому были холодно-вѣжливыми, и командующій войсками, проводивъ Романовскаго въ Петербургъ, счелъ необходимымъ для защиты своихъ интересовъ лично отправиться туда же съ своимъ правителемъ канцеляріи.

Сообщ. **Н. Н. Длусская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ исторіи польскаго возстанія 1863 года.

I.

Минуло 40 лѣтъ, какъ Сѣверо-Западный край пережилъ первые тяжелые моменты польскаго возстанія, тѣ ужасы отъ начавшихся тайныхъ и открытыхъ убійствъ, дерзкихъ угрозъ, оскорбленій, нравственныхъ страданій и опасеній за цѣлость края и честь Россіи. Когда это читаешь въ мемуарахъ современниковъ или въ архивныхъ документахъ, то невольно сравниваешь положеніе западно-русскаго населенія въ началѣ 1863 года съ населеніемъ, живущимъ при подошвѣ дѣйствующаго вулкана. Подземный гулъ, сотрясенія почвы, черные клубы дыма надъ кратеромъ,—все, повидимому, говоритъ за близость изверженія, но окрестное населеніе продолжаетъ свои работы, медлитъ искать спасенія, надѣясь, что гроза пронесется мимо... Только этой общечеловѣческой склонностью надѣяться на лучшій исходъ, а также русскимъ «авось и небось» можно объяснить, почему возстаніе застало русскихъ совершенно неподготовленными къ нему. Въ архивныхъ дѣлахъ первыя оффиціальныя извѣщенія о появленіи вооруженныхъ шаекъ встрѣчаются еще въ октябрѣ 1862 года, затѣмъ слѣдуютъ секретныя донесенія о транспортахъ оружія, переправленныхъ черезъ Мемель, Либаву, о конскихъ уздечкахъ вмѣстѣ съ суконными товарами, о ружьяхъ, найденныхъ въ гробахъ, и т. п. [1]). Всю зиму по деревнямъ помѣщики усиленно и въ большомъ количествѣ шили теплую одежду, чамарки, сапоги, коптили мясо, сушили сухари, лили пули, добывали чрезъ своихъ постоянныхъ коммиссіонеровъ-евреевъ порохъ и т. п. Обо всемъ этомъ доносилось начальству устно крестьянами (главнымъ обра-

---

¹) Архивъ вил. ген.-губерн. 1862, №№ 162—164, 247, 948 и др.

зомъ раскольниками). Нѣкоторые благоразумные поляки пишутъ изъ Москвы, называя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ главарей движенія, желая этимъ подорвать его въ началѣ. Несмотря на все это и на частыя костельныя и уличныя демонстраціи, все же не было предпринято никакихъ мѣръ предупрежденія, даже не усилены гарнизоны въ пограничныхъ мѣстечкахъ, городахъ и крѣпостяхъ, благодаря чему, впослѣдствіи такія крѣпости, какъ Двинскъ и Брестъ, едва не очутились въ рукахъ повстанцевъ.

Въ началѣ 1863 года изъ Царства Польскаго прорываются въ пограничные уѣзды Гродненской губерніи мелкія вооруженныя банды и врасплохъ нападаютъ на малочисленныя воинскія команды. 16-го января въ мѣстечкѣ Руднѣ (Бѣльскаго уѣзда), повстанцы захватили казаковъ въ банѣ, 5 человѣкъ были убиты, нѣкоторые плѣнены, и только немногіе изъ 32 человѣкъ спаслись, между ними и командиръ, доносившій послѣ, что всего казацкаго имущества и вооруженія мятежниками захвачено на 7.805 руб. [1]). Подобныя внезапныя и ночныя нападенія, отсутствіе воинской помощи, которой тщетно просятъ жители селъ и мѣстечекъ, распространяютъ всюду панику, авторитетъ повстанцевъ растетъ и дѣлаетъ ихъ хозяевами положенія. Чиновники (особенно по акцизу и крестьянскому управленію) почти поголовно присоединяются къ шайкамъ, имѣнія и мызы быстро пустѣютъ, владѣльцы ихъ исчезаютъ подъ различными предлогами (большею частью лѣчиться за границу). 22-го января формально и добровольно сдается городъ Дрогичинъ и принимаетъ ржондовое управленіе. Еще ранѣе этого занятъ повстанцами городъ Суражъ, захвачена команда изъ 9 солдатъ, ружья и проч. То же грозитъ и городу Бѣльску, гдѣ было только двѣ роты, тогда какъ смѣло бродившія вокругъ города банды были гораздо многочисленнѣе.

Нападая на воинскія команды, грабя волостныя правленія и почтовыя отдѣленія, обѣщаніями и угрозами вербуя крестьянъ, освобождая рекрутовъ, банды стремятся шире распространить мятежъ и скорѣе добраться до Бѣловѣжской пущи. Успѣхи русскаго оружія останавливаютъ это движеніе и на время значительно сокращаютъ размѣры возстанія. Но оно продолжаетъ распространяться; горящіе элементы края, погасая въ одномъ мѣстѣ, вспыхиваютъ въ другомъ, и ко времени пріѣзда въ Вильну М. Н. Муравьева этотъ городъ представлялъ собою центральный пороховой погребъ, къ которому со всѣхъ сторонъ подносили пылающіе факелы.

Теперь, когда эти событія далеко отъ современнаго историка, нерѣдко можно читать презрительный отзывъ о всемъ польскомъ револю-

---

[1]) Муравьевскій музей. Дѣла Бѣльской уѣздной полиціи 1863 г.

ціонномъ движеніи 1863 г., что оно не имѣло широкаго распространенія, не имѣло почвы, почему, и безъ принятыхъ впослѣдствіи М. Н. Муравьевымъ чрезвычайныхъ мѣръ, само собою должно было погаснуть, какъ лампада, въ которой догоритъ все масло.

Мы просмотрѣли сотни архивныхъ документовъ этого времени (въ томъ числѣ политическаго отдѣленія и полеваго аудиторіата) и получили другое впечатлѣніе. Помня слова Наполеона, что возстаніе должно обозначить границы будущей Польши, польскіе дѣятели старались распространить его какъ можно шире. Судя по списку конфискованныхъ имѣній, слѣдственнымъ и суднымъ дѣламъ, производившимся со всею формальностью, районъ мятежа охватывалъ почти весь край, захватывалъ даже часть Курляндіи, гдѣ на нейтральной почвѣ были склады оружія и подготовлялось возстаніе на весну 1864 года. Затѣмъ обдуманная организація и самый способъ веденія возстанія могли значительно затянуть его, а при политическихъ осложненіяхъ и вовсе обратить въ нѣчто грозное. Недавняя англо-бурская война показала, какъ долго можетъ тянуться партизанская война, если она находитъ сочувствіе и поддержку въ населеніи страны.

По поводу мятежа 1863 года существуетъ убѣжденіе, что сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края съ самаго начала движенія было всецѣло на сторонѣ законнаго русскаго правительства. Это можно сказать только про бѣлорусскія губерніи, съ преобладающимъ русскимъ, православнымъ населеніемъ, и то далеко не всецѣло проявившимъ свою преданность. Что же касается населенія остальныхъ губерній съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ, находившимся подъ вліяніемъ римско-католическаго духовенства, то тамъ преданность правительству начинаетъ проявляться лишь въ маѣ, іюнѣ и далѣе, а первоначально мы видимъ или нейтралитетъ, или прямо измѣну, особенно въ Ковенской губерніи, всецѣло охваченной пожаромъ возстанія. Вѣрно, что народъ ненавидѣлъ своихъ угнетателей-пановъ, бывшихъ руководителями мятежа, но онъ собственно не видѣлъ еще благодѣяній и отъ русскаго правительства, недостаточно зналъ его, такъ какъ власти, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, были тѣ же поляки... Благодаря этому, освободительный манифестъ 1861 г., при проведеніи его въ жизнь польскими чиновниками, не только не принесъ ожидаемыхъ благъ и не избавилъ крестьянъ отъ экономической и нравственной зависимости, но по мѣстамъ ихъ положеніе ухудшилось настолько, что мы встрѣчаемъ въ 1862 г. поданныя крестьянами на высочайшее имя прошенія о возвращеніи ихъ снова въ крѣпостную зависимость [1]). Мировые посредники въ первые два года свободы успѣли вбить въ головы крестьянъ, что

---

[1]) Арх. вил. ген.-губ. 1861 г., №№ 102, 108 и др.

ухудшеніемъ своего положенія они обязаны русскому правительству. Крестьяне ждали «новой воли», и ихъ ожиданія достигли своего апогея къ 19-му февраля 1863 г., когда въ очень многихъ мѣстахъ крестьяне, узнавъ, что ничего не будетъ объявлено новаго, отказались идти въ церкви, а по мѣстамъ произвели возмутительныя кощунства и святотатства [1]). Въ концѣ февраля крестьянскія волненія увеличились, и возросло число мятежныхъ бандъ. Судя по донесеніямъ уѣздныхъ начальниковъ, въ воздухѣ носился призракъ общаго крестьянскаго бунта. Тогда правительство для успокоенія населенія 1-го марта издало указъ, которымъ окончательно прекращались «всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ временно обязанными крестьянами». Эта мѣра несомнѣнно имѣла благотворное вліяніе, успокоивъ на время народъ и парализовавъ агитаціонныя дѣйствія польской партіи. Но до полнаго успокоенія было еще далеко.

Выкупная операція была въ зачаточномъ положеніи, дѣйствія провѣрочныхъ коммиссій были очень медленны, такъ что вполнѣ освобожденный народъ опять не видалъ собственно всѣхъ благъ реформы, не переставалъ ихъ ждать и волноваться отъ многообѣщавшихъ золотыхъ грамотъ подпольнаго ржонда. Къ тому же среди крестьянъ, благодаря дѣятельности пановъ и прежней администраціи, было много обезземеленныхъ, представлявшихъ собою горючіе матеріалы, готовые воспламениться при первомъ прикосновеніи, что̀ и доказало начало мятежа, когда въ банды шли преимущественно батраки и кутники, имѣвшіе дурное вліяніе на односельцевъ-хозяевъ. Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ становился исключительно политическимъ. Онъ создавалъ такое критическое положеніе дѣлъ, что, при вступленіи въ управленіе краемъ, М. Н. Муравьевъ въ одномъ изъ первыхъ донесеній писалъ: «надо спѣшить успокоить народъ, привлечь его къ правительству, въ немъ наша опора въ этомъ краѣ». Съ этимъ соглашался дѣйствовавшій въ Петербургѣ западный комитетъ, который во главѣ всѣхъ мѣръ къ умиротворенію Сѣверо-Западнаго края ставилъ поземельное и общественное устройство тамъ крестьянъ. И вотъ на крестьянъ, какъ изъ рога изобилія, изливается масса льготъ и привилегій; въ число ихъ входили даже такія, съ которыми не мирился и самъ начальникъ края (напримѣръ, сервитуты). Опасенія общаго крестьянскаго мятежа послѣ полевыхъ работъ были сильны у виленской администраціи даже въ августѣ 1863 г., и они имѣли свои основанія въ предупрежденіяхъ, присланныхъ изъ Польши и отъ мѣстныхъ властей.

Что касается остальныхъ элементовъ западнаго русскаго населенія то они также не представляли надежной гарантіи къ скорому пода

---

[1]) Дѣло политическаго отд. канцеляріи вил. ген.-губ. 1863 г., № 49.

вленію мятежа. Чиновничество, за небольшимъ исключеніемъ, было польское, или ополяченное и потому служившее интересамъ возстанія, что̀ должно сказать также и о полиціи. Виленскій брантмейстеръ и одинъ частный приставъ были начальниками виленской команды жандармовъ-вѣшателей [1]). Православное духовенство, хотя и было предано русскому правительству, но было малочисленно и, напуганное нѣсколькими случаями повѣшенія духовныхъ лицъ повстанцами, не проявило особеннаго своего вліянія на народъ въ смыслѣ отклоненія его отъ мятежныхъ дѣйствій.

Каково было городское населеніе и какъ въ немъ, равно и въ городскихъ властяхъ, мало было вѣры и надежды на русскую власть въ краѣ, это показываетъ характерный эпизодъ изъ возстанія 1863 г., случившійся въ заштатномъ городѣ Дрогичинѣ.

II.

Дрогичинъ—одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ поселковъ на Литвѣ. Много вѣковъ и политическихъ бурь пронеслось надъ нимъ, много претерпѣлъ онъ невзгодъ, пожаровъ и разореній отъ литовцевъ, а впослѣдствіи отъ поляковъ и шведовъ. Становясь извѣстнымъ по лѣтописямъ въ XII в., какъ незначительный удѣлъ одного изъ потомковъ св. Владиміра, городъ Дрогичинъ въ XVI в., когда перешелъ въ польское владѣніе, по своей величинѣ и благосостоянію занималъ четвертое мѣсто между городами Литовской Руси, уступая первенство Вильнѣ, Гроднѣ и Бресту. Въ семью русскихъ городовъ онъ возвратился въ 1808 г. незначительнымъ уѣзднымъ городомъ, какимъ оставался до 1842 г., когда былъ сдѣланъ заштатнымъ. Ко времени описываемыхъ событій Дрогичинъ имѣлъ до 970 жителей, изъ которыхъ 260 были православные (въ числѣ послѣднихъ къ духовному сословію принадлежало 26 душъ). Въ городѣ были 2 православныя церкви и 2 костела съ 4-мя священно-церковнослужителями [3]). Рѣкою Западнымъ Бугомъ Дрогичинъ раздѣлялся на двѣ стороны: русскую (Сѣдлецкой губ.) и ляцкую (Гродненской губ.). Въ первой мятежныя банды хозяйничали еще до 15-го января 1863 г., но вскорѣ эта участь постигла и правую сторону Дрогичина. Занятіе Дрогичина мятежниками и формальная сдача его въ архивныхъ документахъ описывается такъ [2]): 20-го января въ 12 часовъ утра, въ

---

[1]) Дѣло политическаго отд. канцеляріи вил. ген.-губ. 1864 г., № 2102.

[2]) Бобровскій. Матеріалы. Гродненск. губ. Прибавл., 68 стр., изд. 1863 г.

[3]) Арх. полит. отд. канц. вил. ген.-губ. 1864 г.. дѣло № 2102.

г. Дрогичинъ прибыла шайка польскихъ мятежниковъ, вооруженныхъ саблями, пиками, револьверами и ружьями, которая привела всѣхъ жителей въ ужасный испугъ и трепетъ. Пробывши въ городѣ нѣсколько часовъ, она насильно завербовала нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ Дрогичина, отправя ихъ въ штабъ мятежниковъ въ м. Семятичи. На другой день, 21-го числа, ѣхалъ въ г. Дрогичинъ на почтовыхъ лошадяхъ съ почталіономъ и ямщикомъ курьеръ изъ Гродно, везшій депешу на имя командира Ревельскаго полка, квартирующаго въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ г. Дрогичинѣ, и по ошибкѣ направилъ въ Дрогичинъ, Бѣльскаго уѣзда, гдѣ по дорогѣ пикетными мятежниками былъ остановленъ, депеша отобрана, а курьеръ съ почталіономъ и ямщикомъ отпущены. 22-го января, въ 7 часовъ утра, тоже вооруженная польская шайка, прибывъ въ г. Дрогичинъ, — запечатала присутственныя мѣста, съ приложеніемъ печати народнаго польскаго комитета, и расположилась на базарѣ среди города. Затѣмъ мятежники ударили въ колокола, велѣли собраться народу, привели настоятеля приходскаго костела, сѣдаго старца, стоящаго на краю гроба ксендза Броневича, для выслушанія манифеста польскаго народнаго комитета, прочтеннаго народу офицеромъ польскихъ мятежниковъ. Послѣ чего Броневичъ, по настоянію вооруженныхъ мятежниковъ, принужденъ былъ промолвить въ краткихъ словахъ о доставленіи мятежникамъ прислуги, квартиръ, подводъ и съѣстныхъ припасовъ.

По закрытіи мятежниками присутственныхъ мѣстъ, а равно по устраненіи отъ должности городничаго,—въ городѣ начались безпорядки и безчинства: мятежники грабили имущество и дѣлали разныя угрозы мѣстнымъ жителямъ, въ томъ числѣ чиновникамъ и священникамъ, благодаря чему весь городъ былъ въ трепетѣ и страхѣ. Въ такомъ положеніи смѣненный мятежниками городничій пригласилъ къ себѣ всѣхъ чиновниковъ, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и отставныхъ, а равно православныхъ священниковъ для общаго совѣщанія, на которомъ придумали составить за общимъ подписаніемъ актъ, уполномочивавшій архиваріуса Залевскаго вступить въ должность управителя города [1]). Начальникъ польскаго военнаго отряда, которому былъ сообщенъ этотъ актъ, отвѣчалъ:

---

[1]) Актъ былъ слѣдующаго содержанія: „1863 года января 22-го дня. По закрытіи польскими мятежниками дрогичинскихъ присутственныхъ мѣстъ, а равно по устраненіи дрогичинскаго городничаго отъ должности, жители города были приведены въ ужасный испугъ, а въ особенности жена городничаго, которая, увидѣвъ команду вооруженныхъ польскихъ мятежниковъ, упала безъ чувствъ на землю и находится въ опасномъ состояніи здоровья. При томъ шатающіеся по городу многіе изъ разныхъ мѣстъ царства Польскаго люди могутъ во время ночи допуститься неожиданнымъ злоупотребленіямъ,

«На основаніи предписанія центральнаго польскаго комитета правительство польское введено уже въ городѣ Дрогичинѣ и въ прилегающихъ къ нему окрестностяхъ, и затѣмъ чиновникъ гражданскаго вѣ-

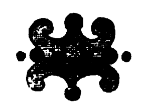
какъ-то: убійству, поджогу и грабежамъ. Посему городничій, маіоръ Портицкій, принимая въ уваженіе во 1-хъ, что шайка поляковъ, собравшихся въ значительномъ количествѣ въ мѣстечкѣ Семятичи, отъ нѣсколькихъ уже дней распространила силу самостоятельной власти своей почти по цѣломъ бывшемъ Дрогичинскомъ уѣздѣ, не исключая и города Дрогичина, во 2-хъ, что 20-го числа сего мѣсяца прибывшая польская команда въ городъ Дрогичинъ насильно забрала многихъ чиновниковъ и мѣстныхъ молодыхъ людей, не исключая и учениковъ и, наконецъ, отняла у городничаго саблю, въ 3-хъ, что по неимѣнію въ г. Дрогичинѣ, ни даже по близости онаго, никакой воинской команды, а мѣстные жители, составляющіе малое количество, не въ состояніи составить въ настоящемъ случаѣ сопротивленія,—необходимымъ призналъ для положительнаго разрѣшенія настоящаго обстоятельства, въ столь смутныхъ случаяхъ пригласить къ общему совѣщанію ратмана полиціи, городскаго голову и бургомистра магистрата, а также благочиннаго протоіерея Барановскаго, настоятеля Св. Николаевской православной церкви священника Бурса и прочихъ безъ исключенія чиновниковъ, и по тщательному общему разсужденію столь важнаго обстоятельства, грозящаго всякому сопротивляющемуся безъ соотвѣтственной силы и защиты гибельнымъ послѣдствіемъ, признали: вводимому новому управленію, до особаго распоряженія высшаго начальства, нѣтъ возможности сопротивляться, и для блага и спокойствія города упросить архиваріуса дрогичинскихъ актовыхъ книгъ, губернскаго секретаря Залевскаго, какъ добросовѣстнаго, благонадежнаго и разсудительнаго человѣка (каковыя качества въ подобныхъ смутахъ и неожиданныхъ случаяхъ есть важное условіе), дабы онъ принялъ на себя должность управителя города, впредь до дальнѣйшаго распоряженія начальства. Каковую копію акта выдать ему, Залевскому, а между тѣмъ другую копію онаго представить отъ имени городничаго г. начальнику губерніи съ донесеніемъ, что г. Залевскій возлагаемую на его обязанность принялъ не изъ собственнаго измѣненія правительству вѣрноподданничества, но единственно изъ принужденія непреодолимой силы, грозящей всѣмъ жителямъ города; наконецъ, дабы Залевскій для блага жителей г. Дрогичина обратился съ требованіемъ къ военному начальнику поляковъ въ м. Семятичи, прося о снабженіи письменнымъ видомъ его, Залевскаго, на управителя г. Дрогичина. На подлинномъ подписались: 1) дрогичинскій городничій маіоръ Портицкій, 2) дрогичинскій градской голова Козловскій, 3) старшій бургомистръ магистрата Адамъ Соловинскій, 4) ратманъ дрогичинской полиціи Боруцкій, 5) бургомистръ магистрата Антонъ Соловинскій, 6) благочинный протоіерей Петръ Барановскій 7) священникъ дрогичинской православной церкви Василій Бурса, 8) губернскій секретарь дворянскій депутатъ и письмоводитель дрогичинской градской полиціи Феликсъ Маевскій, 9) коллежскій ассесоръ Іосифъ Свентковскій, 10) коллежскій совѣтникъ Дмитрій Лупинскій, 11) коллежскій секретарь учитель Цишкѣвичъ, 12) надворный совѣтникъ и кавалеръ Андрей Осиповичъ Якубовичъ, 13) учитель Іосифъ Данкенъ, 14) надворный совѣтникъ, бывшій старшій учитель Урбанъ Грудзинскій, 15) смотритель дворянскаго училища Глушанинъ, 16) того жъ училища учитель Николай Сцибло, 17) отставной маіоръ Трифонъ Озеровскій, 18) смотритель дрогичинской почтовой станціи Бортко"

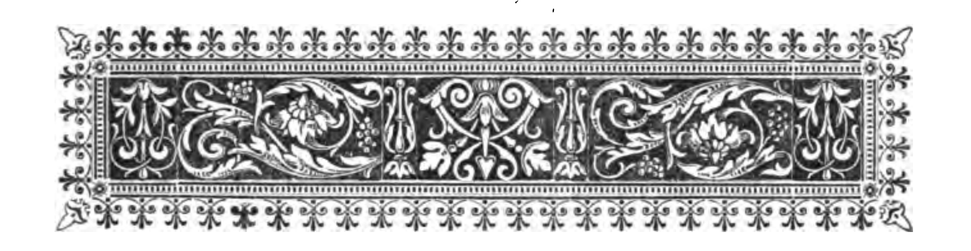
домства не замедлитъ прибыть въ городъ для управленія. Между тѣмъ, принимая въ соображеніе, что жители города Дрогичина, по закрытіи русскихъ присутственныхъ мѣстъ и удаленіи отъ должности городничаго, обратились ко мнѣ съ просьбою объ утвержденіи васъ (Залевскаго) начальникомъ города, гдѣ по ихъ завѣреніямъ возникли разные безпорядки со стороны прибывающихъ изъ Царства Польскаго разнаго званія людей, позволяющихъ себѣ грабить и безчинствовать, поэтому поручаю вамъ временное управленіе городомъ Дрогичинымъ и его приходомъ до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ чиновникъ, назначенный центральнымъ польскимъ комитетомъ. Возлагаю на васъ обязанности эти съ условіемъ, чтобы вы обезпечили права собственности и личности каждаго жителя и прекратили всякаго рода безчинства и безпорядки подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгой по военнымъ польскимъ законамъ отвѣтственности. Начальникъ военнаго отряда Рыльскій».

22-го января 1863 года, Семятичи.

Приведенный эпизодъ ясно характеризуетъ настроеніе западно-русскаго городскаго населенія, вѣками сжившагося со всѣмъ польскимъ и не воспитавшаго въ себѣ вѣры въ русское правительство и русскую силу. Стоило только появиться мятежной бандѣ, какъ русскіе служащіе всѣхъ вѣдомствъ ради личной безопасности отказываются отъ вѣрноподданнической присяги, подчиняются хотя временно революціонному правительству. При такомъ настроеніи населенія Сѣверо-Западнаго края требовались рѣшительныя мѣры къ прекращенію революціоннаго движенія, что̀ и сдѣлалъ М. Н. Муравьевъ. Большинство этихъ мѣръ были уже предписаны его предмѣстникомъ В. И. Назимовымъ, но онѣ не были приведены въ исполненіе. Главная заслуга М. Н. Муравьева по прекращенію мятежа и заключается въ томъ, что онъ силою своего характера и административнаго такта поднялъ авторитетъ русской правительственной власти и закона и тѣмъ возстановилъ довѣріе къ нему населенія, парализовалъ дѣятельность революціонной организаціи, которая поддерживала мятежныя банды.

А. Миловидовъ.





Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ

въ XV и XVI вѣкахъ[1]).

III [1]).

Порученіе, данное папою кіевскому митрополиту Исидору провести въ народное сознаніе Россіи принципы религіознаго единенія.—Возвращеніе посольства въ Россію.—Посланіе Исидора съ дороги.—Возвращеніе его въ Москву.—Встрѣча съ Василіемъ II.—Заточеніе митрополита въ Чудовъ монастырь.—Бѣгство Исидора въ Италію.

Для того, чтобы упрочить унію, провозглашенную на Флорентійскомъ соборѣ, надобно было провести въ народное сознаніе принципы религіознаго единенія, провозглашенные на этомъ соборѣ.

Въ Россіи эта трудная задача выпала, разумѣется, на долю митрополита кіевскаго Исидора. Возлагая на него эту миссію, которую ему предстояло выполнить въ странѣ отдаленной, съ которой сношенія были весьма затруднительны папа Евгеній IV далъ ему обширныя полномочія.

17-го августа 1439 г.[2]) Исидоръ былъ назначенъ папскимъ легатомъ въ Литву, Ливонію, Россію и польскія провинціи, входившія въ составъ кіевской митрополіи. Грамота, коей Исидору было присвоено это званіе, была написана въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ.

---

¹) См. „Русскую Старину" іюль 1903 г.

²) Всѣ числа приведены по новому стилю

Папа превозносилъ въ ней его добродѣтель, знанія и рвеніе къ служенію на пользу вѣры.

Исидоръ выѣхалъ изъ Флоренціи однимъ изъ послѣднихъ 23-го октября; его казначею, монаху Григорію, была вручена извѣстная сумма денегъ на путевые расходы до Венеціи и жалованье Исидору, какъ папскому легату, всего 654 флорина. Вмѣстѣ съ этимъ Исидоръ, одновременно съ Виссаріономъ, былъ причисленъ къ собору кардиналовъ (Sacrè collège)—повышеніе, ведущее къ кардинальскому достоинству.

Въ тотъ же день епископъ суздальскій и бояринъ Ѳома съ ихъ спутниками получили изъ папской казны 237 флориновъ; это даетъ поводъ думать, что они составляли дѣйствительно самостоятельное посольство, какъ утверждаютъ нѣкоторые, говоря, что бояринъ Ѳома былъ посломъ князя тверскаго.

Въ Венеціи Исидоръ пробылъ довольно долго, такъ какъ онъ не зналъ, какимъ путемъ ѣхать далѣе. Путешествіе по Германіи было сопряжено съ нѣкоторою опасностью. Какъ видно изъ одного письма Евгенія IV къ императору Іоанну Палеологу, Исидоръ думалъ одно время ѣхать даже черезъ Константинополь, но этотъ планъ былъ оставленъ, и онъ отправился 22-го декабря моремъ.

Пребываніе русскихъ въ Венеціи ознаменовалось любопытными эпизодами. Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, Исидоръ совершалъ богослуженіе по греческому обряду, но въ католическихъ церквахъ, и требовалъ того же отъ своихъ спутниковъ, а въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, прибѣгалъ къ карательнымъ мѣрамъ. Объ этомъ повѣствуетъ попъ Симеонъ, который одинъ изъ первыхъ испыталъ на себѣ строгость митрополита Исидора. Это такъ взволновало его, что 9-го декабря онъ рѣшилъ даже бѣжать вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳомою, чтобы какъ можно скорѣе вернуться на родину. Отыскать дорогу изъ Венеціи въ Россію и проѣхать черезъ иностранныя земли, коихъ языкъ и обычаи были ему совершенно незнакомы, было дѣломъ не легкимъ для русскаго человѣка пятнадцатаго вѣка.

Симеонъ оставилъ описаніе своего странствованія; хотя его разсказъ заставляетъ не разъ усомниться въ правдивости автора, тѣмъ не менѣе онъ настолько любопытенъ, что на немъ нельзя не остановиться.

Вначалѣ все шло хорошо. Симеону и его спутнику посчастливилось присоединиться къ двумъ странствующимъ купцамъ, но вскорѣ они очутились въ бѣдственномъ положеніи. Они уже странствовали, по словамъ разсказщика, нѣкоторое время по дикой странѣ, въ которой шли по узкой, извилистой тропинкѣ между пропастями и неприступными горами, какъ вдругъ они очутились у воротъ одного города, служившаго притономъ разбойникамъ.

Что было дѣлать въ столь критическомъ положеніи? Оказывается, Симеонъ преспокойно уснулъ и увидѣлъ во снѣ святаго Сергія, покровителя г. Москвы, который, укоряя его за отступничество отъ вѣры, сказалъ, что ему поможетъ въ бѣдѣ какая-то таинственная Евгенія.

Проснувшись, онъ пошелъ съ Ѳомою далѣе. Таинственная Евгенія дѣйствительно пріютила путешественниковъ и дала имъ проводника, чтобы провести ихъ черезъ городъ. При приближеніи Симеона и Ѳомы, передъ ними какъ бы по волшебству открылись желѣзныя ворота города. Москвитяне безъ труда проникли въ него и также безпрепятственно вышли по другую сторону, между тѣмъ какъ разбойники испускали воинственные крики и бѣгали по стѣнамъ, не причинивъ никому ни малѣйшаго вреда. Избѣгнувъ опасности, путники воспѣли хвалебную пѣснь въ честь Св. Сергія [1]).

Но возвратимся къ Исидору. Онъ составилъ себѣ опредѣленный планъ дѣйствій и умышленно дѣлалъ большія остановки въ славянскихъ земляхъ, чтобы пріобрѣсти вездѣ сторонниковъ.

Изъ Буды [2]) онъ разослалъ 5-го марта 1440 г. циркулярное посланіе къ своей русской и литовской паствѣ, въ которомъ извѣщалъ ее о состоявшемся во Флоренціи соединеніи церквей и горячо убѣждалъ принять унію. Хотя православная церковь не признавала обряда крещенія латинской церкви, но Исидоръ доказывалъ въ своемъ посланіи, что это таинство имѣетъ одинаковое значеніе въ обѣихъ церквахъ, и говорилъ, что отнынѣ греки могутъ посѣщать въ иноземныхъ странахъ латинскія церкви такъ же точно, какъ латиняне—греческія церкви.

Это было бы примѣненіемъ на практикѣ постановленій флорентійской уніи: единство вѣры и различіе обрядовъ. Посланіе Исидора, о которомъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, дошло по назначенію, но не произвело желаемаго дѣйствія ни на русскихъ, жившихъ въ Литвѣ, ни на поляковъ, которые, несмотря на неоднократное приглашеніе папы Евгенія IV, не послали своего представителя на Флорентійскій соборъ. Впрочемъ, въ Польшѣ, куда Исидоръ прибылъ къ Пасхѣ 1440 г., онъ былъ встрѣченъ съ подобающимъ его сану почетомъ; епископъ краковскій оказалъ ему гостепріимство сначала въ Зандекѣ, а потомъ въ Краковѣ; въ обоихъ городахъ Исидоръ совершилъ въ католическихъ церквахъ богослуженіе по греческому обряду. Краковскій епископъ, Олесницкій, понималъ огромное значеніе этого нововведенія, которое сближало духовно двѣ соперничавшія націи. Отнынѣ поляки-католики и православные русскіе принадлежали къ единой Церкви, признавали одного ду-

---

[1]) Все это записано подъ диктовку попа Симеона въ 1441 или 1443 году и включено въ жизнеописаніе Св. Сергія. (Поповъ, стр. 339—344).

[2]) Нынѣ Будапештъ.

ховнаго главу, и ихъ сердца одинаково бились любовью къ нему, несмотря на различіе обрядовъ православнаго и католическаго исповѣданія. Разумѣется, нельзя было предположить, что всего этого можно было достигнуть внезапно; для полнаго единенія предстояло, конечно, преодолѣть не мало затрудненій, напр. при проѣздѣ Исидора черезъ Львовъ мѣстное населеніе отнеслось къ нему не особенно сочувственно; жители не захотѣли даже присутствовать при совершеніи имъ богослуженія. Тѣмъ не менѣе флорентійская унія вносила въ среду католиковъ и православныхъ благотворный, умиротворяющій принципъ, который надобно было только упрочить, какъ это сдѣлалъ король польскій Владиславъ III, объявивъ въ 1443 г. равными передъ закономъ своихъ подданныхъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, латинскому или православному.

Въ «матери русскихъ городовъ», въ Кіевѣ, Исидора ожидала еще болѣе почтительная встрѣча. Князь Александръ Владиміровичъ, зять великаго князя Василія Темнаго, выказалъ ему знаки величайшаго почтенія и утвердилъ за нимъ земли и доходы, присвоенные митрополитамъ кіевскимъ. Также сочувственно отнесся къ нему Юрій, князь смоленскій.

Сочувствіе, которое онъ встрѣтилъ въ южной Россіи, внушило Исидору нѣкоторую увѣренность въ правотѣ и успѣхѣ его дѣла, но самая трудная часть задачи была впереди.

Трудно было предугадать, какъ приметъ вѣсть о соединеніи церквей великій князь Василій Темный и его народъ, которые относились къ латинянамъ съ нескрываемой ненавистью. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, какъ мы уже знаемъ, связь Москвы съ Римомъ была окончательно порвана, враждебное отношеніе къ Западу постоянно возрастало. Существовалъ рядъ сочиненій духовнаго содержанія, направленныхъ противъ латинской вѣры. Отличительною чертою всѣхъ этихъ произведеній было то, что главное смѣшивалось въ нихъ обыкновенно съ второстепеннымъ, обрядамъ придавалось болѣе важное значеніе, нежели догмату; брить бороду считалось преступнѣе, нежели распространять ересь. Впрочемъ, эти враждебные нападки читались лишь немногими образованными людьми, такъ какъ въ то время большинство москвичей не могло ни читать, ни писать. Кромѣ этихъ религіозныхъ причинъ, на русскихъ имѣло огромное вліяніе то обстоятельство, что политическіе враги Россіи, поляки, литовцы, шведы, меченосцы, исповѣдывали латинскую вѣру по обряду римско-католической церкви, и, такимъ образомъ, слово «католикъ» стало синонимомъ врага. И всякій католикъ считался русскими наихудшимъ изъ еретиковъ, которому надобно было очиститься отъ грѣховъ и окреститься вторично прежде, нежели православный человѣкъ могъ подать ему руку.

Митрополитъ Исидоръ не придалъ, повидимому, должнаго значенія этому исторически сложившемуся факту и вызванному имъ настроенію умовъ. Дѣйствуя по обыкновенію болѣе стремительно, нежели обдуманно, онъ слишкомъ понадѣялся на свое вліяніе на великаго князя, отъ котораго ему удалось добиться разрѣшенія на поѣздку въ Италію, и онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся склонить его къ принятію Флорентійской уніи; какъ иноземецъ, онъ зналъ Россію и русскихъ слишкомъ поверхностно.

Исидоръ пріѣхалъ въ Москву 19-го марта 1441 г. на третьей недѣлѣ великаго поста. Хотя прошло уже довольно много времени съ обнародованія буллы папы Евгенія IV, но Россія жила такъ обособленно и такъ рѣдко имѣла сношенія съ Западной Европою, что въ Москвѣ ничего не знали о состоявшемся во Флоренціи соединеніи церквей, и митрополита встрѣтили безъ всякой задней мысли, съ подобавшими его сану почестями. Съ нимъ возвратились немногіе изъ его спутниковъ, такъ какъ большинство погибло въ Феррарѣ отъ чумы. Въ числѣ оставшихся въ живыхъ былъ подписавшій буллу епископъ Авраамъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ митрополитъ торжественно отправился въ соборъ. Къ великому негодованію православныхъ, передъ нимъ несли католическое распятіе съ выпуклымъ изображеніемъ Христа и три палицы, служившія, по словамъ лѣтописца, знакомъ его кардинальскаго достоинства. Несмотря на все это, никто не посмѣлъ не допустить его къ престолу. Богослуженіе совершалось обычнымъ порядкомъ, только во время эктеньи Исидоръ помянулъ папу Евгенія IV.

Возмущенный этимъ нововведеніемъ, Василій II пришелъ окончательно въ ярость, когда, по окончаніи обѣдни, Исидоръ прочиталъ буллу о соединеніи церквей, подписанную восточнымъ и западнымъ патріархами.

Такъ оправдались опасенія, которыя питали въ Кремлѣ передъ отъѣздомъ митрополита на Флорентійскій соборъ; но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія.

Развязка этой сцены была въ высокой степени трагична. Великій князь назвалъ митрополита совратившимся съ пути истиннаго, хищнымъ волкомъ и, не принявъ отъ него обычнаго благословенія, приказалъ заточить его въ Чудовъ монастырь и содержать тамъ подъ строгимъ надзоромъ. Нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что Василій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ изъ мести или подъ вліяніемъ личной вражды къ Исидору. Главная вина митрополита заключалась, по его мнѣнію, въ томъ, что онъ предалъ православную церковь католической, которую великій князь считалъ еретической, и что онъ призналъ первенство папы, права котораго оспаривались православными! Василій II сознавалъ важность совершившагося факта, но невѣжество, предразсудокъ и

предубѣжденіе не позволяли ему обнять все величіе и значеніе этого событія. Традиціи Византіи и полемика, которая велась издавна противъ латинянъ, мѣшали ему разобраться въ этомъ вопросѣ. Булла Евгенія IV, написанная по-латини и по-гречески съ приложенной къ ней печатью изъ зеленаго воска, не внушала ему ни малѣйшаго довѣрія: онъ не зналъ, какъ понимать чистилище, а догматъ о происхожденіи Святаго Духа былъ для него совершенно теменъ; съ другой стороны, какъ вѣрный сынъ православной церкви, онъ относился съ отвращеніемъ къ опрѣснокамъ и къ всему, что̀ носило печать католицизма. Тотъ, кто издалъ эту буллу, и тотъ, кто старался распространить ее, были въ его глазахъ одинаково преступны.

Какъ бы то ни было, арестъ Исидора былъ актомъ самовольнымъ, его надобно было оправдать какими-либо каноническими правилами. Великій князь созвалъ для этого совѣтъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и монаховъ, чтобы судить Исидора по постановленіямъ апостоловъ, семи «вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцовъ». Въ совѣтѣ участвовало шесть епископовъ, въ томъ числѣ Авраамъ, подписавшій буллу, и Іона, злополучный кандидатъ на митрополичій престолъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ не могъ судить главу православной церкви, который подлежалъ только суду равныхъ себѣ іерарховъ. Но, либо по невѣжеству судей, либо по именному приказанію великаго князя, на это не было обращено вниманія, тѣмъ болѣе, что русское духовенство спѣшило какъ можно скорѣе высказать свое мнѣніе относительно папской буллы и осудить Исидора.

Прежде всего подверглись обсужденію его взгляды, которые всѣ безъ исключенія были признаны еретическими и позорными, и митрополитъ подвергся бы, вѣроятно, самому строгому наказанію, если бы ему не удалось бѣжать.

Воспользовавшись обширными подземельями Чудова монастыря, Исидоръ бѣжалъ изъ своей тюрьмы 15-го сентября 1441 г., въ сопровожденіи неразлучнаго съ нимъ монаха Григорія, и пробрался въ Тверь. Разумѣется, его могли бы настигнуть, но такъ какъ этого не случилось, и великимъ княземъ не было принято никакихъ мѣръ, чтобы догнать его, то надобно предполагать, что русскіе были рады отдѣлаться отъ своего митрополита, не прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ.

Исидоръ, со своей стороны, конечно, былъ весьма радъ очутиться на свободѣ. Опытъ открылъ ему глаза. Онъ понялъ, что нельзя было навязать унію народу, который при всемъ своемъ невѣжествѣ былъ глубоко преданъ своей истинной вѣрѣ и управлялся человѣкомъ, относившимся враждебно къ католицизму.

Во время бѣгства митрополитъ испыталъ не мало непріятностей. Тверской князь Борисъ, оказавшій ему такую радушную встрѣчу въ

то время какъ онъ ѣхалъ на соборъ во Флоренцію, отнесся къ нему теперь, по примѣру Василія Темнаго, въ высшей степени недоброжелательно и приказалъ даже заточить его въ монастырь. Но и тутъ его стерегли, повидимому, не особенно строго и какъ будто даже способствовали его бѣгству, такъ какъ онъ вторично бѣжалъ изъ монастыря и пробрался безъ особыхъ приключеній въ Литву, гдѣ его встрѣтили пріязненно.

Не разсчитывая найти сочувствія въ славянскихъ земляхъ, Исидоръ отправился въ Италію, куда его влекла надежда, что ему все-таки удастся послужить дорогому для него дѣлу соединенія церквей.

IV.

Пріемъ, сдѣланный Исидору папою Евгеніемъ IV. — Неудача въ распространеніи уніи.—Походъ польскаго короля Владислава въ Турцію и пораженіе, панесенное турками полякамъ.—Избраніе въ Москвѣ Іоны митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи.—Положеніе дѣлъ въ Византіи.—Посылка Исидора въ Константинополь.—Его дѣятельность по введенію уніи.—Взятіе Константинополя турками.—Бѣгство Исидора.—Его посланіе къ христіанскому міру и призывъ къ крестовому походу противъ турокъ.—Раздѣленіе Кіевской митрополіи и избраніе Григорія митрополитомъ кіевскимъ, литовскимъ и всея южныя Россіи.—Кончина Исидора.—Его характеристика и послѣдствія его дѣятельности.

Испытавъ заточеніе въ тюрьмѣ и спасшись изъ нея какимъ-то чудомъ, Исидоръ вернулся въ Италію со славою человѣка непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрнаго данной клятвѣ.

Въ то время расколъ, начавшійся среди папства, приближался къ концу, и Евгеній IV, послѣ десятилѣтняго отсутствія изъ папской области, собирался возвратиться въ Римъ, заключивъ съ королемъ неаполитанскимъ договоръ, обезпечившій папскимъ владѣніямъ покой и безопасность. Но въ 1443 г. онъ находился еще въ Сіенѣ [1]), куда и отправился къ нему Исидоръ. 11-го іюня 1443 г. всѣ тринадцать кардиналовъ, находившіеся вмѣстѣ съ папою въ Сіенѣ, вышли ему навстрѣчу за городскія ворота и сопровождали его въ папскій дворецъ. Евгеній IV принялъ его въ присутствіи всей собравшейся консисторіи, поцѣловалъ и надѣлъ на него кардинальскую шапку. Четыре дня спустя происходила церемонія сопричисленія его къ кардинальскому сану, и ему было приказано выдавать впредь соотвѣтственное этому сану денежное вознагражденіе.

---

[1]) Сіена, гл. гор. Тосканской провинціи.

*

Русскій кардиналъ, какъ называли его нерѣдко современники, не могъ порадовать папу успѣхомъ Флорентійской уніи среди славянъ; папа, въ свою очередь, не могъ сообщить ему объ ея успѣхѣ въ Византіи.

Всѣ надежды на этотъ счетъ разсѣялись. Вскорѣ послѣ обнародованія папской буллы, унія была введена среди армянъ въ Эѳіопіи, нѣсколько позже среди сирійцевъ, халдеевъ и маронитовъ. Но въ Константинополѣ къ буллѣ Евгенія IV отнеслись чрезвычайно враждебно. Жители Константинополя раздѣлились на два непріязненные лагеря. Простой народъ не сочувствовалъ сторонникамъ уніи, несмотря на то, что они пользовались покровительствомъ императора, его брата Константина и новаго патріарха Митрофана. Во главѣ недовольныхъ сталъ деспотъ Димитрій, къ нимъ присоединился епископъ эфесскій, фанатикъ Маркъ, монахи Синайскаго и Аѳонскаго монастырей и многіе другіе. Въ виду образовавшейся такимъ образомъ страстной и упорной оппозиціи, всѣ старанія византійскаго императора провести унію не привели ни къ чему.

Недовольный византійскимъ дворомъ, который, по его мнѣнію, былъ слишкомъ боязливъ и робокъ, Евгеній IV не терялъ однако надежды на торжество уніи и не оставлялъ мысли о походѣ противъ турокъ. Съ этой цѣлью онъ писалъ настоятельныя письма брату императора Константину и возобновилъ ему обѣщаніе придти на помощь Византіи. Воспользовавшись возвращеніемъ Исидора, онъ возложилъ на него новую миссію и утвердилъ его въ званіи своего легата. Не дожидаясь торжественнаго возвращенія въ Римъ папы, которое совершилось 28-го сентября, Исидоръ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Италію отправился снова (28-го августа) въ путь. Во время своего довольно продолжительнаго путешествія онъ часто обмѣнивался письмами съ Римомъ. Изъ этой корреспонденціи, которая заключала въ себѣ, вѣроятно, не мало любопытнаго, сохранился всего одинъ пергаментъ, помѣченный 11-мъ іюня 1445 г. и писанный Исидору папою. Онъ найденъ въ Ватиканской библіотекѣ. Несмотря на всю краткость этого документа, по его содержанію можно судить о намѣреніяхъ Исидора до и послѣ Флорентійскаго собора.

Въ этомъ посланіи папа горячо благодаритъ Исидора за сообщаемыя имъ свѣдѣнія о духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, и проситъ его по возможности не скупиться на нихъ, чтобы можно было изо дня въ день принимать надлежащія мѣры къ окончательному соединенію церквей и уничтоженію невѣрныхъ.

«Что касается васъ, сынъ мой,—пишетъ папа въ заключеніе,—то мы умоляемъ васъ, именемъ Христа, не измѣнять дѣлу, соревновать съ самимъ собою и, если можно, превзойти самого себя; ибо, если, не бывъ еще сыномъ священной римско-каѳолической церкви, вы выказали къ дѣлу соединенія церквей извѣстное намъ рвеніе и усердіе, то вы конечно пой-

мете, каковы ваши обязанности нынѣ, когда вы состоите столь виднымъ членомъ этой церкви».

О путешествіи Исидора въ Константинополь не сохранилось никакихъ свѣдѣній, но можно предполагать что онъ оказалъ немалое вліяніе на избраніе на вакантный въ то время патріаршій престолъ протосинкела Григорія, который былъ однимъ изъ участниковъ Флорентійскаго собора и дѣйствовалъ на немъ единодушно съ Исидоромъ.

Въ бытность Исидора въ Константинополѣ они посвятили вмѣстѣ съ нимъ епископа владиміро-волынскаго Даніила. Въ то же время въ Константинополь съѣхались и другіе епископы, но въ чемъ именно заключались ихъ совѣщанія, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось. Какъ бы то ни было, Исидору не удалось побороть антипатію Византіи къ Риму и склонить императора дѣйствовать рѣшительнѣе: на берегахъ Босфора унія не была принята.

Внутреннія событія, которыя переживала въ то время Византійская имперія, не позволяли ей интересоваться ничѣмъ посторонним. Война, которую султанъ Мурадъ велъ съ владѣтелемъ Караманской области[1]), вынудила его перевезти большую часть турецкихъ войскъ въ Азію; такимъ образомъ его владѣнія на берегу Босфора остались почти беззащитными; христіанскій флотъ, крейсировавшій въ Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ), могъ помѣшать возвращенію этихъ войскъ на европейскій берегъ, а это было бы большою побѣдою надъ турками. Самымъ подходящимъ человѣкомъ для подобнаго смѣлаго предпріятія былъ король польскій и венгерскій, Владиславъ Ягеллонъ; на бѣду, онъ только-что передъ тѣмъ заключилъ перемиріе съ Мурадомъ II. Но кардиналъ Чезарини далъ ему совѣтъ нарушить это перемиріе.

Считая себя такимъ образомъ освобожденнымъ отъ данной клятвы, Владиславъ собралъ армію и пошелъ съ нею на Варну. Но тутъ его ожидало полное пораженіе. Султанъ обманулъ бдительность христіанскаго флота, успѣлъ перевезти въ Европу свои войска и своихъ янычаръ, и далъ 10-го ноября 1444 г. битву Владиславу, коего войско было разбито на голову и на половину изрублено. Въ числѣ убитыхъ были самъ король Владиславъ и кардиналъ Чезарини. Христіанскій міръ долго не могъ опомниться отъ этого страшнаго пораженія.

Кардиналъ Исидоръ возвратился въ Римъ уже послѣ кончины Евгенія IV. Его преемникъ вполнѣ оцѣнилъ блестящій умъ и дарованія Исидора, его знаніе Востока и поспѣшилъ обставить его какъ можно лучше съ матеріальной стороны.

Исидоръ былъ пастыремъ безъ стада. Послѣ его бѣгства изъ Москвы

---

[1]) Караманъ-Или, область на югѣ Малой Азіи, во владѣніи турокъ съ 1466 г.

великій князь Василій Темный твердо рѣшилъ, что его мѣсто займетъ только русскій, преданный православію. Когда нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ смыслѣ въ Константинополѣ, не увѣнчались успѣхомъ, то онъ прибѣгнулъ для достиженія своей цѣли къ крайнему средству. Онъ собралъ совѣтъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, которые 5-го декабря 1448 г. единодушно избрали митрополитомъ ставленника великаго князя Іону.

Поселясь въ Москвѣ, Іона принялъ званіе митрополита кіевскаго и всея Россіи, а нѣсколько времени спустя, добился того, что король польскій Казиміръ выдалъ ему (31-го января 1451 г.) дипломъ на званіе главы всѣхъ русскихъ церквей въ Литвѣ и Польшѣ и обѣщалъ ему свое покровительство. Это былъ жестокій ударъ для Исидора, который считалъ это дѣломъ гнусной интриги противъ него со стороны виленскаго католическаго епископа Матвѣя. Когда это дошло до свѣдѣнія папы, то онъ потребовалъ, чтобы этотъ семидесятилѣтній епископъ явился для объясненій въ Римъ; старцу удалось избѣгнуть этого утомительнаго путешествія только благодаря заступничеству кардинала Олесницкаго, который горячо принялъ его сторону и послалъ въ Римъ своего представителя съ письмами къ папѣ и кардиналамъ, въ которыхъ онъ доказывалъ, что виною всему была свѣтская власть и ея преданность старинному порядку вещей.

Папа Николай V оставилъ эти жалобы безъ разслѣдованія и покончилъ дѣло тѣмъ, что разрѣшилъ кардинала Исидора отъ узъ, связывавшихъ его съ русской церковью, и далъ ему въ управленіе епископство по близости отъ Рима, назначивъ въ его пользованіе доходы съ одной старинной итальянской церкви; въ томъ же 1451 году онъ далъ ему и другія бенефиціи (церковные приходы съ доходами), которыя вполнѣ обезпечили его матеріально.

Вскорѣ послѣ того какъ положеніе Исидора было такимъ образомъ устроено съ іерархической и матеріальной точки зрѣнія, папа далъ ему новое, весьма важное порученіе.

Послѣ Варненскаго пораженія дѣла на Востокѣ шли все хуже и хуже. Въ 1448 г. турки одержали побѣду на Коссовомъ полѣ, которое обагрилось потоками славянской крови. Константинополь, оставаясь столицею Византійской имперіи, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ владѣніями турокъ и ему угрожала неминуемая гибель. Воинственный султанъ Мохамедъ, вступившій тогда на турецкій престолъ, не скрывалъ своихъ враждебныхъ замысловъ и соорудилъ близъ Галаты, на европейскомъ берегу Босфора, крѣпость, напротивъ укрѣпленія, воздвигнутаго его предкомъ Баязетомъ на азіатскомъ берегу. Стратегическая цѣль этихъ сооруженій была слишкомъ очевидна, чтобы не внушать опасеній. Византіи приходилось готовиться къ неравной борьбѣ.

Одновременно съ заботою на счетъ того, какъ отразить опасность, угрожавшую со стороны турокъ, императоръ Константинъ, братъ и преемникъ Іоанна Палеолога, былъ занятъ вопросами вѣры, которые представляли также большія затрудненія. Буря, поднятая Флорентійскимъ соборомъ, вызвала сильное возбужденіе умовъ среди всѣхъ противниковъ уніи, и это возбужденіе еще далеко не улеглось.

Положеніе было столь затруднительное, что патріархъ Григорій, преслѣдуемый врагами, долженъ былъ уѣхать въ Римъ, гдѣ онъ жилъ на пенсію, пожалованную ему папою. Императоръ Іоаннъ Палеологъ такъ и скончался, не успѣвъ обнародовать уніи. Его братъ Константинъ взялся за дѣло болѣе энергично.

Папа Николай V считалъ принятіе Византіей уніи дѣломъ возможнымъ; приписывая всѣ бѣдствія, постигшія церковь, расколу, введенному митрополитомъ Фотіемъ, онъ видѣлъ единственный исходъ въ томъ, чтобы Византія порвала окончательно съ прошлымъ и приняла постановленія Флорентійскаго собора безъ всякихъ ограниченій. Какъ доказательство примиренія, онъ требовалъ прежде всего, чтобы патріархъ Григорій былъ возвращенъ въ Константинополь и чтобы папа поминался на ектеніи. Что касалось помощи въ борьбѣ съ турками, то въ этомъ отношеніи папа высказался менѣе опредѣленно; его казна была истощена, а европейскіе монархи не выказывали охоты воевать съ турками.

Несмотря на переговоры, происходившіе съ той и съ другой стороны, которые въ подробности неизвѣстны, патріархъ Григорій не возвратился въ Константинополь, а для окончательнаго рѣшенія вопроса о соединеніи церквей въ Константинополь былъ посланъ кардиналъ Исидоръ.

Несмотря на всѣ испытанныя имъ неудачи, онъ не упалъ духомъ. При томъ, этотъ разъ онъ имѣлъ основаніе разсчитывать на успѣхъ. Онъ ѣхалъ не только съ цѣлью дѣйствовать на пользу церкви, но онъ ѣхалъ въ Византію съ деньгами и небольшимъ отрядомъ войска. Впрочемъ, денегъ, выданныхъ ему изъ папской казны, было вѣроятно не особенно много, такъ какъ кардиналъ всячески старался въ Константинополѣ увеличить свои средства. Уже одинъ наборъ и содержаніе пятидесяти италіанскихъ солдатъ, будущихъ защитниковъ Константинополя, о коихъ онъ долженъ былъ заботиться, потребовалъ не мало денегъ.

Онъ отправился изъ Рима 20-го мая 1452 г. на Генуезскомъ суднѣ со своей свитою и маленькимъ отрядомъ войска.

Проѣхавъ вдоль береговъ Греціи, они остановились на нѣкоторое время на островѣ Хіосѣ. Исидоръ воспользовался этимъ, чтобы навербовать еще 150 солдатъ и пригласить себѣ въ сотрудники уроженца острова Хіоса, епископа митиленскаго Леонарда, который раздѣлилъ его

труды и составилъ впослѣдствіи посланный имъ папѣ Николаю V замѣчательный отчетъ объ ихъ совмѣстной дѣятельности.

Въ Константинополь они прибыли въ ноябрѣ мѣсяцѣ. На торжественномъ пріемѣ въ Софійскомъ соборѣ, Исидоръ заявилъ во всеуслышаніе, что одна только «надежда на то, что его родина вернется на путь истины, побудила его предпринять на закатѣ дней столь длинное и трудное путешествіе».

Бросивъ грекамъ жестокій упрекъ за то, что они забываются до такой степени, что называютъ намѣстника Христа еретикомъ и собакой, онъ закончилъ свою рѣчь обѣщаніемъ помочь византійцамъ въ ихъ борьбѣ съ турками, если ихъ примиреніе съ Римомъ будетъ искреннее и прочное. Отвѣтъ императора былъ благопріятенъ, но онъ указалъ на затрудненія, которыя придется преодолѣть и которыя создаются главнымъ образомъ нѣкоторою частью духовенства. Исидоръ понялъ намекъ и, не теряя времени, принялся за дѣло.

Особенно недоброжелательно относились къ уніи монахи и монахини и такъ какъ это происходило отъ ихъ слѣпаго фанатизма, то съ ними ничего нельзя было подѣлать. Но оппозиція проявлялась не только въ монастыряхъ, она охватила всѣ классы общества и даже приближенныхъ императора. Лучше чалма, нежели тіара, говорилъ одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, Лука Нотарасъ (Lucas Notaras); эти слова стали его девизомъ и производили огромное впечатлѣніе на народъ.

Въ Константинополѣ Исидоръ дѣйствовалъ совершенно иначе, нежели въ Москвѣ. Прекрасно знакомый съ мѣстными нравами, онъ понималъ, что всякій самовластный шагъ могъ ожесточить умы. Поэтому онъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ греческимъ духовенствомъ, съ коимъ онъ обсудилъ вопросъ всесторонне, выказавъ при этомъ большую уступчивость. Говорятъ, будто онъ соглашался даже пересмотрѣть постановленія Флорентійскаго собора, какъ только городъ будетъ въ безопасности. Само собою разумѣется, что это могло касаться второстепенныхъ вещей, а не догматовъ. Благодаря уступчивости Исидора, а еще болѣе благодаря угрожавшей Константинополю опасности, кардиналу удалось, по крайней мѣрѣ на видъ, одержать верхъ надъ общественнымъ мнѣніемъ. Встрѣтивъ поддержку со стороны нѣсколькихъ лицъ и между прочимъ со стороны трехсотъ священниковъ, онъ издалъ генотиконъ (указъ), провозгласившій унію между латинскою и греческою церковью. 12-го декабря, въ день св. Спиридонія, въ софійскомъ соборѣ было совершено торжественное богослуженіе; имена папы Николая и патріарха Григорія внесены въ диптихи [1]), произносились за литургіей,

[1]) Небольшая книжка съ именами: на одной половинѣ папъ, священниковъ и другихъ лицъ, прославившихся благочестіемъ, а на другой—мучениковъ и умершихъ. Списки эти читались за обѣднею.

и подъ вѣковыми сводами Византійскаго собора раздались тѣ же возгласы, какіе огласили недавно Флорентійскій соборъ. Императоръ, большая часть придворныхъ признали себя открыто сторонниками уніи, которая должна была сдѣлаться отнынѣ государственной религіей. Но это не носило характера народнаго торжества; въ душахъ вѣрующихъ не водворилось спокойствія, и враждующія партіи не были этимъ обезоружены. Напротивъ, въ то время какъ приверженцы уніи собирались въ Софійскомъ соборѣ—толпа устремилась въ монастырь, чтобы услышать приговоръ высокочтимаго всѣми монаха Геннадія. Не выходя изъ своей келліи, онъ металъ анаѳемы противъ латинянъ и угрожалъ отступникамъ отъ вѣры муками ада. Его энергичная, негодующая рѣчь, дышавшая религіозностью и фанатизмомъ, еще болѣе распалила страсти и взволновала умы. Съ тѣхъ поръ между обѣими сторонами легла непроходимая пропасть.

Факты говорили сами за себя, и Исидоръ былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы ошибиться на счетъ истиннаго смысла всего того, что происходило на его глазахъ.

Нѣтъ основанія утверждать, что сторонники уніи были вполнѣ искренни, изъявивъ согласіе признать постановленія Флорентійскаго собора. По утвержденію современниковъ, многіе изъ нихъ видѣли въ этомъ только средство избѣжать опасности; впрочемъ, они этого и не скрывали. Послѣдующія событія показали, что благопріятное для уніи настроеніе грековъ было непродолжительно и не выдержало перваго испытанія. Но обстоятельства были такъ серьезны, что въ то время никто не задумывался надъ подобными соображеніями.

Уже съ іюня мѣсяца султаномъ была объявлена война; хотя турки не приступили еще къ военнымъ дѣйствіямъ, но Мохамедъ караулилъ изъ Адріанополя свою добычу и съ пыломъ, свойственнымъ юному завоевателю, проявлялъ лихорадочную дѣятельность. Среди нескончаемыхъ богословскихъ споровъ и преній относительно генотикона (указа), Константинополь готовился къ энергичной защитѣ. Только нѣкоторые фанатики ничего не предпринимали, убаюкивая себя безумной надеждой, что какъ только турки дойдутъ до колонны Ѳеодосія, ангелы снизойдутъ съ неба для спасенія Византіи. Исидоръ не раздѣлялъ этого страннаго заблужденія. Давая себѣ ясный отчетъ въ опасности, угрожавшей Константинополю, онъ употребилъ всѣ свои силы и все свое умѣніе на защиту города, который былъ великолѣпно приспособленъ для обороны.

Въ тотъ самый день, когда въ Софійскомъ соборѣ былъ провозглашенъ генотиконъ, въ императорскомъ совѣтѣ, на которомъ всегда присутствовалъ Исидоръ, рѣшался весьма важный вопросъ. Пять венеціанскихъ галеръ, три большихъ и двѣ маленькія, остановились на нѣсколько дней въ Константинопольской гавани; ихъ рѣшено было задержать на время,

чтобы онѣ оказали помощь при защитѣ Константинополя. На другой день Исидоръ, венеціанскій консулъ и уполномоченные отъ императора отправились съ этою цѣлью на галеру, коей командовалъ капитанъ Діедо (Diedo), и вступили съ нимъ въ переговоры. Сначала онъ запротестовалъ противъ этого, но въ концѣ концовъ его удалось убѣдить, и онъ согласился на ихъ требованіе.

23-го января 1453 г. въ Константинополь приплылъ Джіованни-Джіустиніани (Giovanni-Giustiniani) съ 700 генуезцами. Эта горсть храбрецовъ должна была составить ядро гарнизона. Число людей способныхъ владѣть оружіемъ, какъ иностранцевъ, такъ и мѣстныхъ жителей, было весьма ограничено. Когда силы гарнизона были приведены въ извѣстность, то число ихъ оказалось столь ничтожно, что по приказанію императора было рѣшено скрывать его, какъ государственную тайну.

Тѣмъ не менѣе всѣ понимали, что защитниковъ у города было немного. При такой малочисленности гарнизона имѣли большое значеніе городскія укрѣпленія, за которыми онъ могъ обороняться. Они были значительно увеличены и усилены, частью на личныя средства кардинала Исидора.

Но роковой часъ былъ близокъ. 6-го апрѣля въ пятницу, священный день мусульманъ, турецкое войско подошло къ Константинополю на разстояніе одной мили, и осада началась. Вскорѣ непріятелемъ были воздвигнуты батареи, и его суда бросили якорь въ Босфорѣ. Въ осажденномъ городѣ были приняты послѣднія мѣры къ оборонѣ. Исидоръ командовалъ солдатами, прибывшими изъ Рима и Хіоса; онъ защищалъ часть побережія, долженъ былъ слѣдить за движеніями турецкаго флота и мѣшать дессантамъ.

О томъ, какъ дѣйствовалъ Исидоръ во время осады и каковы были его военныя способности, не сохранилось разсказовъ очевидцевъ. Исходъ этой страшной и кровавой драмы извѣстенъ. Силы противниковъ были слишкомъ неравны, чтобы побѣда могла быть на сторонѣ слабаго гарнизона. Императоръ Константинъ проявилъ на краю гибели гордость кесарей и величайшее геройство; онъ оказалъ чудеса храбрости и палъ, пронзенный ударами на стѣнахъ осажденнаго города, 29-го мая 1453 г. Изнеможенная Византія пала къ ногамъ побѣдителя и сдѣлалась столицею Турецкой имперіи. Кардиналъ Исидоръ былъ свидѣтелемъ жестокой рѣзни, слѣдовавшей за осадою и взятіемъ города, но ему посчастливилось остаться въ живыхъ и избѣжать плѣна.

Разсказываютъ, что Мохамедъ II, вступивъ въ городъ, потребовалъ голову кардинала. Преданные Исидору друзья поднесли султану голову другаго человѣка съ надѣтой на нее кардинальской шапкой. Исидоръ не былъ узнанъ врагами; какъ человѣкъ, глубоко вѣрующій, онъ видѣлъ въ этомъ чудо, коимъ онъ былъ обязанъ Провидѣнію.

Онъ поспѣшилъ покинуть Константинополь. 7-го іюля онъ былъ уже въ Кандіи, оттуда онъ обнародовалъ письмо къ христіанскому міру. Это былъ вопль отчаянія. Богатство риторическихъ фигуръ и смѣлость выраженій изобличаютъ гуманиста. Уязвленный въ самое сердце и въ самой дорогой своей привязанности, онъ могъ излить свое горе не иначе, какъ въ дифирамбѣ, но въ тѣхъ строкахъ посланія, гдѣ Исидоръ касается будущаго, виденъ человѣкъ практическій: онъ перечисляетъ турецкія силы, говоритъ о видахъ султана на Венгрію и Италію, и настаиваетъ на необходимости крестоваго похода противъ турокъ. Что касается самого себя, то, упомянувъ о всѣхъ перенесенныхъ имъ испытаніяхъ, Исидоръ писалъ, что Господь спасъ его отъ невѣрныхъ подобно тому, какъ Іона остался живъ во чревѣ кита. Епископъ митиленскій, Леонардъ, со своей стороны, послалъ папѣ Николаю V донесеніе о взятіи Константинополя. Этотъ документъ, писанный на островѣ Хіосѣ 16-го августа 1453 г., содержитъ много любопытныхъ данныхъ объ осадѣ Константинополя, но въ немъ ничего не говорится о дѣйствіяхъ Исидора.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ кардиналъ Исидоръ, по пути въ Римъ, остановился въ Венеціи, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Онъ давно уже пользовался тамъ славою человѣка неподкупной честности, а испытанныя имъ несчастія придавали ему особое обаяніе. Онъ произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе и имѣлъ видъ человѣка, предназначеннаго самою судьбою для того, чтобы поднять христіанскій міръ противъ турокъ. Онъ доказывалъ италіанскимъ дипломатамъ, что если будутъ медлить съ походомъ, если пройдетъ хотя бы полгода, то Венгріи и Италіи будетъ угрожать неминуемая гибель. Подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ужасовъ, онъ былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ о звѣрствѣ и жестокости турокъ, объ ихъ ненависти къ гяурамъ, объ обиліи у нихъ золота, объ ихъ арміи и флотѣ.

Изъ Венеціи онъ отправился въ Болонью, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями съ Виссаріономъ, который былъ папскимъ посломъ въ Болоніи. Но онъ и до прибытія Исидора возвысилъ свой голосъ въ защиту Византіи. Уже 13-го іюля 1453 г. онъ умолялъ дожа Франческо-Фоскарини въ прочувствованныхъ выраженіяхъ не покидать несчастнаго Константинополя на произволъ судьбы.

Пріѣхавъ въ Римъ, Исидоръ убѣдился однако, что на скорую и энергичную помощь нельзя было разсчитывать.

Первое извѣстіе о взятіи Константинополя произвело на Европу впечатлѣніе громоваго удара. Вмѣстѣ съ паденіемъ этого оплота христіанства рушилось прошлое Запада съ его славой, его цивилизаціей и наукой, которыя стали добычею отъявленныхъ враговъ христіанскаго міра. Исламъ водрузилъ полумѣсяцъ въ томъ городѣ, изъ коего Кон-

стантинъ Великій хотѣлъ управлять міромъ. Народы Европы, коимъ угрожали турки, не ошибались въ оцѣнкѣ этого событія: они понимали, что восточный вопросъ принялъ неожиданно грандіозные размѣры. Это было подобно землетрясенію, которое разрушаетъ все по пути и обращаетъ все въ развалины.

Первое впечатлѣніе ужаса смѣнилось вскорѣ иными чувствами: разсчетомъ, соперничествомъ и интригами. Между тѣмъ какъ папа издалъ 30-го сентября 1453 г. буллу, въ которой онъ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ «предтечи антихриста», Генуя и Венеція заключили съ турками миръ, Неаполь и Миланъ соблюдали нейтралитетъ, а представители италіанскихъ областей, съѣхавшіеся въ Римъ для переговоровъ, разъѣхались въ мартѣ мѣсяцѣ 1454 г., ничего не рѣшивъ. На помощь дипломатамъ тогда пришелъ августинскій монахъ, Симонетто; благодаря ему, былъ заключенъ, 9-го апрѣля, миръ между италіанскими государствами, а 2-го марта слѣдующаго 1455 г. былъ скрѣпленъ папою договоръ оборонительной и наступательной лиги.

По всей вѣроятности, во всѣхъ этихъ подготовительныхъ работахъ принималъ дѣятельное участіе кардиналъ Исидоръ, хотя его имя не встрѣчается въ дипломатической перепискѣ того времени. Только однажды о немъ упоминается по слѣдующему поводу. Генуезская республика обвинялась въ томъ, что послѣ взятія Константинополя она оставила свои суда въ распоряженіи султана, тогда какъ въ дѣйствительности они находились въ починкѣ на островѣ Хіосѣ. Дожъ Петро Кампофрегозо (Petro Campofregoso), желая оправдаться, обратился къ посредничеству кардинала Исидора, который написалъ по этому поводу весьма лестное для генуезцевъ письмо, которое имъ было послано во Францію, Бургундію и Англію; но оригиналъ его не сохранился.

Что касается папы Николая V, то онъ видѣлъ съ грустью, что религіозная унія, осуществленная имъ съ такимъ трудомъ, не имѣла желаемаго успѣха. Страдая отъ подагры, разочарованный въ своихъ надеждахъ, принужденный вести борьбу съ партіями, преслѣдуемый призракомъ ислама, этотъ папа, только и мечтавшій о возрожденіи въ Италіи золотаго вѣка, тихо скончался, окруженный монахами, въ ночь съ 24-го на 25-ое марта 1455 г. Кардиналъ Исидоръ лишился въ немъ своего благодѣтеля, и при его пріемникѣ онъ уже не игралъ почти никакой роли, хотя продолжалъ пользоваться своими бенефиціями, которыя были даже увеличены папою Каликстомъ III, а въ признательность за это Исидоръ передалъ папѣ свои права на Кіевскую митрополію.

Между тѣмъ папа былъ озабоченъ мыслію: какъ бы сохранить власть надъ славянами, признавшими Флорентійскую унію.

На глазахъ Рима, митрополитъ Іона, которому покровительствовалъ Василій Темный и который, будучи признанъ королемъ польскимъ Кази-

міромъ, назывался митрополитомъ кіевскимъ, былъ самозванецъ, который не могъ быть терпимъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ ярымъ противникомъ уніи. Но всѣ знали, что въ Москвѣ его вліяніе было прочно и что всякіе переговоры о смѣщеніи его были бы напрасны. Въ Польшѣ и Литвѣ дѣло обстояло иначе. Король польскій понималъ, что съ точки зрѣнія политики слѣдовало отдать предпочтеніе митрополиту, который жилъ бы въ Польшѣ, тому, который имѣлъ бы свое мѣстопребываніе въ Москвѣ. Поэтому, сама собою возникла мысль о раздѣленіи обширной Кіевской митрополіи, при чемъ Москва осталась подъ главенствомъ Исидора, хотя его власть была чисто номинальная. Что касалось девяти епархій, находившихся въ Польшѣ и Литвѣ, то онѣ были совершенно отдѣлены отъ московскихъ епархій, составили независимую церковную единицу, и управленіе ими было ввѣрено Григорію, неразлучному спутнику Исидора.

Вновь избранному іерарху былъ присвоенъ титулъ архіепископа кіевскаго, литовскаго и всея южныя Россіи.

Это произошло 21-го іюля 1458 г., но актъ о назначеніи Григорія еще не былъ подписанъ, когда папа Каликстъ III скончался, оставивъ своему преемнику завершить это дѣло.

Вновь избранный папа Пій II серьезно интересовался дѣлами Россіи. Какъ географъ и историкъ, онъ страстно любилъ разсказы о далекихъ странахъ, поэтому не удивительно, что Россія особенно возбуждала его любопытство, такъ какъ о ней знали въ то время весьма мало. Раньше онъ самъ собиралъ свѣдѣнія о литовцахъ и, путешествуя по Европѣ, написалъ даже книгу о Польшѣ, Пруссіи и Литвѣ. Теперь его интересъ къ этимъ землямъ еще болѣе увеличился, такъ какъ онѣ интересовали его съ точки зрѣнія религіозной. Папа Каликстъ III сообщилъ кардиналамъ свой планъ относительно раздѣленія русской митрополіи и назначенія для южной Россіи особаго архіепископа. Его пріемникъ Пій II выполнилъ эту программу во всѣхъ ея подробностяхъ и утвердилъ Григорія архіепископомъ кіевскимъ.

Бывшій базиліанскій монахъ былъ посвященъ въ епископы патріархомъ константинопольскимъ. Папское посланіе, возвѣстившее объ этомъ событіи, помѣчено 11-мъ сентября 1458 года. Митрополитъ Іона, столь чтимый въ Москвѣ, названъ въ этомъ посланіи честолюбивымъ и мятежнымъ монахомъ, самозванцемъ, святотатцемъ, беззаконнымъ и заблудшимъ сыномъ церкви. Въ этотъ же день папа писалъ королю польскому Казиміру и совѣтовалъ ему наблюдать за этимъ опаснымъ человѣкомъ и, если представится случай, заковать его въ кандалы и предать суду, а въ письмахъ къ капитулу, къ духовенству и ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ церкви Григорій былъ названъ ихъ истиннымъ архипастыремъ, котораго они должны были слушаться и почитать.

Король польскій Казиміръ, перемѣнивъ политику, заявилъ себя открыто на сторонѣ Григорія, взялъ его подъ свое покровительство и писалъ даже, но, разумѣется, безуспѣшно великому князю Василію Темному, выразивъ желаніе, чтобы онъ былъ признанъ главою Церкви и въ Москвѣ. Всѣ попытки, сдѣланныя со своей стороны Іоною, чтобы сохранить свой авторитетъ въ Польшѣ и Литвѣ, также окончились неудачею и мало-по-малу между двумя частями, на которыя распалась бывшая митрополія, образовалась непроходимая пропасть.

Какъ ни важны были сами-по-себѣ всѣ эти вопросы, но они касались отдѣльныхъ народовъ; но кардиналу Исидору не давалъ покоя вопросъ болѣе важный, касавшійся всего христіанскаго міра, — вопросъ о борьбѣ съ турками. Папа Пій II, который во время паденія Византійской имперіи былъ еще секретаремъ Фридриха III, понималъ ужасныя послѣдствія, какія могло повлечь за собою это событіе; и, вступивъ на папскій престолъ, онъ рѣшилъ поднять христіанъ противъ невѣрныхъ. Несмотря на равнодушіе европейскихъ монарховъ, онъ созвалъ, для обсужденія этого вопроса, конгрессъ въ Мантуѣ, на который онъ и отправился въ январѣ мѣсяцѣ 1459 г. въ сопровожденіи пяти кардиналовъ. Остальные должны были послѣдовать за нимъ.

Исидоръ присоединился къ нему въ Сіенѣ, гдѣ онъ былъ осыпанъ почестями, по случаю назначенія его 20-го апрѣля 1459 г. патріархомъ на мѣсто покойнаго патріарха Григорія, скончавшагося въ исходѣ 1458 г. Въ сущности, до тѣхъ поръ, пока турки владѣли Босфоромъ, это назначеніе могло быть только номинальнымъ, но все же оно придало Исидору еще большее значеніе и свидѣтельствовало о довѣріи къ нему папы, который не отказывался отъ надежды завоевать обратно Константинополь.

Конгрессъ, собравшійся въ Мантуѣ, продолжался около восьми мѣсяцевъ и былъ для его участниковъ рядомъ разочарованій; всѣ долгія и скучныя разсужденія не привели въ концѣ концовъ къ коалиціи противъ турокъ. Булла о крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ, изданная 14-го января 1460 г., не вызвала никакого воодушевленія, и эхо папскаго призыва замерло у подошвы Альпійскихъ горъ.

На конгрессѣ обсуждались вопросы, которые издавна занимали Исидора, и тутъ, какъ во Флоренціи и иныхъ мѣстахъ, онъ стушевывался передъ Виссаріономъ, который произнесъ патетическую рѣчь и исходатайствовалъ подкрѣпленіе, о коемъ просили посланные Ѳомы Палеолога.

Въ это время вновь избранный константинопольскій патріархъ, Исидоръ, полный воинственныхъ замысловъ, пытался навербовать солдатъ, чтобы спѣшить съ ними на помощь грекамъ.

Вскорѣ послѣ окончанія конгресса, въ самой срединѣ зимы, въ февралѣ мѣсяцѣ 1460 г. онъ былъ уже въ Анконѣ, гдѣ закупалъ оружіе,

приготовлялъ суда и помышлялъ объ отправленіи въ Грецію. Онъ послалъ нѣкоторыхъ преданныхъ ему лицъ на развѣдки, чтобы узнать, можно ли было отважиться въ путь съ маленькимъ отрядомъ, не рискуя быть убитымъ превосходными силами турокъ. Свѣдѣнія, полученныя имъ, были, вѣроятно, не особенно благопріятны, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ Исидоръ еще не выѣхалъ изъ Анконы, а затѣмъ онъ возвратился въ Римъ, не отважившись пуститься въ путь.

Исидору не суждено уже было долго дѣйствовать: его дни были сочтены. Его здоровье было расшатано; съ нимъ часто случались обмороки. 1-го апрѣля 1461 г. повторился подобный болѣзненный припадокъ, внушившій самыя серьезныя опасенія. Погода была въ тотъ день убійственная, дождь лилъ ливмя, дулъ сильнѣйшій вѣтеръ. Исидоръ разговаривалъ со своими домашними въ передней, какъ вдругъ онъ упалъ и лишился чувствъ. Перенесенный въ свою комнату, онъ пришелъ въ себя, но лишился языка. Онъ не владѣлъ имъ до сентября мѣсяца, поправлялся медленно, и здоровье его уже никогда не возстановилось окончательно, хотя по временамъ онъ чувствовалъ себя не дурно. Ему, удрученному лѣтами и болѣзнью, пришлось подъ конецъ жизни имѣть не мало непріятностей денежнаго свойства. Чтобы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе, надобно бросить бѣглый взглядъ на его образъ жизни, привычки и отношенія.

Занимая такое высокое положеніе среди іерарховъ католической церкви, Исидоръ пользовался славою человѣка въ высшей степени добродѣтельнаго и неподкупной честности. Онъ не съумѣлъ снискать симпатіи великаго князя московскаго, но пользовался всю жизнь благоволеніемъ папъ. Щекотливыя и важныя дѣла, кои возлагались на него, дали ему возможность выказать вполнѣ всѣ свои выдающіяся качества. Ему отдавали въ этомъ отношеніи полную справедливость не только его друзья, но и враги. Вообще, современники отзываются о немъ въ своихъ сочиненіяхъ съ большихъ уваженіемъ и почтительностью, такъ же точно, какъ и позднѣйшіе писатели шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ.

Такъ же точно всѣ отзывались съ большою похвалою объ его умственныхъ способностяхъ, а переписка, которую онъ велъ до поѣздки въ Россію, его отношенія къ гуманистамъ и тѣ немногія рѣчи, которыя онъ произносилъ въ соборахъ, свидѣтельствуютъ, что онъ не былъ чуждъ современнымъ ему теченіямъ въ области мысли.

Хотя онъ ничего не писалъ самъ, но, несмотря на свою скитальческую жизнь, онъ не утратилъ любви къ книгамъ и къ наукѣ. Когда на папскій престолъ вступилъ Каликстъ III, который не отличался особенной любовью къ печатному слову, то кардиналъ Исидоръ воспользовался этимъ и попросилъ папу одолжить ему для просмотра нѣ-

сколько рукописей изъ Ватиканской библіотеки, и къ нему въ домъ было перенесено около шестидесяти двухъ томовъ. Подборъ этихъ рукописей свидѣтельствуетъ о широтѣ и разнообразіи его умственныхъ запросовъ; тутъ были и евангелія, и сочиненія отцовъ церкви и извѣстнѣйшихъ богослововъ, канониковъ, философовъ, историковъ, географовъ, ораторовъ, поэтовъ, математиковъ и даже врачей, напр., сочиненія Хризостома, Өомы Аквинскаго, Платона, Геродота, Плутарха, Өукидида, Діодора, Полибія, Демосөена, Изократа, Гомера, Эвклида, Архимеда, Галіена и Гиппократа.

Это обстоятельство подало поводъ къ серьезному обвиненію противъ Исидора. Нѣкоторые жаловались на то, что Сикстъ III разрозналъ замѣчательную библіотеку, собранную папою Николаемъ V, и что эти драгоцѣнныя рукописи были проданы во время болѣзни Исидора за ничтожную цѣну и утеряны безвозвратно. Но оказывается, что эти жалобы преувеличены, такъ какъ большая часть книгъ, взятыхъ Исидоромъ, находятся понынѣ въ Ватиканской библіотекѣ. Онѣ были даны ему не въ вѣчное, а въ пожизненное владѣніе, а когда силы начали измѣнять ему, то завѣдующимъ его дѣлами былъ назначенъ Виссаріонъ, который, разумѣется, никогда не дозволилъ бы растратить эти сокровища. Кромѣ того, одно довѣренное лицо маркиза Мантуйскаго, разыскивавшее для него библію, писало ему, что таковая имѣется у Исидора, но что ее нѣтъ возможности получить. Послѣ смерти Исидора Виссаріонъ пріобрѣлъ отъ него требникъ и молитвенникъ, но о продажѣ другихъ книгъ не было и рѣчи.

Хотя Исидоръ интересовался книгами, однако онъ производитъ въ общемъ впечатлѣніе человѣка, котораго несравненно болѣе интересовали текущія событія, нежели вопросы научные и литературные. Онъ былъ прежде всего человѣкъ дѣла. Какое-либо порученіе въ страну отдаленную, организація войскъ, оказаніе помощи нуждающимся—таково было его излюбленное поприще дѣятельности, на это онъ полагалъ всю свою энергію.

Какъ греку, вынужденному жить вдали отъ родины, ему было бы естественнѣе всего окружить себя соотечественниками, между тѣмъ, всѣ его приближенные, или, если можно такъ сказать, весь его маленькій кардинальскій дворъ, состоялъ по большей части изъ латинянъ. Во главѣ ихъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы его жизни стоялъ римлянинъ Конрадъ Марчеллини, епископъ террачинскій, который завѣдывалъ его текущими дѣлами. Его секретарь и капелланы были католики, и между ними встрѣчается всего двѣ или три греческія фамиліи.

Высокое положеніе, которое занималъ Исидоръ въ Греціи, сблизило его со многими изъ видныхъ дѣятелей этой страны, точно такъ же и въ Римѣ, благодаря своему кардинальскому титулу и заботамъ о соста-

вленіи лиги противъ турокъ, онъ вошелъ въ сношеніе со многими лицами, занимавшими самое выдающееся положеніе. Несмотря на это, онъ жилъ очень скромно, и его доходовъ едва хватало, чтобы вести домъ, какъ приличествовало его сану. Всякій разъ какъ папы жаловали ему новую бенефицію, предлогомъ къ этому являлся недостатокъ средствъ и большіе расходы, которые ему приходилось дѣлать. При вступленіи на престолъ Пія II доходы Исидора не превышали четырехъ тысячъ дукатовъ; изъ числа кардиналовъ онъ считался человѣкомъ сравнительно бѣднымъ; многіе ставили это ему въ заслугу, но поэтому, волей-неволей, онъ былъ постоянно занятъ мыслью объ увеличеніи своихъ средствъ, нерѣдко долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, просить у своихъ заимодавцевъ отсрочекъ платежа и, вообще, часто находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи.

Можно себѣ представить, до чего всѣ эти матеріальныя заботы должны были тяготить человѣка, который былъ постоянно занятъ возвышенной цѣлью, требовавшей для достиженія ея большихъ денежныхъ средствъ, при томъ человѣка такого пылкаго и стремительнаго характера.

Исидоръ до конца жизни остался вѣренъ той благородной цѣли, къ достиженію которой онъ стремился постоянно. Еще 25-го февраля 1462 г., онъ написалъ слабѣющей рукою маркизу Мантуйскому нѣсколько словъ, рекомендуя ему Эммануила Ягуби и Анджело Палеолога— двухъ лицъ, отправлявшихся на сборъ подаяній для выкупа плѣнныхъ, взятыхъ подъ Константинополемъ.

«Все, что вы сдѣлаете для нихъ,—писалъ онъ,—будетъ угодно Богу, и я готовъ, съ своей стороны, оказать вамъ таковыя же и еще бóльшія услуги».

11-го апрѣля 1462 года случился слѣдующій глубоко-трогательный эпизодъ, въ которомъ вылился весь смыслъ жизни Исидора. Въ этотъ день голова св. Андрея, подаренная Пію II Ѳомою Палеологомъ, была торжественно перенесена въ Ватиканъ.

Исидоръ былъ настолько слабъ, что не могъ выходить изъ дома и не участвовалъ въ процессіи; но когда она прошла мимо его оконъ, когда онъ услыхалъ церковное пѣніе, набожныя восклицанія народа, ничто не могло остановить его; онъ кинулся вслѣдъ за святыми мощами и дошелъ до Ватикана, до мѣстъ, предназначенныхъ для папы и кардиналовъ. Трогательно было видѣть этого стараго немощнаго колѣнопреклоненнаго кардинала, ободрявшаго взоромъ и жестами своего друга Виссаріона, который просилъ, для спасенія Византіи, снарядить крестовый походъ противъ турокъ.

Горячій поборникъ единства церкви, онъ пожертвовалъ своимъ блестящимъ положеніемъ въ Москвѣ и добровольно обрекъ себя на жизнь полную трудовъ и лишеній, чтобы не измѣнить взглядамъ, которые были

признаны имъ правильными на Флорентійскомъ соборѣ. Горячій патріотъ и человѣкъ искренно вѣрующій, онъ поспѣшилъ въ Византію, когда ей угрожала опасность, и послѣ паденія Константинополя единственной его заботой и думой было возстановленіе его.

Такимъ образомъ, любовь къ отечеству и пламенное желаніе единенія съ Римомъ составляли отличительныя черты его характера. Онъ всю жизнь не измѣнялъ этимъ благороднымъ цѣлямъ, и теперь, подъ конецъ жизни, въ виду приближавшейся вѣчности, онъ еще разъ торжественно запечатлѣлъ свои убѣжденія. Въ этомъ сказалось все величіе его характера. Можно не признавать его талантовъ, можно судить болѣе или менѣе строго его дѣятельность, но не найдется человѣка, который могъ бы усомниться въ его неизмѣнной вѣрности своимъ убѣжденіямъ. Онъ былъ и остался до конца человѣкомъ вѣрнымъ своему слову, глубоко преданнымъ своей родинѣ; и его чело всегда будетъ осѣнено ореоломъ славы.

Неимовѣрное усиліе, сдѣланное Исидоромъ для того, чтобы дойти до Ватикана, подорвало послѣднія силы его ослабѣвшаго организма, истощеннаго трудами. Но жизненныя силы его были велики, и онъ еще долго боролся съ болѣзнью.

27-го апрѣля съ нимъ сдѣлался новый припадокъ, послѣ котораго онъ скончался.

Со смертью Исидора исчезъ съ земли человѣкъ, который, несмотря на свое кратковременное пребываніе въ Москвѣ, оставилъ по себѣ неувядаемую память въ славянскомъ мірѣ. Съ его именемъ, которое не забудется исторіей, связано воспоминаніе о событіяхъ въ высшей степени важныхъ. Во-первыхъ, къ этому времени относится, какъ выше сказано, распаденіе русской церкви на двѣ митрополіи. Московскіе правители всегда относились враждебно къ Риму и несочувственно къ Флорентійской уніи. Русская политика носила характеръ византійскій, свѣтская власть проникала въ нѣдра церкви, подчиняла себѣ духовенство и порабощала его свободу и независимость. Въ Кіевѣ и его епархіи дѣло обстояло нѣсколько иначе. Митрополиты признавали нѣкоторое время первенство папы и съ успѣхомъ проповѣдывали это. Но затѣмъ началась внутренняя борьба, заботы и дѣла патріотическаго характера заставили на время позабыть о буллѣ Евгенія IV. Сѣмена, брошенныя Флорентійской уніей, пустили прочные корни и дали обильную жатву лишь въ концѣ шестнадцатаго вѣка.

Флорентійская унія не только не создала связи между Москвою и Римомъ, но, по странной случайности судьбы, она порвала узы, связывавшія этотъ славянскій городъ съ греческимъ міромъ. Паденіе Константинополя, послѣдовавшее за неудавшеюся попыткою къ соединенію церквей, имѣло могущественное вліяніе на этотъ поворотъ умовъ. Греки

пользовались до тѣхъ поръ большимъ уваженіемъ среди русскихъ. Имя Владиміра Святаго было неразрывно связано съ именемъ его супруги, византійской принцессы Анны; благодаря ихъ старанію въ Кіевѣ занялась заря христіанства. Византійскіе миссіонеры первые окрестили новообращенныхъ въ волнахъ Днѣпра, они же основали тамъ первыя школы, занимали долгое время высшія духовныя должности и вѣдали почти всѣми дѣлами духовнаго вѣдомства. Какъ вершители небесныхъ дѣлъ и наставники юношества, вносившіе въ страну свѣтъ просвѣщенія, греки считались людьми избранными, чрезвычайно набожными, и Царьградъ, источникъ вѣры и просвѣщенія, имѣлъ въ глазахъ русскихъ огромное значеніе.

Но послѣ обнародованія Флорентійской уніи произошла замѣтная реакція, которая съ теченіемъ времени мало-по-малу усиливалась. Русскіе отвергли унію (единство церкви), какъ попытку богохульную, и митрополитъ Іона, идя по стопамъ великаго князя Василія Темнаго, говорилъ въ своихъ письмахъ во всеуслышаніе, что созваніе восьмаго собора давно было воспрещено церковнымъ уставомъ, и первыми семью вселенскими соборами, и даже самими апостолами.

Каковъ бы ни былъ этотъ взглядъ самъ-по-себѣ, важно то, что онъ преобладалъ въ Москвѣ, гдѣ относились къ Флорентійскому собору съ ненавистью. А когда въ Москвѣ узнали, что императоръ и патріархъ присоединились къ постановленіямъ этого собора, то всеобщее недовольство не имѣло предѣловъ. Сами же греки называли латинянъ всегда самыми отъявленными еретиками, возбуждали противъ нихъ ненависть, и вдругъ они сдѣлались ихъ союзниками! Развѣ это не было измѣною истинной вѣрѣ, преступленіемъ, которое могло навлечь мщеніе свыше?

Когда Константинополь палъ, сдѣлавшись добычею турокъ, то москвитяне увидѣли въ этомъ оправданіе своихъ опасеній и уже не сомнѣвались болѣе въ справедливости своего взгляда. Вскорѣ, болѣе смѣлые ученые люди стали подыскивать объясненіе этому бѣдствію въ Священномъ Писаніи, въ лѣтописяхъ, въ оригинальныхъ сочетаніяхъ чиселъ, начиная отъ Адама и кончая пятнадцатымъ вѣкомъ. Ѳилоѳей, монахъ изъ Пскова, предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ этихъ ошибочныхъ умозаключеній и указалъ имъ единственный законный и вѣрный путь для рѣшенія этого вопроса: «Византія,—сказалъ онъ,—пала потому, что она измѣнила истинной вѣрѣ и приняла латинство».

Видя эту измѣну, русскіе невольно переносились мысленно къ другому городу, который всегда былъ непоколебимо вѣренъ православію. Одинъ русскій, служившій въ турецкомъ войскѣ во время осады Константинополя, имѣлъ уже внушеніе свыше, что побѣда будетъ принадлежать русскимъ.

*

Русскіе,—писалъ Искандеръ,—наслѣдуютъ грекамъ и отомстятъ за истинную вѣру. Въ Москвѣ эта мысль объ отомщеніи за вѣру, о священномъ наслѣдіи Византіи, пустила глубокіе корни. Она перешла изъ небольшаго круга сочиненій въ народныя преданія и упрочилась съ теченіемъ времени на исторической основѣ. Когда потомки Мономаха смѣшали свою кровь съ кровью Палеологовъ, древняя слава Византіи какъ бы осѣнила Москву, ея православныхъ царей и чтимыя народомъ святыни.

V.

Бѣгство Ѳомы Палеолога въ Италію.—Пріемъ, сдѣланный ему папою.—Перенесеніе въ Римъ головы св. Андрея и руки Іоанна Крестителя.—Попытки къ изгнанію турокъ.—Кончина Ѳомы Палеолога.—Судьба его дочери Софіи.

Послѣ паденія Константинополя, положеніе на Востокѣ все болѣе и болѣе ухудшалось. Овладѣвъ Босфоромъ и желая распространить свою власть отъ Чернаго до Адріатическаго моря, турецкій султанъ захватывалъ мало-по-малу греческія, албанскія и славянскія земли, лежавшія между Венеціей и Трапезундомъ; можно было опасаться, что онъ проникнетъ въ самый центръ Европы.

Особенно печальна была судьба, постигшая царствовавшую въ Византіи династію Палеологовъ. Два брата послѣдняго византійскаго императора, Константина Драгазеса, павшаго въ 1453 г. геройскою смертью при защитѣ своей столицы, Димитрій и Ѳома Палеологи имѣли независимыя владѣнія въ Мореѣ. Одинъ изъ нихъ жилъ въ Патрасѣ, другой—въ Мистрѣ, близъ древней Спарты. Окруженные враждебными имъ албанцами и не пользовавшіеся особенною любовью своихъ подданныхъ, покинутые своими архонтами (полководцами), братья Палеологи не только не соединили остатки своихъ силъ для совмѣстной борьбы съ турками, коимъ они уже платили въ то время дань, но, напротивъ того, вели между собою безконечную и упорную борьбу. Эти братоубійственныя, кровавыя распри ускорили гибель Палеологовъ. Турки, давно уже стремившіеся къ тому, чтобы захватить ихъ владѣнія, стояли съ 1458 г. лагеремъ подъ Коринѳомъ, а въ 1460 г. овладѣли большею частью Мореи. Палеологи не могли удержать свои владѣнія и бѣжали въ Италію.

Общая опасность, угрожавшая Италіи и Византіи отъ турокъ, сблизила эти державы. Греки имѣли частыя сношенія съ Миланомъ, Флоренціей, Неаполемъ и въ особенности съ Венеціей и Римомъ. Республика Св. Марка владѣла въ Мореѣ землями, которыя служили ей

морскими станціями въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ; поэтому судьбы этого полуострова всегда интересовали ее, и она заботилась о поддержаніи въ немъ внутренняго порядка. Предвидя, что наступитъ моментъ, когда Ѳома Палеологъ не будетъ въ состояніи отстоять свои владѣнія отъ турокъ, Венеція была не прочь пріобрѣсти ихъ покупкою за извѣстную сумму, или въ обмѣнъ за другія земли, или же, наконецъ, за уплату Палеологамъ пожизненной пенсіи. Но эта сдѣлка не состоялась, и Ѳома, лишившись своихъ владѣній, оставивъ жену и дѣтей въ Корфу, бѣжалъ, какъ уже извѣстно, въ Италію и 7-го марта 1461 г. совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Римъ.

Папа послалъ ему навстрѣчу двухъ кардиналовъ, Петра Барбо и Родриго Борджіа, къ которымъ присоединился бывшій еще въ то время въ живыхъ, кардиналъ Исидоръ. Свита Ѳомы Палеолога состояла изъ семидесяти всадниковъ и стольких же пѣхотинцевъ. Папа принялъ его въ присутствіи всѣхъ собравшихся кардиналовъ, которые отвели его по окончаніи аудіенціи въ приготовленное для него временное помѣщеніе.

Въ знакъ особаго благоволенія со стороны папы и въ видѣ утѣшенія за испытанныя имъ несчастія, Ѳома Палеологъ получилъ отъ святѣйшаго отца въ воскресенье, 15-го марта, золотую розу — честь, которая оказывалась монархамъ, отличившимся особенною преданностью церкви. Пій II страдалъ въ это время приступомъ подагры и не могъ встать съ постели; поэтому кардиналъ Эстутвиль совершилъ вмѣсто него богослуженіе на престолѣ, на которомъ, во время совершенія таинства, стояла роза, маленькое деревцо съ золотыми листьями, увѣнчанное сапфиромъ. Деспотъ [1]) стоялъ во время этой церемоніи на почетномъ мѣстѣ, набожно предаваясь молитвѣ. По окончаніи обѣдни, кардиналы направились къ больному папѣ, который, взявъ розу въ свои руки, передалъ ее Ѳомѣ.

Вслѣдъ затѣмъ ему было отведено помѣщеніе въ обширномъ зданіи, въ которомъ находилась кромѣ того церковь, школа и госпиталь, и такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, то ему была назначена изъ папской казны ежемѣсячная пенсія въ триста дукатовъ золотомъ, къ которой кардиналы присоединили отъ себя двѣсти дукатовъ. Этого, при небольшой посторонней помощи, было вполнѣ достаточно для скромнаго существованія.

Ѳома Палеологъ имѣлъ въ изгнаніи свой маленькій дворъ, состоявшій вначалѣ только изъ восемнадцати сановниковъ. Обязанности дворецкаго исполнялъ Григорій Траханіотъ.

---

[1]) Въ восточной Римской имперіи титулъ деспота давался родственникамъ восточнаго императора.

На видъ Палеологу было въ то время пятьдесятъ шесть лѣтъ. Прекраснаго роста, красавецъ собою, онъ имѣлъ царственную наружность, которая внушала всѣмъ уваженіе. Но лицо его дышало грустью; онъ чувствовалъ, что его страданіямъ еще не насталъ конецъ. Сидя за столомъ у кардиналовъ, онъ говорилъ мало, былъ всегда грустенъ и задумчивъ. Многіе сулили ему блестящую судьбу и видѣли въ немъ будущаго императора Византіи, отвоеванной у мусульманъ.

Пріѣздъ деспота въ Римъ подалъ поводъ къ весьма трогательной церемоніи. Уѣзжая изъ Патраса, онъ тайно увезъ съ собою чтимыя въ этомъ городѣ мощи—главу Святаго Андрея, тѣло котораго покоится въ Амальфи и который, согласно преданію, былъ распятъ въ Ахаїѣ. Какъ только объ этомъ разнеслась вѣсть, нѣкоторыя владѣтельныя особы Запада стали оспаривать другъ у друга честь имѣть у себя эти священныя мощи и дѣлали деспоту весьма соблазнительныя предложенія, но Ѳома Палеологъ, уступая настоятельной просьбѣ Пія II, отдалъ предпочтеніе Риму. Папа пожелалъ обставить церемонію перенесенія мощей съ особымъ торжествомъ; навстрѣчу имъ отправились въ Нарни три кардинала; 11-го апрѣля 1462 г. мощи прибыли въ Римъ. По пути слѣдованія процессіи у моста—Ponte Molle были сооружены двѣ великолѣпныя трибуны, одна для кардиналовъ, пріѣхавшихъ изъ Нарни, другая для папы и его двора, римскихъ принцевъ и посланниковъ. Пій II произнесъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся рѣчь, и вслѣдъ за тѣмъ мощи были перевезены временно въ церковь Санта Марія дель Пополо (Santa-Maria del Popolo). Это происходило 12-го апрѣля.

На другой день состоялась новая, еще болѣе торжественная процессія при перенесеніи главы въ соборъ Св. Петра, гдѣ она должна была остаться окончательно. Кардиналы, за исключеніемъ самыхъ немощныхъ, шли пѣшкомъ. На это торжество изо всѣхъ частей Италіи, Франціи, Венгріи и Германіи съѣхались богомольцы. Стеченіе народа было огромное; никто не могъ запомнить ничего подобнаго. Улицы по всему пути были роскошно убраны коврами и цвѣтами.

Впослѣдствіи Ѳома Палеологъ подарилъ папѣ еще одно сокровище: руку Святаго Іоанна Крестителя и вышитую церковную мантію, осыпанную драгоцѣнными камнями. Мощи Предтечи, о коихъ существуетъ легенда, будто онѣ находились одно время въ Сербіи, были переданы папою впослѣдствіи городу Сіенѣ, за что̀ деспотъ получилъ въ даръ тысячу дукатовъ.

Несчастнаго Ѳому Палеолога неотступно преслѣдовала мысль о походѣ противъ турокъ, при этомъ его занималъ болѣе всего конечно вопросъ о завоеваніи обратно Мореи, которая могла, дѣйствительно, служить превосходнымъ базисомъ для войны на Востокѣ. Для обсужденія этого дѣла былъ образованъ комитетъ изъ кардиналовъ Исидора,

Эстутвиля, Кузы и Каландрини. Посланникъ мантуйскій Бонатто замѣчаетъ по этому поводу, что никто не скупился на обѣщанія деспоту, но что изъ этихъ обѣщаній ничего не вышло.

На самомъ дѣлѣ, къ осуществленію этого предпріятія являлись непреодолимыя препятствія. Пій II видѣлъ въ лицѣ Θомы Палеолога человѣка, преданнаго Флорентійской уніи, и неумолимаго врага полумѣсяца, и былъ не прочь согласиться на его планъ кампаніи, не давая ему впрочемъ ни войска, ни денегъ, а предоставивъ ему объѣхать самому всю Италію и просить помощи у европейскихъ монарховъ и республикъ.

Палеологъ не отказался отъ этой неблагодарной задачи. Заручившись рекомендательными письмами отъ кардиналовъ и папскимъ посланіемъ, въ коемъ святѣйшій отецъ отзывался въ самыхъ симпатичныхъ выраженіяхъ о его личности и объ его дѣлѣ, онъ ѣздилъ изъ города въ городъ, но всѣ его старанія остались безуспѣшными; западные монархи не откликнулись на его просьбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Венеціи, къ нему отнеслись даже съ недовѣріемъ. Когда папа Пій II выразилъ желаніе стать во главѣ войска, снаряжаемаго противъ турокъ, «выставивъ», какъ онъ выражался, «свое старое и больное тѣло подъ удары непріятеля», и когда пронесся слухъ, что въ Мореѣ появится вскорѣ Θома Палеологъ, то венеціанскіе сенаторы высказались рѣшительно противъ его отъѣзда изъ Италіи.

«Поѣзжайте къ святѣйшему отцу,—писали они 17-го мая 1464 г. своему посланнику въ Римѣ,—и умоляйте его всячески не допускать отъѣзда деспота въ Морею, такъ какъ это можетъ повлечь за собою большія неудобства и непріятности».

Помимо того, они приказали слѣдить, чтобы онъ не ѣздилъ въ Анкону, гдѣ папа долженъ былъ сѣсть на суда, отплывавшія на Востокъ.

Печальный исходъ предпріятія Пія II извѣстенъ. Онъ скончался въ Анконѣ 15-го августа 1464 г., по пути въ Святую землю, всецѣло поглощенный мыслью о походѣ, обративъ свои потухающіе взоры къ Адріатическому морю, откуда онъ ожидалъ венеціанскія галеры, на коихъ войска должны были отплыть на Востокъ. Со смертью папы рушилось все предпріятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая роль Θомы Палеолога была сыграна. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя всецѣло семьѣ.

Онъ былъ женатъ на дочери центуріона Захарія II, котораго онъ свергнулъ съ престола, объявивъ себя деспотомъ (правителемъ) на его мѣсто, и имѣлъ отъ этого брака четырехъ дѣтей: старшая его дочь, Елена, вышла въ 1446 г. замужъ за короля сербскаго Лазаря II и по

смерти мужа удалилась въ монастырь; остальныхъ трехъ дѣтей, оставленныхъ отцомъ въ Корфу, звали Зоя, Андрей и Мануилъ.

Послѣ того какъ рушились послѣднія надежды Палеолога, пребываніе его семьи на Востокѣ уже не имѣло смысла, и онъ употребилъ всевозможныя средства къ тому, чтобы перевезти ее въ Римъ. Но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а объ его дѣтяхъ не было ни слуху, ни духу. Удрученный горемъ, Палеологъ думалъ, что они погибли въ морскихъ волнахъ. Къ душевной тревогѣ присоединился физическій недугъ, отъ котораго онъ скончался въ нѣсколько дней (12-го мая 1465 г.), такъ что иные полагали даже, что онъ былъ отравленъ.

Тѣло Ѳомы Палеолога было погребено подъ сводами собора Св. Петра. Желая увѣковѣчить черты его замѣчательно красиваго лица, папа приказалъ, какъ говорятъ, воспроизвести ихъ въ статуѣ апостола Павла, которой онъ хотѣлъ украсить лѣстницу Ватикана.

Передъ смертью Ѳома назначилъ своимъ душеприказчикомъ и исполнителемъ его послѣдней воли кардинала никейскаго Виссаріона, поручивъ ему «своихъ возлюбленныхъ дѣтей», и назначилъ его ихъ опекуномъ и защитникомъ. Виссаріонъ принялъ на себя эту трудную задачу, во-первыхъ, какъ онъ говорилъ, изъ любви къ Богу, во-вторыхъ, изъ дружбы, которой онъ былъ связанъ много лѣтъ съ Палеологомъ. Трудно было сдѣлать лучшій выборъ. Исидора, преданнаго друга Палеологовъ, уже не было въ живыхъ; а Виссаріонъ былъ, также точно, какъ и онъ, одушевленъ горячей любовью къ истинной вѣрѣ, къ благу отечества и къ папскому престолу, но онъ превосходилъ Исидора возвышенностью взглядовъ, обширными познаніями, тѣмъ вліяніемъ, какимъ онъ пользовался въ политическомъ мірѣ и совершенно исключительнымъ положеніемъ, какое онъ занималъ въ мірѣ ученыхъ и писателей.

Можно было надѣяться, что это будетъ превосходный опекунъ, и онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему Палеологомъ.

Дѣти Ѳомы Палеолога прибыли въ Анкону на другой день послѣ его кончины. Первою заботою Виссаріона было отправить ихъ въ какое-либо безопасное мѣсто, чтобы удалить изъ Рима, гдѣ имъ угрожала опасность заболѣть чумою, которая свирѣпствовала тогда въ Италіи. Съ согласія папы и византійскихъ дворянъ Виссаріонъ отправилъ дѣтей въ Чинголи (Cingoli), гдѣ они должны были пробыть до сентября или октября мѣсяца. Воздухъ въ этой мѣстности былъ здоровый, превосходный. Епископъ Гаспаръ Закки (Gaspar Zacchi), бывшій секретарь Виссаріона, человѣкъ въ высокой степени преданный Палеологамъ, охотно предоставилъ въ ихъ распоряженіе свой замокъ.

До насъ дошелъ только одинъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія относительно воспитанія юныхъ Палеологовъ въ Римѣ,

а именно письмо къ ихъ воспитателю (имя котораго не извѣстно), или скорѣе программа ихъ занятій и поведенія, написанная Виссаріономъ 9-го августа 1465 г., которая была бережно сохранена Франзесомъ (Phrantzès), преданнымъ слугою Палеологовъ. Въ этомъ документѣ вылилась вся душа великаго кардинала: человѣкъ отъ рожденія бѣдный и незнатнаго происхожденія, достигшій, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и талантамъ, высокаго соціальнаго положенія, онъ научился горькимъ опытомъ обхожденію съ латинянами, узналъ цѣну деньгамъ и людямъ и хотѣлъ, чтобы юные Палеологи воспользовались его опытомъ.

Въ упомянутой программѣ Виссаріонъ говоритъ прежде всего о домашнемъ обиходѣ принцевъ, которыхъ онъ постарался обставить съ нѣкоторой роскошью, не обременяя черезчуръ ихъ скромнаго бюджета. Изъ числа трехъ сотъ экю, которыя выдавались имъ изъ папской казны ежемѣсячно, также какъ нѣкогда ихъ отцу, двѣсти экю были назначены принцамъ на одежду, лошадей и прислугу. Изъ этой суммы дѣлались маленькія сбереженія на разные непредвидѣнные случаи; остальныя сто экю предназначались на содержаніе ихъ скромнаго двора. Въ числѣ лицъ, кои должны были состоять при нихъ обязательно, Виссаріонъ упоминаетъ врача, двухъ преподавателей—греческаго и латинскаго языковъ, и одного или двухъ католическихъ священниковъ. Въ принципѣ, онъ совѣтуетъ платить каждому поменьше жалованья, но имѣть побольше слугъ, соблюдая, однако, въ этомъ случаѣ, извѣстную мѣру. Такъ какъ римляне относились не особенно одобрительно къ многочисленнымъ паразитамъ, окружавшимъ Ѳому Палеолога, то воспитателю его дѣтей совѣтовалось не впадать въ эту крайность.

Въ виду скудныхъ средствъ Палеологовъ, Виссаріону приходилось волей неволей останавливаться на этихъ подробностяхъ матеріальнаго свойства; но главное его вниманіе было обращено на нравственное воспитаніе юношей.

«Благородство происхожденія», пишетъ онъ, обращаясь къ нимъ, «не имѣетъ никакой цѣны при отсутствіи добродѣтели, тѣмъ болѣе, что вы сироты, эмигранты, нищіе. Не забывайте этого и будьте всегда скромны, привѣтливы, доброжелательны; занимайтесь серьезно наукою, чтобы занять со временемъ въ свѣтѣ подобающее вамъ мѣсто».

Оставался еще одинъ, самый щекотливый вопросъ—о религіи и отношеніяхъ къ духовной власти. Судя по одному намеку, встрѣчающемуся въ письмѣ, съ принцами произошелъ, по пути въ Римъ, слѣдующій непріятный случай: однажды, въ тотъ самый моментъ, когда за ектеньей было упомянуто имя папы, Палеологи вышли изъ церкви.

Виссаріонъ строго укоряетъ ихъ за это въ своемъ письмѣ: «чтобы подобнаго скандала болѣе не повторялось», пишетъ онъ; и, основываясь на желаніи ихъ покойнаго отца, онъ предоставляетъ имъ выбрать

любое: либо слѣдовать его совѣтамъ, либо уѣхать обратно на Востокъ. «Если они хотятъ жить среди латинянъ, то они должны жить такъ, какъ живутъ латиняне, одѣваться такъ, какъ латиняне, посѣщать латинскія церкви, преклонять колѣна передъ кардиналами, быть покорны и смиренны передъ папою, къ которому они должны будутъ обратиться на первой же аудіенціи съ маленькой рѣчью». Дабы разсѣять всякое сомнѣніе на этотъ счетъ, кардиналъ повторяетъ въ заключеніе еще разъ, что они должны сообразоваться во всемъ, даже въ литургіи, съ латинянами. «У васъ будетъ все», повторяетъ онъ, «если вы будете подражать латинянамъ, въ противномъ случаѣ, вы не будете имѣть ничего».

Подобныя слова, въ устахъ человѣка, который былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ уніи, основанной на принципѣ единства вѣры и различія обрядовъ, могутъ показаться весьма странными. Что же была за причина этого удивительнаго пристрастія къ латинству? Безъ сомнѣнія, наставленія Виссаріона были написаны главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политической необходимости; не слѣдуетъ однако забывать, что въ то время среди извѣстной части грековъ обнаружилась нѣкоторая симпатія къ латинской вѣрѣ.

Хотя намъ извѣстно содержаніе программы, составленной Виссаріономъ для воспитанія юныхъ Палеологовъ, но намъ положительно неизвѣстно, какимъ способомъ эта программа была примѣнена на дѣлѣ. Однако, на основаніи нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ документовъ, можно сказать утвердительно, что Виссаріонъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу одной изъ дочерей Ѳомы Палеолога, Зои, болѣе извѣстной подъ именемъ Софіи, которая играла со временемъ видную роль въ исторіи. На оффиціальномъ языкѣ того времени, она называлась не иначе, какъ «возлюбленной дщерью римской церкви», воспитанной на ея средства и ея заботами, «дорогой для римскихъ первосвятителей», которые осыпали ее благодѣяніями. Виссаріонъ находилъ, что она была достойна своихъ славныхъ предковъ, граціозна, хороша собою, остроумна и осторожна. Онъ мечталъ для нея о коронѣ и, за неимѣніемъ королей, былъ готовъ довольствоваться князькомъ.

Еще до пріѣзда деспота въ Римъ, около 1460 г., подобныя же мысли лелѣялъ кардиналъ Исидоръ, старавшійся, довольно дѣятельно, породнить Палеологовъ съ кѣмъ-либо изъ западныхъ монарховъ.

Во время конгресса въ Мантуѣ онъ бесѣдовалъ объ этомъ съ маркизомъ Людовикомъ Гонзаго, который былъ въ ту пору озабоченъ пріисканіемъ подходящей невѣсты для своего старшаго сына Федерико (Federico). Исидоръ назвалъ ему Зою Палеологъ; ей было тогда одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, но она уже слыла красавицею. Блескъ ея происхожденія подкупилъ герцога Мантуйскаго; онъ отнесся къ этому предложенію вполнѣ серьезно и когда кардиналъ Исидоръ отпра-

вился въ Анкону, откуда онъ долженъ былъ ѣхать въ Морею, то Гонзаго послалъ туда, въ февралѣ мѣсяцѣ 1460 г., для свиданія съ нимъ довѣренное лицо, снабженное имъ полномочіями, паспортомъ и свитою изъ шести человѣкъ. Однако Исидоръ не пожелалъ вступить съ нимъ ни въ какіе переговоры «по причинамъ, которыя вашъ уполномоченный объяснитъ вамъ лично», писалъ онъ маркизу Мантуйскому. Несмотря на эту неудачу, брачный проектъ былъ возобновленъ по прибытіи Ѳомы Палеолога въ Италію. Людовикъ Гонзаго послалъ по этому случаю въ Римъ своего посланника Бонатто, приказавъ ему прежде всего собрать о Палеологахъ самыя точныя свѣдѣнія. Это было не трудно, тѣмъ болѣе, что въ домѣ кардинала Исидора жило два уроженца Мантуи, которые сообщили ему въ подробности все, что онъ хотѣлъ знать.

Такимъ образомъ Гонзаго узналъ, что деспотъ Ѳома Палеологъ былъ столь же знатенъ, сколько и бѣденъ, такъ бѣденъ, что папѣ пришлось дать ему семьсотъ дукатовъ на проѣздъ въ Римъ. Слѣдовательно, у Зои не было инаго приданаго кромѣ ея личныхъ качествъ. Между тѣмъ герцогиня Мантуйская, изъ рода Гогенцоллерновъ, не слишкомъ дорожила невѣстой безъ гроша, и Бонатто писалъ ей простодушно, что «у Зои есть все, кромѣ того, что вы наиболѣе желаете имѣть».

Людовикъ Гонзаго, одобряя благоразумные разсчеты своей супруги, заявилъ, что онъ самъ не въ состояніи съиграть эту свадьбу и слишкомъ бѣденъ для того, чтобы взять невѣстку безъ приданаго. Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, скромный Мантуйскій дворъ болѣе не колебался; онъ отказался, безъ всякаго сожалѣнія, отъ византійской принцессы.

Послѣ смерти Ѳомы Палеолога и неудачи, постигшей походъ, задуманный папою Піемъ II, пристроить Зою было еще труднѣе. Между тѣмъ объ этомъ было необходимо подумать.

Франзесъ разсказываетъ, что въ 1466 г. папа Павелъ II совѣтовалъ братьямъ Зои Палеологъ, Мануилу и Андрею, имѣвшему уже титулъ деспота, отдать руку ихъ сестры принцу Караччіоло, человѣку знатнаго рода, обладавшаго огромнымъ состояніемъ. Съ той и съ другой стороны были начаты переговоры, и дѣло подвинулось настолько, что женихъ и невѣста были обручены, и Франзесъ говоритъ, что онъ получилъ по этому случаю великолѣпные подарки. Таковъ разсказъ очевидца, человѣка весьма преданнаго Палеологамъ, которому не было ни малѣйшей надобности создавать легенды.

Однако, бракъ этотъ не состоялся, но причины разрыва неизвѣстны. Весьма возможно, что причиною этого были новые планы, относительно будущаго Зои, такъ какъ въ томъ же 1466 г. была рѣчь о ея бракѣ съ Іаковомъ Лузиньянскимъ (Jacques de Lusignan), незаконнымъ сыномъ короля Кипрскаго Іоанна II и одной гречанки изъ Патраса.

Онъ былъ красивъ собою, уменъ, прекрасно образованъ и горячо

любимъ отцомъ, но, какъ человѣкъ характера страстнаго, предавался всевозможнымъ увлеченіямъ и не умѣлъ обуздывать себя.

По смерти Іоанна II, единственная законная его дочь, Шарлотта, была признана въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1458 г. королевою кипрскою, іерусалимскою и армянскою и вступила во второй бракъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Людовикомъ Савойскимъ. Такимъ образомъ, на престолѣ утвердилась законная династія, и Іакову Лузиньянскому не оставалось никакихъ надеждъ. Тогда его любовь къ сестрѣ-королевы превратилась въ ненависть, и онъ не остановился ни передъ чѣмъ, чтобы овладѣть короною, прибѣгнувъ для этого даже къ иностранному вмѣшательству. Такъ какъ островъ Кипръ былъ леннымъ владѣніемъ Египта, то Іаковъ отправился въ Каиръ, гдѣ получилъ инвеституру [1]), нанялъ отрядъ мамелюковъ и сталъ съ ними лагеремъ подъ стѣнами Никозіи. Его сторонники пріободрились, пришли ему на помощь, и его смѣлое предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1460 г. столица, доведенная до крайности, провозгласила Іакова королемъ кипрскимъ.

Таковъ былъ новый претендентъ на руку Зои Палеологъ.

Послѣ того, какъ онъ завладѣлъ, такимъ образомъ, престоломъ, онъ и его сестра обращались поочередно къ папѣ: Шарлотта съ просьбою возстановить ея законныя права, а Іаковъ съ просьбою возстановить его попранныя права. Бывшая королева отправилась даже съ этой цѣлью лично въ Римъ, и Пій II принялъ ее благосклонно, между тѣмъ, какъ посланные Іакова даже не были допущены къ нему. Но Іаковъ не упалъ духомъ, и, когда, по смерти Пія II, на папскій престолъ вступилъ Павелъ II, то Іаковъ послалъ въ Римъ для переговоровъ новаго уполномоченнаго, монаха августинскаго ордена Вильгельма Гонема, бывшаго духовника покойнаго короля кипрскаго Іоанна II, человѣка, всецѣло преданнаго ему. По пути въ Римъ Гонему было приказано заѣхать въ Венецію, предложить республикѣ Св. Марка помощь Кипру въ борьбѣ съ турками и подыскать королю подходящую невѣсту.

11-го декабря 1466 г. сенаторы указали Гонему на дочь деспота Ѳомы Палеолога, какъ на самую подходящую для короля партію.

Указаніе сенаторовъ показалось, вѣроятно, Гонему весьма выгоднымъ, или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ соотвѣтствующимъ желаніямъ Іакова. Послѣдній былъ въ восторгѣ и при первой возможности завелъ объ этомъ рѣчь въ Римѣ, гдѣ, въ концѣ декабря, собралась коллегія кардиналовъ для обсужденія кипрскихъ дѣлъ. Судя по продолжительности засѣданія, пренія велись весьма оживленныя, ибо кардиналы не расходились цѣлыхъ семь часовъ. Было рѣшено не утверждать Іакова въ королевскомъ

---

[1]) Введеніе во владѣніе леномъ.

санѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не помирится съ сестрою. Что касалось брака съ Зоей Палеологъ, то этотъ вопросъ какъ будто даже не обсуждался кардиналами, а между тѣмъ, изъ всѣхъ порученій, возложенныхъ на Гонема, это былъ вопросъ самый легкій, ибо не только родственники и друзья Палеологовъ одобряли ея бракъ съ королемъ кипрскимъ, но видимо и самъ папа отнесся къ этому плану сочувственно. Опекунъ Зои, кардиналъ Виссаріонъ, со своей стороны, старался выхлопотать для Іакова Лузиньянокаго значительныя милости, называлъ его уже не иначе, какъ королемъ кипрскимъ. Незаконность происхожденія никѣмъ не считалась препятствіемъ, это пятно затмевалось блестящимъ именемъ и такъ мало смущало Виссаріона, что онъ приписывалъ себѣ даже нѣкоторую долю иниціативы въ брачныхъ планахъ короля кипрскаго.

«Высокое происхожденіе дома принцевъ Лузиніанскихъ привлекло мои взоры,—писалъ онъ,—я вспомнилъ о дружественныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между императорами византійскими и королями кипрскими, и о заключенномъ, въ недавнее время, бракѣ между Іоанномъ II и Еленою Палеологъ и отдалъ предпочтеніе королю Іакову».

Какъ видимъ, этотъ бракъ заключался изъ видовъ политики; о взаимномъ расположеніи не могло быть и рѣчи, такъ какъ женихъ и невѣста никогда не видали другъ друга. Но дѣло было настолько личное что его нельзя было рѣшить, не посовѣтовавшись съ Зоей, по крайней мѣрѣ, для вида. Ей сообщили о брачномъ проектѣ въ присутствіи ея братьевъ, нѣсколькихъ свидѣтелей и нотаріуса. Зоя изъявила свое согласіе, высказавъ, что она вполнѣ полагается на выборъ своего опекуна и на совѣтъ родныхъ и друзей.

Такимъ образомъ, дѣло улаживалось; можно было предвидѣть затрудненіе только матеріальнаго свойства. Первый бракъ Зои разстроился за неимѣніемъ ею приличнаго приданаго. Средства Палеологовъ были попрежнему скудны, поэтому невольно рождался вопросъ, не будетъ ли король кипрскій также требователенъ, какъ оказался требователенъ италіанскій маркизъ. Поэтому, хотя Виссаріонъ и былъ высокаго мнѣнія о достоинствахъ невѣсты, о ея происхожденіи, красотѣ и благоразуміи, но онъ все же считалъ не лишнимъ дать ей небольшое приданое и былъ готовъ заложить для этого точно такъ же, какъ ея братья, Андрей и Мануилъ, все свое движимое и недвижимое имущество.

Всѣ эти подробности обсуждались въ Римѣ для того, чтобы окончательно условиться обо всемъ съ королемъ лично. Виссаріонъ послалъ въ Кипръ своего уполномоченнаго, бывшаго базиліанскаго монаха Аѳанасія Карчіофило (Carciofilo), издавна ему преданнаго. Ему были даны съ согласія Зои самыя обширныя полномочія для заключенія брака, и было разрѣшено обѣщать все, что онъ найдетъ возможнымъ.

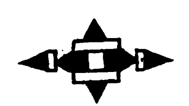
Его переговоры съ Іаковомъ близились уже къ концу, какъ вдругъ

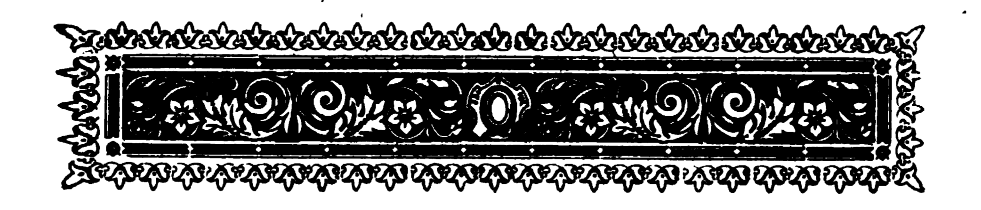
они были совершенно неожиданно прерваны. Причина этой неожиданной перемѣны въ точности не извѣстна, но нѣкоторые утверждаютъ что она была романическаго свойства. Жившее въ Венеціи патриціанское семейство Корнаро имѣло частныя сношенія съ островомъ Кипромъ; два брата Корнаро—Маркъ и Андрей, одолжили даже Іакову весьма значительныя суммы денегъ. Андрей при свиданія восхвалялъ ему красоту своей племянницы Екатерины, дочери Марка Корнаро, къ которой Іаковъ подъ вліяніемъ его похвалъ воспылалъ любовью. Похвалы дяди не были преувеличены, извѣстнѣйшіе художники того времени Беллини, Тиціанъ, Поль Веронезъ постарались увѣковѣчить на полотнѣ черты лица красавицы Екатерины съ ея черными жгучими глазами и бѣлымъ и румянымъ лицомъ, напоминавшимъ древнюю Юнону. Конечно, Іаковъ Лузиньянскій не могъ остаться равнодушнымъ къ ея красотѣ, но, быть можетъ, онъ дорожилъ еще болѣе тѣмъ, что вмѣстѣ съ ея рукою онъ пріобрѣталъ могущественныхъ союзниковъ. Подвергаясь нападкамъ со стороны турокъ и опасаясь мщенія генуэзцевъ, съ коими у него были разныя недоразумѣнія, и герцога Савойскаго, тестя Шарлоты, и, видя, что въ Римѣ отдѣлывались одними обѣщаніями, онъ разсчитывалъ на помощь только со стороны Венеціи. Венеціанскіе хроникеры говорятъ въ одинъ голосъ, что, вступая въ бракъ съ Екатериной Корнаро, Іаковъ преслѣдовалъ политическую цѣль.

Какъ бы то ни было, 10-го іюля 1468 г. въ Венеціи было совершено заочно ея бракосочетаніе съ королемъ кипрскимъ. Молодая и красавая патриціанка, получившая отъ своихъ новыхъ подданныхъ лестное названіе кипрской Венеры, принесла своему мужу въ приданое сто тысячъ дукатовъ.

Что касается Зои Палеологъ, то Виссаріонъ лелѣялъ относительно ея съ 1468 г. болѣе грандіозные планы; онъ мечталъ для нея о бракѣ съ великимъ княземъ московскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Записки Э. И. Стогова.

IX [1]).

Воспоминанія молодости.—Страсть къ чтенію и препятствія, въ томъ встрѣчаемыя.—Назначеніе Стогова на службу въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Бибикову.—Характеристика Д. Г. Бибикова.—Назначеніе Стогова правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора.—Проектъ его о введеніи въ краѣ русскихъ законовъ вмѣсто Литовскаго статута. — Остроты князя А. С. Меншикова.—И. И. Фундуклей.—Домашняя и общественная жизнь Бибиковыхъ.

Я вполнѣ сознаю недостаточность своихъ способностей къ литературному труду. Къ тому же воспитаніе мое было такъ давно и такъ не похоже на современное. Тогда писатель на Руси былъ индивидуумомъ рѣдкимъ и лицомъ какимъ-то фантастическимъ; тогда вѣрили, что не родившись писателемъ—не возможно сдѣлаться достойнымъ печати, тогда для писателя было бы крайнимъ униженіемъ даже подумать о гонорарѣ за свой трудъ, слава быть писателемъ—вознаграждала вполнѣ. Тогда слава была дешева, но цѣнилась дорого обществомъ; достаточно было скропать шесть строчекъ стиховъ и напечатать повѣсть въ листъ, и всѣ искали случая взглянуть на генія, и таккой геній могъ опочить на лаврахъ и кончить жизнь съ достоинствомъ, гордиться званіемъ писателя. Загляните въ журналы до1810 года и даже позднѣе, увидите журналы въ три—пять листовъ, крупной Евангельской печати, страницы съ большими полями, и эти тощіе представители литературы никогда не выходили вò-время. Обѣщаютъ 12 книжекъ, а хорошо, какъ дадутъ шесть—восемь нумеровъ. Да и о чемъ тогда писали—пере-

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1903 г.

воды самые легкіе, стишки: «Къ ней», «Къ лунѣ»; о чемъ спорили? о предлогахъ, о склоненіяхъ и спряженіяхъ. Вотъ въ какое время я воспитывался, сверхъ того, я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, слѣдовательно, въ спеціальномъ заведеніи. Лучшій нашъ профессоръ, тогда извѣстный знатокъ правописанія въ Питерѣ,—Груздевъ, всякій классъ начиналъ: «дружки, дружки, очините перушки».—Онъ считался великимъ острякомъ, и я помню прославившую его остроту. Одинъ гардемаринъ назвалъ его въ классѣ: «поповичъ». Груздевъ, подумавъ, отвѣчалъ: «ты самъ назвалъ, что я сынъ попа, но я не знаю, сынъ ли ты отца». Груздевъ послѣ этого казался намъ гигантомъ мудрой остроты. Кончалось однако тѣмъ, что, проучась 6-ть, 7-мь лѣтъ, выходили изъ корпуса, не зная правописанія. Лучшіе наши флотскіе писатели, уважаемые и теперь: Головнинъ, Рикордъ, Крузенштернъ, Лазаревъ, чтобы напечатать свои путешествія, предварительно отдавали Гречу для исправленія правописанія. Что они были умнѣе Греча съ братіею—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, они были глубоко ученые люди, но грамота русская была недоступна имъ. Морской корпусъ былъ тогда ученѣйшимъ заведеніемъ, но онъ поглощалъ все время ученія математикой, астрономіей, механикой, химіей, физикой, архитектурой, фортификаціей, артиллеріей и проч. и проч. Изучая эти науки, мы всѣ выходили малограмотными и даже не знали заповѣдей.

Если первыя свѣтилы флота не знали грамоты, то что же сказать о насъ грѣшныхъ, рядовыхъ офицерахъ?

Сколько помню себя, я всегда страстно любилъ читать. Изъ корпуса спускаясь по ночамъ, на простыняхъ изъ оконъ, я бѣгалъ на Вознесенскій проспектъ въ единственную тогда книжную лавку въ Питерѣ Плавильщикова, въ которой былъ сидѣльцемъ любезный Смирдинъ, впослѣдствіи знаменитый издатель. Продавая свои булки, переписывая тетради, дѣлая чертежи, я скоплялъ копѣйки, чтобы платить въ книжную лавку. Если бъ нашли у меня въ корпусѣ книгу—конфисковали бы и наказали, но наказаніе—куда ни шло, а конфискація могла довести до отчаянія. Сколько надобно было хитрости прятать книги,—читались книги по ночамъ, свѣчи воровались, а днемъ я читалъ на огромномъ и пустынномъ чердакѣ корпуса. Не разъ кровавые ужасы Радклифа въ пустынномъ чердакѣ пробирали до дрожи мои кости. Офицеромъ, я читалъ кой-что посерьезнѣе и нахватался верхушекъ знанія по всѣмъ предметамъ. Изъ меня вышелъ жалкій, поверхностный энциклопедистъ, но грамотѣ—я все-таки не могъ выучиться, и вотъ отчего не вышелъ изъ меня писатель, къ чему я имѣлъ истинное призваніе. Чтеніемъ и мараніемъ бумаги все-таки я пріобрѣлъ возможность составлять дѣловыя бумаги, и этимъ я много выигрывалъ по службѣ. Мои бумаги хвалили, начальники ласкали меня и просили

написать сложное донесеніе. Чтеніе и самообразованіе сдѣлали то, что я весьма самонадѣянно изъ спеціальной службы флота перешелъ въ жандармы, гдѣ прославился моими донесеніями такъ, что когда Бибиковъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ и просилъ шефа жандармовъ дать ему штабъ-офицера для управленія военною канцеляріею, то назначили меня, какъ способнѣйшаго во всемъ корпусѣ жандармовъ,—такъ выразился гр. Бенкендорфъ въ письмѣ ко мнѣ при назначеніи. Маленькая моя способность составлять гладенько многословные рапорты давала мнѣ право цѣнить себя. Изъ новаго поколѣнія хотя появлялись не рѣдко хорошо учившіеся, но молодость еще не цѣнилась, она должна была выростать, а сверстники мои почти всѣ пробавлялись умомъ писарей и секретарей. Я сознавалъ трудность выбрать кого-нибудь кромѣ меня къ Бибикову. Я нашелъ Воскресенскаго (доктора медицины, который по отвращенію къ медицинѣ бросилъ дипломъ доктора и поступилъ въ гражданскую службу), который долго служилъ при Бибиковѣ въ то время, когда Бибиковъ управлялъ всѣми таможнями. Должность директора департамента сдѣлала Бибикова извѣстнымъ за устройство таможенной части. Устройство таможенной части принадлежало единственно головѣ Воскресенскаго. Бибикова такъ тогда прославляли, что онъ потребовалъ себѣ министерства торговли. Императоръ Николай отказалъ. Бибиковъ вышелъ въ отставку, но передъ отставкою, чтобы не досталась дѣльная голова преемнику, Бибиковъ, вмѣсто благодарности, запряталъ Воскресенскаго въ Колу, откуда онъ долго не могъ выкарабкаться. Я познакомился съ нимъ, когда онъ былъ вице-губернаторомъ въ Симбирскѣ. Изъ всѣхъ разсказовъ его, я увидѣлъ въ Бибиковѣ—отъявленнаго эгоиста, человѣка мало образованнаго и существующаго чужимъ умомъ. Такой человѣкъ не могъ привлекать меня къ себѣ, а сознаніе своихъ способностей давало мнѣ право поторговаться. Я подалъ просьбу объ отставкѣ и зналъ, что такое сокровище, какъ я—не отпустятъ. Дѣйствительно, просьбу мнѣ возвратили, и гр. Бенкендорфъ самымъ милымъ письмомъ просилъ меня поѣхать къ Бибикову. Вступивъ въ должность, я нашелъ дѣла запущенными, много чиновниковъ особыхъ порученій—бѣлоручекъ, бумаги для нихъ составлялись писарями, то мудрено ли, что я при желаніи отличиться сдѣлался звѣздою первой величины.

Съ 1837 года до 1851-го года я былъ самымъ близкимъ человѣкомъ при Бибиковѣ, и потому каждый имѣетъ полное право спросить меня: кто такое былъ Бибиковъ? Вопросъ простъ, но удовлетворить его мудрено. Высказать все и нарисовать Бибикова, кажется, не трудно, но изложить систематически, порядочно, чтобы вышла картинка рельефная—трудно для меня, по непривычкѣ къ литературной рутинѣ. У привычнаго литератора разсказъ и мысли ложатся сами собою послѣдовательно безъ труда для него, а для человѣка рѣдко пишущаго—это

главный трудъ. Мысли опережають одна другую, и человѣкъ, видя скачки и прыжки, долженъ возвращаться, марать и вставлять, а это скучно. Пишу не на продажу и буду разсказывать, какъ выдернется изъ памяти безъ всякой системы и послѣдовательности. Но вотъ штука, съ чего начать? Не думая быть біографомъ Бибикова, я не собиралъ свѣдѣній объ его родословной, но вотъ что я знаю о немъ. Отецъ Бибикова, кажется, былъ полковникъ гвардіи. Я зналъ мать Бибикова, въ 1833-мъ году она была старушкою въ Москвѣ, была матерью пяти генераловъ и въ большомъ почтеніи. Она была небольшаго роста, но должно быть была рѣдкою красавицею: огромные блестящіе и умные глаза, брюнетка съ румянцемъ во всю щеку и въ старости очень стройная. Это была старинныхъ русскихъ баръ благодѣтельная барыня, дѣлать добро— было для нея долгомъ, и она дѣлала много и разумно. Она была строгая мать—тоже по старинѣ. Бибиковъ былъ уже генераломъ, когда, пріѣхавъ въ Москву къ матери, поцѣловалъ руку и сѣлъ безъ позволенія. По старинѣ это считалось оскорбленіемъ родителей, и мать не затруднилась сказать:

— Дмитрій, кто тебѣ позволилъ сѣсть? а какъ я прикажу тебѣ дать 100 розогъ!?

Дмитрій вскочилъ, просилъ прощенія и сказалъ:

— Маменька, я буду смирно лежать, только вы высѣките своими ручками, а я впередъ не буду.

Бибиковыхъ было пять братьевъ, я зналъ только трехъ, Илью, Гаврилу и Дмитрія. Илья былъ любимецъ Михаила Павловича и числился въ артиллеріи. Гаврило, добрякъ, суетился по разнымъ комитетамъ: тюремнымъ и проч. Дмитрій генер.-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и генераломъ-отъ-инфантеріи. Впослѣдствіи онъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ и кончилъ отставкою безъ мундира и безъ пенсіона. Три брата Бибиковы, воспитанные гувернерами и гувернантками для гостиной, всѣ были одинаковаго воспитанія, т. е. никакого. Илья былъ молчаливъ, старался казаться размышляющимъ и имѣлъ привычку пыхтѣть, какъ бы надуваясь. Гаврило былъ страшный говорунъ и невѣроятный добрякъ. Стоило попросить его похлопотать у кого-нибудь изъ вельможъ, какъ говорило (такъ его звали) говорилычъ, не дослушавъ и не узнавъ, о чемъ просить—летѣлъ къ вельможѣ. Страсть помогать бѣднымъ разстроила его состояніе. Въ Питерѣ характеризовали трехъ братьевъ такъ: одинъ дуется, другой продулся, а третій всѣхъ надуваетъ. Бибиковъ, у котораго я служилъ, любилъ спрашивать, что о немъ говорятъ? Я отвѣчалъ всегда правду, но на этотъ разъ сказалъ: ничего. Я забавлялъ его разсказами, которыхъ у меня безъ конца, но однажды си-

дѣлъ молча. Бибиковъ спросилъ: о чемъ вы думаете? Я отвѣчалъ: о полковникѣ Одинцовѣ.

— О какомъ?

— Который служилъ при васъ.

— Да, я любилъ его; такъ что же вы думали?

— Онъ однажды сидѣлъ съ вами, какъ я, вы спросили его, что о васъ говорятъ? Онъ отвѣчалъ, говорятъ что есть три брата Бибиковыхъ, одинъ дуется, другой продулся, а третій всѣхъ надуваетъ, и вы прогнѣвались, уволивъ его отъ службы.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Не скажу.

— Это не правда.

Бибиковъ видимо сердился. Онъ былъ одного со мною роста, умѣренно полный мужчина, съ татарскимъ лицомъ хорошаго типа, былъ брюнетъ, плѣшивъ, что̀ очень шло къ нему, глаза матери удивительно хороши, большіе, полные жизни и огня, лѣвой руки не было по плечо— оторвало подъ Бородинымъ, но онъ никогда не чувствовалъ боли передъ дурною погодою, какъ обыкновенно бываетъ. Голосъ имѣлъ весьма пріятный, повинующійся въ интонаціяхъ. Бибиковъ рано поступилъ въ гусары, постоянно былъ адъютантомъ, не былъ пьяницей, не былъ картежникомъ, но всю жизнь былъ поклонникъ хорошенькихъ женщинъ. Наукъ онъ не зналъ никакихъ, говорилъ по навыку по-французски и нѣмецки, замѣчательно не дурно говорилъ по-русски, но писать не умѣлъ ни на одномъ языкѣ; по-русски до того плохо зналъ грамоту, что не умѣлъ и строки написать безъ руководства.

Случалось иногда, что онъ просилъ взять перо и писать подъ его диктовку. Ходя по комнатѣ, онъ диктовалъ, но что диктовалъ: «поелику», «такъ какъ, сей», «таковый же»—и проч. Разумѣется, пишешь свое.—Кончили?

— Кончилъ.

— Прочтите, поставьте, гдѣ слѣдуетъ ѣ,—потрудитесь разставить запятыя и проч. знаки.

— Поставилъ.

— Да поставьте хорошенько!

— Да я ставилъ, когда писалъ.

— Ну, вотъ еще разсказывайте, ни одинъ литераторъ не ставитъ знаковъ, когда пишетъ, а разставляетъ послѣ, для чего же вы увѣряете меня.

Написанная мною подъ диктовку записка служитъ оригиналомъ, и Бибиковъ послѣ списываетъ и посылаетъ, какъ свое сочиненіе. Однажды я сошкольничалъ и подъ его диктовку писалъ двѣ записки, одну, что должно

писать, а другую, отъ слова до слова, что диктовалъ Бибиковъ, послѣдняя преуморительная.

Ариѳметики Бибиковъ совершенно не зналъ, насилу я пріучилъ его переводить цѣлыя хотя числа съ ассигнацій на серебро, наприм.: 10 р., 100 р., а промежуточныя такъ и не выучился. Когда мнѣ случалось въ умѣ складывать дроби, Бибиковъ никогда не могъ не улыбнуться, а когда мнѣ приходилось сказать итогъ двухъ дробей разныхъ знаменателей, то онъ серьезно смѣялся. Я готовъ держать пари хотя на правую мою руку, что онъ до смерти не вѣрилъ, что можно сложить $^1/_2$ съ $^1/_3$. Исторіи, географіи—совершенно не зналъ. Я пробовалъ въ разговорѣ сводить Карла V съ Людовикомъ XIV, а Карла I-го съ Франциском II, лишь бы былъ занимателенъ анекдотъ, все сойдетъ. Въ географіи надобно быть осторожнымъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ, а остальное: венгерскія рѣки можешь переносить въ Америку, а испанскія въ Южную Америку—все сходило гладко. Въ музыкѣ онъ цѣнилъ только технику играющаго, но ея не понималъ. Живопись богомазовъ всего болѣе нравилась Бибикову. Швейцаръ его заказалъ портретъ своего генерала богомазу Кіевщинскому въ Кіевѣ, и тотъ нарисовалъ его яркими красками и золотомъ, а главное, усы и бакенбарды отдѣлалъ по волоску, какъ пишутъ часто на образахъ, Случайно Бибиковъ увидалъ этотъ портретъ, долго смотрѣлъ на него и не могъ оторваться, а потомъ увѣрялъ меня, что лучшей работы онъ не видывалъ. Бибиковъ зналъ свое слабое понятіе въ искусствахъ и при постороннихъ никогда не пускался въ разсужденія, развѣ вычитаетъ, какое-нибудь мнѣніе или подслушаетъ у того, кому довѣряетъ. Тогда толкуетъ, но всегда коротко и не охотно. Будучи обязанъ, какъ генералъ-губернаторъ, принимать всѣхъ, онъ говорилъ охотно, но затверженныя фразы, что для представляющихся было не замѣтно, но мнѣ было извѣстно, что варіацій въ этомъ отношеніи не было. Какъ я говорилъ, Бибиковъ имѣлъ замѣчательную, представительную наружность, весьма внушительный взглядъ, а лишеніе руки—давало ему очень воинственный видъ. Пріемныхъ дней было два въ недѣлю. Къ пріему должны были являться всѣ чиновники особыхъ порученій (ихъ было 13) въ мундирахъ. Бибиковъ выходилъ по-домашнему въ сюртукѣ безъ эполетъ. Обыкновенно пріемъ начинался въ 10 часовъ. Пріемъ происходилъ очень чинно, самъ Бибиковъ не читалъ ни одного прошенія, но заставлялъ читать и потомъ говорилъ по-заученному, а если забывалъ, то слѣдовала извѣстная фраза:

— Эразмъ Ивановичъ, доложите со справкою.

Но этого никогда не исполнялось, ни одно прошеніе не докладывалось, а разрѣшалось въ канцеляріи. Въ пріемные дни собирались нищіе, салопницы, отставные солдаты. Бибиковъ всегда великодушно при пу-

блицѣ приказывалъ: «дайте помощь бѣднымъ» и при этомъ отдавалъ мнѣ ключъ отъ стола съ деньгами. Зная болѣзненную скупость Бибикова, я раздавалъ по 3 копѣйки и вообще соблюдалъ, чтобы не выйти изъ бюджета 2-хъ рублей. Разъ мнѣ не было времени, онъ поручилъ Позняку, маіору, раздать помощь бѣднымъ и далъ ему ключъ. Познякъ роздалъ до 10 р. Бибиковъ сильно поморщился и долго вспоминалъ со мною, какъ Познякъ глупо распорядился, и болѣе уже не поручалъ ему оказывать помощь. Бибиковъ былъ хорошъ тѣмъ, что не лѣниво подписывалъ бумаги, никогда ихъ не читалъ, у себя въ кабинетѣ не держалъ, ни одной резолюціи не дѣлалъ, и всѣми бумагами распоряжалась канцелярія.

Въ канцеляріи было три секретаря: полицейскій, судный и хозяйственный; они были и докладчики. Порядокъ былъ такой: получалось 500, 600 и болѣе конвертовъ на одной почтѣ. Въ полученіи расписывался дежурный чиновникъ, приносилъ ко мнѣ, при мнѣ распечатывалъ другой чиновникъ и повѣрялъ №№ конвертовъ съ бумагами, я помѣчалъ день полученія и на серьезныхъ дѣлалъ резолюціи. Бумаги поступали къ регистратору, который, записавъ № и содержаніе, раздавалъ секретарямъ. Они составляли отвѣты, а Бибиковъ подписывалъ ихъ, не читая.

Вотъ и всѣ занятія генералъ-губернатора. Спрашивается, что же онъ дѣлалъ, сидя одинъ въ кабинетѣ? Постоянно читалъ. Книгопродавецъ Исаковъ обязанъ былъ высылать всѣ романы, выходящіе на французскомъ языкѣ. Газеты Бибиковъ получалъ очень многія французскія безъ цензуры, которыя читалъ самъ, польскія—просматривалъ Андреевскій и, сдѣлавъ кой-чему переводъ, докладывалъ. Русскіе журналы и газеты получались всѣ, но Бибиковъ не читалъ ни одного, читалъ я и, найдя скоромное или ругательное — особенно Сенковскаго, я прочитывалъ Бибикову.

Вставалъ Бибиковъ въ 7, 8 часовъ, пилъ чай съ кускомъ домашняго хлѣба, въ 11-ть часовъ былъ завтракъ, какое-нибудь холодное блюдо. Обѣдалъ онъ въ 2—3 часа; обѣдъ былъ не дорогой, четыре блюда, но хорошій и здоровый. Часовъ въ 8 былъ вечерній чай, ужина не было, и въ 11 часовъ Бибиковъ ложился спать. Такъ всякій день и много лѣтъ. Кромѣ баловъ, онъ ходилъ по вечерамъ къ тѣмъ, за кѣмъ волочился. На балъ я долженъ былъ ѣхать съ нимъ. Бибиковъ не выходилъ изъ дома, не начернивши усы и бакены, случалось, и подбѣлится, духовъ всегда много и лучшіе. Бибиковъ былъ холодный эгоистъ, привязанности, дружбы, благодарности онъ никогда и ни къ кому не имѣлъ. Былъ друженъ только съ тѣми, въ комъ видѣлъ пользу для своего положенія; былъ ласковъ только къ тѣмъ, кто приносилъ пользу ему.

Бибиковъ охотно говорилъ о своей любви къ Россіи, о своемъ патріотизмѣ и о преданности своей къ государю. Россіи онъ не могъ

любить, потому что совершенно не понималъ, въ чемъ состоитъ польза Россіи. Государю онъ выказывалъ преданность только потому, что отъ государя истекали милости.

Кромѣ своего положенія по службѣ, Бибиковъ уважалъ богатство въ другихъ, бѣдныхъ — нашего брата, онъ глубоко презиралъ, въ немъ крѣпко было убѣжденіе, что бѣдный созданъ на службу богатому и что достоинства и способности пригодны только для возвышенія богатаго. Я разъ спросилъ Бибикова, правда ли, что когда онъ управлялъ таможнями, то одинъ господинъ разругалъ его, и тогда дали ему мѣсто.

— Правда,—отвѣчалъ онъ,—это было такъ: въ пріемный день, въ Питерѣ, является ко мнѣ отставной маіоръ, представляетъ документы и проситъ мѣста. По справкѣ оказалось, что онъ пьяница, въ слѣдующій пріемный день онъ явился, я отдалъ ему документы и сказалъ: нѣтъ ваканціи. Онъ просилъ, я отказалъ. Въ слѣдующій день приходитъ маіоръ и проситъ мѣста, я опять отказалъ. Въ слѣдующій—опять приходитъ маіоръ, меня разсердило, я постращалъ его, что пошлю за полиціею, и окончательно запретилъ приходить. Маіоръ помолчалъ и громко сказалъ: будь ты проклятъ, безрукій уродъ, чтобы не было тебѣ ни на семъ, ни на томъ свѣтѣ, ни дна, ни покрышки, и хладнокровно пошелъ. Я приказалъ заготовить опредѣленіе его къ должности и въ первый пріемный день приказалъ призвать его. Увидавъ его, я подалъ ему опредѣленіе и сказалъ при всѣхъ: «Господинъ маіоръ, вотъ вамъ мѣсто, вы пьяница, но если вы будете пить, то безрукій уродъ, которому нѣтъ ни дна, ни покрышки, остальною рукою васъ задушитъ, прощайте». Онъ и теперь хорошо служитъ полковникомъ и перестаяъ пить.

— Отчего же вы дали ему должность, когда онъ разругалъ васъ?

— Когда человѣкъ рѣшается ругаться, то это доказываетъ крайнюю степень отчаянія.

Много характерныхъ анекдотовъ я могъ бы разсказать о Бибиковѣ, но для очерка довольно и этихъ. Теперь спрашивается, какъ же этотъ человѣкъ, малограмотный, такъ долго управлялъ краемъ и оставилъ память дѣльнаго управленія послѣ себя?

Изъ разсказа моего видно, что Бибиковъ не виноватъ въ управленіи краемъ, но онъ былъ полезный начальникъ для управленія, онъ не мѣшалъ, не мудрилъ, не тормозилъ хода дѣлъ, а въ этомъ не мало заслуги въ начальникѣ. Долго до Бибикова былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора статскій совѣтникъ Карцовъ; у этого труженика была голова мудраго министра, онъ былъ холостъ, былъ совершенно честенъ и работалъ, какъ волъ, но имѣлъ большой недостатокъ для правителя, онъ былъ безконечно добръ, тихъ, деликатенъ; чуть сложное дѣло, секретари подкладывали Карцову, и тотъ писалъ до устали, но одинъ не можетъ много сдѣлать, бумаги накоплялись, дѣла запуска-

лись, канцелярія лѣнилась и брала взятки. Я не переставалъ удивляться, какъ могъ Бибиковъ не оцѣнить такого человѣка, такой мудрой головы, такого громадно опытнаго человѣка и безконечно трудолюбиваго. Бибиковъ любилъ наушничество, это была слабѣйшая черта его характера. Дрянь, недостойная мизинца ноги Карцева, наговорила Бибикову, что Карцевъ мало-способенъ и запустилъ дѣла. Бибиковъ обошелся съ Карцевымъ холодно. Въ первую поѣздку Бибикова въ Питеръ Карцевъ поѣхалъ съ нимъ. Меня очень полюбилъ этотъ достойный и серьезный человѣкъ за живость характера и веселонравіе. Уѣзжая, онъ сказалъ мнѣ, что не вернется, и предсказалъ, что меня обойдутъ чарочкою—оправдалось. Бибиковъ возвратился, а Карцевъ остался по своимъ дѣламъ. Вдругъ вопросъ отъ министра юстиціи, нѣтъ ли препятствія для увольненія Карцева отъ должности? Бибиковъ былъ пораженъ, въ особенности, когда я сказалъ, что зналъ о томъ, что Карцевъ не вернется.

— Отчего?—спросилъ онъ.

— Вы не оцѣнили его.

— Такъ что же я долженъ былъ цѣловать его ручки?

— Нѣтъ, тонъ дѣлаетъ музыку.

— Чортъ съ нимъ, напишите министру, что препятствій нѣтъ.

Карцевъ въ тотъ же годъ былъ дѣствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Такъ скоро и достойно Дашковъ оцѣнилъ Карцева. Правителя канцеляріи не было у Бибикова, и онъ просилъ меня принять должность управляющаго канцеляріею генералъ-губернатора. Въ службѣ отказываться нельзя.

— Я не готовился къ такой сложной обязанности,—отвѣчалъ я,—ни воспитаніемъ, ни практикою, я употреблю всѣ силы и маленькое знаніе, но только на краткое время.

— Хорошо, посмотримъ послѣ,—отвѣчалъ Бибиковъ.

Нашелъ я много крайне запущенныхъ дѣлъ, но я не Карцевъ, работать за всѣхъ не буду и не способенъ. Канцелярія, какъ фабрика, должна имѣть успѣхъ отъ раздѣленія труда, надобно умѣть заставить каждаго трудиться по своей части. Раздѣлить трудъ было не мудрено, работа сама собою дѣлилась на полицейскую, судную и хозяйственную, а чтобы трудились, я долженъ былъ быть самъ примѣромъ.

Когда я принялъ канцелярію, то увидалъ, что дѣла рѣшаются по русскимъ законамъ и по Литовскому статуту: какъ хочется, такъ и опирайся, то на одинъ законъ, то на противуположный. Къ этому такъ привыкли, что никому не казалось страннымъ, никто и не предполагалъ иного порядка. Съ первыхъ же дней работы у меня засѣла въ головѣ мысль—уничтожить Литовскій статутъ и ввести одинъ русскій Сводъ законовъ. Я, никому не говоря, началъ вырабатывать проектъ уничто-

женія Литовскаго статута. Бибиковъ передъ постомъ уѣхалъ въ Питеръ съ отчетами къ государю и повезъ дѣло Канарскаго. Я остался главою правленія, и мнѣ поручена была семья Бибикова. Составилъ я довольно обширный проектъ о введеніи русскихъ законовъ въ Юго-Западномъ краѣ и послалъ Бибикову при письмѣ, съ изложеніемъ причинъ, почему я рѣшился на этотъ проектъ, какая путаница въ правленіи и какая польза отъ введенія однихъ русскихъ законовъ. Однимъ словомъ, письмо заключало въ себѣ косвенное и деликатное наставленіе, что̀ долженъ говорить Бибиковъ передъ государемъ. Вопросъ этотъ былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ, который нашелъ введеніе русскихъ законовъ несвоевременнымъ. Государь потребовалъ Бибикова и разспросилъ, какъ было дѣло въ Совѣтѣ. На разсказъ Бибикова государь улыбнулся и сказалъ:

— Я этого и ожидалъ; объяви мою волю, что послѣ завтра я самъ буду присутствовать въ Совѣтѣ, а ты будешь докладывать.

Андреевскій мнѣ разсказывалъ (онъ тогда былъ писцомъ, хорошо писалъ и взятъ былъ въ Питеръ, какъ канцелярскій краснописецъ), что Бибиковъ твердилъ все время проектъ съ Писаревымъ и потомъ читалъ передъ Андреевскимъ и заставилъ его возражать, а самъ опровергалъ. Бибиковъ разсказывалъ мнѣ, что ему была поставлена каѳедра, съ которой Совѣту онъ докладывалъ. Государь занялъ мѣсто предсѣдателя и сказалъ: «начинай». Бибиковъ читалъ по параграфамъ; послѣ каждаго государь говорилъ: «я согласенъ». Такъ прошелъ весь проектъ. Государь приказалъ сейчасъ же составить протоколъ и подписалъ его.

Вдругъ среди всеобщаго молчанія послышался смѣхъ.

— Чему смѣетесь?—спросилъ государь.

Молчаніе.

— Говорите!

Опять молчатъ.

— Вѣрно, что-нибудь выдумалъ князь Меншиковъ?

Оказалось, что послѣ недавно скончавшагося митрополита новый не былъ еще назначенъ, и старики очень интересовались, кто будетъ назначенъ. Съ этимъ вопросомъ они обратились къ Меншикову.

— Графъ Клейнмихель,—отвѣчалъ онъ серьезно.

Послѣдній сидѣлъ противъ Меншикова и покраснѣлъ, а старики разразились смѣхомъ.

— Меншиковъ не исправимъ,—сказалъ государь, улыбаясь.

Надобно знать, что Клейнмихель, воспитанникъ 2-го кадетскаго корпуса, конечно медицины не зналъ, но при безпорядкѣ и упадкѣ наукъ въ медико-хирургической академіи, государь назначилъ Клейнмихеля президентомъ академіи, и онъ поднялъ академію. Вотъ это-то

назначеніе и дало поводъ Меншикову сдѣлать Клейнмихеля—митрополитомъ.

На послѣднія слова государя Меншиковъ въ полголоса сказалъ, но такъ, что слышалъ и государь:

— Я того мнѣнія, что лишь бы издали указъ, а изъ Клейнмихеля вышла бы хорошая фрейлина.

Введеніе Свода законовъ въ краѣ было утверждено, но долго ходило по министерствамъ, задерживалось, сколько можно. Я полагаю, что эта моя мысль и работа много принесла пользы управленію краемъ, но не Бибикову, который искренно вѣрилъ, что законовъ твердыхъ въ Россіи не существуетъ, а что ходатаи по дѣламъ вертятъ законами, какъ хотятъ; увѣрить его въ противномъ было нельзя.

Бибиковъ и жена его были очень скупы. Барыня большаго свѣта, гдѣ не принято заниматься хозяйствомъ, она сама, заказывая обѣдъ, назначала точное количество всякой провизіи и даже число яицъ для всякаго кушанья, но этого никто не зналъ изъ постороннихъ, кромѣ, конечно, меня. Софья Сергѣевна однажды меня удивила, когда, разговаривая наединѣ со мною, она до самой подробности означила базарную цѣну всякой бездѣлицы: говядины, крупы, муки, масла, яицъ и даже цѣну соли. Все это было совершенно вѣрно. Когда я изъявилъ удивленіе, она много смѣялась и говорила, что ее нельзя надуть ни въ чемъ; она ясно и вѣрно означила мнѣ, сколько и чего потребно для каждаго кушанья. Одѣвалась она весьма прилично и въ парадныхъ случаяхъ—богато. На званомъ балѣ можно было видѣть на ней бриллiантовъ, жемчуговъ на нѣсколько тысячъ, но была до крайности бережлива; платья, сшитыя пять лѣтъ назадъ, для придворныхъ баловъ, у ней были какъ вчера сшиты. Бибиковъ уважалъ богатство. Въ Кіевѣ былъ чрезвычайно дѣльный губернаторъ Переверзевъ, но былъ бѣденъ. Секретарь канцеляріи графа Воронцова, коллежскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Житоміръ. Лишь только Бибиковъ узналъ, что Фундуклей очень богатъ, сейчасъ же предложилъ ему губернаторство въ Кіевѣ. Отецъ его грекъ, былъ цѣловальникомъ въ Елисаветградѣ и потомъ откупщикомъ въ Херсонской губерніи. Это былъ громадной толстоты человѣкъ, добрякъ, хлѣбосолъ, но никогда не обѣдалъ съ гостями, а ѣлъ простую пищу цѣловальника. Въ кабинетѣ его, на видномъ мѣстѣ висѣли: красная рубаха, пестрые портки, поддевка и простой зипунъ съ дегтярными сапогами, шапка и рукавицы крестьянскія. Старикъ не стыдился прежней своей одежды и, показывая всѣмъ, говорилъ: «не должно забывать, чѣмъ человѣкъ рожденъ и чѣмъ былъ». Старикъ завѣщаніемъ приказалъ платить подати за мѣщанъ Елисаветграда, а сынъ оставилъ неприкосновеннымъ домъ и одежду старика.

Иванъ Ивановичъ Фундуклей [1]) остался холостымъ, былъ немножко выше меня ростомъ, брюнетъ, круглолицый, въ лицѣ его было что-то женское, старушечье, но крѣпкаго сложенія и даже весьма мускулистъ. Онъ былъ некрасивъ, но имѣлъ до крайности привлекающее добротою лицо. Фундуклей не имѣлъ дара слова, былъ крайне молчаливъ, очень уменъ и обладалъ необыкновенною силою. Разъ, подъ Липовцемъ загрязла его коляска—ничего не могли сдѣлать, бились, бились, и хотѣли ѣхать въ селеніе за волами и людьми. Иванъ Ивановичъ спросилъ, въ чемъ дѣло? Ему сказали, что хоть бы одно переднее колесо выручить изъ ямы. Фундуклей взялся рукою за конецъ оси и высвободилъ коляску—всѣ изумились. Онъ былъ отличный стрѣлокъ, и никто не слыхалъ, чтобы Фундуклей игралъ на фортепіано, а знали только, что ему постоянно приходили ноты по почтѣ. Раза два ночью, съ улицы, слышалъ я его замѣчательную игру. Иванъ Ивановичъ говорилъ, кажется, на всѣхъ языкахъ Европы, но никто не могъ заставить его говорить ни на какомъ кромѣ русскаго, и только съ иностранцами онъ объяснялся на ихъ родномъ языкѣ. Отличный знатокъ живописи и обладатель замѣчательныхъ картинъ, Иванъ Ивановичъ никогда не говорилъ объ искусствѣ. Онъ много дѣлалъ добра, много помогалъ бѣднымъ, но какъ-то такъ, что это было не замѣтно. Бибиковъ давалъ по 3 коп. съ шумомъ, съ эффектомъ, а Фундуклей, казалось, никому не давалъ, но я самъ разъ видѣлъ, какъ къ нему пришла бѣдная благородная вдова, старушка, и показала ему требованіе уплатить 300 руб. долгу. Фундуклей, проходя мимо, сунулъ ей въ руку 300 р., и никто этого не замѣтилъ кромѣ меня, а старушка приняла ихъ безъ удивленія, должно быть, не въ первый разъ.

Губернаторскій домъ былъ безъ мебели и не опрятенъ, Фундуклей на свой счетъ поправилъ домъ, съ дозволенія министра финансовъ, безъ пошлины выписалъ превосходную мебель изъ Парижа и подарилъ городу. Онъ все дѣлалъ какъ-то незамѣтно, не заискивалъ въ Бибиковѣ, ни разу не унизился, какъ губернаторъ, даже отстаивалъ твердо свои права противъ капризовъ генералъ-губернатора, но все это такъ тихо, ровно, безъ волненія.

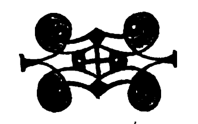
Обязанный въ высокоторжественные дни давать обѣды или балы, которые обходились до 500 руб., Бибиковъ дня за два до праздника, самъ или чрезъ меня, упроситъ Фундуклея дать вмѣсто него обѣдъ или балъ, и Фундуклей, усердно нюхая табакъ, отвѣчаетъ: хорошо-съ. Даетъ прекрасный обѣдъ или балъ, при чемъ въ уборной дамамъ предоставлялись перчатки, башмаки, духи и проч. Всѣ смотрятъ на Ивана Ивановича, какъ на гостя, забываютъ, что онъ хозяинъ, а балъ ожи-

---

[1]) Впослѣдствіи былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

вленъ и веселъ. Такимъ образомъ, Фундуклей дарилъ Бибикову нѣсколько тысячъ въ годъ. Жалованье свое Иванъ Ивановичъ отдавалъ на канцелярію, а правителю ея платилъ 12 тысячъ руб. въ годъ, и тотъ не бралъ взятокъ. У Фундуклея въ канцеляріи завѣдывалъ полицейскою частію и паспортами весьма способный чиновникъ Поповъ. Это былъ крошечный человѣчекъ, совершенно плѣшивый, съ загнутымъ къ верху носомъ, но умный и способный, мы прозвали его—Сократомъ. Этотъ Сократъ началъ строить большой каменный домъ и уже подвелъ подъ крышу. Вдругъ оказывается, что у Сократа недостатокъ казенныхъ денегъ 20 тысячъ. Фундуклей, зная, что Поповъ не пьетъ, не играетъ, спросилъ: гдѣ деньги? Сократъ признался, что онъ выстроилъ на нихъ домъ, надѣясь выручить болѣе и пополнить. Фундуклей призналъ только поступокъ неосторожнымъ, внесъ за Попова деньги, оставилъ его на службѣ, а домъ взялъ себѣ. Этотъ домъ Иванъ Ивановичъ достроилъ и пожертвовалъ его для женской Фундуклеевской гимназіи.

Скажу еще нѣсколько словъ о домашней жизни Бибиковыхъ. У Бибиковой былъ пріемный день—среда отъ 12 до двухъ часовъ; барыни съѣзжались парадно, принимались чинно—настоящій придворный этикетъ; сама Бибикова сдѣлала по одному только визиту, но ни у кого не бывала запросто. По четвергамъ были у Бибиковой танцовальные вечера по приглашенію, тутъ она была просто по-домашнему одѣта, ужиновъ не давали. Но когда бывалъ балъ въ торжественные дни, тогда Софья Сергѣевна нарядами своими и, можно сказать, наружностію—затмевала всѣхъ дамъ. Когда давались балы обществами дворянъ или купцовъ, или рѣдко частными людьми, Бибикова всегда одѣвалась весьма парадно; она была кавалерственная дама.



Бродяга.

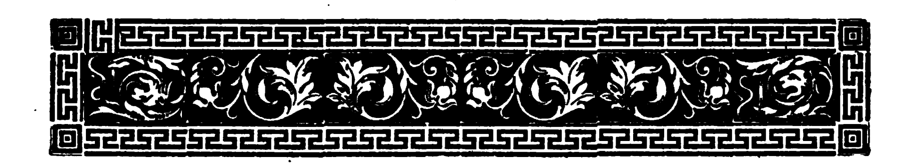
Въ ближайшей деревнѣ я часто бывалъ,
И бытъ деревенскій меня занималъ,
И тамошнихъ старцевъ я многихъ знавалъ,
И вотъ, что мнѣ старецъ одинъ разсказалъ:
Отецъ его пахарь—сынка баловалъ.
Не страхомъ, съ любовью къ труду пріучалъ,
Но парень былъ шустрый, все книги читалъ,
О высшихъ наукахъ онъ только мечталъ,
Хоть послѣ онъ горе отъ нихъ испыталъ.

„Меня еще съ дѣтства манила наука,
Я былъ сынъ деревни, гдѣ страда и скука
Меня подбивали оставить избу,
Я былъ еще молодъ и вѣрилъ въ судьбу,
И, съ пылкою жаждой желая учиться,
Я въ путь незнакомый рѣшился пуститься...
Тамъ горе и голодъ я часто терпѣлъ,
Пока я латынь и цыфирь одолѣлъ.
А послѣ Горація чудныхъ сатиръ
Ужъ мнѣ рисовался совсѣмъ другой міръ,
Я трудъ деревенскій почти позабылъ,
И даже къ молитвѣ совсѣмъ я остылъ.

„Но, кончивъ ученье, нельзя не служить,
Съ однимъ Ювеналомъ и дня не прожить.
Значекъ ни магистра, ни доктора правъ
Не дастъ вамъ ни хлѣба, ни денегъ, ни правъ:
Такъ дни проходили, я съ грустью узналъ,
Что трудъ мой задаромъ на-вѣки пропалъ,
Когда я мѣстечко себѣ не сыскалъ!
Вездѣ нужны деньги, знакомства и связи,
Иначе никто васъ не вынетъ изъ грязи...
Одно лишь осталось—плестися домой...
Туда и побрелъ я съ дырявой сумой.

„И вотъ я въ деревнѣ, гдѣ юность прошла,
Гдѣ жизнь моя скромно и мирно текла...
И та же деревня мнѣ грусть навела:
Избенка, гдѣ жилъ я, сгорѣла до тла,
Семья, что̀ оставилъ, давно умерла,
И даже тропинка къ избѣ заросла...
И все, что осталось, все „міръ“ подобралъ,
И даже собратомъ меня не призналъ!..
И вотъ вашъ ученый, бездомный бѣдняга
Прослылъ по деревнѣ, какъ жалкій бродяга!“

А. И. С—въ.



Основаніе Красносельскаго театра.

Красносельскій театръ возникъ по мысли бывшаго тогда дежурнымъ штабъ-офицеромъ, штаба гвардейскаго корпуса, полковника Николая Петровича Синельникова [1]). Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство: 6-го августа, въ день Преображенія Господня, Н. П. Синельниковъ, вечеромъ, на Дудергофскомъ озерѣ, зажегъ сюрпризомъ устроенный блистательный фейерверкъ, вслѣдствіе котораго на берегахъ озера устроилось импровизованное гулянье, на которомъ присутствовали покойные государь императоръ Николай Павловичъ и государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ со своими высочайшими гостями. Гулянье вышло очень оживленное и веселое, за которое, по окончаніи его, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ изволилъ милостиво благодарить Н. П. Синельникова; при чемъ его высочество сказалъ:

— Спасибо за доставленное удовольствіе моимъ офицерамъ. Нельзя ли что-нибудь придумать, что̀ могло бы постоянно доставлять имъ развлеченіе; такъ, чтобъ они не скучали во время лагерей? Подумай объ этомъ.

Николай Петровичъ поклонился и съ той же минуты началъ обдумывать, что̀ могло бы доставить офицерамъ постоянное развлеченіе?.. Думалъ, думалъ и, наконецъ, остановился на театрѣ. Хотя Николай Петровичъ всегда былъ не только любителемъ, но и знатокомъ сценическаго искусства, однако жъ антрепренерскихъ способностей въ себѣ не признавалъ, т. е. ему вовсе не было знакомо веденіе театральнаго дѣла. Въ затруднительномъ положеніи Николаю Петровичу явилась не-

---

[1]) Бывшаго впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ въ Сибири.

ожиданная помощь въ лицѣ артиста императорскихъ театровъ Якова Григорьевича Брянскаго.

Дѣло было такъ. Вскорѣ послѣ фейерверка на озерѣ Николай Петровичъ только-что возвратился домой, находясь подъ впечатлѣніемъ не оставлявшей и томившей его думы о театрѣ, какъ вдругъ, ему докладываютъ объ актерѣ Брянскомъ. Николай Петровичъ не мало удивился такому визиту, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ не былъ знакомъ съ Яковомъ Григорьевичемъ. Оказалось, что Брянскій явился съ просьбою о переводѣ сына съ Кавказа въ Петербургъ. Синельниковъ обѣщалъ сдѣлать все, что̀ отъ него зависитъ, и, въ свою очередь, обратился къ Якову Григорьевичу за совѣтомъ касательно устройства театра. Брянскій, которому дѣло это было хорошо знакомо, разъяснилъ его Николаю Петровичу, при чемъ далъ много дѣльныхъ и полезныхъ совѣтовъ. Въ заключеніе же сказалъ:

— Приступайте смѣло къ этому полезному и доброму дѣлу. Дороговизны не бойтесь... Вѣрьте, что всѣ наши сценическія роскоши и расписанныя кулисы, которыми мы морочимъ публику, малюются часто на тряпкахъ, бывшихъ много лѣтъ въ употребленіи, и стоютъ не дорого. Что же касается до опасеній, что артисты императорской труппы будутъ неохотно ѣздить въ Красное Село, то для этого нужно только смотрѣть на нихъ, не какъ на комедіантовъ для потѣхи, а какъ на людей, старающихся съ театральныхъ подмостковъ и вамъ давать уроки жизни.

Получивъ своей идеѣ всемилостивѣйшее одобреніе государя наслѣдника, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ—употребить на ея осуществленіе деньги изъ экономическихъ суммъ, Н. П. Синельниковъ, при содѣйствіи войскъ, приступилъ къ постройкѣ театра позднею осенью 1850 года, а въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1851 года, недалеко отъ озера, на бывшемъ, до того времени, чистомъ полѣ, возникъ не только театръ, но и довольно обширный паркъ, простиравшійся отъ театра до озера, на берегу котораго былъ построенъ просторный и красивый павильонъ, а противъ него на озерѣ находилась большая купальня. Несмотря на то, что постройка театра производилась неимовѣрно быстро, она оказалась очень солидною, чему доказательствомъ служитъ существованіе театра до настоящаго времени, несмотря на то, что впослѣдствіи къ нему былъ прибавленъ еще ярусъ ложъ, чего не имѣлось въ виду ни у строителя, ни у архитектора [1]). Театръ на каменномъ фундаментѣ и подъ желѣзною крышею имѣлъ наружный видъ, хотя довольно скромный, но красивый, по внутренней же отдѣлкѣ весьма замѣчателенъ и эффектенъ: стѣны зала были покрыты бѣлыми подъ мраморъ обоями, съ золотыми

---

[1]) Театръ строилъ архитекторъ Сычевъ.

украшеніями на барьерахъ ложъ, изображающихъ военныя арматуры. Особенный эффектъ производила люстра, въ видѣ парящаго орла, держащаго когтями на цѣпяхъ большой лавровый вѣнокъ, въ которомъ помѣщались лампы. Залъ, кромѣ партера, имѣлъ бенуары и одинъ ярусъ ложъ, посреди котораго помѣщалась императорская, устроенная, со всѣми аксесуарами, по образцу ложи Михайловскаго театра, извѣстнымъ фабрикантомъ Туромъ. На передней занавѣси изображался Красносельскій лагерь раннимъ утромъ, съ восходящимъ солнцемъ надъ палаткой государя императора (видъ былъ взятъ съ штабной горы, изъ Краснаго Села, и исполненъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ, машинистомъ и декораторомъ Большаго театра, Роллеромъ, имъ же были написаны и декораціи для сцены). Относительно прочности, театръ былъ освидѣтельствованъ особою коммиссіею и найденъ безукоризненнымъ. Постройка театра обошлась всего до девяти тысячъ рублей. При чемъ надо замѣтить, что мастеровымъ, хотя они были и отъ войскъ, производилась задѣльная плата. Тутъ не лишне упомянуть, что починъ пересадки большихъ деревъ принадлежитъ также Н. П. Синельникову. Въ прежнія времена, при разводкѣ садовъ, обыкновенно сажались лишь молодыя деревца. Но Синельниковъ распорядился иначе, онъ вздумалъ создать паркъ, который, съ перваго же лѣта, могъ бы защищать гуляющихъ отъ солнечной жары своею тѣнью. Задумано и сдѣлано. Паркъ засаживался деревьями въ нѣсколько саженъ вышиною и вершковъ пяти-шести въ діаметрѣ, которыя почти всѣ до одного принялись. Николай Петровичъ былъ того убѣжденія, что съ помощью солдатъ можно сдѣлать все. Такъ однажды, на чье-то замѣчаніе, что для успѣшнаго хода пьесъ необходимы нѣкоторыя административныя лица, для разныхъ закулисныхъ распоряженій и исполненій, Николай Петровичъ отвѣтилъ, что это лишнее, что для успѣшнаго хода пьесъ необходимы лишь хорошіе артисты, распорядиться же онъ съумѣетъ самъ, а остальное, добавилъ онъ, «у меня сдѣлаютъ солдаты». На возраженія же противъ этого сказалъ такъ: «Э! батюшка, русскій солдатъ съумѣетъ все, что ему велятъ!»... Свое мнѣніе о способностяхъ солдата онъ доказалъ на дѣлѣ: ни въ одномъ изъ Императорскихъ театровъ не бывало такого порядка за кулисами, какъ въ Красносельскомъ театрѣ: перемѣна декорацій, уборка сцены производились быстро, безъ всякой суеты и въ глубочайшей тишинѣ. Кромѣ того лицамъ, не принадлежащимъ къ театру, входъ за кулисы не дозволялся, что̀ также не мало способствовало порядку.

Въ первые годы существованія Красносельскаго театра, спектакли на немъ давались довольно часто, по три и по четыре раза въ недѣлю. Сборы бывали всегда полные, такъ какъ всѣ мѣста абонировались, и даже директору театра приходилось заботиться опредѣлять абонементъ

каждаго лица не по его желанію, но по собственному соображенію, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ желающихъ абонироваться. Посѣтители театра состояли единственно изъ военныхъ и ихъ семействъ. Посторонніе зрители не допускались, почему въ то время и афишъ о красносельскихъ спектакляхъ въ городѣ не выставляли. Каждый спектакль Красносельскаго театра, по составу зрителей, наполнявшихъ залъ, казался какимъ-то торжественнымъ спектаклемъ: въ ложахъ помѣщались дамы, а въ первыхъ рядахъ креселъ—лица преимущественно въ генеральскихъ эполетахъ; въ остальныхъ же рядахъ виднѣлись эполеты оберъ-офицерскіе. Иногда, случалось даже, что въ первомъ ряду креселъ помѣщались государь императоръ и другія лица высочайшей фамиліи.

Втораго іюля 1851 года, великому князю Александру Николаевичу благоугодно было осмотрѣть зданіе театра, пригласивъ къ осмотру гг. начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, находившихся въ лагерѣ. Театръ былъ освѣщенъ, какъ во время представленія, и оркестръ исполнилъ гимнъ: «Боже, царя храни». Его высочество изволилъ остаться весьма довольнымъ устройствомъ театра и въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ Синельникова и нѣкоторыхъ начальниковъ, особенно содѣйствовавшихъ устройству театра. На другой день, 3-го іюля, было первое представленіе, въ присутствіи императора, наслѣдника цесаревича и лицъ императорской фамиліи. Государь, войдя въ свою ложу и увидавъ партеръ, наполненный исключительно гвардейскими офицерами, при эффектномъ украшеніи зала, былъ пріятно изумленъ. Оркестръ привѣтствовалъ государя народнымъ гимномъ, а всѣ присутствующіе восторженными криками «ура!». Театромъ государь императоръ изволилъ остаться совершенно доволенъ, былъ веселъ и за все милостиво благодарилъ Николая Петровича. Потомъ государь изволилъ войти въ партеръ и занять свои кресла. По окончаніи первой пьесы, императоръ осматривалъ сцену и, при перемѣнѣ декорацій, совершающейся безъ всякаго замѣшательства и разговоровъ, пріученною къ театральному дѣлу командою нижнихъ чиновъ, изволилъ обратить на это вниманіе бывшаго тутъ г. директора театровъ Александра Михайловича Гедеонова и вторично удостоилъ благодарности Синельникова.

Въ концѣ спектакля, актеръ Петръ Ивановичъ Григорьевъ пропѣлъ сочиненные имъ на случай открытія театра стихи, которые начинались такъ:

„Пой, веселись, народъ нашъ православный!“

послѣдній куплетъ, былъ слѣдующаго содержанія:

„Для лагерей жизнь—радость наступила,
Такъ пусть твердятъ здѣсь каждый офицеръ:
Да здравствуетъ преемникъ Михаила,
Нашъ корпусный начальникъ-кавалеръ!“

Всѣ моментально встали съ мѣстъ и огласили театръ громкимъ дружнымъ «ура!». Государь императоръ и августѣйшій корпусный начальникъ изволили встать и, удостоивъ всемилостивымъ поклономъ актера и зрителей, удалились изъ зала. При отъѣздѣ изъ театра его величество опять осчастливилъ милостивою благодарностью Николая Петровича, который былъ этимъ не только вполнѣ вознагражденъ за всѣ понесенные труды, но и считалъ себя на верху блаженства.

Н. П. Синельниковъ былъ директоромъ самостоятельнымъ, совершенно независимымъ отъ дирекціи Императорскихъ театровъ, которая въ этомъ дѣлѣ принимала участіе только тѣмъ, что командировала въ Красное Село режиссера А. А. Краюшкина съ предписаніемъ «рекомендовать тамошнему директору всѣ лучшія піесы, обставленныя лучшими же актерами».

Сначала въ Красносельскомъ театрѣ оркестръ былъ составленъ изъ избранныхъ полковыхъ музыкантовъ, подъ личнымъ управленіемъ главнаго капельмейстера всѣхъ гвардейскихъ корпусовъ, г. Чапіевскаго. Однако на практикѣ оказалось, что полковые музыканты безукоризненно исполняющіе увертюры, для аккомпанимента водевильныхъ куплетовъ были неспособны. Безъ сомнѣнія, они сладили бы и съ куплетами, но на это понадобилось бы не мало времени, а въ Красномъ Селѣ каждому спектаклю дѣлалась лишь одна репетиція. Вслѣдствіе этого оркестръ сдѣлался смѣшаннымъ, т. е. къ полковымъ музыкантамъ прибавлялись музыканты Александринскаго театра, и въ водевиляхъ управлялъ оркестромъ дирижеръ того же театра Викторъ Матвѣевичъ Касинскій. Костюмы, парики, бутафорскія вещи, піесы и ноты отпускались изъ дирекціи Императорскихъ театровъ.

Поѣздки въ Красное Село для актеровъ были какъ-бы загородною прогулкою, или правильнѣе: поѣздкою на дачу, въ гости къ радушному и хлѣбосольному хозяину. Въ день спектакля, всѣ въ немъ участвующіе собирались къ девяти часамъ утра къ Александринскому театру, гдѣ ихъ ожидали большіе съ имперіалами дилижансы, запряженные шестерикомъ. Поѣздъ отправлялся по нарвской дорогѣ (желѣзной д. въ Красное Село тогда еще не существовало). У «Соломеннаго кабачка» перемѣняли лошадей, откуда поѣздъ слѣдовалъ уже до мѣста. По пріѣздѣ въ Красное Село, путешественники радушно привѣтствовались хозяиномъ-директоромъ, за которымъ и отправлялись въ павильонъ, на озеро, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный завтракъ. Послѣ завтрака, обыкновенно дѣлалась репетиція спектакля. Затѣмъ актеры отправлялись на прогулку по окрестностямъ, для чего всегда имѣлись придворныя линейки для дамъ и верховыя лошади для мужчинъ... Обыкновенно, по возвращеніи съ прогулки, актеры садились за превосходно приготовленный и сервированный обѣдъ, иногда въ павильонѣ, иногда же въ театраль-

номъ довольно обширномъ фойе. Послѣ обѣда подавался кофе и чай; затѣмъ одни расходились по уборнымъ на отдыхъ, а другіе отправлялись или кататься на лодкахъ по озеру, или гулять въ паркъ, гдѣ обыкновенно, отъ окончанія обѣда до начала спектакля игралъ хоръ военной музыки. Въ восемь часовъ вечера начинался спектакль, во время котораго за кулисами подавался чай... По окончаніи спектакля, Ужинали обыкновенно въ павильонѣ.

Иногда случалось, что спектакли въ Красномъ Селѣ назначались два дня къ ряду, тогда актеры, участвующіе въ обоихъ, оставались ночевать въ театрѣ, для чего по уборнымъ приготовлялись для каждаго офицерская кровать съ безукоризненнымъ бѣльемъ. Впрочемъ, не столько были дороги обѣды и ужины и всѣ прочія удобства, сколько то вниманіе, съ какимъ они предлагались. Ник. Петр. Синельниковъ относился къ актерамъ, какъ къ своимъ собственнымъ гостямъ. Интереснымъ разсказамъ, остротамъ, экспромптамъ не было конца... Приличіе, согласіе и дружба царили между артистами, да и кто были эти люди? Яковъ Григорьевичъ Брянскій, Василій и Петръ Андреевичи Каратыгины, Петръ Ивановичъ Григорьевъ, Василій Васильевичъ Самойловъ, Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ, Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, Вѣра и Надежда Васильевны Самойловы, Прасковья Ивановна Орлова, Екатерина Николаевна Жулева, Степанова (оперная), и неистощимая, такъ сказать, на прибаутки, весьма уважаемая между артистами Елена Ивановна Гусева. За ужиномъ обыкновенно происходило совѣщаніе о будущемъ спектаклѣ. Составъ спектаклей бывалъ преимущественно изъ русскихъ небольшихъ піесъ. Ник. Петр. былъ неохотникъ какъ до иностранныхъ произведеній, такъ и до балетовъ. Изрѣдка, одна изъ русскихъ піесъ замѣнялась французскою, или нѣмецкою. По окончаніи сезона, актеры вознаграждались разовыми въ размѣрѣ болѣе того, который получали они отъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Исполняющіе мелкія роли получали по пяти рублей, а выходящіе «на выходъ»—по три. Трудъ режиссера вознаграждался десятью рублями за спектакль, а его помощника—пятью. Помощникомъ режиссера былъ тогда Николай Ивановичъ Горшенковъ. Кромѣ того, многіе изъ актеровъ (первачей) удостоивались подарковъ отъ государя императора и государя наслѣдника. У Ник. Петр. Синельникова былъ планъ заселить пустырь, окружающій театръ. Онъ предполагалъ, распространяя паркъ все больше и больше, застраивать его дачами, учреждать въ паркѣ различныя гулянья и увеселенья и тѣмъ привлечь охотниковъ поселиться на этихъ дачахъ. И, конечно, дачи заселились бы семейными офицерами, которые находились въ лагерѣ. Николай Петровичъ и построилъ уже три небольшіе, но очень уютные домика, снабдивъ ихъ даже и мебелью, въ которыхъ помѣщались на лѣто нѣкоторые семей-

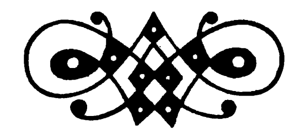
ные актеры (безъ всякой платы). Первыми жильцами этихъ домиковъ были: Надежда Васильевна Самойлова, Петръ Ивановичъ Григорьевъ и Алексѣй Михайловичъ Максимовъ. Однако этой идеѣ не суждено было осуществиться: Николай Петровичъ Синельниковъ 6-го декабря 1851 г. былъ произведенъ въ генералы, а въ слѣдующемъ 1852 году 29-го февраля назначенъ московскимъ губернаторомъ.

По окончаніи перваго Красносельскаго театральнаго сезона въ наступившемъ посту актеры пожелали безвозмездно дать концертъ въ пользу музыкантовъ, составляющихъ оркестръ и собранныхъ изъ войскъ. Театръ было полонъ. На концертъ собрался весь персоналъ артистовъ, участвовавшихъ въ спектакляхъ. Концертъ состоялъ изъ нѣсколькихъ музыкальныхъ піесъ; кромѣ того, Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, хотя и не участвовалъ въ представленіяхъ на Красносельскомъ театрѣ и пріѣхалъ только по желанію видѣть театръ, пропѣлъ въ концертѣ «Борода ль моя бородушка». Г-жа Степанова пѣла «Соловья», Прасковья Ивановна Орлова прочла «Отъѣздъ Курдюковой за границу», Александръ Евстафіевичъ Мартыновъ читалъ изъ «Мертвыхъ душъ», Екатерина Николаевна Жулева пѣла куплеты изъ любимыхъ водевилей и Елена Ивановна Гусева пѣсню: «Ходитъ вѣтеръ у воротъ». Наконецъ наступилъ прощальный ужинъ. Артисты почтили достойно Ник. Петр. Синельникова, благодарили спичами за его вниманіе и заботливость, а за послѣднимъ бокаломъ «за его здоровье», Елена Ивановна Гусева, вставъ съ мѣста, сказала:

— Мы, женщины, говорить похвальныхъ рѣчей не будемъ, а поблагодаримъ нашего голубчика полковника по-русски и съ этими словами обняла Ник. Петр. и поцѣловала его, пригласивъ къ тому же и прочихъ артистокъ.

Послѣ Н. П. Синельникова, въ званія директоровъ были полковники: Михаилъ Матвѣевичъ Ефиловичъ, Гавріилъ Антоновичъ Ѳедоровъ и Константинъ Михайловичъ Ушаковъ. Изъ всѣхъ троихъ лишь одинъ послѣдній напоминалъ нѣсколько Николая Петровича, если и не такимъ пониманіемъ дѣла, то по крайней мѣрѣ такою же къ нему любовью.

М. Щепкинъ.



*

О нестѣсненіи обывателей г. Москвы при отводѣ квартиръ для свиты государя.

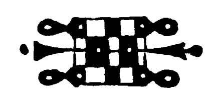
Отношеніе кн. Волконскаго московскому генералъ-губернатору графу Тормасову.

20-го сентября 1818 г. Курскъ.

До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что при назначеніи квартиръ для свиты государя императора въ Москвѣ, обыватели вытѣсняются изъ лучшихъ покоевъ своихъ домовъ безъ всякаго къ хозяевамъ уваженія, каковыя мѣры подаютъ подозрѣніе въ злоупотребленіи и корысти того штабъ-офицера, коему поручено отводить квартиры. Его императорское величество, приказавъ мнѣ о томъ увѣдомить ваше сіятельство, весьма соболѣзнуетъ, что высочайшее присутствіе въ Москвѣ, долженствующее произвесть радость, наноситъ жителямъ лишь скорби.

На этомъ отношеніи графъ Тормасовъ написалъ:

Предписать оберъ-полицеймейстеру, чтобы онъ, не объявляя никому особо, а какъ бы по своей должности объѣхалъ всѣ отведенныя квартиры и осмотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ въ оныхъ утѣсненія хозяевамъ, и въ такомъ случаѣ назначилъ бы другія комнаты или даже и другія квартиры, буде которые-либо изъ отведенныхъ домовъ недовольно пространны, чтобы безъ утѣсненія хозяина въ нихъ постои расположить было можно, а при томъ г-нъ надзиратель надъ квартирами никогда не подавалъ на себя подозрѣніе, но стараться весьма возможными средствами узнать, не было ли при отводѣ квартиръ какого-либо злоупотребленія, для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.



Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XII [1]).

Участіе въ цензурѣ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи и министровъ.—Книга Смидта „О польскомъ возстаніи и войнѣ 1830—1831 годовъ".—Статья Жеребцова „О современныхъ экономическихъ вопросахъ".—Цензура каррикатуръ.—Цензоръ Крыловъ и его дѣятельность.—Переводъ „Замогильныхъ записокъ" Шатобріана.—Заграничные эстампы и портреты.—Записки Крекшина „Годъ изъ царствованія Петра Великаго".—Кончина Бутурлина и оставленіе министерства графомъ Уваровымъ.

При такой усиленной дѣятельности комитета 2-го апрѣля, безъ сомнѣнія, уже становилось излишнимъ наблюденіе III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, постоянно слѣдившаго, до тѣхъ поръ, за русскою печатью и за цензурнымъ вѣдомствомъ. Однако же, несмотря на это, въ послѣдніе годы управленія графа Уварова не обошлось также безъ нѣкотораго участія въ ходѣ цензурнаго дѣла и со стороны этого вѣдомства.

Такъ, 10-го мая 1848 г., графъ Орловъ секретно сообщилъ Уварову, что писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія, и цензоры частью воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ весьма многія мѣста. Поставленные въ затруднительное положеніе въ отношеніи къ писателямъ, которые ропщутъ и негодуютъ на строгость цензоровъ, послѣдніе иногда какъ бы принуждены бываютъ пропускать сочиненія съ сомнительными мѣстами. Цензоры объясняютъ, что еслибы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1903 г.

остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія эти показываютъ, что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о томъ, высочайше повелѣлъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ или нравственномъ отношеніи, направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, не гласнымъ образомъ, въ III-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе.

25-го сентября того же 1848 года Орловъ сообщилъ Уварову, что бывшій учитель 5-й С.-Петербургской гимназіи, Кулешъ, прикосновенный къ дѣлу объ украино-славянскомъ обществѣ, высланный по этому поводу изъ Петербурга и состоящій теперь на службѣ при тульскомъ военномъ губернаторѣ, получилъ отъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи разрѣшеніе заниматься литературными трудами. Нынѣ же Кулешъ, доставивъ сочиненіе свое, подъ заглавіемъ «Исторія Бориса Годунова и Дмитрія Самозванца», проситъ какъ о дозволеніи напечатать ее, такъ и объ исходатайствованіи ему на изданіе этой книги заимообразно денегъ, которыя онъ возвратитъ отъ продажи первыхъ экземпляровъ: потому что на собственный счетъ онъ не можетъ напечатать книгу, а изданіе ея, при недостаточномъ его состояніи, доставило бы ему средство къ улучшенію его положенія.

Почему графъ Орловъ и просилъ разсмотрѣть сочиненіе Кулеша и сообщить ему, въ какой степени оно важно въ ученомъ отношеніи, можетъ ли быть напечатано и заслуживаетъ ли особаго ходатайства. Когда же профессоръ Устряловъ далъ о сочиненіи Кулеша неодобрительный отзывъ, то Орловъ счелъ излишнимъ подвергать его разсмотрѣнію въ цензурномъ отношеніи и потребовалъ рукопись обратно.

30-го ноября 1848 года графъ Орловъ увѣдомилъ Уварова, что въ нѣкоторыхъ магазинахъ петербургскихъ книгопродавцевъ находится альманахъ, подъ названіемъ «Almanach comique», изданный въ Парижѣ на 1849 годъ, и содержащій въ себѣ въ высшей степени дерзкія каррикатуры, между прочимъ, и на наше правительство. По удостовѣренію, оказалось, что книгопродавцы получили означенный альма-

нахъ изъ-за границы безъ ихъ требованія и не продаютъ этой книги, но они хранятъ ее на полкахъ съ другими книгами, такъ что нѣкоторые изъ посѣтителей видѣли и даже разсмотрѣли сказанный альманахъ. Поэтому онъ, Орловъ, отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ о вмѣненіи въ строжайшую обязанность книгопродавцамъ, чтобы упомянутый альманахъ немедленно возвратили за границу и чтобы на будущее время ни подъ какимъ видомъ не осмѣливались держать подобныя книги на полкахъ магазина, или показывать кому-либо изъ посѣтителей, но чтобы, на основаніи § 154 цензурнаго устава, хранили оныя въ особомъ ящикѣ, до отправленія, при первомъ удобномъ случаѣ, обратно за границу.

Прочіе министры и завѣдующіе отдѣльными частями также продолжали, каждый съ своей стороны, вступаться по-прежнему въ дѣла печати.

27-го іюля 1848 года военный министръ, князь Чернышевъ, писалъ Уварову, что съ нѣкотораго времени, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» весьма небрежно перепечатываются изъ «Русскаго Инвалида» оффиціальныя статьи по военному вѣдомству; такъ напримѣръ: 1) въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 25-го іюня, на имя его, Чернышева, было напечатано: «заслугъ нашихъ», вмѣсто «заслугъ вашихъ»; 2) Въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 22-го іюля, на имя князя Воронцова, вмѣсто «снабдивъ» напечатано «снабдилъ», вмѣсто «пребывая» сказано «пребываю», и тѣмъ данъ фразамъ совершенно неправильный оборотъ; хотя, по принятымъ правиламъ, опечатки, дѣлаемыя въ газетахъ и оговариваются въ послѣдующихъ нумерахъ оныхъ, но какъ въ такихъ случаяхъ дѣлается только ссылка на страницу и на строку, гдѣ ошибка оказалась, а не на самую статью, то эти оговорки ни къ чему не служатъ, а между тѣмъ подобныя ошибки бываютъ поводомъ къ разнымъ неумѣстнымъ толкамъ.

Почему князь Чернышевъ и просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы при перепечатываніи изъ «Русскаго Инвалида» оффиціальныхъ статей, въ особенности же наиболѣе важныхъ по содержанію, было обращаемо надлежащее вниманіе на корректуру.

31-го іюля 1848 года министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, писалъ Уварову, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, изъ Франціи привозятся къ намъ конфекты съ наклеенными на нихъ различными девизами и даже съ маленькими книжечками, которыя по выходѣ изъ таможни поступаютъ прямо въ продажу, ускользая чрезъ то отъ разсмотрѣнія цензуры и отъ преслѣдованія полиціи. Находя, что неблагонамѣренные люди могутъ воспользоваться этимъ способомъ для распространенія вредныхъ и злонамѣренныхъ мыслей, онъ, Перовскій,

номъ архивѣ департамента генеральнаго штаба, и даже секретно потребовалъ сообщенія ему имени автора (что̀ не могло быть исполнено).

11-го апрѣля 1849 года Перовскій просилъ министра народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы напечатанная въ № 13 «Смоленскихъ губернскихъ вѣдомостей» статья о торжественномъ собраніи смоленскаго дворянства, по случаю всемилостивѣйшихъ отзывовъ о немъ государя императора, не была перепечатываема ни въ какомъ другомъ періодическомъ изданіи,—такъ какъ въ этой статьѣ помѣщенъ въ подробности сдѣланный государемъ императоромъ пріемъ смоленскому губернскому предводителю дворянства, а онъ, Перовскій, не имѣетъ свѣдѣнія: было ли испрошено высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе этой статьи. Уваровъ немедленно исполнилъ его требованіе.

Въ мартѣ Уваровъ не дозволилъ печатать въ «Москвитянинѣ» статью: «Отголоски о новомъ происхожденіи имени славянъ и славянофиловъ», представленную на его предварительное разсмотрѣніе Московскимъ цензурнымъ комитетомъ. Но не дождавшись отвѣта министра, цензоръ Лешковъ далъ разрѣшеніе напечатать эту статью,—и она дѣйствительно появилась въ № 4 «Москвитянина». Не считая, вѣроятно, умѣстнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ навлекать новыя замѣчанія на цензуру со стороны высшаго начальства, уже и такъ къ ней мало расположеннаго, Уваровъ не далъ дѣлу этому дальнѣйшаго хода и ограничился строгимъ, но конфиденціальнымъ выговоромъ цензору Лешкову.

29-го іюня 1848 года попечитель С.-Петербургскаго округа представлялъ о разрѣшеніи цензировать каждое повременное изданіе не двумъ цензорамъ, а одному. Мусинъ-Пушкинъ указывалъ на то, что прежнее распоряженіе чрезвычайно обременительно для цензоровъ, по умножившемуся числу журналовъ, какъ числомъ, такъ и объемомъ, и по тому усиленному вниманію, которое цензоры должны нынѣ обращать на статьи, печатаемыя въ журналахъ. На это представленіе послѣдовала резолюція Уварова: «Отъ моего имени написать къ попечителю, что подобное распоряженіе не можетъ быть сдѣлано безъ высочайшаго разрѣшенія, и что я затрудняюсь къ оному приступить безъ особыхъ побудительныхъ причинъ».

29-го сентября попечитель Мусинъ-Пушкинъ представилъ печатный проектъ объявленія объ изданіи журнала «Современникъ» въ 1849 году, подъ редакціею Панаева, прибавивъ, что Петербургскій цензурный комитетъ съ своей стороны не находитъ никакого препятствія къ разрѣшенію Панаеву продолжать изданіе «Современника». Въ отвѣтъ на это Уваровъ,—по заключенію главнаго управленія цензуры, 6-го но-

ября увѣдомилъ помянутый комитетъ, что Панаеву дозволяется продолжать изданіе «Современника», какъ и прежде, въ видѣ опыта; что же касается до объявленія объ этомъ изданіи, то оно «должно быть разсмотрѣно цензурою съ большою осмотрительностью и требуетъ исключенія нѣкоторыхъ неумѣстныхъ подробностей и разсужденій, особливо же всего, что̀ касается до умноженія объема изданія, увеличенія числа листовъ,—особыхъ приложеній и т. д.». Въ то же время запрещенъ выпускъ въ свѣтъ «Иллюстрированнаго альманаха», который редакція «Современника» желала раздать своимъ подписчикамъ безденежно, вслѣдствіе давнишняго своего обѣщанія. Цензоръ Крыловъ нашелъ, что въ иллюстраціяхъ легко узнать каррикатурные портреты многихъ лицъ, очень извѣстныхъ публикѣ (Кукольника, Булгарина, Краевскаго, Брандта, Каратыгиныхъ, и др.), но цензура не можетъ принимать въ соображеніе согласіе на выпускъ въ свѣтъ подобныхъ каррикатуръ, со стороны выставленныхъ тутъ лицъ (на что̀ особенно ссылается редакція): «допустивъ однажды каррикатуры литераторовъ и артистовъ, говорилъ Крыловъ, цензура встрѣтитъ несомнѣнно большое затрудненіе впослѣдствіи. Пущенныя въ ходъ каррикатуры не остановятся на однихъ литераторахъ и артистахъ. Любители изданій этого рода захотятъ потомъ выводить въ нихъ администраторовъ, а наконецъ—и освободиться отъ необходимости отбирать на это согласіе». Изъ напечатанныхъ же (съ одобренія цензуры, и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ) въ Альманахѣ статей цензоръ Крыловъ сильно возставалъ особенно противъ четырехъ. Онъ признавалъ, что романъ «Семейство Тальниковыхъ» [1]) «написанъ какъ бы для того, чтобы въ умы дѣтей вносить реформу понятій о спасительной для общества любви и покорности родительской власти. Отецъ и мать Тальниковы и вся цѣпь семейной жизни и воспитанія дѣтей ихъ, которыхъ они держатъ—хуже щенятъ, представлены въ непрерывной цѣпи такихъ картинъ, отъ которыхъ читатель невольно возмущается... Разсказъ «Лола Монтесъ» (Дружинина) написанъ въ этомъ же духѣ, только краски его не такъ ярки и заразительны. Въ статьѣ «Старушка» (Майкова) замѣтна попытка преобразовать исконныя понятія о нравственности и добродѣтели» (такъ, напримѣръ, одно дѣйствующее лицо говоритъ старушкѣ, вспоминающей о счастливо сохраненной ею, въ продолженіе всей жизни своей, добродѣтели: «къ чему ваша добродѣтель? плевать на нее станутъ и точно плюютъ, да еще хуже»... Въ сущности, это примѣрная добродѣтель, да толку въ томъ нѣтъ», и т. д.). «Встрѣча на станціи» (Панаева)—любуются тѣми грязными, отвратительными видами, которые полиція прогоняетъ съ

---

[1]) Станицкій—псевдонимъ Панаевой, дочери извѣстнаго актера Брянскаго. Въ романѣ изображена жизнь автора въ родительскомъ домѣ.

улицъ, а натуральная школа, по слѣдамъ Гоголя, расплoжаетъ въ литературѣ» (герой повѣсти отставной офицеръ, изъ-за подачки и изъ-за рюмки водки потѣшающій на станціи ямщиковъ и мужиковъ).

Графъ Уваровъ призналъ справедливыми всѣ соображенія цензора Крылова, и дозволилъ выпускъ въ свѣтъ альманаха лишь по перепечатаніи его и составленіи изъ совершенно новыхъ статей, но при томъ «на этотъ только разъ».

18-го января 1849 года, петербургскій попечитель представилъ, что цензурный комитетъ затрудняется дозволить печатаніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» перевода «Замогильныхъ записокъ» Шатобріана». Во второй части этой книги, говорилъ цензоръ Шидловскій (разсматривавшій ее), Шатобріанъ говоритъ, какъ живой свидѣтель, съ увлекательною подробностью о причинахъ французской революціи (1793 года), ужасномъ ея развитіи, оскорбленіи священной особы короля и его фамиліи, и о страшномъ и безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ міра паденіи нравственности народа въ частныхъ его и общественныхъ проявленіяхъ. Подобнаго рода событія должны имѣть мѣсто только въ наукѣ, именно въ исторіи, а не быть предметомъ народнаго летучаго чтенія въ журналахъ, а между тѣмъ всѣ наши журналы нынѣ заняты напечатаніемъ этого сочиненія». Уваровъ отвѣтилъ, что цензурѣ, при одобреніи этого перевода въ журналѣ, надлежитъ съ должною осмотрительностью исключить все то, что̀ не можетъ быть допущено къ печатанію, но онъ, министръ, не находитъ достаточной причины безусловно не дозволять въ «Отечественныхъ Запискахъ» перевода сочиненія, въ которомъ излагаются событія историческія и извѣстныя. Вниманіе цензуры должно быть обращено на то, въ какомъ видѣ они представлены; хотя въ этомъ отношеніи имя писателя, столь знаменитаго, какъ Шатобріанъ, извѣстный своимъ образомъ мыслей, и можетъ служить ручательствомъ, но не менѣе того и въ его сочиненіяхъ могутъ встрѣтиться мѣста, которыя цензура должна подвергнуть строгости исключенія.

28-го мая 1849 г. Уваровъ писалъ петербургскому попечителю: «Въ магазинахъ эстамповъ и въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ выставляются, для продажи, портреты разныхъ лицъ, дѣйствующихъ нынѣ на политическомъ поприщѣ, въ томъ числѣ депутатовъ французскаго національнаго собранія, извѣстныхъ своими революціонными мнѣніями. Хотя эти эстампы не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ портретовъ, однако выставка ихъ и привлеченіе къ нимъ всеобщаго вниманія публики представляютъ неудобства разнаго рода».

Поэтому онъ поручалъ цензурному комитету усугубить строгость при пропускѣ заграничныхъ эстамповъ и не дозволять портретовъ лицъ, сдѣлавшихся извѣстными своими вредными правилами и дѣй-

ствіями, въ случаяхъ же сомнительныхъ представлять на разрѣшеніе самого министра.

Два дня спустя военный министръ писалъ Уварову, что въ магазинахъ эстамповъ, особенно у Юнкера близъ Полицейскаго моста, продаются портреты: Ледрю-Роллена, Барбеса, Распайлья и другихъ; изображенія эти выставляются въ окнахъ магазиновъ; почему онъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе, «дабы въ магазинахъ не были ни выставляемы, ни даже продаваемы подобные». Уваровъ отвѣчалъ, что уже и самъ сдѣлалъ распоряженіе по этому предмету. Вслѣдъ затѣмъ, по указанію московскаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, 29-го іюня предписано Уваровымъ Московскому цензурному комитету не дозволять впредь печатанія такихъ статей, какъ въ № 11 «Москвитянина» біографическая статья о Бемѣ, предводителѣ мятежныхъ войскъ въ Венгріи.

24-го іюля 1849 года Уваровъ, по просьбѣ петербургскаго попечителя, велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ цензору Елагину за пропускъ имъ, въ № 157 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», фельетона (какъ оказалось потомъ, камеръ-юнкера Павла Миллера), гдѣ подъ именемъ китайскаго городка Цанноэ-Сэо выставлено было въ каррикатурѣ Царское Село и заведенные тамъ генераломъ Захаржевскимъ преувеличенные порядки чистоплотности. Тщетно цензоръ Елагинъ представлялъ въ свое оправданіе, что у насъ никогда и нигдѣ не бывало въ дѣйствительности такихъ вещей, какія тутъ описывались (напримѣръ, что «начальникъ города гналъ всѣхъ разнощиковъ, которые продавали фрукты»; что «въ садъ не иначе пускали, какъ по предъявленіи свидѣтельства о законномъ рожденіи и дворянствѣ»; что «особенный мандаринъ съ метлою долженъ былъ неотступно слѣдовать за каждымъ вошедшимъ въ садъ, какъ для того, чтобы тотчасъ же заметать слѣды гуляющаго на пескѣ, такъ и для того, чтобы бить его по пятамъ за то, что онъ гулялъ»); тщетно также представилъ онъ корректурный листъ фельетона, гдѣ, по его словамъ, болѣе половины текста вовсе имъ было исключено [1]), ничто не помогало, конечно, подъ влія-

[1]) Любопытно замѣтить, что въ этомъ фельетонѣ, вездѣ гдѣ у автора было сказано, что на любовномъ свиданіи молодой человѣкъ взялъ свою любезную за талію, цензоръ зачеркнулъ эти слова и написалъ вмѣсто того: за руку, а потомъ зачеркнулъ весь вообще разсказъ этотъ и написалъ: „противно нравственному чувству“. Въ одномъ мѣстѣ было сказано: .... „престарѣлая вдова, съ расположеніемъ къ монастырской жизни“, цензоръ зачеркнулъ послѣднія два слова и написалъ къ тихой жизни. Потомъ еще онъ зачеркнулъ слѣдующія мѣста фельетона: „Иное горе можно высказать, другое можно выплакать, но есть горе, которое можно только безмолвно, безъ слезъ выстрадать. Я не говорю объ неожиданности горя, которое убиваетъ человѣка на мѣстѣ, когда сила не въ самомъ горѣ, а въ испугѣ“.

ніемъ замѣчанія со стороны комитета 2-го апрѣля, и Елагинъ получилъ строгое замѣчаніе.

16-го августа 1849 года петербургскій попечитель писалъ Уварову, что, основываясь на мнѣніи академика Устрялова, считаетъ невозможнымъ дозволить напечатаніе въ «Библіотекѣ для чтенія» отрывка изъ записокъ Крекшина, подъ названіемъ: «Годъ изъ царствованія Петра Великаго 1709 г.» Устряловъ находилъ, что Крекшинъ писалъ свою статью, какъ видно изъ одного мѣста (гдѣ говорится о торжественномъ вшествіи Петра Великаго въ Москву послѣ Полтавской баталіи), уже въ царствованіе Елизаветы Петровны и, сколько можно догадаться, пользовался походнымъ журналомъ государя; по сему разсказъ его въ главныхъ обстоятельствахъ достовѣренъ, но въ подробностяхъ, по обычаю автора, наполненъ многими ошибками и выдумками (вопреки словамъ издателей, которые говорятъ, будто онъ составлялъ свои записки самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ). Впрочемъ, по мнѣнію Устрялова, сочиненіе это не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурному уставу, и потому изданіе въ свѣтъ разсмотрѣнной имъ статьи было бы не безполезно, въ томъ смыслѣ, что тогда легче будетъ оцѣнить истинное достоинство писателя, пользующагося у насъ, по преданію, вовсе незаслуженною славою тщательнаго, многосвѣдущаго и добросовѣстнаго историка. Къ этому мнѣнію Устрялова Мусинъ-Пушкинъ съ своей стороны прибавилъ, что полагалъ бы: на основаніи высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ томъ же, 1849 году, по поводу напечатанной въ январскомъ «Современникѣ» статьи о Шуйскомъ, пріостановить помѣщеніе въ «Библіотекѣ для чтенія»

(Сбоку цензоръ приписалъ: „По темнотѣ изложенія“). Далѣе онъ зачеркнулъ слова: „одни дѣти, которыя берутъ подарки игрушками, да взрослые, которые берутъ взятки подарками, могутъ не понимать настоящаго смысла подарковъ и не входить ни въ какія разбирательства. Но быть дѣтьми мы не можемъ, хотя бы и желали, а быть въ числѣ вторыхъ—могли бы, да не захотимъ сами“. Потомъ еще зачеркнуто: „Родство вещь весьма относительная, условная, и слѣпо полагаться на него нельзя. Можно быть дурнымъ человѣкомъ и хорошимъ родственникомъ, и наоборотъ. Случалось, что одни и тѣ же люди были попеременно и прекрасными родными и самыми несносными. Время, обстоятельства, лѣта играютъ и тутъ важную роль. А потому я стараюсь отыскать не родственниковъ между людьми, а людей по сердцу между родственниками, и во всякомъ случаѣ предпочитаю благопріобрѣтенную родню родовому родству“ (Цензоръ сбоку написалъ: „Космополитизмъ“). Наконецъ еще зачеркнуто: „Иныя впечатлѣнія дѣтства такъ сильны, что не знаешь, какъ отъ нихъ отдѣлаться. На меня, напримѣръ такъ подѣйствовалъ разсказъ о Самсонѣ и Далилѣ, что я и теперь, встрѣтивъ человѣка съ короткими волосами, готовъ спросить у него: Неужели вы по своей доброй волѣ такъ обстриглись? (цензоръ сбоку приписалъ: „Послѣдовали два высочайшія повелѣнія не носить длинныхъ волосъ“).

извлеченія изъ сочиненія Крекшина, предоставя издателю напечатать его особою книжкою. Но Уваровъ отвѣчалъ (20-го августа) Мусину-Пушкину, что въ этомъ историческомъ сочиненіи давняго уже времени не находится ничего, что препятствовало бы напечатанію онаго въ «Библіотекѣ для чтенія». Что же касается до тѣхъ мѣстъ, которыя не совсѣмъ согласны съ историческою истиной, то можно предложить издателю оговорить эти историческія ошибки въ особыхъ примѣчаніяхъ, согласно съ указаніями Устрялова.

Эти примѣры, взятые въ своей совокупности, доказываютъ довольно ясно, что графъ Уваровъ въ данный періодъ, хотя и продолжалъ не только исполнять предписанное ему, но даже заблаговременно соображаться, при каждомъ новомъ случаѣ, съ возникшимъ вновь направленіемъ, но при всемъ томъ отъ времени до времени высказывалъ настолько самостоятельности, что разрѣшалъ вещи, которыя казались непозволительными и законопротивными ближайшимъ его сотрудникамъ, и даже въ такой мѣрѣ, что это время оппозиціи Уварова можетъ, по справедливости, считаться самымъ либеральнымъ періодомъ этого министра.

Что касается журналовъ, то въ теченіе этого періода дозволенъ былъ лишь одинъ новый, и то на армянскомъ языкѣ: именно газета «Араратъ», которую въ концѣ 1849 года разрѣшено было издавать священнику Патканову.

Число дозволеній, данныхъ исключительнымъ личностямъ на полученіе иностранныхъ запрещенныхъ книгъ, было въ 1848 году очень ограничено, но при этомъ примѣчательны два факта: первый тотъ, что почти всѣ эти дозволенія давались на значительное количество книгъ (такъ можно указать на цѣлыя коллекціи, которыя дозволено получить: генералъ-лейтенанту барону Медему, библіотекѣ генеральнаго штаба генералъ-адъютанту Шипову, князю Дундукову-Корсакову, полковнику графу Штейнбоку, генералу-отъ-кавалеріи Сталю); второй же тотъ, что всѣ эти (хотя и очень немногочисленныя) дозволенія даны самимъ графомъ Уваровымъ, безъ всякаго участія главнаго управленія цензуры. Было впрочемъ нѣсколько разрѣшеній, данныхъ самимъ государемъ: такъ напримѣръ по высочайшему повелѣнію разрѣшено статскому совѣтнику Гагемейстеру привезти всю библіотеку его изъ Берлина; а на докладѣ министра о разрѣшеніи тайному совѣтнику Тенгоборскому привезти изъ Вѣны всю библіотеку его (2.000 томовъ) послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ, но на честномъ словѣ, что политическихъ новыхъ сочиненій въ нихъ нѣтъ».

Такъ продолжалось до исхода 1849 года. Въ это время произошли двѣ перемѣны въ числѣ лицъ, болѣе всего имѣвшихъ вліяніе на цензурное дѣло: въ октябрѣ оставилъ свой постъ министръ народнаго просвѣ-

щенія графъ Уваровъ, и тогда же умеръ председатель комитета 2-го апрѣля, дѣйствительный тайный совѣтникъ Бутурлинъ. Послѣдняго замѣнилъ генералъ-адъютантъ Анненковъ, а мѣсто Уварова занялъ бывшій товарищъ министра, князь Ширинскій-Шихматовъ.

XIII.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ.—Его характеристика.—„Очеркъ всеобщей исторіи" Македонскаго.—Критика „Современника" на статью Смарагдова. — „Весьма нужная замѣтка", помѣщенная въ „Сѣверной пчелѣ".—Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.—Романъ „Добро и зло".—Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго лорда Георга.—Вопросъ о книгахъ для народнаго чтенія.—Комедія Островскаго „Свои люди сочтемся".—Повѣсть „Профессорша".—Замѣтка о хозяйственныхъ занятіяхъ помѣщика Сердюкова.—Корнетъ Атуевъ и его объявленіе.—Отчетъ Плетнева о состояніи университета въ 1849 году.—„Начертаніе русской исторіи" Н. Г. Устрялова.—Изданная въ Вильнѣ брошюра „Піитика".

Преемникъ графа Уварова, утвержденный въ званіи министра лишь въ январѣ 1850 года, князь Ширинскій-Шихматовъ былъ клерикально-піетистическаго направленія. Поэтому во все продолженіе министерской его дѣятельности, длившейся слишкомъ три года, онъ не ознаменовалъ себя никакимъ почином и былъ только строгимъ исполнителемъ получаемыхъ приказаній и внушеній.

По той же причинѣ и обозрѣніе дѣйствій цензуры за время съ конца 1849 года по первые мѣсяцы 1854 года не можетъ представить ничего инаго, кромѣ перечня предписаній и требованій, съ разныхъ сторонъ направленныхъ къ министру.

Замѣтимъ сперва, что во время управленія министерствомъ князя Ширинскаго-Шихматова, произошли слѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ главнаго управленія цензуры: А. С. Норовъ назначенъ товарищемъ министра. Вскорѣ послѣ того, 1-го марта, по Высочайшему повелѣнію, пересталъ присутствовать въ главномъ управленіи цензуры оберъ-прокуроръ сvнода графъ Протасовъ, котораго замѣстилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сербиновичъ; 18-го же марта повелѣно присутствовать въ этомъ учрежденіи сенаторамъ: Митусову и Толстому; 15-го мая, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ присутствовать въ главномъ управленіи цензуры, членомъ со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рихтеръ; 10-го октября, точно также, членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто

тайнаго совѣтника Буткова, назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скрыпицынъ.

26-го октября 1849 г., Анненковъ писалъ князю: «Въ недавнемъ времени появилась небольшая брошюрка, подъ заглавіемъ: «Очеркъ всеобщей исторіи», въ которой авторъ, нѣкто Е. Македонскій, для убѣжденія въ пользѣ и занимательности исторіи, какъ прошедшей жизни человѣчества, идетъ отъ того начала, что «каждый человѣкъ желаетъ и ищетъ для себя только пріятнаго, каждый желаетъ и ищетъ только удовольствій», и отсюда постепенно развиваетъ слѣдующіе три тезиса: 1) каждый человѣкъ живетъ только для различныхъ удовольствій, 2) безъ нихъ онъ—или вовсе не можетъ жить, или страдаетъ, 3) для сихъ же удовольствій онъ долженъ познавать природу и себя. При подробномъ обозрѣніи этой брошюрки, Комитетъ 2-го апрѣля не усмотрѣлъ основанія заключить о какомъ-либо предосудительномъ, не только намѣреніи, но и направленіи автора. Напротивъ, тутъ видна лишь односторонность и ограниченность взгляда, сокрывшая отъ него, какъ опасно и нелѣпо провозглашать, такимъ образомъ, цѣлью человѣка не то, что составляетъ долгъ христіанина и подданнаго, хотя бы исполненіе онаго сопряжено было съ самоотверженіемъ, а одно наслажденіе удовольствіями. Но по сему самому непремѣнною обязанностью цензуры было поступить осмотрительнѣе автора и не пропускать въ печать нелѣпостей, тѣмъ болѣе, что вся брошюрка, какъ на заглавіи ея означено, издана для начинающихъ, слѣдственно, для умовъ неопытныхъ и легко воспріимчивыхъ къ впечатлѣніямъ всякаго рода.

Но то, что въ авторѣ брошюры представляется однимъ неразуміемъ, по всей вѣроятности, безъ дурной цѣли, въ статьѣ журнала «Современникъ», посвященной разбору сей брошюры, возбуждаетъ подозрѣніе другаго рода, особенно по тому направленію, въ которомъ прежде замѣчены были издатели этого журнала. Въ статьѣ своей о сочиненіи Македонскаго они не только называютъ его «замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей учебной литературѣ», не только говорятъ, что оно «должно сдѣлаться настольною книгою во всѣхъ дѣтскихъ кабинетахъ», но даже, вмѣсто опроверженія вышеприведенныхъ идей автора, именно эти самыя идеи и выраженія перепечатываютъ еще въ своемъ журналѣ, въ видѣ «образчика, изъ котораго читатель могъ бы нагляднымъ образомъ самъ опредѣлить, до какой степени г. Македонскій съ одной стороны приспособляется къ понятіямъ дѣтей, а съ другой расширяетъ объемъ и содержаніе этихъ понятій». Вслѣдствіе этихъ соображеній, комитетъ полагалъ: 1) цензору Срезневскому, пропустившему въ печать отмѣченныя выше мѣста брошюры, за это упущеніе—для возбужденія въ немъ большей на будущее время осторожности—сдѣлать строгій выговоръ; 2) подобному же выговору подвергнуть и издателей «Современника», за включеніе ими въ ихъ

изданіе похвалъ такимъ идеямъ, которыя, напротивъ, въ понятіяхъ чистой нравственности должны бы вызывать одно строгое порицаніе; 3) предоставить министерству народнаго просвѣщенія распорядиться, чтобы брошюра Македонскаго нигдѣ не была терпима въ общественномъ преподаваніи.

На журналѣ по этому дѣлу государь 24-го октября написалъ: «Справедливо».

26-го октября 1849 г., Анненковъ писалъ князю: «Въ числѣ статей 10-го № «Современника» призвалъ на себя особое вниманіе Комитета 2-го апрѣля разборъ одного сочиненія Смарагдова, гдѣ критикъ обращается къ читателямъ съ слѣдующими словами: «Вы хотите новыхъ хорошихъ романовъ, хотите ученыхъ статей, хотите умныхъ рецензій и критикъ? Но подумали ли вы хотя разъ о положеніи вашей литературы, вашей журналистики? Кто нынче пишетъ? Нынче рѣшительно вѣкъ книгоненавидѣнія. Странная и непростительная лѣнь съ страшною силою распространяется въ пишущемъ классѣ, какъ будто есть что-нибудь въ самомъ воздухѣ, развивающее въ писателяхъ новый недугъ, угрожающій погибелью литературѣ, журналистикѣ, типографіямъ, книгопечатанію — недугъ книгоненавидѣнія. И дѣйствительно развитіе это стало особенно замѣтно съ появленіемъ эпидеміи (холеры)». Далѣе критикъ говоритъ, что онъ самъ на себѣ имѣлъ несчастіе испытать вліяніе новой эпидеміи. Во всѣхъ этихъ словахъ, написанныхъ тогда, когда физическая эпидемія уже исчезла, какъ ни прикрываетъ критикъ свою мысль шуткою—появленіемъ холеры, начавшейся здѣсь, какъ извѣстно, почти вслѣдъ за учрежденіемъ Комитета 2-го апрѣля; но прямое намѣреніе сего, очевидно, клонится къ изъявленію жалобы на мнимыя стѣснительныя обстоятельства литературы и журналистики, жалобы неумѣстной, хотя бы она и не относилась ко взысканіямъ, коихъ заслужили журналисты и неблагонамѣренные сочинители. Поэтому комитетъ полагалъ предоставить Ширинскому-Шихматову призвать издателей «Современника» и объявить имъ, что тайная ихъ мысль не осталась сокрытою отъ правительства, а вслѣдствіе того, сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, со внушеніемъ, что если бы и впредь еще они отважились на что-нибудь подобное, то будутъ неминуемо подвергнуты примѣрному взысканію.

На журналѣ по этому дѣлу послѣдовала 24-го октября высочайшая резолюція: «Весьма справедливо».

Въ ноябрѣ 1849 года Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову, что Комитетъ 2-го апрѣля, сознавая, что для приведенія въ дѣйствіе его назначенія, одинъ и даже нѣсколько лишнихъ экземпляровъ для издателя книги, журнала и проч. не составляютъ, въ общей сложности,

никакого почти счета,—испрашивалъ соизволеніе государя на возстановленіе отмѣненнаго послѣднимъ уставомъ о цензурѣ правила, коимъ Императорской публичной библіотекѣ было даровано право получать безмездно по два экземпляра каждой вновь издаваемой книги изъ всѣхъ типографій Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ двухъ экземпляровъ, присылаемыхъ въ библіотеку, одинъ поступалъ въ вѣдѣніе комитета. Государь, одобривъ это предположеніе, повелѣлъ привести его въ исполненіе безъ всякаго оглашенія о существованіи комитета.

13-го ноября Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову:

«Въ одномъ изъ фельетоновъ «Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей» напечатанъ былъ некрологъ умершаго ихъ редактора Межевича, авторъ котораго, нѣкто Смирновскій, выдавалъ себя тутъ другомъ покойнаго и превозносилъ его, какъ литератора и какъ человѣка, похвалами, можетъ статься, преувеличенными, но не обращавшимися никому въ оскорбленіе. Вслѣдъ за тѣмъ, въ фельетонѣ же «Сѣверной пчелы» (№ 228) появилась статья подъ заглавіемъ: Весьма нужная литературная замѣтка, въ которой, сверхъ порицаній и насмѣшекъ надъ авторскою дѣятельностью—и Смирновскаго и самого Межевича, помѣщены разныя выходки, касающіяся личности перваго, представляющія его какъ бы обманывающимъ публику на счетъ дружеской его связи съ Межевичемъ, и, наконецъ, заключаемыя такими выраженіями, которыя особенно по разставленнымъ между ними точкамъ явно взводятъ на Смирновскаго подозрѣніе въ томъ, что похвалы его въ фельетонахъ полицейскихъ вѣдомостей разнымъ купцамъ, лавочникамъ и ремесленникамъ написаны были за полученныя отъ нихъ деньги. Въ законѣ повелѣно: «Произведенія словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры: г) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности, или домашней жизни, и тѣмъ болѣе клеветою». Хотя, не имѣя ближайшихъ свѣдѣній объ образѣ дѣйствій г. Смирновскаго, Комитетъ 2-го апрѣля не могъ положительно утверждать, чтобы статья «Сѣверной пчелы» содержала въ себѣ именно клевету; однако, и безъ того, все вообще содержаніе и весь тонъ оной, еслибъ высказанное въ ней было даже строгою истиною, таковы, что, по мнѣнію комитета, приведенный законъ прямо противуполагался пропуску этой статьи въ печать. Это уже не литературная полемика, свободному движенію которой правительство наше не полагаетъ препятствія, а выходящее изъ всѣхъ предѣловъ приличія площадное ругательство, на которое никому и ни противъ кого не дано закономъ права, и комитетъ признавалъ, что допущеніе въ нашей журналистикѣ подобныхъ выходокъ тѣмъ болѣе было бы предосудительно, что лицу, помраченному

*

такимъ образомъ, передъ публикою въ его чести и, можетъ статься, беззащитному, весьма потомъ трудно, если не совсѣмъ невозможно, омыть себя въ общемъ мнѣніи отъ нанесеннаго ему бездоказательнаго пятна. Основываясь, затѣмъ, на статьѣ 1308 Улож. о наказ., комитетъ полагалъ: цензорамъ Крылову и Срезневскому, пропустившимъ означенную статью, сдѣлать надлежащее замѣчаніе; что же касается до редакторовъ «Сѣверной пчелы», то и они подлежали бы наказанію по ст. 2020 того же Улож., но какъ газета ихъ всегда отличалась благонамѣренностью своего направленія, то предоставить министру народнаго просвѣщенія объявить имъ, что они избавляются на этотъ разъ отъ законнаго взысканія въ семъ только единственно уваженіи.

На этомъ заключеніи послѣдовала собственноручная резолюція государя императора: «Принять самыя строгія мѣры къ запрещенію подобнаго рода нареканій и въ особенности всякихъ перебранокъ въ какомъ бы то ни было журналѣ».

13-го ноября 1849 года Анненковъ писалъ: «Въ числѣ свѣдѣній, случайно дошедшихъ до Комитета 2-го апрѣля, особенное вниманіе его обратила на себя изданная въ 1845 году книжка подъ заглавіемъ: «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка». Словаря этого появился въ свѣтъ одинъ только выпускъ отъ буквы А до М. По тщательномъ разсмотрѣніи означенной книжки, комитетъ не могъ не признать въ ней направленія не только двусмысленнаго, но и прямо предосудительнаго. Назначеніе подобнаго изданія, по самому названію книжки, должно, казалось бы, состоять единственно въ объяснительномъ, такъ сказать, переводѣ значеній иностранныхъ словъ, въ русскомъ языкѣ употребляемыхъ. Но въ словарѣ, комитетомъ разсмотрѣнномъ, цѣль эта становится, напротивъ, второстепенною, уступая мѣсто явному намѣренію развивать такія идеи и понятія, которыя у насъ могли бы повести къ однимъ лишь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, въ означенный словарь включено много такихъ словъ, о которыхъ нельзя было не предвидѣть уже впередъ, что самое даже благонамѣренное объясненіе ихъ значенія поведетъ къ толкованіямъ, вовсе не свойственнымъ образу и духу нашего правленія и гражданскаго устройства, и что потому осторожнѣе не допускать ихъ въ книгу, для популярнаго чтенія предназначенную; напротивъ, авторъ предлежащаго словаря не только переполнилъ ими свою книгу, но и издалъ ее, какъ по всему заключить должно, единственно для непримѣтнаго разлитія въ народѣ, подъ видомъ истолкованія этихъ словъ, косвенныхъ по своимъ видамъ—похвалъ или порицаній выражаемымъ ими понятіямъ. Съ другой же стороны, даже такимъ словамъ, прямое значеніе коихъ не могло бы, повидимому,

вызывать какія-либо отвлеченныя умствованія, какъ-то: апологъ, анализъ, синтезъ, идеалъ, идиллія, иронія, ландшафтная живопись, максимумъ и др., приведенными при нихъ толкованіями или примѣрами, придань смыслъ неблагонамѣренный и явно намекающій на ту же самую тайную цѣль автора. Вслѣдствіе этихъ соображеній, комитетъ полагалъ необходимымъ: 1) всѣ, остающіеся не распроданными, экземпляры этой книжки, какъ весьма вредной и опасной, извлечь изъ продажи, 2) хотя она появилась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т. е. до тѣхъ смутныхъ происшествій на западѣ, которыя побудили правительство усилить бдительность цензурнаго надзора; но какъ сочиненіе это, по общему его духу и направленію, съ перваго взгляда, повидимому, всегда и во всякое время долженствовало подлежать запрещенію, то предоставить министерству народнаго просвѣщенія сообразить: можно ли цензора Крылова, имѣвшаго неосторожность или неблагоразуміе пропустить подобное сочиненіе въ печать, оставлять должности цензора?

На этомъ мнѣніи послѣдовала высочайшая резолюція: «Не отбирая экземпляровъ упомянутаго словаря, дабы чрезъ то не возбудить любопытства, стараться откупить ихъ партикулярнымъ образомъ».

Вслѣдствіе этого повелѣнія, князь Ширинскій-Шихматовъ 25-го ноября вошелъ къ государю съ докладомъ, гдѣ объяснилъ, что помянутый словарь начатъ печатаніемъ въ августѣ 1844 г. и оконченъ въ апрѣлѣ 1845 года; что попечитель Петербургскаго округа, тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ, опредѣленный вскорѣ послѣ того въ настоящую свою должность, отозвался нынѣ, что въ Крыловѣ онъ всегда находилъ честнаго, исправнаго, дѣятельнаго, благонамѣреннаго цензора и человѣка, истинно преданнаго государю и отечеству, на котораго потому и возлагалъ разсмотрѣніе повременныхъ изданій и рукописей, требующихъ, по своему направленію, особеннаго наблюденія, и всегда имъ былъ совершенно доволенъ. Поэтому князь Ширинскій-Шихматовъ находилъ, что цензоръ Крыловъ подлежалъ бы, какъ неспособный къ отправленію этой должности чиновникъ, увольненію. Но какъ, со времени такого нарушенія Крыловымъ своей обязанности, протекло около 5-ти лѣтъ, и вся послѣдующая, затѣмъ, служба его въ званіи цензора отлично одобряется ближайшимъ его начальствомъ,—то онъ ходатайствуетъ объ оставленіи Крылова на его мѣстѣ.

На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція: «Оставить, но, сдѣлавъ строгій выговоръ и подтвержденіе быть впредь осторожнѣе».

Въ заключеніе, должно упомянуть, что въ началѣ 1853 года, вслѣдствіе представленія петербургскаго попечителя, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ сжечь, какъ совершенно ненужные, всѣ хранившіеся, послѣ отобранія ихъ, экземпляры 2-го выпуска «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ

русскаго языка», кромѣ одного экземпляра, оставленнаго при дѣлахъ Петербургскаго цензурнаго комитета. Вслѣдствіе того, 1.599 экземпляровъ означенной книги сожжены 3-го февраля 1853 года, въ присутствіи цензора Крылова и секретаря цензурнаго комитета.

Въ 1849 г. былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ романъ Фурмана: «Добро и зло». «Комитетъ 2-го апрѣля, разсмотрѣвъ это сочиненіе, нашелъ, что въ немъ авторъ слишкомъ далеко зашелъ въ развитіи исторіи страстей и между прочимъ распространяется о любви 8-го лѣтняго мальчика къ его гувернанткѣ и холодности его къ отцу, вслѣдствіе преступной связи послѣдняго съ гуверанткою. Комитетъ, находя въ этомъ сочиненіи, сверхъ самаго неприличія, съ которымъ сцены разврата вносятся въ святилище отцовской и сыновней любви, особенно предосудительнымъ то, что описаніе любви и ревности въ 8-ми лѣтнемъ ребенкѣ представляется какимъ-то отличительнымъ признакомъ избранныхъ натуръ, полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія вразумить, черезъ кого слѣдуетъ, г. Фурмана, что подобныя картины и мысли не могутъ быть признаны соотвѣтственными постоянному стремленію правительства къ облагороженію и очищенію народныхъ нравовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предостеречь его на будущее время отъ такихъ неосмотрительныхъ выходокъ, которыя могутъ навлечь подозрѣніе на собственную его нравственность».

На этомъ положеніи комитета послѣдовала 16-го марта высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо, но слабо, ибо я никакъ не могу допустить, чтобы цензура могла пропускать подобнаго рода сочиненія, въ высшей степени развратныя, и потому, кромѣ замѣчанія Фурману чрезъ самого министра народнаго просвѣщенія, цензору строжайшій выговоръ, и знать хочу—кто?»

Вслѣдствіе этого, князь Ширинскій-Шихматовъ въ докладѣ отъ 19-го марта изложилъ, что романъ «Добро и зло» печатался въ журналѣ «Сынъ Отечества» въ разное время и въ разныхъ книжкахъ, съ дозволенія пяти цензоровъ; предосудительныя же мѣста, замѣченныя комитетомъ 2-го апрѣля, пропущены въ печать цензорами Срезневскимъ и Мехелинымъ, которымъ и сдѣланъ строжайшій выговоръ. Къ этому министръ прибавилъ, что считаетъ своею обязанностью засвидѣтельствовать, что цензоръ Срезневскій, какъ профессоръ здѣшняго университета, отличается искреннею преданностью престолу и безукоризненною нравственностью.

На этомъ докладѣ государь 20-го марта положилъ слѣдующую резолюцію: «Подобные пропуски непростительны, ибо безнравственнаго никогда цензоръ пропускать не долженъ».

17-го марта 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ числѣ разсмотрѣнныхъ Комитетомъ 2-го апрѣля печатныхъ произведеній обратила на

себя вниманіе вышедшая въ 1849 году, въ Москвѣ одиннадцатымъ изданіемъ, книга: «Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и о бранденбурской маркграфинѣ Фридерикѣ-Луизѣ, съ присовокупленіемъ исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіи». Сочиненіе это родъ романа еще съ половины прошлаго столѣтія сдѣлалось у насъ однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній въ лакейскихъ и вообще въ простонародіи. Но, имѣя болѣе литературныхъ притязаній, нежели сказки о «Бовѣ Королевичѣ», о «Ванькѣ Каинѣ» и т. п., помянутая книжка не выше ихъ во внутреннемъ достоинствѣ, и, посреди пестрой смѣси самыхъ разнородныхъ приключеній, есть, въ существѣ, сборъ всякихъ нелѣпостей, иногда даже и неблагопристойностей, въ родѣ слѣдующихъ: «И такъ сія красавица (королева негритянка), при сихъ прелестныхъ видахъ, открывши предъ милордомъ черныя свои груди, которыя были изряднаго сложенія, говорила: посмотри, милордъ, ты конечно въ Лондонѣ такихъ пріятныхъ и нѣжныхъ членовъ не видывалъ?—Это правда, ваше величество, отвѣчалъ онъ, что въ Лондонѣ и самая подлая женщина ни за какія деньги сихъ членовъ публично предъ мущиною открыть не согласится; чего ради я вашему величеству совѣтую лучше оныя по-прежнему закрыть»... «Будучи я (разсказъ одного француза) въ Римѣ, получилъ отъ папы такую святость, что ежели моими губами дотронусь до какой болѣзни, то оная въ ту минуту исчезаетъ. Ахъ, какъ я сожалѣю,—отвѣчала ему Филія, что прежде всего не знала о сей вашей цѣлительной святости. Я бы не отсылала моего кучера къ лѣкарю; ибо я вѣрно надѣюсь, что вы, по учтивости вашей ко мнѣ, прикосновеніемъ святыхъ своихъ губъ исцѣлить его не отреклись бы, а онъ очень боленъ почечуемъ. Французъ, услыша неожиданный сей отвѣтъ, сгорѣлъ со стыда и, не говоря болѣе ни слова, принужденъ былъ отъ нея отойти».

Но если одиннадцатое изданіе «Милорда Георга» свидѣтельствуетъ, до какой степени эта книга сдѣлалась у насъ популярною, то оно служитъ вмѣстѣ доказательствомъ, что и низшіе наши классы чувствуютъ уже вообще необходимость въ чтеніи, которой такъ желательно бы удовлетворять пищею, болѣе для нихъ полезною. Въ серьезномъ родѣ частью сдѣлана уже къ тому попытка; стараніями нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ частныхъ лицъ въ послѣднее время изданы разныя назидательныя сочиненія, приспособленныя къ нравамъ и кругу понятій простолюдиновъ. Но и простолюдинъ можетъ иногда пожелать чтенія болѣе легкаго, веселаго, даже шутливаго, которымъ не только завлекалась бы его любознательность, но доставлялось и нѣкоторое разсѣяніе; а въ такомъ родѣ у насъ нѣтъ ничего, кромѣ упомянутыхъ вздорныхъ книжекъ и сказокъ, большею частью весьма старинныхъ. Здѣсь, по мнѣнію комитета, открывается обширное поле нашимъ ли-

тераторамъ, во всякомъ случаѣ гораздо полезнѣйшее, нежели переводъ ничтожныхъ французскихъ романовъ, или передѣлываніе вздорныхъ оракуловъ или гадательныхъ книгъ и т. п. Комитетъ заключилъ сообщить о всемъ этомъ министру народнаго просвѣщенія, для того, чтобы онъ представилъ свои соображенія: какимъ бы образомъ умножить у насъ изданіе и распространеніе въ простомъ народѣ чтенія книгъ, писанныхъ языкомъ, близкимъ къ его понятіямъ и быту, и, подъ оболочкою романическаго или сказочнаго интереса, постоянно направляемыхъ къ утвержденію нашихъ простолюдиновъ въ добрыхъ нравахъ и въ любви къ православію, государю и порядку.

На этомъ мнѣніи послѣдовала, 16-го марта, высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Послѣ того князь Ширинскій-Шихматовъ 15-го апрѣля представилъ государю, въ очень пространномъ докладѣ, свои соображенія о книгахъ для простаго народа, сущность которыхъ была, въ главныхъ чертахъ, слѣдующая: 1) Десять изданій «Милорда Георга», въ теченіе 50 лѣтъ, едва-ли могутъ служить доказательствомъ, что эта книжка сдѣлалась популярною. Она составляетъ не болѣе, какъ принадлежность нашей дворни въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а отчасти и въ помѣщичьихъ селеніяхъ, куда доставляется посредствомъ ярмарокъ и развозки странствующими промышленниками. Къ разряду читателей «Милорда Георга» можно развѣ только причислить, весьма впрочемъ въ ограниченномъ числѣ, нѣкоторыхъ низшаго сословія городскихъ обывателей; 2) подобнаго рода изданія, погрѣшая, иногда, противъ приличій и благопристойности, не представляютъ однако безнравственнаго направленія въ цѣломъ содержаніи, не оставляютъ, по самой нелѣпости своей, въ читателяхъ сильныхъ впечатлѣній и нисколько не опасны въ рукахъ простолюдиновъ именно потому, что эти книжки по большой части весьма старинныя; 3) чтобы быть истинно народными, книги требуютъ отъ сочинителя своего особеннаго дарованія, неизсякаемаго остроумія, всегда прикрываемаго простотою и добродушіемъ, совершеннаго знанія обычаевъ низшаго класса и, наконецъ, близкаго знакомства съ ихъ общежитіемъ, по большей части, весьма удачно выражаемыми въ пословицахъ и поговоркахъ. Словомъ, книги въ духѣ народномъ ожидаютъ еще своего Крылова. Кромѣ того, писатель народныхъ книгъ долженъ быть проникнутъ живою вѣрою православной церкви, носить въ груди своей безусловную преданность престолу и сродниться съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ бытомъ. Только тогда, передавая собственное убѣжденіе читателямъ своимъ, онъ можетъ незамѣтно согрѣвать и развивать въ сердцахъ ихъ врожденныя всякому русскому чувства уваженія въ вѣрѣ, любви къ государю и покорности законамъ

отечественнымъ. Удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ лишь изданныя въ послѣднее время: «Русская книга для грамотныхъ людей» (изданіе министерства народнаго просвѣщенія) и «Сельское чтеніе» (изданіе министерства государственныхъ имуществъ). Но при этомъ князя, несмотря на просмотръ имъ самимъ первой изъ этихъ двухъ книгъ, останавливала мысль: годится ли предлагать русскому необразованному люду чтеніе отечественной исторіи вполнѣ, которая нѣкоторыми своими событіями можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе, а потому не лучше ли выбрать нѣсколько назидательныхъ разсказовъ изъ всей русской исторіи? 4) изъ литературныхъ произведеній также слѣдовало бы выбрать нѣсколько нравственныхъ сочиненій, доступныхъ понятію каждаго грамотнаго человѣка, и изъ нихъ составить маленькую библіотеку при приходскихъ и сельскихъ училищахъ; 5) но еще болѣе этого князь настаивалъ на томъ, что всего полезнѣе было бы для правительства поощрять чтеніе книгъ не гражданской, а церковной печати, такъ какъ перваго рода книги представляютъ въ большинствѣ случаевъ (особливо относительно такъ называемаго «легкаго чтенія») лишь совершенно безполезное или вредное занятіе; 6) книги духовнаго содержанія укрѣпятъ простолюдина вѣрою и упованіемъ на святой Промыселъ къ новымъ трудамъ и къ благодушному перенесенію всякаго рода лишеній, между тѣмъ, какъ книги свѣтскія разсѣютъ ихъ только на время, но въ то же время ослабятъ ихъ дѣятельность и терпѣніе; 7) и потому отдавая рѣшительное предпочтеніе книгамъ духовнаго содержанія, министръ полагалъ издавать ихъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и продавать повсюду по самой умѣренной цѣнѣ, чему примѣръ существуетъ въ Москвѣ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Филарета, состоитъ комитетъ изданія духовно-нравственныхъ книгъ для простолюдиновъ. Въ Петербургѣ это же самое должно было бы устроиться, но въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Синода; 8) все это могло бы тѣмъ легче быть приведено въ исполненіе, что въ русскомъ народѣ до сихъ поръ существуетъ похвальный обычай начинать въ простолюдьи обученіе грамотѣ буквами церковной печати и чтеніемъ Часослова и Псалтыря, и при томъ же книжный языкъ нашихъ церковныхъ учителей (напримѣръ, Дмитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго) сближается съ общеупотребительнымъ русскимъ языкомъ и не представляетъ особенныхъ трудностей въ понятіяхъ простолюдиновъ. Поэтому князь испрашивалъ разрѣшенія передать сказанный вопросъ на обсужденіе Синода.

На этомъ докладѣ рукою министра сдѣлана отмѣтка, что 15-го апрѣля «государь императоръ высочайше утвердилъ его съ тѣмъ, чтобы не упускать изъ виду и изданіе для простаго народа книгъ гражданской пе-

чати занимательнаго, но безвреднаго содержанія, предназначая такое чтеніе преимущественно для грамотныхъ дворовыхъ людей; отдѣльные разсказы изъ отечественной исторіи его величество изволитъ предпочитать полному и послѣдовательному изложенію этого предмета въ книгѣ для простаго народа».

Но, кромѣ этого доклада, князь Ширинскій-Шихматовъ въ тотъ же самый день, т. е. 15-го же апрѣля, представилъ государю еще другой по тому же предмету, и именно о средствахъ «для огражденія Россіи отъ преобладающаго въ чужихъ краяхъ духа времени, враждебнаго монархическимъ началамъ, и отъ заразы коммунистскихъ мнѣній, стремящихся къ ниспроверженію основаній гражданскаго общества». Для этого онъ предлагалъ, относительно народныхъ книгъ, чтобы цензоры съ особенною строгостью наблюдали за тѣмъ, чтобы въ книгахъ для простаго народа не было ничего не только неблагопріятнаго, но даже и не осторожнаго относительно православной церкви и ея установленій, правительства, постановленныхъ властей и законовъ, а также ничего соблазнительнаго и неблагопристойнаго. Цензоръ не долженъ бы былъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни современныхъ происшествій, сильно дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны; цензоръ не долженъ бы былъ также пропускать ничего, что̀ могло бы ослабить во мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости брака и повиновенію родительской власти; наконецъ, не должны быть разрѣшаемы вообще къ печатанью, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, назначенныхъ для простаго народа, сочиненія, гдѣ изъявляется сожалѣніе о крѣпостномъ состояніи, описываются злоупотребленія помѣщиковъ, или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу. Докладъ этотъ высочайше утвержденъ 15-го апрѣля 1850 года.

1-го апрѣля 1850 года Анненковъ писалъ, что государь, прочитавъ журналъ Комитета 2-го апрѣля по поводу помѣщенной въ № 6 «Москвитянина» комедіи Островскаго «Свои люди сочтемся», положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: «совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить, во всякомъ случаѣ увѣдомя о томъ князя Волконскаго». Сообщая это высочайшее повелѣніе московскому попечителю, для объявленія его Островскому, князь прибавилъ отъ себя разсужденіе, что въ самомъ направленіи автора не усматривается ничего предосудительнаго, или неблагонамѣреннаго, ибо, давая пороку торжествовать, онъ рисуетъ его, впрочемъ, въ такихъ черныхъ и отвратительныхъ краскахъ, которыя сами собою внушаютъ омерзѣніе; но впечатлѣніе, которое эта комедія оставляетъ, самое печальное, и потому ее не слѣдовало бы позволять печатать, хотя въ ней нѣтъ

ничего противъ правилъ цензуры. При этомъ, министръ предписалъ вразумить Островскаго, что благородная и полезная цѣль таланта состоитъ не только въ живомъ изображеніи смѣшнаго и дурнаго, и справедливомъ его порицаніи не только въ каррикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства, слѣдственно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшнаго и преступнаго такихъ помысловъ и дѣяній, которые возвышаютъ душу; наконецъ, въ утвержденіи того, столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару еще и на землѣ».

Вскорѣ послѣ того, московскій попечитель, генералъ-адъютантъ Назимовъ, препроводилъ къ князю Ширинскому-Шихматову слѣдующее, адресованное къ нему, Назимову, 26-го апрѣля, письмо Островскаго: «Когда я выслушалъ отъ вашего превосходительства замѣчаніе министра народнаго просвѣщенія по поводу моей комедіи «Свои люди сочтемся», первымъ чувствомъ моимъ была глубокая благодарность за совѣты, которыми ему угодно было почтить меня. Въ оправданіе же тѣхъ невольныхъ промаховъ, которые могли вкрасться въ это мое первое произведеніе, я осмѣливаюсь представить вниманію вашему основанія, руководившія меня, какъ при сочиненіи, такъ и при желаніи видѣть мой трудъ обнародованнымъ посредствомъ печати. Главнымъ основаніемъ моего труда, главною мыслью, меня побудившею, было: добросовѣстное обличеніе порока, лежащее долгомъ на всякомъ членѣ благоустроеннаго христіанскаго общества, тѣмъ болѣе на человѣкѣ, чувствующемъ въ себѣ прямое къ тому призваніе. Такой человѣкъ льститъ себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное въ форму искусства, услышится многими и произведетъ желаемое плодотворное впечатлѣніе, какъ все въ сущности правое, а по формѣ—изящное. И мои надежды сбылись сверхъ моихъ ожиданій: трудъ мой, еще не оконченный, возбудилъ одинаковое сочувствіе и производилъ самыя отрадныя впечатлѣнія во всѣхъ слояхъ московскаго общества, болѣе же всего между купечествомъ,—о чемъ не безызвѣстно и вамъ. Лучшія купеческія фамиліи единодушно, гласно изъявляли желаніе видѣть мою комедію и въ печати, и на сценѣ. Я самъ нѣсколько разъ читалъ эту комедію передъ многочисленнымъ обществомъ, состоящимъ исключительно изъ московскихъ купцовъ, и, благодаря русской правдолюбивой натурѣ, они не только не оскорблялись этимъ произведеніемъ, но въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ изъявляли мнѣ свою признательность за вѣрное воспроизведеніе современныхъ недостатковъ и пороковъ ихъ сословія и горячо высказывали необходимость дѣльнаго и правдиваго обличенія этихъ пороковъ (въ особенности превратнаго воспитанія) на пользу своего круга. Въ глазахъ этихъ почтенныхъ людей, правда и польза, коей они отъ нея надѣялись, исключала вся-

кую мысль объ оскорбленіи мелочнаго самолюбія. Все это побудило меня представить мою комедію въ цензурный комитетъ, и это же, осмѣливаюсь думать, обратило и ваше вниманіе на мой трудъ.

«Согласно понятіямъ моимъ объ изящномъ, считаю комедію лучшею формою къ достиженію нравственныхъ цѣлей и, признавая въ себѣ способность воспроизводить жизнь преимущественно въ этой формѣ, я долженъ былъ написать комедію, или ничего не написать. Твердо убѣжденный, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнять человѣкъ, я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго, гдѣ талантъ твой? Въ истинности словъ, что порокъ наказывается и на землѣ, которыя г. министру народнаго просвѣщенія угодно было поставить мнѣ на видъ, я не только никогда не сомнѣвался, но постоянно думалъ и думаю, что въ нашемъ отечествѣ это дѣлается правѣе и законнѣе, нежели гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я писалъ свою комедію, проникнутый именно этимъ убѣжденіемъ. Купецъ Большовъ, сдѣлавшій преступленіе, наказывается страшною неблагодарностью дѣтей и предчувствіемъ и страхомъ неизбѣжнаго наказанія законнаго. Онъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Какъ я пойду мимо Иверской, какъ мнѣ взглянуть на нее на матушку... А тамъ присутственныя мѣста, уголовная палата. Вѣдь я злостный, умышленный, вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ». Подхалюзинъ приводилъ меня нѣсколько въ затрудненіе: его преступленіе—неблагодарность; передъ судомъ оффиціальнымъ Подхалюзинъ можетъ оправдаться: онъ не давалъ никакихъ документовъ ни отцу, ни стряпчему; но не уйти ему отъ суда публики, и потому я заставилъ стряпчаго, который чувствовалъ бездоказательность своего иска, прибѣгнуть къ суду публики. Мнѣ хотѣлось, чтобы именемъ Подхалюзина публика клеймила порокъ точно такъ же, какъ клеймитъ она именемъ Гарпагона, Тартюфа, Недоросля, Хлестакова и др. Въ заключеніе я вторично приношу вамъ искреннюю мою благодарность за сообщенныя мнѣ замѣчанія г. министра народнаго просвѣщенія и считаю долгомъ принять ихъ въ соображеніе при будущихъ моихъ произведеніяхъ, если я почувствую себя способнымъ къ продолженію начатаго мною литературнаго поприща. Смѣю увѣрить, что недостатки моей комедіи, какъ перваго произведенія, могли произойти единственно отъ неопытности; основною мыслью было желаніе, чтобы порокъ былъ смѣшонъ и гадокъ, и чтобы торжествовали: добро, правда и законъ».

Это письмо оставлено безъ всякихъ послѣдствій, а между тѣмъ циркулярнымъ предписаніемъ министра отъ 30-го мая всѣмъ цензурнымъ комитетамъ вмѣнено въ обязанность не дозволять перепечатанія комедіи «Свои люди сочтемся».

6-го апрѣля 1850 года Анненковъ писалъ министру: «Въ февраль-

ской книжкѣ «Сына Отечества» 1850 года была помѣщена повѣсть Бертольда «Профессорша», переведенная съ нѣмецкаго П. Фурманомъ. Комитетъ 2-го апрѣля, при разсмотрѣніи этой книги, замѣтилъ, что хотя содержаніе оной не можетъ быть признано предосудительнымъ, но въ числѣ дѣйствующихъ лицъ выставлены два пріятеля, Рейнхардъ и Рентмейеръ, которыхъ образъ мыслей, вообще слишкомъ отвлеченный и отзывающійся туманною нѣмецкою философіею, показываетъ какъ бы нѣкоторое сродство съ превратными идеями и пагубнымъ стремленіемъ, волнующими Западную Европу. Для примѣра можно указать слѣдующее: «Корень, творческая сила всего живущаго, покоится во мракѣ, куда не проникаетъ ни взоръ, ни даже солнечный лучъ»... «Скромный источникъ, пробивающійся изъ скалы! стремись впередъ и впередъ, къ неограниченному непобѣжденному морю; тамъ новая, тамъ вѣчная ясность и безконечная жизнь, миръ и движеніе, сосредоточенное въ самомъ себѣ»... «Ты умѣешь жить съ народомъ; слѣдовало бы сообщить ему свѣтъ просвѣщенія въ пѣсняхъ; такимъ образомъ концы сошлись бы съ концами; въ пѣніи соединились бы первая и послѣдняя степень просвѣщенія»... «Въ клавикордахъ я тоже открылъ глубокій символъ: всѣ струны годны, цѣлы еще; но почти всѣ разстроены грубыми невѣжественными руками; только нѣкоторые немногіе тоны еще вѣрны, чисты. Я долженъ идти къ школьному учителю за камертономъ,—опять символъ!...» «Глубокій смыслъ заключается въ инструментѣ, хранящемся въ каждомъ селѣ: только грубыя руки касаются его, и оно издаетъ грубые звуки, появись рука искусная. Нѣтъ, одного искусства недостаточно: нужно еще глубокое знаніе потребностей и духа народа. Я увѣренъ, что мою игру поняли не многіе. Я въ такомъ расположеніи, что все для меня обращается въ символъ. Я настроилъ клавикорды, но самъ уже не буду играть на нихъ. Après nous la danse». «Потомъ онъ пошелъ съ помощникомъ въ пивную. Самые глубокіе вопросы о времени обсуждались здѣсь съ такою ясностью и такимъ жаромъ, что Рейнхардъ невольно долженъ былъ сознаться про себя, сколько свѣжей жизни было здѣсь, потому, что каждый откровенно высказывалъ свою задушевную мысль и потому, что разговоръ былъ здѣсь не цѣлью соображенія, а средствомъ провести время съ пріятностью. Здѣсь, во ста шагахъ разстоянія, жили люди изъ другаго столѣтія, воспламенявшіеся въ умственной борьбѣ, какъ-бы они выходили изъ форума или готовились къ нему»... «И весело пѣли птицы, не заботясь о томъ, въ чьемъ саду онѣ пѣли и кому принадлежали деревья, по сучьямъ которыхъ онѣ прыгали».

Комитетъ обратилъ вниманіе на вышеуказанныя отвлеченности и загадочныя символическія выраженія, потому особенно, что переводчикъ повѣсти «Профессорша», Фурманъ, подвергся въ послѣднее

время высочайшему замѣчанію за нѣкоторыя неприличныя и безнравственныя мѣста романа его «Добро и зло»; и хотя комитетъ полагалъ, что сдѣланнаго ему за сей романъ, въ исполненіе высочайшей воли, внушенія будетъ достаточно для воздержанія его впредь отъ попытокъ вводить въ отечественную литературу чувства, идеи и понятія, несвойственныя добрымъ нравамъ и нашему государственному устройству и общественному быту; однако счелъ долгомъ представить на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе: не признано ли будетъ полезнымъ просить васъ объявить Фурману и о настоящемъ замѣчаніи комитета, для большей осторожности въ выборѣ предметовъ и къ самымъ переводамъ.

На этомъ докладѣ послѣдовала 5-го апрѣля высочайшая резолюція: «Справедливо; ежели нѣтъ злаго умысла, то во всякомъ случаѣ нѣмецкая чепуха, вовсе для насъ безполезная».

18-го апрѣля 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ апрѣльской книгѣ «Трудовъ Экономическаго Общества» помѣщенъ краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій могилевскаго помѣщика Сердюкова. Въ этой статьѣ сказано, что Сердюковъ привелъ съ собою въ свое могилевское имѣніе изъ Малороссіи 25 мужскаго и 25 женскаго пола малороссіянъ, съ тою собственно цѣлью, чтобы смѣшеніемъ племени сильнаго и довольно нравственнаго со временемъ усвоить въ Бѣлорусскомъ краю крѣпкихъ и добронравныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ. На слѣдующей страницѣ продолжается описаніе похвальныхъ намѣреній Сердюкова и говорится: «съ тою же цѣлью акклиматизированія и хозяйственнаго улучшенія, Сердюковъ привелъ изъ Малороссіи 10 коровъ и 2 бугаевъ украинской породы, 10 рѣшетиловскихъ черныхъ овецъ съ двумя баранами». Комитетъ 2-го апрѣля не могъ не остановиться на этомъ унизительномъ сближеніи человѣка со скотомъ, и хотя дѣйствія Сердюкова, въ означенной статьѣ описанныя, въ сущности своей не заключаютъ ничего, кромѣ полезнаго и благонамѣреннаго, что по всей справедливости и должно было обратить вниманіе вице-президента общества, какъ это объяснено въ выноскѣ подъ статьею; но, не менѣе того, комитетъ полагалъ, что редакція журнала должна имѣть въ виду не одно только содержаніе, но и самое изложеніе статей, и ни въ какомъ случаѣ не допускать подобныхъ вышеприведенному сближеній, кои могутъ производить весьма непріятное впечатлѣніе и даже давать поводъ къ насмѣшливымъ сужденіямъ о хозяйственныхъ мѣрахъ, публикуемыхъ обществомъ во всеобщее свѣдѣніе».

На этомъ журналѣ послѣдовала высочайшая резолюція: «Достаточно замѣтить неумѣстность подобнаго недосмотрѣнія, ибо злаго намѣренія не предполагаю».

31-го мая 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ «Московскихъ Вѣдо-

мостяхъ» № 55, въ частныхъ извѣстіяхъ, помѣщено объявленіе, подписанное: «корнетъ Атуевъ», заключающее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: «имѣю честь извѣстить любит.[1]) егерской и псовой охоты, что я, оставивъ по нѣкот. обстоятельствамъ военную службу, заним. теперь дрессированіемъ легавыхъ и выѣздк. борзыхъ и гончихъ собакъ; гончія такъ позывисты, что мнѣ стоило только подать голосъ въ рогъ, какъ онѣ въ минуту являлись ко мнѣ изъ дремуч. лѣса; сверхъ сего я обучаю людей подвывать волковъ и такъ вѣрно, что по отзыву этого звѣря могу утверд. опредѣлить число ихъ стаи; а какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ настоящ. время показал. много прибыл. волковъ съ бѣлыми лапами, похищ. преимуществ. достояніе государств. крестьянъ, которые хотя и сами воютъ также волкомъ, но не могутъ съ точностью опредѣлить числа кочующихъ стай, для чего нужно время, а потому я и предлагаю желающимъ мое знаніе и услуги; прошу адресовать ко мнѣ: «Оренбургской губерніи въ г. Мензелинскъ, гдѣ я имѣю мою корреспонденцію».

Нѣтъ сомнѣнія, что фамилія Атуевъ выдуманная, и, повидимому, цѣль статьи указать на положеніе государственныхъ крестьянъ и на притѣсненія, будто бы дѣлаемыя имъ отъ чиновниковъ управленія государственныхъ имуществъ, которыхъ сочинитель статьи обозначаетъ, какъ кажется, иносказательно: «прибылыми волками съ бѣлыми лапами». Комитетъ 2-го апрѣля, находя допущеніе подобныхъ статей въ вѣдомостяхъ крайне неумѣстнымъ, полагалъ предоставить министерству народнаго просвѣщенія сдѣлать съ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» за оказанное въ этомъ случаѣ невниманіе надлежащее взысканіе; а относительно къ разрѣшенію, данному отъ полицейскаго начальства, напечатать означенную статью, и къ отысканію сочинителя оной, сообщить, для зависящихъ распоряженій, министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-адъютанту графу Орлову; на будущее же время постановить въ цензурномъ отношеніи постояннымъ правиломъ, чтобы редакторы публичныхъ вѣдомостей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда присылаемыя для напечатанія частныя извѣстія заключаютъ въ себѣ что-либо сомнительно, останавливаясь напечатаніемъ оныхъ, представляли о томъ на разрѣшеніе непосредственнаго своего начальства».

На журналѣ комитета послѣдовала 29-го мая высочайшая резолюція: «Справедливо».

Вслѣдъ за тѣмъ, князь Ширинскій-Шихматовъ 5-го іюня вошелъ къ государю императору съ докладомъ, гдѣ изъяснилъ, что хотя подпись и казенная печать московскаго оберъ-полицеймейстера (съ раз-

[1]) Въ подлинникѣ это и многія другія слова недописаны.

рѣшенія котораго напечатана означенная статья) и снимали отвѣтственность съ редакціи вѣдомостей, тѣмъ не менѣе, тотчасъ по появленіи того нумера, московскій попечитель предписалъ сдѣлать, за такую неосмотрительность, строгій выговоръ начальнику университетской типографіи и арестовать какъ редактора вѣдомостей, такъ и просматривавшаго эту статью корректора, перваго на три, а послѣдняго на шесть дней. Въ то же время генералъ Назимовъ отнесся къ московскому генералъ-губернатору объ изслѣдованія, какимъ образомъ помянутая статья могла быть одобрена оберъ-полицеймейстеромъ, и сообщилъ инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства объ увольненіи редактора «Московскихъ Вѣдомостей», по прошенію, отъ должности.

22-го мая 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ изданной недавно, по опредѣленію совѣта С.-Петербургскаго университета, брошюрѣ о происходившемъ 8-го февраля въ томъ университетѣ торжественномъ актѣ, помѣщенъ, между прочимъ, отчетъ ректора Плетнева о состояніи онаго въ 1849 году. Отчетъ этотъ касается высшаго образованія юношества и прочитанъ былъ въ торжественномъ собраніи не только государственныхъ сановниковъ, но и всѣхъ студентовъ; сверхъ того, онъ, чрезъ напечатаніе, предназначенъ къ общей гласности, въ немъ будутъ искать выраженія видовъ правительства и его примутъ за авторитетъ, какого не могутъ имѣть слова частнаго человѣка. Все это побудило Комитетъ 2-го апрѣля обратить на рѣчь г. Плетнева особенное и самое строгое вниманіе. Первыми необходимыми принадлежностями такого оффиціальнаго акта, при вышеозначенныхъ условіяхъ произнесеннаго и напечатаннаго, по мнѣнію комитета, должна быть: совершенная ясность и точность мыслей; избѣжаніе въ выраженіи ихъ всякой неясности и всякаго повода къ превратнымъ, или по крайней мѣрѣ произвольнымъ истолкованіямъ; наконецъ, сильное проявленіе духа, чуждаго туманныхъ и суесловныхъ теорій и утопій Запада—духа монархическаго и самобытнаго въ исключительно-русскомъ направленіи. Но вполнѣ ли соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ отчетъ о состояніи С.-Петербургскаго университета за 1849 годъ? Онъ раздѣляется на XI статей, или параграфовъ. Первые десять, болѣе повѣствовательные, не возбуждаютъ замѣчаній. Но статья XI-я, общій, такъ сказать, заключительный, взглядъ на цѣль и назначеніе университетскаго образованія, — къ сожалѣнію, удаляется отъ помянутыхъ условій. Выраженія ея не только темны, но, по ихъ отвлеченности, иногда совсѣмъ неудобопонятны; въ ней болѣе высокопарныхъ фразъ, нежели тѣхъ понятій и вѣрованій, которыя мы привыкли считать заповѣдною нашею святынею; болѣе стремленія къ эффекту, нежели тѣхъ русскихъ, кровныхъ нашихъ идей, отъ охраненія и безпрестаннаго распространенія которыхъ между новымъ поколѣніемъ

зависятъ благо и спокойствіе нашей державы. Нѣтъ, можетъ быть, ничего прямо предосудительнаго, но есть, съ одной стороны, такія недомолвки, а съ другой такія, не довольно отчетливо высказанныя мысли, которыя легко объяснить въ смыслѣ предосудительномъ; нѣтъ, наконецъ, ничего, что можно бы вмѣнить въ вину частному писателю, но есть слова и цѣлыя рѣчи, которыхъ надлежало бы избѣгнуть педагогу и оратору, особливо же въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ здѣсь призванъ былъ писать, говорить и печатать. Чувство религіозное и нравственное, сказано между прочимъ въ брошюрѣ, принимается въ университетскомъ образованіи за первыя начала, на которыхъ основывается все прочее. Безъ нихъ любознательность не увидитъ цѣли своихъ успѣховъ». Но отчего же умолчано о чувствахъ вѣрноподданническомъ и любви къ престолу, однознаменательной у насъ съ любовью къ отечеству; о чувствахъ, безъ которыхъ и самая любознательность, какъ бы она ни была религіозна и нравственна, не только не увидитъ цѣли своихъ успѣховъ (въ смыслѣ самодержавномъ, охранительномъ и чисто русскомъ), но можетъ имѣть иногда и вредное направленіе? «Общественная польза», продолжаетъ авторъ, «обязанности гражданскія, семейныя отношенія, уваженіе къ собственной чести, безпрестанно должны быть въ виду при изслѣдованіи общихъ идей, которыя сами по себѣ, безъ примѣненія, остаются суетнымъ пріобрѣтеніемъ ума». Безъ тѣхъ же чувствъ вѣрноподданничества и любви къ престолу и безъ постояннаго, ревностнаго стремленія къ охраненію коренныхъ государственныхъ учрежденій, однѣ общія идеи объ условіяхъ и добродѣтеляхъ, указываемыхъ авторомъ, также могутъ не только остаться суетнымъ пріобрѣтеніемъ ума, но даже и увлечь за предѣлы позволительнаго и законнаго. Свидѣтельство тому—первая французская революція и настоящія событія во Франціи и Германіи. Бальи, Лафайетъ, Ламартинъ, нѣкоторые члены сеймовъ франкфуртскаго и эрфуртскаго, конечно, тоже не были чужды (въ ихъ понятіяхъ) общественной пользы, чести, обязанностей гражданскихъ и семейныхъ, а къ чему все это ихъ привело?—«Общества, написано далѣе, укрѣпляются и благоденствуютъ собственными своими постановленіями, естественно возникающими изъ ихъ мѣстности, исторіи, изъ ихъ нравовъ и потребностей». Выраженіе «собственныхъ постановленій, обществъ», хотя авторъ разумѣетъ подъ нимъ, вѣроятно, постановленія незаимствованныя отъ другихъ, такъ темно и неопредѣлительно, что легко можетъ быть принято юными умами въ смыслѣ совершенно превратномъ, даже въ смыслѣ конституціонной автономіи, или законодательства, отъ воли самихъ обществъ истекающаго, которая на Западѣ началась ученіемъ лжефилософовъ и кончилась коммунизмомъ. Мысль автора еще болѣе затемнена

прибавкою словъ: что постановленія должны естественно возникать изъ потребностей общества: ибо не выражено, кто долженъ быть судьею и цѣнителемъ этихъ потребностей. При томъ рѣчь эта произнесена въ русскомъ университетѣ, и какъ же было умолчать тутъ, что у насъ основою и источникомъ всѣхъ постановленій должны быть, сверхъ сохраненія самобытной народности, православіе и самодержавіе, — то именно, что спасло Россію отъ татаръ, спасло также и въ 1612 и 1812 годахъ и отвратило опасность, угрожавшую ей въ 1848 г.? Но несравненно ли полезнѣе было бы русскія университетскія каѳедры оглашать этими непреложными истинами и примѣрами исторіи, нежели общею всему Западу и намъ совсѣмъ не свойственною фразеологіею? «Кто не старается, говоритъ еще авторъ, различить предметовъ, обособленныхъ природою, тотъ идетъ къ заблужденію». Темнота выраженій автора восходитъ здѣсь до совершенной уже невразумительности; но если принять его фразу въ смыслѣ буквальномъ, то ясно, что различеніе предметовъ, обособленныхъ одною природою, вмѣсто защиты отъ заблужденій, можетъ скорѣе повести къ матеріализму.

Наконецъ, комитетъ не могъ не замѣтить, что если бы въ послѣднихъ строкахъ заключенія отчета не было упомянуто, что направленіе всѣмъ нравственнымъ и умственнымъ дѣйствіямъ дается у насъ по волѣ монарха: то вся XI статья отчета, по общему ея духу и содержанію, могла бы точно также быть произнесена съ каѳедры Парижскаго университета въ 1850 году. Представляя эти замѣчанія на Высочайшее благоусмотрѣніе, комитетъ присовокуплялъ, что онъ весьма далекъ отъ предположенія, при извѣстномъ образѣ мыслей и дѣйствій г. Плетнева, навлекать на него какія-либо сомнѣнія, тѣмъ болѣе подвергать его отвѣтственности, но считалъ бы не лишнимъ предоставить министру народнаго просвѣщенія передать ему вышеизложенныя мысли и разсужденія, возбужденныя читанною имъ рѣчью, для предостереженія его на будущее время, и вообще принять мѣры, чтобы подобные оффиціальные акты, не вдаваясь въ отвлеченности и не ограничиваясь одними общими мѣстами, ко всѣмъ формамъ правленія и общественнаго устройства примѣнимыми, прямо и положительно объясняли необходимость и пользу образованія русскаго юношества на той тройственной его основѣ, которая неоднократно выражаема была въ разныхъ актахъ нашего правительства и повторена еще и въ помѣщенномъ, въ этомъ самомъ отчетѣ, письмѣ графа Уварова къ попечителю С.-Петербургскаго округа, именно на «православія, самодержавія и народности».

На этомъ мнѣніи комитета послѣдовала, 16-го мая, Высочайшая резолюція: «Справедливо».

Въ изданномъ въ 1850-мъ году, седьмымъ изданіемъ, «Начертаніи русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній», Устрялова, въ пе-

ріодѣ о самозванцахъ, было сказано: «Между тѣмъ какъ западная Русь была взволнована уніею, инаго рода потрясеніе поколебало Русь восточную и едва не предало ее въ руки иноплеменниковъ. Источникомъ этого потрясенія было странное событіе, доселѣ еще не вполнѣ разгаданное, случившееся за 7 лѣтъ до восшествія Бориса на престолъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ,—смерть младшаго брата царскаго, Димитрія». Комитетъ 2-го апрѣля не могъ не остановиться на подобномъ изложеніи. Едва-ли, находилъ онъ, можетъ предстоять надобность поселять въ дѣтскихъ головахъ какое-либо сомнѣніе о тѣхъ событіяхъ, кои сопровождали смерть царевича Димитрія и оной послѣдовали; самая же смерть его есть фактъ не только вполнѣ разгаданный, но неоспоримый и освященный нашею церковью, причислившею царевича къ лику святыхъ, слѣдственно, входящій въ составъ вѣрованій православія. Имѣя въ виду, что для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ учреждена нынѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая коммиссія, Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ достаточнымъ о вышеизложенномъ замѣчаніи своемъ сообщить министру для того, чтобы онъ распорядился, дабы при преподаваніи, въ общественныхъ заведеніяхъ, русской исторіи по книгѣ Устрялова, упомянутое мѣсто было исправляемо надлежащимъ дополненіемъ, а при будущихъ изданіяхъ книги было сдѣлано нужное по этой статьѣ измѣненіе.

На журналѣ комитета, 30-го мая, послѣдовала Высочайшая резолюція: «весьма справедливо».

Когда это постановленіе было приведено въ исполненіе, академикъ Устряловъ обратился, 7-го іюня, къ министру народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ письмомъ: «Въ исполненіе предписанія вашего объ исправленіи въ составленномъ мною Начертаніи русской исторіи статьи касательно убіенія св. царевича Димитрія углицкаго, честь имѣю донести, что при новомъ 8-мъ изданіи моей книги, также и въ остающихся за распродажею экземплярахъ 7-го изданія, я не премину передѣлать означенную статью, согласно съ изложенными въ предписаніи вашемъ замѣчаніями. Въ продолженіе 25-ти лѣтней службы поставивъ себѣ непремѣннымъ правиломъ: какъ своими сочиненіями, такъ и изустнымъ преподаваніемъ лекцій, укрѣплять юношество въ благоговѣніи къ Церкви и ея уставамъ, въ безусловной преданности къ государю, въ любви къ отечеству, ко всему, что дорого и свято для каждаго русскаго (ссылаюсь на всѣ мои сочиненія), я не только не думалъ печатно, въ учебной книгѣ, отвергать мученическую кончину царевича Димитрія, даже и малѣйшее сомнѣніе никогда не возникало въ моемъ умѣ объ этомъ ужасномъ событіи, засвидѣтельствованномъ историческими актами. Но по долгу историка, я считаю себя не въ правѣ прямо и рѣшительно обвинять въ томъ Бориса Годунова, потому, что участіе

*

его въ семъ злодѣяніи покрыто непроницаемой тайной, оттого, если одни историки обвиняютъ Годунова сильными доводами, то другіе равносильно защищаютъ его, приписывая все дѣло услужливымъ угодникамъ Бориса, Битяговскому и Качалову, которые совершили злодѣйство безъ его вѣдома, и только соображеніе разныхъ обстоятельствъ, безъ положительнаго свидѣтельства, приводитъ къ заключенію, что, по всей вѣроятности, истиннымъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія былъ Борисъ Годуновъ. Въ такомъ смыслѣ изложено все дѣло кратко, сколько позволялъ объемъ книги, въ моемъ Начертаніи русской исторіи, и выраженіе, обратившее на себя вниманіе правительства, что смерть царевича Димитрія есть событіе доселѣ еще не вполнѣ разгаданное, относится единственно къ участію въ немъ Бориса Годунова. Мученическая кончина 9-ти лѣтняго царственнаго отрока есть фактъ несомнительный, неоспоримый, и правильно причла Церковь невиннаго страдальца къ лику св. угодниковъ, но въ какой именно степени участвовалъ въ убіеніи его Борисъ Годуновъ, до сихъ поръ остается загадкой для потомства. Осмѣливаясь думать, что ваше сіятельство изволите признать изъясненіе мое удовлетворительнымъ, я всепокорнѣйше прошу, для оправданія моего предъ государемъ императоромъ, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе его величества».

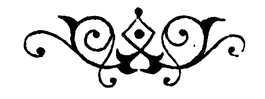
Несмотря, однако же, на такую просьбу, письмо Устрялова оставлено было безъ послѣдствій со стороны министра.

14-го іюня 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ Вильнѣ напечатана, въ исходѣ 1849 года, брошюра: «Піитика съ предварительными психологическими и эстетическими понятіями». Въ 3-й тетради, о лирической поэзіи, авторъ, говоря о физическихъ и нравственныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивается человѣкъ и образуются его чувства, и отъ которыхъ посему зависитъ направленіе или характеръ лирическихъ произведеній, объясняется слѣдующимъ образомъ: ... «Востокъ выражаетъ покой и преобладаніе фантазіи надъ другими силами души; Западъ—движеніе и преобладаніе разсудка надъ фантазіей, отсюда и направленіе его дѣятельности къ цѣлямъ практически-полезнымъ». Комитетъ 2-го апрѣля никакъ не думалъ искать въ этомъ выраженіи какого-либо предосудительнаго образа мыслей автора Піитики, но счелъ однако же долгомъ обратить на это выраженіе свое вниманіе, потому особенно, что эта брошюра напечатана въ Вильнѣ и, какъ видно, издана съ цѣлью служить учебнымъ пособіемъ. «Если, въ общихъ видахъ, преобладаніе фантазіи на Востокѣ и разсудка на Западѣ несомнѣнно, то едва-ли можно сдѣлать отсюда выводъ, что отъ преобладанія разсудка надъ фантазіею на Западѣ происходитъ направленіе дѣятельности къ цѣлямъ практически полезнымъ». Послѣднія бѣдственныя событія на Западѣ и продолжаю-

щееся тамъ тревожное состояніе доказываютъ, напротивъ, ясно, какъ далекъ тамъ разсудокъ отъ цѣлей практически-полезныхъ и какъ превратны и пагубны лжемудрствованія тамошнихъ мыслителей. Посему комитетъ полагалъ не излишнимъ поставить на видъ цензору, просматривавшему изданную въ Вильнѣ Піитику, что осторожнѣе было бы не допускать въ печать подобныхъ вышеизложенному выраженій, особенно въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, имѣющихъ болѣе другихъ нашихъ губерній сродства и стремленія къ Западу.

На журналѣ комитета послѣдовала, 12-го іюня, Высочайшая резолюція: «Справедливо».

(Продолженіе слѣдуетъ).



Послѣдствія для проповѣдника о вольности крестьянъ.

Отношеніе князя П. Волконскаго—графу А. П. Тормасову.

11-го іюля 1818 г., № 21.

Дошло до свѣдѣнія государя императора, что 17-го числа прошедшаго іюня, вечеромъ, во время прогулки въ Москвѣ по Тверскому бульвару графини Марьи Александровны Дмитріевой-Мамоновой, дворовой человѣкъ г. Казначеева, Тимоѳей Кириловъ, подошелъ къ шедшему за нею крѣпостному человѣку, произносилъ насчетъ помѣщиковъ и самой графини въ слухъ довольно громко неприличныя и даже бранныя слова, проповѣдуя ему о вольности и независимости крѣпостныхъ людей отъ помѣщиковъ, и зато наказанъ келейно розгами, почему его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ сообщить вашему сіятельству, что онаго Кирилова за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать наистрожайшимъ образомъ и публично.

Исполняя симъ высочайшую волю, честь имѣю быть и проч.

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ [1]).

XIII. Письмо А. И. Тургенева [2]).

Парижъ, 3-го сентября 1829 г.

Вотъ уже 3-я недѣля, какъ я здѣсь, и все еще отъ тебя, ни изъ Москвы ни слова. Съ нашей разлуки [3]) я получилъ отъ тебя одно письмецо изъ Варшавы [4])—и болѣе ни строки. Изъ Берлина часто и много писалъ къ тебѣ и много переслалъ съ фельдъегерями и пр. Съ тѣхъ поръ съ дороги, съ попутчиками, писалъ къ тебѣ, но врядъ ли ты получилъ уже теперь мои письма и посылки: съ Дубенской [5]) и проч. Я проѣхалъ Пруссію, Бельгію, отсюда обирался къ Пиренеямъ, но,

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1903 г.

[2]) Письма подъ №№ XIII—XVIII печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ академику А. Ѳ. Бычкову.—Нѣсколько писемъ А. И. Тургенева къ Жуковскому (за 1815, 1827 и 1844 г.г.) издано въ „Русскомъ Архивѣ", 1864 г., столбцы 448—452; 1875 г., книга третья, стр. 339—341, и 1873 г., столбцы 1516—1518 и 1528—1529.

[3]) Съ А. И. Тургеневымъ Жуковскій видѣлся въ концѣ мая 1829 года, въ Берлинѣ, куда онъ сопровождалъ изъ Варшавы наслѣдника на свадьбу принца Прусскаго Вильгельма (будущаго германскаго императора) съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою (см. „Дневники В. А. Жуковскаго", стр. 211—212).

[4]) Этого письма (вѣроятно, отъ 10-го (22-го) іюня 1829,—ср. „Дневники Жуковскаго", стр. 213) нѣтъ между напечатанными въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу".

[5]) Варвара Ивановна Дубенская, фрейлина великой княжны Маріи Николаевны, вышедшая потомъ замужъ за французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ Лагренè.

ожидая твоихъ писемъ, не могъ рѣшиться уѣхать изъ Парижа [1]). Здѣсь нашелъ старыя свои вещи и книги. То, что сохранилъ изъ бѣлья, и два жилета, изношенные въ послѣднее время, особливо въ Дрезденѣ [2]), собралъ и отдалъ Велеурскому [3]) для доставленія тебѣ или Жихареву [4]): храните, какъ святыню. Я бы оставилъ у себя; но я точно бездомный странникъ, не нахожу спокойствія нигдѣ и спѣшу пріѣхать на мѣсто, для того, чтобы поскорѣе опять оставить его. Посылаю также нѣсколько старыхъ писемъ отъ разныхъ лицъ и бумагъ и книжекъ, въ дорогѣ набранныхъ; также съ Вел(еурскимъ) посылаю.

Кажется, я писалъ къ тебѣ, что я ѣду сюда и что сюда или въ Дрезденъ (прежде) и письма посылать должно. Увѣдомилъ и Басанжа [5]) и пр., чтобы все сюда пересылали; но нѣтъ ничего. Курьеровъ было множество изъ П(етер)бурга, и ни одинъ ни письмеца. И отъ Жих(арева) ни строки.

Я почти никого не нашелъ здѣсь изъ старыхъ знакомыхъ. Недавно пріѣхала Свѣчина [6]) изъ Dieppe. Брожу, читаю, пишу письма къ брату [7]), былъ на могилѣ [8]), въ первый разъ видѣлъ памятникъ. Болтаю съ Велеу(рскимъ). Люблю вспоминать о тебѣ; хотя берлинскаго [9]) встрѣчаю и и недоволенъ, но болѣе собою, нежели тобой... Путешествіе мое въ Германіи и Бельгіи занимало меня: я видѣлъ много новаго и необыкновеннаго; ибо не по одной большой дорогѣ ѣхалъ: съ Рейна своротилъ на Ельберфельдъ,—нѣмецкая Шотландія по промышленности и сектамъ. Въ Боннѣ слышалъ Нибура, Шлегеля [10]), оставилъ первому 12-й томъ Карамзина, ибо онъ все знаетъ—и по русской.

Въ Дюсельдорфѣ гулялъ, обѣдалъ въ Пемпельфортѣ [11]) у сына Якоби [12]) и принятъ былъ какъ родной. Въ Веймарѣ въ первый разъ

---

[1]) Тургеневъ и Жуковскій хлопотали въ это время о разрѣшеніи осужденному по дѣлу 14-го декабря 1825 года Н. И. Тургеневу, находившемуся въ Англіи, свободно жить на континентѣ Европы.

[2]) Вещи покойнаго брата, Сергѣя Ивановича Тургенева († въ 1827 году, въ Парижѣ).

[3]) Т. е. графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому.

[4]) Пріятелю Жуковскаго и Тургенева, Степану Петровичу Жихареву.

[5]) Дрезденскій банкиръ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 218, прим. 4-е).

[6]) Извѣстная Софья Петровна Свѣчина.

[7]) Николаю Ивановичу Тургеневу, находившемуся въ Англіи.

[8]) Сергѣя Ивановича Тургенева.

[9]) Кого здѣсь разумѣетъ Тургеневъ—сказать трудно.

[10]) Знаменитые профессора Боннскаго университета: историкъ Бартольдъ-Георгъ Нибуръ (р. 1776 † 1831) и языковѣдъ, критикъ и переводчикъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель (р. 1767 † 1845).

[11]) Часть Дюссельдорфа.

[12]) Т. е. Якоба. Лудвигъ-Генрихъ Якобъ (р. 1759 † 1827), нѣмецкій фило-

въ жизни насладился беседою Гёте за бутылкою вина и осыпаемый острымъ огнемъ Гёте-сатирика надъ философами берлинскими. Въ Ахенѣ сдѣлалъ, надъ собою опытъ и проигралъ 30 талеровъ въ rouge et noir—не зная и по сію пору, которая карта выигрывала и наоборотъ. Но тамъ же нашелъ и сокровище—(кромѣ опыта, для меня важнаго)—письма Сережины [1]) въ бумагахъ Старынкевича [2]), задержанныхъ старухою за долги его. Если бы я ѣхалъ въ Россію, то выкупилъ бы за 1.400 франковъ книги, платье—бумаги его, важныя, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Книгъ также много, болѣе нежели на 1.400 фр. Не знаю еще, что сдѣлаю съ этой находкою; но радуюсь, что выручилъ занятія Сережины, только для меня важныя. Бумаги—иное дѣло! Варшавскій узникъ [3]), вѣроятно, сказалъ бы мнѣ спасибо за мой ахенскій подвигъ;—но я не желалъ бы, чтобы другому достались всѣ сіи бумаги. Я могъ взять многое—и свое:—не тронулъ ничего, кромѣ писемъ Сережиныхъ. И въ нихъ ничего совершенно, кромѣ (въ одномъ) ангельской души его. Не поручатъ ли мнѣ за 1.400 фр. выкупить все? Правительство осталось бы въ выигрышѣ. Не желаю однакожъ, чтобы поручали другому.—Въ Эмсѣ представлялся великой княг(инѣ) Аннѣ Павловнѣ; въ Нассау два раза обѣдалъ у б(арона) Штейна [4]) и говорилъ о тебѣ, вспоминая многихъ. Въ Брюсселѣ пробылъ только день, спѣшилъ сюда застать Свѣчину [5]), но не засталъ, а дождался ее. И Mad(ame) de Serres [6]) въ провинціи. Только ожида-

---

софъ и экономистъ, профессоръ въ Галле, пріѣхалъ въ 1807 году въ Россію и былъ назначенъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ. Съ 1809 г. находился въ Петербургѣ и служилъ въ Коммиссіи составленія законовъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ. Въ 1816 г. вышелъ въ отставку и вернулся въ Галле.

[1]) С. И. Тургенева.

[2]) Николай Александровичъ Старынкевичъ (р. 1784 † 1857), состоявшій при Н. Н. Новосильцовѣ, а кончившій свою службу сенаторомъ Варшавскаго департамента сената, въ молодости занимавшійся литературою (о немъ см. Остафьевскій Архивъ, т. II, примѣчанія, стр. 592—593).

[3]) Н. А. Старынкевичъ. Графъ П. Х. Граббе въ своемъ дневникѣ упоминаетъ, что Старынкевичъ «былъ гонимъ и посаженъ въ тюрьму цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, въ которой его и захватилъ варшавскій мятежъ» (см. „Русскій Архивъ“ 1889 года, книга третья, стр. 679).

[4]) Знаменитаго прусскаго государственнаго дѣятеля барона Генриха-Фридриха-Карла фонъ Штейна (р. 1757 † 1831).

[5]) Софью Петровну.

[6]) Славившаяся своею красотою графиня de Serre, рожденная баронесса Huart, вдова французскаго государственнаго дѣятеля, бывшаго въ 1818—20 гг. министромъ юстиціи, графа Pierre-François-Hercule de Serre (р. 1776 † 1824). Тургеневъ познакомился съ нею въ Эмсѣ въ 1827 году и былъ отъ нея въ восторгѣ (см. „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“, Лейпцигъ. 1872, стр. 11).

ніе твоихъ писемъ удерживаетъ меня въ Парижѣ. Осень наступаетъ, и въ концѣ сентября на Пиренеяхъ снѣгъ! Я предполагалъ объѣхать Орлеанъ, Blois, Poitiers, Ангулемъ, Bordeaux, Bayonne, Pau, Barèges, Toulouse, Narbonne, Montpellier, Nîmes, Arles, Marseille, Toulon — (и навѣстить въ Гіерскихъ островахъ домикъ, гдѣ жила милая В.......) [1]), Aix, Avignon, Valence, и чрезъ Ліонъ и Auxerre возвратиться сюда, но жду твоего письма. Изъ Verviers ѣздилъ я въ Спа, гдѣ память Петра Великаго [2]). Въ Литихѣ (Liège) дышалъ въ атмосферѣ стариннаго либерализма и купилъ Лансберговъ [3]) 70 лѣтъ въ Литихѣ пророчествующій календарь, гдѣ нашелъ въ 1829 г. смѣну министровъ французскихъ, о которой брюжжатъ по сію пору журналы. Пріѣхалъ и Шатобріанъ [4]) изъ пиренейскаго уединенія и вышелъ въ отставку, и снова опредѣлилъ себя къ Mad(ame) Récamier [5]), которая все такъ же мила, хороша, но уже живетъ не въ 5-мъ, а въ первомъ этажѣ, хотя и въ томъ же аббатствѣ [6]). Въ первый день пріѣзда сюда встрѣтилъ к(нязя) Тюфякина [7]) и Ройé-Коляра [8]) и навѣстилъ послѣдняго въ его президентскихъ палатахъ. Видаю Гизó [9]) и молодую жену его [10]), уже съ новорожденнымъ малюткою: тамъ встрѣтилъ и Вильменя [11]). Въ театрахъ слышалъ Вильгельма Теля [12]) и видѣлъ чудесныя ножки

---

[1]) Т. е. Александра Андреевна Воейкова, племянница Жуковскаго.

[2]) Петръ Великій лѣчился на водахъ въ Спа въ 1717 году (съ 17-го іюня по 13-е іюля).

[3]) Mathieu Laensbergh, астрологъ и математикъ, жившій въ Люттихѣ въ концѣ XVI в. Въ Лансберговомъ календарѣ помѣщались предсказанія о погодѣ и событіяхъ.

[4]) Знаменитый французскій писатель и государственный дѣятель (р. 1768 † 1848); Жуковскій познакомился съ нимъ въ Берлинѣ въ 1821 году, когда Шатобріанъ былъ тамъ посланникомъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 98).

[5]) М-е Récamier (р. 1777 † 1849), извѣстная своимъ умомъ и красотою. Привязанность Шатобріана къ М-е Récamier началась съ 1817 года.

[6]) М-е Récamier жила въ Abbaye-au-Bois; въ ея салонѣ собиралось самое блестящее общество.

[7]) Гофмейстеръ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ (р. 1769 † 1845 въ Парижѣ), бывшій директоромъ императорскихъ театровъ.

[8]) Royer-Collard (р. 1763 † 1845), французскій государственный дѣятель, философъ и публицистъ, въ то время президентъ палаты депутатовъ.

[9]) Знаменитый историкъ и государственный дѣятель (р. 1787 † 1875).

[10]) По смерти въ 1827 г. своей первой жены, извѣстной многими сочиненіями о воспитаніи, Гизó женился въ 1828 году на ея племянницѣ Маргаритѣ-Андрэ-Елизѣ Dillon († 1833).

[11]) Abel-François Villemain (р. 1790 † 1870), извѣстный писатель, профессоръ въ Сорбоннѣ, въ 1839—1844 г.г. бывшій министромъ народнаго просвѣщенія.

[12]) Опера Россини, въ первый разъ шедшая въ Парижѣ 3-го августа н. ст. 1829 года.

M-elle Taglioni [1]) и прелести швейцарской природы—ея peinture! Дрожалъ и плакалъ, слушая первые стихи первой сцены Faliero [2]). Обѣдалъ съ бар(ономъ) Экштейномъ [3]) у Трехъ братьевъ Provenceaux [4]) и вспомнилъ Шотландію у дюка Шатлеро-Гамильтона[5])! Живу въ поганой улицѣ, но въ свѣтлой комнатѣ, близъ Палè-Рояль, изъ коего изгнаны записныя прелестницы. Часто думаю (à propos) о Вяземскомъ [6]), но грущу чаще, ежеминутно, и тоскую по братѣ [7]), кот(орый) изъ скучнаго Лондона опять, вѣроятно, уѣхалъ въ Брейтонъ—слушать ревъ моря и смотрѣть на синеву его. Скажи доброй княжнѣ Алинѣ [8]), что видаю брата ея неапольскаго дипломата [9]) и доволенъ очень тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ о своей любви къ занятіямъ, для которыхъ желалъ бы быть перемѣщенъ изъ безкнижнаго Неаполя въ Парижъ. Онъ поетъ прекрасно итал(іанскія) и нѣмецкія аріи. Поклонись ей отъ меня. Съ первой оказіей пришлю ей книгъ. Ко мнѣ-старику могла бы и написать она. Poste restante—мой адресъ. Отъѣздъ въ Пиренеи или въ Лондонъ (или Брейтонъ) располож у по полученіи письма твоего. Я былъ у посла [10]), принятъ учтиво; но визита не отплачено, и я здѣсь (NB. у посла русскаго только) не такъ, какъ въ Берлинѣ (коего гостепріимства никогда не забуду) [11]). Я просилъ посла написать заранѣе

[1]) Извѣстная танцовщица Marie Taglioni (р. 1804 † 1884).

[2]) Marino Faliero—трагедія знаменитаго французскаго поэта Казимира Делавиня (Delavigne, р. 1793 † 1843), шедшая въ Парижѣ въ 1-й разъ 30-го мая н. ст. 1829 года. Начальные стихи трагедіи живо напомнили А. И. Тургеневу объ изгнанникѣ-братѣ.

[3]) Баронъ Фердинандъ Eckstein (р. 1790 † 1861), публицистъ, основавшій въ 1826 году газету „Le Catholique". Баронъ Экштейнъ, между прочимъ переводилъ Жуковскаго (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 223).

[4]) Les trois frères Provenceaux—извѣстный ресторанъ въ Парижѣ.

[5]) Герцогъ Александръ Chatelherault-Hamilton (р. 1767 † 1852), бывшій въ 1806—1807 гг. англійскимъ посломъ въ Россіи, обладавшій богатою картинною галереею и библіотекою. Въ 1828 г. Тургеневъ посѣтилъ герцога въ его замкѣ въ Шотландіи (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 471—479).

[6]) Князѣ Петрѣ Андреевичѣ.

[7]) Николаѣ Ивановичѣ.

[8]) Княжна Александра Петровна Волконская (р. 1804 † 1859), дочь министра императорскаго двора князя П. М. Волконскаго, впослѣдствіи бывшая замужемъ за Павломъ Дмитріевичемъ Дурново.

[9]) У княжны А. П. Волконской было два брата: князь Дмитрій Петровичъ (р. 1805 † 1859) и князь Григорій Петровичъ (р. 1808 † 1882), оба впослѣдствіи гофмейстеры высочайшаго двора.

[10]) Генералъ-адъютанта графа Карла Андреевича Поццо ди Борго (р. 1764 † 1842), потомъ бывшаго посломъ въ Лондонѣ.

[11]) Посланникомъ въ Берлинѣ былъ графъ Давыдъ Максимовичъ Алопеусъ (р. 1769 † 1831).

въ П(етербургъ) и спросить, можно ли дать мнѣ паспортъ въ случаѣ моего отъѣзда въ Англію, дабы послѣ не задерживать меня, ибо теперь здѣсь нѣтъ Лаферонѐ [1]) и Paul-Ignace (Полиньякъ) [2]) гонителю іезуитовъ [3]) паспорта не выдастъ, развѣ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться—къ могилѣ Сережиной.

4-го сентября.

Я видѣлъ твоего поставщика книжнаго [4]), и онъ показывалъ мнѣ послѣдніе реестры выписанныхъ вами книгъ. Я нашелъ много такихъ, безъ коихъ можно бы, кажется, было обойтись, напр. Mémoires du p(rin)ce De Ligne [5]) и пр. Опасаюсь, чтобы со временемъ не привязались къ тебѣ. Я замѣтилъ также высокія цѣны: повѣряете ли вы ихъ съ объявленными въ каталогахъ? Я думаю, что точно нужно контролировать его реестры и не прежде выплачивать, какъ удостовѣрившись, что цѣны, имъ выставленныя, сходны съ цѣнами въ каталогахъ. Ему въ цѣнахъ довѣрять никакъ нельзя: я замѣтилъ это въ бездѣлицахъ. Къ тому же онъ принялъ за правило съ журналовъ и повременныхъ изданій совсѣмъ не давать рабата: это несправедливо, ибо для того-то и условились съ нимъ 20% на всѣ книги вообще, что въ числѣ оныхъ будутъ такія, съ коихъ онъ и никакого барыша не получитъ, или кои ему будутъ и въ убытокъ. Съ другихъ и на 100 фр(анковъ) даютъ 25 рабата, а съ романовъ и 35. Онъ поставляетъ множество книгъ посольству, и тамъ, кажется, никакого рабату не берутъ; по крайней мѣрѣ я не могъ добиться отъ него, какъ тамъ дѣлается; но другіе тебѣ не въ примѣръ. Пусть онъ отъ нихъ наживается; а вы на ваши деньги пріобрѣтайте сколько можно болѣе и будьте аккуратны; ибо всякій обязанъ исполнять свое дѣло самымъ выгоднымъ образомъ. Не слишкомъ ли à la grand seigneur [6]) это дѣлается? Надобно ему внушить опасеніе повѣркою счетовъ и цѣнъ и примѣчаніями на оные. Здѣшніе русскіе пріучили его къ безотчетности, но вы этого допускать не должны, особливо въ отношеніи къ нему.

---

[1]) Графъ Pierre-Louis-Auguste de La-Ferronays (р. 1777 † 1842), бывшій въ 1819—1825 гг. французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, а съ 1827 по сентябрь 1829 года министромъ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Князь Jules Polignac (р. 1780 † 1847), въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Указъ 20-го декабря 1815 года объ удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга былъ составленъ А. И. Тургеневымъ (см. Сочиненія Пушкина, т. I, академич. второе изд. подъ ред. Л. Н. Майкова, примѣчанія, стр. 413). „Гонителемъ езуитовъ“ Тургеневъ названъ въ посланіи къ нему Пушкина (1817 г.).

[4]) Для библіотеки наслѣдника Александра Николаевича.

[5]) Писатель и фельдмаршалъ (р. 1735 † 1814). Его мемуары были изданы въ 1826 году.

[6]) Т. е. на широкую ногу.

Получилъ сейчасъ письмо отъ Н(иколая) изъ Лондона и постараюсь списать для тебя копію сегодня же. Что Козловъ [1])? Что Карамзины? Что Темира [2])? Поклонись всѣмъ. Братъ уѣзжаетъ завтра въ Брейтонъ.

5-го сентября.

Заходилъ сейчасъ къ Ломоносову [3]), дабы онъ могъ писать тебѣ, что меня видѣлъ. Прочти письмо брата хотя Козлову. Начинаю даже и безпокоиться за тебя. Поклонъ Булгакову [4]). Прости.

Вчера у Mad(ame) Récamier видѣлъ rout [5])—ученыхъ, литераторовъ, политикантовъ, журналистовъ. Роялисты упрекаютъ ей отставкою Шатобріана: онъ весь въ долгу, какъ въ шелку, и вмѣстѣ съ 300.000 франковъ въ годъ теряетъ и—Римъ [6])! Видѣлъ у ней и Кузеня [7]): онъ издаетъ Исторію философіи Т е н е м а н а [8]) на французскомъ съ своими примѣчаніями и передѣлками, дабы книга сія могла служить пособіемъ его слушателямъ, кои о Китаѣ, благодаря роману Ремюзá [9]), болѣе знаютъ, нежели объ ученой Германіи. Прости меня, другъ.

Пилъ недавно чай у Донауровой и кофе съ Дюгуромъ [10]).

---

[1]) Поэтъ Иванъ Ивановичъ.

[2]) Писательница Татьяна Семеновна Вейдемейеръ, рожд. княжна Херхеулидзева (см. о ней въ письмахъ Жуковскаго къ И. И. Козлову (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 468 (и прим. 2-е), 469, 473, 476—477), а также письмо Жуковскаго къ А. А. Краевскому, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1901 года, іюль, стр. 105).

[3]) Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ (р. 1799 † 1857), дипломатъ, занимавшій тогда должность 3-го секретаря посольства въ Парижѣ, а послѣднее время своей жизни бывшій посланникомъ въ Гаагѣ.

[4]) Пріятель Жуковскаго и Тургенева, Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, московскій почтъ-директоръ.

[5]) Т. е. раутъ.

[6]) Гдѣ онъ до того былъ французскимъ посланникомъ.

[7]) Философъ Викторъ Cousin (р. 1792 † 1867).

[8]) Нѣмецкій философъ Вильгельмъ-Теофилъ Tennemann (р. 1761 † 1819). Сдѣланный Кузеномъ переводъ его Исторіи философіи (появившейся въ 1812 году) вышелъ въ свѣтъ, въ 2-хъ томахъ, въ 1829—1839 гг., подъ заглавіемъ „Manuel de l'histoire de philosophie“.

[9]) Извѣстный французскій синологъ Jean-Pierre-Abel Rémusat (р. 1788 † 1832) выпустилъ въ свѣтъ въ 1826 году, въ переводѣ съ китайскаго, романъ „Iu-Kiao-Li, ou Les deux cousines“.

[10]) Дюгуръ—Антонъ Антоновичъ Дегуровъ (A. Jeudy Dugour, р. 1766 † 1849). Дюгуръ былъ во Франціи профессоромъ исторіи и литературы. Вызванный въ 1806 г. въ Россію, онъ занялъ каѳедру всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, принялъ русское подданство, а въ 1812 г. получилъ разрѣшеніе именоваться Дегуровымъ. Перейдя въ 1816 г. на службу въ Петербургъ, Дегуровъ впослѣдствіи (въ 1826—1835 гг.) былъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета.

XIV. Письма Д. В. Давыдова[1]).

1.

20-го ноября 1829 г. Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, село Маза.

Давно развлекла насъ судьба, любезнѣйшій и старинный другъ по сердцу и по музамъ Василій Андреевичь! Но судьба не властна сгладить съ души моей прошедшаго, слѣдственно и тебя, любезнаго друга. Бурная жизнь моя не давала мнѣ времени переметывать вѣсточки о себѣ друзьямъ моимъ, въ пристаняхъ живущимъ. Теперь,—сойдя самъ въ пристань съ разбитаго баркаса моего странствованія разгульнаго и безуспѣшнаго[2]),—я напоминаю тебѣ о Денисѣ Давыдовѣ и посылаю нѣсколько стиховъ, вырвавшихся изъ-подъ пера моего въ оставшіяся минуты моихъ заботъ семейственныхъ[3]) и прозаическихъ занятій[4]). Взгляни на сіи стихи[5]), исправь ихъ и пришли ко мнѣ исправленные, какъ ты дѣлывалъ въ старину съ моими поэтическими и прозаическими вздорами; тѣмъ ты докажешь солдату-хлѣбопашцу, что время тебя не измѣнило и что ты тотъ же другъ, какъ и былъ, преданнаго тебѣ душою Дениса Давыдова.

2.

27-го декабря (1829 г.). Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, с. Маза.

Много ты меня обрадовалъ письмомъ твоимъ[6]), любезнѣйшій другъ по сердцу и по поэзіи—но огорчилъ, что не хотѣлъ замѣнить слитками

---

[1]) Два письма Давыдова къ Жуковскому были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 г., столб. 975, и 1871 года, столбцы 0187—0188. Тѣ же письма помѣщены и въ „Сочиненіяхъ Дениса Васильевича Давыдова", изд. подъ ред. А. О. Круглаго, Спб. 1893, т. III, стр. 181 и 216—219.

[2]) Давыдовъ въ 1827 году вынужденъ былъ оставить боевую службу въ Грузіи по непріятностямъ съ И. Ѳ. Паскевичемъ и когда, съ паденіемъ А. П. Ермолова, всѣ его приближенные были удалены изъ края (см. письма его къ В. Ѳ. Адлербергу, А. А. Закревскому и кн. П. Д. Горчакову въ Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова, изд. 1893 г., стр. 162—170).

[3]) У меня четыре сына молодецъ къ молодцу, одинъ изъ нихъ названъ Ахилломъ въ честь генія величайшаго поэта и вкуса величайшаго завоевателя. (Прим. Давыдова).

[4]) Я пишу записки боевой моей службы и дополняю Опытъ партизанскаго дѣйствія. (Прим. Давыдова).

[5]) См. слѣдующее за симъ письмо.

[6]) Это письмо Жуковскаго, отъ 10-го декабря 1829 года, написанное въ отвѣтъ на предъидущее письмо Давыдова, напеч. въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 533.

твоего золота нѣкоторыя пятна грязи[1]), обезображивающія мою элегію[2]); я ихъ очень вижу, но не имѣю чѣмъ замѣнить ихъ. Чтобы облегчить тебѣ трудъ, посылаю тебѣ замѣчанія Вяземскаго[3]), который, я полагаю, теперь уже въ Петербургѣ, и нѣкоторыя измѣненія, сдѣланныя Баратынскимъ[4]). Перваго замѣчанія весьма справедливы, а послѣдній на скребкѣ своемъ, кажется, унесъ первобытную силу и огонь этой поэтической вспышки. Впрочемъ, все тебѣ отдаю на судъ; ты архипастырь нашъ, présedent de la chambre du conseil [5]); что опредѣлишь, то и будетъ, а я спорить и прекословить не буду. Когда уладишь, то, не извѣщая меня, позволяю тебѣ отдать Дельвигу [6]) Бородинское поле но другіе присланные мною тебѣ стихи прошу никакъ и ни подъ какимъ видомъ не отдавать въ печать. При семъ посылаю тебѣ еще что-то такое. Оно ни анакреонтическая ода, ни элегія, а какіе-то куплеты, внушенные мнѣ красотою [7]). Вяземской видѣлъ эту красоту и также покадилъ ей. И подлинно; поэтъ, живописецъ, ваятель и любитель художествъ не можетъ не принести ей удивленія. Но изъ этого не заключи ради Бога, чтобы я, отецъ семейства и хватающійся уже за полустолѣтіе, влюбился въ нее. Ты поэтъ, слѣдственно знаешь, что можно восхищаться красотой и пѣть ее безъ малѣйшаго чувства любви. Словомъ, я пѣлъ эту красавицу, какъ ты описывалъ намъ нѣкогда Кореджіеву Мадону Дрезденской галереи.

Будь другъ—поправь и эти стихи и отдай ихъ Дельвигу.

Не удивишься ли ты, что, отставъ отъ поэзіи, я опять за нее принялся? Но я не писалъ по разсчету: пока служилъ—писать стихи опасно отъ вкоренѣлаго предразсудка въ дѣловыхъ людяхъ, что поэтъ ни къ чему не способенъ. У меня же и безъ того довольно было преградъ; доказательство, что, не взирая на все рвеніе мое, я не могъ

---

[1]) „Ты шутишь—писалъ Жуковскій,—требуя, чтобы я поправилъ твои стихи; это все равно, что если бы ты сталъ меня просить поправить въ картинѣ улыбку младенца, лучъ дня на волнахъ ручья, свѣтъ заходящаго солнца въ высотѣ утеса и т. д. Нѣтъ, голубчикъ, ты меня не проведешь. Я не рѣшился коснуться твоихъ произведеній и возвращаю все тебѣ".

[2]) „Бородинское поле" (см. Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. 1893 г., т. I, стр. 57).

[3]) Князя П. А. Вяземскаго.

[4]) Е. А. Баратынскимъ.

[5]) Т. е. президентъ засѣданій совѣта.

[6]) Барону А. А. Дельвигу, издававшему „Литературную Газету", въ которой за 1830 годъ и напечатано „Бородинское поле".

[7]) Вѣроятно, стихотвореніе „Душенька" (Соч. Давыдова, т. I, стр. 58—59), посвященное, очевидно, С. А. Кушкиной (см. начало письма Давыдова къ кн. П. Д. Горчакову, тамъ же, т. III, стр. 168, а также стихи къ ней, напечатанные въ т. I, на стр. 60). „Душенька" также явилась на страницахъ „Литературной Газеты" 1830 года.

преодолѣть ихъ и теперь у плуга; пиши же я стихи, то и до того не дошелъ бы, гдѣ я теперь. Зато, распоясавшись и повѣся шашку мою на стѣнѣ, съ какимъ удовольствіемъ я обратился къ этому благородному занятію, непонятному прозаическому человѣку! Какъ время мое течетъ? Степи, уединеніе, неудовлетворенное честолюбіе или славолюбіе, все забывается, а люди и подавно, особенно . . . . . .[1] дѣловые люди такъ называемые!

Сверхъ того я занимаюсь и прозою, пишу записки мои. 1812 годъ уже кончилъ—теперь кончаю и усовершенствовaю Опыты партизанскаго дѣйствія[2], и вмѣстѣ съ ними пишу и другія военныя записки. Потомъ жена и мальчишки мои меня забавляютъ. Потомъ ѣзжу на охоту, травлю волковъ, лисицъ да зайцевъ и Богъ съ нею, военная слава, которой звуки нѣмѣютъ у моего огорода! Итакъ прости, другъ любезнѣйшій Василій Андреевичь, не забывай и люби по-прежнему преданнаго тебѣ Дениса.

XV. Письмо Ф. Ф. Вигеля[3].

(1829 или 1830 г.)[4].

Мнѣ недавно сказывали, почтеннѣйшій Василій Андреевичь, будто вы знакомы съ генераломъ Бенкендорфомъ[5]. Куда бы для меня это было хорошо, особливо, еслибъ вы не отказались исполнить мою просьбу. Прежде нежели объясню ее, позвольте вамъ описать несчастное положеніе одного семейства.—Генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ[6], мужъ сестры моей[7], служилъ долго съ счастіемъ и съ честью. Числу сраженій, въ коихъ находился, конца нѣтъ; число ранъ, отъ непріятеля имъ полученныхъ, также велико; покойный государь любилъ его, и не одинъ разъ

---

[1]) Два слова выпущены при печати.

[2]) Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія выдержалъ два изданія въ 1821 и 1822 гг.

[3]) Одно письмо Вигеля къ Жуковскому (1849 г.) напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1870 г., столб. 1718—1723.

[4]) Письмо не имѣетъ даты; изъ содержанія его видно, что оно относится къ 1829—1830 (до 3-го октября) годамъ.

[5]) Шефомъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфомъ.

[6]) Генералъ-лейтенантъ Илья Ивановичъ Алексѣевъ (р. 1773†3 октября 1830), боевой генералъ, принимавшій участіе въ войнахъ Россіи съ Франціею въ 1807—1814 гг. (см. Русскій біографич. словарь, т. II, Спб. 1900, стр. 7—8).

[7]) И. И. Алексѣевъ былъ женатъ на Наталіи Филипповнѣ Вигель.

командовалъ онъ корпусомъ[1]). Вы знаете военныхъ, вы съ ними были[2]): люди, которые всякой день готовятся къ смерти, мало думаютъ о будущемъ, не умѣютъ быть расчетливыми. Мнѣ сказывали, что Алексѣевъ былъ левъ въ сраженіяхъ; я зналъ, что въ мирной жизни одни агнцы его незлобивѣе. Служить вѣрой и правдой государю, драться и потомъ веселиться—вотъ правило и участь добрыхъ воиновъ; dulde, lächle und stirb[3])—участь добродѣтельныхъ женщинъ; мужъ и жена исполнили свое предназначеніе.—Болѣзни, горести и бѣдность въ одно время постигли стараго воина, онъ не перенесъ ихъ и полтора года разбитъ параличемъ. Еслибъ онъ былъ здоровъ или вслѣдъ затѣмъ умеръ, то въ первомъ случаѣ могла бы несчастная чета изъ Москвы переселиться въ дальную деревеньку и тамъ имѣть насущній (sic) хлѣбъ; въ послѣднемъ же случаѣ вдова нашла бы гдѣ-нибудь убѣжище, хотя бы у недостаточнаго брата, готоваго дѣлить съ нею послѣднія крохи. Но, къ несчастію, отъ жизни остались ему одни страданія, и тронуть его изъ Москвы невозможно, а время идетъ, и долги растутъ, и наконецъ до того дошло, что хотятъ съ аукціона продавать и домъ, въ которомъ живетъ, и домашнюю прислугу. Жена, которая отказывала себѣ во всемъ, чтобы удовлетворять желанія нерасчетливаго мужа, отъ котораго и передъ параличемъ скрывала она весь ужасъ ихъ положенія, сія несчастная, достойная лучшей участи, въ минуту отчаянья, оставила его одного и больная, едва двигающаяся, пріѣхала сюда въ дилижансѣ.—Сказали, что Бенкендорфъ добръ, и мы бросились къ нему; дѣйствительно, онъ не отказалъ, но мѣсяцъ тянетъ, а бѣдной женщинѣ почти жить нечѣмъ. Конечно, доброта въ отрицательномъ смыслѣ лучше, чѣмъ злоба, но дѣятельная еще лучше того.

La vertu, qui n'agit point, est-ce une vertu sincère[4])?

Еслибъ вы могли сіе ему сказать и уговорить его доложить государю о просьбѣ моей сестры. Неоцѣненный начальникъ мой Блудовъ[5]) гово-

---

[1]) Алексѣевъ былъ начальникомъ дивизіи и въ 1819 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ зачисленъ по кавалеріи и съ того времени по свою кончину не занималъ никакой должности.

[2]) Въ 1812 году.

[3]) Т. е. терпи, улыбайся и умирай.

[4]) Т. е. Добродѣтель, которая бездѣйствуетъ, истинная ли это добродѣтель?

[5]) Вигель въ 1829—30 гг. былъ вице-директоромъ и управляющимъ департаментомъ иностранныхъ исповѣданій. Д. Н. Блудовъ былъ назначенъ и. д. главноуправляющаго иностранными исповѣданіями 6-го декабря 1828 года Эпитетъ „неоцѣненный мой начальникъ“, приданный Вигелемъ Блудову, наводитъ на мысль, не написано ли настоящее письмо послѣ извѣстнаго письма Блудова къ Бенкендорфу, отъ 26-го апрѣля 1830 г., по поводу неблагопріятныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до государя о Вигелѣ (это письмо напеч. въ „Сѣверной Почтѣ“ 1864 года, № 51).

рилъ о томъ Адлербергу[1]) и старался его разжалобить; сдѣлайте тоже, ради Бога, только поскорѣе. Вы не захотите огорчить меня отказомъ, но если будете откладывать и отъ меня отдѣлываться, то это еще хуже. Не заставьте меня думать, что небесная доброта ваша есть одна мечта, меня утѣшавшая и которой я лишиться долженъ. Это чувство вездѣ дышетъ въ стихахъ вашихъ, въ разговорахъ вашихъ, во взглядѣ вашемъ, дайте еще разъ мнѣ его увидѣть и въ дѣлахъ вашихъ. Вѣчно вамъ преданный Ф. Вигель.

Я забылъ вамъ написать, что сестра моя проситъ мужу, по примѣру многихъ другихъ, столовыхъ денегъ и, если можно, то (чтобы) вмѣсто аренды (которую бы взяли у нихъ обратно) производили имъ деньгами, во что она была оцѣнена. Жить Алексѣеву долго никакъ невозможно, а о себѣ она не думаетъ, ей только желалось бы спасти его отъ мучительной смерти; онъ мало что понимаетъ, лишился и памяти; представьте себѣ, что съ нимъ будетъ, когда онъ увидитъ, что его выгоняютъ изъ дому и кромѣ жены некому за нимъ ходить?

XVI. Письмо М. Н. Загоскина.

20-го генваря 1830. Москва.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я получилъ истинно-обязательное письмо ваше[2]) и спѣшу принести вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за участіе, принятое вами въ моемъ романѣ[3]), а еще болѣе за лестныя и безцѣнныя для меня похвалы, которыми вы порадовали мою душу. Мнѣніе ваше, что можно написать совершенно историческій и занимательный романъ изъ первыхъ годовъ царствованія Михаила Θеодоровича не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и я непремѣнно имъ воспользуюсь, когда кончу начатой мною романъ[4]).

---

[1]) Владиміръ Θедоровичъ Адлербергъ (впослѣдствіи графъ и министръ императорскаго двора) былъ въ то время генералъ-адъютантомъ и директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба его величества.

[2]) Письмо Жуковскаго къ Загоскину, отъ 12-го января 1830 года, по поводу вышедшаго въ свѣтъ въ концѣ 1829 года романа Загоскина „Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году", напечатано въ изд. Н. В. Сушковымъ историческомъ и литературномъ сборникѣ „Раутъ", книга третья, Москва. 1854, стр. 301—304.

[3]) Жуковскій сообщалъ, что онъ самъ вручилъ императрицѣ присланный для нея экземпляръ „Юрія Милославскаго" (см. тамъ же, стр. 304).

[4]) Романа „Русскіе въ 1613 году" Загоскинъ не написалъ. Онъ въ это время былъ занятъ писаніемъ романа „Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году", который появился въ свѣтъ въ 1831 году.

Вамъ кажется почти невозможнымъ написать романъ, въ коемъ должно вывести на сцену нашихъ современниковъ, съ которыми мы такъ близки и изъ которыхъ многіе еще живы и теперь[1]). Вотъ, что я скажу вамъ на это. Историческіе романы можно раздѣлять на два рода: одни имѣютъ предметомъ своимъ историческія лица, которыя авторъ заставляетъ дѣйствовать въ своемъ романѣ и на поприщѣ общественной жизни, и въ домашнемъ быту; другіе имѣютъ основаніемъ какую-нибудь извѣстную эпоху въ исторіи; въ нихъ авторъ не выводитъ на сцену именно то или другое лицо, но старается характеризовать цѣлой народъ, его духъ, обычаи и нравы въ эпоху, взятую имъ въ основаніе его романа. Къ сему послѣднему разряду принадлежатъ Юрій Милославской и романъ, которымъ я теперь занимаюсь. И вотъ почему я не могъ ихъ назвать иначе, какъ Русскіе въ 1612-мъ и Русскіе въ 1812 году.—Если дѣйствующія лица, выведенныя мною въ романѣ Милославской, походятъ на русскихъ 1612 года; если Юрій, Алексѣй, Шалонской, Туренинъ, юродивый, земской ярыжка — могутъ назваться представителями различныхъ гражданскихъ состояній своего времени, то, несмотря на то, что сіи лица не историческія, я не могъ дать вѣрнѣйшаго названія моему роману. Теперь, я думаю, вы согласитесь, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, что я могу написать сего рода истроической романъ нашего времени, не заставляя дѣйствовать людей, которые, какъ наши современники, не могутъ ни въ какомъ случаѣ занимать первыя мѣста въ романѣ—о нихъ можно упоминать въ разсказѣ и даже показывать на второмъ планѣ, но съ величайшею осмотрительностію.

Извините, милостивый государь Василій Андреевичъ, если я утомилъ васъ моимъ многорѣчіемъ. Позвольте еще разъ принести вамъ живѣйшую мою благодарность за участіе, принятое вами въ моемъ первомъ опытѣ. Ваше хорошее о немъ мнѣніе не защититъ его отъ ругательствъ Булгарина или Греча,—но что мнѣ до мнѣнія сихъ литературныхъ торгашей, когда вы довольны моимъ романомъ?

---

[1]) „Мнѣ сказывалъ к(нязь) Шаховской,—писалъ Жуковскій Загоскину,—что вы въ pendant вашему 1612 году пишете романъ 1812; не хочу съ вами спорить; но боюсь великихъ предстоящихъ вамъ трудностей. Историческія лица 1612 года были въ вашей власти, вы могли выставлять ихъ по произволу; историческія лица 1812 года вамъ не дадутся! Съ первыми вы легко могли познакомить воображеніе читателя, и онъ, благодаря вашему таланту, увѣренъ съ вами, что они точно были такими, какими ваше воображеніе ихъ представило ему; съ послѣдними этого сдѣлать нельзя: мы знаемъ ихъ; мы слишкомъ къ нимъ близки; мы уже предупреждены на счетъ ихъ, и существенность для насъ загородитъ вымыслъ; впрочемъ, нѣтъ невозможнаго. Я говорю только: трудно! на всякомъ шагу порогъ, и споткнуться легко“ (см. „Раутъ“, книга третья, стр. 302—303).

*

Съ истиннымъ и душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Загоскинъ.

XVII. Письмо И. В. Кирѣевскаго [1]).

(Берлинъ, въ мартѣ, вѣроятно 14-го (26-го), 1830 г.) [2]).

Мальтицъ [3]) берется отправить письмо мое къ вамъ, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, которыя всѣ производныя, отъ одного первообразнаго, а для этого первообразнаго слова у меня нѣтъ словъ. Какъ я благодаренъ вамъ за совѣтъ вашъ провести мѣсяцъ въ Берлинѣ и за ваши письма [4]), это лучше всего можетъ показать подробный отчетъ о моей берлинской жизни, который я пришлю къ вамъ изъ Дрездена и который вы можете и не читать, если вамъ не будетъ лишняго времени. Но это все-таки не помѣшаетъ мнѣ писать къ вамъ. Теперь же скажу только, что я провелъ здѣсь время не даромъ, и хотя засталъ лекціи университетскія уже на отлетѣ, но зато познакомился со многими людьми интересными. Интереснѣе и теплѣе всѣхъ была для меня семья Радовицей [5]), даже и по тому, что они не иначе, какъ съ самою горячею дружбою говорятъ и думаютъ объ васъ. Онъ досталъ мнѣ билетъ въ музеумъ, что̀ было довольно трудно, потому что музеумъ еще не въ порядкѣ, безъ каталога и пр.

---

[1]) Два письма Кирѣевскаго къ Жуковскому (1850 года) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1870 года, столб. 959—965. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, извѣстный впослѣдствіи славянофилъ, сынъ племянницы Жуковскаго, Авдотьи Петровны Кирѣевской (во второмъ бракѣ Елагиной), выѣхалъ изъ Петербурга въ заграничное путешествіе 22-го января 1830 года и въ Берлинъ пріѣхалъ 9-го февраля (см. Полное собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣевскаго, т. I (Москва. 1861), Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 30 и 31).

[2]) Письмо не имѣетъ даты; отнесено къ марту (вѣроятно 14-го (26-го) 1830 года на основаніи слѣдующихъ словъ Кирѣевскаго въ письмѣ его къ роднымъ отъ 14-го (26-го) марта 1830 года, изъ Берлина: „Къ Жуковскому еще не писалъ изъ Берлина; если успѣю, напишу сегодня" (см. тамъ же, стр. 50).

[3]) Совѣтникъ нашего посольства въ Берлинѣ баронъ Францъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1798 † 1857), впослѣдствіи занимавшій постъ русскаго посланника въ Гаагѣ.

[4]) См. Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 26 и 27.

[5]) Извѣстнаго прусскаго государственнаго дѣятеля Іосифа фонъ Радовица (р. 1797 † 1853) и его жены, рожденной графини фонъ Фоссъ, съ которыми Жуковскій находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

У гр(афа) Ал(опеуса)[1]) я былъ тотчасъ по пріѣздѣ, обѣдалъ у него, разсказывалъ имъ, хорошо ли вы пишете по-русски[2]), и потомъ вчера еще ходилъ къ нему прощаться. Съ Мальтицемъ я видался чаще. Онъ записалъ меня въ казинò, гдѣ однакожъ я часто бывать не могъ, чтобы не терять время. Гуфландъ[3]) былъ со мною отмѣнно милъ и добръ. Я провелъ у него нѣсколько вечеровъ и всякій разъ выходилъ отъ него съ душою, хорошо настроенною. Кромѣ того я познакомился здѣсь съ Гегелемъ, съ Гансомъ [4]), съ Мишлетомъ [5]) и съ нѣкоторыми другими профессорами и учеными [6]). Провелъ вечеръ съ Распаломъ [7]), который мнѣ крѣпко не понравился своею, какъ бы сказалъ Гегель, самонадутостью и пустотою. Видѣлъ нѣсколько разъ театръ, Шарлоттенбургъ и пр. А слышалъ лекціи всѣхъ интересныхъ мнѣ профессоровъ и пріобрѣлъ такую вещь, которой не ожидалъ: сильное желаніе провести здѣсь по крайней мѣрѣ годъ, возвратясь изъ Парижа. Къ своимъ я этого не писалъ и писать не буду, и вы не пишите (впрочемъ послѣднее не страшно), покуда они не привыкнутъ къ моему отсутствію. Прошу васъ поклониться отъ меня Пушкину, Дельвигу и Вяземскому, если они въ Петербургѣ, если вы ихъ увидите скоро и не забудете. Также и Плетневу.—Еще просьба: я хотѣлъ прислать въ Литер(атурную) Газету статью объ религіозныхъ спорахъ въ Германіи [8]); го-

---

[1]) Нашего посланника въ Берлинѣ графа Давида Максимовича Алопеуса, къ которому Жуковскій далъ Кирѣевскому рекомендательное письмо (см. Матер. для біогр. И. В. Кирѣевскаго, стр. 27).

[2]) „Ни жена посланника, ни дочь не знаютъ ни одного слова по-русски—писалъ Кирѣевскій роднымъ,—и спрашивали меня, хорошо ли пишетъ Жуковскій. Изъ его писемъ и записокъ онѣ отгадывали, qu'il doit écrire très joliment" (т. е. что онъ долженъ писать очень мило) (тамъ же, стр. 36—37).

[3]) Извѣстный врачъ, профессоръ и писатель Христофоръ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. 1762 † 1836), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Берлинѣ въ 1820 году и который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе (какъ это видно изъ „Дневниковъ Жуковскаго"). „Въ Берлинѣ мое письмо—писалъ Жуковскій А. П. Елагиной 21-го января 1830—познакомитъ его (И. В. Кирѣевскаго) прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ душу его своею душою". (Матер. для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 27).

[4]) Профессоръ Эдуардъ Гансъ (р. 1798 † 1839) читалъ въ университетѣ естественное право и прусское гражданское право.

[5]) Карлъ-Лудвигъ Michelet (р. 1801), послѣдователь знаменитаго Гегеля, былъ профессоромъ философіи.

[6]) Отзывы Кирѣевскаго обо всѣхъ этихъ профессорахъ см. въ письмахъ его къ роднымъ изъ Берлина. (Матер. для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 35—36 и 44—48).

[7]) Вѣроятно, François-Vincent Raspail (р. 1794 † 1878), врачъ и французскій политическій дѣятель, участникъ революцій 1830 и 1848 гг.

[8]) Такой статьи Кирѣевскаго не появлялось въ „Литературной Газетѣ".

дится ли это?—Если да, то велите кому-нибудь изъ издателей написать ко мнѣ въ Парижъ, и кромѣ то(го) прошу васъ сказать имъ, чтобы они присылали мнѣ вопросы о томъ, что хотятъ знать отъ меня. На опредѣленные вопросы отвѣчать легче, чѣмъ писать невызванному; въ послѣднемъ случаѣ не знаешь, гдѣ остановиться, такъ, какъ теперь въ письмѣ моемъ къ вамъ.—Прощайте! Вспомните иногда обо мнѣ; вы знаете, какъ воспоминаніе ваше дорого для тѣхъ, которые умѣютъ любить васъ всею душою. Впрочемъ послѣднее я поручилъ изъяснить вамъ моей матери; она скажетъ это лучше меня, хотя чувствовать я умѣю такъ же; за это она вамъ поручится. Всею душою вашъ И. Кирѣевскій.

Прилагаю здѣсь письмо Юлія Петерсона[1]), который такъ же милъ и обязателенъ, какъ его отецъ. Мы съ нимъ въ Берлинѣ видались почти каждый день, и за это я также благодаренъ вамъ.

XVIII. Письмо Л. С. Пушкина.

3-го мая (1830).

Почтеннѣйшій Василій Андреевичъ.—Цензура не пропускаетъ эпиграммы съ именемъ Видока[2]); Өадей же былъ напечатанъ въ С(ынѣ) О(течества), по просьбѣ издателей[3]), съ высочайшаго разрѣшенія. Не

---

[1]) Въ то время студентъ Берлинскаго университета (см. Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 33), Юлій Петерсенъ былъ сынъ стараго знакомаго Жуковскаго Евстаөія Андреевича (Георга-Густава) Петерсена, бывшаго лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ (см. тамъ же, стр. 29).

[2]) Рѣчь идетъ объ извѣстной эпиграммѣ А. С. Пушкина на Булгарина: „Не то бѣда, что ты полякъ". Эта эпиграмма была напечатана самимъ Булгаринымъ въ „Сынѣ Отечества" 1830 года, № 17, стр. 303, съ замѣною въ послѣднемъ стихѣ словъ: „Видокъ Фиглярвинъ" словами „Өаддей Булгаринъ". По поводу помѣщенія въ „Сынѣ Отечества" этой эпиграммы баронъ А. А. Дельвигъ писалъ Пушкину 8-го мая 1830 года слѣдующее: „Булгаринъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется, не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, человѣкомъ, дѣлающимъ противозаконное, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ его величествомъ" („Русскій Архивъ" 1880 года, книга вторая, стр. 507). Просьба Дельвига не была уважена (см. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Литерат. Фонда, т. II, стр. 89—90).

[3]) Издателями „Сына Отечества" были Булгаринъ и Гречъ.

нужно вовсе брату попадать подъ отвѣтственность, лежащую на сочинителей (sic) пасквилей. Ради Бога, поговорите съ Блудовымъ, онъ можетъ приказать цензурѣ пропустить эпиграмму [1]) съ замѣчаніемъ Дельвига такъ, какъ я его оставляю у васъ на разсмотрѣніе; если же оно не такъ, то прикажите намъ его передѣлать.

Вашъ покорнѣйшій слуга Левъ Пушкинъ.

XIX. Письмо барона Е. Ѳ. Розена [2]).

4-го февраля 1834 года.

Ваше превосходительство!

Сію минуту получилъ я тетрадь отъ переплетчика и вамъ посылаю.— По соображенію съ цѣлостью трагедіи [3]) и въ особенности съ чувствомъ, какое на зрителя произведетъ слишкомъ длинная послѣдняя сцена, я изъ нея кое-что исключилъ; но—можетъ быть, я неправъ! Я уже такъ долго вожусь съ этою трагедіею, что не имѣю свѣжаго къ ней чувства критики! Если только одну послѣднюю сцену представить на высочайшее вниманіе, то попросилъ бы я васъ представить ее въ такомъ видѣ, какой вы ей дали въ наше послѣднее свиданіе [4]): отдѣльно, она такъ имѣетъ болѣе вѣсу! Изустно я вамъ отдамъ подробный отчетъ о моемъ поступкѣ съ этой сценою, относительно исключеній; теперь я желалъ бы обратить ваше вниманіе только на слѣдующее:

1) Поединокъ остановленъ; Курбскій и Проз(оровскій) [5])

---

[1]) Къ помѣщенію въ „Литературной Газетѣ".

[2]) Подлинникъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.—Баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ (р. 1800 † 1860) написалъ нѣсколько историческихъ драмъ и трагедій (Россія и Баторій (1833); Осада Пскова (1834) (въ передѣланномъ видѣ эта трагедія была издана въ 1857 г. подъ заглавіемъ „Князья Курбскіе"); Дочь Іоанна III (1835); Петръ Басмановъ (1835). Ему же принадлежитъ либретто къ оперѣ Глинки „Жизнь за царя" (1836). Въ 1835—40 гг. баронъ Е. Ѳ. Розенъ былъ секретаремъ наслѣдника Александра Николаевича.

[3]) Въ письмѣ идетъ рѣчь о трагедіи „Осада Пскова", напечатанной въ 1834 году и въ томъ же году 1-го октября представленной на сценѣ Александринскаго театра.

[4]) Жуковскій интересовался этимъ произведеніемъ Розена. Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился отрывокъ (часть 10-го явленія 5-го акта) „Осады Пскова", переписанный писцомъ, со многими измѣненіями руки Жуковскаго, и представляющій значительныя отличія противъ печатнаго текста этой трагедіи (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 80).

[5]) Дѣйствующія лица въ трагедіи „Осада Пскова".

уже мирно говорятъ другъ съ другомъ; узнаютъ другъ друга; итакъ первая мысль, первое чувство и первое восклицаніе Прозоровскаго должно быть: Князь Курбскій! князь Курбскій, и еще князь Курбскій!!! Лишь тогда, когда нѣсколько утихнетъ первый восторгъ, онъ долженъ вспомнить о минувшей великой опасности и этимъ опредѣлить весь ходъ и вообще колоритъ разговора. Если бы кто-нибудь остановилъ поединокъ сими словами: «Это князь Курбскій!», тогда Проз(оровскій) долженствовалъ бы сказать: «Царь Всевышній! Твой ангелъ вовремя подоспѣлъ»! и проч.

2) Курбскій непремѣнно долженъ быть пораженъ тою мыслію, что онъ разрушаетъ счастливѣйшее супружество, ибо, по мѣрѣ того, чего стоитъ схима Прозоровскому, его жертвоприношеніе имѣетъ трагическое дѣйствіе на зрителя. Узнавъ, что у сына нѣтъ дѣтей, Курбскій долженъ обратить все свое участіе на супружество и спросить: «А много ли ты любишь свою жену?» У васъ не было этого, и Курбскій будто знать не хочетъ о женѣ сына.

3) Преломленіе меча мнѣ не нравится; оно не въ обычаяхъ того вѣка, и мнѣ кажется—Knalleffect [1])! Мнѣ, какъ солдату [2]), жаль ломать мечи по напрасну: они годятся на враговъ! Мы въ этой сценѣ довели чувственную правду до такой высокой степени, что подобный Knalleffect можетъ только вредить. Такъ мнѣ кажется.—Зритель, въ продолженіе піесы, уже узналъ трагическое положеніе Курбскаго: его монологъ въ началѣ третьяго акта, сцена съ Замойскимъ, освобожденіе плѣнниковъ, не вездѣ ли онъ высказываетъ, какъ онъ любитъ отечество и до какой степени измѣна погубила его—зачѣмъ же ему повторять все это передъ сыномъ, который весьма хорошо постигнулъ чувства отца, какъ явствуетъ изъ одной сцены 3-го акта: «Сей подвигъ (т. е. спасеніе Шуйскаго) не потерянъ для сердца Курбскаго» etc.

Извините, я заболтался. Занятіе по службѣ не позволяетъ мнѣ видѣться съ вами сегодня.

Будьте снисходительны къ моимъ замѣчаніямъ.

Вашего превосходительства усерднѣйшій слуга Е. Розенъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Т. е. трескучимъ эффектомъ.

[2]) Баронъ Розенъ началъ службу въ гусарскомъ полку, стоявшемъ въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи (см. на страницѣ V-й автобіографическаго предисловія Розена къ нѣмецкому переводу его трагедіи „Дочь Іоанна III“ (Die Tochter Ioann's III. S.-Petersburg. 1841).

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей.

(Три собственноруч. записки В. Н. Каразина, представленныя гр. Кочубею, по его приказанію въ январѣ 1820 года).

I.

Повторяю то, что я имѣлъ честь сказать въ запискѣ, представленной вашему сіятельству 12-го декабря: «Мы не знаемъ еще нашей Россіи!» Это если не единственная, то по крайней мѣрѣ первѣйшая причина злоупотребленій всякаго рода: злоупотребленій власти, должностей, наградъ, наказаній, формъ закона и проч., наконецъ злоупотребленій самого законодательства. Ибо десять разъ узаконяется одно и то же только разными словами и въ различныхъ видахъ, смотря по обстоятельствамъ времени. Между тѣмъ, какъ прежнія узаконенія на тотъ же предметъ, и можетъ быть опредѣлительнѣе изложенныя, не выполняются, и какъ смѣло ручаться можно, что и новыя не лучше удовлетворятъ намѣреніямъ правительства.

Г. Болтинъ, въ сочиненіи публичномъ, еще въ 1790 году, сказалъ: «Нѣтъ закона, дѣлающаго лично крестьянъ крѣпостными помѣщикамъ. Обычай, мало-по-малу введенный обращать ихъ въ дворовыхъ людей, прямо въ противность уложенныя статьи и о семъ, и подъ названіемъ дворовыхъ продавать ихъ по одиночкѣ, сначала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился наконецъ чрезъ долговременное употребленіе въ законъ». (Примѣчанія на Леклерка. Томъ II, стр. 211). Здѣсь сказано о всякой личной продажѣ вообще; и сказано совершенно справедливо. Нѣтъ закона!.. Тѣмъ не менѣе съ 1790 года нужнымъ казалось издать и издано множество ограничиваній сему закону, въ намѣреніи остановить хотя самыя вопіющія изъ зло-

употребленій. И они не остановлены!.. Правительства продолжають обманывать формами, потому что оно, устремясь за формами и подробностями, потеряло изъ виду коренной законъ. Десятисловію Моисееву, по неволѣ, должно повиноваться или заявить себя преступникомъ. Но Пандекты Юстиніановы породили премножество кривотолковъ и премножество злоупотребленій. Такъ всегда было и будетъ!

Сколько указовъ, конфирмованныхъ мнѣній совѣта и докладовъ противу продажи людей порознь! Но она тѣмъ не менѣе совершается безъ всякаго отступленія отъ формъ закона. Указами 1798 года марта 16-го, 1802 іюля 31-го и сентября 30-го, 1804 сентября 7-го, 1808 іюня 14-го, 1814 ноября 20-го и пр. запрещено продавать безъ земли. Во всѣхъ гражданскихъ палатахъ начали писать купчія, приписывая по десятинѣ земли къ человѣку; и сія земля чрезъ нѣсколько дней возвращается продавцу другою купчею, или приписывають землю мнимую и небывалую: и кто станетъ о ней выправляться?.. Конфирмованнымъ мнѣніемъ Совѣта 1812 марта 12-го, указами 1814 іюня 11-го, 1816 октября 23-го и ноября 25-го (не упоминая уже о предшедшихъ законахъ), запрещено разночинцамъ и другимъ, не имѣющимъ права на владѣніе людьми, пріобрѣтать оныхъ по крѣпостямъ и даже владѣть по вѣрющимъ письмамъ. Покупщикъ сыскиваетъ дворянина, имѣющаго право купить, совершаетъ купчую на его имя и беретъ отъ него закладную или заемное письмо въ свое обезпечиваніе. Полиціи какъ войти въ розысканіе, кто истинный хозяинъ раба, когда никто не объявляетъ на него притязанія? Сотни тысячъ людей страждутъ симъ образомъ въ жесточайшей неволѣ: ибо купцы, мѣщане и другіе подобные владѣтели, безъ воспитанія и привычки обращаться съ подчиненными, почитаютъ ихъ прямо за товаръ, за вьючной скотъ; а иностранцы практикуютъ ихъ en esclaves, à la lettre, ибо они не могутъ разстаться съ симъ своимъ понятіемъ [1]), между тѣмъ, какъ русскій коренной дворянинъ забываетъ развѣ въ изступленіи общее человѣколюбіе, утвержденное нашими обычаями. Указами 1816 года февраля 26-го и іюня 23-го запрещено продавать людей въ земли, принадлежащія Черноморскимъ и другимъ казакамъ. Но оттуда, до сихъ поръ еще, пріѣзжаютъ коммиссіонеры для таковой покупки въ Орловскую, Слободско-Украинскую и другія губерніи. Пріискиваютъ въ нихъ другихъ коммиссіонеровъ изъ числа тамошнихъ помѣщиковъ. Купчія совершаются на имена сихъ послѣд-

[1]) Не помню, въ какомъ году, Дюгуръ или Дегуровъ, какъ онъ лицемѣрно испросилъ себѣ фамилію, употребленный теперь здѣсь, въ бытность свою профессоромъ въ Харьковѣ, поступалъ такъ тирански съ купленною дѣвкою, что она повѣсилась въ его домѣ на дверяхъ. Полиція замяла этотъ случай!

нихъ, которые въ то же время прямыхъ покупщиковъ обезпечиваютъ заемными письмами или другими обязательствами. Впрочемъ, съ той и другой стороны не бываетъ особливой недовѣрчивости: ибо извѣстно, что плуты соблюдаютъ между собою строгую честность. Порукою въ ней обосторонняя польза. Оба коммиссіонера, напримѣръ Черноморской и Украинской, давно знаютъ другъ друга и препроводили взаимно чрезъ свои руки, одинъ нѣсколько тысячъ несчастныхъ рабовъ, а другой нѣсколько сотъ тысячъ рублей, въ надеждѣ препроводить и болѣе. Когда купчія въ порядкѣ и люди зачислены за мнимымъ покупщикомъ, то онъ немедленно испрашиваетъ въ уѣздномъ казначействѣ плакатные, трехъ или пяти-лѣтніе для нихъ паспорты и отдаетъ ихъ казацкому коммиссіонеру, который, взявъ людей на подводы, отъѣзжаетъ съ ними благополучно въ свой путь. Паспорты же вымѣниваются по мѣрѣ прошествія ихъ сроковъ другими. Симъ образомъ жертвы, числящіяся и предполагаемыя правительствомъ въ Харьковскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, обработываютъ земли на Кубани, или—что̀, увы, также случается!—безчеловѣчно бываютъ проданы за Кубань во владѣніе чеченцамъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, человѣкъ показывается умершимъ, и вся исторія оканчивается.

Изобрѣтены еще и другіе способы продавать людей, особливо порознь, лицамъ, не имѣющимъ права къ покупкѣ, напримѣръ: нахичеванскимъ армянамъ или бухарцамъ, разъѣзжающимъ съ шалями. Условясь о цѣнѣ, пишутъ у маклера контрактъ, силою котораго такой-то помѣщикъ или помѣщица отдаетъ такому-то нахичеванскому или казанскому купцу такую-то свою крѣпостную дѣвку для наученія шитью золотомъ и шелками или тканью тѣхъ или другихъ матерій, срокомъ на двадцать пять лѣтъ. Рыдающая невинность, разлучась съ родителями и любезнымъ женихомъ навѣки, переходитъ въ объятія азіатца; а у барыни въ замѣну остается выбранная ею шаль... Есть ли средства отвратить сіи и подобныя злоупотребленія, сіятельнѣйшій графъ, не возвратившись къ истиннымъ, простымъ началамъ? Умножая многосложность законовъ, умножите только ухищренія противу ихъ. Изобрѣтательность безсовѣстныхъ гражданъ никогда не уступитъ велемудрію сочинителей въ министерскихъ или совѣтскихъ канцеляріяхъ, которые сверхъ того пишутъ наизусть, безъ всякаго познанія мѣстныхъ обстоятельствъ и не справясь даже, изданы ли были въ прежнее время на сей или подобный предметъ законы, и какія точно послѣдствія они имѣли? Въ тридцати томахъ in folio (ибо столько уже набралось!) указовъ нынѣшняго царствованія, повторенія за повтореніями и оговорки за оговорками! едва повѣрить тому можно! Ваше сіятельство уже изволили видѣть выше, что въ концѣ 1814 года изданъ указъ о непродажѣ людей безъ земли, между тѣмъ какъ существовали, съ 1798 года

до того, три указа о семъ предметѣ, не говоря о прежнихъ узаконеніяхъ, въ коихъ тоже предполагалось, и такъ далѣе. Правительство искало съ 1770 года [1]) отвратить гнусную торговлю людьми въ рекруты. Въ одно нынѣшнее царствованіе вышло о семъ, если не ошибаюсь, шесть узаконеній [2]). Но тѣмъ не менѣе продажа сего рода совершается до нынѣ, не въ отдаленныхъ какихъ-либо, забытыхъ провинціяхъ, нѣтъ! Здѣсь, въ самой столицѣ, такъ сказать, въ присутствіи государя!.. Дѣло вотъ какъ происходитъ: помѣщикъ или его повѣреный условливается съ имѣющимъ нужду въ квитанціи, пріемщикомъ рекрутъ и нѣкоторыми изъ нижнихъ чиновниковъ полиціи и военной коллегіи. Опредѣленный въ продажу человѣкъ напаивается до полумертва и въ семъ видѣ, въ условленномъ мѣстѣ, берется полиціею подъ стражу. На завтра снимается съ него допросъ. Онъ признается (т. е. его признаютъ) безпаспортнымъ бродягою и, въ силу узаконеній о таковыхъ, немедленно отдается въ рекруты. По прошествіи нѣсколькихъ дней, помѣщикъ, якобы нечаянно свѣдавшій о сей отдачѣ, входитъ въ военную коллегію съ прошеніемъ и доказательствами на принадлежность ему отданнаго въ рекруты и получаетъ квитанцію. Все прочее, разумѣется, само собою... Но я опасаюсь продолжать сію записку, и рука по истинѣ начинаетъ дрожать. Горе въ землѣ злоупотребленій тому, кто отваживается ихъ обнаруживать! Не сдѣлавъ никакого добра отечеству, онъ легко можетъ повредить самому себѣ. Тысячи примѣровъ это доказываютъ.

Спѣшу къ заключенію. Почтеннѣйшій изъ министровъ царства и царствованія! Хотите ли сдѣлать всѣ таковыя злоупотребленія невозможными? Убѣдите правительство возвратиться къ началамъ простымъ, яснымъ, священнымъ XVII вѣка. Они указываютъ что̀ есть дворянинъ россійскій, и какъ далеко права его на людей подвластныхъ простираются; что̀ значитъ дворовый человѣкъ, и можетъ ли владѣть имъ по своей волѣ, не имѣющій земли для его поселенія и прокормленія?

II.

Въ XVII вѣкѣ было два рода людей, подвластныхъ дворянству: холопы и крестьяне. Первые не могутъ уже существовать послѣ извѣстнаго указа 1775 года, которымъ запрещено записываться въ рабство. Просвѣщеніе и измѣненіе обычаевъ изгладило самое названіе

---

[1]) Іюля 23-го.

[2]) 1804 сентября 7-го, 1806 ноября 30-го, 1810 мая 6-го, 1815 декабря 26-го, 1817 января 4-го, 1818 августа 21-го.

холопъ изъ нынѣшняго языка [1]). Слѣдовательно, остались одни крестьяне, изъ коихъ нѣкоторая часть, на основаніи законовъ (Новоуказн. статьи 7198 года апрѣля 7-го, 7199 сентября 7-го и пр.), употребляется для домашней услуги помѣщиковъ, подъ именемъ дворовыхъ. Что на таковыхъ дворовыхъ не имѣютъ права дворяне безпомѣстные, тому нахожу доводъ и въ XVIII вѣкѣ, именно въ инструкціи о ревизіи 1743 года декабря 16-го въ § 7-мъ слѣдующія слова: «И хотя по указу 1729 года, за кѣмъ деревень нѣтъ, за таковыми въ подушной окладъ людей писать не велѣно...» и пр. Но къ сожалѣнію, это одно доказательство только и есть въ публичныхъ книгахъ [2]). Прочіе, равно какъ и самый упомянутый здѣсь указъ 1729 года, при умножившихся злоупотребленіяхъ, вѣроятно истреблены или по крайней мѣрѣ оставлены подъ спудомъ. Составлявшіе своды законовъ, письменные и печатные, были подъячіе, то есть люди безъ помѣстьевъ; слѣдственно, интересованные затмить сей предметъ. Сіе тѣмъ удобнѣе имъ было сдѣлать, что и гг. сенаторы, начиная съ Меншикова, позволили уже себѣ продажу людей по одиночкѣ и въ рекруты.

Начала Уложенія, сіятельнѣйшій графъ, могутъ, кажется, быть возстановлены, безо всякаго излишняго шуму, двумя указами А. и В. въ слѣдующихъ или симъ подобныхъ выраженіяхъ:

А.

«Указомъ, 1814 года іюня 11-го изданнымъ, на основаніи многихъ предшедшихъ узаконеній, право владѣнія дворовыми крѣпостными людьми предоставлено исключительно дворянству, ограничивая и личныхъ дворянъ таковымъ владѣніемъ только по смерть ихъ, безъ права продажи. Подтвердивъ сей указъ во всей его силѣ, нынѣ въ дополненіе къ оному, по случаю дошедшихъ къ намъ вновь свѣдѣній о ухищреніяхъ, каковыя употребляются разными лицами для ослабленія силы закона и для присвоенія себѣ неправедной власти надъ себѣ подобными, повелѣваемъ:

I. Палатамъ гражданскаго суда совершать купчія и закладныя на

[1]) Холопъ, вошедшее изъ польскаго хлапъ, значитъ собственно схваченный, то есть взятый въ плѣнъ. Въ началѣ и не было другихъ холоповъ. Имена ихъ въ лѣтописяхъ это доказываютъ.

[2]) Въ архивѣ коммиссія о составленіи законовъ можетъ статься и есть что-нибудь болѣе; но г. Розенкампфъ никакъ не позволилъ мнѣ заглянуть въ оный, вѣроятно опасаясь, что я увижу больше, нежели имъ надобно. Что за коммиссія!... Что сдѣлали эти люди въ семнадцать лѣтъ, издержавъ столько денегъ, получивъ столько чиновъ и орденовъ? Издали ль они хотя простой алфавитъ существующихъ законовъ, или хотя хронологическое ихъ оглавленіе, что̀ на первый случай было бы для насъ благодѣяніемъ?

формою я не занимался, желая только представить самую мысль вашему сіятельству.

Къ сему пріобщу еще одно: надлежитъ принять мѣры о приготовленіи наемной услуги во всѣхъ ея видахъ. У насъ до нынѣ ничего еще не сдѣлано по столь важному предмету!..

Наконецъ, скажу: тѣмъ или другимъ образомъ произведете сіи мысли въ дѣло, имя ваше будетъ благословляться народомъ, ибо вы умножите число полезныхъ учрежденій, которыми Россія съ 1802 года вамъ обязана. Меня, сдѣлайте милость, оставьте въ сторонѣ. Довольно для меня счастія, если я могъ сдѣлать особѣ, которую глубоко почитаю, сіе приношеніе моихъ мыслей, мыслей извѣстныхъ только Богу, и изъ коихъ я, конечно, не сдѣлаю никогда никакого употребленія!

III.

Въ проектѣ указа А. есть (какъ вижу изъ чернаго) нѣсколько неисправностей и небреженій въ слогѣ, по причинѣ скорой работы. Почему долгомъ почитаю переписать его здѣсь вновь, съ прибавленіемъ шестой, кажется, необходимой статьи.

«Указомъ 1814-го года, іюня 11-го, изданнымъ на основаніи многихъ предшедшихъ узаконеній, право владѣнія дворовыми крѣпостными людьми предоставлено исключительно дворянству, ограничивая личныхъ дворянъ таковымъ владѣніемъ только по смерть ихъ. Подтвердивъ сей указъ во всей его силѣ, нынѣ въ дополненіе къ оному, по случаю дошедшихъ къ намъ вновь свѣдѣній о ухищреніяхъ, каковыя употребляются разными лицами для ослабленія силы закона и для присвоенія неправедной власти надъ себѣ подобными, повелѣваемъ:

I. Палатамъ, гражданскаго суда совершать купчія и закладныя на поселянъ (крестьянъ) [1]) не иначе, какъ при несомнительномъ удостовѣреніи: а) что покупщикъ дѣйствительно причисленъ къ дворянству Россійской Имперіи и имѣетъ въ одной изъ губерній голосъ и мѣсто; b) что поступающіе въ продажу поселяне остаются безъ всякаго раздробленія селеніями, деревнями, или, по крайней мѣрѣ, выселками (хуторами) на той же землѣ, на которой они до того имѣли жительство, и что сія земля (съ угодьями) на нихъ дѣйствительно выдѣлена и обмежевана.

II. Помѣщичьихъ дворовыхъ людей, приписанныхъ въ послѣднюю

---

[1]) Выраженіе крестьянинъ, напоминающее татарское владѣніе Россіею, должно бы по всѣмъ причинамъ вывести изъ употребленія. Поселянинъ гораздо благороднѣе и ближе къ значенію и къ идеямъ, приличнымъ нашему вѣку.

ревизію къ домамъ, а не къ помѣстьямъ, немедленно причислить къ симъ послѣднимъ на основаніи указа 1747-го года октября 26-го дня [1]).

III. Дворовыхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ не помѣщикамъ и, слѣдовательно, лицамъ, не имѣющимъ, по смыслу коренныхъ россійскихъ законовъ, права на владѣніе крѣпостными людьми, оставить въ семъ владѣніи по указу 1814-го года только по смерть нынѣшнихъ владѣльцевъ. И для того истинное таковыхъ дворовыхъ число привести въ ясность посредствомъ городскихъ и земскихъ полицій.

IV. Затѣмъ остающимся по разнымъ видамъ (исключая одни контракты о обученіи малолѣтнихъ) во услуженіи у лицъ, продолжающихъ противузаконныя притязанія на нихъ, вопреки утвержденнаго нами мнѣнія Государственнаго Совѣта 1812-го года марта 12-го дня, объявить посредствомъ мѣстныхъ же полицій, что они до приведенія ихъ въ извѣстность и общаго о нихъ положенія [2]), могутъ получать свидѣтельства отъ полицій для свободнаго найма по своему благоразсужденію (у тѣхъ ли самыхъ хозяевъ, у кого они до того имѣли пребываніе или у другихъ), или для другаго рода жизни, дозволенной законами, платя узаконенныя подати по званію, въ каковыхъ застанетъ ихъ сей указъ.

V. Во отвращеніе злоупотребленій имени контрактовъ, упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ, признаемъ изъ нихъ законными токмо тѣ, въ которыхъ помѣщики и художники или мастеровые обоихъ половъ дѣлаютъ условіе: первые объ отдачѣ, а послѣдніе о пріемѣ въ обученіе малолѣтнихъ не старѣе пятнадцати лѣтъ и не далѣе какъ на семь лѣтъ отъ числа заключенія контракта.

VI. Если кто изъ людей обоего пола, записанныхъ за помѣщикомъ, бывъ имъ отданъ внѣ дома во услуженіе постороннему лицу на условіяхъ гласныхъ или подразумѣваемыхъ, въ противность настоящаго указа принесетъ жалобу мѣстному начальству, что сіе учинено противъ его воли, и докажетъ свидѣтельствами достаточными по законамъ,—таковыхъ почитать свободными, предоставляя имъ избрать родъ жизни, какъ въ статьѣ IV сказано [3]).

Правительствующему Сенату повелѣваемъ и пр.

---

[1]) Сей указъ находится въ словарѣ Чулкова, въ двухъ разныхъ мѣстахъ въ одномъ подъ 26-мъ октября, въ другомъ подъ 26-мъ ноября; надлежало бы вѣрно справиться въ Сенатѣ. Онъ теперь важенъ.

[2]) Сіе общее положеніе должно, кажется, состоять въ томъ, что эти люди послужатъ, вмѣстѣ съ другими вольными ихъ званія, основаніемъ цеховъ, кои завести въ городахъ необходимо.

[3]) Число таковыхъ людей весьма не велико будетъ, и жалобы могутъ происходить изрѣдка. Слѣдовательно, эта мѣра спасительна и вмѣстѣ безопасна. Она удержитъ законъ въ силѣ.

Благодарность митрополиту Амвросію.

Рескриптъ императрицы Маріи Θеодоровны.

30-декабря 1813 г.

Преосвященный митрополитъ Амвросій. Я съ особеннымъ удовольствіемъ и умиленіемъ читала молитвы, вашимъ преосвященствомъ доставленныя къ употребленію въ больницѣ бѣдныхъ и толико соотвѣтствующія предмету. Видя въ выполненіи моего желанія по сему предмету новый пріятнѣйшій мнѣ опытъ вашего ко мнѣ усердія и готовности содѣйствовать намѣреніямъ, внушаемымъ мнѣ искреннимъ стараніемъ творить полезное и богоугодное, я вмѣняю себѣ въ удовольствіе и обязанность изъявить вашему преосвященству чувствительную мою зато признательность и, препоручая себя вашимъ молитвамъ, повторяю здѣсь изъявленіе отличнаго уваженія, съ каковымъ пребываю вашему преосвященству доброжелательною. Марія.

Графъ П. К. Сухтеленъ.

(Его характеристика по шведскимъ источникамъ) [1].

Графъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ родился въ Брабантѣ въ 1751 году и 8 лѣтъ отъ роду былъ посланъ въ школу въ Groningen. Въ то время способности его склонялись скорѣй къ гражданской службѣ, но, вернувшись на родину въ 1765 году, онъ рѣшилъ посвятить себя военной карьерѣ. Ему не было суждено пожинать лавры, стоя во главѣ арміи, онъ пожиналъ ихъ вслѣдствіе серьезнаго умственнаго труда. 32-хъ лѣтъ Сухтеленъ достигъ уже чина подполковника, въ то время, когда Екатерина II удостоила его своимъ вниманіемъ, вслѣдствіе чего онъ поступилъ на русскую службу. Принимая участіе во многихъ кампаніяхъ, Сухтеленъ въ 1808 году былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ русской арміи, вступившей въ Финляндію. Всѣмъ давно извѣстно, что взятіе Свеаборга посредствомъ капитуляціи принадлежитъ Сухтелену. По случаю кончины его, одна шведская газета писала по этому поводу слѣдующее: «мы уклонились отъ описанія этого грустнаго для Швеціи событія, составляющаго въ жизни Сухтелена замѣчательную эпоху; скажемъ лишь одно, если бы тѣ, которые находились тогда въ стѣнахъ крѣпости, съумѣли бы исполнить свой долгъ такъ, какъ исполнилъ его Сухтеленъ, и вести дѣло съ такимъ умомъ и энергіей, какъ онъ, тогда Швеціи не пришлось бы теперь оплакивать потерю Финляндіи. Что касается насъ, то мы считаемъ не лишнимъ посвятить еще нѣсколько словъ этому эпизоду. «Свеаборгъ стоилъ Швеціи громадныхъ суммъ. Защита этой крѣпости была по-

---

[1]) Изъ книги Анфельта: „Två Kröuta rivaler på troneu“.

*

ручена адмиралу шведскаго флота Кронстету. Гарнизонъ состоялъ изъ 7.000 человѣкъ шведовъ и финновъ; изъ нихъ было матросовъ 721 человѣкъ. Число русскихъ при осадѣ Свеаборга мѣнялось постоянно, въ зависимости отъ требованія войскъ въ другія мѣста. Въ самомъ началѣ сила русскихъ равнялась лишь одной трети шведскаго гарнизона, однако впослѣдствіи она увеличилась. Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца 1808 г. русское войско, осаждавшее Свеаборгъ, состояло изъ 11 баталіоновъ, 4 эскадроновъ, 4 батарей, 2-хъ ротъ саперовъ и одной роты артиллеріи. Осадная артиллерія прибывала туда съ большимъ трудомъ изъ окрестныхъ крѣпостей русской Финляндіи. Генералъ Сухтеленъ, руководившій осадой, расположилъ сначала осадную артиллерію на мысахъ Гельсингфорскомъ и Скансенѣ и на ближайшихъ скалахъ. Во все время осады, русская артиллерія состояла лишь изъ 46 орудій. Устройство батареи стоило громаднаго труда; на холодныхъ, снѣгомъ покрытыхъ скалахъ было полное отсутствіе земли и торфа, кромѣ того, не хватало ни рабочихъ рукъ, ни инструментовъ, такъ что являлась полная невозможность держаться методическаго хода правильной осады. Возбужденъ былъ вопросъ о штурмованіи крѣпости, но здравый умъ императора Александра I отклонилъ эту мысль, и было рѣшено, стѣснивъ блокаду, бомбардировать крѣпость, и лишь въ крайнемъ случаѣ предпринять штурмъ.

6-го марта 1808 г., непріятели обмѣнялись первыми выстрѣлами. Русская батарея, помѣщенная на скалѣ, между городомъ и крѣпостью, направила огонь на нѣсколько сотъ рабочихъ, которые кололи ледъ на томъ мѣстѣ, гдѣ шведскій комендантъ находилъ путь къ крѣпости болѣе доступнымъ; на непріятельскіе выстрѣлы крѣпость отвѣчала съ такой силой, что городскимъ домамъ грозила опасность отъ каждаго снаряда и Гельсингфорсъ подвергался полному разрушенію. Чтобы избѣжать послѣдняго, къ адмиралу Кронстету отправлена была депутація, съ просьбой оградить жителей, у которыхъ было много родныхъ и друзей, служащихъ въ гарнизонѣ. Сначала Кронстетъ отнесся довольно холодно къ просьбѣ депутаціи, ссылаясь на то, что защита государства требовала жертвы города; однако, посовѣтовавшись съ своими приближенными, онъ приказалъ перемѣнить мѣсто для батареи. Такимъ образомъ русскіе могли спокойно помѣщать свой провіантъ и магазины въ Гельсингфорсѣ и устраивать тамъ госпитали. Между тѣмъ русская артиллерія стала мало-по-малу занимать ближайшія возвышенія, съ которыхъ она уничтожила мельницы, магазины и деревянныя постройки. Въ теченіе 10 дней, пока продолжалась перестрѣлка, въ крѣпости нѣсколько разъ начинался пожаръ. Наконецъ начались переговоры о сдачѣ крѣпости. При этомъ русскіе какъ бы въ видѣ любезности посылали адмиралу ежедневно иностранныя газеты, которыя заключали въ себѣ

вѣсти очень грустныя и непріятныя для Швеціи. Бюллетени изъ русской арміи, прокламаціи и письма отъ покинутыхъ семействъ, все это читалось съ жадностью гарнизономъ. Послѣдній состоялъ изъ штабъ-офицеровъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшихся лишь сельскимъ хозяйствомъ, изъ офицеровъ, никогда не бывавшихъ на войнѣ, и изъ солдатъ шведовъ и финновъ, враждовавшихъ между собою. Масса женщинъ, дѣтей и другихъ совершенно лишнихъ людей, находившихся въ крѣпости, всеобщее недовольство, непоколебимая вѣра въ силу русской арміи—вотъ главныя причины, заставившія Кронстета и его подчиненныхъ задуматься, тѣмъ болѣе, что адмиралъ не одобрялъ политическую систему, которой придерживалось его правительство; онъ всегда считалъ Свеаборгъ владѣніемъ не прочнымъ, и безпокоился о флотѣ, находившемся въ шкерахъ, о томъ самомъ флотѣ, съ которымъ онъ такъ недавно сражался близъ Выборга и который какая-нибудь бомба могла превратить въ пепелъ. Какъ морякъ, Кронстенъ совершенно терялся, защищая крѣпостныя стѣны, а какъ человѣкъ и семьянинъ, онъ страдалъ, видя мученія, испытываемыя его близкими, и рѣшился сдаться.

Въ описаніи своемъ объ осадѣ Свеаборга Сухтеленъ не хотѣлъ повидимому упомянуть о томъ, какую важную роль игралъ тутъ «золотой порохъ». Однако, однажды въ разговорѣ, онъ сказалъ какъ бы шутя, что одной лишь военной силой невозможно было бы взять Свеаборгъ; впрочемъ, новѣйшіе русскіе писатели не дѣлали изъ этого тайны. И офицерамъ за взятіе Свеаборга военный министръ графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «императоръ того мнѣнія, что войска мало содѣйствовали при взятіи Свеаборгской крѣпости. Его величество приписываетъ благополучный исходъ разумнымъ мѣрамъ, принятымъ во время осады». Душою, въ переговорахъ съ комендантомъ крѣпости былъ, судя по тому, что говоритъ Булгаринъ въ своихъ мемуарахъ, генералъ фонъ-Сухтеленъ, получившій въ награду Владиміра первой степени, въ то время, какъ главнокомандующій дѣйствующей арміи получилъ болѣе мелкую награду. По истеченіи полъ-вѣка,—продолжаетъ Булгаринъ,—будетъ казаться безразличнымъ, вслѣдствіе какихъ причинъ былъ взятъ Свеаборгъ; самое важное то, что Свеаборгъ на вѣки принадлежитъ Россіи. Современники той эпохи, русскіе, шведы и финны, придерживаются одного и того же взгляда, а именно, что Свеаборгъ былъ взорванъ «золотой бомбой». Если это дѣйствительно такъ, то заслуги побѣдителей этимъ обстоятельствомъ вовсе не уменьшаются, а скорѣй увеличиваются, въ виду того, что взятіе Свеаборга совершилось безъ кровопролитія. Послѣ всего случившагося, не удивительно, что Сухтеленъ былъ принятъ не дружелюбно при пріѣздѣ своемъ въ Стокгольмъ, въ качествѣ русскаго посланника.

Самъ Сухтеленъ пишетъ по этому поводу русскому канцлеру

графу Румянцеву 7-го іюля 1810 г.: «небылицы, распространяемыя обо мнѣ, есть послѣдствіе того страннаго впечатлѣнія, которое произвелъ мой пріѣздъ сюда; меня обвиняютъ въ томъ, что я главная причина сдачи Свеаборга, слѣдовательно и потери Финляндіи,—обстоятельство, которое продолжаетъ возбуждать здѣсь неудовольствіе. Къ тѣмъ, которые здѣсь составляютъ мою свиту, относятся съ недовѣріемъ и воображаютъ, что я вмѣстѣ съ ними принимаю участіе въ заговорахъ. «Здѣсь,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ графу Румянцеву,—чуть-чуть не произошла революція, съ цѣлью удалить кронпринца и призвать сына низверженнаго короля. Гнусные изобрѣтатели этой сплетни нашли нужнымъ впутать мое имя. Говорятъ, будто бы графъ Рутъ (бывшій генералъ-губернаторъ Помераніи), графъ Делагарди и другіе совѣщались со мною по ночамъ. Вначалѣ я не обратилъ вниманія на эту ложь, но впослѣдствіи, когда я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что не только большинство, но даже король со всей семьей и съ кронпринцемъ стали подозрѣвать меня, я не нашелъ правильнымъ молчать дольше, тѣмъ болѣе, что дѣло становилось серьезнымъ и оскорбительнымъ для меня. Поэтому я просилъ свиданія у барона Енгестрёна, чтобы въ разговорѣ съ нимъ попросить объясненія, и тѣмъ самымъ изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное мною на короля и на большинство. Баронъ Енгестрёнъ, слышавшій раньше, что я жаловался на глупыя сплетни, догадался о цѣли моего визита и поспѣшилъ самъ явиться ко мнѣ. Я представилъ ему всю нелѣпость возведенной на меня клеветы, сказалъ ему, насколько я оскорбленъ ею, и просилъ его принять серьезныя мѣры, дабы положить конецъ нелѣпымъ слухамъ, иначе я буду принужденъ увѣдомить о томъ мое правительство, чтобы оно не узнало о томъ изъ другихъ источниковъ и не подумало бы, что я дѣйствовалъ противъ данныхъ мнѣ инструкцій, которыя предписываютъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ внутреннія дѣла государства, гдѣ я состою посланникомъ. Замѣтивъ что это обстоятельство сильно затронуло меня, баронъ Енгестрёнъ сталъ увѣрять, что король въ данную минуту совершенно увѣренъ въ неосновательности выше упомянутыхъ слуховъ, которымъ онъ, вслѣдствіе своей слабохарактерности, на минуту повѣрилъ. Енгестрёнъ добавилъ, что кронпринцъ также обезпокоился, но что теперь это безпокойство исчезло совершенно.

«Енгестрёнъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что королева, вслѣдствіе своей болтливости, много способствовала распространенію слуховъ обо мнѣ, и просилъ не сообщать ничего оффиціальнаго въ Россію по этому поводу. Онъ брался самъ написать шведскому посланнику въ Петербургѣ графу Стедингу и разсказать ему о случившемся; другихъ, болѣе сильныхъ мѣръ для прекращенія этого дѣла, Енгестрёнъ не нахо-

дилъ. Я замѣчаю, однако, что мало-по-малу перестаютъ говорить о вымышленномъ заговорѣ и что совсѣмъ о немъ забудутъ, какъ только найдутъ новую тему для потѣхи бездѣльниковъ. Я воспользовался случаемъ и деликатнымъ образомъ далъ понять барону, до какой степени непріятно мое здѣшнее пребываніе и что даже многіе удивляются, какъ мало уваженія выказывается мнѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ графъ Стедингъ пользуется въ Петербургѣ. Какъ примѣръ, я упомянулъ о томъ, что со дня моего пріѣзда въ Стокгольмъ, я одинъ только разъ имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ королю на вечеръ. На это Енгестрёнъ сообщилъ мнѣ, что дворъ вообще мало принимаетъ, по случаю дороговизны въ странѣ.

«Ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что Енгестрёнъ передалъ королю нашъ разговоръ, потому что дня два спустя я былъ приглашенъ на вечеръ къ королевѣ, которая вмѣстѣ съ королемъ осыпала меня любезностями».

Съ теченіемъ времени Сухтелена полюбили не только въ высшемъ обществѣ, но и въ мірѣ литературномъ и артистическомъ. Крюзенстолпе пишетъ о немъ: «Любезность генерала Сухтелена къ литераторамъ и художникамъ отражалась даже на его образѣ жизни. Многіе изъ нихъ были постоянными его гостями и имѣли за его столомъ свой приборъ. Для литературныхъ обѣдовъ былъ назначенъ особый день въ недѣлю, къ которымъ приглашались не только литераторы, но и любители литературы и искусства. Сухтеленъ держалъ у себя открытый столъ, и кто бы ни былъ ему представленъ изъ интеллигентнаго класса, становился сейчасъ же его обѣденнымъ гостемъ. Всѣ находили удовольствіе бывать на этихъ обѣдахъ не только ради пріятнаго и полезнаго сообщенія съ хозяиномъ, но также ради замѣчательной кухни и погреба. Только когда онъ подъ конецъ своей жизни попалъ подъ чужое вліяніе, произошла нѣкоторая реформа относительно пищи и вина.

«Нѣтъ надобности говорить, что Сухтеленъ былъ центромъ дипломатическаго корпуса въ Стокгольмѣ, что онъ давалъ блестящіе балы и роскошные обѣды. Когда ему случалось праздновать какимъ-нибудь блестящимъ банкетомъ именины, или рожденіе государя, тогда онъ видѣлъ за своимъ столомъ членовъ шведской королевской семьи. Подчасъ ему приходилось принимать высокихъ гостей запросто на своей дачѣ въ Ульриксдалѣ. Тамъ онъ жилъ такъ же открыто, какъ и въ городѣ. Всѣмъ, безъ исключенія, разрѣшалось гулять въ его саду и въ паркѣ, и любоваться всѣми улучшеніями, которыя онъ производилъ. Остальныя времена года онъ каждый вечеръ игралъ въ вистъ, или дома, или въ гостяхъ. О Сухтеленѣ можно сказать, что у него было три родины, и въ то же время ни одной. Онъ ро-

дился въ Голландіи, 30-ти лѣтъ поступилъ на русскую службу, и 30 лѣтъ прожилъ въ Швеціи въ качествѣ русскаго посланника и стало быть иностранца, однако, онъ до такой степени привыкъ къ Швеціи, что скорѣй отказался бы отъ своего поста, чѣмъ отъ той страны, гдѣ онъ заранѣе приготовилъ себѣ могилу, рядомъ съ роднымъ братомъ, похороненнымъ на кладбищѣ Сольна въ Стокгольмѣ.

«Про внѣшность Сухтелена можно сказать, что она была вовсе не представительная; въ обхожденіи съ людьми онъ былъ чрезвычайно скроменъ, вѣроятно, желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое онъ, какъ врагъ шведовъ, произвелъ на нихъ вначалѣ. Эта дѣланная скромность въ словахъ и манерахъ мало соотвѣтствовала той выдающейся роли, которую онъ сыгралъ, какъ дипломатъ, какъ меценатъ, какъ воинъ и какъ grand seigneur, которымъ онъ былъ въ дѣйствительности.

«Маленькая худощавая фигура старика Сухтелена никогда не показывалась на улицахъ Стокгольма иначе, какъ въ роскошномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой лошадей, и ни одинъ бѣдный, снимавшій передъ нимъ свою шапку, не оставался безъ отвѣта на свой поклонъ. Относительно книжной коллекціи Сухтелена можно сказать, что ученый русскій генералъ мало заботился о стоимости книгъ и рукописей вообще, лишь бы только онѣ интересовали его. По этому поводу разсказываютъ, что Сухтеленъ заплатилъ однажды въ Парижѣ за одно очень рѣдкое изданіе 2.400 франковъ. Среди рукописей, оставшихся послѣ Сухтелена и занимающихъ цѣлый отдѣлъ въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, есть письма великихъ писателей и государственныхъ дѣятелей.

Нѣкій шведъ Аскелёвъ писалъ вскорѣ послѣ кончины Сухтелена слѣдующее: «Натура генерала Сухтелена была счастливо организована и богата чудными качествами. Серьезное образованіе, имѣвшее въ своей основѣ классическія науки, громадная начитанность, большой опытъ, дѣлали всякое сообщеніе съ нимъ пріятнымъ и поучительнымъ, при чемъ у него было полное отсутствіе педантизма и гордости; онъ всегда избѣгалъ говорить о себѣ, за исключеніемъ маленькихъ приключеній въ его жизни, вслѣдствіе чего разговоръ съ нимъ получалъ характеръ совершенно объективный, чтò рѣдко встрѣчается у выдающихся людей. Въ силу обстоятельствъ, Сухтелену пришлось рано бросить классическія науки и заняться математикой, однако, онъ всю жизнь свою сохранялъ любовь къ классицизму». Поэтому онъ никогда не впадалъ въ односторонность, а сохранилъ ту универсальность, которая была выдающейся чертой его характера и даже проявлялась въ способѣ составлять библіотеку и другія коллекціи. Современныя эстетическія понятія прошли мимо, не затрогивая его, но, несмотря на это, любовь къ красотѣ природы и къ искусству

была ему присуща, доказательствомъ чего служатъ тѣ украшенія, которыя онъ постоянно производилъ на своей дачѣ въ Ульриксдалѣ, и та чудная коллекція картинъ, которая находилась тамъ. По складу своего характера и своимъ воззрѣніямъ на жизнь, его натура могла назваться античной; мудрость его жизни была основана на почвѣ эпикурейской философіи; онъ придерживался правила избѣгать все то, что оставляло дурное впечатлѣніе. Однако, случай, когда подобная философія не могла придти ему на помощь, произошелъ съ Сухтеленомъ тогда, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, а именно: онъ получилъ извѣстіе о болѣзни, а черезъ нѣсколько дней и о смерти своего старшаго сына. Онъ привыкъ къ мысли, что найдетъ въ этомъ сынѣ олицетвореніе самого себя, и не ожидалъ, что ему суждено будетъ пережить его. Этотъ сынъ былъ въ то время генералъ-лейтенантомъ и губернаторомъ въ одной изъ дальнихъ азіатскихъ губерній, гдѣ онъ въ короткій срокъ успѣлъ совершить много полезнаго въ административномъ отношеніи; онъ былъ любимъ всѣми и пользовался милостями императора. Вѣсть о смерти сына сильно подѣйствовала на старика, и, несмотря на умѣніе скрывать свои чувства, онъ не могъ скрыть своихъ страданій, и, по всей вѣроятности, послѣднія ускорили его собственную смерть [1]).

Сухтеленъ поставилъ себѣ въ условіе жизни не имѣть никакихъ предразсудковъ, однако, несмотря на это, всѣ знали то, чего онъ самъ не зналъ, что эти предразсудки есть у него; одновременно съ тѣмъ, что онъ смѣялся надъ тѣми, которые, играя съ нимъ въ вистъ, предлагали на счастье перемѣнить колоду картъ, онъ избѣгалъ извѣстные цвѣта, нѣкоторыя фигуры, не потому только, что они не нравились ему, а лишь потому, что они субъективно производили на него дурное впечатлѣніе. Долгое время онъ имѣлъ предразсудокъ къ нѣмецкому языку и къ нѣмецкой литературѣ; ему никакъ не удавалось избавиться отъ этого чувства. На своемъ родномъ языкѣ, на голландскомъ, онъ говорилъ съ удовольствіемъ, а между тѣмъ не могъ принудить себя говорить по-нѣмецки, несмотря на большое сходство этихъ двухъ языковъ. Часто случалось, что онъ покупалъ посредственную книгу на французскомъ языкѣ скорѣе, чѣмъ хорошую книгу на нѣмецкомъ языкѣ, или же дурной французскій переводъ предпочиталъ нѣмецкому оригиналу; потому-то, вѣроятно, въ его богатой библіотекѣ, заключающей въ себѣ цѣнныя и рѣдкія изданія, не найдется, быть можетъ, выдающихся произведеній на нѣмецкомъ языкѣ. Коллекція автографовъ Сухтелена во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательна, но, къ сожалѣнію, мало извѣстна; въ ней нахо-

---

[1]) Сухтеленъ женился въ Гаагѣ въ 1789 году на Эмеренціи Гартингъ и имѣлъ отъ нея 8 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ лишь трое остались въ живыхъ при его смерти—сынъ и двѣ дочери.

дятся также автографы выдающихся шведовъ и представляютъ собой незамѣнимыя сокровища для будущаго.

«Говорить о Сухтеленѣ, какъ о дипломатѣ, намъ не приходится; всеобщее мнѣніе, что смерть его составила въ этомъ отношеніи громадную потерю. Онъ любилъ Швецію, хотѣлъ жить и умереть въ ней и потому употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы поддержать между Россіей и Швеціей хорошія отношенія, стараясь устранять мелкія столкновенія, которыя подчасъ возникаютъ по винѣ самихъ же дипломатовъ, желающихъ выказать себя.

«За нѣсколько дней до своей болѣзни, онъ приглашалъ къ обѣду литераторовъ и любителей искусства, и называлъ такіе дни journée de savants; въ эти дни онъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа; за нѣсколько дней до кончины онъ какъ-то особенно былъ веселъ и, поднявъ бокалъ, сказалъ, что надѣется прожить еще много такихъ дней съ своими друзьями. Въ слѣдующую, затѣмъ, субботу докторъ не разрѣшилъ Сухтелену выходить къ столу, онъ только вечеромъ вышелъ къ гостямъ и привѣтствовалъ ихъ; присутствовавшіе видѣли его тутъ уже въ послѣдній разъ. Когда онъ слегъ въ постель, то объявилъ окружающимъ, что больше не встанетъ. Онъ позволилъ пустить себѣ кровь, но никакихъ лѣкарствъ не принималъ; веселость не оставляла его во все время болѣзни, и онъ шутилъ постоянно; однажды, когда ему стало какъ будто лучше, и кто-то замѣтилъ ему объ этомъ, тогда онъ положилъ руку на грудь, гдѣ у него сосредоточивалась вся боль, и сказалъ: «L'ennemi est toujours là. J'ai battu les avant-postes, mais le corps d'armée garde sa position. N'esperez rien!». Послѣ восьмидневной болѣзни, Сухтеленъ скончался и погасъ, какъ свѣча».

Аскелёвъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, видѣлъ лишь свѣтлыя стороны въ характерѣ генерала Сухтелена; потому мы хотимъ привести здѣсь мнѣніе другихъ писателей, которые не такъ пристрастно относились къ нему. Генералъ Акрель пишетъ о немъ въ своихъ мемуарахъ: «Вотъ незначительное происшествіе, случившееся въ 1835 г., которое, однако, произвело на меня нехорошее впечатлѣніе: однажды, меня пригласилъ къ себѣ на обѣдъ генералъ Сухтеленъ; приглашеніе это меня удивило, такъ какъ я не бывалъ у него въ домѣ и не обмѣнялся съ нимъ ни единымъ словомъ, послѣ войны въ Германіи въ 1813 г., когда я, въ присутствіи кронпринца, защищалъ проходъ между рѣками Сааръ и Нуте. Удивленный этимъ приглашеніемъ, я былъ еще болѣе изумленъ необыкновенно радушнымъ пріемомъ хозяина, посадившаго меня рядомъ съ собой за обѣдомъ, тѣмъ болѣе, что тамъ находились другіе, имѣвшіе болѣе правъ на такое почетное мѣсто. Исключая изысканной любезности, которая была мнѣ въ тягость, обѣдъ былъ оживленъ, и разговоръ интересенъ; однако, несмотря на это, я былъ чрезвычайно доволенъ, когда

очутился на улицѣ, подальше отъ этого русскаго притона, и могъ отряхнуть прахъ съ моихъ ногъ. Этимъ не окончилось испытаніе; на слѣдующей недѣлѣ я получилъ второе приглашеніе, и меня встрѣтилъ такой же любезный пріемъ. По окончаніи роскошнаго обѣда, когда гости, вставъ изъ-за стола, собирались идти въ гостиную, я былъ остановленъ хозяиномъ, который попросилъ меня остаться съ нимъ и присѣсть на диванъ. Въ началѣ разговоръ вертѣлся около самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, но коснулся скоро политики, съ сильнымъ намекомъ на отношенія Швеціи къ Россіи и съ подробнымъ представленіемъ пользы и необходимости для Швеціи присоединиться къ Россіи, раздѣлять ея взгляды и въ дружбѣ съ ней искать будущаго благосостоянія. Удивленный неподходящимъ и безполезнымъ разговоромъ старика, я пробовалъ устраниться отъ непріятной для меня темы, давая уклончивые и краткіе отвѣты, напомнивъ о томъ, что мнѣ вовсе не подобаетъ говорить о политикѣ съ русскимъ посланникомъ, и что вообще мое мнѣніе слишкомъ ничтожно и т. п. На это Сухтеленъ отвѣтилъ: «Il ne faut pas me regarder comme ambassadeur russe, je ne suis dans ce moment que le vieux Suchtelen».

«Принужденный дать старику какой-нибудь отвѣтъ, я сказалъ между прочимъ, что вражда Россіи всегда опасна для болѣе слабаго сосѣдняго съ ней государства, и что слѣдуетъ избѣгать этой вражды, не всегда вѣрить въ дружбу и строить на ней будущее благосостояніе, и что наша послѣдняя война съ Россіей служитъ тому примѣромъ. На это Сухтеленъ отвѣтилъ съ жаромъ, что покореніе Финляндіи было необходимо для благосостоянія Россіи, что давно было это рѣшено и т. п.

«Послѣ этого le vieux Сухтеленъ удалился, и точно по уговору вошелъ секретарь посольства Бодиско (старшій) и продолжалъ со мной прерванный разговоръ. Стѣсняться съ нимъ я находилъ лишнимъ, и, конечно, не постѣснился. Не сомнѣваюсь ни минуты въ томъ, что этотъ случай обратилъ на себя вниманіе гостей, находившихся въ сосѣдней комнатѣ, такъ какъ вслѣдствіе глухоты Сухтелена мнѣ пришлось возвышать голосъ. На другой день въ газетахъ появились статьи, въ которыхъ разсказывалось объ этомъ происшествіи. Одна изъ газетъ бранила меня, другая, «Минерва» [1] (прозванная русской Минервой) восхваляла мое поведеніе. Ожидаемый результатъ не заставилъ себя долго ждать. Графъ Браге послалъ за мной и потребовалъ у меня отчетъ о случившемся у русскаго посланника, о чемъ уже было сообщено королю. Въ сообщеніи го-

---

[1]) Редакторъ „Минервы" былъ постояннымъ гостемъ Сухтелена, который подписывался на нѣсколько экземпляровъ этой газеты, высказывавшей, впрочемъ, мало симпатіи къ Россіи. Раза два только тамъ помѣщены были сочувственныя статьи (въ 1833 г.) по поводу того, что Россіи удалось поддержать консервативный принципъ въ тогдашней европейской политикѣ.

ворилось, что я позволилъ себѣ вести неприличный разговоръ о политикѣ, въ теченіе котораго я горячился, не взирая на должное уваженіе къ персонѣ самого Сухтелена и къ положенію его, какъ къ представителя русскаго монарха, и что я будто бы забылся до такой степени, что разорвалъ въ клочки лежавшую по близости карту Финляндіи и т. п. Мнѣ стоило много труда оправдать себя передъ тѣми, которые обвиняли меня; въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда непріятностей, все происшедшее объяснилось старческой слабостью Сухтелена. Меня, между прочимъ, прозвали ненавистникомъ русскихъ, на чтò я отвѣтилъ: «Я не питаю ненависти къ русскому потому, что онъ русскій, я ненавижу только русское вліяніе на наше государство, а больше всего ненавижу русскихъ шведовъ». Этимъ аргументомъ прекратилась вышеописанная катастрофа».

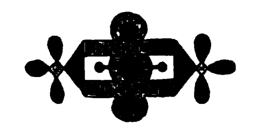
Другой писатель, хотя и безъ симпатій, но съ нѣкоторымъ основаніемъ указываетъ на слишкомъ наивную оцѣнку русскаго генерала, это Sturzen-Becker, который въ статьѣ своей говоритъ о томъ, что многіе шведскіе писатели слишкомъ пристрастно относились къ Сухтелену, стараясь выставлять его въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ, что онъ, несмотря на постъ русскаго посланника, какъ бы шутя отнявшаго у Швеціи ея лучшую крѣпость, заставилъ не только полюбить себя среди шведовъ, но даже сожалѣть о себѣ послѣ смерти. Совершенно справедливо,—продолжаетъ Sturzen-Becker, что Сухтеленъ, во время своего долгаго пребыванія въ Швеціи, съумѣлъ возбудить къ себѣ симпатію вслѣдствіе изысканной любезности и интереса къ шведскому искусству и литературѣ. Однако, мнѣ представляется немного неосторожнымъ создавать опредѣленное мнѣніе о русскомъ дипломатѣ, ссылаясь лишь на его пріятныя качества.—Чтобы въ душѣ быть шведомъ, требуется болѣе того, чтò сдѣлалъ русскій дипломатъ, т. е. съ нѣкоторой жертвой для своей библіотеки дарилъ источники для шведской исторіи, или ласково принималъ художниковъ и литераторовъ. Все это очень мило и пріятно, но дѣлалось Сухтеленомъ по совершенно другимъ причинамъ. Что касается преданности Сухтелена къ Бернадоту, такъ что при низкомъ поклонѣ королю шведскому плюмажъ его шляпы касался пола (какъ разсказываютъ о немъ нѣкоторые), то на такую преданность трудно полагаться. Словомъ, по мнѣнію Бекера, Сухтеленъ ни на минуту не переставалъ быть русскимъ, и это по той причинѣ, что русская политика не ставитъ шутовъ или дураковъ на дипломатическіе посты, ни также сентиментальныхъ придворныхъ кавалеровъ, а людей нужныхъ и подходящихъ къ времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Нельзя не согласиться съ Бекеромъ, что Сухтеленъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ нужный министерству иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, и что Александръ I далъ ему спеціальныя инструкціи,

какъ вести себя въ Швеціи въ то критическое время. Однако, безспорно то, что большинство шведовъ любило Сухтелена, и что хорошія отношенія съ дворомъ сохранились до самой его смерти.

Смерть человѣка, о которомъ столько было говорено, послѣдовала 6-го (18-го) января 1836 г. При похоронахъ ему были оказаны царскія почести. По улицамъ разставлены были шпалерами гвардейскіе полки; одна батарея артиллеріи и отрядъ норвежскихъ егерей поставлены по пути, гдѣ шла процессія до церкви Адольфа-Фредерика. Генералы и полковники несли ордена; члены дипломатическаго корпуса несли гробъ. Всѣ сословія посѣтили домъ русскаго посольства. Музыка гвардейскихъ полковъ играла траурный маршъ. Съ крѣпости Шепсгольменъ было выпущено 64 выстрѣла. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ветерстетъ, по случаю нездоровья, не могъ проводить тѣло до кладбища. Толпы народа бродили по улицамъ, чтобы увидать колесницу.

Двадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ шведская газета—хоронили съ такой же помпой барона Аделькрейца. Онъ и Сухтеленъ были оба кавалеры высшаго шведскаго ордена Серафима. Первый защищалъ Финляндію, второй отнялъ ее у Швеціи и, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, имѣлъ на гербѣ, украшавшемъ дверцы его экипажа, изображеніе Свеаборгской крѣпости. Странное стеченіе обстоятельствъ, что Швеція почтила обоихъ одинаковыми почестями и похоронила ихъ, какъ хоронятъ кавалеровъ ордена Серафима.

Сообщ. **С. Варадель.**



По поводу статьи: «Декабристы на Кавказѣ».

Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины», въ статьѣ «Декабристы на Кавказѣ» мною замѣчены неточности, которыя необходимо исправить:

1) Сухоруковъ былъ поручикъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Высланный подъ надзоръ въ Донское войско, а затѣмъ назначенный въ Грузію въ казачій Карпова полкъ, онъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію безъ повышенія въ чинѣ.

2) Сухоруковъ скончался въ 1841 году не въ Финляндіи, а въ Новочеркасскѣ, гдѣ и похороненъ на общемъ городскомъ кладбищѣ.

3) Сухоруковъ умеръ въ чинѣ есаула, въ который произведенъ по вакансіи въ 1837 году, а не сотникомъ, какъ сказано о томъ на 500 стр. названной статьи.

А. Карасевъ.

Посылка Петра Беклемишева во Флоренцію въ 1716 году.

Копія съ проѣзжаго паспорта агенту Беклемишеву.

По титулу.

Объявляемъ черезъ сіе всѣмъ кому, вѣдать надлежитъ, что имѣетъ ѣхать для нашихъ дѣлъ во Флоренцію и въ Венецію агентъ нашъ Петръ Беклемишевъ, того ради, всѣхъ высокихъ областей дружебно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства, кто симъ употребленъ быти имѣетъ, пріятно желаемъ, дабы помянутаго нашего агента со обрѣтающимися при немъ людьми и вещьми, не токмо свободно и безъ задержанія въ пути пропущать, но и гдѣ онъ за благо изобрѣтетъ безъ препятствія оному пребывать, такожде и всякое вспомогательное благоволеніе показывать, соизволили за что мы взаимно каждымъ въ такомъ же случаѣ воздавать обѣщаемъ. Во свидѣтельство того данъ ему сей пасъ, за нашею печатью въ Санктъ-Петербургѣ 19 янв. 1716 году.

Копія съ грамоты, посланной къ флорентенскому дюку Козьмѣ Етрускому.

По титулѣхъ.

Послали мы съ отправленными отъ насъ въ области вашего высочества, и свѣтлѣйшей Рѣчи Посполитной венеціанской агентомъ Петромъ Беклемишевымъ нѣсколько человѣкъ россійскаго народа для обученія въ искусствѣ архитекторіи, цивили и морячества. А понеже Академія, отъ вашего высочества во Флоренціи учрежденная, во всѣхъ наукахъ и искусствахъ зѣло прославленна, того ради просимъ ваше высочество дружебно помянутыхъ посланныхъ въ сію вашу академію повелѣть принять. И для обученія онаго имъ тамо свободно пребывать и впрочемъ высокую вашу княжескую протекцію благоволительно во всемъ позволить. Мы сіе отъ вашего высочества уповаемъ и не оставимъ при всѣхъ случаяхъ оказать, какъ высоко мы вашу дружбу почитаемъ и что мы чрезъ оказаніе всякихъ взаимныхъ угодностей оныхъ содержать, искать

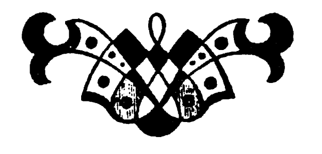
будемъ, засимъ желаемъ вашему высочеству благопостояннаго здравія и всякаго благоповеденія. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Генваря 18 дня 1716 г. Государствованія нашего тридесять четвертаго году.

Въ реляціи агента Петра Беклемишева изъ Флоренціи іюля отъ 13-го (23-го) 1717 г. написано:

«Грамоту о рекомендаціи оныхъ посланныхъ со мною по указу вашего величества вручилъ его свѣтлости грандюку, который принялъ со удовольствіемъ и обѣщалъ исполнить все по намѣренію вашего величества, какъ уже и повелѣлъ опредѣлить наилучшихъ мастеровъ къ онымъ присланныхъ отъ вашего величества, ради обученія имъ повелѣннаго. И такожде еще въ оное время, когда сходятся въ академіи ради рисунковъ и моделей, которые есть ради наилучшаго совершеннаго познанія во оной наукѣ, тогда и оные всегда будутъ быть при томъ случаѣ непремѣнно».

Сообщила В. В. Еропкина.



Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

а равно и занятія промыслами въ названной мѣстности иностраннымъ подданнымъ, за исключеніемъ лицъ, ранѣе тамъ числившихся. Въ томъ же году, въ виду нежелательности допущенія иностранцевъ къ занятію золотымъ и горнымъ промыслами въ пограничномъ съ сѣверо-западною Монголіею Усинскомъ округѣ, Енисейской губ., распространены на означенную мѣстность, въ видѣ временной мѣры, дѣйствующія въ Приморской области правила о томъ, что на допущеніе иностранныхъ подданныхъ испрашивается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшее соизволеніе. Въ 1902 году это правило распространено на всѣ прочія прилегающія къ Китаю пограничныя мѣстности.

Въ виду происшедшихъ въ Туркестанскомъ краѣ въ 1898 г. среди туземнаго населенія безпорядковъ, Комитетомъ Министровъ было разрѣшено туркестанскому генералъ-губернатору въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ имъ признано необходимымъ,—предоставить уѣзднымъ начальникамъ, ихъ помощникамъ и участковымъ приставамъ подвергать туземцевъ за ослушаніе и нѣкоторые другіе проступки взысканіямъ до ареста въ одинъ мѣсяцъ и штрафа въ 30 руб.

Во *второмъ* отдѣлѣ разсматриваются дѣла гражданскаго управленія: 1) дѣла обще-административныя. За послѣдовавшимъ, въ силу Высочайше утвержденнаго, 10-го іюня 1900 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, измѣненіемъ законовъ о ссылкѣ,—Комитетомъ Министровъ въ 1901 г. опредѣлены на трехлѣтіе 1901—1903 гг. мѣстности для водворенія ссыльно-поселенцевъ и лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ крестьянскихъ обществъ; 2) мѣропріятія по городскимъ и земскимъ дѣламъ; таковыя мѣропріятія выражались, прежде всего, въ разрѣшеніи городамъ заключать облигаціонные займы для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ городовъ; 3) въ отношеніи дорожной части, имѣетъ наибольшее значеніе передача въ нѣсколькихъ случаяхъ шоссе въ различныхъ губерніяхъ, до того бывшихъ въ завѣдываніи министерства путей сообщенія,—мѣстнымъ губернскимъ земствамъ; 4) мѣры по продовольственному дѣлу. Мѣропріятія Комитета Министровъ по дѣламъ народнаго продовольствія выражались въ разрѣшеніи ссудъ и иныхъ воспособленій мѣстнымъ земствамъ и въ прочихъ мѣрахъ къ удовлетворенію сѣменныхъ и продовольственныхъ потребностей нуждающагося населенія, а также въ разсрочкѣ числящихся за земствами долговъ общему продовольственному капиталу и отпускѣ земствамъ ссудъ для устройства хлѣбозапасныхъ магазиновъ и амбаровъ; 5) народное образованіе. Несовершенство существовавшаго порядка разрѣшенія и устройства народныхъ чтеній вызывало необходимость ихъ пересмотра. Дѣйствовавшія по этому предмету правила, Высочайше утвержденныя 24-го декабря 1876 г., касались лишь народныхъ чтеній, устраиваемыхъ въ губернскихъ городахъ. Относительно же чтеній внѣ губернскихъ городовъ, въ 1894 г. состоялось, по поводу частнаго вопроса, положеніе Комитета Министровъ, поставившее открытіе ихъ въ зависимость отъ особаго каждый разъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; 6) изъ дѣлъ, возбуждавшихся по почтово-телеграфному вѣдомству, Комитетъ разсматривалъ нѣкоторые вопросы, касающіеся устройства телефонныхъ сообщеній; 7) дѣла, касающіяся частныхъ обществъ. На разсмотрѣніе Комитета поступали дѣла о возникновеніи частныхъ обществъ, кассъ и т. п., учреждаемыхъ въ цѣляхъ благотворительности, взаимопомощи или же для выполненія какихъ-либо задачъ, имѣющихъ общественный интересъ; 8) запрещеніе книгъ, увольненіе изъ подданства и принятіе въ оное, измѣненіе духовныхъ завѣщаній. Представленія министра внутреннихъ о воспрещеніи выпуска въ свѣтъ книгъ, распространеніе коихъ признается особо вреднымъ,—вносятся въ Комитетъ Министровъ съ 1872 г. и разрѣшаются собственною его властью безъ представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе. Съ 1894 г. поступило 16 такихъ дѣлъ, раздѣленныхъ большею частью согласно съ представленіями министра внутреннихъ дѣлъ; 9) дѣла въ порядкѣ службы гражданской. До 27-го февраля 1892 г.—дня обнародованія указа объ учрежденіи Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ,—къ вѣдѣнію Комитета Министровъ относилось разрѣшеніе представленій всѣхъ вѣдомствъ о наградахъ по правиламъ за заслуги какъ служебныя, такъ и неслужебныя. Съ учрежденіемъ инспекторскаго отдѣла Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Комитету принадлежатъ преимущественно дѣла пенсіонныя, по отношенію же предоставленія служебныхъ преимуществъ—лишь весьма не многіе вопросы болѣе общаго характера.

Третій отдѣлъ обнимаетъ собою казенное и сельское хозяйство и мѣры къ улучшенію быта сельскаго и инородческаго населенія.

Въ *четвертомъ* отдѣлѣ разсмотрѣна дѣятельность Комитета Министровъ по отношенію къ горному дѣлу.

Послѣдній, *пятый*, отдѣлъ заключаетъ въ себѣ мѣропріятія правительства по промышленности и торговлѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. СЕНТЯБРЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева.** Проф. Е. Боброва .... 482—496

II. **Дополнительныя замѣтки и матеріалы къ «Жизни графа Сперанскаго».** (Изъ бумагъ академика А. Ө. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ .... 497—518

III. **Воспоминанія участника въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго.** *** .... 519—540

IV. **Императоръ Николай I.** (Историческая характеристика). II. .... 541—557

V. **Семейство Самойловыхъ.** В. И. Шенрока ..... 559—576

VI. **В. Ө. Раевскій.** (Матеріалы для его біографіи). Сообщилъ Владиміръ Раевскій .... 557—583

VII. **И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ.** Н. Гутьяра. 585—595

VIII. **Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ...** 597—634

IX. **Башня Марины Мнишекъ.** Георгія Спивахаева .... 635—639

X. **Цензура въ царствованіе императора Николая I-го.** 641—666

XI. **Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года.** П. Матвѣева .... 667—690

XII. **Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами** .... 691—705

XIII. **Письма декабриста И. Горбачевскаго—князю Е. П. Оболенскому.** Сообщила княг. М. Г. Оболенская. 707—716

XIV. **Записная книжка „Русской Старины“:** Стихотвореніе Н. И. Карамзина, написанное имъ въ 1809 году. Сообщ. Н. Д. (стр. 558). — О разрѣшеніи А. И. Герцену пріѣзжать въ Петербургъ. 10-го іюля 1842 г. Сообщ. А. В. Безрединый. (584). — Высочайшее повелѣніе, чтобы въ каждомъ домѣ въ С.-Петербургѣ были вырыты колодцы. 10-го апр. 1762 г. (596). — Рескриптъ императора Александра I — г-жѣ Коховской. 25-го мар. (6-го апр.) 1821 г. (640). — Учрежденіе особой военной коммиссіи. 6-го марта 1762 г. (706).

XV. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго.**

2) **Башня Марины Мнишекъ.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“. Большая Подьяческая, № 39.
1903.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго университета, издаваемый по порученію избранной Совѣтомъ этого университета Коммиссіи для собиранія и изданія матеріаловъ по исторіи Юрьевскаго университета, заключаетъ въ себѣ краткія біографіи всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые занимали преподавательскія должности въ этомъ университетѣ въ теченіе столѣтія его существованія.

Въ разсматриваемомъ нами первомъ томѣ „Словаря“ помѣщены біографіи профессоровъ и преподавателей по каѳедрѣ православнаго богословія и по каѳедрамъ, причисленнымъ къ факультетамъ: богословскому, физико-математическому и юридическому. Біографіи распредѣлены по факультетамъ и каѳедрамъ. Для каждой каѳедры біографіи занимавшихъ ее профессоровъ приведены въ послѣдовательномъ по времени замѣщенія ими каѳедръ порядкѣ. Біографіи приватъ-доцентовъ и прочихъ преподавателей помѣщены вслѣдъ за біографіями профессоровъ, при каѳедрахъ которыхъ числились эти преподаватели.

Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель біографій, въ немъ заключающихся.

Большой интересъ представляетъ исторія преподаванія Закона Божія.

До 1833 года Законъ Божій совсѣмъ не преподавался ученикамъ православнаго исповѣданія въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго, нынѣ Рижскаго учебнаго округа. Не было преподаванія православнаго богословія и въ Дерптскомъ университетѣ, и каѳедра сего богословія совсѣмъ не значилась въ уставѣ Дерптскаго университета, дѣйствовавшемъ въ немъ до 1865 года. На это важное обстоятельство обратилъ вниманіе управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ при посѣщеніи Дерптскаго округа лѣтомъ 1833 года. Возвратившись въ Петербургъ, онъ довелъ это обстоятельство до высочайшаго свѣдѣнія и съ высочайшаго соизволенія предложилъ попечителю учебнаго округа наблюсти затѣмъ, чтобы „ректоръ Дерптскаго университета съ этого времени требовалъ отъ студентовъ греческаго вѣроисповѣданія свидѣтельство мѣстнаго протоіерея о томъ, что они во время пребыванія своего въ университетѣ занимались подъ руководствомъ его изученіемъ православнаго вѣроученія и выполняли всѣ обряды и правила православной церкви“.

Первымъ законоучителемъ былъ назначенъ священникъ П. Карповъ, который, по предписанію начальства, представилъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія программу преподаванія Закона Божія. Программа эта, подъ заглавіемъ „Планъ преподаванія греко-россійской религіи въ Дерптскихъ казенно-учебныхъ заведеніяхъ“, была разсмотрѣна въ Совѣтѣ университета и признана сообразною съ цѣлью преподаванія какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ юношамъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія и съ этимъ заключеніемъ препровождена попечителю Рижскаго учебнаго округа для представленія управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Онъ, съ своей стороны, призналъ планъ священника Карпова удовлетворительнымъ и утвердилъ его, при чемъ распредѣленіе часовъ, какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ предоставилъ ректору университета. „Планъ преподаванія греко-россійской религіи“ свящ. Карпова не сохранился при дѣлахъ университета, и поэтому не возможно судить, съ какимъ успѣхомъ онъ примѣнялся къ немногочисленнымъ слушателямъ его въ университетѣ.

Съ 1857 г. къ слушанію лекцій по православному богословію въ университетѣ были допущены также и православные студенты Дерптскаго ветеринарнаго института.

Въ 1865 г. былъ объявленъ новый уставъ Дерптскаго университета, 12-мъ параграфомъ котораго каѳедра православнаго богословія была введена въ рядъ другихъ университетскихъ каѳедръ, и профессору богословія, по новому штату, присвоено содержаніе ординарнаго профессора и 500 р. за исправленіе церковныхъ требъ.

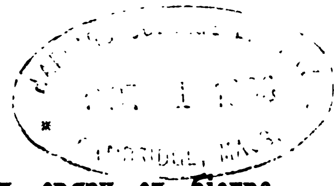
Съ 1889 г., со времени введенія въ Юрьевскомъ университетѣ реформы по предначертаніямъ Императора Александра III,—число православныхъ студентовъ и профессоровъ въ этомъ университетѣ стало быстро увеличиваться. Уже 1892 г. всѣ профессорскія каѳедры на юридическомъ факультетѣ, за исключеніемъ одной, были замѣщены лицами православнаго исповѣданія. Также на остальныхъ факультетахъ всѣ каѳедры, становившіяся вакантными, замѣщались лицами православными, читавшими лекціи на русскомъ языкѣ.

Въ 1894 г. министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, убѣдившись въ необходимости имѣть православный университетскій храмъ, исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на отпускъ изъ суммъ государственнаго казначейства 2.150 руб. на устройство православной церкви при университетѣ. Церковь эту рѣшено было устроить въ главномъ зданіи университета, въ двухъ залахъ 3-го этажа.

Быстро обставленная и украшенная, благодаря многочисленнымъ пожертвованіямъ, Александро-Невская университетская церковь была освящена 28-го ноября 1895 г.

ВЛАДИМІРЪ ФЕДОСЕЕВИЧЪ

РАЕВСКІЙ.



Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева [1]).

II.

Честнѣйшій человѣкъ и безстрашный воинъ, Александръ Николаевичъ Струйской имѣлъ печальный конецъ. Одинъ изъ крѣпостныхъ, полученныхъ въ приданое за женою, Семенъ, попался въ кражѣ. Этотъ Семенъ, переселенный изъ имѣнія Каваксы, Рязанской губерніи въ Рузаевку, за бѣдность былъ взятъ еще мальчикомъ въ дворовые, потомъ сопровождалъ когда-то отца Полежаева, Леонтія Николаевича, въ Сибирь въ качествѣ поваренка, а по смерти своего барина вернулся въ Россію и поступилъ въ Петербургъ на кухню къ Александру Николаевичу. Попавшись въ кражѣ столоваго серебра, Семенъ былъ отосланъ въ Рузаевку и обращенъ въ крестьяне. За большую ловкость, обнаруживаемую при скрываніи похищаемыхъ вещей, въ народѣ онъ получилъ прозвище «Аккуратнаго». Теперь этотъ Семенъ Аккуратный укралъ вещи Леонтія Өедорова, любимаго слуги, сопровождавшаго барина во всѣхъ его походахъ и спасшаго ему жизнь. Одно обстоятельство обличило вора. У Леонтія Өедорова была въ числѣ другихъ вещей бутылка съ какой-то ѣдкой жидкостью, изъ которой воръ хлебнулъ и обжогъ себѣ губы и полость рта. Несмотря на всѣ доказательства, Аккуратный запирался. Тогда Александръ Николаевичъ велѣлъ принести серебряную ложку и, въ присутствіи всей дворни, приказавъ раскрыть Семену ротъ, демонстрировалъ обжоги. Дворня единогласно закричала на вора, что виновность его доказана, и чтобы онъ дальнѣйшимъ запиратель-

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1903 г.

ствомъ не наводилъ подозрѣнія на другихъ. Глубоко оскорбленный неоспоримою уликою и настойчивостью въ обнаруженіи преступленія, какую выказалъ баринъ, а также потрясенный всенароднымъ позоромъ, Семенъ, какъ показывалъ потомъ на судѣ, тутъ же далъ себѣ клятву жестоко отмстить барину: убить его. Изобличеніе вора происходило на Троицу 1833 г., а наканунѣ Петрова дня того же года С. Аккуратный исполнилъ свое намѣреніе и, какъ увидимъ, убилъ барина. Такъ кончилъ свои дни А. Н. Струйской, благодѣтель несчастнаго Полежаева.

Въ печати существуетъ невѣрный разсказъ о смерти Александра Николаевича. Наталія Огарева-Тучкова въ своихъ запискахъ («Русская Старина», за 1890 г., т. 68, октябрь, стр. 19), заключающихъ въ себѣ много неправильныхъ и на недостовѣрныхъ слухахъ основанныхъ сообщеній о семействѣ Струйскихъ, разсказываетъ дѣло такъ: «Это было въ голодный годъ, крестьянамъ было очень тяжко: многіе питались одною мякиною и дубовою корою. Александръ Николаевичъ Струйской запрещалъ своимъ крестьянамъ ходить по міру, а между тѣмъ самъ не давалъ имъ достаточно хлѣба. Однажды онъ воротилъ крестьянина Семена, котораго встрѣтилъ съ сумою; черезъ день или черезъ два дня А. Н. поѣхалъ въ поле; ему опять попался навстрѣчу тотъ же крестьянинъ съ сумою... Въ самый полдень лошадь его пришла домой безъ сѣдока, послали верховыхъ узнать, что̀ случилось, и нашли помѣщика въ полѣ съ отрубленною головою. Нѣкоторое время не знали, кѣмъ онъ убитъ; наконецъ, догадались, что это сдѣлалъ, вѣроятно, тотъ самый Семенъ, съ которымъ онъ встрѣтился два дня тому назадъ. На эту мысль навело слѣдующее обстоятельство: у крестьянъ существуетъ обычай надѣвать чистую рубашку исключительно по субботамъ, послѣ бани; Семенъ же смѣнилъ рубашку въ четвергъ, въ день убійства Александра Николаевича Струйскаго. Это была единственная, но весьма вѣская улика противъ Семена: послѣ сдѣланнаго ему допроса онъ самъ во всемъ сознался».

Г-жа Огарева-Тучкова смѣшала разсказъ о смерти А. Н. Струйскаго съ разсказомъ о смерти застрѣленнаго посреди поля пензенскаго и саратовскаго богача, Колокольцева. По семейнымъ же преданіямъ дѣло было такъ. Въ 1831 и 1832 годахъ былъ сильный недородъ въ пяти уѣздахъ Пензенской губерніи, въ томъ числѣ въ Саранскомъ и въ Инсарскомъ (исключая западную его часть); но въ трехъ уѣздахъ урожай былъ выше средняго. Въ Рузаевкѣ былъ голодъ, но въ другомъ имѣніи бабушки Александры Петровны, Адикаево (Ченбай тожъ), Нижнеломовскаго уѣзда урожай былъ такъ хорошъ, что, за продажею трехъ тысячъ пудовъ ржи, пять тысячъ было доставлено въ Рузаевку для обсѣмененія полей и прокорма крестьянъ. Раздача на прокормъ состояла изъ трехъ пудовъ муки на тягло (мужа и жену), пуда на несовер-

шеннолѣтнихъ и по 10 ф. крупы на ребенка. Такъ какъ рузаевскіе и пайгарменскіе крестьяне не несли нѣкоторыхъ повинностей, то они получали отъ Александры Петровны лишь половину раздачи, а другую половину добавлялъ имъ отъ себя изъ своихъ амбаровъ Александръ Николаевичъ. Кромѣ того, Александръ Николаевичъ входилъ въ положеніе каждаго семейства лично и охотно доставлялъ, чего недоставало.

Александръ Николаевичъ дѣйствительно считалъ позорнымъ отпускать своихъ крестьянъ нищенствовать по сосѣдямъ.

Раздача хлѣба, къ сожалѣнію, была поручена нѣкоему Наумычу, который, кажется, сталъ злоупотреблять довѣріемъ господъ, продавалъ на сторону и хлѣбъ, предназначенный для крестьянъ, и крупу, даваемую на прокормленіе дѣтей. Это возстановило народъ.

Александръ Николаевичъ ежедневно совершалъ вечернюю прогулку пѣшкомъ въ сопровожденіи двухъ собачекъ-болонокъ. На Левинскомъ полѣ, гдѣ онъ осматривалъ свою рожь, его ожидалъ уже Семенъ. При немъ былъ топоръ и нищенская сума, и онъ какъ будто шелъ «въ кусочки». «Куда, зачѣмъ съ сумой, когда я вамъ все даю?»—закричалъ Александръ Николаевичъ. Убійца молчалъ и сталъ какъ бы уходить. А. Н. ускорилъ шаги, чтобы догнать и вернуть Аккуратнаго. Тотъ остановился и въ отвѣтъ хлыстику взмахнулъ топоромъ...

Покончивъ съ бариномъ и надѣясь, что изъ-за густой ржи на полѣ никто не видѣлъ его страшнаго дѣла, Семенъ пошелъ къ тутъ же протекающей рѣчкѣ Шебдасъ и сталъ замывать себѣ окровавленную рубашку и топоръ, орудіе убійства. Въ это время въ 20 саженяхъ отъ него проходила возвращающаяся въ Рузаевку изъ села Ускляя солдатка Акулина. Она замѣтила Семена, услыша плескъ воды и увидѣвъ блеснувшій на лучахъ заходившаго солнца топоръ. Но усталая солдатка, не подозрѣвая случившагося, прошла домой, поужинала и легла спать.

Между тѣмъ у охладѣвающаго трупа стараго воина были два вѣрные друга. Болонки зализывали раны убитаго хозяина и оглашали окрености отчаяннымъ визгомъ и воемъ...

Александръ Николаевичъ постоянно возвращался домой къ 10 часамъ вечера. Въ этотъ день его напрасно ожидали до полуночи и наконецъ отправили на розыски три пары верховыхъ съ фонарями по тремъ разнымъ направленіямъ. Лакей Петръ съ другимъ верховымъ поѣхали къ Левинскому полю и, подъѣзжая къ мосту чрезъ рѣку Шебдасъ, услышалъ вой болонокъ. Поѣхавъ на ихъ голосъ, Петръ съ товарищемъ при свѣтѣ фонаря увидѣлъ охладѣвшій трупъ барина.

Поднялась тревога и суматоха. Овдовѣвшая Авдотья Николаевна, супруга А. Н. Струйскаго, поскакала къ тѣлу и съ распущенными волосами упала около трупа въ обморокъ.

*

На ранней зарѣ солдатка Акулина услышала необычайный шумъ и крики. Отворивъ окно, она освѣдомилась, не пожаръ ли? Ей отвѣчали: «Хуже: барина Александра Николаевича убили!» Тутъ только стало ей ясно, какіе слѣды замывалъ наканунѣ Семенъ Аккуратный въ рѣчкѣ Шебдасъ.

Боясь, какъ бы и самой не попасть подъ отвѣтъ за сокрытіе или позднее донесеніе, она тотчасъ же пошла къ священнику, о. Андрею, сообщить ему о видѣнномъ ею, но не застала его дома. Вторично пошла Акулина къ священнику вечеромъ, разсказала ему все, и тотъ немедленно, несмотря на поздній часъ, направился въ барскую усадьбу, гдѣ и передалъ страшную вѣсть Петру Николаевичу Струйскому. Въ барскомъ домѣ, начиная съ хозяйки, бабушки, и кончая слугами, никто не ложился спать всю ночь. П. Н. Струйской, прибывшій въ Рузаевку вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Михаиломъ Петровичемъ, на разсвѣтѣ, засталъ престарѣлую Александру Петровну въ изнеможеніи лежавшею на диванѣ. П. Н., подойдя къ матери, сталъ на колѣни и горько заплакалъ.

— Вотъ до чего дожила!—произнесла убитая горемъ мать и тоже заплакала.—Слезы душатъ меня! авось, облегчатъ мою грудь!

Сосѣдняя помѣщица, Екатерина Петровна Кравкова, прибывшая съ дочерью въ двухъ каретахъ, давъ только отдохнуть лошадямъ, взяла съ собою овдовѣвшую Авдотью Николаевну съ ея дѣтьми; они уѣхали въ Сканскую Пустынь, Керенскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Рузаевки.

Указаніе священника на убійцу застало въ барскомъ домѣ прибывшее уже въ Рузаевку въ полномъ составѣ временное отдѣленіе уголовнаго суда.

По совѣту исправника Бахметьева, рѣшено было дѣло вести исподволь, не торопясь. На третій день послѣ смерти Александра Николаевича арестовали Аккуратнаго, который, какъ оказалось, находился въ числѣ рабочихъ, отдѣлывавшихъ могилу для барина. Съ перваго же вопроса Семенъ сознался, объясняя, что онъ исполнилъ данную самому себѣ клятву мести. Изъ соучастниковъ его былъ обнаруженъ его родственникъ по женѣ, Бычекъ, караульщикъ при околицѣ: онъ-то именно и сообщилъ Семену, что баринъ пошелъ къ Левинскому полю. Процессъ окончился суровымъ приговоромъ. Аккуратнаго присудили къ 80 ударамъ кнута, а Бычка высѣкли плетьми, и обоихъ ихъ сослали въ Сибирь въ каторжныя работы...

По возвращеніи изъ Пустыни, вдова убитаго объявила, что она не останется въ Рузаевкѣ, и что она уже просила своего брата, Павла Николаевича Чирикова, пріѣхать за нею.

Черезъ нѣсколько недѣль, тотъ пріѣхалъ, и въ сопровожденіи его, уже по зимнему пути, Авдотья Николаевна съ дѣтьми покинула Рузаевку

навсегда. Тѣло Александра Николаевича было погребено въ Рузаевкѣ.

Доброта, заботы и баловство со стороны дяди, Александра Николаевича, заставили въ памяти и воображеніи поэта померкнуть образъ его роднаго отца, Леонтія Николаевича. Перейдемъ теперь къ этому несчастному отцу не менѣе несчастнаго сына.

Если о дядѣ поэтъ отзывается, какъ мы видѣли, снисходительно добродушно, хотя и не безъ юмора, то его отзывъ объ отцѣ прямо небреженъ («Сашка», ч. I, строфа IV):

Нельзя сказать, чтобы богато,
Иль бѣдно жилъ его **о т е ц ъ**,
Но все довольно таровато—
И **п р о м о т а л с я**, наконецъ.
Но это прочь! Отцу быть можно
Такимъ, сякимъ и **р а з с я к и м ъ** (sic);
Намъ говорить о сынѣ должно:
Посмотримъ, вышелъ онъ какимъ.

Очевидно, Полежаевъ полагалъ, что отецъ не выполнилъ по отношеніи къ нему какихъ-либо обязанностей. О юныхъ годахъ своихъ онъ вспоминаетъ неохотно:

Какъ **б ы с т р о** съ горъ весеннихъ воды
Въ долины злачныя текутъ,—
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ **г о д ы**
Е г о м л а д е н ч е с т в а пройдутъ!

Быть можетъ, нашъ поэтъ, какъ и многіе незаконнорожденные, имѣлъ къ отцу недобрыя чувства и питалъ ложный стыдъ по поводу своего происхожденія. Впрочемъ, и самъ Полежаевъ хотя и неохотно не могъ не признать у своего отца любви и заботливости о ребенкѣ (строфы V и VI):

П р о п у с т и м ъ такъ же, что родитель
Его **д о к р а й н о с т и** любилъ...
Вотъ Сашѣ десять лѣтъ пробило,
И началъ папенька судить,
Что не весьма бы худо было—
Его другому поучить.

Леонтій Николаевичъ жилъ въ доставшемся ему по раздѣлу имѣніи Покрышкинѣ, Саранскаго уѣзда. Три года онъ служилъ въ Москвѣ въ какой-то коммисіи. Повидимому, онъ, не нуждаясь въ средствахъ, проводилъ время въ праздности и кутежахъ, а подъ конецъ, по словамъ сына, промотался.

Нервное настроеніе его отца Николая Еремѣевича, къ которому тотъ былъ приведенъ однимъ изъ его дѣлъ, имѣвшимъ политическую подкладку, отразилось на сынѣ Леонтіи сильнѣе, чѣмъ на другихъ млад-

шихъ дѣтяхъ. Леонтій Николаевичъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ въ своемъ письмѣ, приводимомъ ниже, что былъ подверженъ припадкамъ сумасшествія. Безалаберная, безпорядочная жизнь и алкоголь—это фатальное предрасположеніе могли только увеличивать. Но, наряду съ чертами, не заслуживающими одобренія, въ неуравновѣшенной натурѣ Леонтія Николаевича было и много добраго, что́ снискивало ему любовь родныхъ. При многочисленности членовъ семейства Струйскихъ, конечно, не всѣ могли стоять между собою въ одинаково близкихъ отношеніяхъ. Къ Леонтію Николаевичу относились хорошо, а потомъ доказали свое участіе и на дѣлѣ, кромѣ матери, братья Александръ и Петръ Николаевичъ, жены ихъ, сестра Надежда Николаевна. Насколько можно теперь судить, Леонтій Николаевичъ былъ человѣкъ съ недурными задатками, но слабый, крайне неустойчивый и увлекающійся. Водка и прирожденное предрасположеніе къ сумасшествію ослабляли его волю еще болѣе. Въ свѣтлые и трезвые моменты онъ могъ привлекать симпатіи,—въ пьяныя или безумныя минуты становился невыносимымъ даже для родной матери.

Въ числѣ его крестьянокъ были двѣ сестры замѣчательной красоты: Анна и Аграфена Ивановы. Съ Аграфеною баринъ вступилъ въ связь и прижилъ съ нею троихъ дѣтей: Константина (умеръ въ малолѣтствѣ), Александра (поэта) и дочь Олимпіаду. Крестьянку Анну Ивановну засталъ еще въ живыхъ Михаилъ Петровичъ Струйской, и она-то передала ему разсказъ о несчастіяхъ, постигшихъ ея сестру и ихъ барина.

Имѣть дѣтей отъ своей крѣпостной было въ то время явленіемъ обычнымъ. Такимъ полукрѣпостнымъ ребенкомъ былъ сынъ турчанки Сальхи, будущій славный поэтъ и воспитатель Царя-Освободителя, Василій Андреевичъ Жуковскій. Нѣкоторые помѣщики преспокойно записывали своихъ собственныхъ дѣтей въ крѣпостные и причисляли къ своей дворнѣ. Леонтій Николаевичъ, какъ и братъ его Юрій Николаевичъ, тоже имѣлъ внѣбрачныхъ дѣтей; но Струйскіе не относились къ своимъ дѣтямъ по-скотски. Впрочемъ участь дѣтей обоихъ братьевъ была различна. Какъ мы видѣли выше, Юрію Николаевичу, съ помощью своей матери Александры Петровны, министра графа Дм. Ал. Гурьева и другихъ знатныхъ лицъ, удалось впослѣдствіи, въ 1818 г., усыновить дѣтей, которыя стали законными наслѣдниками его имущества и имени Струйскихъ. Не то случилось съ дѣтьми Леонтія Николаевича.

Дѣти дворовой крестьянки Аграфены считались въ семействѣ Струйскихъ своими. Маленькій Саша, крестникъ своего дяди, Александра Николаевича, былъ общимъ баловнемъ и его и отца, и бабушки Александры Петровны. Но не такъ относился къ дѣтямъ Леонтія Нико-

лаевича старшій дядя. Самолюбіе его было уязвлено постоянными и неосторожными насмѣшками Леонтія Николаевича надъ Натальей Филипповною, женою Юрія Николаевича, которую въ письмахъ къ матери Л. Н. называлъ «трясучкой». У Наталіи Филипповны, дѣйствительно, въ силу нервной болѣзни, тряслась голова, что не мѣшало ей быть умною и даже начитанною особой, тогда какъ Аграфена, мать Полежаева, была безграмотна.

Приближалась народная перепись, или «ревизія», какъ ее тогда называли. Если не принять никакихъ мѣръ, то дѣти могутъ быть записаны въ число ревизскихъ, крѣпостныхъ душъ. Благородныя свойства сердца Леонтія Николаевича, какъ видно, крѣпко любившаго и Аграфену и ея дѣтей, не допускали такого исхода. 7-го мая 1815 года назначена была «ревизія», при чемъ ревизскія сказки должны были быть провѣряемы на сельскихъ сходахъ уѣздными предводителями дворянства и особыми чиновниками.

Онъ обратился за совѣтомъ къ старшему изъ братьевъ, Юрію Николаевичу, и получилъ отъ него указаніе, необдуманное исполненіе котораго заставило Леонтія Николаевича впасть въ роковую ошибку. Попытки исправить первую ошибку привели его къ ряду другихъ и въ концѣ концовъ—къ погибели.

Подготовляя путь для узаконенія своихъ собственныхъ дѣтей и пользуясь въ глазахъ брата авторитетомъ, Юрій Николаевичъ посовѣтовалъ Леонтію Николаевичу узаконить его дѣтей путемъ брака Аграфены съ какимъ-либо лицомъ податнаго сословія, гдѣ приписка къ семейству совершалась безпрепятственно. Будущій мужъ Аграфены можетъ причислить дѣтей Л. Н. Струйскаго къ своей семьѣ, зачтетъ ихъ своими дѣтьми,—и послѣдніе станутъ въ глазахъ правительства законными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они навсегда будутъ оффиціально отторгнуты изъ роду Струйскихъ и потеряютъ права на наслѣдованіе законной доли. На это, разумѣется, Юрій Николаевичъ брату не указалъ.

Въ Саранскѣ жили бѣдные мѣщане Полежаевы. По сообщенію г. Бѣлозерскаго, и до сихъ поръ тамъ имѣется какой-то мясникъ Полежаевъ, «упорно открещивающійся отъ всякаго родства съ писакой» («Историческій Вѣстникъ» за 1895 г., сентябрь, стр. 644). На увольнительномъ изъ мѣщанъ г. Саранска приговорѣ поэта подписался тоже какой-то Евдокимъ [1]) Полежаевъ. Розыскали въ Саранскѣ одного мѣщанина бѣдняка, Ивана Полежаева, который за нѣкій гонораръ согла-

---

¹) Этотъ Евдокимъ Полежаевъ не могъ быть мужемъ матери поэта, какъ предполагаетъ Ефремовъ (стр. XIV), ибо въ такомъ случаѣ поэта величали бы Александромъ не Ивановичемъ, а Евдокимовичемъ.

сился прогастролировать при обрядѣ въ роли якобы жениха,—а потомъ въ свою семью приписать чужихъ дѣтей въ качествѣ своихъ.

Все такъ и случилось. Ивана Полежаева обвѣнчали съ Аграфеною Ивановою, а дѣтей послѣдней приписали къ семейству Полежаевыхъ. И вотъ ребенокъ, будущій поэтъ, по крови дворянинъ Александръ Леонтьевичъ Струйской, внукъ Николая Еремѣевича, мечтавшаго о княжескомъ титулѣ, велѣніемъ судебъ и умысломъ своего дяди оказался Александромъ Ивановичемъ Полежаевымъ, мѣщаниномъ города Саранска (о которомъ онъ самъ писалъ въ «Сашкѣ»: «Быть можетъ въ Пензѣ городишка несноснѣе Саранска нѣтъ»).

Александру Леонтьевичу Струйскому суждено было крупнымъ поэтическимъ талантомъ возвеличить и прославить ему чуждую, мѣщанскую фамилію Полежаева.

Иванъ Полежаевъ занимался въ лѣтнее время отхожими промыслами, преимущественно, въ Астрахани, откуда разъ и совсѣмъ не вернулся. Послѣ бракосочетанія Аграфена Ивановна возвратилась въ домъ своего барина. Все какъ будто пошло по-старому. Но на душѣ у Леонтія Николаевича было не по-прежнему. Онъ горячо любилъ свое семейство, и его постоянно точила мысль, что его дѣти оффиціально не принадлежатъ ему. Но душевныя муки его возрасли до крайней степени, когда онъ узналъ объ усыновленіи дѣтей Юрія Николаевича. Сожалѣніе о томъ, что дѣло его собственныхъ дѣтей безвозвратно проиграно, гнѣвъ на брата Юрія за то, что онъ указалъ ему ложный путь, а самъ избралъ себѣ другой; подозрѣнія на родныхъ, что они интригуютъ противъ него самого и противъ его дѣтей, попеременно терзали Леонтія Николаевича. Онъ отдалился отъ родныхъ, даже отъ матери... Душевное помраченіе должно было при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ усилиться и заставляло смотрѣть на вещи въ неправильной перспективѣ, относиться ко многому и ко многимъ несправедливо. Адъ въ душѣ своей Леонтій Николаевичъ пытался залить виномъ и заглушить кутежами, при чемъ доходилъ до бѣлой горячки. Его безпорядочное поведеніе начало обращать на себя вниманіе общества.

Въ это время надъ Леонтіемъ Николаевичемъ стряслась новая бѣда. Онъ попалъ въ уголовщину за смерть своего любимца, двороваго человѣка, Михаила Вольнова.

Михаилъ Вольновъ много лѣтъ подрядъ былъ бурмистромъ въ селѣ Покрышкинѣ, Саранскаго уѣзда, на мѣстѣ родины поэта Полежаева. По раздѣлу 1804 года это имѣніе досталось на часть Леонтію Николаевичу, который по своему образу жизни врядъ ли могъ быть хорошимъ хозяиномъ и слѣдить за своимъ бурмистромъ. Какъ водилось въ старину, положеніе бурмистра при невнимательномъ баринѣ было далеко не безвыгодно: бурмистръ становился фактически распорядителемъ всей вот-

чины. Повидимому, и Михаилъ Вольновъ устраивалъ свои дѣла недурно, ибо выдалъ своихъ дочерей за духовныхъ лицъ, одну за дьячка, другую даже за священника. Понятно, священникъ не сталъ бы брать за себя крѣпостную крестьянку безъ приданаго.

Всего у бурмистра Вольнова было четверо дѣтей. Судьба ихъ показываетъ, что ко всей семьѣ Вольновыхъ Струйскіе благоволили. Сынъ его, Петръ Михайловъ 15-ти лѣтъ достался по раздѣлу на часть Петра Николаевича Струйскаго, женился впослѣдствіи на овдовѣвшей кормилицѣ сына своего барина, Михаила Петровича, Татьянѣ, и жилъ въ полной обезпеченности. Послѣ раздѣла имѣній по смерти Петра Николаевича Струйскаго Петръ Михайловъ управлялъ имѣніемъ, доставшимся на долю супруги своего барина, Елизаветы Ивановны, въ сельцѣ Михайловкѣ, Инсарскаго уѣзда.

Младшая дочь Вольнова, Марія, осталась послѣ гибели своего отца малолѣткомъ; ее пріютила и взяла къ себѣ Александра Петровна, бабушка поэта Полежаева. Марія Михайловна осталась дѣвицею и пользовалась большою довѣренностью своей барыни, которая, уѣзжая нерѣдко въ столицы, оставляла Марію Михайловну на это время домоправительницею.

Катастрофа, приведшая къ гибели какъ самого бурмистра, такъ и его барина, заключалась въ слѣдующемъ.

Раздраженный поступками своего старшаго брата, Юрія Николаевича, Леонтій Николаевичъ подозрѣвалъ въ соучастіи въ его интригахъ и мать. Въ 1816 г. онъ не поѣхалъ изъ своего имѣнія Покрышкина къ матери въ Рузаевку на 25-е декабря лично поздравить ее съ днемъ ея рожденія, а ограничился тѣмъ, что послалъ ей поздравительное письмо со своимъ любимцемъ и управляющимъ, Михаиломъ Вольновымъ. Былъ сильный морозъ до 40 градусовъ. Вольновъ по дорогѣ заѣзжалъ отогрѣваться въ два кабака: въ Саранскѣ и въ Голицинѣ, а къ Александрѣ Петровнѣ явился съ поздравленіемъ въ пьяномъ видѣ, при чемъ затерялъ поздравительную записку. Доложили о пріѣздѣ посланнаго изъ Покрышкина. Новорожденная Александра Петровна вышла къ Вольнову сама—спросить, почему же не пріѣхалъ поздравить ее самъ сынъ? Вольновъ отвѣчалъ, что баринъ занемогъ, а записку онъ-де, Вольновъ, затерялъ. Разсерженная Александра Петровна замѣтила: «Пьяница пьяницу прислалъ». Сестра Леонтія Николаевича, Маргарита Николаевна, немедленно сообщила брату этотъ отзывъ о немъ матери въ запискѣ, которую послала съ тѣмъ же Вольновымъ. Эта фатальная записка и послужила причиною катастрофы. Получивъ ее, Леонтій Николаевичъ счелъ долгомъ приказать Волнова высѣчь—въ первый разъ въ жизни. Послѣ наказанія, Вольновъ, еще не протрезвившись отъ старой выпивки и не отдохнувъ съ дороги, выпилъ съ горя еще цѣлый

штофъ водки и завалился спать на лежанку, которая, благодаря жестокимъ морозамъ, была сильно натоплена. Вольновъ тутъ и померъ, вѣроятно, отъ разрыва сердца. На похороны его пріѣхали зятья: священникъ и дьячекъ. Похоронивъ тестя, они просили у Леонтія Николаевича на путевые расходы 25 р., въ которыхъ онъ имѣлъ неосторожность имъ отказать. Проѣзжая чрезъ Саранскъ, духовныя особы нашли совѣтчиковъ и стали требовать себѣ уже 300 р. подъ угрозою начать дѣло. Но послѣдовалъ опять отказъ. Началось уголовное дѣло по обвиненію Леонтія Николаевича въ «умерщвленіи» своего крѣпостнаго крестьянина. Дѣло пошло по инстанціямъ.

По тогдашнимъ временамъ засѣчь своего крестьянина не считалось ни злодѣйствомъ, ни даже дѣломъ безнравственнымъ. Но такъ какъ жестокія наказанія все-таки воспрещались правительствомъ, и за злоупотребленія помѣщичьею властію полагалась законная кара, то дѣла такого рода были находкою для судейскихъ и подъячихъ, какъ предлогъ для «кормленія». Дѣло о смерти Вольнова, пойди оно обычнымъ теченіемъ, тянулось бы много лѣтъ и закончилось бы обычною резолюціею: «предать волѣ Божіей и, почисливъ рѣшеннымъ, сдать въ архивъ», или—самое большее барина оставили бы въ подозрѣніи. Но въ данномъ случаѣ проиcшествіе осложнялось тѣмъ, что истцами были не какіе-либо безгласные рабы-крестьяне, не имѣвшіе никуда доступа, но духовныя лица, многочисленной и вліятельной корпораціи, упорно отстаивающей «своихъ». Еще неблагопріятнѣе для судьбы Леонтія Николаевича было то, что въ Пензѣ, въ уголовной палатѣ которой производилось его дѣло, въ то время состоялъ губернаторомъ необычное лицо, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. 30-го августа 1816 года онъ былъ назначенъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Насчетъ личности Сперанскаго господствовали въ то время нѣкоторыя недоразумѣнія: поповичъ, мистикъ и легистъ по самой натурѣ, Сперанскій никогда не испытывалъ особенной любви къ угнетенному крѣпостному народу и въ своемъ этическомъ міропониманіи руководился чисто абстрактнымъ идеаломъ юридической справедливости. Тѣмъ не менѣе, и народъ, и душевладѣльцы считали Сперанскаго безъ всякаго основанія противникомъ крѣпостнаго права. Въ Нижнемъ, во время его ссылки, расходившіеся дворяне едва не убили его. За то, какъ свидѣтельствуетъ біографъ Сперанскаго, графъ М. А. Корфъ («Жизнь гр. Сперанскаго», т. II, гл. IV, стр. 125), по пріѣздѣ Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу, многіе помѣщичьи крестьяне тоже по недоразумѣнію служили за него заздравные молебны и ставили свѣчи. Полагали, что, дослужившись изъ поповскаго званія до большихъ чиновъ, онъ всталъ за крѣпостныхъ, и причину его паденія видѣли въ томъ, что Сперанскій будто бы подалъ царю проектъ освободить крѣпостныя души.

Господа же, и ранѣе-де завидовавшіе Сперанскому, который превосходилъ умомъ всѣхъ царскихъ совѣтниковъ, за этотъ проектъ въ пользу чернаго народа и погубили его. Эта легенда заставила низшіе классы въ Пензѣ смотрѣть на Сперанскаго, какъ на невиннаго страдальца и какъ на своего защитника. Въ свою очередь чиновники и дворяне встрѣтили Сперанскаго «съ сильными предубѣжденіями». И тѣ, и другіе ошибались.

Для Сперанскаго «чиновника огромнаго размѣра», какъ его кто-то прозвалъ, главнымъ и жизненнымъ вопросомъ въ Пензѣ было: не отстаиваніе интересовъ «меньшей братіи», а поправленіе своей собственной служебной карьеры [1]). «Неприязнь дворянъ», говоритъ Корфъ (стр. 126 — 127), сильныхъ и въ губерніи, и связями своими съ Петербургомъ, была для него вопросомъ очень важнымъ. Дабы привлечь и ихъ на свою сторону, Сперанскій поспѣшилъ тотчасъ же въ первые двое сутокъ послѣ своего прибытія объѣхать всѣ пензенскія знаменитости, не дожидаясь ихъ визитовъ. Это произвело свое дѣйствіе». Вскорѣ губернаторъ успѣлъ угодить мѣстному дворянству еще болѣе. Въ большомъ помѣщичьемъ селѣ Кутли произошли волненія. Сперанскій принялъ противъ мужиковъ «энергическія» мѣры. Это дало «дворянамъ возможность узнать достовѣрно и на опытѣ образъ мыслей губернатора въ предметѣ, наиболѣе ихъ интересовавшемъ. Убѣдились, что онъ не поддерживаетъ затѣйливыхъ притязаній крестьянъ, не потакаетъ имъ».

Всѣ эти справки нужны были намъ, чтобы уяснить себѣ отношеніе Сперанскаго къ дѣлу Леонтія Николаевича Струйскаго.

Объ этомъ дѣлѣ Корфъ упоминаетъ въ примѣчаніи къ стр. 127; но тотъ же губернаторъ недолго спустя доказалъ, что онъ не намѣренъ смотрѣть сквозь пальцы и на тиранства помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ — съ большими связями, засѣкъ своего крестьянина до смерти. Сперанскій «безпощадно» подвергъ его суду, который имѣлъ послѣдствіемъ ссылку виновнаго въ Сибирь. Но семейныя преданія Струйскихъ утверждаютъ, что Сперанскій въ этомъ дѣлѣ далеко не проявилъ той рѣшительности и героизма, какія приписываетъ ему біографъ. Чрезъ мать и братьевъ Л. Н. Струйской дѣйствительно имѣлъ большія связи въ Петербургѣ, и съ нимъ надо было поступать осторожно, тѣмъ болѣе, что его преступленіе было именно тѣсно связано съ самою сущностью крѣпостнаго права. Отдача подъ судъ не только не могла

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій, проѣзжавшій чрезъ Пензу въ декабрѣ 1827 г., замѣчаетъ въ своей „записной книжкѣ“ (Полное собраніе сочиненій т. II, стр. 70): „Губернаторство Сперанскаго не оставило въ Пензѣ никакихъ прочныхъ слѣдовъ... Онъ оставилъ по себѣ одну память — человѣка общительнаго“...

имѣть характера «безпощаднаго преслѣдованія» вліятельнаго дворянина за нѣсколько неумѣренное пользованіе правами барина, а наоборотъ, развязывала руки губернатору, слагая съ него отвѣтственность и перенося ее на членовъ суда.

Общая молва о Сперанскомъ, какъ о защитникѣ слабыхъ противъ своеволія сильныхъ, побудила истцовъ, наслѣдниковъ Вольнова, удвоить свои старанія, дѣйствуя, вѣроятно, чрезъ высшее губернское духовенство. Быть можетъ, истцамъ помогали кое-кто изъ дворянъ. Пьянствующій Л. Н. Струйской, несомнѣнно, могъ обидѣть и задѣть многихъ. Теперь представился удобный случай свести счеты.

Когда дѣло пришло въ серьезный оборотъ, родственники Струйскіе начали принимать съ своей стороны мѣры къ спасенію Леонтія Николаевича. Братъ его, Петръ Николаевичъ, бросилъ службу уѣзднаго предводителя дворянства и баллотировался въ судьи, чтобы быть брату полезнымъ. Мать его, Александра Петровна, поѣхала въ Пензу, чтобы лично объясниться съ губернаторомъ, просить за сына и объяснить, что весь процессъ возникъ изъ-за отказа уплатить зятьямъ путевыя издержки по проѣзду на похороны Вольнова, и что истцы готовы были удовольствоваться деньгами. Сперанскій принялъ престарѣлую ходатайницу, выслушалъ ее со вниманіемъ и обѣщалъ сдѣлать въ пользу обвиняемаго все, что̀ отъ него зависитъ. Быть можетъ, онъ и сдѣлалъ бы для Леонтія Николаевича ради его связей послабленіе и освободилъ бы его отъ кары, но тутъ подгадилъ дѣлу самъ несчастный Л. Н. Струйской.

Раздѣляя, надо полагать, общую дворянскую непріязнь къ Сперанскому, онъ въ нетрезвомъ видѣ вездѣ бранилъ его, о чемъ губернаторъ былъ, повидимому, извѣщенъ. Наконецъ за буйство и дебошъ въ одномъ трактирѣ Л. Н. былъ посаженъ на гауптвахту, находившуюся возлѣ губернаторскаго дома, гдѣ нынѣ зданіе городскаго банка. Сидя подъ арестомъ и представляя себѣ Сперанскаго своимъ врагомъ, онъ злобно бранилъ его и даже грозилъ ему. А между тѣмъ преслѣдователи Л. Н. Струйскаго не дремали и осаждали губернатора своими просьбами. Въ концѣ концовъ въ уголовной палатѣ дѣло о Струйскомъ было рѣшено въ его пользу и представлено губернатору на заключеніе. Сперанскій изучилъ дѣло и затѣмъ лично поѣхалъ къ матери подсудимаго, Александрѣ Петровнѣ. Подробно резюмировавъ сущность процесса, онъ объявилъ, что онъ готовъ согласиться съ рѣшеніемъ уголовной палаты, но прибавилъ отъ себя нѣкоторыя личныя соображенія:

— Вашъ сынъ,—говорилъ онъ А. П. Струйской,—теперь въ такомъ раздраженіи, что невозможно ручаться, что вскорѣ онъ снова будетъ привлеченъ къ какому-либо уголовному дѣлу.

Очевидно, Сперанскій намекалъ на постоянныя угрозы Леонтія Нико-

лаевича брату Юрію, губернатору, и даже самой матери, Александрѣ Петровнѣ.

Однимъ словомъ, Сперанскій настаивалъ предъ матерью на ссылкѣ ея сына, повидимому, оттого, что въ оставленіи Л. Н. Струйскаго на родинѣ не видѣлъ добра, а въ ссылкѣ его усматривалъ наиболѣе удобный исходъ изъ дѣла — чуть ли не для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ [1]).

Тяжелый моментъ должна была пережить почтенная старушка-мать, А. П. Струйская, любимая и уважаемая всѣми, кто съ нею знакомился. Выслушавъ все, она встала, подошла къ образу и произнесла: «Да будетъ воля Твоя!» Потомъ она оборотилась къ губернатору и отвѣтила ему:—Поступите такъ, какъ велятъ законъ и ваша совѣсть!

Сперанскій опредѣлилъ для Леонтія Николаевича ссылку. Это было въ 1818 году.

Аграфена Ивановна, по мужу Полежаева, умерла еще ранѣе, вскорѣ послѣ того, какъ началось вольновское дѣло. Дѣти, Александръ и Олимпіада, остались сиротами.

Въ ссылкѣ Леонтій Николаевичъ пробылъ около 5 лѣтъ. Въ 1826 г. слуги, сопровождавшіе его въ Сибирь, вернулись на родину. Съ житьемъ-бытьемъ горемычнаго изгнанника всего лучше познакомитъ насъ слѣдующее, сохранившееся письмо его къ матери, которое производитъ сильное впечатлѣніе.

«Милостивая государыня, матушка,
Александра Петровна.

«Отъ 27-го августа имѣлъ я счастье и удовольствіе получить отъ васъ письмо. Радуюсь, что вы, слава Богу, находитесь въ добромъ здоровьи, о чемъ прошу и молю Бога навсегда. Весьма сожалѣю, что Надежда Николаевна занемогла; желаю ей лучшаго здоровья. Благодарю васъ покорнѣйше, матушка, за присылку мнѣ ста рублей, которые получилъ чрезъ Николая Дмитрича. А истинно я крайне нуждаюсь въ деньгахъ, хотя теперь и есть еще моихъ денегъ на городничемъ четыре ста рублей, ибо уже въ полученіи всѣхъ денегъ, посланныхъ чрезъ внутреннюю стражу, т. е. прежніе 2.000 р. отъ Александра Николаевича, генеральную росписку я далъ. Дѣйствительно, матушка, 500 р. было мною заплачено долгу и еще больше. Но послѣ я опять для окапированія себя и на разныя потребности задолжалъ 300 р., и на 300 р. у меня и теперь кой-чего заложено, а здѣсь — на милость, ежели на 100 р. проценту 3 р. въ мѣсяцъ, а то 5 и 6 р. За квартиру я плачу 10 р. въ мѣсяцъ безъ дровъ, пудъ муки аржаной здѣсь 1 р. 75 к., и

---

[1]) Кн. П. А. Вяземскій отмѣчаетъ тамъ же, что сынъ Струйскаго „сосланъ въ Сибирь за жестокосердіе“.

вообще все дорого. Лѣкарю и на лѣкарства мною употреблено до 600 р. Но, слава Богу, избавленъ я былъ съ самой зимы припадковъ сумасшествія. Ахъ, матушка, все описывать невозможно! А деньги при малѣйшей неосторожности идутъ, какъ вода. А вдругъ обрѣзать и ограничить себя во всемъ, ей-ей, очень трудно.

«Александръ Степановичъ Осиповъ, здѣшній губернаторъ, былъ прежде главнымъ письмоводителемъ въ Петербургѣ у Пестеля, лѣтъ съ пять. Насъ восемь человѣкъ, въ томъ числѣ и я, на этихъ дняхъ были представлены на лицо къ его превосходительству, и онъ былъ очень снисходителенъ, хотя и многимъ изъ насъ предлагалъ оставить Тобольскъ и ѣхать въ Томскъ, представляя, что-де тамъ лучше и дешевле житье; но какъ всѣ усиливались остаться здѣсь, хотя здѣсь и подороже житье, въ томъ числѣ и бывшій владимірскій городничій Павелъ Александровичъ Рукинъ [1]), то авось останутся здѣсь всѣ. Меня же онъ ничѣмъ не тревожитъ, а только спрашивалъ: кто я, откудова, и какой націи? Ибо онъ очень удивился, когда я ему отвѣчалъ, что русской. Потому что онъ предполагалъ, что слово «Струйской»—слово польское. Но когда я ему представилъ, что мы издревле пишемся въ дворянскихъ грамотахъ русскими, то онъ на то былъ согласенъ. Впрочемъ, милостивая государыня, матушка, я въ полной мѣрѣ чувствую всѣ бывшія ваши ко мнѣ милости и благодѣянія, старанія, хлопоты, ужасные убытки, издержки по поводу моего несчастія. Но слезы ваши, огорченія будутъ мнѣ вѣчно источникомъ мукъ сердечныхъ.

«Я падаю къ стопамъ вашего родительскаго благословенія, цѣлую дражайшія ваши ручки и при желаніи вамъ всѣхъ благъ и добраго здоровья пребыть честь имѣю навсегда преданный вашъ сынъ и слуга Леонтій Струйской.

«Отъ 17-го сентября 1821 года. Тобольскъ. Любезнѣйшимъ братцамъ и сестрицамъ приношу мое усердное почитаніе и цѣлую милыя ручки Елизаветы Ивановны и Авдотьи Николаевны; цѣлую милыхъ друзей Петрушеньку и Макушеньку [2]).

---

[1]) П. А. Рукинъ, какъ показываетъ его фамилія, былъ побочнымъ сыномъ одного изъ князей Долгорукихъ. Бывшій владимірскимъ губернаторомъ поэтъ И. М. Долгорукій по просьбѣ родныхъ пристроилъ его у себя и смотрѣлъ на его дѣйствія сквозь пальцы. Рукинъ избилъ попа и небрежно построилъ рекрутскіе мундиры. По суду его лишили чиновъ и дворянства и сослали, а губернатора-поэта уволили со службы съ выговоромъ въ Сенатѣ.

[2]) Упоминаемыя въ письмѣ лица суть: Надежда Николаевна Свищева, родная сестра пишущаго, Авдотья Николаевна, рожденная Чирикова,—жена брата Александра Николаевича; Елизавета Ивановна, рожденная Родіонова,—супруга брата, Петра Николаевича. Петрушенька и Макушенька—племянники. Наконецъ, Сенька, это—будущій Семенъ Аккуратный, убійца Александра Николаевича.

«Люди, находящіеся здѣсь при мнѣ, здоровы и служатъ хорошо; Сенька готовитъ щи, супъ, котлеты, пирожки хорошо».

Изъ этого письма видно, что и въ Сибири Леонтій Николаевичъ остался вѣренъ себѣ; онъ не могъ сразу ограничить себя, проживалъ большія суммы, дѣлалъ долги, даже закладывалъ вещи; надо полагать, кутежи продолжались, хотя на-ряду съ тѣмъ приходилось лѣчиться отъ сумасшествія.

Въ моментъ катастрофы съ отцомъ, Саша Полежаевъ былъ въ Москвѣ въ модномъ тогда пансіонѣ француза Визара, гдѣ готовился къ поступленію въ университетъ. Въ Москву Сашу увезли на одиннадцатомъ году, т. е. въ 1816 г. (строфа VI первой части):

Вотъ Сашѣ десять лѣтъ пробило....
Бичъ хлопнулъ. Тройка быстрыхъ коней
Въ Москву и день, и ночь летитъ,
И у француза въ пансіонѣ
Шалунъ за книгою сидитъ.

Заботу о дальнѣйшемъ воспитаніи маленькаго Саши принялъ на себя дядя Александръ Николаевичъ. Капиталъ и средства, предназначенныя на воспитаніе дѣтей Леонтія Николаевича, были въ рукахъ бабушки, Александры Петровны. Сестра поэта, Олимпіада Ивановна Полежаева, была ввѣрена попеченію тетки Екатерины Николаевны Коптевой, которая воспитала ее и впослѣдствіи выдала замужъ за чиновника, служившаго въ канцеляріи симбирскаго губернатора, при чемъ въ приданое былъ дѣвушкѣ купленъ домъ. Фамиліи этого чиновника дочь Е. Н. Коптевой, Александра Кировна Бычкова, сообщившая эти свѣдѣнія, не помнитъ.

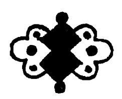
Вопреки господствующему у біографовъ мнѣнію, Полежаевъ и послѣ своего несчастія—отдачи въ военную службу, не прерывалъ сношеній съ родными, особенно съ бабушкою. Послѣ коронаціоннаго манифеста въ 1827 г. положеніе солдата-поэта, повидимому, нѣсколько улучшилось, и онъ получилъ разрѣшеніе съѣздить на родину въ побывку. Находясь въ этомъ кратковременномъ отпуску, Полежаевъ заѣзжалъ и къ бабушкѣ въ Рузаевку, читалъ ей свои стихи и между прочимъ оставилъ ей рукопись «четырехъ націй» подъ заглавіемъ «Четыре народа» съ подписью: «А. Полежаевъ, 1827 года. С. Рузаевка». Къ сожалѣнію, рукопись впослѣдствіи при одномъ пожарѣ сгорѣла. За годъ или за два передъ пріѣздомъ поэта Полежаева въ Рузаевку возвратились изъ Сибири слуги Леонтія Николаевича, похоронившіе своего барина:— поваръ Семенъ Аккуратный и камердинеръ Василій Бутузъ. Отъ нихъ поэтъ узналъ многое о своемъ отцѣ, о его страданіяхъ, тяжкихъ предсмертныхъ минутахъ бѣднаго изгнанника, одиноко помиравшаго на чужой сторонѣ, объ его тоскѣ при воспоминаніи о милыхъ и далекихъ дѣтяхъ,

обездоленныхъ судьбою. У безпечнаго поэта открылись глаза. Онъ понялъ отца и, подавленный собственною бѣдою, восчувствовалъ глубочайшее состраданіе къ своему неудачнику-отцу. Прежній небрежно-развязный тонъ смѣнился благоговѣніемъ, стыдомъ, раскаяніемъ предъ его тѣнью. И вотъ какой ужасный стонъ вырвался изъ груди поэта, въ слѣдующемъ 1828 г. попавшаго въ бѣду, еще горшую, когда ему угрожало прогнаніе шпицрутенами сквозь строй (стих. «Арестантъ»):

А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокой образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О Струйской, можешь ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго простить?
Неблагодарный изъ людей,
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,
Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю......
Еще моимъ отцомъ
Хочу назвать тебя... зову
И на покорную главу
За преступленія мои
Прошу прощенія любви....
Прости меня: моя вина
Ужасной местью отмщена.....

Своихъ отношеній съ бабушкою поэтъ не прерывалъ и послѣ. Михаилъ Петровичъ Струйской помнитъ письма поэта къ бабушкѣ, преисполненныя сердечной признательности за оказываемую ею поддержку ему. Съ Кавказа поэтъ прислалъ бабушкѣ какую-то печатную книгу (по всей вѣроятности, то было первое изданіе его стихотвореній 1832 г. или вышедшая въ томъ же году книжка: «Эрпели» и «Чиръ-Юртъ»). Эта присылка доставила бабушкѣ истинное удовольствіе, какъ свидѣтельство таланта ея ссыльнаго внука. Въ 1838 г. скончался поэтъ А. И. Полежаевъ, а въ 1840 г. отошла въ вѣчность въ преклонномъ возрастѣ 86 лѣтъ и сама бабушка, Александра Петровна Струйская. Жестокій рокъ судилъ ей пережить троихъ сыновей и многихъ внуковъ. До самой смерти она не забывала двухъ злосчастныхъ изгнанниковъ— сына Леонтія и внука, поэта Александра Полежаева.

Проф. **Евгеній Бобровъ.**



Дополнительныя замѣтки и матеріалы
къ „Жизни графа Сперанскаго" [1].

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Во время обученія во Владимірской семинаріи Сперанскій жилъ въ домѣ своей двоюродной сестры Татьяны Матвѣевны Смирновой. Между знакомыми ея была помѣщица Владимірской губерніи Хрулева. Въ пріѣзды послѣдней въ губернскій городъ, молодой семинаристъ нерѣдко къ ней хаживалъ. Хрулева принимала его ласково и, въ старости, любила припоминать, какъ онъ, въ то время, за ея привѣтливость, охотно платилъ маленькими услугами. Такъ — разсказывала она, — если случалось, что въ чайную пору люди усланы или заняты чѣмъ другимъ, велишь ему поставить самоваръ и прибрать къ столу, и онъ тотчасъ все сдѣлаетъ. Это передавалъ барону М. А. Корфу, со словъ Хрулевой и самого Сперанскаго, В. Н. Жадовскій (бывшій членомъ совѣта при главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ). Въ двадцатыхъ годахъ Жадовскій—въ то время совѣтникъ Владимірскаго губернскаго правленія — пріѣхалъ по какой-то своей надобности въ Петербургъ съ рекомендательнымъ отъ этой Хрулевой письмомъ къ Сперанскому, который, въ разговорѣ, тотчасъ самъ сталъ разсказывать о прежнихъ своихъ къ ней отношеніяхъ.

---

[1]) Помѣщаемые здѣсь замѣтки и матеріалы, относящіеся къ разнымъ эпохамъ жизни и дѣятельности Сперанскаго, носятъ отрывочный характеръ, однако и въ нихъ найдутся любопытныя мелкія черты и новыя данныя для біографіи Сперанскаго.

Пріѣзжая, на вакаціонное время, на родину, Сперанскій гостилъ тамъ иногда у старшей своей сестры Марьи († 1840 г.), въ то время бывшей замужемъ за дьячкомъ села Абакумова (Покровской округи), Ильею Петровымъ. Прохаживаясь въ этомъ селѣ, по берегамъ рѣчки Липенки, нашъ семинаристъ нашивалъ оттуда съ собою домой песокъ, говоря, что въ немъ есть золотая и серебреная руда. Любознательность Сперанскаго проявлялась, такимъ образомъ, и въ самые ранніе годы его жизни.

Въ то время, какъ Сперанскій былъ префектомъ и учителемъ въ Александро-невской семинаріи, онъ преподавалъ также «познаніе Закона Божія» въ существовавшей при Измайловскомъ полку инженерной школѣ, за что̀ получалъ по 150 рублей въ годъ, какъ это видно изъ хранящейся въ архивѣ этого полка табели окладовъ разнымъ полковымъ чинамъ 1796 года.

«Въ первыхъ двухъ главахъ «Жизни графа Сперанскаго»—читаемъ въ одной изъ дополнительныхъ къ ней замѣтокъ барона Корфа — собрано все, что удалось узнать о дѣтствѣ, первой молодости и ученическихъ годахъ Сперанскаго. Но есть еще одинъ голосъ, о которомъ мы тамъ умолчали, не потому, что онъ голосъ порицанія, а потому, что онъ исходитъ отъ человѣка, который узналъ Сперанскаго впервые уже только въ 1802-мъ году, на другомъ совсѣмъ поприщѣ, слѣдственно основанъ не на собственномъ наблюденіи или сознаніи, а на однихъ лишь стороннихъ слухахъ, можетъ быть даже просто на одномъ собственномъ вымыслѣ, которымъ авторъ старался прикрасить и облагородить свою ненависть къ описываемому имъ лицу. Замѣтка эта находится въ Запискахъ одного изъ самыхъ злобныхъ враговъ Сперанскаго,— Филиппа Филипповича Вигеля. Для людей, преданныхъ памяти Сперанскаго и знавшихъ, впослѣдствіи, высокую, хотя и своеобразную его религіозность, слова Вигеля покажутся, вѣрно, прямою хулою, и они, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ пропитаны желчью, чтобы имѣть характеръ безпристрастія.

«Вотъ что̀ пишетъ Вигель: «Сперанскій быстро возникъ изъ ничтожества: сынъ сельскаго священника, возросшій подъ сѣнію алтарей, онъ воспитывался сперва въ Владимірской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской духовной академіи. Духъ гордыни рано имъ овладѣлъ; какъ падшіе ангелы, тайно возставалъ онъ противъ самого Бога и въ первой молодости уже отвергалъ Его. А между тѣмъ невѣрующій сей дѣлалъ удивительные успѣхи въ богословскихъ наукахъ и врагъ Церкви приготовлялся быть ея служителемъ. Въ лѣта непорочности и чистосердечія пріучалъ онъ, такимъ образомъ, лживыя уста свои выра-

жать то, чего онъ не думалъ. Можетъ быть, оставаясь въ духовномъ званіи, келейная жизнь дала бы другое направленіе его мыслямъ, и демонъ, вынужденный хвалить Господа, убѣдился бы, наконецъ, въ истинахъ, кои обязанъ былъ ежедневно возвѣщать; но случайно онъ былъ перенесенъ на сцену мірской жизни...» [1]).

«Гдѣ—замѣчаетъ Корфъ, — скажемъ мы съ нашей стороны, источникъ этихъ голословныхъ показаній? Кѣмъ они были переданы Вигелю? Кто порукою въ ихъ истинѣ? Вотъ вопросы, которые, вѣроятно, очень затруднили бы автора и въ которыхъ онъ, можетъ быть, кается теперь передъ другимъ судомъ. Конечно, гораздо позже, но все на той же «сценѣ мірской жизни», мы близко знали Сперанскаго въ душевныхъ его вѣрованіяхъ. О жизни человѣка должно судить по ея совокупности. Кто въ молодости не подпадалъ религіознымъ колебаніямъ и искушеніямъ!»

Сперанскій, въ бытность учителемъ Александроневской семинаріи, соединялъ, какъ извѣстно, съ занятіями служебными еще и одно частное, состоя домашнимъ секретаремъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Какимъ образомъ выборъ Куракина палъ на Сперанскаго, о томъ сохранилось много разнорѣчивыхъ преданій. О нихъ имѣется слѣдующая замѣтка въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»:

«I. Магницкій въ «Думѣ при гробѣ графа Сперанскаго» разсказываетъ, что извѣстность его въ академіи (т. е. семинаріи) перешла и въ городъ; что поэтому князь А. Б. Куракинъ захотѣлъ имѣть его учителемъ сына и частнымъ секретаремъ, и что Сперанскій принужденъ былъ принять эту должность и отправлять ее до восшествія на престолъ Павла.

«II. И. И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ пишетъ слѣдующее: «Окончивъ курсъ наукъ въ Александроневской духовной академіи, онъ (т. е. Сперанскій) вышелъ въ свѣтское состояніе и на первомъ шагу принятъ былъ въ домъ князя А. Б. Куракина для обученія дѣтей его русской грамматикѣ и словесности» [2]).

«III. П. А. Словцовъ, въ письмѣ, написанномъ къ Е. М. Фроловой-Багрѣевой, по ея желанію, о молодости Сперанскаго, умалчивая совсѣмъ о частной его службѣ, можетъ быть потому, что, въ своихъ понятіяхъ, считалъ это обстоятельство слишкомъ унизительнымъ для отца, чтобы коснуться его въ письмѣ къ дочери, говоритъ только, что Сперанскій вступилъ въ гражданскую службу въ концѣ 1796 года. Но и

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, часть II (Москва. 1892), стр. 7—8.

[2]) „Взглядъ на мою жизнь“ (Москва. 1866), стр. 196.

*

это не точно, потому что Сперанскій былъ опредѣленъ на службу 2-го января 1797 года.

«IV. Догадка «Москвитянина» (1845 г., № 10, стр. 156) о томъ, что Сперанскій былъ приглашенъ Куракинымъ на службу «едва-ли не по указанію Словцова», ничѣмъ не подтверждается.

V. По словамъ двоюроднаго брата Сперанскаго, Ксенофонта Дилекторскаго (см. о немъ въ «Жизни графа Сперанскаго», т. I, стр. 31), служившій у Куракина въ третьей экспедиціи для свидѣтельства государственныхъ счетовъ Михайло Петровичъ Ивановскій хаживалъ въ Невскую семинарію къ брату своему, учившемуся тамъ у Сперанскаго, и познакомилъ послѣдняго съ секретаремъ князя Котельниковымъ, а черезъ него, потомъ, и съ княземъ. Впрочемъ и Дилекторскому самъ Сперанскій разсказывалъ, что Куракину очень понравились «написанныя имъ въ скорости и дошедшія до него, Куракина, бумаги».

«VI. Братъ Василія Александровича Казаринова, игравшаго значительную роль при князѣ Куракинѣ, отставной статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Казариновъ, въ составленной имъ для барона М. А. Корфа (въ 1847 году) запискѣ писалъ, что князь выбралъ къ своему сыну учителя изъ духовнаго званія нарочно въ угожденіе императору Павлу, чтобъ показать, что молодой человѣкъ будетъ воспитанъ въ чистомъ христіанскомъ ученіи, безъ примѣси ненавистнаго государю естественнаго права. Фактъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы извѣстному характеру Куракина, но онъ опровергается тѣмъ, во-первыхъ, что Сперанскій поступилъ въ его домъ задолго до воцаренія Павла, и во-вторыхъ, что нисколько еще не доказано, чтобы Сперанскій поступилъ въ этотъ домъ учителемъ.

«VII. Вигель въ своихъ Запискахъ, разсказывая о вступленіи Сперанскаго въ домъ Куракина такъ же, какъ описываетъ это сынъ послѣдняго (см. «Жизнь графа Сперанскаго», т. I, стр. 38), говоритъ только, что митрополитъ Гавріилъ прислалъ двухъ студентовъ, изъ которыхъ былъ предпочтенъ княземъ Сперанскій, и затѣмъ прибавляетъ: «Оба братья Куракины любили показывать пышность. За двумя студентами была послана цугомъ великолѣпная четвероместная карета съ гербами и ливрейными лакеями: неопытный въ дѣлахъ свѣта, Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятки, и рѣшился сѣсть въ карету, послѣдуя только примѣру своего товарища, болѣе смѣлаго» [1]). Этотъ анекдотъ былъ бы очень милъ, но онъ слишкомъ нелѣпъ, чтобы дать ему вѣру.

«VIII. Бывшій нѣкогда директоромъ Педагогическаго института, а потомъ Царскосельскаго лицея, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, съ своей

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, часть II (Москва. 1892), стр. 8, примѣчаніе.

стороны, такъ разсказывалъ эту исторію: «Въ первые годы царствованія Павла, когда князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, брата его Александра возвели въ званіе вице-канцлера. При послѣднемъ состоялъ на службѣ и былъ домашнимъ человѣкомъ упомянутый Энгельгардтъ, который гдѣ-то случайно познакомился съ молодымъ учителемъ Александроневской семинаріи, чрезвычайно ему понравившимся. Въ сравненіи съ нимъ тогда вельможа, Энгельгардтъ звалъ его приходить, въ досужіе часы, къ себѣ, и Сперанскій довольно часто пользовался этимъ приглашеніемъ, выбирая для своихъ посѣщеній обыкновенно время утренняго чая, какъ болѣе обоимъ свободное. Однажды князь Алексѣй, при Энгельгардтѣ, жаловался своему брату на недостатокъ способныхъ людей въ генералъ-прокурорской канцеляріи и на крайнюю трудность такихъ находить. Энгельгардту тотчасъ пришелъ на умъ его молодой знакомецъ, уже давно намекавшій ему о своемъ желаніи перейти въ гражданскую службу. «У меня—сказалъ онъ — есть на примѣтѣ одинъ очень даровитый церковникъ, изъ котораго, повидимому, могло бы выйти что-нибудь порядочное».—«Приведи же его ко мнѣ», отвѣчалъ князь. Но тутъ встрѣтилась та бѣда, что Энгельгардтъ, видя своего кліента только у себя, не зналъ, гдѣ онъ живетъ, слѣдственно, куда и послать за нимъ. Къ счастью, не далѣе, какъ на другое утро, Сперанскій явился, по обыкновенію, пить у него чай. Они вмѣстѣ отправились къ Куракину, и молодой поповичъ съ перваго взгляда такъ полюбился генералъ-прокурору, что тотчасъ былъ имъ опредѣленъ на службу въ его канцелярію.

«Все это—замѣчаетъ Корфъ—мы слышали отъ самого Энгельгардта, при томъ, въ промежутокъ какого-нибудь года, дважды, почти одними и тѣми же словами. И вѣроятно, что, разсказывая свой анекдотъ почасту множеству лицъ, онъ самъ, наконецъ, убѣдился, что дѣло, дѣйствительно, такъ и происходило. Между тѣмъ, все это едва-ли не чистый вымыселъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что, при близкой извѣстности Сперанскаго Куракину и нахожденіи даже у него въ частной службѣ задолго до оставленія семинаріи и до вступленія на престолъ Павла, Энгельгардтъ не могъ, конечно, рекомендовать его, какъ человѣка **новаго**. Энгельгардтъ былъ, вообще, очень хвастливой натуры, и мы часто имѣли случай испытать, что его разсказамъ о Сперанскомъ не много можно было давать вѣры».

«Вообще разсказъ Иванова, какъ онъ помѣщенъ въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. I, стр. 37—38), кажется достовѣрнѣе всѣхъ другихъ»

На государственную службу, въ канцелярію генералъ-прокурора, Сперанскій поступилъ 2-го января 1797 года, и въ томъ же году ѣздилъ, при князѣ Куракинѣ, въ Москву на коронацію императора

Павла. Въ свитѣ генералъ-прокурора находился другой еще чиновникъ, весьма близкій къ Куракину (говорили, женатый на побочной его дочери) и игравшій при немъ очень значительную роль, Василій Александровичъ Казариновъ. По словамъ брата этого Казаринова Алексѣя, служившаго, въ то время, въ Преображенскомъ полку, а потомъ перешедшаго также въ гражданскую службу, но, впрочемъ, весьма непріязненнаго къ памяти Сперанскаго, послѣдній жилъ у упомянутаго Василія Казаринова, получалъ отъ него содержаніе и часто бралъ деньги на свои надобности, а по возвращеніи въ Петербургъ имѣлъ столъ въ его домѣ (какъ же? живя еще у Куракина, или же по его выѣздѣ изъ Петербурга?) и нерѣдко, будто, получалъ нужныя ему деньги отъ Алексѣя и двухъ еще другихъ братьевъ ихъ, бывшихъ въ то время полковниками Преображенскаго полка.

Способности Сперанскаго начинали, уже и въ эту отдаленную эпоху, оглашаться и получать нѣкоторую репутацію даже внѣ стѣнъ той канцеляріи, въ которой онъ служилъ,—разумѣется, болѣе чрезъ его сослуживцевъ. Членъ Государственнаго Совѣта Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, родной дядя братьевъ Казариновыхъ, разсказывалъ барону Корфу, что очень былъ радъ познакомиться у нихъ съ Сперанскимъ, надворнымъ совѣтникомъ, потому что «уже до того много слышалъ объ его необыкновенномъ умѣ и дарованіяхъ».

3-го ноября 1798 г. Сперанскій вступилъ въ бракъ съ шестнадцатилѣтнею англичанкою Елизаветою Стивенсъ, съ которою онъ познакомился въ домѣ извѣстнаго протоіерея А. А. Самборскаго. Отъ нѣжной невѣсты и еще болѣе нѣжной жены осталось довольно много писемъ къ жениху и мужу, всѣ на французскомъ языкѣ. Приведемъ, для образца, выдержку изъ письма, относящагося къ сентябрю 1798 г., по точной копіи, находящейся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»:

Le 8. (мѣсяцъ не означенъ, но, по всему вѣроятію, сентябрь 1798 г.).

Mais, mon cher, vous devez avoir la rage de Gatchina à ce qu'il me semble; pour moi, ne l'ayant pas du tout, je trouve très mauvais que M-r le général-procureur vous enlève ainsi. M-r Zaire [1]) est, comme vous dites, vraiment le porteur de fâcheuses nouvelles; je lui ai demandé, si vous aviez laissé ici Camille [2]), de me l'envoyer, et il

---

[1]) Такъ невѣста Сперанскаго называла его пріятеля Франца Ивановича Цейера, котораго потомъ перекрестила въ Zairus, и наконецъ просто въ Us.

[2]) Безъ сомнѣнія, бывшій тогда очень въ модѣ романъ: „Camille ou le souterrain". Слѣдственно Сперанскій читалъ тогда и романы, вѣроятно, для большаго навыка къ французскому языку.

est revenu lui-même me dire que vous l'avez emporté; alors sentant le même besoin de livres j'ai demandé s'il n'en avait pas d'autres, et il m'en a envoyé [1])...»

Конецъ письма писанъ по-русски, но съ большими ошибками:

«Ты [2]) мнѣ по-руски писалъ; надо, чтобъ я порускія отвѣчал; благодарю тебѣ за всѣ твои желаніи. Что я себѣ желала, ето было сдѣлать тебѣ столька же щастливомъ, какъ я съ тобой буду, и быть въ етомъ уверенъ, что я всему биду стараться. Ты повѣрить не можешъ, сколько мнѣ скушно без тебя и сколько я желаю быть опять съ тобой; ты обещалася быть суда зафтра; тепере 6 часовъ, отъ 6-ти часовъ до зав(т)ра въ 4, можетъ въ 5, остоянется 23 часа; ахъ, какъ много врѣмя надо, чтобъ я провадила безъ тебя, другъ мой сердечной и любезной. Пріѣжай, ахъ пріѣжай поскорѣе къ намъ, съ какимъ удовольствіе я съ тобой увижусъ. Ежели ето писмо какъ не будъ къ тебя попадетъ, въ чемъ я оченъ сумниваусъ, то прошу тебѣ, другъ мой душевной, его читать съ indulgence, не знаю слова по-русскіи, и, почетавши, прошу покидать его оченъ. Такъ какъ у мня врѣмя лишной тепере, и какъ я съ тобою говорю нагожу столько приатьнести, я не могу отьстать отъ писма. Прощай, другъ мой сердечной, милой и любезной, люби всѣда такъ, какъ ты тепере любишъ. Твоя верная Лизанка».

«Бумаги, до Сперанскаго относящіяся, или ему самому принадлежавшія, — читаемъ въ одной изъ замѣтокъ барона Корфа — раскиданы по многимъ рукамъ, и какъ часто случалось находить ихъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать. Такъ въ іюлѣ 1862 г. петербургскій негоціантъ Матвѣй Андерсонъ доставилъ намъ «встрѣтившееся ему—какъ онъ пишетъ—между старинными его бумагами» подлинное свидѣтельство о дозволеніи Сперанскому, со стороны его начальства, вступить въ бракъ «съ англичанкою Елизою Стивенсъ». Оно подписано генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ (не бывшимъ еще тогда княземъ), написано рукою самого Сперанскаго и выдано 3-го ноября 1798 г., т. е. въ самый день вступленія его въ супружество».

---

[1]) Переводъ: У васъ, мой дорогой, должна быть, какъ мнѣ кажется, страсть къ Гатчинѣ; я же вполнѣ могу обходиться безъ нея, и потому считаю, что генералъ-прокуроръ поступаетъ очень дурно, что такимъ образомъ отнимаетъ васъ у меня. Zaire (Цейеръ), какъ вы утверждаете, дѣйствительно является съ непріятными вѣстями; я его просила прислать мнѣ „Камилла", если вы его здѣсь оставили; Цейеръ явился самъ, чтобы сообщить мнѣ, что вы увезли эту книгу; тогда, все же имѣя потребность въ чтеніи, я спросила, нѣтъ ли у него какихъ-либо другихъ книгъ, и онъ ихъ мнѣ прислалъ.

[2]) Единственный отрывокъ во всей коллекціи на русскомъ языкѣ; строки эти списаны съ дипломатической точностью. Пока женихъ бралъ у любви уроки англійскаго языка, невѣста училась у нея по-русски.

Молодая чета наслаждалась полнымъ счастіемъ. 13-го іюня 1799 года Сперанскій писалъ архимандриту (впослѣдствіи епископу костромскому) Евгенію[1]: «Я живу, какъ и прежде жилъ, въ хлопотахъ и безпрерывиомъ почти движеніи изъ Павловска въ Петербургъ. Впрочемъ перемѣна домашней моей жизни женитьбою дала мнѣ почувствовать, что безпокойства, обыкновенныя и со всѣми почти состояніями соединенныя, не значатъ ничего, когда растворяются они пріятными минутами, покоемъ, изрѣдка, но съ сладостію вкушаемымъ, увѣренностію и домашнимъ счастіемъ».

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» сохранилось, въ копіяхъ, нѣсколько писемъ его къ разнымъ лицамъ, относящихся къ девяностымъ годамъ XVIII вѣка. Не имѣя интереса для матеріальной части его біографіи, они заключаютъ въ себѣ, однако, нѣкоторыя черты для его характеристики и любопытны, сверхъ того, какъ образчикъ письменнаго его слога въ то время.

Первое изъ этихъ писемъ писано изъ Петербурга, 10-го сентября 1791 года, къ Дмитрію Романовичу Тихомирову, о которомъ извѣстно только, что онъ былъ соученикомъ Сперанскаго во Владимірской семинаріи:

Милостивый государь мой, любезный другъ!

Я очень помню вашу дружбу, чтобъ не написать теперь по крайней мѣрѣ строчекъ двухъ. Въ нихъ я хочу изъявить мое къ вамъ усердіе и уплатить тѣмъ нѣсколько того долга, каковой на меня ваше обязательное знакомство наложило. Не знаю, милостивый государь, не лишился ли я надежды когда-нибудь съ вами видѣться; какъ бы то ни было, но повѣрьте, что я былъ и навсегда пребуду вашимъ наилучшимъ слугою Михаилъ Сперанскій.

Слѣдующія два письма писаны Сперанскимъ къ его другу и бывшему соученику, Михаилу Степановичу Сахарову, въ 1797 году постригшемуся въ монашество, съ именемъ Августина, и впослѣдствіи бывшему епископомъ оренбургскимъ. Первое писано къ нему, когда онъ находился еще въ свѣтскомъ званіи, а второе, очевидно, при постриженіи его въ монашество.

---

[1]) У котораго, въ бытность его ректоромъ Владимірской семинаріи, Сперанскій былъ келейникомъ. Нѣсколько писемъ Сперанскаго къ этому лицу напечатано А. Ѳ. Бычковымъ въ сборникѣ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“ (Спб. 1872). Письма отъ 13-го іюня 1799 г. (изъ котораго въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“ имѣется лишь приведенная выписка) нѣтъ между напечатанными.

1.

Хотя философія моя довольно крѣпка во всѣхъ происшествіяхъ міра и Гораціево nihil admirari всегда было моею надписью: признаюсь однакожъ, при видѣ всѣхъ богатствъ, отъ тебя, мой другъ, мнѣ представленныхъ, я не зналъ, что думать. Это бездѣлка, если вамъ угодно, на вѣсахъ дружбы, но, по чести, это имѣетъ свой вѣсъ и ничуть не бездѣлка въ общемъ вещей понятіи: и какъ я, во многихъ случаяхъ, отъ сего понятія завишу, то и покусился было сомнѣваться, почему необходимо было вамъ сдѣлать мнѣ сей нечаянный подарокъ. Но размысливъ о правилахъ твоихъ и прочитавъ еще разъ твое письмо, я стыдился самого себя и положилъ даже и не благодарить тебя. Оставляю сердцу твоему чувствовать, что въ моемъ въ ту минуту происходило. Признаюсь, однакоже, что тяжко быть даже и друзьямъ своимъ одолженнымъ, и если хочешь облегчить меня, найди способъ искусить мою къ тебѣ привязанность и душевное почтеніе. Нѣтъ опыта, который бы я не вынесъ, чтобъ не остаться въ долгу передъ тобою. Сердечно тебя обнимаю.

(Адресъ: Милостивому государю моему Михайлѣ Степановичу Сахарову).

2.

Прощальную грамоту твою, другъ мой сердечный, съ суетами свѣта, я получилъ. Дай Богъ, чтобъ въ новомъ полѣ, открытомъ для способностей и силъ твоихъ душевныхъ, шелъ ты столь же непреткновенно, какъ ходилъ доселѣ въ дебряхъ суетъ и глупостей мірскихъ. Въ шумѣ, меня окружающемъ, не могу я предаться чувствамъ души моей, отъ письма твоего рожденнымъ, и не хочу возмущать покоя твоего, въ самомъ началѣ его, нескладнымъ вздоромъ поздравленій. Прошу васъ вѣрить, что тебя въ сюртукѣ, тебя въ рясѣ, тебя въ чемъ бы ты ни былъ, всегда равно любитъ твой Сперанскій.

21-го декабря.
(Адресъ: Augustino, mihi amicissimo).

Къ кому изъ друзей Сперанскаго писаны три слѣдующія за симъ письма, неизвѣстно:

1.

Письмо, мой другъ сердечный, написано очень хорошо: подать его нѣтъ ничего проще, кто знаетъ домъ князя Алексѣя Борисовича [1]).

---

[1]) Куракина.

Надобно только спросить у швейцара, когда принимаютъ. Не могу я, однакожъ, удостовѣрить васъ въ успѣхѣ просимаго мѣста: ибо на мѣста сіи опредѣляются люди, коихъ судьба непосредственно генералъ-прокурору извѣстна. Какъ бы то ни было, просьба чрезъ два дни будетъ въ моихъ рукахъ: и тогда я вамъ скажу, что̀ дружба моя могла для васъ сдѣлать. Удивляюсь, что вы приняли трудъ присылать нарочнаго: сюда почта ходитъ каждый день. Надобно только надписать: въ канцеляріи генералъ-прокурора, такому-то, въ Гатчинѣ. Но сіе разумѣется объ одной недѣлѣ: ибо послѣ я переѣду въ Петербургъ. Я боленъ, мой другъ, здѣсь и въ безконечныхъ хлопотахъ. Пожалѣй о человѣкѣ, котораго всѣ просятъ, которому всѣмъ хочется добра и рѣдкимъ сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ самымъ, что положеніе его многихъ обманываетъ—положеніе, а не сердце. Пожалѣй о человѣкѣ, которому столькіе завидуютъ. Тысяча сердечныхъ благодареній за брата. По крайней мѣрѣ въ друзьяхъ моихъ я никогда еще не обманывался. Вашъ вѣрный Сперанскій.

5 сентября.

Генералъ-прокуроръ пробудетъ въ Петербургѣ до среды. Велите пользоваться симъ временемъ, а тамъ —[1]).

2.

Полагая, что Соколовъ теперь въ Синодѣ, отлагаю писать къ нему до вечера. Впрочемъ, давъ слово мое вамъ и разъ навсегда поставивъ невозможнымъ въ чемъ-нибудь тебѣ отказать, я сдѣлаю все, что могу— а чего не могу, въ томъ будетъ вина Промысла, не давшаго мнѣ силъ соразмѣрныхъ и охотѣ моей служить, и желанію друзей моихъ.

3 декабря.

3.

Съ твоимъ письмомъ, мой другъ сердечный, встрѣтился я на гостиномъ дворѣ и пишу къ тебѣ изъ лавки русскаго разума и заблужденія [2]); не дивись, если найдешь въ словахъ моихъ то и другое.—Къ Соколову о твоихъ давно уже я писалъ и давно получилъ отвѣтъ, что префектъ будетъ имѣть чинъ, а канцеляристъ нѣтъ. Жаль, что не могу послать къ тебѣ самаго письма. Вчерась, однакоже, вручилъ я записку вашему оберъ-прокурору о томъ и о другомъ; онъ обѣщалъ, только съ вопросомъ: не поздно ли? Дѣло перейдетъ въ Сенатъ, и тогда менѣе

---

[1]) Черта стоитъ въ копіи.

[2]) Т. е. изъ книжной лавки.

сказать о успѣхахъ будетъ можно. Писаревскій твой опредѣленъ. Очень радъ, что наконецъ умѣли прицѣнить тебя, и, по чести, я всегда этого ожидалъ: ибо всегда зналъ, что здѣсь масса человѣколюбія и просвѣщенія несравненно превосходитъ всѣ другія мѣста.—Я со дня на день собираюсь быть у васъ. Благодаренъ тебѣ за примѣчаніе къ вручителю сего. Надобно, чтобъ мы во всѣхъ вкусахъ съ тобою встрѣчались. Стихи пришлю. Люби меня по-прежнему и будь увѣренъ въ моемъ къ тебѣ тепломъ сердцѣ.

Въ числѣ пріятелей Сперанскаго, за первые годы его службы, должно упомянуть трехъ братьевъ Скабовскихъ, причитавшихся ему даже какъ-то сродни. Изъ нихъ два: Михаилъ и Иванъ Аѳанасьевичи, учились въ Московскомъ университетѣ, и второй былъ преподавателемъ математики и физики, а третій, Петръ, кончивъ курсъ въ семинаріи, находился, вмѣстѣ съ старшимъ, на службѣ въ Петербургѣ. Сперанскій былъ очень огорченъ смертію перваго, котораго любилъ за умъ и доброту и нерѣдко посѣщалъ въ скромной его квартирѣ на Петербургской сторонѣ.

24-го декабря 1800 года Михайло Аѳанасьевичъ Скабовскій писалъ костромскому епископу Евгенію: «Михайло Михайловичъ давно уже статскимъ совѣтникомъ, и все еще вдовцомъ [1]). Впрочемъ съ другой стороны счастіе не оставляетъ ему благопріятствовать. Онъ, будучи въ канцеляріи генералъ-прокурора въ родѣ секретаря, сверхъ того и дѣйствительнымъ есть въ коммиссіи о снабженіи резиденціи здѣшней припасами правителемъ канцеляріи, такъ, какъ и въ орденскомъ капитулѣ секретаремъ Андреевскаго ордена [2]), и за всѣ сіи три должности получаетъ изъ всѣхъ трехъ мѣстъ слишкомъ пять тысячъ годоваго жалолованья. Къ сему еще недавно былъ, между прочими, участникомъ и государской милости, получивъ изрядное помѣстье, состоящее въ двухъ тысячахъ десятинъ по Саратовской губерніи [3])».

О самомъ Скабовскомъ видно, изъ этого же письма, только, что онъ въ то время получилъ «по рекомендаціи новаго своего начальника»

---

[1]) Жена Сперанскаго скончалась въ октябрѣ 1799 года, послѣ одиннадцатимѣсячнаго супружества.

[2]) Сперанскій былъ уже и статсъ-секретаремъ, и тайнымъ совѣтникомъ, и человѣкомъ близкимъ къ Александру, а все еще оставался секретаремъ Андреевскаго ордена,—вѣроятно для жалованья, которое производилось ему до самаго выбытія изъ этой должности. Уже только указомъ Капитулу 2-го октября 1809 года онъ былъ уволенъ отъ званія орденскаго секретаря, съ назначеніемъ на его мѣсто Магницкаго, въ то время статскаго совѣтника.

[3]) Слѣдственно, эту награду онъ получилъ не 31-го декабря 1800 года, какъ сказано въ „Жизни графа Сперанскаго“, а незадолго передъ тѣмъ.

чинъ губернскаго секретаря; что меньшой его братъ, Петръ «служитъ, по прежнему, въ одномъ съ нимъ мѣстѣ»[1]); что старшій, Иванъ, находится адъюнктъ-профессоромъ физики и математики въ С.-Петербургской медикохирургической академіи, и что они всѣ трое живутъ вмѣстѣ.

Однимъ изъ близкихъ людей къ Сперанскому былъ, какъ извѣстно, Петръ Григорьевичъ Масальскій: онъ велъ денежныя дѣла Сперанскаго, исполнялъ его порученія, былъ домашнимъ его казначеемъ. Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ «Жизни графа Сперанскаго» свѣдѣніямъ о Масальскомъ приведемъ слѣдующую замѣтку о немъ барона Корфа:

«Въ существѣ, Петръ Григорьевичъ Масальскій былъ, кажется, тонкій плутъ, который едва-ли не нарочно искалъ стяжать себѣ славу легкомысленнаго, вѣтреннаго и безпорядочнаго человѣка, чтобы подъ этими болѣе простительными слабостями укрывать преднамѣренныя свои шашни. Такова была, по крайней мѣрѣ, довольно общая его репутація, когда, оставивъ службу, онъ сдѣлался стряпчимъ, опекуномъ, управителемъ разныхъ частныхъ дѣлъ и вполнѣ аферистомъ. Въ подтвержденіе этой общей молвѣ мы имѣемъ и нѣсколько письменныхъ доказательствъ. Вотъ, для примѣра, письмо изъ позднѣйшей эпохи (22-го октября 1818 г.) управлявшаго передъ тѣмъ министерствомъ финансовъ, а послѣ оставившаго службу Ѳедора Александровича Голубцова. Совѣтуя Сперанскому быть осторожнымъ въ отношеніи къ Масальскому, онъ писалъ о послѣднемъ такъ: «Масальскій правилъ дѣлами графа Павла Андреевича Шувалова, и когда графъ принялъ отъ него дѣла, то оказалось на немъ начету до 200 тысячъ рублей; но графъ, по совѣту моему, бросилъ сіе дѣло и не ищетъ ничего. Масальскій правилъ дѣлами графини Дитрихштейнъ и дѣла сіи сдалъ Алексѣю Захаровичу Хитрово, который и нынѣ не можетъ добиться отъ него никакого счету, по неимѣнію не только онаго, но даже и нужныхъ свѣдѣній. Опекуны малолѣтнихъ дѣтей графа Петра Андреевича Шувалова ввѣрили управленіе имѣніемъ Масальскому: онъ худо отплатилъ г.г. опекунамъ, запутавъ всѣ дѣла до такой степени, что не въ состояніи дать отчету, но себя однакожъ не позабылъ, ибо во время управленія своего взялъ себѣ положенныя по учрежденію и по особому сенатскому указу 80 тысячъ рублей. Вотъ его дѣянія, и такъ судите о немъ, какъ хотите. Я не хочу ни подъ какимъ видомъ думать, чтобъ онъ захватилъ что-либо

---

[1]) Въ письмѣ Сперанскаго къ архимандриту Евгенію (Романову), отъ 23-го декабря 1798 года, имѣется слѣдующее извѣстіе объ одномъ изъ этихъ Скабовскихъ: „Г-нъ Скабовскій служитъ у генералъ-рекетмейстера. Изрядный секретарь, очень добрый и порядочный человѣкъ“ (см. изданный подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова сборникъ «Въ память графа М. М. Сперанскаго», Спб. 1872, стр. 346).

чужое, но полагаю болѣе, что онъ, взявъ много на себя дѣлъ, совершенно въ оныхъ запутался. Одно только всей публикѣ здѣсь бросается въ глаза, что онъ выстроилъ собственныхъ своихъ домовъ болѣе, нежели на полтора милліона рублей. Если вы имѣете съ нимъ какіе-либо разсчеты, ради Бога остерегитесь: ибо онъ человѣкъ крайне ненадежный».—Къ Сперанскому, однако, Масальскій привязался всею тою приверженностію, къ какой только могутъ быть способны подобныя натуры, и всегда, по крайней мѣрѣ по виду, былъ на стражѣ его интересовъ, чему разсѣяно много доказательствъ въ «Жизни графа Сперанскаго». Сперанскій, съ своей стороны, все болѣе и болѣе увеличивалъ свою взыскательность къ нему, вѣроятно, потому, что умѣлъ оцѣнить истинныя его качества и соотвѣтственно съ ними направлялъ и свой образъ дѣйствія. Но не позволено ли, послѣ этого, думать, что Масальскій, для безропотнаго перенесенія такой, совсѣмъ не свойственной Сперанскому, строптивой суровости, имѣлъ свои особенныя своекорыстныя причины? Обремененіе дѣлами государственными такъ мало оставляло Сперанскому времени на свои, что уполномоченный его имѣлъ тутъ самое широкое поле дѣйствія».

Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» за 1902 годъ нами были помѣщены (стр. 49—51) два письма Сперанскаго, 1817 и 1818 гг. къ находившемуся съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ извѣстному сельскому хозяину Дмитрію Марковичу Полторацкому. Знакомство съ нимъ Сперанскаго было давнее, какъ о томъ свидѣтельствуютъ два нижеслѣдующія его письма 1804 и 1805 годовъ:

1.

С.-Петербургъ, 20-го ноября 1804.

Милостивый государь мой Дмитрій Марковичъ.

Примите совершенную благодарность мою за всѣ знаки дружбы и воспоминанія, изображенные въ письмѣ ко мнѣ вашемъ. Я не могу вамъ дать бо̀льшаго доказательства, сколь много цѣню я ваше ко мнѣ расположеніе, какъ предложивъ вамъ всю возможность моихъ услугъ вездѣ, гдѣ употребить ихъ вы признаете нужнымъ и полезнымъ.

Не видя въ письмѣ вашемъ точныхъ вашихъ предположеній, не могу конечно (дать) вамъ и никакого положительнаго совѣта; но если виды ваши относятся къ распространенію земледѣльческихъ орудій, какъ то прежде вы мнѣ изъяснили: то мнѣ кажется, всего бы было лучше, снявъ съ нихъ рисунки, пріѣхать сюда и представить ихъ министру. Можетъ быть, представилась бы тогда ему возможность содѣйствовать вашему желанію.

Впрочемъ во всякомъ случаѣ я прошу васъ быть увѣреннымъ, что я ставлю себѣ особенною честію и лучшимъ удовольствіемъ содѣйствовать по крайней возможности тому энтузіасму, коему одни только непросвѣщенные и загрубѣвшіе въ предразсудкахъ эгоисты смѣяться могутъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Михайло Сперанскій.

2.

7-го сентября 1805.

Напрасно, любезный Дмитрій Марковичъ, пеняете вы мнѣ въ моемъ небреженіи. Нынѣшнее лѣто было для меня весьма неудачно; я былъ почти безпрерывно боленъ. Сіе при многодѣліи моемъ отвлекало меня отъ всякихъ личныхъ упражненій; но никакъ не уклоняло отъ памяти моей друзей моихъ.

По развѣданію моему о парусной фабрикѣ нашлось слѣдующее. Въ бывшей еще мануфактуръ-коллегіи заведено было дѣло о приведеніи въ извѣстность всѣхъ казенныхъ при фабрикахъ поссесій. Вашей фабрикѣ при основаніи ея дано было право покупать людей, а посему и она вошла въ счетъ фабрикъ, коихъ поссесіи не должны быть отъ нихъ отдѣлены. Послѣ многократной и продолжительной переписки, дѣло сіе поступило неоконченнымъ въ 1-ю экспедицію департамента внутреннихъ дѣлъ. Надлежало продолжать начатое; сдѣланы подтвержденія всѣмъ губернаторамъ доставить свѣдѣнія о поссесіяхъ; вопросъ губернатора рязанскаго, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе сего подтвержденія. Впрочемъ мѣра сія есть общая и относится до всѣхъ фабрикъ, а потому и должно предполагать, что дѣло долго еще не кончится: ибо и свѣдѣнія не скоро поступятъ. Между тѣмъ однакоже мой совѣтъ былъ бы по случаю сего вопроса предоставить отъ васъ при письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ записку о сей фабрикѣ, которая поступитъ къ дѣлу и при общемъ заключеніи принята будетъ въ уваженіе. Вотъ все, что я узналъ и могъ полезнаго для васъ придумать.

Возобновляя искреннее увѣреніе мое въ непреложной приверженности и совершенномъ почитаніи, честь имѣю быть вашъ вѣрный и покорнѣйшій слуга М. Сперанскій.

P. S. Лошадь сѣрую въ началѣ сего лѣта получилъ и покорнѣйше васъ благодарю; она трехлѣтокъ, и надѣюсь, что въ будущее лѣто буду на ней отличаться.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» сохранилась замѣтка, присланная барону Корфу въ февралѣ 1865 года,

изъ Тулы, извѣстнымъ библіографомъ и изслѣдователемъ исторіи русской литературы М. Н. Лонгиновымъ и сообщающая отрывокъ изъ остающихся доселѣ неизданными Записокъ извѣстнаго стихотворца князя И. М. Долгорукаго [1]; въ этомъ отрывкѣ приводится любопытный разговоръ, который имѣлъ Долгорукій съ Сперанскимъ за нѣсколько дней до его ссылки въ 1812 году, и разсказывается о впечатлѣніи, которое она произвела въ Петербургѣ. Вотъ эта замѣтка:

«Въ началѣ 1802 года Сенатъ представилъ императору Александру I, по требованію его, списокъ десяти кандидатовъ на губернаторскія мѣста, и первымъ поставленъ былъ извѣстный стихотворецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій (р. 1764 † 1823), служившій тогда, съ 1797 года, членомъ Главной соляной конторы въ Москвѣ. Высочайшимъ указомъ 8-го февраля 1802 года князь Долгорукій назначенъ былъ губернаторомъ во Владиміръ, гдѣ и пробылъ десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ испытывалъ разныя (большею частью незаслуженныя) непріятности по службѣ, особенно со времени назначенія князя Куракина министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Балашова—министромъ полиціи. Нѣкоторыя дѣла по управленію Владимірскою губерніею разсматривались въ Петербургѣ, откуда князь Долгорукій получилъ извѣстіе о томъ, что ему грозитъ отставка. Чтобы отклонить эту бѣду, онъ отправился въ Петербургъ, куда прибылъ 30-го января 1812 года. Въ мартѣ мѣсяцѣ Долгорукій окончательно убѣдился, что государь на него въ гнѣвѣ и что его хотятъ отставить безъ суда. Вотъ что пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ: «Сперанскій меня зналъ недавно, разумѣлъ меня хорошо, судя по наружности, но я слишкомъ справедливъ, чтобы требовать отъ него такихъ услугъ, отъ которыхъ и самые старинные благодѣтели удалились. Кто мнѣ давалъ право на ходатайство Сперанскаго? За что сталъ бы онъ хлопотать обо мнѣ и оскорблять государево предубѣжденіе? Довольно много дѣлалъ для меня этотъ человѣкъ и тѣмъ, что онъ, скупъ будучи на пріемы, допускалъ меня иногда въ свой кабинетъ, говаривалъ со мной глазъ на глазъ и оказывалъ мнѣ всегда самыя тонкія вѣжливости, похожія по чертамъ наружнымъ на искреннюю пріязнь. Однако я рѣшился написать письмо къ государю, просилъ въ немъ о помѣщеніи моемъ въ Сенатъ, думая, что злодѣямъ моимъ довольно будетъ барыша отнять у меня губернію, но что, будучи въ Сенатѣ ноль, какъ и всѣ другіе, я никому не сдѣлаюсь ни страшенъ, ни вреденъ. Написавши такое письмо, я испросилъ у Сперанскаго свиданія, былъ имъ принятъ, долго говорилъ съ нимъ, казалъ ему мою бумагу. Онъ съ видомъ чи-

---

[1]) См. о нихъ замѣтку М. Н. Лонгинова въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г., столбцы 365—367.

стѣйшей откровенности сказалъ мнѣ: «Не подавайте этого письма, оно послужитъ только къ вашей отставкѣ. Не давайте торжества вашимъ антагонистамъ; имъ хочется вашего мѣста, и они васъ пугаютъ, дабы вы сами отъ него отреклись. Я не вѣрю, чтобы васъ отставили своевластно, какъ они угрожаютъ. Такому неправосудію примѣровъ не было. Кто слыхалъ, чтобы безъ суда можно было вытѣснять губернаторовъ, и какое вы имъ на то дали право? Вы всегда служили хорошо и неоднократно бывали одобряемы самимъ государемъ. Еще повторяю вамъ, что я не совѣтую подавать этого письма. Настаивайте въ своей правости и не щадите словъ. Il ne faut jamais être délicat avec ceux qui n'entendent rien à la délicatesse» [1]). Это были послѣднія слова его, на которыхъ я оперся, какъ на стѣну. Прощаясь со мной, онъ сказалъ: «Я еще съ вами, вѣрно, увижусь; я надѣюсь, что страхи ваши кончатся». Съ тѣхъ поръ мы уже и не видались, но я не могъ того отгадывать. Закрыто было многое отъ взоровъ публичныхъ».

Между тѣмъ дѣла князя пошли еще хуже, и онъ нѣсколько дней ждалъ отставки.

«Важный случай, казалось, долженъ былъ остановить всякое обо мнѣ попеченіе,—продолжаетъ онъ въ своихъ Запискахъ.—Сперанскій взятъ ночью на квартирѣ своей министромъ полиціи, всѣ его бумаги опечатаны, онъ самъ посаженъ въ кибитку, какъ самый секретный преступникъ отвезенъ въ Нижній Новгородъ; никто не зналъ за что, но всѣ вдругъ кричали: Сперанскій измѣнникъ! Никто не имѣлъ о винѣ его ясныхъ понятій, но всякій, судя о ней по мѣрѣ негодованія государева, казнилъ и вѣшалъ Сперанскаго. Вчера былъ онъ вельможа, вчера ему всѣ кланялись въ поясъ, а сегодня всѣ злословили. Вчера меня многіе друзья и благодѣтели посылали къ нему, называли спѣсивымъ за то, что не часто толкусь въ его прихожей; сегодня тѣ же люди пеняли мнѣ, для чего я съ нимъ знакомъ и наводили на меня какую-то мрачную тѣнь, какъ на человѣка, его пріемовъ удостоеннаго»... «По отъѣздѣ Сперанскаго весь городъ нѣсколько дней, не умолкая, говорилъ только о немъ, и каждый придавалъ свои толки. Государь, какъ видно было изъ всѣхъ его наружныхъ поступковъ, отогнавъ его отъ себя, жалѣлъ о непомѣрной своей къ нему довѣренности, и ни одинъ министръ не могъ наладить дѣлъ своихъ. Совѣтъ, лишась государственнаго секретаря, явился публикѣ, какъ дитя безъ мамы, которое само о себѣ стоять не можетъ..».

Князь Долгорукій напрасно надѣялся, что событіе 17-го марта 1812 г. со Сперанскимъ заставитъ забыть о немъ (т. е. о князѣ). Го-

---

[1]) Переводъ: Не должно никогда быть деликатнымъ съ тѣми, которые не имѣютъ никакого понятія о деликатности.

сударь не любилъ его; говорятъ, что Балашовъ вредилъ князю въ его мнѣніи, и 23-го марта состоялся высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: «За разные открывшіеся безпорядки во Владимірской губерніи, тамошняго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника князя Долгорукова отставить, а на мѣстѣ его быть генералъ-маіору Супоневу». Князь Долгорукій говоритъ: «Указъ сей поданъ къ подписанію Балашовымъ въ самые тѣ дни, когда, кромѣ Сперанскаго, государь не былъ занятъ ничѣмъ». Долгорукій уѣхалъ изъ Петербурга 25-го марта 1812 г. и болѣе уже никогда не служилъ.

Вышеприведенный разсказъ очевидца о впечатлѣніи, произведенномъ ссылкой Сперанскаго, и особенно разговоръ, въ которомъ этотъ послѣдній съ такою увѣренностью говорилъ о невозможности своеволія и неправосудія, разразившихся черезъ нѣсколько дней надъ нимъ самимъ, не должны утратиться».

Бумаги Сперанскаго были, какъ извѣстно, при его высылкѣ изъ Петербурга въ 1812 году опечатаны; онѣ были ему возвращены лишь въ 1822 году, когда онъ вернулся въ столицу послѣ генералъ-губернаторства въ Сибири, какъ это видно изъ слѣдующаго письма къ Сперанскому князя А. Н. Голицына [1]):

Царское Село. 9-го октября 1821 г

Милостивый государь Михайла Михайловичь.

Государь императоръ указать соизволилъ, чтобъ бумаги вашего превосходительства были вамъ возвращены; и для того камердинеру его величества Мельникову [2]) объявилъ я высочайшую волю, чтобъ онъ доставилъ оныя къ вамъ по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

«Въ 1823 или 1824 году Михайло Михайловичъ,—читаемъ въ запискѣ къ барону Корфу К. Г. Рѣпинскаго,—поручилъ Клетченкѣ [3]) продать ювелирамъ въ Петербургѣ золотую, брилліантами осыпанную табакерку съ портретомъ Наполеона, и Клетченко мнѣ говорилъ, что Михайло

---

[1]) Копія этого письма имѣется въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго"; подлинникъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Довѣренное лицо императора Александра.

[3]) Дмитрій Дмитріевичъ Клетченко былъ экзекуторомъ и казначеемъ Сибирскаго Комитета.

Михайловичъ, отдавая ему, наказывалъ стараться, чтобъ не знали они не только о хозяинѣ табакерки, но и о продавцѣ, дабы не вышло изъ того какой-нибудь глупой исторіи. Я присовѣтовалъ Клетченкѣ прежде, нежели покажетъ онъ ее кому-нибудь, портретъ вынуть, и потомъ нести на продажу. Онъ такъ и сдѣлалъ, и табакерка продана. (Портретъ послѣ подаренъ былъ отъ Михайла Михайловича зятю его). Эта табакерка была подарена Михайлѣ Михайловичу отъ лица Наполеона въ Эрфуртѣ, какъ могъ я заключить по словамъ камердинера Лаврентья; но точно ли такъ, не знаю. При случаѣ можно бы спросить объ этомъ Багрееву» [1]).

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая I Сперанскому, какъ члену Государственнаго Совѣта, пришлось принимать участіе въ учрежденномъ 1-го іюня 1826 года, по случаю происшествія 14-го декабря 1825 года, верховномъ уголовномъ судѣ. Генералъ-адъютантъ графъ Е. Ѳ. Комаровскій, подробно описывая въ своихъ Запискахъ составъ и образъ дѣйствія этого суда и выбраннаго имъ особаго комитета [2]) изъ 9 членовъ (къ числу которыхъ принадлежали также онъ, Комаровскій, и Сперанскій), прибавляетъ: «Я долженъ здѣсь отдать справедливость способностямъ ума и быстрому соображенію Михайла Михайловича Сперанскаго: онъ много способствовалъ къ скорому окончанію возложенной на насъ обязанности» [3]). Потомъ, для составленія доклада государю отъ верховнаго уголовнаго суда, назначенъ былъ еще другой комитетъ изъ 3 членовъ, между которыми опять находился Сперанскій. «Помнимъ,—пишетъ Корфъ,—какъ въ городѣ шутники говорили тогда, что докладъ будетъ писать, разумѣется, одинъ Сперанскій, изъ двухъ же остальныхъ членовъ (генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и чуть ли опять не тотъ же Комаровскій) одинъ назначенъ засыпать пескомъ написанное, а другой—ворочать страницы».

Всѣ эти занятія, по самому характеру своему, чрезвычайно тягостно дѣйствовали на духъ Сперанскаго. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію, а потомъ осужденію, были лично ему знакомы и вхожи къ нему въ домъ, именно: Александръ и Николай Бестужевы, Краснокутскій и Корниловичъ, а одинъ—Г. С. Батенковъ—даже жилъ у него и пользовался особенною его пріязнью и довѣренностью.

---

[1]) Елизавету Михайловну, дочь Сперанскаго.

[2]) Для опредѣленія степени преступности и мѣры наказанія каждаго обвиненнаго.

[3]) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 года, томъ LXX, стр. 455, примѣчаніе.

Говоря въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 343, примѣчаніе) объ отношеніяхъ Сперанскаго къ министру финансовъ Канкрину, баронъ Корфъ сообщалъ, что случалось слышать, что Канкринъ заочно называлъ Сперанскаго «большимъ ипокритомъ». Вотъ что писалъ Корфу, по поводу этого мѣста «Жизни графа Сперанскаго» Анатолій Жадовскій, бывшій однимъ изъ самыхъ близкихъ людей въ домѣ графа Канкрина, впослѣдствіи тайный совѣтникъ въ отставкѣ:

«Бывши у графа Канкрина почти каждодневно и обѣдая у него не менѣе трехъ или четырехъ разъ въ недѣлю (а это было единственное, можно сказать, время, и съ часъ послѣ обѣда, когда онъ любилъ, какъ самъ говорилъ, поболтать въ тѣсномъ кругу), я говорю по совѣсти, ни единожды подобнаго отзыва (о Сперанскомъ) «большой ипокритъ» не слыхалъ. Когда-то, получивъ приглашеніе Фролова-Багрѣева быть у нихъ на весьма маленькомъ вечерѣ, съ тою собственно цѣлью, чтобы познакомиться съ Сперанскимъ, изъявившимъ мнѣ на то чрезъ Фролова-Багрѣева собственное желаніе, я счелъ нелишнимъ сказать о томъ графу Канкрину, и вотъ его отзывъ: «Я бы вамъ совѣтовалъ исполнить желаніе Михайла Михайловича; вѣдь вы знаете, мой батюшка (любимое изреченіе графа), это у насъ самый умный и интересный человѣкъ, и вы вполнѣ останетесь довольны его обворожительной бесѣдой, а при томъ вамъ скажу, что человѣкъ онъ и умный, да и добрый, а это рѣдко вмѣстѣ бываетъ». Когда же, незадолго передъ тѣмъ, князь Чернышевъ (вслѣдствіе того, что на дачѣ, которую я занималъ, данъ ему былъ праздникъ, съ фейерверкомъ, Н. А. Бутурлинымъ, человѣкомъ мнѣ близко знакомымъ) приглашалъ меня черезъ него же, Бутурлина, познакомиться съ его домомъ и навѣщать ихъ,—на спросъ мой тоже графа Канкрина, онъ спросилъ меня: «Развѣ вамъ что-либо отъ него нужно»? и, услышавъ, что мнѣ рѣшительно ничего не нужно, сдѣлалъ такую мину, что нельзя было не понять отрицательно; «впрочемъ,—прибавилъ онъ,—какъ вы хотите», почему я и не поѣхалъ, и узнавъ объ этомъ чрезъ нѣсколько времени, графъ сказалъ мнѣ: «Кажется, вы сдѣлали хорошо, ибо чего вамъ искать».—Послѣ извѣстнаго собранія въ Государственномъ Совѣтѣ, когда императоръ Николай надѣлъ на Сперанскаго снятую съ себя тутъ же Андреевскую звѣзду, графъ Канкринъ, за обѣдомъ своимъ, въ тотъ же день, разсказывая съ умиленіемъ о семъ событіи, присовокупилъ: «Однакожъ я замѣтилъ многихъ, кои огорчились, думая зачѣмъ не имъ. Я усмѣхался, не только думая про себя, но даже высказавъ другимъ моимъ сосѣдямъ: «Да вѣдь даютъ за труды и за дѣло, а не за бездѣлье или за то только, что усердно сидятъ и спятъ». Графъ Канкринъ въ этомъ случаѣ не только не завидовалъ, но былъ доволенъ происшествіемъ, что̀ съ нимъ очень рѣдко случалось».

«Все это,—замѣчаетъ Корфъ,—очень интересно и совершенно

справедливо; но не находится нимало въ противорѣчіи съ нашею выноскою. Что же касается эпитета «большой ипокритъ», то мы сами слышали его отъ графа Канкрина, въ разговорѣ съ нами о Сперанскомъ за бывшимъ, вскорѣ послѣ его смерти, обѣдомъ у банкира барона Штиглица, и это слово тогда же было записано въ нашемъ дневникѣ, откуда мы его и взяли».

Въ архивѣ князя Кочубея находится слѣдующее письмо къ нему графа Канкрина, отъ 30-го марта 1830 г., свидѣтельствующее о томъ уваженіи, съ которымъ онъ относился къ Сперанскому: «Je n'ai pas pu me dispenser de parler dans ma note de la Sibérie. Il pourrait y avoir quelque chose de désagréable pour M-r de Spéransky; je désire donc vivement qu'il n'en fasse pas la lecture avant son départ (онъ ѣхалъ тогда въ Карлсбадъ), quoique je connais trop bien ses qualités rares pour n'être pas sûr de son pardon» [1]).

Приведемъ двѣ замѣтки барона Корфа, а также письмо къ нему М. П. Погодина, касающіяся характеристики Сперанскаго:

«Михайло Михайловичъ—разсказывалъ намъ служившій при Сперанскомъ въ Сибири, Густавъ Григорьевичъ Вильде — былъ мастеръ словами кроткими, наединѣ, заставлять сибирскихъ чиновниковъ каяться ему въ своихъ грѣхахъ; но умѣлъ, однако, что̀ говорится, и прикрикнуть. Въ Нижнеудинскѣ, одинъ изъ чиновниковъ, лично бывшихъ при томъ, какъ Лоскутовъ (нижнеудинскій исправникъ) высѣкъ Орлова (нижнеудинскаго протоіерея), вздумалъ запираться въ знаніи про это дѣло. Боже мой, откуда взялись вдругъ у Михайла Михайловича и сила необычайная въ голосѣ, и слова страшныя, съ такими угрозами, что у меня, сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ и ничего не знавшаго о причинѣ шума, волосы стали дыбомъ! На мое успокоеніе, ко мнѣ вошелъ Цейеръ и шепнулъ, что идетъ допросъ объ Орловѣ и весь шумъ со стороны нашего шефа — маска. Этимъ послѣдній достигъ, однако, своей цѣли: допрашиваемый разсказалъ все подробно и чистосердечно. «Не говори только передъ слѣдственною коммиссіею того и того — кончилъ Михайло Михайловичъ; а то самъ можешь попасть въ бѣду». Это было предостереженіемъ добраго его сердца въ награду откровенной исповѣди, а отнюдь не побужденіемъ къ какому-нибудь сокрытію истины въ отягощеніе обвиненія Лоскутова». Этотъ разсказъ Вильде подтвердилъ намъ и присутствовавшій также при описанной сценѣ К. Г. Рѣпинскій, прибавляя: «О, старикъ нашъ былъ добръ сердцемъ, какъ агнецъ!».

[1]) Переводъ: Я не счелъ возможнымъ умолчать въ моей запискѣ относительно Сибири. Быть можетъ, въ ней найдется кое-что непріятное для г. Сперанскаго. Поэтому я очень желалъ бы, чтобъ онъ не могъ ознакомиться съ содержаніемъ записки до своего отъѣзда, хотя, слишкомъ хорошо зная его рѣдкія качества, я вполнѣ увѣренъ, что онъ извинитъ меня

Съ нашей стороны можемъ подтвердить, что, служивъ подъ начальствомъ Сперанскаго болѣе пяти лѣтъ и видясь съ нимъ, въ это время, наединѣ и при другихъ, ежедневно и часто по два раза въ день, мы никогда не были свидѣтелями никакой вспышки съ его стороны, даже хотя бы и притворной, какъ въ разсказанномъ случаѣ.

Упомянутое происшествіе съ Орловымъ, протопопомъ нижнеудинскимъ и человѣкомъ, впрочемъ, невоздержной жизни, состояло въ томъ, что Лоскутовъ, за какія-то съ нимъ неудовольствія, велѣлъ просто высѣчь его въ стойбищахъ бурятъ-карагасовъ, что̀ дошло и до Петербурга еще прежде пріѣзда Сперанскаго въ Сибирь.

Къ характеристикѣ Сперанскаго принадлежитъ также слѣдующій анекдотъ. Нашъ «старикъ» терпѣть не могъ никакой охоты. Въ Пензѣ одинъ помѣщикъ, не зная того, устроилъ, при объѣздѣ Сперанскимъ губерніи, въ честь его, псовую охоту. Всегда обязательный къ каждому, губернаторъ поѣхалъ на нее, вмѣстѣ съ прочими, какъ зритель, верхомъ. Нѣсколько времени онъ смотрѣлъ на все дѣло крайне равнодушно. Вдругъ изъ лѣсу выскочилъ заяцъ. Крикъ, шумъ, гамъ — собаки за нимъ. Псари полетѣли. Сперанскій, позабывшись, скачетъ съ толпою. Шляпа съ него упала, волосы развѣваются. Онъ ничего не примѣчаетъ: скачетъ! Наконецъ зайца поймали, и Сперанскій—опомнился. «Бѣдное созданье человѣкъ»—сказалъ онъ, вздыхая сквозь улыбку:—«какъ мало надо ему, чтобъ увлечься!».

Между тѣмъ въ дневникѣ Сперанскаго, подъ 19-мъ ноября, при описаніи одного застольнаго разговора, отмѣчено: «J'ai avancé que tout homme est né chasseur et qu'il y a un principe dans l'homme qui tu pousse à courir les chanses» [1]).

Письмо Погодина къ Корфу было слѣдующаго содержанія:

«Спѣшу сообщить вашему высокопревосходительству два анекдота о Сперанскомъ, только-что услышанные.

Лѣкарь изъ Сибири осматривалъ у меня портретную галлерею. Передъ портретомъ Сперанскаго онъ сказалъ моей женѣ, которая послѣ и передала мнѣ его разсказъ:

Я слышалъ объ немъ много отъ нашего профессора въ Казани, который былъ ему товарищемъ въ семинаріи. «Что же вы слышали?»— Вотъ напримѣръ—аристократы того времени спускали обыкновенно съ плеча медвѣжьи свои шубы. И Сперанскій, подражая имъ, спускалъ обыкновенно съ плеча рукавъ—своего овчиннаго тулупа. Такъ проявлялось у него и въ пустякахъ стремленіе къ верху.

---

[1]) Переводъ: Я выставилъ на видъ, что всякій человѣкъ по природѣ охотникъ и что въ человѣкѣ есть какое-то начало, которое побуждаетъ его пытать счастья.

Этотъ же профессоръ посѣтилъ Сперанскаго въ Петербургѣ, когда уже тотъ начиналъ входить въ силу. Вечеромъ онъ застаетъ Сперанскаго въ какой-то каморкѣ, стелющаго себѣ постель—на простой лавкѣ. На ней разостланъ былъ овчинный тулупъ, и въ головахъ лежала грязная подушка. «Помилуй, что это значитъ»? спросилъ удивленный посѣтитель.—Нынѣ день моего рожденія, отвѣчалъ Сперанскій, и я всегда провожу ночь такимъ образомъ, чтобъ напоминать себѣ и свое происхожденіе, и все старое время съ его нуждою [1]).

На анекдотахъ печать правды. Выдумать ихъ нельзя. Жена не разслышала хорошо имени профессора, но я надѣюсь увидѣть лѣкаря по возвращеніи его изъ Петербурга, и разспрошу хорошенько.

Имя лѣкаря—Тепловъ, онъ сопровождаетъ караванъ съ золотомъ съ Урала, и его можно найти въ министерствѣ финансовъ или въ медицинскихъ департаментахъ, гдѣ онъ будетъ искать мѣста.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и истинной преданности. Вашего высокопревосходительства покорный слуга М. Погодинъ.

19-го февраля.

Знаменитый день! Сижу и переписываю слова Карамзина о Наказѣ».

Сперанскій, какъ государственный дѣятель, имѣлъ много враговъ.

«Между людьми болѣе значительными, которые продолжали глубоко ненавидѣть Сперанскаго и во вторую половину его государственной дѣятельности—читаемъ въ замѣткѣ барона Корфа—особенно отличались этимъ Д. В. Дашковъ, Д. Н. Блудовъ и извѣстный нашъ ультра-консерваторъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Публичной Библіотеки). Графъ Блудовъ, еще и въ 1860-хъ годахъ, все съ прежнею глубокою непріязнію отзывался о дѣлахъ, образѣ мыслей и чувствахъ своего предшественника, хотя, посреди порицаній, у него иногда прорывалось невольно и слово похвалы умственнымъ достоинствамъ и знаніямъ Сперанскаго. Впрочемъ, что касается Дашкова, то онъ нѣсколько сошелся съ Сперанскимъ, когда императоромъ Николаемъ возложены были на нихъ совокупные труды по составленію проекта Уголовнаго Уложенія; при чемъ (по словамъ Матвѣя Михайловича Карніолина-Пинскаго, сенатора, а въ то время очень близкаго къ Дашкову) послѣдовало даже гласное примиреніе, сопровождавшееся и объятіями, и взаимными увѣреніями; но смерть скоро разорвала этотъ новозаключенный союзъ».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Этотъ второй анекдотъ почти дословно приведенъ Погодинымъ въ его статьѣ о Сперанскомъ („Русскій Архивъ“ 1871 г., столб. 1234), при чемъ Погодинъ замѣчаетъ, что онъ его „слышалъ, забылъ отъ кого, чуть ли не изъ первыхъ устъ“.

Воспоминанія участника въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго.

Настоящія воспоминанія принадлежатъ одному изъ весьма образованныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятелей въ одной изъ русскихъ губерній. Питомецъ двухъ высшихъ образовательныхъ заведеній—С.-Петербургскаго университета и Медицинской академіи—авторъ записокъ имѣлъ несчастье въ 1849 г. быть привлеченнымъ къ отвѣтственности за посѣщеніе вечеровъ и бесѣдъ извѣстнаго Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго и былъ подвергнутъ продолжительному одиночному заключенію [1]).

«Изученіе послѣдовательныхъ измѣненій души и тѣла, наступающихъ у одиночно заключенныхъ на продолжительные сроки, пишетъ авторъ воспоминаній, составляетъ высокій интересъ для ученаго психолога и психіатра...»

Настоящій очеркъ—независимо отъ прямо принадлежащаго ему интереса и значенія—имѣетъ интересъ какъ дополненіе или оправдательный документъ къ художественнымъ трудамъ Ѳ. М. Достоевскаго, современника и сотоварища по заточенію составителя настоящихъ Воспоминаній. Ред.

I.

... Жизнь моя текла мирно и покойно до 25-го года отъ роду, когда я былъ въ одинъ день лишенъ свободы и заключенъ безвыходно

[1]) Въ „Русской Старинѣ" было помѣщено нѣсколько статей о дѣлѣ Петрашевскаго и о немъ самомъ. См. 1872 г., т. VI; 1888 г., т. LX; 1890 г. т. LXVIII; 1900 г., т. CIII.

въ одинокое жилище, отдѣленное снутри толстою, окованною желѣзомъ, дверью и снаружи желѣзною рѣшеткою у окна.

Это было въ Петербургѣ въ 1849 году, въ концѣ апрѣля, когда начинали зеленѣть деревья.

Я помню этотъ день: поздно вечеромъ, стемнѣло, я ѣхалъ отъ Цѣпнаго моста въ каретѣ, не зная, куда меня везли. Мосты на Невѣ были разведены, и объѣздъ былъ долгій. Я былъ въ легкой одеждѣ теплаго весенняго дня, и мнѣ было свѣжо, жутко и тяжело на душѣ. Послѣ продолжительной ѣзды черезъ Васильевскій островъ, Тучковъ мостъ и Петербургскую сторону, карета въѣхала въ крѣпость и остановилась. Было совершенно темно. Въ сопровожденіи двухъ человѣкъ я переходилъ какой-то мостикъ и за нимъ темные своды; потомъ введенъ былъ въ корридоръ, полуосвѣщенный; въ корридорѣ передо мною отворилась толстая дверь въ боковую темную комнату,—мнѣ предложили въ нее войти: темнота, спертый воздухъ, неизвѣстность, куда я вошелъ—произвели на меня самое непріятное впечатлѣніе; я потребовалъ свѣчу. Желаніе мое было исполнено сейчасъ же, и я увидѣлъ себя въ маленькой, узкой комнатѣ безъ мебели,—у стѣны стояла кровать, покрытая одѣяломъ сѣраго солдатскаго сукна, табуретка и ящикъ. Затѣмъ мнѣ предложено было раздѣться совершенно и надѣть длинную рубашку изъ грубаго, подкладочнаго холста и изъ таковаго же холста шитые, высокіе, выше колѣнъ, чулки. Мнѣ указали на туфли и на халатъ изъ сѣраго сукна. Платье и всѣ вещи, бывшія на мнѣ, были взяты у меня. По просьбѣ моей, оставлена была только холодная шинель.

Затѣмъ зажжена была на окнѣ какая-то свѣтильня, висячая съ края глинянаго блюдечка; свѣча унесена, дверь захлопнулась на ключъ, и я остался одинъ, въ полумракѣ, въ изумленіи и въ страхѣ отъ того, чтò со мною случилось. Я сидѣлъ на кровати, смотря на тяжелую дверь, въ которой нѣсколько секундъ еще ворочался ключъ, запиравшій меня, потомъ слышны были шаги уходившихъ людей и гремѣвшая связка большихъ ключей. Смутное чувство убійственной тоски, мрачныя, зловѣщія предчувствія овладѣли мною,—мнѣ казалось, я стою на порогѣ конца моей жизни; нѣсколько минутъ я былъ безъ мысли, какъ бы ошеломленный ударомъ въ голову. Опомнившись нѣсколько, я сталъ осматриваться, но обстановка была столь мала, что я вновь погрузился въ свои мысли: неужели это и конецъ моей жизни, думалъ я.

Я былъ въ то время совершенный юноша, несмотря на мой 25-тилѣтній возрастъ, мечтающій, увлекающійся, исполненный горячихъ и несбыточныхъ желаній, то болѣзненно оживленный до экстаза, то также быстро упадающій духомъ. Я смотрѣлъ на жизнь съ своей идеальной точки зрѣнія и вовсе не зналъ, не умѣлъ различать людей, а въ раз-

мышленіяхъ моихъ стремился найти истинный путь ко всеобщему благу человѣчества. Въ головѣ моей толпились различныя мысли и чувства: чувство, повидимому, кажущейся виновности; невозможность оправдаться, строгость закона, страхъ заключенія и слухи, распространенные въ народѣ объ ужасахъ жизни въ сырыхъ, холодныхъ казематахъ,—все это вмѣстѣ слилось въ смутное ощущеніе, объявшее меня внезапно.

То осматривалъ я въ потемкахъ жилище мое, и видѣнное мною поражало меня своей мрачной пустотой,—и халатъ, на мнѣ надѣтый, былъ заношенный, мѣстами изорванный, изъ солдатскаго сѣраго сукна.

Въ комнатѣ было одно окно, большое. Вдвинувъ ноги въ широкія старыя туфли, я всталъ съ кровати, на которой неловко было сидѣть—я скатывался съ нея. Мысли перебивались въ головѣ; то осматривалъ я жилище, то стоялъ вновь въ раздумьи. Боковая часть стѣны справа отъ двери составляла печь, затапливающуюся снаружи изъ корридора; видъ печи былъ мнѣ утѣшителенъ.

Моя шинель была единственнымъ остаткомъ отъ жизни моей, кромѣ моего собственнаго тѣла,—я сбросилъ на полъ съ себя халатъ и надѣлъ шинель мою.

Подойдя къ окну, я былъ пораженъ видомъ мрачнаго свѣтильника моей комнаты—это былъ какой-то черепокъ въ видѣ плошки, съ края которой висѣлъ кончикъ свѣтильни; полузастывшая сальная масса наполняла его. Не зная, куда пріютиться и въ мысляхъ моихъ и въ жилищѣ моемъ,—я заплакалъ и сталъ молиться; нѣсколько минутъ стоялъ я на колѣнахъ и горько плакалъ, опустившись на полъ...

Мнѣ вспоминались потерянные дни свободы и домъ родной,—братья, сестра, старушка-тетушка и всѣ близкіе нашему семейству... Казалось мнѣ, всѣ они стояли, обступивъ меня, и, смотря на меня съ жалостью, плакали надо мною, какъ надъ погибшимъ!

Воздухъ душенъ и холоденъ, на мнѣ шинель и сѣрый дырявый халатъ, подо мной что-то жесткое, неровное, и подушка нечистая и туго набитая соломой или мочалкой. Ночь . . . Полумракъ, тишина, но они не располагаютъ къ отдыху: измученный тяжелыми впечатлѣніями дня, я лежу, не двигаясь,—меня страшно клонитъ ко сну, и я засыпаю, но скоро просыпаюсь отъ большой чувствительности въ щекѣ и вискѣ, прижатыхъ жосткою бугристою подушкою; переворачиваюсь на другой бокъ, и та же самая боль на другой сторонѣ головы, по истеченіи короткаго времени, пробуждаетъ меня снова; я ложусь на спину и опять скоро просыпаюсь отъ боли въ затылкѣ,—такъ мучаясь, по временамъ сползая на край кровати, я безпрестанно засыпалъ крѣп-

кимъ сномъ и опять просыпался, чтобы перемѣнить положеніе; не разъ подкладывалъ я руки то подъ голову, то подъ щеку,—такъ провелъ я ночь безъ отдыха въ тревожномъ снѣ, съ болью головы и лица. Кромѣ того, я зябнулъ: погода, бывшая теплою, вдругъ перемѣнилась въ суровую стужу.

Но вотъ разсвѣтаетъ, по временамъ слышатся какія-то громкія хожденія въ корридорѣ, за дверью.

Когда я увидѣлъ при дневномъ свѣтѣ мое новое жилище, глазамъ моимъ представилась маленькая комната: она была узкая, длиною сажени $2^1/_2$ или менѣе, шириною сажени $1^1/_2$, съ высокимъ потолкомъ; стѣны, отштукатуренныя известью, давно потеряли свой бѣлый цвѣтъ. Онѣ были повсюду испачканы пальцемъ человѣка... Съ одной стороны было окно, очень большое (сравнительно съ величиною комнаты), съ мелкими клѣточками стеколъ, закрашенное все, до верхняго ряда, бѣлою, пожелтѣвшею, масляною краскою. Верхній рядъ стеколъ одинъ только былъ незакрашенъ и оканчивался съ правой стороны форточкою величиною съ $^1/_4$ листа писчей бумаги. За окномъ сейчасъ была желѣзная рѣшетка. Съ другой стороны была дверь массивная, окованная желѣзомъ, и большое грязное зеркало изразцовой печи, затапливающейся снаружи. Въ комнатѣ, кромѣ кровати, были столикъ, табуретка и отхожій ящикъ; на площадкѣ окна стояла кружка и догорѣвшая уже плошка. Таково было новое мое жилище, въ которомъ я былъ запертъ.

Осмотрѣвшись немного, я сталъ на окно, но при низкомъ моемъ ростѣ не могъ достать глазомъ незакрашеннаго верхняго ряда стеколъ, который оканчивался съ правой стороны форткою. Я отворилъ фортку: свѣжій воздухъ пахнулъ на меня и мнѣ принесъ какъ-бы что-то родное—я вдохнулъ его, упился имъ полною грудью и еще болѣе почувствовалъ желаніе взглянуть въ окно, но, и поднявшись на цыпочки, сколько было силъ, я не могъ увидѣть ничего; я подскочилъ, и передъ глазами моими мелькнуло что-то въ родѣ двора. Нельзя ли подставить что подъ ноги? На площадкѣ окна, гдѣ я стоялъ, была деревянная кружка съ крышкою въ родѣ кадочки, на донышкѣ ея было немного воды; мнѣ показалась она чистою, и я съ удовольствіемъ выпилъ ее, потомъ снова влѣзъ на окно, сталъ на крышку запертой кружки и увидѣлъ дворикъ—небольшой, треугольной формы: противъ меня шагахъ въ 40 стоялъ фасъ крѣпостной стѣны, замыкавшій дворикъ,—у самаго окна ходилъ часовой съ ружьемъ. (Впослѣдствіи я узналъ, что отдѣленіе это, въ которомъ была заключена группа арестованныхъ, было одинъ изъ равелиновъ крѣпости). Мнѣ было холодно и такъ уже; всю ночь укрывался, чѣмъ могъ; погода была свѣжая, изъ окна дулъ вѣтеръ, и я скоро промерзъ, что̀ заставило меня сойти съ окна...

II.

Новые предметы, обстановка, окружавшая меня и поразившая меня своею неприглядностью, были только отвлеченіемъ отъ смутныхъ предчувствій и убійственно-мрачныхъ мыслей, которыя преслѣдовали меня и ночью въ безпрестанно смѣнявшихся короткихъ сновидѣніяхъ.

Мнѣ живо представлялась картина вчерашняго ареста: 23-го апрѣля, часовъ около 10 утра, въ каретѣ я былъ привезенъ въ III-е отдѣленіе, что у Цѣпнаго моста; меня вели по многимъ комнатамъ, въ которыхъ я видѣлъ много арестованныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ, и между ними стояли часовые съ ружьями. Въ особенности поразила меня большая зала своимъ многолюдствомъ: арестованные стояли кругомъ, а между ними часовые; слышенъ былъ говоръ и по временамъ стучанье прикладомъ объ полъ—при разговорѣ (такъ приказано было).

Въ III-мъ отдѣленіи насъ угощали обѣдомъ, чаемъ и сигарами, но никому охоты не было вкушать что-либо. Между прочимъ подходили къ намъ служащіе въ отдѣленіи чиновники и какъ бы съ участіемъ относились къ намъ.

Арестованы мы были почти всѣ въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля, сейчасъ по расхожденіи съ собранія у Петрашевскаго, часу въ 4-мъ ночи, когда всѣ уже были по домамъ и только-что легли спать. Я же не всегда бывалъ у Петрашевскаго и въ эту пятницу не былъ, а по весеннему времени ночевалъ за городомъ и потому арестованъ былъ 23-го апрѣля. Въ этотъ самый день погода измѣнилась и сдѣлалась холодною. 23-го апрѣля поздно ночью насъ отвезли всѣхъ въ крѣпость.

Всѣ событія этого дня мелькали въ головѣ моей, и я погруженъ былъ въ мрачную думу.

Такъ думая, я то стоялъ, то садился на табуретку за столъ или на кровать, то подходилъ къ окну или двери, не зная, куда пріютиться въ моемъ новомъ жилищѣ, а мысли, одна за другой мрачнѣе, толпились въ головѣ. «Нѣтъ мнѣ спасенья», думалъ я, «какъ и многимъ моимъ товарищамъ».

Въ особенности горько мнѣ было за судьбу двухъ моихъ близкихъ друзей, которыхъ я любилъ и уважалъ—это двухъ братьевъ Дебу, и въ особенности Ипполита Дебу, съ которымъ былъ очень друженъ; затѣмъ вспоминались мнѣ и прочіе, пострадавшіе со мною вмѣстѣ, товарищи, и я не могъ заглушить въ себѣ досады на Петрашевскаго и не упрекать его въ случившемся съ нами несчастіи.

Послѣднее время уже возникали во мнѣ опасенія ввѣрять себя слишкомъ незнакомымъ лицамъ, бывавшимъ у него, но мы всѣ имѣли же

полное право разсчитывать, что Петрашевскій, какъ человѣкъ весьма умный, очень осмотрителенъ въ выборѣ своихъ посѣтителей, а между тѣмъ вотъ что̀ случилось! Но, погубивъ всѣхъ насъ, вѣдь онъ и самъ погибъ, а потому и ставить это ему въ вину было съ моей стороны недостойно и малодушно, но въ то время мнѣ нисколько не было жаль его, и, при мысли о немъ, въ моемъ сердцѣ, кромѣ живаго упрека и досады, ничего не было. Навѣрно утверждать не смѣю, но полагаю, что и всѣ прочіе арестованные чувствовали по отношенію къ нему то же, что̀ и я.

Мнѣ вспоминалось тоже, что Петрашевскій имѣлъ уже нѣкоторыя сомнѣнія въ личности Ан—и. Въ предшествовавшемъ послѣднему собраніи 15-го апрѣля онъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ: «Скажите, васъ звалъ къ себѣ Ан—и?»

Я отвѣчалъ, что звалъ, но я не пойду, потому что вовсе его не знаю.

— Я и хотѣлъ предупредить васъ,—сказалъ онъ мнѣ, — чтобы вы къ нему не ходили; этотъ человѣкъ, не обнаружившій себя никакимъ направленіемъ, совершенно неизвѣстный по своимъ мыслямъ, перезнакомился со всѣми и всѣхъ къ себѣ зоветъ. Не странно ли это. Я не имѣю къ нему довѣрія.

Отъ воспоминаній этихъ переходилъ я къ мысли о моемъ настоящемъ положеніи: какъ быть? что дѣлать? какъ теперь жить въ сей день въ моемъ новомъ жилищѣ? неужели мнѣ долго предется оставаться въ немъ? Какъ скверно, какъ холодно!

Я забылъ упомянуть при описаніи комнаты, что въ серединѣ двери было маленькое, величиною въ 8-ю долю листа бумаги, отверстіе, въ которое вставлено было стекло. Снаружи, со стороны корридора, оно завѣшено было темной тряпкой, которую сторожу можно было поднимать и видѣть, что̀ дѣлаетъ арестованный. Мнѣ было очень холодно, и я попробовалъ постучать: послышались шаги, и тряпка сейчасъ же поднялась, и показалось смотрящее на меня чье-то лицо.

— Чего стучишь?—спрашивало оно меня.

— Надо затопить печь, очень холодно; затопите печь.

Отвѣта не послѣдовало, тряпка опустилась, и все осталось попрежнему.

Прошло нѣкоторое время, когда послышались въ корридорѣ шаги, бѣготня и звонъ связки ключей. Я слышалъ, какъ втыкались въ двери другихъ келій ключи, и онѣ отворялись. Вотъ и до меня очень скоро дошла очередь. Ключъ всунутъ былъ не вдругъ,—казалось, ошибкой, не тотъ, — потомъ щелкнула крѣпкая пружина замка́, дверь отворилась настежь; въ нее вошелъ старый генералъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и служителей.

— Что вы? Какъ живете, все ли благополучно? Все ли имѣете? Я—комендантъ крѣпости.

— Мнѣ очень холодно, прикажите затопить печь,—отвѣчалъ я.

Тогда отдано было, съ гнѣвомъ, приказаніе затопить немедленно печи вездѣ, «чтобы не жаловались на холодъ». Съ этими словами генералъ вышелъ со всею своею свитою, и я остался вновь одинъ, запертый на ключъ.

Таково было быстрое посѣщеніе генерала.

А другія всѣ нужды? «Все-ли я имѣю?»—У меня ничего нѣтъ! Ни воды, ни пищи. Я не умывшись съ утра... Но кружка стоитъ для воды, стало быть, полагается вода и, вѣроятно, подадутъ какую-нибудь пищу. Черезъ нѣсколько времени все вновь утихло, и затѣмъ вновь раздались хожденія съ отмыканіемъ дверей. И вотъ растворилась и моя дверь, и въ келію мою быстрыми шагами вошелъ солдатъ съ посудой и, поставивъ ее на столъ, ни слова не сказавъ, поспѣшно вышелъ, и дверь захлопнулась на ключъ. На верху посуды лежалъ большой кусокъ чернаго хлѣба, а подъ нимъ была миска съ супомъ и кусками говядины. Не помню хорошенько—было ли еще отдѣльно какое мясо,—прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ,—и я совершенно забылъ. Помню только хорошо, что, несмотря на голодъ, я съѣлъ нѣсколько супа и хлѣба, до мяса же не прикоснулся. Причина этому лежала въ предыдущей моей жизни: уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я былъ оставившимъ привычку ѣсть мясо, желая, по убѣжденію моему, сдѣлаться вегетеріанцемъ. Человѣкъ, думалъ я, по природѣ своей, какъ физической, такъ и духовной, не можетъ быть поставленъ въ отдѣлъ хищныхъ млекопитающихъ, а потому и употребленіе мясной пищи можетъ быть оправдано только недостаткомъ растительной пищи или извращеніемъ его природныхъ условій жизни. Физіологи, думалъ я, во многомъ ошибаются, а Cuvier въ своемъ сочиненіи «Le règne animal», описывая между прочимъ зубы обезьянъ, говоритъ, что они по виду своему хищнѣе, чѣмъ зубы человѣка, а потомъ, говоря объ ихъ пищѣ, замѣчаетъ, что онѣ питаются исключительно плодами, животную же пищу ѣдятъ только въ крайности, когда нечего ѣсть. Какъ бы то ни было, справедливо ли мое заключеніе или нѣтъ, этого я и теперь себѣ достаточно уяснить не могу, но это было мое личное убѣжденіе, и я въ такой степени былъ уже отвыкшимъ отъ мясной пищи, что она мнѣ была противна, и безъ нея я былъ здоровъ и крѣпокъ силами. При такомъ особенномъ моемъ отношеніи къ выбору пищи, тюремный обѣдъ, поставленный предо мной на столъ, пришелся мнѣ очень не по вкусу, но я былъ голоденъ, и черный хлѣбъ мнѣ былъ очень пріятенъ.

Черезъ полчаса вновь вошелъ солдатъ и за нимъ дежурный офицеръ, котораго я настойчиво просилъ приказать мнѣ сейчасъ подать

воды въ количествѣ, достаточномъ для питья и умыванья, а также заявилъ и о необходимости въ полотенцѣ. Кружка, стоявшая у меня на окнѣ пустою, была схвачена служителемъ и, наполненная водою. принесена обратно. Затѣмъ, безъ лишнихъ словъ, податели пищи исчезли, принявъ остатки обѣда, кромѣ чернаго хлѣба, который въ достаточномъ количествѣ и оставленъ былъ мною у себя; я былъ снова накрѣпко захлопнутъ въ моемъ жилищѣ.

Оставшись одинъ, я сталъ умываться при помощи рта и вытерся рукавомъ рубашки. Вскорѣ затѣмъ замѣтилъ я, что въ комнатѣ стало теплѣе и, приложивъ руку къ печной стѣнѣ, я убѣдился, что она нагрѣвается.

Итакъ, я имѣю все, что нужно; сытъ, умытъ, одѣтъ и согрѣтъ.

III.

Такъ началась и потекла моя жизнь въ тюрьмѣ. Дни смѣнялись днями; каждый день по однообразію и бездѣлію казался чрезвычайно долгимъ; недѣли текли за недѣлями, и мѣсяцы, къ ужасу моему, стали смѣняться мѣсяцами. Ежедневно, первое время два, а потомъ три раза отворялась дверь, ставилась и принималась пища. Черный хлѣбъ сталъ моею любимою пищею, и его было у меня всегда достаточно. Въ первое время я настойчиво требовалъ бо́льшаго, противъ обыкновенно приносимаго, количества воды для мытья и питья, но послѣ это дѣлалось уже и безъ моего докучливаго напоминанія; полотенце мнѣ было дано тоже. Бѣлье изъ грубаго подкладочнаго холста, старое, состоявшее изъ длинной рубахи и чулокъ выше колѣнъ, въ видѣ мѣшковъ, подвязывающихся тесемками, мѣняемо было каждую недѣлю. Однообразно текла моя жизнь, при монотонномъ переливѣ колокольнаго звона каждыя четверть часа на колокольнѣ Петропавловскаго собора.

По временамъ, однако же, это однообразіе тюремной жизни и жестокая тоска были нарушаемы чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго теченія, и всякое подобное, хотя бы и незначительное, обстоятельство освѣжало и развлекало меня. Объ этихъ особенныхъ пертурбаціяхъ, иногда сильно волновавшихъ меня, упомяну я въ хронологическомъ порядкѣ, насколько воспоминанія объ этихъ давноминувшихъ дняхъ сохранились въ моей памяти. Но главное, что желалъ бы я описать и разъяснить—это внутреннее мучительное психически болѣзненное состояніе безвыходно и долго одиночно-заключеннаго — чувство жестокой тоски, мрачныя мысли, преслѣдовавшія

меня безотвязно, и по временамъ упадокъ силъ до потери голоса и изнеможенія. Я цѣлый день, дни и ночи говорилъ самъ съ собою и, не получая ни откуда впечатлѣній извнѣ, я вертѣлся въ самомъ себѣ, въ кругу своихъ болѣзненныхъ соображеній.

IV.

Мнѣ было тогда около 25 лѣтъ, я былъ окончившимъ курсъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ и назывался кандидатомъ восточныхъ языковъ [1]). Несмотря на окончаніе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, я былъ очень мало развитъ въ пониманіи самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ для жизни вещей. По природѣ своей я ненавидѣлъ зло, къ людямъ былъ очень довѣрчивъ и очень скоро сближался съ ними. Я любилъ трудиться и составлять выписки изъ серьезныхъ общеобразовательныхъ сочиненій и, не имѣя средствъ, покупалъ ихъ на толкучемъ рынкѣ и иногда цѣлые часы проводилъ въ книжныхъ рядахъ его. Тамъ находилъ я разнообразнѣйшія книги и, заплативъ за нихъ бездѣлицу, какъ сокровище несъ къ себѣ домой. Произведенія знаменитыхъ поэтовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, были для меня самымъ лучшимъ чтеніемъ,—я восхищался ими, бредилъ ими и, находясь внѣ занятія, дома и по улицамъ города твердилъ ихъ; англійскій и итальянскій языки были мнѣ почти незнакомы, и я старался изучать ихъ и съ помощью лексикона и грамматики перекладывалъ на русскій языкъ пѣсни Петрарки на смерть Лауры.

Лѣтомъ со страстью занимался я ботаникой и зоологіей; «Atlas botanique» Maout, «Flora Deutschland's» Kittel'я, и «Règne animal de Cuvier» были моими настольными книгами. Медицинскія книги привлекали меня тоже, и я съ увлеченіемъ читалъ «Encheiridion medicum» Huffeland'a, «Médecin populaire» Raspail'я и «Описаніе человѣческаго тѣла Загорскимъ». Астрономія Гершеля была прочтена мною съ любопытствомъ. Языкознаніе и сравнительное изученіе языковъ казалось мнѣ весьма нужнымъ. Кромѣ европейскихъ языковъ, я имѣлъ нѣкоторыя познанія въ языкахъ латинскомъ, греческомъ, арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ. По временамъ предавался я чтенію историческихъ монографій какого-либо періода времени, и исторія Востока занимала меня такъ же, какъ исторія европейскихъ народовъ. Съ жадностью

---

[1]) По возвращеніи изъ ссылки въ 1856-мъ году, авторъ Воспоминаній прошелъ весь пятилѣтній курсъ въ медико-хирургической академіи и получилъ званіе доктора медицины. Ред.

стремился я пріобрѣтать себѣ познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ (кромѣ философіи, политической экономіи и математики, которыя въ то время казались мнѣ слишкомъ утомительными).

Въ то время жизнь моя носилась въ какихъ-то идеальныхъ мечтаніяхъ, отчего и избранъ былъ мною факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы уѣхать куда-то на дальній юго-востокъ; Петербургъ же со всѣмъ его разнообразіемъ жизни и множествомъ общественныхъ развлеченій, которыми я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пользоваться, казался мнѣ очень не привлекательнымъ въ сравненіи съ привольною жизнью среди южной природы.

Таковъ я былъ, когда отъ меня потребовалось въ жизни первое серьезное испытаніе,—совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, которыя я выдерживалъ въ университетѣ.

Дѣло жизни—въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ—есть высшая школа человѣка.

Высокая доблесть—терпѣть и безропотно, молчаливо и стойко переносить лишенія всякаго рода—никому не дается сразу, но пріобрѣтается и вырабатывается болѣе или менѣе продолжительнымъ опытомъ, какъ въ общественной средѣ, такъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Никто не свѣдущъ достаточно въ великой наукѣ жизни, и только трудомъ, терпѣніемъ и опытностью немногими пріобрѣтается мудрость,—потому столько ошибокъ въ жизни, сожалѣній и упрековъ, которые людьми понимаются очень различно. И мои воспоминанія этого времени небезупречны,—я разскажу все въ послѣдовательности.

Теперь прошло уже 54 года, и я спрашиваю себя, въ чемъ же состояла моя вина и за что былъ я такъ внезапно схваченъ, какъ преступникъ, и посаженъ въ крѣпость?

Всякое дѣяніе человѣка можетъ быть оцѣнено различно, смотря по періоду времени, строю жизни общественной среды и мѣсту, гдѣ оно совершается.

У насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю были у М. В. Петрашевскаго собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей.

Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Н. Я. Да-

нилевскій [1]) — о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Ѳ. М. Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по случаю выхода его «Писемъ къ друзьямъ».

Бѣлинскаго избавила только болѣзнь и преждевременная смерть отъ общей съ нами участи [2]). Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ, Петрашевскій поручалъ кому-либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ, въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакія противузаконныя предпріятія или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка и сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи. Что было бы впослѣдствіи, конечно, не извѣстно. Если и предположить, что, по истеченіи многихъ годовъ, могло бы образоваться общество, съ антиправительственными цѣлями, — то во всякомъ случаѣ можно почти навѣрно сказать, что, по новости и совершенной неопытности веденія такого дѣла, дѣйствія его были бы, въ раннемъ періодѣ, обнаружены и дальнѣйшее развитіе остановлено правительствомъ.

Вечера Петрашевскаго, по содержанію разговоровъ, касавшихся преимущественно соціально-политическихъ вопросовъ, и были единственные, ни у кого не виданные, въ Петербургѣ. Собранія эти продолжались обыкновенно до поздней ночи, часовъ до двухъ, до трехъ, и кончались скромнымъ, но достаточнымъ для всѣхъ ужиномъ.

Знакомство—собственно мое—съ Петрашевскимъ началось съ весны 1848 года.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ 34, средняго роста, полный собою, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ; на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его часто были въ безпорядкѣ, небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы проникающіе вдаль, были часто мутны и подернуты какъ бы масляннымъ лоскомъ. Лобъ у него былъ большаго размѣра, нахмуренный; онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ; разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взорѣ болѣе всего выражалась глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка. Это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный. Онъ

[1]) Извѣстный впослѣдствіи ученый и публицистъ, умеръ въ Крыму въ чинѣ тайнаго совѣтника, занимая высокій постъ на службѣ въ министерствѣ госуд. имуществъ и пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Ред.

[2]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, стр. 434—435, помѣщено два приглашенія В. Г. Бѣлинскому явиться къ Л. В. Дубельту въ III-е отдѣленіе 20-го февраля и 27-го марта. Ред.

воспитывался первоначально въ лицеѣ, но по своему рѣзкому поведенію былъ оттуда исключенъ, послѣ чего поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій университетъ, по юридическому факультету, и, окончивъ курсъ, состоялъ на службѣ при Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій—преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми ему мало знакомыми, но которые казались ему честными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около восьми лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхалось въ разные города Россіи и преимущественно въ университетскіе. Онъ давалъ читать всѣмъ, просившимъ его, и снабжалъ уѣзжающихъ книгами, которые, по его усмотрѣнію, были полезны для развитія общества. Онъ былъ по природѣ своей, человѣкъ совершенно эксцентричный. Въ болѣе молодомъ возрастѣ, по разсказамъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ, онъ бывалъ въ публичныхъ танцклассахъ и тамъ приводилъ въ удивленіе и страхъ всѣхъ присутствующихъ. Часто онъ приходилъ не одинъ и принималъ участіе въ возникавшихъ тамъ ссорахъ и побуждалъ оскорбленныхъ къ избіенію цѣлой компаніи задорныхъ.

Вообще, онъ враждебно смотрѣлъ на все, что имѣло видъ консерватизма. Онъ часто привязывался къ полицейскимъ различнаго рода чинамъ и входилъ съ ними въ самыя смѣлыя пререканія. Эти, ни къ чему не ведущія, выходки, однако же, о которыхъ сохранились преданія, были имъ давно уже оставлены, и дѣятельность его проявилась въ болѣе серьезномъ и сдержанномъ видѣ. Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду—въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ—съ единственною цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей. Утро онъ проводилъ большею частью въ чтеніи книгъ и въ составленіи какого-либо имъ намѣченнаго труда. Плодомъ такихъ занятій былъ извѣстный въ свое время напечатанный имъ словарь иностранныхъ словъ, въ которомъ разъяснялись въ особенности подробно слова, обозначающія извѣстныя формы государственнаго управленія.

Таковъ былъ Михаилъ Васильевичъ Петрашевскій, окончившій жизнь свою (7-го декабря 1867 г.) на поселеніи, въ отдаленномъ городкѣ Сибири. Несмотря на выдающіяся свои качества, горячую дѣятельность, увлеченіе дѣломъ и уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ людей, его окружавшихъ, онъ, по своему, можетъ быть нѣсколько холодному, обращенію, не былъ никѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, любимъ и никто не могъ бы назваться его искреннимъ другомъ.

О прочихъ участникахъ нашего дѣла я не могу сказать ничего по

малому моему знакомству съ ними. Мы всѣ, кажется, жили, не помышляя о нашемъ единеніи, которое только и произошло послѣ общаго нашего несчастія. Иногда нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ М. В. Петрашевскаго собирались у Н. С. Кашкина.

Такихъ было немного, и опредѣленныхъ дней для того не было.

Собирались также у К. М. Дебу люди близко другъ другу знакомые. Свой особенный кружокъ, сколько мнѣ извѣстно, съ особымъ направленіемъ, составлялъ Спѣшневъ, какъ бы соперничая съ Петрашевскимъ, и нѣкоторое время готовый устраниться отъ него, но Петрашевскій, видя въ этомъ ослабленіе общаго дѣла, съумѣлъ предупредить такое разъединеніе. Кромѣ этихъ, извѣстныхъ мнѣ, кружковъ, вѣроятно, были и другіе.

Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ былъ и я, вносили, кто сколько могъ, деньги на общую библіотеку, для выписки новѣйшихъ сочиненій по различнымъ отраслямъ знаній, при чемъ вовсе не имѣлись въ виду однѣ запрещенныя какія-либо цензурой книги, но вообще въ этомъ отношеніи разницы не дѣлалось никакой. Всѣ мы были то, что теперь называютъ либералами, но общественнаго союза въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи между нами не было, и мысли наши, хотя выражались словами въ разговорахъ и ими иногда пачкались наединѣ клочки бумаги, но въ дѣйствіе онѣ никогда не приходили. Между нами было нѣсколько человѣкъ, называвшіеся фурьеристами, къ числу которыхъ принадлежалъ и я. Фурьеристами мы назывались потому, что восхищались сочиненіями Fourier и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организованнаго труда видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій.

Въ мартѣ этого года (1849), не помню въ какой день, былъ у насъ устроенъ въ память Fourier, въ день его рожденія, banquet social. Обѣдъ былъ въ квартирѣ А. И. Европеуса; портретъ Fourier въ настоящую величину по поясъ, выписанный изъ Парижа къ этому дню, висѣлъ на стѣнѣ; насъ было 11 человѣкъ: Петрашевскій, Спѣшневъ, Европеусъ, Кашкинъ, К. Дебу, И. Дебу, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Пащенко, прочихъ двухъ—не помню.

Обѣдъ былъ очень оживленъ и пріятенъ для всѣхъ; сказано было двѣ рѣчи (Петрашевскимъ и Ахшарумовымъ); С. Н. Кашкинымъ прочтено было, въ русскомъ переводѣ, стихотвореніе Beranger «Les foux»; И. М. Дебу предложено было перевесть на русскій болѣе доступное для всѣхъ сочиненіе Fourier «Le nouveau monde industriel», которое, принесенное имъ, было тутъ же раздѣлено на части, и каждый взялъ себѣ часть для перевода. На обѣдѣ этомъ не было, однако же, самаго главнаго ревностнаго послѣдователя и талантливаго проповѣдника ученія Фурье—Н. Я. Данилевскаго. Незадолго до моего знакомства съ

*

Петрашевскимъ, читалъ онъ лекціи о системѣ Фурье, которыя сохранились въ памяти у всѣхъ присутствовавшихъ и были, по словамъ слушателей, очень увлекательны. Ему извѣстно было о нашемъ обѣдѣ, и онъ обѣщалъ Петрашевскому быть, но обѣщанія своего не исполнилъ. Причины тому остались для насъ совершенно неизвѣстными, и мы всѣ очень сожалѣли объ его неприходѣ. Мы разошлись поздно вечеромъ.

При выходѣ Петрашевскій задержалъ меня и двухъ Дебу, и уговорилъ насъ сопровождать его къ Данилевскому, чтобы пристыдить его въ его ренегатствѣ. Былъ поздній часъ ночи, и мы ѣхали на двухъ петербургскихъ гитарахъ. Я ѣхалъ съ К. Дебу, и мы оба были того мнѣнія, что Данилевскаго слѣдовало оставить въ покоѣ.

Желаніе Петрашевскаго было исполнено, мы прибыли на квартиру Данилевскаго (онъ жилъ, кажется, въ Офицерской улицѣ). Петрашевскій разбудилъ его, вывелъ изъ спальни и въ нашемъ присутствіи упрекалъ его въ неприбытіи. Не помню, что̀ Данилевскій отвѣчалъ и какъ оправдывался, но, видя человѣка разбуженнаго и сконфуженнаго, я пожалѣлъ о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, да и кромѣ того мы не имѣли никакого права упрекать его.

V.

Воспоминанія мои увлекли меня далеко за предѣлы моего заключенія, но мысли мои тогда безпрестанно возвращались къ этимъ предшествовавшимъ днямъ: то думалъ я о виновности нашей въ отдѣльности для каждаго, то вспоминалась мнѣ моя родная семья—братья, сестра, старушка-тетушка, которые были испуганы ночью и глубоко огорчены моимъ внезапно совершившимся арестомъ. Мнѣ вспоминались они вмѣстѣ собравшимися, горюющими о случившемся, оплакивающими меня, какъ погибшаго, навсегда изчезнувшаго изъ нашего роднаго кружка. Слезы текли невольно изъ глазъ и, обращаясь къ каждому изъ нихъ, я жаловался на судьбу, мысленно обнималъ и прощался съ каждымъ: «кончилась жизнь моя съ вами, миновали счастливые дни и долгіе годы моего съ вами житья, мои милые, мои дорогіе друзья. Останусь ли я живъ и, если уцѣлѣю отъ этого душевнаго погрома, гдѣ буду я жить и увижусь ли съ вами и когда, и гдѣ?»—Такъ говоря самъ съ собою, я плакалъ тихо, но горько; разлука съ ними, независимо отъ всего остальнаго, казалась мнѣ великимъ горемъ, а прежняя свободная жизнь моя казалась мнѣ идеаломъ счастія, потеряннымъ раемъ. Не одинъ я,

однако же, былъ подавленъ до слезъ приступами жестокой тоски: по временамъ то съ одной, то съ другой отъ меня стороны слышенъ былъ плачъ въ кельяхъ заключенныхъ.

Промучившись снова день, не зная, куда пріютиться, то становился я на окно, то ходилъ взадъ и впередъ въ моей клѣткѣ безъ всякихъ занятій, ворочаясь все въ одномъ и томъ же кругу моихъ безотвязныхъ мыслей, ничѣмъ не перебиваемыхъ, дожилъ я до вечера: одиночество, бездѣлье, томленіе мучило меня. Нерѣдко садился я на полъ и, сидя на колѣняхъ, закрывая лицо обѣими руками, громко сѣтовалъ и плакалъ, затѣмъ, поспѣшно вставая, вскакивалъ на окно, минутно упивался воздухомъ у фортки, сходилъ съ окна, шелъ къ двери, садился на кровать, на табуретку и опять лѣзъ на окно,—такъ метался я изъ стороны въ сторону. Снова были слышны хожденія, звонъ ключей, отворялась дверь, приносима и принимаема была безмолвнымъ солдатомъ пища.

Наступила вторая ночь, и на окнѣ моемъ зажглась снова сальная плошка. Она издавала особый запахъ съ копотью, и видъ ея былъ мнѣ противенъ; я подошелъ къ окну и задулъ ее. Замученный я легъ на кровать, спать хотѣлось, и я засыпалъ, но отъ жосткой подушки и на покатомъ тюфякѣ я безпрестанно просыпался и перемѣнялъ положеніе.

Такъ прошло не знаю сколько времени, какъ въ корридорѣ послышалось движеніе и разговоръ у моей двери. Потомъ я услышалъ стукъ въ окно двери и слова, обращенныя ко мнѣ: «Зачѣмъ потушили огонь?» Я ничего не отвѣчалъ и постарался забыться и заснуть, но въ скоромъ времени, однакоже, я услышалъ звонъ ключей у моей двери; дверь отворилась, и вошелъ дежурный крѣпостной офицеръ и сторожъ,—мнѣ выговаривали за потушеніе свѣтильни и нарушеніе заведеннаго порядка. Плошка была снова зажжена, и я остался одинъ. Въ эту ночь мнѣ не было холодно, но въ остальномъ ночь была такая же, какъ и предъидущая.

Въ эту ночь, мнѣ кажется, снился сонъ, котораго отдѣльныя картины сохранились у меня по сіе время въ памяти.

Мнѣ снилось мое жилище въ Большой Морской, въ институтѣ восточныхъ языковъ (гдѣ я числился студентомъ). Оно состояло изъ комнаты, выходившей въ общій съ другими жильцами корридоръ, во 2-мъ этажѣ большаго дома (домъ министерства иностранныхъ дѣлъ). Въ комнатѣ было одно окно,—въ немъ большая фортка. Въ этомъ жилищѣ моемъ было нѣсколько запрещенныхъ цензурою книгъ и моихъ письменныхъ набросковъ, за которые я могъ быть обвиненъ и о которыхъ я много думалъ въ эти два дня. Мнѣ снилось, что я ночью вошелъ тихонько въ корридоръ, думая пробраться въ комнату, и вижу: всѣ спятъ, и часовой стоитъ у дверей комнаты, а на двери лежитъ большая печать. Сердце у меня сжалось, и я тихонько ушелъ, вышелъ на улицу,

обошелъ кругомъ весь кварталъ и вошелъ вновь на дворъ этого дома черезъ ворота со стороны Мойки и, найдя тамъ знакомаго дворника, подговорилъ его поставить къ окну моему, выходившему на дворъ, высокую лѣстницу, чтобы можно было черезъ фортку пробраться въ комнату. И вотъ я уже отворилъ фортку и влѣзъ въ комнату; у меня въ рукахъ уже схвачены злополучныя письмена, какъ вдругъ слышу я голосъ дворника: «Баринъ! спасайтесь, идутъ!» Я хотѣлъ бѣжать, но проснулся, сердце стучало въ груди... Все было тихо, плошка горѣла.

Утромъ всталъ я измученный болѣе прежняго. Ночь была столь же тяжела, какъ и предыдущая. Голова у меня болѣла, и мѣстами больно было дотрогиваться до нея, и пальцы мои, которые я подкладывалъ подъ голову, были чувствительны. Было свѣтло; замазанное окно закрывало меня отъ всего живущаго. Вотъ третій день, какъ я одинъ, и все болѣе и грознѣе встаютъ однѣ и тѣ же мысли! На душѣ было такъ же душно, какъ и въ комнатѣ. Я отворилъ фортку,—повѣяло чистымъ воздухомъ,—всталъ на кружку и уткнулся носомъ въ открытое окно: предо мной былъ крѣпостной валъ и пустой дворикъ, гдѣ не было никого. Чистый весенній воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Я стоялъ такъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ услышалъ стукъ сзади меня; я обернулся и увидѣлъ, что въ окошкѣ двери тряпка поднята, и кто-то стучитъ пальцемъ въ стекло и, смотря на меня, кричитъ: «Сойдите съ окна!» Въ сердцѣ какъ бы кольнуло что-то; медленно сошелъ я съ окна. Надо же мнѣ умыться, хотя насколько возможно, отъ грязи, меня окружающей, и вотъ я моюсь, набирая въ ротъ воды; мою лицо и руки, боюсь проронить напрасно каждую каплю воды, которой у меня было мало. Но вотъ умылся, что же дѣлать я буду въ наступившій день? Какъ доживу я до вечера? И сколько дней еще придется сидѣть взаперти?!... Вопросъ этотъ былъ безотвѣтенъ, но предчувствія были зловѣщи и давали поводъ къ различнымъ мрачнымъ мыслямъ...

Что же далѣе? Стоитъ ли еще описывать это однообразное мучительное верченіе въ себѣ самомъ? Изученіе послѣдовательныхъ измѣненій души и тѣла, наступающихъ у одиночно-заключенныхъ на продолжительные сроки, составляетъ высокій интересъ для ученаго психолога и психіатра, но наблюдать ихъ не удалось еще никому,—ихъ только знаютъ и чувствуютъ на себѣ сами заключенные, а затѣмъ, если они и возвращаются къ свободной жизни, то они нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ и забвеніи всего перенесеннаго, а разрушенная прежняя обстановка жизни требуетъ новаго и большаго труда отъ человѣка уже съ надломленными силами, и только если кому-либо изъ таковыхъ, по истеченіи долгихъ лѣтъ, посчастливится оправиться насколько возможно и обезпечить вновь свою жизнь,—тотъ только можетъ предаться воспомина-

ніямъ давнопрошедшаго, сквозь туманную завѣсу десятковъ лѣтъ, едва различая образы минувшаго.

VI.

Въ дальнѣйшемъ теченіи моей жизни, какъ бы она въ сущности однообразна и монотонна ни была, вспоминаются, однако же, въ теченіе столь продолжительнаго времени случавшіяся иногда и различныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка—случайныя происшествія дня, развлекавшія или отягчавшія меня еще бо̀льшими мученіями. О нихъ хотѣлось бы упомянуть въ хронологическомъ порядкѣ и на нѣкоторыхъ остановиться большее время. Хронологическій порядокъ, однако же, хотя и желателенъ, но онъ едва-ли исполнимъ, потому я могу только сказать, что я желаю, насколько не измѣнитъ память, придерживаться его.

По прошествіи нѣсколькихъ дней у меня сильно болѣла голова отъ маленькихъ опухолей, переходившихъ въ нагноеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали дѣлаться нарывы на концахъ пальцевъ въ родѣ маленькихъ ногтоѣдъ, которые меня не мало мучили. Нагноеніе было на всѣхъ пальцахъ рукъ, кромѣ большихъ пальцевъ (Daumen). Это было отъ давленія жесткою подушкою и можетъ быть отъ грязной наволочки. На рукахъ оно было потому, что ладонная часть и пальцы рукъ были постоянно подкладываемы подъ щеку и голову. Въ сравненіи съ тюремнымъ заключеніемъ эта маленькая бѣда была, конечно, ничтожна, но, однако же, она причиняла мнѣ ежеминутныя страданія и озабочивала меня желаніемъ избавиться отъ нея. И вотъ, въ утренній приходъ ко мнѣ дежурнаго офицера, я просилъ его дать мнѣ мыла и воды какъ можно болѣе, а также и перемѣнить подушку, по крайней мѣрѣ приказать дать мнѣ чистое постельное бѣлье. Просьба моя — относительно мыла и воды — была исполнена въ тотъ же день, но подушка осталась до субботы — дня, въ который перемѣнялось бѣлье всѣмъ. Чувствительность кожи головы у меня стала мало-по-малу уменьшаться, и нарывы всѣ стали проходить. Вся эта болѣзнь, однако же, продолжалась около двухъ недѣль.

Безпрестанно предавался я соображеніямъ, долго ли будемъ мы заключены въ крѣпости, и всегда утѣшалъ себя тою мыслью, что недѣли двѣ необходимо нашимъ судьямъ для разсмотрѣнія нашего дѣла, но болѣе этого срока я никакъ не давалъ имъ. Съ одной стороны, дѣло казалось мнѣ весьма несложнымъ и незначительнымъ, а съ другой—

я просто съ отвращеніемъ и боязнью убѣгалъ отъ всякой мысли о возможности продолжительнаго сидѣнья нашего въ крѣпости и каждый прошедшій день считалъ уже пережитымъ страданіемъ. Вѣдь теперь весна, а мы всѣ задыхаемся здѣсь въ гниломъ воздухѣ. Такъ думалъ я и, влѣзая на окно къ форткѣ, впивалъ въ себя струю свѣжаго воздуха. Каждый день прошедшій приближаетъ меня къ выходу. Часто также думалъ я и о времени: я спрашивалъ себя: «да какой же у насъ теперь день и число?» На этотъ вопросъ я никакъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отвѣта,—такъ при этомъ внезапномъ погромѣ перепуталось въ головѣ исчисленіе. Каждый день спрашивалъ я себя: «конецъ апрѣля у насъ или уже май мѣсяцъ?»

Прошло много дней (дней 10 или болѣе), много думъ перебывало въ головѣ, какъ вдругъ услышалъ я голоса людей, и звонъ въ этотъ день въ Петропавловскомъ соборѣ, казалось, былъ болѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни. Я вскочилъ съ особеннымъ любопытствомъ на окно и кружку, и увидѣлъ проходящихъ и останавливающихся на валу крѣпости передъ нашими окнами. Люди различныхъ, повидимому, сословій, различно по-праздничному одѣтые,—мужчины, женщины и дѣти,—проходили и, пріостанавливаясь, вглядывались въ наши окна и за рѣшетками спрятанныя отъ нихъ лица и бросали мѣдныя деньги на маленькій дворъ нашъ. Я, устремивъ на нихъ глаза, всматривался въ каждаго изъ любопытства, а также изъ возможности увидѣть кого-либо изъ знакомыхъ. Пятаки шлепали о землю, въ разговорахъ упоминалось о святомъ Николаѣ, иные шептались, смотря на насъ. Грустное чувство произвело на меня это шествіе людей, подающихъ намъ милостыню. Шествіе это продолжалось недолго—съ четверть часа,—потомъ все утихло, изчезло, какъ видѣнье, и мы остались по-прежнему одинокими.

Неожиданное явленіе это имѣло вліяніе на разъясненіе путаницы счета дней. Я уразумѣлъ вдругъ, что этотъ день есть 9-е мая, Николинъ день, и былъ даже обрадованъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ истиннаго времени. Съ этого дня я твердо установился въ исчисленіи времени и неупустительно велъ его въ продолженіе всѣхъ 8 мѣсяцевъ моего заключенія въ крѣпости.

Въ одинъ изъ дней первой половины мая тюремная жизнь моя была вдругъ нарушена слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ утренній часъ я услышалъ хожденіе и бѣготню въ корридорѣ и вскорѣ затѣмъ звонъ связки ключей, остановившійся у моей двери: вошла знакомая уже мнѣ фигура—дежурный офицеръ по крѣпости (ихъ было всего два и третій—плацъ-маіоръ, и они смѣнялись поочередно). Вмѣстѣ съ этимъ—служителемъ принесено было мое платье, въ которомъ я былъ арестованъ и которое у меня было отобрано въ день заключенія. Мнѣ сказано было одѣться. Сердце мое забилось,—«неужели меня освободятъ?—

Нѣтъ, что-то другое ожидаетъ меня. Да, конечно, меня требуютъ въ судъ, къ допросу. А потомъ? потомъ приведутъ опять сюда!» Я одѣлся поспѣшно; офицеръ не расположенъ былъ разговаривать, мы вышли. И я увидѣлъ днемъ тѣ мѣста, по которымъ меня вели ночью—при арестѣ 23-го апрѣля. Я проходилъ дворикъ поперекъ и затѣмъ продѣланный ходъ черезъ толстую крѣпостную стѣну, потомъ мостикъ, и затѣмъ я увидѣлъ себя на большомъ дворѣ крѣпости у фаса со стороны Невы. Несмотря на мое безпокойство и мысли, сосредоточенныя на предстоящемъ допросѣ, я ощущалъ какое-то особое чувство радости, благосостоянія отъ воздуха, меня объявшаго внѣ стѣнъ и потолка душной тюрьмы; я смотрѣлъ на небо и по сторонамъ съ какимъ-то наслажденіемъ, взоръ отдыхалъ на представшихъ вдругъ глазамъ моимъ новыхъ предметахъ. Весенній день казался мнѣ ослѣпительнымъ, чуднымъ, живительнымъ. Вотъ я прохожу бульваромъ, на немъ распускающіяся деревья и зеленая трава. Не видѣвъ ихъ въ этомъ году, я былъ удивленъ, какъ вдругъ все выросло, послѣ апрѣльскихъ холодныхъ дней, и готово уже перейти въ лѣто.

«Охъ, засидѣлся я въ тюрьмѣ!»—думалъ я,—«какъ хороша жизнь на свободѣ!» Рядомъ со мной шелъ офицеръ, а сзади слѣдовалъ солдатъ. Мы подошли къ бѣлому двухъ-этажному дому и вошли въ него. Тамъ введенъ я былъ по лѣстницѣ во второй этажъ, и затѣмъ предо мной отворилась дверь, и я вошелъ въ небольшую свѣтлую комнату; въ ней увидѣлъ я сидящихъ за столомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Они имѣли видъ старыхъ заслуженныхъ генераловъ, и между ними одинъ былъ въ статокомъ платьѣ со звѣздою. Ихъ было пятеро. Какъ я узналъ впослѣдствіи—это были: князь Пав. Павлов. Гагаринъ (одѣтый въ статское платье), полный, блѣдный, сѣдой, казался старѣйшимъ изъ нихъ; князь В. А. Долгорукій; генералы: Ростовцевъ, Набоковъ (комендантъ крѣпости) и Дубельтъ.

Сначала установлены были мое имя и фамилія, а потомъ князь Гагаринъ объявилъ мнѣ, что я состою участникомъ преступнаго дѣла, за которое арестованъ, и единственная возможность смягченія моей участи—это полное признаніе во всемъ и открытіе всего извѣстнаго мнѣ въ дѣлѣ злоумышленія. Я долженъ былъ отвѣчать немедленно: какое у насъ было общество, кто состоитъ членами его, поименовать всѣхъ злоумышленниковъ и объяснить, какая цѣль была тайнаго общества, какія средства употреблялись къ достиженію цѣли?

Закиданный такими вопросами, я былъ удивленъ и отвѣчалъ, что у насъ не было никакого общества, а потому и отвѣтить на всѣ остальные вопросы я не знаю что. Я же не могу нарочно вымышлять... Тогда я спрошенъ былъ о собраніяхъ въ домѣ Петрашевскаго, на которыхъ я бывалъ. Мнѣ прибавлено было, что имъ все извѣстно, и всякимъ

скрытіемъ я только запутаю себя еще болѣе. «Что происходило на такомъ-то собраніи, такого-то числа и на томъ тогда-то?» Я отвѣчалъ, что бывалъ иногда на вечерахъ Петрашевскаго; тамъ говорилось о различныхъ предметахъ, ученыхъ, литературныхъ, политическихъ. Что именно говорилось въ какой-либо день—я не помню, тѣмъ болѣе, что я не всегда же и бывалъ на этихъ вечерахъ.

— Нѣтъ, вотъ такого-то числа—5-го декабря—вы были, и вы не можете не знать, что тамъ дѣлалось и кто о чемъ говорилъ.

— Я рѣшительно не помню и не могу сказать. Мнѣ казались эти разговоры не столь важными, чтобы ихъ помнить, и я никакъ не думалъ, чтобы когда-либо я долженъ былъ отвѣчать объ этомъ.

— Кто бывалъ на этихъ вашихъ сходкахъ? назовите всѣхъ, кого вы видѣли,

Я назвалъ нѣсколько лицъ изъ тѣхъ, кого видѣлъ арестованными въ III отдѣленіи 23-го апрѣля.

— Я былъ знакомъ съ немногими, — отвѣчалъ я, — большинство людей, встрѣчаемыхъ тамъ мною, было неизвѣстно, и Петрашевскій не имѣлъ привычки знакомить насъ.

Такимъ образомъ допрашиваемъ былъ я въ этотъ разъ съ полчаса времени. Вопросы предлагаемы мнѣ были то тѣмъ, то другимъ изъ присутствующихъ, но, видя, что отвѣты мои ничего не разъясняютъ, они не знали, что уже спрашивать, и я былъ отпущенъ.

Допросомъ этимъ я былъ сильно взволнованъ и, довольный собою, спускался съ лѣстницы, сопровождаемый тѣми же провожатыми. Мы вышли снова на крѣпостной дворъ; меня снова обнялъ нѣжнымъ своимъ дыханьемъ весенній, чистый, незамкнутый воздухъ; я упивался имъ съ наслажденіемъ и замедлилъ ходъ.

— Опять туда же вы меня ведете?

— Опять туда же,—отвѣчалъ сопровождавшій меня офицеръ.

— Надолго ли? Какъ думаете?

— Не могу вамъ сказать,—мнѣ вѣдь ничего не извѣстно.

Мы придвигались все ближе къ прежнему подсводному ходу и мостику, и вотъ я вновь перехожу маленькій дворикъ, и двери тюремнаго корридора уже отворились, я вошелъ въ него и сразу почувствовалъ разительную перемѣну воздушной среды: темно и душно, въ амбразурахъ видна невская вода; вотъ и дверь моей кельи открыта, и я вновь введенъ въ нее и запертъ на ключъ.

Вотъ и судъ начался,—думалъ я, а уже болѣе двухъ недѣль сижу я въ тюрьмѣ—и сколько еще времени просижу? Неужели еще двѣ недѣли? И отчего такъ медленно ведутъ они дѣло? Развѣ оно такое большое?!.. Тяжело было на душѣ, и мысли, съ каждымъ днемъ все болѣе мрачныя, отягчали меня.

Тюремная моя келья была, кажется, четвертая отъ входной двери мрачнаго корридора. Стѣны отдѣляли меня отъ моихъ сосѣдей справа и слѣва. Мнѣ слышны были ихъ шаги, по временамъ слышались глубокіе, громкіе вздохи. Иногда то тамъ, то здѣсь слышенъ былъ по корридору, чрезъ нѣсколько стѣнъ, плачъ кого-либо,—то рыданье, то всхлипыванье.

Тишина, спертый воздухъ, полнѣйшее бездѣлье, доходившіе до меня возгласы и вздохи заключенныхъ товарищей, неизвѣстныхъ мнѣ,—все это вмѣстѣ производило удручающее вліяніе, отнимавшее окончательно бодрость духа. Нервное утомленіе или, лучше сказать, переутомленіе начало выражаться безпрестанной зѣвотой; часто слезы текли изъ глазъ, иногда пробѣгала какая-то дрожь по спинѣ. По временамъ появлялись приступы болѣе сильной тоски и выражались какимъ-то, прежде сего никогда незнакомымъ мнѣ, неостановимымъ плачемъ, послѣ чего впадалъ я въ совершенную апатію и оставался безъ движенія, безъ мысли. Запасъ жизни, однако же, пробуждалъ меня снова къ дѣятельности въ замкнутомъ кругу. Мысли роились снова, то блуждая въ воспоминаніяхъ прошедшаго, то останавливаясь на безвыходномъ положеніи настоящаго.

По истеченіи нѣкотораго времени стали слышаться не одни печальные стоны, но и пѣсни кое-гдѣ между заключенными. Пѣсни становились болѣе частыми и болѣе громкими; по содержанію онѣ были весьма разнообразны: то слышалась знакомая протяжная, заунывная, то незнакомые мнѣ напѣвы.

Дѣлать нечего, надо было утѣшать и ободрять себя, чѣмъ возможно, хотя бы минутнымъ обманомъ, лишь бы какъ-нибудь пережить это трудное, мучительное заключеніе. Вскорѣ и сосѣдъ мой съ правой стороны сталъ пѣть, и голосъ его, и пѣніе, слышанные мною часто, привлекали мой слухъ и развлекали меня не мало. Онъ пѣлъ, какъ соловей поетъ въ клѣткѣ. Имя его я узналъ прежде выхода моего изъ тюрьмы—какъ о томъ объясню ниже.

Однажды, осматривая кровать мою, снаружи расшатанную временемъ уже, я замѣтилъ въ одномъ углу ея торчащій гвоздь; взявшись за него, я увидѣлъ, что онъ не крѣпокъ, и его можно съ усиліемъ расшатать и вытянуть. Гвоздь этотъ казался мнѣ вещью полезною въ моемъ положеніи,—какъ орудіе самоубійства, въ случаѣ уже невозможности снести неизвѣстное, ожидаемое мною. Я ухватилъ его крѣпко и шаталъ, и тянулъ съ роздыхами до тѣхъ поръ, пока не вытянулъ. Гвоздь оказался длиннымъ—съ палецъ, и толстымъ—съ писчее перо.

Первое употребленіе, которое я извлекъ изъ него—это чистка ногтей, нѣсколько разъ въ продолженіе дня. По вытащеніи его, онъ почти не выходилъ у меня изъ рукъ. Я его тщательно пряталъ отъ взоровъ сто-

рожей и входившихъ ко мнѣ ежедневно для подачи пищи офицеровъ и служителей. Стоя на окнѣ у фортки, я точилъ его о желѣзную рѣшотку и придавалъ ему желаемую остроту или слегка затуплялъ его, смотря по расположенію духа. Гвоздь этотъ я берегъ, какъ вещь мнѣ весьма нужную, и тщательно сохранялъ его до конца моего пребыванія въ крѣпости. Объ употребленіи его я скажу послѣ.

Первый мѣсяцъ тюремной жизни въ крѣпости казался мнѣ жестокимъ, невыносимымъ, но по истеченіи его образовалась уже нѣкоторая выносливость. Не то, чтобы пребываніе это въ заключеніи сдѣлалось сноснымъ, — нѣтъ, я жилъ одною мыслью, что дѣло наше должно окончиться если не сегодня, то завтра, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня не удивляла уже моя душная, съ загрязненными стѣнами, келья. Я примѣнился къ минимальной простѣйшей жизни и размышлялъ о томъ, какъ сдѣлать ее менѣе тягостною, менѣе вредною для здоровья, убѣждая себя, что вѣдь пройдетъ же это время не завтра, такъ послѣ завтра, черезъ недѣлю. Фортка держалась открытою день и ночь во всякую погоду; воды я не переставалъ требовать два раза въ день большую кружку (стакановъ 10); сталъ ходить по комнатѣ, для движенія, а иногда прыгалъ и дѣлалъ гимнастику; ѣлъ чрезвычайно мало. Большую часть дня сталъ проводить я, стоя на окнѣ, носомъ въ форткѣ. Сторожъ, присматривавшій въ наши кельи, рѣдко исполнялъ свою обязанность. Иногда, увидѣвъ меня стоящимъ на окнѣ, онъ стучалъ и говорилъ: «сойдите съ окна»,—я сейчасъ же сходилъ, но потомъ вскорѣ опять вспрыгивалъ на площадку окна и стоялъ, пока не уставалъ. Наконецъ, и сторожа,—все одни и тѣ же,—уже привыкли къ нашимъ безвреднымъ привычкамъ и, внося пищу столько разъ и не получая ни отъ насъ, ни черезъ насъ никакихъ непріятностей по службѣ, считали насъ уже какъ бы своими людьми, которыхъ обижать безъ надобности не слѣдуетъ, и эти напоминанія о схожденіи съ окна совершенно прекратились.

Офицеры, посѣщавшіе насъ, которыхъ было всего трое (одинъ—всегда кашлявшій, больной, худой, для меня весьма непріятный; другой—брюнетъ, очень высокій, худой тоже, который мнѣ нравился, и третій—миловидный плацъ-маіоръ—нѣмецъ, для меня безразличный), вначалѣ, бывшіе съ нами почти совершенно безсловесными, стали болѣе внимательны къ намъ и не такъ молчаливы и безучастны. Одинъ изъ нихъ, не помню который, на просьбу мою, нельзя ли получать какую-нибудь книгу для чтенія—предложилъ мнѣ сначала, имѣющуюся у него въ распоряженіи, библію, которую и просилъ я принести мнѣ, а потомъ онъ доставилъ мнѣ вскорѣ и другую книгу—одинъ изъ старыхъ журналовъ,—кажется, «Отечественныя Записки». На книги эти я набросился съ жадностью и читалъ. ***

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I.

(историческая характеристика).

Личность императора Николая Павловича вызываетъ обыкновенно самыя разнообразныя, но неизмѣнно страстныя сужденія, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того интереса, который она возбуждаетъ къ себѣ. «На фонѣ прошлаго Россіи духовный обликъ Николая Павловича вырисовывается особенно ярко и выпукло. Онъ не только воплощаетъ въ себѣ все его царствованіе, но просто подавляетъ его своею могучестью. Скажутъ, что это нехорошо, что это должно было вредно отразиться на ростѣ Россіи, но мы не задаемся задачей произвести здѣсь оцѣнку его управленія, мы хотимъ лишь нѣсколько выяснить эту гигантскую личность и причины, создавшія то обаяніе, которымъ она окружена въ глазахъ почти каждаго истинно русскаго человѣка, часто помимо его воли.

«Причины этого обаянія кроются прежде всего въ цѣльности характера императора Николая. Преданіе по преимуществу сохраняетъ воспоминаніе о цѣльныхъ натурахъ: онѣ сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе, легче поддаются опоэтизированію, сильнѣе врѣзываются въ память народа. Николай Павловичъ былъ именно такою натурою—цѣльною натурою сказочнаго богатыря, къ которому привились, однако, и черты чисто западнаго рыцаря—высокое понятіе о чести, благородствѣ, служеніе долгу. Онъ остается вѣренъ себѣ отъ страшнаго дня 14-го декабря до своей полной трогательнаго величія кончины 18-го февраля 1855 г. Оба дня запечатлѣны неизмѣннымъ благородствомъ его души, ни на одно мгновеніе не измѣнившей себѣ, какъ въ день, когда онъ принялъ на себя «служеніе Россіи», такъ и въ день, когда онъ пере-

далъ свои обязанности «перваго слуги Россіи» своему наслѣднику» [1].

Недавно вышелъ первый томъ новаго и, къ сожалѣнію, послѣдняго труда Н. К. Шильдера «Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе», нѣкоторыя части котораго были напечатаны предварительно въ «Русской Старинѣ». Судя по вышедшему тому, и этому сочиненію покойнаго историка и постояннаго сотрудника «Русской Старины» присущи тѣ же достоинства, какъ и его предъидущимъ трудамъ: тѣ же обиліе новыхъ данныхъ, блескъ и, подчасъ, смѣлость характеристикъ, тѣ же образность выраженій и громадная эрудиція, тѣ же поразительная добросовѣстность и богатство отдѣльныхъ примѣчаній и приложеній, которыя сами по себѣ являются цѣлой сокровищницей. Прослѣдить, пользуясь всѣмъ этимъ матеріаломъ, какъ формировался и какъ сложился образъ этого «Царя-Рыцаря», «перваго слуги» Россіи, и составляетъ задачу настоящей статьи.

I.

Нельзя сказать, чтобы въ своей юности Николай Павловичъ былъ поставленъ въ счастливыя условія въ отношеніи воспитанія и образованія. Непосредственное вліяніе императрицы Маріи Ѳеодоровны не могло еще сказываться: по своему характеру, оно было способно воздѣйствовать не на мальчиковъ, а на юношей, уже способныхъ мыслить и чувствовать. Къ тому же Марія Ѳеодоровна всецѣло полагалась на педагогическія способности главнаго воспитателя юныхъ великихъ князей, генерала Матвѣя Ивановича Ламздорфа. Какъ высоко она ставила его, видно изъ эпитетовъ, которые она придавала ему, упоминая о немъ въ письмахъ или разговорахъ: «добрый старикъ», «дорогой папà Ламздорфъ», «добрый старый, уважаемый Ламздорфъ», «добрый и достойный старикъ», «нашъ добрый папà Ламздорфъ», «этотъ уважаемый старецъ», «нашъ достойный и уважаемый Ламздорфъ». «Ради Бога,—писала она великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичу уже въ 1815 году, — часто пишите ему и не пренебрегайте ни однимъ случаемъ засвидѣтельствовать ему всю вашу признательность». «Его правдивость,—писала она въ другомъ случаѣ,—зеркало, въ которомъ вы видите себя, мои дѣти, въ своемъ настоящемъ видѣ».

По свидѣтельству же великой княгини Маріи Павловны, Ламздорфъ,

---

[1] «Царь-Рыцарь», историческая характеристика П., «Новое Время», 25-го іюня 1896 г.

«человѣкъ прямой и достойный уваженія», «не понималъ» Николая Павловича и поэтому «часто былъ несправедливъ по отношенію къ нему».

Установленная Ламздорфомъ система воспитанія была суровая, и тѣлесныя наказанія играли въ ней большую роль. Младшіе же воспитатели Николая Павловича, по замѣчанію Н. К. Шильдера, не были способны направить умъ своего воспитанника къ преслѣдованію особо плодотворныхъ идеаловъ. Впрочемъ, къ чести ихъ, слѣдуетъ замѣтить, что «въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываютъ до нѣкоторой степени мѣры кротости, желаніе воздѣйствовать на нравственную сторону своего воспитанника, хотя строптиваго нрава, но одареннаго нѣжнымъ любящимъ сердцемъ, отстраняя мѣры строгости, къ которымъ прибѣгали вообще слишкомъ часто и вполнѣ безуспѣшно». Что касается избранныхъ для Николая Павловича преподавателей, то и ихъ выборъ, по словамъ автора, не можетъ вызвать одобренія. Нѣкоторые изъ числа этихъ наставниковъ были люди весьма ученые, но ни одинъ изъ нихъ не былъ одаренъ способностью овладѣть вниманіемъ своего ученика и вселять въ него уваженіе къ преподаваемой наукѣ. Лучшей иллюстраціей можетъ служить мнѣніе, высказанное о нихъ впослѣдствіи самимъ Николаемъ Павловичемъ. «Государь припомнилъ въ разговорѣ, какъ его и великаго князя Михаила Павловича мучили отвлеченнымъ преподаваніемъ. «Два человѣка очень добрые, можетъ статься, очень ученые, но оба несноснѣйшіе педанты: Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, который читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На рукахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго». Что же касается до своего религіозно-нравственнаго воспитанія, то императоръ Николай замѣтилъ, что его съ братомъ «учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Вообще императоръ Николай откровенно признавалъ, что онъ съ братомъ получилъ «бѣдное образованіе».

«Дѣтскій періодъ жизни великаго князя Николая Павловича (1802—1809),—замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—любопытенъ въ томъ отношеніи, что уже въ теченіе этого времени проявились задатки чертъ характера и наклонностей, составлявшихъ впослѣдствіи отличительныя черты импе-

ратора Николая. Настойчивость, стремленіе повелѣвать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь къ строительному инженерному искусству, духъ товарищества, выразившійся въ позднѣйшее время, уже по воцареніи, въ непоколебимой вѣрности союзамъ, несмотря на вѣроломство союзниковъ,—все это сказывается уже въ раннемъ дѣтствѣ и, конечно, подчасъ, въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ».

На-ряду съ этими хорошими чертами въ характерѣ мальчика великаго князя проглядывали нѣкоторые «недостатки и шероховатости», исчезнувшіе впослѣдствіи подъ вліяніемъ упорной работы надъ самимъ собою. Къ этимъ «недостаткамъ и шероховатостямъ» относятся: разсѣянность во время уроковъ, шумливость, заносчивость, самонадѣянность, вспыльчивость, строптивость, капризность и необщительность. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ К. Н. Шильдера, что перечисленные недостатки «свойственны огромному большинству дѣтей того же возраста; что же касается отсутствія общительности со стороны Николая Павловича, о которомъ говорятъ его воспитатели, то въ немъ, несомнѣнно, отражаются задатки гордаго, замкнутаго въ самомъ себѣ характера, которымъ отличался впослѣдствіи императоръ Николай въ сношеніяхъ со всѣми, за исключеніемъ своей семьи». Что же касается капризности, то за капризность принимали проявленіе настойчивости и непоколебимости, составившихъ впослѣдствіи отличительныя черты личности Николая Павловича, какъ императора.

Прибавимъ къ этому, что всѣ эти недостатки, устраненные впослѣдствіи упорной работой надъ самимъ собою, уже и въ дѣтствѣ не мѣшали проявляться врожденному благородству души великаго князя. Оно прорывалось и въ восторгахъ безкорыстіемъ Владиміра Мономаха, и въ искреннихъ сожалѣніяхъ, когда онъ замѣчалъ, что огорчилъ своихъ воспитателей, и въ томъ впечатлѣніи, которое производили на него мѣры кротости, когда онъ ожидалъ обычныхъ мѣръ суровости.

Характерною особенностью юнаго Николая Павловича, сохранившеюся на всю его жизнь, является какая-то неудержимая страсть ко всему военному. Страсть эта, свойственная и великому князю Михаилу Павловичу, получала отпечатокъ чего-то чисто болѣзненнаго. Этимъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснить постоянныя заботы Маріи Ѳеодоровны отвлечь вниманіе своихъ младшихъ сыновей отъ всего военнаго. Стремленія, преслѣдуемыя императрицею, замѣчаетъ авторъ, «были, безъ сомнѣнія, похвальными, но за исполненіе ихъ взялись неумѣлыми руками. Къ тому же, парадоманія, экзерцирмейстерство, насажденныя въ Россіи съ такимъ увлеченіемъ Петромъ III и снова послѣ Екатерининскаго перерыва воскресшія подъ тяжелою рукою Павла, пустили въ царственной семьѣ глубокіе и крѣпкіе корни. Александръ Павловичъ,

несмотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтпарада и всѣхъ его тонкостей. Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ до жестокости. О братѣ его Константинѣ и говорить нечего: живое воплощеніе отца какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу, среди муштруемыхъ имъ полковъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что наслѣдственные инстинкты проявились съ тѣми же оттѣнками и у юныхъ великихъ князей; они вполнѣ раздѣляли симпатіи и увлеченія своихъ старшихъ братьевъ».

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «вопреки стараніямъ, которыя прилагались, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобы предохранить великаго князя Николая Павловича отъ увлеченія военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась въ немъ, тѣмъ не менѣе, съ неодолимою силой. Она особенно сказывалась въ характерѣ его игръ». Любовь ко всему военному поддерживалась также и подъ вліяніемъ угодливости одного изъ кавалеровъ, Ахвердова, учившаго великаго князя строить и рисовать крѣпости, дѣлавшаго ему изъ воска бомбы, картечи, ядра и показывавшаго, какъ атаковать укрѣпленія и оборонять ихъ. Однимъ изъ любимыхъ занятій великаго князя было вырѣзываніе изъ бумаги крѣпостей, пушекъ, кораблей и т. под., а Ахвердовъ объяснялъ ему, какъ пользоваться этими фигурами для игръ.

Вообще все военное было дотого на первомъ планѣ въ мысляхъ маленькаго Николая Павловича, что даже, когда онъ строилъ дачу для няни или гувернантки изъ стульевъ, земли или игрушекъ, то онъ никогда не забывалъ укрѣпить ее пушками «для защиты». Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Михаилъ Павловичъ, болѣе живой по характеру, столько же любилъ разрушать, сколько старшій братъ строить, и поэтому послѣдній, заботясь о сохранности своихъ построекъ, боялся присутствія младшаго».

Лучшимъ доказательствомъ полной безплодности всѣхъ стараній Маріи Ѳеодоровны въ этомъ направленіи могутъ служить слова, сказанныя Николаемъ Павловичемъ, графу А. Х. Бенкендорфу, въ 1836 году, что занятія съ войсками составляютъ «единственное и истинное для него наслажденіе».

Характерно, что въ юности Николая Павловича и его брата Михаила создалось представленіе, что грубость—атрибутъ военнаго званія. Объ этомъ сохранилось свидѣтельство кавалеровъ, относящееся къ 1803 году: «они часто забываются и думаютъ, что нужно быть грубымъ, когда они представляютъ военныхъ».

На-ряду со своимъ влеченіемъ ко всему военному, Николай Павловичъ отличался въ дѣтствѣ большими робостью и трусливостью. «Робость восьмилѣтняго Николая Павловича и его младшаго брата Михаила Павловича,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—доходила до того, что они чувствовали себя неловко, находясь въ лагерѣ и среди большаго собранія, а встрѣчаясь съ офицерами, издали снимали шляпы и кланялись, опасаясь, чтобы ихъ не взяли въ плѣнъ».

Конечно, все это чисто дѣтскія черты, наблюдаемыя обыкновенно у громаднаго большинства дѣтей, но въ отношеніи лицъ историческихъ онѣ имѣютъ большое значеніе: онѣ или объясняютъ данный характеръ, или даютъ возможность прослѣдить, какимъ измѣненіямъ подвергся обликъ историческаго дѣятеля прежде, чѣмъ окончательно вылился въ ту или иную форму.

Къ такимъ же, чисто дѣтскимъ, но крайне характернымъ для Николая Павловича чертамъ слѣдуетъ отнести его постоянное стремленіе въ дѣтствѣ «принимать на себя въ играхъ первую роль, представлять императора, начальствовать и командовать. Любопытно, что, понявъ своимъ дѣтскимъ инстинктомъ различіе между собою и своимъ младшимъ братомъ, онъ старался по-своему пользоваться имъ». «Отдавая Михаилу Павловичу преимущество въ остроуміи, наружномъ блескѣ и ловкости,—пишетъ баронъ Корфъ,—онъ оставлялъ за собою командованіе и начальство во всѣхъ играхъ и съ самоувѣренностью хвалилъ одного себя, тогда какъ Михаилъ Павловичъ, чувствуя превосходство старшаго брата, всегда хвалилъ его, а не себя. Младшій былъ съ дѣтства насмѣшливъ, и Николай Павловичъ, не умѣя или не желая насмѣхаться надъ другими, употреблялъ для этого своего брата, котораго нарочно подстрекалъ и подзадоривалъ на насмѣшки и подшучиванія, и въ то же время, съ своей стороны, не сносилъ никакой шутки, казавшейся ему обидною, не хотѣлъ выносить ни малѣйшаго неудовольствія: однимъ словомъ, онъ какъ бы постоянно считалъ себя и выше, и значительнѣе всѣхъ остальныхъ».

Въ заключеніе обзора элементовъ, изъ которыхъ слагался дѣтскій обликъ Николая Павловича, и многіе изъ которыхъ сохранились на всю его жизнь, нельзя не указать на слѣды вліянія, которое оказали на него его няня, миссъ Лайонъ (няня-львица,—каламбуръ Николая Павловича) и преподаватель исторіи и географіи дю-Пюже.

Баронъ М. А. Корфъ высказываетъ справедливое предположеніе, «что въ первые годы жизни великаго князя, когда всѣ чувства, впечатлѣнія, антипатіи воспринимаются ребенкомъ безсознательно, между нимъ и его нянею существовала глубочайшая родственность натуръ; вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій, рыцарски благородный, сильный и открытый

характеръ этой няни-львицы долженъ былъ неизбѣжнымъ образомъ повліять на образованіе характера будущаго русскаго самодержца.

Но миссъ Лайонъ, много выстрадавшая отъ поляковъ въ Варшавѣ въ 1794 году, страстно ненавидѣла поляковъ. И впослѣдствіи Николай Павловичъ не разъ разсказывалъ, что «отъ няни онъ наслѣдовалъ свою ненависть къ полякамъ, и что чувство это укоренилось въ немъ со времени тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ отъ нея въ первые годы своей жизни объ ужасахъ и жестокостяхъ, происходившихъ въ 1794 году въ Варшавѣ».

Изъ взглядовъ же, которые при чтеніи исторіи проводилъ Пюже, на Николая Павловича произвелъ сильное впечатлѣніе взглядъ его учителя на французскую революцію. Пюже съумѣлъ внушить своему воспитаннику отвращеніе къ дѣятелямъ революціи, которое съ теченіемъ времени лишь возрастало. Тому же Пюже Николай Павловичъ высказалъ въ юности слѣдующій въ высшей степени характерный для него взглядъ, впервые примѣненный имъ, много лѣтъ спустя, къ декабристамъ:

«Король Людовикъ XVI не выполнилъ своего долга,—замѣтилъ онъ,—и былъ наказанъ за это. Быть слабымъ не значитъ быть милостивымъ. Государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства. Людовикѣ XVI имѣлъ дѣло съ настоящимъ заговоромъ, прикрывшимся ложнымъ именемъ свободы; не щадя заговорщиковъ, онъ пощадилъ бы свой народъ, предохранивъ его отъ многихъ несчастій».

Таковъ былъ Николай Павловичъ мальчикомъ. Онъ мало измѣнился въ періодъ отрочества и ранней юности. Да оно и понятно, такъ какъ вліяніе на него и всѣ условія, при которыхъ онъ росъ, все еще оставались тѣми же. Даже какъ будто въ этотъ періодъ времени замѣчалось нѣкоторое ухудшеніе. По свидѣтельству Н. К. Шильдера, «черты, проявлявшіяся у него уже съ дѣтства, за это время лишь усилились. Онъ сдѣлался еще болѣе самонадѣяннымъ, строптивымъ и своевольнымъ. Желаніе повелѣвать, развившееся въ немъ, вызывало неоднократныя жалобы со стороны воспитателей. Всѣ эти черты при добромъ сердцѣ юноши великаго князя могли бы смягчаться подъ вліяніемъ воспитанія, проникнутаго задушевной теплотою, нѣжною лаской, а этого-то и недоставало въ той обстановкѣ, которая окружала Николая Павловича въ его юности. Императоръ Александръ совершенно не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своего младшаго брата, и есть основанія предполагать, что даже рѣдко видѣлся съ нимъ. Въ ежедневныхъ журналахъ кавалеровъ встрѣчается только одно упоминаніе о свиданіи Александра Павловича съ младшими братьями 28-го октября 1803 года. По всей вѣроятности, бывали и другія свиданія, но несомнѣнно очень рѣдкія, потому что о нихъ было бы отмѣчено въ журналахъ, обыкновенно не

*

упускавшихъ никакихъ подробностей. Сердечныя заботы о сынѣ со стороны императрицы-матери сковывались во многомъ ея строгимъ представленіемъ объ этикетѣ.... Кавалеры тоже не пользовались вліяніемъ на великаго князя, и, къ тому же, нѣкоторые изъ нихъ въ особенности, въ послѣдніе годы его воспитанія, старались потворствовать его наклонностямъ.

Въ этотъ-же періодъ его жизни въ Николаѣ Павловичѣ развилась страсть къ фарсамъ, каламбурамъ, желаніе острить. Страсть эта, несомнѣнно, развилась подъ вліяніемъ стремленія со стороны Николая Павловича ни въ чемъ не уступать Михаилу Павловичу, надѣленному врожденнымъ остроуміемъ. «Онъ постоянно хочетъ блистать своими острыми словцами,—писали про Николая Павловича кавалеры,—и самъ первый во все горло хохочетъ отъ нихъ, часто прерывая разговоръ другихъ». Попытки Ламздорфа останавливать въ этомъ отношеніи великаго князя ни къ чему не приводили.

Но въ 1812 году произошло одно обстоятельство, вызвавшее рѣзкій переломъ въ характерѣ Николая Павловича. Онъ всей душою рвался на войну, но встрѣтилъ рѣшительный отказъ и со стороны матери, и со стороны брата-императора. Марія Өеодоровна объявила ему, что его «берегутъ для другихъ случайностей», а Александръ Павловичъ, въ виду настояній брата, сказалъ ему, что время, когда ему придется стать на первую ступень, быть можетъ, наступитъ ранѣе, чѣмъ можно предвидѣть это. «Пока же,—прибавилъ онъ съ отеческимъ доброжелательствомъ,—вамъ предстоитъ выполнить другія обязанности; довершите ваше воспитаніе, сдѣлайтесь насколько возможно достойнымъ того положенія, которое займете со временемъ: это будетъ такою службою нашему дорогому отечеству, какую долженъ нести наслѣдникъ престола».

«Эти загадочныя слава государя,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе на юнаго великаго князя, такъ какъ съ этого времени въ его характерѣ началъ какъ бы подготовляться какой-то переломъ: на него стали находить моменты задумчивости, сосредоточенности, онъ становился болѣе сдержаннымъ и обдуманнымъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ».

II.

Какъ разъ около этого же времени (1814 г.) обстоятельства позволяютъ проявиться непосредственному вліянію на Николая Павловича Маріи Өеодоровны. Поѣздки Николая Павловича за границу и путе-

шествіе его по Россіи даютъ поводъ Маріи Ѳеодоровнѣ обратиться къ нему съ рядомъ писемъ [1]), которыя при душевныхъ задаткахъ Николая Павловича вообще и, въ частности, при томъ переломѣ, который произошелъ въ немъ въ 1812 году, должны были оставить въ немъ неизгладимое впечатлѣніе.

Письма эти по возвышенности проводимыхъ въ нихъ идей, по своей сердечности, по той часто материнской заботливости, которою они проникнуты, наконецъ, по легкости слога, которымъ они выражены, представляютъ рѣдкій образецъ подобнаго рода литературы. Они невольно трогаютъ читателя. И это впечатлѣніе лишь усиливается сознаніемъ, съ какою силою изъ-за величественнаго облика царицы, матери двухъ императоровъ, пробивается обликъ просто матери, съ ея непосредственной любовью къ своему ребенку, съ ея, подчасъ, обыденной, часто мѣщанской моралью. И какую бы тѣнь ни старались набросить на Марію Ѳеодоровну, какіе властолюбивые замыслы ни приписывали бы ей, и немедленно послѣ смерти Павла Петровича, и послѣ смерти Александра Павловича,—эти письма возносятъ ее на такую нравственную высоту, которая недосягаема ни для клеветы, ни для недоброжелательства. Прочтя эти письма, понимаешь ту неразрывную связь, которая таится между ними и самымъ фактомъ существованія въ Россіи особаго вѣдомства—вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.

Кромѣ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ дѣтямъ, памятниками ея душевнаго величія и ея высокихъ взглядовъ на воспитаніе, главнымъ образомъ, Николая Павловича, служатъ ея письма, по поводу тѣхъ же путешествій, къ Коновницыну, состоявшему при великихъ князьяхъ во время заграничныхъ путешествій 1814 и 1815 г.г., къ графу Ливену, русскому послу въ Лондонѣ, записки императору Александру по поводу путешествія по Россіи въ 1816 году, инструкція по тому же поводу генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову, сопровождавшему въ этомъ путешествіи Николая Павловича, наставленіе по случаю того же путешествія самому Николаю Павловичу и записка Маріи Ѳеодоровны императору Александру по поводу заграничнаго путешествія 1816 года.

Въ своемъ напутственномъ письмѣ 1814 года, передъ отъѣздомъ Николая и Михаила Павловичей къ арміи за границу, она совѣтовала сыновьямъ «продолжать быть строго религіозными, не быть легкомысленными, непослѣдовательными и самодовольными; полагаться въ своихъ сомнѣніяхъ и искать одобренія своего «втораго отца», «достойнаго и уважаемаго» генерала Ламздорфа; избѣгать возможности оскорбить когонибудь недостаткомъ вниманія, быть разборчивыми въ выборѣ себѣ

---

[1]) Письма эти печатаются на страницахъ журнала настоящаго года.
Ред.

приближенныхъ, не поддаваться своей наклонности вышучивать другихъ, быть обдуманными въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, такъ какъ изъ всѣхъ знаній знаніе людей самое трудное и требуетъ наибольшаго изученія. Удивительно, что Марія Ѳеодоровна, предусматривая легкость, съ которою ея дѣти могутъ увлечься мелочами военной службы, настойчиво предостерегала ихъ отъ этого, совѣтуя, напротивъ того, запасаться познаніями, создающими великихъ полководцевъ; «слѣдуетъ,—писала она,—изучить все, что̀ касается до сбереженія солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красотѣ формы, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника».

Говоря объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ войною, императрица писала сыновьямъ: «опасность не должна и не можетъ удивлять васъ, вы не должны избѣгать ея, когда честь и долгъ требуютъ отъ васъ рисковать собою... Но если, мои дѣти, величайшая, благороднѣйшая храбрость должна отличать васъ, то скажите себѣ, что она должна быть обдумана и совершенно не походить на хвастливость молодаго человѣка, играющаго своею жизнью; однимъ словомъ, я хочу, чтобы вы были храбрыми, но не безразсудными».

Совѣтуя дѣтямъ заботиться о правильномъ распредѣленіи времени, посвящать свободныя минуты чтенію, стараться проникаться чудными примѣрами античнаго міра, императрица предостерегала ихъ также отъ праздности, умственной лѣни, убивающей духовныя способности и заглушающей самые лучшіе задатки...

Насчетъ отношеній великихъ князей къ государю Марія Ѳеодоровна совѣтовала имъ относиться къ нему одному (за исключеніемъ окружавшихъ его лицъ) съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью, предостерегая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ выраженія своего мнѣнія относительно дѣлъ, о которыхъ онъ не будетъ съ ними говорить, «стараясь при томъ не быть навязчивыми и не терять своего времени въ переднихъ».

Напутственное письмо 1815 года, передъ вторичнымъ отъѣздомъ великихъ князей къ арміи за границу, въ общемъ является повтореніемъ прежняго, но къ его особенностямъ слѣдуетъ отнести настойчивость, «съ которою Марія Ѳеодоровна совѣтовала сыновьямъ умѣло распоряжаться временемъ, дорожить имъ, находить возможность читать и заниматься». «Повторяйте себѣ,—писала она,—что въ тотъ день, когда вы не увеличиваете вашихъ познаній, вы утрачиваете ихъ; душа, какъ и умъ, не можетъ оставаться на одномъ уровнѣ: надо обогащаться нравственными достоинствами, пріобрѣтать познанія, или же характеръ портится, и умъ притупляется». Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее прекрасное мѣсто изъ письма императрицы: оно получаетъ особенное значеніе, если припомнить, чему Марія Ѳеодоровна была свидѣтельницею въ царствованіе Павла Петровича, и какое вліяніе на характеръ Ни-

колая Павловича оказывало въ его дѣтствѣ увлеченіе столь любимыми имъ военными играми. «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти, — писала императрица,—что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или повелительнаго тона; онъ развиваетъ его у всѣхъ, но онъ нестерпимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость».

Особенно Марію Θеодоровну поглощала мысль сохранить нравственность и непорочность своихъ младшихъ сыновей. Она высказывала Коновницыну въ 1815 году свою надежду, что, благодаря его вліянію, великіе князья удостовѣрятся въ путешествіи, что «съ честью неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которая, въ соединеніи со скромностью, столько же украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ получаетъ славу героя».

Парижъ особенно пугалъ ее. По этому поводу она писала Коновницыну въ іюлѣ 1815 года: «я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и преврата нужнѣе, нежели гдѣ-либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ ихъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ и забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но, будучи теперь старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца».

Эту же тему она затронула открыто и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ великимъ князьямъ.

9-го сентября 1815 года она писала дѣтямъ, передавая имъ слова Ламздорфа: «я надѣюсь, что они покинутъ Парижъ чистыми, добродѣ-

тельными, достойными вашей доброты (импер.: Маріи Өеодоровны), и что, снова очутившись въ вашихъ объятіяхъ, они будутъ имѣть возможность сказать вамъ: вы можете быть довольны нами, мама». Къ этому императрица добавила отъ себя: «я тоже льщу себя надеждой на это, дорогія дѣти, и горячо молю объ этомъ Бога».

Понятна поэтому радость, съ которою Марія Өеодоровна узнала объ отъѣздѣ Николая и Михаила Павловичей изъ Парижа. «Сколь ни утѣшительны для моего сердца отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей,—писала она Коновницыну,—я не могу, однако, довольно изъявлять признательности моей Провидѣнію за удаленіе ихъ, наконецъ, изъ Парижа».

Глубоко трогательны ея письма къ дѣтямъ, относящіяся къ этому времени (1815 году).

«Милыя, добрыя, любимыя дѣти,—писала она 5-го іюня,—я желала бы, чтобы вы были невидимыми свидѣтелями того удовольствія, которое доставили мнѣ ваши письма изъ Берлина; потому что, безъ всякаго сомнѣнія, вы бы порадовались этому, и видъ счастья мамы послужилъ бы наградой для васъ... Я счастлива также, дорогой мальчикъ (Николай Павловичъ), видя, что, несмотря на чувство, внушаемое вамъ [1]) милой Александринъ (принцесса Шарлотта прусская, впослѣдствіи императрица Александра Өеодоровна), вы ставите выше его свой долгъ, призывающій васъ на поле славы: такимъ образомъ вы становитесь болѣе достойны ея, дорогой мальчикъ, пріобрѣтаете права на ея уваженіе, на ея довѣріе, а когда вы будете обладать и тѣмъ и другимъ, ваше будущее счастье будетъ покоиться на прочномъ основаніи».

«Какъ я вамъ благодарна, дорогой Никошъ,—писала она нѣсколько позднѣе, 6-го сентября,—что вы говорите со мною съ такими откровенностью и непринужденностью; это единственный языкъ, допустимый между матерью и сыномъ.., единственный, устанавливающій довѣріе и узаконяющій его уваженіемъ. Я благословляю Бога, видя васъ придерживающимся принциповъ, которые, дорогой Николай, я часто указывала вамъ, какъ равно и нашъ достойный и уважаемый Ламздорфъ; постоянно руководитесь ими, и тогда вы всегда съ нравственнымъ удовлетвореніемъ будете заглядывать въ самую глубину самого себя и говорить себѣ: Богъ будетъ доволенъ мною, значитъ, и мама будетъ довольна».

Но забота о пріученіи сыновей къ серьезнымъ занятіямъ пробивается и въ этомъ письмѣ. «Мнѣ тягостно, мои дорогіе друзья, видѣть,— замѣчаетъ она,—что, вслѣдствіе вашихъ постоянныхъ утреннихъ занятій

---

[1]) Это обращеніе на „вы“ не должно удивлять читателя, такъ какъ переписка происходила на французскомъ языкѣ.

военною службою, вы не можете удѣлить времени серьезнымъ систематическимъ занятіямъ, которыя были бы полезны вашему уму, вашимъ сужденіямъ, вашимъ занятіямъ. Вотъ сколько даромъ потрачено времени, дорогія дѣти; помните правило моего отца, которое я такъ часто привожу вамъ: день, въ который не подвигаешься въ знаніяхъ, отступаешь въ нихъ».

Прекраснымъ дополненіемъ къ письмамъ Маріи Θеодоровны является письмо Коновницына, написанное имъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ въ 1816 году. Въ этомъ письмѣ онъ указывалъ имъ на необходимость работать надъ самими собою, ежедневно углубляться въ самихъ себя; говорилъ о пламенномъ состраданіи къ бѣднымъ, несчастнымъ, угнетеннымъ. «Помощь ближнему, – писалъ онъ,—да будетъ вамъ блистательнѣйшею радостію въ жизни». Онъ совѣтовалъ не быть грубыми, надменными, избѣгать льстецовъ, не быть высокомѣрными и самонадѣянными, умѣрять честолюбивыя желанія во избѣжаніе пролитія крови; по службѣ стараться улучшить положеніе каждаго и не требовать невозможнаго, избѣгать поверхностныхъ сужденій о людяхъ, остерегаться пристрастія. Онъ внушалъ имъ быть строгими судьями самихъ себя, «дабы на другой день быть въ своемъ поведеніи осторожнѣе». «Одно слово,—замѣчалъ онъ,—иногда сдѣлаетъ вредъ человѣку на весь вѣкъ! Невѣроятно, какія важныя послѣдствія происходятъ отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ высокомъ званіи вашемъ. Вы окружены подражателями, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые обольщаютъ ихъ страсти. Порокъ самъ по себѣ есть ядъ прилипчивый. Родъ человѣческій всегда готовъ къ очумленію. Искра часто производитъ пожаръ. Не думайте, чтобъ малѣйшій безпорядокъ въ поступкахъ вашихъ могъ остаться въ тайнѣ. По высокому рожденію вашему, вы сами по себѣ выше всякой защиты».

Очевидно, имѣя въ виду пристрастіе юныхъ великихъ князей ко всему военному, онъ старался вселить въ нихъ мысль, что вступать въ войну надобно всегда «съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную, какъ возможно короче, и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностью начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастье, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и, слѣдовательно, изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, естественное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло».

Путешествіе Николая Павловича по Россіи возбуждало въ Маріи Θеодоровнѣ совершенно особыя опасенія: ее озабочивала мысль, какое впечатлѣніе онъ произведетъ на всѣхъ тѣхъ, съ которыми ему придется

сталкиваться. Выясняя все значеніе этого путешествія, она писала ему въ своемъ письмѣ наставленія, что это путешествіе «повліяетъ на будущее счастье, которое такъ сильно зависитъ отъ мнѣнія, которое внушите о себѣ своимъ соотечественникамъ». Оттѣнивъ, что до этого времени его любили «надеждою», такъ какъ слышали хорошіе отзывы о немъ, но что теперь наступилъ моментъ, когда нужно упрочить это чувство привязанности: «нужно заслужить его вашей добротою, вашей ласковостью, которая должна проявляться въ вашихъ манерахъ, въ вашихъ словахъ, даже въ тонѣ вашего голоса, такъ какъ, когда вы слишкомъ возвышаете его, предоставляете ему развернуться во всей его силѣ, онъ пріобрѣтаетъ суровый оттѣнокъ, граничащій съ рѣзкостью, чего слѣдуетъ избѣгать».

«Съ признательностью,—писала она въ другомъ письмѣ,—воспользуйтесь всѣми средствами, предоставляемыми вамъ императоромъ для вашего просвѣщенія; пусть всѣ ваши вопросы носятъ тотъ обдуманный характеръ, который поведетъ васъ къ этой цѣли, и обратите вниманіе, чтобы ваши размышленія, оставаясь постоянно умѣренными, никогда не будучи категоричными, сохраняли тотъ отпечатокъ скромности, сдержанности, который такъ подходитъ для молодаго человѣка, въ особенности же, тогда, когда, какъ въ данномъ случаѣ для васъ, цѣль путешествія исключительно образовательная, познаніе своей страны, а не ревизія, требующая болѣе строгихъ сужденій, постоянно являющихся неумѣстными, если они не предписываются обязанностью. Помните, дорогой Николай, что предпринимаемое вами путешествіе не имѣетъ главною цѣлью военнаго дѣла: цѣль его заключается въ томъ, чтобы научиться знать свое отечество, умѣть оцѣнить его во всѣхъ его подробностяхъ, узнать состояніе каждой области, черезъ которую вы проѣдете, ея средства, ея нужды, способы облегчить ихъ, осмотрѣть всѣ полезныя учрежденія, благотворительныя, ученыя, фабрики и т. д. Вотъ, дорогой Николай, что̀ должно занимать вашъ умъ, ваши способности, такъ какъ вы должны набрать на всю жизнь запасъ знаній, который въ одинъ прекрасный день дастъ вамъ возможность хорошо служить императору, а равно оказаться полезнымъ своему отечеству. На познанія въ области военнаго дѣла, которыя вы пріобрѣтете въ этомъ путешествіи, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на полезный придатокъ, но они ни коимъ образомъ не должны получить преобладанія надъ главною цѣлью. Пользуйтесь и наслаждайтесь ими, но не подавайте повода думать, что это интересуетъ васъ болѣе, чѣмъ истинная цѣль,— пріобрѣсти познаніе своей страны во всѣхъ отношеніяхъ: административномъ, коммерческомъ и промышленномъ».

Въ инструкціи же генералъ-адъютанту Кутузову снова было повторено относительно цѣли путешествія, что «рѣчь идетъ не объ удовле-

творенія празднаго любопытства и, слѣдовательно, не о томъ, чтобы проѣздомъ увидѣть много мѣстъ, новыхъ предметовъ и обычаевъ, красивыхъ видовъ, а о томъ, чтобы образовать себя, научившись знать свое отечество во всѣхъ отношеніяхъ, наиболѣе касающихся его благоденствія, и составить себѣ мнѣніе о столь существенныхъ предметахъ». Вниманіе великаго князя слѣдуетъ привлекать главнымъ образомъ на то, что можетъ знакомить его съ состояніемъ каждой провинціи, заставлять сравнивать одну съ другою, чтобы видѣть различныя степени процвѣтанія, большее или меньшее содѣйствіе или противодѣйствіе, которыя встрѣчаетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность правительства». Но во всѣхъ разговорахъ великаго князя съ главными должностными лицами «должно проявляться лишь одно намѣреніе образовать себя». При этомъ указывалось, что слѣдуетъ остерегаться «желанія судить, приказывать и, въ особенности, критиковать, которому молодежь иногда поддается слишкомъ легко».

«Поведеніе, тонъ манеры, вопросы, разговоры, развлеченія, все въ великомъ князѣ должно обнаруживать не брата императора, облеченнаго порученіемъ ревизовать, а молодаго принца, желающаго лишь просвѣтить себя».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузову внушалось, чтобы область военнаго дѣла, «отвѣчающаго врожденной наклонности, возрасту и положенію юнаго путешественника», не послужила въ ущербъ «главной цѣли путешествія—познанію своего отечества».

Столь же серьезно смотрѣла императрица на путешествіе Николая Павловича по Англіи. Постоянно оттѣняя, что путешествіе это чисто образовательное, она просила русскаго посла въ Лондонѣ гр. Ливена содѣйствовать, чтобы пребываніе великаго князя въ Англіи во всемъ гармонировало съ ея девизомъ «простота». «Чѣмъ меньше великій князь будетъ терять времени на званые обѣды, тѣмъ будетъ лучше для употребленія имъ своего времени», писала она въ своей запискѣ императору Александру. По ея мысли, Николай Павловичъ постоянно долженъ былъ имѣть въ виду именно наиболѣе полезное употребленіе своего времени, «котораго никогда нельзя съэкономить въ достаточной степени». Поэтому она просила графа Ливена съ своей стороны принять мѣры, «чтобы на сколько возможно избѣгать потери драгоцѣннаго времени на обѣды и большія собранія, которыхъ, однако, нельзя и не должно отклонять совершенно».

«Вниманіе великаго князя,—писала она въ другомъ письмѣ,—не должно сосредоточиваться на какомъ-нибудь одномъ родѣ предметовъ, но распространяться, насколько возможно, на все то, что интересуетъ человѣчество, является общеполезнымъ или обрисовываетъ характеръ и отдѣльные успѣхи націи и степень культуры, которою она насла-

ждается во всѣхъ отношеніяхъ; на этихъ-то основаніяхъ и будетъ составленъ планъ путешествія, и въ немъ будутъ указаны какъ учрежденія, относящіяся къ гражданскому управленію, каковы парламентъ, засѣданія котораго не могутъ не заинтересовать великаго князя, суды, тюрьма, исправительныя заведенія и т. д., такъ и учрежденія военныя и морскія, какъ арсеналы, порты, склады, казармы, казенныя мастерскія для нуждъ арміи и флота; учрежденія, касающіяся наукъ и искусствъ, какъ университеты, музеи, коллекціи, мануфактуры, фабрики и пр., или, наконецъ, провинціи и мѣста, выдѣляющіяся своею красотою и своею культурою; каналы и иныя общественныя сооруженія, свидѣтельствующія о богатствѣ и процвѣтаніи страны. Знакомство съ наиболѣе выдающимися дѣятелями изъ области наукъ, искусствъ и даже литературы, насколько это совмѣстимо съ временемъ, которымъ великій князь можетъ располагать, я увѣрена, тоже найдетъ мѣсто въ планѣ, который предстоитъ выработать».

Призракъ разврата пугалъ Марію Θеодоровну и въ Лондонѣ, и она указывала въ письмѣ къ графу Ливену, что въ отношеніи Николая Павловича необходимо «избѣгать всего того, что въ городѣ, въ которомъ развратъ такъ великъ и такъ смѣлъ, могло бы болѣе или менѣе незамѣтнымъ образомъ посягать на нравственность великаго князя».

Въ теченіе заграничнаго путешествія Николаю Павловичу предстояло увидѣть различныя формы государственнаго и общественнаго строя. Предполагалось, что то, что̀ онъ увидитъ въ Англіи, должно особенно поразить его. Поэтому, чтобы помочь ему разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, графъ Нессельроде составилъ особую записку, въ которой проводилъ мысль, что человѣкъ всюду одинаковъ, что всѣ страны въ общемъ походятъ одна на другую, что о каждой изъ нихъ нужно судить въ связи съ ея исторіей; что англійская конституція—прекрасное зданіе, но всѣ соціальныя учрежденія—продуктъ времени, и что въ Англіи все—результатъ изолированнаго положенія страны. Въ заключеніе своей записки графъ Нессельроде писалъ, что, чѣмъ болѣе изучаешь всѣ особенности государственнаго строя Англіи, «тѣмъ болѣе убѣждаешься, что совокупность всего отнюдь не является плодомъ воли человѣческой; что основу этой конституціи составляютъ домашняя жизнь, нравы и воспоминанія англійскаго народа, огражденныя отъ всякаго посягательства извнѣ морями, окружающими его родную землю; что, наконецъ, эти учрежденія заслуживаютъ быть наблюдаемыми вблизи лишь для того, чтобы пріучать умъ наблюдателя къ мышленію, а не для того, чтобы служить готовымъ запасомъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы черпать размѣры новаго зданія, для возведенія его подъ совершенно инымъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ».

Останавливаясь на запискѣ графа Нессельроде, Н. К. Шильдеръ замѣчаетъ между прочимъ: «Было ли извѣстно императору Александру содержаніе записки графа Нессельроде? Позволительно въ этомъ сомнѣваться; едва-ли она могла служить отголоскомъ взглядовъ и убѣжденій государя, но по крайней мѣрѣ, въ эту эпоху его царствованія. Скорѣе можно предположить, что цѣль, положенная въ основу этой записки, соотвѣтствовала взглядамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и записка была составлена по ея просьбѣ. Что же касается Николая Павловича, то опасенія лицъ, внушавшихъ графу Нессельроде обратиться къ великому князю съ подобнымъ доброжелательнымъ предостереженіемъ, были совершенно напрасны: онъ въ немъ совершенно не нуждался. Вообще же можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что въ сущности авторъ записки ломился въ открытую дверь. Въ это время характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться, съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности, міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель вдохновенныхъ рѣчей Паррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно иного свойства, чѣмъ то, въ которой возросъ Александръ. Для Николая Павловича, даже въ юношескіе годы, немыслимъ былъ разговоръ, подобный тому, который велъ императоръ Александръ въ 1814 году въ Англіи съ выдающимися представителями партіи виговъ, о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, прибавивъ еще, что онъ озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «un foyer d'opposition (очагъ оппозиціи)». Николай Павловичъ, напротивъ того, не былъ способенъ къ подобнымъ увлеченіямъ, а поэтому можно было обойтись и безъ предостереженія, даннаго ему насчетъ непримѣнимости англійскихъ конституціонныхъ учрежденій къ другимъ странамъ».

Въ разсматриваемомъ отношеніи любопытенъ отзывъ Николая Павловича объ англійскихъ клубахъ и митингахъ. «Если бы,—замѣтилъ онъ однажды генералу Кутузову,—къ нашему несчастію, какой-нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ «или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

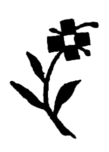
П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 г.

Мой жребій мнѣ всегда тамъ болѣе любезенъ,
Гдѣ вижу, что я былъ друзьямъ моимъ полезенъ,
Вотъ малымъ здѣсь моимъ начертанный трудомъ
Меня какъ собственный, такъ радуетъ твой домъ,
Да поживешь ты въ немъ благополучно,
Съ друзьями, съ музами, съ покоемъ неразлучно.
Да оживитъ еще цвѣтущій вѣкъ твой вновь
Сладчайшее думъ нѣжныхъ восхищенье,
Дающая всему одушевленье
Счастливая любовь!
И сердце иногда твое меня да воспомянетъ,
Когда мой поздній вѣкъ увянетъ,
Что другъ родителей твоихъ и твой потомъ
Здѣсь строилъ храмъ и домъ.

17-го сентября 1809 г. Сообщ. Н. Д.



Семейство Самойловыхъ.

Никто въ русской литературѣ не выразилъ такъ и съ такимъ горячимъ восторженнымъ чувствомъ очарованіе театра, какъ Бѣлинскій, который говорилъ, между прочимъ, что «театръ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплѣснѣвѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни, мощными и разнообразными впечатлѣніями, затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями, и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страстей и жизни» [1]. Бѣлинскій, какъ извѣстно, говорилъ, что въ юныхъ годахъ онъ готовъ былъ жить и умереть въ театрѣ. Но никакой любитель театра не можетъ при всемъ своемъ пламенномъ энтузіазмѣ такъ глубоко и всецѣло погрузиться въ этотъ особый волшебный міръ, какъ тѣ люди, которые сроднились съ нимъ съ дѣтства всѣми своими жизненными интересами, для которыхъ жизнь на сценѣ важнѣе и привлекательнѣе дѣйствительной жизни, для которыхъ даже самыя закулисныя тревоги и волненія съ раннихъ лѣтъ становятся родными и необходимыми, какъ воздухъ, которыхъ иногда, даже какъ будто противъ собственной воли, судьба влечетъ на театральные подмостки. Никогда не составляя изъ себя касты, семья артистовъ не рѣдко обнаруживаетъ замѣчательную вѣрность избранной профессіи, передавая ее по наслѣдству изъ рода въ родъ. Исторія нашего театра представляетъ не мало примѣровъ такой любопытной преемственности—если не всегда талантовъ, то очень часто по крайней мѣрѣ карьеры. Къ числу такихъ артистическихъ семействъ принадлежали и Самойловы.

Самымъ извѣстнымъ представителемъ семейства Самойловыхъ былъ любимецъ публики Александринскаго театра Василій Васильевичъ. Многіе въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, еще живо теперь помнятъ его чудную

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 507.

игру. Не менѣе замѣчательнымъ и въ свое время извѣстнымъ артистомъ былъ отецъ его, Василій Михайловичъ, прекрасный оперный пѣвецъ, также любимецъ публики, человѣкъ лично извѣстный императору Николаю Павловичу.

В. М. Самойловъ происходилъ изъ купеческаго сословія, но, не чувствуя призванія къ коммерціи и поѣздкамъ по ярмаркамъ, рано пристрастился къ хору пѣвчихъ своего отца. Когда однажды, десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ случайно услышалъ звуки кларнета, то, по его словамъ, онъ обомлѣлъ, какая-то искра пробѣжала по его суставчикамъ. Съ тѣхъ поръ онъ тайно отъ своего отца сталъ брать уроки отъ кларнетиста, обыкновенно раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, откуда потомъ отправлялся къ пономарю для обученія грамотѣ. Черезъ нѣсколько времени юноша сталъ принимать участіе въ отцовскомъ хорѣ и скоро превзошелъ всѣхъ товарищей. Въ церковь св. Никиты-мученика, гдѣ онъ пѣлъ, москвичи стекались нарочно, чтобы послушать талантливаго пѣвчаго. Такъ какъ у него былъ чудный теноръ, то московская опера имѣла уже на него свои виды, но Самойловъ совершенно неожиданно отправился съ своими пожитками въ Петербургъ, гдѣ быстро обратилъ на себя вниманіе публики, несмотря на свою застѣнчивость. Онъ утонулъ въ Финскомъ заливѣ, возвращаясь однажды на лодкѣ изъ Сергіевой пустыни. Жена его была также превосходная пѣвица и славилась особенно неподражаемымъ исполненіемъ русскихъ пѣсенъ.

Изъ дѣтей ихъ прежде всего зарекомендовала себя передъ петербургской публикой талантливая Марья Васильевна Самойлова, сначала выступившая на оперной сценѣ, но вскорѣ перешедшая на драматическій театръ. Она дебютировала въ переводной пьесѣ «Мирандолина» и такъ увлекла своей игрой публику, что съ двухъ-трехъ представленій рѣшительно сдѣлалась общей любимицей, и самъ императоръ выразилъ свое вниманіе къ молодому таланту подаркомъ брильянтоваго фермуара. Отъ М. В. Самойловой публика ожидала многаго и заранѣе была заинтересована ея дебютомъ, надѣясь увидѣть въ ней счастливую соперницу недавно игравшей съ огромнымъ успѣхомъ роль Мирандолины нѣмецкой актрисы Гагнъ. Весь Петербургъ бросился смотрѣть русскую Мирандолину, и она ничего не потеряла отъ сравненія съ нѣмецкой. Въ слѣдующій же свой выходъ Самойлова оказалась просто очаровательной во всѣхъ разнообразныхъ положеніяхъ ея роли. Постепенно стали затѣмъ обращать на себя вниманіе и другія дочери Самойловыхъ: Надежда Васильевна, Любовь Васильевна и Вѣра Васильевна. Послѣдняя сдѣлалась скоро знаменитостью, но по своему возрасту ярко могла заявить себя лишь нѣсколько позже сравнительно съ сестрами, изъ которыхъ сначала долго первенствовала Надежда Васильевна. Въ театральныхъ воспоминаніяхъ Р. М. Зотова мы находимъ уже въ 1840 г. такое

предположеніе: «не будетъ ли намъ, время отъ времени, напоминать русскія мелодіи талантливая дочь незабвенной артистки, Н. В. Самойлова»? Булгаринъ въ «Панорамическомъ взглядѣ» выражается такъ: «недавно взошла новая звѣзда на нашемъ сценическомъ горизонтѣ, и водевиль торжествуетъ».

Къ началу сороковыхъ годовъ на Александринской сценѣ было уже нѣсколько Самойловыхъ, пользовавшихся лестной и вполнѣ установившейся репутаціей. Особенно выдавалась Самойлова 2-ая (Надежда Васильевна), быстро возвышавшаяся еще при жизни Асенковой. Послѣдняя, несмотря на восторженную любовь къ ней публики и на искреннюю, горячую страсть къ своему призванію, въ послѣдніе годы теряла иногда отъ чрезмѣрно усиленной дѣятельности. Дѣло доходило до того, что рѣдкій спектакль играла она одну роль, большею же частью двѣ и три. Иногда даже по поводу ея игры невольно высказывалось удивленіе въ печати о томъ, когда-де она успѣваетъ выучивать такое множество ролей; при всемъ блескѣ ея таланта невольно бросались въ глаза незначительные промахи вродѣ того, что хотя она «была такъ прелестна въ русской душегрѣечкѣ, но зачѣмъ она не по-русски упала въ обморокъ? зачѣмъ она не бросилась на шею къ любой бабѣ, которыя шатались безъ всякаго дѣла на сценѣ, не обвилась около нея руками, не замерла отъ горя? Но больше всего Асенкова заставляла жалѣть о своемъ талантѣ тѣми чудными вспышками вдохновенія, которыя производили электрическое дѣйствіе на публику, все болѣе возвышая славу артистки. Такъ въ пьесѣ «Женихъ, какихъ мало» ея полное торжество надъ соперницей въ пьесѣ выразилось и въ звукѣ вскрика, и въ вспышкѣ глазъ, и въ движеніи живомъ, мгновенномъ и въ то же время вѣрномъ до высочайшей степени».—«Да, замѣчаетъ по этому поводу критикъ «Репертуара», да, г-жа Асенкова, вамъ нужна соперница, но соперница опасная: у васъ много таланта, много умѣнія, еще больше любви къ искусству, но жаль намъ зрителей, что у васъ нѣтъ соперницы: мы почаще наслаждались бы такими прекрасными минутами». Такой соперницей и явилась для нея, но только отчасти, Самойлова 2-ая, сразу обнаружившая большое дарованіе, хотя въ сущности, конечно, много уступавшая Асенковой.

Въ одной изъ первыхъ своихъ ролей въ водевилѣ Коровкина «Барышня-крестьянка», переделанномъ изъ извѣстной повѣсти Пушкина, она съ успѣхомъ выступила вмѣстѣ съ своимъ братомъ: Василій Васильевичъ игралъ тогда Берестова, а Надежда Васильевна—барышню-крестьянку, при чемъ она поразила публику совершеннымъ перерожденіемъ изъ барышни въ крестьянку и изъ крестьянки—въ англичанку. Въ игрѣ ея была тогда еще какая-то вычурность, но публика уже принимала ее восторженно. Что касается Василія Васильевича, то онъ

долго оставался въ тѣни вслѣдствіе цѣлой сѣти закулисныхъ интригъ, черезъ которую онъ никакъ не могъ пробиться. Намъ непонятно какое-то странное недоброжелательство къ Самойлову автора «Хроники петербургскихъ театровъ», который, нерѣдко отзываясь не совсѣмъ благосклонно объ артистѣ, позволяетъ себѣ, несмотря на явные факты, имъ же самимъ указываемые, выражаться такимъ образомъ: «В. В. Самойловъ, хотя и жалуется въ своихъ запискахъ, что ему долго не давали хода, но цифры показываютъ, что онъ не былъ слишкомъ обиженъ». Но всякому безпристрастному читателю ясно, что Самойловъ говорилъ въ запискахъ именно о трудномъ н а ч а л ѣ своей карьеры, а вовсе не о сезонѣ 1840—1841 г., когда онъ успѣлъ уже выдвинуться и дѣйствительно игралъ въ 35 роляхъ. Вѣдь самъ же г. Вольфъ [1]) разсказываетъ о томъ, что за два года передъ этимъ Самойлову рѣдко удавалось играть и что «несравненно менѣе талантливому, но гораздо болѣе счастливому» Куликову давали напротивъ много ролей и онъ «фигурировалъ чуть не на первомъ планѣ», тогда какъ по всѣмъ правамъ явное преимущество подобало Мартынову и Самойлову [2]) и что послѣдній только случайно, по болѣзни Дюра, сыгравъ роль Губкина въ «Студентѣ-артистѣ», в н е з а п н о п е р е ш е л ъ и з ъ м р а к а к ъ с в ѣ т у» [3]), объ этомъ же именно и вспоминаетъ съ неудовольствіемъ Самойловъ, и какъ же могло быть иначе? Кому же не извѣстно, какое значеніе имѣютъ закулисныя интриги и какъ благодаря имъ можетъ быть затерто и оттѣснено, хотя бы только на время, даже крупное дарованіе? Чѣмъ инымъ, спрашивается, можно объяснить сравнительный неуспѣхъ на петербургской сценѣ не только г. Ленскаго, но и такого первостепеннаго артиста, какъ покойный Самаринъ, и наоборотъ былое торжество на той же сценѣ лицъ, которыхъ никто и никогда не признавалъ выдающимися талантами? Такіе случаи, къ сожалѣнію, не слишкомъ рѣдки, и если судьба помогла сравнительно скоро выбраться изъ мрака Самойлову, то не естественно ли было, что этотъ тяжелый, хотя бы непродолжительный промежутокъ времени оставилъ по себѣ навсегда глубокую рану въ душѣ артиста? Правда, г. Вольфъ могъ забыть почти черезъ полвѣка о томъ, что возвышеніе Самойлова произошло именно въ сезонъ, предшествовавшій тому, о которомъ идетъ рѣчь въ вышеприведенныхъ строкахъ; но вѣдь въ его же книгѣ мы читаемъ по поводу перваго крупнаго успѣха Самойлова слѣдующія строки: «Въ роли Губкина онъ впервые выказалъ свой необыкновенный талантъ гримироваться и копировать съ натуры. Между прочимъ онъ съ пора-

[1]) „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“ Вольфа, т. I, стр. 90.
[2]) Тамъ же, стр. 73.
[3]) Тамъ же, стр. 75.

зительною вѣрностью передалъ манеру пѣть Брейтинга и Леонова, со всѣми малѣйшими оттѣнками, характеризовавшими этихъ артистовъ. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ Дюра, хотя съ другой стороны не отличался такою увлекательною веселостью, какъ тотъ. Успѣхъ былъ громадный, и съ этого дня началась новая эпоха въ блистательной карьерѣ нашего примѣчательнаго артиста»[1]). Переходъ «изъ мрака къ свѣту» былъ въ данномъ случаѣ крайне рѣзкій и поразительный, даже иначе и быть не могло, потому что молодаго Самойлова, какъ говорится, до сихъ поръ держали въ черномъ тѣлѣ и рѣшительно не давали хода, не давали выказать талантъ. Но лишь-только ему удалось выступить въ серьезной и отвѣтственной роли, какъ онъ тотчасъ же завоевалъ себѣ общую симпатію въ публикѣ, и тогда уже дирекція была противъ него безсильна. Но зато раньше этого времени она сдѣлала все, чтобы затормозить его успѣхъ. Кромѣ того на сторонѣ Василія Васильевича былъ самъ государь, а безъ его покровительства начало карьеры артиста, конечно, затянулось бы еще больше.

Мы говорили, что государь зналъ и любилъ еще Василія Михайловича Самойлова. Однажды онъ спросилъ у своего любимца, нѣтъ ли у котораго-нибудь изъ его дѣтей признаковъ сценическаго таланта, и когда услышалъ положительный отвѣтъ, то пожелалъ непремѣнно видѣть ихъ на сценѣ. Въ то время Василій Васильевичъ (родившійся 1813 году), окончивъ курсъ въ горномъ институтѣ и нисколько не помышляя о сценѣ, былъ уже офицеромъ. Узнавъ объ этомъ, государь замѣтилъ Василію Михайловичу: «Если таланты есть, давай ихъ къ намъ на сцену. Офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ нѣтъ»[2]). Василій Михайловичъ былъ очень обрадованъ этими словами, тѣмъ болѣе, что сынъ, подобно ему, обладалъ прекраснымъ теноромъ, и ему было жаль, что такой голосъ можетъ пропасть для сцены. О первомъ появленіи своемъ на сценѣ Василій Васильевичъ подробно разсказалъ въ своихъ Запискахъ. Онъ сообщаетъ, во-первыхъ, что, пріѣхавъ домой въ отпускъ, онъ узналъ о словахъ государя и желанія отца и началъ готовиться къ дебюту[3]). На его счастье въ это время въ гости къ его отцу пріѣхалъ М. С. Щепкинъ. Въ сильномъ волненіи Василій Васильевичъ пропѣлъ передъ маститымъ артистомъ арію изъ «Іосифа Прекраснаго»,

---

[1]) Вольфъ. „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“, I т., стр. 75.

[2]) „Русская Старина“, 1875, 1, 208.

[3]) Любопытно, что еще въ корпусѣ многіе воспитанники пробовали свои сценическія способности, но Василій Васильевичъ всегда уклонялся отъ участія въ спектакляхъ по очень оригинальной причинѣ: онъ былъ недуренъ собой, и потому товарищи обыкновенно предназначали ему женскія роли, но это возбуждало въ нихъ сильную досаду, и онъ всегда отказывался играть роли дѣвушекъ. („Русск. Стар.“, 1875, 1, 209).

въ которомъ долженъ былъ вскорѣ выступить, и пришелъ въ восторгъ когда убѣдился, что испытаніе прошло не только благополучно, но и вполнѣ удачно. Отецъ его не помнилъ себя отъ радости, когда увидалъ на глазахъ Щепкина слезы умиленія отъ пѣнія сына, хотя и боялся положиться на оцѣнку почтеннаго артиста, который при всей своей опытности могъ быть слишкомъ снисходительнымъ судьей по своей добротѣ. Когда Василій Васильевичъ рѣшился наконецъ на дебютъ, то онъ находился въ такомъ напряженномъ нервномъ состояніи, что, взглянувъ черезъ занавѣсъ на публику и замѣтивъ въ креслахъ коекого изъ товарищей-офицеровъ, смутился до послѣдней степени. Онъ готовъ былъ уже обратиться въ постыдное бѣгство, какъ вдругъ въ рѣшительную минуту отецъ буквально вытолкнулъ его на сцену, послѣ чего отступленіе сдѣлалось, конечно, уже невозможнымъ.

Вотъ какъ артистъ разсказывалъ впослѣдствіи о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ на сценѣ: «Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ лампы и множества огней. Въ первую минуту меня совсѣмъ ошеломила такая неожиданность, но вмѣстѣ съ тѣмъ мелькнуло въ головѣ сознаніе, что первый шагъ сдѣланъ и возврата нѣтъ. Оркестръ подалъ мнѣ аккордъ. Почти ничего не видя передъ собою, скрѣпя сердце съ какой-то отчаянной смѣлостью, я началъ пѣть. Не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ... Подъ конецъ аріи, возбудивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьезно входить въ роль...» [1]). Публика, однако, благосклонно приняла новичка, но пока не столько за достоинство его игры, сколько въ виду заслугъ отца и надеждъ на будущее.

Отъ страшнаго волненія дебютантъ послѣ двухъ представленій заболѣлъ и потомъ, хотя былъ принятъ на сцену съ жалованьемъ въ двѣ съ половиной тысячи рублей ассигнаціями, но сильно страдалъ отъ интригъ [2]).

И чего только не дѣлалъ молодой артистъ, плохо обезпеченный и уже обязанный содержать довольно большую семью (онъ рано женился), чтобы хоть какъ-нибудь выйти на свѣтъ Божій. Въ то же время одинъ изъ его слабыхъ, но счастливыхъ соперниковъ, быстро занявшій мѣсто режиссера, относился къ Самойлову съ явнымъ недоброжелательствомъ, стараясь не давать ему хода даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось,

---

[1]) „Русская Старина“, 1875, 1, 211.

[2]) Необходимо отмѣтить, что А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 32) объясняетъ иначе причину поступленія В. В. Самойлова на сцену. „За кулисами“—говоритъ она,—„ходили слухи, что онъ имѣлъ какую-то непріятную исторію на одномъ общественномъ собраніи въ провинціальномъ городѣ, гдѣ служилъ, и вслѣдствіе этого снялъ мундиръ, пріѣхалъ къ отцу и поступилъ на сцену“

все говорило за него. Такъ однажды, когда заболѣлъ Мартыновъ, за отсутствіемъ его, по волѣ автора, Самойлову назначалась главная роль въ пьесѣ «Отставной театральный музыкантъ и княгиня». Наконецъ роль была прислана Самойлову. «Насталъ день»,—вспоминаетъ онъ—«день, такъ давно и много ожидаемый. Мнѣ бросилъ его случай, одинъ слѣпой случай; я зналъ это, и мнѣ надобно было имъ воспользоваться во что бы то ни стало, иначе пришлось бы еще десять лѣтъ дожидаться подобнаго случая» [1]). Во время представленія государь сказалъ ему: «Спасибо, Самойловъ! Только смотри, ты своею игрой заставилъ меня плакать, я тебѣ этого даромъ не прощу» [2]).

Съ этихъ поръ карьера Самойлова пошла въ гору, тогда какъ передъ тѣмъ онъ безуспѣшно хлопоталъ, чтобы ему позволили въ только-что переведенной тогда съ французскаго пьесѣ «Материнское благословеніе» переиграть всѣ мужскія роли подъ условіемъ огромнаго штрафа въ случаѣ неудачи хотя бы въ одной изъ нихъ [3]). Послѣ отказа въ этой просьбѣ Самойловъ предложилъ дирекціи дать ему вмѣсто разовыхъ за цѣлый годъ хоть одну порядочную роль, но результатъ былъ именно тотъ, что разовыхъ онъ не получилъ, да и роли не добился. Само-собой разумѣется, что послѣ смерти Н. О. Дюра ему до нѣкоторой степени самой судьбой облегчено было дальнѣйшее движеніе на сценѣ, и вотъ тутъ-то уже онъ сдѣлалъ все, чтобы наконецъ выдвинуться. Успѣхъ былъ быстрый и поразительный. «Помните ли вы»—читаемъ мы въ «Репертуарѣ русской сцены» въ концѣ 1839 года,—«за годъ тому назадъ, какъ рѣдко этотъ артистъ появлялся на нашей сценѣ, какъ бѣденъ былъ репертуаръ его ролей; на него почти не обращали вниманія, не хотѣли замѣчать его стараній, и все отъ того только, что онъ занималъ неблагодарныя роли, въ которыхъ не могъ выказать своего неподдѣльнаго таланта. Теперь г. Самойловъ любимецъ публики. Въ короткое время онъ сдѣлался необходимымъ и для нея и для дирекціи.

«Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ» показалъ всю силу его дарованія, публика въ восхищеніи отъ его игры, и теперь г. Самойловъ пожинаетъ уже лавры. Теперь рѣдкій спектакль обходится безъ него: практика его совершенствуетъ, освоиваетъ его со сценой, и мы въ каждой новой роли открываемъ въ немъ новыя достоинства [4]).

Вскорѣ онъ исполнялъ уже нелегкую роль въ шекспировской пьесѣ,

---

[1]) „Русская Старина“, 1875, 1, 214.

[2]) Тамъ же, стр. 215.

[3]) „Музыкальный свѣтъ“, 1876. «Очеркъ исторіи русской сцены» Бураковскаго, 131—132.

[4]) „Репертуаръ русской сцены“, 1839, II, Хроника С.-Петербургскихъ театровъ за второе полугодіе (съ 16-го августа), стр. 6.

именно роль шута въ «Королѣ Лирѣ» и, разъ обративъ на себя вниманіе, подвигался впередъ съ блестящимъ тріумфомъ. Въ роли шута большую трудность для исполнителя представляетъ задача воздержаться отъ излишняго и неумѣстнаго комизма и не впасть въ фарсъ. Артистъ долженъ дать толпѣ почувствовать настоящій смыслъ выходокъ шута и заставить ее оцѣнить остроту его ума, скрытую подъ оболочкой глупости, но никакъ не ограничиться внѣшнимъ комизмомъ и удовлетворяться только умѣньемъ возбуждать на половину безсознательный смѣхъ. Самойловъ понялъ это и тѣмъ показалъ, что онъ серьезно смотрѣлъ на искусство и исполнялъ его требованія. Въ пьесѣ «Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ» студентъ Губкинъ вышелъ въ его исполненіи ярко-очерченной личностью; но главное то, что здѣсь молодой артистъ выступилъ не подражателемъ, а соперникомъ Дюра. Неподражаемъ былъ также Самойловъ въ водевилѣ «Артистъ», гдѣ имъ прекрасно переданы были четыре различныхъ характера. Въ роли Губкина Самойловъ имѣлъ случай также воспользоваться своимъ прекраснымъ голосомъ, а также и въ «Велизаріи», гдѣ въ роли Порфира онъ превосходно исполнилъ вставленный въ пьесу романсъ Мерзлякова: «Малютка, шлемъ нося».

Упорную непріязнь со стороны театральной администраціи Василій Васильевичъ въ своихъ запискахъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ воспитанникомъ театральной школы, почему на него привыкли смотрѣть, какъ на чужаго. Очень понятно, что совершенно такое же было отношеніе администраціи и къ его сестрамъ и что успѣхъ, взятый съ бою однимъ изъ членовъ артистической семьи, благопріятно отражался и на другихъ. Здѣсь важно было уже то, что публика привыкала къ извѣстнымъ именамъ и, такъ какъ таланты Самойловыхъ были въ самомъ дѣлѣ очень яркіе, то благодаря ея радушнымъ пріемамъ молодымъ артистамъ съ каждымъ разомъ становилось легче бороться съ начальственнымъ произволомъ и плыть противъ теченія. Вскорѣ Самойлову 2-ю стали сравнивать съ Асенковой и, хотя указывали на ея нѣкоторыя неловкости на сценѣ, напр. на безпрестанное покачиваніе головой, на привычку горбиться и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ детальный характеръ дѣлаемыхъ ей упрековъ, въ сущности, свидѣтельствуетъ уже о крупныхъ успѣхахъ артистки. Такъ однажды «Репертуаръ» сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Отдавая полную справедливость таланту г-жи Самойловой 2-ой, которая очень мило выполнила свою роль, мы должны сказать откровенно, что талантъ г-жи Асенковой показалъ преимущество передъ г-жей Самойловой [1]), да и то далѣе дѣлается такая оговорка: «Впрочемъ, отдавая преимущество г-жѣ Асенковой, мы вовсе не хотимъ унизить дарованія г-жи Самойловой».

[1]) „Репертуаръ русской сцены", 1840, I, Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, стр 9.

Около того же времени, не безъ успѣха сталъ появляться на сценѣ въ качествѣ дебютанта Самойловъ 2-ой, не отличавшійся впрочемъ большимъ дарованіемъ и не удержавшійся долго на сценѣ. Но во всякомъ случаѣ къ Самойловымъ мало-по-малу публика начинаетъ относиться съ большей симпатіей.

Въ 1841 г. скончалась Асенкова. Въ послѣдніе годы жизни артистки ей приходилось не разъ слышать упреки за пристрастіе къ мужскимъ ролямъ. Обвиненіе это было неосновательно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, выборъ ролей далеко не зависѣлъ отъ ея воли, и, во-вторыхъ, въ роляхъ этихъ она всегда была прекрасна. «Слухи объ очаровательности Асенковой»,—говорилъ только-что познакомившійся съ ея игрой Бѣлинскій,—«меня не обманули: она восхитительна, когда является мальчикомъ... премиленькій мальчикъ!».. Бѣлинскій только замѣтилъ, что «она слишкомъ утруждаетъ мускулы своего прекраснаго лица, усиливаясь дать ему то или другое выраженіе» [1]). Но Асенкова была кромѣ того очаровательна и въ роляхъ дѣвушекъ: «посмотрите»—говоритъ критикъ «Репертуара»—«съ какимъ дѣтскимъ простосердечіемъ г-жа Асенкова восхищается, что выйдетъ замужъ прежде сестры! Съ какой наивностью она поетъ куплетъ, что Варенька съ досады пойдетъ и побранится съ нянькой» [2]). Послѣ Асенковой, роли мальчиковъ перешли къ Самойловой 1-ой, которая также навлекала на себя этимъ осужденія со стороны рецензентовъ и публики: «Самойлова 1-ая»—читаемъ въ «Репертуарѣ»—«напрасно играетъ въ роляхъ мальчиковъ; если ужъ хочетъ играть мужскія роли, пусть беретъ тѣ, гдѣ женщина ненадолго и случайно надѣваетъ мужской костюмъ» [3]). Между тѣмъ огромнымъ успѣхомъ стала пользоваться Вѣра Васильевна Самойлова: по смерти Каратыгиной, на нее стали возлагать надежды, что она можетъ явиться замѣной этой артистки, и уже это одно показываетъ, какъ высоко ее цѣнили. Она дебютировала въ 1841 г. и хотя своимъ сильнѣйшимъ волненіемъ выдавала овладѣвшую ею робость, напоминавшую лихорадочное состояніе въ такой степени, когда къ больному призываютъ доктора, тѣмъ не менѣе сразу обнаружила большой талантъ, по отзыву рецензентовъ показала, что въ наружныхъ качествахъ у нея недостатка нѣтъ и, кромѣ того, что у нея есть «теплота и неподдѣльное чувство» [4]). Въ это время она была извѣстна подъ именемъ Самойловой 3-ей. Но потомъ «Репертуаръ» сталъ замѣчать въ ея игрѣ недостатокъ простоты и читать молодой артисткѣ нравоученія. Такъ однажды

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 174.

[2]) „Репертуаръ русской сцены", 1840, Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, стр. 9.

[3]) „Репертуаръ", 1848, I, стр. 6.

[4]) „Репертуаръ и Пантеонъ", 1842, XII.

къ ней былъ примѣненъ извѣстный стихъ Грибоѣдова, что она «словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой»; въ другой разъ ей былъ преподанъ совѣтъ, «сойти съ ходулей» [1]), наконецъ ее упрекали за то, что она явилась въ одной роли, гдѣ дѣйствіе происходило въ Сибири, съ распущенными волосами, что̀ было хотя и эффектно, но совершенно неестественно [2]). Между тѣмъ къ серединѣ сороковыхъ годовъ Н. В. Самойлова 1-ая признавалась уже первоводевильной актрисой послѣ смерти Асенковой, а сестра ея Вѣра Васильевна [3]) считалась только ея соперницей, которая, впрочемъ, рѣдко появлялась въ водевиляхъ, потому что не обладала большимъ голосомъ. Н. В. Самойлова была хороша въ роляхъ наивныхъ пансіонерокъ, пока ея возрастъ позволилъ занимать ей это амплуа, но была слабѣе въ роляхъ графинь и вообще знатныхъ дамъ, въ роляхъ сентиментальныхъ и чувствительныхъ дѣвушекъ.

Такъ въ «Севильскомъ цирюльникѣ» Самойлова 1-ая изъ наивной, неопытной Розины сдѣлала какую-то гризетку. Она вообще скоро вступила на избитый путь шутокъ и фарсовъ, вполнѣ удовлетворяясь дешевыми, безъ труда достающимися тріумфами. Она поняла требованія толпы и прекрасно научилась удовлетворять имъ, чѣмъ умѣла долго сохранить обаяніе и популярность. Въ сущности она во многомъ уступала своей сестрѣ Вѣрѣ Васильевнѣ, но, благодаря фарсамъ, не только принималась публикой съ такимъ же почетомъ, но даже занимала положеніе примадонны. Вѣра Васильевна, напротивъ, была артистка по призванію, и «въ ея игрѣ никогда не замѣчали ни малѣйшей жертвы, принесенной невѣжеству и безвкусію насчетъ искусства» [4]).

Правда, Вѣра Васильевна не скоро и не вполнѣ могла отрѣшиться отъ нѣкоторой наклонности къ декламаціи, которая являлась у нея иногда и поражала своимъ рѣзкимъ диссонансомъ съ остальной, въ высшей степени естественной игрой артистки; но она была еще очень молода и подавала большія надежды задушевностью игры и скоро усвоеннымъ ею тонкимъ знаніемъ сценическихъ приличій. Послѣдняя черта впрочемъ была, такъ сказать, семейною и наслѣдственною у всѣхъ Самойловыхъ. «Никогда нельзя было подмѣтить въ игрѣ ея дѣйствія, несвойственнаго хорошему обществу, напоминающаго о закулисной непретендательности обращенія, о необразованномъ вкусѣ и дурномъ обращеніи. Она не хватаетъ всѣхъ и каждаго, кто съ ней на сценѣ, за руки, не сдѣлаетъ лишняго жеста, не употребитъ улыбки или

---

[1]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, XIV.
[2]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1845, IX,
[3]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1846, т. XIII, Театральная Лѣтопись, стр. 30.
[4]) „Пантеонъ“, 1851, III, Театральная Лѣтопись, русскій театръ. стр. 5.

многозначительнаго жеста, для большаго поясненія положенія своего партеру. Она вся принадлежитъ своей роли, она вся представляемое лицо: зрители для нея не существуютъ, у нея передъ глазами только дѣйствующія (лица); словомъ, она не актерствуетъ, а живетъ и дышатъ жизнью, которую передалъ ей авторъ пьесы» [1]). Въ дополненіе ко всему этому она обладала выразительными глазами и голосомъ, и вообще счастливою сценическою наружностью. Но важнѣе всего то, что она тщательно вдумывалась въ изображаемый ею на сценѣ характеръ и, какъ артистка по призванію, заботилась о художественности исполненія, которой часто и достигала. При такихъ богатыхъ задаткахъ она обѣщала сдѣлаться яркимъ украшеніемъ Александринской сцены, хотя въ драмѣ ей нѣсколько мѣшалъ недостатокъ физическихъ средствъ. Но сценическая карьера ея завершилась рано и неожиданно: 18-го февраля 1853 г. она прощалась съ публикой, по случаю вступленія въ бракъ съ полковникомъ Мичуринымъ, который, по тогдашнимъ правиламъ, въ качествѣ военнаго, не имѣлъ права быть женатымъ на актрисѣ. Утрата для театра была тѣмъ прискорбнѣе, что Вѣра Васильевна прекрасно умѣла поддерживать ансамбль въ сценѣ съ Сосницкимъ и Мартыновымъ, воодушевляясь ихъ игрой и, въ свою очередь, передавая имъ свое воодушевленіе. Такъ мы часто находимъ въ разныхъ театральныхъ хроникахъ такія сообщенія: «Сосницкій и Самойлова 2-ая прекрасно сыграли роли придворнаго аптекаря и его дочери» [2]); «пьесу вынесли на своихъ плечахъ» Самойлова и Мартыновъ [3]) и проч., или въ пьесѣ «Владиміръ Заревскій», въ сценѣ объясненія съ морякомъ героемъ драмы, «Самойлова 2-ая была идеально хороша». «Я не могу»,—говоритъ Вольфъ—«забыть тотъ моментъ, когда она, стоя на мостикѣ, спрашиваетъ: «А что, братецъ, всѣ моряки такіе упрямые?» Слова эти, сказанныя просто, но съ неподражаемой интонаціей, сопровождались всегда взрывомъ аплодисментовъ» [4]). Что̀ касается Надежды Васильевны Самойловой, то она еще оставалась нѣкоторое время до 1859 г. на сценѣ, но уже не занимала потомъ первенствующаго положенія въ труппѣ.

Гораздо продолжительнѣе и славнѣе была дѣятельность Василія Васильевича Самойлова. Добившись наконецъ почетнаго положенія въ труппѣ, онъ сдѣлался на всегда любимцемъ публики. Кромѣ превосходной игры онъ славился еще какъ необыкновенно искусный гриммъ и производилъ очарованіе блестящимъ изяществомъ манеръ. Еще въ

[1]) Тамъ же, стр. 2. Ср. характеристику ея въ „Пантеонѣ", 1848, II, стр. 48–50.

[2]) Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, т. I, стр. 137.

[3]) Тамъ же, стр. 143.

[4]) Тамъ же, стр. 119.

1840 г. Р. Зотовъ выразился о немъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ, что «художественнаго матеріала въ немъ бездна; любви къ искуству еще больше» [1]). Особеннымъ мастерствомъ Самойловъ отличался въ роляхъ семинаристовъ и разныхъ типическихъ роляхъ, а также въ роляхъ иностранцевъ. Водевилисты вродѣ П. С. Ѳедорова, принявъ это во вниманіе, наперерывъ старались воспользоваться этимъ даромъ и поддерживали на сценѣ этотъ жанръ. Вслѣдъ за ними молодой писатель, знаменитый впослѣдствіи поэтъ Некрасовъ, имѣвшій пока очень скромную извѣстность подъ псевдонимомъ Перепельскаго, поставилъ пьесу «Актеръ», гдѣ Василій Васильевичъ являлся поочередно старухой, татариномъ и итальянцемъ [2]). Въ одномъ отзывѣ читаемъ о Самойловѣ, что онъ рѣшительно поразителенъ и костюмомъ и голосомъ, вообще высокимъ художественнымъ исполненіемъ въ роли юродиваго [3]); что въ комедіи съ дядюшкой игралъ Василій Васильевичъ превосходно, представляя жида и глухаго шарманщика [4]). Вообще Самойловъ «гримировку довелъ до художественности, физіономія его такъ и просилась на полотно» [5]). Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ и превзошелъ даже самого Мартынова, также великаго мастера гримироваться. До чего доходило искусство Самойлова въ данномъ направленіи, лучше всего доказываетъ его превосходная игра въ комедіи Яфимовича и Куликова «Нашествіе иноплеменныхъ», въ которой ему досталась роль актера Любскаго, которому приходится переодѣваться женщиной. «Кто не видалъ Самойлова въ этой роли, тотъ не можетъ вообразить себѣ, до какой степени ему присталъ женскій костюмъ. Не будь его имени на афишѣ, никто бы не догадался, что передъ нимъ переодѣтый мужчина. Ни манера, ни тонъ ни на минуту ему не измѣнили» [6]). Кто не видалъ Самойлова въ роли Басанина, прибывшаго въ свои вотчины послѣ эмансипаціи, когда не оказалось болѣе средствъ для веселаго и мирнаго житія въ Парижѣ, тотъ представить себѣ не можетъ, какъ великолѣпно у него вышелъ этотъ типъ стараго вѣтреннаго гамена, милѣйшаго изъ людей, ничего не понимающаго въ жизни и помышляющаго только о томъ, какъ бы

---

[1]) „Репертуаръ русской сцены“, 1840, т. II, „И мои воспоминанія о театрѣ“, стр. 45.

[2]) Вольфъ. Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, 45, также „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1848, II, 48: „Мы должны отдать справедливость г. Самойлову, очень хорошо оттѣнившему характеръ мещеряка“.

[3]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1846, т. XIII, „Театральная Лѣтопись“, стр. 36.

[4]) Хроника С.-Петербургскихъ театровъ. Вольфа, I, стр. 96.

[5]) Тамъ же, I, 115.

[6]) Тамъ же, I, 120.

опять удрать на берега Сены[1]). Конечно, это было искусство преимущественно внѣшнее, и мы впали бы въ непростительную ошибку, если бы обратили вниманіе исключительно на эту сторону артистическаго дарованія, какъ смотрѣли многіе изъ современниковъ Самойлова. Прежде всего надо помнить, что тотъ же Самойловъ, какъ истинный художникъ, владѣлъ искусствомъ трогать и потрясать зрителей, находя самыя разнообразныя средства для выраженія тѣхъ же чувствъ и страстей въ разныхъ роляхъ. Однажды въ пьесѣ «Старички», гдѣ главныя роли старика барина и его сверстника, преданнаго ему слуги Сидоровича, спутника всей его жизни, играли—перваго Самойловъ, а втораго—Мартыновъ,—Самойловъ превзошелъ даже Мартынова, въ натурѣ котораго не было «патетическаго источника», хотя у послѣдняго «живопись личности была превосходна» [2]). Но Самойлову все таки долго еще приходилось мѣнять свой талантъ на мелочь и терпѣливо прокладывать себѣ дорогу; онъ достигъ уже многаго, но все еще не могъ развернуть во всемъ блескѣ своего дарованія, будучи принужденъ по требованіямъ тогдашняго репертуара посвящать свои силы исполненію мелкихъ водевилей и мелодрамъ. Какъ въ самомъ началѣ ему не сразу и трудомъ удалось раздѣлить съ Максимовымъ такое не благодарное амплуа, какъ первыхъ любовниковъ, когда болѣе видныя амплуа занимали такіе выдающіеся представители искусства, какъ Дюръ (комическія роли), Сосницкій (также), Григорьевъ (свѣтскіе люди, а также старики, солдаты и проч.) и другіе,—такъ и гораздо позднѣе Василію Васильевичу приходилось отличаться преимущественно въ водевильныхъ роляхъ съ переодѣваніями, въ которыхъ онъ достигъ такого замѣчательнаго совершенства. Кромѣ того, Самойловъ былъ прекрасный пѣвецъ, талантливый рисовальщикъ и каррикатуристъ. Вотъ въ этихъ-то отношеніяхъ онъ сначала преимущественно и заявлялъ себя. Здѣсь нельзя не отмѣтить также родственную черту у него съ сестрами, при чемъ любопытно, что черта эта чрезвычайно нравилась императору Николаю Павловичу, что̀ извѣстно изъ многихъ весьма распространенныхъ анекдотовъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Василій Васильевичъ разсказывалъ, что когда онъ долженъ былъ въ пьесѣ «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» исполнять роль фокусника-итальянца, то, по желанію государя, весьма искусно подбросилъ табакерку лейбъ-медику Марксу, чѣмъ страшно сконфузилъ послѣдняго передъ всѣми присутствующими. Значительно позднѣе, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, Самойловъ въ пьесѣ «Ветеранъ и новобранецъ» загримировался Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, который былъ тогда героемъ

---

[1]) Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, т. I, стр. 39.

[2]) „Пантеонъ", 1851. I, Театральная Лѣтопись, стр. 22.

дня, и былъ какъ двѣ капли воды похожъ на него[1]). Въ 1856 г. въ пьесѣ «Актриса и поэтъ» Самойловъ былъ замѣчательно похожъ на портретъ Шекспира, и хотя этимъ и ограничивалось достоинство его игры въ данной роли, но это потому, что въ этой пьесѣ роль была не естественна и слаба. Сестра его, Надежда Васильевна, также позволяла себѣ сценическія шутки въ этомъ вкусѣ: однажды она слишкомъ ясно копировала передъ публикой покойную знаменитую актрису Каратыгину[2]).

Съ конца сороковыхъ и особенно въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ при измѣнившемся репертуарѣ могъ уже значительно расширить сферу своего художественнаго творчества, съ тѣхъ поръ ему удается блистательно передавать самые тонкіе оттѣнки въ трудныхъ и отвѣтственныхъ роляхъ. Въ «Провинціалкѣ» Тургенева въ роли графа Любима онъ «превосходно схватилъ всѣ типическія черты устарѣлыхъ любезниковъ высшаго общества». Въ роли гуляки-студента «Ломоносовъ» Полеваго, Самойловъ затмилъ Максимова, особенно въ предпослѣднемъ актѣ, въ которомъ студентъ, тридцать лѣтъ тому назадъ поступившій въ солдаты за своего товарища, является заслуженнымъ генераломъ и проч. Создавая живые типы, Самойловъ способенъ былъ производить такое сильное впечатлѣніе своей искусной игрой, которое оставалось неизгладимымъ надолго, если не навсегда. Недостатокъ же его по-прежнему заключался въ томъ, что внѣшнія качества игры продолжали иногда у него сохранять перевѣсъ надъ внутренними; какъ въ «Скупомъ Рыцарѣ», играя роль жида, Самойловъ былъ превосходно загримированъ, но, по словамъ г. Вольфа, «зѣло плохо читалъ прекрасные стихи Пушкина»[3]), а въ роли Любима Торцова «Самойловъ, вмѣсто купчика, заѣденнаго средою, представилъ не то юродиваго, не то прокутившагося бурсака»[4]). Кромѣ того, если вѣрить г. Вольфу, «Самойловъ имѣлъ привычку передавать иногда роль своими словами, а не словами автора», а тамъ, гдѣ это было неудобно, такъ напр., въ «Смерти Іоаннаго Грознаго», все дѣло сводилось у него на внѣшность, потому что игра была на второмъ планѣ и приходилось любоваться «красивой и изящной, но не величественной» фигурой артиста[5]). Впрочемъ, Василій Васильевичъ, какъ артистъ умный, опытный, прекрасно сознавалъ, въ чемъ была его сила и чего ему недоставало, и потому послѣ смерти Каратыгина съ большимъ тактомъ отклонилъ отъ себя его роли, оставивъ за собой роли характерныя, въ которыхъ былъ неподражаемъ. Хотя онъ такимъ

---

[1]) „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ", т. I, стр. 175.
[2]) „Пантеонъ", 1851, I, Театральная Лѣтопись, Русскій театръ, стр. 36.
[3]) Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, I, 158.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 175.
[5]) Тамъ же т., II, стр. 36.

образомъ предоставилъ занять главное амплуа гораздо менѣе даровитому актеру Леонидову, но онъ послѣдовалъ голосу призванія и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумно разсчелъ, что, сдѣлавшись преемникомъ такого артиста, какъ Каратыгинъ, онъ могъ бы сильно повредить своей репутаціи, такъ какъ сравненіе было бы для него, конечно, невыгодное. Но иногда онъ все-таки рисковалъ выступить въ такихъ роляхъ, какъ Гамлетъ, и тогда слѣдовала обыкновенно неудача, или, точнѣе, удача неполная, чрезвычайно прискорбная для артиста съ такимъ крупнымъ дарованіемъ и съ заслуженной блестящей репутаціей. Такія ошибки Самойлова объясняются тѣмъ, что онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ установившагося убѣжденія, что въ нѣкоторыхъ капитальныхъ роляхъ выступать было какъ бы обязательно для премьера. Также не совсѣмъ удачно игралъ онъ роль Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ» и совершенно неудачно заглавную роль въ комедіи «Однодворецъ». По объясненію «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника», неуспѣхъ Самойлова въ этой роли происходилъ отъ того, что онъ «вовсе не трагическій, какъ и не комическій актеръ; онъ камеральный» [1]).

Иногда Самойлову приходилось читать въ журналахъ даже укоры и осужденія, но онъ умѣлъ относиться къ дѣлу съ неизмѣнной любовью и все возрастающей энергіей, и, благодаря тому, онъ замѣтно росъ и возвышался на глазахъ любителей сцены; конечно, эту черту нельзя было не цѣнить въ немъ. Мало-по-малу онъ становился на-ряду, а въ иныхъ роляхъ даже и выше Мартынова. Онъ умѣлъ соединять самый простой и благородный комизмъ съ высокимъ драматизмомъ. «Г. Самойловъ нерѣдко занималъ роли подражанія или передразниванія, недостойныя его дарованія, но теперь, въ трехъ бенефисахъ сряду, онъ создалъ три такіе типа, которые въ настоящее время даютъ ему полное и неотъемлемое право на названіе перваго комика нашей сцены. Мы рѣшительно не знаемъ другаго актера, который вмѣстѣ былъ бы такъ глубокъ, такъ забавенъ—безъ натяжки, вѣренъ натурѣ—безъ пересолу, типиченъ—безъ утрировки, точенъ и опредѣлителенъ—даже въ мелочахъ, твердъ въ своей роли и проникнутъ характеромъ отъ начала до конца, какъ г. Самойловъ. А главное, насъ радуетъ то, что г. Самойловъ съ каждымъ годомъ двигается впередъ и съ каждой ролью совершенствуется, тогда какъ другіе съ блестящей точки только пятятся назадъ, съ каждой новой ролью падаютъ все ниже» [2]). Правда, для правильнаго пониманія значенія этихъ словъ, необходимо также не упускать изъ вида, что въ концѣ 1850 г., къ которому относятся приведенныя строки, произошло непродолжительное охлажденіе публики

---

[1]) „Театральный и Музыкальный Вѣстникъ". 1860, 17-го января.
[2]) „Пантеонъ", 1850, X, Театральная Лѣтопись, 6.

къ ея главному любимцу Мартынову. По мѣрѣ того какъ въ журналахъ раздавались нерѣдко жалобы на небрежность послѣдняго, о Самойловѣ отзывы становились все лучше и благосклоннѣе. Напр., въ одномъ изъ №№ «Пантеона» его хвалятъ за превосходное исполненіе повѣсы Изидора въ «Бѣдовомъ мальчикѣ», за непринужденное веселье, за чрезвычайно искусные переходы отъ хмеля къ отрезвленію. Въ это же время выдвинулся Самойловъ въ «Діоклетіанѣ» въ роли Андроника: «Самойловъ»—писали о немъ—«былъ простъ, мастерски читалъ стихи, только осанка его недовольно походила на величественную кесарскую. Послѣднія слова его исторгали громкія рукоплесканія».

Но самымъ великимъ и полнымъ торжествомъ Самойлова было исполненіе имъ роли короля Лира уже въ 1870 г. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ артистъ выступалъ въ этой роли, но тогда онъ еще далеко не возвысился до той степени искусства, которой достигъ въ концѣ своего сценическаго поприща; игру его прежде признавали по преимуществу внѣшнею, находя въ ней, и, конечно, не безъ основанія, главнымъ образомъ, блестящую отдѣлку частностей, изящество пріемовъ и манеръ, большую сценическую ловкость, наконецъ въ значительной мѣрѣ, такъ сказать, картинность исполненія, вообще большой внѣшній лоскъ и блескъ, отчасти даже въ ущербъ выраженію характера и смысла данной роли. Но Самойловъ неутомимо работалъ надъ собой и все глубже и сознательнѣе относился къ своему призванію; онъ доказалъ, что не столько по недостатку, сколько по необработанности дарованія въ такихъ капитальныхъ роляхъ, какъ въ Лирѣ, у него выступали съ особенной яркостью частности и отдѣльные моменты. Самойловъ не принадлежалъ къ типу художниковъ-самородковъ вродѣ Мочалова или Садовскаго, которымъ возможно было разсчитывать на вдохновеніе, онъ долженъ былъ много и упорно трудиться, вдумываться въ роль и изучать ее. Такимъ образомъ ему случалось постепенно создавать особенно трудныя роли, что̀ впрочемъ отнюдь не было признакомъ недостаточной даровитости. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ онъ являлся передъ публикой тѣмъ лучше приготовленный, чѣмъ больше было времени для изученія ролей. Но такое положеніе дѣла представляло съ другой стороны и одно существенное неудобство: не вникая въ свойства и особенности дарованія артиста, большинство публики припоминало его прежнюю, не вполнѣ удачную игру и уже заранѣе склонно было относиться къ нему съ предубѣжденіемъ. Вслѣдствіе того, даже послѣ самаго несомнѣннаго успѣха его, въ мелкой печати все еще раздавались иногда голоса не въ пользу артиста, уже показавшаго во всей силѣ и блескѣ свое дарованіе. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу театральный критикъ «Зари»: «Яркая внѣшность таланта нерѣдко есть только извѣстная степень

развитія. Актеръ, усвоившій себѣ разнообразные и многотрудные пріемы игры, невольно увлекаеть этимъ чувствомъ владѣнія (sic) своими средствами и невольно обнаруживаетъ ихъ въ полномъ блескѣ. Но идетъ время, зрѣетъ и крѣпнетъ талантъ, и это владѣніе внѣшними пріемами искусства отходитъ на задній планъ; пріемы эти достигаютъ удивительной простоты; перестаютъ рѣзать глаза, перестаютъ поражать своимъ внѣшнимъ блескомъ, отходятъ на подобающее имъ мѣсто и уступаютъ дорогу внутреннему смыслу, и талантъ, блеснувъ всѣмъ своимъ богатствомъ красокъ, начинаетъ рости въ глубь и въ корень» [1]). Между тѣмъ въ такихъ роляхъ, какъ въ Лирѣ, драгоцѣнна именно цѣльность и глубокая сила впечатлѣнія, которая можетъ получиться только какъ плодъ глубокаго и всесторонняго изученія. Конечно, и въ 1870 г. игра Самойлова въ Лирѣ была не совсѣмъ безупречна и не всѣ части роли были выполнены имъ съ одинаковымъ совершенствомъ, но именно тогда артистъ больше всего заставилъ признать свое высокое дарованіе. Самое мастерство гримировки, на которое съ теченіемъ времени, замѣтивъ нѣсколько одностороннее къ нему пристрастіе Самойлова, стали было сильно нападать, принесло ему въ данномъ случаѣ значительную пользу: въ сценѣ передъ бурей, когда Лира внезапно освѣщаетъ молнія, фигура Самойлова поражала истинно царственнымъ величіемъ. Точно живой, Лиръ вставалъ передъ глазами. Затѣмъ сколько страданія въ лицѣ этого причудливо-увѣнчаннаго цвѣтами безумнаго старца [2]). Самойловъ представлялся публикѣ бѣднымъ, безпомощнымъ старикомъ и возбуждалъ въ зрителяхъ живѣйшее чувство состраданія. Хорошо также передавалъ онъ переходъ въ Лирѣ отъ гнѣва на герцога Корнвальскаго къ раздумью и къ предположенію собственной вины и снова къ гнѣву—при видѣ оковъ Кента. Такая художественная игра, по свидѣтельству современниковъ, навсегда глубоко врѣзывалась въ память.

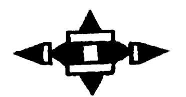
Знаменитый Айръ-Ольдриджъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ и пожинавшій лавры въ роли Отелло, присутствовалъ на одномъ изъ представленій Самойлова въ Лирѣ и съ свойственнымъ ему благородствомъ не только призналъ русскаго артиста своимъ побѣдителемъ, но даже открыто признавался, что, благодаря Самойлову, ему гораздо глубже удалось понять эту роль. Въ это время Самойловъ былъ буквально засыпанъ выраженіями восторга. Вообще послѣдній періодъ сценической дѣятельности Самойлова былъ самымъ блестящимъ. Онъ научился въ эту пору полной зрѣлости таланта въ совершенствѣ передавать физическія и душевныя страданія, волненія, страстныя вспышки. Его стали называть русскимъ Гаррикомъ; онъ былъ въ полномъ

[1]) „Заря“, 1870, 3, Театральныя замѣтки, 163—164.
[2]) Тамъ же, стр. 164—165.

апогеѣ славы, но одного всегда недоставало его игрѣ въ большей или меньшей степени весьма важнаго—души. А иногда случалось ему и до самаго конца недостаточно вдумываться въ роль; такъ въ извѣстной пьесѣ Островскаго на «Бойкомъ мѣстѣ» Безсудный вышелъ въ его исполненіи вмѣсто приволжскаго кулака-разбойника мягкимъ и простодушнымъ мужикомъ [1]).

Въ 1865 г. Самойловъ отпраздновалъ свой тридцатилѣтній юбилей, на которомъ ему былъ поднесенъ бриліантовый лавровый вѣнокъ, а ровно черезъ десять лѣтъ—сорокалѣтній юбилей, и съ тѣхъ поръ не появлялся на сценѣ. На первомъ изъ этихъ юбилейныхъ спектаклей онъ выказалъ все разнообразіе своего могучаго таланта, но дирекція театра не сочла удобнымъ согласиться на требуемыя имъ условія, и Александринская сцена потеряла навсегда лучшаго и послѣдняго остававшагося тогда въ труппѣ великаго артиста.

В. Шенрокъ.



---

[1]) Вольфъ. Хроника С.-Петербургскихъ театровъ, III, 32.

В. Ѳ. Раевскій.

(Матеріалы для его біографіи).

Имя Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго, портретъ котораго помѣщенъ въ настоящей книжкѣ, частію извѣстно уже читателямъ «Русской Старины», по его стихотвореніямъ и письмамъ, напечатаннымъ въ разное время въ журналѣ [1]). Здѣсь же мы считаемъ необходимымъ привести только самыя краткія біографическія о немъ свѣдѣнія.

Владиміръ Ѳедосеевичъ Раевскій, декабристъ и поэтъ, родился 28-го марта 1795 года, умеръ въ 1872 году. Онъ былъ дворянинъ Курской губерніи и служилъ въ 32-мъ Егерскомъ полку, въ 16-й дивизіи генерала М. Ф. Орлова. Въ молодости В. Ѳ. участвовалъ въ одиннадцати сраженіяхъ и получилъ два чина за отличіе; 25-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ маіоромъ и имѣлъ два военныхъ ордена. Послѣ отечественной войны онъ былъ членомъ тайнаго общества «Союзъ благоденствія»; 6-го февраля 1822 года Раевскій былъ арестованъ и шесть лѣтъ содержался въ крѣпостяхъ Тираспольской, Петропавловской и въ Замостьѣ. 25-го октября 1827 года В. Ѳ. былъ разжалованъ, лишенъ дворянства и орденовъ, сосланъ въ Сибирь на поселеніе, какъ декабристъ, и водворенъ въ селѣ Олонкахъ Иркутской губерніи (въ 1828 году). Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 26-го августа 1856 года Раевскому, наравнѣ съ другими декабристами, возвращено потомственное дворянство и право жить гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ. Но онъ только на время пріѣзжалъ на родину, въ Курскую губернію, а за-

---

[1]) См. „Рус. Старину" 1873 г., т. VII; 1890 г., т. LXVI; 1902 г., CIX; 1903 г. № 4.

тѣмъ снова вернулся въ Сибирь, гдѣ и скончался въ 1872 году въ деревнѣ Малышевкѣ, а похороненъ въ с. Олонкахъ Иркутской губерніи. Судя по немногимъ оставшимся послѣ него стихотвореніямъ, В. Ѳ. былъ одаренъ недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ. Извѣстно, что А. С. Пушкинъ былъ знакомъ съ Раевскимъ и имъ интересовался.

I.

Стихотвореніе Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго.

Посланіе.

С. Олонки. Мая 30-го, 1828 г.

Изгнанникъ съ маемъ и весной
Тебя привѣтствуетъ, другъ милый!
Опять зимы безмолвной и унылой
Темничный образъ предъ тобой
Природы дѣвственной смѣнился красотой.
А для меня—прошла весна...
Очаровательной улыбкою она
Тоски по родинѣ, привычнаго роптанья,
Тяжелыхъ думъ и бѣдъ воспоминанья
Не истребитъ въ душѣ холодной и нѣмой.
Тамъ, за вершинами Урала,
Осталось все, что духъ живило мой,
Мой свѣтлый міръ; я внесъ сюда съ собой
Лишь муки страшныя Тантала;
Зачѣмъ затворника надежда обольщала,
Зачѣмъ мечталъ онъ видѣть край родной,
Прижать друзей къ груди, измученной тоской,
И шестилѣтнюю неволю,
Борьбу съ людьми, темничной жизни долю
Опять въ тревогѣ вѣчевой,
При кликахъ радости мятежной,
Забыть за чашей круговой?
Или съ подругой молодой
Отдать все прошлое порывамъ страсти нѣжной?...
Зачѣмъ коварныя мечты
Мой умъ довѣрчивый прельщали,
Зачѣмъ прекрасные цвѣты
Надъ бездной путь опасный застилали?
Къ чему коварный этотъ сонъ?
Я рано былъ къ терпѣнью пріученъ,—
Отъ юныхъ лѣтъ привыкъ дышать печалью,
И жребій мой мнѣ грудь сковалъ

Утратами, какъ закаленной сталью.
Зачѣмъ я благъ земныхъ желалъ,
Сдружившись съ жизнью не земною,
И примиренія искалъ
Съ людьми и грозною судьбою?
Они смѣялись надо мною...
Я ихъ узналъ,—преступный сонмъ рабовъ,—
Они изъ приторныхъ наемницы сосцовъ,
Еще повитые, какъ цѣпью, пеленами,
Глотали алчными устами
Все пошлое, все грязное, все прахъ...
Недуги старчества—ихъ доля въ колыбели,
Болѣзнь младенчества—ихъ доля въ сѣдинахъ.
Погибшіе, они для тайной цѣли
Святое все бросаютъ на позоръ.
Предъ слабымъ—власти наглый взоръ
И рабство—предъ судьбой и силой,
Невѣріе въ устахъ и блѣдность предъ могилой,—
Вотъ ихъ величія безчестное клеймо.
Нѣтъ, нѣтъ, не измѣню моей жестокой доли
На позлащенное ярмо,
На эту цѣпь приманчивой неволи!
Я здѣсь, сюда коварный рокъ,
Изъ бурныхъ волнъ, пучинъ и бездны,
Отбросилъ утлый мой челнокъ;
Я здѣсь, и звукъ отрадный и любезный
Не тронетъ слуха моего...
Мой мрачный взоръ и мрачное чело
Опять зарей весны не засіяютъ,
Уста мои—лишь ропотъ и печаль
Невнятнымъ звукомъ выражаютъ...
Напрасно бъ взоръ бросалъ съ надеждой въ даль,
Напрасно бъ ждалъ счастливой перемѣны:
Подземный стонъ и вѣковыя стѣны,
Затворъ желѣзный, звукъ цѣпей
И тайный зовъ утраченныхъ друзей
Меня и здѣсь тревожатъ въ сновидѣньи,
И отдаленіе въ моемъ воображеньи
Не истребитъ болѣзненной мечты!
И всѣ высокія картины
Природы грозной красоты:
Саяна снѣжныя вершины
И мрачный видъ безвыходной тайги,
Бурана ревъ и ломъ и трескъ рѣки
Подавленной, стѣсненной въ бѣгѣ льдами,
И торосы, вскипѣвшіе стѣнами,
Какъ вѣковыхъ руинъ слѣды;
И письмена разсѣянной орды,
Полярныхъ дикарей умъ гибкій, взоръ лукавый,
Повсюду грабежи, убійства, какъ забавы,

*

И рѣзкія черты, и буйный духъ людей,
Которыхъ страсти, преступленье,
Гоненье, клевета, порокъ и заблужденье,
Какъ крѣпкое къ звену звено,
Сковали въ общее одно.
Страна, гдѣ каждый домъ есть книга приключеній,
Гдѣ каждый кровъ—отверженныхъ есть домъ,
Гдѣ Миниха и Меншикова геній
Ни прошлой силою, ни прошлымъ торжествомъ,
Ничѣмъ не отдѣленъ убійцъ презрѣнныхъ съ долей!
Такъ это дивное для смѣлой кисти поле
Какой-то новостью еще блеститъ для глазъ,
Но мой восторгъ, въ борьбѣ съ людьми,—погасъ...
О милый другъ, всѣ прелести глубины,
Всѣ красоты волшебной сей картины
Не радуютъ: онѣ не въ родинѣ моей!
Скажи, кому отдамъ сердечныя томленья,
Кто мысль мою и тайныя движенья
Души пойметъ? Чей сладкій звукъ рѣчей
Вольетъ въ больную грудь минутную отраду?
Кто руку дастъ изгнаннику, какъ брату?
Съ кѣмъ лѣто знойное я жизни раздѣлю?
Цвѣты поблекшіе еще передо мною,—
Мнѣ ихъ дала младая дѣва въ даръ
И съ ними чувствъ и тайной страсти жаръ;
Я взялъ цвѣты холодною рукою
И руку ей съ признательностью сжалъ,
И дѣвственную грудь съ улыбкой цѣловалъ...
Но не любовь, не тайну страсти нѣжной
На пламенныхъ устахъ, на груди бѣлоснѣжной
Какъ прежде, съ алчнымъ чувствомъ пилъ:
Я розы рвалъ, но ихъ благоуханье
Далеко вѣтръ противный относилъ...
Могу ль назвать минутное желанье,
Обманчивый порывъ и проблескъ юныхъ силъ
Любовью чистою и нѣжной?
Нѣтъ, нѣтъ! Любовь—одно мнѣ—съ вѣрой и надеждой!—
Во мнѣ ихъ рокъ суровый умертвилъ.
О добродѣтель! Гдѣ жь непрочный
Твой гордый храмъ, твои жрецы,
Твои поклонники—слѣпцы
Съ обѣтомъ жизни непорочной?
Гдѣ мой кумиръ и гдѣ моя
Обѣтованная земля?
Гдѣ трудъ опасный и безплодный?
Онъ для людей давно пропалъ,
Его никто не записалъ,
И человѣкъ къ груди холодной
Тебя, какъ друга, не прижалъ!
Когда громъ грянулъ надо мною,—

Гдѣ были братья и друзья?
Раздался-ль внятно за меня
Ихъ голосъ смѣлый подъ грозою?
Нѣтъ, ихъ раскрашенныя лица
И въ счастьи гордое чело,
При словѣ казни и темницы,
Предсмертной тѣнью повело...

Что жь наша жизнь?—Задача безъ рѣшенья,
Тревожная со смертію борьба,
А будущность—таинственная тьма,
Вопросъ и страхъ, и мрачное сомнѣнье...
Для жертвъ и палачей одинъ назначенъ срокъ,
И времени стремительный потокъ
Течетъ впередъ губительной струею;
Оно, какъ прахъ, развѣетъ за собою
И самый слѣдъ громадныхъ городовъ;
Дѣла героевъ, мудрецовъ
Туманною закроетъ тьмою,
Владыкъ земныхъ и ихъ рабовъ
Смѣшаетъ съ перстію земною;
Иссушитъ глубину морей,
Воздвигнетъ горы средь степей,
И любопытный взоръ потомковъ
Не тщетно ль будетъ вопрошать:
Гдѣ царства падшія искать
Среди разбросанныхъ обломковъ?

Куда жь отдѣлится таинственное я?
Гдѣ будетъ слѣдъ минутный бытія,
Надежды, суеты, желанія земныя
И думы гордыя, и помыслы святые?
Мнѣ этотъ міръ—какъ знойный путь Сахары,
Гдѣ дышетъ вѣтръ песчаною волной!
Какъ бурный океанъ, гдѣ грозные удары
Валовъ не устаютъ ревѣть надъ головой!
Мнѣ этотъ міръ—какъ въ сумракѣ кладбище,
Въ которомъ ищетъ взоръ безбѣднаго жилища
Среди преступничьихъ гробовъ...
И мой ударитъ часъ всѣмъ общей чередою,
И знакъ сотретъ съ земли моихъ слѣдовъ,
И снѣгъ завѣетъ дернъ надъ крышей гробовою,
Могильный холмъ сравняется съ землею,
И крестъ безъ надписи падетъ!
И, можетъ быть, потомокъ мой пройдетъ
Надъ прахомъ, надъ моей могилою нѣмою,
И словомъ не почтитъ забытаго молвою...

Давно погибло все, чего мой духъ алкалъ...
Чего я жду тревожною душою?
Никто меня для жизни не сковалъ,
Никто не отнялъ власть и волю надъ собою.

Не время ли мнѣ сдѣлать шагъ впередъ
И снять покровъ съ таинственной химеры?..
Въ моихъ рукахъ свѣтильникъ чистой вѣры,—
Онъ свѣтъ въ пути моемъ прольетъ...

II.

Письмо В. Ѳ. Раевскаго къ дочери его Вѣрѣ Владиміровнѣ Ефимовой.

Любезный другъ Ѳедоръ Владиміровичъ [1]) и добрая, милая, безцѣнная моя Вѣра [2]). Письма ваши отъ 5-го и 9-го сентября я получилъ. Они меня очень обрадовали. Чѣмъ вы довольнѣе, тѣмъ я покойнѣе, и наоборотъ.

Я уже писалъ къ вамъ, что по манифесту мнѣ ничего не вышло, хотя къ XV стат., или параграфу мое дѣло чисто принадлежитъ.

Но пока генералъ не увѣдомитъ меня, я не буду входить съ прошеніемъ. Я писалъ къ генералу съ Волконскимъ [3]) и отослалъ мою конфирмацію и другіе документы. Что меня нѣтъ въ спискѣ, это ошибка генерала. Волконскій проѣхалъ въ Мальту [4]) 24-го сентября.

Очень бы я былъ радъ, если бъ Юлій [5]) пріѣхалъ; хотя разсчетъ и бываетъ немного для кармана убыточенъ, но удовольствіе быть вмѣстѣ стоитъ нѣкоторыхъ расходовъ. Признаюсь, что съ нѣкотораго времени я могу быть веселъ, доволенъ и отъ души смѣяться, когда старшія дѣти со мною, и Ѳ. В. въ томъ числѣ, конечно.

Не забота и не трудъ старѣютъ меня, а разлученье съ дѣтьми, которыя понимаютъ меня. Я вижу все людей чужихъ, и по чувству, и по жизни!

У насъ пріѣхалъ новый коммиссіонеръ, а это все равно, что для

---

[1]) Ѳ. В. Ефимовъ, мужъ Вѣры Владиміровны. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ совѣта главнаго управленія восточной Сибири отъ министерства юстиціи. Родился въ г. Охотскѣ въ 1823 году, умеръ въ г. Иркутскѣ въ 1882 году.

[2]) В. В. Евдокимова, любезно доставившая это письмо автору настоящихъ примѣчаній, здравствуетъ и теперь и проживаетъ въ г. Томскѣ.

[3]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ. Родился въ 1788 году, умеръ въ 1865 году. Бывшій командиръ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. Авторъ „Записокъ декабриста". Былъ женатъ на Маріи Николаевнѣ Раевской, дочери извѣстнаго генерала, Н. Н. Раевскаго, героя отечественной войны. Отецъ нынѣ здравствующаго члена Государственнаго Совѣта князя М. С. Волконскаго.

[4]) Мальта, нынѣ станція Сибирской желѣзной дороги.

[5]) Сынъ В. Ѳ., теперь умершій.

васъ губернаторъ. Ребиковъ былъ добрый, трудолюбивый и смирный человѣкъ. И этотъ со мною хорошъ,—но каково пойдетъ управленіе [1]), увидимъ?..

Третьяковъ славную штуку отлилъ:—записалъ 25 руб. Юлію выдачею изъ конторы; контора Верхнеудинская снесла расходомъ, а Иркутская отнеслась, чтобы я записалъ на приходъ.

Дома у насъ все хорошо. Маменькѣ [2]) легче. Дѣти здоровы.

«Хозяинъ», т. е. Саша [3]), все такъ же сердитъ и такой же мотъ, какъ Юлій. Миша [4]) доволенъ, что его перевели въ 6-й классъ и, конечно, будетъ учиться лучше. Леля начинаетъ учиться и привыкаетъ къ гимназіи.

Страда кончится, и профессоръ Иванъ Ивановичъ, послѣ сохи, серпа и косы,—начнетъ курсъ съ Вадею [5]) и Сонею [6]).

Увѣдомьте, какъ думаетъ Дм. Иринарх. Завалишинъ [7]): остается ли или ѣдетъ въ Россію?

Трубецкіе до зимы остаются.

Большая часть не воспользуется поздней милостью. Но эта милость для дѣтей. Изъ 120, кажется, въ живыхъ осталось человѣкъ 20 или 25; можно помиловать—большею частью полутрупы... [8]).

Я очень радъ, что дѣти ваши здоровы, но вы заплатите дорого за излишнюю ихъ изнѣженность. Въ домѣ не должно быть выше 17—15 градусовъ тепла; а на воздухѣ дѣти—во всѣ времена года; это необходимость.

Къ Юлію напишу; ожидаю его, по словамъ вашимъ и его, къ себѣ.

Полагаю, что вы съ Замошниковымъ объясните мнѣ подробно вашъ бытъ жизни и предположенія. Обнимаю, цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. В. Раевскій.

Еленѣ Андреевнѣ усердный и искренній поклонъ, и другимъ знакомымъ.

25-го сентября 1856 г. А. В. З. [9]).

Сообщилъ **Владиміръ Раевскій.**

---

[1]) По акцизу, гдѣ служилъ въ то время В. Ѳ.

[2]) Евдокія Моисеевна, жена В. Ѳ., нынѣ умершая.

[3]) Сынъ В. Ѳ., теперь умершій.

[4]) Сынъ В. Ѳ., впослѣдствіи казачій полковникъ. Теперь умершій.

[5]) Сынъ В. Ѳ. Вадимъ В. Раевскій, род. 16-го октября 1848 г. въ с. Олонкахъ Иркутской губ.; умеръ 27-го іюля 1882 года въ с. Марквино Курской губ., Новооскольскаго уѣзда.

[6]) Дочь В. Ѳ., въ замужествѣ Дьяченко, нынѣ умершая.

[7]) Декабристъ и писатель. Родился въ 1804 г. Основатель масонскаго „Ордена Возстановленія", затѣмъ членъ „Сѣвернаго Общества". Вернулся изъ ссылки въ Европейскую Россію въ 1856 г.

[8]) Точки въ подлинникѣ.

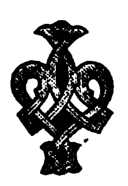
[9]) Александровскій винокуренный заводъ.

О разрѣшеніи А. И. Герцену пріѣзжать въ Петербургъ.

10-го іюля 1842 г.

10-го іюля 1842 года министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій сообщилъ с.-петербургскому генералъ-губернатору, что «государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу просьбы жены надворнаго совѣтника Герцена, который въ минувшемъ году выслanъ по высочайшему повелѣнію изъ С.-Петербурга, за распространеніе ложныхъ слуховъ на счетъ полиціи, всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Герцену жить въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы не пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ и чтобы оставался подъ полицейскимъ надзоромъ». 7-го апрѣля 1845 года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ тому же генералъ-губернатору, что по ходатайству жены Герцена, который былъ высланъ въ 1841 году въ Новгородъ, а потомъ переведенъ на жительство въ Москву, государь «соизволилъ разрѣшить ему пріѣздъ въ С.-Петербургъ по семейнымъ дѣламъ, но на ограниченное время и съ тѣмъ, чтобы и въ С.-Петербургѣ продолжаемъ былъ за нимъ полицейскій надзоръ».

Сообщ. **А. В. Безродный.**



И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ.

Интересъ къ польскому вопросу впервые зародился у Тургенева, несомнѣнно, при чтеніи Пушкина, который былъ для Ивана Сергѣевича, какъ и для большинства его юныхъ сверстниковъ, «чѣмъ-то въ родѣ полубога». Взгляды любимаго поэта были усвоены, конечно, безъ колебаній и безъ оговорокъ. Но, приходя въ юношескій восторгъ отъ оды «Клеветникамъ Россіи», Тургеневъ по свойствамъ своего характера долженъ былъ чаще вспоминать другіе стихи Пушкина, касавшіеся Польши, именно извѣстную строфу изъ «Бородинской годовщины»:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца“.

Но «споръ славянъ между собою» все-же очень мало занималъ Ивана Сергѣевича въ годы его русскаго и заграничнаго студенчества. Лишь попавъ въ кружокъ Бѣлинскаго съ его разносторонними интересами, Тургеневъ вновь долженъ былъ задуматься и надъ польскимъ вопросомъ. По свидѣтельству Кавелина, «Бѣлинскій (въ 1843 г. и позднѣе) не любилъ поляковъ и съ необыкновеннымъ своимъ чутьемъ, далеко опережавшимъ время, прозрѣвалъ въ нихъ узкихъ провинціаловъ. Ему особенно не нравилось въ полякахъ то, что они считаютъ Варшаву наравнѣ съ

Парижемъ, Мицкевича наравнѣ съ Гёте, что послушать ихъ—ихъ политики, поэты, художники, философы за поясъ заткнутъ европейскія свѣтила... Бѣлинскій вмѣнялъ русскимъ въ особенное достоинство, что они трезвы умомъ, не таращатся, относятся къ себѣ отрицательно... Эта нелюбовь, — добавляетъ отъ себя біографъ великаго критика, — усложнялась еще другими мотивами: Бѣлинскій враждебно смотрѣлъ на польскій шляхетскій гоноръ, подложенный презрѣніемъ къ народу, и на католическій узкій фанатизмъ. Но все это, однако, не мѣшало критику сочувствовать скорби Мицкевича о его погибшей родинѣ [1]). Тургеневъ, судя по его произведеніямъ, не могъ быть лучшаго мнѣнія о полякахъ. Типы послѣднихъ въ образѣ фата и сомнительнаго игрока Стельчинскаго въ «Затишьѣ» или графа Малевскаго, чуть не выброшеннаго въ окно за анонимный доносъ, въ «Первой любви»—достаточно говорятъ за это. Конечно, презрительнаго или враждебнаго отношенія къ цѣлой польской національности мы напрасно стали бы искать въ сочиненіяхъ и письмахъ Ивана Сергѣевича.

Съ политической стороной польскаго вопроса Тургеневу пришлось познакомиться серьезно не ранѣе перваго его пребыванія въ Парижѣ. Столица Франціи была центромъ польской эмиграціи, и послѣдняя именно къ 1848 г. со всею силой и откровенностью развернула свою политическую программу. Иванъ Сергѣевичъ, не сходясь близко ни съ кѣмъ изъ поляковъ, достаточно все же знакомился съ ихъ стремленіями, съ ихъ дѣятельностью черезъ тогдашнихъ друзей своихъ — Анненкова, Герцена, Бакунина, Гервега, постоянно сходившихся для бесѣдъ и совѣщаній съ эмигрантами, а иногда и прямо становившихся въ ряды ихъ. Одни изъ друзей Тургенева рѣшали польскій вопросъ самымъ радикальнымъ способомъ, мѣрами революціонными, какъ Бакунинъ, другіе, какъ Анненковъ—путемъ мирныхъ соглашеній. И тѣ и другіе, по словамъ очевидца, «выказывали передъ политическими врагами своими образцовое великодушіе, дѣлали всевозможныя уступки польскому патріотическому чувству, вѣрили ихъ обвиненіямъ и укорамъ». Но даже наиболѣе горячихъ приверженцевъ польскихъ идеаловъ охлаждали крайнія требованія и нетерпимость поляковъ, желавшихъ ни болѣе ни менѣе, какъ культурнаго и политическаго руководительства русскимъ народомъ и пробалтывавшихся соотвѣтствующими любезностями по адресу Россіи. Такъ знаменитый Лелевель пустилъ въ кружокъ своихъ русскихъ благожелателей собственноручное письмецо, въ которомъ доказывалъ, будто бы въ нашемъ языкѣ «не существуетъ словъ для выраженія понятій о личной чести и добродѣтели — honneur, vertu. Существующее слово честь въ русскомъ языкѣ выражаетъ будто-бы одно

---

[1]) „В. Г. Бѣлинскій“ Пыпина. II, 77; 209—210; 225.

понятіе о родовомъ или служебномъ отличіи, и въ этомъ смыслѣ оно только и понималось у насъ искони, а добродѣтель есть составное слово, придуманное нами по нуждѣ, для обозначенія психическаго качества, котораго оно, однако, нисколько не передаетъ [1])». Тѣмъ не менѣе даже самые консервативные изъ русскихъ, къ каковымъ принадлежали Анненковъ и Тургеневъ, не оспаривали тогда притязаній поляковъ на политическую автономію въ этнографическихъ границахъ не только коренной Польши, но и Литвы; лишь земли Кіева и Смоленска оставались за русскими [2]).

Съ начала царствованія императора Александра II интересъ къ польскимъ дѣламъ, ослабѣвшій было за предшествующіе годы, вновь оживился у Ивана Сергѣевича. Тургеневъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія принялся слѣдить за либеральными и гуманными мѣропріятіями въ Польшѣ. И намъ станетъ поэтому понятнымъ извѣстное заступничество его въ то время за польскаго литератора. Въ 1859 году чиновникъ министерства финансовъ, издававшій въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газету Slowo, полякъ Огрызко, былъ посаженъ на мѣсяцъ въ крѣпость, а газета его запрещена за нарушеніе цензурныхъ требованій. Тургеневъ препроводилъ государю письмо, въ которомъ защищалъ арестованнаго журналиста. Не зная сущности дѣла, Иванъ Сергѣевичъ просилъ не о снисхожденіи къ виноватому, а о возстановленіи его во всѣхъ его правахъ. Письмо, между прочимъ, говорило, что арестованіемъ издателя польской газеты и упраздненіемъ ея самой нарушаются великіе принципы царствованія, что эта мѣра потрясаетъ надежды и довѣріе, возлагаемыя на него русскимъ обществомъ; что онъ, проситель, считаетъ своимъ долгомъ высказаться откровенно, исполняя тѣмъ, во-первыхъ, прямую обязанность вѣрноподданнаго, а во-вторыхъ, выражая своимъ поступкомъ глубокую признательность за защиту, которую государю угодно было однажды оказать самому составителю письма. Письмо, конечно, не имѣло никакихъ послѣдствій для Тургенева и оставлено было безъ отвѣта. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ только потомъ, что, встрѣтившись съ государемъ на улицѣ и поклонившись ему, онъ могъ примѣтить строгое выраженіе на его лицѣ, а въ глазахъ прочесть какъ бы упрекъ: «не мѣшайся въ дѣло, котораго не разумѣешь» [3]). Чтобы лучше понять этотъ поступокъ Тургенева, нужно помнить, что Огрызко тогда еще не обнаружилъ своего полонизма, за каковой впослѣдствіи поплатился каторгой; онъ состоялъ къ тому же на государственной службѣ и имѣлъ достаточно сильныя связи въ Петербургѣ,

---

[1]) Анненковъ: „Воспомин. и критич. очерки". III, 165—170.

[2]) См. письмо Анненкова къ Тургеневу отъ 2-го (14-го) окт. 1872 г. „Русск. Обозрѣн." 1898 г., кн. 5.

[3]) „Вѣстн. Евр." 1885 г., апрѣль, 472

чтобы не возбудить подозрѣнія такого въ сущности довѣрчиваго человѣка, какимъ былъ Тургеневъ. Да и сближаясь съ немногими изъ выдающихся польскихъ писателей, Иванъ Сергѣевичъ искалъ въ нихъ прежде всего литературныхъ, а не политическихъ дѣятелей. Познакомившись въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ съ Крашевскимъ Тургеневъ во время двукратной съ нимъ бесѣды совсѣмъ не касался политики. Говорили о литературѣ и тогдашнихъ ея теченіяхъ, да и то Крашевскому его собесѣдникъ показался нѣсколько холоднымъ и неразговорчивымъ. Польскій писатель, впрочемъ, больше заботился тогда о томъ, чтобы ему, какъ дворянину, не ударить лицомъ въ грязь передъ «человѣкомъ самаго лучшаго общества [1])».

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневъ интересовался, конечно, не однимъ польскимъ вопросомъ, но слѣдующій фактъ показываетъ, какъ внимательно онъ слѣдилъ за нимъ и во время явныхъ и тайныхъ демонстрацій и интригъ поляковъ 1860—1862 гг. и въ періодъ открытаго мятежа ихъ и дипломатическаго похода западной Европы на насъ въ 1863 году, насколько пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вникнуть въ суть дѣла и въ его подробности. Когда, въ концѣ 1862 г, наканунѣ возстанія, Велепольскій надумалъ предупредить революціонный взрывъ рекрутскимъ наборомъ, обращеннымъ прежде всего на горячія головы, Иванъ Сергѣевичъ писалъ по этому поводу Н. В. Ханыкову: «Я вчера имѣлъ долгій разговоръ съ вашимъ историкомъ, тѣмъ же княземъ Н. А. Орловымъ [2]), вслѣдствіе котораго я не могу измѣнить свое мнѣніе насчетъ набора въ Польшѣ и вотъ почему:

1) Что лица выбираемы не полиціей, а рекрутскимъ присутствіемъ. это ничего не значитъ, потому что явная, нескрываемая цѣль Велепольскаго и слѣдовательно правительства—забрить всѣхъ такъ называемыхъ революціонеровъ, и цѣль эта достигается вполнѣ и непремѣнно по указаніямъ полиціи.

2) Лицъ, дѣйствительно, берутъ отъ 19 до 23 лѣтъ, т. е. въ самый опасный для правительства возрастъ.

3) Способъ набора, о которомъ вы пишете, и который дѣйствительно существовалъ 30 лѣтъ въ Польшѣ,—былъ формально и на вѣчныя времена отмѣненъ закономъ 1859 года и теперь возстановленъ иллегально. Иллегальность эта страшно увеличивается еще тѣмъ, что нынѣшній наборъ, по числу своему, долженъ былъ падать на всѣ сословія, а его концентрировали на одномъ, т. е. не

---

[1]) См. воспоминанія Крашевскаго въ „Иностран. критикѣ о Тургеневѣ". стр. 215—219.

[2]) Кн. Ник. Алексѣев. Орловъ, дипломатъ и писатель. Въ то время посланникъ въ Брюсселѣ.

сказали: мы легальныхъ 3.000 возьмемъ съ горожанъ, а 3.000 будемъ считать недоимочныхъ съ крестьянъ, или совсѣмъ простимъ ихъ; но объявили, что всѣ 6.000 пойдутъ съ горожанъ. Въ этомъ и въ отсутствіи очереди состоитъ вопіющая, безобразная несправедливость, которая не становится отъ того менѣе безобразной, что въ Прагѣ совершается нѣчто подобное. Впрочемъ, всѣ эти факты буквально сообщу Ланфрею [1]), и пусть онъ судитъ о нихъ какъ знаетъ [2])».

Сомнѣнія Ивана Сергѣевича, высказанныя въ этомъ письмѣ, оправдались полной неудачей предпріятія Велепольскаго, послужившаго только поводомъ къ общему возстанію.

Тургеневъ, внимательно слѣдя за польскими событіями, довѣрялъ иностраннымъ сообщеніямъ до 1862 года гораздо болѣе, чѣмъ они того заслуживали. Такъ, напримѣръ, залпъ роты солдатъ въ отвѣтъ на градъ камней, сыпавшихся на нихъ со стороны скопищъ варшавской черни (15-го февраля 1861 г.) и послѣдовавшій за тѣмъ приказъ растерявшагося князя Горчакова исполнить рядъ нелѣпыхъ требованій революціонной партіи,—событія эти, переданныя въ заграничныхъ газетахъ въ самомъ враждебномъ для Россіи видѣ, вызвали такія замѣчанія Ивана Сергѣевича въ письмѣ къ Герцену отъ 9-го марта (н. с.): «Въ Варшавѣ хотятъ попробовать мѣры кротости (brutalité была слишкомъ велика даже для русской администраціи, даже ей стало стыдно), но попробуй поляки завести рѣчь о конституціи, и увидятъ они, какіе выставятся кулаки». Элементарное требованіе самообороны превратилось подъ перомъ западныхъ публицистовъ въ скотскую ярость («brutalité»), полная растерянность намѣстника—въ «мѣры кротости»; когда же послѣ указанныхъ событій поляки дѣйствительно завели рѣчь о конституціи, никакихъ кулаковъ не выставилось.

Но въ 1862 году Иванъ Сергѣевичъ разобралъ, какой мутный источникъ представляютъ собою западные журналы и газеты, а въ слѣдующемъ году они уже возбуждали его негодованіе. Когда сотрудникъ «Le Nord»'а—Щербань попытался раскрыть въ заграничной печати подложность высочайшаго повелѣнія, распространяемаго парижской прессой, которымъ будто-бы предписывалось, «укрѣпивъ духъ водкой», отправиться «на резь» католиковъ, за что обѣщалось пожалованіе въ «члены и россійскіе дворяне», Тургеневъ писалъ Щербаню 1-го (13-го) іюня 1863 г.: «Я сейчасъ прочелъ статью вашу въ «Nord»'ѣ о подложной «Секретной царской волѣ» и рукоплескалъ вамъ. Нѣтъ такой грязной клеветы, которую бы на насъ не возводили, и спасибо тѣмъ, которые

[1]) Ланфрей (Lanfrey)—французскій публицистъ и авторъ извѣстной исторіи Наполеона I; страстный противникъ второй имперіи.

[2]) „Ежемѣсячн. сочин." 1901 г., VI, 297—298. Письмо неправильно отнесено издателемъ къ 1866 году

протестуютъ [1])». Такому отрезвленію способствовали особенно Н. А. Милютинъ, Н. И. Тургеневъ и В. П. Боткинъ. Съ ними Иванъ Сергѣевичъ часто и помногу бесѣдовалъ въ зиму съ 1862 на 1863 г., въ Парижѣ.

Застрѣльщикомъ въ этихъ разсужденіяхъ и спорахъ выступалъ обыкновенно Боткинъ, нападавшій на Ивана Сергѣевича иногда съ непріятной для него рѣзкостью. «Я, я, я»—горячился онъ, пуча глаза и заикаясь отъ волненія:—«я, по-твоему скупецъ, Гарпагонъ,—я все состояніе отдалъ бы, чтобъ самаго вопроса не было; но разъ онъ есть—уступочки? Европа? Много она понимаетъ, твоя Европа! И не ея дѣло. Брысь...».

«Они (поляки) насъ сонныхъ рѣжутъ, съ того и начали»—говорилъ онъ другой разъ: — «а Иванъ Сергѣевичъ хочетъ прыскать на нихъ одеколономъ [2])».

Но гораздо убѣдительнѣе для Тургенева были взгляды Н. А. Милютина, котораго Иванъ Сергѣевичъ искренно любилъ и высоко ставилъ, какъ государственнаго дѣятеля. Николай Алексѣевичъ велъ обширную переписку съ людьми, стоявшими въ курсѣ нашихъ политическихъ вопросовъ, особенно съ братомъ Дмитріемъ—военнымъ министромъ [3]). Кромѣ того въ маѣ 1862 г. провелъ нѣсколько дней въ С.-Петербургѣ, вызванный государемъ изъ Парижа по польскому дѣлу, и привезъ съ собою въ столицу Франціи не мало интересныхъ и важныхъ свѣдѣній. Осенью слѣдующаго года, приступая уже къ реформамъ въ Царствѣ Польскомъ, Милютинъ подробно разъяснялъ свои планы Тургеневу. Иванъ Сергѣевичъ даже составилъ записку по поводу этихъ бесѣдъ и долго хранилъ рукопись у себя, прочитывая ее нѣкоторымъ изъ интересовавшихся дѣятельностью Николая Алексѣевича [4]). Взгляды же послѣдняго на тогдашнее положеніе польскаго вопроса сводились, какъ извѣстно, къ слѣдующему. Ни объ автономіи, ни о широкомъ самоуправленіи съ поляками невозможно толковать, такъ какъ съ этими сторонами вопроса они непремѣнно связываютъ распространеніе власти Польши на русскія земли, на территорію въ границахъ 1772 года. Необходимо подавить мятежъ возможно быстрѣе и энергичнѣе, а затѣмъ умиротворить край: крестьянской реформой въ духѣ положенія 19-го февраля 1861 года, устраненіемъ на будущее время изъ народнаго образованія и церковнаго управленія враждебныхъ Россіи учрежденій и порядковъ и, наконецъ, охраненіемъ отъ ополячиванія населенія не польскаго. Проекты Милютина имѣли, такимъ образомъ, чисто оборонительный характеръ и пре-

---

[1]) „Русск. Вѣстн." 1890 г., авг., 5—6.

[2]) „Русск. Вѣстн." 1890 г., іюль, 26; авг., 9.

[3]) Нынѣ графомъ и фельдмаршаломъ.

[4]) „Русск. Старина", 1884 г., май, 396. Эта интересная рукопись очевидно не сохранилась.

слѣдовали, въ концѣ концовъ, не обрусительныя, а примирительныя цѣли [1]). Что же касается вмѣшательства Западной Европы въ польскія дѣла, то здѣсь Николай Алексѣевичъ считалъ всякую уступчивость съ нашей стороны несомнѣннымъ униженіемъ. «Добрые» же совѣты старыхъ государствъ менѣе культурной Россіи скрываютъ—по его мнѣнію—за собою ненависть и желаніе лишить насъ той именно цивилизаціи, во имя которой они наружно такъ горячо ратуютъ [2]).

Что касается взглядовъ Н. И. Тургенева, то знаменитый изгнанникъ съ 1848 года немолчно указывалъ въ своихъ сочиненіяхъ на ту опасность, какою грозятъ славянамъ германизаторскія стремленія нашихъ ближайшихъ сосѣдей, стремленія настойчивыя, изворотливыя, которыя уже дали удивительные результаты и у западныхъ славянъ, и въ Польшѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ. Вотъ почему полякамъ необходимо искать опоры и единенія съ великой и сильной славянской имперіей, а не отбиваться отъ нея. Съ другой стороны, для успѣшнаго рѣшенія польскаго вопроса и Россіи необходимо кое-что сдѣлать и прежде всего ввести у себя возможно либеральныя реформы. Этимъ будетъ облегчено взаимное пониманіе русскихъ и поляковъ, послѣдніе охотнѣе будутъ подчиняться либеральному общеимперскому правительству, да и Россія отъ подобныхъ реформъ выиграетъ, какъ держава-руководительница славянскаго міра. При такомъ взглядѣ на польскій вопросъ Н. И. Тургеневъ отнесся съ довѣріемъ и полнымъ сочувствіемъ къ дѣятельности Милютина въ Привислянскомъ краѣ [3]).

Какъ ни авторитетно было въ глазахъ Ивана Сергѣевича политическое пониманіе Милютина и Николая Тургенева, но собственный его взглядъ на польскія дѣла не совпалъ вполнѣ ни съ однимъ изъ изложенныхъ мнѣній. По открытому признанію Ивана Сергѣевича (въ серединѣ 1863 г.), его воззрѣнія оказались въ согласіи лишь со статьями Аксаковскаго «Дня». А журналъ этотъ рекомендовалъ тогда такое рѣшеніе рокового вопроса: подавивъ мятежъ и водворивъ спокойствіе, устранить совершенно изъ-подъ польскаго вліянія Сѣверо-Западный и Юго-Западный края, какъ земли искони русскія. Въ коренной же Польшѣ добиться—съ помощью ли всесословнаго польскаго сейма, или инымъ равносильнымъ способомъ, истиннаго мнѣнія всего народа, желаетъ ли послѣдній внутренней автономіи въ духѣ конституціи 1815 года подъ верховенствомъ Россіи, или онъ выскажется за полную политическую независимость и самостоятельность Польши. И то и

---

[1]) См. статьи Щебальскаго о Милютинѣ въ „Русск. Вѣстн.“ 1882 г., кн. 10—12.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, 1882 г., ноябрь, стр. 321; 1890 г., іюль, 25 — 26.

[3]) См. „Польскій вопросъ“ А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Европы“ 1880 г., окт., 699—711.

другое рѣшеніе необходимо утвердить русскому правительству, предупредивъ самымъ серьезнымъ образомъ о неизбѣжной германизаціи царства и вооруженномъ его захватѣ со стороны Пруссіи, коль скоро Россія выведетъ изъ него войска для защиты уже своихъ неоспоримыхъ земель въ границахъ 1807 года [1]). Такое рѣшеніе польскаго вопроса, при всей его не малой опасности для спокойствія Россіи, является результатомъ глубоко благожелательнаго отношенія русскаго народа къ польскому, а не слѣдствіемъ угрозъ Запада, на которыя Иванъ Сергѣевичъ желалъ бы отвѣчать войной. Великій писатель вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія Милютина, Николая Тургенева, Аксакова и вообще всѣхъ лучшихъ русскихъ людей о вмѣшательствѣ Запада въ нашу домашнюю распрю съ Польшей, но считалъ унизительнымъ для Россіи не только какія-либо уступки, но самую попытку западныхъ государствъ склонить насъ на таковыя путемъ прямыхъ или косвенныхъ угрозъ. «А войны намъ не миновать» — писалъ Иванъ Сергѣевичъ 1-го (13-го) іюня 1863 г. Щербаню: — «особенно теперь послѣ взятія Пуэблы [2]). Да и признаться сказать, я начинаю желать войны: одинъ конецъ—такъ или этакъ мы выйдемъ изъ безобразнаго болота, въ которомъ сидимъ по горло» [3]).

Послѣ усмиренія мятежа взгляды Тургенева на польскій вопросъ измѣнились развѣ въ томъ только смыслѣ, что предполагаемое рѣшеніе его онъ пересталъ считать осуществимымъ въ ближайшемъ будущемъ. По крайней мѣрѣ дѣятельность Н. А. Милютина въ Польшѣ не только не вызвала его осужденія, но Иванъ Сергѣевичъ готовъ былъ признать ее «необходимостью», хотя и «печальной». Дѣятельность же эта ознаменована была не только такими мѣрами, какъ закрытіе ряда монастырей, изъятіе крестьянскаго управленія изъ польскихъ рукъ, но и сближеніемъ Милютина со страшнымъ для Тургенева Муравьевымъ. Въ 1882 году бывшій товарищъ Ивана Сергѣевича по Берлинскому университету баронъ I. Ф. возмутился статьями Леруа-Болье о Милютинѣ [4]), которыя возвеличивали русскаго государственнаго дѣятеля, да еще работавшаго на окраинѣ въ разрѣзъ съ остзейскими традиціями, и предложилъ между прочимъ Тургеневу сдѣлать возраженія автору статей, хотя бы по отношенію къ польскому вопросу. Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ барону, что политика Милютина въ Польшѣ, правда, требуетъ многихъ оговорокъ, но онъ самъ видѣлъ въ ней печаль-

---

[1]) Сочиненія И. С. Аксакова. III, 1—106.

[2]) Городъ въ Мексикѣ, взятый французами въ маѣ 1863 г. во время Мексиканской экспедиціи Наполеона III.

[3]) „Русскій Вѣстн." 1890 г., авг. 6.

[4]) Leroy-Beaulieu: „Un homme d'état russe" (Revue des deux Mondes. 1880—1881 г.).

ную необходимость. Милютина же называлъ однимъ изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей («je salue en lui un de nos grands—et rares—homme d'état») [1]).

Въ началѣ возстанія Тургеневъ писалъ Анненкову: «Извѣстіе изъ Польши горестно отразилось и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы... Когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней?! Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія этого безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши».

«Не въ состояніи вамъ передать, до какой степени меня мучаютъ польскія дѣла»... писалъ онъ Фету въ апрѣлѣ 1863 г. Подобнымъ образомъ выражались всѣ серьезные люди въ то время, но съ однимъ Тургеневымъ могло произойти слѣдующее недоразумѣніе. Въ № 22 Аксаковскаго «Дня» появилась за подписью г. Х. корреспонденція, въ которой разсказывалось, какія небылицы о звѣрствѣ русскихъ солдатъ надъ поляками печатаются во французскихъ газетахъ, и прибавлялось, что по прочтеніи одного изъ такихъ извѣстій Тургеневъ вздумалъ было написать на нихъ каррикатурную пародію, именно, какъ одинъ казачій полковникъ поссорился со своимъ есауломъ за то, что тотъ жареныхъ польскихъ дѣтей ѣстъ съ французской, а не англійской горчицей. «Вы бы меня весьма обязали»—писалъ по поводу этого Иванъ Сергѣевичъ редактору:—«еслибъ напечатали въ ближайшемъ нумерѣ вашего журнала, что въ этомъ анекдотѣ нѣтъ ни слова правды. Я вполнѣ раздѣляю ваше воззрѣніе на польскій вопросъ, но мнѣ противно думать, что въ такое печальное, трудное, грозное время я выставленъ передъ читателемъ кривлякою и шутомъ. Видно, какъ ни прячь свою жизнь, какъ упорно ни замыкайся въ самомъ себѣ, досужаго корреспондента не убережешься. Мнѣ это тѣмъ болѣе досадно, что это появилось въ «Днѣ», журналѣ, который уважаю и хотѣлъ бы видѣть чаще. Повторяю, вы сдѣлаете мнѣ истинное удовольствіе, если скажете объ этомъ нѣсколько словъ. Я убѣжденъ, что мы должны бороться съ поляками, но не должны ни оскорблять ихъ, ни смѣяться надъ ними». Аксаковъ не вполнѣ понялъ чувство, какимъ руководился Тургеневъ при посылкѣ приведенныхъ строкъ и, помѣстивъ это письмо въ № 29 «Дня» (отъ 20-го іюля 1863 г.), присоединилъ къ нему свое объясненіе, въ которомъ говорилъ между прочимъ: «Охотно исполняемъ желаніе многоуважаемаго нами писателя и извиняемся передъ нимъ и передъ публикой, что помѣстили такое невѣрное свѣдѣніе. Намъ это очень прискорбно потому, что оно такъ непріятно г. Тургеневу. Но, право, мы и теперь думаемъ, что отвѣчать на польскія баснословныя клеветы не-

---

[1]) „Русск. Стар." 1884 г., май, 397—398.

возможно иначе, какъ смѣхомъ [1]). Въ № 167 «Колокола» была отмѣчена корреспонденція № 22 «Дня», при чемъ редакціей выражено было рѣшительное сомнѣніе въ истинности передаваемаго «Днемъ». Иванъ Сергѣевичъ 10-го (22-го) іюня писалъ Герцену въ отвѣтъ на его замѣтку: «Сейчасъ прочелъ я № «Колокола», гдѣ упоминается о «французской и англійской горчицѣ». Спасибо тебѣ, что ты не повѣрилъ этому пошлому анекдоту... Ни одного ни обиднаго, ни насмѣшливаго слова не вышло изъ моихъ устъ на счетъ поляковъ, хотя бы уже потому, что я еще не потерялъ всякое пониманіе «трагическаго»: теперь никому не до смѣха... Я былъ бы тебѣ обязанъ, если бы ты въ слѣдующемъ № «Колокола» напечаталъ, что «мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г. И. Тургеневу, чистая выдумка». Я нынче же пишу И. С. Аксакову. Меня глубоко оскорбляетъ эта грязь, которой брызнуло въ мою уединенную, почти подъ землею скрытую жизнь». И Герценъ не понялъ Ивана Сергѣевича, и не понималъ того «трагизма»—неизбѣжнаго спутника исторіи народовъ, о которомъ Тургеневъ, какъ нарочно, толковалъ еще въ предыдущихъ своихъ письмахъ къ нему. Издатель «Колокола» объяснялъ свое недовѣріе къ корреспонденціи «Дня» тѣмъ, что «было бы безнравственно жартовать надъ поляками, когда надъ ними тѣшутся такіе милые забавники, какъ Муравьевъ и вся палачующая братія». Тургеневъ не былъ поклонникомъ Муравьева, но послѣдній въ данномъ случаѣ ни при чемъ. Это видно уже изъ того, что вскорѣ имя Ивана Сергѣевича явилось въ числѣ подписчиковъ въ пользу пострадавшихъ отъ польскагὸ мятежа, что̀ показалось Герцену равносильнымъ сочувствію тому же Муравьеву. Лондонскій эмигрантъ выразилъ это такъ въ письмѣ своемъ отъ 10-го апр. (н. с.) 1864 года къ Тургеневу: «Не только дать два золотыхъ, но двѣсти—не грѣхъ, но дать имя на демонстрацію въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова и Муравьева—не изъ самыхъ цивилическихъ поступковъ, особенно когда это идетъ отъ человѣка, никогда не мѣшавшагося въ политику. Я понимаю, что поврежденный Аксаковъ наивно затесался въ кровавую грязь по горло—у него это послѣдовательно. Ну, а ты съ чего сѣлъ въ ту же канаву?»

Тургеневъ оставилъ это нападеніе безъ отвѣта.

Національные и политическіе счеты наши съ Польшей не отодвигали у Тургенева интереса къ польской литературѣ на задній планъ. Но, съ другой стороны, интересы эти не были и значительны. Мы находимъ слишкомъ мало слѣдовъ ихъ въ его перепискѣ, а также въ различныхъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Съ Мицкевичемъ онъ едва-ли встрѣчался, съ Крашевскимъ бесѣдовалъ только два раза; часто сходился Тургеневъ (въ Парижѣ) лишь съ Антономъ Совой

[1]) См. „Русское Обозрѣніе“ 1894 г., № 12, стр. 600.

(Желиговскимъ), которому много посодѣйствовалъ даже въ его свадьбѣ въ 1861 г. Но не для однихъ перечисленныхъ писателей Иванъ Сергѣевичъ изучилъ въ 1852 г. польскій языкъ, усвоенный имъ, очевидно, съ достаточнымъ успѣхомъ [1]). Въ сентябрѣ 1879 года Ивана Сергѣевича ожидали въ Краковъ на юбилей Крашевскаго. Но онъ тамъ не показался. Спрошенный въ письмѣ Н. Бергомъ, «почему онъ не поѣхалъ, будучи свободенъ и независимъ ни отъ какихъ министерствъ, ни отъ какого начальства», Тургеневъ отвѣчалъ: «Я не поѣхалъ въ Краковъ по домашнимъ обстоятельствамъ; да и кромѣ того я полагаю, что поступилъ благоразумио. Мое положеніе въ Краковѣ было бы самое фальшивое—молчать было бы странно, а говорить пришлось бы либо неосторожно, либо противно убѣжденіямъ [2])». Тѣмъ не менѣе Иванъ Сергѣевичъ прислалъ тогда слѣдующее письмо на имя Спасовича: «Къ искреннему сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій; съ увѣренностью могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича [3])».

Мы исчерпали наиболѣе крупные изъ дошедшихъ до насъ фактовъ, характеризующихъ взглядъ Тургенева на польскій вопросъ вообще и на польскую литературу въ частности. Какъ ни скуденъ количествомъ этотъ матеріалъ, качественное его значеніе достаточно, чтобы установить, съ одной стороны, безспорно патріотическое отношеніе Ивана Сергѣевича къ нашимъ счетамъ съ Польшей, а съ другой—его глубокую благожелательность къ полякамъ, которая, вмѣстѣ со скорбной думой надъ трагической стороной человѣческой исторіи, лишь подымала этотъ патріотизмъ на ту высоту, на какой онъ только можетъ стоять у представителя великаго и европейско-христіанскаго народа.

Н. Гутьяръ.

---

[1]) См. письмо къ Віардо отъ 1-го (13-го) мая 1852 г., въ сборникѣ неиздан. писемъ Тургенева. М. 1900 г.

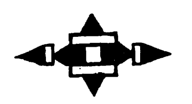
[2]) „Историч. Вѣстн." 1883 г., ноябрь, 376.

[3]) Перв. собр. писемъ, 346.

Высочайшее повелѣніе, чтобы въ каждомъ домѣ въ С.-Петербургѣ были вырыты колодцы.

10-го апрѣля 1762 г.

10 апрѣля 1762 г. с.-петербургскій и ревельскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ принцъ фонъ-Голштейнъ, объявивъ главной полицеймейстерской канцеляріи, что 9-го марта императоръ повелѣлъ «чтобы во всѣхъ С.-Петербургскихъ домахъ были колодцы, какъ для всегдашнихъ домашнихъ каждому обывателю потребъ, такъ наипаче во время приключающихся пожарныхъ случаевъ, дабы всегда вода къ унятію причиняемыхъ огнемъ вредностей въ близости была и чтобы со дня высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія непремѣнно въ двѣ недѣли въ каждомъ домѣ объявленные колодцы въ лучшемъ состояніи и по довольной глубинѣ со изобиліемъ воды были. А если кто изъ здѣшнихъ обывателей, какого бы званія они ни были, въ помянутое двунедѣльное время колодца въ своемъ домѣ не сдѣлаетъ, тотъ долженъ въ наказаніе денежный штрафъ понесть по разсмотрѣнію главной полицеймейстерской канцеляріи.



Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ.

въ XV и XVI вѣкахъ.

VI.[1]).

Сношенія Москвы съ Италіей.—Переговоры о женитьбѣ Іоанна III на Зоѣ Палеологъ.—Характеристика Іоанна III.—Сношеніе Венеціи съ татарами.—Отправленіе русскаго посольства въ Римъ.—Обрученіе Зои и отъѣздъ ея изъ Рима.—Прибытіе Зои Палеологъ въ Россію.—Въѣздъ въ Москву.—Свиданіе съ Іоанномъ III.—Бракосочетаніе.—Религіозныя пренія.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Россія почти не имѣла сношеній съ Западомъ; только у Ганзы были свои конторы въ Новгородѣ, который въ то время былъ еще богатъ и независимъ. Что касается другихъ русскихъ городовъ, то въ нихъ почти не бывало путешественниковъ, и въ самой Москвѣ проживало всего нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ изъ Западной Европы. Въ числѣ ихъ занимаютъ видное мѣсто два италіанца, Иванъ Вольпъ (Gian-Battista della Volpe) и Антоній Джисларди (Antonio Gislardi), о которыхъ русскіе лѣтописцы упоминаютъ подъ именемъ Ивана и Антона Фрязиныхъ. Надобно замѣтить, что подъ словомъ Фрязинъ русскіе означали всякаго иностранца латинскаго происхожденія.

Вольпъ, родомъ изъ Виченцы, отправился, въ 1455 г., искать счастья у татаръ; былъ, вѣроятно, въ Каффѣ и оттуда попалъ въ Россію. Это былъ человѣкъ хитрый, не особенно разборчивый на средства, любившій пускаться во всевозможныя приключенія.

Въ 1469 году онъ уже поселился окончательно въ Москвѣ и, по

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1903 г.

свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, имѣлъ доступъ въ Кремль и былъ монетчикомъ великаго князя Іоанна III. Въ этомъ отношеніи имъ очень дорожили въ Москвѣ, такъ какъ русскіе были въ то время весьма мало свѣдущи въ металлургіи.

Любопытно, что Вольпъ принялъ,—добровольно или по принужденію—это остается неизвѣстнымъ,—православную вѣру.

Семейству Вольпъ приходилась сродни семья Джисларди, пользовавшаяся въ Виченцѣ также большою извѣстностью. Нѣкоторые члены этой семьи еще въ тринадцатомъ вѣкѣ славились своими талантами, богатствомъ и знатностью рода. Антоній Джисларди былъ племянникъ Вольпа и пользовался въ свое время славою неутомимаго путешественника. Онъ объѣздилъ всю Европу отъ Неаполя до Москвы, побывалъ въ Германіи, Польшѣ, Венгріи.

Въ 1468 году въ Римѣ появились два эмиссара, посланныхъ изъ Москвы Вольпомъ, изъ нихъ одинъ, Николай Джисларди (Nicolo Dislardi) былъ съ нимъ въ родствѣ, а другой, по имени Юрій, былъ по происхожденію грекъ. По какому праву простой монетчикъ великаго князя посылалъ своихъ уполномоченныхъ въ Италію, и съ какою цѣлью прибыли они въ Ватиканъ, объ этомъ римскіе источники умалчиваютъ. Мы знаемъ только, что 9-го іюня 1468 г. папа Павелъ II назначилъ посланнымъ Вольпомъ «проживающимъ въ Россіи» 41 флоринъ, для возмѣщенія ихъ путевыхъ расходовъ, каковая сумма и была выдана имъ на слѣдующій же день.

Любопытно отмѣтить, что первыя сношенія Москвы съ Италіей возникли по русской инициативѣ и при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

Извѣстно, съ какимъ трудомъ иностранцы, поступавшіе на службу великихъ князей московскихъ, получали позволеніе выѣхать изъ Россіи, и какія неопреодолимыя препятствія ставились къ ихъ выѣзду за границу, хотя бы на короткое время. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что если Вольпъ могъ свободно сноситься съ Западомъ и даже отправлялъ туда своихъ агентовъ, то это дѣлалось не иначе, какъ съ вѣдома и согласія великаго князя, при чемъ имѣлась въ виду какая-либо особенно важная цѣль.

Дѣйствительно, дѣло было чрезвычайно важное, и Юрій въ скоромъ времени возвратился обратно въ Россію, и на этотъ разъ уже не въ сопровожденіи Николая Джисларди, а съ Антономъ Джисларди и Карломъ Вольпомъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ объ этомъ разсказывается слѣдующее:

11-го февраля 1469 г. одинъ грекъ, по имени Юрій, явился въ Москву съ порученіемъ отъ Виссаріона. Византійскій кардиналъ писалъ великому князю Іоанну III, что въ Римѣ есть православная христіанка

по имени Софія, дочь бывшаго деспота Мореи, Ѳомы Палеолога; что она отказала уже, изъ ненависти къ латинской вѣрѣ, двумъ западнымъ принцамъ, королю французскому и герцогу миланскому, но что великому князю нечего бояться отказа, и если онъ пожелаетъ жениться на принцессѣ, то ее поспѣшатъ привезти въ Москву. Одновременно, прибавляетъ лѣтописецъ, прибыли еще два италіанца, или, по его выраженію, два фряза, Карлъ и Антоній, братъ и племянникъ Ивана Фрязина.

Эта страничка, начертанная рукою неизвѣстнаго автора, заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ этомъ разсказѣ поражаетъ стараніе скрыть починъ въ этомъ дѣлѣ Москвы; можно подумать, что Юрій прибылъ прямо изъ Рима, тогда какъ въ сущности онъ только возвратился изъ Рима, куда онъ былъ посланъ изъ Москвы. Что касается подробностей, то онѣ не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Не только Зоя не приняла еще въ то время имени Софіи, но ни Людовикъ XI, обвѣнчанный въ 1452 г. вторымъ бракомъ съ Шарлоттой Савойской, ни непобѣдимый Галеаццо Сфорца не добивались никогда чести соединиться брачными узами съ осиротѣвшей византійской принцессой. Что касается отвращенія Зои къ браку съ латиняномъ, то, какъ намъ извѣстно, она была согласна выйти за короля кипрскаго, а маркизъ Мантуйскій самъ отказался отъ ея руки. Точно также невозможно допустить, чтобы честный и прямодушный Виссаріонъ, преданный латинской церкви, отозвался подобнымъ образомъ о латинской вѣрѣ въ своемъ посланіи къ Іоанну. За то участіе Виссаріона въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Мы уже видѣли, что всякій разъ, какъ дѣло шло о бракѣ Зои съ какимъ-либо италіанскимъ принцемъ, или хотя бы съ иноземнымъ королемъ, ея опекунъ принималъ въ дѣлѣ живѣйшее участіе. Это было его обязанностью.

Связанный нѣкогда узами дружбы съ кіевскимъ митрополитомъ Исидоромъ, онъ, вѣроятно, слышалъ отъ него о военномъ могуществѣ Россіи, о ненависти русскихъ къ невѣрнымъ и о томъ, какимъ образомъ можно было этимъ воспользоваться. Впрочемъ, съ политической точки зрѣнія, выгоды этого брака были слишкомъ очевидны, чтобы ихъ не понялъ человѣкъ, столь просвѣщенный и такой безпощадный врагъ мусульманъ; супругъ Зои могъ быть союзникомъ противъ турокъ и могущественнымъ покровителемъ Византіи.

Но какія побужденія руководили въ этомъ случаѣ великимъ княземъ московскимъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно выяснить прежде всего личность Іоанна III.

Онъ обладалъ въ высокой степени всѣми качествами и недостатками московскихъ князей своего времени. Съ неуклонной настойчи-

востью и энергіей, доходившей до жестокости, онъ проводилъ систему собиранія Русской земли.

Не особенно разборчивый на средства, жестокій и безжалостный по отношенію къ своимъ близкимъ и подданнымъ, онъ былъ озабоченъ одною мыслію—объ упроченіи своей власти, горѣлъ однимъ желаніемъ—создать однородное грозное государство, хотя бы цѣною русской крови, которую онъ проливалъ безпощадно. Стремился ли внукъ Калиты создать имперію, предвидѣлъ ли онъ или предугадалъ величіе своего отечества, руководила ли имъ безсознательная сила или же онъ руководствовался эгоистическимъ разсчетомъ? Какъ бы то ни было, Іоаннъ III перешагнулъ обычныя рамки великокняжеской власти, сдѣлался истиннымъ основателемъ неограниченнаго самодержавія, и это дало ему возможность подъ конецъ своего царствованія располагать престоломъ по своему усмотрѣнію, лишить короны законнаго наслѣдника престола и возложить ее на главу своего избранника.

Что касается его подданныхъ, то выборъ великаго князя не могъ ихъ удивить.

Подобнаго рода бракъ не былъ новостью въ Россіи; не говоря уже о Владимірѣ, который былъ женатъ на греческой принцессѣ, дядя Зои, императоръ Іоаннъ VIII, женился на русской.

Національная гордость была во всякомъ случаѣ польщена выборомъ великаго князя; Византія и послѣ своего паденія была окружена ореоломъ славы. Бракъ Іоанна III съ иноземной принцессой, конечно, былъ для него предпочтительнѣе союза съ русской княжною.

Прежде, нежели дать окончательный отвѣтъ греку Юрію, великій князь хотѣлъ по старинному обычаю посовѣтоваться съ боярами, со своей матерью Маріей и митрополитомъ Филиппомъ.

При этомъ кое-что было, вѣроятно, недомолвлено, ибо иначе митрополитъ Филиппъ, врагъ папской власти и «латинской ереси», никогда не изъявилъ бы своего согласія на бракъ Іоанна съ дѣвушкой, которую ея воспитатель, Виссаріонъ, считалъ всецѣло преданной уніи.

Къ сожалѣнію, подробности происходившаго совѣщанія намъ не извѣстны. Только одно обстоятельство бросаетъ на это дѣло нѣкоторый свѣтъ. Чтобы увидать невѣсту, привезти ея портретъ и вести дальнѣйшіе переговоры, въ Римъ былъ посланъ никто иной, какъ тотъ же Іоаннъ Вольпъ, который посылалъ къ папѣ грека Юрія, поддерживалъ постоянныя сношенія со своими родными, жившими въ Виченцѣ, и имѣлъ свободный доступъ въ Кремль.

Ловкій итальянецъ былъ, повидимому, съ самаго начала главнымъ довѣреннымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ его нити и искусно управлялъ ими, конечно, не безъ выгоды для себя.

О путешествіи Вольпа въ Римъ имѣются лишь самыя краткія свѣдѣнія.

Дочь деспота Ѳомы,—говорятъ лѣтописцы,—узнавъ о томъ, что великій князь исповѣдуетъ «православную христіанскую вѣру», тотчасъ дала свое согласіе на бракъ. Папа, со своей стороны, поставилъ одно условіе, выполнить которое было не трудно: онъ потребовалъ, чтобы въ Римъ было послано нѣсколько «бояръ», которые составили бы свиту невѣсты и сопровождали бы ее въ ея новое отечество. Ловкій Вольпъ, осыпанный милостями и знаками отличія, получилъ отъ папы Павла II охранную грамоту, коей русскимъ посламъ обезпечивался свободный проѣздъ по всѣмъ странамъ, гдѣ «признавалась власть папы».

Разсказъ этотъ, весьма наивный по формѣ, былъ вѣренъ въ основѣ; ибо 14-го октября 1470 г. папа подписалъ грамоту на имя польскаго короля Казиміра IV, съ просьбою дозволить свободный пропускъ чрезъ его владѣнія московскимъ посламъ, которые будутъ отправлены въ Римъ.

Въ исходѣ того же 1470 года Антоній Джислярди, проводивъ грека Юрія въ Москву, возвратился въ ноябрѣ или въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Италію и обратился къ венеціанскому сенату со слѣдующимъ предложеніемъ.

Его дядя, Іоаннъ Батистъ Вольпъ, покинувшій отечество уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ и жившій одно время у татаръ, а затѣмъ поселившійся въ Москвѣ, очень сокрушался, по его словамъ, о потерѣ Негропонта, или Эвбеи, острова, дорогаго венеціанцамъ и завоеваннаго турками.

Чтобы помочь своей родинѣ, которой постоянно угрожали турки, онъ придумалъ заключить союзъ съ татарами Золотой Орды. Ханъ Магомедъ, называемый русскими лѣтописцами Ахметомъ, поклялся ему вооружить противъ турокъ двухсотъ-тысячное войско.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Джислярди показалъ инструкціи, данныя ему Вольпомъ, и письмо татарскаго хана. Надобно замѣтить, что осторожный Джислярди благоразумно умолчалъ при этомъ о поѣздкѣ своего дяди въ Италію и о веденныхъ имъ брачныхъ переговорахъ.

Какъ ни былъ смѣлъ планъ Вольпа, но онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ Венеціи.

Война съ турками, начатая ею еще весною 1463 г., ознаменовалась рядомъ неудачъ: Венеція лишилась цвѣтущихъ колоній, ея торговля на Востокѣ была подорвана, военный бюджетъ истощилъ ея средства, лучшіе ея полководцы пали на полѣ битвы; не было никакой надежды заключить съ турками не только выгодный, но хотя бы сносный миръ. Но гордая республика не хотѣла сложить оружіе; она послала въ турецкія воды новыя галеры и хотѣла продолжать войну, во что бы то

ни стало. Въ самый разгаръ войны была даже сдѣлана попытка подослать къ султану нанятыхъ убійцъ, которымъ «Совѣтъ Десяти» обѣщалъ щедрую награду.

Въ Грузію и Персію были посланы тайные эмиссары, чтобы поднять тамошнія племена противъ турокъ. Поэтому Венеція не могла пренебрегать союзомъ съ татарами; но столь важное рѣшеніе не могло быть принято вдругъ.

Прошло четыре долгихъ мѣсяца, а Джисларди все не получалъ отвѣта. Эта проволочка показалась ему знакомъ недовѣрія. Тогда онъ потребовалъ, чтобы все сказанное имъ было провѣрено на мѣстѣ уполномоченнымъ республикою, послѣ чего переговоры могли бы быть возобновлены или оставлены.

Эта мысль понравилась сенаторамъ, которые рѣшили 2-го апрѣля 1471 г., большинствомъ голосовъ, послать въ Золотую Орду своего секретаря Іоанна Батиста Тревизана. Кромѣ извѣстнаго жалованія ему было ассигновано на путевыя издержки 300 дукатовъ.

Если бы не дальность разстоянія, то Венеціанская республика отправила бы къ хану цѣлое посольство. Тревизану было поручено объяснить Магомеду (Ахмету) всѣ эти затрудненія, извиниться передъ нимъ, одобрить его воинственные замыслы и поднести ему шестнадцать аршинъ сукна, стоимостью приблизительно въ 96 дукатовъ. Далѣе этого скромнаго подарка венеціанская щедрость не пошла; татарамъ, которые никогда не обнажали меча даромъ и грабили друзей и враговъ, не было обѣщано со стороны Венеціи никакого денежнаго вознагражденія.

Тревизану было также поручено изучить внимательно положеніе тѣхъ странъ, по которымъ онъ проѣдетъ, нравы жителей, ихъ характеръ и сношенія. Въ Венеціи очень разсчитывали при этомъ на содѣйствіе Вольпа, такъ какъ Тревизанъ, отправленный въ сопровожденіи Джисларди, долженъ былъ заѣхать сперва въ Москву, передать оффиціальное письмо Вольпу, обсудить вмѣстѣ съ нимъ подробности дальнѣйшаго путешествія, а затѣмъ отправиться въ Золотую Орду, откуда онъ долженъ былъ присылать свои донесенія сенату.

Въ то время, какъ въ Венеціи обсуждался вопросъ о союзѣ съ татарами, Вольпъ велъ въ Москвѣ дальнѣйшіе переговоры о бракѣ великаго князя.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Рима онъ сообщилъ Іоанну отвѣтъ папы.

Въ Кремлѣ снова собрался совѣтъ: всѣ условія папы были приняты. Эта необычайная сговорчивость, столь несовмѣстная съ московскими нравами, указываетъ, повидимому, на то, что въ данномъ случаѣ дѣло было обдумано и рѣшено заранѣе.

Оставалось только поѣхать за принцессой Зоей въ Римъ. Это вто-

рое, весьма лестное порученіе было возложено, разумѣется, на того, кто сумѣлъ такъ искусно выполнить первое.

Великій князь послалъ съ Вольпомъ письма къ кардиналу Виссаріону и папѣ Каликсту, какъ русскіе называли преемника Павла II, скончавшагося 28-го іюля 1471 г. Лѣтописецъ присовокупляетъ добродушно, что посланные Іоанномъ, узнавъ по пути истинное имя папы, подчистили въ письмѣ имя Каликстъ и вписали вмѣсто него—Сикстъ IV.

Вольпъ отправился въ Италію 17-го января 1472 г., съ нѣсколькими спутниками, имена коихъ неизвѣстны. Первыя извѣстія, которыя онъ сообщилъ изъ Венеціи, не предвѣщали ничего добраго.

27-го апрѣля сенаторы рѣшили отозвать Тревизана обратно, пославъ ему на дорогу 150 дукатовъ. Это рѣшеніе было вызвано донесеніями, полученными отъ него изъ Москвы, въ которыхъ несчастный секретарь жаловался на то, что Вольпъ бросилъ его на произволъ судьбы. Лишенный его поддержки, не зная русскаго языка, онъ былъ не въ состояніи исполнить возложенное на него порученіе. Странное поведеніе Вольпа какъ бы подтверждало это обвиненіе; онъ былъ въ то время въ Италіи, держалъ путь въ Римъ и какъ бы умышленно избѣгалъ Венеціи.

Въ первыхъ числахъ мая Вольпъ встрѣтился въ Болоньи съ Виссаріономъ, который ѣхалъ во Францію.

Надѣясь, что всѣ препятствія къ браку Зои будутъ устранены, Виссаріонъ представлялъ себѣ ее уже на пути въ Москву и, желая, чтобы ея путешествіе по Италіи было тріумфальнымъ шествіемъ, чтобы ей были оказаны почести, подобавшія ея сану, онъ писалъ 10-го мая 1472 г. настоятелю собора въ Сіенѣ:

«Мы встрѣтились въ Болоньи съ посломъ великаго князя московскаго, который ѣдетъ въ Римъ съ цѣлью заключить, отъ имени своего монарха, бракъ съ племянницею императора византійскаго. Мы принимаемъ въ этомъ дѣлѣ самое живѣйшее участіе, такъ какъ мы были всегда одушевлены благорасположеніемъ и жалостью къ византійскимъ принцамъ, пережившимъ великую катастрофу, и считали своимъ долгомъ придти къ нимъ на помощь въ силу тѣхъ узъ, кои связуютъ насъ съ родиной и нашимъ народомъ.

«Если бы невѣстѣ пришлось ѣхать черезъ Сіену, то мы умоляемъ васъ оказать ей блестящій пріемъ, дабы ея спутники могли засвидѣтельствовать о любви къ ней италіанцевъ. Это придастъ ей значеніе въ глазахъ ея супруга и сдѣлаетъ вамъ честь. Что касается насъ, то мы будемъ вамъ на вѣки признательны».

Подобное же письмо было послано въ тотъ же день маркизу д'Эсте. По всей вѣроятности, Виссаріонъ разослалъ таковыя письма въ разные города, а самъ лично замолвилъ слово о принцессѣ въ Болоньи.

Ободренный этимъ, Вольпъ отправился въ Римъ, куда онъ прибылъ въ исходѣ мая 1472 г.

«Святѣйшіе отцы были созваны сегодня (24-го мая) въ совѣтъ», записалъ Джіакомо Маффеи де-Вольтерра, секретарь кардинала Амманати, единственный изъ современниковъ, описавшій подробно пребываніе Вольпа въ Римѣ.

«Они были приглашены по случаю пріѣзда пословъ отъ Іоанна, князя Бѣлыя Россіи, которые прибыли, во-первыхъ, чтобы засвидѣтельствовать его почтительную преданность папѣ, а во-вторыхъ, чтобы заключить бракъ съ дочерью бывшаго деспота Пелопонезскаго. Покинувъ свое отечество со своими двумя братьями, она жила въ Римѣ на иждивеніи папскаго престола. Посламъ было приказано остановиться въ гостиницѣ «Монта-Маріо», у воротъ города, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ по пріемѣ пословъ. Вопросъ о бракѣ вызвалъ нѣкоторыя сомнѣнія; здѣсь не знали точно, какую вѣру исповѣдуютъ русскіе.

«Святѣйшіе отцы дали свое согласіе на бракъ. Они дозволили также, чтобы обрядъ обрученія былъ совершенъ, какъ того желали, въ соборѣ св. апостоловъ Петра и Павла, въ сослуженіи прелатовъ. Рѣшеніе это было основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: русскіе приняли нѣкогда постановленія Флорентійскаго собора; и у нихъ былъ латинскій архіепископъ, назначенный папою, тогда какъ греки обращаются за утвержденіемъ своихъ епископовъ къ патріарху константинопольскому.

«25-го мая послы великаго князя явились въ засѣданіе консисторіи. Они предъявили открытое письмо, писанное на маленькомъ пергаментѣ, съ приложеніемъ висящей золотой печати, въ которомъ было написано по-русски: «Великому Сиксту, первосвященному римскому, великій князь Бѣлыя Россіи, Іоаннъ, свидѣтельствуетъ свое почтеніе, бьетъ челомъ и проситъ вѣрить тому, что скажутъ его послы». Эти послѣдніе поздравили папу съ восшествіемъ на престолъ, увѣрили его въ преданности великаго князя, поднесли ему подарки, шубу и 70 собольихъ шкуръ. Папа выразилъ похвалу великому князю за то, что онъ исповѣдуетъ христіанскую вѣру, что онъ принялъ Флорентійскую унію, что онъ не обращался съ просьбою о назначеніи епископа къ константинопольскому патріарху, ставленнику турокъ; что онъ желаетъ вступить въ бракъ съ христіанкой, выросшей подъ покровительствомъ папскаго престола, и за выраженныя имъ чувства почтительной преданности папѣ римскому, что̀ равносильно у русскихъ изъявленію его сыновней преданности. На этомъ торжественномъ засѣданіи присутствовали послы короля Неаполитанскаго, Венеціи, Милана, Флоренціи и герцога Феррарскаго, приглашенные папою для обсужденія другихъ дѣлъ».

Разсказъ римскаго хроникера подтверждается депешою миланскихъ пословъ Джіованни Арчимбольди, епископа новарскаго, и Никодима

Транхедини де-Понтремоли, поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что разсказъ о пріемѣ пословъ, коего онъ былъ свидѣтелемъ, переданъ имъ вполнѣ точно, чего нельзя однако сказать о подробностяхъ, которыя не могли быть провѣрены имъ лично и которыя онъ передаетъ вѣроятно по слухамъ, какъ напр. о принятіи русскими уніи, о томъ, будто великіе князья обращались въ Римъ съ просьбою о присылкѣ епископа, и т. д., равно какъ и самый текстъ великокняжескаго письма, который былъ очевидно переданъ Маффеи невѣрно.

Какъ объяснить благосклонное отношеніе папы къ предложеніямъ Вольпа? Возможно-ли допустить, чтобы въ Римѣ знали такъ плохо истинное положеніе дѣлъ? Документы того времени не даютъ на это отвѣта, но возможно предположеніе, что Вольпъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ и ввелъ въ заблужденіе и великаго князя, и папу.

Главное затрудненіе состояло въ томъ, что Іоаннъ былъ православный, а Зоя католичка; латинская же церковь признаетъ законность такого смѣшаннаго брака только въ томъ случаѣ, если дѣти, происшедшія отъ него будутъ, окрещены въ католическую вѣру. Византійскимъ принцамъ дѣлались однако же въ этомъ отношенія снисхожденія, такъ, сыновья Мануила получили отъ папы Мартина V дозволеніе жениться на католичкахъ. Въ папской грамотѣ, данной по этому случаю, было оговорено, что эта уступка дѣлается въ видахъ облегченія соединенія восточной и западной церквей, такъ какъ эти браки не нанесутъ ущерба истинной вѣрѣ.

Сикстъ IV находился по отношенію Іоанна III въ такомъ же положеніи, какъ Мартинъ V по отношенію къ Мануилу, и если бракъ Зои не былъ обставленъ подобными оговорками, то можно предположить, что папа былъ введенъ въ заблужденіе обманчивыми увѣреніями Вольпа.

Какъ бы то ни было, посланный Іоанна достигъ своей цѣли. Папа принялъ большое участіе въ бракѣ Зои Палеологъ, несмотря на то, что онъ былъ поглощенъ въ то время совершенно инаго рода заботами, Только-что передъ тѣмъ имъ была заключена съ Неаполемъ и Венеціей лига противъ турокъ; папа вербовалъ для похода солдатъ и вооружилъ 24 галеры. 28-го мая, послѣ обѣдни, онъ благословилъ въ соборѣ св. Петра знамена крестоносцевъ и призвалъ Божіе благословеніе на галеры, которыя должны были вскорѣ отплыть на востокъ.

1-го іюня, въ тотъ самый день, когда папская флотилія вышла въ море, было назначено обрученіе Зои или ея заочное бракосочетаніе. Современные документы говорятъ объ этомъ разнорѣчиво.

Въ этотъ день въ соборѣ св. Петра собралось многочисленное и блестящее общество, среди котораго занимала первое мѣсто вдова короля боснійскаго Стефана, Екатерина, проживавшая въ Римѣ съ тѣхъ поръ, какъ турки захватили ея владѣнія; не имѣя никакихъ средствъ

къ существованію, она получала отъ папскаго престола ежемѣсячную пенсію въ размѣрѣ ста дукатовъ; ее сопровождали въ изгнаніе четыре преданныя ей подруги, и эти боснійскія матроны были вѣроятно единственныя славянскія женщины, присутствовавшія при обрученіи будущей великой княгини московской. Въ соборѣ присутствовали также самыя знатныя патриціанки Рима, Флоренціи и Сіены. Кардиналы прислали своихъ представителей.

Маффеи, описавшій торжество обрученія, не упоминаетъ ни объ одномъ грекѣ, но нельзя допустить, чтобы на это торжество не были приглашены всѣ соотечественники Зои, находившіеся въ Римѣ.

Во время церемоніи произошло слѣдующее недоразумѣніе: въ тотъ моментъ, когда надобно было обмѣняться кольцами, Вольпъ заявилъ, что онъ не привезъ кольца для невѣсты, ибо въ Москвѣ, по его словамъ, подобнаго обычая не существовало. Его объясненіе показалось весьма сомнительнымъ, и это обстоятельство произвело на всѣхъ присутствовавшихъ столь сильное впечатлѣніе, что многіе усомнились въ полномочіяхъ Вольпа. На другой день послѣ бракосочетанія, Сикстъ IV жаловался въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, что посолъ дѣйствовалъ, не имѣя достаточныхъ полномочій отъ своего монарха.

Подозрѣнія увеличились, когда дѣло дошло до обсужденія вопроса о походѣ противъ турокъ. Въ Римѣ всѣ ожидали, что Вольпъ сдѣлаетъ по этому поводу какія-либо важныя сообщенія. Поэтому всѣ были горько разочарованы, выслушавъ въ засѣданіи 2-го іюня рѣчь, произнесенную имъ на латинскомъ языкѣ. Вольпъ хвасталъ, что онъ имѣетъ личныя торговыя сношенія съ татарскимъ ханомъ, который предлагаетъ вооружить для борьбы съ турками многочисленную армію и напасть на нихъ со стороны Венгріи, если ему обѣщаютъ съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій ежемѣсячную субсидію въ десять тысячъ дукатовъ. Для того чтобы заключить этотъ, довольно убыточный договоръ, по словамъ Вольпа, надобно было сверхъ того послать татарамъ, какъ бы въ видѣ задатка, подарки на шесть тысячъ дукатовъ.

Требованія эти показались чрезмѣрными; можно было опасаться, что часть денегъ пойдетъ въ карманъ Вольпа, къ тому же было весьма сомнительно, пропуститъ ли король венгерскій чрезъ свои владѣнія татарское войско. Вообще трудно было полагаться на обѣщанія двоедушныхъ и алчныхъ татаръ; при томъ ихъ побѣда была бы, въ сущности, новымъ торжествомъ ислама. Поэтому папа счелъ благоразумнымъ отклонить предложенія Вольпа.

Вмѣстѣ съ Зоей долженъ былъ отправиться въ Москву епископъ Антоній Бонумбръ (Antonio Bonumbre), котораго русскіе лѣтописцы именуютъ кардиналомъ Антоніемъ; онъ пользовался особымъ благоволеніемъ и довѣріемъ папы Сикста IV, получилъ при назначеніи въ

Москву званіе легата; папа возлагалъ на него большія надежды, полагая, что онъ будетъ тѣмъ «ангеломъ мира», который разсѣетъ преубѣжденія русскихъ противъ латинской церкви и пріобщитъ ихъ къ единой истинной вѣрѣ.

Что касается Зои, то Сикстъ до конца заботился о ней съ чисто отеческимъ попеченіемъ. Кромѣ разныхъ подарковъ принцесса получила отъ него въ приданое около шести тысячъ дукатовъ. Онъ позаботился также о томъ, чтобы ее сопровождала приличная свита, состоявшая изъ грековъ и италіанцевъ, не считая русскихъ, возвращавшихся въ Москву. Во главѣ этого импровизированнаго двора стоялъ, разумѣется, Вольпъ. Въ числѣ грековъ былъ Юрій Траханіотъ, который велъ переговоры о бракѣ Зои, остался затѣмъ на службѣ великаго князя и исполнялъ для него разныя дипломатическія порученія; и Дмитрій Ралевъ въ качествѣ представителя братьевъ Зои Палеологъ. Что касается италіанцевъ, то самымъ значительнымъ изъ нихъ былъ вышеупомянутый епископъ Антоній Бонумбръ. Весьма вѣроятно, что епископа сопровождали нѣсколько латинскихъ монаховъ, такъ какъ папа дозволилъ ему взять таковыхъ съ собою, но, вообще, точная цифра лицъ, составлявшихъ свиту Зои, не извѣстна.

Папа разослалъ всѣмъ монархамъ, по владѣніямъ которыхъ должна была проѣхать Зоя, письма, въ которыхъ онъ выражалъ желаніе, чтобы ей былъ оказанъ вездѣ подобающій ея сану и благосклонный пріемъ.

21-го іюня 1472 г. въ садахъ Ватикана состоялась прощальная аудіенція Зои, при которой присутствовалъ Вольпъ; а три дня спустя она выѣхала изъ Рима.

29-го іюня Зоя Палеологъ прибыла въ Сіену, гдѣ имя деспота Ѳомы Палеолога было неразрывно связано съ воспоминаніемъ о мощахъ Іоанна Крестителя [1]).

Въ самый день ея пріѣзда представители города рѣшили ассигновать пятьдесятъ флориновъ на расходы по ея пріему и на представительство, но такъ какъ въ городской кассѣ не оказалось наличныхъ денегъ, то было рѣшено сдѣлать заемъ.

Зоѣ было отведено помѣщеніе во дворцѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Opéra del Duomo, который стоитъ рядомъ съ великолѣпнымъ соборомъ.

Каковъ былъ дальнѣйшій ея путь до Болоньи, въ точности не извѣстно; можно сказать только, что во Флоренціи, которая была по пути, она не останавливалась.

Въ Болонью будущая супруга Іоанна III пріѣхала 10-го іюля; тутъ ей былъ оказанъ торжественный пріемъ въ домѣ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, Виргилія Мальвецци (Virgiolo Malvezzi). Жители

---

[1]) Всѣ числа приведены по новому стилю.

Болоньи имѣли неоднократно случай любоваться красотою принцессы. Ей было на видъ двадцать четыре года; невысокаго роста, съ блестящими черными глазами, она отличалась матовой бѣлизною лица, которая свидѣтельствовала о ея высокомъ происхожденіи.

Появляясь въ публикѣ, она накидывала поверхъ своего ярко краснаго платья парчевую мантію, отороченную горностаемъ; ея золотой головной уборъ былъ осыпанъ жемчугомъ; всеобщее вниманіе привлекалъ драгоцѣнный камень, оправленный въ видѣ застежки и прикрѣпленный къ лѣвому рукаву. Знатнѣйшая молодежь Болоньи сопровождала поѣздъ Зои Палеологъ, всѣ оспаривали другъ у друга честь вести ея лошадь въ поводу.

Изъ Болоньи путешественники отправились въ Виченцу, куда прибыли вечеромъ 19-го іюля и гдѣ провели два дня, въ теченіе которыхъ въ честь Зои были устроены празднества и банкеты.

По улицамъ возили знаменитую ruota de'notaji, подвижную башню высотою въ двадцать три метра, украшенную аллегорическими фигурами, которую несли на плечахъ нѣсколько силачей, а съ боковъ поддерживали тремя длинными жердями. Посреди башни сидѣлъ, на почетномъ мѣстѣ, юноша въ женскомъ одѣяніи, сдѣланномъ изъ бѣлой ткани, съ вѣнкомъ на головѣ, съ вѣсами и мечомъ въ рукахъ. Онъ изображалъ собою правосудіе. Подлѣ него стояли неподвижно на стражѣ два герольда. Надъ нимъ парилъ двуглавый византійскій орелъ, держащій въ когтяхъ глобусъ и мечъ. Нѣсколько ниже былъ изображенъ гербъ Виченцы. На верху башни сидѣлъ другой юноша подъ цвѣтнымъ зонтикомъ, размахивая краснымъ флагомъ. Внизу, на платформѣ, стояли герольды пѣшіе и верховые. Нѣсколько ступеней вели на вторую платформу, гдѣ турки важно качали три люльки; въ каждой изъ нихъ лежало по два большихъ ребенка.

Подобнымъ страннымъ зрѣлищемъ, которое выставлялось на показъ въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, удовлетворялись простодушные и нетребовательные люди пятнадцатаго вѣка.

Общество нотаріусовъ, коимъ принадлежала эта ruota, было вѣроятно увѣрено въ томъ, что оно почтило этимъ зрѣлищемъ Зою Палеологъ. Венеціанцы присоединились къ торжественнымъ празднествамъ происходившимъ въ Виченцѣ, и прислали Зоѣ, со своей стороны, богатые подарки и приняли на свой счетъ ея путевыя издержки по своимъ владѣніямъ.

Этотъ торжественный пріемъ былъ прощальнымъ привѣтомъ Италіи дочери Палеологовъ. Ей не суждено было видѣть болѣе лазореваго неба и ослѣпительнаго солнца и дышать ея теплымъ благоуханнымъ воздухомъ. Передъ взорами путешественниковъ появились вскорѣ гигантскія Альпы съ ихъ снѣжными вершинами, отдѣлившія Италію отъ гер-

манскаго міра. Переѣхавъ, путешественники направились на Инспрукъ и Аугсбургъ.

10-го августа Зоя прибыла въ Нюренбергъ, гдѣ она провела четыре дня. Мѣстныя власти поднесли ей въ подарокъ роскошный поясъ; а нюренбергскія матроны поднесли отъ себя боченокъ вина и сласти. Въ городской ратушѣ былъ данъ балъ, на которомъ присутствовало самое избранное общество. Принцесса появилась на этомъ балу, но, сославшись на свое нездоровье, отказалась принять участіе въ танцахъ.

Когда она возвращалась изъ ратуши, два искусныхъ наѣздника гарцовали передъ нею на рыночной площади, въ награду за что Зоя надѣла каждому изъ нихъ на палецъ по золотому перстню.

Весьма любопытно, что жители Нюренберга считали Іоанна III могущественнымъ монархомъ, который жилъ «за Новгородомъ», а папскій легатъ, по словамъ современныхъ хроникеровъ, отправлялся въ его отдаленную страну для того, чтобы поднести ему королевскую корону и проповѣдывать христіанскую вѣру.

8-го сентября столица Ганзейскаго союза, Любекъ, торжественно привѣтствовала принцессу, которую считали въ Германіи дочерью византійскаго императора.

Изъ Любека она отправилась моремъ въ Ревель; тутъ ее чествовали рыцари Тевтонскаго ордена. Въ Юрьевѣ Зою встрѣтили уполномоченные великаго князя.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась вѣсть о пріѣздѣ невѣсты Іоанна III. Народъ хотѣлъ раздѣлить радость великаго князя и привѣтствовать его будущую супругу. Первая торжественная встрѣча была устроена ей во Псковѣ. 11-го октября, къ устью р. Эмбаха подплыли разукрашенныя суда, съ коихъ сошли знатные псковитяне, поднесшіе Зоѣ по русскому обычаю хлѣбъ соль и вино. Принявъ это подношеніе, она продолжала свой путь. Переплывъ Псковское озеро и Пейпусъ, на что потребовалось цѣлыхъ два дня, суда, на которыхъ ѣхала Зоя со своими спутниками, вошли въ р. Великую и остановились по пути на нѣсколько часовъ въ древнемъ Святогорскомъ монастырѣ.

Софія Палеологъ (такъ называютъ Зою русскіе лѣтописцы и такъ и мы будемъ называть ее впредь), съ самаго вступленія своего на русскую землю, рѣзко измѣнила свое обхожденіе. Снявъ свой дѣвичій нарядъ, она какъ бы отрѣшилась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Когда она подъѣхала къ Пскову, навстрѣчу ей вышло мѣстное духовенство, и всѣ тотчасъ направились къ собору. По пути народъ восторженно привѣтствовалъ принцессу, но папскій легатъ, съ его ярко красныть одѣяніемъ, митрою, перчатками и католическимъ Распятіемъ, вызвалъ всеобщее удивленіе, которое смѣнилось негодованіемъ, когда онъ не захотѣлъ преклонить колѣна предъ образами, какъ то дѣлали

православные. Замѣтивъ это, Софья принудила его къ тому. Для послѣдовательницы уніи это былъ разрывъ съ прошлымъ; съ этой минуты Римъ былъ ею позабытъ, православіе одержало верхъ.

По окончаніи богослуженія Софіи и всѣмъ ея спутникамъ было предложено угощеніе отъ города. Медъ лился рѣкою. Бояре и именитое купечество привѣтствовали принцессу и поднесли ей въ подарокъ пятьдесятъ рублей.

Радушный пріемъ, оказанный псковитянами, тронулъ принцессу. Будущее улыбалось ей. Горячо поблагодаривъ псковитянъ, она обѣщала замолвить за нихъ слово Іоанну.

Такой же торжественный, восторженный пріемъ ожидалъ ее въ Новгородѣ. Митрополитъ и посадникъ соревновали въ предупредительности и вниманіи. Но Софія пробыла въ Новгородѣ не долго; она спѣшила въ Москву.

По словамъ русскихъ лѣтописцевъ, Софія находилась всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, когда великій князь созвалъ бояръ, чтобы рѣшить слѣдующій затруднительный вопросъ: гонцы, прискакавшіе въ Москву, донесли ему, что папскій легатъ, пользуясь привилегіей, дарованной ему папою, приказалъ нести передъ собою Распятіе. Это могло вызвать ропотъ и неудовольствіе народа, тѣмъ болѣе, что Восточная церковь не признавала католическаго Распятія съ выпуклымъ изображеніемъ Христа; съ другой стороны, было бы неумѣстно затѣять объ этомъ споръ у самыхъ воротъ города. Что было дѣлать, на что рѣшиться?

Мнѣнія бояръ раздѣлились; одни были готовы идти на уступку и отнестись къ этому снисходительно; другіе, памятуя случай, бывшій съ Исидоромъ, опасались скандала. Не зная, на что рѣшиться, великій князь обратился за совѣтомъ къ митрополиту Филиппу, который рѣшительно возсталъ противъ какой бы то ни было уступки латинству.

— Подобныя почести,—сказалъ онъ великому князю,—не могутъ быть оказаны папскому послу; если онъ вступитъ со своимъ крестомъ въ городскія ворота, то я, твой владыка, выйду изъ города въ другія ворота.

Рѣшительное слово митрополита подѣйствовало на Іоанна, и онъ послалъ къ легату одного изъ бояръ съ порученіемъ объявить ему свою волю. Легатъ уступилъ, и такимъ образомъ въѣздъ въ Москву совершился, 12-го ноября, безъ всякихъ приключеній.

Обширная, но далеко тогда не изящная столица Московскаго государства, съ ея домиками, занесенными снѣгомъ, съ ея однообразными торговыми рядами, полуразрушенными стѣнами и скромнымъ Кремлемъ, должна была показаться скучной и однообразной Софіи, привыкшей къ роскоши и великолѣпію папской столицы. По пути ея слѣдованія, въ особенности по близости отъ собора, который она должна была посѣтить прежде всего, стояла несмѣтная толпа любопытныхъ. У собора ее ожидалъ митрополитъ, въ полномъ облаченіи. Благословивъ принцессу

онъ повелъ ее въ покои матери Іоанна, княгини Маріи, гдѣ она впервые увидѣла великаго князя.

Моментъ былъ торжественный. Какія чувства волновали принцессу при первомъ свиданіи съ ея будущимъ супругомъ? Исторія объ этомъ умалчиваетъ.

Іоаннъ III былъ высокъ ростомъ, не особенно полонъ, но прекрасно сложенъ. Выраженіе лица его было суровое; по словамъ Герберштейна, его взглядъ наводилъ на женщинъ такой трепетъ, что онѣ падали въ обморокъ. Не даромъ народъ далъ ему прозвище Грознаго, которое онъ вѣроятно сохранилъ бы, если бы его внукъ, Іоаннъ IV, не превзошелъ его своею жестокостью. Но можетъ быть въ этотъ торжественный день въ его жизни выраженіе лица великаго князя было ласковѣе и привѣтливѣе обыкновеннаго и сулило Софіи счастливое будущее.

Какъ бы то ни было, никакія колебанія уже не были возможны. Виликій князь тотчасъ отправился со своею невѣстою въ скромную деревянную церковь, временно замѣнявшую пришедшій въ ветхость соборъ. Митрополитъ отслужилъ обѣдню и совершилъ таинство бракосочетанія, на которомъ присутствовали: мать великаго князя, его сынъ отъ перваго брака Іоаннъ, его братья Андрей и Борисъ, князья, бояре, папскій легатъ Бонумбръ, «съ его римлянами», Димитрій Ралли, посланникъ Палеологовъ и пріѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ греки.

На слѣдующій день Іоаннъ далъ аудіенцію представителямъ иностранныхъ державъ, принималъ подарки, поднесенные отъ имени ихъ монарховъ.

Бонумбръ провелъ въ Москвѣ около трехъ мѣсяцевъ. Каковы были данныя ему инструкціи, намъ не извѣстно, но во время его пребыванія въ Кремлѣ было устроено религіозное собесѣдованіе, на которомъ митрополитъ выступилъ на защиту православной церкви. Его поддерживалъ Никита Поповичъ, славившійся своей ученостью. По разсказамъ многихъ лицъ, торжество русскихъ было полное, Бонумбръ, по ихъ увѣренію, не былъ въ состояніи помѣриться силами съ грознымъ Никитою, который очень скоро побѣдилъ своего противника.

— У меня нѣтъ съ собою книгъ,—жалостно пробормоталъ легатъ, и я ничего не могу возразить вамъ.

Для того чтобы убѣдиться въ истинѣ этого разсказа, было бы интересно провѣрить слова русскаго лѣтописца со свидѣтельствомъ самого Бонумбра, но таковаго до сихъ поръ не отыскалось.

Какъ бы то ни было, спорившія стороны разстались вполнѣ миролюбиво. Бонумбръ выѣхалъ изъ Москвы 26-го января 1473 г., осыпанный подарками великимъ княземъ, его молодою супругою и его сыномъ Іоанномъ.

По русскимъ источникамъ, онъ поѣхалъ обратно чрезъ Митаву и Польшу. Въ великомъ герцогствѣ Литовскомъ епископы и русскіе земле-

владѣльцы вручили ему письмо для передачи Сиксту IV, текстъ котораго не сохранился. Но самый фактъ не лишенъ значенія, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что населеніе Литвы признавало въ то время свою связь съ Римомъ. Не получивъ отвѣта на свое посланіе, эти лица написали папѣ изъ Вильно, 14-го марта 1476 г., второе письмо, подъ которымъ подписались: Мисаилъ (Misael), епископъ смоленскій, нѣсколько архимандритовъ, князей и намѣстниковъ, между прочимъ Бѣльскій, Вяземскій и Ходкевичъ. Въ этомъ письмѣ были затронуты спорные вопросы религіознаго характера, касавшіеся католическаго и православнаго вѣроисповѣданій, къ которымъ принадлежитъ населеніе Литвы.

Что касается Сикста IV, лелѣявшаго самыя радужныя надежды при отъѣздѣ Бонумбра въ Москву, то, повидимому, онъ не имѣлъ впослѣдствіи никакихъ сношеній съ Софіей (Зоей) Палеологъ, хотя не терялъ изъ вида таинственной для всѣхъ, въ то время, Россіи. Разсказы Антонія Джиславди, возвратившагося въ Римъ въ 1473 г., ввели его въ большое заблужденіе. Джиславди ручался папѣ головою, что русскіе готовы признать его преемникомъ св. Петра и верховнымъ главою церкви; это было бы торжествомъ уніи, сліяніемъ церквей, осуществленіемъ давнишней мечты папскаго престола.

Папа отнесся къ словамъ Джиславди съ большимъ довѣріемъ, возложилъ на него весьма важное порученіе къ великому князю московскому и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить ему возвращеніе въ Римъ вмѣстѣ съ русскими послами, которые, по его словамъ, не замедлятъ прибыть въ Римъ.

Конечно, все это было напрасно. Очевидно, какъ отмѣтили и современные хроникеры, всѣ эти италіанцы старались только ввести папу въ заблужденіе относительно религіознаго настроенія Россіи. Таково было мнѣніе въ Европѣ въ то время, когда Зоя вступила въ бракъ съ великимъ княземъ; дальнѣйшее теченіе событій вполнѣ подтвердило справедливость этихъ слуховъ и доказало вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой степени увѣренія этихъ господъ были обманчивы и неосновательны.

VII.

Сношенія Венеціанской республики съ татарами.—Гнѣвъ Іоанна на то, что сношенія эти производились тайно.—Признаніе венеціанцами права московскаго царя на Византію.—Татарскіе послы въ Венеціи.—Венеціанскій посолъ Контарини въ Москвѣ на обратномъ пути изъ Персіи.—Пріемъ, ему оказанный.

Празднества, коими сопровождалось въ Кремлѣ бракосочетаніе Іоанна, были омрачены однимъ обстоятельствомъ, которое едва не имѣло самыя печальныя послѣдствія.

Въ 1471 г., Венеціанская республика послала въ Москву Батиста Тревизана (Gian-Battista Trevisan), съ двоякимъ порученіемъ: провѣрить на мѣстѣ свѣдѣнія, сообщенныя Джисларди и Вольпою, а затѣмъ отправиться въ Золотую орду и поднять татаръ противъ турокъ.

По свидѣтельству Тревизана, Вольпъ не оправдалъ довѣрія своего правительства. Преобладающею его страстью было корыстолюбіе; союзъ съ татарами долженъ былъ, по его мнѣнію, доставить большія выгоды прежде всего ему самому.

Вмѣшательство великаго князя могло разрушить эти эгоистическіе планы, поэтому онъ старательно скрывалъ переговоры, которые повелъ съ татарами на свой страхъ, посвятивъ въ нихъ только своего родственника, Антонія Бонумбра.

Хитрый италіанецъ выдалъ Тревизана за своего племянника, пріѣхавшаго уладить какія-то семейныя дѣла. Онъ хотѣлъ лично сопровождать его въ Орду, по возвращеніи изъ Италіи, откуда онъ долженъ былъ сперва привезти принцессу Зою въ Москву.

Послѣ отъѣзда Вольпа, Тревизанъ очутился въ печальномъ одиночествѣ. Не зная русскаго языка и полагая, что Вольпъ поступилъ съ нимъ предательски и оставилъ его заложникомъ, онъ рѣшилъ изложить письменно свое положеніе венеціанскому правительству. Его сообщеніе произвело въ Венеціи огромное впечатлѣніе и показалось не лишеннымъ основанія.

Венеціанское правительство поспѣшно отказалось отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ татарами и послало, 27-го апрѣля 1472 г., своему секретарю приказаніе возвратиться въ Италію. Къ сожалѣнію, онъ не исполнилъ этого приказанія и едва не поплатился за это головою. Въ сущности, порученіе, возложенное на него Венеціанской республикой, было несравненно опаснѣе, нежели полагали въ Венеціи.

Сношенія Москвы съ Золотою ордою становились въ это время все болѣе и болѣе враждебны, великіе князья московскіе не расточали болѣе денегъ въ Сараѣ, а побѣды, одержанныя ими за послѣднее время, давали имъ надежду свергнуть въ непродолжительномъ времени иго татаръ. Въ 1472 г. ханъ Магоммедъ, озлобленный понесенными пораженіями и подстрекаемый польскимъ королемъ Казиміромъ, вторгся въ предѣлы Россіи, чтобы отомстить Іоанну III. На берегахъ Оки произошло кровопролитное сраженіе. Обманутый въ поддержкѣ со стороны поляковъ, на которыхъ онъ сильно разсчитывалъ, ханъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и обратился въ бѣгство, а великій князь возвратился въ Москву побѣдителемъ. Но Орда не хотѣла сложить оружіе, Магоммедъ остался по-прежнему неумолимымъ врагомъ Россіи. Вести съ нимъ какіе бы то ни было переговоры безъ вѣдома великаго князя, хотя бы съ цѣлью организовать вмѣстѣ съ нимъ походъ противъ турокъ, было дѣломъ весьма рискованнымъ. Сознавая это, Тревизанъ стара-

тельно оберегалъ тайну своихъ переговоровъ; Іоаннъ ничего не подозрѣвалъ, какъ вдругъ эта тайна была случайно обнаружена.

Итальянцы и греки, прибывшіе въ Москву въ исходѣ 1472 г., въ свитѣ Софіи Палеологъ,—были чрезвычайно удивлены образомъ дѣйствій Тревизана, которому они это и высказали, что̀ подало поводъ къ спорамъ и пререканіямъ, и въ концѣ концовъ спутники Софіи донесли великому князю на Тревизана, что онъ посланъ дожемъ къ хану Золотой орды съ подарками и порученіемъ поднять ихъ противъ турокъ.

Можно себѣ представить изумленіе и негодованіе великаго князя, когда онъ узналъ, что иностранный посолъ завелъ, при его дворѣ, безъ его вѣдома, сомнительныя сношенія съ заклятымъ врагомъ Москвы, злоупотребивъ оказаннымъ ему гостепріимствомъ.

Началось слѣдствіе, подтвердившее справедливость сдѣланнаго доноса; тайна, съ какою Тревизанъ велъ переговоры, давала поводъ къ всевозможнымъ подозрѣніямъ и догадкамъ.

По словамъ лѣтописца, Іоаннъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и сослалъ Вольпа въ Коломну. Его жена и дѣти содержались подъ строгимъ надзоромъ, его домъ былъ предоставленъ на разграбленіе. Еще болѣе тяжкая участь ожидала несчастнаго Тревизана: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и избѣгнулъ ея только благодаря заступничеству папскаго легата Бонумбра и прочихъ иностранцевъ. Великій князь уступилъ ихъ настоятельнымъ просьбамъ и согласился обратиться за разъясненіемъ дѣла къ дожу. Тѣмъ временемъ Тревизанъ, закованный въ кандалы, былъ отданъ подъ надзоръ Никиты Беклемишева.

Вѣрный своему слову, Іоаннъ отправилъ дожу письмо, написанное въ самомъ вѣжливомъ и миролюбивомъ тонѣ, изложивъ ему откровенно сущность дѣла. Оригиналъ этого письма утерянъ, но, судя по полученному отвѣту, Тревизанъ обвинялся именно въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами. Письмо это было послано съ Антоніемъ Джисларди.

Познакомившись съ этимъ письмомъ, венеціанскіе сенаторы поняли, что дѣло требовало самаго серьезнаго и строгаго разслѣдованія. Они подробно допросили всѣхъ италіанцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, но въ то же время не хотѣли отказаться отъ союза съ татарами и надѣялись устроить дѣло при помощи Джислардн.

Что касалось Тревизана, то сенатъ рѣшилъ написать великому князю, чтобы оправдать въ его глазахъ своего несчастнаго секретаря, вымолить ему прощеніе и испросить для него разрѣшеніе отправиться къ хану вмѣстѣ съ Джислардн. Таковое рѣшеніе было принято 20-го ноября 1473 г. огромнымъ большинствомъ голосовъ.

— Мы предлагаемъ,—высказались сенаторы,—написать герцогу московскому («au duc de Moscou») и заявить ему, что порученіе, возложенное на Тревизана, имѣло цѣлью скорѣе отдалить татаръ отъ Россіи, двинуть ихъ къ Черному морю и Валахіи противъ общаго врага хри-

стіанскаго міра, завоевателя восточной Имперіи, которая, за отсутствіемъ наслѣдника престола по мужской линіи, принадлежитъ по праву герцогу московскому въ силу заключеннаго имъ славнаго брака.

Такимъ образомъ права Россіи на Византію были какъ бы признаны въ пятнадцатомъ вѣкѣ венеціанцами.

Въ исполненіе рѣшенія, принятаго сенатомъ, Джисларди отправился обратно въ Москву съ подарками великому князю и хану Магоммеду; онъ везъ съ собою охранный листъ для русскихъ, кои захотѣли бы ѣхать въ Венецію, письмо отъ венеціанскаго дожа къ Іоанну, таковое же къ Тревизану съ копіей предыдущаго письма и полномочіями для веденія переговоровъ съ Золотой ордою. Изъ всѣхъ этихъ документовъ до насъ дошло лишь два письма отъ 4-го декабря 1473 года на имя Іоанна и Тревизана.

Въ письмѣ къ великому князю дожъ разсыпается въ похвалахъ, въ дружескихъ увѣреніяхъ, въ благодарности за то, что великій князь пощадилъ человѣка, котораго онъ считалъ виновнымъ. «Мы считаемъ васъ въ числѣ нашихъ лучшихъ друзей»,—писалъ дожъ. Для того, чтобы оправдать Тревизана, по мнѣнію сенаторовъ, было достаточно открыть истинную цѣль возложеннаго на него порученія, что̀ давало, кромѣ того, возможность сдѣлать лестный намекъ на бракъ, заключенный великимъ княземъ, и на его предполагаемыя права на Византію. Послѣ этого вступленія, венеціанское правительство сочло возможнымъ просить великаго князя о разрѣшеніи отправить уполномоченныхъ къ хану Магоммеду (Mohammed). «Ничто»,—говорилось въ письмѣ,—«не могло бы быть пріятнѣе всемогущему Богу, ничто не могло бы въ такой степени упрочить славу великаго князя московскаго и быть пріятнѣе венеціанцамъ, его лучшимъ друзьямъ». Въ случаѣ какого-либо непредвидѣннаго препятствія къ осуществленію этого плана, сенаторы выражали желаніе, чтобы Тревизану было разрѣшено по крайней мѣрѣ возвратиться на родину. Разсчитывая, однако, на благопріятный исходъ переговоровъ, сенатъ изготовилъ заранѣе для Тревизана инструкціи касательно того, что̀ ему слѣдовало говорить Магоммеду.

Антоній Джисларди отправился изъ Италіи въ сопровожденіи Паоло Огнибене (Paolo Ognibene), который ѣхалъ въ Персію. Они разстались въ Краковѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1474 г. Польскій историкъ Длугошъ утверждаетъ, что папа далъ съ своей стороны Джисларди порученіе къ Іоанну III.

Въ Москвѣ венеціанскаго посла ожидалъ полный успѣхъ; онъ добился для своего соотечественника всего, чего желалъ сенатъ. Тревизанъ былъ не только освобожденъ отъ оковъ и могъ снова вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, но даже получилъ въ подарокъ семьдесятъ рублей. Всѣ препятствія были устранены какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Получивъ свободу, Тревизанъ отправился въ

іюлѣ мѣсяцѣ 1474 г. въ Золотую орду вмѣстѣ съ дьякомъ Дмитріемъ Лазаревымъ и посланнымъ хана, возвращавшимся въ Сарай.

Согласно русскимъ источникамъ, Лазаревъ возвратился въ Москву съ извѣстіемъ, что Тревизану не удалось заключить желаемаго союза съ татарами; справедливость его словъ подтвердилась впослѣдствіи, но въ то время венеціанцы имѣли полное основаніе разсчитывать на то, что имъ удастся осуществить свой планъ и заключить союзъ съ татарами.

Дѣйствительно, Тревизанъ возвратился въ Венецію въ 1476 г., въ сопровожденіи двухъ татарскихъ пословъ: Таира (Thaïr), посланнаго самимъ Магоммедомъ, и Батира (Bathir), посланнаго Тамиромъ (Tamir), любимымъ полководцемъ хана Золотой орды. Они предложили венеціанцамъ быть «друзьями ихъ друзей, врагами ихъ враговъ»; выразили готовность идти походомъ противъ турокъ и потребовали, по обычаю варваровъ, чтобы имъ были даны въ подарокъ драгоцѣнные камни, матеріи и звонкая монета. Венеціанская республика умѣла быть щедрой въ случаѣ надобности и, желая обезпечить себѣ побѣду, не скупилась на подарки. Предложеніе татаръ было съ радостью принято. 10-го мая 1476 года сенатъ ассигновалъ около двухъ тысячъ дукатовъ на удовлетвореніе корыстолюбивыхъ требованій пословъ ихъ. Магоммеду былъ посланъ гонецъ съ извѣщеніемъ, что они везутъ благопріятный отвѣтъ.

Такимъ образомъ сношенія Венеціи съ Золотой ордою возобновились. На этотъ разъ центромъ сношеній была избрана не Москва, а Польша. Король польскій Казиміръ IV относился всегда къ Венеціи сочувственно; кромѣ того, можно было предположить, что католическій монархъ будетъ покровительствовать планамъ, направленнымъ противъ ислама.

Въ половинѣ того же 1476 года, Тревизану было приказано отправиться въ путь. Онъ долженъ былъ сопровождать татарскихъ пословъ чрезъ Польшу и Литву и остановиться въ Вильнѣ, чтобы обсудить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Желая успокоить Казиміра, дожъ приказалъ своему послу настаивать въ особенности на томъ, чтобы татары не трогали никогда ни Польши, ни Литвы и чтобы ихъ недисциплинированныя орды шли въ Константинополь инымъ путемъ. Напрасная предосторожность: въ то время, какъ Тревизанъ началъ, согласно данной ему инструкціи, вырабатывать свои планы въ Польшѣ, прибывшій въ Венецію посолъ короля Казиміра, Филиппъ Бонакорзи (Bonaccorsi), убѣждалъ венеціанскій сенатъ оставить всякую мысль о союзѣ съ татарами. Бонакорзи, болѣе извѣстный подъ именемъ Callimachus Experiens, былъ замѣшанъ въ 1468 г. въ заговорѣ противъ папы, но успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, въ которую былъ заточенъ по повелѣнію Павла II, долго странствовалъ по чужимъ землямъ и, нако-

нецъ, нашелъ себѣ пріютъ при дворѣ короля польскаго Казиміра IV, который оказалъ ему всевозможное вниманіе, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей и возлагалъ на него разныя дипломатическія порученія. Посланный имъ, въ 1477 г., къ Сиксту IV, Бонакорзи остановился по пути въ Венеціи, чтобы изложить сенату взглядъ короля польскаго на союзъ Венеціи съ татарами, коихъ онъ обрисовалъ самыми мрачными красками. Краснорѣчивый ходатай Казиміра IV трижды доказывалъ сенату все неудобство этого союза, а сенаторы всякій разъ торжественно увѣряли его, что татары ни въ какомъ случаѣ не переступятъ границъ Польши. Не желая идти наперекоръ могущественной и дружественной державѣ, венеціанскій сенатъ согласился все же повременить съ этимъ дѣломъ, и 18-го марта 1477 г. Тревизанъ былъ отозванъ. Возобновленные впослѣдствіи переговоры съ татарами не привели ни къ какому практическому результату.

Съ отъѣздомъ Тревизана изъ Польши, его слѣды утериваются, но намъ извѣстно, что великій князь вспоминалъ о немъ не иначе, какъ съ озлобленіемъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ знатный венеціанецъ Контарини, посѣтившій около этого времени Москву.

Онъ былъ посланъ въ Персію въ томъ же году, какъ и Паоло Огнибене (Paolo Ognibene). Въ то время столь отдаленное путешествіе было дѣломъ не легкимъ. Контарини готовился къ нему, какъ на смерть. Онъ исповѣдался, пріобщился и пустился въ путь въ сопровожденіи капеллана, замѣнявшаго ему секретаря, переводчика и двухъ слугъ. По пути ему пришлось испытать не мало лишеній и всякаго рода опасностей. Проѣхавъ по Германіи, Польшѣ, Малороссіи и Татаріи, путешественники добрались до Каффы, переплыли Черное море на суднѣ и продолжали свое путешествіе верхомъ по Мингреліи, Грузіи и Арменіи до Тавриза. Окончивъ переговоры съ Узунъ-Гассаномъ, Контарини тѣмъ же путемъ отправился обратно въ Италію. Каково же было его положеніе, когда онъ узналъ въ Фазисѣ (нынѣ Поти, Fazis), что турки овладѣли Каффой, нѣкогда цвѣтущей колоніей генуезцевъ.

Ѣхать далѣе прежнимъ путемъ нечего было и думать. Пришлось повернуть обратно. Не зная, что̀ дѣлать, смѣлый венеціанецъ рѣшился ѣхать дальнимъ путемъ на Москву. Его сопровождалъ Маркъ Россо (Marco Rosso), русскій посолъ, съ коимъ онъ встрѣтился въ Тавризѣ. Они совершили вмѣстѣ переѣздъ черезъ Каспійское море и прибыли 26-го сентября 1476 года благополучно въ Москву, черезъ Рязань и Коломну.

Въ Кремлѣ венеціанскій посланникъ былъ принятъ хотя не съ почестями, но, по крайней мѣрѣ, съ вѣжливостью, подобавшей его сану. Но на первой же аудіенціи, когда онъ сталъ горячо благодарить за это великаго князя, Іоаннъ III внезапно прервалъ его и, измѣнившись въ лицѣ, сталъ горько жаловаться на Тревизана. Нѣсколько дней спу-

стя, бояре обратились къ нему съ таковыми же жалобами. Контарини не говоритъ подробно, въ чемъ именно состояли эти жалобы, но въ настоящее время не трудно угадать причину гнѣва Іоанна: поляки натравляли иногда татаръ на Москву и платили имъ за ихъ кровавые набѣги на вѣсъ золота; великій князь узналъ, вѣроятно, о томъ, что Тревизанъ продолжалъ въ Польшѣ вести переговоры съ Золотой ордою, и это обстоятельство не только возбудило въ немъ прежнія подозрѣнія, но даже усилило ихъ.

Впрочемъ, ни Венеціанская республика, ни ея представитель, прибывшій въ Москву, не пострадали отъ неосновательныхъ подозрѣній, вызванныхъ въ великомъ князѣ. Контарини даже были даны всевозможныя льготы при уплатѣ долга, сдѣланнаго имъ въ дорогѣ. Онъ былъ осыпанъ подарками и получилъ аудіенцію у Софіи Палеологъ, которая была съ нимъ въ высшей степени предупредительна и любезна. За прощальнымъ обѣдомъ Іоаннъ былъ привѣтливѣе обыкновеннаго, долго бесѣдовалъ со своимъ гостемъ, показывалъ ему свои парчевыя шубы, подбитыя горностаемъ, и даже благосклонно освободилъ его отъ исполненія весьма тяжкаго обычая. По окончаніи обѣда, Контарини, уже пресыщенному яствами и питіями, поднесли огромную стопу меда. По правиламъ этикета гостю полагалось опорожнить ее залпомъ за здравіе хозяина. Но венеціанецъ былъ не въ состояніи сдѣлать это, онъ едва могъ опорожнить четверть стопы; Іоаннъ разрѣшилъ ему не допивать ее до дна.

Благосклонный пріемъ, оказанный Контарини, имѣлъ цѣлью поощрить его соотечественниковъ къ поѣздкамъ въ Москву. Собираясь свергнуть монгольское иго и объединить свои владѣнія, великій князь московскій чувствовалъ потребность сблизиться за Западомъ.

VIII.

Москва и ея жители въ XV вѣкѣ.—Вліяніе брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ на сверженіе татарскаго ига.—Сближеніе Россіи съ Западомъ.—Русская дипломатія XV вѣка.—Характеристика русскихъ посольствъ, отправленныхъ въ разное время Іоанномъ въ Венецію и Римъ.—Вызовъ въ Россію архитекторовъ и художниковъ. — Архитекторы: Фіораванти, Петръ Соляри, врачъ Левъ Жидовинъ и его судьба.—Сношенія Россіи съ Австріею.—Характеристика Іоанна III и его правленія.

Немногіе путешественники, посѣтившіе Россію въ пятнадцатомъ вѣкѣ, оставили намъ самыя скудныя свѣдѣнія объ этой, мало кому извѣстной, въ то время странѣ. Можно было думать, что Контарини, пробывъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и видѣвъ многое своими собственными глазами, набросаетъ болѣе яркую картину тогдашней Россіи, но

и онъ изобразилъ самыми блѣдными красками впечатлѣніе, произведенное на него этой сѣверной страною.

Скромная столица тогдашняго московскаго государства не могла произвести выгоднаго впечатлѣнія на венеціанца. Она не украшалась еще тогда тѣми безчисленными колокольнями и яркими вызолоченными куполами, которые придаютъ ей издали въ лучахъ заходящаго солнца фантастичный видъ восточнаго города.

Великокняжескій дворецъ представлялъ изъ себя не что иное, какъ рядъ жалкихъ домишекъ, построенныхъ безъ всякихъ притязаній на художественный вкусъ. Впрочемъ, зимнее убранство придавало ему своеобразный видъ. Окутанные снѣжною пеленою и разукрашенные ледяными сосульками, эти дома казались почти красивыми и изящными.

На окованной льдомъ Москвѣ-рѣкѣ появилось въ концѣ октября множество лавокъ, и рѣка превратилась въ базаръ. Обжорный рядъ представлялъ любопытное зрѣлище: сотни замороженныхъ коровъ, свиней и барановъ стояли стоймя на заднихъ ногахъ, въ ожиданіи покупателя, подобно арміи, выстроившейся передъ сраженіемъ.

Катанье на саняхъ, бѣга, кулачные бои и тому подобныя забавы были любимымъ развлеченіемъ москвитянъ.

«Мужчины и женщины въ этой странѣ красивы,—писалъ Контарини,—но это народъ грубый.

«Страшный бичъ подтачивалъ здоровье всѣхъ классовъ общества. Вездѣ можно было встрѣтить горькихъ пьяницъ, которые хвастали своею слабостью и относились съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто былъ воздержанъ. Превосходный, но опьяняющій напитокъ, излюбленный москвичами, былъ медъ. Право на изготовленіе его было строго ограничено закономъ. Иначе, по словамъ Контарини, русскіе были бы пьяны безъ просыпа. Его изумляла нерадивость торговаго люда; до полудня они торговали, но затѣмъ, закрывъ свои лавки, уходили домой ѣсть и пить. Послѣ полудня нельзя было дѣлать никакихъ дѣлъ, никто не работалъ, нельзя было добиться ни отъ кого ни малѣйшей услуги».

Таковъ далеко не лестный обликъ москвитянина пятнадцатаго вѣка, набросанный перомъ Контарини.

Конечно, онъ опустилъ изъ вида положительныя качества народа, его энергію, выносливость и способность къ подражанію.

Внутренніе раздоры и почти трехсотлѣтнее порабощеніе татарами наложили неизгладимую печать на нравы и характеръ русскаго народа, который былъ поголовно невѣжественъ.

Великіе князья искусно преслѣдовали свои цѣли, клонившіяся къ объединенію удѣловъ и упроченію своей власти, но народъ не понималъ ихъ тонкихъ разсчетовъ. Бѣдный, обремененный податями, страдая отъ набѣговъ монголовъ, не имѣя воспитателей и руководителей, онъ блуждалъ во мракѣ и грубѣлъ нравственно.

Для того чтобы Москва могла занять мѣсто, принадлежавшее ей по праву въ ряду другихъ державъ, надобно было, прежде всего свергнувъ ненавистное всѣмъ татарское иго и оттѣснивъ монголовъ въ Азію, пріобщиться къ западной цивилизаціи. Единственнымъ средствомъ наверстать потерянное время и сравняться съ Западомъ было учиться у него, воспользоваться его прогрессомъ. Въ этомъ отношеніи бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ имѣлъ для Россіи огромное значеніе. Въ то время какъ Іоаннъ созидалъ, твердою и искусною рукою, національное единство, когда удѣлы исчезали мало-по-малу добровольно или подчиняясь силѣ вещей; въ то время когда Москва становилась центромъ русской жизни, могущество татаръ приходило въ упадокъ; ихъ первобытный государственный строй не могъ выдержать натиска времени. Чангисханы и Тамерланы съумѣли подчинить себѣ орды дикихъ кочевниковъ. Но при ихъ преемникахъ въ ордѣ начались внутренніе раздоры; они не могли удержать власть въ своихъ рукахъ, и орда мало-по-малу распалась: Казань, Крымъ и другія ханства отпали отъ Сарая и въ исходѣ пятнадцатаго вѣка грозная нѣкогда Золотая орда была безсильна и окружена со всѣхъ сторонъ непримиримыми врагами, вышедшими изъ ея нѣдръ.

Несмотря на слабость татаръ, Іоаннъ III не рѣшался вступить съ ними въ открытую борьбу. Собрать, подобно Дмитрію Донскому, храброе войско, пойти съ нимъ на врага, дать ему сраженіе и пасть въ бою — не было задачею робкаго монарха, который предпочиталъ интриги рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Поэтому онъ тщательно скрывалъ свое враждебное отношеніе къ татарамъ и хотя не ѣздилъ самъ въ Сарай, но платилъ имъ еще дань, а въ то же время завелъ дружественныя сношенія съ крымскимъ ханомъ. Заключенный съ нимъ союзъ былъ въ рукахъ Іоанна обоюдоострымъ мечемъ, который онъ употреблялъ то противъ Сарая, то противъ Польши, ибо Менгли-Гирей питалъ одинаково ненависть къ татарскому хану и къ польскому королю Казиміру. Обезпеченный такимъ образомъ, благодаря своему союзу съ ханомъ относительно западныхъ границъ, Іоаннъ могъ подумать о нападеніи на Сарай, но онъ не хотѣлъ спѣшить и, въ то время, когда онъ соединился брачными узами съ Софіей Палеологъ, онъ былъ еще данникомъ татаръ и между нимъ и татарскимъ ханомъ существовали даже довольно дружескія отношенія.

По свидѣтельству лѣтописцевъ, Софія не мало способствовала сверженію татарскаго ига. Дочь византійскихъ императоровъ сохранила гордость своихъ предковъ; она выросла въ ненависти къ исламу; паденіе Константинополя дало ей возможность оцѣнить всю прелесть независимости. Она энергично побуждала своего супруга свергнуть унизительное иго и возвратить русскимъ ихъ самостоятельность. Не ограничиваясь одними словами, дѣйствуя то хитростью, то убѣжденіемъ, она изгнала

изъ Кремля представителей Золотой орды и на мѣстѣ, которое занимали нѣкогда татары, была построена по данному ею обѣту церковь. Еще болѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ татарамъ, когда Іоаннъ заявилъ, что Москва не будетъ болѣе платить дани Сараю. Послушный совѣтамъ Софіи, внукъ Димитрія Донскаго воспрялъ наконецъ духомъ.

Магоммедъ былъ въ негодованіи, сознавая, что добыча, завоеванная Чингисханомъ и Батыемъ, ускользнула изъ его рукъ. Онъ жаждалъ видѣть великаго князя колѣнопреклоненнымъ предъ нимъ, подносящимъ ему золото, мѣха и драгоцѣнныя матеріи. Поэтому онъ легко поддался совѣтамъ Казиміра IV напасть на Москву одновременно съ нимъ. Это было въ 1480 г.

Успѣхъ набѣга зависѣлъ отъ быстроты, съ какою онъ могъ быть выполненъ. Такъ какъ Магоммедъ промедлилъ, то это дало Іоанну возможность заключить миръ съ Новгородомъ и со своими братьями, съ которыми онъ враждовалъ, и съ Менгли-Гиреемъ и окончить военныя свои приготовленія. Прибывъ на берега Оки, татары убѣдились, что всѣ пункты, въ которыхъ можно было перейти рѣку въ бродъ, были заняты русскими и хорошо укрѣплены. Татары отступили къ Угрѣ, но и тутъ встрѣтили препятствія.

Русскій народъ былъ готовъ защищать свою вѣру и свой домашній очагъ; ненависть къ невѣрнымъ достигла предѣла, насталъ моментъ нанести имъ рѣшительный ударъ. Но Іоаннъ не оказался на высотѣ положенія. Онъ уже раскаялся въ своемъ порывѣ храбрости, уѣхалъ изъ арміи, возвратился въ Москву, отослалъ свою жену и сокровища на сѣверъ и сталъ спокойно со своимъ войскомъ въ выжидательномъ положеніи. Убѣдившись въ этомъ, русскіе вознегодовали, поднялся ропотъ. Почтенный старецъ, архіепископъ ростовскій Вассіанъ, духовникъ великаго князя, назвалъ его бѣглецомъ, предлагалъ самъ вести войско на татаръ и укорялъ Іоанна въ томъ, что онъ боялся смерти, которой не можетъ избѣгнуть никто изъ смертныхъ.

Открытый ропотъ народа испугалъ великаго князя. Не считая себя болѣе въ безопасности въ Кремлѣ, онъ удалился въ окрестности столицы, гдѣ выждалъ еще нѣсколько дней. Наконецъ, видя необходимость успокоить народное волненіе, онъ отправился къ войску, но, вмѣсто того чтобы обнажить мечъ, онъ послалъ своихъ уполномоченныхъ просить пощады у Магоммеда, поднести ему подарки и умолять его пощадить свое ленное владѣніе. Это недостойное поведеніе окончательно озлобило всѣхъ. Архіепископъ Вассіанъ написалъ своему духовному сыну трогательное посланіе, побуждая его дѣйствовать смѣло и обѣщая ему побѣду. Но всѣ эти доводы не подѣйствовали на великаго князя. Онъ охотнѣе слушался своихъ трусливыхъ совѣтниковъ, «богатыхъ и разжирѣвшихъ, измѣнниковъ христіанъ, друзей невѣрныхъ, которые совѣтовали ему бѣжать передъ непріятелемъ, ибо ихъ устами говорилъ

дьяволъ». Послушавшись ихъ, великій князь остался въ оборонительномъ положеніи и предоставилъ событія ихъ теченію.

Между тѣмъ русское войско одною своею численностью внушало Магоммеду страхъ; онъ не рѣшался дать рѣшительной битвы, не соединившись предварительно съ Казиміромъ, который обѣщалъ ему помощь, но ханъ тщетно ждалъ ее: король польскій, которому угрожалъ въ это время крымскій ханъ, не появился; а русскимъ пришла въ это время на помощь ихъ всегдашняя вѣрная союзница, зима съ ея вьюгами и метелями, которая застигла татаръ прежде, нежели они успѣли помѣриться силами съ непріятелемъ. 11-го ноября татары поспѣшно отступили.

Набожные лѣтописцы объясняютъ эту рѣшимость чудомъ. Когда русскіе, изнемогая отъ усталости, рѣшили уже отступить, пишутъ они, то татары, объятые внезапно страхомъ, вмѣсто того чтобы преслѣдовать ихъ, бѣжали въ степь и остались на зимовку при устьѣ Донца, опустошивъ, въ видѣ возмездія, несчастную Литву.

Какъ бы то ни было, въ 1480 г. Россія свергла татарское иго. Дни Золотой орды были сочтены: и Россія, возвративъ свою самостоятельность, могла идти по предназначенному ей пути. Когда побѣдоносная русская армія, одержавшая побѣду безъ боя, возвратилась въ Москву, радостный звонъ колоколовъ возвѣстилъ скорѣе торжество искусной политики, нежели торжество личной храбрости Іоанна и его сподвижниковъ.

Еще ранѣе этого великаго для Россіи событія великій князь постарался сблизиться съ Западомъ. Сознавая нужды своей страны, Іоаннъ поспѣшилъ выйти изъ одиночества, какъ только его бракъ съ Софіей подалъ къ тому поводъ. Вмѣстѣ съ византійской принцессой пріѣхали въ Москву италіанцы и греки. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ Россіи. Къ нимъ присоединились съ теченіемъ времени другіе иностранцы, коими великій князь воспользовался, чтобы войти въ сношеніе съ самыми цивилизованными монархами Западной Европы.

Русскіе могли многому научиться у Европы XV вѣка. Въ Италіи была въ полномъ расцвѣтѣ эпоха возрожденія. Источникомъ этого движенія сдѣлался Римъ съ тѣхъ поръ, какъ папа Николай V привлекъ туда самые выдающіеся таланты, основалъ Ватиканскую библіотеку и сообщилъ могущественный толчекъ наукамъ и искусствамъ.

Съ появленіемъ книгопечатанія знанія стали быстро распространяться въ Европѣ, а съ открытіемъ Америки пытливому уму европейца открылся новый міръ.

Одновременно съ умственнымъ движеніемъ начала развиваться общественная жизнь; торговля и промышленность достигли небывалаго развитія.

Русскимъ стоило только переступить границу, чтобы увидѣть все это. Іоанну III принадлежитъ честь, что онъ сознавалъ необходимость

войти въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ и организовалъ эти сношенія такъ, чтобы они принесли ему наибольшую выгоду. Его можно, по справедливости, назвать основателемъ русской дипломатіи.

Въ то время, на западѣ, международныя сношенія уже вылились въ извѣстную форму; неприкосновенность посланниковъ признавалась всѣми; ихъ права и обязанности были строго опредѣлены. Канцеляріи употребляли при перепискѣ между собою условный церемонный языкъ; такъ вырабатывалась мало-по-малу дипломатическая наука.

Ничего подобнаго не было тогда въ Москвѣ, но за то у русскихъ было много практической смѣтки, у нихъ выработались опредѣленныя династическія понятія, которыя передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, выработались замѣчательныя настойчивость и упорство. Кромѣ того, благодаря вѣковымъ сношеніямъ съ восточными деспотами, которые были то ихъ властители, то ближайшіе сосѣди, они прошли отличную школу хитрости и притворства, и когда имъ пришлось войти въ сношенія съ западными дипломатами, то, сохранивъ свой азіатскій обликъ, они быстро сравнялись съ ними въ искусствѣ вести дѣла и переговоры.

Въ глазахъ Іоанна III международныя сношенія были всегда дѣломъ огромной важности. Они еще не были сосредоточены, какъ при Іоаннѣ IV, въ особомъ посольскомъ приказѣ; великій князь занимался ими, окруженный своими боярами, дьяками и подъячими; эти засѣданія происходили въ Кремлѣ.

Коренныя преобразованія Петра Великаго стерли съ лица земли привилегированный классъ бояръ, этихъ сановитыхъ представителей безвозвратнаго прошлаго государственнаго строя Россіи, но наши нынѣшніе дипломаты суть непосредственные преемники дьяковъ прежнихъ временъ, которые играли роль теперешнихъ министровъ и посланниковъ. Получая свои инструкціи свыше, они руководили дѣлами, составляли проекты, дѣлали доклады. Вся письменная часть находилась въ вѣдѣніи подъячихъ. Ихъ рукою исписаны многочисленные томы и свитки, содержащіе переписку великаго княжества Московскаго съ иностранными державами. Они же писали грамоты и наказы, и къ чести подъячихъ Іоанна III надобно сказать, что съ точки зрѣнія палеографической, т. е. относительно изящества и чистоты выполненія, рукописные документы пятнадцатаго вѣка далеко превосходятъ таковые послѣдующаго столѣтія.

Начавшіяся сношенія съ Западомъ требовали посылки въ Европу посольствъ. Во времена Іоанна III во главѣ посольства находился обыкновенно грекъ, его сотоварищами были русскіе, которые обучались подъ его руководствомъ дипломатическому искусству. Посольству вручался, при отправленіи изъ Москвы наказъ, который раздѣлялся на три главныхъ пункта: въ первомъ приводились общепринятыя формулы вѣжливости, кои употреблялись при подношеніи иноземнымъ монархамъ подарковъ, которые состояли обыкновенно изъ цѣнныхъ мѣховъ, куницъ

и соболей, бѣлыхъ соколовъ, саблей въ богатыхъ оправахъ и другаго рода оружія. Въ Венеціи не стѣснялись продавать эти вещи съ публичнаго торга.

Во второмъ пунктѣ наказа приводилось содержаніе грамоты, которая служила вмѣстѣ съ тѣмъ ввѣрительнымъ письмомъ и паспортомъ.

Какъ примѣръ подобной грамоты, приводимъ письмо Іоанна къ Александру VI, оригиналъ котораго хранится въ Венеціи:

«Папѣ Александру VI, архипастырю и главѣ римской церкви, милостію Божіею государь всея Россіи и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, тверской, угорскій, вятскій, болгарскій и проч. Мы послали къ тебѣ нашихъ пословъ Димитрія Иванова, сына Ралева и Митрофана Карачіарова. И то, что они скажутъ тебѣ отъ имени нашего, тому ты можешь вѣрить, то будутъ истинныя наши слова. Дано въ Москвѣ, лѣта 7007».

Третій пунктъ наказа былъ самый главный. Въ немъ излагалась сущность дѣла, и давались посламъ самыя подробныя указанія относительно того, въ какомъ духѣ имъ надлежало вести переговоры. При этомъ дѣлались всевозможныя предположенія и подсказывался на всякій случай либо категорическій, либо уклончивый отвѣтъ. Желая предусмотрѣть всякія случайности, бояре обсуждали дѣло во всей подробности и руководились неизмѣнно желаніемъ поддержать и упрочить вліяніе Москвы. Что касается слога и внѣшней формы, то въ этомъ отношеніи всѣ инструкціи Іоанна III посламъ далеко превосходятъ таковыя Іоанна IV; онѣ написаны болѣе сжато и ясно.

Получивъ всѣ означенные документы, послы отправлялись за границу, откуда они посылали великому князю, время отъ времени, свои донесенія. Когда посольство отправлялось въ Италію, то оно останавливалось въ Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ, занимаясь по пути торговлею и исполняя разныя порученія,—обычай, очевидно, восточнаго происхожденія.

Любопытно, что русскіе были неумолимы относительно требованій этикета. Они настаивали всегда на томъ, чтобы имъ предоставляли вездѣ первое мѣсто, предпочитали не появляться вовсе на тѣхъ церемоніяхъ, гдѣ имъ приходилось уступать шагъ другимъ, и настаивали на своихъ требованіяхъ съ такимъ упорствомъ, которое доходило иной разъ до смѣшнаго.

За отсутствіемъ подробныхъ описаній, касающихся пребыванія русскихъ посольствъ на Западѣ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, будетъ не лишено интереса привести въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣ отдѣльныя, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ замѣтки, въ которыхъ мы находимъ свѣдѣнія о русскихъ посольствахъ, посѣтившихъ Италію и Австрію до 1505 г., которыя оставили по себѣ наиболѣе замѣтный слѣдъ либо потому, что они привлекли въ Москву людей, выдающихся въ томъ или другомъ отно-

шеніи, либо потому, что они были провозвѣстниками новой эры, наступавшей въ исторіи Московскаго государства.

Первымъ изъ русскихъ дипломатовъ, отправившимся въ Венецію, былъ Семенъ Толбузинъ. 24-го іюля 1474 г. онъ былъ посланъ въ Венецію вмѣстѣ съ Антономъ Джисларди о которомъ уже было упомянуто выше. Толбузинъ сталъ вербовать для великаго князя художниковъ и ремесленниковъ. Такъ какъ онъ привезъ съ собою въ подарокъ соболей, то сенатъ рѣшилъ, 27-го декабря 1474 г., послать великому князю взамѣнъ этого парчи на двѣсти дукатовъ. Самъ Толбузинъ получилъ въ подарокъ парчевой кафтанъ; его секретарь получилъ кафтанъ изъ камки, а его слуги—кафтаны изъ ярко-краснаго сукна.

Побывавъ въ Римѣ, гдѣ его пребываніе не оставило слѣдовъ, Толбузинъ возвратился обратно въ Москву въ мартѣ мѣсяцѣ 1475 г. Его поѣздка за границу имѣла огромное значеніе для Россіи въ томъ отношеніи, что онъ привлекъ въ Москву изъ Италіи знаменитѣйшаго инженера и архитектора пятнадцатаго вѣка Рудольфа Фіораванти, который былъ славою своего отечества. Уроженецъ Болоньи, онъ составилъ себѣ извѣстность въ Римѣ, гдѣ передвинулъ огромныя монолитныя колонны изъ храма Минервы въ Ватиканъ. Въ 1455 г. онъ выполнилъ такой же техническій фокусъ въ Болоньи, перемѣстивъ на разстояніе 35 футъ монументальную башню della Mazione, высотою въ двѣнадцать метровъ. Кардиналъ Виссаріонъ, бывшій въ то время папскимъ легатомъ въ Болоньи, наградилъ смѣлаго инженера пятьюдесятью флоринами.

Человѣкъ изумительно дѣятельный, Фіораванти выполнилъ рядъ выдающихся работъ въ Неаполѣ, Миланѣ и Венгріи. Его слава была такъ велика, что въ Болоньи говорили, что «никто не знаетъ въ архитектурѣ того, чего не знаетъ Фіораванти».

Получивъ одновременно приглашеніе отъ турецкаго султана и отъ великаго князя московскаго, онъ предпочелъ ѣхать въ Москву, куда и отправился, въ сопровожденіи своего сына Андрея и своего ученика Піетро.

Благодаря ему, Москва украсилась прекрасными зданіями, коими она гордится до сихъ поръ. Въ 1479 г. Фіораванти требовали обратно на родину, но великій князь не согласился отпустить его. Впослѣдствіи, Фіораванти пытался даже бѣжать изъ Москвы, но былъ вынужденъ остаться.

Сношенія съ Италіей, установившіяся при посредствѣ Фіоравантя, не прекращались, а въ 1484 г. Сикстъ IV, отвѣчая на запросъ короля польскаго Казиміра, обѣщалъ ему, что онъ никогда не дастъ Іоанну III, если тотъ выразитъ на это желаніе, титула императора или короля всея Россіи, не посовѣтовавшись предварительно о томъ съ поляками. Въ это время распространился слухъ, что въ Римъ ѣдетъ русское посольство съ подобнаго рода притязаніемъ.

24-го іюня 1486 г. прибылъ въ Миланъ, въ качествѣ русскаго посланника, грекъ по имени Георгій Перканкотесъ (Georges Percancotes), который привезъ обычные подарки и сдѣлалъ нѣкоторыя сообщенія, на которыя италіанцы отвѣтили вѣжливымъ, но не имѣвшимъ никакого значенія, письмомъ.

Посольство, прибывшее въ Италію въ 1488 г., возвѣстило Европѣ о весьма важномъ событіи. Въ 1487 г., воспользовавшись раздорами, которые царствовали въ Казани, великій князь двинулъ свое войско противъ этого татарскаго города, взялъ его приступомъ, свергнулъ владычество хана, посадилъ на его мѣсто преданнаго ему союзника и принялъ титулъ великаго князя Болгарскаго.

Побѣда, одержанная надъ татарами, была столь славная, что великій князь захотѣлъ похвастать ею передъ западными державами. И съ этимъ извѣстіемъ были посланы въ Италію два брата, Дмитрій и Мануилъ Ралевы-Палеологи, принадлежавшіе къ греческой семьѣ, уже нѣсколько лѣтъ проживщей въ Москвѣ.

Пробывъ въ дорогѣ семьдесятъ дней, братья прибыли въ Венецію и, получивъ аудіенцію у сената 6-го сентября 1488 г., сообщили о «блестящей побѣдѣ, одержанной въ іюнѣ мѣсяцѣ 1487 г. ихъ королемъ надъ татарскимъ царькомъ, который напалъ на него съ стадесятью-тысячнымъ войскомъ».

Венеціанцы вполнѣ удовлетворились этимъ, не особенно яснымъ сообщеніемъ, и не старались разъяснить его. Заявивъ сенату о своемъ греческомъ происхожденіи и назвавъ себя всенижайшими и всепреданными слугами Венеціанской республики, братья Ралевы поднесли дожу кромѣ мѣховъ, присланныхъ великимъ княземъ, отъ себя лично восемьдесятъ соболей, за что̀ каждый изъ нихъ получилъ по парчевому кафтану и по сту дукатовъ. Чтобы возмѣстить эти расходы, сенаторы продали соболей съ аукціоннаго торга.

Изъ Венеціи послы отправились въ Римъ. 18-го ноября они присутствовали въ Ватиканѣ на обѣднѣ. Когда пѣвчіе пропѣли Gloria in excelsis, папа Иннокентій VIII подозвалъ одного изъ нихъ на ступени трона. Церемоніймейстеръ Бурхардъ, который записалъ всѣ подробности этого дня, присовокупляетъ, что посолъ былъ отправленъ къ папѣ изъ Москвы, для увѣренія его въ сыновнемъ послушаніи великаго князя. Съ другой стороны, когда Ралевы возвращались въ Москву, то въ Европѣ снова разнесся слухъ, что они везутъ великому князю королевскую корону. Король польскій Казиміръ былъ такъ встревоженъ этимъ, что, позабывъ обѣщаніе Сикста IV, счелъ необходимымъ повѣрить папѣ свои опасенія и попросить у него объясненій.

Послы возвратились въ Москву лишь въ 1490 г., привезя съ собою множество ремесленниковъ, каменщиковъ, оружейниковъ, литейщиковъ и пр. Въ числѣ вновь прибывшихъ италіанцевъ находился Петръ Солари

(Pietro Antonio Solari), архитекторъ, достойный преемникъ Фіораванти. Онъ былъ родомъ изъ Милана и принадлежалъ къ извѣстной дворянской семьѣ, въ которой любовь къ искусству и художественныя способности передавались изъ рода въ родъ. Имя его отца, дѣда и прадѣда было связано съ самыми выдающимися постройками Милана: ими построены между прочимъ соборъ, госпиталь въ Миланѣ и Картезіанскій монастырь въ Павіи. Петръ Солари съ юныхъ лѣтъ принималъ участіе въ трудахъ своего отца,—самаго даровитаго члена всей семьи Солари. Герцоги Миланскіе очень цѣнили его талантъ и обѣщали ему, по смерти отца, мѣсто строителя Миланскаго собора, но ректоры собора не утвердили этого выбора. Молодой Солари былъ такъ этимъ опечаленъ, что съ радостью принялъ предложеніе великаго князя Іоанна III пріѣхать въ Москву, куда онъ и отправился въ сопровожденіи своего ученика Цанантоніо (Zanantonio), литейщика орудій, нѣкоего Джакобо (Jacobo), серебряника Христофора и его двухъ учениковъ, уроженцевъ Рима. Лѣтописцы упоминаютъ еще о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ: нѣмцѣ Альбертѣ изъ Любека, венеціанцѣ Карло (Carlo) и его ученикѣ, которые присоединились къ отъѣзжавшимъ.

Солари, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, обратилъ на себя всеобщее вниманіе и пользовался благоволеніемъ Іоанна, который оказывалъ ему особое довѣріе. Въ Миланѣ еще недавно былъ цѣлъ документъ, утерянный въ настоящее время безслѣдно, на которомъ была надпись: Petrus Antonius de Solario architectus generalis Moscovie. Этотъ титулъ могъ принадлежать только тому, кто занималъ видное мѣсто среди художниковъ. Впрочемъ, Солари прожилъ въ Россіи недолго, Уже 22-го ноября 1493 г. его мать была утверждена въ правахъ наслѣдства, оставшагося послѣ ея сына, Петра Солари, скончавшагося нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Волѣе трагична была судьба одного врача-еврея, именуемаго въ лѣтописяхъ Львомъ Жидовинымъ (Léon Jidovine), который прибылъ въ Москву изъ Венеціи одновременно съ Солари. Первый паціентъ, довѣренный его искусству, былъ Іоаннъ, сынъ великаго князя отъ Маріи Тверской. Левъ Жидовинъ, увѣренный въ своихъ знаніяхъ, обѣщалъ ему полное выздоровленіе и ручался за это головою. Но больной скончался послѣ продолжительнаго и тяжкаго лѣченія, и несчастному врачу была отрублена голова.

Три года спустя послѣ возвращенія въ Москву Дмитрія и Мануила Ралевыхъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1493 г., въ Миланъ отправился изъ Россіи полугрекъ, полурусскій, Мануилъ Доксъ (Manuel Doxa) вмѣстѣ съ Даніиломъ Мамыревымъ (Mamyrev). Письмо, которое они везли съ собою, было адресовано на имя герцога Галеаццо (Galeazzo). Въ Москвѣ не знали, что этотъ несчастный принцъ томился въ золотой тюрьмѣ, въ Павіи, въ то время, какъ его дядя и опекунъ, Людовикъ Моръ, захватилъ

доставить ихъ въ Путивль, за что̀ онъ сулилъ хану большое вознагражденіе.

Менгли-Гирею удалось устроить это дѣло, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1503 г. злополучные путешественники были уже въ его владѣніяхъ. Но татарская кровь сказалась; будучи союзникомъ Іоанна, Менгли-Гирей счелъ, однако, долгомъ воспользоваться случаемъ, чтобы запустить руку въ кошелекъ своего «лучшаго друга». Онъ задержалъ въ Перекопѣ на много мѣсяцевъ тѣхъ, коихъ великій князь ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, и при ихъ отъѣздѣ не забылъ послать счетъ, который равнялся 212 тысячамъ, но какой монеты, трудно опредѣлить. Однако, сумма была, въ общемъ, вѣроятно, довольно значительна, такъ какъ Менгли-Гирей утверждалъ, что онъ израсходовалъ много и сдѣлалъ заемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1504 г. Ралевъ прибылъ наконецъ въ Москву и отправился немедленно обратно въ Путивль съ деньгами, уплаты которыхъ требовалъ Гирей. Великій князь уплатилъ своему союзнику все до копѣйки, хотя онъ былъ имъ весьма недоволенъ за то, что хитрый крымскій ханъ оставилъ у себя гравера Григорія Воренцу (Vorenza), къ великому неудовольствію Іоанна, который горько на это жаловался.

Таковы, приблизительно, всѣ посольства, посылавшіяся Іоанномъ III въ Италію. Вообще, въ сношеніяхъ Москвы съ Италіей политика не играла, какъ мы видимъ, особенной роли.

Гораздо легче могло состояться сближеніе между Москвою и Австріей, у которыхъ было болѣе общихъ интересовъ и были общіе враги. Такъ въ дѣйствительности и случилось.

Вначалѣ, посредникомъ между этими странами явился простой путешественникъ Николай Поппель (Poppel), уроженецъ Силезіи, прославившійся своимъ длиннымъ тяжеловѣснымъ копьемъ, коимъ онъ дѣйствовалъ съ изумительной ловкостью. Онъ былъ одержимъ страстью къ путешествію—вещь довольно рѣдкая въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Объѣхавъ Германію, Англію, Францію, Испанію, Португалію, онъ отправился, въ 1486 г., въ Москву, заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ императора Фридриха III. Въ Кремлѣ къ нему отнеслись чрезвычайно недовѣрчиво. Тщетно увѣрялъ онъ, что онъ путешествуетъ ради своего удовольствія, его приняли за шпіона короля польскаго и обошлись, какъ съ таковымъ.

Но все же въ первое свое путешествіе въ Россію Поппелю удалось собрать разнообразныя свѣдѣнія, которыя произвели въ Европѣ огромное впечатлѣніе. Прибывъ въ Нюренбергъ, гдѣ находились въ то время императоръ и нѣкоторые принцы Священной имперіи, онъ сообщилъ имъ, къ ихъ величайшему изумленію, что великій князь московскій не есть вассалъ короля польскаго, что онъ неограниченный правитель обширной страны, что онъ богатъ, пользуется уваженіемъ и могуществомъ. Эти разсказы, прикрашенные разными подробностями, подали

императору мысль, что изъ Москвы можно будетъ извлечь пользу. Было рѣшено послать къ Іоанну посла. Выборъ палъ, разумѣется, на Поппеля который, заболѣвъ, могъ тронуться въ путь только въ исходѣ 1488 г.

Возложенныя на него порученія сводились къ двумъ главнымъ пунктамъ. Во-первыхъ, Габсбурги хотѣли породниться съ Россіей, и Поппелю было приказано предложить Іоанну III отъ имени своего монарха въ зятья маргграфа Баденскаго или герцога Саксонскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ Австріи воображали, что Іоаннъ хлопоталъ въ Римѣ о коронѣ, то императоръ взялъ на себя обязанность наставить Іоанна въ этомъ отношеніи на путь истинный. Папа—приказалъ онъ сказалъ великому князю,—вѣдаетъ только дѣла духовнаго міра; только одинъ императоръ имѣетъ право создавать рыцарей и королей, поэтому съ нимъ и слѣдуетъ вести переговоры объ этомъ. Это заявленіе было сдѣлано съ большой таинственностью, съ намеками на поляковъ, которые завидовали успѣхамъ соперника и съ лестными увѣреніями относительно добрыхъ намѣреній императора. Австрія выражала полную готовность ввести Россію въ европейскую семью, но она не хотѣла, чтобы папа чѣмъ-либо воспользовался при этомъ. Она хотѣла, чтобы всѣ преимущества, какія могли произойти отъ этого сближенія, выпали на ея долю. Къ предложеніямъ Австріи отнеслись въ Кремлѣ сочувственно. Не желая показать Поппелю свою дочь, такъ какъ это могло вызвать неудовольствіе народа, Іоаннъ выразилъ намѣреніе послать въ Вѣну своего собственнаго посланника. Ему нравилась мысль о союзѣ съ коронованными особами Западной Европы, но онъ былъ разборчивъ и довѣрялъ свои тайны только самымъ преданнымъ слугамъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что Іоаннъ согласился бы отдать свою дочь королю римскому, но что онъ не считалъ возможнымъ породниться съ герцогомъ Саксонскимъ или съ маркграфомъ Баденскимъ, какъ съ лицами слишкомъ незначительными. Что касалось титуловъ, то Поппелю отвѣчали съ гордостью, что Іоаннъ монархъ, милостью Божіею, законнымъ образомъ наслѣдовалъ престолъ отъ своихъ предковъ и никого не проситъ о подтвержденіи своихъ правъ. Но, отклоняя предложеніе о королевскомъ титулѣ, великій князь особенно позаботился о томъ, чтобы сношенія съ Австріей не прекратились, и поручилъ поддержать ихъ Юрію Траханіоту, который былъ, повидимому, самымъ дѣятельнымъ и самымъ умнымъ изъ современныхъ дипломатовъ.

Въ сущности, у Россіи и Австріи были общіе интересы; Австрія зарилась на Венгрію и видѣла опасныхъ соперниковъ въ Ягеллонахъ. Тѣ же Ягеллоны удерживали цѣлыя области и города, которые Іоаннъ III продолжалъ упорно считать своею собственностью. Такимъ образомъ Польша становилась общимъ врагомъ, и Австрія первая предложила Іоанну вступить съ нею въ союзъ, что̀ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его цѣлямъ. Ему такъ страстно хотѣлось упрочить единство рус-

ской монархіи, что онъ считалъ возможнымъ дѣйствовать заодно съ нѣмцами, чтобы утѣснить славянъ. Онъ даже самъ распредѣлилъ будущую добычу. Австрія должна была получить Венгрію, за что русскимъ предоставлялась свобода дѣйствіи въ Литвѣ. Это удовлетворяло всѣхъ и каждаго; но союзники не хотѣли работать другъ для друга, каждый хотѣлъ воспользоваться союзомъ въ свою пользу. Это повело къ всевозможнымъ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ. Кромѣ того, политика Австріи была непостоянна; смотря по обстоятельствамъ, Австрія была готова то воевать съ Польшей, то добиваться ея дружбы. Такъ, въ 1491 г., когда по заключеніи Пресбургскаго мира виды Максимиліана на Венгрію возросли, то онъ не высказывалъ болѣе никакой непріязни къ Ягайлонамъ; но, лишь только венгерскій сеймъ 1505 г. отмѣнилъ постановленія Пресбургскаго договора, австрійскіе послы тотчасъ направились въ Москву. Когда, въ слѣдующемъ году, Пресбургскій договоръ получилъ прежнюю силу, стремленіе къ союзу съ Москвою снова ослабѣло, и это продолжалось вплоть до брака Сигизмунда I съ Варварою Запольскою (Barbe Zapolya). Этотъ бракъ связалъ Польшу съ главарями венгерской оппозиціи; что было вѣчною угрозою для Австріи, которая сдѣлалась снова воинственной. Въ 1515 г., на свиданіи монарховъ въ Пресбургѣ, миролюбивыя стремленія рѣшительно одержали верхъ, и императоръ Максимиліанъ только и мечталъ о томъ, какъ бы примирить поляковъ съ русскими. Іоанна III тогда уже не было въ живыхъ, но если бы ему пришлось быть свидѣтелемъ этой развязки, то она бы не удивила его. Непостоянство Максимиліана было ему извѣстно; онъ возмущался имъ, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось самому опредѣлить сроки войны и мира и не зависѣть вѣчно отъ своекорыстныхъ разсчетовъ другаго, но эти мелкія неудовольствія не повели къ разрыву. Не будучи въ состояніи получить отъ Австріи своевременно помощь войскомъ, Іоаннъ удовольствовался тѣмъ, что получалъ оттуда ремесленниковъ и металлурговъ; и это уже было выгодно для Москвы.

Невольно является вопросъ, имѣли-ли внѣшнія сношенія, возникшія при Іоаннѣ III, какое-нибудь соціальное значеніе?

Безъ сомнѣнія, сношенія съ Западомъ послѣ вѣковой отчужденности Россіи свидѣтельствуютъ о начавшемся въ ней броженіи умовъ, но эти сношенія не принесли никакихъ глубокихъ и прочныхъ результатовъ, такъ какъ все общеніе съ Западомъ ограничилось рабскимъ подраженіемъ ему и Іоаннъ III ничего не сдѣлалъ для кореннаго обновленія своей отсталой страны. Подобная задача была подъ силу только человѣку геніальному; Іоаннъ не принадлежалъ къ числу ихъ. Одаренный умомъ практическимъ и проницательнымъ, но не глубокимъ, онъ былъ къ тому же слишкомъ мало образованъ, чтобы сдѣлаться, подобно Гарунъ-аль-Рашиду или Сулейману, покровителемъ наукъ и искусствъ; тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ все преимущество просвѣщенія и былъ не прочь

воспользоваться его плодами въ настоящемъ, не заботясь однако о томъ, чтобы упрочить ихъ въ будущемъ; это былъ Петръ Великій въ маломъ видѣ.

Онъ не заботился объ основаніи школъ, о распространеніи просвѣщенія и книгопечатанія, не старался измѣнить взгляды народа, образовать новое поколѣніе, которое было бы въ состояніи усвоить пріобрѣтеніе западной образованности. Въ Москвѣ появились только внѣшніе признаки западной цивилизаціи, но дуновеніе, вызвавшее этотъ подъемъ духа въ Европѣ, было недоступно русскимъ. Плодотворное сѣмя культуры не запало на русскую почву, русскіе только воспользовались цвѣтами и плодами, выросшими на Западѣ, и это нарушило съ теченіемъ времени равновѣсіе, создало въ русскихъ прискорбную привычку полагаться на другихъ, вызвало въ нихъ недовѣріе къ своей собственной инціативѣ, которое было въ сущности нечто иное, какъ пагубная лѣность мысли. Эпоха Іоанна III не произвела почти ничего самобытнаго, не вызвала къ жизни творческихъ силъ народа.

Но что еще удивительнѣе, тѣ же греки, которые создали въ Италіи каѳедры краснорѣчія и философіи, комментировали Платона и Аристотеля, Гомера и Демосѳена, не постарались даже научить русскихъ грамматикѣ. Единственными разсадниками просвѣщенія остались по-прежнему монастыри и канцеляріи. Монахи и дьяки были единственными образованными людьми того времени; среди бояръ весьма немногіе умѣли читать и писать. Но и это образованіе было самое элементарное и ограничивалось чтеніемъ богослужебныхъ книгъ, молитвенниковъ, апокрифическихъ сочиненій, и писаніемъ лѣтописей, наказовъ и грамотъ.

Для того чтобы науки и искусства могли привиться къ Московскому государству, нужно было сдѣлать могучія усилія, стряхнуть оцѣпенѣніе, въ которое Россія была погружена послѣднія триста лѣтъ.

Не заглядывая въ будущее, великій князь руководствовался въ своихъ нововведеніяхъ только двоякой цѣлью: поддержать матеріальное благосостояніе и безопасность страны и упрочить свою власть. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ проглядываетъ только стремленіе къ этой цѣли.

Любовь къ наукѣ и художественный вкусъ всегда были ему чужды, за то ему было въ высокой степени присуще чувство собственнаго достоинства; онъ хотѣлъ внушать почтеніе окружающимъ и достигнуть того, чтобы имя московскаго царя внушало страхъ за предѣлами Россіи.

Для достиженія этого, Іоаннъ III заботился только о самомъ необходимомъ. Его ближайшіе сосѣди на западѣ, поляки и литовцы, были искуснѣе русскихъ въ военномъ дѣлѣ, лучше ихъ вооружены и обучены. Съ другой стороны онъ не могъ положиться на корыстолюбивую дружбу татаръ. Золотой орды, какъ грозной силы, уже не существовало, но взлелѣянныя ею традиціи возродились въ Казани и въ Крыму. Это побудило великаго князя серьезно подумать о перевооруженіи войска. Литейщикамъ, приглашеннымъ изъ-за границы, было

приказано изготовить огнестрѣльное оружіе, которое должно было замѣнить луки и стрѣлы. Въ Кремлѣ появились пушки разнаго калибра, между которыми пріобрѣла особую извѣстность огромная царь-пушка работы Павла Дебоссиса (Paolo Debossis).

Подчиняясь стратегическимъ требованіямъ своего времени, Іоаннъ позаботился также объ укрѣпленіи Москвы, приказалъ снести старинный дубовый тынъ временъ Дмитрія Донскаго и обнести Кремль толстой стѣною, съ полукруглыми амбразурами и башнями.

Эти работы были произведены подъ наблюденіемъ Солари, о чемъ свидѣтельствовала вдѣланная въ стѣну и долгое время сохранившаяся тамъ надпись. Солари же были построены знаменитыя Спасскія ворота.

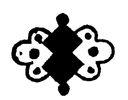
Какъ ни были грозны эти стѣны, разумѣется, онѣ не всегда могли удержать непріятеля. Поляки Жолкѣвскаго и войска Наполеона проникли въ Кремль, но его стѣны защитили Москву отъ татаръ Гирея и устояли передъ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени.

Крѣпость не удовлетворяла честолюбія великаго князя. Первѣйшею его заботою было украсить Кремль храмами. Фіораванти было приказано отправиться во Владиміръ и искать тамъ вдохновенія, изучая соборъ—дивное произведеніе искусства ломбардскаго строителя двѣнадцатаго вѣка. Вскорѣ послѣ возвращенія Фіораванти въ Москву, въ Кремлѣ былъ воздвигнутъ знаменитый Успенскій соборъ съ его великолѣпнымъ пятиярусным иконостасомъ. Рядомъ съ нимъ былъ построенъ другимъ иностранцемъ, Альвизомъ (Aloise) Архангельскій, а затѣмъ Благовѣщенскій соборъ, надъ которымъ работали оба вышеназванные архитектора.

Ничего подобнаго не видали до тѣхъ поръ изумленные жители Москвы.

Неподалеку отъ этихъ церквей появились новыя великолѣпныя царскія палаты, въ которыхъ свѣдущіе люди находятъ много сходнаго съ дворцомъ дожей, возвышающимся на площади св. Марка въ Венеціи; несомнѣнно, что онѣ носятъ отпечатокъ западной архитектуры. Появленіе роскошнаго дворца на мѣстѣ скромныхъ древнихъ теремовъ было живымъ свидѣтельствомъ возростанія великокняжеской власти, символомъ нарождавшагося самодержавія.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Башня Марины Мнишекъ.

I.

Будучи занятъ экзаменами въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я только въ концѣ мая мѣсяца удосужился прочесть отвѣтъ на мою статью о. Пирлинга, помѣщенный въ V-й книгѣ «Русской Старины».

Заканчивая свой отвѣтъ, о. Пирлингъ говоритъ, что всякія гипотезы о судьбѣ Марины Мнишекъ преждевременны, пока не будетъ изслѣдовано, въ какой степени достовѣрно преданіе объ указанной мною Маринкиной башнѣ въ г. Коломнѣ. Вполнѣ раздѣляя эту мысль, я, запасшись открытымъ листомъ Императорской археологической коммиссіи на право производства раскопокъ, выѣхалъ 17-го іюня с. г. въ Коломну вмѣстѣ съ присоединившимся ко мнѣ дѣйствительнымъ членомъ Археологическаго института М. А. Ратмановымъ.

По пріѣздѣ на мѣсто мы, не теряя времени, быстро нашли интересовавшую насъ башню; это было тѣмъ легче, что въ Коломнѣ чуть-ли не каждый встрѣчный мальчуганъ охотно укажетъ башню, «гдѣ спасалась Марія Мнишекъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, выразился нашъ малолѣтній чичероне.

Башня Маріи Мнишекъ—самая большая изъ пяти уцѣлѣвшихъ башенъ, соединенныхъ остатками кремлевской стѣны. Лѣтъ 150 тому назадъ былъ цѣлъ весь Кремль съ 14-ю башнями и 3-мя городскими воротами (Пятницкими, Ивановскими и Косыми). Теперь сохранились лишь Пятницкія ворота, черезъ которыя вошелъ въ Коломну Димитрій Донской, возвращаясь въ Москву послѣ побѣды надъ Мамаемъ; указываютъ еще мѣсто, гдѣ были Ивановскія ворота (у церкви св. Іоанна Богослова).

Съ большимъ трудомъ удалось намъ найти близъ Маринкиной башни слѣды Косыхъ воротъ.

Изъ стѣнъ кремлевскихъ сохранилась теперь лишь часть западной стѣны (отъ Маринкиной башни у моста черезъ р. Коломенку до церкви св. Іоанна Богослова) и развалины южной стѣны съ 3-мя башнями (отъ церкви св. Іоанна Богослова до Пятницкихъ, или Спасскихъ, воротъ) Восточная же стѣна (отъ Пятницкихъ воротъ до Москвы-рѣки) и сѣверная, тянувшаяся вдоль крутыхъ береговъ Москвы-рѣки и впадающей въ нее р. Коломенки,—разрушены до основанія.

II.

Башня Марины Мнишекъ издалека видна подъѣзжающимъ къ городу по Московскому шоссе. Съ улицы видны лишь узкія бойницы, продѣланныя въ каждомъ изъ 8 этажей этой кирпичной многогранной башни, покоющейся на массивномъ фундаментѣ, облицованномъ на высоту около 4-хъ аршинъ гранитомъ. Мы проникли въ башню со двора Брусенскаго женскаго монастыря. Здѣсь сохранился входъ въ башню, круто спускающійся внизъ лѣстницею, ступени которой отъ времени почти всѣ разрушились. Спускъ въ башню былъ полузаваленъ мусоромъ и заставленъ монастырскимъ скарбомъ.

Нанявъ 8 рабочихъ, мы съ утра 20-го іюня приступили къ расчисткѣ входа въ башню и на первыхъ же порахъ убѣдились, что онъ ведетъ во второй этажъ башни, въ которомъ, какъ и во всѣхъ этажахъ, не сохранилось и слѣда половъ: они всѣ обрушились въ незапамятное время. Башня долгое время стояла безъ крыши, и вѣроятно поэтому первый этажъ ея на высоту болѣе 3-хъ аршинъ заваленъ мусоромъ и землею. Въ правой стѣнѣ входной лѣстницы найдена темная ниша, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась лѣстницею въ 16 ступеней, ведущею внутри башенной стѣны въ третій этажъ башни. Спустившись по приставной лѣстницѣ изъ 2-го этажа въ 1-й, мы очутились на грудѣ земли, лежащей вровень съ бойницами. Вверху башни видны стропила, поддерживающія желѣзную крышу, настланную лѣтъ шесть тому назадъ. Въ башнѣ живутъ совы, галки и голуби.

Діаметръ башни внутри — $6^1/_4$ арш.; толщина стѣнъ въ первомъ этажѣ (черезъ бойницы) $6^1/_2$ аршинъ. Такая толщина стѣнъ навела меня на мысль о возможности лѣстницы внутри стѣны изъ 2-го этажа въ первый, подобной найденному уже ходу изъ 2-го этажа въ 3-й. Поднявшись по приставной лѣстницѣ въ одну изъ нишъ для бойницъ 2-го эта-

БАШНЯ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.

жа, мы дѣйствительно обнаружили существованіе хода въ нижній этажъ внутри стѣны. Нижнія ступени этой лѣстницы совершенно развалились и засыпаны были землею. Послѣ расчистки обнаружена была внизу лѣстницы небольшая площадка со сводчатымъ потолкомъ, а влѣво отъ нея, черезъ арку, небольшая проходная каморка съ дверью, ведущею въ первый этажъ башни. Дверь эта засыпана доверху землею. Воздухъ въ каморкѣ спертый и сырой: лампы въ фонарѣ гасли и со стѣнъ сильно текло. Температура 12° R., тогда какъ на улицѣ—25° R. въ тѣни.

На слѣдующій день, 21-го іюня, рано утромъ работы возобновились. Одинъ изъ рабочихъ, здоровый молодой парень, сталъ жаловаться на простуду (насморкъ и кашель). То же самое ощущали и мы. Однако, когда расчистили проходъ изъ каморки въ первый этажъ, воздухъ въ ней быстро очистился: стало легче дышать, и фонари начали горѣть яркимъ свѣтомъ. Въ стѣнѣ каморки обнаружена заложенная кирпичами дверь или ниша, ведущая, повидимому, подъ монастырь. Послѣ снятія кирпичей на $1^1/_2$ аршина въ толщину, найденъ былъ сплошной слой бѣлаго известковаго камня, залитаго цементомъ. При ударѣ ломомъ слышенъ звонкій гулъ, наводящій на мысль о пустомъ пространствѣ. Такъ какъ ломъ шелъ очень туго, пришлось прибѣгнуть къ шрамбору, но, просверливъ стѣну еще на 1 аршинъ, все-таки не достигли пустоты. Поэтому, оставивъ нишу, расчистили полъ внизу лѣстницы, при чемъ на глубинѣ 2-хъ аршинъ наткнулись на слой кирпича, которымъ прикрытъ былъ камень, залитый цементомъ.

Послѣ этого мы попытались обслѣдовать верхніе этажи башни. Взобравшись по большой монастырской лѣстницѣ на крѣпостную стѣну, недавно реставрированную около башни (высота стѣны — $8^1/_2$ саженъ, ширина вверху—$5^1/_2$ аршинъ), мы оттуда проникли черезъ корридоръ въ стѣнѣ башни въ пятый этажъ ея. Въ корридорѣ направо оказался ходъ внутри стѣны въ 16 ступеней въ 6-й этажъ башни; хода въ 4-й этажъ ни изъ третьяго, ни изъ пятаго этажа найдено не было. Вѣроятно, между ними существовало сообщеніе черезъ люки въ потолкахъ третьяго и четвертаго этажей. То же самое остается предположить о седьмомъ и восьмомъ этажахъ. Впрочемъ, замѣтно, что изъ 7-го этажа есть выходъ на террасу, окружающую 7-й и 8-й этажи башни. Высота Маринкиной башни, по приблизительнымъ вычисленіямъ,—13—14 саженъ.

Въ башнѣ во многихъ мѣстахъ сохранились проржавѣвшіе крюки; на нихъ нѣкогда висѣли желѣзныя двери, которыя и до сихъ поръ находятся въ женскомъ Брусенскомъ монастырѣ и кое-у-кого изъ жителей г. Коломны, въ чемъ мы имѣли случай сами убѣдиться.

III.

Намъ оставалось лишь осмотрѣть полъ башни, но такъ какъ для этого необходимо было очистить его отъ земли, которой набралось бы, по меньшей мѣрѣ, до 50 возовъ, да и высыпать такое количество земли черезъ узкія бойницы было бы невозможно, то пришлось отложить болѣе детальное изслѣдованіе башни до будущаго времени, ограничившись сдѣланнымъ нами за эти два дня.

Однако судьбѣ, повидимому, угодно было побаловать насъ надеждою на разрѣшеніе занимавшей насъ задачи. О нашихъ работахъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ уѣздныхъ городахъ, моментально узналъ весь городъ, и, когда, нѣсколькими днями позже, мы раскапывали Городищенскій могильникъ (близъ г. Коломны), то къ намъ явился одинъ изъ жителей этой окраины и сказалъ, что въ башнѣ Марины Мнишекъ подъ землею, покрывающею полъ перваго этажа, есть дверь, ведущая въ длинный темный корридоръ. Самъ разсказчикъ, по его словамъ, еще будучи гимназистомъ (теперь ему около 40 лѣтъ) спускался въ этотъ корридоръ и проходилъ его приблизительно на разстояніи 10—15 саж.

Судя по всему, это и есть та дверь, о которой говоритъ Иванчинъ-Писаревъ въ своей книгѣ, изданной 60 лѣтъ тому назадъ [1]). Засыпанная въ его время мусоромъ, дверь эта была позже отрыта и вновь завалена мусоромъ и землею, вѣроятнѣе всего при одной изъ послѣднихъ реставрацій Маринкиной башни.

Подводя итоги вышесказанному, не могу не вернуться къ своему прежнему убѣжденію, что въ этой башнѣ жила въ заключеніи и окончила жизнь свою развѣнчанная вдова трехъ авантюристовъ. Убѣжденіе мое сложилось подъ вліяніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Вышеописанная башня съ незапамятныхъ временъ слыветъ въ окрестномъ населеніи подъ именемъ башни Марины Мнишекъ.

2) Испанскіе источники, указываемые о. Пирлингомъ, сообщая о сожженіи Марины, говорятъ со словъ бывшаго при ней кармелита Ивана-Ѳаддея (Янъ-Тадеушъ?), добросовѣстность (bona fides) котораго въ данномъ случаѣ далеко не доказана. Вѣдь Польша въ то время была прямо заинтересована въ распространеніи всякихъ слуховъ, вредныхъ для установившагося въ Россіи порядка. Вспомнимъ хотя бы поддержку, оказанную польскимъ правительствомъ обоимъ Лжедимитріямъ, а позже—шляхтичу Ивану Лубѣ, который выдавалъ себя за сына Марины Мнишекъ.

---

[1]) Иванчинъ-Писаревъ. «Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду», стр. 137—138.

3) Московскому правительству не было нужды сжигать заживо Марину, такъ какъ оно всегда могло тайно покончить съ нею; при томъ и самое сжиганіе на кострѣ является у насъ впервые въ концѣ XVII в., въ эпоху преслѣдованія раскольниковъ (указъ царевны Софіи 1684 г.), какъ одинъ изъ отголосковъ западно-европейскихъ нравовъ и обычаевъ (инквизиція). Консервативное правительство царя Михаила Өеодоровича не могло прибѣгнуть къ этой небывалой дотолѣ мѣрѣ тѣмъ болѣе, что имѣло въ своемъ распоряженіи много иныхъ средствъ парализовать зловредное вліяніе «злой волшебницы и еретицы» на особу юнаго царя.

4) Сожженіе Марины въ Москвѣ являлось бы событіемъ достопамятнымъ, которое занесено было бы или въ лѣтописи, или же въ памятники народнаго эпоса. Напротивъ, народныя пѣсни говорятъ, что Марина, обернувшись кукушкою, вылетѣла изъ окна своей темницы.

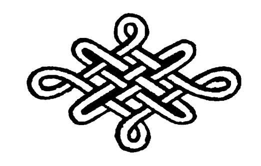
5) Московское правительство и до Марины Мнишекъ пользовалось Коломенскимъ кремлемъ какъ Бастиліей, ссылая туда важныхъ политическихъ преступниковъ: въ 1433 г. тамъ жилъ Василій II, изгнанный изъ Москвы Юріемъ Галицкимъ; въ 1434 г. туда сосланъ былъ Димитрій Шемяка, а послѣ разгрома Новгорода при Іоаннѣ Грозномъ — многіе изъ знатныхъ новгородскихъ купцовъ и гражданъ.

6) Тайники и казематы, устроенные въ Маринкиной башнѣ, очевидно, были приспособлены къ помѣщенію въ нихъ узниковъ.

7) Сырой и тяжелый воздухъ въ тайникахъ башни долженъ былъ губительно отражаться на здоровьѣ заключенныхъ въ ней; отсюда вполнѣ естественна смерть Марины Мнишекъ «съ тоски по волѣ» черезъ какихъ-нибудь 2—3 года послѣ ея заточенія въ башню.

Дальнѣйшія раскопки въ Маринкиной башнѣ, по моему крайнему убѣжденію, подтвердятъ основательность вышесказаннаго.

Георгій Синюхаевъ.



Рескриптъ Императора Александра г-жѣ Коховской [1]).

25-го марта (6-го апрѣля) 1821 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, коимъ ходатайствуете объ опредѣленіи брата вашего капитана Коховскаго, управляющимъ Вятскою удѣльною конторою, я получилъ.—Съ особеннымъ удовольствіемъ исполнилъ бы я тотчасъ желаніе ваше, естьлибъ не былъ остановленъ неизвѣстностію, точно-ли просимая должность доселѣ осталась незанятою, а потому поручилъ я министру финансовъ изыскать ему другое соотвѣтственное по сему министерству мѣсто, буде съ замѣщеніемъ вакансіи управляющаго удѣльною частію въ Вяткѣ, онъ туда опредѣленъ быть не можетъ.— Приношу вамъ искреннюю благодарность за извѣстія, сообщенныя мнѣ о любезныхъ племянницахъ моихъ принцессахъ Маріи и Софіи, коихъ поручаю вамъ поцѣловать за меня.

Пребываю къ вамъ доброжелательнымъ.

[1]) Воспитательницѣ ихъ королевскихъ высочествъ принцессъ Виртембергскихъ Маріи и Софіи.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XIV [1]).

Газета „Inland“ и ея приложенія.—Передача въ вѣдѣніе общей цензуры неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей.—Книга: „Магазинъ всѣхъ увеселеній или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй“.—Басни Эзопа.—Отчетъ владимірскаго губернскаго предводителя дворянства за 1849 г.—Цензура польскихъ изданій.—Начальныя правила для обученія французскому языку.—Статья о перчаткахъ въ „Сѣверной Пчелѣ“.—Мѣсяцесловъ Академіи наукъ на 1851 годъ.—Рѣчь о философской системѣ Шеллинга.—Изъятіе изъ продажи „Отечественныхъ Записокъ“ за 1840, 1841 и 1843 годы.

Вступившій временно въ обязанности генералъ-адъютанта Анненкова, статсъ-секретарь баронъ Корфъ, 19-го іюня 1850 года писалъ князю Ширинскому-Шихматову: «При выходящей въ Дерптѣ съ 1835 года газетѣ «Inland» начали съ 1846 г. прилагаться, чрезъ каждые три мѣсяца, тетрадки подъ заглавіемъ: «Pädagogische Beilage zum Inlande», издаваемыя въ Дерптѣ же, старшимъ учителемъ Тремеромъ, сперва очень не большія, но нынѣ,—отъ скопленія, какъ объясняетъ Тремеръ, матеріаловъ, заключающія въ себѣ до 50-ти страницъ печатанныхъ, убористымъ нѣмецкимъ шрифтомъ. Въ первомъ приложеніи за 1850 г. объяснены, въ длинномъ разсужденіи, потребность въ подобномъ изданіи для остзейскихъ губерній и польза, которую изъ него имѣютъ извлечь: 1) учебное начальство, 2) ученое сословіе, 3) духовенство; 4) родители и 5) обучающееся юношество. За тѣмъ, это, такъ называемое приложеніе, представляющее, въ существѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1903 г.

самобытный журналъ, гораздо важнѣйшій, и по пространству, и по содержанію, нежели самый «Inland», содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ учебной части Остзейскаго края, мнѣнія о разныхъ предметахъ этой части, программы пансіоновъ, разборъ относительнаго ихъ достоинства и проч. Хотя «Pädagogische Beilage» издаются лицомъ ученаго сословія въ такомъ городѣ, гдѣ существуетъ императорскій университетъ, и не представляли донынѣ ничего противнаго общимъ правиламъ цензуры, но, при всемъ томъ, Комитетъ 2-го апрѣля смѣетъ думать, что какъ бы ни были благонамѣренны цѣль и направленіе подобнаго періодическаго изданія, едва-ли можетъ быть допущено, что бы частныя лица присвояли себѣ, безъ особаго отъ правительства призванія или порученія, авторитетъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и образованія; въ настоящемъ же случаѣ, это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мнѣнія помянутаго журнала, появляясь, такъ сказать, подъ глазами университета, могутъ быть принимаемы многими за собственные его приговоры и, такимъ образомъ, получать особенное значеніе и вѣсъ въ цѣломъ краѣ. Соображенія эти Комитетъ полагалъ сообщить министру народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы отъ него было поручено Комитету, для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, обозрѣть вышедшіе по настоящее время выпуски означеннаго приложенія, и, если признано будетъ возможнымъ и полезнымъ дозволить продолженіе его въ настоящемъ видѣ, то сообразить: не должно-ли по крайней мѣрѣ, каждую его тетрадь, прежде выпуска въ свѣтъ, подвергать внимательному разсмотрѣнію университетскаго совѣта, или даже, можетъ статься, и самого того Комитета.

На журналѣ Комитета 2-го апрѣля послѣдовала высочайшая резолюція: «Исполнить».

Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ-адъютантъ Анненковъ 11-го октября 1850 г. писалъ товарищу министра, тайному совѣтнику Норову: «Комитетъ 2-го апрѣля, при доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія обстоятельствъ дѣла о «Pädagogische Beilage» при газетѣ «Inland», имѣлъ счастіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, всеподданнѣйше докладывать, что по обозрѣніи этого дѣла, вы признавали, что такое прибавленіе, въ видѣ отдѣльнаго повременнаго изданія, не можетъ быть допущено, и что потому предписано не дозволять впредь изданія «Pädagogische Beilage», предоставивъ впрочемъ редактору газеты «Inland» включать въ ея составъ педагогическія статьи согласно съ первоначально одобренною программою этого періодическаго изданія. Хотя за симъ дѣло о прибавленіяхъ къ «Inland» почитается по Комитету оконченнымъ, но я поставляю себѣ долгомъ, въ подтвержденіе доводовъ, по коимъ Комитетъ обратилъ особое вниманіе на это изданіе, сообщить, совершенно частнымъ образомъ, на усмотрѣніе ваше, что во 2-мъ педагогическомъ приложеніи

помѣщена статья: «Die Iahre 1848 und 1849 in Bezug auf Deutschlands Volkschulwesen», гдѣ говорится о вліяніи новѣйшихъ политическихъ переворотовъ въ Западной Европѣ на ходъ начальнаго обученія, и изъявляется нѣкоторымъ образомъ сожалѣніе о томъ, что новыя идеи не привились къ общественному образованію: предметъ этотъ, какъ кажется, именно принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои, по мнѣнію Комитета, не могутъ входить въ предѣлы газеты, не имѣющей отъ правительства никакого дозволенія поставлять себя авторитетомъ въ дѣлѣ народнаго образованія и просвѣщенія.

Тайный совѣтникъ Норовъ поспѣшилъ конфиденціально благодарить за сообщенное ему частнымъ образомъ мнѣніе это и выразилъ при томъ надежду, что за сдѣланнымъ распоряженіемъ о педагогическихъ статьяхъ газеты «Inland», онѣ впредь не будутъ выходить изъ предѣловъ, опредѣляемыхъ какъ значеніемъ и кругомъ дѣйствія частной газеты, такъ и цензурными постановленіями. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ того же 1850 года, учитель Тремеръ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему издавать (въ замѣнъ «Pädagogische Blätter») журналъ «Der Iugendfreund Blätter für Erziehung und Unterricht», то, вопреки самому благопріятному отзыву Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, ему было отказано въ этомъ со стороны министра народнаго просвѣщенія, на основаніи отзыва дерптскаго попечителя, генералъ-лейтенанта Крафтшрема, который привелъ при этомъ слѣдующія соображенія Дерптскаго цензурнаго комитета: «журналъ, служащій авторитетомъ въ дѣлѣ образованія юношества, полезнѣе, ежели издаваемъ будетъ исключительно самимъ правительствомъ; при томъ, если это изданіе и будетъ выходить въ Дерптѣ, то для университетскаго совѣта нѣтъ возможности участвовать въ составленіи журнала, просмотромъ статей, такъ какъ университетъ, со времени введенія устава объ учебныхъ округахъ, не имѣетъ непосредственнаго вліянія на училища и незнакомъ съ подробными цензурными постановленіями; на издаваемыя же до того педагогическія прибавленія въ газетѣ «Inland» обращалъ онъ вниманіе какъ на сочиненіе частныхъ лицъ, въ которомъ ни одинъ изъ членовъ университета не принималъ участія».

27-го іюня 1850 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, конфиденціально писалъ князю Ширинскому-Шихматову: Въ «Курскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1850 г., №№ 16 и 17, помѣщена статья Гутцейта: «объ ископаемыхъ Курской губерніи». Комитетъ 2-го апрѣля, не входя въ разсмотрѣніе этой статьи съ точки зрѣнія науки, остановился на ней собственно какъ на статьѣ популярной и помѣщенной въ губернскихъ вѣдомостяхъ; разсматривая же ее въ этихъ видахъ, не могъ не обратить вниманія, что въ ней міросозданіе и образованіе нашей планеты и самое появленіе на свѣтъ че-

*

ловѣка изображаются и объясняются по понятіямъ нѣкоторыхъ геологовъ, вовсе несогласнымъ съ космогоніею Моисея въ его книгѣ Бытія. Это замѣчаніе навело Комитетъ на мысль, что въ предупрежденіе печатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ статей, подобныхъ разсматриваемой нынѣ, и вообще требующихъ или высшихъ соображеній, или особыхъ спеціальныхъ познаній, можетъ быть полезно было бы неоффиціальную часть этихъ вѣдомостей подчинять, вмѣсто теперешняго просмотра однимъ губернскимъ начальствомъ, общей цензурѣ, а въ нужныхъ случаяхъ и разсмотрѣнію учебнаго начальства; но какъ губернскія газеты издаются во всѣхъ городахъ, а цензура учреждена лишь въ очень немногихъ, то Комитетъ полагалъ вопросъ этотъ сообщить министру внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, «чтобы онъ, по сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, довелъ до высочайшаго свѣдѣнія общее ихъ заключеніе».

На этомъ мнѣніи Комитета послѣдовала высочайшая резолюція: «Исполнить».

Вслѣдъ за тѣмъ дѣло это возымѣло свой ходъ и разрѣшено въ апрѣлѣ 1851 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета министровъ слѣдующаго содержанія: «неоффиціальную часть губернскихъ вѣдомостей подвергнуть общей цензурѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ цензурные комитеты, а въ прочихъ возложить обязанность цензированія на одного изъ профессоровъ, или училищныхъ чиновниковъ, по усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ и утвержденію министра народнаго просвѣщенія, съ подчиненіемъ дѣйствій этихъ лицъ, на общемъ основаніи, завѣдыванію главнаго управленія цензуры, и, сообразно съ симъ, сдѣлать измѣненіе 167 ст. 6-го продолж. II т. Св. зак.».

Въ 1850 году вышла въ Москвѣ книга: Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй. «Книга эта,—писалъ 6-го сентября Анненковъ министру народнаго просвѣщенія,—раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ: круги счастія и ключи къ отвѣтамъ, знаменитая волшебница или новый способъ гадать бобами, фокусъ-покусъ, предсказательный календарь на 200 лѣтъ, и т. п. Хотя одно уже общее наименованіе книги и перечень частныхъ заглавій обнаруживаютъ вздорное и нелѣпое содержаніе всего этого сборника; но такъ какъ въ простонародіи она можетъ найти довольно читателей и даже имѣть нѣкоторый вѣсъ, то Комитетъ не могъ не остановиться на разныхъ, встрѣченныхъ имъ мѣстахъ, гдѣ вопросы и отвѣты вообще не совсѣмъ умѣстны и приличны, а для суевѣровъ и простолюдиновъ могутъ быть даже вредны. Такъ для примѣра, можно указать вопросы: скоро-ли умретъ мой мужъ, скоро-ли умретъ жена? Въ числѣ отвѣтовъ на сіе, большею частію невинныхъ и глу-

ныхъ, можетъ однако же быть полученъ и слѣдующій: Скоро, если тебѣ хочется. На вопросъ: буду-ли я счастливъ въ военномъ званіи? можетъ встрѣтиться отвѣтъ: солдатомъ быть не велика честь. Подобныя симъ мысли, по мнѣнію Комитета, могутъ въ суевѣрномъ простолюдинѣ болѣе или менѣе поколебать здравыя понятія объ обязанностяхъ семьянина, о долгѣ службы и воинскомъ званіи, которое чѣмъ болѣе соединено съ трудами, опасностями и лишеніями, тѣмъ болѣе должно быть почитаемо знаменіемъ истинной чести. Комитетъ не полагаетъ, чтобы книга Оракулъ и чародѣй по общему ея содержанію и множеству подобныхъ, въ народѣ обращающихся, заслуживала преслѣдованія, а тѣмъ болѣе запрещенія, но думаетъ, что если, при общемъ еще на такія книги требованіи, невозможно и даже, можетъ статься, вредно было бы нынѣ же совершенно запретить ихъ изданіе, то по крайней мѣрѣ не надлежитъ отнюдь пропускать въ нихъ ничего безнравственнаго, или противнаго истиннымъ понятіямъ о вѣрноподданническихъ обязанностяхъ, и вслѣдствіе того рѣшился утрудить вышеизложеннымъ высочайшее вниманіе и представить на благоусмотрѣніе его величества, не повелѣно-ли будетъ министру народнаго просвѣщенія сдѣлать цензору Снегиреву, за недостаточное вниманіе при просмотрѣ помянутаго сборника, надлежащее внушеніе и принять мѣры къ усугубленію надзора за содержаніемъ вновь издаваемыхъ сего рода книгъ».

На журналѣ Комитета послѣдовала 3-го сентября высочайшая резолюція: «Справедливо».

Сообразно съ этимъ, было сдѣлано надлежащее распоряженіе; но годъ спустя появилось въ свѣтъ новое изданіе той же книги, дозволенное къ напечатанію опять Снегиревымъ, и, при сличеніи прежняго изданія съ новымъ, Комитетъ 2-го апрѣля нашелъ, что одинъ изъ указанныхъ имъ прежде отвѣтовъ: Солдатомъ быть не велика честь (на вопросъ: Буду ли я счастливъ въ военномъ званіи?) замѣненъ въ новомъ изданіи слѣдующимъ: Въ солдаты быть разжалованному не велика тебѣ честь; а другіе два, также указанные въ изданіи 1850 г. Комитетомъ вопросы: Скоро ли умретъ мой мужъ, и скоро ли умретъ жена моя? и отвѣты на нихъ: Скоро, если тебѣ хочется, остались и въ изданіи 1851 г. Вслѣдствіе сообщенія о томъ Комитета, князь Ширинскій-Шихматовъ предписалъ сдѣлать строгое замѣчаніе Снегиреву и отнесъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ невнимательность къ исполненію своей обязанности содержателя типографіи Волкова (утрату одобреннаго цензурою оригинала напечатанной имъ книги: «Оракулъ»); вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщилъ Комитету 2-го апрѣля, что, по его мнѣнію, для ограниченія на будущее время изданія вздорныхъ и суевѣрныхъ

книгъ, онъ не находитъ другаго средства, какъ распространить на всѣ цензурные комитеты сдѣланное московскимъ попечителемъ Назимовымъ распоряженіе по Московскому цензурному комитету, чтобы упомянутыя и подобныя ей гадательныя книги впредь къ напечатанію одобряемы не были, или, что̀ приведетъ къ тому же результату, подтвердить цензорамъ, чтобы они обращали самое строгое вниманіе на разсматриваніе всѣхъ подобныхъ книгъ, такъ какъ дозволеніе изданія ихъ въ свѣтъ съ наблюденіемъ, чтобы всѣ заключающіеся въ нихъ вопросы и отвѣты всегда были умѣстны и приличны, едва-ли даже возможно.

Комитетъ 2-го апрѣля довелъ все вышеизложенное до свѣдѣнія государя, и на журналѣ Комитета послѣдовала 30-го декабря высочайшая резолюція: «Не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать».

Въ числѣ книгъ, предназначаемыхъ для юношества, вышли въ 1850 году, въ Москвѣ, вторымъ изданіемъ басни Эзопа, переведенныя съ французскаго изданія Жумеля.

По поводу этого Анненковъ писалъ министру народнаго просвѣщенія 29-го октября: «между нравоученіями, помѣщенными въ концѣ каждой басни, встрѣчаются и такія, которыя не только не могутъ быть признаны назидательными для дѣтей, но даже заключаютъ въ себѣ понятія ложныя и вредныя; такъ, напримѣръ, слѣдующія: «Передъ монархами искусная лесть часто заглаживаетъ большіе проступки». «Правитель журитъ чиновника за малѣйшую покражу, въ то время какъ самъ онъ раззоряетъ государство своими грабежами». «Состояніе бѣдныхъ и черни не дѣлается ни лучше, ни хуже, когда государство перемѣняетъ правленіе». Комитетъ 2-го апрѣля, признавая изданіе басней Эзопа съ этими нравоученіями тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что онѣ принадлежатъ не баснописцу, а самому издателю Жумелю, и имѣя при томъ въ виду, что по высочайшему повелѣнію учрежденъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особый Комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, полагалъ передать и настоящій переводъ Эзоповыхъ басенъ въ упомянутый Комитетъ къ его разсмотрѣнію».

На этомъ журналѣ Комитета послѣдовала, 27-го октября, высочайшая резолюція: «Справедливо».

Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣщенія 24-го февраля 1851 года сообщилъ Комитету 2-го апрѣля, что Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ нашелъ нѣкоторыя изъ басенъ вредными для дѣтей по содержанію, частью превышающими ихъ понятія, неизящными въ отношеніи къ искуству, а потому подлежащими исключенію, во всѣхъ же басняхъ слѣдуетъ исправить слогъ перевода: вообще, что книга въ настоящемъ видѣ въ свѣтъ быть выпущена не можетъ. На основаніи такого отзыва, цензору Снегиреву сдѣлано строгое замѣчаніе.

Въ отчетѣ владимірскаго губернскаго предводителя дворянства за 1849 годъ, напечатанномъ съ разрѣшенія цензуры, обратила на себя вниманіе Комитета 2-го апрѣля слѣдующая статья: «ходатайствовано чрезъ г. начальника губерніи о разсрочкѣ всѣмъ помѣщикамъ здѣшней губерніи, по случаю неурожаевъ и холеры, платежа процентовъ и долга Московскому опекунскому совѣту, но на это ходатайство разрѣшенія не послѣдовало».

Помѣщеніе подобной статьи въ отчетѣ, получающемъ общую гласность, въ особенности безъ объясненія причинъ, по коимъ ходатайство не было уважено, можетъ, по мнѣнію Комитета, дать поводъ къ сомнѣнію въ постоянномъ попеченіи правительства о пособіи всѣмъ сословіямъ государства въ тяжкіе годы неурожаевъ и болѣзней, и вообще какъ бы выставляетъ передъ публикою заботливость предводителя въ противуположность съ равнодушіемъ или бездѣйствіемъ правительства. Комитетъ полагалъ сообщить о всемъ этомъ министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, для совокупнаго соображенія: не слѣдуетъ-ли вовсе исключать изъ печатаемыхъ по разнымъ случаямъ отчетовъ мѣстнаго управленія свѣдѣнія о такихъ ходатайствахъ, по коимъ разрѣшенія или утвержденія не послѣдовало, и въ какихъ именно случаяхъ можетъ быть допускаемо изъ сего изъятіе».

На журналѣ Комитета послѣдовала, 30-го октября, высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Послѣ продолжительныхъ сношеній между обоими помянутыми министерствами, настоящее дѣло разрѣшилось тѣмъ, что 20-го января 1852 г. генералъ-адъютантъ Анненковъ написалъ князю Ширинскому-Шихматову, что Комитетъ 2-го апрѣля согласился вполнѣ съ предложеніемъ графа Перовскаго: 1) о постановленіи, чтобы свѣдѣнія о ходатайствахъ мѣстнаго начальства предъ высшимъ правительствомъ могли быть печатаемы не иначе, какъ уже по воспослѣдованіи окончательнаго на эти ходатайства утвержденія, и 2) о вмѣненіи цензорамъ въ обязанность, чтобы они входили въ разсмотрѣніе и давали разрѣшеніе на напечатаніе тѣхъ только отчетовъ и другихъ статей, до дѣлъ службы относящихся, по коимъ представлены удостовѣренія, что на напечатаніе ихъ дано дозволеніе подлежащаго начальства.

На мнѣніи Комитета послѣдовала, 19-го января, высочайшая резолюція: «Справедливо».

6-го ноября 1850 года Анненковъ писалъ, по поводу изданныхъ въ Вильнѣ двухъ брошюръ Эммануила Ястржембчика, въ первой изъ которыхъ авторъ жалуется на невѣжество литвиновъ, а во второй порицаетъ нынѣшнее воспитаніе литвинокъ: «По мнѣнію Комитета 2-го апрѣля не подлежитъ сомнѣнію, что брошюры эти, по основной идеѣ и въ самомъ выраженіи, сколько авторъ ни старался облекать мысли и

упованія свои въ иносказательную форму, весьма предосудительны и пропустившаго ихъ цензора нельзя не признать или причастнымъ къ духу и видамъ сочинителя, или, если онъ ихъ не понялъ, то совершенно неспособнымъ къ важнымъ занятіямъ цензора и не оправдывающимъ той степени довѣрія, которою это званіе облечено отъ правительства. А какъ дѣло о польскихъ сборникахъ, выходящихъ въ Кіевѣ, по высочайшимъ повелѣніямъ, состоявшимся вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ докладовъ Комитета о вредномъ и неблагонамѣренномъ ихъ духѣ и направленіи, передано уже на разсмотрѣніе главнаго управленія цензуры: то Комитетъ полагалъ и замѣчанія объ этихъ брошюрахъ передать туда же. Къ этому Комитетъ прибавилъ, что всѣ сдѣланныя имъ до этого времени указанія на проявляющееся въ польской литературѣ западныхъ нашихъ губерній сочувствіе къ лжемудрствованіямъ Западной Европы и ропотъ противъ настоящаго порядка вещей наводятъ на мысль: не полезнѣе и безопаснѣе-ли было бы принять, не гласнымъ образомъ, за правило, чтобы въ цензоры въ западныхъ губерніяхъ избираемы были лица русскаго происхожденія, достаточно знающіе польскій языкъ и при томъ особенно извѣстныя по своимъ правиламъ и благонадежности. Эта мысль высочайше утверждена 18-го декабря 1850 г. и принята къ исполненію. Вслѣдъ за тѣмъ, 30-го декабря, графъ Орловъ секретно писалъ князю Ширинскому-Шихматову, что государь императоръ, удостоивъ одобренія соображенія по этому дѣлу министра народнаго просвѣщенія и генералъ-адъютанта Бибикова, повелѣлъ: «1) Дальнѣйшее изданіе «Періодическихъ листковъ» Подберескаго и брошюры Ястржембчика прекратить; 2) воспретить продажу всѣхъ означенныхъ сочиненій, съ отобраніемъ отъ книгопродавцевъ нераспроданныхъ экземпляровъ; 3) цензора Павловскаго, разрѣшившаго къ печатанію три изъ помянутыхъ сочиненій, какъ оказавшагося совершенно неспособнымъ къ исполненію обязанностей цензора, уволить отъ сей должности, на основаніи законовъ, не возбраняя впрочемъ ему какъ не изобличенному въ какихъ-либо умышленныхъ упущеніяхъ, продолжать службу по другимъ частямъ; 4) авторовъ тѣхъ сочиненій: Желиговскаго, Полубинскаго, Подберескаго и Дештрунгъ выслать подъ надзоръ полиціи въ дальнія губерніи, равнымъ образомъ выслать въ другія мѣста Оргельбранта и книгопродавца Завадскаго, ежели они по изслѣдованію окажутся виновниками въ перепечатываніи повѣсти «Лѣтняя ночь».

27-го ноября 1850 года Анненковъ писалъ: «Въ текущемъ году напечатана въ С.-Петербургѣ, 4-мъ изданіемъ, книга Зейденштюкера «Начальныя правила для обученія французскому языку», составленная и дополненная Лангеномъ. Въ отдѣлѣ этой книги «Exercises préliminaires» встрѣчаются такія фразы, которыя въ учебной книгѣ для юноше-

ства неумѣстны и даже вредны, напримѣръ: «Счастіе и прихоть управляютъ міромъ». Потомъ слѣдуетъ рядъ упражненій на слово roi, напримѣръ «Le roi a beaucoup d'argent», «le roi a perdu sa terre» и проч. Въ отдѣлѣ «Caractères et anecdotes» помѣщенъ анекдотъ о Ляпуновѣ, въ которомъ его изображаютъ юношеству не тѣмъ, какимъ онъ представляется въ нашей исторіи. На стран. 75 приведенъ анекдотъ о Минихѣ во время его ссылки, также вовсе для юношества ненужный. На той же страницѣ авторъ помѣстилъ черту изъ жизни Румянцева, не представляющую хорошаго примѣра для молодыхъ читателей, именно, что Румянцевъ, будто-бы для усовершенствованія себя въ военной службѣ, скрытно отъ родныхъ оставилъ отечество. На стран. 76, въ анекдотѣ подъ названіемъ «Belle réponse d'Aristippe», помѣщено заключеніе, вовсе для цѣли этой книги неприличное: «Combien de parens ressemblent à cet avare! Toujours occupés de projets de fortune, ils pensent peu à cultiver l'esprit et le coeur de leurs enfant». Наконецъ, на стр. 80 напечатаны слѣдующія загадка и шарада: Enigme: Qu'est ce que Dieu ne voit jamais, le roi rarement, et le paysan souvent? (son semblable). Charade: mon second est l'Eternel, et mon premier une voyelle? (Adieu).

Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ необходимымъ обратить вниманіе Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ на это сочиненіе, съ тѣмъ: не будетъ-ли признано нужнымъ, въ будущихъ изданіяхъ, наблюсти болѣе строгой разборчивости въ выборѣ примѣровъ и анекдотовъ для упражненій во французскомъ языкѣ».

На журналѣ Комитета послѣдовала 26-го ноября высочайшая резолюція: «Очень справедливо; кто этотъ сочинитель, здѣсь-ли? и издатель кто? служитъ-ли гдѣ?» Когда же было доложено, что ту книгу составилъ и дополнилъ, по методѣ Зейденштюкера, отставной коллежскій совѣтникъ Яковъ Лангенъ, а издалъ ее книгопродавецъ Иванъ Глазуновъ, то на журналѣ Комитета послѣдовала 1-го декабря высочайшая резолюція: «Лангену сдѣлать строгій выговоръ».

При обозрѣніи современныхъ періодическихъ изданій, Комитетъ 2-го апрѣля не могъ не остановиться на статьѣ, помѣщенной 3-го января въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгаринымъ. Тутъ было напечатано: «Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ читателей пишетъ къ намъ изъ г. Москвы, что въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ онъ встрѣтилъ какого-то господина, покупавшаго французскія перчатки. Этотъ господинъ не повѣрилъ купцу, что перчатки настоящія французскія, когда купецъ запросилъ за пару 75 коп., и тогда только удостовѣрился въ истинѣ, когда увидѣлъ таможенное клеймо. Покупатель французскихъ перчатокъ чрезвычайно обрадовался, когда купецъ объяснилъ ему причину пониженія цѣны на половину съ 1-го января 1851 года, и, обратясь къ нашему

читателю, сказалъ: я изнашиваю въ годъ до 10 дюжинъ французскихъ перчатокъ и платилъ до сихъ поръ за пару по $1^1/_2$ руб. сер., слѣдовательно, выигрываю теперь въ годъ до 90 р. сер. Нашъ почтенный читатель прибавляетъ: что до меня касается, я всегда покупалъ перчатки, дюжину къ Пасхѣ и дюжину къ Рождеству у бѣднаго русскаго семейства, въ которомъ мать и двѣ дочери шитьемъ перчатокъ содержали всю семью. Платилъ я за пару перчатокъ по 60 коп. сер., и бѣдныя труженицы были весьма довольны. Извѣстно мнѣ, что многія бѣдныя женщины и дѣвушки снискивали себѣ пропитаніе шитьемъ перчатокъ, и какъ при дешевизнѣ французскихъ перчатокъ эти работницы должны отказаться отъ работы, то для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными. Посылаю вамъ 5 р. сер. и прошу, по вашему благоусмотрѣнію, отдать эти деньги бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ. Деньги я получилъ и отдалъ бѣдной вдовѣ, занимающейся этою работою, и прошу нашего читателя извѣстить меня, какимъ образомъ я могу увѣдомить его объ имени вдовы, получившей его подарокъ, потому что письмо не подписано. Что же касается до разсужденій на счетъ закавказской торговли, помѣщенныхъ въ письмѣ, честь имѣю извѣстить нашего читателя, что эти разсужденія не могутъ быть напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ», хотя я вполнѣ раздѣляю мнѣніе нашего почтеннаго корреспондента».

«По заключающемуся въ этой статьѣ тайному смыслу,—писалъ баронъ Корфъ князю Ширинскому-Шихматову 7-го января 1851 года, который съ перваго взгляда такъ легко разгадать, Комитетъ находитъ ее въ величайшей степени неприличною. Г. Булгаринъ: во-первыхъ выставляя, въ лицѣ своего корреспондента, вредное, будто бы, вліяніе новаго тарифа на отечественную промышленность, обнаруживаетъ свое неудовольствіе почти безъ всякой утайки, давая чувствовать, что отъ послѣдствій этого тарифа «для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными»; во-вторыхъ, чрезъ упоминовеніе о подаяніи, присланномъ бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ, еще яснѣе выражаетъ свои мысли, какъ-бы давая чувствовать, что частные люди вынуждены уже приходить на помощь тѣмъ, которыхъ разорило или разстроило правительство; наконецъ, въ-третьихъ, усиливаетъ все это извѣщеніемъ, что хотя вполнѣ раздѣляетъ разсужденія своего корреспондента на счетъ закавказской торговли, но не можетъ ихъ напечатать безъ объясненія свойства этого препятствія, чѣмъ, для знакомыхъ у насъ съ подобными литературными оборотами, прямо намекаетъ, что этихъ разсужденій не пропустила бы цензура: слѣдственно, что они обращены также къ порицанію тарифа, съ чѣмъ и онъ согласенъ. Но какъ «Сѣверная Пчела» находится въ рукахъ огромной массы читателей всѣхъ сословій и всякихъ понятій, и упомянутая статья, при самомъ ея появленіи,

понята была многими именно въ вышеизложенномъ предосудительномъ и дерзкомъ смыслѣ, возбуждающемъ публику противъ закона, едва только изданнаго и прикасающагося, болѣе или менѣе, къ интересамъ всѣхъ ея слоевъ, то Комитетъ, считая подобныя выходки совершенно нетерпимыми въ нашей журналистикѣ, полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, объявивъ г. Булгарину крайнее неудовольствіе высшаго правительства, сдѣлать ему строжайшій выговоръ и такой же выговоръ распространить и на цензора Крылова, не вникнувшаго въ истинное значеніе статьи, или пропустившаго оную вопреки сему значенію».

На журналѣ Комитета послѣдовала высочайшая резолюція: «Совершено справедливо».

Въ № 148 «Московскихъ Вѣдомостей» 1850 года, въ отдѣлѣ «Смѣсь», была напечатана статья: «Нѣсколько словъ о статистическихъ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ въ мѣсяцесловѣ на 1851 г.». По мнѣнію Комитета 2-го апрѣля, «сочинитель статьи, называя, самъ, календарь изданіемъ высшаго ученаго заведенія Имперіи, т. е. Академіи наукъ, допускаетъ однако же въ своемъ критическомъ разборѣ выраженія, которыя могли бы казаться неприличными и грубыми даже въ отношеніи къ частному лицу. Такъ, напримѣръ, сказавъ, что «Академія наукъ сдѣлала бы гораздо лучше, если бы сообщила росписки, доставленныя ей губернаторами, и при томъ позаботилась бы о собраніи и сообщеніи новыхъ данныхъ касательно числа жителей», критикъ далѣе, найдя опечатку въ цифрѣ 3 вмѣсто 2, говоритъ: «такая опечатка болѣе чѣмъ непростительна, отнимая возможность при первомъ взглядѣ обсудить важность потери нашей отъ послѣдней эпидеміи». Наконецъ, въ заключеніи статьи говорится: «небрежность въ изданіи книги показываетъ презрѣніе къ публикѣ со стороны издателя, а это по крайней мѣрѣ странно, и проч.». Комитетъ 2-го апрѣля, не входя въ разсмотрѣніе основательности самой рецензіи, но принимая на видъ, что нескромныя выраженія и личности воспрещены закономъ и въ отзывахъ о частныхъ лицахъ, находилъ, что, слѣдственно, они еще менѣе должны быть терпимы въ отзывахъ о публичныхъ установленіяхъ и сословіяхъ, какова Академія наукъ; о чемъ и полагалъ сообщить министру народнаго просвѣщенія, для зависящаго по цензурѣ распоряженія».

На журналѣ Комитета послѣдовала 25-го января высочайшая резолюція: «Справедливо».

Вслѣдствіе того, министръ циркулярами поручилъ всѣмъ попечителямъ округовъ предложить цензурнымъ комитетамъ, чтобы въ помѣщаемыхъ, въ нашихъ изданіяхъ, отзывахъ о публичныхъ установленіяхъ и сословіяхъ не было допускаемо неприличныхъ выраженій, могущихъ

нарушить въ читателяхъ должное къ правительственнымъ учрежденіямъ уваженіе.

Въ 1850 году была напечатана въ Одессѣ рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго лицея, по случаю окончанія 1849—1850 академическаго года: «Опытъ простаго изложенія системы Шеллинга въ связи съ системами другихъ германскихъ философовъ». Комитетъ 2-го апрѣля представлялъ государю императору, что въ фактѣ напечатанія этой рѣчи нѣтъ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ: ибо напечатано только то, что, съ разрѣшенія начальства, произнесено было въ торжественномъ собраніи лицея; самый же фактъ произнесенія такой рѣчи не входитъ въ кругъ ввѣреннаго Комитету надзора; но по неразрывной, въ настоящемъ случаѣ, связи одного съ другимъ, не излишне было бы предоставить ближайшему разсмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія вопросъ: можетъ ли быть полезно и благодѣтельно для умственнаго и нравственнаго образованія юношества преподавать ему философію въ такихъ отвлеченныхъ и высокопарныхъ фразахъ, и не обращается ли это скорѣе во вредъ, чрезъ наполненіе молодыхъ головъ громкими, но пустыми словами, не имѣющими никакой практической цѣли и только внушающими неопытнымъ умамъ ложную самоувѣренность, будто-бы, научась разсуждать, съ высока, о *я* и *не я*, о развитіи безконечнаго, о произведеніи міра силою человѣческаго духа и тому подобныхъ метафизическихъ утонченностяхъ, они сдѣлали важный шагъ на поприщѣ науки?

На журналѣ Комитета послѣдовала, 13-го февраля, высочайшая резолюція: «Весьма справедливо; одна модная чепуха. Министерству народнаго просвѣщенія мнѣ донести, отчего подобный вздоръ преподается въ лицеѣ, когда и въ университетахъ мы его уничтожаемъ».

Когда же, по приказанію государя императора, до его свѣдѣнія было доведено Комитетомъ 2-го апрѣля имя сочинителя рѣчи, то на докладной о томъ запискѣ статсъ-секретаря барона Корфа послѣдовала высочайшая резолюція: «Тѣмъ болѣе должно обратить на него вниманіе, что онъ повидимому полякъ». Вслѣдъ за тѣмъ (19-го февраля 1851 г.) министръ народнаго просвѣщенія вошелъ къ государю съ докладомъ, гдѣ изложилъ: 1) что воля его величества объ уничтоженіи каѳедръ философіи въ университетахъ и въ Ришельевскомъ лицеѣ исполнена въ точности съ началомъ новыхъ курсовъ въ августѣ прошедшаго (1850) года. Философія какъ въ этихъ заведеніяхъ, такъ и въ Педагогическомъ институтѣ, уже не преподается, за исключеніемъ только логики и психологіи, чтеніе коихъ возложено на профессоровъ богословія; 2) что сочинитель означенной рѣчи, бывшій профессоръ философіи въ Ришильевскомъ лицеѣ, Михневичъ—сынъ православнаго священника,

получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, во все время служенія своего отличался преданностью престолу, благонамѣреннымъ образомъ мыслей и особеннымъ усердіемъ; 3) что по существующему въ университетахъ и лицеяхъ правилу, бываетъ въ каждомъ изъ нихъ однажды въ годъ публичный актъ или торжественное собраніе. Въ этихъ собраніяхъ, кромѣ отчета о состояніи заведенія за протекшій годъ, читаются разсужденія или рѣчи профессоровъ, относящіяся къ предметамъ ихъ преподаванія, заблаговременно ими приготовленныя и одобренныя совѣтами университетовъ или лицеевъ. Руководствуясь этимъ правиломъ, совѣтъ Ришельевскаго лицея поручилъ, въ октябрѣ 1849 г., профессору философіи Михневичу написать подобное разсужденіе для торжественнаго собранія въ 1850 году. Онъ добросовѣстно исполнилъ это порученіе и представилъ начальству рѣчь, относящуюся къ исторіи философіи, которая до августа прошлаго года принадлежала къ предметамъ его каѳедры. Въ этой рѣчи Михневичъ прослѣдилъ все ученое поприще примѣчательнѣйшаго изъ новѣйшихъ германскихъ философовъ Шеллинга, представилъ въ ясномъ и упрощенномъ изложеніи главныя черты его системы и опредѣлилъ значеніе оной съ точки зрѣнія философа-христіанина, согласно съ духомъ ученія нашей православной церкви, а потому рѣчь его и одобрена совѣтомъ Ришильевскаго лицея къ напечатанію и къ произнесенію на актѣ. Рѣчь Михневича напечатана, но въ торжественномъ собраніи 21-го іюня 1850 года произнесена не была, потому что не задолго передъ тѣмъ сдѣлалось извѣстно попечителю намѣреніе правительства преобразовать философскія каѳедры, и, въ ожиданіи окончательнаго о томъ распоряженія, онъ призналъ за лучшее отмѣнить публичное чтеніе оной; 4) что несообразности, указанныя въ заключеніи Комитета 2-го апрѣля, относятся къ самымъ системамъ Шеллинга и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ философовъ. Разсматривая ихъ критически и въ видѣ обличительномъ, Михневичъ изъ всего нелѣпаго и вздорнаго содержанія ихъ не могъ не коснуться по крайней мѣрѣ того, что̀ выходитъ на первый планъ; но онъ въ то же время высказалъ противорѣчія, недостатки и неосновательность Шеллинга и предшественниковъ его, обличилъ лживость принятыхъ ими началъ и, обнаруживая въ полной мѣрѣ неудовлетворительность построенныхъ ими мечтательныхъ системъ, доказывалъ необходимость божественнаго откровенія. Окончательный выводъ всѣхъ разсужденій Михневича состоитъ въ томъ, «что знаніе само требуетъ вѣры, такъ какъ она составляетъ для него и истинное начало, и вѣрное руководство, и твердую опору; что философія не можетъ обойтись безъ религіи; такъ какъ одна только религія своими вѣчными истинами можетъ доставить философіи ту положительность, которая въ настоящее время отъ нея требуется, и которой напрасно

ищутъ въ другихъ источникахъ, и что уму необходимо откровеніе. только надобно умѣть согласить ученіе ума съ ученіемъ откровенія такъ, чтобы каждое изъ нихъ удержало свой характеръ и свое значеніе. Излишне было бы желать, чтобы ученіе ума было тождественно съ ученіемъ откровенія по своему содержанію; но нельзя не требовать, чтобы оно было согласно и даже тождественно съ нимъ по духу и направленію: ибо одинъ виновникъ и ума и откровенія». На этомъ дѣло и кончилось.

13-го ноября 1851 года баронъ Корфъ писалъ: «Въ № 208 «Московскихъ полицейскихъ вѣдомостей» помѣщено объявленіе купца Степана Васильева о продажѣ изъ его лавки (находящейся въ Москвѣ на Моховой, домъ Бородина) разныхъ книгъ по дешевой цѣнѣ, и въ томъ числѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840, 1841 и 1843 годы, частью полными годовыми изданіями, частью отдѣльными книжками». Государь императоръ, по положенію Комитета 2-го апрѣля, высочайше повелѣлъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ распорядиться немедленно покупкою у книгопродавца Васильева, подъ рукою, чрезъ довѣренное лицо, всѣхъ этихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» и доставленіемъ ихъ въ Комитетъ 2-го апрѣля. Вслѣдъ за тѣмъ, 26-го марта 1852 года, генералъ-адъютантъ Анненковъ писалъ князю Ширинскому-Шихматову: «Комитетъ, принявъ въ соображеніе: а) что въ числѣ 202-хъ, доставленныхъ изъ Москвы, книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», только 15 оказались разрѣзанными, слѣдовательно, прочія пущены въ продажу, по всей вѣроятности, не подписчиками, а самою редакціею, или же книжными торговцами, пріобрѣвшими ихъ отъ редакціи дешевою цѣною, б) что наиболѣе замѣчательная по вредному направленію статья «Дилеттантизмъ въ наукѣ» (Герцена) заключается въ №№ 1, 2 и 3 «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 годъ, а эти именно нумера и были объявлены отъ книгопродавца Васильева въ отдѣльную продажу по 75-ти коп., считалъ нужнымъ объявить редактору «Отечественныхъ Записокъ», что правительство, признавая упомянутыя выше книжки этого журнала положительно предосудительными, обратило на этотъ предметъ строгую свою бдительность, и если не имѣетъ еще теперь положительныхъ доказательствъ къ обвиненію его, редактора, въ умышленномъ распространеніи именно этихъ книжекъ по дешевой цѣнѣ, то ожидаетъ, однако, что, послѣ настоящаго предостереженія, онъ не только не позволитъ себѣ, подъ опасеніемъ всей законной отвѣтственности, выпускать вновь въ продажу могущіе еще оставаться въ редакціи экземпляры тѣхъ книжекъ, по какой бы цѣнѣ ни было, но напротивъ будетъ и съ своей стороны всемѣрно способствовать къ раскрытію и указанію тѣхъ экземпляровъ, которые обращаются уже въ продажѣ изъ прежде выпущенныхъ».

На журналѣ Комитета послѣдовала 24-го марта высочайшая резолюція: «Исполнить».

Вслѣдствіе того, редакторъ Краевскій 29-го марта 1852 г. далъ подписку въ томъ, что экземпляровъ «Отечественныхъ Записокъ» съ 1829-го по 1848 годъ въ редакціи нынѣ не имѣется ни одного, и если бы ему, Краевскому, случилось гдѣ-нибудь найти экземпляръ 1843 года, то онъ обязуется стараться изъять его изъ обращенія въ продажѣ. Послѣ того министръ народнаго просвѣщенія циркулярами отъ 27-го декабря 1852 года весьма секретно предложилъ начальникамъ губерній, чтобы они, по разсмотрѣніи каталоговъ губернскихъ и уѣздныхъ публичныхъ библіотекъ, буде окажутся тамъ «Отечественныя Записки» 1840, 1841 и 1843 годовъ, истребовали ихъ къ себѣ и поступили съ ними, какъ поступлено было со скупленными экземплярами, а попечителямъ учебныхъ округовъ и другимъ главнымъ мѣстнымъ начальникамъ въ то же время весьма секретно же предписалъ, чтобы экземпляры тѣхъ же книжекъ этого журнала, находящіеся въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, были запечатаны въ особыхъ ящикахъ или пачкахъ казенною печатью, и чтобы никому не было дозволяемо пользоваться ими. Собранные же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ экземпляры, какъ видно изъ отношенія министра, «истреблялись на точномъ основаніи послѣдовавшаго о томъ высочайшаго повелѣнія».

XV.

Объявленіе объ изданіи „Москвитянина“ на 1852 г.—Романъ „Жанъ счастливецъ“ (Jean le trouveur).—„Провинціальные и московскія замѣтки“ въ „Сѣверной Пчелѣ“. — Статья „Петербургская жизнь“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Запрещеніе печатать проповѣди въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ разрѣшенія духовной цензуры.—Статья „Новый годъ“ въ „Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“.—„Описаніе Курской губерніи“.—Статья И. С. Тургенева о Н. В. Гоголѣ.—Головинъ и его журналъ, издаваемый въ Туринѣ.—Переписка по поводу общества славянофиловъ.

22-го февраля 1852 года Анненковъ писалъ: «Въ одномъ изъ послѣднихъ за 1851 годъ №№ «Херсонскихъ губернскихъ вѣдомостей» помѣщено, въ неоффиціальной части, объявленіе о подпискѣ на журналъ «Москвитянинъ» на 1852 годъ. Въ этомъ объявленіи, начинающемся перечнемъ важнѣйшихъ литературныхъ и историческихъ статей, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ» въ 1851 году, редакція, излагая планъ своихъ дѣйствій въ 1852 году, заключаетъ объясненіемъ

цѣли и направленія журнала. Между прочимъ, редакція говоритъ: «Всѣ корифеи, всѣ знаменитости, всѣ почти имена русскаго литературнаго міра содѣйствуютъ главному редактору, какъ видитъ публика, своими сочиненіями, совѣтами, замѣчаніями. Въ послѣднее время получилъ онъ твердую надежду, что въ Москвѣ, въ сердцѣ русской національности,— установится, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, журналъ чуждый всѣхъ партій, имѣющій въ виду одну истинную пользу и успѣхъ русской литературы, органъ своеобразнаго взгляда на русскую жизнь, науку, искусство, исторію. Хотя эти слова, столь часто злоупотребляемыя, потеряли свой смыслъ и довѣріе, но мы считаемъ себя въ правѣ произнести ихъ, безпрестанно получая отзывы одобренія и ободренія отъ достойнѣйшихъ соотечественниковъ».

Комитетъ 2-го апрѣля остановился здѣсь на словахъ: «не смотря на всѣ препятствія». Не приписывая онымъ никакого предосудительнаго значенія по извѣстной благонамѣренности главнаго редактора «Москвитянина», Погодина, оказавшаго несомнѣнныя услуги отечественной литературѣ, въ особенности изысканіями по части русскихъ древностей, Комитетъ счелъ однако же долгомъ замѣтить, что вышеприведенныя слова, въ мнѣніи нѣкоторой части публики, могутъ быть отнесены къ препятствіямъ со стороны правительства и въ особенности цензуры, а потому лучше было бы оныя вовсе не помѣщать; если же они относятся къ препятствіямъ со стороны литературныхъ партій, или завистниковъ заслуженнаго успѣха «Москвитянина», то оговорить ихъ такъ, чтобы смыслъ былъ вполнѣ опредѣленный. Комитетъ испрашивалъ высочайшее соизволеніе: предоставить министру народнаго просвѣщенія сообщить о вышеизложенномъ замѣчаніи Погодину, не давая этому дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій».

На журналѣ Комитета послѣдовала, 21-го февраля, высочайшая резолюція: «Исполнить».

Когда же министръ конфиденціальнымъ письмомъ сообщилъ обо всемъ этомъ Погодину, то послѣдній отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ отъ 7-го марта: «Замѣчаніе вашего сіятельства тронуло меня до глубины сердца. Оно выражено столь лестнымъ для меня образомъ, съ такой отеческой благосклонностью, что я не могу возблагодарить васъ достойно. Указанное мѣсто въ объявленіи (напечатанномъ нѣсколько разъ во всѣхъ газетахъ, кромѣ петербургскихъ, куда я не могу никакъ получить доступа) я велѣлъ немедленно исключить, и объявленіе сполна перепечатать. Могу прибавить только, что это мѣсто относилось къ литературнымъ препятствіямъ, и, казалось мнѣ, по окружающимъ словамъ, исключало другой смыслъ, хотя, совершенно согласенъ, возможный для злонамѣренныхъ толкователей. Цензурой же я совершенно доволенъ и не только никогда не жаловался на нее, но

напротивъ благодарилъ всегда за просвѣщенное содѣйствіе. Цензура также, смѣю надѣяться, была всегда мною довольна за готовность согласоваться съ ея видами».

4-го апрѣля 1852 года Анненковъ писалъ: «Въ текущемъ году вышелъ въ Москвѣ переводъ романа Поль Феваля «Жанъ счастливецъ» (Jean le trouveur) [1]). Завязка этого романа основана на продажѣ душъ дьяволу, при чемъ не оставлено человѣку никакой надежды на будущую жизнь, если душа его не будетъ выкуплена другой душой, которая также въ свою очередь продастъ себя дьяволу, вообще въ этомъ сочиненіи выставляется важная роль, которую играетъ дьяволъ и въ повседневныхъ человѣческихъ дѣлахъ, и въ историческихъ событіяхъ. Хотя этотъ романъ принадлежитъ болѣе къ разряду сказокъ, и читателями образованными такъ и долженъ быть понимаемъ, но на людей непросвѣщенныхъ, для которыхъ плохіе переводы вздорныхъ французскихъ романовъ предназначаются преимущественно, неуваженіе къ церкви, къ церковнымъ обрядамъ, къ монастырямъ и т. п., и суевѣрные разсказы о похожденіяхъ дьявола и его соблазнахъ могутъ имѣть вліяніе весьма вредное, а потому, по мнѣнію Комитета 2-го апрѣля, перевода этого романа разрѣшать не слѣдовало. Комитетъ полагалъ: поставить на видъ какъ цензору иностранной цензуры, разрѣшившему переводъ этого романа, такъ въ особенности цензору, дозволившему самое печатаніе перевода, недостаточное ихъ по этому дѣлу вниманіе, и воспретить новыя изданія упомянутаго перевода.

На журналѣ Комитета послѣдовала, 1-го апрѣля, высочайшая резолюція: «Справедливо».

13-го мая 1852 года Анненковъ писалъ: «Въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» № 100, помѣщена статья: «Провинціальныя и московскія замѣтки». Въ ней, въ числѣ извѣстій изъ Москвы, сообщенныхъ въ письмѣ одного корреспондента, напечатано между прочимъ: «Въ среду 2-го апрѣля, послѣ чувствительныхъ семи дней, открытъ въ Москвѣ привольнымъ обѣдомъ задушевный пріютъ и старыхъ и молодыхъ: «Англійскій клубъ». Чувствительными семью днями названы здѣсь, какъ выходитъ по числамъ, четыре послѣднихъ дня Страстной недѣли, и три первые дня Святой недѣли. Нелѣпый эпитетъ чувствительные, приложенный къ днямъ, которые освящены важнѣйшими событіями христіанской церкви, къ такимъ днямъ, о коихъ не иначе говорить должно, какъ съ благоговѣніемъ, Комитетъ 2-го апрѣля относилъ единственно къ неловкости изложенія, замѣтной вообще въ цѣломъ составѣ этой статьи, и не видѣлъ основанія истолковывать оный

---

[1]) Впослѣдствіи объяснилось, что этотъ романъ напрасно приписанъ Февалю. Его авторъ Мюссе.

въ дурную сторону далѣе буквальнаго его значенія; но какъ въ предметахъ, касающихся святыни, не слѣдуетъ допускать даже и такихъ выраженій, которыя могутъ давать поводъ къ какой-либо двусмысленности, то признавалъ не безполезнымъ, въ предостереженіе для будущаго, поставить въ виду редакторовъ «Сѣверной Пчелы», что, при извѣстной ихъ благонамѣренности и опытности въ литературномъ дѣлѣ, имъ надлежитъ соблюдать одинаковую осмотрительность и въ печатаніи статей, доставляемыхъ отъ постороннихъ корреспондентовъ; каковое предостереженіе распространить также на цензора. Впрочемъ, при сообщеніи этого заключенія министру народнаго просвѣщенія, Комитетъ считалъ необходимымъ выразить вмѣстѣ надежду, что бдительность высшаго правительства, направленная единственно противъ истинно предосудительнаго или неблагонамѣреннаго, отнюдь не будетъ принимаема цензорами за поводъ къ дѣйствіямъ стѣснительнымъ и произвольнымъ, которыми, какъ, къ сожалѣнію, носятся о томъ слухи въ публикѣ—они ищутъ теперь ограждать себя отъ отвѣтственности, идя гораздо далѣе благихъ видовъ высшаго правительства и позволяя себѣ иногда марать и останавливать статьи и выраженія самыя даже невинныя».

Это заключеніе Комитета высочайше утверждено 12-го мая.

Когда о приведеніи его въ исполненіе было сообщено с.-петербургскому попечителю, то онъ конфиденціально представлялъ, 3-го мая 1852 года, о слѣдующемъ: «Позвольте мнѣ просить ваше сіятельство покорнѣйше довести до свѣдѣнія государя императора, что никто изъ цензоровъ не дѣйствовалъ и не дѣйствуетъ стѣснительно или произвольно. Они всегда, при малѣйшемъ сомнѣніи, представляютъ статью или мѣсто, ихъ затрудняющее, на мое усмотрѣніе, а я стараюсь по возможности оказывать дозволенное сочинителямъ снисхожденіе; въ случаяхъ же болѣе важныхъ, предлагаю обстоятельство на разсужденіе Комитета, который также никогда не дѣйствуетъ съ самопроизвольною строгостью, но съ точностью руководствуется цензурнымъ уставомъ и особыми высочайшими повелѣніями и распоряженіями министровъ народнаго просвѣщенія, послѣдовавшими съ 1848 года, послѣ бывшихъ за границею возмущеній. Что же касается до слуховъ, которые носятся въ публикѣ, то возможно ли онымъ дать хотя малѣйшее вѣроятіе? Всѣ, которые ихъ распускаютъ,—или люди вредные, ищущіе средствъ ослабить благонамѣренное и весьма полезное дѣйствіе цензуры, не дозволяющей имъ печатать или сочиненія, или журнальныя статьи, не согласныя съ благодѣтельными видами правительства, доброю нравственностью, или наконецъ неумѣстныя по направленію разсужденій, помѣщаемыхъ въ оныхъ, для читающей русской публики; или людьми легковѣрными и неосновательными, которые привыкли осуждать, безъ раз-

мышленія или изслѣдованія, каждую мѣру, правительствомъ предписываемую».

По приказанію министра, этотъ рапортъ былъ присоединенъ къ дѣлу, и ему не дано никакого хода.

30-го сентября 1852 года Анненковъ писалъ: Въ литературномъ отдѣлѣ № 94 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено въ статьѣ: «Петербургская жизнь» слѣдующее извѣстіе: «Въ одно время съ вѣстью, прилетѣвшею изъ Рима о кончинѣ Брюлова, въ Петербургѣ пронесся слухъ, что молодой и даровитый артистъ Ѳедотовъ, заслужившій въ послѣднее время достойную извѣстность своими картинами изъ частной современной жизни русской, сошелъ съ ума... Изъ вѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что состояніе здоровья г. Ѳедотова теперь улучшилось, и есть надежда, что опытные врачи, со временемъ, хотя нѣсколько облегчатъ его грустное положеніе». Почти то же самое, другими словами, повторено черезъ нѣсколько дней въ № 178 «Вѣдомостей Московской городской полиціи». Комитетъ 2-го апрѣля разсуждалъ, что извѣстіе это, основанное, какъ въ самыхъ статьяхъ сказано, на «пронесшихся слухахъ», или ложно, или справедливо: въ первомъ случаѣ оно есть клевета, которая если бы истекла и отъ одного легкомыслія, все же имѣетъ совершенно равныя съ злымъ умысломъ послѣдствія; но и во второмъ случаѣ оглашеніе передъ цѣлою Россіею сумасшествія Ѳедотова не можетъ не быть весьма прискорбно для его семейства и даже для него самого, когда разсудокъ его возвращается или возвратится впослѣдствіи. Законъ (3-я ст. ценз. уст.) именно подвергаетъ запрещенію цензуры произведенія словесности, когда въ нихъ оскорбляется честь какого-либо лица, «предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни», а если артистъ подлежитъ общему суду по внѣшней производительной его жизни, то жизнь его частная, такъ сказать, внутренняя, должна, по мнѣнію Комитета, оставаться неприкосновенною для журналовъ одинаково со всѣми другими. Слѣдственно, пропускъ этого извѣстія есть, со стороны цензора, не только недостатокъ нужнаго такта, но и отступленіе отъ закона. Комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія подвергнуть виновнаго въ семъ строгому взысканію.

На докладѣ Комитета послѣдовала, 23-го сентября, высочайшая резолюція: «справедливо; во всякомъ случаѣ такія вѣсти безполезны».

13-го октября 1852 года Анненковъ сообщилъ, что государь, по докладу Комитета 2-го апрѣля и согласно съ мнѣніемъ Св. Синода, повелѣлъ: предписать лицамъ, завѣдывающимъ изданіемъ губернскихъ вѣдомостей, о наблюденіи, чтобы проповѣди, слова и рѣчи, сочиненныя духовными лицами, не были печатаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особыхъ на то разрѣшеній духовныхъ цензурныхъ комитетовъ.

*

13-го февраля 1853 года Анненковъ писалъ: «въ фельетонѣ неоффиціальной части № 1 «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей», въ статьѣ «Новый годъ», послѣ изъясненія, что съ желаніями къ новому году въ провинціяхъ не соединяется никакихъ особенныхъ надеждъ, и всякій знаетъ, что мирная жизнь потечетъ день за днемъ въ 1853 году, какъ и въ 1843, встрѣчается слѣдующее выраженіе: «правда, что приближеніе новаго года, періода наградъ, составляетъ для нѣкоторыхъ служащихъ якорь надежды, но этихъ исключеній немного, и при томъ награды уже большею частью извѣстны примѣрно по прежнимъ годамъ. Юное поколѣніе, всегда и вездѣ болѣе питающееся надеждами, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ не новаго года, а святокъ, чтобы пощеголять въ чужихъ роляхъ своимъ остроуміемъ и погадать о своихъ суженыхъ-ряженыхъ и проч.». Комитетъ 2-го апрѣля нашелъ выходку эту весьма неприличною: съ одной стороны, она какъ бы выражаетъ мысль, что награды идутъ по извѣстной колеѣ, и право ожидать ихъ даютъ не отличныя заслуги, а лишь примѣры прежнихъ лѣтъ, по которымъ можно даже впередъ разсчесть: кто и какую получитъ награду. Съ другой стороны, съ ожиданіемъ этихъ знаковъ монаршаго вниманія къ заслугамъ какъ-бы поставлено на степень сравненія ожиданіе времени маскерадовъ и переряженій, и послѣднее поставлено для «юнаго поколѣнія» даже на степени высшей. Нѣтъ нужды доказывать, сколько распространеніе подобныхъ идей именно между молодымъ поколѣніемъ предосудительно и противно тому чувству уваженія, которое должно ему быть внушаемо къ службѣ и къ сопряженнымъ съ нею отличіямъ, и сколь неосторожно поступаетъ цензоръ, пропускающій въ печать такое опасное по своимъ послѣдствіямъ ученіе. Отъ неуваженія къ служебнымъ наградамъ весьма невеликъ шагъ и къ неуваженію начальства, и т. д. По этимъ соображеніямъ, Комитетъ полагалъ цензору, пропустившему въ печать вышеприведенныя выраженія, поставить на видъ его невнимательность.

На журналѣ Комитета послѣдовала, 10-го февраля, высочайшая резолюція: «Справедливо».

17-го апрѣля 1853 года Анненковъ писалъ товарищу министра, Норову: «въ неоффиціальной части «Курскихъ губернскихъ вѣдомостей» помѣщаются матеріалы для описанія Курской губерніи. Въ № 11 этихъ вѣдомостей напечатана XII-я статья матеріаловъ, подъ заглавіемъ: «Народныя игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ». Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ живыхъ памятниковъ старины и преданій—весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія; но при всемъ томъ, по мнѣнію Комитета 2-го апрѣля, едва-ли слѣдуетъ

допускать печатаніе безъ разбора, и тѣмъ болѣе въ губернскихъ вѣдомостяхъ, всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же если имъ нарушаются добрые нравы и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ. Въ этихъ видахъ, вниманіе Комитета остановлено было, при чтеніи вышеупомянутой статьи, на слѣдующихъ загадкахъ:

1. Родился—не крестился,
   Умеръ не спасъ,
   Богоносцемъ былъ (Оселъ).
2. На свѣтѣ жилъ
   И Богу служилъ,
   А умеръ ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (то же).
3. Вышелъ дѣдъ
   Семьдесятъ лѣтъ,
   Вынесъ внучку
   Старше себя (Евангеліе).

Комитетъ 2-го апрѣля хотя и не находитъ повода подвергать какому-либо взысканію ни редакцію, ни цензуру «Курскихъ вѣдомостей», за помѣщеніе въ печати упомянутыхъ загадокъ, какъ дѣйствительно въ народѣ существующихъ и собираемыхъ съ полезною цѣлью; но, по неприличію ихъ, полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія принять зависящія мѣры къ отклоненію, на будущее время, пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ, конечно, нѣтъ никакой пользы сохранять въ народной памяти чрезъ печать.

На журналѣ Комитета послѣдовала, 15-го апрѣля, высочайшая резолюція: «Справедливо».

Получивъ это высочайшее повелѣніе, Норовъ немедленно же (25-го апрѣля) отвѣчалъ Анненкову, что, еще прежде полученія его отношенія, онъ, Норовъ, обратилъ уже вниманіе на тѣ самыя предосудительныя мѣста статьи, и еще 17-го апрѣля отнесся къ черниговскому, полтавскому и харьковскому генералъ-губернатору, о поставленіи на видъ цензору его неосмотрительность. Въ исполненіе же высочайшаго повелѣнія далъ надлежащія циркулярныя предложенія всѣмъ попечителямъ округовъ.

Что касается до сношеній III-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, то они были, въ продолженіе управленія этимъ министерствомъ князя Ширинскаго-Шихматова, какъ и въ предыдущій періодъ, начиная съ 1848 года, т. е. со времени учрежденія Комитета 2-го апрѣля, весьма рѣдки и ограничились слѣдующими не многими случаями.

15-го апрѣля 1852 года генералъ-адъютантъ графъ Орловъ секретно писалъ князю: «въ февралѣ мѣсяцѣ, жительствующій въ С.-Пе-

тербургѣ, помѣщикъ Орловской губерніи Иванъ Тургеневъ написалъ статью объ умершемъ въ Москвѣ литераторѣ Гоголѣ и желалъ помѣстить оную въ «С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ». Какъ Тургеневъ въ этой статьѣ отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезъ мѣру пышныхъ, то попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа не дозволилъ печатать оную, Тургеневъ же вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву, и тамъ, при содѣйствіи почетнаго гражданина Боткина и кандидата Өеоктистова [1]), напечаталъ въ «Московскихъ вѣдомостяхъ».

Государь императоръ положилъ высочайшую резолюцію: «за явное ослушаніе посадить его (Тургенева) на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ; а съ другими предоставить графу Закревскому распорядиться, по мѣрѣ ихъ вины».

Полтора года спустя, 16-го ноября 1853 года, графъ Орловъ опять секретно писалъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Норову: «высланный въ 1852 году, по высочайшему повелѣнію, на родину, въ Орловскую губернію, коллежскій секретарь Тургеневъ, обратился ко мнѣ съ просьбою, въ которой, выражая чистосердечное раскаяніе въ своей винѣ и объясняя разстроенное положеніе своего здоровья, необходимо требующаго совѣщанія съ опытными врачами въ столицѣ, онъ испрашиваетъ себѣ всемилостивѣйшаго прощенія, съ дозволеніемъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Государь императоръ высочайше соизволилъ на это, но съ тѣмъ, чтобы за коллежскимъ секретаремъ Тургеневымъ продолжаемъ былъ въ Петербургѣ строжайшій надзоръ».

16-го апрѣля 1852 года, графъ Орловъ секретно писалъ князю Ширинскому-Шихматову, что изгнанникъ Россійской имперіи Головинъ издаетъ въ Туринѣ журналъ и присылаетъ сюда въ редакцію газетъ, безъ всякаго требованія здѣшнихъ редакторовъ, свои листки съ преступными статьями, а потому графъ Орловъ проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы редакціи газетъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ случаѣ полученія подобныхъ присылокъ отъ Головина, доставляли эти листки въ III-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, какъ то сдѣлалъ редакторъ одной изъ петербургскихъ газетъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе того, разослалъ циркуляры по своему министерству въ указанномъ смыслѣ, а въ Петербургѣ велѣлъ объявить о томъ же, съ подпиской, всѣмъ редакторамъ журналовъ.

4-го іюля 1852 года, генералъ-лейтенантъ Дубельтъ (начальникъ III-го отдѣленія) секретно писалъ князю Ширинскому-Шихматову:

---

[1]) Впослѣдствіи главноуправляющаго по дѣламъ печати.

«Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ общество славянофиловъ; что цѣль этихъ людей состоитъ въ томъ, дабы сдѣлать переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иностраннымъ западнымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго; но какъ общество это, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ получить вредное политическое направленіе, и какъ члены онаго большею частью литераторы, то графъ Закревскій признавалъ совершенно необходимымъ, кромѣ личнаго за ними надзора, обратить особенное вниманіе цензуры на ихъ сочиненія. Къ этому онъ присовокупилъ, что государь императоръ повелѣть соизволилъ: сообщить о вышеизложенномъ, для исполненія, шефу жандармовъ, и доставилъ списокъ извѣстныхъ ему славянофиловъ. По всеподданнѣйшему моему докладу, государь императоръ высочайше повелѣлъ, дабы «на представляемыя, какъ отъ тѣхъ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ славянофиловъ было обращаемо со стороны цензуры особенное и строжайшее вниманіе».

Къ этому генералъ-лейтенантъ Дубельтъ прибавилъ, съ своей стороны, что проявленіемъ вреднаго направленія славянофиловъ, по отзыву графа Закревскаго, можно считать помѣщенныя въ изданномъ Аксаковымъ «Московскомъ сборникѣ»: стихотвореніе Хомякова «Мы родъ избранный» и отрывки изъ сочиненія Аксакова «Бродяга». Въ приложенномъ спискѣ лицъ, принадлежащихъ къ обществу славянофиловъ, были поименованы:

Аксаковъ Константинъ Тимоѳеевичъ, магистръ россійской словесности.

Аксаковъ Иванъ Тимоѳеевичъ, отст. коллеж. совѣтн.

Свербѣевъ Дмитрій Никол., надв. сов.

Хомяковъ Алексѣй Степ., отставной ротмистръ.

Кирѣевскій Иванъ Васильев., надв. совѣтникъ.

Дмитріевъ-Мамоновъ Эммануилъ Алекс., студентъ.

Кошелевъ Александръ Иван., отст. надв. совѣтникъ.

Соловьевъ Сергѣй Мих., надв. сов., профессоръ.

Армфельдъ Александръ Осип., стат. совѣтн., профессоръ.

Бестужевъ Сергѣй Мих., отст. шт.-ротм.

Ефремовъ Алексан. Павл., отст. надв. совѣтн.

Чаадаевъ [1]) Петр. Яковл., отставн. полковникъ.

---

[1]) Противъ имени Чаадаева сдѣлана слѣдующая отмѣтка карандашемъ, рукою князя П. А. Вяземскаго, впослѣдствіи товарища министра народнаго просвѣщенія: „тотъ, котораго статья противъ православія была напечатана въ журналѣ Надеждина, и который извѣстенъ приверженностью своею къ западнымъ мнѣніямъ“.

Драшусова Елисав. Алекс., жена адъюнкта Москов. унив.

Львовъ князь Влад. Влад., цензоръ.

Масловъ Степанъ Алекс., дѣйств. стат. совѣтн.

Вслѣдствіе этого сообщенія, министръ народнаго просвѣщенія секретными циркулярами предписалъ всѣмъ попечителямъ округовъ обращать особенное строжайшее вниманіе на сочиненія славянофиловъ.

Нѣсколько же времени спустя, 18-го января 1854 года, генералъ-лейтенантъ Дубельтъ секретно сообщилъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія Норову слѣдующую записку о славянофилахъ и славянофильствѣ, составленную въ III отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи: «Славянофилы наши, подражая ученымъ Западной Европы, заботятся о сохраненіи памятниковъ древности, о возстановленіи собственной народности, языка и литературы, и объ изгнаніи изъ нашихъ нравовъ всего иноземнаго. Это направленіе, съ одной стороны похвальное, но съ другой—выходя изъ своихъ предѣловъ, иногда порождаетъ событія, несоотвѣтственныя настоящему порядку дѣлъ. У насъ славянофильство сдѣлалось замѣтно сначала въ Москвѣ. Изъ преверженцевъ этого ученія до 1847 года были тамъ извѣстны: бывшій профессоръ университета Бодянскій, профессоръ Шевыревъ, писатели: Кирѣевскій, Хомяковъ, Конст. Аксаковъ и другіе. Одни изъ нихъ носили простонародную русскую одежду и отпускали себѣ бороду, негодуя на императора Петра I, который, по ихъ мнѣнію, унизилъ Россію въ собственномъ ея народномъ началѣ, отдѣливъ высшее сословіе отъ низшаго одеждою и наружностью; иные въ преувеличенныхъ возгласахъ разсуждали о всемірномъ вопросѣ на счетъ славянъ, будто бы обратившемъ на себя вниманіе Европы, о необыкновенно-великомъ значеніи славянъ, которые рано или поздно сдѣлаются первенствующимъ народомъ въ образованномъ мірѣ, и тому подобномъ. Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нерѣдко заставляли сомнѣваться, не кроется-ли подъ ихъ патріотическими возгласами цѣлей, противныхъ нашему правительству. Константинъ Аксаковъ въ 1846 году, по случаю 700-лѣтія существованія Москвы, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», статью, въ которой называлъ Москву народною столицею, говорилъ о земской думѣ, собранной при Іоаннѣ IV со всей земли русской, о спасеніи русской земли въ 1812 году народомъ и пр. Тогда же на эту статью обращено было вниманіе бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа, графа Строганова. Въ 1847 году обнаружено, что славянофильство можетъ принять и преступное направленіе. Въ Кіевѣ кандидатъ Гулакъ, адъюнктъ-профессоръ Костомаровъ и кандидатъ Бѣлозерскій учреждали тайное общество, подъ названіемъ «Общество Св. Кирилла и Меѳодія». Съ ними находились въ сношеніяхъ, или раздѣляли ихъ мнѣнія: бывшій учитель

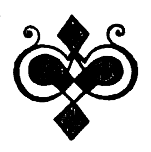
С.-Петербургской гимназіи Кулешъ, художникъ Шевченко и другіе молодые люди, большею частью воспитанники университета св. Владиміра. Цѣль этого общества сначала заключалась въ томъ, чтобы, возстановляя народность, языкъ и литературу славянскихъ племенъ, приготовлять эти племена къ соединенію подъ одну державу, но какъ всѣ члены общества были уроженцы Малороссіи, то вскорѣ славянофильство ихъ обратилось въ украйнофильство, и они перешли къ предположеніямъ о возстановленіи Малороссіи въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до присоединенія къ Россіи. Не только въ бумагахъ, хранившихся у соучастниковъ украйно-славянскаго общества, но даже въ напечатанныхъ сочиненіяхъ Кулеша и частью Костомарова описывались распоряженія императора Петра I и его преемниковъ въ видѣ угнетеній и подавленія правъ народныхъ; напротивъ того, духъ прежняго казачества они изображали съ восторженными похвалами, наѣзды гайдамаковъ представляли въ видѣ подвиговъ рыцарства, славу временъ гетманщины называли всемірною, приводили пѣсни украинскія, въ которыхъ выражается любовь къ вольности, намекая, что этотъ духъ не простылъ и доселѣ таится въ малороссіянахъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ соучастниковъ найдены были уставъ общества и рукопись подъ заглавіемъ «Законъ Божій». Хотя бумаги эти не сдѣлались основаніемъ или правилами украйно-славянскаго общества, но оно могло принять направленіе, опасное для государственнаго спокойствія. Виновные въ то же время были подвергнуты строгимъ наказаніямъ; напечатанныя сочиненія Шевченки («Кобзарь»), Кулеша («Повѣсть объ украинскомъ народѣ», «Украйна» и «Михаило Чернышенко») и Костомарова («Украинскія баллады» и «Вѣтка») изъяты изъ продажи; самимъ Кулешу и Шевченкѣ запрещено писать, а послѣднему и рисовать; бывшему адъюнктъ-профессору Чижову, который оказался хотя поборникомъ русской народности, но выходящимъ изъ границъ благоразумія, предписано представлять свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ III-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи; цензорамъ же, пропустившимъ вышеозначенныя сочиненія, объявленъ былъ строгій выговоръ.

Тогда обращено было вниманіе и вообще на славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ находились при воспитаніи юношества. Сверхъ того лица, прикосновенныя къ украйно-славянскому дѣлу, оправдывали себя именно тѣмъ, что они считали дѣятельность свою согласною съ видами правительства: ибо само учебное начальство, поощряя изысканія о славянскихъ древностяхъ и нарѣчіяхъ, отправляя путешественниковъ (какъ отправляла и Кулеша) въ земли западныхъ славянъ и предписывая собирать въ Малороссіи и другихъ областяхъ Россіи мѣстныя слова, пословицы и др., какъ бы поощряло ихъ къ

изученію науки славянской. Вслѣдствіе этого, по высочайшему повелѣнію, шефомъ жандармовъ сообщено было Уварову, дабы наставники и писатели отнюдь не допускали ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ и журналахъ никакихъ предположеній о присоединеніи иноземныхъ славянъ къ Россіи и вообще ни о чемъ, что̀ принадлежитъ правительству, а не ученымъ; чтобы всѣ выводы ученыхъ и писателей клонились къ возвышенію Россійской Имперіи, чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе особенно на московскія, кіевскія и харьковскія періодическія изданія и на всѣ книги, сочиненныя въ славянофильскомъ духѣ, не допуская даже тѣхъ полутемныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыя, хотя не заключаютъ въ себѣ злоумышленной цѣли, но могутъ приводить читателей къ предположеніямъ неблагонамѣреннымъ. Передъ тѣмъ временемъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ циркулярными предписаніями должныя наставленія по этому предмету попечителямъ учебныхъ округовъ.

«Въ 1852 году получено было свѣдѣніе, что въ Москвѣ вновь дѣлаются замѣтными славянофилы, что хотя цѣль ихъ состоитъ только въ томъ, дабы произвести переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иностраннымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ, но это стремленіе, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ обратиться въ противозаконное и вредное. Поэтому, изъ московскихъ славянофиловъ надъ Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, профессоромъ Соловьевымъ и другими учреждено секретное наблюденіе, и сверхъ того князю Ширинскому-Шихматову 14-го іюля 1852 г. сообщено было, дабы на сочиненія въ духѣ славянофиловъ цензура обращала особенное и строжайшее вниманіе».

(Продолженіе слѣдуетъ.)



Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года.

(Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго.)

I.

Въ ночь съ 12-го на 13-е марта въ Батуринѣ, резиденціи лѣвобережнаго гетмана, Демьяна Многогрѣшнаго, произошло событіе, необычайное даже для Малороссіи того времени, привыкшей ко всякимъ случайностямъ. Въ эту ночь казацкая старшина, а именно Обозный Петръ Забѣла, генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, войсковые судьи Домонтовичъ и Самойловичъ и полковники: переяславскій Дмитрашка Райча, наказный нѣжинскій Уманецъ [1]), стародубскій Рославецъ, войдя тайно въ опочивальню спавшаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, схватили его и, не давая ему кричать и звать на помощь, вынесли связаннаго изъ дома положили въ заранѣе приготовленныя сани и, прикрывъ бараньей шкурой, увезли изъ Батурина подъ конвоемъ стрѣльцовъ [2]). Все это было продѣлано такъ тихо, что въ Батуринѣ

[1]) Нѣжинскій полковникъ Гвинтовка былъ тогда въ Москвѣ.

[2]) Этотъ разсказъ Костомарова о переворотѣ (Историческія монографіи, т. XV, стр. 358—359) слѣдуетъ дополнить показаніемъ одного изъ главныхъ его участниковъ, генеральнаго писаря Карпа Мокріевича, объяснившаго, въ началѣ апрѣля, при допросѣ его въ Москвѣ, что, взявъ ночью силою соннаго гетмана, они отвели его во дворъ къ Неѣлову, гдѣ Демьянъ пробовалъ сопротивляться—рвался къ ружью, вслѣдствіе чего онъ, Мокріевичъ, выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ Демьяна въ плечо, послѣ чего тотъ сѣлъ, его сковали, и затѣмъ увезли.

только утромъ узнали о случившемся. Наемное (затяжное) войско, охранявшее особу гетмана, расположенное въ зàмкѣ или такъ называемомъ маломъ городѣ, узнало о невзгодѣ, постигшей Демьяна, когда онъ былъ уже далеко за городомъ, и его скованнаго мчали по пути въ Сѣвскъ. Участники переворота объясняли его успѣхъ тѣмъ, что генеральный эсаулъ Павелъ Грибовичъ, преданный Демьяну человѣкъ, обходившій дозоромъ по ночамъ резиденцію гетмана, былъ въ то время въ Москвѣ, куда его послалъ Многогрѣшный вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ, извѣстнымъ Симеономъ Адамовичемъ, съ жалобой на обиды, чинимыя поляками, и нарушеніе ими Андруссовскаго договора. Стрѣлецкій голова Григорій Неѣловъ, начальникъ стрѣлецкаго отряда, стоявшаго въ Батуринѣ, по просьбѣ самого гетмана для охраны его личности, оказался на сторонѣ его противниковъ. Казацкая старшина, недовольная гетманомъ, тайно сносилась съ Неѣловымъ, и передъ самымъ переворотомъ, замысливші е его приходили къ Неѣлову и сообщили ему свое намѣреніе арестовать гетмана, какъ измѣнившаго московскому царю. Онъ-де, подъ предлогомъ поѣздки въ Кіевъ на богомолье, ѣдетъ въ Лубны, для свиданія съ Дорошенкомъ, гдѣ и заставитъ ихъ силой, по совѣту и примѣру послѣдняго, присягнуть турецкому султану. Неѣловъ, говоритъ Костомаровъ, не противорѣчилъ, потому что уже давно былъ вооруженъ противъ гетмана и даже далъ въ помощь заговорщикамъ своихъ стрѣльцовъ, когда они пошли ночью въ зàмокъ арестовать Многогрѣшнаго [1]). Въ заключеніе монографіи, посвященной гетманству Многогрѣшнаго, Костомаровъ говоритъ: «Каждый, прочитавши все производство суда надъ Многогрѣшнымъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что этотъ человѣкъ потерпѣлъ совершенно безвинно, единственно только по несдержанности своего характера, за произнесеніе въ пьяномъ видѣ рѣзкихъ, хотя, надобно правду сказать, и правдивыхъ словъ. Онъ своею вспыльчивостью и раздражительностью вооружилъ противъ себя старшинъ, и они рѣшились поступить съ нимъ съ безпримѣрною наглостью, надѣясь, что выходки гетмана въ присутствіи царскихъ гонцовъ достаточно вооружатъ противъ нихъ московскія власти. Они не ошиблись. Успѣхъ увѣнчалъ самое вопіющее дѣло. Подчиненные, безъ всякаго слѣдствія, суда и верховнаго указа, хватаютъ утвержденнаго царскою властью главу края, везутъ въ столицу, предаютъ суду и получаютъ за то высочайшую похвалу и одобреніе. Нельзя не поражаться страннымъ безправіемъ, господствовавшимъ тогда въ московскомъ правительствѣ, не говоря уже о томъ, что, по допросу, гетманъ и его сообщники не оказались виновными ни въ какихъ противозаконныхъ дѣлахъ; если бы даже они были виновны, то все-таки самовольное взятіе ихъ подъ

---

[1]) Истор. монограф. и изслѣд., т. XV, стр. 358.

караулъ было преступленіе, достойное наказанія. Что малороссійскій народъ не сочувствовалъ такому беззаконному поступку, показываетъ отписка князя Ромодановскаго, отъ 12-го іюня 1672 года, о народномъ волненіи, когда генеральные старшины боялись, что ихъ побьютъ». Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи [1]) излагаетъ дѣло Демьяна Многогрѣшнаго слишкомъ кратко и отрывочно. Указавъ на недоразумѣнія, возникавшія между гетманомъ и Москвой передъ переворотомъ, что̀ и вызвало посылку къ нему для объясненій переводчика Малороссійскаго приказа Григорія Колчицкаго и стрѣлецкаго полуголовы Танѣева (послѣдняго двукратную), Соловьевъ передаетъ содержаніе доноса старшины, представленнаго Танѣеву, для передачи Матвѣеву (Артамону Сергѣевичу, тогдашнему начальнику Приказа Малой Россіи) для доклада государю. Старшина просилъ Танѣева,—прибавляетъ нашъ историкъ, «чтобы великій государь не отдалъ отчины своей злохищному волку (т. е. Многогрѣшному) въ разореніе, изволилъ прислать въ Путивль на спѣхъ самыхъ выборныхъ конныхъ людей, человѣкъ 400 или 500, а къ нимъ прислалъ свою милостивую, обнадеживательную грамоту. Они (т. е. старшины) и Неѣловъ дадутъ ратнымъ людямъ знать, чтобы прибѣжали въ Батуринъ на спѣхъ: можно на Конотопъ (изъ Путивля) поспѣть объ одну ночь, но еще до ихъ пріѣзда, они свяжутъ волка и отдадутъ Неѣлову, а когда придутъ ратные люди, отошлютъ съ нимъ въ Путивль и, написавъ всѣ его измѣны, повезутъ къ великому государю сами [2]).

Упомянувъ затѣмъ о посольствѣ протопопа Симеона Адамовича и эсаула Грибовича, посланныхъ въ Москву съ жалобой гетмана на чинимыя поляками обиды и нарушенія мирнаго договора, Соловьевъ прибавляетъ: «послы, должные подать царскому величеству роспись убытковъ, причиненныхъ Пивомъ (т. е. польскимъ полковникомъ Пивомъ-Заполоскимъ, разорявшимъ своими набѣгами хутора кіевскіе), и спросить, неужели гетману и войску оставаться далѣе въ такомъ смущеніи? Смущеніе кончилось,—пишетъ далѣе Соловьевъ, «ибо Забѣла съ товарищами исполнили свое обѣщаніе: въ ночь на 13-е марта, они схватили Многогрѣшнаго и отправили въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ [3]). Въ заключеніе онъ приводитъ нѣсколько интересныхъ выписокъ изъ поданныхъ на гетмана извѣтовъ и слѣдственнаго надъ нимъ и его сообщниками производства, и затѣмъ даетъ краткое извлеченіе изъ приговора, объявленнаго 28-го мая, въ Москвѣ на Болотѣ, за кузницами, гетману Демкѣ Многогрѣшному и брату его

---

[1]) Т. XII, гл. II.

[2]) Истор. Россіи, т. XII, стр. 109.

[3]) Соловьева, Истор., т. XII, стр. 110.

Васькѣ, присужденнымъ къ смертной казни, но помилованнымъ царемъ по ходатайству царевичей,—ихъ также, какъ Гвинтовку и Грибовича, было указано сослать въ дальніе сибирскіе города на жительство, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Соловьевъ въ критическую оцѣнку этого дѣла не входитъ и не даетъ характеристики этого, въ высшей степени любопытнаго, эпизода изъ исторіи отношеній Москвы къ Малороссіи XVII вѣка.

Разсказъ и оцѣнка этого событія у Костомарова обнаруживаютъ нѣкоторую односторонность, неполноту и неточность [1]). Поэтому считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ дѣломъ Демьяна Многогрѣшнаго нѣсколько подробнѣе, на основаніи актовъ Южной и Западной Россіи, изданныхъ Археографическою коммиссіею, дополняя ихъ документами московскихъ архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. В. О. Эйнгорнъ, авторъ объемистаго и серьезнаго труда «Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (Москва. 1899 г.), основательно изучившій дѣла Малороссійскаго приказа, хранящіяся въ двухъ вышеупомянутыхъ архивахъ, представилъ рядъ полновѣсныхъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ о неполнотѣ и даже иногда не совсѣмъ точной передачѣ документовъ, напечатанныхъ въ актахъ Южной и Западной Россіи, именно въ тѣхъ томахъ, которые вышли подъ редакціею нашего уважаемаго историка Н. И. Костомарова. Почтенный трудъ г. Эйнгорна въ значительной степени облегчилъ мнѣ пользованіе документами архива министерства юстиціи, не помѣщенными въ актахъ Южной и Западной Россіи, а такихъ не мало въ отношеніи предмета, которому посвящена настоящая статья. Для болѣе яснаго представленія о характерѣ и значеніи Батуринскаго переворота 13-го марта 1672 года, нужно предварительно познакомиться съ личностью гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и положеніемъ Малороссіи того времени.

II.

Старый казацкій батько, какъ звали на Украйнѣ Богдана Хмельницкаго, во время своей исторической борьбы съ поляками, образуя новые казацкіе полки, число которыхъ до него было строго ограничено,

---

[1]) Особенно хромаетъ хронологія нашего уважаемаго историка, вслѣдствіе чего невѣрно освѣщены нѣкоторыя событія. Что касается пропусковъ, то достаточно указать, что Костомаровъ вовсе не упоминаетъ о поѣздкѣ въ Батуринъ Колчицкаго и письмѣ протопопа Адамовича, вызвавшемъ эту поѣздку.

широко открылъ доступъ въ казачество людямъ всякаго званія, и многіе изъ посполиства (т. е. крестьянъ) попали тогда не только въ казаки, но и въ старшины. Въ числѣ таковыхъ былъ и Демьянъ Многогрѣшный, по свидѣтельству Украинскаго лѣтописца [1]) «мужичій сынъ». Имя его встрѣчается въ первый разъ при подписи Зборовскаго договора съ поляками. Затѣмъ мы видимъ его уже въ званіи черниговскаго полковника, при гетманѣ—бояринѣ Иванѣ Брюховецкомъ, такъ же, какъ и онъ не природномъ казакѣ [2]). Черниговскій полковникъ Демьянъ Многогрѣшный, держась правила «куда люди, туда и онъ», присталъ къ движенію въ лѣвобережной Малороссіи, поднятому противъ Москвы Брюховецкимъ, хотя и не былъ его личнымъ сторонникомъ. По предположенію Костомарова [3]) Демьянъ Многогрѣшный, возведенный въ это время въ званіе генеральнаго эсаула, участвовалъ въ тайномъ приглашеніи, посланномъ нѣкоторыми изъ старшинъ лѣвобережной Украйны Петру Дорошенку, котораго они звали съ войскомъ на эту, т. е. московскую сторону Днѣпра. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что чигиринскій гетманъ прежде, чѣмъ самъ переправился со своимъ войскомъ въ московскую гетманщину, послалъ туда отрядъ своихъ казаковъ къ Демьяну. Послѣ звѣрской расправы приверженцевъ Дорошенка съ приведеннымъ къ нему въ лагерь, на Сербиной могилѣ, близъ Опошни, Брюховецкимъ [4]), Дорошенко пошелъ въ резиденцію послѣдняго Гадячъ, забралъ тамъ московскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ черкасскихъ городахъ, по приказу Брюховецкаго, семейство этого послѣдняго и все его движимое имущество и, разоривъ затѣмъ маетности (т. е. помѣстья) убитаго гетмана, ушелъ обратно за Днѣпръ. Оставляя лѣвобережную Украйну, Дорошенко поручилъ начальство въ Гадячѣ своему брату Андрею, а Демьяна Многогрѣшнаго, въ іюнѣ 1668 г. [5]) поставилъ наказнымъ сѣверскимъ гетманомъ, т. е. сдѣлалъ временнымъ правителемъ лѣвобережной Малороссіи. Причиною внезапнаго удаленія Петра Дорошенка, поспѣшно ушедшаго въ Чигиринъ, были его семейныя дѣла (онъ получилъ извѣстіе, что жена ему измѣняетъ къ какимъ-то молодцомъ), а

---

[1]) Самуила Величка.

[2]) Какъ извѣстно Иванъ Брюховецкій началъ свою карьеру въ качествѣ „служки“ Богдана Хмельницкаго.

[3]) Истор. монограф., т. XV, стр. 211.

[4]) Тѣло убитаго Брюховецкаго было такъ изуродовано, что когда его привезли хоронить въ Гадячъ, близкіе къ нему люди и даже сама жена едва могли признать его.

[5]) Документальныхъ свѣдѣній о времени назначенія Демьяна наказнымъ гетманомъ нѣтъ, но изъ показаній плѣнныхъ сѣверскихъ черкасъ, можно заключить, что Демьянъ 24-го іюня 1668 года уже назывался наказнымъ гетманомъ сѣверскимъ (Моск. архивъ министерства юстиціи, столбц. мал. приказ № 5876).

также враждебное къ нему отношеніе запорожцевъ. Запорожская Сѣчь, гдѣ было не мало «добродѣевъ» у убитаго Брюховецкаго, волновалась, подстрекаемая своимъ сѣчевымъ писаремъ Суховѣемъ, мѣтившимъ въ гетманы. На собранной въ Запорожьѣ радѣ, отвергшей власть Дорошенка, избранъ былъ гетманомъ Суховѣй, признанный въ этомъ званіи ханомъ крымскимъ, который и сталъ ему помогать къ великой досадѣ Дорошенка. По разсказамъ современниковъ, Дорошенко скрежеталъ зубами, говоря о своемъ соперникѣ, выступившемъ въ Запорожьи. Бесѣдуя, наединѣ, съ пріѣхавшимъ къ нему изъ Кіева монахомъ, старцемъ Іезекіилемъ, онъ хвалился, что изломаетъ лукъ и стрѣлы [1]) Суховѣенка и перевернетъ весь Крымъ вверхъ ногами, и, какъ передавали казаки этому монаху, весьма грубо принялъ посланца крымскаго Калги [2]). Положеніе дѣла въ правобережной Украйнѣ было настолько шатко, что Дорошенко предоставилъ своего наказнаго, на восточной сторонѣ Днѣпра, собственнымъ силамъ. Положеніе Демьяна Многогрѣшнаго, тѣснимаго московскимъ войскомъ Ромодановскаго, поэтому было крайне трудное, онъ просилъ помощи у Дорошенка, который своевременно ея не оказалъ, сказавъ посланцамъ Многогрѣшнаго: пусть сами обороняются. Достовѣрность этого отвѣта однако подлежитъ сомнѣнію, она основывается только на словахъ самого Демьяна, сказанныхъ на радѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ декабрѣ 1668 года, гдѣ Демьяну пришлось объяснять старшинамъ трехъ полковъ, почему онъ отступилъ отъ Дорошенка. Послѣдній, какъ мы знаемъ, послалъ къ Демьяну своего брата Григорія съ казаками и татарами, но слишкомъ поздно, а именно въ началѣ октября 1668 года, т. е. послѣ того, какъ Демьянъ присягнулъ на вѣрность московскому царю передъ кн. Ромодановскимъ [3]).

Событія, послѣдовавшія въ восточной Малороссіи, послѣ удаленія за Днѣпръ чигиринскаго гетмана Дорошенка, куда онъ ушелъ вслѣдъ за расправой съ своимъ соперникомъ гетманомъ Иваномъ Брюховецкимъ, изложены довольно сбивчиво въ источникахъ и вызываютъ разногласіе у позднѣйшихъ изслѣдователей исторіи того времени.

Во время осады и взятія Чернигова княземъ Ромодановскимъ Демьяна Многогрѣшнаго тамъ не было — онъ находился тогда въ Седневѣ. Пораженіе возставшихъ противъ Москвы казаковъ подъ Черниговомъ имѣло серьезныя послѣдствія. Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣш-

---

[1]) Это намекъ на полученную Суховѣенко отъ хана печать съ изображеніемъ лука и стрѣлъ, которую онъ ставилъ на своихъ грамотахъ, въ замѣнъ прежней — человѣка съ мушкетомъ, обычной печати войска Запорожскаго.

[2]) Акты Южной и Западной Россіи, т. VII, 82.

[3]) Сначала Демьянъ цѣловалъ крестъ передъ двумя полковниками, присланными къ нему Ромодановскимъ, а затѣмъ и передъ нимъ самимъ.

ный укрывавшійся въ мѣстечкѣ Седневѣ въ недалекомъ разстояніи отъ театра дѣйствій, убѣдился, что сила на сторонѣ Москвы. Къ нему въ Седнево какъ разъ въ это время пріѣхалъ братъ его Василій и бывшій нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка; они говорили Демьяну, что населеніе всей лѣвобережной Украйны тянетъ къ Москвѣ и ропщетъ на затѣянную старшиной смуту. 26-го сентября 1668 года, т. е. на другой день послѣ взятія Ромодановскимъ Чернигова, Демьянъ Многогрѣшный и его пріятель, стародубскій полковникъ Рославецъ, послали къ московскому воеводѣ Василія Многогрѣшнаго и Гвинтовку для переговоровъ. Одновременно со вступленіемъ въ эти переговоры, т. е. того же 26-го сентября, наказный Демьянъ обратился съ просьбою о посредничествѣ къ архіепископу черниговскому Лазарю Барановичу, который еще при жизни Брюховецкаго склонялъ его, Демьяна, отстать отъ измѣнниковъ и покориться московскому государю.

Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, избравшій мѣстомъ своей резиденціи Новгородъ-Сѣверскій, былъ однимъ изъ выдающихся представителей малороссійскаго духовенства того времени по уму, образованію и вліянію на все населеніе Украйны. Онъ внушалъ всеобщее уваженіе благочестіемъ своей жизни и радѣніемъ объ интересахъ и вольностяхъ Малороссіи и при этомъ славился, какъ искусный церковный ораторъ и писатель. Принимая самое дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ своего края, онъ велъ дѣятельную переписку съ различными лицами въ Малороссіи и Москвѣ, усердно отстаивая самостоятельность и вольности Малороссіи, при чемъ, правда, преимущественно заботился о правахъ и привилегіяхъ наиболѣе близкимъ его сердцу— духовенства и казацкой старшины, что не мѣшало бы ему однако пользоваться расположеніемъ и почетомъ при московскомъ дворѣ. Лазарь Барановичъ имѣлъ большія связи въ Москвѣ и былъ лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу[1]). Онъ былъ два раза поставленъ во главѣ духовенства Малороссіи, московскою властью въ качествѣ блюстителя кіевской митрополіи, но управлялъ ею лишь временно, потому что въ 1661 г. долженъ былъ уступить первенство извѣстному епископу Меѳодію, которому въ этомъ году царскимъ указомъ было поручено блюсти вдовствующую кіевскую митрополію.

Обиженный такимъ предпочтеніемъ, оказаннымъ Меѳодію, епископу, не пользовавшемуся уваженіемъ среди духовенства Малороссіи и при томъ человѣку мало образованному, Лазарь Барановичъ усерднѣе, чѣмъ прежде, сталъ радѣть о самостоятельности кіевской митрополіи, противясь всѣми мѣрами ея подчиненію церковной власти московскаго патріарха,

---

[1]) Онъ пріобрѣлъ большое личное расположеніе царя, участвуя въ московскомъ соборѣ, созванномъ для суда надъ патріархомъ Никономъ.

чего, какъ извѣстно, домогался вліятельный въ совѣтахъ царя начальникъ посольскаго и малороссійскаго приказа А. Л. Ордынъ-Нащокинъ.

Лазарь Барановичъ, возведенный въ 1667 году большимъ московскимъ соборомъ въ санъ архіепископа, принадлежалъ къ тѣмъ представителямъ высшаго чернаго духовенства, которые хотя и считали возсоединеніе Южной Руси съ Сѣверной, подъ сильной рукой бѣлаго царя, дѣломъ исторически необходимымъ, тѣмъ не менѣе ревниво охраняли вольности малороссійскаго духовенства и отнюдь не желалъ его подчиненія церковной власти московскаго патріарха, предпочитая остаться въ вѣдѣніи далекаго вселенскаго, т. е. константинопольскаго патріарха.

Но осторожный и тактичный архіепископъ черниговскій, постоянно дѣйствуя въ качествѣ главы оппозиціи въ Малороссіи, по части введенія въ ней московскихъ порядковъ, такъ искусно и тонко велъ эту оппозицію, что неизмѣнно пользовался расположеніемъ и глубокимъ уваженіемъ въ Москвѣ. Несмотря на крайнее неудовольствіе политикой канцлера московскаго царя, какъ онъ называлъ Ордына-Нащокина, относительно черкасскихъ городовъ, Лазарь Барановичъ тѣмъ не менѣе оказался совершенно не причастнымъ къ мятежу противъ Москвы, поднятому лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ—мятежу, вызванному неудачною политикой Нащокина, относительно Малороссіи. Въ этомъ мятежѣ оказался замѣшаннымъ столь угодливый передъ Москвой, епископъ Меѳодій, соперникъ и противникъ Барановича, а послѣдній напротивъ обнаружилъ несомнѣнную преданность московскому правительству и въ мартѣ 1668 года, до полученія о томъ указа изъ Москвы, Лазарь Барановичъ написалъ Брюховецкому увѣщательное письмо, умоляя его прекратить бунтъ и отстать отъ союза съ бусурманами; съ тѣмъ же увѣщаніемъ, вскорѣ потомъ, архіепископъ обратился и къ Демьяну Многогрѣшному. Но послѣдній былъ тогда глухъ къ такимъ совѣтамъ. Архіепископъ черниговскій не одобрялъ извѣстныхъ, такъ называемыхъ московскихъ статей Брюховецкаго [1]). Въ откровенномъ письмѣ къ Симеону Полоцкому онъ, прося его ходатайствовать въ Москвѣ о сохраненіи прежде дарованныхъ вольностей, писалъ: «для казака воевода великая невзгода». При наступленіи московскаго войска на восточную Малороссію въ 1668 году, архіепископъ Черниговскій, проживавшій въ своемъ архіерейскомъ домѣ, Спасова монастыря, подъ Новгородомъ-Сѣверскомъ, перебрался въ этотъ послѣдній, подъ охрану казаковъ, бившихся съ московскими воеводами, что и послужило уликой

[1]) Этими статьями, поданными гетманомъ Брюховецкимъ, во время его пріѣзда въ Москву, московскіе воеводы вводились въ управленіе городами лѣвобережной Малороссіи, и вообще устанавливалось болѣе тѣсное подчиненіе Малороссіи московскимъ порядкамъ.

противъ него. Московскій воевода кн. Константинъ Щербатовъ, преслѣдуя разбитыхъ имъ козаковъ, когда подступилъ къ Новгороду-Сѣверскому, на приступъ котораго онъ, однако, не рѣшился, слыша отъ «языковъ»[1]) о соучастіи архіепископа въ бунтѣ и узнавъ, что послѣдній укрывается въ городѣ, занялъ «воинскимъ образомъ» Спасовъ монастырь и забралъ въ архіерейскомъ домѣ имущество и людей архіепископа, а двоихъ изъ нихъ, а именно діакона Викентія и шляхтича Гонсѣвскаго, обучавшаго польскому языку въ школѣ, устроенной при монастырѣ Барановичемъ, отослалъ въ качествѣ плѣнныхъ въ Брянскъ.

Лазарь Барановичъ, при первой же возможности, послалъ въ Москву письмо къ Симеону Полоцкому, жалуясь на такую биду. Но въ Москвѣ, еще до полученія жалобы архіепископа, дѣйствій Щербатова не одобрили—онъ былъ отозванъ изъ Малороссіи, а діаконъ Викентій немедленно возвращенъ архіепископу[2]).

Посему, получивъ отъ наказнаго гетмана Демьяна письмо, 26-го сентября, съ изложеніемъ условій, на которыхъ тотъ желалъ принести повинную московскому правительству, Барановичъ не спѣшилъ его отправленіемъ[3]). Онъ ждалъ вѣстей о начавшихся тогда переговорахъ Демьяна съ кн. Ромодановскимъ. Только двѣ недѣли спустя, а именно 13-го октября, уже послѣ принесенія присяги царю наказнымъ гетманомъ и стародубскимъ полковникомъ, архіепископъ черниговскій отправилъ въ Москву своего діакона Викентія, съ письмами Многогрѣшнаго и своимъ препроводительными отписками государю.

Въ письмѣ Демьяна Многогрѣшнаго и полковника Рославца, отъ 26-го сентября, пересланномъ въ Москву архіепископомъ, ставились извѣстныя условія и даже требованія, для подчиненія казаковъ московской власти, а именно было сказано: что онъ, Демьянъ Многогрѣшный наказный сѣверскій гетманъ, готовъ со всѣми полками восточной стороны Днѣпра поклониться государю, если его величество изволитъ сохранить казаковъ, при вольностяхъ Богдана Хмельницкаго, постановленныхъ въ Переяславлѣ, если ратные люди будутъ выведены изъ всѣхъ городовъ малороссійскихъ, а казацкіе бунты будутъ преданы забвенію, «если же, его величество нашей службой возгнушается, то мы, при вольностяхъ нашихъ, помирать готовы и имѣемъ орды, подущающія насъ къ пролитію крови[4])».

---

[1]) Т. е. дававшихъ показанія плѣнныхъ.

[2]) Столбцы Малор. Приказа № 5876. Отписка Щербатова къ государю отъ 24-го іюня 1668 г., въ архивѣ мин. юстиціи.

[3]) Письма Многогрѣшнаго къ Барановичу, помѣченныя 26-мъ сентября, напечатаны въ актахъ Ю. и З. Россіи, ч. VII № 30, стр. 65. Первая отписка Барановича царю на основаніи этихъ писемъ отъ 28-го сентября, тамъ же стр. 67, вторая—помѣченная 13-мъ октября, стр. 68.

[4]) Акты Ю. и Зап. Россіи, ч. VII, № 30.

*

Отправляя въ Москву такого рода заявленія Демьяна Многогрѣшнаго, послѣ его покоренія и принесенія присяги, и притомъ ходатайствуя объ ихъ исполненіи, архіепископъ черниговскій, конечно, долженъ былъ зрѣло обдумать свои отписки и облечь ихъ въ наиболѣе приличную форму. Онъ составилъ двѣ отписки великому государю: въ первой, Лазарь Барановичъ распространялся о своей дѣятельности, для приведенія казаковъ къ покорности и данныхъ имъ, архіепископомъ, ради сего обѣщаніяхъ, намекалъ, что бунтъ произошелъ отъ насилія воеводъ и ратныхъ людей, и при этомъ указывалъ, что если воеводы не будутъ выведены, то весь міръ готовъ разойтись— одни въ Литву, другіе въ Польшу, отчего ослабится Московское государство, потому что и ляхи въ тщету пришли, когда войско запорожское[1]) отъ нихъ отпало. Въ витіеватыхъ и искусно прикрытыхъ фразахъ, смягчая требованія Демьяна, архіепископъ усердно ихъ поддерживалъ, призывая московскаго царя, по слову евангельскому, стать сыномъ Божіимъ, въ качествѣ миротворца. Во второй отпискѣ, составленной послѣ полученія извѣстія о присягѣ Демьяна, архіепископъ черниговскій только мимоходомъ говорилъ о необходимости исполнить желанія казаковъ, и, взывая къ великодушію царя, старался расположить его на милость[2]). Отправляя гонца и составляя вторую отписку, Барановичъ уже зналъ, что Демьянъ Многогрѣшный присягнулъ передъ Ромодановскимъ — это видно изъ его письма къ Симеону Полоцкому — но понятное дѣло, въ письмахъ къ государю умолчалъ о томъ. Умный архіепископъ понималъ, что принесенная Демьяномъ присяга значительно измѣняла положеніе, и потому переслалъ условія Демьяна Многогрѣшнаго къ великому государю, такъ сказать, для свѣдѣнія о желаніяхъ, одушевлявшихъ населеніе лѣво-бережной Украйны. Поэтому онъ и писалъ въ послѣдней отпискѣ, что казаки со смиреніемъ припадаютъ къ краямъ ризы его величества, ожидая государевой милости, хотя, конечно, правильнѣе было написать не «припадаютъ», а припали. Письма, посланныя архіепископомъ черниговскимъ съ его діакономъ, прибыли въ Москву, 25-го октября, одновременно съ посланцами Демьяна Многогрѣшнаго (т. е. его братомъ Василіемъ и Гвинтовкой) и нѣжинскимъ протопопомъ, привезшимъ донесеніе Ромодановскаго о присягѣ наказнаго гетмана и стародубскаго полковника. При этомъ обнаружилось крайнее легкомысліе и непостоянство Демьяна

---

[1]) Войскомъ запорожскимъ въ оффиціальныхъ документахъ того времени называлось не только товарищество Запорожской Сѣчи, но и всѣхъ казаковъ Малороссіи.

[2]) Письмо Лазаря Барановича № 53, стр. 50—52.

Многогрѣшнаго. Посланцы его, спрошенные въ Посольскомъ приказѣ бояриномъ Б. М. Хитрово[1]), объявили, что наказный гетманъ накрѣпко приказывалъ имъ прежде всего домогаться царской милостивой грамоты, да особо, отъ патріарха московскаго, прощальной грамоты, въ нарушеніи крестнаго цѣлованія. Посланцы наказнаго гетмана къ этому прибавили, что какъ скоро они возвратятся въ Малороссію, то немедленно къ его царскому величеству придутъ другіе казацкіе послы, чтобы государь соизволилъ быть у нихъ гетману русскому, съ войскомъ, и стоять ему въ Коробовѣ, а казаки будутъ кормить царское войско всякимъ довольствомъ; они только просятъ, чтобы государь указалъ собирать доходы съ полковъ оптомъ, а не такъ, какъ было до сего времени, а они сами межь себя обложатся. Обо всѣхъ этихъ статьяхъ Демьянъ и Рославецъ говорили съ кн. Ромодановскимъ[2]). Въ Москвѣ, конечно, обратили вниманіе на странное противорѣчіе въ желаніяхъ и ходатайствахъ наказнаго гетмана, тѣмъ болѣе, что нѣжинскій протопопъ, Симеонъ Адамовичъ, спрошенный въ Посольсколъ приказѣ, разсказалъ всю подноготную того, что происходило въ Малороссіи, и объяснилъ, что требованія о возстановленіи «умаленныхъ вольностей» и выводѣ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, «затѣйка», по его выраженію, «горстки старшинъ съ архіепископомъ Лазаремъ во главѣ[3]). Поэтому московское правительство не спѣшило отвѣтомъ на ходатайства Демьяна Многогрѣшнаго, что̀ и привело послѣдняго въ крайнее смущеніе.

Онъ заподозрилъ—и не безъ основанія,—что долгое молчаніе царя, относительно представленныхъ ему ходатайствъ, объясняется происками протопопа Адамовича, отъ поѣздки котораго въ Москву, писалъ Демьянъ архіепископу черниговскому, не будетъ добра: протопопъ наговоритъ государю, боярамъ и всему синклиту, чтобы наши просьбы не были исполнены и этимъ окончательно погубитъ Украйну[4]).

Наконецъ отвѣтныя царскія грамоты пришли — онѣ были привезены протопопомъ прямо къ наказному гетману, который сначала не понялъ содержанія ихъ и потому принялъ Симеона Адамовича очень любезно. Въ царской грамотѣ Многогрѣшному было сказано, что великій государь, по своему милосердному обычаю, узнавъ изъ донесенія боярина Ромодановскаго, что Многогрѣшный и Рославецъ въ винахъ своихъ добили челомъ, принимаетъ ихъ подъ

---

[1]) Начальникъ Посольскаго приказа, А. Л. Ордынъ-Нащокинъ въ это время былъ въ отсутствіи—онъ уѣхалъ въ Курляндію на посольскій съѣздъ.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 38.

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, т. VII, № 43.

[4]) В. Эйнгорнъ. Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ, стр. 501.

свою высокую руку обѣщаетъ, что вины и преступленія казаковъ и «впредь вспоминаемы не будутъ», и они должны быть надежны на государскую милость. Но о возстановленія умаленныхъ вольностей въ грамотѣ не было сказано ни слова[1]).

Въ грамотѣ архіепископу, отъ 9-го ноября 1668 года, послѣ обычныхъ любезностей и похвалы за его къ великому государю «доброхотѣніе», сообщалось, что гетманъ сѣверскій и стародубскій полковникъ уже добилъ челомъ и на вѣрное подданство вѣру учинили, вслѣдствіе чего къ нимъ и посланы милостивыя царскія грамоты о прощеніи. Въ заключеніе грамоты къ архіепископу было сказано, что вины будутъ отпущены только тѣмъ, которые «царской богохранимой державѣ принесутъ покореніе истинное, а не превратное». Когда архіепископъ черниговскій объяснилъ недалекому и малограмотному Демьяну Игнатовичу смыслъ полученнаго на ихъ ходатайства отвѣта, наказный гетманъ разъярился на протопопа и посадилъ его, по совѣту архіепископа Лазаря, подъ стражу, чтобы лишить его, Адамовича, возможности вредить дальнѣйшему ходу переговоровъ съ Москвой. Очевидно, Лазарь Барановичъ догадался, что нѣжинскій протопопъ своими показаніями въ Москвѣ повредилъ успѣху ходатайствъ. Но заключенный подъ стражу протопопъ не унялся; сидя подъ арестомъ, онъ сумѣлъ какъ-то разослать полковникамъ разныхъ городовъ письма, съ увѣщаніемъ безпрекословно подчиниться московскому государю, а кіевскому воеводѣ боярину, П. В. Шереметеву, написалъ о замыслахъ малороссійскихъ городовъ старшины и своемъ отъ нихъ разореніи. Когда Демьянъ Многогрѣшный узналъ объ этомъ, то хотѣлъ сначала разстрѣлять протопопа, но потомъ одумался, опасаясь испортить такой казнію свои отношенія къ Москвѣ. Онъ только запретилъ подъ страхомъ смерти нѣжинскому протопопу писать въ Москву и къ московскимъ воеводамъ.

Вторичная грамота отъ царя, привезенная въ половинѣ декабря[2]) посланцемъ архіепископа Яковомъ Хапчинскимъ, заключала въ себѣ уже прямой отказъ дать какія-либо обѣщанія относительно заявленныхъ ходатайствъ, до присылки въ Москву челобитчиковъ отъ всѣхъ сословій. Въ царской грамотѣ, на имя наказнаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, было предписано прислать въ Москву выборныхъ челобитчиковъ не только отъ старшинъ и высшаго духовенства, но и отъ всего народа «отъ духовнаго и мірскаго, служилаго и мѣщанскаго чину и поселянъ». Демьянъ Игнатовичъ, обнадеженный архіепископомъ, что

---

[1]) См. царскую грамоту къ Демьяну отъ 4-го ноября 1668 г., въ VII т. актовъ Ю. и З. Россіи.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. VII, № 46.

великій государь «ущедритъ казаковъ всякими вольностями», вслѣдствіе чего онъ, наказный гетманъ, станетъ угоденъ всей лѣвобережной старшинѣ и будетъ ею избранъ въ «совершеннаго гетмана», получивъ это предписаніе, совсѣмъ растерялся. Переговоры съ Москвой усложнялись, а предписаніе царя прислать выборныхъ челобитчиковъ отъ всего населенія грозило разстроить всѣ его планы. Поэтому Демьянъ Многогрѣшный поспѣшилъ за совѣтомъ къ архіепископу, въ Новгородъ-Сѣверскій, куда и прибылъ 17-го декабря 1668 года. По указанію Лазаря Барановича, Демьянъ пригласилъ туда же на совѣщаніе казацкую старшину трехъ полковъ, уже добившихъ челомъ московскому государю (стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго), и склонилъ ихъ въ свою пользу. Это та самая малая рада въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, о которой Костомаровъ говоритъ, въ своей монографіи, посвященной гетманству Многогрѣшнаго[1]). По разсказу Костомарова, передающаго, въ этомъ случаѣ, свидѣтельство лѣтописи Самовидца, это совѣщаніе казацкихъ старшинъ происходило въ запертомъ дворѣ, подъ охраной компанейскихъ охотниковъ, наемныхъ слугъ Демьяна, что̀ способствовало тому, что бывшая на совѣщаніи казацкая старшина просила Демьяна принять на себя званіе старшаго, т. е. гетмана. «Демка отговаривался», говоритъ лѣтописецъ, «какъ старая дѣвка отъ хорошаго жениха», т. е. для вида, ради приличія, и затѣмъ, конечно, согласился. Объ этомъ избраніи Демьяна на радѣ архіепископъ черниговскій поспѣшилъ извѣстить государя[2]), что указываетъ на желаніе Лазаря Барановича придать значеніе такому избранію Демьяна Многогрѣшнаго, которое въ сущности ничего не предрѣшало и не имѣло никакой законной силы. Архіепископъ, очевидно, желая провести Демьяна въ гетманы, заблаговременно работалъ въ этомъ смыслѣ, подготовляя почву. Съ этого времени, т. е. съ конца декабря 1668 года, Демьянъ Многогрѣшный совершенно подчинился руководству и опекѣ черниговскаго архіепископа, котораго и сталъ называть своимъ учителемъ и наставникомъ. Лазарь Барановичъ руководилъ снаряженіемъ, такъ называемаго, великаго посольства изъ Малороссіи въ Москву (въ январѣ 1669 года), для торжественнаго принесенія повинной за из-

---

[1]) Истор. монографіи, т. XV, стр. 223—224. Костомаровъ только ошибочно относитъ эту раду къ сентябрю 1668 года. Она была въ декабрѣ, какъ это видно изъ письма Лазаря Барановича и другихъ документовъ, и не только не предшествовала сношеніямъ Демьяна съ московскимъ правительствомъ, какъ полагаетъ Костомаровъ, а послѣдовала за полученіемъ царской грамоты, привезенной посланцемъ архіепископа, Хапчинскимъ, въ половинѣ декабря. Все это вполнѣ разъяснено и установлено въ вышеозначенной книгѣ В. О. Эйнгорна, стр. 502.

[2]) Письмо Лазаря Барановича № 48, стр. 59.

мѣну бывшаго гетмана Ивашки Брюховецкаго, онъ же составлялъ наказъ для этого посольства[1]) и усердно заботился, чтобы въ составъ его вошли только люди съ нимъ единомысленные, т. е. готовые стоять за ходатайство о возстановленіи прежнихъ казацкихъ вольностей, умаленныхъ при Брюховецкомъ, и дѣйствовать въ духѣ интересовъ старшины. Лазарь Барановичъ приложилъ не мало стараній и пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и связи въ Москвѣ, чтобы посольство добилось обѣщанія вывести воеводъ изъ городовъ Малороссіи. Хлопоты его въ этомъ отношеніи не увѣнчались успѣхомъ, но, тѣмъ не менѣе, благодаря ему, московскимъ правительствомъ было сдѣлано нѣсколько уступокъ, въ смыслѣ огражденія прежде предоставленныхъ Малороссіи вольностей. На Глуховской радѣ было установлено соглашеніе или компромиссъ между требованіями Москвы и ходатайствами, заявленными посольствомъ изъ Малороссіи. Московскіе воеводы и ратные люди были оставлены въ городахъ Малороссіи, но число такихъ городовъ ограничено пятью[2]); кромѣ того, воеводамъ было предписано вѣдать исключительно своихъ ратныхъ людей и ихъ дѣла, отнюдь не вмѣшиваясь въ административное управленіе краемъ[3]). На Глуховской радѣ, 6-го марта 1669 г., согласно желанію архіепископа черниговскаго, и былъ избранъ гетманомъ лѣвобережной Малороссіи Демьянъ Многогрѣшный, весьма высоко цѣнившій заслуги архіепископа въ дѣлѣ успокоенія края, какъ это видно изъ письма Демьяна къ царю отъ 1-го января 1669 г., въ которомъ онъ просилъ совершенно устранить другихъ духовныхъ особъ отъ сношеній московскаго правительства съ Малороссіею, потому что нѣкоторыя духовныя особы (намекъ на епископа Меѳодія и протопопа Адамовича) своимъ двоедушіемъ причинили смуту въ Малороссіи и не заслуживаютъ никакого довѣрія. Но черезъ три мѣсяца послѣ Глуховской рады, именно въ концѣ іюня 1669 года, малограмотный и недалекій гетманъ Демьянъ, забывъ о своемъ вышеозначенномъ письмѣ царю Алексѣю Михайловичу, посылаетъ протопопа Симеона Адамовича въ Москву, въ качествѣ довѣреннаго лица, съ весьма важнымъ порученіемъ,—ходатайствомъ о скорѣйшей присылкѣ московскихъ ратныхъ людей, для обороны отъ наступившихъ на него правобережныхъ казаковъ Дорошенка и пришедшихъ съ ними татаръ[4]).

---

[1]) На это онъ самъ указывалъ въ своихъ письмахъ.

[2]) Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславль и Остеръ.

[3]) Статьи Глуховскаго договора напечатаны въ IV т. Собранія государ. грамотъ и договоровъ.

[4]) Протопопъ Адамовичъ пріѣхалъ въ Москву 2-го іюля 1669 г. Онъ былъ выпущенъ на свободу еще въ январѣ 1669 г., а помирился съ гетманомъ лишь послѣ Глуховской рады.

Такимъ образомъ непостоянство, легкомысліе и слабость характера Демьяна Многогрѣшнаго сказались съ самаго начала его сношеній съ Москвой.

III.

Первые два года гетманства Демьяна Многогрѣшнаго (онъ былъ избранъ въ мартѣ 1669 года) прошли для него благополучно, несмотря на различныя невзгоды, его постигавшія, и продолжающуюся неурядицу. Онъ не пользовался популярностью въ подвластной ему Малороссіи, но тѣмъ не менѣе постепенно отобралъ у своихъ противниковъ, Дорошенко и Суховѣя, всѣ лѣвобережные города, въ которыхъ сидѣли ихъ сторонники. Казацкая междоусобица, на правой сторонѣ Днѣпра, значительно содѣйствовала успѣхамъ Демьяна—на лѣвой. Въ заднѣпровской Малороссіи шла упорная и жестокая борьба между чигиринскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ и его противниками сначала Суховѣемъ, а послѣ Уманьской рады 12-го марта 1669 г. Михаиломъ Ханенкомъ, избраннымъ на ней правобережнымъ гетманомъ.

Недоразумѣнія, возникавшія у батуринскаго гетмана[1]), въ сношеніяхъ его съ Москвой, улаживались его совѣтниками и руководителями, архіепископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ—эти двѣ духовныя особы, хотя сильно враждовавшія между собою, тѣмъ не менѣе съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ ходатайствовали по разнымъ дѣламъ гетмана Демьяна въ Москвѣ, радѣя о добрыхъ отношеніяхъ между гетманомъ и московскимъ правительствомъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ Демьяна, малороссійское духовенство не пользовалось такимъ преобладающимъ вліяніемъ и значеніемъ въ дѣлахъ управленія, какъ при немъ, что̀ и вызвало ропотъ и неудовольствіе со стороны казацкой старшины. Почти всѣ ходатайства гетмана Демьяна предупредительно удовлетворялись въ Москвѣ. Малороссійскіе вязни (т. е. узники) въ разное время, преимущественно при Брюховецкомъ, отвезенные въ Москву и сосланные въ заточеніе на Бѣлое море и въ Сибирь, были возвращены, также какъ церковная утварь и пушки, забранныя московскими ратными людьми, во время бунта Брюховецкаго. Московское правительство, озабоченное движе-

---

[1]) Послѣ Глуховской рады Демьянъ Многогрѣшный съ согласія московскаго правительства избралъ своею резиденціею Батуринъ, вмѣсто Гадяча, гдѣ проживалъ его предшественникъ.

ніемъ понизовой вольницы на Волгѣ—это было время самаго разгара бунта Стеньки Разина—всячески ласкало и ублажало гетмана Демьяна Игнатовича. Непріятный для него и всего населенія Малороссіи бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, котораго въ черкасскихъ городахъ называли канцлеромъ московскаго царя, былъ удаленъ сначала изъ приказа Малой Россіи, затѣмъ и Посольскаго, а въ концѣ 1671 года совсѣмъ сошелъ со сцены—онъ былъ отпущенъ отъ государевой службы и принялъ иноческій постригъ. Его преемникъ, въ обоихъ вышеуказанныхъ приказахъ, А. С. Матвѣевъ, всею душою радѣлъ объ интересахъ Малороссіи и былъ за нихъ неотступнымъ ходатаемъ передъ престоломъ царскаго величества. Посланцы гетмана Демьяна, ѣздившіе въ Москву съ его порученіями, не безъ основанія, называли «господина Артамона Сергѣевича ходатаемъ скорымъ и пріятнымъ». Во всѣхъ постигавшихъ гетмана Демьяна несчастіяхъ московское правительство принимало самое живое и заботливое участіе. Такъ лѣтомъ 1670 года, какъ только пришло въ Москву извѣстіе о наложенномъ на гетмана Демьяна проклятіи константинопольскимъ патріархомъ Меѳодіемъ[1]), немедленно былъ посланъ къ послѣднему, тайнымъ обычаемъ, съ царской грамотой и щедрыми дарами переводчикъ Посольскаго приказа Константинъ Христофоровъ. Ходатайство царя за гетмана Демьяна и милостыня, посланная патріарху и его сѵноду, произвели желаемое дѣйствіе, и миссія Христофорова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ[2]). Съ Демьяна не только было снято проклятіе, но и выдана ему благословенная грамота. Она была послана изъ Константинополя, въ октябрѣ 1670 года, но пришла въ Москву только въ началѣ слѣдующаго года и немедленно отослана въ Батуринъ Многогрѣшному, для его успокоенія.

Въ концѣ того же 1670 года, Демьяна постигла другая бѣда. Въ Николинъ день, т. е. 6-го декабря, онъ, сходя съ крыльца своего дома въ Батуринѣ, поскользнулся, упалъ и ушибся. Сначала этому ушибу не придавали особеннаго значенія, хотя гетманъ послѣ него чувствовалъ себя нездоровымъ. 12-го декабря, несмотря на нездоровье, онъ принималъ и долго разговаривалъ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, вызваннымъ имъ въ Батуринъ для государевыхъ и войсковыхъ дѣлъ. Вернувшись въ Нѣжинъ, протопопъ успокоилъ тамошняго вое-

[1]) Эта церковная кара постигла Демьяна Многогрѣшнаго благодаря проискамъ нѣкоего протопопа Романовскаго (Романа Ракушки) агента Дорошенка и Тукальскаго въ Константинополѣ.

[2]) Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла греческія. Свѣдѣнія о подаркахъ, посланныхъ въ Константинополь съ Христофоровымъ, и расходахъ по его снаряженію—въ архивѣ Юстиціи.

воду Ржевскаго, встревоженнаго разнесшимися слухами объ опасной болѣзни гетмана. Но послѣ отъѣзда изъ Батурина протопопа, положеніе больнаго сильно ухудшилось. Прибывъ вторично въ Батуринъ, по просьбѣ Ржевскаго, на рождественскіе праздники (именно 28-го декабря), протопопъ нашелъ гетмана, какъ онъ самъ писалъ государю, на смертномъ одрѣ; отъ полученнаго ушиба у Демьяна Игнатовича появилась опухоль, причинившая сильный жаръ. Гетманъ по временамъ лишался сознанія и бредилъ, хотя большею частію былъ въ памяти.

Узнавъ о пріѣздѣ протопопа, онъ призвалъ его къ себѣ, совѣщался съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, въ ожиданіи смерти, жаловался на непостоянство малороссійскихъ жителей, печалился о положеніи своей семьи и просилъ Адамовича быть за нее заступникомъ передъ великимъ государемъ. Вслѣдъ затѣмъ гетманъ послалъ царю отписку о своей болѣзни, съ нарочнымъ гонцомъ Исаемъ Андреевымъ, который повезъ также письмо и къ начальнику Малороссійскаго приказа А. С. Матвѣеву. Въ этомъ письмѣ гетманъ Демьянъ умолялъ послѣдняго, въ случаѣ своей смерти, быть отцомъ осиротѣлой семьи его, престарѣлой матери, любезной жены и дѣтей, чтобы они послѣ его кончины «не волочились по чужимъ дворамъ», а имѣли тихое и мирное житіе и получили достойное прокормленіе въ Стародубскомъ или Черниговскомъ полкахъ [1]). Извѣстіе о болѣзни Демьяна Игнатовича было встрѣчено въ Москвѣ съ сожалѣніемъ. Немедленно былъ посланъ въ Батуринъ стряпчій Бухвостовъ, спросить о здоровьи больнаго гетмана; а черезъ два мѣсяца (въ мартѣ 1671 года) другой царскій гонецъ, Змѣевъ, привезъ гетману Демьяну разрѣшительную грамоту константинопольскаго патріарха и жалованную грамоту отъ царя, на доходную маетность въ Стародубскомъ полку, Шептаковскую сотню. Московское правительство ласкало и ублажало не только самого гетмана, но и его приближенныхъ. Въ декабрѣ 1670 г. нѣжинскій протопопъ отписалъ въ Москву, что братъ гетмана Василій Многогрѣшный и генеральный эсаулъ Гвинтовка, ходившіе лѣтомъ по царскому указу въ походъ къ рѣкѣ Донцу, гдѣ они побили воровскихъ казаковъ, обижены тѣмъ, что за походъ получили только милостивыя грамоты, а не царское жалованье [2]). Немедленно, вслѣдъ за полученіемъ этого письма, означеннымъ лицамъ было послано царское жалованіе деньгами, соболями и камкою (шелковая матерія). Избранный во время опасной болѣзни гетмана Демьяна, по его желанію, на собранной въ Батуринѣ радѣ наказнымъ гетманомъ, братъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи. Т. IX, № 80, стр. 321 и 322.

[2]) Архивъ минист. юстиціи, дѣла Малор. приказа, книга № 9. Василій Многогрѣшный, зѣло обиженный, сказалъ протопопу, что служилъ государю кровью, а ему платятъ бумагою.

его, Василій, былъ признанъ таковымъ въ Москвѣ, а посланный съ этимъ извѣстіемъ генеральный эсаулъ, Матвѣй Гвинтовка, былъ принятъ съ почетомъ и обласканъ. Въ концѣ января 1671 г. гетманъ сталъ поправляться, о чемъ и послалъ отписку въ Москву 21-го января, и вскорѣ послѣ того вступилъ въ управленіе. Въ концѣ 1670 года гетманъ Демьянъ принесъ жалобу на острянскаго воеводу Дмитрія Рагозина, будто бы послѣдній безчестилъ его, гетмана, худыми словами въ присутствіи мѣстнаго духовенства. Вслѣдствіе этой жалобы, кіевскому воеводѣ, кн. Козловскому, было предписано произвести дознаніе, и хотя жалоба Демьяна не вполнѣ подтвердилась, заслуженный московскій воевода былъ въ февралѣ посаженъ на одинъ день подъ арестъ, а 2-го апрѣля того же года послѣдовалъ царскій указъ: перемѣнить воеводу въ Острѣ, и туда былъ назначенъ воеводой Зыбинъ. Но съ лѣта 1671 года начинаютъ обнаруживаться нѣкоторые признаки перемѣны въ поведеніи гетмана Демьяна и въ его отношеніяхъ къ Москвѣ. Слова и дѣйствія гетмана начинаютъ возбуждать недоумѣніе и тревогу въ московскихъ людяхъ, проживающихъ въ Малороссіи, о чемъ свидѣтельствуютъ отписки воеводъ въ приказъ Малой Россіи. Гетманъ Демьянъ, съ осени этого года сталъ высказывать неудовольствіе и раздраженіе противъ Москвы, что̀ онъ и выразилъ открыто и довольно рѣзко, въ половинѣ декабря того же года, принимая въ Батуринѣ царскаго посланца Михаила Савина. Объясненіе такой перемѣны надо искать не въ Батуринѣ, а Чигиринѣ, потому что Демьянъ Многогрѣшный въ это время вступилъ въ тайныя отношенія съ чигиринскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ и по своей безхарактерности началъ подчиняться все болѣе вліянію этого послѣдняго.

Чигиринскій гетманъ Петръ Дороѳеевичъ Дорошенко представлялъ совершенную противоположность съ Демьяномъ Многогрѣшнымъ. Природный казакъ, гордившійся военной славой своего дѣда, совершавшаго удачные набѣги на Крымъ, онъ былъ безспорно человѣкъ даровитый, предпріимчивый, съ широкими планами и замыслами. Онъ думалъ и горячо желалъ объединить всю Малороссію, подъ своею властью и добивался ея самостоятельности, но ради личнаго честолюбія причинилъ ей много зла, наводя на нее татаръ и вызвавъ вмѣшательство Турціи въ дѣла Черкасской Украйны. Демьяна Многогрѣшнаго онъ глубоко презиралъ за его мужицкое происхожденіе, простоту и личное ничтожество. Въ перепискѣ съ московскими воеводами, передъ Глуховской радой, онъ называлъ его «закутнымъ гетманишкой» [1]), способнымъ только плодить междоусобія въ Малороссіи. Дорошенко поставилъ его наказнымъ гетманомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, потому

---

[1]) „Закута“ по-малороссійски значитъ свиной хлѣвъ.

что никакъ не ожидалъ встрѣтить въ немъ соперника. Избраніе Демьяна гетманомъ, на Глуховской радѣ, привело его въ величайшее негодованіе. Дорошенко пробовалъ вытѣснить его силой и посылалъ нѣсколько разъ своихъ казаковъ на лѣвую сторону съ этой цѣлью. Но пораженіе подъ Лохвицей его сторонниковъ, вслѣдствіе чего города и мѣстечки лѣвобережной Малороссіи, не признававшіе надъ собою власти гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, стали сдаваться послѣднему, заставило его перемѣнить политику. Собственное положеніе Дорошенка на правомъ берегу, гдѣ ему приходилось вести упорную борьбу со своими противниками, лишало его возможности одолѣть Демьяна силой, и тогда онъ сталъ пріискивать другіе способы извести Демьяна, стараясь запутать простоватаго батуринскаго гетмана въ сѣтяхъ политики. Онъ сносился съ Москвой, со Стенькой Разинымъ [1]), съ польскимъ королемъ и султаномъ, и пробовалъ нѣсколько разъ войти въ личныя сношенія съ Демьяномъ, но тотъ сначала былъ насторожѣ, помня враждебное къ нему отношеніе Дорошенка и слѣдуя совѣтамъ протопопа Адамовича и архіепископа черниговскаго, по мнѣнію котораго отъ сношеній между гетманами могло «только что не доброе произрасти». Въ началѣ своего гетманства, Демьянъ даже предостерегалъ московское правительство на счетъ Дорошенка, объясняя, что тотъ склоняется въ сторону Москвы и показываетъ покорность мнимую, ради того, чтобы сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ. Но съ теченіемъ времени взгляды Демьяна измѣнились.

Въ точности опредѣлить время, съ котораго начались тайныя сношенія Демьяна съ Дорошенкомъ, трудно; бывшая между ними переписка до насъ не дошла. Мы знаемъ только, что Дорошенко, встрѣтивъ сдержанное и недовѣрчивое отношеніе Демьяна къ своимъ попыткамъ завязать съ нимъ сношеніе, сначала просилъ даже въ Москвѣ разрѣшеніе сноситься съ Многогрѣшнымъ, увѣряя, что не станетъ его подговаривать и приводить къ какому-нибудь злу [2]). Но въ началѣ 1671 года Дорошенко уже измѣнилъ тактику и прямо предложилъ союзъ и помощь турецкаго султана Демьяну Игнатовичу, давая при этомъ ему понять, что онъ можетъ разсчитывать на гетманство и въ Западной Малороссіи, по смерти его, Дорошенка [3]). Прямыхъ указаній на то, съ какого именно времени Демьянъ сталъ склоняться на предложе-

---

[1]) На Корсунской радѣ 25-го сентября 1670 года, Дорошенко читалъ письмо Стеньки Разина, которое послѣ прочтенія изорвалъ. Въ декабрѣ того же года протопопъ Адамовичъ писалъ государю о поимкѣ лазутчика, ѣхавшаго съ листами отъ Дорошенки къ Разину.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи. Т. IX, №№ 94 и 93.

[3]) Акты Юж. и Зап. Россіи. Т. IX, № 90, стр. 364.

нія Дорошенка, мы не имѣемъ, но съ лѣта 1671 года начинають приходить въ приказъ Малой Россіи съ разныхъ сторонъ тревожныя вѣсти изъ Малороссіи, бросающія неблагопріятную тѣнь на поведеніе гетмана. 29-го іюля этого года явился въ Новый Осколъ къ воеводѣ кн. Г. Г. Ромодановскому, нѣкто Янъ Сѣножацкій, служившій въ гетманской канцеляріи въ Батуринѣ, и показалъ, что въ Полтавскій полкъ (не задолго передъ тѣмъ принявшій московское подданство) пришло 200 Степкиныхъ воровскихъ казаковъ [1]), которымъ, по приказу гетмана Демьяна, отведены дворы и приказано давать кормъ. 1-го іюля была въ Полтавѣ рада, съ участіемъ воровъ, и на ней говорили, чтобы измѣнить великому государю, а жители городовъ Миргородскаго и Гадячскаго полковъ говорятъ, что учинятъ, какъ полтавцы [2]). Путивльскій воевода, кн. Вл. Ив. Волконскій, въ то же время отписалъ въ Москву, что по вѣстямъ торговаго человѣка Бородавкина, только что вернувшагося въ Путивль изъ Нѣжина, у гетмана Демьяна Игнатовича съ Дорошенкомъ дружба большая, ссылаются они между собою по-часту. На разспросѣ въ воеводской канцеляріи Бородавкинъ показалъ: «гетманъ велѣлъ сего боку Днѣпра всѣ города чинить накрѣпко, въ скорыхъ дняхъ. Онъ, Бородавкинъ [3]), спрашивалъ нѣжинскаго протопопа (Симеона Адамовича) о причинѣ такого распоряженія, и протопопъ, отведя его въ сторону, отвѣтилъ, что самъ не знаетъ, по какимъ вѣстямъ отдано такое приказаніе. Путивльскій воевода, донеся о всемъ изложенномъ, прибавлялъ, что какъ онъ самъ, такъ и путивльскіе жители по вѣстямъ, приходящимъ изъ черкасскихъ городовъ, начинають опасаться повторенія недавно бывшей шатости, т. е. бунта, происшедшаго при Брюховецкомъ. Гетманъ Демьянъ смѣнилъ въ это время полковниковъ черниговскаго и лубенскаго и поставилъ на мѣсто перваго своего брата Василія, а Лубенскій полкъ отдалъ своему зятю Андрею Корнѣенко. Кромѣ того гетманъ Демьянъ сталъ говорить стрѣлецкому головѣ Михаилу Колупаеву (начальнику отряда стрѣльцовъ, стоявшаго по просьбѣ гетмана для охраны его личности въ Батуринѣ), что опасается, какъ бы великій государь не отдалъ его, гетмана, со всей Малороссіей полякамъ, а ему лучше у татаръ быть, чѣмъ у поляковъ. Частые разговоры гетмана на эту тему такъ же, какъ и постоянныя его сношенія съ Дорошенкомъ, о которыхъ Демьянъ ничего не говорилъ Колупаеву, встревожили послѣдняго, и онъ поспѣшилъ написать о всемъ

---

[1]) Послѣ пораженія и поимки Разина, многіе изъ его сторонниковъ бѣжали въ Черкасскіе города.

[2]) Архивъ юстиціи, дѣло Малор. приказа, кн. № 13, л.л. 262—265.

[3]) Тамъ же, лл. 253—259.

этомъ путивльскому воеводѣ [1]). Слухи о возникающей въ лѣвобережной Малороссіи шатости особенно усилились осенью 1671 г., вслѣдствіе чего нѣжинскій воевода, Ив. Ив. Ржевскій, поручилъ тамошнему протопопу Симеону Адамовичу разузнать о причинѣ ихъ.

11-го октября протопопъ сообщилъ Ржевскому, что Дорошенко присылалъ къ Демьяну Игнатовичу съ великою просьбою и угрозами, чтобы тотъ помогъ ему людьми, а если не пошлетъ помощи—онъ, Дорошенко, наведетъ на его сторону татаръ. Гетманъ Демьянъ исполнилъ требованіе Дорошенка и послалъ къ нему два казацкихъ отряда. Это извѣстіе показалось Ржевскому настолько важнымъ и вмѣстѣ мало вѣроятнымъ, что онъ послалъ одного довѣреннаго стрѣльца въ мѣстечко Носовку [2]) для развѣдокъ; сообщеніе протопопа оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Всѣ эти, повидимому, мелкіе и незначительные факты получаютъ значеніе, если мы обратимъ вниманіе на положеніе, въ которомъ тогда находился Дорошенко, добившійся, наконецъ, въ Константинополѣ, черезъ своего резидента, рѣшенія султана принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Малороссіи.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Дорошенко въ 1667 г., отрѣзавшись отъ Польши, сталъ искать турецкой протекціи и просилъ султана принять его и казаковъ въ свое подданство, въ качествѣ вассальнаго государства. Султанъ обѣщалъ Дорошенку прислать посольство для принятія его въ подданство. Это посольство, задержанное за Днѣстромъ, въ мѣстечкѣ Цекуновкѣ, наконецъ прибыло въ станъ Дорошенка подъ Уманью. Турецкій посолъ Капиджи-паша вручилъ Дорошенку знаки власти, присланные султаномъ: булаву, знамя, бунчукъ и саблю, а также грамоту султана, гласившую, что пади-шахъ готовъ принять казаковъ и ихъ землю подъ свою оборону, не требуя отъ нихъ никакихъ податей и даней, кромѣ присылки войска, по его указу въ потребныхъ случаяхъ. «Ханъ Крымскій», было сказано въ грамотѣ, «мой слуга и Петръ Дорошенко съ войскомъ запорожскимъ тоже мой слуга, пусть оба между собой крѣпкое братство имѣютъ. Хана Крымскаго и татаръ буджайскихъ и ногайскихъ, и пашей, и господарей, и всѣхъ слугъ моихъ не бойтесь. Если не рушимо свой договоръ додержите, всѣмъ вамъ и землѣ вашей буду обороною и всѣхъ васъ подъ крылѣ свои пріемлю». Но на этотъ разъ султанская оборона ограничилась только тѣмъ, что по приказанію турецкаго посла татарскія орды, воевав-

---

[1]) Письмо стрѣлецкаго головы Михаила Колупаева къ воеводѣ кн. В. И. Волконскому, отъ 21-го іюля 1671 г. въ Арх. минист. юстиціи, въ дѣлахъ Малор. приказа, кн. № 13.

[2]) Мѣстечко Носовка было во владѣніяхъ Дорошенка, по ту сторону Днѣпра.

шія противъ Дорошенка, съ Суховѣемъ и Ханенкомъ, ушли въ Крымъ, предоставивъ чигиринскому гетману самому вѣдаться со своими противниками. Уманцы не пустили Дорошенка въ свой городъ, а Ханенко не поѣхалъ въ Чигиринъ, гдѣ должна была собраться рада для рѣшенія спора между ними. Ханенко принялъ польское подданство и продолжалъ войну съ чигиринскимъ гетманомъ. Крымскій ханъ Адиль-Гирей, не расположенный къ Дорошенку, хотя по султанскому указу и выходилъ на помощь къ чигиринскому гетману, но весьма не охотно, и весной 1671 г., когда Дорошенко пошелъ походомъ на Бѣлую Церковь, занятую польскимъ гарнизономъ, не подалъ ему помощи. Ханъ Адиль, выступивъ съ ордой изъ Крыма, встрѣтилъ на пути запорожцевъ съ Ханенкомъ и Сѣркомъ и послѣ непродолжительной съ ними битвы заключилъ миръ и ушелъ обратно въ свои улусы. Военныя дѣйствія лѣтомъ этого года были весьма неудачны для Дорошенка, онъ простоялъ нѣсколько недѣль подъ Бѣлой Церковью, которая ему не сдалась, а между тѣмъ въ Подоліи Ханенко съ Сѣркомъ побивали его сторонниковъ, а польскій коронный гетманъ Янъ Собѣскій покорилъ почти всѣ города Подоліи Рѣчи Поополитой. Но лѣтомъ 1671 г. Дорошенку удалось наконецъ уладить свои дѣла въ Константинополѣ. Крымскій ханъ Адиль-Гирей, заключившій было мирный договоръ съ Москвой и не дававшій помощи Дорошенку, былъ смѣщенъ султаномъ, по его жалобѣ и султанскій чаушъ привезъ въ Бахчисарай грамоту о назначеніи новаго хана Селимъ-Гирея. Онъ сейчасъ же, по вступленія во власть, обнаружилъ враждебное отношеніе къ Москвѣ и пріостановилъ, условленный его предшественникомъ, обмѣнъ плѣнныхъ и отказался утвердить заключенный Адиль-Гиреемъ мирный договоръ съ московскимъ правительствомъ [1]). Успѣхи поляковъ въ Подоліи, гдѣ польскій коронный гетманъ Янъ Собѣскій отобралъ у Дорошенка, сторонника султана, почти всѣ подвластные ему города, раздражили Магомета IV, видѣвшаго въ этомъ оскорбленіе калифата. Съ осени 1671 года начинаются сборы турецкаго войска подъ Адріанополемъ, въ виду предстоящаго весной похода на Польшу. Султанъ, предполагавшій провести зиму въ Анатоліи, услыхавъ, что польскія войска безпокоятъ владѣнія гетмана Дорошенка,—«поступившаго со всѣмъ народомъ казацкимъ въ число невольниковъ высокаго порога нашего», писалъ султанъ королю польскому [2]),—повернулъ къ Андріанополю свои войска, гдѣ былъ назначенъ сборъ турецкому войску. Въ этой грамотѣ, посланной Маго-

[1]) Соловьевъ. Истор., т. XII, стр. 84. Костомаровъ. Истор. моногр., т. XV стр. 326 и 327.

[2]) Это письмо султана напечатано Костомаровымъ въ XV т. его монографій.

метомъ въ февралѣ 1672 г. въ Варшаву къ королю, съ чаушемъ Ахметомъ, султанъ требовалъ, чтобы поляки оставили въ покоѣ гетмана Дорошенка и жительство казаковъ, удаливъ войска въ свои предѣлы, иначе онъ, султанъ, признаетъ миръ нарушеннымъ и двинется на поляковъ весной во всемъ величіи и могуществѣ калифата, съ непобѣдимымъ воинствомъ своимъ, «которое многочисленнѣе звѣздъ и мужественнѣе львовъ».

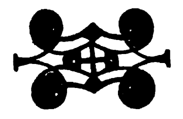
По отсылкѣ этой грамоты,—пишетъ Костомаровъ,—не дожидаясь даже на нее отвѣта, былъ изданъ указъ всѣмъ анатолійскимъ и румелійскимъ войскамъ собраться въ Андріанополѣ къ 23-му апрѣля, а хану крымскому Селиму-Гирею послано 5 тысячъ золотыхъ червонцевъ на сапоги, какъ это велось, когда ханъ, со всѣми ордами, призывался на турецкую службу [1]). Изъ этого уже достаточно видно, что вопросъ о походѣ въ Малороссію былъ рѣшенъ султаномъ прежде отправленія вышеуказаннаго письма королю, т. е. до февраля 1672 г. Но мы сверхъ того знаемъ изъ другихъ источниковъ, что сборъ турецкаго войска подъ Адріанополемъ начался еще зимой, какъ это показалъ 11-го февраля 1672 г. въ приказной избѣ кіевскому воеводѣ кн. Козловскому кіевскій житель Степанъ Васильевъ, посланный въ Волошскую землю для вѣстей о сборѣ турецкаго войска [2]). Во время происходившихъ въ Москвѣ, зимою 1671—1672 г., переговоровъ съ польскими послами Яномъ Гнинскимъ и Павломъ Бростовскимъ, уже обсуждался весьма серьезно вопросъ о предстоящемъ наступленіи турокъ на Малороссію и Польшу; польскіе послы усиленно требовали, въ такомъ случаѣ, помощь у московскаго правительства, ратными людьми, согласно союзному договору, заключенному 14-го декабря 1667 г. Ордыномъ-Нащокинымъ Вѣсти о приготовленіяхъ Турціи къ войнѣ съ Польшей и о походѣ въ Малороссію несомнѣнно еще до зимы дошли въ послѣднюю, и сообщилъ ихъ гетману Демьяну самъ Дорошенко. Мы знаемъ, что уже 7-го февраля 1672 г. Демьянъ Игнатовичъ, принимая московскаго гонца, стрѣлецкаго полуголову Александра Танѣева, говорилъ ему вполнѣ увѣренно, что на Дунаѣ стоитъ наготовѣ 20 тысячъ турецкаго войска, для вторженія въ Польшу [3]). Осенью 1671 г., тѣснимый польскимъ войскомъ короннаго гетмана Яна Собѣскаго, которому помогали Сѣрко и Ханенко съ своими казаками, чигиринскій гетманъ былъ въ большомъ упадкѣ—почти всѣ правобережные казаки отъ него отстали, вѣрными ему оставались только охочее войско—серденята [4]) и сборные казаки изъ

[1]) Костомаровъ. Тамъ же, стр. 407.
[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, № 142, стр. 656.
[3]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, №138, л. 634.
[4]) Серденятами назывались наемные охочіе казаки разныхъ національностей, по имени перваго полковника такого полка—Серденя.

разныхъ полковъ; татаръ съ нимъ было мало. Поэтому Дорошенко усиленно домогался помощи отъ Демьяна и прельщалъ его всякими обѣщаніями. Бусурманская помощь запоздала, самъ ханъ Селимъ-Гирей не пришелъ, а прислалъ только 6.000 крымцевъ съ Нурединомъ-султаномъ. Обѣщанная султаномъ бѣлгородская орда, посланная къ Дорошенку силистрійскимъ пашей, прибыла не ранѣе 18-го ноября 1671 г., а съ нею пришелъ и турецкій отрядъ, по однимъ свѣдѣніямъ въ 10 тысячъ человѣкъ, по другимъ всего 2 тысячи [1]). Вотъ всѣ эти событія и произвели перемѣну въ гетманѣ Демьянѣ. Онъ говорилъ: съ кѣмъ крымскій ханъ, тотъ и панъ, и въ откровенной бесѣдѣ со старшинами славилъ необычайное могущество и силу султана. Когда пріѣхали къ султану, разсказывалъ онъ старшинѣ, послы московскій и польскій, то султанъ велѣлъ сказать польскому, чтобы король польскій звался не королемъ, а короликомъ, понеже, дескать, онъ мой подданный, а что царь московскій—такъ я его считаю какъ бы за одного изъ черныхъ татаръ моихъ [2]).

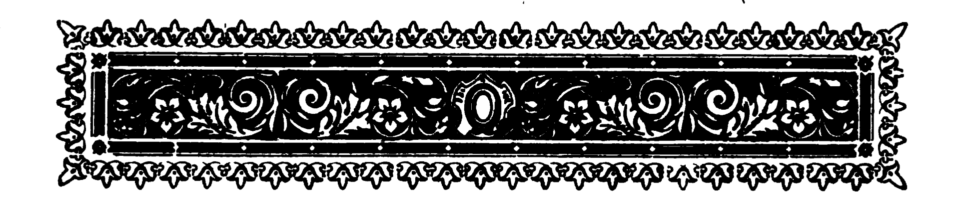
Пав. Матвѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



[1]) Костомаровъ. Монограф., т. XV, стр. 329.

[2]) Эти слова Демьяна написаны въ обвинительныхъ пунктахъ, представленныхъ отъ имени старшины Карпомъ Мокріевичемъ въ Москвѣ, когда туда былъ привезенъ низложенный гетманъ Демьянъ.



КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ
и ея переписка съ разными лицами.

VI [1]).

Переписка кн. Ливенъ съ Греемъ во время польскаго возстанія.—Сочувствіе Ливенъ къ проведенію Греемъ избирательной реформы.—Посылка лорда Дургама въ Петербургъ.—Участіе Ливенъ въ назначеніи Англіею посланника при русскомъ Дворѣ.—Поѣздка Ливенъ въ Россію.—Пребываніе въ Петергофѣ.—Возвращеніе въ Лондонъ.—Натянутыя отношенія ея съ англійскимъ кабинетомъ.—Отозваніе изъ Лондона графа Ливена.—Отставка Грея.

Въ исходѣ ноября 1830 г. вспыхнуло польское возстаніе въ то самое время, когда Грей занялъ въ Англіи постъ перваго министра. Легко понять, что если Грей и Ливенъ едва не поссорились изъ-за Греціи, то событія, разыгравшіяся въ Варшавѣ, явились для нихъ предметомъ еще болѣе страстной полемики и едва не привели къ окончательному между ними разрыву.

Лордъ Грей высказался по поводу этихъ событій въ письмѣ, написанномъ весьма сдержанно и съ широтою взглядовъ, которая ставитъ его гораздо выше его раздражительной корреспондентши, писавшей ему слѣдующее по поводу одной изъ его рѣчей въ парламентѣ:

«Даю вамъ слово, что если бы наши оффиціальные интересы когда-либо разошлись, то мое расположеніе къ вамъ отъ этого не пострадаетъ, но не забывайте, милордъ, что при занимаемомъ мною положеніи, тотъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г., іюнь.

государственный человѣкъ, который въ парламентѣ не пощадитъ моего Двора, съ трудомъ могъ бы остаться въ близкихъ со мною отношеніяхъ».

Извѣстно, какія симпатіи вызвало въ Европѣ польское возстаніе. Высказывая Ливенъ свои опасенія по поводу того, какъ бы западныя державы не воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Россіи въ своихъ личныхъ видахъ, Грей писалъ кн. Ливенъ 15-го (27-го) января 1831 г.:

«Я не могу не сказать еще разъ, какъ искренній другъ Россіи и какъ человѣкъ, искренно желающій сохраненія мира въ Европѣ, что я очень желаю, чтобы были найдены средства окончить это злополучное дѣло такъ, чтобы не возстановить общественное мнѣніе Европы противъ васъ».

Вскорѣ послѣ того какъ было высказано это пожеланіе, въ началѣ февраля 1831 г. русская армія подъ начальствомъ Дибича вступила въ Польшу. Это извѣстіе было принято въ Европѣ съ негодованіемъ, и Ливенъ горько жаловалась Грею на газеты, которыя помѣщали нападки на императора:

«Прошу васъ прочесть вчерашній номеръ «Курьера»,—писала она 24-го февраля (8-го марта) 1831 г.;—скажите мнѣ откровенно, читали-ли вы когда-либо что-нибудь болѣе оскорбительное, нежели то, что̀ написано тутъ о монархѣ и державѣ, дружественныхъ Англіи. «Курьеръ» часто заявляетъ, что его сообщенія имѣютъ оффиціальный характеръ, но мнѣ кажется, что власть, руководящая его статьями, могла бы также и запретить подобныя статьи. Вамъ должно быть извѣстно, что въ Англіи и за границей всѣ считаютъ «Курьера» газетой полуоффиціальной. Подумайте, прошу васъ, о томъ, какое впечатлѣніе могутъ произвести подобныя статьи».

«Я прочиталъ статью «Курьера»,—отвѣчалъ Грей въ тотъ же день,—и былъ очень огорченъ ею; но когда общественное мнѣніе такъ сильно возбуждено, какъ въ данномъ случаѣ, въ дѣлѣ Польши, то руководить газетами нѣтъ никакой возможности.

«Я полагалъ, что послѣ такого долгаго пребыванія въ Англіи, вамъ извѣстно, что правительство не имѣетъ никакой власти надъ газетами».

Княгиня не хотѣла этого понять, а равно и того, что въ Англіи министръ обязанъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ даже тогда, когда онъ не раздѣляетъ его. Поэтому она раздражалась, сердилась на Грея, принимала его нелюбезно, а онъ оставался твердъ, хотя по-прежнему вѣжливъ и немного грустенъ.

Съ самаго начала 1831 г. временное правительство въ царствѣ Польскомъ, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Чарторыйскій, пыталось неоднократно пріобрѣсти поддержку со стороны западно-европейскихъ кабинетовъ, въ томъ числѣ и англійскаго.

Съ этой цѣлью въ январѣ пріѣхали въ Лондонъ Валевскій и маркизъ Велепольскій, а въ августѣ былъ присланъ Нѣмцевичъ.

«Вы узнаете,—писалъ Грей княгинѣ Ливенъ 13-го (25-го) августа,—что въ Лондонъ прибылъ новый польскій депутатъ. Онъ привезъ ко мнѣ письмо отъ князя Адама (Чарторыйскаго) и просилъ видѣть меня, въ чемъ я, по моему мнѣнію, не могъ ему отказать.

«Въ понедѣльникъ онъ и будетъ у меня».

Княгиня благодарила лорда за сообщеніе подобнаго рода свѣдѣній, (она ихъ немедленно передавала въ Берлинъ и Петербургъ), «но,—прибавляла она,—моя признательность не исключаетъ сожалѣнія по поводу выраженнаго вами теперь согласія на то, въ чемъ вы благоразумно сочли за лучшее отказать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ маркизу Велепольскому. Онъ также привезъ вамъ письмо князя Чарторыйскаго. Письмо вы приняли, а подателя не удостоили аудіенціи, и, поступая такимъ образомъ, вы сообразовались съ достоинствомъ премьера Англіи и съ честью державы, союзной и дружественной къ вамъ Россіи. Ваше положеніе такъ высоко, что по необходимости величайшая важность придается всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, и вотъ почему императоръ, прекрасно освѣдомляемый обо всѣхъ дѣйствіяхъ польскихъ агентовъ, и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ оцѣнилъ и выразилъ свою признательность вамъ за вашу прямую и дружественную политику въ отношеніяхъ его къ полякамъ».

Какъ оказалось, впрочемъ, Грей далеко не былъ такимъ сторонникомъ Россіи въ польскомъ вопросѣ, какимъ считала его Ливенъ, и княгиня даже не совсѣмъ точно передавала его взгляды императорскому кабинету. Въ исходѣ декабря 1831 года, въ Лондонъ прибылъ еще новый депутатъ, на этотъ разъ самъ князь Адамъ Чарторыйскій. Случайно ускользнувъ отъ русскаго плѣна, Чарторыйскій бѣжалъ въ Краковъ. Въ Австріи, благодаря содѣйствію Меттерниха, онъ получилъ подложный паспортъ (на имя Георга Гофмана), благополучно проѣслѣдовалъ черезъ Германію и 10-го (22-го) декабря (1831 года) пріѣхалъ въ Лондонъ. Наканунѣ новаго года, т. е. 19-го (31-го) декабря, Чарторыйскій обѣдалъ у Грея и произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе, о чемъ Грей увѣдомилъ Ливенъ въ письмѣ отъ 1-го января 1832 года. На другой же день княгиня, сдѣлавъ изъ этого обстоятельства цѣлое событіе, потребовала объясненія у Грея. «Князь Ливенъ,—писала она,—уже освѣдомленъ о той чести, какую вы оказали Чарторыйскому, пригласивъ его обѣдать въ вашемъ домѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами кабинета. Вслѣдствіе этого, мой супругъ просилъ Пальмерстона повидаться съ нимъ (т. е. съ княземъ Ливеномъ), желая сообщить лорду нѣкоторыя по этому предмету соображенія. Дорогой милордъ! человѣкъ, который былъ принятъ первымъ министромъ Англіи, съ такимъ почетомъ, какой онъ могъ бы оказать только высокопоставлен-

ному иностранцу есть государственный преступникъ, изобличенный въ измѣнѣ противъ монарха, друга и союзника Англіи. И неужели же, послѣ цѣлаго года усилій со стороны русскаго посла сохранить, дѣйствуя вмѣстѣ съ Англіею, общій миръ въ Европѣ, неужели же этотъ мятежникъ, виновный въ государственной измѣнѣ передъ своимъ государемъ, встрѣчаетъ самый лестный и ободряющій его пріемъ у главы англійскаго правительства? Дорогой милордъ, ваше состраданіе къ князю Чарторыйскому въ высшей степени гуманно, мнѣ такъ же жаль его, изъ-за его ошибокъ и изъ-за того, что онъ виновенъ въ гибели столькихъ тысячъ жизней. Однако, выражая къ нему болѣе, чѣмъ состраданіе, вы потеряли изъ виду именно то, что государственный человѣкъ отвѣчаетъ передъ обществомъ за свои поступки, и что онъ долженъ руководствоваться въ нихъ не своими симпатіями и не расположеніемъ къ кому-либо; поэтому пріемъ, какой вы оказали князю Чарторыйскому, можетъ быть сочтенъ такимъ союзникомъ, какъ Россія, за оскорбленіе. Когда лордъ Грей—первый министръ Англіи, лордъ Грей, какъ частное лицо, не существуетъ болѣе. Все, что онъ дѣлаетъ въ этомъ званіи, является дѣйствіями Англіи. Это первая непріятность, которую мы получаемъ отъ великобританскаго правительства съ тѣхъ поръ, какъ мы аккредитованы при немъ, и такъ какъ она исходитъ отъ васъ,то она вызываетъ сердечную боль».

Лордъ Грей не замедлилъ отвѣтомъ.

«Я получилъ ваше письмо сегодня утромъ,—отвѣчалъ Грей 23-го декабря 1831 г. (4-го января 1832 г.). Не скажу, чтобы я былъ удивленъ этимъ письмомъ, ибо сообщеніе, сдѣланное мнѣ Пальмерстономъ объ его въ высшей степени странномъ разговорѣ съ княземъ Ливеномъ, подготовило меня къ его содержанію, но я прочелъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Всякой другой особѣ я бы отвѣтилъ коротко. Я сказалъ бы, что ни одному посланнику иностранной державы не подобаетъ дѣлать, а мнѣ выслушивать подобныя сообщенія. Но вамъ я не могу писать въ грубомъ, не допускающемъ возраженій тонѣ. Я полагаю, что это первый случай, когда иностранный посолъ присвоилъ себѣ право сдѣлать запросъ члену кабинета относительно того, кого онъ можетъ приглашать къ себѣ на обѣдъ, и справедливости подобнаго притязанія, будьте увѣрены—я никогда не признаю. Я прошу позволенія напомнить вамъ о той безупречной точности, съ какою этотъ кабинетъ исполнялъ всѣ свои обязанности, вытекавшія, во-первыхъ, изъ объявленнаго имъ нейтралитета по отношенію къ воевавшимъ сторонамъ, и во-вторыхъ, изъ дружественныхъ отношеній его къ Россіи во время борьбы, происходившей въ Польшѣ. Я, лично, старательно руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ этимъ принципомъ. Избѣгалъ я по возможности всякихъ сношеній съ польскими агентами и въ особенности съ княземъ

Чарторыйскимъ, пока онъ былъ членомъ правительства, и даже не отвѣчалъ на письма, имъ ко мнѣ адресованныя. Вы знаете, каковъ былъ отвѣтъ (англійскаго) кабинета, данный главнымъ образомъ по моему настоянію, на предложенія Франціи о вмѣшательствѣ. Послѣ этого я, кажется, не имѣлъ повода ожидать такого замѣчанія, которое князь Ливенъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать, и притомъ не мнѣ, а другому члену кабинета, относительно такого факта, который не имѣлъ бы никакого значенія, ежели бы онъ не придалъ ему этимъ поступкомъ особаго смысла.

«Когда Чарторыйскій прибылъ въ Англію, я не видѣлъ въ немъ болѣе лицо, облеченное властью или находящееся въ оппозиціи къ дружественному намъ правительству, хотя, если бы это и было такъ, то я не вижу причины, почему я не могъ бы оказать самой простой вѣжливости несчастному эмигранту, потерявшему все, чтò онъ имѣлъ, и не сдѣлавшему ничего, чтó унижало бы его нравственно въ моихъ глазахъ, и имѣющему право, въ силу давняго знакомства и испытанныхъ имъ несчастій, на мою личную любезность и вниманіе. Таково было положеніе Чарторыйскаго, и таковы были обстоятельства, когда князь Чарторыйскій выразилъ желаніе видѣть меня, а я предложилъ ему прибыть въ Шинъ (Sheen) и отобѣдать въ тотъ именно день, когда Пальмерстонъ уже былъ приглашенъ ко мнѣ. И всему этому придано значеніе враждебнаго поступка, впервые проявленнаго Англіей по отношенію къ Россіи въ теченіе долгаго періода девятнадцати лѣтъ... Я, конечно, понимаю всѣ обязанности, которыя налагаетъ на меня званіе перваго министра, и, надѣюсь, исполняю ихъ добросовѣстно, по крайней мѣрѣ, я стараюсь объ этомъ. Но я не могу допустить, чтобы онѣ ограничивали меня въ дѣлѣ, касающемся моихъ частныхъ и общественныхъ отношеній».

Несмотря на эти заявленія Грея, не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что его кабинетъ далеко не былъ такъ настроенъ въ пользу англо-русскаго союза, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, и какъ этого желалъ Грей отчасти по личнымъ убѣжденіямъ, а можетъ быть и подъ вліяніемъ княгини Ливенъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ его кабинетѣ былъ Пальмерстонъ, замѣшанный въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, которыя русскій кабинетъ могъ считать прямо враждебными.

Ливенъ долго не могла успокоиться по поводу пріема, оказаннаго Чарторыйскому.

«Я весьма недовольна тѣмъ, что Чарторыйскій былъ принятъ (Греемъ),—писала она брату 24-го декабря 1831 г. (5-го января 1832 г.), и я не постѣснилась высказать кому слѣдуетъ кое-какія непріятныя истины. Въ настоящее время мое мнѣніе таково, что все это было

сдѣлано только по глупости и по незнанію приличій. Англичане учатся латыни, но они не учатся правиламъ приличія.

«Герцогъ Веллингтонъ очень боленъ и долго не будетъ въ состояніи принять участіе въ дѣлахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что билль о реформѣ пройдетъ, но когда это будетъ окончено, нынѣшнее министерство, вѣроятно, распадется.

«Франція и Англія кокетничаютъ другъ съ другомъ, а лордъ Грей слабъ и легко поддается вліянію, поэтому здѣсь не все идетъ благополучно».

Несмотря на случайныя размолвки между Ливенъ и Греемъ, вызванныя ходомъ дѣлъ въ Польшѣ, княгиня принимала по-прежнему горячее участіе въ своемъ другѣ и слѣдила со страстнымъ вниманіемъ за ожесточенной борьбою, которую онъ велъ въ парламентѣ съ самаго вступленія своего въ министерство, чтобы провести свой билль реформъ (избирательную реформу). Эта долгая борьба почти семидесятилѣтняго старца съ рутиной, эгоизмомъ и алчностью, накопленными вѣками, была настоящею парламентскою драмою.

«Я ненавижу эту палату!—восклицала Ливенъ,—какую жизнь вы ведете изъ-за нея!»

Но Грей зналъ, что эта мирно проведенная реформа будетъ его славою, и что ему одному удастся провести ее.

Ливенъ совѣтовала ему подкрѣпить свое министерство; одно время она боялась неудачи и старалась утѣшить геройскаго борца.

«Вы плохо знаете меня,—писалъ онъ,—если вы думаете, что, предпринявъ столь важную мѣру, я могу отступить передъ ея послѣдствіями.

«За меня король и общественное мнѣніе, герцогъ Веллингтонъ не такъ силенъ въ парламентѣ, какъ на полѣ битвы!

«Въ палатѣ лордовъ не бываетъ Ватерлоо, и общественнымъ мнѣніемъ нельзя командовать, какъ полками! Взглядъ герцога—взглядъ человѣка, не понимающаго духа времени».

Насталъ день, когда пораженіе Грея казалось неизбѣжнымъ; министерство осталось въ меньшинствѣ.

После 24-часоваго размышленія Вильгельмъ IV согласился распустить палаты, и Грей, по выходѣ изъ совѣта, послалъ своему другу слѣдующую записку съ надписью «секретно»:

«Наша участь рѣшена, мы остаемся министрами. Я не могу ничего болѣе писать вамъ въ настоящую минуту, и это должно быть тайною, по крайней мѣрѣ, поскольку оно исходитъ отъ меня. Король поступилъ, какъ ангелъ»

Послѣ цѣлаго мѣсяца страстной борьбы, когда Грей, изнемогая, уже собирался уѣхать въ свое имѣнье Гоукъ, его противники были

побѣждены: 4-го іюня н. ст. 1832 г. билль реформъ сталъ закономъ. Было пора, силы уже начали измѣнять Грею.

«Мнѣ чуть не сдѣлалось дурно вчера, когда я говорилъ въ палатѣ»,— писалъ онъ Ливенъ, сообщая о своей побѣдѣ.

Въ это самое время лордъ Грей рѣшилъ (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1832 г.) послать въ Петербургъ своего зятя, лорда Дургама, женатаго на его старшей дочери Елизаветѣ, поручивъ ему склонить русское правительство измѣнить свою политику.

Истинная цѣль миссіи Дургама долго оставалась тайною для многихъ.

«Times» возвѣщалъ, что Дургамъ отправленъ будто-бы съ цѣлью хлопотать за поляковъ въ Петербургѣ. Другіе предполагали, что великобританскій кабинетъ желалъ заручиться поддержкою Петербургскаго двора, дабы общими силами побудить голландскаго короля къ признанію независимости Бельгіи. Можно думать, что рѣшеніе бельгійскаго вопроса скорѣе занимало Пальмерстона, тогда какъ Грей желалъ успокоить русскій кабинетъ въ особенности послѣ тѣхъ бурныхъ сценъ, какія были въ засѣданіи палаты общинъ 16-го (28-го) іюня, когда внутренняя политика Россіи подверглась рѣзкому осужденію, выраженному при томъ въ неприличной и оскорбительной формѣ, по поводу чего лордъ Грей выразилъ въ палатѣ лордовъ свое сожалѣніе. Лордъ Грей питалъ увѣренность, что Дургаму удастся разсѣять предубѣжденіе противъ кабинета виговъ, раздѣляемое въ Петербургѣ, а также убѣдить и другіе кабинеты Берлина и Вѣны, что англійское правительство вовсе нельзя считать другомъ агитаторовъ и революціонеровъ.

Княгиня Ливенъ желала только, чтобы Дургама «сердечно приняли» въ Петербургѣ. «Прошу васъ,—писала она брату 17-го (29-го) іюня 1832 г.,—дать графу Нессельроде прочитать мое письмо, въ которомъ я говорю о лордѣ Дургамѣ. Скажу вамъ откровенно, что его поѣздка (въ Петербургъ) мучаетъ меня.

«Сказать, что я возлагаю надежду на успѣхъ его миссіи, было бы преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что результатъ ея будетъ вполнѣ зависѣть отъ воли и желанія императора. Но не подлежитъ сомнѣнію, что если императоръ захочетъ, то можетъ, черезъ Дургама, руководить политикой англійскаго кабинета. Если только императоръ окажетъ ему на половину такое вниманіе, какое здѣсь выказали Орлову [1]), то онъ будетъ всецѣло нашъ, по убѣжденію и чувству—а въ настоящее время онъ руководитъ Англіей.

[1]) Генералъ-адъютантъ Орловъ, посланный съ спеціальной миссіей въ Гагу, только-что передъ тѣмъ пробылъ пять недѣль въ Лондонѣ и вернулся въ Петербургъ съ ратификаціей договора, касавшагося Бельгіи и Голландіи.

«Онъ уѣзжаетъ въ будущій понедѣльникъ 20-го іюня (2-го іюля), остановится дня на два въ Копенгагенѣ и предполагаетъ быть въ Петербургѣ 1-го (13-го), въ чемъ я сомнѣваюсь. Онъ хочетъ побывать въ Москвѣ и уѣдетъ изъ Петербурга въ сентябрѣ. Здѣсь говорятъ, будто цѣль его путешествія—поправленіе здоровья и болѣе ничего.

«Дургамъ человѣкъ въ высшей степени тщеславный; это самый высокомѣрный изъ здѣшнихъ аристократовъ, не далѣе какъ вчера онъ увѣрялъ меня, что онъ происходитъ по прямой линіи отъ англійскихъ королей! Здѣсь никто его не любитъ. Говоря о немъ, король называетъ его не иначе, какъ «Робертъ дьяволъ». Вчера его величество сказалъ мнѣ:

— Благодаря Бога, мы избавимся отъ него на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Все это прекрасно, ваше величество, отвѣчала я, но почему же мы должны платиться за это?

— Повѣрьте мнѣ,—отвѣчалъ король,—это можетъ послужить даже вамъ на пользу, онъ до того тщеславенъ, что онъ постарается понравиться и достигнуть успѣха; оказавъ ему самое ничтожное вниманіе, вы можете снискать его симпатію, а это будетъ какъ нельзя болѣе полезно для обоихъ государствъ!

«Во всякомъ случаѣ, дорогой Александръ,—писала княгиня въ заключеніе этого письма,—я умоляю васъ быть какъ можно любезнѣе съ лордомъ и лэди Дургамъ. Лордъ Грей любитъ свою дочь болѣе всего на свѣтѣ».

Таковъ былъ портретъ Дургама, начертанный княгинею Ливенъ.

Лордъ Дургамъ прибылъ въ Кронштадтъ только 5-го (17-го) іюля, какъ разъ въ то время, когда тамъ находился императоръ Николай, производившій смотръ части военнаго флота.

Узнавъ о пріѣздѣ лорда, императоръ отправилъ къ нему одного изъ своихъ офицеровъ съ приказаніемъ передать лорду желаніе государя «принять его какъ частное лицо и познакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ лордъ Дургамъ представитъ свои вѣрительныя грамоты въ качествѣ посла». Какъ сообщаетъ Грей, Дургамъ немедленно исполнилъ полученное имъ, милостивое приглашеніе государя, прибылъ на императорскую яхту и велъ продолжительную бесѣду съ императоромъ «главнымъ образомъ по дѣламъ, касавшимся Бельгіи».

Встрѣтивъ сердечный и въ высшей степени радушный пріемъ со стороны государя, лордъ Дургамъ былъ глубоко тронутъ его вниманіемъ. Нѣсколько дней спустя лордъ былъ приглашенъ ко двору въ Петергофъ, гдѣ къ нему отнеслись также съ предупредительной любезностью. Бенкендорфъ, Чернышевъ, Орловъ и Нессельроде оказывали лорду особенное вниманіе.

Принявъ такъ любезно близкаго родственника Грея, императоръ

Николай тѣмъ самымъ выражалъ ему свою благодарность, считая его благорасположеннымъ къ себѣ и желая найти въ немъ противовѣсъ вліянію его ближайшихъ товарищей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

«Послѣ нашей встрѣчи, дорогой лордъ,—писала княгиня Ливенъ Грею 25-го іюля (6-го августа) 1832 г.,—я получила еще нѣсколько писемъ изъ Петербурга. Мнѣ сообщаютъ дальнѣйшія подробности, о пріемѣ лорда Дургама при нашемъ дворѣ. Одинъ и тотъ же вопросъ постоянно повторялся: «Доволенъ-ли лордъ Грей? ибо мы имѣемъ постоянно въ виду его, когда выражаемъ наше уваженіе и благорасположеніе къ его зятю и дочери».

Грей понималъ это и отвѣчалъ княгинѣ [1]): «Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы я не оцѣнилъ благорасположенія, оказаннаго мнѣ лично, и милостиваго вниманія, съ коимъ лордъ Дургамъ былъ принятъ императоромъ.

Миссія Дургама не имѣла однако желаемаго результата.

Лордъ Пальмерстонъ составилъ проектъ новаго договора, который былъ представленъ на обсужденіе датскаго и бельгійскаго правительствъ и принятъ послѣднимъ, тогда какъ датчане отказались даже отъ обсужденія его.

Когда это рѣшеніе было сообщено конференціи,въ сентябрѣ мѣсяцѣ засѣдавшей въ Лондонѣ, то французскій уполномоченный, Талейранъ, предложилъ, чтобы Голландію заставили принять этотъ договоръ; его поддержалъ въ этомъ Пальмерстонъ.

«Лордъ Пальмерстонъ жалкій, ограниченный человѣкъ,—писала Ливенъ [2]);—онъ желаетъ войны, которая дала бы ему возможность скрыть сдѣланныя имъ ошибки. Лордъ Грей, повидимому, очень смущенъ, но онъ сбитъ съ толку и слабъ. Лордъ Дургамъ, я полагаю, также желаетъ войны, такъ какъ онъ любитъ рѣшительныя дѣйствія, однако, я замѣчаю, что онъ не доволенъ англійской дипломатіей и совершенно расходится во взглядахъ съ лордомъ Пальмерстономъ. Изъ этого я заключаю, что онъ не одобряетъ его образа дѣйствій, который привелъ бы къ неизбѣжной, повидимому, катастрофѣ [3]).»

---

[1]) 28-го іюля (6-го августа) 1832 г.

[2]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 6-го (18-го) октября 1832 г.

[3]) Политика Пальмерстона въ бельгійскомъ вопросѣ привела,какъ извѣстно, вскорѣ къ роковой развязкѣ: когда отъ Голландіи потребовали, чтобъ она вывела изъ Бельгіи свои войска, то она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ и удерживала Антверпенъ и форты на Шельдѣ. Тогда Жерардъ перешелъ, 15-го ноября н. ст. 1832 г., границу и двинулся къ Антверпену, который капитулировалъ только 23-го декабря, послѣ упорнаго сопротивленія, но прошло еще не мало времени, пока Голландія согласилась признать новое королевство Бельгію.

«Я не могу достаточно нахвалиться тѣмъ, въ какихъ выраженіяхъ лордъ Дургамъ отзывается (о пріемѣ, оказанномъ ему въ Петербургѣ). Онъ говоритъ объ императорѣ восторженно; по его мнѣнію, государь принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые сумѣютъ выказать себя, въ какое бы положеніе ихъ ни поставила судьба, но при его энергіи и силѣ воли, обширномъ умѣ, необыкновенной способности обнять всѣ стороны своего исключительно высокаго положенія, онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми правителю столь обширной имперіи, какова Россія.

«Я повторяю вамъ дословно то, что мнѣ говорилъ Дургамъ. Онъ тронутъ, польщенъ и благодаренъ за милостивое вниманіе и довѣріе, оказанныя ему императоромъ. Его послѣднее свиданіе съ нимъ произвело на него огромное впечатлѣніе, которое никогда не изгладится изъ его памяти. Онъ всегда почтетъ за долгъ и честь выразить громко свою преданность и свое преклоненіе предъ императоромъ и увѣренность въ чистосердечіе нашего кабинета. Это послѣднее его личное мнѣніе, которое не раздѣляется никѣмъ, «ибо я встрѣтилъ противорѣчіе даже въ кабинетѣ», присовокупилъ онъ, какъ бы считая нужнымъ предостеречь меня.

«Онъ выказываетъ свою руссоманію на тысячу ладовъ и доходитъ въ этомъ до смѣшнаго. Онъ хочетъ жить à la russe (такъ какъ русскіе), обѣдаетъ въ пять часовъ, какъ у насъ въ Россіи, чокается со всѣми, однимъ словомъ, онъ умориteленъ. По его словамъ, его поразили на свѣтѣ только двѣ вещи: Петербургъ и Симплонъ. Вотъ приблизительно все, что я могу сказать о немъ».

Зима 1832—1833 года принесла княгинѣ много непріятнаго. Съ тѣхъ поръ какъ отношенія между Англіей и Россіей стали натянуты изъ-за восточныхъ дѣлъ, лордъ Пальморстонъ началъ опасаться вліянія Россіи на востокѣ, ея честолюбивыхъ замысловъ и возможнаго раздѣла Турціи, по соглашенію съ Австріей. Онъ подозрѣвалъ Россію въ двуличной политикѣ по отношенію къ Голландіи, не могъ скрыть своего неудовольствія и по поводу усмиренія возстанія въ Польшѣ. Въ то время какъ лордъ Грей, довольный благосклоннымъ пріемомъ, оказаннымъ въ Петербургѣ его зятю, утѣшалъ себя вновь установившимися дружественными отношеніями между нимъ и русскимъ императоромъ, Пальмерстонъ лелѣялъ въ душѣ иные планы и дѣйствовалъ въ совершенно противуположномъ направленіи.

Весьма важнымъ вопросомъ для будущихъ отношеній Великобританіи и Россіи былъ выборъ посланника въ Петербургъ на мѣсто лорда Гейтесбери (Heytesbury), который еще въ 1832 г. просилъ объ отозваніи его по причинѣ разстроеннаго здоровья. Уже въ то время, какъ лордъ Дургамъ находился въ Петербургѣ, дѣлами англійскаго посольства завѣдывалъ временно повѣренный въ дѣлахъ великобри-

танскаго правительства сэръ Блай (Bligh), и графъ Нессельроде тогда же выразилъ Дургаму желаніе, чтобы Гейтесбери вернулся въ Россію. О томъ же онъ просилъ похлопотать и княгиню Ливенъ. Она, со своей стороны, просила Грея и Пальмерстона и получила согласіе.

Но лордъ Гейтесбери рѣшительно отказался отъ своего поста, и Ливенъ узнала, что кандидатами на его мѣсто считались сэръ Робертъ Эдайръ (Adair) и Стратфордъ Каннингъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ, извѣстный своими симпатіями къ туркамъ и полякамъ.

Нессельроде, узнавъ о предполагаемомъ выборѣ, тотчасъ написалъ Ливенъ:

«Не допускайте только, чтобы назначали Каннинга, это человѣкъ невозможный: подозрительный, обидчивый, недовѣрчивый. Въ добавокъ онъ былъ невѣжливъ по отношенію къ государю, когда онъ былъ еще великимъ княземъ въ Англіи [1]), короче сказать, его не примутъ, поэтому желателенъ былъ бы кто-либо другой».

Императоръ не хотѣлъ и слышать о Каннингѣ и, будучи знакомъ съ его политикой въ Константинополѣ, выразился о немъ, что «это человѣкъ, который видитъ измѣну подъ каждымъ стуломъ».

Ливенъ передала все это Пальмерстону и заключила изъ разговора съ нимъ, что Каннингъ не будетъ посланъ въ Петербургъ, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро Ливенъ прочла, къ своему глубочайшему негодованію, въ оффиціальной газетѣ о назначеніи Стратфорда Каннинга посланникомъ къ петербургскому Двору.

Ударъ, нанесенный этимъ княгинѣ Ливенъ, былъ таковъ, что полученное ею еще ранѣе отъ своего двора приглашеніе пріѣхать лѣтомъ 1833 г. въ Петергофъ было для нея весьма кстати. Она была довольна уѣхать временно изъ Лондона и вмѣстѣ съ тѣмъ лично объяснить императору тѣ затрудненія, какія ей не удалось преодолѣть.

24-го іюня (6-го іюля) 1833 г. княгиня увѣдомила Грея о благополучно совершенномъ переѣздѣ моремъ и писала ему изъ Петергофа:

«Вамъ, быть можетъ, уже извѣстно, что я встрѣтила императора въ морѣ, и что онъ предложилъ мнѣ тотчасъ перейти на его судно. Онъ осыпалъ меня милостями; удостоилъ меня своего довѣрія и дружбы. Я постоянно вижу запросто его и императрицу и всей душою наслаждаюсь оказаннымъ мнѣ пріемомъ, ибо невозможно, видя вблизи простоту, счастье и веселость, которыя царятъ въ этой семьѣ, и зная высокія качества императора, не быть расположенной къ нему всею душою. Словомъ, дѣйствительность превзошла, въ этомъ отношеніи, всѣ мои ожиданія.

[1]) Каннингъ не сдѣлалъ ему визита.

«Что касается утомленія, которое я здѣсь испытываю, то оно превосходитъ все то, что мнѣ предсказывали; я съ утра до вечера не имѣю ни минуты покоя: смотры, пріемы, празднества, обѣды, прогулки, балы и по четыре туалета въ день! Тропическая жара и полнѣйшая неизвѣстность относительно того, что мнѣ предстоитъ дѣлать слѣдующія четверть часа. Можете себѣ представить, какъ все это подходитъ мнѣ!

«1-го (13-го) іюля, день рожденія императрицы, Петергофъ представлялъ волшебное зрѣлище:

«Голубое море, сотни прелестныхъ фонтановъ и каскадовъ, чудныя темныя аллеи, старинный позолоченный дворецъ на вершинѣ холма,—и все это оживлено блестящимъ Дворомъ.

«Картина, по истинѣ волшебная. Вечеромъ иллюминація всего сада, 200 тысячъ цвѣтныхъ фонариковъ и двухтысячная толпа, которая любовалась ими.

«Вотъ это не похоже на вашъ скучный Лондонъ и на вашу непокорную палату лордовъ».

Впрочемъ, немноголюдныя собранія были для княгини болѣе привлекательны, нежели большіе пріемы и празднества.

«Я обѣдаю въ такихъ случаяхъ за столомъ, накрытымъ на четыре персоны, съ императоромъ, императрицей и принцемъ Альбертомъ, ея братомъ.

«Ничто не можетъ быть уютнѣе этого и интереснѣе для меня. Мои бесѣды съ императоромъ касаются всегда серьезныхъ вещей и чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Россія никогда не имѣла монарха, который бы болѣе жаждалъ мира, болѣе желалъ жить со всѣми въ добромъ согласіи и былъ убѣжденъ въ томъ, что дружественныя отношенія къ Англіи всего нужнѣе для обѣихъ странъ.

«Я мало встрѣчала людей, одаренныхъ такимъ логическимъ, положительнымъ и практическимъ умомъ, какъ императоръ».

Несмотря на удовольствіе, доставленное Ливенъ пребываніемъ въ Петергофѣ, всѣ ея личныя привязанности были въ Англіи; она возвращалась туда съ несказанной радостью, не подозрѣвая, что ея пребываніе въ излюбленной странѣ не могло быть продолжительнымъ».

По пріѣздѣ въ Лондонъ, наслаждаясь сознаніемъ, что она снова у себя дома, въ кругу близкихъ и друзей, Ливенъ часто вспоминала Петербургъ и въ особенности императора Николая; «вспоминала каждое его слово, каждый его жестъ» и съ особеннымъ удовольствіемъ передавала въ Петербургъ всякій сочувственный о немъ отзывъ. Вскорѣ по пріѣздѣ она была приглашена въ Виндзоръ, гдѣ король съ любопытствомъ и интересомъ разспрашивалъ объ ея поѣздкѣ.

«Онъ засыпалъ меня вопросами,—писала Ливенъ брату [1]),—интересовался самыми пустяшными подробностями, спрашивалъ, на какомъ мѣстѣ императоръ сидитъ за столомъ, какъ долго продолжается обѣдъ, подается-ли на дессертъ мороженое прежде другихъ сластей, какъ въ Англіи или же послѣ, и никакъ не могъ взять въ толкъ, что его подаютъ послѣднимъ.

Всѣ эти вопросы заняли съ полчаса, затѣмъ начался другой рядъ вопросовъ.

— Ухаживаетъ ли императоръ за женщинами?

— Да, ваше величество.

— Ревнуетъ ли его императрица?

— Нѣтъ, такъ какъ императоръ всегда посвящаетъ ее въ свои тайны, когда сердце его бываетъ затронуто.

— А! я это очень одобряю.

«Мы бесѣдовали, впрочемъ, и о многомъ другомъ, и все, что онъ говорилъ мнѣ, доказываетъ его здравое сужденіе. Его принципы въ главныхъ чертахъ вполнѣ сходны съ нашими: онъ также высоко ставитъ монархическую власть, ненавидитъ новыя идеи и одобряетъ прежнюю политику, которая сблизила оба двора; онъ никогда не былъ поклонникомъ Франціи и въ особенности ненавидитъ современную Францію.

«На-дняхъ я болтала съ Талейраномъ и вспоминала съ нимъ объ императорѣ Александрѣ. Между прочимъ онъ замѣтилъ:

«Императоръ Александръ хотѣлъ проявить свою власть — это не всегда удобно; императоръ Николай показываетъ кулакъ—это гораздо дѣйствительнѣе». Повторяю вамъ эти слова, такъ какъ нахожу, что это вѣрно и сказано удачно.

«Въ Лондонѣ провелъ нѣсколько дней американскій посланникъ въ Петербургѣ Бухананъ (Buchanan) [2]); Пальмерстонъ былъ весьма любезенъ съ нимъ. Это добрый малый, который высказываетъ откровенно свои мысли; онъ говоритъ о нашемъ императорѣ, что это великій и могущественный монархъ и «очень умный и честный человѣкъ». Передаю вамъ этотъ отзывъ республиканца; онъ высказанъ не особенно изящно и изысканно, но тѣмъ болѣе пріятенъ».

Послѣ поѣздки въ Петербургъ положеніе Ливенъ въ Лондонѣ было нѣсколько натянуто; Пальмерстонъ былъ озлобленъ отказомъ императора принять Каннинга и по-прежнему не могъ простить княгинѣ ея участія въ этомъ дѣлѣ.

Къ тому же, и лондонское общество, не особенно сочувствовавшее Россіи послѣ усмиренія польскаго возстанія, отнеслось къ ней еще вра-

---

[1]) Письмо А. Х. Бенкендорфу 13-го (25-го) августа 1833 г.

[2]) Письмо А. Х. Бенкендорфу, 12-го (24-го) сентября 1833 г.

ждебнѣе, когда въ „Morning Herald"'ѣ появилось 9-го (21-го) августа извѣстіе о подписаніи Ункіаръ-Скелесскаго договора.

Пальмерстонъ тотчасъ склонилъ свое правительство усилить флотъ въ Средиземномъ морѣ и убѣдилъ Францію протестовать противъ этого договора.

Это настолько обострило взаимныя отношенія, что въ исходѣ 1833 г. въ Лондонѣ сильно поговаривали о возможности войны.

По словамъ Гревиля, княгиня Ливенъ говорила заносчиво, что Россія не желаетъ войны, но и не боится ея; что Англія приняла послѣднее время такой оскорбительный тонъ, что Россіи ничего не остается, какъ отвѣчать съ чувствомъ собственнаго достоинства. Она говорила что Англія напрасно думаетъ, что, дѣйствуя совмѣстно съ Франціей, она можетъ угрожать всей Европѣ и что ближайшимъ послѣдствіемъ войны будетъ паденіе Людовика-Филиппа. Княгиня жаловалась также на рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, и на отзывы газетъ о Россіи, которыми императоръ и его дворъ были чрезвычайно возмущены.

Такимъ образомъ къ началу 1834 г. отношенія Англіи къ Россіи и въ частности отношенія гр. Ливенъ къ англійскому кабинету были самыя натянутыя.

Отношенія между обѣими державами за это время сильно испортились. Князя Ливена обвиняли въ томъ, что онъ умышленно сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы еще болѣе запутать ихъ, а княгиня Ливенъ встрѣтила въ лицѣ Пальмерстона безпощаднаго противника, который послѣ неудавшагося назначенія Каннинга рѣшилъ удалить русскаго посла и его супругу.

Прошелъ цѣлый годъ съ отъѣзда изъ Петербурга Гейтесбери, а министръ и не думалъ назначить кого бы то ни было посломъ въ Петербургъ. Тогда русскій дворъ счелъ себя вынужденнымъ отозвать князя Ливена изъ Лондона.

Это извѣстіе было для княгини тяжелымъ ударомъ.

«Вы могли себѣ представить,—писала она брату 29-го апрѣля (11-го мая) 1834 г.,—какое впечатлѣніе произведетъ на меня извѣстіе, привезенное генеральнымъ консуломъ Букгаузеномъ (Buckhausen). Полная перемѣна карьеры, всѣхъ привычекъ, всего окружающаго послѣ двадцати четырехъ-лѣтняго пребыванія здѣсь—событіе серьезное въ жизни. Говорятъ, что человѣкъ сожалѣетъ даже о тюрьмѣ, въ которой онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Поэтому мнѣ простительно сожалѣть о прекрасномъ климатѣ, прекрасномъ общественномъ положеніи, комфортѣ и роскоши, подобныхъ которымъ я нигдѣ не найду, и друзей, которыхъ я имѣла внѣ политическаго міра.

«Англійское правительство отнеслось къ намъ весьма любезно и

предложило намъ судно до Гамбурга или Петербурга [1]). Я еще не рѣшила, приму-ли я это предложеніе или нѣтъ. Къ счастью, это предложено намъ первымъ лордомъ адмиралтейства однимъ изъ нашихъ давнихъ друзей; если бы это предложеніе было сдѣлано Пальмерстономъ, то я не колеблясь ни минуты отказалась бы отъ него».

Лордъ Грей и княгиня Ливенъ были поражены неожиданной перемѣной, происшедшей въ ихъ жизни. Для главы кабинета положеніе было, разумѣется, тяжелое; его симпатіи были на сторонѣ Ливенъ, но могъ-ли онъ пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Мысль о разлукѣ съ женщиной—пишетъ онъ,—которая была всегда такъ добра ко мнѣ и къ которой я искренно привязанъ, причиняетъ мнѣ невыразимое горе. Я никогда не забуду о томъ счастіи, которое мнѣ доставляло ваше общество. Я никогда не перестану сожалѣть о томъ, что я потерялъ васъ. Я знаю, въ какой степени я могу разсчитывать на вашу доброту и расположеніе, и каждое слово, коимъ вы доказываете мнѣ то и другое, еще болѣе усиливаетъ привязанность, которую вы мнѣ внушили».

Ливенъ еще разъ имѣла случай поздравить своего друга съ одержанной имъ парламентской побѣдой, но едва успѣла она послать ему привѣтствіе, какъ узнала объ его отставкѣ. Вѣчный ирландскій вопросъ былъ причиною распущенія кабинета, и Грей подалъ въ отставку.

По странному совпаденію оба друга оставили свои посты одновременно, но для одного это было облегченіемъ (онъ былъ очень старъ), а для другой это было одно отчаяніе.

„Повторяю вамъ еще разъ письменно увѣреніе въ моей неизмѣнной, нѣжной привязанности,—писала Ливенъ Грею;—мнѣ кажется даже, что я люблю васъ еще больше; я чувствую это, хотя не умѣю выразить».

Не прошло и мѣсяца, какъ Ливенъ, съ горькимъ сожалѣніемъ покинувъ Англію, послала своему другу привѣтъ изъ Гамбурга:

«Прощайте, вспоминайте меня чаще, пишите мнѣ, любите меня; передайте лэди Грей тысячу привѣтствій отъ меня, я не имѣю силъ писать ей... я умираю отъ усталости и грусти».

„Прощайте! прощайте!!“

Двѣ недѣли спустя княгиня Ливенъ была уже въ Петербургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

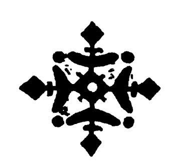
[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 4-го (16-го) іюля 1834 г.

Учрежденіе особой военной коммиссіи.

Указъ Сенату.

6-го марта 1762 г.

Съ того времени, какъ регулярство и военная дисциплина дѣйствительно заведены въ войскахъ нашихъ, Имперія наша и большую гораздо знатность и новое расширеніе получила. Но какъ почти всѣ европейскіе государи, а особливо съ нѣкотораго времени, неутомленное прилагаютъ стараніе, войска свои, сколько можно, въ лучшее состояніе приводить, то въ двухъ неоспоримыхъ истинахъ признаться надобно: первое, что военное знаніе и ремесло во многомъ весьма перемѣнились и гораздо бо̀льшаго достигли совершенства; и второе, что и долгъ насъ обязуетъ и внутренно чувствуемъ мы превеликое, но справедливое удовольствіе, прилагать всевозможные къ тому труды и старанія, чтобъ, приведя Имперію нашу въ цвѣтущее состояніе, поставить и военную нашу силу сколь можно въ лучшее еще и для пріятелей почтительнѣйшее, а для непріятелей страшное состояніе. То за потребно разсудили мы, для достиженія сего намѣренія учредить нарочную военную коммиссію, а главную дирекцію оной, на насъ самихъ сымаемъ; членами же оной опредѣляемъ: его высочество Голштинскаго принца Георгія, нашего любезнаго дядю, яко генерала-фельдмаршала, генерала-фельдмаршала кн. Трубецкаго, генерала-фельдмаршала принца Голштейнбекскаго, генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, генерала-прокурора и генерала-кригсъ-коммиссара Глѣбова, генералъ-поручика Мельгунова и нашего генералъ адъютанта барона Унгорна».



Письма декабриста И. Горбачевскаго — князю Е. П. Оболенскому.

1.

Петровскій заводъ 1860 г., ноября 17-го дня.

Если бы что-нибудь на меня упало, и сильно придавило, я бы, кажется, меньше былъ встревоженъ, оглушенъ, меньше бы былъ удивленъ, нежели получивши твое письмо, мой дорогой любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Вообрази, что, взявши письмо изъ рукъ почтальона, я по надписи на конвертѣ узналъ твой почеркъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки, и пробѣжавши глазами письмо, я тогда только отдохнулъ. Если бы ты зналъ и всѣ тамъ живущіе, что значитъ для меня теперь получить письмо изъ Россіи, ты писалъ бы ко мнѣ по своему участію цѣлыя кипы писемъ. Я до сихъ поръ какъ будто въ сомнѣніи,—тамъ-ли вы живете, и можетъ-ли это быть? Часто гляля здѣсь на наше прежнее жилище, вы всѣ для меня теперь какіе-то миѳы; грусть приходитъ не отъ мрачнаго этого свидѣтеля, доселѣ существующаго, но, думая,—жившіе когда-то здѣсь,—гдѣ они? Гдѣ ихъ искать? Когда ихъ увидишь? Вотъ вопросы, безпрестанно роющіеся въ моей головѣ. И рѣдко кто изъ васъ подастъ мнѣ голосъ;—этотъ отголосокъ и составляетъ теперь единственное утѣшеніе въ моей тревожной, грустной и одинокой жизни.

Благодарю тебя душевно, сердечно, мой Евгеній Петровичъ—за твое письмо, не могу выразить словами чувство благодарности за твою память обо мнѣ; будь увѣренъ въ искренности моихъ словъ, и я увѣренъ, что ты повѣришь моей радости слышать о тебѣ и о твоемъ семействѣ,—радуюсь, что ты живъ, здоровъ и существуешь. Думаю, что мнѣ къ тебѣ писать? и какъ отвѣчать на твои вопросы? Много придется пи-

*

сать, но возможно ли это въ письмѣ, тѣмъ болѣе—вспомни,—сколько времени прошло со дня нашей разлуки.—Ты спрашиваешь, женатъ-ли я? Во всѣхъ отношеніяхъ—нѣтъ и нѣтъ,—и говорю тебѣ правду,—очень сожалѣю, что такъ пришлось жить; холостая старость ужасна,—скучно и будущаго нѣтъ; можетъ быть, я избавился этимъ многихъ тревогъ, но за то, что за жизнь настоящая и будущая,—теперь никому не совѣтую быть въ старости не женатымъ. Что же касается до моей жизни собственно, то скажу тебѣ, что живу или сижу на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ гвоздь забитъ въ дерево,—не могу двинуться съ мѣста,—такія мои обстоятельства и такое положеніе. Куда ѣхать? и на какія деньги это возможно сдѣлать,—трудно выдумать, да еще при такой дороговизнѣ; искать же оказіи, просить я не могу,—для меня это тяжко, даже отвратительно. Сестра моя живетъ въ Петербургѣ при дѣтяхъ, въ Малороссіи всѣ умерли; конечно, будь способы, поѣхалъ бы туда хоть подышать тамошнимъ воздухомъ, но это «не наша ѣда лимоны», какъ нѣкогда писалъ ко мнѣ В. Лв. Давыдовъ. Твой привѣтъ отдалъ отцу Поликарпу; онъ твое письмо читалъ и перечитывалъ. Онъ любитъ тебя и очень часто вспоминаетъ, просилъ меня убѣдительно тебѣ кланяться и свидѣтельствовать свое почтеніе, просилъ тебѣ написать, что въ семействѣ у него всѣ живы, здоровы; что второй его сынъ Александръ на Амурѣ, въ Благов. (Благовѣщенскѣ), старшимъ священникомъ и миссіонеромъ, и твой крестникъ Евгеній тамъ же. От. Поликарпъ хранитъ твои вещи—кресло, столъ, шкапъ, и это составляетъ его драгоцѣнность. Ты спрашиваешь тоже о нашемъ заводѣ,—послѣ тебѣ опишу, теперь ни времени, ни мѣста въ письмѣ нѣтъ. Читалъ я тоже въ твоемъ письмѣ о вашихъ надеждахъ на улучшеніе крестьянскаго быта и начала гражданской жизни, о которой когда-то мы мечтали. Прости меня великодушно, мой Евгеній Петровичъ, за мое невѣріе; рѣшительно не только сомнѣваюсь, но даже рѣшительно не вѣрю ни вашей гласности, ни вашему прогрессу, ни даже свободѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ, все это мнѣ кажется болтовня праздныхъ людей, у которыхъ нѣтъ ни желанія, ни воли сдѣлать другимъ добро; и что можетъ быть изъ такого порядка вещей, гдѣ люди въ своемъ дѣлѣ сами и судьи.

Прощай, Евгеній Петровичъ, желаю тебѣ здоровья и всего лучшаго,—пиши ко мнѣ, я буду съ удовольствіемъ тебѣ отвѣчать; тебѣ преданный

Иванъ Горбачевскій.

(Приписка). На-дняхъ я получилъ письмо отъ Наталіи Дмитріевны[1]; какъ я ей благодаренъ,—на слѣдующей почтѣ буду и къ ней писать. Буду и къ тебѣ писать,—будетъ о чемъ поговорить.

---

[1]) Фонъ-Визинъ.

Твоей супругѣ мое глубочайшее почтеніе и мой усердный поклонъ; я надѣюсь, что ты меня съ ней познакомилъ, дѣтямъ твоимъ мой сердечный привѣтъ.

2.

Петровскій заводъ, Забайкальской области, 1861 г., іюля 17-го дня.

Не умѣю, какъ тебѣ выразить мою искреннюю и душевную благодарность, мой Евгеній Петровичъ, за твое письмо отъ 7-го февраля и мною полученное 3-го іюня. Какъ ни былъ обрадованъ твоимъ письмомъ, но меня тоже удивило, что твое письмо такъ долго путешествовало. Да здравствуетъ почтовое вѣдомство! Напримѣръ, я живу отъ Мих. Бестужева всего 178 верстъ и получаю письма чрезъ двѣ недѣли! Если ты не будешь свои письма надписывать въ Петровскомъ заводѣ въ Забайкальскую область, и то большими буквами, то твои письма пойдутъ въ Петровскъ, Саратовской губ. или въ Петрозаводскъ, Олонецкой губерніи или даже въ Петропавловскій портъ, въ Камчатку,—это я говорю по собственному опыту,—изъ всѣхъ такихъ мѣстъ получаются здѣсь письма, но надписаны изъ Россіи въ Петровскій заводъ. Вотъ аккуратность и забота объ исполненіи своихъ обязанностей русскихъ почтмейстеровъ.

У васъ, говорятъ, идетъ въ Россіи какой-то прогрессъ, чему я плохо вѣрю, но почему же этотъ прогрессъ не сдѣлаетъ, чтобы вмѣсто нынѣшнихъ почтмейстеровъ сидѣли бы на ихъ мѣстахъ люди? Ты пишешь, если бы мы встрѣтились и проч. Если бы мы встрѣтились и ночью, я бы, кажется, тебя узналъ, такъ я помню всѣхъ, и мнѣ все кажется, что вы всѣ тамъ въ Россіи ничуть не перемѣнились, хотя знаю, что въ этомъ ошибаюсь. Ты тоже пишешь, что по временамъ мы будемъ повѣщать другъ друга, я готовъ къ тебѣ писать цѣлые томы,—лишь бы тебѣ этимъ не наскучить, и прошу тебя, спрашивай о чемъ хочешь. Вѣроятно, ты и держишь свое слово, пишешь ко мнѣ, но только не такъ выходитъ,—мои письма, тобою ко мнѣ писанныя, получаетъ ихъ какой-то Андрей Петровичъ, а я получаю Андрея Петровича письма, т. е. къ нему тобою писанныя,—а жаль мнѣ, что такъ случилось,—время потеряно. Посылаю къ тебѣ обратно и письмо и конвертъ—въ удостовѣреніе.—Мое здѣсь единственное утѣшеніе, получать и писать письма къ старымъ моимъ товарищамъ по тюрьмѣ и по мыслямъ. Многихъ уже нѣтъ,—и теперь меня безпокоитъ положеніе Ал. Викт. Поджіо,—онъ ко мнѣ писалъ, что у него водяная болѣзнь, и до сихъ поръ не имѣю объ немъ никакого извѣстія. Напиши мнѣ, что съ нимъ дѣлается? Я не помню, чтобы я писалъ, что будто бы я отказываюсь къ тебѣ писать о Петровскомъ заводѣ, я, можетъ быть, отложилъ это до

другаго времени. Если тебѣ интересно знать, то теперь скажу тебѣ кое-что. Не думай, чтобы были какія-либо перемѣны, перемѣны существенныя и радикальныя,—нѣтъ подобнаго ничего, все по-старому; не знаю, что будетъ впередъ. И вотъ съ 11-го апрѣля здѣсь объявлена свобода труда, обязательная работа уничтожена, но все еще продолжается старая съ малыми перемѣнами, въ ожиданіи новыхъ правилъ и узаконеній; вообще народъ принялъ такую перемѣну очень хладнокровно, даже съ какимъ-то сомнѣніемъ, говоря: много намъ было и прежде читано, а все мы работали день и ночь, что будетъ, посмотримъ. Жилище наше въ заводѣ существуетъ; получивши твое письмо, я нарочно сходилъ на другой день его посмотрѣть и посмотрѣть твой № каземата. Долго я стоялъ въ твоемъ № и около того мѣста, гдѣ стоялъ твой столъ и твое кресло,—многое тутъ я вспомнилъ, взялъ изъ стѣны гвоздикъ, на которомъ висѣлъ портретъ твоей сестры, принесъ домой и его сохраняю,—прикажешь, я тебѣ его пришлю. Но вообрази, выходя изъ твоей комнаты, мнѣ бросился въ глаза твой столикъ въ коридорѣ, на которомъ ты всегда обѣдалъ, онъ до сихъ поръ стоитъ. Насоновъ Дм. Ив. тутъ же со мною былъ, сказалъ:

— Вотъ столикъ Евг. Петровича, я бывало ему принесу обѣдать, а вы съ Ив. Ив. Пущинымъ у него все съѣдите.

Я чуть не лопнулъ отъ смѣха, когда онъ мнѣ это сказалъ.

— Отчего же мы у него ѣли, когда ты и намъ приносилъ обѣдать? спросилъ я нарочно.

— А вотъ видите (его поговорка) вамъ принесу скоромное, и вамъ уже мясо и супъ надоѣли, а ему принесу рыбу, вамъ съ Пущинымъ въ охотку—вы у него все и съѣдите; вотъ видите—да.

— А онъ, Евг. Петр., сердился на насъ за это, что мы его голоднымъ оставляли?

— Можетъ-ли быть, чтобы Евг. Петр. сердился? Можетъ-ли это быть? Да бывало я напьюсь пьянымъ, да и совсѣмъ ему не принесу обѣдать, онъ и за то никогда не сердился... Евг. Петр. сердился,—продолжалъ онъ ворчать про себя—никогда.

Тутъ я вынулъ твое письмо изъ кармана и показалъ ему. Онъ взялъ его въ руки, долго смотрѣлъ на него, и все его переворачивалъ, задумавшись.

— Да вы будете писать къ нему?

— Непремѣнно,—сказалъ я.

— Такъ напишите ему отъ меня: вотъ видите, онъ меня благословилъ, когда я женился, онъ мой отецъ, напишите, что у меня три сына и одна дочь дѣвочка: живу бѣдно и сталъ старикъ, однимъ глазомъ не вижу, и не могу на охоту ходить и стрѣлять, вотъ видите, все это ему напишите.

Я ему далъ слово все исполнить. Тутъ же просилъ меня написать о немъ и къ П. Ник. Свистунову, у котораго онъ прежде служилъ, но я оставляю это до удобнаго случая. Послѣ съ нимъ зашли мы въ казематъ Пущина, мой № и, наконецъ, въ крайній, въ которомъ жилъ Штейнгель, а потомъ онъ, Насоновъ, и онъ тутъ многое воспоминалъ. Тѣ два отдѣленія, которыя вправо отъ входа воротъ, теперь заняты арестантами, прочія всѣ пусты, и все, что осталось отъ насъ изъ мебели казенной, все до сихъ поръ такъ и стоитъ. Деревья, посаженныя Мухановымъ во II отдѣленіи, сдѣлались уже большія,—все заросло травой, мракъ и пустота, холодъ и развалина; все покривилось, а особливо лѣвая сторона, стойла разбиты, одни рѣшетки и толстые запоры желѣзные противятся времени. Не достаетъ тутъ одного,—нашихъ кандаловъ, грудь у меня всегда стѣсняется, когда я тамъ бываю, сколько воспоминаній, сколько и потерь я пережилъ, а этотъ гробъ и могила нашей молодости или молодой жизни существуетъ. Какъ это было построено для насъ, за что? И кому мы всѣ желали зла? Вы всѣ давно отсюда уѣхали, у васъ всѣ впечатлѣнія изгладились, но мое положеніе совсѣмъ другое, имѣвши всегда предъ глазами этотъ памятникъ нѣжной заботливости о насъ. Ты скажешь, зачѣмъ я сержусь? Я знаю, что ты всегда молился Богу и за своихъ враговъ, но это мнѣ не мѣшаетъ высказать тебѣ мои чувства.

Вѣроятно, тебѣ любопытно было бы знать о дѣтяхъ, о которыхъ ты заботился, бывши самъ въ тюрьмѣ, которыхъ ты училъ, кормилъ, одѣвалъ; всѣ они здравствуютъ и все помнятъ, и твое имя произносятъ съ желаніемъ тебѣ счастья и здоровья. Викторъ Янчуковскій теперь служитъ помощникомъ начальника Нерчинскаго завода въ чинѣ подполковника. Балуганскіе одинъ секретаремъ (старшій) въ какомъ-то судѣ, дѣлаетъ большое пособіе матери своей, которая жива и живетъ до сихъ поръ на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ томъ же домѣ, гдѣ и при тебѣ жила па Птанцѣ; другой сынъ служитъ на Амурѣ, тоже хорошо живетъ. Алексѣевъ теперь у насъ здѣсь въ заводѣ секретаремъ въ конторѣ, чиновникъ и отличный человѣкъ, о прочихъ скажу тебѣ послѣ, теперь спѣшу писать. Вообрази: тѣ люди, которые при насъ служили, всѣ живы и тебѣ усерднѣйше кланяются: отецъ Поликарпъ хотѣлъ къ тебѣ писать, а твои письма всегда беретъ домой, уноситъ отъ меня и тамъ читаетъ; потомъ тебѣ кланяется да-съ, да-съ. Ив. Ив. Первоухинъ, дряхлый уже старикъ, нашъ стражъ бывшій и живая хроника о всѣхъ насъ; его конекъ во всѣхъ разсказахъ о быломъ времени. Послѣ него, конечно, слѣдуетъ Дм. Ив. Насоновъ, онъ даже знаетъ до сихъ поръ, сколько отъ кого получалъ денегъ на водку, и когда бы ни пришелъ ко мнѣ, всегда у насъ разговоръ о васъ.

Вотъ еще скажу тебѣ обстоятельство. Кто бы ни пріѣхалъ сюда

въ заводъ, всѣ просятъ меня съ собой сходить въ казематъ, чтобы я показалъ, гдѣ кто жилъ, что дѣлалъ и проч. Эта работа для меня, признаюсь тебѣ, тягостна, но такое любопытство у этихъ господъ, что говоришь имъ и разсказываешь по цѣлымъ часамъ, и все имъ мало. Какой-то джентльменъ петербургскій всѣ подобралъ перья въ твоемъ №, вѣроятно, тобою брошенныя, подобралъ потомъ всѣ бумажки и всѣ ихъ положилъ въ свой бумажникъ; какой-то генералъ, сослуживецъ Якубовича, вырвалъ всѣ гвоздики изъ стѣнъ въ его казематѣ; одинъ чиновникъ выкопалъ изъ земли столикъ, поставленный въ кустахъ на дворѣ II отдѣленія, на которомъ пила чай жена Ивашева, и увезъ съ собою. Не могу тебѣ всего кончить, сколько было подобныхъ продѣлокъ и сценъ, которые когда-нибудь тебѣ опишу. Послѣдняго путешественника я водилъ по нашимъ казематамъ недавно, это былъ писатель Максимовъ. Мнѣ очень жаль, что я не имѣлъ времени съ нимъ побольше потолковать, а человѣкъ серьезный и умный, онъ ѣхалъ, кажется, съ Амура. Въ домѣ Александры Григорьевны Муравьевой теперь казарма солдатъ; въ домѣ Давыдовой казарма ссыльныхъ; въ домѣ Трубецкихъ квартира управляющаго заводомъ. Въ домѣ Анненкова контора; въ домѣ Волконскихъ школа; въ домѣ Натальи Дмитріевны фонъ-Визинъ живетъ священникъ о. Поликарпъ; домъ Ивашева занятъ квартирою для дьякона здѣшняго, который меня убѣдительно просилъ тебѣ кланяться. Когда я его спросилъ: почему онъ тебя знаетъ, онъ сказалъ: что когда Евгеній Петровичъ ѣздилъ въ Удинскъ, то онъ всегда останавливался у моей матери на квартирѣ, а я былъ въ то время мальчикомъ и отъ Евгенія Петровича получалъ иногда гостинцы; онъ очень хорошій человѣкъ, и, противъ обыкновенія всѣхъ дьяконовъ, трезвый человѣкъ. Домъ Нарышкиныхъ и Юшневскаго упали и развалены; въ домѣ Барятинскаго, гдѣ онъ больной лежалъ, и гдѣ мы около него по очереди дежурили, живетъ урядникъ.

Что забылъ тебѣ сказать и не успѣлъ тебѣ написать, спрашивай, на все тебѣ дамъ отвѣтъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ я былъ сильно нездоровъ своимъ всегдашнимъ недугомъ геmороемъ; докторъ мнѣ посовѣтовалъ дорогу на перекладныхъ вмѣсто всякаго лѣкарства, я взялъ подорожную, съѣздилъ въ Селенгинскъ къ Михаилу Бестужеву и выздоровѣлъ. Нельзя себѣ представить, не видѣвши глазами своими, какъ онъ постарѣлъ: сѣдой, морщины кругомъ, глаза какіе-то оловянные сдѣлались вмѣсто бывшихъ черныхъ; онъ хочетъ ѣхать въ Россію, но когда это будетъ, неизвѣстно, ожидаетъ оттуда писемъ—куда именно ѣхать. Дѣти его ростутъ, а ихъ надобно учить, вотъ причина его переселенія; я былъ у него всего четыре дня и не умолкали—все говорили день и ночь, и еще не кончили. Завалишинъ Дмитрій въ Читѣ, тоже желалъ бы умереть въ Рос-

сіи, но обстоятельства его худы и не можетъ этого исполнить. Онъ бодръ, здоровъ, пишетъ, споритъ, говоритъ много и хорошо, но жаль одного, что его доходы очень скудны.

Если уѣдутъ Бестужевъ и Завалишинъ въ Россію, я одинъ останусь въ восточной Сибири, по крайней мѣрѣ, я больше не знаю, кто живетъ здѣсь. Я останусь одинъ и буду сидѣть на развалинахъ; я и самъ развалина не лучше Карѳагена; но и со мной бываетъ слабость даже не простительная: я иногда мечтаю о своей Малороссіи, и тоскую по ней, и чѣмъ дѣлаюсь старѣе, тѣмъ болѣе дѣлается одиночество мое скучнѣе и грусть одолѣваетъ. Одно спасеніе въ моей жизни настоящей, это чтеніе—безъ этого я давно бы пропалъ. Мнѣ странно кажется и иногда спрашиваю самъ себя, какъ эти люди живутъ и что имъ чудится, послѣ Читы, Петровскаго завода, Итонцы и проч. И послѣ всего этого жить въ Москвѣ, въ Калугѣ и далѣе и далѣе. Какія должны быть впечатлѣнія, воспоминанія, а свиданье съ родными, съ старыми знакомыми, для меня все это кажется фантазія, мечта. Я бы съѣздилъ и на Амуръ, чудный край, отлагая въ сторону тамошніе порядки, но тоже не могу, на это тоже надобны средства. Что я написалъ, читай, если время тебѣ позволяетъ.

Привѣтъ мой сердечный твоимъ дѣтямъ, мое глубочайшее почтеніе твоимъ роднымъ и ближнимъ, мой душевный поклонъ, кто съ тобою меня вспомнитъ. Ко мнѣ писалъ дважды Пав. Серг. Бобрищевъ-Пушкинъ и пересталъ писать. Что онъ дѣлаетъ? Не слыхалъ-ли что-нибудь объ А. Викт. Поджіо, напиши мнѣ, я отъ него давно не имѣю писемъ. Жму тебѣ руку, обнимаю тебя душевно и сердечно. Прошу тебя пиши ко мнѣ, только не ошибайся, когда печатаешь письма. Ваши письма, истинно говорю тебѣ, мое единственное здѣсь утѣшеніе. Твой навсегда

Иванъ Горбачевскій.

Вотъ въ чемъ дѣло: написалъ къ тебѣ письмо и, не довѣряя исправности почтъ, пославши простое письмо, я рѣшился послать тебѣ при письмѣ посылку, гвоздикъ, мною вынутый изъ стѣны твоего каземата, огниво мое, произведеніе Петровскаго завода, сдѣланное изъ памятнаго тебѣ желѣза, и когда укладывалъ посылку Насоновъ, то приложилъ тебѣ въ подарокъ и свой кремень, вынувши изъ своего кармана; мы совѣтуемъ тебѣ: брось эти спички, употребляй огниво наше. Да еще прошу тебя убѣдительно, пришли мнѣ свой портретъ, у меня многихъ есть портреты, твоего только нѣтъ, нѣтъ нужды, что ты теперь старикъ.

3.

Петровскій заводъ. 1862 г. января 18-го дня.

Мой любезнѣйшій, дорогой мой Евгеній Петровичъ! Прости великодушно, что пропустилъ два мѣсяца и не отвѣчалъ тебѣ; я твое письмо

получилъ 18-го ноября,—оно было съ деньгами для Д. Насонова. Отъ 28-го сентября, вмѣстѣ же съ твоимъ письмомъ, получилъ я и отъ княгини Наталіи Петровны и на которое съ прошедшей почтой отвѣчалъ. Не знаю, какъ благодарить, не нахожу словъ, какъ выразить мою благодарность за ваши письма. Вѣроятно, оцѣнишь мою радость по опыту когда вспомнишь, гдѣ я живу, и что значитъ въ такомъ быту имѣть такое утѣшеніе. Одно меня печалитъ—это молчаніе Александра Викторовича (Поджіо), — знавши, что онъ боленъ, не знаешь, что думать; давно я отъ него не получалъ писемъ. Прошу тебя, когда будешь ко мнѣ писать, скажи мнѣ о немъ подробнѣе. Также не забудь мнѣ написать о здоровьи Павла Сергѣевича; ужъ если пришлось тебя просить, то напиши мнѣ, что Кирѣевъ дѣлаетъ, нашелъ-ли онъ своихъ родныхъ и какъ онъ будетъ жить. На-дняхъ я получилъ изъ Москвы дорогую для меня посылку и вижу, что эта посылка прислана отъ Наталіи Дмитріевны. Я получилъ отъ нея книги, но ужасно жалѣю, что отъ нея нѣтъ письма; меня это мучитъ и безпокоитъ, почему нѣтъ письма? Сколько было послано книгъ и какія именно, все это мнѣ неизвѣстно, а между тѣмъ видно, что ящикъ и печать иркутскіе. Книги для меня очень интересныя, давно я подобныхъ серьезныхъ не читалъ. Журналы русскіе, газеты, все это такъ наскучило, что теперь присланными книгами я упиваюсь и запиваюсь. Какъ я ей благодаренъ за это, несказанно, а все же жалѣю, что письма нѣтъ. Подожду почты двѣ, три— не буду къ ней писать, авось не получу-ли письма. Не худо, если бы ты мнѣ прислалъ ея адресъ, куда къ ней писать. Она писала ко мнѣ, что свои имѣнія она продала; гдѣ же теперь она живетъ—не знаю. Вотъ сколько я тебѣ, мой Евгеній Петровичъ, задалъ вопросовъ, теперь буду отвѣчать и на твои.

Ты ко мнѣ писалъ и спрашивалъ о состояніи памятника покойной Алексан. Григор. Муравьевой. Онъ стоитъ, и все сдѣлано, относительно его починки, по просьбѣ Софіи Никитич., но вотъ въ чемъ дѣло: лампада не горитъ, по недостатку масла, а масла нѣтъ, какъ мнѣ сказалъ о. Поликарпъ, оттого, что не достаетъ денегъ на покупку масла же. Не знаю, въ какомъ банкѣ лежатъ деньги, т. е. капиталъ, и при прежнихъ процентахъ и дешевизнѣ масла, было достаточно этихъ процентовъ, чтобы лампада горѣла круглый годъ, но теперь банкъ уменьшилъ проценты, кажется, даютъ теперь два, или три только процента—слѣдовательно, денегъ не достаетъ на покупку масла, которое теперь здѣсь вздорожало до неслыханной цѣны. Я сегодня получилъ отъ здѣшняго бухгалтера записку, вотъ тебѣ копія: «къ 1-му числу января 1862 года вступило суммы, принадлежащей умершей А. Г. Муравьевой, 56 руб. $56^{1}/_{2}$ коп. серебр. Изъ этого въ 1862 году употребится:

На жалованье сторожамъ . . .	6 р. 84	к.
Священникамъ за панихиды . . .	7 » 14	»
Затѣмъ остается на освѣщеніе въ 1862 году	42 » 58½	»

Староста церковный, казначей, коммиссаръ и о. Поликарпъ говорятъ, что на эти деньги нѣтъ возможности цѣлый годъ освѣщать масломъ памятникъ; да и посмотри счетъ, бѣднымъ сторожамъ приходится очень мало.

Сегодня былъ у меня о. Поликарпъ и сказалъ мнѣ: чтобы лампа(да) горѣла цѣлый годъ безпрерывно, какъ это желали завѣщатели,—то непремѣнно надобно лампу устроить иначе,—надобно, чтобы лампа была больше, чтобы она могла вмѣщать въ себѣ болѣе масла и чтобы она могла сама собой нагрѣваться; отъ сильной стужи и морозовъ теперешняя лампа гаснетъ безпрестанно, и не можетъ горѣть зимою; слѣдовательно, надобно будетъ покупать еще болѣе масла и затѣмъ болѣе издержекъ. Вотъ тебѣ объясненіе на твой вопросъ, кому знаешь объ этомъ и сообщи, если это надобно. Также ты спрашиваешь о нашей церкви,—бѣдная и бѣдная, ризъ порядочныхъ даже нѣтъ, паникадила нѣтъ и проч. и проч.; къ тому же ужасно холодно. Относительно вѣры и исполненія своего долга, нашъ о. Поликарпъ очень даже рѣдкій священникъ, всѣ его хвалятъ, но за то никакого понятія о благолѣпіи храма, никакого вкуса въ обстановкѣ; ему—грошевая свѣча и рублевая, гдѣ надобно, риза самая простая и золотая, лучшіе пѣвчіе и дьячекъ, который реветъ, хоть уши затыкай, ему—все это равно,—удивительно! Читаетъ безпрестанно и очень любознательный и любопытствующій, но все это на него не имѣетъ никакого вліянія, и онъ тотъ же, чѣмъ былъ и тогда, когда ты здѣсь былъ. Бѣдный о. Поликарпъ! Въ ноябрѣ мѣсяцѣ выдалъ старшую свою дочь замужъ за Дмитр. Дмитр. Старцова, котораго ты зналъ, при насъ здѣсь торговалъ—братъ родной Ильинской Катер. Дмитр., и что же, ѣхавши съ молодою женою домой къ себѣ въ Селенгинскъ, простудился, сдѣлалась скоропостижная чахотка и, какъ пишутъ, умираетъ, уже пріобщали и соборовали масломъ; бѣдная Харіеса Поликарпова чрезъ три мѣсяца уже и вдова.—Желательно было бы, чтобы тѣ, которые объ этомъ изъ Селенгинска пишутъ, ошиблись.

Признаюсь тебѣ, чистосердечно, что я немножко посмѣялся надъ твоими заботами съ крестьянами и съ уставными грамотами. Что такое уставныя грамоты, я не понимаю, неужто безъ нихъ нельзя жить; да и какъ же, здѣсь въ Сибири живутъ безъ всякихъ грамотъ крестьяне и живутъ не хуже вашихъ россійскихъ. Впрочемъ, мое невѣжество моему удивленію причиною, впрочемъ, я увѣренъ, что ты всевозможныя напишешь имъ грамоты, лишь бы они были довольны и счастливы. Но прошу тебя убѣдительно, пиши что-нибудь объ этомъ предметѣ ко мнѣ,

вѣдь для меня это любопытнѣйшая вещь, что у васъ тамъ дѣлается. Ты спрашиваешь о Михайлѣ Бестужевѣ и Завалишинѣ. Первый живетъ въ Селенгинскѣ, женатъ, имѣетъ сына и двухъ дочерей; жена его урожденная Селиванова. Михаилъ Бестужевъ мнѣ говорилъ, что хочетъ ѣхать въ Россію, и именно потому, что дѣти ростутъ, а ихъ надобно же учить. Онъ хочетъ отправиться нынѣшнимъ годомъ, но не знаетъ, гдѣ будетъ жить. Хотѣлось бы ему куда-нибудь поближе къ учебнымъ заведеніямъ. Завалишинъ въ Читѣ, давно уже овдовѣлъ, дѣтей нѣтъ, но живетъ въ томъ же домѣ, который помнишь-ли и при насъ былъ, когда мы тамъ были; вообрази, старуха Смолянинова еще жива, по крайней мѣрѣ я слышалъ объ этомъ лѣтомъ отъ того, кто ее видѣлъ. Онъ (Завалишинъ) много нажилъ себѣ враговъ чрезъ свои статьи объ Амурѣ, чиновный людъ на него разсердился; но что замѣчательно: кому не дадутъ награды, тотъ говоритъ, что Завалишинъ говоритъ правду, смѣшно смотрѣть на всѣ подобныя дѣла.

Вопросъ твой о моей жизни оставляю до будущей почты,—ты мнѣ столько вопросовъ сдѣлалъ, что надобно десять листовъ писать,—поклонись отъ меня усердно и засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе Наталіи Петровнѣ, дѣтей твоихъ обнимаю сердечно заочно; желаю тебѣ здоровья и всѣхъ возможныхъ успѣховъ по твоимъ дѣламъ. Пиши ко мнѣ, прошу тебя объ этомъ особенно, не забывай, что я одинъ въ Сибири: скука и тоска меня одолѣваютъ, не смотря даже на привычку жить столько на одномъ мѣстѣ. Буду къ тебѣ писать, и ежели хочешь, буду писать много, о многомъ, мнѣ хотѣлось бы у тебя спросить много и къ тебѣ бы написалъ, но не знаю, что будетъ впередъ, будетъ ли время и мнѣ и тебѣ.

Прощай, мой Евгеній Петровичъ, не лѣнись, пиши ко мнѣ, твой навсегда Ив. Горбачевскій.

Насоновъ получилъ твои деньги, и благодаритъ такъ, какъ я не умѣю передать, только часто слышалъ повтореніе, когда онъ тутъ же другимъ говорилъ: «вотъ-съ, да-съ, Евгеній Петровичъ меня не забылъ, видите-съ», и проч. и проч.

Забылъ тебѣ написать: 30-го и 31-го числа декабря у насъ было сильное землетрясеніе, у меня печь треснула, у многихъ двери сами собой отворились, но все это ничего въ сравненіи, что сдѣлалось около Байкала въ Иркутскѣ и въ Удинскѣ. Объ этомъ послѣ скажу.

Сообщ. **Княгиня М. Г. Оболенская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. **Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.

ТОМЪ СТО ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. Длусская . . . . 21—37, 321—340.
II. Записки Э. И. Стогова . . 51—66, 383—395.
III. Воспоминанія стараго кадета С. фонъ-Дерфельдена . . . . 75— 84.
IV. Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг. (извлеченіе изъ его воспоминаній) . . . 215—232.
V. Изъ дневника П. Г. Дивова . . . . 233—239.
VI. Въ Рущукскомъ отрядѣ (воспоминанія И. И. Венедиктова) Сообщ. Серг. Манассеинъ. 281—297.
VII. Воспоминанія участника въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго *** . . . . 519—540

Портреты.

I. Портретъ Эразма Ивановича Стогова.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ Александры Петровны Струйской (урожден. Озеровой).
(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго.
(При 9-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Царство Польское послѣ вѣнскаго контресса. Сеймъ 1820 г. П. Майкова	5— 20
II.	Высочайшая благодарность Академіи художествъ за сооруженіе Казанскаго собора 24-го сентября 1811 года	38
III.	П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ: Мартыновъ и Максимовъ. (окончаніе) В. И. Шенрока	39— 45
IV.	О не печатаніи статей, относящихся до крестьянъ. 2-го марта 1821 г.	46
V.	Графъ Аракчеевъ передъ поѣздкою за границу въ 1826 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. . . .	47— 49
VI.	Порядокъ выговоровъ губернаторамъ. 10-го января 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. . .	50
VII.	Три письма декабриста Н. Цебрикова къ Евгенію Петровичу Оболенскому. Сообщ. княг. М. Г. Оболенская.	67— 70
VIII.	Эпизодъ изъ жизни Даля. П. Столпянскаго.	71— 73
IX.	Награда архимандр. Фотію. 31-го іюля 1822 г.	74
X.	Четыре письма М. М. Сперанскаго	85— 88
XI.	Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ . . 89—105, 349—382,	597—634
XII.	О назначеніи бригадира де-Бресана президентомъ Мануфактуръ-коллегіи. 9-го іюня 1762 г. . .	106
XIII.	Путешествіе императора Павла I по Россіи въ 1797—1798 гг. Сообщ. А. В. Безродный. .	107—114
XIV.	Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . 115—135,	439—456
XV.	По поводу просьбы Штиглица о возведеніи братьевъ его въ дворянское достоинство. 25-го мая 1816 г. Празднованіе дня рожденія императора Александра II. 21-го мая 1818 г.	136
XVI.	Цензура въ царствованіе императора Николая I. 405—437,	137—157 641—666
XVII.	Увѣдомленіе объ открытіи военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ. 16-го іюня ст. ст. 1812 г.. . . .	158
XVIII.	Значеніе Андруссовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточной Европы. П. Головачева.	159—166
XIX.	О народномъ просвѣщеніи и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи. (Двѣ записки А. Каменскаго) .	167—194
XX.	Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ. И. Кубасова.	195—214
XXI.	Дополненіе къ ст. «Декабристы на Кавказѣ». Г. А. Т.	240
XXII.	Папа Левъ XIII. (Біографическій очеркъ.) П. Майкова.	241—263

СТРАН.

XXIII. Кто далъ имя императору Александру II. 17-го апрѣля 1818 г. 264
XXIV. Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева, проф. Е. Боброва. . . . . 265—280, 481—496
XXV. Стихотвореніе въ честь А. С. Шишкова. 15-го марта 1811 года. Любителя русскаго слова 298
XXVI. Письма императрицы Маріи Өеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. . . . . . 299—319
XXVII. Виллокъ и А. С. Пушкинъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ 1820 г. Сообщ. Е. Вейденбаумъ. 320
XXVIII. Изъ исторіи польскаго возстанія 1863 г. А. Миловидова. . . . . 341—346
XXIX. Бродяга. (Стихотвореніе.) А. И. С—ва. . . . 398
XXX. Основаніе Красносельскаго театра. М. Щепкина . . . . 399—403
XXXI. О нестѣсненіи обывателей гор. Москвы при отводѣ квартиръ для свиты государя, 20-го сентября 1818 года. 404
XXXII. Послѣдствія для проповѣдника о вольности крестьянъ, 11-го іюля 1818 г. 438
XXXIII. О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. (Три собственноруч. записки В. Н. Каразина, представленныя гр. Кочубею, по его приказанію, въ январѣ 1820 года) . . . . . . 457—465
XXXIV. Благодарность митроп. Амвросію. 30-го декабря 1813 года 466
XXXV. Графъ П. К. Сухтеленъ. (Его характеристика по шведскимъ источникамъ). Сообщ. С. Варадель . . . . 467—477
XXXVI. По поводу статьи «Декабристы на Кавказѣ». А. Карасева. 478
XXXVII. Посылка Петра Беклемишева во Флоренцію въ 1716 году. Сообщ. В. В. Еропкина . . . 479—480
XXXVIII. Дополнительныя замѣтки и матеріалы къ «Жизни графа Сперанскаго». Сообщ. И. А. Бычковъ . 497—518
XXXIX. Императоръ Николай I (историческая характеристика) П. . . . . 541—557
XL. Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 г. Сообщ. Н. Д. 558
XLI. Семейство Самойловыхъ. В. И. Шенрока. . 559—576
XLII. В. Ө. Раевскій. (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. В. Раевскій. . . . . 577—583
XLIII. О разрѣшеніи А. И. Герцену пріѣзжать въ Петербургъ. Сообщ. А. В. Безродный. . . . 584
XLIV. И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ. Н. Гутьяра . . . . 585—595

СТРАН.

XLV. Высочайшее повелѣніе, чтобы въ каждомъ домѣ въ С.-Петербургѣ были вырыты колодцы . . . 596
XLVI. Башня Марины Мнишекъ. Сообщ. Г. Синюхаевъ . . . . 635—639
XLVII. Рескриптъ Императора Александра г-жѣ Коховской 640
XLVIII. Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 г. (дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго). П. Матвѣева. . . . . 667—690
XLIX. Княгиня Д. А. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами . . . . 691—705
L. Учрежденіе особой военной коммиссіи 706
LI. Письма декабриста И. Горбачевскаго—князю Е. П. Оболенскому . . . . 707—716
LII. Систематическое оглавленіе 115-го тома . . . 717—720

Библіографическій листокъ.

1. Великій Князь Николай Михаиловичъ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ второй. С.-Петербургъ. 1903 г. — Н. И. Кашкадамова (на обертке іюльской книги).

2. А. А. Сидоровъ. Польское восстаніе 1863 г. Историческій очеркъ. Съ портретами и снимками съ медалей. С.-Петербургъ. Изд. Карбасникова. 1903 г. 256 стр. Ц. 1 р. 50 к. А. Н—скаго (тамъ же).

3. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Комитетъ Министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія Государя Императора Николая Александровича (1894 г. 21-го октября—1902 г. 8-го сентября). Составлено помощникомъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ Н. И. Вучичемъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изд. Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1903 г. Н. И. Кашкадамова (на обертке августовской книги).

4. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902 гг.). Томъ I. Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета. Н. И. Кашкадамова (на обертке сентябрской книги).

5. Изъ рукописнаго собранія Одесской городской публичной библіотеки. Т. I. Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ. Изданіе гр. М. М. Толстого, подъ редакціей М. Г. Попруженко. Одесса 1903 г. Его же. (Тамъ же).

Вскорѣ послѣ этого, Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на содержаніе православной церкви при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, мнѣніемъ положилъ: „отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1896 г., на содержаніе православной церкви при этомъ университетѣ по 700 руб. въ годъ, не прекращая отпуска суммы въ 500 руб., ассигнованной по дѣйствующему штату названнаго университета на вознагражденіе профессора православнаго богословія за исполненіе духовныхъ требъ". Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 1-й день января 1896 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Около того же времени указомъ Св. Синода открыта при университетской церкви одна псаломщицкая вакансія съ содержаніемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

Н. К-ш-ъ.

Изъ рукописнаго собранія Одесской городской публичной библіотеки. Т. I. Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ. Изданіе гр. М. М. Толстаго, подъ редакціей М. Г. Попружeнко. Одесса, 1903 г.

Въ Одесской городской публичной библіотекѣ, въ теченіе ея почти 75-ти-лѣтняго существованія, образовалось довольно значительное собраніе различныхъ рукописныхъ матеріаловъ, среди которыхъ многіе весьма цѣнны и могутъ быть небезполезны при изученіи русской исторіи и литературы.

Сдѣлать что-либо изъ этихъ матеріаловъ доступнымъ для общаго пользованія до послѣдняго времени не представлялось возможнымъ. Только въ текущемъ году библіотека, благодаря щедрости своего попечителя графа М. М. Толстаго, получила средства для изданія нѣкоторыхъ изъ названныхъ матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ рукописнаго собранія Одесской городской публичной библіотеки".

Въ первомъ выпускѣ этого изданія напечатаны письма И. С. Тургенева къ Л. Н. Стечькиной и Л. Я. Стечькиной, которая, нуждаясь въ поддержкѣ и въ совѣтахъ при своихъ литературныхъ занятіяхъ, обратилась въ началѣ 1878 г. съ письмомъ къ И. С. Тургеневу, съ которымъ и находилась въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ въ перепискѣ и въ личныхъ сношеніяхъ. Благодаря этимъ сношеніямъ, съ И. С. Тургеневымъ познакомилась и мать Л. Я. Стечькиной,—Л. Н. Стечькина, которая также переписывалась съ нимъ.

Всѣхъ писемъ 65, и они напечатаны съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ; нѣкоторыя изъ нихъ снабжены подстрочными примѣчаніями М. Г. Попруженко.

Приведемъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ писемъ Тургенева. Въ первомъ своемъ письмѣ отъ 18-го (30-го) марта 1878 г., онъ, между прочимъ, писалъ Любови Яковлевнѣ: „я вашей повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ" не читалъ, но помню — довольно, впрочемъ, смутно, что по ея поводу была полемика въ газетахъ. Полемика эта, вѣроятно, теперь позабыта и не помѣшала бы появленію вашего новаго труда въ одномъ изъ „толстыхъ" журналовъ. Изо всѣхъ этихъ журналовъ я состою въ сношеніяхъ только съ „Вѣстникомъ Европы" и переписываюсь съ редакторомъ, г. Стасюлевичемъ".

Вотъ какъ отзывается Иванъ Сергѣевичъ о литературныхъ работахъ Л. Я. Стечькиной: „я прочелъ вашу повѣсть и вотъ что имѣю сказать вамъ: у васъ талантъ несомнѣнный, оригинальный, живой и даже поэтическій, но „Кривыя деревья" печатать не слѣдуетъ... Вы пишете славнымъ языкомъ, несмотря на изрѣдка попадающіеся галлицизмы („фасонъ, которымъ было сшито это платье, давалъ чувствовать" и т. д.). Описанія ваши прелестны, рельефны, просты, жизненны. Всякій разъ, когда вы касаетесь природы,—у васъ выходитъ прелестно — и тѣмъ болѣе прелестно, что вы всего кладете два, три штриха, но характерныхъ. И въ психологической работѣ надо также поступать. Въ этомъ умѣніи класть характерные штрихи — я вижу вашъ поэтическій даръ. Словомъ, изъ васъ можетъ выдти писатель очень крупный, у васъ на то всѣ данныя".

„О себѣ скажу вамъ,—пишетъ Тургеневъ 15-го (27-го) ноября 1878 г., — что мое здоровье продолжаетъ быть удовлетворительнымъ, что я ничего не дѣлаю — и даже не снялъ съ себя фотографію, которой хотѣлъ замѣнить ту дурную, посланную вамъ. Не скажу, чтобы это бездѣйствіе было вполнѣ извинительно, но оно понятно въ старикѣ. Въ ваши годы и съ вашимъ талантомъ оно было бы точно непозволительно".

2-го (14-го) іюня 1879 г. И. С. Тургеневъ писалъ: ...„ѣду же я въ Англію, — ибо совершенно неожиданно получилъ извѣстіе, что Оксфордскій университетъ производитъ меня, за мои „литературныя заслуги"—въ доктора естественнаго права! Честь великая—едва-ли я не первый русскій, ее заслужившій, но какъ, почему! Я до сихъ поръ понять не могу! То-то, я воображаю, на меня прогнѣваются иные господа въ любезномъ отечествѣ!"

„Италіанскія почты, — заявляетъ онъ въ письмѣ 8-го (20-го) іюня 1882 г.,—знамениты въ цѣломъ свѣтѣ своимъ безобразіемъ; но у меня въ рукахъ осталась росписка здѣшняго почтамта, и въ случаѣ неполученія я могу распорядиться. Что касается до моей болѣзни, то она все въ томъ же положеніи, и надежды на выздоровленіе по-прежнему очень слабы".

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

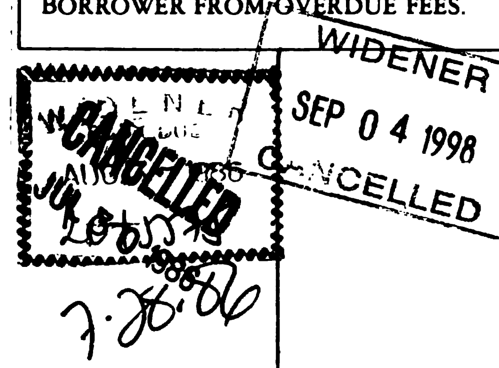
Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на обертке журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.


CANCELLED
WIDENER
SEP 0 4 1998